

Чарльз Диккенс

Домби и сын

Чарльз Диккенс

Домби и сын

«Public Domain»

1848

Диккенс Ч.

Домби и сын / Ч. Диккенс — «Public Domain», 1848

Произведение дается в дореформенном алфавите. «Домби сидѣлъ въ углу закрытой комнаты въ большихъ креслахъ подлѣ постели, а сынъ, тепло закутанный, лежалъ въ плетеной корзинкѣ, осторожно поставленной на софѣ, подлѣ камина, передъ самымъ огнемъ. Домби-отцу было около сорока восьми лѣтъ; сыну – около сорока восьми минутъ. Домби былъ немножко плѣшивъ, немножко красенъ, мужчина вообще очень статный и красивый, хотя слишкомъ суровый и величавый. Сынъ былъ совершенно плѣшивъ, совершенно красенъ, ребенокъ, нечего сказать, прелестный и милый, хотя немножко сплюснутый и съ пятнами на тѣлѣ. Время и родная сестра его забота – эти безжалостные близнецы, безъ разбору опустошающіе свои человѣческія владѣнія – уже проложили на челѣ Домби нѣсколько роковыхъ замѣтокъ, какъ на деревѣ, назначенномъ для срубки; лицо сына было исковеркано множествомъ небольшихъ складокъ, но коварное время тупой стороной своей гуляющей косы готовилось выравнять и выгладить для себя новое поле, чтобы впослѣдствіи проводить по немъ глубокія борозды...»

Содержание

Часть первая	6
Глава I. Домби и Сынъ	6
Глава II	13
Глава III	20
Глава IV	28
Глава V	36
Глава VI	48
Глава VII	63
Глава VIII	67
Глава IX	82
Глава X	92
Глава XI	101
Глава XII	111
Глава XIII	123
Глава XIV	131
Глава XV	148
Глава XVI	158
Глава XVII	162
Глава XVIII	170
Часть вторая	183
Глава XIX	183
Глава XX	192
Глава XXI	201
Глава XXII	208
Глава XXIII	219
Глава XXIV	232
Глава XXV	240
Глава XXVI	246
Глава XXVII	257
Глава XXVIII	268
Глава XXIX	275
Глава XXX	283
Глава XXXI	292
Глава XXXII	303
Глава XXXIII	315
Глава XXXIV	324
Глава XXXV	332
Глава XXXVI	339
Глава XXXVII	345
Глава XXXVIII	351
Глава XXXIX	355
Глава XL	366
Глава XLI	377
Глава XLII	385
Часть третья	397
Глава XLIII	397

Глава XLIV	403
Глава XLV	412
Глава XLVI	418
Глава XLVII	427
Глава XLVIII	440
Глава XLIX	449
Глава L	461
Глава LI	474
Глава LII	481
Глава LIII	492
Глава LIV	503
Глава LV	511
Глава LVI	520
Глава LVII	536
Глава LVIII	542
Глава LIX	553
Глава LX	568
Глава LXI	578
Глава LXII	587

Чарльз Диккенс

Домби и сын

Часть первая

Глава I. Домби и Сынъ

Домби сидѣлъ въ углу закрытой комнаты въ большихъ креслахъ подлѣ постели, а сынъ, тепло закутанный, лежалъ въ плетеной корзинкѣ, осторожно поставленной на софѣ, подлѣ камина, передъ самымъ огнемъ.

Домби-отцу было около сорока восьми лѣтъ; сыну – около сорока восьми минутъ. Домби былъ немножко плѣшивъ, немножко красенъ, мужчина вообще очень статный и красивый, хотя слишкомъ суровый и величавый. Сынъ былъ совершенно плѣшивъ, совершенно красенъ, ребенокъ, нечего сказать, прелестный и милый, хотя немножко сплюснутый и съ пятнами на тѣлѣ. Время и родная сестра его забота – эти безжалостные близнецы, безъ разбору опустошающіе свои человѣческія владѣнія – уже проложили на челѣ Домби нѣсколько роковыхъ замѣтокъ, какъ на деревѣ, назначенномъ для срубки; лицо сына было исковеркано множествомъ небольшихъ складокъ, но коварное время тупой стороной своей гуляющей косы готовилось выравнивать и выгладить для себя новое поле, чтобы впослѣдствіи проводить по немъ глубокія борозды.

Домби отъ полноты душевнаго наслажденія самодовольно побрякивалъ золотою часовою цѣпочкой, свѣсившейся изъ-подъ синяго фрака, котораго пуговицы, при слабыхъ лучахъ разведеннаго огня, свѣтились какимъ-то фосфорическимъ блескомъ. Сынъ лежалъ въ своей люлькѣ съ поднятыми маленькими кулаками, какъ будто вызывая на бой самоуправную судьбу, подарившую его неожиданнымъ событіемъ.

– Домъ нашъ съ этихъ поръ, м-сь Домби, – сказалъ м-ръ Домби, – не по имени только, а на дѣлѣ будетъ опять: Домби и Сынъ, Домби и Сынъ!

И эти слова имѣли на родильницу такое успокоительное дѣйствіе, что м-ръ Домби противъ обыкновенія пришелъ въ трогательное умиленіе и рѣшилъ, хотя не безъ нѣкотораго колебанія, прибавить нѣжное словечко къ имени жены: "не правда ли, м-сь моя... моя милая?"

Мимолетный румянецъ слабаго изумленія пробѣжалъ по блѣдному лицу больной женщины, не привыкшей къ супружескимъ нѣжностямъ. Она робко подняла на мужа глаза.

– Мы назовемъ еіо Павломъ, моя мил... м-сь Домби, не правда ли?

Больная въ знакъ согласія пошевелила губами и снова закрыла глаза.

– Это имя его отца и дѣда, – продолжалъ м-ръ Домби. – О, если бы дѣдъ дожилъ до этого дня!

Тутъ онъ немного пріостановился и затѣмъ снова повторилъ: "Доммби и Сынъ"!

Эти три слова выражали идею всей жизни м-ра Домби. Земля сотворена была для торговыхъ операций Домби и Сына. Солнце и луна предназначены для освѣщенія ихъ дѣлъ. Морямъ и рѣкамъ повелѣно носить ихъ корабли. Радуга обязывалась служить вѣстницей прекрасной погоды. Звѣзды и планеты двигаются въ своихъ орбитахъ единственно для того, чтобы въ исправности содержать систему, центромъ которой были: Домби и Сынъ. Обычныя сокращенія въ англійскомъ языкѣ получали въ его глазахъ особое значеніе, выражая прямое отношеніе къ торговому дому Домби и Сынъ. А. D. вмѣсто Anno Domini¹, м-ръ Домби читалъ Anno Dombey and Son.

¹ Отъ Рождества Христова. *Примѣчаніе ред.*

Какъ раньше его отецъ на пути жизни и смерти возвысился отъ Сына къ Домби, такъ и онъ теперь былъ единственнымъ представителемъ фирмы. Вотъ ужъ десять лѣтъ онъ женатъ; его жена, какъ говорили, не принесла въ приданое дѣвственнаго сердца: счастье бѣдной женщины заключалось въ прошедшемъ, и, выходя замужъ, она надѣялась успокоить растерзанную душу кроткимъ и безропотнымъ исполненіемъ суровыхъ обязанностей. Впрочемъ, эта молва никогда не достигала до ушей самодовольнаго супруга, да, еслибъ и достигла, м-ръ Домби ни за что на свѣтъ не повѣрилъ бы безумнымъ и дерзкимъ сплетнямъ. Домби и Сынъ часто торговали кожами; но женскія сердца ни разу не входили въ ихъ коммерческія соображенія. Этотъ фантастическій товаръ оставляли они мальчикамъ и дѣвочкамъ, пансіонамъ и книгамъ. Насчетъ супружеской жизни понятія м-ра Домби были такого рода: всякая порядочная и благоразумная женщина должна считать для себя величайшею честью брачный союзъ съ такой особой, какъ онъ, представитель знаменитой фирмы. Надежда произвести на свѣтъ новаго сочлена для такого дома должна подстрекнуть честолюбіе всякой женщины, если только есть въ ней честолюбіе. М-съ Домби, заключая брачный контрактъ, вполне понимала всѣ эти выгоды и потомъ съ каждымъ днемъ на дѣлѣ могла видѣть свое высокое значеніе въ обществѣ. Она за столомъ сидѣла всегда на первомъ мѣстѣ и вела себя, какъ подобаешь знатной дамѣ. Стало быть, м-съ Домби совершенно счастлива. Иначе и быть не можетъ.

Но, разсуждая такимъ образомъ, м-ръ Домби охотно соглашался, что для полноты семейнаго счастья требовалось еще одно весьма важное условіе. Вотъ уже десять лѣтъ продолжалась его супружеская жизнь; но вплоть до настоящаго дня, когда м-ръ Домби величаво сидѣлъ подлѣ постели въ большихъ креслахъ, побрякивая тяжелою золотою цѣпочкой, высокіе супруги не имѣли дѣтей.

То есть, не то, чтобы вовсе не имѣли: есть у нихъ дитя, но о немъ не стоитъ и упоминать. Это – маленькая дѣвочка лѣтъ шести, которая невидимкой стояла въ комнатѣ, робко забившись въ уголь, откуда пристально смотрѣла на лицо своей матери. Но что такое дѣвочка для Домби и Сына? ничтожная монета въ огромномъ капиталѣ торговаго дома, монета, которую нельзя пустить въ оборотъ, и больше ничего.

Однако-жъ, на этотъ разъ чаша наслажденія для м-ра Домби была уже слишкомъ полна, и онъ почувствовалъ, что можетъ удѣлить изъ нея двѣ-три капли, чтобы вспырнуть пыль на тропинкѣ своей маленькой дочери.

– Подойди сюда, Флоренса, – сказалъ о. нъ, – и посмотри на своего братца, если хочешь, да только не дотрагивайся до него.

Дѣвочка быстро взглянула на синій фракъ и бѣлый стоячій галстухъ отца, но, не сказавъ ни слова, не сдѣлавъ никакого движенія, снова вперила глаза въ блѣдное лицо своей матери.

Въ эту минуту больная открыла глаза и взглянула на дочь. Ребенокъ мгновенно бросился къ ней и, стоя на цыпочкахъ, чтобы лучше скрыть лицо въ ея объятіяхъ, прильнулъ къ ней съ такимъ отчаяннымъ выраженіемъ любви, какого нельзя было ожидать отъ этого возраста.

– Ахъ, Господи! – сказалъ м-ръ Домби, поспѣшно вставая съ кресель. – Какая глупая ребяческая выходка! Пойду лучше, позову доктора Пепса. Пойду, пойду. – Потомъ, остановившись у софы, онъ прибавилъ: – мнѣ нѣтъ надобности просить васъ, м-съ...

– Блоккитъ, сэръ, – подсказала нянька, сладенькая, улыбающаяся фигурка.

– Такъ мнѣ нѣтъ надобности просить васъ, м-съ Блоккитъ, чтобы вы особенно заботились объ этомъ юномъ джентльменѣ.

– Конечно, нѣтъ, сэръ. Я помню, когда родилась миссъ Флоренса...

– Та, та, та, – сказалъ м-ръ Домби, нахмуривъ брови и наклоняясь надъ люлькой. – Миссъ Флоренса – совсѣмъ другое дѣло: все хорошо было, когда родилась Флоренса. Но этотъ молодой джентльменъ призванъ для высокаго назначенія: не такъ ли, мой маленькій товарищъ?

Съ этими словами м-ръ Домби поднесъ къ губамъ и поцѣловаль ручку маленькаго товарища; но потомъ, испугавшись, по-видимому, что такой поступокъ несообразенъ съ его достоинствомъ, довольно неловко отошелъ прочь.

Докторъ Паркеръ Пепсъ, знаменитый придворный акушеръ, постоянный свидѣтель приращенія знатныхъ фамилій, ходилъ по гостиной взадъ и впередъ, съ сложенными назадъ руками, къ невыразимому наслажденію домашнего врача, который въ послѣднія шесть недѣль протрубилъ всѣмъ своимъ паціентамъ, пріятелямъ и знакомымъ, что вотъ того и гляди м-съ Домби разрѣшится отъ бремени, и его, по поводу этого событія, пригласятъ вмѣстѣ съ докторомъ Паркеромъ Пепсомъ.

– Ну, что, сэръ, – сказала Пепсъ звучнымъ, басистымъ голосомъ, – поправилась ли сколько-нибудь ваша любезная леди при нашемъ присутствіи?

– Ободрилась ли она? – прибавилъ домашой врачъ и въ то же время наклонился къ знаменитому акушеру, какъ-будто хотѣлъ сказать: "извините, что я вмѣшиваюсь въ разговоръ, но случай этотъ важный".

М-ръ Домби совершенно потерялся отъ такихъ вопросовъ! Онъ почти вовсе не думаль о больной и теперъ не зналъ, что отвѣчать. Опомнившись, онъ проговорилъ, что докторъ Пепсъ доставить ему большое удовольствіе, если потрудится взойти наверхъ.

– Ахъ, Боже мой! – сказала Паркеръ Пепсъ. – Мы не можемъ больше отъ васъ скрывать, что ея свѣтлость герцогиня – прошу извинить: я перемѣшиваю имена, – я хотѣлъ сказать, что ваша любезная леди чувствуетъ чрезмѣрную слабость и во всемъ ея организмѣ замѣтно всеобщее отсутствіе эластичности, а это такой признакъ, котораго мы...

– Не хотѣли бы видѣть, – перебилъ домашой врачъ, почтительно наклонивъ голову.

– Именно такъ, – сказала Паркеръ Пепсъ, – этого признака мы не хотѣли бы видѣть. По всему замѣтно, что организмъ леди Кенкеби, – прошу извинить, я хотѣлъ сказать организмъ м-съ Домби, – но я всегда перемѣшиваю фамиліи паціентовъ.

– Еще бы, при такой огромной практикѣ! – бормоталь домашой врачъ. – Мудрено тутъ не смѣшивать. Докторъ Паркеръ Пепсъ знаменитый, велик...

– Очень вамъ благодаренъ, – прерваль докторъ. – Такъ я хотѣлъ замѣтить, что организмъ нашей паціентки выдержаль такое потрясеніе, отъ котораго, быть можетъ, она освободится; но для зтого необходимо съ ея стороны болыіое, крѣпкое и...

– Могучее, – добавилъ домашой врачъ.

– Именно такъ, – продолжалъ докторъ, – и могучее усиліе. М-ръ Пилькинсъ, по своему положенію врачебнаго совѣтника въ этомъ домѣ, а я увѣренъ, никто лучше его не можетъ выполнить этого назначенія

– Охъ! – пробормоталь домашой врачъ. – Удостоиться такой похвалы отъ знаменитаго придворнаго доктора Паркера Пепса!

– Вы слишкомъ добры, – возразилъ Паркеръ Пепсъ. – М-ръ Пилькинсъ, говорю я, по своему положенію домашняго врача, очень хорошо знаетъ организмъ паціентки въ ея нормальномъ состояніи, – а такое знакомство весьма важно въ настоящемъ случаѣ. Мы оба теперъ такого мнѣнія, что натура должна сдѣлать могучее усиліе, и если, сверхъ чаянія, наша интересная паціентка графиня Домби, – прошу извинить, – если м-съ Домби не...

– Не въ состояніи будетъ, – перебилъ домашой врачъ.

– Именно такъ. Если м-съ Домби не выдержитъ этого усилія, то въ такомъ случаѣ можетъ произойти опасный, очень опасный кризисъ, и послѣдствія его будутъ гибельны.

Нѣсколько секундъ эскулапы не говорили ни слова, опустивъ глаза въ землю. Потомъ, по нѣмому движенію доктора Пепса, они пошли на верхъ. Домашой врачъ почтительно отворяль двери передъ знаменитымъ собратомъ.

Мы будемъ несправедливы къ м-ру Домби, если скажемъ, что мнѣніе врачей не произвело на него никакого вліянія. Правда, онъ былъ вовсе не такой человѣкъ, чтобы могъ когда-либо

и отчего бы то ни было испытывать сильныя ощущенія; но если бы – чего Боже избави! – жена его вдругъ захворала и умерла, нѣтъ сомнѣнія, м-ръ Домби былъ бы очень огорченъ: тогда бы онъ почувствовалъ, что въ его хозяйствѣ недостаетъ одной изъ самыхъ драгоценныхъ мебели, и потеря ея была бы для него крайне чувствительна. Но само собою разумѣется, печаль его была бы холодная, спокойная джентльменская.

Между тѣмъ, какъ м-ръ Домби разсуждалъ объ этомъ предметѣ, размышленія его были прерваны поспѣшной ходьбой и шумомъ платья на лѣстницѣ. Вдругъ вбѣжала въ комнату женщина болѣе чѣмъ солидныхъ лѣтъ, но перетянутая въ ниточку и одѣтая по послѣдней модѣ, какъ молодая дама въ полномъ расцвѣтѣ юности и красоты. Лицо ея и вся фигура обличали сильное волненіе. Она стремительно бросилась къ нему на шею и сказала трогательнымъ голосомъ:

– Павелъ, милый мой Павелъ! Вѣдь онъ настоящій Домби!

– Что-жь тутъ мудренаго? – возразилъ братъ, – м-ръ Домби былъ братъ вбѣжавшей леди. – Фамильное сходство должно быть. Но отчего ты такъ встревожена, Луиза?

– Охъ, я знаю, что это глупо, – отвѣчала Луиза, усаживаясь на стулъ и вынимая платокъ изъ ридикюля, – но онъ настоящій вылитый Домби. Въ жизнь я не видала такого сходства.

– Но въ какомъ положеніи Фанни? – сказала м-ръ Домби. – Съ нею что дѣлается?

– Ничего, милый Павелъ, – отвѣчала Луиза, – рѣшительно ничего, повѣрь мнѣ, такъ-таки иросто ничего. Небольшое изнуреніе, истощеніе силъ, но ничего такого, что я вытерпѣла съ моимъ Жоржемъ или Фридерикомъ. Стоитъ ей немножко потерпѣть, – вотъ и все. О, если бы Фанни была Домби! Но я не сомнѣваюсь и даже увѣрена, что она сдѣлаетъ это усиліе, котораго отъ нея требуютъ: вѣдь она знаетъ, какъ это необходимо. – Ахъ, милый Павелъ, я вся взволнована, и дрожь проняла меня съ ногъ до головы: это глупо, очень глупо; но что дѣлать? Ужь я такъ создана. Вели мнѣ, пожалуйста, дать рюмку вина и перекусить что-нибудь. Я думала, что совсѣмъ упаду на лѣстницѣ, когда вбѣжала отъ Фанни и посмотрѣла на нашего крошечнаго пѣвунчика.

За этими словами, вызванными живѣйшимъ воспоминаніемъ о ребенкѣ, послышалась скромная походка, и кто-то слегка постучался въ дверь.

– М-съ Чиккъ, – проговорилъ ласковый женскій голосъ, – какъ вы себя чувствуете, моя милая?

– Любезный Павелъ, – тихонько сказала Луиза, вставая со стула, – это миссъ Токсъ, прекрасная, преинтересная дѣвица: мнѣ никогда бы не быть безъ нея здѣсь! Миссъ Токсъ, рекомендую вамъ – братъ мой, м-ръ Домби; Павелъ, милый Павелъ, – рекомендую: моя искренняя пріятельница, мой лучший другъ – миссъ Токсъ.

Отрекомендованная интересная дѣвица была длинная, сухощавая фигура съ такимъ увядшимъ лицомъ, какъ-будто щеки ея были когда-то натерты линючей краской, и эта краска мгновенно сбѣжала отъ дѣйствія воды и солнечныхъ лучей. Зато ее можно было назвать настоящей розой учтивости и добродушія. Отъ продолжительной привычки вслушиваться во все, что при ней говорили, и внимательно всматриваться въ фізіономію собесѣдниковъ, какъ-будто было у ней намѣреніе неизгладимо запечатлѣть въ душѣ ихъ портреты, голова ея совершенно склонилась на одну сторону. Ея руки получили судорожную привычку подниматься сами собою въ знакъ невольнаго удивленія; въ глазахъ постоянно отражалось это же чувство. Голосъ ея былъ самый нѣжный и вкрадчивый; на самой переносицѣ усѣлась у нея небольшая шишка, и огромный орлиный носъ ея, по этой причинѣ, никогда не вздергивался кверху.

Миссъ Токсъ одѣвалась богато и даже по модѣ, но въ ея платьѣ всегда замѣтна была какая-то скудость и оборванность. На шляпкѣ или чепчикѣ у ней всегда красовались разнокалиберныя цвѣточки, и волосы иной разъ убирались странными букетами. Любопытныя глаза замѣчали также, что на ея воротникахъ, манжетахъ, косынкахъ и вообще на всемъ, гдѣ долженъ быть узелъ, два конца никогда не сходились вмѣстѣ какъ слѣдуетъ, а торчали какъ-то стран-

нымъ образомъ. Зимой носила она разные мѣховые наряды, налантины, боа, муфты; но все это никогда не приглаживалось, и мѣхъ по обыкновенію тарачился въ разныя стороны. Она любила носить маленькіе кошельки съ замочками, стрѣлявшими на подобіе пистолетовъ всякій разъ, когда она ихъ заперала или когда они запирались сами собою; эти и другія подобныя принадлежности въ ея костюмѣ содѣйствовали къ распространенію мнѣнія, что миссъ Токсъ дама независимая во всѣхъ отношеніяхъ, и такое мнѣніе она при всякомъ случаѣ старалась обратить въ свою пользу. Ея мелкая, жеманная походка была также очень для нея выгодна: она раздѣляла обыкновенный шагъ на двѣ или на три части, и это, какъ думали, происходило оттого, что миссъ Токсъ привыкла изъ каждой вещи дѣлать возможно большее употребленіе.

– Увѣрю васъ, – сказала миссъ Токсъ, – я всегда считала за величайшую честь быть представленной м-ру Домби; но, признаюсь, никакъ не думала удостоиться такой чести въ эту минуту. Любезная, милая м-съ Чиккъ... или ужъ позвольте назвать васъ просто Луизой.

М-съ Чиккъ крѣпко пожала руку миссъ Токсъ, поставила рюмку вина, отерла слезу и трогательнымъ голосомъ произнесла: – благодарю, благодарю васъ!

– Милая Луиза, – продолжала миссъ Токсъ, – дорогой мой, неоцѣненный другъ, какъ вы себя чувствуете?

– Теперь немного лучше, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – выпейте вина, моя милая; вы почти такъ-же взволнованы, какъ я, – вамъ надобно подкрѣпиться.

М-ръ Домби началъ подчивать.

– Вотъ что, любезный Павелъ, – продолжала м-съ Чиккъ, взявъ подругу за руку, – зная, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидалась я этого дня, несравненная миссъ Токсъ приготовила для Фанни небольшой подарокъ, который я обѣщала ей передать. Подарокъ этотъ – маленькая подушечка для булавокъ; но я должна сказать тебѣ, милый Павелъ, миссъ Токсъ обнаружила тутъ всю деликатность нѣжнаго сердца. На подушечкѣ вышито: "пожалуйста сюда, крошечка Домби"! Каково?

– Это девизъ? – спросилъ братъ.

– Да, девизъ, – отвѣчала Луиза.

– Но вы должны оправдать меня, милая Луиза, – сказала миссъ Токсъ тономъ покорной просьбы, – только лишь – ахъ, какъ бы это сказать? – неизвѣстность этого случая заставила употребить такую свободу. Мнѣ бы гораздо приличнѣй было выразиться: "пожалуйста сюда, господинъ Домби"! Но какъ могли мы знать, чтождемся такого ангельчика? Иначе бы я никакъ не позволила себѣ эту непростительную фамильярность, увѣрю васъ.

Говоря это, миссъ Токсъ сдѣлала очень граціозный книксенъ, и м-ръ Домби отвѣчалъ ей тоже очень граціознымъ поклономъ. Надобно сказать, братъ въ совершенствѣ понималъ свою сестру, считая ее слабой и пустой женщиной; тѣмъ не менѣе м-съ Чиккъ имѣла надъ нимъ большое вліяніе именно потому, что очень искусно поддѣлывалась подъ его характеръ, толкуя безпрестанно о Домби и Сынѣ.

– Вотъ теперь, – сказала м-съ Чиккъ, сладко улыбаясь, – я готова за все простить Фанни, за все!

Послѣ этого припадка христіанской любви къ ближнему, на душѣ м-съ Чиккъ сдѣлалось очень легко. Собственно говоря, ей вовсе не за что было прощать свою невѣстку, потому что та ни въ чемъ передъ ней не провинилась: преступленіе ея состояло только въ томъ, что она осмѣлилась выдти замужъ за ея брата, да еще развѣ въ томъ, что за шесть лѣтъ передъ этимъ бѣдная женщина родила дѣвочку вмѣсто сына, котораго отъ нея ожидали.

Въ эту минуту м-ръ Домби поспѣшно былъ отозванъ въ спальню жены, и дамы остались однѣ. Миссъ Токсъ немедленно настроила себя на восторженный ладъ.

– Я знала, – замѣтила м-съ Чиккъ, – что братъ мой вамъ понравится. Я говорила, что вы будете ему удивляться.

Руки и глаза миссъ Токсъ выразили глубокое удивленіе.

– А какъ онъ богатъ, моя милая!

– Ужь и не говорите! – съ глубокимъ вздохомъ произнесла миссъ Токсъ.

– Да, намъ не пересчитать его милліоновъ.

– Но каково его обращеніе, милая Луиза! – замѣтила миссъ Токсъ. – Какая осанка, какой благородный, величественный видъ! Много мужчинъ, много джентльменовъ видала я на своемъ вѣку; но ни въ комъ и наполовину не нашла такихъ достоинствъ. Что-то этакое, знаете, какая-то въ немъ сановитость, прямота, и грудь такая широкая! Это настоящій финансовый герцогъ Йоркскій, никакъ не менѣе: такъ бы и хотѣлось называть его: "Ваша финансовая свѣтлость"!

– Что съ тобою, милый Павель? – вскричала сестра, увидѣвъ вошедшаго брата. – Ты такой блѣдный! Что тамъ случилось?

– Я ужасно разстроенъ, Луиза: доктора сказали, что Фанни...

– О, не вѣрь имъ, милый Павель, не вѣрь! Положись на мою опытность, мой другъ, я знаю въ чемъ дѣло: Фанни должна сдѣлать надъ собой усиліе, вотъ и все тутъ. Но къ этому усилію, – продолжала сестра, снимая шляпку и хлопотливо надѣвая перчатки, – ее надобно поощрить, побудить и даже принудить въ случаѣ нужды. Пойдемъ со мной.

На этотъ разъ м-ръ Домби дѣйствительно повѣрилъ своей сестрѣ, какъ опытной женщиной. Онъ нѣсколько успокоился и молча пошелъ за ней въ комнату больной.

Родильница, какъ и прежде, лежала въ постели, прижавъ къ груди маленькую дочь. Дѣвочка, какъ и прежде, плотно прильнула къ матери, не поднимая головы, не отнимая щекъ отъ ея лица. Она не обращала никакого вниманія на окружающихъ, не говорила, не шевелилась, не плакала.

– Ей дѣлается хуже безъ этой дѣвочки, – шепнулъ докторъ м-ру Домби. – Мы нарочно ее оставили.

Вокругъ постели господствовала торжественная тишина. Врачи смотрѣли на безжизненное лицо съ такимъ состраданіемъ, съ такою безнадежностью, что м-съ Чиккъ хотѣла сначала оставить свое намѣреніе. Вскорѣ однако-жъ, призвавъ на помощь свою храбрость и то, что называлось у ней присутствіемъ духа, она подѣла къ постели и тихонько проговорила такимъ голосомъ, какъ-будто хотѣла разбудить спящую:

– Фанни! Фанни!

Никакого отвѣта! Торжественная тишина нарушалась только громкимъ боемъ карманныхъ часовъ м-ра Домби и доктора Паркера Пепса.

– Фанни, милая Фанни, – повторяла м-съ Чиккъ съ принужденною веселостью, – здѣсь м-ръ Домби, онъ желаетъ видѣть тебя. Не хочешь ли говорить съ нимъ? Надо сюда положить твоего ребенка, Фанни, твоего сына, моя милая; ты еще не видала его? А вѣдь нельзя его положить, пока ты не привстанешь. Ну, моя милая, понатужься немножко; ну же?

Она нагнулась ухомъ къ постели и прислушивалась, значительно въ то же время посматривая на зрителей, поднявъ палецъ вверхъ.

– Ну же, ну! – повторила она. – Что ты говоришь, Фанни? Я не слышала.

Нѣмое, упорное молчаніе, ни малѣйшаго звука въ отвѣтъ. Часы м-ра Домби и Пепса бѣжали взапуски, стараясь, по-видимому, перегнать другъ друга.

– Что-жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, милая Фанни? – говорила невѣстка, перемѣняя положеніе и принявъ серьезный тонъ. – Я разсорюсь съ тобой, если ты не встанешь. Тебѣ необходимо сдѣлать усиліе, быть можетъ, болѣзненное, мучительное усиліе; но ты знаешь, Фанни, на этомъ свѣтѣ ничего не достается даромъ, и мы не должны унывать, когда такъ много зависитъ отъ насъ. Ну же, милая Фанни, попробуй, попытайся, не то я право разсержусь на тебя.

Бѣготня часовъ при слѣдующей паузѣ доходила до свирѣпаго неистовства: казалось, они сталкивались и колотили другъ друга.

– Фанни! – продолжала Луиза, осматриваясь вокруг съ возрастающим беспокойством. – По крайней мѣрѣ, взгляни на меня. Открой глаза и покажи, что ты слышишь и понимаешь меня: не такъ ли? – Ахъ, силы небесныя! Ну что тутъ дѣлать, господа?

Врачи значительно помѣнялись взорами черезъ постель. Акушеръ, нагнувшись, шепнулъ что-то на ухо ребенку. Не понявъ содержанія словъ, дѣвочка обратила на доктора свое совершенно безцвѣтное лицо и глубокіе темные глаза; но ни на сколько не измѣнила своей позы.

Докторъ повторилъ свои слова.

– Маменька! – сказала дѣвочка.

Знакомый любимый голосокъ пробудилъ лучъ сознанія въ угасающей душѣ. Больная открыла глаза, и легкая тѣнь улыбки показалась на ея устахъ.

– Маменька! – кричалъ ребенокъ, громко рыдая. – Милая мама! Охъ, милая мама!

Докторъ тихонько отнял локоны дѣвочки отъ лица и губъ матери. Увы! Какъ спокойно они тамъ лежали! Какъ мало было дыханія въ этихъ устахъ, чтобы пошевелить ихъ!

И бѣдная мать, крѣпко ухватившись за эту слабую вѣтку, въ ея объятіяхъ, поплыла далеко по темному и невѣдомому морю, которое волнуется вокругъ всего свѣта.

Глава II

Изъ которой видно, какъ въ благоустроенныхъ фамиліяхъ заранѣе принимаютъ мѣры противъ всего, что можетъ случиться

– Ахъ, какъ я рада, что за все простила бѣдную Фанни! Вѣдь вотъ оно что, – кто бы могъ предвидѣть такой случай? Ужъ подлинно, самъ Богъ меня надоумилъ. Ну, теперь что бы ни случилось, а это всегда будетъ для меня утѣшеніемъ.

Такъ говорила м-съ Чиккъ, воротившись въ гостиную отъ модистокъ, занятыхъ наверху шитьемъ фамильнаго траура. Это замѣчаніе она сдѣлала въ назиданіе своего супруга, м-ра Чикка, толстаго, плѣшиваго джентльмена съ широкимъ лицомъ, съ руками постоянно опущенными въ карманы. М-ръ Чиккъ имѣлъ маленькую слабость насвистывать и напѣвать разныя аріи вездѣ, гдѣ бы ни привелось ему быть, и теперь, въ домѣ сѣтованія и печали, ему трудно было удержаться отъ любимой привычки.

– Не суетись такъ, Луиза, – замѣтилъ въ свою очередь м-ръ Чиккъ, – съ тобой, пожалуй, опять сдѣлаются спазмы. Тра-ла-ла! Фи, чортъ побери, все забываюсь. – Какъ, подумаешь, коротка жизнь-то человѣческая!

М-съ Чиккъ бросила сердитый взглядъ и продолжала свою назидательную рѣчь:

– Надѣюсь, – говорила она, – этотъ трогательный случай для всѣхъ послужить урокомъ, какъ необходимо вставать и дѣлать усилія, когда этого отъ насъ требуютъ. Во всемъ есть нравоученія: умѣй только ими пользоваться. Сами же будемъ виноваты, если выпустимъ изъ виду такой страшный урокъ.

Въ отвѣтъ на эту сентенцію м-ръ Чиккъ очень некстати затянулъ совершенно неприличную арію "Ужъ какъ жиль поживаль сапожникъ" и вдругъ, остановивъ себя, съ нѣкоторымъ смущеніемъ замѣтилъ, что, конечно, наша вина, если мы не пользуемся такими несчастными случаями.

– Ты могъ бы, я думаю, говорить объ этомъ, не насвистывая своихъ гадкихъ пѣсень, – возразила м-съ Чиккъ, сдѣлавъ своему супругу очень непріятную мину.

– Что дѣлать, душа моя, – отвѣчала м-ръ Чиккъ, – привычка!

– Глупость, а не привычка, мой милый. Умный человѣкъ постыдился бы такъ оправдываться! Привычка! Если бы я, напримѣръ, привыкла ходить вверхъ ногами по потолку, какъ мухи, тогда, я знаю, не перестали бы толковать объ этомъ.

М-ръ Чиккъ не счелъ нужнымъ оспаривать, что такая привычка дѣйствительно получила бы нѣкоторую гласность.

– Ну, что, Луиза, каковъ ребенокъ? – спросилъ онъ, чтобы переимѣнить разговоръ.

– О какомъ ребенкѣ говоришь ты? – возразила м-съ Чиккъ. – Сегодня въ столовой было цѣлое стадо дѣтей.

– Стадо дѣтей! – бормотала м-ръ Чиккъ, съ безпокойствомъ озираясь вокругъ.

– Тутъ нечего и толковать, – продолжала м-съ Чиккъ, – нѣтъ бѣдной матери, такъ надо пріискать кормилицу.

– Охъ! Ахъ! – говорилъ м-ръ Чиккъ. – Тра-ла-ла! Жизнь-то наша, подумаешь. Ты ужъ, вѣроятно, нашла кормилицу, моя милая?

– Покамѣстъ нѣтъ еще, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – а между тѣмъ ребенокъ...

– Отправится къ чорту, – замѣтилъ глубокомысленно м-ръ Чиккъ, – я увѣренъ въ этомъ.

Сердитый взглядъ почтенной супруги напомнилъ ему всю неумѣстность этой выходки.

Чтобы поправить такой промахъ, онъ прибавилъ:

– Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, чѣмъ – нибудь помочь до времени бѣдному сиротинкѣ?

Эта нѣжная заботливость о бѣдномъ сиротинкѣ была, сверхъ чаянія, увѣнчана вожде леннѣйшимъ успѣхомъ. М-съ Чиккъ, не сказавъ ни слова своему супругу, величественно встала, подошла къ окну и съ большимъ вниманіемъ смотрѣла черезъ стору на подъѣзжавшій экипажъ. М-ръ Чиккъ, тоже не сказавъ ни слова, началъ ходить по комнатѣ, покоряясь судьбѣ, которая, на этотъ разъ, была противъ него. Не всегда, однако-жъ, терпѣлъ онъ такую невзгоду. Случалось, на его улицѣ тоже бывалъ прадзникъ, и тогда онъ жестоко наказывалъ Луизу. Говоря вообще, это была самая согласная, чудесно подобранная, другъ для друга сотворенная чета. Когда разгоралась между ними ссора, заранѣе никакъ нельзя было угадать, на чьей сторонѣ будетъ верхъ. Иной разъ м-ръ Чиккъ уже совсѣмъ, по-видимому, готовъ былъ сдаться, какъ вдругъ ни съ того, ни съ сего вскакивалъ онъ съ мѣста, хваталъ стулья, стучалъ безъ милосердія надъ самымъ ухомъ озадаченной суируги и бросалъ все, что ни подвертывалось подъ руку. Но если окончательная побѣда была на сторонѣ м-съ Чиккъ, супружеская размолвка принимала какой то нерѣшительный характеръ, полный жизни и одушевленія.

Когда экипажъ остановился у подъѣзда, въ комнату вдругъ со всѣхъ ногъ вбѣжала миссъ Токсъ, едва переводя духъ.

– Луиза, милая Луиза, – говорила она, – мѣсто еще вѣдь не занято?

– Какъ вы добры, мой безцѣнный другъ, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – нѣтъ еще, мой ангель.

– Въ такомъ случаѣ, милая Луиза, – продолжала миссъ Токсъ, – я надѣюсь и увѣрена... но погодите, я тотчасъ приведу.

Черезъ минуту миссъ Токсъ снова вбѣжала въ комнату, сопровождаемая цѣлымъ конвоемъ гостей, которыхъ она высадила изъ наемной кареты. Это были: полная, круглолицая, краснощекая, здоровая молодая женщина, съ толстымъ ребенкомъ на рукахъ, за ней – молодая женщина, не такая полная, но тоже краснощекая и круглолицая, какъ наливное яблоко; она вела двухъ мальчиковъ, очень полныхъ и совершенно круглолицыхъ; позади, самъ собою, шель еще мальчикъ, круглолицый и очень полный. Наконецъ, послѣ всѣхъ выступалъ изъ-за двери толстый и круглолицый, какъ яблоко, мужчина съ полнымъ и совершенно круглолицымъ ребенкомъ на рукахъ; онъ поставилъ его на полъ и сказалъ сильнымъ голосомъ; "держись крѣпче за брата Джонни".

– Милая Луиза, – сказала миссъ Токсъ, – зная ваше безпокойство и желая помочь горю, я отправилась въ родильный домъ королевы Шарлотты и спросила, нѣтъ ли тутъ кормилицы въ хорошій домъ? Мнѣ сказали, что нѣтъ. Послѣ этого отвѣта, вы не повѣрите, моя милая, я пришла въ совершенное отчаяніе на вашъ счетъ. Но къ счастью, надо же такъ случиться: одна дама, услышавъ, въ чемъ дѣло, сказала, что знаетъ женщину очень хорошую во всѣхъ отношеніяхъ. Едва я это услышала, я взяла адресъ, моя дорогая, и тотчасъ отправилась.

– Какъ вы добры, какъ услужливы, моя милая, – сказала Луиза.

– Погодите, погодите, еще не все, – возразила миссъ Токсъ. – Когда я вошла въ домъ – какая чистая комната, моя милая, вы могли бы кушать на полу! – Все семейство сидѣло за столомъ и, какъ мнѣ показалось, что никакая рекомендація не сравнится съ тѣмъ, что я увидѣла, то я рѣшилась всѣхъ ихъ привести съ собою, чтобы лично представить вамъ и м-ру Домби. Вотъ этотъ джентльмень, – продолжала миссъ Токсъ, указывая на толстаго круглолицаго мужчину, – отецъ семейства. Не угодно ли вамъ, сэръ, подойти поближе?

Круглолицый мужчина, повинувшись приказанію, неповоротливо выступилъ впередъ и оскалилъ зубы.

– А вотъ это его жена, – продолжала миссъ Токсъ, обращаясь къ молодой женщинѣ съ ребенкомъ. – Какъ ваше здоровье, Полли?

– Слава Богу, сударыня, благодарю васъ, – отвѣчала женщина.

Миссъ Токсъ говорила какъ со старыми знакомыми, которыхъ не видала около двухъ недѣль.

– Очень рада, очень рада, – продолжала она. – А эта другая молодая женщина – ее незамужняя сестра, она живетъ съ ними и ходитъ за ихъ дѣтьми. Ее зовутъ Джемимой. Какъ вы поживаете, Джемима?

– Очень хорошо, сударыня, благодарю васъ, – отвѣчала Джемима.

– Ну, слава Богу, очень рада, – сказала миссъ Токсъ. – Надѣюсь, и всегда будетъ хорошо. Пятеро дѣтей. Младшему шесть недѣль. Вотъ этотъ прелестный мальчикъ съ прыщикомъ на носу старшій сынъ. Отчего у него прыщикъ? – продолжала миссъ Токсъ, обращаясь съ вопросительнымъ взглядомъ къ почтенному семейству.

– Отъ утюга, – пробормоталъ сквозь зубы яблочный мужчина.

– Извините, сэръ, что вы сказали?

– Отъ утюга, – повторилъ глава семейства.

– Ахъ, да, я и забыла, – продолжала миссъ Токсъ. – Именно такъ, отъ утюга. Ребенокъ, въ отсутствіи матери, дотронулся до горячаго утюга. Вы совершенно правы, сэръ. Когда я была у васъ, вы мнѣ сказали также, что ваше ремесло...

– Кочегаръ, сударыня.

– Да, кочегаръ, – повторила миссъ Токсъ.

– Кочегаръ, сударыня, на паровой машинѣ.

– Ну, да, кочегаръ на парахъ, – сказала миссъ Токсъ, по-видимому не совсѣмъ хорошо понимая значеніе этого ремесла. – А какъ оно вамъ нравится?

– Что, сударыня?

– Ваше ремесло.

– Славнае ремесло, сударыня. Только иной разъ пепель входитъ сюда, – онъ указалъ на грудь, – и отъ этого голосъ становится сиплымъ. Я, вотъ видите, хриплю, сударыня, но это отъ пепла, не отъ чего другого.

Миссъ Токсъ, по-видимому, такъ мало понимала это объясненіе, что не знала, какъ продолжать разговоръ. Между тѣмъ м-съ Чиккъ подробно спрашивала жену кочегара о дѣтяхъ, о домашнемъ житьѣ-бытьѣ, о брачномъ свидѣтельствѣ, и такъ далѣе. Когда молодая женщина съ честью выдержала этотъ экзамень, м-съ Чиккъ отправилась съ донесеніями въ комнату брата, взявъ съ собой двухъ особенно полныхъ краснощекихъ мальчиковъ, какъ блистательное дополненіе къ своей рекомендаціи.

М-ръ Домби по смерти жены безвыходно оставался въ своей комнатѣ, погруженный въ глубокія размышленія относительно младенчества, юности, воспитанія и будущей судьбы своего сына. Тяжелое и холодное бремя лежало на его душѣ; но онъ горевалъ больше о лишеніяхъ сына, чѣмъ о собственной своей потерѣ. Какая опасность, какія огорченія ожидаютъ его при самомъ вступленіи въ свѣтъ! Жизнь только что начинается, – и вотъ нужно пріискивать чужую, постороннюю женщину, отъ которой будутъ зависѣть первыя впечатлѣнія, первое развитіе ребенка: какое горестное униженіе для Домби и сына! Мысль, что наемная женщина должна будетъ на время выполнять всѣ обязанности матери, была такъ противна, такъ огорчительна для гордой и ревливой души его, что онъ чувствовалъ явное удовольствіе всякій разъ, когда отказывалъ кандидаткамъ, которыхъ ему представляли. Но пришло наконецъ время, когда нужно прекратить борьбу между этими двумя чувствованіями. Передъ нимъ стояли прекрасныя дѣти будущей кормилицы, безукоризненной во всѣхъ отношеніяхъ, блистательно отрекомендованной родною сестрой и услужливою миссъ Токсъ.

– Дѣти очень здоровы, – сказалъ Домби, – но когда я подумаю, что со временемъ они, нѣкоторымъ образомъ, сдѣлаются роднею моего Павла... Отведи ихъ, Луиза! Пусть войдетъ женщина съ своимъ мужемъ.

Черезъ минуту неуклюжая чета остановилась передъ очами м-ра Домби.

– Я понимаю, – сказалъ онъ, поворачиваясь въ креслахъ, какъ заведенная безжизненная машина, а не какъ существо изъ плоти и крови; – вы бѣдны и вы желаете заработать деньжонокъ

чрезъ воспитаніе дитяти, моего сына, который такъ рано понесъ ничѣмъ незамѣнимую потерю. Я съ своей стороны не прочь пособить вамъ. Судя по всему, вы годитесь для моего сына. Но прежде чѣмъ вы войдете въ мой домъ, я долженъ предложить два-три условія, и отъ васъ будетъ зависѣть принять или не принять ихъ. Какъ ваша фамилія?

– Тудль, – отвѣчала молодая женщина.

– Во все время, как вы пробудете у меня, – продолжалъ м-ръ Домби, – вы должны прозваться «Р_и_ч_а_р_д_с_ъ»: это обыкновенная и очень приличная фамилія. Принимаете ли вы это условіе? Посовѣтуйтесь съ мужемъ.

Но почтенный супругъ только скалилъ зубы и безпрестанно подносилъ ко рту правую руку, отчего ладонь была у него очень мокра. М-съ Тудль толкнула его два или три раза; но такъ какъ это его нисколько не образумило, она учтиво сдѣлала книксенъ и сказала, что, вѣроятно, дадутъ ей особую плату, если она перемѣнитъ свою фамилію.

– Само собою разумѣется, – отвѣчалъ м-ръ Домби. – Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь вотъ еще условіе: во все время, какъ станете вы, за извѣстное вознагражденіе, воспитывать моего сиротку, я желаю, чтобы вы какъ можно рѣже видѣлись со своимъ семействомъ. Потомъ, какъ скоро услуги ваши сдѣлаются бесполезными и денежные счета будутъ между нами кончены, я хочу, чтобы съ того времени прекратились всѣ сношенія между нами. Понимаете ли вы меня?

М-съ Тудль, по-видимому, не совсѣмъ вникла въ смыслъ этого условія, а супругъ ея попрежнему скалилъ зубы, вовсе не обращая вниманія на разговоръ.

– У васъ есть свои дѣти, – продолжалъ м-ръ Домби. – Въ нашу торговую сдѣлку отнюдь не входитъ, что вы обязаны полюбить моего сына или чтобы мой сынъ со временемъ полюбилъ васъ. Я не ожидаю и вовсе не желаю чего-нибудь въ этомъ родѣ. Совсѣмъ напротивъ. Какъ скоро вы отойдете, торгъ нашъ оконченъ, условія выполнены, и вы не должны больше знать моего дома. Ребенокъ перестанетъ васъ помнить и вы, если угодно, можете совершенно забыть моего сына.

Яркій румянецъ покрылъ и безъ того красныя щеки м-съ Тудль. Она потупила глаза и отвѣчала:

– Надѣюсь, сэръ, я знаю свое мѣсто.

– Конечно, конечно, – продолжалъ м-ръ Домби, – я увѣренъ, что вы отлично понимаете свое мѣсто. Иначе и быть не можетъ: это такъ просто и обыкновенно! Любезная Луиза, уговорись съ этой женщиной насчетъ жалованья, и скажи, что она можетъ получить деньги когда ей угодно. Теперь съ вами, м-ръ – какъ ваше имя? – пару словъ.

Задержанный такимъ образомъ на порогѣ при выходѣ изъ комнаты вмѣстѣ съ женой, Тудль воротился и очутился одинъ на одинъ съ мромъ Домби. Это былъ дюжій, широкоплечій, косматый, неуклюжій мужчина въ растрепанномъ платьѣ, съ мозолями на рукахъ, съ четырехугольнымъ лбомъ, съ густыми волосами, съ черными усами и бакенбардами, еще болѣе вычерненными дымомъ и копотью. Онъ представлялъ во всѣхъ; отношеніяхъ поразительный контрастъ съ м-ромъ Домби, принадлежавшимъ къ породѣ тѣхъ гладко обритыхъ и выстриженныхъ купцовъ-капиталистовъ, у которыхъ голова лоснится, какъ новая банковая ассигнація, и которые, по-видимому, вспырнуты золотымъ дождемъ.

– Есть у васъ сынъ? – спросилъ м-ръ Домби.

– Четыре, сэръ. Четверо сыновей и одна дочь. Всѣ живехоньки.

– Вамъ, я думаю, довольно трудно содержать ихъ? – продолжалъ м-ръ Домби.

– Трудновато, сэръ; но еще было бы труднѣе...

– Что такое?

– Потерять ихъ, сэръ.

– Умѣете вы читать? – спросилъ м-ръ Домби.

– Не бойко, сэръ.

– А писать?

– Мѣломъ, сэръ?

– Чѣмъ-нибудь.

– Мѣломъ немножко маракаю, когда мнѣ показываютъ, – сказала Тудль послѣ нѣкотораго размышленія.

– А вѣдь вамъ, я думаю, будетъ около тридцати двухъ или трехъ лѣтъ.

– Да, около этого, сэръ, – отвѣчала Тудль, подумавъ немного побольше.

– Отчего же вы не учитесь? – спросилъ м-ръ Домби.

– Я ужъ подумываю объ этомъ, сэръ. Вотъ видите ли, одинъ изъ моихъ мальчугановъ скоро будетъ ходить въ школу, и тогда мы станемъ учиться вмѣстѣ... то есть, онъ будетъ мнѣ показывать,

– Хорошо! – сказала м-ръ Домби, внимательно и не совсѣмъ благосклонно посмотрѣвъ на своего собесѣдника, который между тѣмъ, разиня ротъ, осматривалъ комнату, особенно потолокъ. – Вы слышали, что я сказала вашей женѣ?

– Полли все слышала, сэръ, – сказала Тудль, указывая черезъ плечо шляпой къ дверямъ, съ видомъ совершеннѣйшаго довѣрія къ дражайшей половинѣ. – Все будетъ ладно.

– Такъ какъ вы во всемъ полагаетесь на свою жену, – продолжалъ м-ръ Домби, обманутый въ намѣреніи яснѣйшимъ образомъ изложить свои условія мужу, какъ главному лицу въ этой сдѣлкѣ, – то я думаю, мнѣ не о чемъ больше толковать съ вами.

– Совершенно не о чемъ, сэръ, – отвѣчала Тудль. – Полли все слышала, а ужъ она не дастъ промаху.

– Такъ я не хочу дольше васъ удерживать, – сказалъ м-ръ Домби, озадаченный неожиданнымъ отвѣтомъ. – А гдѣ вы работали?

– Сперва, сэръ, подъ землею, пока не былъ женатъ. А теперь работаю наверху. Я хожу на желѣзныя дороги, когда ихъ совсѣмъ отдѣлываютъ.

Какъ послѣдняя соломенка подавляетъ своей тяжестью спину навьюченного верблюда, такъ это послѣднее извѣстіе о подземельной работѣ окончательно разстроило гордую дуиу м-ра Домби. Онъ молча указалъ на дверь будущему кормильцу своего сына, и тотъ вышелъ, по-видимому, очень охотно. Потомъ, заперевъ комнату, м-ръ Домби началъ ходить взадъ и впередъ, погруженный въ горькое раздумье. Несмотря на непоколебимое достоинство и умѣнье владѣть собою, слезы невольно текли изъ его глазъ, и часто въ сильномъ волненіи онъ повторялъ: "бѣдное, бѣдное дитя"! Этой горести, этого разстроеннаго вида м-ръ Домби ни за что въ свѣтъ не обнаружилъ бы передъ другими людьми.

Довольно характеристическая черта въ гордости нашего героя, что онъ въ своемъ сынѣ жалѣлъ самого себя. "И такъ", говорилъ онъ, "я принужденъ ввѣрить своего сына женѣ грубаго рабочаго, всю жизнь работавшаго подъ землею!.. А между тѣмъ смерть ни разу не постучалась въ двери этого рабочаго, а за столомъ его ежедневно обѣдаютъ четверо сыновей. Что будетъ съ тобою, бѣдное дитя мое"?

Эти слова шевелились на его губахъ, какъ вдругъ пришло ему въ голову, – и здѣсь опять новое доказательство притягательной силы, по которой всѣ его надежды, опасенія, мысли постоянно стремились къ одному общему центру, – что эта женщина подвергалась въ его домѣ великому искушенію. Собственный ея ребенокъ былъ еще въ пеленкахъ: что, если она задумаетъ подмѣнить его на мѣсто маленькаго Домби?

Хотя эту мысль онъ тотчасъ же отвергнулъ какъ романическую и невѣроитную, – впрочемъ безспорно возможную, – однако, воображеніе его невольно продолжало рисовать картину такого подмѣна. Что мнѣ дѣлать, думалъ онъ, если обманъ откроется, когда ребенокъ уже вырастетъ? Въ состояніи ли буду я, послѣ многихъ лѣтъ, лишитъ обманщика своей заботливости, довѣрія и привычной нѣжности, и перенестъ все это на родного сына, который между тѣмъ сдѣлается для меня совершенно чужимъ?

Впрочемъ, это необыкновенное волненіе скоро прошло, и опасенія совершенно исчезли. Тѣмъ не менѣе м-ръ Домби рѣшилъ на всякій случай строго присматривать за кормилицей, не давая ей этого замѣтить. На душѣ у него стало легко, и теперь былъ онъ очень радъ, что заранѣе выговорилъ условіе, отстранявшее тѣсную связь между этой женщиной и его сыномъ.

Между тѣмъ условія между м-съ Чиккъ и Ричардсъ, при содѣйствіи миссъ Токсъ, были заключены, и Ричардсъ съ большими церемоніями, какъ будто давали ей орденъ, получила маленькаго Домби, передавъ въ то же время, послѣ многихъ слезъ и поцѣлуевъ, своего ребенка Джемимъ. Потомъ принесли вина, чтобы развеселить печальныхъ гостей.

– Не хотите ли рюмку вина, сэръ? – сказала миссъ Токсъ, когда вошелъ Тудль.

– Благодарствую, сударыня, – отвѣчалъ кочегаръ, – почему же нѣтъ? Выпить можно, когда подносятъ.

– Не правда ли, вамъ очень пріятно оставить свою милую жену въ такомъ почтенномъ домѣ? – продолжала миссъ Токсъ, лукаво прищуривая глаза и кивая головой въ его сторону.

– Все нѣтъ, сударыня, – отвѣчалъ Тудль, – мнѣ пріятнѣе было бы увезти ее назадъ.

При этомъ Полли заплакала навзрыдь. М-съ Чиккъ, по женскому инстинкту, поняла, что такая неумѣренная печаль можетъ сдѣлаться вредною для маленькаго Домби, и немедленно поспѣшила на выручку.

– О чемъ тужить, моя милая? – сказала она. – Вашъ ребенокъ вырастетъ безъ горя и безъ нужды подъ надзоромъ тетушки Джемимы, и вы здѣсь будете совершенно счастливы. Что дѣлать? Безъ горя на этомъ свѣтѣ ничего не бываетъ; надо владѣть собою. Не сняли ли съ васъ мѣрку, Ричардсъ, для траурнаго платья?

– Сняли, сударыня, – рыдая отвѣчала Полли.

– А платье будетъ чудесное, – продолжала м-съ Чиккъ, – эта мадамъ шьетъ и для меня. Безподобная матерія!

– Вы будете такъ хороши, – прибавила миссъ Токсъ, – что и мужъ васъ не узнаетъ: не правда ли, сэръ?

– Неправда, – угрюмо возразилъ Тудль, – я угадаю ее вездѣ и во всемъ.

Ясно, кочегаръ отъ рукъ отбивался.

– Что касается до кушанья, Ричардсъ, – сказала м-съ Чиккъ, – самыя лучшія блюда будутъ въ вашемъ распоряженіи. Вы сами станете заказывать обѣдъ, и все, чего ни захотите, мигомъ для васъ приготовятъ.

– О, разумѣется! – сказала миссъ Токсъ, усердно поддерживая подругу. – И пива она можетъ также пить сколько душѣ угодно. Не правда ли, Луиза?

– Конечно, конечно, – отвѣчала м-съ Чиккъ такимъ же тономъ. – Только вамъ нужно будетъ, моя милая, немножко воздержаться отъ зелени.

– И еще, можетъ быть, отъ соленаго, – подхватила миссъ Токсъ.

– А кромѣ зелени и соленаго, – продолжала Луиза, – вы будете получать все, что хотите, безъ всякаго ограниченія.

– Вы знаете, разумѣется, – сказала миссъ Токсъ, – что она горячо любитъ своего собственнаго ребенка, и вы, я увѣрена, Луиза, не станете ее бранить за это?

– О, безъ сомнѣнія! – благосклонно отвѣчала м-съ Чиккъ.

– Но ей, конечно, – продолжала миссъ Токсъ, – нужно обратить все вниманіе, всю заботливость на своего маленькаго воспитанника. Она должна считать величайшимъ счастьемъ, что этртъ херувимчикъ, такъ тѣсно связанный съ высшимъ обществомъ, будетъ на ея глазахъ расцвѣтать съ каждымъ днемъ. Не правда ли, Луиза?

– Безъ всякаго сомнѣнія! – сказала м-съ Чиккъ. – Вы видите, душа моя, она ужъ совершенно успокоилась и думаетъ только, какъ бы съ веселымъ сердцемъ и улыбкой проститься со своей сестрицей Джемимой, съ дѣтками и съ честнымъ мужемъ. Не такъ ли, моя милая?

– Ну, да, – вскричала миссъ Токсъ, – видно по глазамъ, что ей хочется проститься.

Бѣдная Полли съ отчаяніемъ въ душѣ обняла всѣхъ членовъ семейства и потомъ хотѣла скрыться въ своей комнатѣ, чтобы избѣжать горестной разлуки съ дѣтьми. Но хитрость не удалась: младшій сынъ, угадывая намѣреніе матери, ухватился за ея платье и побѣждалъ вмѣстѣ съ ней, между тѣмъ какъ старшій, прозванный въ семействѣ котломъ, въ воспоминаніе паровой машины, забилъ ногами яростную тревогу, и его примѣру послѣдовали прочіе члены семейства.

Нѣсколько апельсиновъ и мелкихъ денегъ усмирили маленькихъ Тудлей, и семейство немедленно отправилось домой въ наемной каретѣ, ожидавшейся у подъѣзда. Дѣти, подъ надзоромъ Джемимы, стали у окна и бросали оттуда апельсины и деньги. Самъ м-ръ Тудль расположился на запяткахъ, считая этотъ родъ ѣзды удобнѣе всѣхъ другихъ.

Глава III

Мистеръ Домби, какъ человекъ и отецъ, является главою домашняго департамента

Когда похороны покойной леди были окончены къ совершенному удовольствію гробовщика и вообще всѣхъ сосѣдей, очень взыскательныхъ на этотъ счетъ и готовыхъ обижаться за всякія упущенія при такихъ церемоніяхъ, различные члены въ хозяйствеинномъ департаментѣ м-ра Домби заняли свои мѣста по домашнему управленію. С_е_й_м_а_л_ы_й_м_і_р_ь – увы! – какъ и большой, отличался похвальною способностью скоро забывать своихъ мертвецовъ. Когда кухарка сказала, что покойница – вѣчная ей память! – была очень тихаго характера, а ключница прибавила, что таковъ есть общій жребій всѣхъ человекъ; когда буфетчикъ сказалъ: "кто бы могъ это подумать!", а горничная съ лакеемъ проговорили, что имъ все это мерещится какъ будто во снѣ; тогда назидательный предметъ совершенно истощился, и всѣ единодушно рѣшили, что траурное платье слишкомъ скоро износилось.

Что касается до кормилицы Ричардсъ, заключенной наверху въ качествѣ почетной плѣнницы, заря новой ея жизни, казалось, разсвѣтала холодно и угрюмо. Огромный домъ м-ра Домби стоялъ на тѣнистой сторонѣ высокой, темной и во всѣхъ отношеніяхъ модной улицы между Портлендской площадью и Брайэнстонскимъ скверомъ. Это былъ угольный домъ, занятый внизу погребами съ желѣзными рѣшетками и кривыми дверями, искоса поглядывающими на мусорныя ямы, печальный домъ съ круглыми флигелями назади, содержащими цѣлый рядъ парадныхъ комнатъ, обращенныхъ на дворъ, устланный щебнемъ, гдѣ торчали два тощихъ дерева съ почернѣвшими пнями и вѣтвями, съ закоптѣлыми листьями, которые немилосердно трещали при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Лѣтнее солнце появлялось на улицѣ только во время завтрака вмѣстѣ съ водовозами, ветошниками, починщиками старыхъ зонтиковъ, цвѣточниками и продавцами стѣнныхъ часовъ, возвѣщавшими о своемъ появленіи звонкой трелью колокольчика. Но скоро дневное свѣтило исчезало, а за нимъ выступали на сцену бродячія труппы музыкантовъ, шарманщики съ куклами и обезьянами, продавцы бѣлыхъ мышей, а иногда, для довершенія спектакля, появлялся балагуръ, промышленявшій ежами. Въ сумерки, когда вся эта компанія съ дневной добычей убиралась во свояси, выходили къ воротамъ лакеи, если господа ихъ обѣдали не дома, и фонарщикъ, по заведенному обычаю, употреблялъ суетныя усилія освѣтить улицу газомъ.

Огромный и пусть былъ домъ м-ра Домби снаружи и внутри. Тотчасъ же, послѣ похоронъ негоціантъ приказалъ накрыть чехлами всю мебель – быть можетъ, для того, чтобы сберечь ее для сына – и фізіономія комнатъ измѣнилась, за исключеніемъ тѣхъ, которыя оставлены были для самого хозяина въ нижнемъ этажѣ. Среди уединенныхъ залъ и гостиныхъ явились таинственныя фигуры изъ стульевъ и столовъ, собранныхъ въ одну кучу и нахлобученныхъ большими саванами. На колокольчикахъ, столахъ, зеркалахъ, окутанныхъ газетными и журнальными листами, мелькали отрывочныя извѣстія о смертяхъ и страшныхъ убійствахъ. Каждая люстра, обернутая въ голландское полотно, казалась огромной чудовищной слезою, висѣвшей изъ потолочнаго глаза. Изъ каждаго камина несло сыростью и затхлымъ воздухомъ, какъ изъ могильнаго склепа. Умершая и похороненная леди смотрѣла изъ картинной рамы, какъ страшное привидѣніе въ бѣломъ саванѣ. Вѣтеръ между тѣмъ безпрестанно развѣвалъ полу-сгнившіе клочки соломы, насланной подлѣ дома, когда хозяйка была больна: эти клочки, по какому-то невидимому притяженію, постоянно летѣли къ порогу противоположнаго грязнаго дома, который отдавался внаймы, и, казалось, посылали оттуда печальную рѣчь къ окнамъ м-ра Домби.

Комнаты, назначенныя негоціантомъ для собственнаго употребленія, примыкая къ большой залѣ, состояли изъ кабинета, библіотеки и столовой, въ которую превращена маленькая стеклянная горница, обращенная окнами къ означеннымъ сухопарымъ деревьямъ, гдѣ по обыкновенію разгуливали кошки. Библіотека была въ то же время и гардеробною, такъ что запахъ веленовой бумаги, пергамента, кожи и русскаго сафьяна смѣшивался въ ней съ запахомъ ваксы и сапоговъ. Эти три комнаты соединились бдна съ другого. Поутру, когда м-ръ Домби изволилъ кушать свой обыкновенный завтракъ, и вечеромъ, когда онъ возвращался домой къ обѣду, мадамъ Ричардсъ должна была, по звону колокольчика, являться въ стеклянную комнату и расхаживать взадъ и впередъ со своимъ маленькимъ питомцемъ. Бросая по временамъ украдкой бѣглые взоры на м-ра Домби, который сидѣлъ въ далекомъ углубленіи и безмолвно посматривалъ на ребенка изъ-подъ темной тяжелой мебели – домъ былъ прадѣдовскій, старомодный и угрюмый – кормилица мало-по-малу начала приходить къ заключенію, что хозяинъ ея очень похожъ на арестанта въ тюремномъ замкѣ, или на странное привидѣніе, на выходца съ того свѣта безъ способности говорить и понимать языкъ живыхъ людей.

Уже нѣсколько недѣль кормилица вела такую жизнь и носила маленькаго Павла. По временамъ выходила она со двора, но отнюдь не одна: по обыкновенію въ хорошую погоду заходила за ней м-съ Чиккъ въ сопровожденіи миссъ Токсъ: онѣ приглашали ее съ ребенкомъ освѣжиться чистымъ воздухомъ, или, другими словами, церемонно ходить по мостовой взадъ и впередъ на подобіе погребальнаго конвоя. Разъ, когда послѣ одной изъ такихъ процессій Ричардсъ возвратилась къ себѣ наверхъ и сѣла съ ребенкомъ подлѣ окна, дверь въ ея комнату потихоньку отворилась, и на порогѣ остановилась черноглазая маленькая дѣвочка.

– Это, вѣроятно, миссъ Флоренса воротилась отъ своей тетки, – подумала Ричардсъ, еще не выдавая хозяйской дочери. – Что вамъ угодно, миссъ?

– Это мой братъ? – спросила дѣвочка, указывая на ребенка.

– Да, моя красавица, – отвѣчала Ричардсъ, – подойдите, поцѣлуйте его.

Но дѣвочка, не двигаясь съ мѣста, задумчиво посмотрѣла на лицо кормилицы и сказала:

– Что вы сдѣлали съ моей мамой?

– Господи, помилуй! – вскричала Ричардсъ, – Какой печальный вопросъ! Что я сдѣлала?

Ничего, миссъ

– Что о_н_и сдѣлали съ моей мамой? – повторила Флоренса.

– Въ жизнь не видала такой жалости! – проговорила Ричардсъ, невольно поставивъ себя въ положеніе покойной леди и вспоминая о собственныхъ дѣтяхъ. – Подойдите поближе, моя милая, не бойтесь меня!

– Я не боюсь васъ, – отвѣчала дѣвочка, входя въ комнату, – но мнѣ надобно знать: что они сдѣлали съ моей мамой?

– Голубушка, – скаала Ричардсъ, – это черное платье вы носите въ воспоминаніе о своей маменькѣ.

– Я могу помнить свою маменьку во всякомъ платьѣ, – проговорилъ ребенокъ со слезами на глазахъ.

– Но ужъ такъ заведено надѣвать черное платье, когда отходятъ.

– Куда отходятъ?

– Сядьте здѣсь, моя милая, – сказала растроганная женщина, – я расскажу, какъ и что однажды случилось.

Въ живой увѣренности получить отвѣтъ на свой вопросъ, Флоренса положила шляпку, которая до сихъ поръ была у нея въ рукахъ, сѣла на маленькую скамейку у ногъ кормилицы и пристально уставила на нее глаза.

– Жила-была, – начала Ричардсъ, – одна леди, очень добрая леди, и была у ней маленькая дочь, и эта дочка нѣжно любила ее.

– Очень добрая леди, и маленькая дочка нѣжно любила ее, – повторила Флоренса.

– И угодно стало Богу, чтобы захворала добрая леди, захворала и умерла. Ребенок вздрогнулъ.

– И умерла добрая леди, и никто не увидитъ ее здѣсь, и похоронили добрую леди въ сырой землѣ, гдѣ деревья растутъ.

– Въ сырой землѣ! – проговорила дѣвочка, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ.

– Нѣтъ, нѣтъ, я ошиблась: не въ сырой, а въ теплой землѣ, гдѣ дурныя, грязныя сѣмена превращаются въ прекрасныя цвѣточки, и въ траву, и въ колосья, и ужъ не знаю, во что еще, гдѣ добрыя души превращаются въ свѣтлыхъ ангеловъ и улетаютъ на небеса!

Ребенокъ, опустившій передъ этимъ головку, поднялъ ее опять и внимательно началъ смотрѣть на рассказчицу.

– Ну, такъ... дай Богъ память! – сказала Полли, сильно взволнованная этимъ пытливымъ взоромъ, своимъ желаніемъ утѣшить дитя внезапнымъ успѣхомъ и слабымъ довѣріемъ къ собственнымъ силамъ. – Ну, такъ когда эта добрая леди умерла, куда бы ни дѣвали ее, гдѣ бы ни положили, она отошла къ Богу! И она молится Ему, эта добрая леди, – продолжала Полли, расстроганная до глубины души, – чтобы онъ научилъ ея маленькую дочку вѣрить, что она счастлива на небесахъ и любить по прежнему свое дитя, – научилъ надѣяться. – Охъ, всю жизнь надѣяться, – что и она, эта маленькая дочка, свидится съ нею на небесахъ, свидится и не разстанется никогда, никогда, никогда!

– Это моя мама! – закричала дѣвочка, вскочивъ съ мѣста и обнимая кормилицу.

– И сердце этого дитяти, – говорила Полли, прижимая Флоренсу къ своей груди, – сердце этой маленькой дочки наполнилось такою нѣжностью, такою вѣрою, что даже когда она услышала объ этомъ отъ чужой посторонней женщины, не умѣвшей хорошенько рассказывать, но которая сама была бѣдная мать и больше ничего, – она нашла утѣшеніе въ ея словахъ, перестала чувствовать себя одинокою, зарыдала и прижалась къ груди этой женщины, нѣжно прильнула къ младенцу, что на ея колѣняхъ, и – тогда, тогда, тогда, – продолжала Полли, лаская кудри дѣвочки и обливая ихъ слезами, – тогда, мое милое, бѣдное дитя...

– Эй, миссъ Флой? Куда вы затесались? Развѣ не знаете, какъ папаша будетъ сердиться? – закричалъ у дверей громкій, пронзительный голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ вошла низенькая, смуглая, курносая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, съ выразительными черными глазами, сверкавшими какъ бусы. – Вѣдь вамъ крѣпко-накрѣпко запрещено сюда таскаться! Зачѣмъ вы тормозите кормилицу?

– Она нисколько не беспокоитъ меня, – отвѣчала изумленная Полли, – я очень люблю дѣтей.

– Не въ томъ дѣло, не въ томъ дѣло, м-съ Ричардсъ, – возразила черноглазая дѣвчонка съ такимъ колкимъ видомъ, какъ будто хотѣла проглотить свою жертву, – прошу извинить – какъ бишь васъ? – м-съ Ричардсъ; я, вотъ видите ли, м-съ Ричардсъ, очень люблю бисквиты, да вѣдь мнѣ не подають ихъ къ чаю.

– Не въ этомъ дѣло, – сказала въ свою очередь Полли.

– А въ чемъ же этакъ, по вашему, любезная моя м-съ Ричардсъ? Не худо бы вамъ зарубить хорошенько на носъ, что вы ходите за м-ромъ Павломъ, а миссъ Флой подъ моимъ надзоромъ.

– Къ чему же намъ ссориться? – возразила Полли.

– Не къ чему, совершенно не къ чему, несравненная моя м-съ Ричардсъ, вотъ-таки рѣшительно не къ чему, – скороговоркой отвѣчала Выжига, – я вовсе не желаю ссориться; миссъ Флой у меня всегда, м-ръ Павель у васъ на время.

Выжига выражалась сжато и сильно, употребляя по-видимому, только запятая, и выстрѣливая одной сентенціей, не переводя духу, все, что вертѣлось у нея на языкѣ.

– Миссъ Флоренса только что воротилась домой: не правда ли? – спросила кормилица.

– Ну, да, м-сь Ричардс, она только что воротилась домой, а вы, мисс Флой, не успели повернуться, и уж нашли время выпачкать дорогое траурное платье, которое м-сь Ричардс носить по вашей матери.

Съ этими словами Выжига, которой настоящее имя было Сусанна Нипперь, оторвала дѣвочку отъ ея новаго друга съ такимъ сильнымъ и крутымъ порывомъ, какъ будто вырывала зубъ. Но все это, казалось, дѣлала она не столько по обдуманной злости, сколько отъ усерднаго желанія выполнить свою обязанность надзирательницы.

– Теперь, когда мисс Флоренса воротилась домой, – сказала Полли, бросая ободрительную улыбку на здоровое лицо дѣвочки, – она будетъ совершенно счастлива и увидитъ нынче своего милаго папеньку.

– Что-оо? Что вы сказали, м-сь Ричардс? – закричала во все горло Сусанна Нипперь. – Она увидитъ милаго папеньку? Вотъ новости! Хотѣла бы я посмотрѣть, какъ она его увидитъ!

– Почему же нѣтъ? – спросила Полли.

– Да потому... ахъ, какая вы странная, м-сь Ричардс! У папеньки ея теперь есть кого видѣть; да и прежде, какъ никѣмъ онъ не былъ занятъ, мисс Флой никогда не была его любимицей, такъ какъ, вотъ видите ли, м-сь Ричардс, женщина въ этомъ домѣ ничего не значить, право ничего.

Дѣвочка быстро взглянула на собесѣдницъ, какъ будто понимала и чувствовала этотъ разговоръ.

– Вы удивляете меня! – сказала Полли. – Неужели м-ръ Домби не видалъ ее съ тѣхъ поръ?

– Не видалъ, не видалъ, – прервала Сусанна Нипперь. – Да и прежде того онъ не видалъ ее мѣсяцевъ пять-шесть, и если бы передъ тѣмъ онъ встрѣтился съ ней на улицѣ, онъ не угадалъ бы въ ней мисс Флой, да и что тутъ толковать? Встрѣтъ онъ ее хоть завтра, право, не узнаетъ, что это его дочь. Такъ-то, м-сь Ричардс! Ну, и что касается до меня, – продолжала Выжига, не переводя духу и помирая со смѣху, – бьюсь объ закладъ, м-ръ Домби вовсе не знаетъ, что живетъ на свѣтѣ Сусанна Нипперь Выжига, его покорная слуга.

– Бѣдненькая! – сказала Ричардс, думая о маленькой Флоренсѣ.

– Такъ-то, любезная моя Ричардс! – продолжала Сусанна Нипперь. – Нашъ хозяинъ настоящій великій моголь, который живетъ отъ насъ за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, право, такъ. Ну, прощайте, Ричардс! А вы, мисс Флой, идите-ка со мной, да смотрите, впередъ ведите себя хорошенько, не такъ, какъ невоспитанная, глупая дѣвчонка, что всѣмъ вѣшается на шею.

Но, несмотря на строгій выговоръ, несмотря даже на опасность вывихнуть правое плечо, если Сусанна Нипперь по-прежнему рванетъ за руку, маленькая Флоренса вырвалась отъ своей надзирательницы и нѣжно поцѣловала кормилицу.

– Прощайте, – говорила дѣвочка, – прощайте. моя добрая! Скоро я опять къ вамъ приду, а не то вы приходите ко мнѣ. Сусанна намъ позволить видѣться: не правда ли, Сусанна?

Собственно говоря, Выжига въ сущности была довольно добрая дѣвушка и вовсе не злого характера; только она принадлежала къ разряду тѣхъ воспитателей юношества, которые думаютъ, что надобно толкать и трясти дѣтей, какъ звонкую монету, чтобы они сохранили свой первоначальный блескъ. Когда Флоренса обратилась къ ней съ умоляющимъ и кроткимъ взоромъ, она сложила свои коротенькія руки, покачала головой, и большіе, открытые черные глаза ея приняли ласковое выраженіе.

– Напрасно вы объ этомъ просите, мисс Флой. Отказать вамъ, вы знаете, я не могу, вотъ мы посмотримъ съ кормилицей, что надобно дѣлать; мнѣ бы хотѣлось съѣздить въ Чансю, да только не знаю, какъ оставить Лондонъ; хорошо, если бы м-сь Ричардс на это время согласилась за вами смотрѣть.

Полли согласилась на предложеніе.

– Въ этомъ домѣ веселье никогда не ночевало, – продолжала Выжига, – и намъ было бы глупо съ своей стороны дичиться другъ друга и увеличивать скуку. Если бы какая-нибудь Токсъ, или какая-нибудь Чиккъ вздумала для потѣхи вырвать у меня два переднихъ зуба, я была бы дура, когда бы подставила ей всю свою челюсть.

Полли не сочла нужнымъ опровергать этой сентенціи.

– И выходить, – заключила Сусанна Нипперъ, – что мы должны жить но пріятельски, м-съ Ричардсъ, пока вы возитесь у насъ съ маленькимъ Павломъ, только, разумѣется, не надо нарушать порядка, который тутъ заведенъ. Эй, миссъ Флой, вы еще по сю пору не раздѣлись? Ахъ, вы глупое, неразумное дитя, ступайте домой!

Съ этими словами Выжига схватила свою воспитанницу и вышла изъ комнаты.

На лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ бѣдной сиротки выражалось столько грусти и кроткаго, безропотнаго самоотверженія, что кормилица маленькаго Домби почувствовала глубокое состраданіе, когда осталась опять одна. Сердце несчастной дѣвочки горѣло пламеннымъ желаніемъ любви – и некого было любить ей! Ея душа проникнута была болѣзненной тоскою – и никто не раздѣлялъ ея горя! Никто не брался облегчить бремя ея страданій! Все это какъ нельзя лучше постигало материнское сердце м-съ Ричардсъ, и она почувствовала, что съ этой поры между ней и безпріютной сироткой утверждается родъ довѣренности, важной и необходимой для обѣихъ. Флоренса, въ свою очередь, инстинктивно поняла это искреннее участіе, такъ неожиданно встрѣченное въ незнакомой женщинѣ.

Несмотря на высокое мнѣніе кочегара о своей супругѣ, его Полли, такъ же, какъ и онъ, не имѣла никакого понятія о житейскомъ благоразуміи. Но она представляла изъ себя простой, безыскусственный образецъ тѣхъ женскихъ натуръ, которыя въ общей массѣ живѣе, благороднѣе, вѣрнѣе, возвышеннѣе чувствуютъ и гораздо долѣе сохраняютъ въ душѣ всю нѣжность и сожалѣніе, самоотверженіе и преданность, нежели грубыя природы мужчинъ. Быть можетъ, при всей необразованности, ей удалось бы своевременно забросить лучъ сознанія въ черствую душу м-ра Домби, и это сознаніе впослѣдствіи не поразило бы его подобно яркой молніи.

Но мы удаляемся отъ предмета. Полли въ это время думала только о томъ, какъ бы потѣснѣе сблизиться съ бойкой Сусанной и повести дѣла такъ, чтобы можно было видѣться съ маленькой Флоренсой безъ бунта и на законномъ основаніи. Случай представился въ тотъ же вечеръ.

Въ обыкновенное время кормилица, по звону колокольчика, явилась въ стеклянную комнату и начала ходить взадъ и впередъ съ младенцемъ на рукахъ, какъ вдругъ, къ величайшему ея изумленію и страху, м-ръ Домби нечаянно вышелъ изъ своей засады и остановился передъ ней.

– Добрый вечеръ, Ричардсъ.

И теперь это былъ тотъ же суровый, угрюмый, неподвижный джентльменъ, какимъ она видѣла его въ первый день. Онъ уставишь на воспитательницу своего сына холодный и безжизненный взоръ, и бѣдная женщина, въ одно и то же время, по невольному движенію, потупила глаза и сдѣлала книксенъ.

– Здоровъ ли м-ръ Павель, Ричардсъ?

– Совершенно здоровъ, сэръ, и растеть очень скоро.

– Это замѣтно, – сказалъ м-ръ Домби, съ большимъ участіемъ разсматривая крошечное личико, открытое для его наблюденія. – Надѣюсь, вамъ даютъ все, что нужно?

– Покорно благодарю, сэръ, я очень довольна.

Но вдругъ, послѣ этого отвѣта, на лицѣ ея выразилось такое тревожное колебаніе, что м-ръ Домби, уже повернувшій въ свою комнату, оборотился опять и устремилъ на нее вопросительный взглядъ.

– Я думаю, сэръ, ребенокъ былъ бы живѣй и веселѣй, если бы вокругъ него играли другія дѣти, – сказала Полли ободрившись.

– Когда вы пришли сюда, Ричардс, – отвѣчалъ м-ръ Домби, нахмуривъ брови, – я, кажется, говорилъ вамъ, чтобы дѣтей вашихъ не было въ моемъ домѣ. Можете продолжать свою прогулку.

Съ этими словами м-ръ Домби скрылся въ свою комнату, и Полли имѣла удовольствіе видѣть, что онъ совершенно не понялъ ея намѣренія, и она ни за что ни про что попала въ немилость.

Вечеромъ на другой день, когда она сошла внизъ, м-ръ Домби расхаживалъ по стеклянной комнатѣ. Озадаченная этимъ необыкновеннымъ видѣніемъ, она остановилась у дверей и не знала идти ей или воротиться назадъ. Домби далъ знакъ войти.

– Если вы точно думаете, что нѣкоторое общество необходимо для моего сына, – поспѣшно сказалъ онъ, какъ-будто ни минуты не прошло иослѣ ея предложенія, – то гдѣ же миссъ Флоренса?

– Ничего не можетъ быть лучше, какъ миссъ Флоренса, – съ жаромъ отвѣчала Полли, – но я слышала отъ ея дѣвушки, что не...

М-ръ Домби позвонилъ и молча продолжалъ ходить по комнатѣ, пока не явился слуга.

– Сказать, чтобы миссъ Флоренсу пускали къ Ричардс когда она хочетъ, чтобы она ходила съ ней гулять, сидѣла въ ея комнатѣ, и такъ далѣе, Сказать, чтобы дѣти были вмѣстѣ, когда потребуетъ Ричардс.

Желѣзо было горячо, и Ричардс съ усердіемъ принялась ковать. Смѣло продолжала она доброе дѣло, хотя инстинктивно и боялась м-ра Домби.

– Миссъ Флоренсѣ, – сказала она, – не худо бы по временамъ заходить и сюда, въ эту комнату, чтобы она привыкала любить братца.

Когда слуга ушелъ передавать приказаніе господина, кормилица притворилась, будто нянчить ребенка, но въ то же время ей показалось, что физиономія м-ра Домби совершенно измѣнилась и лицо его поблѣднѣло. Онъ поспѣшно оборотился назадъ, и какъ-будто хотѣлъ уничтожить всѣ эти распоряженія, да только стыдъ удерживалъ его.

И она не ошиблась. Онъ видѣлъ въ послѣдній разъ отвергнутое дитя въ печальныхъ объятіяхъ умирающей матери, и эта сцена служила для него вмѣстѣ откровеніемъ и упрекомъ. Какъ ни были его мысли исключительно заняты сыномъ и его блистательною будущностью, тѣмъ не менѣе онъ не могъ забыть этой поразительной сцены. Не могъ онъ забыть, что здѣсь, въ этомъ предсмертномъ прощаньи матери и дочери, для него не было никакой доли. Передъ нимъ, передъ его глазами, были два прекрасныя созданія, тѣсно заключенныя въ объятія другъ друга, а онъ стоялъ подлѣ нихъ какъ отторженный посторонній зритель, и не позволили ему принять участія въ этомъ свѣтломъ проявленіи глубокой истины и безпредѣльной нѣжности!

Такъ какъ всѣ эти образы, со всѣмъ мрачными оттѣнками, невольно протѣснялись въ его гордую душу, и никакая сила неспособна была удалить отъ него этихъ воспоминаній, преждее его равнодушіе къ маленькой Флоренсѣ измѣнилось теперь въ какое-то странное, необыкновенное безпокойство. Онъ почти чувствовалъ, какъ-будто она наблюдаетъ его, не довѣряетъ ему, какъ-будто въ рукахъ ея ключъ отъ той задушевной тайны, въ которой онъ и самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета. Ему казалось, наконецъ, будто въ ней таится врожденное понятіе объ этой неправильно-настроенной струнѣ его души, и будто могла она однимъ дыханіемъ привести ее въ движеніе.

Его отношенія къ дочери, съ самаго ея рожденія, имѣли отрицательный характеръ. Онъ никогда не чувствовалъ къ ней отвращенія, но зато никогда и не думалъ о ней. Она прежде не была для него положительно неприятнымъ иредметомъ; но теперь онъ чувствовалъ изъ-за нея какую-то неловкость, и она возмутила покой его души. Онъ желалъ бы вовсе о ней не думать, да только не зналъ какъ. Быть можетъ, – кто разрѣшитъ эти тайны человѣческаго сердца! – онъ боялся, что со временемъ принужденъ будетъ ненавидѣть ее.

Когда маленькая Флоренса робко вошла въ стеклянную комнату, м-ръ Домби пересталь ходить, остановился и взглянул на свою дочь. Если бы посмотрѣль онъ на нее съ большимъ участіемъ и глазами отца, онъ прочель бы въ ея свѣтлыхъ взорахъ разнообразныя впечатлѣнія нерѣшительности, надежды и страха. Онъ увидѣль бы въ нихъ страстное желаніе побѣжать къ нему, броситься въ его объятія и воскликнуть: "отецъ! попытайся любить меня! У меня никого нѣтъ кромѣ тебя!". И вмѣстѣ онъ прочель бы опасеніе быть оттолкнутой, страхъ показаться слишкомъ смѣлою и оскорбить отца, умилительную потребность въ ободреніи и успокоеніи, и, наконецъ, онъ увидѣль бы въ этихъ ясныхъ глазахъ, съ какимъ тревожнымъ безпокойствомъ ея переполненное юное сердце отыскивало естественнаго пріюта для своей нѣжности и подавляющей печали. Но онъ увидѣль только, какъ она нерѣшительно остановилась у дверей и взглянула на него. Больше ничего не увидѣль м-ръ Домби!

– Войди, – сказалъ онъ, – войди; чего ты боишься?

Она вошла, и, посмотрѣвъ вокругъ себя, съ нерѣшительнымъ видомъ, остановилась у дверей, и крѣпко сложила руки.

– Подойди сюда, Флоренса! – холодно сказалъ отецъ. – Знаешь ли, кто я?

– Знаю, папа.

– Не хочешь ли сказать что-нибудь?

Флоренса подняла на отца заплаканные глаза и слезы ея оледенѣли на щекахъ, когда она встрѣтила суровое выраженіе на его лицѣ. Она опять опустила голову и робко протянула дрожащую руку.

М-ръ Домби небрежно взялъ руку дѣвочки и безмолвно простоялъ нѣсколько минутъ съ опущенной головой. По-видимому, онъ такъ же, какъ и она, не зналъ, что дѣлать или говорить.

– Ну, будь же доброй дѣвочкой, – сказалъ онъ наконецъ, потрепавъ ее по головкѣ и какъ будто украдкой бросая на нее тревожный и сомнительный взглядъ. – Ступай къ Ричардсъ, ступай!

Но Флоренса еще съ минуту простояла на одномъ мѣстѣ. По-видимому, ей все еще хотѣлось броситься въ объятія отца, и она не переставала надѣяться, что онъ возьметъ ее на руки и поцѣлуетъ. Она еще разъ взглянула на его лицо. М-ръ Домби нашель, что фізіономія ея получила точно такое же выраженіе, какъ и въ ту роковую ночь, когда она смотрѣла на доктора. Онъ машинально выпустилъ ея руку и отворотился.

Нетрудно понять, что Флоренса своею наружностью и обращеніемъ произвела на отца очень невыгодное впечатлѣніе. Не только въ ея душѣ, но и во всѣхъ ея движеніяхъ выказывалось принужденіе, и она совершенно утратила естественную живость и граціозность. Полли между тѣмъ съ надеждой продолжала смотрѣть на эту сцену, и, судя о м-рѣ Домби по самой себѣ, она много рассчитывала на нѣмой языкъ траурнаго платица маленькой Флоренсы. "Не жестоко ли будетъ, – думала она, – если онъ обратитъ всю привязанность на одного сына, тогда какъ другое дитя, дѣвочка-сиротка, стоитъ передъ его глазами!".

Полли какъ можно долѣе продержала дѣвочку на глазахъ отца и распорядилась такъ, что маленькій Павелъ дѣйствительно повеселѣлъ въ присутствіи сестры. Когда пришло время идти на верхъ, она хотѣла послать Флоренсу въ комнату отца, чтобы пожелать ему доброй ночи; но дѣвочка робко отступила назадъ, и, когда кормилица начала ее принуждать, она поднесла обѣ руки къ глазамъ, какъ-будто скрывая отъ себя собственное униженіе, и сказала: "о нѣтъ! нѣтъ! онъ не хочетъ меня! онъ не хочетъ меня!".

Этотъ маленькій споръ обратилъ на себя вниманіе м-ра Домби, который между тѣмъ сидѣлъ за столомъ и пилъ вино.

– Что тамъ такое? – спросилъ онъ.

– Миссъ Флоренса, – отвѣчала Ричардсъ, – желаетъ съ вами проститься, да только боится васъ обезпокоить.

– Ничего, ничего, – возразилъ м-ръ Домби. – Пусть идетъ не смотря на меня.

Выслушавъ этотъ двусмысленный отвѣтъ, Флоренса проворно ускользнула изъ комнаты, прежде чѣмъ кормилица успѣла оглянуться.

Какъ бы то ни было, добрая Полли чрезвычайно радовалась успѣху своей хитрости и обо всемъ тотчасъ же рассказала Выжигѣ, когда та пришла въ ея комнату. Но, сверхъ ожиданія, миссъ Нипперъ довольно холодно приняла это доказательство дружеской довѣренности, и вовсе не пришла въ восторгъ, когда м-съ Ричардсъ объявила, что съ этой поры имъ можно видѣться во всякое время.

– Я думала, вамъ будетъ это пріятно, – сказала Полли.

– Мнѣ очень пріятно, очень пріятно, м-съ Ричардсъ, покорно благодарю, – отвѣчала Сусанна, вдругъ вытянувшись въ струнку, какъ-будто вставили новую кость въ ея корсетъ.

– Этого однако-жъ не видно, – замѣтила Полли.

– Я живу здѣсь всегда, м-съ Ричардсъ, а не на время, какъ вы, – отвѣчала Сусанна, – мнѣ было бы глупо болтать все, что ни подвернется подъ языкъ. Сосѣдній домъ можетъ быть очень хорошъ, вѣроятно, даже лучше, чѣмъ здѣшній; но у меня нѣтъ никакой охоты бросать свое мѣсто и идти куда бы то ни было. Такъ-то м-съ Ричардсъ!

Глава IV

Здѣсь выступаютъ на театрѣ приключеній новыя лица

Контора Домби и Сына находится въ Сити, въ главной торговой части Лондона, тамъ, гдѣ слышенъ звонъ баустритскихъ колоколовъ, если не заглушаетъ его ученый шумъ. Гогъ и Магогъ, двѣ знаменитыя городскія статуи, отстояли отъ нея минутъ на десять обыкновенной ходьбы; королевская биржа еще ближе, а великолѣпнымъ сосѣдомъ ея былъ англійскій банкъ съ его подземными подвалами, набитыми золотомъ и серебромъ.

На углу улицы возвышался богатый домъ остиндской компаніи, котораго имя напоминало драгоценныя камни и ткани, тигровъ, слоновъ, гуки, зонтики, пальмовыя деревья, паланкины, и смуглыхъ, разодѣтыхъ князьковъ, съ важностью засѣдающихъ на коврахъ въ своихъ золотыхъ туфляхъ. Почти тутъ же кое-гдѣ виднѣлись картины кораблей, плывущихъ на всѣхъ парусахъ во всѣ части свѣта; магазины со всѣми возможными товарами, готовые нагрузить въ полчаса всякой всячиной всякую денежную душу, и, наконецъ, тутъ же, для полноты эффекта, на дверяхъ лавокъ съ навигаціонными инструментами выставлены были маленькіе деревянные мичманы въ старинныхъ морскихъ мундирахъ, какъ-будто для наблюденій за профѣзжающими экипажами.

Одна изъ такихъ деревянныхъ вывѣсокъ представляла фигуру въ чудовищномъ камзолѣ въ башмакахъ съ пряжками, съ огромнымъ оптическимъ инструментомъ передъ правымъ глазомъ. Творецъ и единственный властитель этого мичмана, пожилой джентльменъ въ валлійскомъ парикѣ, справедливо гордившійся своимъ произведеніемъ, уже очень давно платилъ квартирныя, гильдейскія и пошлинныя деньги, такъ давно, что еще до рожденія самаго стараго изъ всѣхъ мичмановъ, а извѣстно, что въ англійскомъ флотѣ нѣтъ недостатка въ мичманахъ очень почтеннаго возраста.

Лавка этого пожилого джентльмена наполнена была хронометрами, барометрами, телескопами, компасами, секстантами, квадрантами и всякаго рода инструментами, необходимыми въ навигаціонномъ дѣлѣ для управленія кораблемъ, морскихъ вычисленій и открытій. Мѣдныя и стеклянныя вещи въ строгой симметріи разложены были въ ящики и на полки, такъ что непосвященному въ тайны этихъ инструментовъ никогда бы не удалось ни отгадать ихъ употребленія, ни уложить по мѣстамъ, если бы вздумалось ихъ вынуть и рассмотреть. Каждая вещь укладывалась въ футляръ краснаго дерева такъ плотно, что малѣйшій уголокъ ея крѣпко прижимался къ вырѣзкѣ, обклеенной сукномъ, – и все это было заперто для предохраненія отъ порчи или безпорядка при морской качкѣ. Относительно сбереженія мѣста и плотнѣйшей укладки инструментовъ взяты были такія необыкновенныя мѣры, – такъ много нужнаго для пракческаго мореплаванія было уложено и заперто въ каждомъ ящикѣ, что лавка, какъ самые инструменты, имѣла удивительно-компактный характеръ и скорѣе походила на пловучій футляръ, которому недоставало только морской воды, чтобъ безопасно пуститься на какой-нибудь отдаленный, необитаемый островъ.

Подробности домашней жизни почтеннаго хозяина морскихъ инструментовъ, гордаго своимъ деревяннымъ мичманомъ, еще болѣе подтверждали эту мысль. Обширный кругъ его знакомыхъ состоялъ изъ однихъ шкиперовъ, кушавшихъ за его столомъ настоящіе корабельные сухари и копченое мясо. Соленые припасы подавались въ кувшинахъ съ надписью: "торговля корабельной провизіей", а горячіе напитки обыкновенно приносились въ низенькихъ, съ короткими горлышками бутылкахъ, употребляемыхъ только на морѣ. По стѣнамъ, въ симметрическомъ порядкѣ, висѣли рисунки кораблей, съ алфавитнымъ описаніемъ ихъ мистерій; каминь украшенъ былъ рѣдкими раковинами, мохомъ и морскими растеніями; а небольшая контора позади лавки освѣщалась, на подобіе корабельной каюты, стекляннымъ люкомъ.

Хозяинъ лавки, шкиперъ этого пловучаго футляра, жилъ одинъ одиухонекъ только съ однимъ племянникомъ, Вальтеромъ, четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, который для полнаго довершенія мѣстной характеристики, совершенно похожъ былъ на гардемарина. Зато самъ Соломонъ Гильсъ, или, какъ обыкновенно его называли, старикъ Соль – рѣшительно не имѣлъ принадлежностей истиннаго моряка. Онъ былъ человѣкъ медлительный, молчаливый, угрюмый, и въ своемъ валлійскомъ парикѣ, гладкомъ и упругомъ, какъ только можетъ быть валлійскій парикъ, всего меньше походилъ на корсара. Красные глаза мелькали у него, какъ два миниатюрыя солнца сквозь туманъ, и взглядъ его былъ такъ мутенъ, какъ будто онъ сряду три или четыре дня постоянно смотрѣлъ въ сильныя стекла оптическихъ инструментовъ и потомъ вдругъ, обративъ глаза, увидѣлъ всѣ предметы въ зеленомъ свѣтѣ. Перемѣны въ его костюмѣ не было почти никакой: изрѣдка только перемѣнялъ онъ свою кофейную пару платья съ свѣтлыми пуговицами на другую, тоже кофейнаго цвѣта, но уже съ брюками изъ свѣтлой нанки. Его шея была стянута высокими, стоячими воротничками, лобъ украшался парой лучшихъ очковъ, а въ карманѣ лежалъ у него огромный хронометръ, и старикъ такъ вѣровалъ въ дѣйствительность его показаній, что скорѣе готовъ былъ заподозрить въ заговорѣ всѣ стѣнные и карманные часы во всемъ городѣ и даже самое солнце, нежели усомниться въ драгоценномъ хронометрѣ. Такъ прожилъ онъ многіе годы въ своей лавкѣ и маленькой конторѣ за своимъ деревяннымъ мичманомъ; онъ спалъ всякую ночь на чердакѣ, вдали отъ другихъ квартиръ, гдѣ, по временамъ, къ его наслажденію, свистѣлъ вѣтеръ и бушевала буря, между тѣмъ какъ почтенные жильцы нижнихъ этажей не имѣли ни малѣйшаго понятія о погодѣ.

Читатель познакомился съ Соломономъ Гильсомъ въ осенній день, въ половинѣ шестого часа пополудни, въ то самое время, когда старикъ вынулъ изъ кармана свой безукоризненный хронометръ. Городскія улицы начинали пустѣть, народныя толпы отхлынули въ разныя стороны, густыя тучи нависли надъ горизонтомъ, и дождь, казалось, располагался идти цѣлую ночь. Всѣ барометры въ лавкѣ упали, и дождевыя капли уже накапывали на лакированную шляпу деревяннаго мичмана.

– Куда это запропастился Вальтеръ? – сказала Соломонъ Гильсъ, еще разъ посмотрѣвъ внимательно на хронометръ. – Вотъ ужъ полчаса, какъ обѣдъ готовъ, а его все нѣтъ да нѣтъ.

Повернувшись за конторкою на своемъ стулѣ, м-ръ Гильсъ нагнулся къ окну и посмотрѣлъ сквозь инструменты, не идетъ ли его племянникъ. Но племянника на улицѣ не было. Мимо его лавки тащились запоздалые пѣшеходы съ вымоченными зонтиками, да еще мальчишка, разнощикъ афишъ, лѣниво плелся въ своемъ засаленномъ клеенчатомъ картузѣ и, останавливаясь передъ дверьми, чертилъ пальцемъ свое имя на мѣдной доскѣ, гдѣ красовалась фамилія м-ра Домби.

– Еслибъ я не зналъ, что онъ меня горячо любить и никогда не рѣшится безъ моего согласія уйти на корабль, его отсутствіе очень встревожило бы меня, – проворчалъ м-ръ Гильсъ, постукивая пальцами о стекла двухъ или трехъ барометровъ, – да, очень встревожило бы. Всѣ барометры упали! Какая мокрота на улицахъ! Мнѣ кажется, – продолжалъ онъ, сдувая пыль со стекла компаснаго ящика, – эта стрѣлка не такъ постоянна, какъ привязанность Вальтера!

– Дядюшка!

– А, это ты, мой милый! – вскричалъ мастеръ морскихъ инструментовъ, быстро поворачиваясь назадъ. – Насилу-то воротился!

Въ комнату вбѣжалъ веселый, быстроглазый, кудрявый мальчикъ, съ лицомъ, покраснѣвшимъ отъ поспѣшной ходьбы на дождѣ.

– Ну, дядюшка, что ты безъ меня подѣлывалъ? Готовъ ли обѣдъ? Мнѣ ужасно хочется ѣсть.

– Что подѣлывалъ? – добродушно сказалъ Соломонъ. – Развѣ мнѣ нечего дѣлать безъ такого повѣсы, какъ ты? Обѣдъ ужъ съ полчаса готовъ, и я тоже проголодался!

- Так идемъ, дядюшка, – вскричалъ мальчикъ, – да здравствуетъ адмираль.
- Пропади онъ совсѣмъ! – возразилъ Соломонъ Гильсъ. Ты вѣрно хотѣлъ сказать о лордъ-мерѣ?
- Все нѣтъ! – Да здравствуетъ адмираль! Да здравствуетъ адмираль! Маршъ впередъ!
- При этой командѣ валлійскій парикъ и его хозяинъ безъ сопротивленія были втиснуты въ маленькую контору. Дядюшка Соль и племянникъ усердно принялись за холодное, имѣя въ перспективѣ отличное блюдо жаркого.
- Да здравствуетъ лордъ-меръ, любезный Валисъ! – сказалъ Соломонъ. – На что намъ адмиралы! Теперь твой адмираль – лордъ-меръ.
- А кто это повѣсилъ на гвоздь мою серебряную кружку? – спросилъ молодой человѣкъ.
- Я, – отвѣчалъ дядя, – она теперь не нужна; мы сегодня станемъ пить изъ стакановъ, Вальтеръ, какъ люди дѣловые, какъ граждане. Не такъ ли? Вѣдь съ нынѣшняго утра мы вступили съ тобой на широкую дорогу жизни.
- Хорошо, дядюшка, – сказалъ мальчикъ, – я буду пить за твое здоровье изъ чего угодно и сколько могу. Да здравствуетъ дядюшка Соль и...
- Лордъ-меръ! – прервалъ старикъ.
- Да здравствуетъ лордъ-меръ и вся городская дума! – вскричалъ мальчикъ.
- Дядя съ величайшимъ удовольствіемъ кивнулъ головой.
- Ну, теперь расскажи-ка намъ про свой торговый домъ! – прибавилъ Соломонъ Гильсъ.
- О, дядюшка, про него нечего много рассказывать, – отвѣчалъ мальчикъ, усердно работая ножомъ и вилокъ, – контора ужасно темна и угрюма; въ той комнатѣ, гдѣ сажу я, – высокій каминъ, желѣзная касса, нѣсколько картъ, календарь, попитры, стулья, чернильница, книги, коробки и пропасть паутины, такъ что одна густая гряда прямехонько виситъ надъ моей головой.
- И больше ничего? – спросилъ дядя.
- Ничего, кромѣ старой клѣтки, – не знаю, какъ она туда попала! – да еще корзинки съ углями.
- А счетныя, вексельныя, долговыя книги и другія принадлежности коммерческихъ оборотовъ богатаго дома? – сказалъ старикъ, внимательно взглянувъ на племянника сквозь туманъ, постоянно помрачавшій его глаза, и придавая особенное выраженіе словамъ.
- О, этого добра я думаю, очень много, – отвѣчалъ безпечно мальчикъ, – но вѣдь все это лежитъ въ комнатахъ м-ра Каркера, м-ра Морфина или м-ра Домби.
- Былъ сегодня въ конторѣ м-ръ Домби? – спросилъ дядя.
- О, да! Онъ очень часто приходилъ и уходилъ.
- Съ тобой, разумѣется, ничего не говорилъ?
- Нѣтъ, говорилъ. Проходя мимо меня – какой суровый, жестокий человѣкъ! – онъ сказалъ: – "а, ты сынъ м-ра Гильса, мастераморскихъ инструментовъ?" – Племянникъ, сэръ, – отвѣчалъ я. – "Ну, да, любезный, я и говорю, племянникъ", – возразилъ онъ. А право, дядюшка, онъ назвалъ меня твоимъ сыномъ, а не племянникомъ.
- Ты ошибся, мой другъ, – вотъ и все. Да впрочемъ небольшая бѣда.
- Конечно, небольшая. Только непріятно, что онъ такъ гордъ и грубъ. Потому м-ръ Домби сказалъ, что ты говорилъ съ нимъ обо мнѣ, что онъ нашель мнѣ мѣсто въ своей конторѣ, что я долженъ быть прилеженъ, аккуратенъ и... уменъ. Кажется, я не слишкомъ ему понравился.
- Ты хочешь сказать, – замѣтилъ старикъ, – что онъ не слишкомъ тебѣ понравится.
- Можетъ быть, и такъ, дядюшка, – отвѣчалъ улыбаясь мальчикъ, – только я объ этомъ не думалъ.

Послѣ обѣда Соломонъ развеселился и отъ времени до времени посматривалъ на племянника. Когда убрали со стола и сняли скатерть, – кушанье было принесено изъ сосѣдняго трактира, – онъ спустился въ погребу въ сопровожденіи мальчика, который со свѣчею въ рукахъ

остановился на сырой лестницѣ. Порывшись нѣсколько времени въ разныхъ углахъ, онъ воротился со старой, заплесневѣлой бутылкой, покрытой пылью и пескомъ.

– Что ты дѣлаешь, дядюшка, – вскричалъ мальчикъ, – вѣдь это твоя завѣтная мадера? Ея всего двѣ бутылки.

Старикъ Соль значительно кивнулъ своей головой, давая знать, что понимаетъ въ чемъ штука, и съ торжественной важностью вытащилъ пробку. Потомъ онъ налилъ два стакана и поставилъ бутылку на столъ вмѣстѣ съ третьимъ пустымъ стаканомъ.

– Другую бутылку, Валли, – сказалъ онъ, – мы разопьемъ, когда ты составишь свою карьеру, то есть когда сдѣлаешься ты порядочнымъ, почтеннымъ, счастливымъ человекомъ, – то есть когда путеводная звѣзда новой, сегодня начатой тобой жизни, – о, если бы Богъ услышалъ мою молитву! – выведетъ тебя на ровный, гладкій путь того поприща, на которое ты вступилъ. Благословляю тебя отъ всей души!

Туманъ, постоянно висѣвшій на глазахъ старика, какъ-будто опустился ему на горло: голосъ его сдѣлался хриплымъ и рука дрожала, когда онъ начиналъ чокаться съ племянникомъ. Но лишь только онъ попробовалъ вина, тяжелое бремя свалилось съ его плечъ, и ясная, спокойная улыбка показалась на лицѣ.

– Любезный дядюшка, – сказалъ растроганный мальчикъ, стараясь улыбнуться сквозь слезы, – приношу тебѣ мою глубокую благодарность за честь... и прочая, и прочая, и прочая! Теперь позволь мнѣ предложить тостъ. Vivat, м-ръ Соломонъ Гильсъ! Да здравствуетъ онъ сто тысячъ разъ! ура!.. Ты оплатишь мнѣ, дядюшка, когда разопьемъ съ тобой послѣднюю бутылку: не правда ли?

Они опять чокнулись. Вальтеръ, бережливый на вино, только обмочилъ губы и, поднявъ стаканъ, принялся разсматривать его съ напряженнымъ вниманіемъ. Нѣсколько минутъ дядя безмолвно смотрѣлъ на племянника, и потомъ, когда глаза ихъ встрѣтились, Соломонъ громко продолжалъ свою мысль, какъ будто не переставалъ говорить:

– Ты видишь, Валли, – сказалъ онъ, – я совершенно сроднился со своимъ мастерствомъ. Я такъ къ нему привыкъ, что не могу и жить безъ этихъ занятій. И между тѣмъ дѣла идутъ дурно, очень дурно. Когда носили вотъ эти мундиры, – прибавилъ онъ, указывая на деревяннаго мичмана, – такъ можно было заниматься дѣломъ и стоило! А теперь... конкуренціи, новыя изобрѣтенія, моды... свѣтъ перегналъ меня. Не знаю, куда дѣвались мои покупатели, да и самъ я Богъ знаетъ гдѣ.

– Полно, дядюшка, не думай объ этомъ.

– Съ тѣхъ поръ, какъ ты воротился изъ пансіона, а этому ужъ десять дней, – продолжалъ Соломонъ, – я помню, только одинъ человекъ и заглянулъ въ нашу лавку.

– Нѣтъ, двое, дядюшка! Развѣ ты не помнишь? Сперва приходилъ мужчина размѣнять червонецъ...

– Ну, да, – и больше никого.

– Какъ, дядюшка! А развѣ ты забылъ женщину, помнишь, что входила спросить, гдѣ пройти въ Тернпэйкъ?

– Да, я и забылъ. Точно, двое.

– Но, вѣрно, они ничего не купили? – вскричалъ мальчикъ.

– Разумѣется, не купили ничего! – спокойно отвѣчалъ Соломонъ.

– Да, кажется, имъ ничего и не нужно было?

– Конечно, иначе они купили бы въ другой лавкѣ, – проговорилъ Соломонъ тѣмъ же тономъ.

– Но все же приходило двое, а ты говоришь, что одинъ! – проговорилъ мальчикъ торжествующимъ тономъ, какъ будто открытіе забытой посѣтительницы было важною находкой.

– Эхъ, Вальтеръ, – началъ старикъ, помолчавъ немного, – вѣдь мы не дикари на пустомъ острову Робинзона Крузо. Ну, что толку, что одинъ размѣнялъ у насъ червонецъ, а другая

справилась о дорогѣ: будешь ли съ этого сытъ? Право, свѣтъ перегнать меня и не подь силу мнѣ идти за нимъ. Все теперъ не то, что прежде: и мастера не такіе, и ученики не такіе, и дѣла не тѣ, и товары не тѣ. Инструменты мои вышли изъ моды, и я старый торговецъ въ старой лавкѣ... куда и къ чему я пригодень? Улица наша тоже не та... все рѣшительно не такъ, какъ прежде. Да, я отсталъ отъ времени и поздно, очень поздно догонять его. Шумъ жизни тревожитъ меня...

Вальтеръ хотѣлъ отвѣчать, но дядя остановилъ его.

– Вотъ почему, Валли, мнѣ хотѣлось бы поскорѣй пристроить тебя на этомъ дѣловомъ свѣтѣ. Я ужъ не дѣлецъ, а такъ себѣ, только тѣнь дѣлового человѣка: умру – и тѣни не будетъ. Это плохое для тебя наслѣдство! Хорошо еще, что могъ употребить въ твою пользу почти единственный остатокъ моихъ старыхъ связей. Сосѣди думаютъ, что я богатъ. Желалъ бы для твоего счастья, чтобъ это была правда. Во всякомъ случаѣ, поступивъ въ контору Домби, ты выбралъ прекрасную дорогу. Будь дѣятеленъ, дитя мое, трудись, устраивай свою карьеру, и... Господь благословить тебя!

– Постараюсь всѣми силами оправдать твои надежды, любезный дядюшка, и не забуду твоихъ совѣтовъ, – съ твердостью отвѣчалъ мальчикъ.

– Знаю и не сомнѣваюсь въ этомъ, – отвѣчалъ Соломонъ и съ возрастающимъ удовольствіемъ принялся за второй стаканъ мадеры. – Ну, а что касается до морской службы, Валли, – продолжалъ онъ, – такъ это довольно хорошо въ воображеніи, въ мечтахъ, а на дѣлѣ не годится, совсѣмъ не годится! Разумѣется, глазѣя на эти снаряды, ты привыкъ мечтать о морѣ, – но все это вздоръ, другъ мой, то есть рѣшительный вздоръ!

Однако-жъ Соломонъ Гильсъ, говоря о морѣ, потиралъ руки съ тайнымъ удовольствіемъ и смотрѣлъ на свои морскіе инструменты съ невыразимымъ наслажденіемъ.

– Вотъ, напримѣръ, это вино, – продолжалъ старикъ, – оно Богъ знаетъ сколько разъ прогуливалось въ Остъ-Индію взадъ и впередъ и даже совершило путешествіе вокругъ свѣта, – видѣло ночи, черныя какъ смоль, слышало свистъ вѣтровъ, ревъ моря...

– Громъ, молнію, дождь, градъ, – всевозможныя бури! – съ живостью вскричалъ мальчикъ.

– Да, – сказала Соломонъ, – это вино прошло по всѣмъ мытарствамъ. Вообразь, мой милый, какъ скрипятъ и трещатъ корабельныя мачты, какъ воеетъ вѣтеръ между канатами и снастями.

– Какъ матросы бѣгаютъ взапуски и карабкаются на реи, какъ спѣшатъ укрѣпить паруса, а корабль между тѣмъ летитъ и прыгаетъ, какъ бѣшеный! – вскричалъ племянникъ.

– Все, все видала старая бочка съ этой почтенной мадерой, – сказала Соломонъ. – Когда "Прекрасная Салли" отплыла...

– Въ Балтійское море, въ темную ночь! Помню, помню... Она погибла въ самую полночь, четырнадцатаго февраля тысяча семьсотъ сорокъ девятого года! – вскричалъ Вальтеръ съ большимъ одушевленіемъ.

– Да, именно такъ! – отвѣчалъ Соломонъ. – На кораблѣ было пятьсотъ бочекъ съ этимъ виномъ, и весь экипажъ, за исключеніемъ перваго мачтоваго, перваго лейтенанта, двухъ матросовъ и одной дамы, которые пересѣли въ лодку, – бросился къ бочкамъ, разбилъ ихъ, напился мертвецки пьянъ и, торжественно распѣвая "Rule Britannia", пошелъ ко дну, вмѣстѣ съ кораблемъ, при адскихъ крикахъ и проклятіяхъ.

– А помнишь, дядюшка, какъ страшный вѣтеръ прибилъ "Георга Второго" къ берегамъ Корнваліса, за два часа до захода солнца, четырнадцатаго марта семьдесятъ перваго года? На кораблѣ было до двухсотъ лошадей: испуганныя бурей, онѣ сорвались, бѣгали подь палубой взадъ и впередъ, топгали другъ друга, ржали, стонали и подняли такой невыразимый гвалтъ, что экипажъ вообразилъ, будто кораблемъ овладѣли тысячи чертей. Лучшіе матросы, потерявъ присутствіе духа, побросались въ море и только двое остались въ живыхъ, чтобъ рассказать о происшествіи.

– А помнишь, – сказалъ старикъ Соль, – когда "Полифемъ"...

– Торговый вестиндскій транспортъ Онерса, Вигса и К°, въ триста пятьдесятъ тоннъ, капитанъ Джонъ Броунъ изъ Дептфорта? – вскричалъ Вальтеръ.

– Тотъ самый, – отвѣчалъ Соломонъ. – Когда на немъ въ четвертый день плаванія показался огонь...

– Да, на кораблѣ были тогда два брата! – прервалъ племянникъ съ живостью и одушевленіемъ. – Въ единственномъ корабельномъ ботѣ, набитомъ людьми, оставалось только одно мѣсто, и ни одинъ изъ братьевъ не хотѣлъ занять его до тѣхъ поръ, пока старшій не бросилъ туда младшаго насильно. Тогда этотъ юноша, поднявшись въ лодкѣ, закричалъ: "Любезный Эдуардъ! подумай о своей невѣстѣ! Я еще мальчикъ, и никто не ждетъ меня дома. Ступай скорѣй на мое мѣсто!" – и съ этими словами онъ бросился въ море.

Вальтеръ, воодушевленный разказомъ, вскочилъ со стула; его блестящіе глаза и живой румянецъ, казалось, напомнили Соломону что-то такое, о чемъ онъ совершенно забылъ. Въ-сто того, чтобы продолжать любимые анекдоты, онъ сухо откашлялся и сказалъ: – Поговоримъ-ка о другомъ, Валли!

Дѣло въ томъ, что тайная страсть къ чудесному и необыкновенному, развитая въ Соломонѣ самымъ ремесломъ, перешла во всей полнотѣ и къ его племяннику. Напрасно старались дать другое направленіе его наклонностямъ: никакія мѣры не помогали, и препятствія, казалось, еще болѣе раздражали эту страсть. Извѣстно, что всѣ книги и сказки, какія пишутся и разказываются дѣтямъ съ цѣлью привязать ихъ къ землѣ, имѣютъ совершенно обратное дѣйствіе и неотразимо влекутъ ихъ къ морской стихіи.

Между тѣмъ маленькое общество увеличилось новымъ лицомъ. Это былъ мужчина въ синемъ плащѣ, съ густыми черными бровями, у котораго вмѣсто правой кисти торчалъ изъ рукава крюкъ, а въ лѣвой рукѣ была голстая палка, шишковатая, какъ и его носъ. На шеѣ красовался у него огромный черный шелковый платокъ, а высокіе воротники рубашки были такъ толсты и грубы, что скорѣе походили на парусъ. Ясно, что это былъ гость, для котораго поставленъ третій стаканъ, и онъ, по-видимому, хорошо это зналъ. Повѣсивъ за дверью на гвоздь свой плащъ и жесткую клеенчатую шляпу, отъ которой на лбу его оставалась красная полоса, какъ будто отъ желѣзныхъ тисковъ, – онъ взялъ стулъ, придвинулъ къ столу и сѣлъ прямо передъ стаканомъ. Этого посѣтителя называли капитаномъ; вѣроятно, былъ онъ штурманъ или шкиперъ, а, можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ.

Лицо его, загорѣлое и суровое, прояснилось, когда онъ пожалъ руку дядѣ и племяннику; но, по-видимому, онъ былъ не слишкомъ разговорчивъ и выражался лаконически.

– Ну, что? – спросилъ онъ.

– Ладно! – отвѣчалъ Соломонъ, подвигая вино.

Гость приподнялъ бутылку и, осмотрѣвъ внимательно, сказалъ съ особымъ выраженіемъ:

– Та?

– Та самая! – отвѣчалъ продавецъ морскихъ инструментовъ.

Капитанъ налилъ стаканъ и, насвистывая какую-то мелодію, казалось, размышлялъ о необыкновенномъ праздникѣ.

– Вальтеръ, – сказалъ онъ, приглаживая своимъ крчкомъ рѣдкіе волосы и указывая на Соломона: – "Чти дядю твоего и воспитателя твоего со страхомъ и трепетомъ, да благо ти будетъ, и долготѣнь будещи на водѣ". Отыщи этотъ текстъ въ своей книгѣ и загни листокъ. Да благословить тебя Богъ!

Онъ такъ былъ доволенъ приведенной цитатой, что повторилъ ее опять, говоря, что ужъ лѣтъ сорокъ не читалъ этого.

– Я никогда не затруднялся, если мнѣ нужны были правила въ жизни, – замѣтилъ онъ. – Я не тратилъ словъ, какъ другіе.

Эта сентенція напомнила ему, что теперь они были не совсем бережливы на слова. Он задумался и молчал до тех пор, пока старик Соль не вышел в лавку за свѣчей; тогда обратился къ Вальтеру, гость, безъ всякаго предварительнаго введенія, сказалъ:

– Мнѣ кажется, онъ могъ бы сдѣлать часы, если бы захотѣлъ?

– Непремѣнно, – подтвердилъ мальчикъ, – я не сомнѣваюсь въ этомъ, капитанъ Куттль.

– И какъ бы они пошли! – сказалъ гость, выводя своимъ крюкомъ воздушные фантастическіе зигзаги. – Чортъ побери! какъ бы они пошли!

Двѣ или три минуты капитанъ Куттль, казалось, былъ погруженъ въ созерцаніе своихъ идеальныхъ часовъ, и смотрѣлъ неподвижно на мальчика, какъ-будто лицо его служило циферблатомъ.

– Да, онъ напичканъ познаніями, – продолжалъ капитанъ, указывая на инструменты. – Посмотри, чего тутъ нѣтъ? Земля, воздухъ, вода – все ему покорно. Хочешь подняться къ облакамъ на аэростатѣ, спуститься на дно моря подъ водолазнымъ колоколомъ, – все къ твоимъ услугамъ! Задумай, пожалуй, достать и взвѣсить полярную звѣзду, онъ и тутъ къ твоимъ услугамъ!

Ясно, почтенный капитанъ питалъ глубокое уваженіе къ морскимъ инструментамъ, и его философія вовсе не знала или находила очень небольшое различіе между продажей и изобрѣтеніемъ этихъ вещей.

– Ахъ, – сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, – хорошо понимать эти штуки, хорошо и не понимать! Не знаю, что лучше. Пріятно сидѣть здѣсь и знать, что тебя могутъ взвѣсить, вымѣрить, намагнитизировать, наэлектризовать, на... и чортъ знаетъ, что еще, – и не понимать, какимъ образомъ!

Удивительная мадера, соединяясь съ благопріятнымъ случаемъ, развязала языкъ капитана, и онъ со славой произн. есь эту назидательную рѣчь. Но, казалось, почтенный морякъ никакъ не могъ себѣ растолковать, какимъ образомъ высказалъ онъ то, что бродило у него въ головѣ цѣлые десятки лѣтъ, всякій разъ какъ по воскресеньямъ обѣдалъ онъ въ этой лавкѣ. Онъ снова задумался и замолчалъ.

– Послушай, Недъ, – вскричалъ Соломонъ Гильсъ, входя опять въ комнату, – не лучше ли намъ опорожнить эту бутылку прежде, чѣмъ примемся за грогъ?

– Идетъ! – отвѣчалъ капитанъ, наливая свой стаканъ. – А что же твой племянничекъ?

– Выпьетъ и онъ, – отвѣчалъ Соломонъ. – Выпьемте всѣ за благосостояніе торговаго дома Вальтера, за будущую его контору! Кто знаетъ? Сэръ Ричардъ Виттингтонъ женился же на дочери своего хозяина.

– Прими-ка это къ свѣдѣнію, Вальтеръ! – сказалъ улыбаясь капитанъ.

– Хотя у м-ра Домби и нѣтъ дочери... – началъ Соль.

– Есть, есть, дядюшка! – закричалъ мальчикъ, покраснѣвъ и засмѣявшись.

– Есть? – воскликнулъ старикъ. – Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, должна быть.

– О, я навѣрное знаю, – отвѣчалъ мальчикъ. – Объ этомъ я слышалъ сегодня въ конторѣ. Говорятъ, – продолжалъ онъ, понизивъ голосъ, – отецъ не любитъ ея. У него только и на умѣ, какъ бы поскорѣе присоединить сына къ торговому дому, хотя тотъ еще не вышелъ изъ пеленокъ. Онъ высчитываетъ балансъ – и думаетъ о сынѣ, любитъ своими кораблями – и съ восторгомъ воображаетъ, что всѣ эти сокровища принадлежатъ ему вмѣстѣ съ сыномъ. Вотъ что говорятъ. Впрочемъ я не знаю.

– Э! да молодецъ ужъ все провѣдалъ о ней! – сказалъ Соломонъ.

– Полно, дядюшка! – отвѣчалъ мальчикъ, смѣясь и краснѣя болѣе прежняго. – Что-жъ дѣлать когда я слышалъ это!

– Боюсь, Недъ, какъ бы этотъ сынъ не загородилъ намъ дорогу! – прибавилъ старикъ, съ улыбкой посматривая на племянника.

– Очень можетъ статья, – отвѣчалъ капитанъ.

– Но мы все-таки выпьем за его здоровье, – продолжалъ Соль. – Да здравствуютъ Домби и Сынъ!

– Прекрасно, дядюшка! – весело вскричалъ мальчикъ. – Но тоть необходимо надобно измѣнить. Вы говорите, что я все провѣдалъ о дочери моего хозяина, и заранѣе меня съ ней соединяете, слѣдовательно... Да здравствуетъ Домби и Сынъ – и дочь!

Глава V Крестины Павла

Рабочая кровь Тудлей пошла въ прокъ маленькому джентльмену. Благородный сынъ м-ра Домби съ каждымъ днемъ замѣтно выросталъ и укрѣплялся. Миссъ Токсъ также съ каждымъ днемъ сильнѣе привязывалась къ Павлу, и ея почти набожная къ нему любовь до такой степени подѣйствовала на м-ра Домби, что онъ началъ считать ее женщиной съ большими природными дарованіями и при многихъ случаяхъ раскланивался съ ней совершенно особеннымъ образомъ. Онъ даже торжественно признался въ своемъ благоволеніи передъ сестрой и не разъ изволилъ говорить ей: – "Луиза! скажи миссъ Токсъ, что я ей весьма обязанъ!" Это необыкновенное вниманіе производило глубокое впечатлѣніе на леди, удостоившуюся такого отличія.

Миссъ Токсъ часто увѣряла м-съ Чиккъ, что ничто не можетъ сравниться съ участіемъ, какое она принимаетъ въ развитіи милаго ребенка, и безпристрастный наблюдатель могъ замѣтить, что поступки ея въ полной мѣрѣ согласовались съ словами. Она съ невыразимымъ наслажденіемъ смогрѣла на невинные обѣды юнаго джентльмена, какъ будто насыщеніе его столько же зависѣло отъ нея, сколько и отъ кормилицы. – Съ такимъ же, если еще не большимъ энтузіазмомъ она присутствовала при маленькихъ церемоніяхъ купанья и туалета, а медицинская часть – наблюденіе за здоровьемъ ребенка – находилась въ полномъ ея распоряженіи. – Однажды, въ припадкѣ скромности, она принуждена была спрятаться въ шкафъ, когда м-ръ Домби вошелъ въ дѣтскую съ сестрой полюбоваться, какъ сынъ его, ложась въ постель, будетъ въ коротенькой рубашечкѣ разгуливать по платью своей кормилицы. – Но миссъ Токсъ никакъ не выдержала, и въ избыткѣ нѣжнаго восторга закричала: "какъ онъ милъ, м-ръ Домби! какой купидончикъ!" – и тутъ же, опомнившись, она за дверью чуть не упала въ обморокъ отъ стыда и замѣшательства.

– Луиза, – сказала однажды м-ръ Домби своей сестрѣ, – я точно думаю, что, по случаю крестинъ Павла, нужно твоей пріятельницѣ сдѣлать какой-нибудь подарокъ. – Она съ самага начала приняла такое горячее участіе въ ребенкѣ и умѣла хорошо понять свое положеніе, – а это въ нашемъ свѣтѣ, къ сожалѣнію, большая рѣдкость. Мнѣ очень бы хотѣлось отличить ее чѣмъ-нибудь.

Въ глазахъ м-ра Домби это значило, что миссъ Токсъ умѣла вести себя совершенно приличнымъ образомъ въ отношеніи къ его особѣ.

– Любезный Павелъ, – отвѣчала сестра, – ты отдаешь справедливость миссъ Токсъ, чего разумѣется и должно ожидать отъ человѣка съ такимъ пронизательнымъ умомъ. – Если въ англійскомъ языкѣ есть три слова, къ которымъ она питаетъ глубочайшее уваженіе, такъ эти слова – Домби и Сынъ.

– Вѣрю, – сказала м-ръ Домби. – Это дѣлаетъ честь почтенной миссъ Токсъ.

– И всякій подарокъ, любезный Павелъ, – продолжала м-съ Чиккъ, – все, что ни вздумалъ бы ты предложить, миссъ Токсъ, нѣтъ сомнѣнія, приметъ отъ тебя съ благоговѣніемъ, какъ святыню. Но я знаю, милый Павелъ, чѣмъ бы ты могъ выразить свою признательность къ миссъ Токсъ... да, это было бы для нея очень, очень лестно, если бы ты захотѣлъ.

– Что такое? – спросилъ м-ръ Домби.

– Разумѣется, крестный отецъ и крестная мать, – продолжала миссъ Чиккъ, – необходимы въ свѣтѣ для связей и покровительства.

– Не знаю, почему они должны быть необходимы для моего сына, – холодно сказала м-ръ Домби.

– Что правда, то правда, любезный Павелъ, – перебила миссъ Чиккъ съ необыкновенной живостью, – ты неизмѣнно вѣренъ самому себѣ. Я не могла ожидать отъ тебя ничего другого, и очень хорошо предвидѣла твои мысли на этотъ счетъ. Можетъ быть, – и м-съ Чиккъ немного

приостановилась, как бы не зная, что говорить дальше, – может быть, именно поэтому ты и не станешь противиться, чтоб мисс Токс сдѣлалась крестной матерью нашего ангельчика, или, по крайней мѣрѣ, замѣнила ее на крестинахъ. Нечего и говорить, что она приметъ эту честь за величайшее счастье.

– Луиза, – сказала м-ръ Домби послѣ минутнаго молчанія, – нельзя не согласиться...

– Конечно, – вскричала мисс Чиккъ, спѣша предупредить отказъ, – я и не сомнѣваюсь въ этомъ.

М-ръ Домби съ нетерпѣніемъ посмотрѣлъ на сестру.

– Не противорѣчь, любезный Павелъ, – вскричала м-съ Чиккъ, – мнѣ это очень вредно. Я еще не опомнилась съ тѣхъ поръ, какъ скончалась наша бѣдная Фанни.

М-ръ Домби искоса взглянулъ на носовой платокъ, который сестра держала передъ глазами, и прибавилъ:

– Нельзя не согласиться, говорю я...

– А я говорю, – прервала м-съ Чиккъ, – что я не сомнѣвалась въ этомъ.

– Боже мой, Луиза! – вскричалъ м-ръ Домби.

– Нѣтъ, любезный Павелъ, – возразила она съ достоинствомъ, между тѣмъ какъ на глазахъ ея наворачивались слезы, – дай мнѣ договорить. У меня нѣтъ той силы убѣжденія, ума, краснорѣчія, какими отличаешься ты. Я очень хорошо это знаю, и тѣмъ хуже для меня. Но если ты хочешь выслушать мои послѣднія слова – а послѣднія слова должны быть для насъ священны, Павелъ, послѣ кончины любезной Фанни – такъ я скажу только, что никогда не сомнѣвалась въ этомъ. И что еще болѣе, – прибавила м-съ Чиккъ съ возрастающимъ достоинствомъ, какъ будто она берегла къ концу самое убѣлительнѣйшее доказательство, – я никогда не думала усомниться въ этомъ.

М-ръ Домби съ нетерпѣніемъ прошелъ по комнатѣ взадъ и впередъ.

– Нельзя не согласиться, Луиза, – продолжалъ онъ, не обращая вниманія на м-съ Чиккъ, которая съ неистовствомъ продолжала кричать: "я не сомнѣваюсь въ этомъ! я не сомнѣваюсь въ этомъ!" – нельзя не согласиться, что многія особы имѣли бы въ этомъ случаѣ больше права – еслибъ я только обращалъ вниманіе на право – нежели мисс Токс. Но это вздоръ: мнѣ нѣтъ дѣла до правъ. Торговый домъ подъ фирмой "Домби и Сынъ" будетъ держаться самъ собою, безъ посторонней помощи. Я не нуждаюсь ни въ какомъ и ни въ чемъ кумовствѣ. Надѣюсь, я стою выше толпы. Довольно, если дѣтство и юность Павла протекутъ благополучно безъ потери времени, и онъ приготовится вступить съ честью на ожидающій его путь. Впослѣдствіи онъ можетъ, если сочтетъ нужнымъ, избрать могущественныхъ друзей, чтобы поддержать, а въ случаѣ надобности, и увеличить кредитъ торговаго дома. До тѣхъ поръ я одинъ буду для него все и не хочу, чтобы другой сталъ между нами. Я готовъ выразить признательность твоей обязательной пріятельницѣ и соглашаюсь на предложеніе. Другихъ воспріемниковъ замѣнимъ мы твоимъ мужемъ.

Въ этой рѣчи, произнесенной съ необыкновеннымъ, истинно-вельможнымъ величіемъ, м-ръ Домби высказалъ свою задушевную тайну. Неописанная недовѣрчивость ко всякому, кто бы могъ стать между нимъ и сыномъ, гордая боязнь нажить соперника или участника въ любви и почтеніи ребенка, жестокой ударъ, такъ недавно нанесенный его всемогущей власти надъ другими, и жестокой страхъ при мысли о возможности другого, жесточайшаго удара, – вотъ что наполняло въ это время его душу. Во всю жизнь онъ не имѣлъ друга: его холодная, отталкивающая натура никогда не искала и не встрѣчала друзей. И теперь, когда эта натура сосредоточилась съ такою силою въ одну только страсть родительской любви и гордости, то ея ледяной потокъ, вмѣсто того, чтобъ вскрыться подъ благотворнымъ вліяніемъ этого чувства и свободно катить свои ясныя воды, казалось, растаялъ только на минуту для того, чтобъ снова замерзнуть въ твердую, непроницаемую массу.

Такимъ образомъ самое ничтожество миссъ Токсъ послужило къ возвышенію ея въ крестныя матери маленькаго Павла, – и съ этого часа она была избрана и предназначена къ великой должности. М-ръ Домби тутъ же изъявилъ желаніе, чтобъ торжество, такъ долго откладываемое, совершилось безъ замедленія. Сестра, одержавъ такую блистательную побѣду, превосходящую ея самыя смѣлыя ожиданія, отправилась съ пріятной новостью къ дорогой подругѣ, и м-ръ Домби остался одинъ въ библіотекѣ.

Въ дѣтской была ужасная скука. Тамъ сидѣли и бесѣдовали м-ръ Чиккъ и миссъ Токсъ, къ величайшей досадѣ миссъ Сусанны Нипперъ, которая была такъ разсержена ихъ присутствіемъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлала за дверью преуморительныя гримасы: надо же было хоть чѣмъ-нибудь выразить свою досаду. Какъ странствующие рыцари старинныхъ временъ облегчали сердце, вырѣзывая имена возлюбленныхъ въ пустыняхъ, въ лѣсахъ и другихъ неприступныхъ мѣстахъ, гдѣ, вѣроятно, никому не случалось читать ихъ, – такъ и миссъ Сусанна Нипперъ вздергивала носъ на ящики и комоды, высовывала языкъ на шкапы и моргала глазами на посуду, мимоходомъ ворча на каждомъ шагу.

Между тѣмъ собесѣдницы, въ блаженномъ невѣдѣніи того, что вокругъ нихъ происходило, внимательно наблюдали сцену раздѣванья, кормленья и укладыванья въ постель маленькаго Павла. По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, онѣ усѣлись за чайный столикъ передъ каминомъ, и теперь только, обернувшись къ дѣтскимъ кроваткамъ, онѣ вспомнили о миссъ Флоренсѣ, которая тоже, благодаря настойчивости Полли, съ нѣкотораго времени спала въ одной комнатѣ съ братомъ.

– Какъ она крѣпко спитъ! – сказала миссъ Токсъ.

– Вѣдь вы знаете, моя милая, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – она слишкомъ много рѣзвится съ маленькимъ Павломъ: устала!

– Это замѣчательная дѣвочка, – продолжала миссъ Токсъ.

– Вылитая мать! – возразила м-съ Чиккъ, понизивъ голосъ.

– Бѣдняжка, – сказала миссъ Токсъ. – О, Боже мой!

Эти слова миссъ Токсъ произнесла съ глубокимъ сожалѣніемъ, хотя сама не знала для чего.

– Флоренса никогда, никогда не будетъ Домби, – сказала м-съ Чиккъ, – проживи она хоть тысячу лѣтъ!

Миссъ Токсъ возвела очи свои горѣ, и духъ ея, видимо, сокрушался отъ полноты сердечной скорби.

– Меня ужасно беспокоитъ ея будущность, – сказала м-съ Чиккъ съ видомъ благочестивой кротости и смиренія. – Я не могу безъ ужаса вообразить, что станетъ съ нею, когда она вырастетъ? Бѣдняжка! какое мѣсто займетъ она въ свѣтѣ? Во мнѣніи отца она стоитъ невысоко, да иначе и быть не можетъ: въ ней ничего нѣтъ общаго съ Домби!

Физиономія миссъ Токсъ выразила ясно, что противъ такого убѣдительнаго аргумента нечего и возражать.

– Этотъ ребенокъ, – продолжала м-съ Чиккъ, съ искренней довѣренностью, – вылитая покойная Фанни! Она неспособна ни къ какому усилю, ручаюсь въ этомъ. Ни къ какому! Она никогда не пробьется въ сердце отца, никогда не обовьется около него, какъ...

– Какъ плющъ? – прибавила миссъ Токсъ.

– Какъ плющъ! – подтвердила м-съ Чиккъ. – Она никогда не бросится и не приникнетъ въ родительскія объятія, какъ...

– Робкая серна? – прибавила миссъ Токсъ.

– Какъ робкая серна! – сказала м-съ Чиккъ. – Никогда! Бѣдная Фанни! А какъ я, однакожь, любила ее!

– Не разстраивайте себя, моя милая, – сказала миссъ Токсъ умоляющимъ тономъ. – Успокойтесь, вы такъ чувствительны.

– Мы всё имеем недостатки, – сказала м-сь Чиккь, проливая слезы и покачивая головой, – да, у нас у всех есть недостатки. Я очень хорошо видела ее пороки, но никогда не давала этого замечать. Сохрани Бог! А как я любила ее!

Покойная м-сь Домби точно имела свои слабости и недостатки – увы! кто их не имеет! – но она была ангелом женской кротости и ума, если сравнить ее с м-сь Чиккь, с этой пустой, надутой бабой, которая теперь с таким же нахальством хвасталась своим мнимым покровительством, с каким во время оно при всяком удобном случае обнаруживала перед невѣсткой свое гордое снисхождение и терпимость. Как прекрасна терпимость, когда проистекает из чистого сердца, и как отвратительна, когда ею маскируется злой и гордый характер!

М-сь Чиккь еще продолжала в сердобольном умилении вытирать сухие глаза и знаменательно качать головою, как вдруг кормилица осмѣлилась замечать, что мисс Флоренса проснулась и сидит на кровати. В самом деле она проснулась, как говорила кормилица, и на ресницах ее сверкали слезы. Но никто, кроме Полли, не видел ее мокрых глазок, никто не шепнул сиротке утешительного слова, никто не слышал, как билось и стучало ее сердце!

– Няня, – сказала малютка, пристально смотря на кормилицу, – я пойду к братцу, позволите мне лечь под него.

– Зачем, голубушка? – спросила Ричардс.

– Ах, мне кажется, он любит меня! – вскричала почти в безпамятстве малютка. – Пусти меня к нему. Пожалуйста, няня!

М-сь Чиккь обратилась к ребенку с материнскими наставлениями и замечала, что доброй девочке стыдно капризничать. Но Флоренса, не сводя с доброй няни испуганных глаз, еще повторила просьбу, соединенную на этот раз с громким плачем и рыданием.

– Я не разбужу его, – сказала она, опустив голову и закрыв руками глаза. – Я только положу к нему руку и усну. Ах, сделайте милость, позвольте лечь с ним; я знаю, он любит меня!

Ричардс, не говоря ни слова, взяла девочку на руки и положила на кровать, где спал младенец. Малютка плотно придвинулась к брату и, слегка обняв его шею, сомкнула заплаканные глаза и успокоилась.

– Бѣдная крошка, – сказала мисс Токс, – верно, ей что-нибудь пригрезилось!

Это незначительное происшествие прервало назидательный разговор, и уже трудно было его возобновить. М-сь Чиккь, по-видимому, совершенно была утомлена созерцанием доблестных подвигов высокой своей нравственности. Приятельницы поспѣшно допили чай и немедленно отправили слугу за фиакром. Наем извозчика для мисс Токс был делом первой важности, и она приступала к нему не иначе, как с большими приготовлениями, в которых соблюдалась строжайшая система.

– Потрудитесь, пожалуйста, Таулисонь, – сказала мисс Токс, – взять с собою чернильницу с пером и хорошенько запишите номер.

– Слушаю, сударыня, – отвѣчал Таулисонь.

– Да потрудитесь, пожалуйста, Таулисонь, – продолжала мисс Токс, – перевернуть в фиакре подушку. Она обыкновенно, – прибавила мисс Токс, обращаясь к м-сь Чиккь, – по ночам бывает сыра, моя милая. Да еще я побеспокою вас, Таулисонь, – продолжала мисс Токс, – потрудитесь взять вот эту карточку и шиллинг. Скажите, что он должен ехать по этому адресу и что ему больше шиллинга не дадут. Не забудьте, пожалуйста.

– Не забуду, – отвѣчал Таулисонь.

– Да еще, – мне совѣстно, что я вас так беспокою, Таулисонь, – сказала мисс Токс, нерѣшительно поглядывая на лакея.

– Ничего, сударыня, – отвѣчал Таулисонь.

– Так потрудитесь, пожалуйста, Таулисонъ... но нѣтъ, ужъ такъ и быть, ступайте, Таулисонъ. Мнѣ право очень совѣстно...

– Ничего, ничего, сударыня, – возразилъ услужливый лакей.

– Такъ вотъ что, – сказала, наконецъ, миссъ Токсъ не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ, – вы этакъ какъ-нибудь мимоходомъ намекните извозчику, что леди, съ которой онъ поѣдетъ, не то что какая-нибудь этакъ... что у ней есть знатный дядя, сильный и строгій человекъ, что онъ засадитъ въ тюрьму всякаго, кто оскорбитъ его племянницу. Вы можете даже, любезный Таулисонъ, разумѣется, какъ-будто мимоходомъ, невзначай, по-дружески, рассказать, что ужъ одного дерзкаго грубияна, который недавно умеръ, такъ проучили за это, что онъ всю жизнь не забывалъ.

– Слушаю, сударыня, – отвѣчалъ Таулисонъ.

– Теперь доброй ночи моему премиленькому, распремиленькому крестничку, – сказала миссъ Токсъ, посылая сладенькіе поцѣлуи при каждомъ повтореніи прилагательнаго, – а вы, дружочекъ Луиза, дайте слово, что напьетесь на ночь бузины и успокоите себя.

Черноглазая Сусанна Нипперъ съ величайшимъ трудомъ удерживалась въ присутствіи м-съ Чиккъ; но когда дѣтская опустѣла, она поспѣшила достойнымъ образомъ вознаградить себя за долговременное принужденіе.

– Если бы на меня недѣль на шесть надѣли какую-нибудь чумичку, – сказала она, – и тогда бы я не бѣсилась, какъ теперь. Ну, слыханное ли дѣло?... Ахъ, чучелы, чучелы!

– И говорить, что этому ангельчику пригрезилось! – сказала Полли.

– Кр-р-р-р-расавицы, черти бы васъ побрали! – вскричала Выжига, съ гримасой присѣдая передъ дверью, откуда вышли предметы ея ярости. – Никогда не будетъ Домби! И слава Богу, что никогда не будетъ! Довольно и одной.

– Не разбудите дѣтей, Сусанна, – сказала Полли.

– Чувствительнѣйше благодарю, м-съ Ричардсъ, – вскричала Сусанна, готовая въ сердцахъ на комъ-нибудь выместить свою досаду, – какъ мулатка и невольница, я должна съ почтеніемъ выслушивать ваши приказанія. М-съ Ричардсъ, не угодно ли вамъ еще что-нибудь замѣтить? Говорите, пожалуйста, не церемоньтесь съ вашей покорной слугой.

– Что за вздоръ вы несете, моя милая?

– Какой вздоръ, помилуйте, сударыня! Гдѣ вы изволили родиться, – вскричала Сусанна, – развѣ вамъ неизвѣстно, что вы, какъ временная гостыя, можете помыкать мною, какъ угодно? Но гдѣ бы вы ии родились, Ричардсъ, – продолжала Выжига, быстро замахавъ головой, – когда бы вы ни родились, – а вы должны знать, что давать приказанья и исполнять приказанья – двѣ вещи не очень похожія одна на другую. Вы, на примѣръ, можете приказать мнѣ броситься внизъ головой изъ пятаго этажа на мостовую, а я, на примѣръ, могу побереечь свою шею и не послушаться васъ, м-съ Ричардсъ. Вотъ оно какъ.

– Что-жъ я вамъ сдѣлала, Сусанна? – Вы накинулись на меня за то, что обижаютъ миссъ Флоренсу! Вы очень добрая дѣвушка; но вѣдь я же не виновата, моя милая.

– Да, вамъ хорошо этакъ разсуждать, – возразила Сусанна, нѣсколько смягчившись, – когда за вашимъ ребенкомъ ухаживаютъ, какъ за князькомъ, цѣлуютъ его и милуютъ, какъ чортъ знаетъ кого; а что бы вы сказали, если бы затаптывали его въ грязь, какъ эту милую, прелестную сиротку, о которой эти вѣдьмы говорили, какъ о пропавшей твари?... Прр-р-р-проклятыя!.. Да что, какая намъ забота! Не капризничайте, миссъ Флой! Спите, негодная шалунья! А вотъ я сейчасъ позову съ чердака домового и велю съѣсть васъ живьемъ. Спите!

Эти слова миссъ Нипперъ произнесла съ особымъ выраженіемъ, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ ее слышала домовая, готовый по первому знаку броситься на исполненіе ея лютыхъ приказаній. Она поспѣшила успокоить свою маленькую воспитанницу, закутавъ ей головку одѣяломъ и хлопнувъ сердито трм или четыре раза по подушкѣ. Потомъ она сложила руки, сжала

ротъ, сѣла передъ каминомъ и въ этомъ положеніи провела весь остатокъ вечера, не сказавъ болѣе ни одного слова,

Хотя въ дѣтской увѣряли, что маленькій Павелъ начинаетъ понимать и даже дѣлать наблюденія, ири всемъ томъ онъ вовсе, по-видимому, не замѣчалъ, что его собираются кре- стить на слѣдующій день и что съ необыкновенной хлопотливостью приготавливаютъ парадное платье какъ для собственной его особы, такъ и для всей свиты. Даже въ самый торжественный день, онъ, сверхъ чаянія, ничѣмъ не показалъ, что понимаетъ важность церемоніи; напротивъ, въ самую роковую минуту ему вдругъ заблагоразсудилось уснуть крѣпкимъ сномъ счастливой невинности, и потомъ онъ былъ очень недоволенъ, когда его разбудили и начали одѣвать съ особеннымъ стараніемъ.

Пасмурно-сѣрый осенній день, съ рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ, вполне согласовался и съ этимъ торжествомъ и съ холодною фигурой м-ра Домби. Онъ стоя принималъ въ библиотекѣ гостей, и на все смотрѣлъ сентябремъ. Когда, подходя къ окнамъ, онъ заглядывалъ въ маленькій садъ и смотрѣлъ на деревья, сухіе и пожелтѣвшіе листья съ трескомъ начинали осыпаться, какъ-будто отъ его взора. Темныя и холодныя комнаты, казалось, облеклись въ трауръ, какъ и самыя жильцы. Книги, разставленныя по ранжиру и вытянутыя въ строй, какъ солдаты, стояли неподвижно въ своихъ мрачныхъ, холодныхъ, однообразныхъ мундирахъ, – и если, какъ у сол- датъ, была въ нихъ какая-нибудь мысль, такъ это только мысль о холодной погодѣ. Книжный шкафъ за стеклами, крѣпко запертый на ключъ, отталкивалъ всякое желаніе прикоснуться къ параднымъ переплетамъ. На верху шкафа угрюмо стоялъ бронзовый бюстъ Вильяма Питта, не одушевленный ни одною чертой живого сходства, и, какъ заколдованный мавръ, сторожилъ завѣтный складъ. По бокамъ его двѣ пыльные урны, изъ какой-то древней гробницы, казалось, проповѣдывали о бренности и суетѣ здѣшняго міра; а зеркало, вдѣланное надъ каминомъ, отра- жая вмѣстѣ и м-ра Домби и его портреты, казалось, погружено было въ самыя меланхолическія размышленія. Закоптѣлая, холодная рѣшетка у камина была чрезвычайно похожа на самого м- ра Домби, облеченнаго въ свой синій, застегнутый до верху фракъ, бѣлый стоячій галстухъ и модные сапоги съ величественнымъ скрипомъ, съ дополненіемъ къ этому туалету неизбѣжной золотой цѣпи, выглядывавшей изъ подъ фрака. Но это случайное родство каминной рѣшетки съ хозяиномъ могло быть допущено только за отсутствіемъ его родственниковъ, м-ра и м-съ Чиккъ, которые при этой оказіи не замедлили явиться собственными особами.

– Любезный Павелъ, – прошептала м-съ Чиккъ, обнимая брата, – нынѣшній день, я надѣ- юсь, будетъ началомъ многихъ веселыхъ дней.

– Благодарю, Луиза, – отвѣчалъ съ пасмурнымъ видомъ м-ръ Домби, – какъ ваше здоро- вье, м-ръ Джонъ?

– Какъ ваше здоровье, сэръ? – отвѣчалъ Чиккъ.

Онъ протянулъ руку м-ру Домби съ такою медленностью, какъ будто опасался электри- ческаго удара. М-ръ Домби дотронулся до его руки съ такою осторожностью, какъ-будто при- касался къ рыбѣ или морскому растенію, или вообще къ чему-нибудь мокрому и клейкому.

– Не нужно ли приказать, Луиза, развести для тебя огня? – спросилъ м-ръ Домби, пово- рачивая голову въ своемъ высочайшемъ галстухѣ, какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

– О, нѣтъ, мой милый, – отвѣчала м-съ Чиккъ, скорчиваясь въ три погибели отъ ужаснаго холода, – для меня все равно.

– А вамъ не холодно, м-ръ Джонъ? – продолжалъ хозяинъ.

М-ръ Чиккъ, который уже успѣлъ засунуть оба кулака въ широкіе карманы своихъ пан- талонъ и собирался свистнуть одну изъ своихъ любимыхъ арій, пріостановился и отвѣчалъ, что ему очень хорошо. Потомъ онъ уже и затянулъ: "у_ж_ь_к_а_к_ь_ж_и_л_ь_п_о_ж_и_в_а_л_ь_ т_р_я_п_и_ч_н_и_к_ь", но вдругъ вошелъ Таулисонъ и громко доложилъ:

– Миссъ Токсъ!

Прелестная дѣва на сей торжественный случай облеклась въ легкое газовое платье, украсивъ чело, власы и шею всею роскошью своего туалета. Лицо ея посинѣло, и она дрожала, какъ осиновый листъ.

– Какъ ваше здоровье, миссъ Токсъ? – сказала м-ръ Домби.

Миссъ Токсъ, присѣдая на вопросъ м-ра Домби, который сдѣлалъ два или три шага ей на встрѣчу, опустила въ свой пышный газъ и кружева, какъ мгновенно сдвинутая зрительная трубка.

– Я никогда не забуду этого дня, сэръ! – нѣжно сказала миссъ Токсъ, – о, никогда! Любезная Луиза, я почти не смѣю вѣрить своимъ чувствамъ!

Если бы миссъ Токсъ вѣрила по крайней мѣрѣ одному изъ своихъ чувствъ, то узнала бы, что день былъ очень холодный. Съ этимъ, конечно, нельзя было не согласиться. Она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ возстановить задержанное холодомъ кровообращеніе на кончикѣ своего носа и усердно принялась тереть его платкомъ, опасаясь, вѣроятно, чтобы слишкомъ низкая температура не произвела неприятнаго впечатлѣнія на ребенка, когда она станетъ его цѣловать.

Наконецъ явился и герой с_е_г_о_п_р_а_з_д_н_е_с_т_в_а, несомый на рукахъ м-съ Ричардсъ; въ аррьергардѣ его свиты шла Флоренса, подъ стражей неутомимой Сусанны Нипперъ, замыкавшей торжественное шествіе. Хотя на этотъ разъ компанія, прибывшая изъ дѣтской, находилась не въ глубокомъ траурѣ, однако въ наружности дѣйствующихъ лицъ не было ничего праздничнаго. Младенецъ, можетъ быть, испуганный посинѣлымъ носомъ крестной матери, началъ кричать, и этимъ помѣшалъ м-ру Чиккъ обласкать Флоренсу, къ которой онъ уже подступалъ съ этимъ намѣреніемъ. М-ръ Чиккъ вообще не слишкомъ жаловалъ породу Домби, быть можетъ, оттого, что слишкомъ коротко знакомъ былъ съ одной особой, которая нѣкогда имѣла честь носить эту фамилію; но маленькую Флоренсу онъ очень любилъ и не скрывалъ своей привязанности. Вотъ почему и теперь онъ хотѣлъ подойти къ бѣдной сироткѣ; но дражайшая половина при крикѣ ребенка остановила супруга.

– Чего ты смотришь, Флоренса? – прервала съ живостью тетка. – Подойди къ братцу, утѣшь его.

Температура сдѣлалась или должна была сдѣлаться еще холоднѣе, когда м-ръ Домби обратился съ холоднымъ вниманіемъ къ своей маленькой дочери, которая, хлопая ручонками и приподнимаясь на цыпочки, манила къ себѣ маленькаго брата, стараясь обратить на себя его вниманіе. Ребенокъ въ самомъ дѣлѣ услышалъ привычный голосокъ, посмотрѣлъ внизъ и замолчалъ. Быть можетъ, искусные маневры м-съ Ричардсъ тоже содѣйствовали къ успокоенію благороднаго наслѣдника м-ра Домби. Флоренса спряталась за кормилицу – ребенокъ нетерпѣливо слѣдилъ ее глазами; она выглянула опять съ веселымъ крикомъ – онъ запрыгалъ и улыбался отъ радости; наконецъ, когда сестра подбѣжала къ нему, малютка громко засмѣялся и опустилъ ручку въ ея локоны, между тѣмъ какъ она съ нѣжностію осыпала его поцѣлуями.

Пріятно ли это было м-ру Домби? Исторія молчитъ; но онъ не выразилъ удовольствія ни малѣйшимъ движеніемъ. Впрочемъ, всякое наружное выраженіе чувствъ было не по его натурѣ. Если бы какъ-нибудь солнечный лучъ прокрался въ комнату и освѣтилъ играющихъ дѣтей, онъ отнюдь не прояснилъ бы его лица. Оно было такъ неподвижно и холодно, что даже послѣдній теплый лучъ померкъ въ веселыхъ глазкахъ маленькой Флоренсы, когда она случайно встрѣтилась съ глазами отца.

День былъ сѣрый, пасмурный, настоящій осенній, и въ этотъ промежутокъ минутнаго молчанія листья печально падали съ деревьевъ.

– М-ръ Джонъ, – сказалъ м-ръ Домби, посмотрѣвъ на часы и взявъ шляпу, – потрудитесь вести сестру; моя рука сегодня принадлежитъ миссъ Токсъ. Ричардсъ, ступайте впередъ съ мромъ Павломъ, да будьте осторожнѣе.

Въ каретѣ м-ра Домби отправились: Домби и Сынъ, миссъ Токсъ, м-съ Чиккъ, Ричардсъ и Флоренса; въ маленькой каретѣ м-ра Чиккъ поѣхали Сусанна Нипперъ и самъ м-ръ Джонъ. Сусанна безпрестанно глазѣла въ окно, чтобъ избавиться отъ печальной необходимости смотрѣть на широкое лицо джентльмена, и всякій разъ, когда что-нибудь звенѣло, ей казалось, будто м-ръ Чиккъ завертываетъ деньги и хочетъ угостить ее подаркомъ.

Дорогой, на пути къ церкви, м-ръ Домби хлопнулъ однажды въ ладоши, чтобъ позабавить сына, – и миссъ Токсъ пришла въ неописуемый восторгъ при этомъ изъявленіи родительской нѣжности. Больше ничего не сдѣлалъ и не сказалъ м-ръ Домби, и веселый поѣздъ на крестины отличался отъ похоронной процессіи только особымъ цвѣтомъ экипажа и лошадей.

У церковныхъ дверей карету поспѣшили встрѣтить сторожъ съ какой-то зловѣщей физиономіей. М-ръ Домби вышелъ прежде всѣхъ, чтобы принять дамъ, и когда онъ остановился, его тоже можно было принять за сторожа, разумѣется, не церковнаго, но за суроваго с_т_р_а_ж_а_ человеческихъ дѣлъ и помышлений.

Миссъ Токсъ съ трепетнымъ благоговѣніемъ подала руку м-ру Домби и начала съ нимъ взбираться по ступенямъ церковной паперти. Въ церкви совершалась другая торжественная церемонія, и миссъ Токсъ ясно слышала слова: "Охотой ли идешь за него Лукреція?" – «Да» – отвѣчалъ другой голосъ.

– Потрудитесь скорѣе внести ребенка, – ска залъ сторожъ, отворяя церковную дверь.

– Въ могилу? – могъ бы спросить маленькій Павелъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ, – такимъ холодомъ и сыростью повѣяло изъ церкви! Большая завѣшенная каеэдра и покрытый налой, страшные ряды порожнихъ скамеекъ, угрюмыхъ галлерей, возвышавшихся до самаго потолка и пропадавшихъ въ тѣни огромнаго нахмуреннаго органа, пыльные рогожи и холодный полъ, вымощенный каменными плитами, пустые стулья въ переднихъ углахъ и страшная сырость въ заднемъ углу, гдѣ стояли катафалки, гробовыя носилки и нѣсколько лопатъ, корзины и кое-какой дряни, перевязанной гробовыми веревками, странный, неестественный запахъ и погребальный свѣтъ: такова была англійская церковь, гдѣ собирались совершить священный обрядъ.

– Теперь у насъ свадьба, сказалъ сторожъ, – но ее сейчасъ кончатъ. Не угодно ли вамъ пожаловать въ придѣлъ?

При этихъ словахъ, показывая дорогу въ придѣлъ, сторожъ поклонился м-ру Домби съ легкой улыбкой, давая знать, что уже имѣлъ честь познакомиться съ его милостью при похоронахъ его супруги, и надѣется, что съ тѣхъ поръ почтенный джентльменъ былъ въ добромъ здоровьи.

Физиономіи новобрачныхъ отнюдь не обнаруживали пламенныхъ восторговъ удовольствениаго сердца, и вся свадебная процессія имѣла необыкновенно печальный видъ. Невѣста была очень стара, женихъ очень молодъ; какой-то устарѣлый франтъ, съ однимъ настоящимъ и другимъ поддѣльнымъ глазомъ, велъ молодую. Вся компанія дрожала отъ холода. Въ придѣлѣ дымился огонь, и старый дьякъ "наводилъ справку", ощупывая пальцемъ огромные листы фоліанта, исписаннаго именами покойниковъ. Надъ каминомъ висѣлъ планъ церковныхъ склеповъ, и м-ръ Чиккъ, бѣгло читая вслухъ реестръ усопшихъ и погребенныхъ особъ, невзначай произнесъ также и имя Фанни.

Черезъ нѣсколько минутъ явился староста, низенькій, худенькій старичекъ, одаренный сильной одышкой; онъ почтительно поклонился и доложилъ, что купель приготовлена. Однакожъ все еще должно было дожидаться, пока записывались свадебные свидѣтели, и между тѣмъ угрюмый, задыхавшійся староста ходилъ взадъ и впередъ и безпрестанно кашлялъ, частью отъ слабости, частью для того, чтобы напомнить о своей особѣ жениху и невѣстѣ, выходящимъ изъ церкви. Потомъ пришелъ пономарь, единственное веселое лицо во всей церкви; онъ принесъ кружку теплой воды и пробормоталъ, что не мѣшало бы напередъ согрѣть купель, хотя очень хорошо зналъ, что купель не нагрѣютъ теперь и миллионы ведеръ кипятку. Наконецъ явился и самъ пасторъ, любезный молодой человѣкъ съ улыбающимся лицомъ; но его фигура должна

была наводить ужасъ на маленькихъ дѣтей, напоминая одного изъ тѣхъ страшныхъ сказочныхъ пугаль, которыя, какъ извѣстно, всегда являются въ бѣломъ саванѣ, – а ризы почтеннаго пастыря англиканской церкви были очень похожи на бѣлый саванъ. Дѣйствительно, при одномъ видѣ его, Павелъ закричалъ благимъ матомъ и до тѣхъ поръ не переставалъ, покуда его не увезли прочь. Даже и послѣ, во все продолженіе обряда, раздавался въ церкви крикъ ребенка то громкій, то тихій, попеременно возвышаясь и понижаясь самымъ непріятнымъ образомъ. Это до такой степени разстроило чувствительныхъ дамъ, что м-съ Чиккъ безпрестанно оборачивались и посылала старосту къ кормилицѣ съ разными порученіями, а миссъ Токсъ забыла даже закрыть молитвенникъ въ то самое время, когда священникъ читалъ заклинательную молитву.

Во все это время м-ръ Домби ни разу не измѣнилъ своей безстрастной, джентльменской фізіономіи и оттого, можетъ быть, въ церкви сдѣлалось еще холоднѣе, такъ что при чтеніи пасторомъ молитвъ, паръ изъ его устъ видимо распространялся предъ очами благочестивыхъ слушателей. Только одинъ разъ, когда пасторъ, въ заключеніе церемоніи, давая наставленіе воспріемникамъ касательно ихъ будущихъ обязанностей въ отношеніи къ духовному чаду, взглянулъ случайно на м-ра Чикка; лицо м-ра Домби приняло необыкновенно величественное выраженіе, какъ-будто онъ хотѣлъ сказать, что крестный отецъ долженъ побережь себя отъ такого совѣта.

Когда все было кончено, онъ опять подаль руку миссъ Токсъ и проводилъ ее въ придѣлъ, гдѣ объяснилъ священнику, что почелъ бы большимъ счастьемъ пригласить его къ себѣ откушать хлѣба-соли, если бы хозяйство не было у него въ плачевномъ состояніи. Когда метрическая книга была подписана, деньги за крестины заплачены, староста, дьячекъ и пономарь нмѣстѣ со сторожемъ получили на свой пай, небольшое общество снова усѣлось въ кареты и въ томъ же порядкѣ двинулось въ обратный путь.

Дома почтенную компанію встрѣтилъ бронзовый Вильямъ Питтъ, который, по-видимому, отворачивалъ носъ отъ холодныхъ блюдъ, приготовленныхъ скорѣе для поминокъ, чѣмъ для радостнаго торжества. По возвращеніи изъ церкви, миссъ Токсъ подарила своему крестнику серебряную кружку, а м-ръ Чиккъ ложку, вилку и ножикъ въ особомъ ящикѣ. Съ своей стороны м-ръ Домби поднесъ миссъ Токсъ браслетъ, и миссъ Токсъ приняла с_е_й_д_а_р_ь_ съ б_л_а_г_о_г_о_в_ѣ_й_н_ы_м_ь_ и_з_л_і_я_н_і_е_м_ь глубокаго чувства п_р_и_з_н_а_т_е_л_ь_н_о_с_т_и.

– М-ръ Джонъ – сказалъ м-ръ Домби, – не угодно ли вамъ садиться за столъ? Что у васъ тамъ?

– Холодная говядина, сэръ, – отвѣчала м-ръ Чиккъ, потирая одну о другую свои оконченѣвшія руки, – а у васъ что тамъ?

– Холодная телятина, кажется, – возразилъ м-ръ Домби. – А тамъ вонъ холодная дичь, ветчина, пирогъ, салатъ, раки. Миссъ Токсъ! Позвольте просить васъ виномъ! Шампанскаго, миссъ Токсъ!

Кушанья были такъ холодны, что при одномъ взглядѣ на нихъ зубамъ становилось больно. Шампанское, казалось, вовсе замерзло, и миссъ Токсъ чуть не вскрикнула, когда прикоснулась къ бокалу. Холодныя и жаркія принесены были изъ такого ледяного буфета, что отъ одного прикосновенія къ нимъ у м-ра Чиккъ окостенѣли пальцы. Только одинъ м-ръ Домби былъ непоколебимъ по прежнему.

Господствующее настроеніе отразилось даже на м-съ Чиккъ: она уже не льстила брату, не болтала съ пріятельницей и думала только о томъ, какъ бы укротить б_у_й_с_т_в_о зубовъ, н_а_ч_и_н_а_в_ш_и_х_ь противъ ея в_о_л_и колотить очень непріятную тревогу.

– Ну, сэръ, – сказалъ м-ръ Чиккъ, наливая стаканъ хересу и дѣлая неожиданный скачекъ послѣ продолжительнаго молчанія, – съ вашего позволенія, за здоровье нашего маленькаго Павла!

– Даруй ему Боже всѣхъ возможныхъ благъ! – пропищала миссъ Токсъ, прихлебывая вино.

– Миленькій Домби! – прошептала миссъ Чиккъ.

– М-ръ Джонъ, – сказалъ м-ръ Домби съ суровой важностью, – мой сынъ не преминулъ бы отблагодарить васъ, если бы понималъ, какую дѣлають ему честь. Впослѣдствіи, я надѣюсь, онъ сумѣетъ опредѣлить свои отношенія къ родственникамъ и друзьямъ и пойметъ, какія обязанности къ обществу свѣтъ налагаетъ на каждого достойнаго гражданина.

Эти слова были произнесены такимъ тономъ, что всякое возраженіе казалось неумѣстнымъ, даже дерзкимъ, и потому м-ръ Чиккъ погрузился опять въ прежнее велерѣчивое молчаніе. Миссъ Токсъ слушала м-ра Домби еще съ большимъ вниманіемъ противъ обыкновеннаго, наклонивъ къ нему голову съ напряженнымъ любопытствомъ, и когда онъ кончилъ, она нагнулась черезъ столъ къ м-ру Чиккъ и прошептала:

– Луиза!

– Что, мой другъ? – спросила м-съ Чиккъ.

– Какія обязанности къ обществу свѣтъ... Какъ это сказано, я не понимаю.

– Возлагаетъ на всякаго человѣка! – отвѣчала м-съ Чиккъ.

– Извините, мой другъ, – возразила миссъ Токсъ, – мнѣ кажется не такъ. Это было сказано какъ-то плавнѣе, деликатнѣе... Какія отношенія къ родственникамъ и друзьямъ и какія обязанности къ обществу свѣтъ налагаетъ на достойнаго гражданина!

– Налагаетъ на достойнаго гражданина. Точно такъ! – повторила м-съ Чиккъ.

Миссъ Токсъ съ торжествомъ сложила свои нѣжныя руки и, поднявъ глаза къ потолку, прошептала: – Какое краснорѣчіе!

М-ръ Домби приказалъ, между тѣмъ, позвать м-съ Р_и_ч_а_р_д_с_ь. Черезъ нѣсколько минутъ кормилица явилась въ залу, но уже одна, безъ ребенка, потому что ребенокъ спалъ крѣпкимъ сномъ послѣ тревожнаго дня. М-ръ Домби подаль ей стаканъ вина и началъ слѣдующую рѣчь, которую миссъ Токсъ приготовилась слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни одного слова.

– Въ продолженіе пяти или шести мѣсяцевъ, проведенныхъ въ моемъ домѣ, м-съ Ричардсъ, вы исполняли добросовѣстно свои обязанности въ отношеніи къ любезнѣйшему моему сыну. Желая достойнымъ образомъ вознаградить васъ при этомъ благополучно совершившемся торжествѣ, я обдумывалъ, какъ это сдѣлать соотвѣтственнѣе моему званію и совѣтовался на сей конецъ съ возлюбленнѣйшею моею сестрой, м-съ...

– Чиккъ! – перервалъ джентльмень, носившій эту фамилію.

– О, не прерывайте, сдѣлайте милость! – сказала миссъ Токсъ.

– Я хотѣлъ сказать вамъ, Ричардсъ, – началъ опять м-ръ Домби, бросивъ строгій взглядъ на м-ра Чиккъ, – что я въ особенности руководствовался при этомъ первымъ разговоромъ съ вашимъ супругомъ, отъ котораго я узналъ, въ какихъ печальныхъ обстоятельствахъ находится ваше семейство, и въ какомъ глубокомъ невѣжествѣ коснѣютъ ваши дѣти,

Ричардсъ вздрогнула.

– Я очень далекъ отъ того, – продолжалъ м-ръ Домби, – чтобъ быть на сторонѣ дерзкихъ вольнодумцевъ, распространяющихъ вздорную мысль о необходимости всеобщаго образованія. Но считаю также необходимымъ, чтобы низшій классъ понималъ свое положеніе и, руководимый истиннымъ просвѣщеніемъ, благовременно, по собственному чувству чести и долга, поучался бы смиренію, послушанію, повиненію и другимъ подобнымъ добродѣтелямъ, составляющимъ истинную, незыблемую, непреложную основу гражданской цѣлости и невозмутимаго спокойствія. Съ этой, и только съ этой стороны, я одобряю училища.

Здѣсь м-ръ Домби величаво окинулъ глазами собраніе, и, довольный благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ какимъ его слушали, продолжалъ:

– Имѣя право назначать одного кандидата въ заведеніе, извѣстное подъ названіемъ "Благотворительнаго Точильщика", гдѣ дѣти получаютъ не только воспитаніе, соотвѣтственное своему назначенію, но и пользуются безбѣднымъ содержаніемъ, я, сообщивъ предварительно о моемъ намѣреніи чрезъ м-съ Чиккъ вашему семейству, представилъ вашего старшаго сына на имѣющуюся вакансію, и онъ сегодня, какъ извѣстили меня, принять уже въ число воспитанниковъ. Номеръ вашего сына – заключилъ м-ръ Домби, обращаясь къ сестрѣ и говоря о мальчикѣ, какъ будто рѣчь шла о наемномъ фіакрѣ, – кажется; сто сорокъ седьмой. Луиза, потрудись передать ей.

– Сто сорокъ седьмой, – сказала м-съ Чиккъ. – Форма у нихъ, Ричардсъ: теплая фризровая куртка и фуражка синяго цвѣта съ желтой выпушкой, красные шерстяные чулки и узкіе кожаные брюки. Это можно носить самимъ, – прибавила м-съ Чиккъ съ энтузіазмомъ, – да еще похваливать.

– Ну, Ричардсъ, – сказала миссъ Токсъ, – поздравляю васъ. Благотворительный Точильщикъ! каково?

– Много обязана вамъ, сэръ, – робко отвѣчала кормилица, обращаясь къ м-ру Домби, – никогда не забуду вашихъ благодѣній. Дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать.

Въ это время Котель – читатель не забылъ прозвище старшаго кочегарова сына – въ полномъ нарядѣ воспитанника Благотворительнаго Точильщика представился съ такой поразительной живостью воображенію Ричардсъ, что она не могла удержаться отъ слезъ.

– Я очень рада, что нахожу въ васъ столько чувствительности, Ричардсъ! – сказала миссъ Токсъ.

– Послѣ этого можно надѣяться, – прибавила миссъ Чиккъ, обрадовавшись случаю блеснуть своимъ познаніемъ человѣческаго сердца, – что на свѣтѣ есть еще души, умѣющія чувствовать благодарность.

Ричардсъ кланялась и благодарила за ласки, но не находя средствъ выйти изъ замѣшательства, въ которое приводила ее мысль увидѣть сына въ драгоцѣнныхъ кожаныхъ штанахъ, она понемногу начала пятиться къ дверямъ и была очень рада, когда, наконецъ, удалось ей ускользнуть изъ комнаты.

Температура, которая немного смягчилась въ присутствіи кормилицы, съ ея уходомъ перемѣнилась опять, и морозъ началъ свирѣпствовать съ прежней жестокостью. М-ръ Чиккъ два раза принимался насвистывать, но вмѣсто веселой пѣсни выходилъ у него какой-то погребальный маршь. Маленькое общество съ каждой минутой становилось холоднѣе и холоднѣе, какъ будто превращалось въ твердую оледенѣлую массу вмѣстѣ съ блюдами, передъ которыми сидѣло. Наконецъ, м-съ Чиккъ взглянула на миссъ Токсъ, а миссъ Токсъ взглянула на м-съ Чиккъ и, кивнувъ утвердительно головами, обѣ леди сказали, что пора домой. Такъ какъ м-ръ Домби не сдѣлалъ никакого возраженія, честная компанія поспѣшила откланяться и немедленно отправилась въ сопровожденіи м-ра Чиккъ, который, лишь только лошади сдвинулись съ мѣста, запустилъ руки въ карманы, вальяжно развалился въ каретѣ и принялся насвистывать: "К_а_к_ъ_п_о_ш_л_и_н_а_ш_и_п_о_ѣ_х_а_л_и_д_о_м_о_й" съ такой мрачной и ужасной досадой, что м-съ Чиккъ во всю дорогу ни разу не осмѣлилась остановить и обезпокоить его.

Ричардсъ, при всей приверженности къ своему питомцу, не могла забыть и своего первенца. Она чувствовала, что это не совсѣмъ сообразно съ чувствомъ благодарности; но этотъ день имѣлъ вліяніе даже на "Благотворительнаго Точильщика", и бѣдной матери показалось, что оловянный значекъ и сто сорокъ седьмой номеръ были тоже необходимою принадлежностью крестинъ. Она не разъ заговаривала въ дѣтской о форменномъ платьѣ и особенно о милыхъ штанахъ, которые безпрестанно представлялись ей воображенію.

– Богъ знаетъ, чего бы я не дала, – сказала Полли, – чтобы хоть разокъ взглянуть на бѣднаго малютку, покуда онъ не привыкъ.

– Ну, так что-жь, м-сь Ричардс? – сказала Нипперь, посвященная въ ея тайну, – отъ васъ зависить съ нимъ повидаться.

– М-рь Домби не позволить, – сказала Полли.

– Вотъ пустяки! Почему не позволить? – возразила Нипперь, – мнѣ кажется охотно позволить, если попросить.

– Я думаю, вы ни за что не согласились бы просить его? – сказала Полли.

– Разумѣется, – утвердительно отвѣчала Сусанна, – но погодите, вотъ въ чемъ штука: наши прелестныя надзирательницы говорили, кажется, что завтра не пожалуютъ къ должности. Такъ знаете ли что? Мы возьмемъ съ собой миссъ Флой, выйдемъ со двора и зададимъ такое гулянье, какого и не снилось всѣмъ этимъ Чиккъ и Токсъ.

Сначала Полли съ твердостью отказалась; но мало-по-малу она начала привыкать къ дерзкому предложенію, соединяя его съ мыслью о миломъ Котлѣ. Наконецъ, убѣдившись, что не большая бѣда одинъ разъ безъ спросу отлучиться изъ дому, она согласилась, что выдумка Сусанны была очень благоразумна.

Когда дѣло было слажено, маленькій Павель принялся кричать, какъ-будто предчувствовалъ, что затѣя къ добру не поведетъ.

– Что это съ ребенкомъ? – спросила Сусанна.

– Кажется, онъ продрогъ, – сказала Полли, расхаживая съ нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ и убаюкивая его на рукахъ.

День былъ пасмурный, настоящій осенній день. Когда кормилица, укачивая ребенка, заглядывала по временамъ въ заплаканныя стекла окна, на дворѣ дико жужжалъ пронзительный вѣтеръ, поблекшіе листья съ шумомъ падали съ чахлахъ деревьевъ, и ей становилось страшно, и сердце ея судорожно сжималось, и она крѣпко прижимала къ груди трепещущаго младенца.

Глава VI

Второе лишение Павла

Горькое раздумье взяло робкую Полли, когда поутру на другой день она сообразила всю опасность дерзкаго предприятия. Бѣдная мать уже рѣшалась было со страхомъ и трепетомъ предстать предъ грозныя очи м-ра Домби и умолять его о позволеніи повидаться съ номеромъ сто сорокъ седьмымъ; но черноокая подруга ея и слышать не хотѣла объ этомъ намѣреніи. Что дѣлать? Ужъ такова была натура Сусанны Нипперъ, Выжиги, что если ей разъ чего захотѣлось, это – что называется – тотчасъ же слѣдовало вынуть, да положить. У ней доставало довольно твердости духа хладнокровно смотрѣть на чужія бѣды и неудачи, зато она терпѣть не могла, когда сама попадалась въ просакъ, или просто, когда ей въ чемъ-нибудь прекословили. На этотъ разъ она столько придумала непреоборимыхъ препятствій къ выполненію законнаго намѣренія м-съ Ричардсъ, и вмѣстѣ такъ убѣдительно доказывала необходимость противозаконной выходки, что едва только м-ръ Домби вышелъ изъ-за воротъ, какъ неразумный сынъ его летѣлъ уже безъ оглядки по направленію къ садамъ Стагса.

Пресловутые сады Стагса находились въ захолустыи, которое окрестнымъ жителямъ было извѣстно подъ именемъ Кемберлинскаго Города, или Кемденскаго тожъ. Сюда-то направили стопы свои двѣ быстроногія няньки м-ра Домби вмѣстѣ со своими питомцами: Ричардсъ, разумѣется, несла на рукахъ Павла, а Сусанна вела за руку маленькую Флоренсу, по временамъ, порядка ради, давая ей пинки и толчки, что она считала совершенно необходимымъ для здоровья своей воспитанницы.

Въ эту самую пору первый ударъ страшнаго землетрясенія совершенно разрушилъ въ Лондонѣ цѣлый кварталъ, и свѣжіе слѣды этой ужасающей грозы виднѣлись на каждомъ шагу. Высочайшіе дома со всего размаху шарахнулись внизъ и запрудили своими развалинами цѣлыя улицы съ ихъ переулками. Здѣсь образовались глубокія ямы и каналы; тамъ возникли огромные холмы изъ глины и земли. Здѣсь опрокинутыя и перековерканныя тѣлѣги въ безобразномъ хаосѣ лежали при подошвѣ крутого неестественнаго холма; тамъ, въ какомъ-то чудовищномъ пруду мокли и ржавѣли перепутанныя полосы желѣза. Откуда-то явились мосты, ни къ чему ненужные, переулки, по которымъ никто не проходилъ, временные дома и ограды изъ толстыхъ бревень и досокъ въ самыхъ невѣроятныхъ положеніяхъ; вавилонскія башни разнокалиберныхъ трубъ съ оторванными наконечниками, остовы постоялыхъ дворовъ, обломки неоконченныхъ стѣнъ и арокъ, площади, загроможденные кирпичами, известью, мѣломъ; подмостки, лѣса, гигантскія формы крановъ, треножники, вѣсы и прочее. Тутъ были сотни тысячъ неоконченныхъ фигуръ, безъ лица и образа, торчавшихъ на боку и вверхъ ногами, въ землѣ, въ воздухѣ, въ водѣ: хаосъ непостижимый для ума, какъ страшный сонъ, какъ дикая мечта! Кипучіе ключи и огненные изверженія, необходимые спутники землетрясенія, съ яростью врывались на различные пункты грозной сцены. Клокочущая вода шипѣла и волновалась въ разрушенныхъ стѣнахъ, откуда въ то же время, какъ изъ кратера вулкана, съ яркимъ блескомъ и громкимъ ревомъ, исторгалось пожирающее пламя. Все пришло въ безпорядокъ, все измѣнило здѣсь свои законы, постановленія, привычки.

Еще неоконченная и неоткрытая желѣзная дорога была въ работѣ, и изъ самой сердцевины этого страшнаго безпорядка уже виднѣлись ея рельсы, – новый могучій вѣстникъ цивилизаціи и успѣховъ челоуѣческаго разума.

Между тѣмъ сосѣдніе жители еще съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ посматривали на желѣзную дорогу. Двое смѣлыхъ спекуляторовъ затѣяли проложить нѣсколько улицъ, и одинъ уже началъ постройку домовъ, но принужденъ былъ остановиться среди грязи и пепла. Другой прожектеръ выстроилъ съ молотка новый трактиръ подъ вывѣской: "Гербъ Желѣзной Дороги"; тутъ не было риску; трактирщикъ во всякомъ случаѣ надѣялся продавать вино работникамъ и

мастеровымъ. Распивочная лавочка, для вящей важности, переименовалась въ "Домъ Перепутья Землекоповъ"; а содержатель колбасной лавочки привѣсилъ огромную вывѣску: "Съѣстной Домъ Желѣзной Дороги". Появилось тоже нѣсколько гостиницъ и постоялыхъ дворовъ; но все это не значило ничего, и вообще довѣріе публики къ новымъ рельсамъ было покамѣсть еще очень слабо. Около самой дороги паслись коровы, свиньи, помѣщались хлѣвы, стояла торчали навозныя ямы, мусорныя кучи, строились плотины, сады, бесѣдки, фабрики, валялись устричныя раковины въ устричный сезонъ, раковая шелуха въ раковую пору, куски разбитой посуды и завядшіе листья капусты во всякое время года. Ограды, перила, столбы съ разными приказами, наказами, запрещеніями, неуклюжія лачужки съ неуклюжими угодыями, – все это гордо стояло на прежнихъ мѣстахъ и какъ будто издѣвалось надъ суетливой дѣятельностью смѣлыхъ антрепренеровъ. Ничто не улучшалось и не думало улучшаться отъ новой дороги, и если бы опустошенная, взрытая и перерытая земля отличалась завиднымъ даромъ смѣха, она съ презрѣніемъ захохотала бы вмѣстѣ съ окрестными жителями, которые вдоволь потѣшались на свой пай.

Упомянутые сады Стаггса питали особенное презрѣніе къ желѣзной дорогѣ. Это былъ небольшой рядъ домовъ съ грязною окрестностью, отгороженною старыми воротами, обручами изъ бочекъ, парусинными лоскутьями, плетнемъ, жестяными котлами съ выбитымъ дномъ и мѣстами перержавѣлой желѣзной рѣшеткой, втиснутой въ разныя щели. Здѣсь садовники Стаггса сѣяли турецкіе бобы, разводили куръ, гусей, кроликовъ, строили гнмлыя бесѣдки изъ старыхъ лодокъ, сушили платя, курили трубки. Нѣкоторые думали, что сады Стаггса получили свое имя отъ покойнаго капиталиста, нѣкоего господина Стаггса, который выстроилъ домики для собственнаго удовольствія. Другіе, особенно любившіе эту окрестность, были того мнѣнія, что имя «Стаггса» произошло отъ стада оленей (stags), которые въ незапамятныя времена паслись въ тѣнистыхъ рощахъ этого предмѣстья. Какъ бы то ни было, весь околотовъ считалъ сады Стаггса священной рощей, которая не увянетъ ни отъ какого забавнаго изобрѣтенія, и такова была общая увѣренность въ ея долговѣчности, что одинъ трубочистъ, жившій на углу, человѣкъ въ нѣкоторомъ смыслѣ политическій между окрестными жителями, публично и торжественно объявилъ, что въ случаѣ открытія желѣзной дороги, если только она откроется, двое мальчишекъ вскарабкаются по его повелѣнію на кровлю, и съ вершины трубы, съ метлами въ рукахъ, громогласно ошикають вагоны и предскажутъ безразсудной компаніи неизбѣжное паденіе.

И въ этотъ богоспасаемый пріютъ, котораго самое имя до сихъ поръ тщательно скрывали отъ м-ра Домби, судьба и м-съ Ричардсъ занесли маленькаго Павла.

– Вотъ мой домъ, Сусанна! – сказала Полли, указывая на одну изъ лачужекъ,

– Неужели?

– Да. А вонъ у воротъ стоитъ сестра Джемима съ моимъ ребенкомъ на рукахъ. Рекомендую.

И при видѣ сестрицы Джемимы, Полли пустилась бѣжать со всѣхъ ногъ, прискакала къ воротамъ, промѣняла въ мгновеніе ока благороднаго питомца на своего сына, къ невыразимому изумленію молодой женщины, которой показалось, будто маленькій Домби прилетѣлъ къ ней съ облаковъ.

– Какъ? ты ли это, Полли? – кричала Джемима. – Охъ, какъ ты меня напугала! Кто бы могъ подумать? Пойдемъ, пойдемъ! Дѣти съ ума сойдутъ отъ радости, когда увидятъ тебя. Какъ ты похорошѣла, Полли!

Дѣти точно перебѣсились, если судить по тому гвалту, съ какимъ они взапуски бросились на мать и поволокли ее къ низенькому стулу, гдѣ она, окруженная розовыми малютками, усѣлась какъ пышная зрѣлая яблоня, обремененная наливными вкусными плодами, которые очевидно всѣ разрослись отъ одного общаго дерева. Впрочемъ, Полли возилась сама не менѣе дѣтей, и уже тогда только, какъ совершенно выбилась изъ силъ, когда волосы ея въ безпорядкѣ растрепались по румяному пылающему лицу, и когда новое крестильное платье совсѣмъ было

измято, суматоха немного приутихла, и почтенное семейство пришло въ память. Но и тутъ еще младшій Тудль, сидѣвшій на колѣняхъ, обхватилъ обѣими руками ея шею, между тѣмъ какъ другой постарше сзади вскарабкался на стулъ, и дѣлалъ отчаянныя усилія поцѣловать мать въ затылокъ.

– Посмотрите-ка, вотъ со мной пришла хорошенькая миледи, – сказала Полли. – Какая она скромная, смиреннькая! Прекрасная барышня, не правда ли?

Это обращеніе къ Флоренсъ, которая, притаившись у дверей, пристально смотрѣла на трогательную сцену, обратило на нее вниманіе маленькихъ Тудлей. Въ это же время послѣдовало формальное представленіе миссъ Нипперъ, которая уже начинала беспокоиться, что ее совсѣмъ забыли.

– Ахъ, душенька Сусанна, пойдите сюда, моя милая, посидите немножко! – проговорила Полли. – Вотъ моя сестра Джемима, – рекомендую, сестрица; не знаю, что бы я стала дѣлать, если бы не добрая Сусанна Нипперъ: вѣдь безъ нея мнѣ бы не быть здѣсь.

– Прошу покорно садиться, миссъ Нипперъ, – сказала Джемима.

Сусанна съ важнымъ и церемоннымъ видомъ сдѣлала книксенъ, и присѣла на край стула.

– Мнѣ съ вами чрезвычайно пріятно познакомиться, миссъ Нипперъ, – продолжала Джемима, – въ жизнь никого я не видала съ такимъ удовольствіемъ, какъ васъ.

Сусанна немного приподнялась со стула и привѣтливо улыбнулась.

– Сдѣлайте одолженіе, скиньте вашу шляпку, миссъ Нипперъ, будьте какъ дома, – говорила Джемима. – Здѣсь, какъ видите, все очень бѣдно; но, надѣюсь, вы не осудите насъ.

Черноглазая дѣвушка такъ разнѣжилась отъ этого почтительнаго обращенія, что взяла къ себѣ на колѣни маленькую Тудль, которая къ ней подбѣжала.

– А гдѣ нашъ бѣдный Котель? – сказала Полли. – Я вѣдь для того и пришла, чтобы посмотреть, каковъ онъ въ своемъ новомъ платьѣ.

– Ахъ, какъ жаль! – вскричала Джемима, – онъ пропадетъ съ тоски, когда узнаетъ, что мать была здѣсь. Теперь онъ въ школѣ, Полли.

– Уже?

– Да. Вчера онъ побѣжалъ туда въ первый разъ: бѣдняжка ужасно боится пропустить, что тамъ у нихъ учатъ. Но сегодня тамъ какой-то полупраздникъ, и послѣ обѣда ученья не будетъ. Если бы ты крошечку подождала, Полли: онъ скоро придетъ домой. Миссъ Нипперъ, вѣроятно, вы будете такъ добры, что не станете торопить сестру?

– О, конечно, миссъ Тудль! – отвѣчала Сусанна, очарованная лаской хозяйки, – для васъ я все готова сдѣлать.

– А каковъ онъ теперь, Джемима? – пролепетала Полли. – Бѣдняжка!

– Ничего, сестрица, – отвѣчала Джемима, – онъ теперь парень хоть куда, не то, что прежде.

– Творецъ небесный! – вскричала Полли съ большимъ волненіемъ, – у него ножки должны быть слишкомъ коротки.

– Коротеньки, сестрица, особенно сзади; но они вытягиваются съ каждымъ днемъ, и авось, Богъ дастъ, со временемъ вытянутся.

Слабое, ненадежное утѣшеніе; но веселый тонъ и радушіе, съ какимъ оно было произнесено, придавали ему большую важность въ глазахъ бѣдной матери. Черезъ минуту Полли спросила уже гораздо спокойнѣе:

– А гдѣ отецъ, милая Джемима?

М-ръ Тудль былъ вообще извѣстенъ въ семьѣ подъ этимъ патріархальнымъ именемъ.

– И его нѣтъ, – отвѣчала Джемима. – Ахъ, какъ это жаль! Сегодня отецъ съ собою взялъ обѣдъ и не воротится домой до вечера. Онъ всегда говоритъ о тебѣ, Полли, и со мною и съ дѣтьми. Что за добрая душа, если бы ты знала! Въ цѣломъ свѣтѣ не сыщешь такого смиренника.

– Спасибо, Джемима! – простодушно сказала Полли, обрадованная отзывомъ о мужѣ, и вмѣстѣ опечаленная его отсутствіемъ, – благодарю тебя, моя милая.

– Не за что, Полли, – отвѣчала Джемима, напечатлѣвъ звонкій поцѣлуй на щекѣ сестры и весело припрыгивая съ маленькимъ Павломъ. – Я то же самое по-временамъ говорю о тебѣ и ужь, разумѣется, не лгу.

Несмотря на отсутствіе кочегара и его первенца, визитъ быстроногихъ нянекъ м-ра Домби далеко не пропалъ даромъ. Сестры разговаривали о семейныхъ дѣлахъ, о Котлѣ, о всѣхъ его братьяхъ и сестрахъ, между тѣмъ какъ черноглазая гостья, совершивъ неоднократныя путешествія по всѣмъ направленіямъ комнаты, внимательно разсматривала мебель, стѣнные часы, шкафъ, каминъ, комодъ съ красными и зелеными стеклами, и особенно пару черныхъ бархатныхъ котятъ, которые въ живописномъ положеніи стояли у камина, держа во рту ридикюли своей хозяйки, къ несказанному изумленію всѣхъ садовниковъ Стаггса. Какъ скоро разговоръ сдѣлался общимъ, Сусанна въ припадкѣ откровенности рассказала Джемимѣ всю подноготную, что только было ей извѣстно о м-рѣ Домби, о его планахъ, замыслахъ, характерѣ, о его родственникахъ. Вслѣдъ затѣмъ черноокая повѣствовательница наиподробнѣйшимъ образомъ исчислила разныя принадлежности своего собственнаго гардероба, и, наконецъ, описала въ главныхъ чертахъ характеры своихъ родственниковъ и друзей. Облегчивъ душу такой откровенностью, она съ удовольствіемъ выкушала добрый стаканъ портеру и обнаружила пламенное желаніе дать клятву въ неизмѣнной и вѣчной дружбѣ.

Флоренса тоже съ своей стороны не пропустила случая воспользоваться новымъ знакомствомъ. Обозрѣвъ грибы и другія рѣдкости знаменитаго сада, подъ руководствомъ маленькихъ Тудлей, она душой и сердцемъ вошла съ ними въ проектъ провести плотину черезъ зеленую лужу, накопившуюся въ одномъ углу. Она уже и приступила къ работѣ со всѣмъ усердіемъ добраго товарища, какъ вдругъ, къ общему неудовольствію, проектъ былъ остановленъ на всемъ ходу суетливостью взбалмошной Сусанны. Отыскавъ свою воспитанницу, черноокая повелительница не преминула дать ей подзатыльникъ, и потомъ, вымывая ея руки и лицо, прочла очень назидательное наставленіе относительно того, какъ неприлично умной дѣвчкѣ дѣлать глупости, и какъ даже можетъ она свести въ гробъ сѣдые волосы почтеннаго родителя, если только, сохрани Боже, онъ узнаетъ, чѣмъ занимается его дѣтище. Вообще Сусанна, всегда вѣрная своей педагогической тактикѣ, поступила очень строго, несмотря на челоуѣколюбивое вліяніе прохладительнаго напитка. Наконецъ, послѣ непродолжительной аудіенціи между сестрами, толковавшими кой-о-чемъ насчетъ финансовыхъ обстоятельствъ, посѣщеніе окончилось. Полли взяла отъ сестры маленькаго Домби, передавъ ей своего сына, и дорогіе гости собрались домой.

Но напередъ нужно было спровадить куда-нибудь маленькихъ Тудлей, чтобы не сдѣлать ихъ участниками прощальной сцены. Послѣ предварительнаго совѣщанія ихъ отправили въ ближайшую мелочную лавку купить на гривну пряниковъ; когда дорога этой хитростью была совсѣмъ очищена, Полли и Сусанна еще разъ поцѣловались съ Джемимой и быстро отправились въ путь. Джемима кричала вдогонку, что если онѣ свернуть немного въ сторону и пойдутъ по главной дорогѣ въ Сити, то непременно встрѣтятся съ Котломъ.

– А, какъ вы думаете, Сусанна, можно ли сдѣлать небольшой крюкъ? – спросила Полли, остановившись перевести духъ.

– Почему же нѣтъ? разумѣется, можно, – отвѣчала миссъ Нипперъ съ полной увѣренностью.

– Да вѣдь намъ, вы знаете, непременно надо поспѣть къ обѣду домой, – возразила Полли.

– Что-жъ за бѣда? поспѣемъ.

И компанія повернула на большую дооогу въ Сити.

Жизнь бѣднаго Котла, по милости форменнаго платья, сдѣлалась со вчерашняго дня невыносимою во многихъ отношеніяхъ, Уличные мальчишки терпѣть не могли костюма "Бла-

готворительнаго Точильщика", и всякій бродяга, при первомъ взглядѣ на него, считалъ своей обязанностью броситься на беззащитнаго парня и сдѣлать ему какую-нибудь пакость. По своему общественному существованію, онъ скорѣе сталъ похожимъ на презрѣннаго жида среднихъ вѣковъ, чѣмъ на невиннаго ребенка девятнадцатаго столѣтія. Его стлкливали въ помойныя ямы, въ канавы, приплющивали къ столбамъ, забрызгивали грязью, забрасывали камнями, и тотъ, кто видѣлъ его первый разъ, считалъ за особое удовольствіе сорвать съ него желтую шапку долой и полюбоваться, какъ мелькнетъ она на воздухѣ. Его кривыя ноги послужили неистощимымъ предметомъ для ругательствъ: ихъ ощупывали, дергали, кололи, и каждый зѣвака вдоволь потѣшался надъ колченогимъ воспитанникомъ. Нынѣшнимъ утромъ, на дорогѣ въ школу, ему совершенно неожиданно вставили фонари подѣ глаза, и учитель его же наказалъ за это самымъ жестокимъ образомъ; этотъ почтенный старый педагогъ получилъ мѣсто школьнаго учителя въ заведеніи "Благотворительнаго Точильщика" по той причинѣ, что ничего не зналъ, ни къ чему не былъ способенъ, и особенно потому, что рѣзвые мальчики могли питать безпредѣльное уваженіе къ ея толстой сучковатой палкѣ.

Такимъ образомъ, бѣдный Котель, по возвращеніи домой, принужденъ былъ выбирать немногочисленныя улицы и глухіе переулки, чтобы избѣжать своихъ мучителей; но все же ему никакъ нельзя было миновать главной дороги, и лишь только онъ выбрался на большую улицу, злосчастная судьба прямо наткнула его на цѣлую стаю ребятишекъ, которые, на этотъ разъ предводительствуемые молодымъ звѣрообразнымъ мясникомъ, уже давно искали благопріятнаго случая позабавиться на чей-нибудь счетъ. Благотворительный Точильщикъ", внезапно очутившійся посреди шайки, былъ для нея самою вождельною находкой: озорники подняли оглушительный гвалтъ и со всѣхъ сторонъ бросились на несчастнаго горемыку съ самымъ неистовымъ остервененіемъ.

Случилось, что въ это самое время Полли, безнадежно озираясь во всѣ стороны и уже готовая поворотить на прямую дорогу, вдругъ, къ величайшему изумленію, сдѣлалась свидѣтельницею ужаснѣйшаго зрѣлища. Бѣдная мать, испустивъ пронзительный крикъ, въ мгновеніе ока передала ребенка Сусаннѣ и стремглавъ бросилась на выручку несчастнаго сына.

Бѣда, какъ извѣстно, никогда не приходитъ одна. Изумленную Сусанну Нипперъ и ея двухъ питомцевъ вытащили чуть не изъ-подъ самыхъ колесъ проѣзжавшаго экипажа, и они еще не успѣли опомниться, какъ со всѣхъ сторонъ поднялась ужасная кутерьма и раздались крики: "Бѣшенный быкъ! бѣшенный быкъ!"

День былъ базарный. Толкотня сдѣлалась непомѣрная. Толпа бѣжала взадъ и впередъ, кричала и давила другъ друга; экииажи стлкливались, ойрокидывались; бѣшенный быкъ пробирался все дальше и дальше; между мальчиками завязалась остервенѣлая драка; кормилица каое мгновеніе подвергалась опасности быть истерзанной въ куски. При видѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, Флоренса, сама не помня что дѣлаетъ, закричала и опрометью побѣжала впередъ. И долго бѣжала, и громко кричала она, приглашая Сусанну слѣдовать за собой; но, наконецъ, силы совершенно измѣнили бѣдной дѣвчкѣ: она остановилась и всплесиула руками, вспомнивъ, что кормилица осталась въ толпѣ. Но кто опишетъ ея изумленіе, ужасъ, когда, обернувшись назадъ, она увидѣла, что и Сусанны не было съ ней! Одна, совершенно одна!

– Сусанна! Сусанна! – кричала Флоренса, хлопая руками, какъ помѣшанная. – Ахъ, Боже мой, гдѣ они! гдѣ они!

– Какъ гдѣ они? – брюзгливымъ голосомъ прошипѣла старуха, прихрамывая и ирипрыгивая съ возможной скоростью съ противоположной стороны переулка. – Зачѣмъ же ты отъ нихъ убѣжала.

– Я испугалась, – отвѣчала Флоренса, – я и сама не знала, что дѣлаю. Я думала, что они со мной. Да гдѣ же она?...

– Пойдемъ, я тебѣ ихъ покажу, – отвѣчала старуха, взявъ ее за руку.

Это была совершенно безобразная старуха, съ красными закраинами вокругъ глазъ, со ртомъ, который чавкалъ и мямлилъ самъ собою, когда она переставала говорить. Она была въ самой гадкой одеждѣ, и надъ рукой ея торчали какіе-то кожаные лоскутья. По всему было видно, что она уже давно догоняла Флоренсу, потому что совершенно выбилась изъ силъ, и когда остановилась перевести духъ, ея горло и желтое морщинистое лицо начали кривляться сами собою пребезобразнымъ образомъ на всѣ возможные манеры.

Флоренсъ сдѣлалось страшно, и она съ трепетнымъ колебаніемъ начала озираться во всѣ стороны; но мѣсто было совершенно пустое: во всемъ переулкѣ ни одной живой души, кромѣ ея ужасной старухи.

– Тебѣ нечего меня бояться, – сказала старуха, крѣпко удерживая ее за руку. – Пойдемъ со мной.

– Я, я не знаю васъ. Какъ васъ зовутъ? – спросила Флоренса.

– Я м-съ Браунъ. Меня зовутъ доброю бабушкою.

– А онѣ недалеко отсюда? – спросила Флоренса, насильно увлекаемая впередъ.

– Сусашна близехонько, а другія почти подлѣ нея, – отвѣчала добрая бабушка.

– Никого не ушибли? – вскричала Флоренса.

– Никого: всѣ цѣлехоньки, – отвѣчала добрая бабушка.

Флоренса при этомъ извѣстїи заплакала отъ радости и охотно пошла за ней, хотя по временамъ, украдкой взглядывая на ея лицо и особенно на чудодѣйственный ротъ, не могла надивиться страшной фигурѣ доброй бабушки, и невольно задавала себѣ вопросъ: какая же должна быть злая бабушка, если таковая существуетъ на бѣломъ свѣтѣ.

Нѣсколько времени онѣ шли по глухимъ, безлюднымъ мѣстамъ, проходя по дворамъ, гдѣ выжигали кирпичи и дѣлали черепицу. Наконецъ, старуха повернула въ темный и узкій переулокъ, гдѣ грязь лежала глубокими выбоинами среди дороги. Она остановилась передъ скаредной избушкой съ трещинами и скважинами со всѣхъ сторонъ, но крѣпко-накрѣпко запертой большимъ замкомъ. Вынувъ изъ кармана ключъ, она отворила дверь, впихнула ребенка въ заднюю комнату, гдѣ въ безпорядкѣ на полу разбросаны были кучи разноцвѣтныхъ лохмотьевъ, груды костей и просѣянной пыли или пепла. Стѣны и полъ казались вычерненными сажей, и во всей комнатѣ не было никакой мебели.

У дѣвочки отъ страху отнялся языкъ, и она чуть не упала въ обморокъ.

– Что ты такъ вылупила глаза? – сказала добрая бабушка, толкая ее въ бокъ. – Не бойся, я тебя не задушу. Садись на лоскутья.

Флоренса повиновалась и съ умоляющимъ видомъ подняла кверху сложенные руки.

– Ты мнѣ не нужна, и больше часу я не задержу тебя, – сказала старуха. – Понимаешь, что я говорю?

Дѣвочка съ большимъ затрудненіемъ выговорила: "да".

– Такъ смотри же, – продолжала старуха, усаживаясь на кучу костей, – не разсерди меня. Если не разсердишь, я тебя выпущу цѣлехоньку, а если... то ужъ не пеняй, я задушу тебя, какъ котенка. Отъ меня ты никуда не увернешься: могу я задушить тебя во всякое время, хоть бы лежала ты дома на своей постели. Ну, такъ теперъ рассказывай: кто ты? все рассказывай, что знаешь. Ну, пошевеливайся.

Угрозы и обѣщанія старухи, страхъ оскорбить ее, необычная въ ребенкѣ привычка владѣть собой, казаться спокойною и подавлять въ себѣ чувства страха и надежды, – все это доставило ей возможность выполнить грозное повелѣніе и рассказать свою маленькую исторію такъ, какъ она ее знала. Старуха съ большимъ вииманіемъ выслушала до конца.

– Такъ тебя зовутъ Домби? А? – спросила м-съ Браунъ.

– Точно такъ, бабушка.

– Ну, такъ слушай же, миссъ Домби, – ирошииѣла добрая бабушка, – мнѣ нужно твое платье, твоя шляпка и твои двѣ юбки, и все, безъ чего ты можешь обойтись. Ну! Раздѣвайся.

Флоренса, обративъ испуганные глазки на ужасную старуху, съ возможной скоростью начала дрожащими руками исполнять ея приказъ. Когда она скинула съ себя всѣ эти наряды, м-съ Браунъ внимательно ихъ осмотрѣла, и, по-видимому, осталась совершенно довольною добротой и высокой цѣнностью матерій.

– Ум-мъ! – прохрипѣла старая вѣдьма, устремивъ сверкающіе зрачки на блѣднѣе лицо своей жертвы. – Больше ничего не видать на тебѣ кромѣ башмаковъ. Давай сюда башмаки.

Флоренса проворно скинула башмаки, надѣясь этой готовностью угодить м-съ Браунъ. Тогда старуха начала рыться въ кучѣ лохмотьевъ и черезъ нѣсколько минутъ вытащила оттуда какое-то грязное платьице, старый истасканный салопъ съ разнокалиберными заплатами и безчисленными прорѣхами по бокамъ, и гадкую испачканную тряпицу, суррогатъ женской шляпы, вытасченный, вѣроятно, изъ помойной ямы или навозной кучи. Она приказала Флоренсѣ одѣваться, и бѣдная дѣвочка, надѣясь на скорое освобожденіе, поспѣшно стала напяливать на себя эти лохмотья.

Надѣвая гадкую шапку, похожую болѣе на какое-то изорванное сѣдло, чѣмъ на женскій головной уборъ, Флоренса второпяхъ запуталась въ своихъ роскошныхъ волосахъ и долго не могла приладить этой тряпки къ своей головѣ. М-съ Браунъ схватила огромныя ножницы и вдругъ пришла въ неописанное изумленіе, при взглядѣ на свою жертву.

– Зачѣмъ ты не оставила меня въ покоѣ, – закричала старуха, – когда я была довольна? Глупая дѣвчонка!

– Прости меня. Я не знаю, что я сдѣлала, – лепетала Флоренса. – Я не виновата.

– Вотъ я тебѣ дамъ не виновата! – завопила старая вѣдьма, взъерошивая съ неистовымъ удовольствіемъ локоны бѣднаго ребенка. – Ахъ, ты, Господи Владыка! Другая на моемъ мѣстѣ прежде всего сорвала бы съ тебя эту гриву!

У Флоренсы отлегло отъ сердца, когда она увидѣла, что старухѣ нужны только ея волосы, а не голова. Она съ кротостью обратила на нее глаза и не сдѣлала никакого соиротивленія.

– Если бы у меня у самой не было дѣвки, которая такъ-же, какъ и ты щеголяла своими волосами, – сказала м-съ Браунъ, – я не оставила бы ни одного клочка на твоей башкѣ. Но теперь далеко моя дѣвка, далеко за морями! У! у!

Это восклицаніе вовсе не мелодическое, но исполненное глубокой тоски и сопровождаемое дикими жестами костлявыхъ рукъ, болѣзненно отозвалось въ сердцѣ Флоренсы, и она еще больше испугалась страшной старухи. Это обстоятельство спасло ея локоны. Взмахнувъ два-три раза огромными ножницами надъ ея головой, м-съ Браунъ велѣла ей хорошенько запрягать волосы подъ шляпу, и не подавать соблазнительнаго повода къ искушенію. Одержавъ надъ собой такую трудную побѣду, старуха снова усѣлась на кучу костей, закурила коротенькую черную трубку, и губы ея зачавкали наистрашнѣйшимъ образомъ, какъ будто бы она хотѣла проглотить чубукъ.

Выкуривъ трубку, она велѣла Флоренсѣ нести кроличью шкуру, чтобы придать ей видъ своей обыкновенной спутницы и сказала, что отвезетъ ее на большую улицу, откуда она можетъ разспрашивать о дорогѣ къ своимъ друзьямъ. Но въ то же время старуха, съ грозными заклятіями и подъ опасеніемъ страшнаго мщенія, строго-настрого запретила своей жертвѣ справляться объ отцовскомъ домѣ, который могъ быть очень недалеко; а она должна была разспрашивать объ отцовской конторѣ въ Сити, простоявъ напередъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ указано, до тѣхъ поръ, пока часы не пробьютъ трехъ. Всѣ эти распоряженія м-съ Браунъ подкрѣпила увѣреніемъ, что за ней станутъ присматривать зоркіе глаза, и ни одно ея движеніе не укроется отъ бдительнаго наблюденія. Флоренса обѣщала во всей точности выполнить строгія приказанія.

Наконецъ, м-съ Браунъ, выступая впередъ, повела превращенную и оборванную дѣвочку по лабиринту тѣсныхъ улицъ, переулковъ и закоулковъ, которые черезъ нѣсколько времени вывели ихъ на пустой огромный дворъ съ проходными воротами, откуда можно было слышать

стукъ проѣзжавшихъ экипажей. Указавъ на эти ворота, старуха на прощаньи схватила свою спутницу за волосы, какъ будто раскаявалась въ своемъ великодушїи, и сказала глухимъ голо-сомъ:

– Ну, теперъ ты знаешь, что дѣлать. Стой тутъ до трехъ часовъ, и потомъ отыскивай контору отца. Да смотри у меня ни, гу-гу! не то я задушу тебя, какъ кошку.

Флоренса почувствовала, что гора свалилась съ ея плечъ, когда она осталась одна. Вѣр-ная строгимъ приказанїямъ, она робко остановилась въ одномъ углу пустого двора и, обер-нувшись назадъ, увидѣла, что страшная старуха все еще стоитъ у забора, трясеть головой и машетъ кулакомъ. какъ бы припоминая свои угрозы. Вслѣдъ за тѣмъ, перепуганная дѣвочка еще оглядывалась нѣсколько разъ, почти каждую минуту; но старуха уже исчезла, и не было больше никакихъ слѣдовъ ея тайнаго или явнаго присутствїя.

Мало-по-малу Флоренса начала въ своей засадѣ присматриваться и прислушиваться къ уличной суматохѣ, съ нетерпѣнїемъ дожидаясь вождельныхъ ударовъ часового колокола. Но часы, по-видимому, сговорились никогда не пробить трехъ. Наконецъ, къ несказанному сча-стью, на колокольнѣ забили четверти, и вслѣдъ затѣмъ раздалось: разъ, два, три; Флоренса оглянулась во всѣ стороны, сдѣлала шагъ впередъ, но тутъ же остановилась, опасаясь оскор-бить этой торопливостью всемогущихъ шпионовъ м-съ Браунъ. Потомъ, увѣрившись, что никто за ней не присматриваетъ, она поспѣшно, какъ только позволяли большїе и изорванные коты, выбѣжала изъ воротъ, крѣпко держа въ рукѣ кроличью шкуру.

Объ отцовской конторѣ ей извѣстно было только то, что она принадлежала Домби и Сыну, что это знаменитая контора въ Сити. Поэтому она могла только спрашивать, гдѣ пройти къ Домби и Сыну въ Сити, и какъ эти вопросы обращены были исключительно къ дѣтямъ – большихъ она боялась – то не получила никакого удовлетворительнаго отвѣта. Продолжая потомъ разспрашивать только о Сити, она мало-по-малу достигла этой огромной части города, котороу управляетъ страшный лордъ-мэръ.

Утомленная продолжительной ходьбой, измученная безпрестанной толкотней, оглушен-ная пронзительнымъ шумомъ и суматохой, беспокоясь о своемъ братѣ и о потерянныхъ нянь-кахъ, уstraшенная всѣмъ, что случилось и что еще могло съ нею случиться, особенно когда явится она въ этомъ рублищѣ на глаза раздраженному отцу, Флоренса нѣсколько разъ останавли-валась рыдать, облегчая истерзанное сердце горькими слезами. Но толпа въ эту пору или вовсе не обращала вниманїя на маленькую нищую въ лохмотьяхъ, или равнодушно проходила мимо въ томъ предположенїи, что ее выучили этимъ способомъ возбуждать состраданїе и вымани-вать деньги. Призвавъ на помощь все присутствїе духа, всю твердость характера, искушеннаго преждевременнымъ опытомъ и несчастїями, Флоренса, почти выбиваясь изъ силъ, продолжала идти по указанному направленїю, имѣя въ виду постоянно одну цѣль.

Наконецъ, уже вечеромъ, послѣ многихъ переходовъ, ей удалось изъ шумной, тѣсной улицы, загроможденной фурами и телѣгами, выбраться на пристань или набережную, гдѣ въ безпорядкѣ разбросаны были мѣшки, чемоданы, бочки, ящики. Здѣсь, подлѣ вѣсовъ и дере-вяннаго домика на колесахъ, встрѣтился съ нею толстый дюжїй мужчина съ перомъ за ухомъ и руками, опущенными въ карманы. Онъ стоялъ, присвистывая и посматривая на ближайшія мачты и лодки, какъ будто дневная его работа приходила къ концу.

– Проваливай, проваливай, моя милая! Тутъ нѣтъ ничего для тебя, – сказалъ толстякъ, случайно обернувшись къ маленькой дѣвочкѣ въ лохмотьяхъ.

– Скажите пожалуста, вѣдь это Сити? спросила дрожащимъ голосомъ заблудшая дочь Домби и Сына.

– Ну, да, Сити. Ты это звешь не хуже моего. Проваливай, говорю тебѣ; ничего тутъ нѣтъ для тебя.

– Да мнѣ ничего и не нужно, робко отвѣчала дѣвочка, – только позвольте спросить васъ, гдѣ дорога къ Домби и Сыну?

Толстякъ, по-видимому, былъ очень озадаченъ этимъ вопросомъ. Посмотрѣвъ внимательно на Флоренсу, онъ сказалъ:

– А зачѣмъ тебѣ Домби и Сынъ?

– Мнѣ надобно знать, гдѣ ихъ контора.

Толстякъ еще съ большимъ вниманіемъ посмотрѣлъ на нее, и такъ крѣпко, въ знакъ удивленія, почесалъ затылокъ, что шляпа слетѣла съ его головы.

– Джо! – закричалъ онъ работнику, поднимая и надѣвая шляпу.

– Тутъ я! – сказалъ Джо.

– Гдѣ этотъ смазливый мальчуганъ, что смотритъ за товарами Домби?

– А онъ только что вышелъ въ другія ворота, сказалъ Джо.

– Позови-ка его на минуту.

Джо побѣжалъ и, закричавъ во все горло, тотчасъ же воротился съ красивымъ и веселымъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати.

– Вы, любезный, кажись, служите у Домби? – спросилъ толстякъ.

– Точно такъ, м-ръ Кларкъ, – отвѣчалъ мальчикъ.

– А взгляните-ка на нее! – сказалъ м-ръ Кларкъ.

Повинуясь указательному движенію м-ръ Кларка, мальчикъ подошелъ къ незнакомой дѣвочкѣ, никакъ не понимая, что ему съ нею дѣлать. Флоренса, между тѣмъ, слышавшая весь разговоръ, умѣла сообразить, что для нея не было теперь никакой опасности, и что странствованія ея приближаются къ концу. При взглядѣ на прекраснаго веселаго мальчика, она почувствовала такую радость, такое одушевленіе, что немедленно побѣжала къ нему навстрѣчу, обронивъ на дорогѣ гадкій башмакъ, и обѣими руками ухватила за его руку.

– Я заблудилась, съ вашего позволенія: – сказала Флоренса.

– Заблудились! – вскричалъ мальчикъ.

– Да, я заблудилась нынѣшнимъ утромъ, далеко отсюда; охъ, какъ далеко: И у меня отняли мое платье, и теперь на мнѣ чужая одежда, и зовутъ меня Флоренсой Домби, и я единственная сестра моего маленькаго братца, и, о милый! милый! спасите меня, сдѣлайте милость, спасите! – рыдая говорила Флоренса, давая полный просторъ дѣтскимъ чувствованіямъ и заливаясь горькими слезами. Въ это самое время гадкая шляпка слетѣла съ ея головы, и густые черные локоны въ беспорядкѣ растрепались по ея личику, къ невыразимому удивленію и соболѣзнованію молодаго Вальтера, племянника Соломона Гильса, мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ.

М-ръ Кларкъ, по-видимому, не помнилъ себя отъ изумленія и, насилу переводя духъ, замѣтилъ только, что никогда не случилось ему видѣть такой исторіи на этой пристани. Вальтеръ поднялъ башмакъ и проворно надѣлъ его на маленькую ножку, какъ сказочный принцъ, надѣвшій туфли Сандрильонѣ. Онъ подаль правую руку Флоренсѣ, повѣсилъ на лѣвое плечо кроличью шкуру, и новый Геркулесъ, онъ почувствовалъ, что страшный драконъ бездыханный лежитъ у его ногъ.

– Не плачьте, миссъ Домби! – сказалъ Вальтеръ, проникнутый необыкновеннымъ восторгомъ. – Какъ я радъ, что былъ въ это время на пристани! Теперь вы такъ же безопасны, какъ если бы защищала васъ цѣлая рота храбрыхъ моряковъ на военномъ кораблѣ.

– Я не стану больше плакать, – отвѣчала Флоренса, – теперь я плачу только отъ радости!

– Плачетъ отъ радости! – думалъ Вальтеръ, – и я причиной этой радости! Пойдемте, миссъ Домби. Вотъ и другой башмакъ вы обронили, надѣньте лучше мои, миссъ Домби.

– Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтеесь, – сказала Флоренса, останавливая юношу, когда тотъ поспѣшно началъ разуваться. – Мнѣ хорошо и въ этихъ башмакахъ, право хорошо!

– Ну да, – сказалъ Вальтеръ, взглянувъ на ея ножку, – мои были бы слишкомъ велики для васъ. Какъ это мнѣ такая глупость пришла въ голову! Въ моихъ вамъ вовсе нельзя идти! Пойдемте, миссъ Домби. Какой это мошенникъ оскорбилъ васъ? Какъ бы до него добратся!

И они пошли рука объ руку, не обращая ни малѣйшаго вниманія на проходящихъ, которые съ изумленіемъ смотрѣли на странную чету. Вальтеръ былъ совершенно счастливъ, и въ глазахъ его искрилась безпредѣльная гордость.

Становилось темно, небо покрылось облаками, и уже начиналъ накрапывать дождь; но счастливая чета не заботилась ни о чемъ и быстро продолжала идти впередъ. Оба они совершенно погружены были въ послѣднія приключенія, и Флоренса обо всемъ рассказывала съ невинной откровенностью своего возраста, между тѣмъ какъ Вальтеръ слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ, воображая, что они гуляютъ въ густой чащѣ между высокими деревьями, на какомъ-нибудь пустомъ острову, подъ тропиками, вдали отъ грязной улицы на берегу Темзы.

– Далеко надъ идти? – спросила наконецъ Флоренса, вперивъ глазки на лицо своего товарища.

– Ахъ, да! – сказалъ Вальтеръ, останавливаясь, – куда это мы зашли? Знаю, знаю. Но теперь контора заперта, миссъ Домби. Тамъ никого нѣтъ. М-ръ Домби уже давно ушелъ. Намъ надо идти къ вамъ домой, или... знаете ли что? Пойдемте лучше къ моему дядѣ: онъ живетъ отсюда близехонько. Тамъ вы переодѣнетесь, отдохнете и поѣдете домой въ каретѣ. Не лучше ли этакъ?

– Я то же думаю, – отвѣчала Флоренса, – не лучше ли этакъ? А вы какъ думаете?

Когда они остановились въ раздумьи среди улицы, мимо ихъ прошелъ какой-то мужчина, который пронизательно взглянулъ на Вальтера, какъ будто угадывалъ его; но не сказавъ ни слова и не останавливаясь, пошелъ впередъ.

– Вѣдь это, кажется, м-ръ Каркеръ! – сказалъ Вальтеръ, – Каркеръ изъ нашей конторы, миссъ Домби, не приказчикъ Каркеръ, а другой, младшій Каркеръ. Эй! м-ръ Каркеръ!

– Неужели это Вальтеръ Гэй? – сказалъ прохожій, останавливаясь и оборачиваясь назадъ. – Откуда у тебя такой странный товарищъ?

Когда онъ остановился подлѣ фонаря и внимательно началъ слушать поспѣшное объясненіе Вальтера, фигура его представила замѣчательный контрастъ съ молодыми людьми, которые стояли передъ нимъ рука объ руку. Онъ былъ не старъ, но волосы его совершенно посѣдѣли, спина согнулась, какъ будто подъ бременемъ большихъ несчастій и задумчивое, печальное лицо исковеркано было глубокими морщинами. Огонь въ его глазахъ, черты лица, голосъ, какимъ онъ говорилъ, казалось, совершенно ослабѣли и потухли вмѣстѣ съ силами духа, сокрушеннаго изнурительными заботами. Онъ одѣтъ былъ очень прилично въ простое черное платье, которое, гармонируя съ общимъ характеромъ его физиономіи, какъ будто сплющилось и съжилось на его неподвижныхъ членахъ, и отъ этого вся фигура съ ногъ до головы становилась еще мрачнѣе и печальнѣе.

И между тѣмъ его симпатія къ пылкимъ стремленіямъ и надеждамъ молодаго сердца, по-видимому, вововсе не потухла вмѣстѣ съ другими силами души. Онъ смотрѣлъ на важную, озабоченную физиономію мальчика съ необыкновеннымъ участіемъ, и въ глазахъ его заискрилось невыразимое безпокойство и состраданіе, какъ ни старался онъ скрыть эти чувства. Когда Вальтеръ, окончивъ рассказъ, спросилъ его насчетъ Флоренсы, онъ посмотрѣлъ на него съ такимъ многозначительнымъ выраженіемъ, какъ будто читалъ приговоръ судьбы на его лицѣ, печально противорѣчившій съ его настоящимъ положеніемъ.

– Что вы мнѣ присовѣтуете, м-ръ Каркеръ? – сказалъ Вальтеръ весело улыбаясь. – Вы всегда мнѣ подаете хорошіе совѣты, когда разговоритесь, хоть это бываетъ очень рѣдко.

– Вашъ планъ не дурень! – сказалъ м-ръ Каркеръ, посматривая попеременно то на Вальтера, то на Флоренсу.

– М-ръ Каркеръ! – сказалъ Вальтеръ, озаренный великодушною мыслью. – Мы вотъ какъ устроимъ; Вы пойдете къ м-ру Домби и принесете ему радостную вѣсть; а мы станемъ дожидаться у дядюшки. Это будетъ очень недурно. Ступайте же!

– Мнѣ идти? – возразилъ Каркеръ.

Вмѣсто отвѣта м-ръ Каркеръ крѣпко пожалъ мальчику руку, пожелавъ ему добраго вечера, и, рекомендуя дѣйствовать скорѣе, поспѣшно пошелъ своей дорогой.

– Экой чудакъ! – сказалъ Вальтеръ, слѣдя глазами за удаляющимся старикомъ. – Теперь намъ съ вами, миссъ Домби, поскорѣе надо идти къ дядюшкѣ. А вы слышали что-нибудь отъ своего папеньки о м-рѣ Каркерѣ младшемъ?

– Нѣтъ, – наивно отвѣчала дѣвочка, – папенька говоритъ со мной очень рѣдко.

– Ахъ, да! Тѣмъ стыднѣе для него, думалъ Вальтеръ, пристально вглядываясь въ страждущее личико своей спутницы. Потомъ онъ съ безпокойствомъ и ребяческою живостью началъ озираться во всѣ стороны, чтобы найти предметъ для новаго разговора, и когда Флоренса, въ эту самую минуту, опять обронила несчастный башмакъ, онъ вызвался донести ее на рукахъ къ дому своего дяди. Флоренса, несмотря на чрезмѣрную усталость, съ улыбкой отклонила эту услугу, говоря, что онъ можетъ ее уронить, и такъ какъ они уже были недалеко отъ деревяннаго мичмана, Вальтеръ вспомнилъ по этому поводу о кораблекрушеніяхъ и страшныхъ несчастіяхъ на морѣ, рассказывая, какъ иной разъ смѣлые мальчики гораздо меньше его торжественно выручали и спасали дѣвочекъ гораздо старше Флоренсы. Этотъ интересный разговоръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда, наконецъ, они пришли къ дверямъ мастера морскихъ инструментовъ.

– Эй, дядя! дядюшка Соль! – закричалъ Вальтеръ, опрометью вбѣгая въ магазинъ и начиная говорить безъ всякой связи, едва переводя духъ. – Удивительное, странное приключеніе! Дочь м-ра Домби заблудилась на улицѣ – какая-то старая вѣдьма ограбила ее съ ногъ до головы я ее нашель, привелъ къ тебѣ – да загляни же сюда – эй, ты, дядя Соломонъ!

– Силы небесныя! – кричалъ дядя Соль, отскакивая въ ужасномъ волненіи отъ своихъ любимыхъ инструментовъ. – Можетъ ли это быть! Смотри, я...

– Нечего тутъ смотрѣть, когда я тебѣ говорю. Иди-ка придвинемъ къ камину софу – да поставь на столъ тарелки, дядюшка Соль, да подай чего-нибудь покушать – она голодна – сбросьте свои негодные коты, миссъ Флоренса, сядьте сюда подлѣ камина, вотъ такъ, положите ножки на рѣшетку – ахъ, какъ онѣ мокры – такъ-то, дядюшка Соль – удивительное приключеніе! Ухъ! какъ я разгорѣлся!

Соломонъ Гильсъ разгорѣлся не менѣе племянника, когда началъ хлопотать и возиться около неожиданной гостыи. Онъ гладилъ Флоренсу по головѣ, вытиралъ ея ноги своимъ платкомъ, нагрѣтымъ у камина, готовилъ для нея обѣдъ, просилъ ее кушать, пить, и въ то же время слѣдилъ глазами за взбалмошнымъ Вальтеромъ, который, какъ бѣшеный, метался изъ угла въ уголь, кричалъ, стучалъ, вдругъ принимался за двадцать дѣлъ и не дѣлалъ ничего.

– Вотъ что, дядя! – сказалъ онъ наконецъ, схвативъ свѣчу, – ты погоди минуточку, а я сбѣгаю на чердакъ, переменяю куртку, и – маршъ! Вѣдь вотъ оно, какія чудеса: неправда ли?

– Дружочекъ мой, – началъ Соломонъ, который съ очками на носу и большими часами въ карманѣ безпрестанно колебался между Флоренсой на софѣ, и племянникомъ во всѣхъ углахъ комнаты, – это такое необыкновенное...

– Ничего, ничего, дядя Соль! Вы кушайте, миссъ Флоренса, пожалуйста кушайте.

– Ахъ да, да, да! – вскричалъ Соломонъ, подавая огромную ногу баранины, какъ будто угощалъ богатыря. – Я ужъ похлопочу о ней, Валли! Бѣдняжка! Какъ она голодна, я думаю! А ты ступай, и будь готовъ. Господи, твоя воля! Сэръ Ричардъ Виттингтонъ три раза лордъ-мэръ города Лондона!

Вальтеръ очень недолго бѣгалъ на чердакъ, а между тѣмъ въ его отсутствіе усталая гостыя задремала у камина. Въ томъ промежуткѣ времени, продолжавшемся не болѣе пяти минутъ, Соломонъ Гильсъ, начавшій понемногу приходилъ въ себя, затворилъ комнату и заслонилъ рѣшеткою каминъ, чтобы огонь не безпокоилъ ребенка. Такимъ образомъ, когда мальчикъ воротился, Флоренса почивала очень спокойно.

– Славно, дядя, славно! – шепталь онъ, схватывая Соломона въ охапку, такъ что у того караска выступила на лицѣ. – Теперь я иду! Только надо взять съ собою корку хлѣба: я ужасно голодень. Ты смотри, не разбуди ее, дядюшка Соль!

– Нѣтъ, нѣтъ не разбужу, – говорилъ Соломонъ. – Прехорошенькая дѣвочка;

– Еще бы! – сказалъ Вальтеръ, – я въ жизнь не видалъ такого личика! Такъ то, дядюшка Соль. Ну, теперь я иду!

– Пора, пора! Ступай! – проговорилъ Соломонъ. Дядюшка! а, дядюшка! – вскричалъ Вальтеръ, выглядывая изъ-за дверей.

– Ты еще не ушелъ? – сказалъ Соломонъ.

– Здорова ли она?

– Совершенно здорова.

– Ну, славу Богу. Теперь я иду.

– Теперь, конечно, уйдешь, – сказалъ про себя Соломонъ.

– Эй! дядя Соль! – вскричалъ Вальтеръ, выставя голову изъ-за дверей.

– Ты еще не ушелъ? – сказалъ Соломонъ.

– Вотъ что, дядюшка Соломонъ. Съ нами встрѣтился на улицѣ м-ръ Каркеръ младшій, чудакъ такой, что Боже упаси! – Прощай, говоритъ, Вальтеръ, прощай: мнѣ пора домой! – Только я оглядываюсь, – а онъ идетъ за нами, и ужъ когда мы дошли до магазина, онъ все шель за ними, какъ слуга или вѣрная собака за своимъ господиномъ. Такой чудакъ! Ну, а какъ она теперь?

– Совершенно спокойна и счастлива, Валли. Ступай!

– Теперь пойду, пойду!

И на этотъ разъ онъ дѣйствительно пошелъ. Соломонъ Гильсъ, потерявъ аппетитъ, усѣлся по другую сторону камина и, внимательно наблюдая спящую Флоренсу, началъ строить великолѣпные воздушные замки самой фантастической архитектуры, прозрѣвая въ туманную даль чрезъ магическія стекла своихъ инструментовъ. Въ этомъ положеніи онъ, въ своемъ валлійскомъ парикѣ и кофейномъ камзолѣ, былъ очень похожъ на таинственнаго волшебника, который держалъ молодую дѣвушку въ очарованномъ снѣ.

Вальтеръ между тѣмъ помчался во всю прыть къ дому м-ра Домби, безпрестанно высывая изъ кареты голову, чтобы заставить извозчика ѣхать скорѣй. Когда, наконецъ, лошади остановились у подъѣзда, онъ мгновенно выскочилъ изъ наемнаго экипажа и, доложивъ о своемъ приходѣ, прямо побѣжалъ въ библіотеку, гдѣ господствовало въ эту минуту великое смѣшеніе языковъ, и куда собрались на общее совѣщаніе: м-ръ Домби, его сестра, миссъ Токсъ, Ричардъ и Сусанна Нипперъ.

– Прошу извинить, милостивый государь, – сказалъ Вальтеръ, быстро вбѣгая въ комитату, – мнѣ очень пріятно извѣстить васъ, что бѣды нѣтъ никакой. Миссъ Домби нашлась.

Когда м-ръ Домби величественно повернулся къ вошедшему вѣстнику на своихъ огромныхъ креслахъ, особа его представила совершеннѣйшій контрастъ съ этимъ живымъ, запыхавшимся мальчикомъ, который, по-видимому, весь проникнутъ былъ необыкновеннымъ восторгомъ и одушевленіемъ.

– Я говорилъ тебѣ, Луиза, что она непременно найдется, – сказалъ м-ръ Домби, небрежно оборачивая чрезъ плечо голову къ м-съ Чиккъ, которая заливалась горячими слезами вмѣстѣ съ своей неразлучной подругой, миссъ Токсъ. – Сказать слугамъ, чтобы прекратили поиски. Мальчика я знаю: это молодой Гэй изъ конторы. Говорите любезный, какимъ образомъ нашлась моя дочь? Мнѣ извѣстно, какъ ее потеряли.

Тутъ м-ръ Домби величественно посмотрѣлъ на бѣдную Полли.

– Но какъ она нашлась? – продолжалъ онъ, – и кто ее нашель? Это теперь необходимо знать.

– Мнѣ сдается, милостивый государь, – скромно отвѣчалъ Вальтеръ, – что я нашель миссъ Домби. То есть не то, чтобы я могъ вмѣнить себѣ въ заслугу, что я дѣйствительно ее нашель, милостивый государь, но я имѣлъ только чсоть сдѣлаться счастливымъ орудіемъ ея...

– Это что значитъ? – сурово прервалъ м-ръ Домби, которому, по-видимому, крайне не нравилось, что мальчикъ гордился своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ, – не то, чтобы вы дѣйствительно нашли мою дочь, а были только счастливымъ орудіемъ?... Говорите яснѣе и послѣдовательнѣе.

Но быть послѣдовательнымъ Вальтеръ никакъ не могъ. Онъ кое-какъ объяснилъ весь ходъ дѣла и сказалъ, почему миссъ Домби осталась у его дяди.

– Слышишь, дѣвочка? – сказалъ м-ръ Домби, обращаясь къ Сусаннѣ. – Возьми все, что нужно, ступай съ этимъ молодымъ человѣкомъ, и привези миссъ Флоренсу домой. А вы, любезный, завтра получите награду.

– Вы слишкомъ добры, милостивый государь – сказалъ Вальтеръ. – Увѣряю васъ, я не думалъ ни о какой наградѣ.

– Вы еще слишкомъ молоды, Вальтеръ Гэй, – сказалъ м-ръ Домби почти съ сердцемъ, – нѣтъ надобности знать, о чемъ вы думали, или не думали. Вы вели себя хорошо, и этого довольно. Скромность тутъ неумѣстна. Луиза, вели дать ему вина.

Взоръ м-ра Домби очень неблагоклонно слѣдилъ за Вальтеромъ, когда тотъ, въ сопровожденіи м-съ Чиккъ, выходилъ изъ комнаты, и нѣтъ сомнѣнія, умственные очи его выражали еще большую неблагоклонность, когда услужливый мальчикъ ѣхалъ къ своему дядѣ вмѣстѣ съ Сусанною Нипперъ.

Между тѣмъ Флоренса въ этотъ промежутокъ успѣла отдохнуть, пообѣдать, и тѣснѣйшимъ образомъ подружиться съ дядюшкой Соломономъ, съ которымъ она съ полной откровенностью, начала разговаривать о всякой всячинѣ. За этой бѣсѣдой застала ее черноглазая нянька, которую, впрочемъ, теперь можно было назвать красноглазою, – такъ много плакала она нынѣшній день! Не говоря ни слова, не сдѣлавъ ни малѣйшаго выговора, она заключила свою воспитанницу въ объятія и была, по-видимому, совершенно счастлива этимъ свиданіемъ. Превративъ маленькую контору въ дамскую уборную, она съ большимъ стараніемъ одѣла Флоренсу въ ея собственное платье, и черезъ нѣсколько минутъ гостепріимные хозяева увидѣли передъ собой настоящую миссъ Домби.

– Доброй ночи! – сказала Флоренса, обращаясь къ Соломону. – Вы были со мной очень добры!

Старикъ Соль былъ совершенно счастливъ, и отъ избытка нѣжности поцѣловалъ свою маленькую гостью.

– Доброй ночи, Вальтеръ! – сказала Флоренса. – Прощай!

– Прощайте, – сказалъ Вальтеръ, подавая ей обѣ руки.

– Я никогда не забуду тебя, – продолжала Флоренса, – никогда, никогда! Прощай, Вальтеръ!

И въ невинности благодарнаго сердца, дѣвочка подставила ему щеку. Вальтеръ опустилъ голову, и тутъ же поднялъ ее опять. Лицо его пылало, и онъ съ робкой стыдливостью смотрѣлъ на дядю.

Что же ты Вальтеръ? Ну, доброй ночи, Вальтеръ! Прощай, Вальтеръ! Дай сюда руку, Вальтеръ, вотъ такъ! Прощай, прощай!

Она еще разъ простилась съ Вальтеромъ, когда Сусанна усаживала ее въ карету, и даже, когда экипажъ двинулся съ мѣста, она нѣсколько разъ махала ему платкомъ; Вальтеръ, стоя на крыльцѣ весело отвѣчалъ на ея поклоны, устремивъ неподвижный взоръ на удаляющійся экипажъ, между тѣмъ какъ деревянный мичманъ позади его, казалось, такъ же, какъ и онъ, посылалъ прощальныя привѣтствія дорогой гостьѣ, ни на что больше не обращая вниманія.

Скоро Флоренса подѣхала къ родительскому дому и вошла въ библіотеку, гдѣ опять господствовало смѣшеніе языковъ. Каретѣ велѣно было дожидаться – "для м-съ Ричардсъ", такъ таинственно прошептала горничная, когда Сусанна проходила мимо.

Обрѣтеніе заблудшаго дѣтища произвело весьма слабое впечатлѣніе на чадолюбиваго родителя. М-ръ Домби, никогда не любившій своей дочери, небрежно поцѣловаль ее въ лобъ, и сдѣлалъ наставленіе, чтобы впредь она не смѣла выходить изъ дому съ невѣрными слугами. М-съ Чиккъ прервала на минуту плачевныя соболѣзнованія относительно испорченности чело-вѣческой природы, не умѣвшей идти по стезямъ добродѣтели даже по поводу "Благотвори-тельного Точильщика", и встрѣтила свою племянницу важными привѣтствіями, подобающими истинной Домби. Миссъ Токсъ настроила свои чувствованія на этотъ же ладъ. Только одна Ричардсъ, виноватая Ричардсъ, облегчила свое сердце радостными восклицаніями и слезами, и спѣшила расцѣловать милую малютку.

– Ахъ, Ричардсъ, – сказала м-съ Чиккъ съ глубокимъ вздохомъ, – неблагодарность чер-наго сердца никогда не доведетъ до добра! Что вы темеръ станете дѣлать?... А не было бы всѣхъ этихъ нѣпріятностей, если бы вы умѣли вести себя приличнымъ образомъ въ отношеніи къ младенцу, который теперь, по вашей милости, долженъ лишиться своего естественнаго про-питанія!

– Бѣдное, бѣдное дитя! – прошептала жалобнымъ голосомъ миссъ Токсъ.

– Если-бы я на вашемъ мѣстѣ, – торжественно сказала м-съ Чиккъ, – была такъ неблаго-дарна, мнѣ бы показалось, что платьѣ "Благотворительнаго Точильщика" задушить моего сына, а воспитаніе развратить его.

М-съ Чиккъ не подозрѣвала, какая убійственная правда выходила изъ ея усть. Формен-ное платьѣ уже порядкомъ начинало душить несчастнаго Тудля, а воспитаніе покамѣстъ огра-ничивалось палочными ударами съ одной стороны, и болѣзнешшими стомами – съ другой.

– Луиза – сказалъ м-ръ Домби, – нѣтъ надобности продолжать этихъ замѣчаній. Женщина получила деньги и отставлена отъ должности. Ричардсъ, вы оставляете этотъ домъ, потому что осмѣлились уйти съ моимъ сыномъ – слышите ли? съ моимъ сыномъ, – м-ръ Домби съ осо-бой выразительностью произнесъ эти два слова, – въ такой притонъ и въ такое общество, о которомъ нельзя подумать безъ содроганія. Что же касается до приключенія съ Флоренсой, я считаю его въ нѣкоторомъ смыслѣ счастливымъ и благопріятнымъ обстоятельствомъ, потому что безъ него никогда бы не узналъ вашей вины, между тѣмъ какъ теперь вы сами принуждены были рассказать обо всемъ. Луиза, – продолжалъ м-ръ Домби, обращаясь къ сестрѣ, – другая нянька, думаю я, – здѣсь миссъ Нипперъ громко зарыдала – можетъ остаться, потому что она еще слишкомъ молода и по неволѣ увлечена была соблазнительнымъ поведеніемъ кормилицы. Теперь потрудись распорядиться, чтобы извозчику заплатили до, – здѣсь м-ръ Домби пріоста-новился и сдѣлалъ презрительную мину – до Садовъ Стагса.

Когда бѣдная Полли пошла къ дверямъ, Флоренса уцѣпилась за ея платьѣ, и заплакала преотчаяннымъ образомъ, упрашивая добрую няню не уходить изъ дому. Какой ударъ для гор-даго отца! Видѣть, какъ собственное дѣтище, собственная плоть и кровь, отъ которой нельзя же было отказаться, вѣшается въ его присутствіи на шею посторонней, презрѣнной женіцины, да это то же, что кинжалъ въ сердце, или острая стрѣла въ растерзанную грудь! Ему, правда, никакого не было дѣла, кого любить или ненавидить его дочь; но его обдало смертельнымъ холодомъ при одной мысли, что то же самое могло со временемъ повториться и съ его сыномъ!

Какъ бы то ни было, на этотъ разъ его сынъ кричалъ во всю ночь на всѣ возможные напѣвы. Неудивительно: бѣдный Павелъ терялъ свою вторую мать, или правильнѣе, первую мать, которая съ любовью привѣтствовала возникающую зарю его жизни: ужасное лишеніе, какое только можетъ вытерпѣть сиротствующій младенецъ! Тотъ же ударъ лишилъ его сестру единственнаго вѣрнаго друга, и Флоренса горько рыдала до глубокой полночи, пока печальный

сонъ не сомкнулъ ея вѣждъ. Но всѣ эти вещи не относятся къ дѣлу: не станемъ толковать о нихъ.

Глава VII

Бѣглый взглядъ на жилище и на сердечныя привязанности миссъ Токсъ

Миссъ Токсъ обитала въ небольшомъ темномъ домикѣ, стоявшемъ съ незапамятныхъ временъ англійской исторіи на западной сторонѣ города, гдѣ онъ пріютился въ тѣни, за угломъ, какъ бѣдный родственникъ большой модной улицы, откуда свысока смотрѣли на него великолѣпныя зданія. Это жилище, расположенное не то чтобы на дворѣ, и не то чтобы за дворомъ, находилось въ самомъ скучномъ глухомъ переулкѣ, гдѣ черезъ ущелья каменной мостовой сильно начинала пробиваться трава и зеленый мохъ. Этотъ пустынный пріютъ именовался Княгининымъ Лугомъ, и на этомъ Княгининомъ Лугу красовалась Княгинина Капелла, и въ эту Княгинину Капеллу каждое воскресенье, по звону громкаго колокола, собиралось челоуѣкъ двадцать или тридцать сихъ и оныхъ слушателей мужского и женскаго пола. Тутъ же, почти подлѣ, къ великому соблазну благочестивыхъ душъ, стоялъ трактиръ подъ вывѣскою "Гербъ княгини", куда по временамъ заходили лакеи въ самыхъ великолѣпныхъ ливреяхъ. Въ оградѣ, передъ дверьми трактира, неизвѣстно ради какихъ потребъ, былъ поставленъ портшезъ, употреблявшійся въ незапамятныя времена, когда лондонскія дамы любили качаться на носилкахъ; а перила трактирной ограды въ хорошую погоду украшены были мѣдными кружками, которыхъ иной разъ, по счету миссъ Токсъ, находилось до сорока восьми.

Тутъ же, на Княгининомъ Лугу, кромѣ жилища миссъ Токсъ, стоялъ еще другой частный домъ, да еще какія-то огромныя ворота, которыя всегда крѣпко-накрѣпко были заперты тяжелыми запорами и не отворялись ни въ какомъ случаѣ. По всей вѣроятности, это былъ вышедшій изъ употребленія входъ въ чьи-то конюшни, и эту догадку подтверждалъ сильный конюшенный запахъ, распространявшійся по всему Княгинину Лугу. Окна изъ спальни миссъ Токсъ, расположенной назади, выходили прямо на эти конюшни, гдѣ безпрестанно возились кучера, производя оглушительный шумъ почти во всякое время дня и ночи. Здѣсь же, на задней стѣнѣ, тоже прямо передъ окнами миссъ Токсъ, конюхи имѣли обыкновение развѣшивать и просушивать свои кафтаны, армяки, куртки, жилеты и другія болѣе таинственныя принадлежности своего гардероба.

Владѣльцемъ другого частнаго дома на Княгининомъ Лугу былъ отставной буфетчикъ, женатый на ключницѣ. У этой счастливой четы ианималъ квартиру съ мебелью холостой джентльменъ, мужчина коренастый, одеревенѣлый съ выпученными глазами и совершенно синимъ лицомъ. Былъ онъ чиномъ майоръ и, по увѣренію миссъ Токсъ, онъ смотрѣлъ настоящимъ Марсомъ. Храбрый воинъ и прелестная дѣва имѣли обыкновение посылать другъ къ другу газетные листы и памфлеты, и эта платоническая любезность производилась чрезъ чернаго майорова слугу, котораго миссъ Токсъ обыкновенно величала "кореннымъ туземцемъ", хотя не соединяла съ этимъ именемъ никакой географической идеи.

Дворъ и лѣстница у миссъ Токсъ были самыя маленькія, и быть можетъ, говоря вообще, во всей Англійи не было такого съ верху до низу неуклюжаго и криваго домика, какъ жилище этой дѣвы; но зато, говорила миссъ Токсъ, – какое мѣстоположеніе! Дневной свѣтъ едва проникалъ сюда въ зимнее время, солнце не заглядывало и весною, воздуху – никогда никакого, торговой дѣятельности не было и слѣдовъ. При всемъ томъ, говорила миссъ Токсъ, – подумайте о мѣстоположеніи! То же самое говорилъ пучеглазый, синий майоръ, бывший вообще безъ ума отъ Княгинина Луга: всегда и во всякомъ мѣстѣ, особенно въ клубѣ, который посѣщаль, онъ любилъ сводить разговоръ на знатныхъ особъ, жившихъ въ ближайшей модной улицѣ, чтобы имѣть удовольствіе сказать, что они его сосѣди.

Смурый домикъ миссъ Токсъ былъ ея собственный домикъ, доставшійся по духовному завѣщанію отъ покойнаго оригинала миниатюрнаго портрета съ длинной косою и напудренной головою, который всегда висѣлъ на почетномъ мѣстѣ передъ каминомъ. Большая часть мебели миссъ Токсъ принадлежала къ тѣмъ временамъ, когда были въ употребленіи напудренные головы и длинныя косы; тутъ особенно кидались въ глаза: хитрая четвероногая машинка для нагрѣванія тарелокъ, у которой кривыя ножки всегда растопыривались въ разныя стороны къ удовольствію приходившаго гостя, да еще старинное ветхозавѣтное фортепяно съ именемъ мастера, украшеннымъ гирляндой сладкаго гороху.

Хотя майоръ Багстокъ достигъ до возраста, называемаго въ учтивой литературѣ великимъ меридіаномъ жизни, и хотя онъ спускался подъ гору земного путешествія съ окоченѣлыми челюстями, съ дряблымъ голосомъ, съ отвислыми слоновыми ушами и ужасно выпученными глазами, однако-жъ онъ чрезвычайно гордился лестнымъ къ себѣ вниманіемъ миссъ Токсъ и щекоталъ свое тщеславіе фантастическимъ представленіемъ, что это была дама самага высокаго полета. Объ этомъ ужъ не разъ намекалъ онъ и въ клубѣ, придавая своей особѣ очень замысловатые эпитеты, бывшіе единственнымъ источникомъ его неистощимаго остроумія. Онъ величалъ себя старикомъ, старичиною, старцемъ, стариною, старикашкой, или просто, старымъ Багстокомъ, и въ то же время, благодаря гибкости англійскаго языка, видоизмѣнялъ на разныя манеры свое собственное имя Джозефа, съ которымъ вообще онъ стоялъ на самой короткой ногѣ.

"Джозефъ Багстокъ, сэръ, – говорилъ майоръ, махая своей палкой, – стоитъ дюжины такихъ, какъ вы. Если бы между вами было побольше изъ породы Багстоковъ, вамъ было бы отъ этого не хуже. Старина Джо себѣ на умѣ, сэръ, ему недалеко ходить за женой, если бы онъ захотѣлъ; но у Джоя, сэръ, каменное сердце, желѣзная грудь. Его не проведешь, сэръ; о, старичина Джозъ чертовски хитеръ!". Послѣ такой деклараціи, изъ желѣзной груди обыкновенно выходили шипящіе звуки, синій цвѣтъ лица превращался въ багровый, и глаза, казалось, совсѣмъ хотѣли выпрыгнуть изъ головы.

Несмотря на эти похвалы, расточаемыя собственной особѣ, майоръ былъ чрезвычайно самолюбивъ. Едва ли еще могъ найтись челоуѣкъ съ такимъ самолюбивымъ сердцемъ или, правильнѣе, съ такимъ самолюбивымъ желудкомъ, какъ у маіора, должно сказать, что этотъ послѣдній органъ былъ у него гораздо болѣе развитъ, чѣмъ первый. Ему и въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь могъ передъ нимъ гордиться или пренебрегать имъ и всего менѣе, чтобы могла пренебрегать имъ несравненная миссъ Токсъ, которая, нѣтъ сомнѣнія, была безъ ума отъ храбраго воина.

И между тѣмъ, миссъ Токсъ, по-видимому забывала своего Марса, постепенно забывала. Она начала забывать его вскорѣ послѣ открытія семейства удлей. Она продолжала забывать его послѣ крестинъ, и теперь забвеніе ея доросло до огромныхъ размѣровъ. Другой кто-то, или другое что-то сдѣлалось источникомъ ея интереса.

– Здравствуйте, сударыня! – сказала майоръ, встрѣтившись съ миссъ Токсъ на Княгининомъ Лугу, спустя нѣсколько недѣль послѣ происшествій, описанныхъ въ послѣдней главѣ.

– Здравствуйте, сэръ! – сказала миссъ Токсъ очень холодно.

– Джо Багстокъ, сударыня, – замѣтилъ маіоръ съ обыкновенной любезностью, – уже давно не имѣлъ счастья привѣтствовать васъ у окна. Онъ въ отчаяніи, сударыня. Солнце его скрылось за облаками.

Миссъ Токсъ слегка наклонила голову съ большою холодностью.

– Свѣтило Джоя было, конечно, за городомъ, сударыня? – спросилъ майоръ.

– Кто за городомъ? я? Нѣтъ, я не выѣзжала за городъ, – отвѣчала миссъ Токсъ, – я была въ послѣднее время очень занята. Почти все мое время посвящено искреннимъ друзьямъ. Да и теперь мнѣ никакъ нельзя мѣшкать. Прощайте, сударь.

Когда мисс Токсъ, съменя очаровательнѣйшимъ образомъ своими ножками, исчезла, наконецъ, изъ Княгинина Луга, майоръ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, устремивъ пучеглазый взоръ на удаляющуюся богиню, и лицо его посинѣло еще болѣе обыкновеннаго. Онъ ворчалъ и бормоталъ по себѣ, но уже не комплименты.

– Чортъ побери! – говорилъ онъ, озираясь вокругъ своими рачьими глазами и вдыхая благовонный воздухъ Княгинина Луга, – за шесть мѣсяцевъ эта женщина любила землю, по которой ходилъ Джозъ Багстокъ, а теперь?... Что это значить?

Послѣ нѣкотораго размышленія, майоръ рѣшилъ, что это значить западня, сѣти, ловушка мужа, что мисс Токсъ роетъ для него яму. – Но вамъ не поймать, сударыня, стараго Джоя! – говорилъ майоръ. – У него, сударыня, каменное сердце, желѣзная грудь! Старина Джо чертовски лукавъ: вамъ не провести его! – И послѣ этого заключенія, майоръ Багстокъ ухмылялся во весь день наилюбезнѣйшимъ образомъ.

Но ни въ этотъ, ни въ другіе дни мисс Токсъ не обращала никакого вниманія на майора и вовсе не думала о немъ. Случалось, въ былыя времена она будто нечаянно выглядывала изъ своего темнаго окошечка и краснѣя отвѣчала на поклоны майора; но теперь – увы! – она не подавала отставному любезнику ни малѣйшей надежды и рѣшительно не заботилась, смотреть онъ на нее или нѣтъ. Въ ея домѣ произошли также очевидныя перемѣны. Майоръ, дѣлая наблюденія изъ своей комнаты, замѣтилъ, что ея жилище приняло какой-то праздничный видъ. Въ одной изъ ея комнатъ появилась новая клѣтка съ вызолоченными проволоками для старой канарейки, каминъ и столы разукрасились пышными орнаментами изъ разноцвѣтной бумаги; на окнахъ очутились два-три горшка съ цвѣтами, и наконецъ сама м-съ Токсъ начала по временамъ поигрывать на фортепяно, на которомъ, подлѣ гирлянды изъ сладкаго гороху, величественно разложена была музыкальная книга съ копенгагенскими вальсами, списанными рукою самой несравненной хозяйки

Къ довершенію всѣхъ этихъ перемѣнъ, мисс Токсъ начала съ нѣкотораго времени одѣваться въ траурное платье съ величайшимъ стараніемъ и съ отмѣннымъ вкусомъ. Это послѣднее обстоятельство вывело майора изъ затрудненія, и онъ рѣшилъ, что его сосѣдка получила небольшое наслѣдство и загордилась.

На другой же день послѣ этого отраднаго рѣшенія, майоръ, сидя за своимъ завтракомъ, увидѣлъ такое страшное и чудное явленіе въ маленькой гостиной мисс Токсъ, что на нѣкоторое время онъ отъ изумленія приросъ къ своему стулу. Потомъ, выбѣжавъ въ ближайшую комнату, онъ воротился съ двухъ-ствольной оперной трубкой, и принялся съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдать ужасный предметъ своего изумленія.

– Ребенокъ! ребенокъ!! – вскричалъ майоръ, закрывая трубку, – тысяча противъ одного, что это ребенокъ!

Майоръ никакъ не могъ опомниться. Онъ только свистѣлъ и пучеглазилъ до такой степени, что глаза его, по-видимому, совсѣмъ выкатывались изъ орбитъ. День ото дня ребенокъ появлялся все чаще и чаще, два, три, четыре раза въ недѣлю. Майоръ свистѣлъ, пыхтѣлъ и пучеглазилъ. Ко всѣмъ другимъ явленіямъ на Княгининомъ Лугу былъ онъ совершенно равнодушенъ, точно такъ же какъ и мисс Токсъ была совершенно равнодушна къ нему самому. Онъ могъ почернѣть, побѣлѣть, пожелтѣть, побагровѣть – до всего этого не было ей никакого дѣла.

Нельзя было не удивляться постоянству, съ какимъ она выходила изъ Княгинина Луга за ребенкомъ и его кормилицей, гуляла съ ними, возвращалась домой и смотрѣла за всѣми ихъ движеніями. Усердіе ея простиралось до того, что она сама даже кормила и няньчила младенца, и нерѣдко холодила юную кровь его своею игрою на фортепяно. Чудныя непостижимыя дѣла! Въ это же самое время обуяла ее страсть безпрестанно смотрѣть на какой-то браслетъ, а также страсть по цѣлымъ часамъ смотрѣть на луну изъ маленькаго окошка своей комнаты. Но на что бы она ни смотрѣла, – на солнце, луну, звѣзды или браслеты, – на майора – увы! – уже никогда

болѣе не смотрѣла. И бѣдный майоръ свистѣлъ, пыхтѣлъ, пучеглазиль, дивовался, подсматриваль, шпиониль, и ни изъ чего не могъ вывести никакого положительнаго заключенія.

– Ну, моя милая, вы непременно овладѣете сердцемъ моего брата, поздравляю васъ! – сказала однажды м-съ Чиккъ.

М-съ Токсъ поблѣднѣла.

– Малютка съ каждымъ днемъ все больше походить на отца, – продолжала м-съ Чиккъ.

Миссъ Токсъ вмѣсто отвѣта взяла на руки маленькаго Павла и расцѣловала.

– Похожъ ли онъ, моя милая, сколько-нибудь на свою мать, съ которой вамъ не удалось меня познакомить? – спросила миссъ Токсъ.

– Нимало, – отвѣчала Луиза.

– Она, я думаю, была очень хороша? – пролепетала миссъ Токсъ.

– Ну да, бѣдная Фанни была интересна, – сказала м-съ Чиккъ послѣ нѣкотораго размышленія, – конечно, интересна. Но въ ней не было этой возвышенности, этого величаваго, повелительнаго вида, котораго слѣдовало бы ожидать отъ жены моего брата, и притомъ она вовсе не имѣла этой твердости духа, этой силы характера, какая необходима для такого мужа.

Миссъ Токсъ испустила глубокой вздохъ.

– Впрочемъ, она была любезна, – сказала м-съ Чиккъ, – чрезвычайно любезна. И притомъ она была добра, ахъ! – какъ добра была бѣдная Фанни!

– Ангельчикъ ты мой! милашечка! – вскричала миссъ Токсъ, цѣлуя маленькаго Павла. Вылитый портретикъ своего папашеньки!

Если бы майоръ зналъ, сколько надеждъ, желаній, плановъ носилось надъ этой младенческой головой, если бы онъ видѣлъ, какъ роились и парили они въ своихъ разнородныхъ элементахъ надъ измятой шапочкой безсознательнаго маленькаго Павла... Впрочемъ, что-жъ такое? майоръ опять бы выпучилъ глаза! Но тогда, по крайней мѣрѣ, онъ увидѣлъ бы въ хаотической толпѣ этихъ мечтаній нѣкоторые живительные лучи, озаряющіе душу миссъ Токсъ, и тогда онъ понялъ бы, какая непобѣдимая сила влечетъ эту женщину къ торговому дому подъ фирмой: Домби и Сынъ!

Если бы самъ младенецъ, среди глубокой полночи, пробудился отъ сна, и увидѣлъ, какъ на занавѣсахъ его люльки отражаются таинственныя видѣнія нѣкоторыхъ думъ, они испугали бы его, эти видѣнія, и не безъ причины. Но онъ спалъ, невинный младенецъ, спалъ спокойно, вовсе не зная о пріятныхъ мечтаніяхъ миссъ Токсъ, объ изумленіи майора, о преждевременной грусти своей сестры, о важныхъ планахъ и расчетахъ отца, и даже не подозрѣвая, что есть на свѣтѣ клочекъ земли, на которомъ существуетъ Домби и Сынъ.

Глава VIII

Дальнѣйшіе успѣхи Павла; его возрастаніе и характеръ

Подъ вліяніемъ неусыпныхъ и всегда внимательныхъ очей времени, сны Павла постепенно измѣнялись. Разсвѣтъ сознанія неотразимо проникалъ въ младенческую душу; ея видѣнія прояснились: предметы и впечатлѣнія въ безчисленномъ множествѣ зародились вокругъ новаго жителя міра, растревожили его покой, и такимъ образомъ наслѣдникъ знаменитаго дома незамѣтно перешелъ отъ младенческаго возраста къ дѣтскому и сдѣлался говорящимъ, ходящимъ, удивляющимъ Домби.

Послѣ опалы и позорнаго изгнанія Ричардсъ дѣтскій департаментъ, въ хозяйственномъ министерствѣ м-ра Домби, поступилъ въ завѣдываніе временнаго комитета, котораго главными членами, разумѣется, назначены были м-съ Чиккъ и миссъ Токсъ. Эти особы съ такимъ изумительнымъ усердіемъ принялись за исправленіе своихъ новыхъ должностей, что майоръ Багстокъ съ каждымъ днемъ долженъ былъ убѣждаться въ своей рѣшительной опалѣ, между тѣмъ какъ м-ръ Чиккъ, лишенный домашняго надзора, очертя голову бросился въ большой свѣтъ, обѣдалъ въ клубахъ и кофейныхъ домахъ, два-три раза курилъ трубку наперекоръ строжайшему запрещенію своей сожительницы, развѣзжалъ по театрамъ, и словомъ, какъ выразилась однажды м-съ Чиккъ, безсовѣстно ослабилъ всѣ общественныя узы и нравственныя обязательства.

При всемъ томъ маленькій Павелъ, несмотря на неусыпную заботливость и материнскія попеченія, развивался какъ-то очень туго. Послѣ изгнанія кормилицы, онъ вдругъ ни съ того ни сего, или можетъ быть отъ природной слабости, началъ тосковать, сохнуть, чахнуть, и долго, казалось, отыскивалъ свою потерянную мать, далеко не удовлетворяемый нѣжностями своихъ надзирательницъ. Кое-какъ прошелъ онъ самыя трудныя ступени на пути къ юношескому возрасту, но и дальнѣйшее путешествіе казалось для него чрезвычайно опаснымъ, какъ на скачкахъ для отчаяннаго жокея, который, перескакивая черезъ рытвины и овраги, рискуетъ каждую минуту сломить себѣ шею. Каждый вновь пробивающійся зубъ былъ для него страшнымъ барьеромъ, каждый прыщикъ во время кори – каменной стѣной, черезъ которую надо было перепрыгивать не иначе, какъ съ большой опасностью. Немощный всадникъ онъ, сваливался наповалъ при каждомъ припадкѣ коклюша и тутъ безъ пощады давила его цѣлая стая дѣтскихъ болѣзней, долго мѣшавшихъ ему подняться на ноги.

Ознобъ послѣ крещенія, по-видимому, поразилъ младенца въ самую чувствительную часть его организма, и онъ уже никогда не могъ оправиться подъ холодной кровлей родительскаго дома. Вообще это былъ самый несчастный ребенокъ, и это мнѣніе о немъ не разъ высказывала даже м-съ Виккемъ.

М-съ Виккемъ была женою трактирнаго слуги, то есть, другими словами, она была вдовою живого мужа, и такъ какъ она не имѣла ни дѣтей, ни родственниковъ, то ее очень благосклонно приняли къ м-ру Домби, гдѣ она, спустя два или три дня послѣ мучительнаго отнятія Павла отъ груди, вступила въ должность няньки. М-съ Виккемъ была женщина смиренная, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, съ глазами всегда поднятыми къверху, съ головой всегда опущенной внизъ. Она настроила себя наиудивительнѣйшимъ образомъ къ соболѣзнованіямъ всякаго рода: безпрестанно жаловалась на собственную горестную судьбу, страдала о несчастіяхъ ближнихъ и съ трогательной благодарностью принимала соболѣзнованія о себѣ самой. Вообще, природа въ высокой степени наградила эту женщину чудной способностью смотрѣть на всѣ предметы въ самомъ жалобномъ свѣтѣ, и она, по-видимому, находила величайшее утѣшеніе совершенствовать этотъ талантъ, представляя поразительно страшныя доказательства въ защиту своихъ могильныхъ мыслей.

Почти нѣтъ надобности говорить, что м-ръ Домби рѣшительно ии чего не зналъ о необыкновенномъ настроеніи духа новой няньки. Да и какъ ему знать? Ни одна душа въ домѣ – не исключая самой м-съ Чиккъ или миссъ Токсъ – не смѣла передъ нимъ заикнуться насчетъ какихъ-нибудь неудобствъ въ отношеніи къ маленькому Павлу. Онъ рѣшилъ самъ въ себѣ, что ребенокъ необходимо долженъ проходить по всѣмъ этимъ мытарствамъ дѣтскихъ недуговъ, и чѣмъ скорѣе онъ пройдетъ ихъ, тѣмъ лучше. Если бы онъ могъ откупить отъ нихъ своего сына или поставить вмѣсто него наемщика, какъ это бываетъ при рекрутскихъ наборахъ, то онъ былъ бы очень радъ воспользоваться такимъ средствомъ на самыхъ щедрыхъ условіяхъ. Но такъ какъ этого, очевидно, сдѣлать было невозможно, то онъ ограничился только тѣмъ, что обнаруживалъ по временамъ гордое изумленіе насчетъ непостижимыхъ распоряженій природы и утѣшался мыслью, что вотъ еще благополучно пройденъ верстовой столбъ на трудной дорогѣ жизни, и великая цѣль путешествія становится все ближе и ближе. Господствующимъ чувствомъ его души, постепенно принимавшимъ огромнѣйшіе размѣры по мѣрѣ возрастанія Павла, было нетерпѣніе дожидаться, наконецъ, того вождѣннаго времени, когда торжественнымъ образомъ будутъ приведены въ исполненіе его блистательныя надежды.

Нѣкоторые философы утверждаютъ, что эгоизмъ есть корень благороднѣйшихъ привязанностей и склонностей сердца. Юный сынъ м-ра Домби съ самаго начала въ такой степени сдѣлался для него важнымъ, какъ часть его собственного величія, или, что все равно, величія Домби и Сына, что привычные глаза съ величайшей ясностью могли видѣть основаніе этой родительской привязанности. Однако-жъ онъ любилъ своего сына, какъ только могъ любить. Если оставалось еще теплое мѣстечко въ этомъ ледяномъ сердцѣ, оно принадлежало сыну: если на затвердѣлой его поверхности могло отражаться впечатлѣніе чьего-нибудь образа, то это былъ образъ его сына, – не младенца сына и не отрока, а взрослого сына, представителя фирмы. Вотъ почему онъ торопился скорѣе пробѣжать первыя страницы его исторіи и съ нетерпѣніемъ заглядывалъ въ отдаленную будущность. Вотъ почему также, при всей своей любви, онъ мало или вовсе не заботился о ребенкѣ, разсчитывая, что, такъ или иначе, ребенокъ н_е_п_р_е_м_ѣ_н_н_о сдѣлается м_у_ж_е_м_ъ, для котораго онъ каждый день строилъ новые планы и проекты, какъ будто передъ нимъ лицомъ къ лицу стоялъ благородный представитель торговаго дома въ полномъ цвѣтѣ молодости и красоты.

Наконецъ Павлу минуло около пяти лѣтъ. Онъ былъ вообще очень красивый мальчикъ; но на его блѣдномъ худощавомъ лицѣ отражалась какая-то болѣзненная задумчивость, такъ что м-съ Виккемъ, посматривая на него, многозначительно качала головой и вздыхала отъ глубины сердца. По нѣкоторымъ признакамъ безошибочно можно было заключить, что характеръ его будетъ гордый и повелительный: онъ уже начиналъ понимать свое собственное величіе и сознавалъ съ удовлетворительною ясностью, что всѣ другія вещи и лица сотворены исключительно для него. По временамъ угрюмость его проходила, и онъ рѣзвился какъ другія дѣти; но зато иной разъ задумчиво сидѣлъ онъ на своихъ миниатюрныхъ креслахъ и мечталъ очень глубокомысленно, какъ столѣтній старичекъ, утомленный мірскою суетой. Случалось иногда, игралъ онъ въ дѣтской съ Флоренсой или погонялъ хлыстикомъ миссъ Токсъ, которая служила для него лошадкой; но потомъ вдругъ совершенно неожиданно овладѣвало имъ какое-то уныніе, и онъ жаловался на чрезвычайную усталость. Но всешо чаще находила на него эта хандра вечеромъ послѣ обѣда, когда по обыкновенію маленькія кресла перетаскивали въ гостиную, гдѣ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ отцомъ подлѣ камина. Это была самая странная чета, какую когда-либо освѣщала каминный огонь. М-ръ Домби, не покидая важной осанки, величаво взиралъ на яркое пламя; а маленькій портретъ его созерцалъ это красное явленіе съ напряженнымъ вниманіемъ мудреца. М-ръ Домби обдумывалъ въ глубинѣ души многосложные мірскіе планы и предположенія; а маленькій портретъ его питалъ въ душѣ какія-то дикія мечты, полузрѣлыя мысли и безсвязныя умозрѣнія. М-ръ Домби неподвижно держалъ голову вверхъ отъ гордости и отъ накрахмаленнаго галстука: маленькій портретъ его сохранялъ такую же позу по наслѣд-

ству и по бессознательному подражанію. Оба были удивительно похожи другъ на друга, и въ то же время чудовищно противоположны одинъ другому.

Въ одномъ изъ такихъ случаевъ, когда оба они уже давно краснорѣчиво безмолвствовали, и м-ръ Домби зналъ только, что сынъ его не спитъ, потому что случайно заглянувъ въ его глазъ, увидѣлъ въ немъ яркое отраженіе огненного изумруда, маленькій Павелъ прервалъ молчаніе такимъ образомъ:

– Папа! что такое деньги?

Внезапный вопросъ имѣлъ такую близкую связь съ настоящимъ предметомъ размышленія, что м-ръ Домби былъ совершенно озадаченъ.

– Что такое деньги, Павелъ? – отвѣчалъ онъ, – деньги?

– Да, – сказалъ ребенокъ, облакачиваясь на ручку кресель и обращая старое лицо на м-ра Домби, – что такое деньги?

М-ръ Домби былъ поставленъ въ крайнее затрудненіе. Онъ былъ бы очень радъ дать ученый коммерческій отвѣтъ, опредѣляя деньги общимъ мѣриломъ цѣнности вещей и распространяясь о курсѣ, о возвышеніи и пониженіи курса, объ ассигнаціяхъ, векселяхъ, золотыхъ слиткахъ, о сравнительной цѣнности благородныхъ металловъ, и такъ далѣе, но взглянувъ на кресла, низенькія, очень низенькія кресла, сказалъ только: "Золото, серебро и мѣдь. Гинеи, шиллинги, полупенсы. Знаешь теиерь, что это такое?"

– Ну да, я знаю, что это такое, – отвѣчалъ Павелъ, – но я не объ этомъ думаю, папа. Я хочу знать, что такое деньги?

Великій Боже! какимъ старикомъ смотрѣлъ онъ, когда опять поднялъ глаза на своего отца!

– Что такое деньги? – сказалъ м-ръ Домби съ крайнимъ изумленіемъ, отодвигая свой стулъ, чтобы лучше рассмотретьъ заносчиваго малютку, предложившаго такой смѣлый вопросъ.

– Да, папа; я хочу знать, что деньги могутъ сдѣлать? – отвѣчалъ Павелъ, складывая на груди свои руки [онѣ были уже довольно длинны], и посматривая то на огонь, то на отца, опять на огонь и опять на отца.

М-ръ Домби придвинулъ стулъ на прежнее мѣсто и погладилъ сына по головкѣ.

– Со временемъ ты лучше узнаешь эти вещи, – сказалъ онъ, – деньги, мой милый, дѣлають всякія дѣла.

Говоря это, м-ръ Домби взялъ маленькую руку сына и слегка началъ хлопать ею по своей. Но сынъ, при первой возможности высвободился изъ этой позы, и съ нетерпѣніемъ сталъ тереть ладонью о кресла, какъ будто его умъ заключался въ ладони, и нужно было наострить его. Потомъ еще разъ онъ взглянулъ на каминъ, какъ будто огонь былъ его совѣтникомъ и суфлеромъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ приготовленій онъ сказалъ:

– Деньги, говоришь ты, дѣлають всякія дѣла?

– Да, почти всякія, – отвѣчалъ м-ръ Домби.

– Всякія... вѣдь это то же, что деньги дѣлають в_с_е: не такъ ли, папа? – спросилъ сынъ, не замѣчая или, быть можетъ, не понимая разницы между этими словами.

– Да, деньги могутъ все сдѣлать, мой милый.

– Такъ почему же деньги не спасли мою маму? – съ живостью возразилъ ребенокъ, – не жестоко ли это съ ихъ стороны?

– Жестоко! – сказалъ м-ръ Домби, поправляя галстукъ и собираясь съ мыслями, – нѣтъ, хорошая вещь не можетъ быть жестокою.

– Деньги хорошая вещь и могутъ сдѣлать все, – глубокомысленно замѣтилъ маленькій собесѣдникъ, обративъ глаза на каминъ, – удивительно однако-жь, почему онѣ не спасли мою маму?

Съ этимъ вопросомъ онъ уже не обращался къ отцу. Быть можетъ, съ дѣтскою проникательностью онъ увидѣлъ, что разговоръ этотъ не нравился м-ру Домби. Но онъ вслухъ повто-

риль эту мысль, какъ будто она давно занимала и крайне тревожила его. Облокотившись подбородкомъ на руку, онъ впалъ въ глубокую задумчивость и вперилъ глаза на догоравшій огонь.

М-ръ Домби былъ не то чтобы взволнованъ, однако-жъ крайне изумленъ странной пытливостью ребенка. Еще въ первый разъ его сынъ осмѣлился заговорить съ нимъ о покойной матери, несмотря на то, что онъ довольно часто, почти каждый вечеръ, сидѣлъ съ нимъ въ гостиной подлѣ камина точно въ такомъ же положеніи. Оправившись отъ изумленія, онъ старался по возможности объяснить, что деньги хотя всемогущій духъ, вездѣ и всѣми уважаемый, однако-жъ, онѣ никакимъ образомъ не могутъ спасти человѣка, если ему пришло время умереть, и что, къ несчастью, всѣ мы, даже въ Сити, рано или поздно должны умереть, какъ бы ни велико было наше богатство.

– Но деньги, – говорилъ м-ръ Домби, – доставляютъ намъ всеобщій почетъ, уваженіе, удивленіе другихъ людей. Съ деньгами мы можемъ прославиться и навести страхъ на все, что насъ окружаетъ, а случается, и очень нерѣдко, что можно деньгами удалить отъ себя самую смерть на весьма долгое время. Такъ, напримѣръ, твоя мать за деньги пользовалась услугами м-ра Пилькинса и знаменитаго доктора Паркера Пепса. Этого послѣдняго врача ты не знаешь, а м-ръ Пилькинсъ очень часто помогалъ и тебѣ. Словомъ, все дѣлаютъ деньги, что только можно сдѣлать.

Много еще подобныхъ сентенцій на эту тему м-ръ Домби внушалъ воспримчивой душѣ своего сына. Ребенокъ слушалъ внимательно, и казалось, понималъ почти все, что ему говорили.

– А вѣдь вотъ, папа, деньги не могутъ меня сдѣлать здоровымъ и сильнымъ! – сказала Павель послѣ короткой паузы, потирая руками.

– Какъ, развѣ ты не совершенно здоровъ и силенъ? – съ изумленіемъ спросилъ м-ръ Домби.

Маленькій старичекъ съ лукавымъ видомъ поднялъ на отца печальные глаза.

– Ты здоровъ и силенъ, какъ всѣ дѣти въ твоемъ возрастѣ, не правда ли? – сказалъ м-ръ Домби.

– Флоренса, правда, старше меня, и я не могу быть такъ здоровъ и силенъ какъ она, это мнѣ очень хорошо извѣстно, – возразилъ ребенокъ, – но когда Флоренса была такъ же мала, какъ я, она могла играть сколько ей угодно и никогда не уставала; это я также очень хорошо знаю. А если бы зналъ ты, какъ я иногда устаю! Охъ, какъ я устаю! Всѣ кости болятъ у меня – Виккемъ говорить, что это кости – и ужъ я не знаю, что мнѣ дѣлать?

Здѣсь маленькій Павель, грѣя руки, пристально началъ смотрѣть черезъ каменную рѣшетку, какъ будто въ каминѣ фантастическіе духи разыгрывали для него кукольную комедію.

– Это, видно, бываетъ съ тобой по вечерамъ, – сказалъ м-ръ Домби, ближе подвигаясь къ сыну и тихонько положивъ руку на его спину, – дѣти всегда устаютъ вечеромъ, и потомъ спятъ по ночамъ очень крѣпко.

– Охъ, нѣтъ, папа! – возразилъ ребенокъ, – это бываетъ со мной и по днямъ, когда я лежу у Флоренсы на колѣняхъ и она поетъ мнѣ пѣсни. А по ночамъ я вижу во снѣ прелюбопытныя, предиковинныя вещи!

На этотъ разъ м-ръ Домби былъ очень взволнованъ и рѣшительно не зналъ что говорить. Онъ еще ближе подвинулся къ сыну и безмолвно смотрѣлъ на его лицо при слабомъ блескѣ огня, продолжая держать лѣвую руку на его спинѣ, какъ будто она притянута была магнетической силой. Однажды онъ пробовалъ правой рукой повернуть къ себѣ его голову; но ребенокъ тотчасъ же принялъ онять прежнюю позу и уже не отрывалъ глазъ отъ порхающаго пламени до той поры, пока нянька не пришла звать его въ постель.

– Почему же не пришла за мной Флоренса? – сказалъ Павель.

– Развѣ вы не хотите идти съ своей бѣдной няней, м-ръ Павель? – спросила Виккемъ, испуская глубокій вздохъ.

– Не хочу, – отвѣчалъ Павелъ, усаживаясь на своихъ креслахъ, какъ господинъ, которому должны повиноваться.

Призывая небо въ свидѣтели своей невинности, м-съ Виккемъ пошла назадъ, и черезъ минуту вмѣсто нея явилась Флоренса. Ребенокъ мгновенно одушевился и, вскочивъ съ кресель, очень бойко раскланялся съ отцомъ, пожелавъ ему доброй ночи. Лицо его повеселѣло, помолодѣло и приняло такое дѣтское выраженіе, что м-ръ Домби не могъ надивиться внезапной переменѣ.

Когда дѣти вышли изъ комнаты, ему вдругъ послышался нѣжный голосокъ, распѣвавшій какую-то пѣсню. Припомнивъ слова Павла о поющей сестрѣ, онъ отворилъ дверь, началъ вслушиваться и смотрѣть на дѣтей. Флоренса съ усиленіемъ взбиралась по ступенямъ огромной и пустой лѣстницы, держа въ объятіяхъ маленькаго брата, который, положивъ голову на плечо сестры, обвился руками вокругъ ея шеи. И пока они входили, Флоренса все пѣла, Павелъ подтягивалъ, а м-ръ Домби съ крайнимъ изумленіемъ безмолвно смотрѣлъ на трогательную сцену. Дѣти взобрались уже на верхній конецъ огромной лѣстницы, не останавливаясь пошли въ комнату и совершенно скрылись изъ виду, а м-ръ Домби все еще продолжалъ стоять у дверей съ глазами, обращенными кверху, и уже тогда только, когда блѣдный свѣтъ луны началъ приближаться черезъ тусклое окно въ потолокъ, онъ махнулъ рукою и задумчиво побрелъ въ свою спальню.

На другой день м-съ Чиккъ и м-съ Токсъ получили приглашеніе къ обѣду на домашнее совѣщаніе. Лишь только почтенные члены комитета явились въ столовую, м-ръ Домби безъ всякаго предварительнаго объясненія или приступа открылъ засѣданіе вопросомъ:

– Что такое дѣлается съ Павломъ? Что думаетъ о немъ м-ръ Пилькинсъ? Ребенокъ далеко не такъ здоровъ, какъ желательно бы видѣть.

– Удивляюсь твоей проницательности, любезный Павелъ, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – ты однимъ разомъ угадалъ всю истину. Да, малютка нашъ не такъ здоровъ, какъ желательно бы видѣть. Дѣло въ томъ, мой милый, что его умственные способности развиваются съ непостижимой быстротой, и маленькое тѣло едва способно выдерживать паренія его высокой души. Боже мой! какъ умно, какъ разсудительно говорить этотъ дивный ребенокъ! невѣроятно! невообразимо! Помнишь ли, Лукреція, какъ разсуждалъ онъ вчера о похоронахъ?...

– Вотъ въ томъ-то и дѣло, – сказала м-ръ Домби, грубо прерывая сестру, – что нѣкоторыя нескромныя особы внушаютъ моему сыну неприличныя мысли. Вчера вечеромъ онъ вдругъ заговорилъ со мною о своихъ костяхъ; желалъ бы я знать, кому какое дѣло до костей моего сына? Надѣюсь, онъ не живой скелетъ.

– Какъ это можно! – сказала м-съ Чиккъ съ невыразимымъ испугомъ.

– Надѣюсь, – сурово повторилъ братъ. – Еще похороны! Кто смѣетъ говорить моему сыну о похоронахъ. Мы не гробовщики, я думаю, не могильщики!

– Какъ это можно! – сказала м-съ Чиккъ съ тѣмъ же невыразимымъ чувствомъ страшнаго испуга.

– Кто смѣетъ, говорю я, внушать моему сыну такія черныя мысли? Вчера онъ не на шутку напугалъ меня. Тебя спрашиваю, Луиза, кто вбилъ ему въ голову такія вещи?

– Тутъ, кажется, нечего долго спрашивать и допытываться, – отвѣчала м-съ Чиккъ послѣ минутнаго размышленія. – Если сказать правду, нянька у нашего малютки не очень веселаго нрава. Она то и дѣло, что...

– Горюетъ да тоскуетъ, – скромно перебила м-съ Токсъ.

– Именно такъ, – продолжала м-съ Чиккъ, – горюетъ да тоскуетъ Богъ знаетъ о чемъ. Но зато м-съ Виккемъ рачительна, внимательна, усердна и, смѣю сказать, ни мало не взыскательна. Притомъ это самая скромная и смиренная женщина, какую только я знаю. Если нашъ малютка немного ослабѣлъ послѣ своей послѣдней болѣзни, если теперь онъ не такъ здоровъ и силенъ,

какъ желательно бы видѣть, если вообще, онъ поразстроился и долженъ на нѣкоторое время потерять правильное употребленіе...

Послѣ гнѣвнаго выговора за болѣзнь въ костяхъ миссъ Чиккъ не смѣла произнести это страшное слово и, не зная, какъ окончить фразу, дождалась вдохновенной выручки отъ своей пріятельницы, которая на этотъ разъ не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ проговорила:

– Правильное употребленіе членовъ...

– Членовъ? – повторилъ м-ръ Домби.

– Домашній лекарь сегодня поутру говорилъ, кажется, о ногахъ, моя милая, не правда ли? – сказала миссъ Токсъ.

– Ну да, мой ангелъ, онъ говорилъ о ногахъ, – возразила м-съ Чиккъ съ кроткимъ упрекомъ, – зачѣмъ ты спрашиваешь меня? Я очень хорошо слышала, какъ онъ говорилъ. Стало быть, вотъ видите ли, если нашъ милый Павелъ долженъ въ настоящемъ случаѣ лишиться употребленія ногъ, такъ беспокоиться рѣшительно не о чемъ, всѣ дѣти въ его возрастъ бываютъ подвержены такимъ недугамъ, и чѣмъ раньше онъ ихъ вытерпитъ, тѣмъ лучше. Ты самъ это знаешь, любезный братецъ.

– Я не сомнѣваюсь, Луиза, – замѣтилъ м-ръ Домби, – въ твоей искренней привязанности къ будущему представителю моего дома. Такъ м-ръ Пилькинсъ говорилъ о Павлѣ сегодня поутру?

– Да, сегодня поутру, – отвѣчала сестра, – мы это слышали вмѣстѣ съ миссъ Токсъ, мы тутъ были. Ты знаешь, какъ и миссъ Токсъ дорожить всѣмъ, что относится до нашего ангельчика. И что это за докторъ м-ръ Пилькинсъ! удивительный докторъ! Онъ еще осматривалъ его за нѣсколько дней предъ этимъ и говорилъ, что ничего, все идетъ какъ слѣдуетъ. Это мы слышали вмѣстѣ съ миссъ Токсъ, и ты долженъ успокоиться, милый Павелъ. А сегодня м-ръ Пилькинсъ рекомендовалъ нашему малюткѣ морской воздухъ, и я съ нимъ совершенно согласилась, совѣтъ очень благоразумный!

– Морской воздухъ? – повторилъ м-ръ Домби, бросая на сестру изумленный взоръ.

– Да, морской воздухъ. Беспокоиться тутъ рѣшительно не о чемъ, – сказала м-съ Чиккъ. – Моимъ дѣтямъ, Жоржу и Фредерику, тоже предписывали морской воздухъ, когда они были въ этомъ возрастѣ, да и сама я пользовалась нѣсколько разъ морскимъ воздухомъ. Что-жъ тутъ удивительнаго? Морской воздухъ очень полезенъ. Я съ тобой совершенно согласна, Павелъ, что, можетъ быть, иной разъ по неосторожности разсуждали въ дѣтской о такихъ вещахъ, которыя должны быть чужды младенческой душѣ, но посуди самъ, какъ уберечься отъ ребенка съ такими огромными способностями? Быстрота ума непостижимая! Еслибъ это былъ обыкновенный ребенокъ, такъ ничего бы не случилось, увѣряю тебя. Я должна сказать, то есть мы вмѣстѣ съ миссъ Токсъ должны сказать, что кратковременное отсутствіе изъ этого дома, брайтонскій воздухъ и особенно физическое и умственное воспитаніе подъ руководствомъ такой опытной, благоразумной женщины, какъ напримѣръ, м-съ Пипчинъ...

– Это что еще за м-съ Пипчинъ, Луиза? – съ нетерпѣніемъ спросилъ м-ръ Домби, раздосадованный фамильярнымъ разговоромъ о женщинѣ, которой фамилія была ему неизвѣстна.

– М-съ Пипчинъ, любезный Павелъ, – отвѣчала сестра, – почтенная пожилая дама, вдова почтеннѣйшаго и очень извѣстнаго джентльмена. М-съ Токсъ хорошо знаетъ всю ея исторію. Съ нѣ котораго времени эта благородная леди посвятила себя исключительно воспитанію и образованію маленькихъ дѣтей съ такимъ успѣхомъ, который доставилъ ей извѣстность во всѣхъ лучшихъ домахъ. Мужъ ея умеръ съ горя отъ... какъ вы рассказывали, моя милая? я все забываю подробности. Мужъ ея умеръ отъ...

– Отъ выкачиванія воды изъ перувіанскихъ рудниковъ, – договорила м-съ Токсъ.

– То есть не то, чтобы онъ самъ выкачивалъ воду изъ рудниковъ, – сказала м-съ Чиккъ, взглянувъ на своего брата, и это объясненіе было совершенно необходимо, потому что миссъ Токсъ выразилась двусмысленно, – а онъ только употребилъ для этой спекуляціи свой капи-

таль, который погибъ до послѣдняго шиллинга въ рукахъ обанкротившейся компаніи. Я увѣрена, м-съ Пипчинъ превосходно воспитываетъ дѣтей, и ужь, конечно, никто не сравняется съ ней въ этомъ искусствѣ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать о ней въ самыхъ знатныхъ домахъ, а ты знаешь, Павелъ, какіе дома я посѣщала до рожденія твоего сына!

Здѣсь м-съ Чиккъ обратила многозначительный взоръ на бронзовый бюстъ Вильяма Питта, какъ будто хотѣла сказать: "Вотъ и тамъ меня принимали"

– Быть можетъ, насчетъ м-съ Пипчинъ я обязана сказать вамъ, сэръ, – замѣтила миссъ Токсъ покраснѣвъ, какъ вишневая ягода, – что похвала вашей милой сестрицы нисколько не преувеличена. Многіе леди и джентльмены – самое лучшее украшеніе нынѣшняго общества – обязаны своимъ воспитаніемъ этой почтенной дамѣ. Ваша покорная слуга имѣла также счастье пользоваться ея наставленіями, и признаюсь вамъ, я до могилы не забуду высокихъ правилъ нравственности и благоразумія, укорененныхъ въ моемъ сердцѣ! Самыя знатныя фамиліи поручаютъ ей своихъ дѣтей.

– Какъ я долженъ понимать васъ, любезная миссъ Токсъ? – благосклонно спросилъ м-ръ Домби, – эта почтенная дама содержитъ учебное заведеніе?

– Я право не знаю хорошенько, можно ли м-съ Пипчинъ назвать содержательницей учебнаго заведенія. Вотъ видите ли, это не то, чтобы какое-нибудь приготовительное училище, вовсе нѣтъ, а заведеніе ея въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, есть воспитательно-образовательный пріютъ для благородныхъ дѣтей...

– Куда принимаются только дѣти изъ самаго высшаго круга, – добавила м-съ Чиккъ, выразительно взглянувъ на брата.

– О, конечно! – подтвердила миссъ Токсъ – да и то не иначе, какъ по протекціи.

Всѣ эти подробности о почтенной содержательницѣ "Воспитательно-образовательнаго пріюта для благородныхъ дѣтей" имѣли большой вѣсъ въ глазахъ м-ра Домби. Богатый супругъ м-съ Пипчинъ погибъ отъ благороднаго риска на перувіанскихъ рудникахъ – хорошо, очень хорошо! Домашній медикъ совѣтуетъ его сыну переѣхать воздухъ и отлучиться на нѣсколько времени изъ ролительскаго дома – какъ это кстати! Онъ попадетъ теперь въ кругъ знатнѣйшихъ вельможъ во всей Англіи! Нечего и толковать, что тутъ нѣтъ никакой остановки на пути къ достиженію великой цѣли. На рекомендацію сестры и ея пріятельницы здѣсь легко можно было положиться: обѣ онѣ безъ ума отъ маленькаго Павла, и ужь если рѣшаются на нѣкоторое время разлучиться со своимъ ненагляднымъ питомцемъ, то, конечно, совершенно увѣрены въ благотѣльныхъ послѣдствіяхъ этой разлуки, иначе никому и ни за что на свѣтѣ онѣ не поручили бы драгоценнаго малютку. Погибъ отъ благороднаго риска на перувіанскихъ рудникахъ... вотъ смерть, достойная истиннаго джентльмена!

– Кто же долженъ будетъ ѣхать съ маленькимъ Павломъ, если завтра, послѣ предварительныхъ справокъ, мы рѣшимся отправить его въ Брайтонъ къ этой почтенной дамѣ? – спросилъ м-ръ Домби послѣ нѣ котораго размышленія.

– Мнѣ кажется, братецъ, – отвѣчала миссъ Чиккъ, – его теперь никуда нельзя отправить безъ Флоренсы. Онъ слишкомъ привязался къ сестрѣ и не отстанетъ отъ нея; у ребенка всегда свои капризы, мой милый.

М-ръ Домби повернулъ голову, медленно пошелъ къ шкафу и взялъ наудачу какую-то книгу.

– А еще кто... кромѣ Флоренсы, Луиза? – сказалъ онъ, не смотря на сестру и небрежно переворачивая листы.

– Еще Виккемъ, разумѣется. То есть, я хочу сказать, что кромѣ Виккемъ никому и не нужно съ нимъ ѣхать, – отвѣчала сестра. – Павелъ будетъ теперь въ такихъ рукахъ, что всякій другой надзоръ только помѣшалъ бы м-съ Пипчинъ. Впрочемъ, разумѣется, братецъ, тебѣ не худо будетъ самому, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, ѣздить въ Брайтонъ.

– Да, разумеется, – сухо сказала м-ръ Домби, – и целый час после этого смотрел в книгу на одну страницу, не говоря больше ни слова.

Препрославленная м-съ Пипчинь была, собственно говоря, очень невзрачная и даже весьма безобразная старушонка, с перегнутой спиной, с лицом испещренным, как дурной мрамор, с неподвижным сурым глазом, который как будто несколько времени колотили по наковальню молотком, – так однако-жь, что через это не сделали ему никакого вреда. Уже сорок лет протекло с той поры, как благородный м-ръ Пипчинь сломал голову на перувианских рудниках, но его неутешная вдова все еще носила черный бомбазинь такого темного, мрачного, мертвенного цвета, что от ее присутствия везде становилось темнее, даже в комнатах, ярко освещенных десятками стеариновых свеч. На поприще воспитания детей она действительно приобрела громкую славу, и весь секрет ее чудного искусства состоял в том, что она всегда давала детям то, чего они терпеть не могли, и никогда не давала того, что они любили: это, изволите видеть, заранее приучало детей управлять своими буйными наклонностями. Вообще, м-съ Пипчинь была самая сварливая, вздорная женщина, и если такой же характер имела она лет за сорок, то я первый готов изъяснить сомнение, что муж ее действительно сломил голову от перувианских рудников.

"Замок" этой мучительницы детей находился в Брайтон, недалеко от морского берега, на мловатой, кремнистой и бесплодной почве, где в палисадниках перед хрупкими, сухопарыми домами ничего не могло расти, кроме крапивы и ноготков. Воздух в летнее время никогда не проникал в укрепленное жилище м-съ Пипчинь, а зимой не откуда ему было выбраться на волю. Страшная духота увеличивалась еще больше от глиняных стоявших на окнах горшков с черноземом, который по всему заведению распространял свои земляные испарения. М-съ Пипчинь, как видно, была любительницей ботаники и держала целую коллекцию различных пород растительного царства. В выборе растений наблюдалась некоторая симметрия, строго приспособленная к общей гармонии окружающих предметов. В одном месте стояло полдюжины кактусов, которые висели как змеи вокруг своих прутьев; в другом – те же кактусы растопыривали свои широкие клешни, как зеленые морские раки, и тут же некоторые прозябающие растения увеселяли любопытный взор своими липкими и вязкими листьями. Все эти больше или меньше редкие с_п_е_ц_и_м_е_н_т_ы красовались в горшках на окнах, плотно затворенных во всякое время года; но в довершение спектакля, впрочем, для большего эффекта, один огромный горшок с цветами был привешен к потолку, откуда в разные стороны тарачились длинные зеленые листья, как пауки, которые тоже, вместе с клещами, водились в безчисленном множестве в этом благословенном приюте благородных питомцев.

Так как м-съ Пипчинь запрашивала всегда огромную цену за своих пансионеров, и притом умела держать себя величественным образом пред всеми, кто имел в ней нужду, то ее считали решительной дамой, в совершенстве знакомой с характерами детей, которые, как говорили, она изучала она с удивительным самоотвержением. При такой репутации с течением времени она составила себе почти независимое состояние, и тем легче могла поддерживать свое достоинство. Спустя три дня после того, как впервые заговорили о ней в доме м-ра Домби, она имела удовольствие заключить весьма выгодную к_о_н_д_и_ц_ию с знаменитым капиталистом, приняв в свой замок Флоренсу и ее маленького брата.

М-съ Чикк и м-съ Токс, совершив благополучно путешествие в Брайтон, при соблюдении необходимых церемоний сдали с рук на руки своего благородного питомца и на другой же день воротились в Лондон. М-съ Пипчинь, прислонившись к камину, делала ревизию новым пансионерам, осматривая их с ног до головы с опытностью старого солдата. Между тем племянница м-съ Пипчинь и вместе безусловно ей подчиненная раба, женщина средних лет, тощая, утлогообразная, с гадкими угрями на носу, снимала чистый воротни-

чекъ съ шеи воспитанника Байтерстона. Другая и послѣдняя пансіонерка, м-съ Панки, была на этотъ разъ заключена въ "тюремный замокъ" за то, что имѣла неосторожность фыркнуть три раза въ присутствіи гостей. Тюремнымъ замкомъ назывался пустой чуланъ, имѣвшій назначеніе карцера.

– Вотъ мы и познакомились, мой милый, – сказала м-съ Пипчинъ, обращаясь къ Павлу. – Нравлюсь ли я тебѣ?

– Я думаю, вы никогда мнѣ не понравитесь, – отвѣчалъ Павелъ. – Мнѣ надо уѣхать отсюда, это не мой домъ.

– Конечно нѣтъ; тутъ я живу, – возразила м-съ Пипчинъ.

– Прегадкій домъ! – отвѣчалъ Павелъ.

– А есть мѣстечко еще похуже, – сказала м-съ Пипчинъ, – куда запираютъ злыхъ дѣтей.

– Былъ онъ когда-нибудь въ томъ мѣстечкѣ? – спросилъ Павелъ, указывая на Байтерстона.

М-съ Пипчинъ въ знакъ согласія кивнула головой. Павлу между тѣмъ въ этотъ день много было дѣла: онъ принялся со всѣмъ усердіемъ осматривать своего новаго товарища, Байтерстона и, вглядываясь въ его физиономію, дѣлалъ таинственныя и даже страшныя наблюденія.

Въ часъ пополудни подали обѣдъ, приготовленный большею частью изъ разныхъ произведеній растительнаго царства.

Къ этому времени явилась и миссъ Панки, кроткая маленькая дѣвочка съ голубыми глазами, которую каждое утро полоскали и терли въ теплой ваннѣ до того, что кости ея скоро, по-видимому, должны были совсѣмъ утратить свойственную имъ упругость. М-съ Пипчинъ, освободивъ ее изъ заключенія, не преминула сдѣлать соотвѣтственное случаю назиданіе, доказывая весьма убѣдительно, что всякій, кто фыркаетъ при гостяхъ, навлекаетъ на свою душу смертельный грѣхъ, иже не отпустится ни здѣсь, ни въ будущей жизни. Укоренивъ сію глубокую истину въ сердцѣ преступной воспитанницы, она предложила для ея насыщенія жиденькій супъ изъ сарачинскаго пшена, блюда, какъ извѣстно, очень здороваго, особенно для дѣтскаго желудка. Племянница м-съ Пипчинъ, Беринтія, получила на свою долю порцію холоднаго поросенка; а сама м-съ Пипчинъ кушала особо для нея приготовленное блюдо, бараньи котлеты, распространявшія очень питательный запахъ; ей, по слабости здоровья, предписано было употреблять всегда горячія кушанья, и преимущественно бараньи котлеты. Послѣ стола всѣ дѣти, по заведенному порядку, должны были читать благодарственную молитву со включеніемъ въ нее особеннаго пункта, которымъ изъявлялось благодареніе самой хозяйкѣ за хорошій обѣдъ. М-съ Пипчинъ тоже воздала благодареніе Господу и поспѣшила лечь въ постель: отдыхъ послѣ горячихъ котлетъ необходимъ былъ для ея здоровья. Дѣти между тѣмъ вмѣстѣ съ Беринтіей или Берри удалились въ тюремный замокъ, такъ какъ дождь не позволялъ на этотъ разъ гулять по морскому берегу. Комната, получившая такое страшное названіе, выходила своимъ единственнымъ окномъ на мѣловую стѣну, подлѣ которой стояла бочка съ водой, и должно сказать, этотъ карцеръ, по крайней мѣрѣ теперь, былъ единственнымъ веселымъ мѣстомъ во всемъ домѣ. Дѣти начали рѣзвиться, и Берри приняла дѣятельное участіе въ ихъ играхъ, которыя впрочемъ, ко всеобщему огорченію, скоро были прекращены сердитымъ стукомъ въ стѣну обезпеченной хозяйки. Тогда Берри шопотомъ стала рассказывать разныя любопытныя исторійки, и эта бесѣда продолжалась вплоть до сумерекъ.

За чаемъ пансіонеры вдоволь могли насыщаться и молокомъ, и водою, и хлѣбомъ, и масломъ. М-съ Пипчинъ наливала себѣ изъ особаго чернаго чайничка и кушала съ большимъ апетитомъ поджаренный въ маслѣ хлѣбецъ, только-что вынутый изъ печи. Однако-жъ ни горячія котлеты, ни горячій чай съ горячимъ поджареннымъ хлѣбомъ, по-видимому, нисколько не разогрѣли холодную внутренность м-съ Пипчинъ; она была все также брюзглива, и неподвижный сѣрый глазъ ея не выражалъ ни мысли, ни чувства.

Послѣ чаю Берри вынесла маленькій рабочій столикъ, съ рисункомъ на крышкѣ королевскаго павильона, и усердно принялась работать, между тѣмъ какъ м-съ Пипчинъ, надѣвъ очки, раскрыла большую книгу въ зеленомъ фризскомъ переплетѣ и съ неменьшимъ усердіемъ начала кивать головой. И всякій разъ, какъ, близко наклонясь къ камину, м-съ Пипчинъ просыпалась, она давала щелчки по носу Байтерстона, потому что и его тоже слишкомъ разбирала дремота.

Наконецъ, въ урочный часъ дѣти прочли молитву на сонъ грядущій и отошли въ свои постели. Миссъ Панки боялась спать одна въ темнотѣ, и потому м-съ Пипчинъ каждый вечеръ своеручно погоняла ее на верхъ, какъ овечку; но и послѣ того малютка долго еще хныкала и стонала въ своемъ уединенномъ чуланчикѣ, такъ что м-съ Пипчинъ по временамъ заходила журить ее и успокаивать. Въ половинѣ десятаго м-съ Пипчинъ вынула изъ печи горячій сладенькій пирожокъ – ей никакъ нельзя было уснуть безъ сладенькаго пирожка – и въ комнатѣ распространилось очень пріятное благоуханіе, измѣнившее на нѣсколько минутъ обыкновенный запахъ. Черезъ полчаса весь замокъ погрузился въ глубокой сонъ.

Завтракъ на другой день былъ почти такой же, какъ вечеромъ во время чая, съ той разницей, что м-съ Пипчинъ кушала булку вмѣсто поджареннаго хлѣбца, и казалась еще сердитѣе обыкновеннаго. М-ръ Байтерстонъ читалъ вслухъ родословную изъ книги Бытія, спотыкаясь на собственныхъ именахъ, какъ хромая лошадь на мельницѣ. Послѣ этого назидательнаго чтенія маленькую Панки погнали въ ванну, а м-ръ Байтерстонъ долженъ былъ выдержать какую-то особую пытку въ морской водѣ, откуда онъ вышелъ посинѣлый и крайне разслабленный. Павелъ и Флоренса ходили гулять по морскому берегу въ сопровожденіи Виккемъ, которая все это время заливалась горячими слезами и болѣе, чѣмъ когда-либо жаловалась на горемычную судьбу. Въ десять часовъ открылось утреннее чтеніе. Относительно воспитанія м-съ Пипчинъ была тѣхъ мыслей, что дѣтскій умъ покрытъ толстой корой невѣжества, и должно вдругъ разрывать эту кору, какъ устричную раковину; поэтому уроки ея вообще производили на дѣтей какоето бурное и оглушительное дѣйствіе. Предметомъ чтеній обыкновенно былъ злой мальчикъ или злая дѣвочка, которыхъ опытный педагогъ, подъ конецъ исторіи, усмирялъ какъ дикихъ львовъ или медвѣдей. М-съ Пипчинъ не подозрѣвала и не могла подозрѣвать, что дитя, какъ распускающійся цвѣтокъ, требуетъ постепеннаго развитія, сопровождаемаго нѣжными поощреніями.

Такова была ежедневная жизнь въ замкѣ м-съ Пипчинъ. Въ субботу вечеромъ пріѣзжали м-ръ Домби, и Флоренса съ Павломъ должны были отправляться къ нему въ гостиницу пить чай. Они оставались у отца все воскресенье и обыкновенно выѣзжали передъ обѣдомъ гулять. Въ продолженіе этихъ прогулокъ м-ръ Домби, казалось, выросталъ каждую минуту, подобно знаменитымъ непріятелямъ Фальстафа, и вмѣсто одного джентльмена въ клеенчатомъ картузѣ, представлялъ своей особой цѣлую дюжину. Воскресный вечеръ былъ самый скучный вечеръ во всей недѣлѣ. Злость м-съ Пипчинъ въ это время доходила до остервенѣнія. Миссъ Панки возвращалась изъ Роттендина отъ своей тетки въ глубокой печали, а мистеръ Байтерстонъ, котораго всѣ родные были въ Индіи, долженъ былъ во время молитвъ м-съ Пипчинъ неподвижно сидѣть на одномъ мѣстѣ со сложенными накрестъ руками, не смѣя пошевелиться ни рукой, ни ногой. Эта церемонія до того надоѣла бѣдному малюткѣ, что однажды въ субботу вечеромъ онъ обратился къ Флоренсѣ съ покорнѣйшей просьбой, не можетъ ли она указать ему дорогу въ Бенгалію.

Вообще однако-жъ всѣ были увѣрены, что м-съ Пипчинъ мастерски обходилась съ дѣтьми, и въ этомъ мнѣніи, собственно говоря, преувеличенія не было. Ребенокъ могъ быть рѣзвъ и живъ, какъ дикая серна; но проживъ два-три мѣсяца подъ этой гостепріимной кровлей, онъ становился тише воды, ниже травы. Говорили также, что этотъ образъ жизни дѣлаетъ большую честь любящему сердцу м-съ Пипчинъ: она посвятила себя съ полнымъ самоотверженіемъ образованію дѣтей, и, конечно, эти занятія были самымъ лучшимъ средствомъ про-

тивъ глубокой тоски, обуявшей ея душу послѣ того, какъ м-ръ Пипчинъ сокрушилъ свое сердце о перувианскіе рудники.

Павель сидѣлъ въ маленькихъ креслахъ подлѣ камина, и по обыкновенію смотрѣлъ во всѣ глаза на эту почтенную даму. По-видимому, онъ вовсе не зналъ, что такое скука, если съ такимъ отчаяннымъ вниманіемъ могъ разсматривать м-съ Пипчинъ. Онъ не любилъ и не боялся ея; но ему казалась чрезвычайно замѣчательною ея фізіономія. И вотъ онъ сидѣлъ, смотрѣлъ на нее, грѣлъ руки, и опять смотрѣлъ на нее, не спуская глазъ до той поры, пока м-съ Пипчинъ, при всей своей храбрости, не приходила въ крайнее замѣшательство отъ этого взгляда. Однажды, когда они остались одни, м-съ Пипчинъ спросила, о чемъ онъ думаетъ.

– О васъ, – отвѣчалъ Павель безъ малѣйшаго замѣшательства.

– Что-жъ ты обо мнѣ думаешь, мой милый? – спросила м-съ Пипчинъ.

– Я думаю, что вы, должно быть, ужъ очень стары, – сказалъ Павель, – сколько вамъ лѣтъ?

– Объ этомъ ты не долженъ спрашивать, – сердито отвѣчала почтенная дама, озадаченная совершенно неожиданнымъ вопросомъ, – впередъ не смѣй говорить такихъ вещей.

– Это почему? – спросилъ Павель.

– Потому, что это неучтиво, – сказала брюзгливо м-съ Пипчинъ.

– Неучтиво? – повторилъ Павель.

– Да, неучтиво.

– А вотъ Виккемъ говоритъ, что неучтиво ѣсть горячіе котлеты и поджареный хлѣбъ, между тѣмъ какъ другіе ѣдятъ черствыя булки, – отвѣчалъ Павель съ наивнымъ видомъ.

– Твоя Виккемъ, – возразила м-съ Пипчинъ, побагровѣвъ отъ ярости, – злая, безстыдная, наглая бестія. Ахъ она негодница!

– Что это такое? – спросилъ Павель.

– Много будешь знать, скоро состаришься, мой милый, – отвѣчала м-съ Пипчинъ. – Вспомни исторію о несчастномъ мальчикѣ, котораго до смерти забодаль бѣшеный быкъ за то, что тотъ безпрестанно дѣлалъ вопросы.

– Какъ же б_ѣ_ш_е_н_ы_й быкъ, – сказалъ Павель, – могъ узнать, что мальчикъ дѣлаетъ вопросы? Никто не подойдетъ къ быку, если онъ взбѣсился, и не станеть ему ябедничать.

– Такъ ты не вѣришь этой исторіи? – спросила м-съ Пипчинъ съ величайшимъ изумленіемъ.

– Не вѣрю, – сказалъ Павель рѣшительнымъ тономъ.

– Ну, а если быкъ этотъ былъ не бѣшеный? – возразила м-съ Пипчинъ, – неужели ты и тогда не повѣрилъ бы?

Такъ какъ Павель еще не разсматривалъ вопроса съ этой стороны, и основалъ свои заключенія только на предположенномъ бѣшенствѣ быка, то на этотъ разъ онъ счелъ себя побѣжденнымъ и замолчалъ. Но въ ту же минуту онъ началъ сравнивать, вникать, соображать и устремилъ такой пылливый взоръ на свою собесѣдницу, что м-съ Пипчинъ заблагоразсудила удалиться и выждать, пока онъ забудеть объ этой матеріи.

Съ этого времени какаютъ странная притягательная сила увлекала м-съ Пипчинъ къ маленькому Павлу, точно такъ же, какъ Павель чувствовалъ неотразимое притяженіе къ ней самой. Она начала сажать его рядомъ подлѣ себя у камина, и онъ располагался въ углу между м-съ Пипчинъ и каминной рѣшеткой, такъ что маленькое лицо его совершенно поглощалось чернымъ фланелевымъ платьемъ. Въ этой позиціи онъ, казалось, еще пристальнѣе началъ изучать каждую черту, каждую морщинку на лицѣ своей сосѣдки и съ такой пронизательностью всматривался въ одинокій сѣрый глазъ ея, что м-съ Пипчинъ иногда принуждена была закрывать его совѣмъ и притворяться спящею. У м-съ Пипчинъ былъ еще старый черный котъ, который тоже располагался всегда у камина, мурлыкалъ самымъ эгоистическимъ образомъ и свирѣпо моргалъ глазами на огонь до тѣхъ поръ, пока рѣсницы его не принимали форму восклицательныхъ знаковъ. Когда вся эта компанія вечеромъ усаживалась у камина, м-съ Пипчинъ – не въ

обиду будь ей сказано – чрезвычайно была похожа на старую вѣдму, а Павелъ и черный котъ представлялись служащими ей духами, и послѣ этого никто бы не удивился, еслибы всѣ они въ бурную ночь вдругъ выскочили черезъ трубу для своихъ воздушныхъ походовъ.

Этого однако жъ никогда не случилось. И котъ, и Павелъ, и м-съ Пипчинъ находились каждая сутки на своихъ обыкновенныхъ мѣстахъ, въ обыкновенныхъ позахъ, всѣ здоровы и невредимы. Избѣгая общества маленькаго Байтерстона, Павелъ продолжалъ изучать и м-съ Пипчинъ, и кота, и огонь, какъ будто эти предметы были для него волшебными книгами въ трехъ томахъ, откуда онъ почерпалъ подробныя свѣдѣнія относительно некромантіи.

М-съ Пипчинъ составила свой особый взглядъ на странности Павла, взглядъ весьма неутѣшительный, соотвѣтствовавшій ея болѣзненной хандрѣ, усиленной постояннымъ созерцаніемъ сосѣднихъ трубъ изъ своей комнаты, шумомъ вѣтра и вообще пошлостью, или, какъ сама она выражалась, скарденностью ея повседневной жизни. Соображая всѣ предшествовавшія обстоятельства, она вывела самыя печальныя заключенія на счетъ м-съ Виккемъ, и приняла на первый случай строгія полицейскія мѣры, чтобы ея "собственная бестія" – такъ вообще величала она прислугу женскаго пола – ни подъ какимъ видомъ не сообщалась съ этой негодяйкой. Чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, она не пожалѣла времени для тайныхъ наблюденій изъ-за дверей: скрываясь въ этой засадѣ, она выжидала минуту, когда "бестія" подойдетъ къ комнатѣ Виккемъ, и потомъ вдругъ выбѣгала на открытую сцену съ огромнымъ запасомъ энергическихъ ругательствъ и укоровъ. Но, къ несчастью, эту мѣру никакъ нельзя было распространить на племянницу Беринтію, которая, по своимъ разнообразнымъ и многосложнымъ должностямъ, съ утра до ночи обязана была ходить по всѣмъ угламъ и закоулкамъ обширнаго «замка». Берри могла говорить и съ м-съ Виккемъ.

– Какъ онъ хорошъ, когда спитъ! – сказала однажды Берри, поставивъ ужинъ для м-съ Виккемъ и останавливаясь передъ постелью маленькаго Павла.

– Бѣдненькій! – со вздохомъ произнесла м-съ Виккемъ, – хоть бы во снѣ-то Богъ послалъ ему красоту!

– Да онъ хорошъ, когда и не спитъ, – замѣтила Берри.

– Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Онъ, что называется, какъ двѣ капли воды, Бетси Джанна моего дяди, – сказала м-съ Виккемъ.

Берри съ недоумѣніемъ взглянула на собесѣдницу, никакъ не понимая, что за связь между Павломъ Домби и Бетси Джанной, какой-то родственницей м-съ Виккемъ.

– Вотъ видите ли, – продолжала м-съ Виккемъ, – жена моего дяди умерла точь-въ-точь, какъ его маменька. Дочь моего дяди точь-въ-точь, какъ м-ръ Павелъ, начала тосковать, сохнуть, чахнуть, такъ что я вамъ скажу...

– Что такое? – спросила Берри.

– Да то, что я никогда въ свѣтѣ не согласилась бы переночевать одна съ Бетси Джанной, – сказала въ страшномъ волненіи Виккемъ, – ни за что, хоть осыпъ меня золотомъ съ ногъ до головы!

Миссъ Берри натурально спросила, – почему же нѣтъ? Но м-съ Виккемъ, вѣрная принятой методѣ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти продолжала таинственную рѣчь:

– Бетси Джанна, скажу я вамъ, была самымъ тихимъ, кроткимъ ребенкомъ. Ужъ смиренѣе Бетси ребенку быть нельзя. Джанна вытерпѣла всѣ дѣтскія болѣзни, всѣ до одной. Судороги были для нея нипочемъ, то же, на примѣръ, что для васъ угри.

Миссъ Берри невольно вздернула носъ.

– И вотъ, – продолжала Виккемъ, понизивъ голосъ и съ нѣкоторой боязнью озираясь вокругъ комнаты, – покойница мать Бетси Джанны задумала съ того свѣта навѣщать свою дочку... да и какъ навѣщать! Колыбелька-то, знаете, виситъ, а она, покойница, такъ и юлитъ, такъ и юлитъ! Ужъ какъ это она дѣлала, и когда она это дѣлала, и узнавалъ ли ребенокъ свою мать, сказать вамъ не могу, а то навѣрно знаю, что Бетси Джанна частенько видѣла свою мать.

Вы можете, пожалуй, сказать, что все это вздоръ, что я все это выдумываю; говорите, сколько угодно говорите, я не обижусь. Я даже совѣтую вамъ считать все это вздоромъ: вы будете спокойнѣе въ этомъ прокл... извините меня... въ этомъ проклятомъ кладбищѣ, гдѣ мы живемъ съ съ вами, миссъ Берри. Павлу, кажется, что-то пригрезилось. Потрите ему спину, миссъ Берри.

– Стало быть, вы думаете, – сказала миссъ Берри, слегка погладивъ по спинѣ маленькаго Павла, – что и къ нему также приходила его матушка?

– Бетси Джанна, – возразила м-съ Виккемъ торжественнымъ тономъ, – высохла, что называется, какъ лучинка, и стала вовсе не похожа на ребенка, такъ же, какъ и онъ. Бывало, я смотрю на нее, а она сидитъ, сидитъ, да и думаетъ, ни дать, ни взять, какъ м-ръ Павелъ. Бывало, я заговорю съ ней, а она взглянетъ на меня такой старухой, старухой, старухой!.. а онъ развѣ не старикъ?

– Жива ли дочка вашего дяди? – спросила Берри.

– Да, она жива, Богъ съ ней, и вышла замужъ за серебряника, – возразила Виккемъ торжественнымъ тономъ, зная очень хорошо, что собесѣдница ея вовсе не ожидала такого отвѣта. – Да, говорю я, о_н_а_т_о жива, – повторила м-съ Виккемъ, дѣлая особое удареніе на мѣстоименіи.

Было ясно, что другой кто-то умеръ, и племянница м-съ Пипчинъ натурально спросила: кто же?

– Мнѣ бы не хотѣлось васъ обезпокоить, – съ важностью отвѣчала м-съ Виккемъ, поднося ложку ко рту. – Не спрашивайте меня.

Это было вѣрнѣйшимъ средствомъ заставить себя спрашивать. Миссъ Берри нѣсколько разъ повторила вопросъ; м-съ Виккемъ послѣ нѣкотораго сопротивленія и отговорокъ положила ложку, осмотрѣлась вокругъ себя, взглянула на маленькаго Павла, и съ особой таинственностью начала рѣчь:

– Бетси Джанна любила очень многихъ, то есть любила она совсѣмъ не такъ, какъ другія дѣти, а привязанность ея была какая-то странная, даже, можно сказать, страшная... и что-жъ бы вы думали, сударыня моя? всѣ перемерли, кого она любила, всѣ до единаго!

Это неожиданное заключеніе такъ поразило племянницу м-съ Пипчинъ, что она съ неподдѣльнымъ ужасомъ обратила изумленные взоры на рассказчицу и не смѣла перевести духъ.

М-съ Виккемъ, качая головой, указала тайкомъ на кроватку, гдѣ лежала Флоренса, и вслѣдъ затѣмъ выразительно повела глазами на полъ къ тому мѣсту, подъ которымъ находилась маленькая комната, гдѣ обыкновенно м-съ Пипчинъ кушала свои горячіе пироги.

– Помяните мое слово, когда придетъ время, – продолжала Виккемъ, – и благодарите Бога, что м-ръ Павелъ васъ не слишкомъ любитъ. Меня, слава Богу, онъ терпѣть не можетъ, и я спокойна на этотъ счетъ, хотя, признаться сказать, жизнь въ этой тюрьмѣ не большая находка. Вы извините меня, миссъ Беринтія.

Племянница м-съ Пипчинъ до того была взволнована, что уже не смѣла подойти къ дѣтской кроваткѣ и обдумывала, какъ бы навсегда избавиться отъ необходимости гладить по спинѣ страшнаго ребенка. Въ эту минуту Павелъ проснулся, сѣлъ на кровать и позвалъ къ себѣ Флоренсу. Волосы его были растрепаны, и лицо пылало: ясно, онъ видѣлъ какой-то страшный сонъ.

Флоренса, по первому призыву, соскочила съ своей постели, нагнулась надъ подушкой встревоженнаго братца и скоро убаюкала его своей пѣсней. М-съ Виккемъ, качая головой, пророчественно указала на маленькую группу, прослезилась и повела глаза къ потолку.

– Спокойной ночи, – сказала тихонько Виккемъ, – спокойной ночи! Ваша тетушка, Богъ съ ней, довольно пожила на бѣломъ свѣтѣ, и тужить много вы не станете.

Этотъ утѣшительный привѣтъ м-съ Виккемъ сопровождала взглядомъ, исполненнымъ самой отчаянной тоски. Оставшись одна съ двумя дѣтьми, она замѣтила на первый случай, что вѣтеръ воетъ очень печально, какъ будто оплакиваетъ чью-нибудь смерть, и при этой

в_ѣ_р_н_о_й_о_к_а_з_і_и сама заплакала чуть не навзрыдь. Въ такомъ меланхолическомъ расположеніи духа пребыла она до глубокой полночи, пока сонъ насильно не сомкнулъ ея глаза.

Неизвѣстно, въ какой степени пророчественное предсказаніе неминуемой смерти м-съ Пипчинъ поразило чувствительную душу ея племянницы, но во всякомъ случаѣ миссъ Беринтія была очень рада, когда тетка при входѣ въ комнату накинулась на нее съ необыкновенной яростью и живѣйшими упреками, которые совершенно отстраняли мысль о близкой ея кончинѣ. На слѣдующей недѣлѣ тоже, слава Богу, она была въ добромъ здоровьи, хотя со стола ея постепенно исчезали всѣ горячія мясныя кушанья.

Павель между тѣмъ, какъ и прежде, съ непоколебимымъ постоянствомъ продолжалъ наблюдать м-съ Пипчинъ, и занималъ свое обыкновенное мѣсто между чернымъ бомбазиномъ и каминной рѣшеткой. Здоровье его немножко поправилось, хотя вообще онъ былъ такъ же слабъ, какъ при первомъ прибытіи въ этотъ домъ, и прогулка по морскому берегу его крайне утомляла. Чтобы ему не ходить пѣшкомъ, для него промыслили маленькую колясочку, въ которой онъ могъ лежать очень привольно съ азбукой въ рукахъ и другими элементарными книгами. Вѣрный своимъ эксцентрическимъ выходкамъ, ребенокъ прогналъ отъ себя прочь краснощекаго дюжого мальчишку, который вызвался возить его коляску, и взамѣнъ выбралъ для этой должности его дѣдушку, стараго, дряхлаго брюзгу въ истасканномъ клеенчатомъ камзолѣ, отъ котораго несло запахомъ соли и морской травы.

Съ этимъ замѣчательнымъ возницей, въ сопровожденіи Флоренсы подлѣ коляски и плаксивой Виккемъ, которая должна была идти позади не иначе какъ на значительномъ разстояніи, Павель каждый день выѣзжалъ на берегъ океана, и сидѣлъ или лежалъ тамъ по цѣлымъ часамъ. Въ это время никто такъ не досаждалъ ему, какъ маленькія дѣти, кромѣ, разумѣется, Флоренсы.

– Отойди отъ меня, пожалуйста, – говорилъ онъ обыкновенно, если къ нему подходилъ какой-нибудь мальчикъ. – Благодарю тебя, да только ступай отсюда прочь.

Случалось, дѣтскій голосокъ съ участіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ.

– Очень хорошо, благодарю тебя, – отвѣчалъ Павель, – да только сдѣлай милость, убирайся отсюда. Ты лучше сдѣлаешь, если пойдешь играть.

И когда мальчикъ убѣгалъ, онъ оборачивалъ голову къ Флоренсѣ и говорилъ:

– Намъ не нужно другихъ, не правда ли? Поцѣлуй меня, Флой.

Въ эту пору ему также болѣе чѣмъ когда-либо не нравилось общество Виккемъ, и онъ былъ очень радъ, когда она уходила собирать раковины или потолковать съ кумушками. Онъ любилъ оставаться совершенно одинъ, вдали отъ всякихъ гулякъ, и когда подлѣ него сидѣла за дѣломъ Флоренса, читала ему или рассказывала что-нибудь, а вѣтеръ между тѣмъ дулъ ему въ лицо, и вода подступала къ колесамъ его постели, ему ничего болѣе не нужно было.

– Флой, – сказалъ онъ однажды, – гдѣ эта сторона... Индія что ли, гдѣ живутъ родственники Байтерстона?

– Охъ, далеко отсюда, ужасно далеко! – отвѣчала Флоренса, отрывая глаза отъ работы.

– На цѣлыя недѣли? – спросилъ Павель.

– Да, мой милый, на цѣлыя недѣли путешествія днемъ и ночью.

– Если бы ты, Флой, была въ Индіи, – сказалъ Павель, номолчавъ съ минуту, – я бы... что бишь такое маменька сдѣлала?... все забываю.

– Полюбилъ бы меня, – отвѣчала Флоренса.

– Не то, не то. Развѣ я не люблю тебя, Флой? Ахъ что, бишь такое? да, да – если бы ты была въ Индіи, Флой, я бы умеръ безъ тебя.

Флоренса поспѣшно бросила работу, опустила голову на подушку и стала ласкать его.

– И я бы умерла, – сказала она, – если бы тебя разлучили есо мной. Но зачѣмъ объ этомъ думать? Кажется, теперь тебѣ лучше?

– О, мнѣ теперь хорошо, очень хорошо! – отвѣчалъ Павель. – Но я не объ этомъ думаю. У меня все не выходитъ изъ головы, что я умеръ бы отъ тоски, если бы тебя со мной не было.

Въ другой разъ на томъ же мѣстѣ онъ заснулъ и спалъ спокойно долгое время; но вдругъ онъ пробудился, сѣлъ на подушку и началъ вслушиваться съ величайшимъ вниманіемъ.

Флоренса спросила, что ему почудилось?

– Я хочу знать, – отвѣчалъ онъ, ирystalно всматриваясь въ ея лицо, – что оно говоритъ? Скажи мнѣ, Флоренса, что говоритъ море?

Она отвѣчала, что это только шумять волны, и больше ничего.

– Охъ да, да, – сказалъ онъ, – волны шумять; но я знаю, что онѣ всегда говорятъ что-нибудь. Всегда говорятъ одно и то же морскія волны. А что такое тамъ надъ волнами?

Онъ всталъ и поднялъ глаза на горизонтъ.

Флоренса отвѣчала, что тамъ былъ противоположный берегъ; но онъ сказалъ, что не объ этомъ думаетъ. Онъ думалъ о томъ, что было дальше, дальше, дальше!

Такіе вопросы возобновлялись весьма часто. Случалось, среди живого разговора онъ вдругъ прерывалъ рѣчь и вслушивался внимательно въ таинственный говоръ морской волны; потомъ поднимался на ноги, и долго смотрѣлъ въ необозримую даль безпредѣльнаго горизонта.

Глава IX

Бѣда съ деревяннымъ мичманомъ

Молодой Вальтеръ Гэй, надѣленный отъ природы порядочнымъ запасомъ романическихъ наклонностей, которыя, къ великому благополучію, не встрѣтили ни малѣйшаго препятствія въ своемъ развитіи подъ мирной кровлей старика Соломона, ни на минуту не выпускалъ изъ головы удивительнаго приключенія Флоренсы съ доброй бабушкой, и, подстрекаемый страстью къ чудесному, безпрестанно думалъ о немъ до той поры, пока, наконецъ, съ теченіемъ времени, оно сдѣлалось любимымъ, избалованнымъ чадомъ его живого и пылкаго воображенія. Особенно мечталъ онъ, и сладко мечталъ, о той незабвенной минутѣ, когда судьба такъ неожиданно сдѣлала его самого чуть не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ достопамятномъ событіи.

Дядя Соль и капитанъ Куттль своими тонкими намеками еще больше разгорячали кипучую фантазію молодаго человѣка. Эти достойные друзья каждое воскресенье считали непремѣнной обязанностью ненарокомъ потолковать о Ричардѣ Виттингтонѣ, объ этомъ знаменитомъ героѣ въ англійской исторіи, который, какъ извѣстно, поѣхалъ въ Индію безъ копейки въ карманѣ съ одной только кошкой, а воротился оттуда милліонеромъ, и о чудо изъ чудесъ! – три раза былъ лордомъ-меромъ, начальникомъ и главнымъ членомъ городской думы! Къ довершенію очарованія, капитанъ Куттль промыслилъ на толкучемъ рынкѣ древнѣйшее народное стихотвореніе очень замѣчательнаго содержанія, въ которомъ – это весьма важно – называется не сказка, а достовѣрная быль о томъ, какъ одинъ молодой человѣкъ, угольщикъ ремесломъ, не болѣе, влюбился въ нѣкую красавицу, именемъ Пегги, а красавица почувствовала сердечное влеченіе къ угольщику, и какъ, наконецъ, молодые люди увѣнчали свою любовь законнымъ бракомъ, несмотря на многочисленныя препятствія со стороны отца красавицы, знаменитаго капитана ньюкэстльскаго корабля. Эта зажигательная исторія, имѣвшая, какъ видите, чрезвычайно близкое отношеніе къ Вальтеру и Флоренсѣ, приводила капитана Куттля въ самый яростный восторгъ во всѣ семейные праздники, и особенно въ день рожденія Вальтера. Въ этотъ торжественный день капитанъ Куттль уходилъ въ заднюю комнату, затягивалъ свою любимую пѣсенку, и одушевляясь постепенно, кричалъ, наконецъ, на всѣ возможные голоса, заливаясь самой громкой трелью при имени Пегги, которымъ, къ чести героини стихотворенія, оканчивался каждый куплетъ.

Между тѣмъ самъ Вальтеръ, веселый, беззаботный, простодушный Вальтеръ, никакъ не думалъ отдавать себѣ отчета въ собственныхъ чувствахъ, да и не былъ способенъ къ такому анализу. Онъ очень полюбилъ набережную, гдѣ впервые встрѣтилъ Флоренсу, и улицы, гдѣ проходилъ съ нею, хотя, собственно говоря, замѣчательнаго въ нихъ ничего не было. Гадкіе башмаки, съ которыми столько было хлопотъ, онъ берегъ у себя въ комнатѣ и, сидя по вечерамъ на своей постели, рисовалъ отъ бездѣлья фантастическіе портреты доброй бабушки. Должно также сказать, что послѣ этого достопамятнаго приключенія онъ сдѣлался повнимательнѣе къ своему костюму и въ досужее время не пропускалъ случая пройтись по улицѣ, гдѣ находился домъ м-ра Домби, въ надеждѣ встрѣтиться съ маленькой Флоренсой. Но всѣ эти чувствованія были совершенно невинны и не выходили за предѣлы дѣтской натуры. Флоренса очень миленькая дѣвочка, и разумѣется, пріятно было полюбоваться на хорошенькое личико. Флоренса беззащитна и слаба: мысль, что можно оказать ей покровительство и помощь – весьма завлекательная мысль для юноши, сознающаго свою силу. Флоренса самое благородное маленькое созданіе въ свѣтѣ, и было истиннымъ наслажденіемъ видѣть, какъ озаряется ея личико искреннимъ и глубокимъ чувствомъ признательности. Флоренса была оставлена, забыта гордымъ отцомъ, и сердце Вальтера наполнялось живѣйшимъ участіемъ къ отверженному дитяти.

Шесть или семь разъ въ годъ молодые люди встрѣчались на улицѣ и раскланивались. М-съ Виккемъ, знавшая подробности приключенія, не обращала вниманія на это знакомство, а миссъ Нипперъ, съ своей стороны, была очень рада такимъ встрѣчамъ: она читала въ глазахъ юноши необыкновенное выраженіе добродушія, и была увѣрена, что у него превосходное сердце.

Такимъ образомъ, Вальтеръ вмѣсто того, чтобы забывать, или терять изъ виду свое знакомство съ Флоренсой, время отъ времени еще болѣе сближался съ нею. Удивительное начало этого знакомства и другія маленькія подробности, придавшія ему отличительный романическій характеръ, были въ глазахъ его прекраснымъ матеріаломъ для фантастическихъ картинъ, на которыхъ, разумѣется, Флоренса всегда стояла на первомъ планѣ. "Но что изъ всего этого выйдетъ, – думалъ онъ? Ничего, рѣшительно ничего. Однако-жъ было бы не худо, если бы, тотчасъ же послѣ первой встрѣчи съ Флоренсой, я отправился куда-нибудь подальше, въ Индію, на примѣръ, и вступилъ бы въ службу на военномъ кораблѣ. Вотъ я дѣлаю чудеса храбрости, беру въ плѣнь тысячи непріятелей, открываю неизвѣстные острова, обо мнѣ говорятъ въ парламентѣ, пишутъ въ журналахъ и газетахъ, и лѣтъ черезъ пять, много черезъ десять, Вальтеръ Гэй пріѣзжаетъ въ Лондонъ адмираломъ всѣхъ морскихъ флаговъ, или по крайней мѣрѣ капитаномъ перваго ранга, не менѣе. Флоренса будетъ тогда еще дѣвушкой – и Боже мой! какою чудною дѣвушкой будетъ Флоренса! – она увидитъ меня въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, въ блестящихъ эполетахъ, знаменитымъ и славнымъ, и – будь у м-ра Домби галстухъ еще выше, цѣпочка еще длиннѣе, я оттягаю у него дочку, женюсь и торжественно повезу ее... куда я ее повезу? ну, да на какой-нибудь изъ открытыхъ мною острововъ". Вальтеръ шель, по обыкновенію, очень скоро, когда строилъ эти воздушные замки. Но всѣ эти мечты разбивались въ дребезги о мѣдную доску конторы Домби и Сына, и когда капитанъ Куттль съ дядей Соломономъ затягивали свою вѣчную пѣсню о Ричардѣ Виттингтонѣ и капитанской дочкѣ, онъ болѣе чѣмъ когда-либо понималъ свое скромное положеніе въ купеческой конторѣ. Время тянулось день за днемъ, и Вальтеръ продолжалъ со всѣмъ усердіемъ и добросовѣстностью исполнять свою прозаическую должность, находя единственный отдыхъ въ построеніи великолѣпныхъ фантастическихъ замковъ, передъ которыми мечты Соломона и капитана Куттля были не болѣе, какъ скромными домиками. Въ пипчинскій періодъ онъ возмужалъ, но весьма немного, и, собственно говоря, все еще былъ такимъ же простодушнымъ и вѣтренымъ мальчикомъ, какимъ читатель встрѣтилъ его въ первый разъ со свѣчей въ рукахъ на темной лѣстницѣ въ погребѣ, когда дядя Соломонъ отыскивалъ завѣтную мадеру.

– Что съ тобой, дядя Соль? – сказалъ однажды Вальтеръ, всматриваясь съ озабоченнымъ видомъ въ печальное лицо мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ, – ты сегодня ничего не ѣлъ и, кажется, твое здоровье очень разстроилось. Не сходить ли за докторомъ, дядюшка?

. – Докторъ не поможетъ, мой милый, – отвѣчалъ дядя Соль, – не сыскать ему для меня...

– Чего, дядюшка? покупателей?

– Да, да, – возразилъ Соломонъ съ глубокимъ вздохомъ, – покупатели пригодились бы.

– Ахъ, ты, Господи, твоя воля! – вскричалъ Вальтеръ, опрокидывая блюдо съ супомъ, и ударяя рукою по столу, – когда я вижу всѣхъ этихъ зѣвакъ, что каждый день цѣлыми дюжинами снуютъ передъ нашими окнами, меня такъ и забираетъ охота притащить кого-нибудь за шиворотъ въ магазинъ и заставить дружка отсчитать тысячи полторы чистоганомъ за свою покупку. Ну, чего ты смотришь, болванъ, – продолжалъ Вальтеръ, обращаясь къ старому джентльмену съ напудренной головой, такъ, разумѣется, чтобы тотъ не слышалъ. – Выпучилъ глаза на телескопъ, да и стоитъ себѣ. Экая штука! Ты войди-ка любезный, да купи, а глаза-то, пожалуй, я за тебя выпучу.

Но старый джентльмень, удовлетворивъ любопытство, тихонько поплелся отъ магазина.

– Ушелъ, – сказалъ Вальтеръ, – ушелъ, болванъ! Вотъ тутъ и надѣйся на нихъ! Да только вотъ что, дядя... эй, послушай, дядюшка! – прибавилъ Вальтеръ, видя, что старикъ закручи-

нился и не обращает на него вниманія – унывать никакъ не должно, рѣшительно не должно. Что дѣлать? Посидимъ у моря и подождемъ погоды. Ужь если придутъ заказы, такъ придется ихъ такая пропасть, что тебѣ ихъ въ вѣкъ не передѣлать.

– Да, мнѣ ихъ точно не передѣлать, мой другъ, – съ горестью возразилъ Соломонъ, – заказы придутъ, когда меня не будетъ въ этой лавкѣ.

– Да не тужи, сдѣлай милость, говорю я тебѣ, – ну что толку, если станешь все хандрить. Эхъ ты, дядя Соль! Нѣтъ заказовъ, такъ и чортъ съ ними!

Соломонъ старался принять веселый видъ, и улыбнулся, какъ могъ, взглянувъ черезъ столъ на своего племянника.

– Вѣдь особеннаго ничего не случилось. Не такъ ли, дядя Соль? – продолжалъ Вальтеръ, облакачиваясь на чайный подносъ и нагибаясь къ старику, чтобы вызвать его на объясненіе, – будь откровененъ со мной, дядюшка, не скрывай ничего, если сохрани Богъ встрѣтилась какая-нибудь непріятность.

– Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, – скороговоркой отвѣчалъ Соломонъ, – все идетъ, какъ шло, ничего особеннаго, право, ничего! Встрѣтилась непріятность, говоришь ты: какая же непріятность?

Вальтеръ съ величайшей недовѣрчивостью покачалъ головою.

– Поди ты, толкуй съ нимъ! – сказалъ онъ, – я его спрашиваю, а онъ меня! Послушай, дядя: когда я вижу тебя въ этой хандрѣ, мнѣ, право, становится и жалко и досадно, что я съ тобой живу.

Старикъ Соль невольно открылъ глаза.

– Я не шучу, дядюшка. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка счастливѣе меня, когда я съ тобой, и при всемъ томъ опять таки повторяю: мнѣ теперь и жалко и досадно, что я живу здѣсь. Вижу по всему, у тебя есть что-то на душѣ, а еще туда же вздумалъ притворяться. Эхъ, ты, дядя Соломонъ!

– Что дѣлать, мой милый? По временамъ, ты знаешь, я бываю очень скученъ, должно, какъ и всѣ старики.

– Знаешь ли, что я думаю? – продолжалъ Вальтеръ, потрепавъ старика по плечу, – если бы тутъ въ этой комнатѣ вмѣсто меня сидѣла добренькая, тепленькая старушка, твоя жена, разумѣется, твоя кроткая, смиренная, ненаглядная сожительница, которая бы знала всѣ твои привычки и обычаи, ты бы вѣдь не былъ въ такой хандрѣ, дядя Соломонъ! И разливала бы она чай, и припоминала бы тебѣ старину, и затынула бы подчасъ пѣсенку про старинное житье-бытье... а? не такъ ли? Ну, а я что для тебя сдѣлаю? Ты знаешь, я люблю тебя, но все же я только племянникъ, ни больше, ни меньше, да еще вдобавокъ вѣтреныи, легкомысленный мальчишка, которому нельзя и сказать о своемъ горѣ. Ну вотъ я вижу ты хандрить, и почему знать? можетъ быть, ужасная тоска давить тебя; а какъ тебѣ помочь? какъ утѣшить тебя? какъ? ... закричалъ Вальтеръ, со всего размаху ударивъ по столу, такъ что блюдо слетѣло на полъ и разбилось въ дребезги.

– Валли, добрый мой Валли! – сказалъ Соломонъ, – если бы въ этой комнатѣ, на этомъ самомъ мѣстѣ лѣтъ за сорокъ съ небольшимъ сидѣла, какъ ты говоришь, ненаглядная моя сожительница, я никогда бы не любилъ ее такъ, какъ тебя, милое дитя мое!

– Знаю, дядюшка, – возразилъ Вальтеръ, – очень хорошо; но женѣ ты открылъ бы всѣ свои секреты, потому что она умѣла бы облегчить твою тоску; а я ничего, рѣшительно ничего не придумаю, хоть бы разmozжить себѣ голову.

– Нѣтъ, нѣтъ, – сказалъ Соломонъ, – что за секреты? у меня нѣтъ отъ тебя никакихъ секретовъ!

– Ну, такъ въ чемъ же дѣло, дядюшка? говори, рассказывай. Ну!

Соломонъ Гильсъ еще разъ съ отчаяннымъ упрямствомъ началъ увѣрять, что ничего особеннаго не случилось. Вальтеръ, скрѣпивъ сердце, притворился убѣжденнымъ.

– Однако-жь, дядя Соль, если сверхъ чаянія...

– Да говорю тебѣ, что ничего нѣтъ, рѣшительно ничего.

– Очень хорошо, – сказалъ Вальтеръ, – перестанемъ же толковать объ этомъ; мнѣ пора въ контору. Часа черезъ два я какъ-нибудь увернусь оттуда, и понавѣдаюсь, что ты станешь дѣлать. Только смотри, дядя Соль, если я узнаю, что ты меня обмануль, такъ ужь прошу не прогнѣваться: впередъ не повѣрю тебѣ ни на волосъ, и ужь никогда ничего не буду говорить тебѣ о Каркерѣ младшемъ. Помни это, дядюшка Соломонъ!

Соломонъ Гильсъ, въ знакъ согласія, улыбнулся и махнулъ рукой. Вальтеръ, перебирая въ головѣ всѣ возможныя, или правильнѣе, невозможныя средства къ обогащенію, побѣждалъ въ контору Домби и Сына съ озабоченнымъ видомъ и въ крайне невеселомъ расположеніи духа.

Въ это время недалеко отъ Сити, на углу Архіерейской улицы, жилъ присяжный маклеръ и оцѣнщикъ, производившій торговлю подержанной мебелью, которая, какъ водится въ такихъ случаяхъ, разбросана была въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ по всѣмъ направленіямъ обширной лавки. Дюжины стульевъ прицѣплены были къ умывальникамъ, которые сами съ большимъ трудомъ держались за плечи буфетовъ, а буфеты, въ свою очередь, стояли на обѣденныхъ столахъ. Все это кувыркалось и тарасилось въ разныя стороны съ удивительнымъ эффектомъ. Немного подальше на брачной постели, утвержденной на четырехъ столбахъ, дружелюбно красовались блюда, тарелки, стаканы, рюмки, бокалы, графины и другія принадлежности богатаго пира вмѣстѣ съ полдюжиной кочергъ и бальной лампой, готовой пролить нѣжнѣйшій свѣтъ любви и братской дружбы на всю веселую компанію. Рядъ оконныхъ гардинъ и великолѣпныхъ сторъ, насильственно разлученныхъ съ своими окнами, пріятнѣйшимъ образомъ драпировали баррикаду комодовъ, нагруженныхъ маленькими кружками изъ москательныхъ лавокъ, между тѣмъ какъ бездомный коврикъ, отторженный жестокой рукой отъ привычнаго паркета и преслѣдуемый въ своемъ несчастьи пронзительнымъ восточнымъ вѣтромъ, вздрагивалъ и свертывался въ глубочайшую меланхолю, и, казалось, изъявлялъ душевную симпатію къ раздирательнымъ жалобамъ фортепьяна, терявшаго каждый день по одной струнѣ, которая передъ послѣднимъ издыханіемъ стонала и выла отъ мучительныхъ предсмертныхъ страданій. Къ довершенію эффекта, м-ръ Брогли накопилъ въ своей лавкѣ цѣлую коллекцію стѣнныхъ часовъ различной цѣнности и доброты, но вообще съ вѣрнѣйшимъ ходомъ, хотя теперь ихъ стрѣлки остановились, по-видимому, на вѣчныя времена вмѣстѣ съ финансовыми обстоятельствами своихъ прежнихъ хозяевъ, потерявшихъ за одно съ часами и свои дорогія зеркала, которыя теперь въ лавкѣ барышника безсовѣстно отражали со всѣхъ сторонъ ихъ банкротство и разореніе.

Самъ м-ръ Брогли былъ мокроглазый, розолицый, жестковолосый, весьма дюжій мужчина, надѣленный отъ природы значительнымъ запасомъ расторопности и смѣтливости, столь необходимыхъ при его гуманическихъ занятіяхъ. Какъ Марій на развалинахъ Карѳагена, возсѣдалъ онъ на развалинахъ чужого счастья, очень веселый и довольный судьбой, неизмѣнно къ нему благосклонной во всѣхъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ. По временамъ онъ заглядывалъ въ лавку Соломона понавѣдаться насчетъ дѣлишекъ многоуважаемаго мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ, и Вальтеръ вообще зналъ его довольно, чтобы раскланиваться съ нимъ при встрѣчѣ на улицахъ. Знакомство съ маклеромъ самого Соломона Гильса тоже не простиралось далѣе этой шапочной дружбы, и потому Вальтеръ былъ очень изумленъ, когда, вѣрный своему обѣщанію, забѣжалъ изъ конторы въ лавку и увидѣлъ м-ра Брогли; глубокомысленно сидящаго въ гостиной съ руками въ карманахъ.

– Здравствуй, дядя Соль! – сказалъ Вальтеръ, – какъ ты теперь себя чувствуешь?

Старикъ неподвижно сидѣлъ на противоположной сторонѣ стола съ очками на глазахъ (а не на лбу, какъ обыкновенно) и въ глубокомъ раздумьи. При входѣ племянника, онъ приподнял голову и безмолвно указалъ на маклера. Вальтеръ оторопѣлъ.

– У васъ дѣла съ моимъ дядей, сэръ? – спросилъ онъ, едва переводя духъ.

– Не безпокойтесь, важнаго ничего нѣтъ, – отвѣчала м-ръ Брогли.

Вальтеръ въ безмолвномъ изумленіи смотрѣлъ на маклера и на дядю.

– Вотъ видите ли, – сказала м-ръ Брогли, – за вашимъ дядюшкой небольшою должокъ, триста семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ съ небольшимъ. Срокъ-то, знаете, прошелъ, и у меня документецъ. Надо съ вашего позволенія вступить во владѣніе.

– Во владѣніе! – вскричалъ Вальтеръ, поводя глазами вокругъ комнаты,

– Да, – чужая м-ръ Брогли вкрадчивымъ голосомъ, бросая дружелюбные взоры, – вы не беспокойтесь, пожалуйста. Мы сдѣлаемъ теперь опись этимъ вещамъ, и больше ничего; сами сдѣлаемъ, любовно и безъ шума. Вы видите, я пришелъ безъ полиціи – зачѣмъ намъ полиція? обойдемся и безъ нея. Вы меня знаете.

– Ахъ, дядюшка! – пролепеталъ Вальтеръ.

– Милый Валли! – сказалъ дядя, – первый разъ Богъ послалъ на меня такое несчастье, а я уже старткъ и всю жизнь прожилъ честно.

Съ этими словами онъ сбросилъ очки, потому что бесполезно было скрывать свое волненіе, закрылъ рукой глаза и заплакалъ навзрыдъ, проливая слезы на свой кофейный жилетъ. Вальтеръ, въ свою очередь, первый разъ въ жизни увидѣлъ ужасающую картину рыдающаго старика. Онъ оцѣпенѣлъ и долго не могъ произнести ни одного слова.

– Дядюшка, милый дядюшка! – проговорилъ онъ, наконецъ. – Не плачь, о, Бога ради, не плачь! успокойся! – м-ръ Брогли, что мнѣ дѣлать?

– Я бы совѣтовалъ вамъ, – сказала м-ръ Брогли, – пріискать какого-нибудь пріятеля и переговорить съ нимъ.

– Именно такъ! – вскричалъ Вальтеръ, ухватившись за эту мысль, какъ за послѣднюю надежду, – благодарю васъ, сэръ. Дядюшка, я сію минуту побѣгу къ капитану Куттлю и мигомъ ворочусь назадъ. А вы, г. маклеръ, поберегите старика, сдѣлайте милость; утѣшите его, какъ можете. Не отчаивайся, дядюшка! Богъ дастъ, все сойдетъ съ рукъ.

Съ этими словами Вальтеръ, не слушая больше старика, опрометью бросился изъ комнаты и, забѣжавъ на минуту въ контору извиниться, подъ предлогомъ внезапной дядиной болѣзни, помчался во всю прыть къ жилищу капитана Куттля.

Всѣ предметы въ глазахъ его приняли иной видъ, когда онъ бѣжалъ по шумнымъ улицамъ города. Телѣги, omnibusы, дороги, кареты, дилижансы, пѣшеходы, – все это двигалось, толкалось, шумѣло, какъ и всегда; но бѣда, обрушившаяся на деревяннаго мичмана, представляла эти предметы въ какомъ-то странномъ и новомъ свѣтѣ. Дома и магазины были вовсе не то, что прежде, и Вальтеръ читалъ на стѣнахъ огромныя буквы маклерскаго документа. М-ръ Брогли угораздился со своимъ обвинительнымъ актомъ взгромоздиться на самую церкву, потому-что главы ихъ поднимались къ облакамъ съ какимъ-то необыкновеннымъ видомъ. Самый горизонтъ удивительно измѣнился, не отъ облаковъ, разумѣется, а вслѣдствіе судебной описи имущества въ магазинѣ мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ.

Капитанъ Куттль жилъ на краю небольшого канала, подлѣ индійскихъ доковъ, гдѣ находился подъемный мостъ, открывавшійся по временамъ для проведенія кораблей и барокъ съ различнымъ грузомъ. Постепенный переходъ отъ земли къ водѣ, по мѣрѣ приближенія къ резиденціи капитана Куттля, былъ довольно любопытенъ. Перспектива начиналась разноцвѣтными трактирными флагами, за которыми непосредственно слѣдовали платяныя лавки съ матросскими рубашками, куртками, шляпами, парусинными панталонами. Немного подальше выставались кузницы, гдѣ неутомимый громадный молотокъ отъ утра до ночи колотилъ раскаленное желѣзо, выдѣлывая якоря и цѣпные канаты. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ домовъ съ флюгеромъ надъ мачтами и вывѣсками, возвѣщавшими о продажѣ турецкихъ бобовъ, затѣмъ канавы, затѣмъ мельницы, затѣмъ опять канавы, а затѣмъ невообразимыя скопища грязной воды, запруженной кораблями. Потомъ въ воздухѣ распространялось благоуханіе отъ сырыхъ щепокъ, и всякое торговое движеніе поглощалось мачтами, веслами, дѣланіемъ блоковъ, стройкою лодокъ. Потомъ, почва становилась болотистою и почти непроходимою. Потомъ, обоняніе уже исклю-

чительно наслаждалось запахомъ рому и сахару. Потомъ, прямо передъ вашими глазами, во всей красотѣ открывалась резиденція капитана Куттля, вмѣстѣ бельэтажъ и нижній этажъ.

Капитанъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ вѣчнонеизмѣнныхъ, какъ-будто выстроганныхъ изъ дерева мужчинъ, которыхъ при самомъ пылкомъ воображеніи невозможно представлять себѣ отдѣльно безъ какой-нибудь частицы въ ихъ обыкновенномъ костюмѣ. Когда Вальтеръ постучался у дверей, капитанъ выставилъ изъ окошка голову и закричалъ: "Здорово, любезный!". На немъ была вылощенная клеенчатая шляпа и всегдашній синій балахонъ, изъ подъ котораго, на подобіе паруса, выставлялись толстые высокіе воротники его рубашки. Все, какъ обыкновенно. Въ этомъ костюмѣ Вальтеръ, между милліонами разнообразныхъ фигуръ, мигомъ различилъ бы капитана Куттля, какъ рѣдкую заморскую птицу, у которой всегда одинаковыя перья.

– Послушай-ка, Валли, – сказала капитанъ Куттль, – ты постучись еще, и погоди немножко. Сегодня, сегодня, видишь ты, моютъ бѣлье. Стукни хорошенько.

И нетерпѣливый юноша стукнулъ такъ, какъ, вѣроятно, еще никто не стучался въ скромную дверь капитанской квартиры.

– Это уже черезчуръ! – сказалъ Куттль, и тотчасъ же спряталъ голову, какъ будто ожидалъ бури...

Ожиданіе основательное. Черезъ минуту въ судорожномъ волненіи прибѣжала къ дверямъ степенная вдовица съ рукавами, засученными по плечи, вся въ мыльной пѣнѣ и съ передникомъ, забрызганнымъ горячей водой. Не обращая вниманія на Вальтера, она оглядѣла сперва дверной молотокъ, и потомъ, осматривая юношу съ ногъ до головы, проговорила, что не надивится, какъ молотокъ еще цѣль.

– Капитанъ Куттль у себя, – сказалъ Вальтеръ съ примирительной улыбкой, – я его видѣлъ.

– Право? – возразила интересная вдовица, – вы его видѣли?

– Я даже говорилъ съ нимъ, – сказалъ Вальтеръ, торопясь объясненіемъ.

– Даже говорили съ нимъ – возразила вдовица. – Вотъ какъ! Потрудитесь же засвидѣтельствовать капитану почтеніе отъ м-съ Макъ Стингеръ и скажите, что если ему угодно разговаривать съ гостями изъ окошка, такъ я покорнѣйше прошу его впередъ самому отворять двери.

М-съ Макъ Стингеръ говорила громко и вслушивалась, не будетъ ли какихъ замѣчаній или возраженій изъ ближайшаго окна.

– Исполню ваше порученіе, – сказалъ Вальтеръ, – только благоволите впустить меня, сударыня.

Входъ былъ загороженъ деревяннымъ запоромъ, и Вальтеръ не осмѣливался перескочить, изъ опасенія еще болѣе раздосадовать степенную вдовушку.

– Если вы, сударь, осмѣлились разбивать дверь, – сказала м-съ Макъ Стингеръ гнѣвнымъ и пронзительнымъ тономъ, – вамъ ничего не стоитъ перепрыгнуть черезъ запоръ.

Вальтеръ принялъ эту выходку за позволеніе войти и немедленно перескочилъ. М-съ Макъ Стингеръ пришла въ величайшее негодованіе и разразилась страшнымъ вопросомъ: давно ли законы разрѣшили оскорблять домъ свободной англичанки, и кто далъ позволеніе всякой сволочи врываться въ ея жилище? Но Вальтеръ уже не считалъ нужнымъ разрѣшать эти недоумѣнія, и, пробираясь по лѣстницѣ черезъ искусственный, туманъ, образовавшійся отъ испареній щелоку и горячей воды, вбѣжалъ въ комнату капитана Куттля и нашель этого джентльмена въ засадѣ передъ дверью.

– Никогда не былъ ей долженъ ни одной копейки, – проговорилъ тихонько капитанъ Куттль, – да еще сколько сдѣлалъ добра и ей и дѣтямъ! Лисица непутная!

– Я бы на вашемъ мѣстѣ перемѣнилъ квартиру, – сказалъ Вальтеръ.

– Нельзя, нельзя, – возразилъ капитанъ, – она отыскала бы меня на днѣ океана. – Садись, Вальтеръ. Какъ поживаетъ Соломонъ?

Капитанъ, не снимая шляпы, принялся за свой обѣдъ, состоявшій изъ холодной баранины, бутылки портера и варенаго картофеля, который онъ обыкновенно приготавливалъ самъ на плитѣ въ большой кастрюлѣ, откуда, по мѣрѣ надобности, вытаскивалъ, по одной штукѣ. Передъ обѣдомъ онъ отвинчивалъ свой желѣзный крюкъ, и вмѣсто него придрѣзывалъ къ черенку свой столовый ножикъ, которымъ теперь началъ лупить одну картофелину для Вальтера. Его комнаты, сильно пропитанныя табачнымъ запахомъ, были очень невелики, но довольно уютны, а порядокъ въ мебели былъ такого рода, какъ будто за полчаса передъ этимъ происходило землетрясеніе.

– Какъ поживаетъ Соломонъ? – спросилъ капитанъ.

При этомъ повторенномъ вопросѣ Вальтеръ живо представилъ цѣль своего посѣщенія и заплакалъ навзрыдъ.

– Ахъ, капитанъ Куттль! – сказалъ онъ, едва переводя духъ.

Никакое перо не опишетъ ужаснаго испуга Куттля. Онъ бросилъ картофель, вилку, – бросилъ бы, разумѣется ножикъ, если бы могъ, – и съ неописаннымъ испугомъ смотрѣлъ на молодого человѣка, какъ будто Вальтеръ принесъ ему вѣсть о всеобщемъ разрушеніи Сити, какъ будто страшная бездна поглотила его стараго друга вмѣстѣ съ кофейнымъ камзоломъ, свѣтлыми пуговицами, хронометромъ, очками, со всѣмъ магазиномъ.

Но когда Вальтеръ объяснилъ дѣло, Куттль, послѣ минутнаго размышленія, вскочилъ со стула и заметался во всѣ стороны съ необыкновенной торопливостью. Онъ открылъ комодъ, стащилъ съ верхней полки жестяную чайницу, и, высыпавъ оттуда весь запасъ наличныхъ денегъ – тринадцать фунтовъ стерлинговъ съ полкроной, положилъ ихъ въ огромный карманъ своего синяго сюртука, и потомъ въ это же влагилище засунулъ вынутыя изъ шкатулки двѣ чайныя ложки, серебряныя щипчики и огромные серебряныя часы, которые напередъ осмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ, чтобы опредѣлить ихъ настоящую цѣнность. Сдѣлавъ всѣ эти приготовления, онъ привинтилъ неизбѣжный крюкъ къ правой рукѣ, схватилъ свою толстую сучковатую палку и попросилъ Вальтера идти.

Но, несмотря на чрезвычайную хлопотливость, капитанъ вспомнилъ, наконецъ, что м-съ Макъ Стингеръ, вѣроятно, дожидается его внизу для нѣкоторыхъ объясненій. Пораженный этой мыслью, онъ въ нерѣшимости подошелъ къ отворенному окну и, казалось, разсуждалъ: не лучше ли прямо выпрыгнуть на мостовую, чѣмъ наткнуться въ дверяхъ на своего ужаснаго врага. Однако-жь, постоявъ немного, онъ выдумалъ весьма замысловатую хитрость.

– Послушай-ка, Валли, – сказалъ капитанъ, – ты ступай впередъ, мой другъ, и спускайся съ лѣстницы, закричи погромче: "Прощайте, капитанъ Куттль!" да затвори дверь. Потомъ остановись на улицѣ за угломъ и подожди меня. Я мигомъ выйду.

Успѣхъ этой стратагемы основывался на предварительномъ изученіи непріятельской тактики. Когда Вальтеръ сходилъ съ лѣстницы, м-съ Макъ Стингеръ дѣйствительно невидимкой подкралась изъ кухни, но не видя, сверхъ ожиданія, своего жильца, удовольствовалась намекомъ на неучтивый стукъ въ двери, и опять юркнула въ свою засаду.

Прошло минутъ пять, прежде, чѣмъ Куттль отважился на тайное бѣгство, и Вальтеръ уже начиналъ выходить изъ терпѣнія, не видя никакихъ признаковъ лощеной шляпы. Наконецъ, храбрый воинъ вдругъ, съ быстротой бомбы, выскочилъ изъ дверей, зашагалъ форсированнымъ маршемъ, и ни разу не оглядываясь назадъ, ободрился совершеннѣйшимъ образомъ, только когда подошелъ къ Вальтеру, и даже затянулъ какую-то пѣсню.

– Ну что, Валли, – спросилъ, наконецъ, капитанъ, когда они удалились на значительное разстояніе отъ квартиры, – дядя Соль, я думаю, того...

– Ахъ, если бы видѣли его нынѣшнимъ утромъ! – отвѣчалъ Вальтеръ. – Никогда мнѣ не забыть этой ужасной сцены. Я боюсь...

– Живѣй, Валли, живѣй! – возразилъ капитанъ, ускоряя шаги. – Всегда такъ поступай, дружокъ мой, и долготѣнь будешь на земли. Справься, какъ объ этомъ сказано въ Писаніи.

Капитанъ Куттль, слишкомъ занятой собственными мыслями о Соломонѣ Гильсѣ и, быть можетъ, нѣкоторыми размышленіями насчетъ послѣдняго бѣгства, не привелъ болѣе ни одной цитаты для улучшенія нравственности молодого Вальтера. Во всю дорогу они не обмѣнялись ни однимъ словомъ, пока, наконецъ, подошли къ деревянному мичману, обозрѣвавшему, казалось, черезъ свой телескопъ весь горизонтъ въ надеждѣ отыскать друга-спасителя, который бы вывелъ его изъ напасти.

– Гильсъ! – вскричалъ капитанъ, поспѣшно вбѣжавъ въ комнату и нѣжно пожимая руку печальнаго друга, – держи голову прямо на вѣтеръ, и мы пойдемъ на проломъ. Все, что могу сказать тебѣ, дружище, – продолжалъ капитанъ торжественнымъ тономъ, какъ философъ, которому удалось наконецъ привести въ ясность одно изъ главнѣйшихъ правилъ человѣческой мудрости, – такъ это одно: держи голову прямо противъ вѣтра, и мы полетимъ на проломъ.

Старикъ Соль, въ свою очередь, крѣпко пожалъ руку добраго пріятеля, и благодарилъ за совѣтъ.

Тогда капитанъ Куттль съ подобающей важностью выгрузилъ изъ кармана пару чайныхъ ложекъ, сахарные шипчики, серебряные часы и наличныя деньги. Положивъ все это на столъ, онъ съ гордымъ и самонадѣяннымъ видомъ обратился къ м-ру Брогли.

– Ну, что вы теперь скажете, господинъ маклеръ и присяжный оцѣнщикъ?

– Неужели вы серьезно думаете, сэръ, возразилъ маклеръ, – что весь этотъ хламъ теперь годится на что-нибудь?

– Почему же нѣтъ?

– Да потому, что вашъ почтенный другъ долженъ слишкомъ триста семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ.

– Экая штука! – возразилъ капитанъ, струхнувъ порядкомъ при такомъ огромномъ счетѣ, – триста фунтовъ! Да вѣдь и это чего-нибудь стоитъ. Всякая рыба хороша, коль на уду пошла, говоритъ пословица.

– Есть еще пословица, капитанъ, получше этой, возразилъ присяжный оцѣнщикъ, – курица не птица, карась не рыба, олово не деньги.

Эта философія сразила наповаль капитана. Поглядѣвъ на страшнаго противника, какъ на Мефистофеля, онъ безмолвно прошелся по комнатѣ, и, махнувъ рукою, отозвалъ въ сторону мастера морскихъ инструментовъ.

– Гильсъ! – сказалъ капитанъ, – какъ это тебя угораздило попасть въ такой просакъ? Кто настоящій кредиторъ?

– Молчи, молчи! – возразилъ старикъ. – Пойдемъ сюда. Надо быть скромнѣе передъ Вальтеромъ. Это, видишь ты, поручительство за его отца, старинное поручительство. Я уже таки довольно выплатилъ, Недъ; но теперь пришли худыя времена, и силъ моихъ не хватаетъ. Сказать правду, я все это предвидѣлъ, да что прикажешь дѣлать? Ради Бога, ни слова передъ Вальтеромъ. Ни гу-гу?

– Да вѣдь у тебя, казалось, были деньжонки? – прошепталъ капитанъ.

– Ну да, да, – отвѣчалъ старикъ Соль, опуская руки въ карманы и сдавливая свой валлійскій парикъ, какъ будто выжималъ оттуда золото, – я скопилъ-таки малую толику, но изъ этой суммы, милый Недъ, нельзя взять ни полушки. Я, видишь ты, старѣлъ и отсталъ отъ времени, а Вальтеру нужны деньги. Вѣдь ему не по міру идти, когда я умру. Нѣтъ, объ этихъ деньгахъ ни полслова. Все равно, какъ бы ихъ и не было. Да у меня таки и нѣтъ ихъ. Что я заврался, старый дуракъ? Гдѣ у меня деньги? гдѣ?

И онъ дико повелъ глазами вокругъ комнаты, какъ полоумный скряга, который совершенно забылъ, куда запряталъ свои деньги. Въ самомъ дѣлѣ, капитанъ начиналъ думать, что пріятель его того и гляди полѣзетъ въ трубу или въ погребъ и вытащитъ оттуда нѣсколько фунтовъ золота и серебра, но Соломонъ Гильсъ выдумалъ другую штуку.

– Я отсталъ отъ времени, любезный другъ, – скаалъ онъ, – далеко отсталъ. Поздно, да и не къ чему догонять его. Продамъ всѣ вещи, выплачу долгъ, да и пойду куда-нибудь положить свои старыя кости. Духъ мой ослабѣлъ, силы меня остаили, и я чувствую, что начинаю выживать изъ ума. Лучше все покончить разомъ... и баста! Пусть его возьметъ инструменты, возьметъ и его, – съ усиліемъ проговорилъ старикъ, указывая на деревяннаго мичмана, – видно, прошли наши красные дни. А и то сказать, пожилы довольно; пора костямъ на мѣсто.

– Полно, дружище, полно! – сказалъ капитанъ, – На кого-жь ты Вальтера-то оставишь? забылъ? Посиди тутъ, Соломонъ, а я за тебя подумаю... Ахъ, чортъ побери, не сталъ бы я долго думать, если бы пансіонъ былъ побольше. Дѣло вотъ въ чемъ, скажу я тебѣ: держи голову прямо на вѣтеръ, и все пойдетъ, какъ по маслу.

Старикъ Соль поблагодарилъ его отъ всего сердца и прислонился головой къ камину.

Капитанъ Куттль скорымъ шагомъ и съ самымъ рѣшительнымъ видомъ началъ маршировать по комнатѣ, опустивъ густыя брови до самага носа и заложивъ лѣвую руку назадъ. Вальтеръ притаилъ дыханіе и не смѣлъ пошевелиться, изъ опасенія остановить потокъ глубокихъ размышлений. Напротивъ, м-ръ Брогли, не считая нужнымъ церемониться съ почтенной компаніею, преспокойно разгуливалъ по всѣмъ направленіямъ магазина, и, насвистывая какую-то веселую мелодію, заглядывалъ въ телескопы, барометры, ощупывалъ компасы, магнитныя стрѣлки, и вообще старался показать видъ человѣка, въ совершенствѣ знакомаго съ устройствомъ и употребленіемъ всѣхъ этихъ инструментовъ,

– Валли! – воскликнулъ, наконецъ, Куттль, – теперь я знаю, что дѣлать.

– Неужели? – вскричалъ Вальтеръ съ величайшимъ одушевленіемъ.

– Поди-ка сюда, любезный, – продолжалъ капитанъ. – Магазинъ одно обезпеченіе; мои вещи – другое. Твой адмиралъ дастъ намъ денегъ.

– Кто, м-ръ Домби? – спросилъ Вальтеръ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

Капитанъ съ важностью кивнулъ головой, и, указывая на Соломона Гильса, продолжалъ:

– Взгляни-ка на него, любезный; пристальнѣе взгляни. На немъ лица нѣтъ. Если продать всѣ эти вещи, онъ умеръ непременно – я его знаю. Мы должны перепробовать всѣ средства и, теперь тебѣ надо ухватиться...

– За м-ра Домби! Ахъ, Боже мой! – воскликнулъ Вальтеръ.

– Ты прежде всего сбѣгай въ контору, и справься, тамъ ли онъ, – сказалъ капитанъ, толкая въ спину озадаченнаго юношу. – Живѣй!

Взглядъ на дядю окончательно убѣдилъ молодого человѣка въ необходимости слѣпного повиновенія капитанской командѣ. Онъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ, и чрезъ нѣсколько минутъ воротился съ печальнымъ извѣстіемъ, что м-ра Домби нѣтъ ни дома, ни въ конторѣ. Была суббота, и онъ уѣхалъ въ Брайтонъ.

– Вотъ что, Валли! – сказалъ капитанъ, по-видимому, приготовившій себя къ этому извѣстію. – Мы поѣдемъ въ Брайтонъ. Я самъ провожу, и, если нужно, представлю тебя твоему адмиралу. Мы поѣдемъ послѣ обѣда въ первомъ дилижансѣ.

При всемъ уваженіи къ личнымъ достоинствамъ капитана Куттля, Вальтеръ видѣлъ на этотъ разъ настоящую необходимость отказаться отъ его обязательныхъ услугъ, думая, не безъ основанія, что м-ръ Домби, грозный и страшный Домби, не могъ придать большого вѣса рекомендаціи добраго моряка. Тѣмъ не менѣе, молодой человѣкъ удержался отъ всякаго намека на неумѣстность такой выходки, потому что самъ капитанъ былъ о себѣ совершенно противныхъ мыслей и, вѣроятно, счелъ бы непростительной дерзостью, если бы молокососъ въ настоящемъ случаѣ вздумалъ ему указывать. Простившись на скорую руку съ Соломономъ Гильсомъ, капитанъ Куттль опять сложилъ въ свой карманъ наличныя деньги, ложечки, щипчики и серебряныя часы – съ очевиднымъ намѣреніемъ, какъ съ ужасомъ думалъ Вальтеръ, произвести этими вещами оглушительное впечатлѣніе на м-ра Домби – и немедленно побѣ-

жалъ къ дилижансу, безпрестанно повторяя на дорогѣ, что онъ ни на мииуту не покинетъ своего Валли.

Глава X

Послѣдствія бѣды съ деревяннымъ мичманомъ

Часто и долго съ безпримѣрнымъ усердіемъ майоръ Багстокъ производилъ на Княгининомъ Лугу наблюденія надъ маленькимъ Павломъ черезъ свою д_в_у_х_с_т_в_о_л_ь_н_у_ю т_р_у_б_у. Коренной туземецъ, вступившій для этой цѣли въ дружескія сношенія съ горничной миссъ Токсъ, доставлялъ своему барину ежедневные, еженедѣльные и ежемѣсячные рапорты относительно разныхъ разностей, происходившихъ въ скромномъ жилищѣ спѣсивой сосѣдки. Плодомъ всѣхъ этихъ разысканій было твердое намѣреніе познакомиться съ м-ромъ Домби, и ужь, конечно, старичина Джой, если нужно, могъ завязать знакомство съ самимъ чортомъ.

Миссъ Токсъ постоянно держала себя весьма осторожно и холодно уклонялась отъ всякихъ объясненій, когда храбрый воинъ съ обыкновеннымъ лукавствомъ намекалъ ей о своемъ планѣ. Несмотря, однако-жъ на врожденную хитрость и чудную изобрѣтательность, онъ не видѣлъ никакихъ средствъ привести въ исполненіе коварный замыселъ, и рѣшился нѣкоторымъ образомъ оставить его на произволь случая, который, какъ говорилъ майоръ въ клубѣ, былъ покорнѣйшимъ слугою старикашки Джоза съ той поры, какъ старшій братъ его умеръ въ Вестъ-Индіи отъ желтой горячки.

Дѣйствительно, п_о_к_о_р_н_ы_й с_л_у_г_а хотя нескоро, но и на этотъ разъ не измѣнилъ своему господину. Когда коренной туземецъ въ одно прекрасное утро отрапортовалъ, что миссъ Токсъ отлучилась въ Брайтонъ по дѣламъ м-ра Домби, душой майора внезапно овладѣло нѣжнѣйшее воспоминаніе о закадычномъ другѣ Билѣ Байтерстонѣ, который письмомъ изъ Бенгаліи просилъ навѣщать по временамъ его единственного сына въ Брайтонѣ. Когда черный герольдъ возвѣстилъ, что Павелъ проживаетъ съ сестрой у м-съ Пипчинъ, майоръ увидѣлъ неподобный случай войти въ пріятельскія сношенія со всей фамиліей богатаго негоціанта, и тутъ же обратилъ отеческій взоръ на байтерстоново письмо, о которомъ прежде ни разу не подумалъ; но, къ несчастью, въ эту самую минуту, сверхъ всякаго ожиданія, съ нимъ сдѣлался ужасный подагрическій пароксизмъ, и онъ пришелъ въ такое яростное бѣшенство, что схватилъ подножную скамейку и со всего размаху пустилъ ее въ бѣднаго туземца, угрожая убить бездѣльника, если впередъ онъ будетъ столько же неисправенъ, хотя, собственно говоря, на этотъ разъ онъ заслуживалъ щедрой награды за вѣрнѣйшую службу.

Въ первую же субботу майоръ Багстокъ, освобожденный отъ подагры, летѣлъ въ Брайтонъ въ сопровожденіи кореннаго туземца. Во всю дорогу онъ безъ умолку толковалъ самъ съ собою о миссъ Токсъ, и заранѣе поздравлялъ себя съ побѣдой надъ знаменитымъ другомъ, изъ-за котораго его оставили и которому миссъ Токсъ придавала столько таинственности.

– Что, сударыня, много взяли, много? – говорилъ майоръ, надуваясь изо всѣхъ силъ, для выраженія удовлетворенной мести. – Вы хотѣли дать отставку старичинѣ Джою: не удастся вамъ, матушка, не удастся. Старикашка Джозъ еще живъ, сударыня, живъ онъ, чортъ побери, и держитъ ухо остро. Вамъ не провести его, сударыня. Старина Джой смотритъ во всѣ глаза, и теперь-то вы узнаете, теперь-то увидите, какова у него грудь, каково у него сердце. Жестокъ онъ, матушка, ой, ой, какъ жестокъ старичина Джозефъ. Да-съ, жестокъ и чертовски хитеръ.

И дѣйствительно, молодой Байтерстонъ нашелъ майора чрезвычайно жестокимъ, когда тотъ, по пріѣздѣ въ Брайтонъ вывелъ его на прогулку. Онъ держалъ вверхъ и внизъ свое лицо, очень похожее на стильтонскій сыръ, выпучивалъ немилосерднымъ образомъ свои раковые глаза и, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на молодого Байтерстона. Было ясно, что онъ отыскивалъ м-ра Домби съ его дѣтьми.

Получивъ на этотъ счетъ предварительныя свѣдѣнія отъ м-съ Пипчинъ, майоръ скоро завидѣлъ вдали Павла и Флоренсу съ величавымъ джентльменомъ, въ которомъ, разумѣется, не

трудно было угадать их отца. Онъ полетѣлъ къ нимъ на всѣхъ парусахъ и втокнулъ молодого Байтерстона въ самую середину маленькой эскадры, такъ, что бѣдный мученикъ м-съ Пипчинъ поневолѣ долженъ былъ вступить въ разговоръ съ своими товарищами. Майоръ остановился, и любуясь на дѣтей, съ изумленіемъ припомнилъ, что онъ, кажется, имѣлъ удовольствіе ихъ видѣть и говорить съ ними на Княгининомъ Лугу у своей добрѣйшей сосѣдки миссъ Токсъ. При этомъ онъ очень кстати замѣтилъ, что Павелъ чертовски умный мальчикъ и спросилъ, помнитъ ли онъ своего стараго друга, Джозъ Багстока, майора; но не дожидаясь отвѣта, тотчасъ же обратился къ м-ру Домби.

– Мнѣ бы надобно прежде всего вамъ засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе, сэръ, но что же прикажете дѣлать? мой маленькій другъ дѣлаетъ изъ меня настоящаго ребенка. Старый солдатъ, сэръ, майоръ Багстокъ, къ вашимъ услугамъ, не стыдится въ этомъ признаться, особенно передъ вами, сэръ, счастливейшимъ изъ отцовъ.

Здѣсь майоръ снялъ шляпу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

– Чертъ меня побери, – вскричалъ онъ потомъ съ величайшимъ воодушевленіемъ, – я завидую вамъ, сэръ, чрезвычайно завидую. – Тутъ онъ какъ-будто одумался и прибавилъ: – извините стараго солдата за вольное обращеніе.

М-ръ Домби просилъ не беспокоиться.

– Старый служака, сэръ, – продолжалъ майоръ, – окуренный дымомъ, закаленный въ бою, обожженный солнцемъ, избитый временемъ, дряхлый инвалидный песъ, майоръ Багстокъ, сэръ, смѣетъ надѣяться, что его не осудитъ такой почтенный, именитый мужъ, какъ м-ръ Домби. Я, конечно, имѣю счастье говорить съ мромъ Домби?

– Точно такъ. Имѣю честь рекомендоваться недостойнымъ представителемъ этой фамиліи, господинъ майоръ, – смиренно отвѣчалъ м-ръ Домби.

– Фамилія, охъ, какая фамилія! – сказалъ майоръ, – Домби – именитые люди во всей Англіи! Это, сэръ, скажу я вамъ, такая фамилія, которую знаютъ и съ почтеніемъ приносятъ во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ. Да, сэръ, Домби – именитые люди: это берусь я вамъ доказать письменно, даже печатно, коль хотите. О, сэръ, у меня бойкое перо: я все докажу. Фамилія Домби – великая фамилія, которую должно произносить не иначе какъ съ уваженіемъ и гордостью. Джозефъ Багстокъ не льститъ, сэръ, да и не умѣетъ льстить. Его королевское высочество герцогъ йоркскій не разъ изволилъ говорить, что майоръ Джозъ прямой человѣкъ, никогда не льститъ и при всякомъ случаѣ говорить правду. Да, сэръ, истина для меня дороже всего; за истину я пойду въ огонь и въ воду. Домби! Доммби! Это, скажу я вамъ, именитые люди, убей меня Богъ, именитые люди древнѣйшаго рода! – заключилъ майоръ самымъ торжественнымъ тономъ.

– Вы слишкомъ добры, г. майоръ, – возразилъ м-ръ Домби, – наша фамилія, быть можетъ, не заслуживаетъ такой высокой чести.

– Нѣтъ, сэръ, – сказалъ майоръ – вотъ и маленькій мой другъ засвидѣтельствуетъ, что майоръ Багстокъ прямой человѣкъ, старый козырь, сэръ, который всегда и вездѣ рѣжетъ правду-матку. Этотъ мальчикъ сэръ, – сказалъ майоръ тихимъ голосомъ, – будетъ жить въ исторіи. Мальчикъ этотъ, скажу я вамъ, необыкновенное произведеніе. Берегите его, м-ръ Домби, какъ зѣницу ока.

М-ръ Домби намекнулъ, что понимаетъ свои обязанности въ отношеніи къ сыну.

– А вотъ, сэръ, – продолжалъ майоръ доверчивымъ тономъ, толкая палкой молодого Байтерстона, – рекомендую вамъ этого мальчишку. Сынъ Байтерстона изъ Бенгаліи. Я и отецъ его были закадычными друзьями. Служили въ одномъ полку. Куда бы вы ни пошли, сэръ, вамъ вездѣ прожужжали бы уши о Билѣ Байтерстонѣ и Джоѣ Багстокѣ. А взгляните-ка на него, сэръ: вѣдь дуракъ, пошлый дуракъ! Вы думаете, я не вижу его недостатковъ? Помилуй Богъ!

М-ръ Домби взглянул на оклеветанного Байтерстона, о котором, по-крайней мѣрѣ, онъ зналъ столько же, сколько и самъ майоръ, видѣвшій его въ первый разъ, и воскликнулъ ласковымъ тономъ:

– Неужто?

– Я вамъ говорю, – подтвердилъ майоръ, – онъ набитый дуракъ. Джозефъ Багстокъ, сэръ не былъ никогда ни подлымъ льстецомъ, ни подлѣйшимъ порицателемъ беззащитныхъ людей. Сынъ моего стараго друга Биля Байтерстона изъ Бенгаліи, скажу я вамъ, дуракъ отъ природы, сэръ.

Загѣмъ майоръ захохоталъ изо всей мочи, такъ что лицо его почернѣло.

– Мой маленькій другъ, – спросилъ онъ потомъ, – конечно, назначенъ для публичной школы?

– Я еще не рѣшилъ, – отвѣчалъ м-ръ Домби, – впрочемъ, не думаю: у него здоровье слишкомъ слабое.

– Это другое дѣло, – сказала майоръ, – если онъ слабъ здоровьемъ, такъ нечего и толковать о публичныхъ школахъ. Вы правы, сэръ. Для учебныхъ заведеній нужно желѣзное здоровье, свинцовая грудь. Тамъ, скажу я вамъ, безъ всякой жалости мучать бѣдныхъ дѣтей. Бывало, насъ жарили на медленномъ огнѣ и вывѣшивали вверхъ ногами изъ оконъ третьяго этажа. Джой Багстокъ прошелъ сквозь огонь и воду: все знаетъ, все испыталъ. Бывало, его возьмутъ за каблуки, да и стянуть изъ окошка: виситъ, бѣдняга, минутъ тринадцать, даже больше!

Въ подтвержденіе этихъ словъ майоръ Багстокъ очень кстати могъ бы сослаться на свое совершенно синее лицо.

– Зато и вышли изъ насъ молодцы, – продолжалъ майоръ, поправляя галстухъ и воротники своей рубашки, – мы, что называется, всѣ какъ-будто выдѣланы были изъ желѣза и ковали насъ безъ всякаго милосердія. Вы надолго останетесь здѣсь, м-ръ Домби?

– Я, по обыкновенію, приѣзжаю сюда одинъ разъ въ недѣлю, – отвѣчалъ м-ръ Домби, – и останавливаюсь въ гостиницѣ "Бедфордъ".

– Мнѣ будетъ очень пріятно зайти въ Бедфордъ, если позволите, сэръ, – сказала майоръ, – старичина Джой вообще не любитъ навязываться на знакомства; но ваше имя, м-ръ Домби, не то, что какое-нибудь имя. Я крайне одолженъ моему маленькому другу, что имѣлъ счастье удостоиться вашего вниманія.

М-ръ Домби благоволилъ дать совершенно удовлетворительный отвѣтъ. Майоръ Багстокъ погладилъ Павла по головкѣ и сказалъ Флоренсѣ, что ея глазки скоро станутъ сводить съ ума мдлодыхъ людей и даже стариковъ, если дойдетъ до того дѣло, прибавилъ онъ, ухмыляясь наилубезнѣйшимъ образомъ. Потомъ, поднявъ голову вверхъ, старичина Джой толкнулъ молодого Байтерстона и побѣжалъ съ этимъ джентльменомъ легкой рысцой, прикашливая и подпрыгивая съ отмѣннымъ достоинствомъ, какъ человѣкъ, который знаетъ, что не ударилъ лицомъ въ грязь.

Вѣрный своему обѣщанію, майоръ не замедлилъ явиться къ м-ру Домби; а м-ръ Домби, пробѣжавъ напередъ списокъ военныхъ офицеровъ, не замедлилъ сдѣлать визитъ майору. Потомъ майоръ навѣстилъ м-ра Домби въ его лондонскомъ домѣ и въ слѣдующую субботу имѣлъ удовольствіе отправиться съ нимъ въ Брайтонъ въ одной каретѣ. Словомъ, м-ръ Домби и майоръ Багстокъ вполнѣ оцѣнили другъ друга и въ непродолжительномъ времени стали на самую короткую ногу. М-ръ Домби замѣтилъ сестрѣ, что майоръ удивительный человѣкъ: – кромѣ того, что ему въ совершенствѣ извѣстна военная дисциплина, онъ имѣетъ превосходное понятіе и о такихъ вещахъ, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ военнымъ ремесломъ. А это, какъ извѣстно, большая рѣдкость въ наше время. Онъ совершенно меня понялъ, – прибавилъ Домби.

Черезъ нѣсколько времени м-ръ Домби повезъ къ своимъ дѣтямъ миссъ Токсъ и м-съ Чиккъ. Майоръ опять былъ въ Брайтонѣ. М-ръ Домби пригласилъ его откушать въ Бед-

фордъ, поздравивъ напередъ миссъ Токсъ съ такимъ пріятнымъ знакомствомъ. Сильно забилося сердце прелестной дѣвы при этомъ намекѣ, и она казалась чрезвычайно разсѣянной во весь день. Это, однако жъ, поодавало ей еще болѣе интереса, и она, по-видимому, была чрезвычайно рада вожделѣнному случаю обнаруживать волненія дѣвственнаго сердца, особенно, когда майоръ за столомъ началъ произносить горькія жалобы на то, что миссъ Токсъ безжалостно оставила Княгининъ Лугъ, гдѣ она была свѣтозарнымъ солнцемъ для всѣхъ чувствительныхъ сердець.

Майоръ, по-видимому, находилъ невыразимое наслажденіе распространяться объ этомъ предметѣ. Онъ говорилъ безъ умолку во весь обѣдъ и въ то же время ѣлъ по крайней мѣрѣ за четверыхъ, наполняя желудокъ различными лакомствами, которыя, казалось, еще болѣе воспламеняли его краснорѣчіе. М-ръ Домби, ни на минуту не измѣнявшій своему обычному хладнокровію, слушалъ однако-жъ плодовитаго оратора съ замѣчательнымъ удовольствіемъ, и майоръ чувствовалъ, что онъ блистаетъ теперь самымъ яркимъ свѣтомъ. Сознвая вполнѣ свой завидный талантъ, ораторъ одушевлялся постепенно и въ порывѣ истиннаго восторга выдумалъ по крайней мѣрѣ десятка два совершенно новыхъ и оригинальныхъ прилагательныхъ къ своему собственному имени. Словомъ, майоръ превзошелъ на этотъ разъ самого себя, и вся компанія была имъ чрезвычайно довольна. Послѣ обѣда сѣли за вистъ, и когда сыгранъ былъ одинъ очень длинный роберъ, майоръ поспѣшилъ раскланяться съ именитой фамиліей, и м-ръ Домби, провожая дорогого гостя, еще разъ обратился съ комплиментами къ миссъ Токсъ, которая зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, и потупила глаза въ землю.

По выходѣ изъ Бедфорда, майоръ Багстокъ не замедлилъ обратиться къ самому себѣ и во всю дорогу повторялъ: "хитеръ братъ ты, старичина Джой, чертовски хитеръ!". Когда пришелъ онъ въ свою гостиницу и усѣлся на стуль, съ нимъ сдѣлался молчаливый припадокъ смѣха, до того безобразный и страшный, что коренной туземецъ, наблюдавшій это явленіе на значительномъ разстояніи, два или три раза начиналъ думать, что баринъ его совсѣмъ рехнулся. Вся его фигура, особенно лицо и голова раздулись необыкновеннымъ образомъ и представили изумленнымъ глазамъ чернаго слуги какую-то пухлую массу индиговой краски. Мало-по-малу истерическій смѣхъ превратился въ пароксизмъ удушливаго кашля, и когда, наконецъ, прошелъ этотъ припадокъ, майоръ разразился такими восклицаніями:

– Что, сударыня, много взяли? а? М-съ Домби, сударыня! такъ ли-съ? Хе, хе, хе! Погодите, матушка, погодите немножко. Старичина Джой запуститъ спичку въ ваше колесо, славную спичку! Теперь мы сквитались, сударыня. Вамъ не удалось провести Джоза. Хитры вы, матушка, очень хитры, да только старикашка похитрѣе. Видали мы виды и теперь не спимъ. Старичище проснулся и глядитъ во всѣ глаза.

И точно, глаза майора чуть не лопались отъ ужаснаго напряженія. Большую часть ночи бѣсновался онъ самымъ неистовымъ образомъ: кричалъ, хохоталъ, кашлялъ, стучалъ и никому не давалъ спать.

На другой день, въ воскресенье, когда м-ръ Домби, м-съ Чиккъ и миссъ Токсъ сидѣли за завтракомъ, продолжая разговаривать о вчерашнемъ гостѣ, Флоренса вдругъ вбѣжала въ комнату съ разгорѣвшимся лицомъ и съ глазами, проникнутыми живѣйшей радостью.

– Папенька! – вскричала она, – папенька! Вальтеръ здѣсь! Онъ не смѣетъ войти.

– Кто? – вскричалъ м-ръ Домби. – Что это значить? о комъ говоришь ты?

– Вальтеръ, папа, – сказала робко Флоренса, испуганная суровымъ видомъ отца. – Тотъ самый, что нашелъ меня, когда я пропадала.

– Это, должно быть, молодой Гэй, Луиза, – сердито проговорилъ м-ръ Домби, обращаясь къ сестрѣ и нахмуривъ брови. – Обращеніе этой дѣвочки ни на что не похоже. Неужели она помнитъ молодого Гэя? Справься, что тамъ такое.

М-сь Чиккь поспѣшила въ переднюю и черезъ минуту воротилась съ отвѣтомъ, что тамъ стоитъ молодой Гэй съ какимъ-то очень сграннымъ мужчиной. Гэй сказалъ, что они не смѣютъ войти, узнавъ, что м-ръ Домби завтракаетъ. Они рѣшились подождать.

– Пусть мальчикъ войдетъ сію-же минуту, сказалъ м-ръ Домби. – Что вамъ надобно, Гэй? зачѣмъ васъ послали? Развѣ кромѣ васъ некому пріѣхать ко мнѣ?

– Извините, сэръ, – отвѣчалъ Вальтеръ, – меня никто не посылалъ. Я осмѣлился пріѣхать по собственной надобности; надѣюсь, вы простите меня, когда узнаете, почему я васъ беспокою.

Но м-ръ Домби, не обращая вниманія на эти слова, съ нетерпѣніемъ старался разглядѣть какой-то предметъ, стоявшій позади Вальтера.

– Что тамъ такое? – сказалъ онъ, наконецъ. – Кто это съ вами, молодой человѣкъ? Эй, сэръ! Вы, кажется, не туда зашли, куда вамъ надо. Вы ошиблись дверью.

– Мнѣ очень непріятно, что я не одинъ васъ беспокою, – поспѣшилъ сказать Вальтеръ, – но это, сэръ, это капитанъ Куттль...

– Не робѣй, Валли! не робѣй, дружокъ! – замѣтилъ капитабъ Куттль басистымъ голосомъ.

Въ эту самую минуту изъ за спины Вальтера выдвинулась интересная фигура въ синемъ камзолѣ и въ рубашкѣ съ высочайшими воротниками. Капитанъ Куттль учтиво поклонился м-ру Домби и еще учтивѣе махнулъ передъ дамами желѣзнымъ крюкомъ, держа въ лѣвой рукѣ клеенчатую шляпу, отъ которой обозначались на лбу самые свѣжіе знаки, на подобіе краснаго экватора.

М-ръ Домби съ изумленіемъ и негодованіемъ осматривалъ этотъ феноменъ и въ то же время обратился взорами къ м-сь Чиккь, какъ будто требовалъ отчета, зачѣмъ она впустила такого чучелу. Маленькій Павель, вошедшій за Флоренсой, остановился между миссъ Токсъ и капитаномъ, какъ будто хотѣлъ защитить свою надзирательницу отъ нападенія, когда капитанъ началъ размахивать желѣзнымъ крюкомъ.

– Говорите же, молодой человѣкъ, – сказалъ м-ръ Домби, – что вамъ надобно?

Въ эту критическую минуту капитанъ Куттль еще разъ счелъ за нужное ободрить робкаго юношу.

– Не робѣй, мой милый, – сказалъ онъ – держись крѣпче!

– Я очень опасаюсь, – началъ Вальтеръ дрожащимъ голосомъ, опустивъ глаза въ землю, – что вы сочтете большою дерзостью мою просьбу, но мнѣ непремѣнно должно предложить ее вамъ, сэръ. Быть можетъ, я никакъ бы не осмѣлился войти сюда и спросить объ васъ, если бы не имѣлъ счастья встрѣтить миссъ Домби и...

– Безъ предисловія! – сказалъ м-ръ Домби, пристально слѣдя глазами за Флоренсой, которая между тѣмъ ласковой улыбкой ободряла молодого человѣка, – говорите прямо, что вамъ нужно.

– Да, да, хорошо сказано! – замѣтилъ капитанъ, считая нужнымъ поддержать м-ра Домби, какъ человѣкъ, знающій толкъ въ хорошемъ обращеніи, – говори прямо, Валли, что тебѣ нужно.

Если бы видѣлъ капитанъ, какимъ взглядомъ подарилъ его м-ръ Домби, о если бы онъ видѣлъ это!.. Но, къ счастью, почтенный другъ мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ не замѣчалъ ничего и, обращаясь къ м-ру Домби, значительно прищурилъ лѣвый глазъ, давая знать, что молодой малый еще очень застѣнчивъ, но это скоро пройдетъ.

– Меня привело сюда, сэръ, совершенно частное дѣло, которое лично касается до меня одного, – сказалъ Вальтеръ, запинаясь на каждомъ словѣ, – и капитанъ Куттль...

– Здѣсь я! – вскричалъ капитанъ, давая понять, что ужъ онъ не покинетъ молодого человека.

– Капитанъ Куттль – предобрѣйшій человѣкъ и старый другъ моего дяди, – продолжалъ Вальтеръ, поднимая глаза съ видомъ просьбы за капитана, – былъ такъ добръ, что вызвался ѣхать со мною, и мнѣ никакъ нельзя было отказаться...

– Еще бы! – замѣтилъ снисходительно капитанъ, – конечно нельзя. Хорошо, Вальтеръ: продолжай.

– И поэтому, сэръ, – началъ рѣшительнымъ тономъ Вальтеръ, видя неизбежную необходимость скорѣе подойти къ развязкѣ, – поэтому я вынужденъ былъ пріѣхать вмѣстѣ съ капитаномъ Куттлемъ и сказать вамъ, что бѣдный мой дядя находится въ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ. Заведеніе его постепенно пришло въ упадокъ, и онъ не въ состояніи выплатить долгъ по заемному письму, представленному ко взысканію. Теперь въ магазинѣ его собираются дѣлать опись: онъ долженъ потерять все и, вѣроятно, не переживетъ этого несчастья. Между тѣмъ, сэръ, вы знаете моего дядю, какъ честнаго и почтеннаго человѣка; если бы вы благоволили вывести насъ изъ этой крайности, мы никогда бы не забыли вашего благодѣянія.

Вальтеръ заплакалъ. На глазахъ Флоренсы тоже засверкали слезы, и отецъ хорошо замѣтилъ это, хотя, по-видимому, смотрѣлъ только на Вальтера.

– Сумма весьма значительная, – продолжалъ молодой человѣкъ, – больше трехсотъ фунтовъ. Дядя мой совершенно упалъ духомъ и ничего не способенъ предпринять. Ему даже неизвѣстно, что я теперь имѣю честь говорить съ вами. Я все сказала, сэръ, – прибавилъ Вальтеръ послѣ нѣкотораго колебанія, – и теперь, какъ вы изволите видѣть, участь наша единственно зависитъ отъ васъ. Конечно, мы не имѣемъ правъ на вашу благосклонность; но... я, право, не знаю... но кажется, я даже увѣренъ, что другихъ требованій не будетъ на товары моего дяди, и капитанъ Куттль, съ своей стороны, предлагаетъ также обезпеченіе. Что же касается до меня собственно, я не могу... я не смѣю... мое жалованье не велико... но если позволите, экономія... трудъ... исподволь... какъ-нибудь... надѣюсь... дядя мой бережливый великодушный старикъ.

Еще нѣсколько безсвязныхъ словъ, и Вальтеръ умолкъ, повѣсивъ голову, съ трепетомъ ожидая рѣшенія своей участи. Эта минута показалась капитану Куттлю самой удобной для обнаруженія цѣнности своихъ вещей. Онъ подошелъ къ столу, гдѣ завтракалъ м-ръ Домби, расчистилъ между тарелками сколько нужно было мѣста, выложилъ серебряные часы, наличныя деньги, ложечки, щипчики и, расположивъ все это искуснѣйшимъ образомъ, чтобы какъ можно болѣе бросить пыли въ глаза, разразился такими словами:

– Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки, говоритъ всеобщая пословица. Вотъ вамъ и синица, государь мой! Да еще годовой мой пансіонъ, сотня фунтовъ стерлинговъ, тоже къ вашимъ услугамъ. Ежели есть на свѣтѣ человѣкъ съ головой, напичканной познаніями, такъ это, рекомендую вамъ, старикъ Соломонъ Гильсъ. А если есть на свѣтѣ мрлодой парень, у котораго будущность – обѣтованная земля, текущая млекою и медомъ, такъ это, скажу я вамъ, племянникъ старика Соля.

Отпустивъ эту сентенцію, капитанъ сталъ на прежнее мѣсто и самодовольно началъ разглаживать свои волосы, какъ человѣкъ, счастливо окончившій трудное предпріятіе.

Когда Вальтеръ пересталъ говорить, глаза м-ра Домби обратились на маленькаго Павла, который между тѣмъ выразительно посматривалъ на Вальтера и своего отца, стараясь въ то же время утѣшить сестру, огорченную печальными извѣстіями. Флоренса стояла, опустивъ голову, и тихонько плакала. Послѣ храброй выходки капитана Куттля, принятой, разумѣется, съ высочайшимъ хладнокровіемъ, м-ръ Домби опять обратилъ глаза на своего сына и смотрѣлъ на него нѣсколько минутъ, не говоря ни слова.

– Какимъ образомъ Гильсъ задолжалъ такую сумму? – спросилъ, наконецъ, м-ръ Домби. – Кто настоящій кредиторъ?

– Онъ этого не знаетъ, – отвѣчалъ капитанъ, положивъ руку на плечо Вальтера. – Мнѣ все извѣстно. Это, видите ли, поручительство за одного пріятеля, теперь уже покойника, который стоилъ старику Гильсу многихъ сотенъ фунтовъ. Подробности, если угодно, я сообщу вамъ наединѣ.

– Людямъ съ ограниченнымъ состояніемъ, – сказалъ м-ръ Домби, продолжая смотрѣть на своего сына и не обращая ни малѣйшаго вниманія на таинственные знаки капитана Куттля, – слѣдуетъ заниматься исключительно собственными дѣлами и не увеличивать своихъ затрудненій безумными обязательствами за другихъ людей. Это нечестно и самонадѣянно, – прибавилъ м-ръ Домби съ важностью, – слишкомъ самонадѣянно даже для богача. Павелъ, поди сюда!

Когда ребенокъ подошелъ, м-ръ Домби посадилъ его на колѣни.

– Еслибъ у тебя были теперь деньги, – сказалъ м-ръ Домби... да смотри на меня?

Павелъ, котораго глаза были обращены на сестру и на Вальтера, взглянулъ на лицо своего отца.

– Еслибъ теперь у тебя было столько денегъ, – сказалъ м-ръ Домби, – сколько нужно молодому Вальтеру, что бы ты сдѣлалъ?

– Я бы отдалъ ихъ старому дядѣ, – отвѣчалъ Павелъ.

– То есть, ты далъ бы ихъ взаймы, – поправилъ м-ръ Домби. – Хорошо. Ты уже выросъ довольно для того, чтобы распорядиться моими деньгами: мы станемъ вмѣстѣ вести дѣла.

– Домби и Сынъ, – прервалъ Павелъ, рано пріученный къ этой фразѣ.

– Домби и Сынъ, – повторилъ отецъ. – Начни же быть теперь Домби и Сыномъ; хочешь ли дать взаймы денегъ дядѣ молодого Гэя?

– Хочу, хочу, папенька, – отвѣчалъ Павелъ – и Флоренса тоже хочетъ.

– Дѣвочкамъ, – сказалъ м-ръ Домби, – нечего давать при Домби и Сынѣ. Хочешь ли ты одинъ?

– О да, хочу, папенька!

– Ну, такъ ты дашь ему, – возразилъ отецъ. – Видишь ли теперь, Павелъ, – продолжалъ онъ понизивъ голосъ, – какъ могущественны деньги и какъ жалокъ человекъ безденежный! Молодой Гэй съ отчаяніемъ ѣхалъ сюда добывать денегъ, а ты, человекъ богатый, великій, располагая деньгами, оказываешь ему величайшую милость и одолженіе.

Молодой Павелъ слушалъ внимательно и смотрѣлъ на отца, какъ маститый старецъ, исполненный глубокихъ думъ и размышленій; но его лицо мгновенно приняло веселое и совершенно дѣтское выраженіе, когда онъ соскочилъ съ колѣней отца и побѣждалъ къ Флоренсѣ съ радостною вѣстью, что Вальтеру сейчасъ будутъ даны деньги и что, слѣдовательно, не о чемъ больше плакать.

Между тѣмъ м-ръ Домби обратился къ столу и началъ писать. Въ этотъ промежутокъ времени Павелъ и Флоренса втихомолку завязали разговоръ съ Вальтеромъ, и капитанъ Куттль смотрѣлъ на прелестную группу съ такими торжественными и самонадѣянными мыслями, какихъ, конечно, и не грезилось величественному представителю знаменитой фирмы. Когда записка была кончена и запечатана, м-ръ Домби, принимая прежнюю позу, подозвалъ Вальтера и сказалъ:

– Завтра поутру вы отдадите это м-ру Каркеру, и онъ сдѣлаетъ немедленныя распоряженія, чтобы вашего дядю вывели изъ крайности, заплативъ его долгъ. Въ то же время пусть будутъ приняты мѣры, чтобы сумма была возвращена въ контору, сообразно съ обстоятельствами. Вы должны помнить, что все это дѣлаетъ для васъ молодой Павелъ.

Вальтеръ, переполненный радостными ощущеніями, хотѣлъ внѣшними знаками выразить свою благодарность; но м-ръ Домби круто остановилъ его:

– Вы должны помнить, говорю я, что все это сдѣлалъ мой Павелъ. Я объяснилъ ему сущность дѣла, и онъ все понимаетъ. Ни слова больше.

И онъ указалъ на дверь. Вальтеръ поклонился и вышелъ. Когда вслѣдъ за нимъ хотѣлъ идти и капитанъ Куттль, миссъ Токсъ, проливавшая между тѣмъ обильные потоки слезъ вмѣстѣ со своей пріятельницей, обратилась въ тревожномъ волненіи къ м-ру Домби:

– Извините меня, о великодушнѣйшей изъ смертныхъ, ахъ, извините меня!.. но вы въ порывѣ благороднѣйшихъ щедротъ высокой души вашей забыли нѣкоторыя подробности...

– Какія, миссъ Токсъ? – сказалъ м-ръ Домби.

– Этотъ джентльмень, что съ инструментомъ, – продолжала миссъ Токсъ, взглянувъ на капитана, – оставилъ на столѣ, подлѣ вашего локтя...

– Боже небесный! – сказалъ м-ръ Домби, сметая имущество капитана Куттля, какъ хлѣбныя крошки. – Возьмите отсюда эти вещи. Очень вамъ благодаренъ, миссъ Токсъ: вы всегда предусмотрительны. Эй, сэръ, уберите отсюда эти вещи!

Капитанъ Куттль увидѣлъ настоятельную необходимость повиноваться. Сложивъ въ одинъ карманъ чайныя ложки и сахарныя щипчики, въ другой – наличныя деньги и серебряныя часы, онъ съ безмолвнымъ изумленіемъ обратилъ свои взоры на безкорыстнаго благодѣтеля и, въ порывѣ восторженнаго сердца, схвативъ правую руку м-ра Домби въ свою одинокую лѣвую мышцу, такъ притиснулъ ее желѣзнымъ крюкомъ, что м-ръ Домби затрепеталъ всѣмъ тѣломъ отъ этого могучаго прикосновенія горячаго чувства и холоднаго желѣза.

Наконецъ, капитанъ Куттль, ловко рисуясь передъ дамами, съ большой любезностью поцѣловалъ нѣсколько разъ свой крюкъ и распрощался особеннымъ образомъ съ Павломъ и Флоренсой, провожавшими Вальтера изъ комнаты. Флоренса, въ порывѣ усердія, побѣжала за ними, чтобы переслать поклонъ старику Солю, но м-ръ Домби сурово отозвалъ ее и приказалъ остановиться.

– Неужели ты н_и_к_о_г_д_а не будешь Домби, моя милая! – сказала м-съ Чиккъ съ патетическимъ упрекомъ.

– Тетенька, – проговорила Флоренса, – не сердитесь на меня; я не знаю, какъ благодарить милаго папеньку!

Бѣдное дитя! Она бы хотѣла побѣжать и броситься къ нему на шею; но, не смѣя этого сдѣлать, робко остановилась среди комнаты и обратила на отца благодарныя взоры. М-ръ Домби изрѣдка посматривалъ на взволнованную дочь, но по большей части онъ наблюдалъ Павла, который между тѣмъ ходилъ по комнатѣ съ чувствомъ новаго достоинства при мысли, что ссудилъ деньгами молодого Гэя.

А молодой Вальтеръ Гэй, – что съ нимъ?

Онъ летѣлъ къ своему дядѣ съ пріятною вѣстью и не помнилъ себя отъ радости при мысли, что не далѣе какъ завтра, еще до обѣда, онъ очиститъ жилище старика Соломона отъ всѣхъ возможныхъ маклеровъ и присяжныхъ оцѣнщиковъ. Онъ не могъ не радоваться, живо представляя, что съ завтрашняго вечера мастеръ всѣхъ морскихъ инструментовъ опять спокойно будетъ сидѣть въ своей гостиной съ капитаномъ Куттлемъ, опять почувствуетъ, что деревянный мичманъ – его неотъемлемая собственность, и опять будетъ строить воздушныя замки вмѣстѣ съ закадычнымъ пріятелемъ, который представилъ ему новое блистательное доказательство неизмѣнной дружбы. Но при всемъ томъ, надо признаться, молодой Гэй, несмотря на глубокую благодарность къ м-ру Домби, сильно чувствовалъ евое униженіе. Когда буйный вѣтеръ совершенно непредвидѣннымъ образомъ вырываетъ съ корнемъ расцвѣтающія надежды, тогда, и особенно тогда, воображеніе рисуетъ во всей полнотѣ роскошныя цвѣты, едва не разросшіеся отъ этого корня, теперь погибшаго безвозвратно. Когда Вальтеръ увидѣлъ, что это новое ужасное паденіе положило неизмѣримую бездну между нимъ и фамиліей Домби, когда онъ понялъ, что прежнія дикія мечты разлетѣлись теперь вдребезги, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно началъ подозрѣвать, что со временемъ, въ неопредѣленной дали, онѣ могли бы превратиться для него въ блистательную дѣйствительность, украшенную всѣми радостями счастливой жизни и увѣнчанной любви.

Капитанъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на предметъ съ другой точки зрѣнія. По его понятіямъ, отъ послѣдняго свиданія Вальтера съ Флоренсой до настоящаго обрученія оставался не болѣе, какъ одинъ шагъ, много – два, и не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ жизни

молодого Гэя повторится исторія Ричарда Виттингтона, знаменитаго начальника городской думы. Проникнутый этимъ убѣжденіемъ и вмѣстѣ ободренный веселостью стараго пріятеля, онъ три раза въ одинъ вечеръ пропѣлъ свою любимую балладу и даже сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя, очень удачныя измѣненія, поставивъ вмѣсто «Пегъ», героини стихотворенія, имя Флоренсы, такъ однако-жь, что въ стихѣ не разстроились ни размѣръ, ни риѳма. Долго и громко распѣвалъ капитанъ Куттль и вовсе, по-видимому, забылъ, что давно наступило время проститься съ счастливой компаніей и искать ночлега въ жилищѣ страшной Макъ Стингеръ.

Глава XI

Павель выступает на новую сцену

Организмъ у м-съ Пипчинъ былъ просто желѣзный, и никакіе признаки не оправдывали печальныхъ предсказаній м-съ Виккемъ. Воспитательница благородныхъ дѣтей попрежнему кушала за столомъ жирныя котлеты, подкрѣпляла себя на сонъ грядущій сладкими пирожками и была, слава Богу, совершенно здорова. Но такъ какъ Павель продолжалъ вести себя неизмѣнно одинаковымъ образомъ въ отношеніи къ старой леди, м-съ Виккемъ не отступила ни на шагъ отъ принятой позиціи. Подкрѣпляя и ограждая себя побѣдительнымъ примѣромъ Бетси Джанны, она совѣтовала по-дружески миссъ Берри заранѣе приготовить себя къ страшному событію, потому что тетушку ея того и гляди взорветъ, какъ пороховую бочку и... поминай, какъ звали!

Бѣдная миссъ Беринтія принимала все это за чистыя деньги и продолжала каждый день работать со всѣмъ усердіемъ, какъ самая преданная и безотвѣтная раба, въ томъ убѣжденіи, что м-съ Пипчинъ была предпочтеннѣйшая дама въ цѣломъ свѣтѣ, и, конечно, на алтарь этой старушки можно и должно было приносить безчисленныя жертвоприношенія. Эта безусловная преданность племянницы и вмѣстѣ достопамятная кончина супруга на перувіанскихъ рудникахъ содѣйствовали удивительнымъ образомъ къ возвышенію достоинствъ м-съ Пипчинъ, и всѣ, безъ исключенія, друзья и сосѣди, были того мнѣнія, что такая дама – чудо въ нашемъ свѣтѣ.

Неподалеку отъ укрѣпленнаго замка воспитательницы благородныхъ дѣтей жилъ одинъ негоціантъ, производившій по мелочамъ торговлю жизненными припасами, или, выражаясь простымъ слогомъ, жилъ мелочной лавочникъ, у котораго м-съ Пипчинъ, по обыкновенію, забирала на книжку разныя продукты къ завтраку и къ чаю. По поводу этой книжки, въ красномъ переплетѣ и чрезвычайно засаленной, у м-съ Пипчинъ происходили по временамъ съ безпокойнымъ лавочникомъ разныя и всегда таинственныя совѣщанія въ сѣняхъ или въ передней, и въ эту пору двери въ гостиную всегда были заперты крѣпко-накрѣпко. Случалось, молодой Байтерстонъ, у котораго натура, разогрѣтая первоначально знойными лучами индѣйскаго солнца, была очень мстительная, намекалъ, и зло намекалъ, какъ однажды лавочникъ, вообще недовольный счетами м-съ Пипчинъ, отказался прислать къ чаю сахарнаго песка, и какъ, по этому поводу, они вовсе не пили чаю. Этотъ лавочникъ – малый холодный и вовсе не такого десятка, чтобы въ женщинѣ цѣнить за что-нибудь ея наружную красоту – осмѣлился однажды смиренно попросить у м-съ Пипчинъ руку ея племянницы, и м-съ Пипчинъ, само собой разумѣется, не преминула сдѣлать самый грозный отказъ дерзкому нахалу, сопровождаемый презрѣніемъ и ругательствами. Всѣ потомъ говорили, и долго говорили, какъ это было похвально со стороны м-съ Пипчинъ, владѣвшей вообще твердымъ и независимымъ характеромъ; но никто ни полъ-словомъ не заикнулся о бѣдной миссъ Беринтіи, которая между тѣмъ плакала цѣлыхъ шесть недѣль по причинамъ весьма основательнымъ: во-первыхъ, тетка безъ умолку ругала ее во все это время, а во-вторыхъ – это, конечно, всего важнѣе и всего убійственнѣе – несчастная увидѣла, что съ этой поры она на вѣки вѣчныя попадаетъ въ разрядъ хранительницъ цѣломудреннаго дѣвства.

– Берри васъ очень любитъ, – не правда ли? – спросилъ однажды Павель свою собесѣдницу, когда они сидѣли у камина съ неразлучнымъ котомъ.

– Да, – сказала м-съ Пипчинъ.

– За что? – спросилъ Павель.

– Какъ за что? – возразила озадаченная старуха. – Можешь ли ты объ этомъ спрашивать, мой милый! За что ты любишь свою сестрицу?

– За то, что она очень добра, – сказалъ Павель. – Никто не сравнивается съ Флоренсой.

– Ну, такъ вотъ видишь ли, мой милый: и со мной никто не сравняется.

– Право? – вскричалъ Павелъ, потягиваясь въ своихъ креслахъ и выразительно всматриваясь въ лицо собесѣдницы.

– Да, да, – проговорила старуха.

– Какъ я радъ! – замѣтилъ Павелъ, потирая руками. – Это очень хорошо!

М-съ Пипчинъ уже не спрашивала, почему это очень хорошо. Вѣроятно, она не надѣялась получить удовлетворительнаго отвѣта, и потому, чтобы сорвать на комъ-нибудь досаду, напустилась съ ужаснѣйшимъ остервенѣніемъ на молодого Байтерстона, такъ что бѣдный малый рѣшился съ того же дня дѣлать необходимыя приготовленія для сухопутнаго путешествія въ Индію: за ужиномъ онъ тихонько спряталъ четверть булки и кусокъ голландскаго сыру, положивъ такимъ образомъ начало запасной провизіи для преднамѣреннаго путешествія.

Уже двѣнадцать мѣсяцевъ м-съ Пипчинъ сторожила и караулила маленькаго Павла съ его сестрою. Въ это время два-три раза они ѣздили домой, и однажды пробыли въ Лондонѣ нѣсколько дней. М-ръ Домби съ неизмѣнной точностью каждую недѣлю пріѣзжалъ въ Брайтонъ и останавливался въ гостиницѣ. Мало-по-малу Павелъ сдѣлался сильнѣе и уже могъ ходить пѣшкомъ по морскому берегу, хотя онъ все еще былъ крайне слабъ и, собственно говоря, смотрѣлъ такимъ же старымъ, спокойнымъ, сонливымъ ребенкомъ, какимъ читатель видѣлъ его при первомъ появленіи въ этомъ домѣ. Разъ, въ субботу послѣ обѣда, въ сумерки, во всемъ замкѣ поднялась ужасная суматоха, когда вдругъ, совершенно неожиданно доложили, что м-ръ Домби желаетъ видѣть м-съ Пипчинъ. Мгновенно все народонаселеніе гостиной, какъ будто на крыльяхъ вихря, полетѣло наверхъ, захлопало дверьми, затопало ногами, и когда, наконецъ, по возобновленіи приличной тишины и спокойствія, м-съ Пипчинъ, приколотивъ хорошенько молодого Байтерстона, явилась въ гостиную въ своемъ черномъ бомбазинѣ, м-ръ Домби уже былъ тамъ и глубокомысленно наблюдалъ пустое кресло своего сына и наслѣдника.

– Какъ ваше здоровье, м-съ Пипчинъ? – сказалъ м-ръ Домби.

– Покорно благодарю, сэръ, – отвѣчала м-съ Пипчинъ, – я чувствую себя очень хорошо, если взять въ расчетъ...

М-съ Пипчинъ всегда употребляла такую форму отвѣта. Собесѣдникъ уже самъ долженъ былъ взять въ расчетъ ея добродѣтели, пожертвованія и такъ далѣе.

– Совершенно здоровой мнѣ, конечно, и быть нельзя, – продолжала м-съ Пипчинъ, придвигая стулъ и переводя духъ, – но я благодарна и за это здоровье.

М-ръ Домби слегка наклонилъ голову и послѣ минутнаго молчанія продолжалъ:

– Я принялъ смѣлость зайти къ вамъ, милостивая государыня, посоветоваться насчетъ моего сына. Уже давно было у меня это намѣреніе, но я отлагалъ его день ото дня, дожидаясь, пока Павелъ выздоровѣетъ совершенно. Какъ вы теперь находите его здоровье, м-съ Пипчинъ?

– Брайтонскій воздухъ, по моему мнѣнію, принесъ ему большую пользу, – отвѣчала м-съ Пипчинъ.

– То-есть, пребываніе въ Брайтонѣ оказалось для него очень полезнымъ, – сказалъ м-ръ Домби, – я то же думаю.

М-съ Пипчинъ потерла руками и обратила глаза на каминъ.

– Но, быть можетъ, – продолжалъ м-ръ Домби, – теперь необходимъ для него другой образъ жизни, нужна перемѣна въ его состояніи. Объ этомъ-то я и пришелъ съ вами посоветоваться. Сынъ мой на дорогѣ жизни идетъ впередъ, м-съ Пипчинъ, быстро идетъ впередъ

Была какая-то меланхолія въ торжественномъ тонѣ, съ какимъ м-ръ Домби произнесъ эти слова. Ясно, что для него слишкомъ длиннымъ казался дѣтскій возрастъ его сына, и что, по его понятіямъ, было еще далеко, очень далеко до той счастливой поры, когда наступитъ, наконецъ, исполненіе завѣтныхъ желаній души его. М-ръ Домби былъ почти жалокъ въ эту минуту, хотя понятіе жалости никакъ не клеится съ этимъ гордымъ и холоднымъ субъектомъ.

– Ему уже шесть лѣтъ! – сказалъ м-ръ Домби, поправляя галстухъ, быть можетъ, для того, чтобы лучше скрыть едва примѣтную улыбку, мелькнувшую на поверхности его лица. – Великій Боже! не успѣешь оглядѣться, какъ шестилѣтній мальчикъ превратится въ шестнадцатилѣтняго юношу!

– Ну, десять лѣтъ, сэръ, не скоро пройдутъ! – прокаркала холодная старуха, страшно мотая головой.

– Это зависитъ отъ обстоятельствъ, – возразилъ м-ръ Домби. – Во всякомъ случаѣ, сыну моему уже шесть лѣтъ, и нѣтъ сомнѣнiя, онъ въ своихъ понятiяхъ отсталъ отъ многихъ дѣтей своего возраста. Но дѣло вотъ въ чемъ: сынъ мой долженъ быть не позади, а впереди, далеко впереди своихъ ровесниковъ. Передъ нимъ уже готовое, высокое поприще – и сыну ли моему встрѣчать препятствiя или неудачи на первыхъ ступеняхъ общественнаго воспитанiя? Путь его жизни, ясный и чистый, предопредѣленъ и предусмотрѣнъ еще прежде его бытiя: какъ же отсрочивать образованiе молодого джентльмена съ такимъ возвышеннымъ назначенiемъ? Я не допущу, я не потерплю никакихъ недостатковъ, никакихъ пробѣловъ въ его воспитанiи. Все должно быть устроено наилучшимъ, наисовершеннѣйшимъ образомъ и будетъ устроено.

– Вы правы, сэръ, – отвѣчала м-съ Пипчинъ, – я ничего не могу сказать противъ вашихъ намѣренiй.

– Я и не сомнѣваюсь въ этомъ, м-съ Пипчинъ, – благосклонно сказалъ м-ръ Домби, – особа съ вашимъ умомъ пойметъ, должна понять, всю важность высокихъ цѣлей Домби и Сына.

– Много вздору, много нелѣпостей болтають нынче о томъ, будто не должно слишкомъ торопиться развитiемъ молодыхъ умовъ, – проговорила м-съ Пипчинъ, съ нетерпѣнiемъ качавъ головой. – Нынче ужъ, видно, умъ за разумъ зашелъ, а въ мое время не такъ думали объ этомъ предметѣ. Я очень рада, сэръ, что мои мысли въ этомъ случаѣ совершенно согласны съ вашими; "торопи, толкай ребенка, если хочешь изъ него сдѣлать человѣка" – вотъ мое правило!

– Не даромъ же вы, почтенная м-съ Пипчинъ, приобрѣли такую огромную репутацiю, – возразилъ м-ръ Домби. – Прошу васъ быть увѣренной, что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, я совершенно доволенъ вашей методой дѣтскаго воспитанiя и поставлю себѣ за величайшее удовольствiе рекомендовать васъ при всякомъ случаѣ, если только моя скромная рекомендацiя принесетъ вамъ какую-нибудь пользу. Я теперь думалъ о докторѣ Блимберѣ, м-съ Пипчинъ.

– Какъ? о моемъ сосѣдѣ? – вскричала м-съ Пипчинъ. – У доктора, по моему мнѣнiю, превосходное заведенiе. Молодые люди, какъ я слышала, учатся тамъ отъ утра до ночи, и порядокъ во всемъ удивительный.

– И цѣна весьма значительная! – прибавилъ м-ръ Домби. – Я уже говорилъ съ докторомъ, м-съ Пипчинъ, и, по его мнѣнiю, Павелъ совершенно созрѣлъ для полученiя образованiя. Онъ приводилъ многiе примѣры, что дѣти именно въ этомъ возрастѣ начинали учиться по-гречески, и съ блистательнымъ успѣхомъ. Но я не объ этомъ беспокоюсь, м-съ Пипчинъ, дѣло вотъ видите ли въ чемъ: сынъ мой, вырастая безъ матери, сосредоточилъ всю привязанность на своей сестрѣ, и любовь эта, конечно, дѣтская, но все же чрезмѣрная, признаюсь вамъ, слишкомъ беспокоитъ меня. Разлука ихъ не будетъ ли...

И, не окончивъ фразы, м-ръ Домби погрузился въ глубокое раздумье.

– Ба, ба, ба! – возопила м-съ Пипчинъ, взъерошивая бомбазиновое платье и мгновенно принимая свой всегдашнiй видъ дѣтской вопительницы. – Есть о чемъ беспокоиться! Да если ей не угодно будетъ съ нимъ разстаться, на это у насъ, съ вашего позволенiя, найдутся ежовыя рукавички.

Добрая лэди тутъ же извинилась, что употребила слишкомъ простонародную фразу. – Я всегда такъ обращаюсь съ ними, – сказала она и совершенно особеннымъ образомъ закинула свою безобразную голову, какъ будто собиралась привести въ трепетъ цѣлую стаю непокорныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. М-ръ Домби терпѣливо выждалъ окончанiя этихъ припадковъ и, когда его почтенная собесѣдница перестала бѣсноваться, сказалъ спокойнымъ тономъ:

– Не о н_е_й думаю я, м-сь Пипчинъ; съ нимъ что будетъ?

М-сь Пипчинъ съ одинаковой увѣренностью могла бы похвалиться, что она точно такой же способъ врачеванія готова употребить и для маленькаго Павла; но ея сѣрый проницательный глазъ благовременно усмотрѣлъ, что м-ръ Домби не могъ одобрить этого рецепта въ отношеніи къ сыну, хотя въ то же время признавала всю его дѣйствительность относительно дочери. Поэтому она тотчасъ же перевернула аргументъ и очень основательно начала доказывать, что новые предметы, новый образъ жизни, новое разнообразное общество въ заведеніи Блимбера и, наконецъ, новыя, разумѣется, довольно трудныя занятія, – все это мало-по-малу и незамѣтнымъ образомъ заставитъ умнаго мальчика выбросить изъ головы свою сестру. Такъ какъ эта мысль совершенно согласовалась съ собственными надеждами и предположеніями м-ра Домби, то нѣтъ ничего удивительнаго, если джентльменъ этотъ получилъ еще высшее понятіе о разсудительности м-сь Пипчинъ, тѣмъ болѣе, что теперь она представила рѣдкій образецъ безкорыстія, разлучаясь такъ легко съ своимъ маленькимъ другомъ, хотя, собственно говоря, ударъ этотъ былъ не внезапный, потому что сначала предполагалось отдать ей ребенка всего на три мѣсяца. Было ясно, что м-ръ Домби заранѣе обдумалъ и зрѣло обсудилъ свой многосложный планъ, состоящій въ томъ, что маленькій Павелъ на первое полугодіе поступитъ къ доктору Блимберу, какъ недѣльный пансіонеръ, а сестра его между тѣмъ останется у м-сь Пипчинъ и будетъ принимать къ себѣ брата по субботамъ. Такое распоряженіе, – думалъ чадолюбивый отецъ, – исподволь отвлечетъ сына отъ предмета его привязанности; вѣроятно, онъ хорошо помнилъ, какъ неосторожно первый разъ младенецъ былъ оторванъ отъ своей любимой кормилицы!

Оканчивая свиданіе, м-ръ Домби выразилъ надежду, что м-сь Пипчинъ, вѣроятно, благоволятъ удержать за собою должность верховной надзирательницы надъ его сыномъ, пока тотъ будетъ учиться въ Брайтонѣ. Потомъ онъ поцѣловалъ Павла, подержалъ руки Флоренсы, искоса взглянулъ на бѣлый парадный воротничекъ молодого Байтерстона и погладилъ по головкѣ миссъ Панки, отчего бѣдная дѣвочка громко заплакала, потому что нѣжность какъ разъ пришла по тому самому мѣсту, гдѣ м-сь Пипчинъ щиколками своихъ пальцевъ производила свои обыкновенныя наблюденія, стучая по головѣ, какъ по винному боченку. Уходя, м-ръ Домби еще разъ изволилъ объявить, что, такъ какъ сынъ его уже выросъ и совершенно поправился въ здоровьи, то нѣтъ сомнѣнія, образованіе его пойдетъ блистательно, какъ скоро д-ръ Блимберъ возьметъ его въ свои руки.

И точно, если молодой джентльменъ попадался въ руки къ Блимберу, онъ всегда чувствовалъ нѣкоторое довольно плотное давленіе, какъ будто его сжимали тисками. Докторъ, по обыкновенію, занимался образованіемъ только десяти мальчиковъ, но у него всегда было въ запасѣ ученья, по крайней мѣрѣ, для цѣлой сотни молодыхъ головъ; зато этотъ несчастный десятокъ былъ заваленъ по горло всякой всячиной, къ невыразимому наслажденію мудраго педагога, у котораго единственною цѣлью въ жизни было мучить бѣдныхъ дѣтей.

Учебное заведеніе д-ра Блимбера было, собственно говоря, ни больше ни меньше, какъ огромная теплица; гдѣ безпрестанно пускались въ ходъ всѣ возможные аппараты для произведенія скорѣйшаго плода. Умственный зеленый горохъ обыкновенно поспѣвалъ къ Рождеству, а духовную спаржу можно было добывать во всякое время года. Математическій крыжовникъ, насаженный опытной рукою Блимбера, мгновенно доставлялъ плоды, немножко кислые, но все-таки годные для употребленія. Каждое прозябаніе, греческое или латинское, мигомъ выросло на сухихъ вѣтвяхъ подъ всѣми широтами и поясами дѣтскаго климата. Природа тутъ была нипочемъ. Д-ръ Блимберъ, и не соображаясь съ природой, такъ или иначе, заставлялъ всякую почву произращать какіе угодно плоды.

Все это было чрезвычайно весело и очень остроумно, но система принужденія обыкновенно сопровождалась своими печальными послѣдствіями. Скороспѣлые фрукты не имѣли свойственнаго имъ вкуса и держались недолго. Одинъ молодой джентльменъ, старшій въ заве-

деніи, малый съ преогромной головой и раздутымъ носомъ, уже благополучно прошелъ черезъ всѣ педагогическія мытарства, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро совершенно отказался цвѣсти и навсегда остался въ заведеніи, какъ чистый стебель. Говорили, будто докторъ уже черезчуръ переучилъ молодого Тутса, и бѣдняга вдругъ потерялъ мозгъ, какъ скоро появился пушокъ на его бородѣ.

Какъ бы то ни было, молодой Тутсъ совершенно лишился своего мозга. Зато у него оказались прегустыя бакенбарды и чудесный басистый голосъ. Онъ пришилывалъ къ рубахѣ красивую булавку и, по обыкновенію, носилъ въ жилетномъ карманѣ маленькое колечко, которое украдкой надѣвалъ на мизинецъ всякій разъ, когда воспитанники выходили гулять. Онъ постоянно влюблялся съ перваго взгляда во всякую няньку, хотя, къ сожалѣнію, ни одна нянька не обращала на него ни малѣйшаго вниманія.

Д-ръ Блимберъ былъ очень дюжій, толстый джентльменъ въ черномъ платьѣ съ панталонами, засученными подъ чулки, перевязанными у колѣнъ красивыми лентами, какъ щеголяли встарину англійскіе дэнди. Онъ имѣлъ очень свѣтлую плѣшивую голову, басистый голосъ и подбородокъ ужасно раздвоенный, такъ что никакъ нельзя было понять, какимъ образом могла дѣйствовать бритва въ этой чудной впадинѣ. Его маленькіе глаза были всегда наполовину закрыты; а ротъ всегда наполовину открывался для выраженія лукавой улыбки, какъ будто въ эту самую минуту докторъ ставилъ втупикъ маленькаго шалуна и дожидался, пока тотъ обличить себя собственными устами. Когда докторъ закладывалъ правую руку въ боковой карманъ своего сюртука, а лѣвую закидывалъ назадъ, и при этомъ слегка кивалъ головою, дѣлая самыя обыкновенныя замѣчанія слабонервному незнакомцу, его фигура въ совершенствѣ походила на сфинксъ, изрекающій свои непреложные приговоры.

У доктора былъ въ Брайтонѣ очень хорошій домъ на морскомъ берегу, архитектуры, правда, весьма невеселой, даже, можно сказать, совершенно печальной. Темноцвѣтныя гардины, скудныя и тощія, скрывались въ углубленіи оконъ съ какимъ-то мрачнымъ уныніемъ. Стулья и столы были расположены рядами, какъ цифры на таблицѣ умноженія; каминныя въ парадныхъ комнатахъ почти икогда не отапливались и скорѣе похожи были на колодези, а гость, сидѣвшій передъ ними, представлялъ ведро; въ столовой не было ничего, напоминающаго какое-нибудь кушанье или напитокъ. Во всемъ домѣ ни малѣйшаго шума, кромѣ громкаго боя стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ въ залѣ, которыхъ звукъ слышался даже на чердакахъ. Общее безмолвіе нарушалось только глухимъ плачемъ молодыхъ джентльменовъ, в_о_р_к_о_в_а_в_ш_и_х_ъ за своими уроками, на подобіе печальныхъ голубей, запертыхъ въ голубятнѣ.

Миссъ Блимберъ, тонкая и довольно граціозная дѣвушка, ни мало не разстраивала своей оссбой общей степенности докторскаго дома. Въ этой дѣвицѣ, носившей коротенькіе курчавые волоеы и зеленые очки на носу, не оказывалось ни малѣйшихъ слѣдовъ вѣтренности и легкомыслія, свойственныхъ ея полу и возрасту. Она, по-видимому, высохла и разсыпалась въ песокъ, работая въ душныхъ подземельяхъ мертвыхъ языковъ, а живыя нарѣчія не существовали для миссъ Блимберъ. Языку непремѣнно надлежало умереть, превратиться въ камень, и тогда только миссъ Блимберъ начала бы докапываться до его тайнъ, какъ неутомимый антикварій, для котораго не существуетъ живая природа.

Маменька ея, м-съ Блимберъ, была женщина неученая, однако-жъ съ большими претензіями на ученость, и, по обыкновенію, говаривала по вечерамъ, что, если бы со временемъ Господь Богъ привелъ ей познакомиться съ Цицерономъ, она умерла бы спокойно. Величайшей отрадой въ ея жизни было любоваться на молодыхъ учениковъ своего супруга, когда они выходили на улицу съ преширокими воротничками на рубашкахъ и высочайшими галстухами, рѣзко отличаясь отъ всѣхъ другихъ джентльменовъ: это былъ костюмъ въ совершенствѣ классическій, говорила она.

М-ръ Фидеръ, магистръ и помощникъ д-ра Блимбера, былъ чѣмъ-то вродѣ олицетвореннаго органа съ однимъ валомъ, на которомъ постоянно безъ всякихъ варіацій разыгрывалось нѣсколько однообразныхъ арій. Вѣроятно, въ раннюю эпоху молодости, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, къ нему можно было бы придѣлать еще два, три вала; но судьба этого не хотѣла, и м-ръ Фидеръ, пущенный на бѣлый свѣтъ съ однимъ только валомъ, посвятилъ себя отуманиванію молодыхъ головъ въ учебномъ заведеніи Блимбера. Рано молодые люди проникались печальными заботами всякаго рода и ни на минуту не находили отдыха въ туманной атмосферѣ окаменѣлыхъ глаголовъ, одичалыхъ существительныхъ и страшныхъ могильныхъ привидѣній омертвѣлаго синтаксиса. Благодаря насильственной системѣ воспитанія, молодой человѣкъ въ три недѣли однажды навсегда разставался съ здравымъ смысломъ; въ три мѣсяца взваливалъ на свои плечи всѣ заботы міра; въ четыре проникался самыми горькими чувствованіями противъ родственниковъ или опекуновъ; въ пять становился совершеннымъ мизантропомъ; въ полгода начиналъ завидовать бездонной пропасти Квинта Курція, а въ концѣ перваго года онъ приходилъ къ рѣшительному, неизмѣнному заключенію, что всѣ мечтанія поэтовъ и уроки мудрецовъ были ничто иное, какъ собраніе словъ и грамматическихъ правилъ, безъ всякаго внутренняго значенія и смысла!

И все-таки расцвѣталъ онъ, убійственно расцвѣталъ цѣлые годы въ огромной педагогической теплицѣ, и слава мудраго доктора достигала до необозримой высоты, когда онъ отправлялъ, наконецъ, свои зимнія растенія на ихъ родимую сторону, подъ кровлю родственниковъ и друзей.

Однажды, на порогѣ докторскаго дома, остановился съ трепещущимъ сердцемъ маленькій Павелъ, ведомый за одну руку отцомъ, за другую – Флоренсой. Позади, какъ злобѣщій воронъ, шествовала м-съ Пипчинъ, съ своимъ чернымъ плюмажемъ и крючковатымъ носомъ. По-видимому, она задыхалась отъ усталости, потому-что м-ръ Домби, исполненный великихъ мыслей, шель очень скоро. Съ трудомъ переводя духъ, она прокаркала охриплымъ голосомъ, чтобы отворили дверь.

– Вотъ, любезный Павелъ, – сказала м-ръ Домби возвышеннымъ тономъ, – вотъ дѣйствительное средство наживать денги и сдѣлаться истиннымъ Домби и Сыномъ. Ты уже почти человѣкъ.

– Почти, – отвѣчалъ ребенокъ.

Даже дѣтское волненіе не могло пересилить лукаваго, хотя вмѣстѣ трогательнаго взгляда, какимъ сопровождался этотъ отвѣтъ.

На лицѣ м-ра Домби выступило неопредѣленное выраженіе досады, но въ эту минуту отворилась дверь, и его физиономія мгновенно приняла свой обыкновенный видъ.

– Дома ли д-ръ Блимберъ? – спросилъ мръ Домби.

– У себя, – отвѣчалъ человѣкъ, посматривая на Павла, какъ на маленькую мышъ, которая теперь попадалась въ западню. На лицѣ лакея, отворившаго дверь, природа провела первые слабые штрихи постоянной улыбки, обличавшей врожденное скудоуміе, выражавшееся и въ его подслѣповатыхъ глазахъ. Но м-съ Пипчинъ приняла его за дерзкаго грубіяна и вспылила ужаснѣйшимъ образомъ:

– Какъ вы смѣете ухмыляться? – сказала м-съ Пипчинъ. – За кого вы меня принимаете?

– Я не смѣю и ни за кого не принимаю васъ, – отвѣчалъ озадаченный лакей.

– Невѣжа! – продолжала м-съ Пипчинъ, – ступайте, доложите, что пришелъ м-ръ Домби, не то я съ вами расправлюсь.

Подслѣповатый малый тихими шагами пошелъ съ докладомъ и скоро воротился пригласить гостей въ докторскій кабинетъ.

– Вы опять смѣетесь, – сказала м-съ Пипчинъ, проходя въ залу.

– Да не смѣюсь же я, сударыня, право, не смѣюсь.

– Что тамъ у васъ, м-съ Пипчинъ? – сказала м-ръ Домби, оглядываясь назадъ. – Пожалуйста, потише.

М-съ Пипчинъ усмирилась и, проходя мимо лакея, пробормотала только: "Ухъ, какой красавецъ!" Подслѣповатый паренъ чуть не заплакалъ отъ этого комплимента. Онъ представлялъ изъ себя воплощенную кротость и смиреніе; но м-съ Пипчинъ, послѣ перувіанскихъ рудниковъ, имѣла обычай нападать на всѣхъ кроткихъ людей.

Докторъ сидѣлъ въ своемъ огромномъ кабинетѣ, заваленный книгами и держа по глобусу на каждомъ колѣнѣ. Надъ дверью стоялъ Гомеръ, а надъ каминомъ красовалась Минерва.

– Какъ ваше здоровье, сэръ? – спросилъ онъ м-ра Домби, – и каковъ мой маленькій другъ?

Величавъ и важенъ былъ голосъ дра Блимбера, какъ торжественный звукъ органа въ англиканской церкви. Когда онъ кончилъ, Павлу показалось, будто стѣнные часы перебили его рѣчь и начали вслѣдъ за нимъ повторять: ка-ко-въ-мой-ма-ле-нь-кій-другъ-ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ, – и такъ далѣе, и такъ далѣе, до безконечности.

Не видя маленькаго друга изъ-за книгъ черезъ столъ, д-ръ Блимберъ дѣлалъ на своихъ креслахъ бесполезныя покушенія разглядѣть его изъ-подъ стола. М-ръ Домби облегчилъ затрудненіе, взявши на руки своего сына и поставивъ его на другой большой столъ среди комнаты, прямо передъ глазами доктора.

– А! – сказала докторъ, величаво облакачиваясь на ручки кресель. – Теперь вижу моего маленькаго друга. Какъ ваше здоровье, мой маленькій другъ?

Но стѣнные часы, не измѣняя формы привѣтствія, по прежнему повторяли: ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ-ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ!

– Очень хорошо, благодарю васъ, – сказалъ Павелъ, отвѣчая часамъ и доктору вмѣстѣ.

– А! – сказала д-ръ Блимберъ, – Должны ли мы сдѣлать изъ него мужа?

Павелъ молчалъ. М-ръ Домби, обращаясь къ нему, спросилъ:

– Слышишь ли, Павелъ?

– Должны ли мы сдѣлать изъ него мужа? – повторилъ Блимберъ.

– Я желалъ бы лучше остаться ребенкомъ, – отвѣчалъ Павелъ.

– Неужели! – сказала докторъ. – Почему-же?

Ребенокъ сидѣлъ на столѣ съ любопытнымъ выраженіемъ невольной грусти. Онъ смотрѣлъ на доктора и въ то же время судорожно ударялъ одной рукою по колѣну, какъ будто у него выступали слезы, и онъ хотѣлъ подавить ихъ. Но другая рука его протягивалась все дальше и дальше до тѣхъ поръ, пока спокойно улеглась на шеѣ Флоренсы. – Вотъ почему желалъ бы я остаться ребенкомъ, – какъ будто хотѣлъ онъ сказать, и слезы, долго удерживаемыя, ручьями полились изъ его глазъ.

– М-съ Пипчинъ, – сказала отецъ жалобнымъ голосомъ, – мнѣ крайне непріятно это видѣть.

– Отойдите отъ него, миссъ Домби, отойдите, – проговорила старуха.

– Ничего, ничего! – сказала докторъ, ласково кивая головой и удерживая м-съ Пипчинъ. – Ничего: скоро его развлекутъ новыя впечатлѣнія, новыя заботы. Мы постараемся. Вы хотѣли бы, м-ръ Домби, чтобы маленькій мой другъ пріобрѣлъ...

– Все долженъ онъ пріобрѣсть, все, любезный докторъ, – отвѣчалъ м-ръ Домби твердымъ голосомъ.

– Да, – сказала докторъ, улыбаясь и прищуривая глаза. Онъ, казалось, наблюдалъ маленькаго Павла съ напряженнымъ любопытствомъ естествоиспытателя, – который собирался сдѣлать чучело изъ новаго животнаго.

– Да, – повторилъ докторъ съ нѣкоторою живостью, – именно такъ. Мы обогатимъ разнообразными познаніями нашего маленькаго друга и быстро подвинемъ его впередъ. Въ этомъ ручается моя опытность. Вы, кажется, говорили, м-ръ Домби, что сынъ вашъ еще совершенно дѣвственная почва?

– Онъ готовился немного дома и у этой леди, – отвѣчалъ м-ръ Домби, указывая на м-сь Пипчинъ, которая вдругъ вытянулась при этомъ въ струнку, приготовившись какъ будто вызвать доктора на бой, если бы тотъ вздумалъ обвинить ее. – Кромѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній, Павелъ еще ничего не умѣлъ и ничему серьезно не учился.

Д-ръ Блимберъ слегка наклонилъ голову въ знакъ снисходительной терпимости къ нарушенію его педагогическихъ правъ со стороны м-сь Пипчинъ.

– Впрочемъ, – замѣтилъ онъ, потирая руками, – было бы пріятнѣе начинать образованіе отъ первыхъ корней.

И тутъ онъ опять искоса взглянулъ на Павла, какъ будто сейчасъ же хотѣлъ напасть на него съ греческимъ алфавитомъ.

– Послѣ нашихъ предварительныхъ условій и переговоровъ, господинъ докторъ, – началъ м-ръ Домби, взглянувъ еще разъ на своего сына, – и послѣ этого свиданія, довольно продолжительнаго, я нахожу, что нѣтъ болѣе надобности отнимать у васъ драгоценное время, и поэтому...

– Вы опять за свое, миссъ Домби! – брюзгливо проговорила м-сь Пипчинъ.

– Погодите на минуту, – сказала докторъ, – погодите. Позвольте представить вамъ мою жену и дочь, которыя въ домашней жизни поведутъ на Парнасъ нашего маленькаго пилигрима. Вотъ моя жена, м-сь Блимберъ, – продолжалъ докторъ, указывая на леди, которая вошла въ сопровожденіи степенной дѣвицы, вооруженной очками, – а это, м-ръ Домби, дочь моя, Корнелія. М-ръ Домби, моя милая, – продолжалъ докторъ, обращаясь къ женѣ, – вѣряетъ нашей заботливости, видишь ли ты, нашего маленькаго друга?

М-сь Блимберъ, въ припадкѣ учтивости къ м-ру Домби, по-видимому, не замѣтила маленькаго Павла и, останавливаясь къ нему задомъ, чуть не столкнула его со стола. Но при этомъ намекѣ она оборотилась и съ восторженнымъ видомъ начала любоваться умными классическими чертами его лица.

– Завидую вамъ, сэръ, – сказала она, – поднимая глаза и обращаясь къ м-ру Домби, – чрезвычайно завидую. Сынъ вашъ, какъ пчела, пересаживается теперь въ отборный цвѣтникъ и будетъ питаться сладчайшимъ сокомъ растений. Виргилій, Горацій, Овидій, Теренцій, Плавтъ, Цицеронъ: какіе цвѣты! какой медъ! Вы, конечно, м-ръ Домби, съ удивленіемъ встрѣчаете въ женщинѣ... но я имѣю честь быть супругой такого мужа...

– Полно, моя милая, полно, – сказала д-ръ Блимберъ. – Какъ тебѣ не стыдно!

– М-ръ Домби извинить пристрастіе жены, – сказала м-сь Блимберъ съ плѣнительной улыбкой.

– Все нѣтъ, – отвѣчалъ м-ръ Домби, думая, вѣроятно, сказать, что тутъ в_о_в_с_е не было пристрастія.

– Притомъ я имѣю честь быть матерью, – продолжала м-сь Блимберъ.

– И какую мать! – замѣтилъ м-ръ Домби, кланяясь съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ миссъ Корнеліи.

– Если бы ко всему этому, – продолжала м-сь Блимберъ, – мнѣ удалось познакомиться съ Цицерономъ, подружиться съ нимъ и побесѣдовать въ его Тускуланумѣ – очаровательный Тускуланумъ! – я бы умерла спокойно.

Ученый энтузіазмъ, какъ извѣстно, очень заразителенъ. М-ръ Домби на половину повѣрилъ своей собесѣдницѣ, и даже м-сь Пипчинъ, вообще не расположенная имѣть о людяхъ хорошее мнѣніе, начинала думать, что Цицеронъ въ самомъ дѣлѣ былъ прекраснѣйшій чловѣкъ, и что, если бы судьба благовременно столкнула ее съ нимъ, благородный супругъ ея, охраняемый этимъ гениемъ, вѣроятно, не сломилъ бы себѣ шеи на перувіанскихъ рудникахъ.

Корнелія выразительно взглянула черезъ очки на м-ра Домби, какъ будто у нея было пламенное желаніе привести нѣсколько цитатъ изъ произведеній безсмертнаго гения. Но нечаянный стукъ въ двери помѣшалъ ей привести въ исполненіе это намѣреніе.

– Кто тамъ? – сказал ь докторъ. – Войди, Тутсъ, войди. Ты видишь м-ра Домби.

Тутсъ поклонился.

– Какое странное стеченіе обстоятельствъ! – продолжалъ д-ръ Блимберъ. – Передъ нами теперь начало и конецъ, альфа и омега. Это глава нашего заведенія, м-ръ Домби.

Не только глава, даже и плечи, могъ бы прибавить д-ръ Блимберъ, потому что молодой Тутсъ былъ гигантскаго роста, въ сравненіи съ прочими воспитанниками заведенія. Онъ растерялся, покраснѣлъ и оскалилъ зубы, увидѣвъ себя среди незнакомыхъ людей.

– Прибавленіе къ нашей маленькой академіи, любезный, – сказали докторъ. – Это сынъ м-ра Домби.

Молодой Тутсъ покраснѣлъ опять, и такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ воцарилаеь торжественная тишина, то онъ счелъ необходимымъ сказать что-нибудь съ своей стороны.

– Какъ ваше здоровье? – воскликнулъ онъ, наконецъ, обращаясь къ Павлу, и воскликнулъ такимъ басистымъ, но вмѣстѣ робкимъ, чуть не овечьимъ голосомъ, что если бы вдругъ ягненокъ зарычалъ, какъ левъ или тигръ, это чудо не озадачило бы такъ удивленныхъ зрителей.

– Объяви, Тутсъ, магистру Фидеру, – сказали д-ръ Блимберъ, – чтобы онъ приготовилъ необходимыя книги для сына м-ра Домби и назначилъ ему приличное мѣсто въ классной залѣ. Милая моя, – продолжалъ докторъ, обращаясь къ женѣ, – м-ръ Домби, кажется, еще не видалъ дѣтскихъ опочивалень?

– Если м-ру Домби угодно взойти наверхъ, – сказала м-съ Блимберъ, – я очень рада показать ему владѣнія Морфея.

Съ этими словами м-съ Блимберъ, дама очень услужливая, съ чепчикомъ на головѣ изъ матеріи небеснаго цвѣта, вышла изъ дверей въ сопровожденіи м-ра Домби и Корнелии. М-съ Пипчинъ послѣдовала за ними, озираясь во всѣ стороны въ надеждѣ встрѣтить негоднаго лакея грубіяна.

Пока они ходили, Павелъ продолжалъ сидѣть на столѣ, держа за руку Флрренсу и робко устремивъ пытливый взоръ на Блимбера, который, между тѣмъ, облокотившись на кресла и заложивъ руку за пазуху, держалъ передъ собою книгу на разстояніи протянутой руки отъ своихъ глазъ. Онъ читалъ, и было что-то ужасное въ этой манерѣ чтенія, безстрастной, хладнокровной, рѣшительной. При этомъ лицо его было совершенно открыто, и когда докторъ благоклонно улыбался своему автору или хмурилъ брови и дѣлалъ гримасы, какъ будто говорилъ: "Не рассказывай, любезный, знаю я лучше тебя", – фигура и всѣ пріемы его поражали зрителя невольнымъ страхомъ.

Молодой Тутсъ, которому тоже нечего было дѣлать наверху, остался въ комнатѣ и самодовольно осматривалъ колеса въ своихъ часахъ, пересчитывая въ то же время свои серебряныя деньги. Но это продолжалось недолго: когда докторъ, перемѣняя положеніе, поворотилъ свои толстыя ноги, Тутсъ тихонько вынырнулъ изъ комнаты и уже болѣе не показывался.

Между тѣмъ м-ръ Домби, обозрѣвъ владѣнія Морфея, воротился въ докторскій кабинетъ.

– Надѣюсь, м-ръ Домби, – сказали докторъ, положивъ книгу на столъ, – нашъ порядокъ удостоился вашего одобренія.

– Превосходный порядокъ! – сказали м-ръ Домби.

– Очень хорошій, – тихонько сказала м-съ Пипчинъ, вообще нерасположенная къ преувеличеннымъ похваламъ.

– М-съ Пипчинъ, – сказали м-ръ Домби, озираясь вокругъ, – съ вашего позволенія, докторъ, и также съ вашего, м-съ Блимберъ, хотѣла бы по временамъ навѣщать здѣсь моего сына.

– Можетъ во всякое время, – замѣтилъ докторъ.

– Мы всегда рады видѣть м-съ Пипчинъ, – благосклонно сказала докторша.

– Стало быть, – сказали м-ръ Домби, – теперь всѣ распоряженія окончены, и вы позволите проститься съ вами.

Тутъ онъ близко подошелъ къ Павлу, который все еще сидѣлъ на столѣ.

– Прощай, милое дитя! – сказала м-рѣ Домби.

– Прощай, папа.

Лицо ребенка, небрежно протянувшего руку отцу, приняло тревожное, заботливое выражение. Но не отецъ былъ предметомъ этой заботы, и не на него обратилось печальное личико. Нѣтъ, Флоренсу искалъ маленькій Павелъ, и только Флоренсу, всегдашній предметъ своей нѣжной привязанности.

Если бы м-рѣ Домби, въ своемъ безумномъ высокомеріи гордаго богача, нажилъ себѣ врага, жестокаго, мстительнаго, непримиримаго, даже такой врагъ въ настоящую минуту забылъ бы о мщеніи, вполне довольный мучительною скорбью, раздиравшею сердце его обидчика.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ребенка. Если глаза его въ эту минуту о_т_ч_е_г_о_т_о потускнѣли, и онъ не могъ хорошенько разглядѣть маленькое личико, зато, быть можетъ, умственный взоръ его прояснился теперь болѣе, чѣмъ когда-либо.

– Скоро мы увидимся, Павелъ. По субботамъ и воскресеньямъ ты свободенъ.

– Знаю, папа, – отвѣчала Павелъ, взглянувъ на сестру, – по субботамъ и воскресеньямъ я свободенъ.

– И ты будешь учиться хорошо, – продолжалъ м-рѣ Домби, – не правда ли?

– Постараюсь, папа, – отвѣчалъ ребенокъ тономъ слишкомъ уставшаго человѣка.

– И теперь ты скоро вырастешь большой, – сказалъ м-рѣ Домби.

– Охъ, очень скоро! – проговорилъ ребенокъ, и взоръ его, старый, очень старый взоръ, обращенный на м-съ Пипчинъ, замеръ и потухъ въ ея черномъ бомбазиновомъ платьѣ. Она тоже, съ своей стороны, подошла проститься и оторвать отъ него Флоренсу. Движеніе, ею произведенное, разбудило м-ра Домби, глаза котораго были неподвижно обращены на Павла. Еще разъ онъ погладилъ его по головѣ, пожалъ его маленькую руку и, холодно разкланявшись съ докторскимъ семействомъ, поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

Д-рѣ Блимберъ, м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ спѣшили проводить дорогого гостя въ залу, хотя тотъ просилъ ихъ не беспокоиться, и когда они побѣжали за м-ромъ Домби, м-съ Пипчинъ завязла между докторомъ и его женой и вмѣстѣ съ ними вышмыгнула изъ комнаты, прежде чѣмъ успѣла захватить Флоренсу. Этому счастливому обстоятельству Павелъ былъ впоследствии обязанъ пріятнымъ воспоминаніемъ, что Флоренса еще разъ воротилась съ нимъ проститься и обвить руками его шею. Оставаясь послѣднею въ дверяхъ, она посылала милому брату улыбку одобренія, ярко заблеставшую черезъ слезы на ея глазахъ.

И тяжело стало дѣтскому сердцу, когда исчезла, наконецъ, эта улыбка! Глобусы, книги, слѣпой Гомеръ и Минерва, – все запрыгало и закружилось вокругъ маленькаго Павла; но вдругъ эти предметы остановились, и тогда онъ снова услышалъ громкій бой часовъ, которые, какъ и прежде, съ важностью спрашивали: "ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ-ка-ко-въ...", и такъ далѣе до безконечности.

И онъ молча прислушивался къ этимъ звукамъ, сидя на своемъ пьедесталѣ со сложенными руками. Но ему можно было бы отвѣчать: "скучно мнѣ, скудно, одинокому, усталому, большому!" И по болѣзненной пустотѣ въ его молодомъ сердцѣ, всѣ предметы были такъ холодны, такъ дики, такъ пусты!

Глава XII Воспитаніе Павла

Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся ужасно длинными для маленькаго Павла Домби, сидѣвшаго на столѣ, воротился д-ръ Блимберъ, вышагивая важнымъ и величественнымъ образомъ, вѣроятно, для того, чтобы произвести торжественное впечатлѣніе на юношескую душу. Эта походка была похожа на маршь, и когда д-ръ выставялъ правую ногу впередъ, онъ величественно поворачивался на своей оси, выписывая налѣво полукругъ, и когда выставялась впередъ лѣвая нога, онъ дѣлалъ точно такой же поворотъ къ правой. Казалось, при каждомъ шагѣ, онъ осматривался кругомъ и какъ будто говорилъ: "Пусть попытается кто-нибудь и гдѣ-нибудь указать мнѣ на предметъ, котораго я не знаю! Не удастся!"

М-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ также воротились вмѣстѣ съ докторомъ. Педагогъ поднялъ со стола новаго питомца и передалъ его миссъ Блимберъ.

– Корнелія, – сказалъ д-ръ, – Домби будетъ покамѣстъ подъ твоимъ надзоромъ. Веди его впередъ, моя милая, впередъ и впередъ.

Корнелія приняла изъ рукъ д-ра молодого питомца, и Павелъ потупилъ глаза, когда почувствовалъ, что его наблюдали очки.

– Сколько тебѣ лѣтъ, Домби? – спросила миссъ Блимберъ.

– Шесть, – отвѣчалъ Павелъ и, осматривая молодую милэди, удивлялся, почему у нея волосы не такъ длинны, какъ у Флоренсы, и отчего она похожа на мальчика.

– Далекъ ли ты въ латинской грамматикѣ, Домби? – спросила миссъ Блимберъ.

– Я не знаю латинской грамматики, – отвѣчалъ Павелъ. Чувствуя, что этотъ отвѣтъ неприятно подѣйствовалъ на миссъ Блимберъ, онъ взглянулъ вверхъ на три лица, смотрѣвшія на него внизъ, и сказалъ:

– Я былъ слабымъ и больнымъ ребенкомъ, Мнѣ нельзя было думать о латинской грамматикѣ, когда каждый день старикъ Глыббъ вывозилъ меня на морской берегъ. Вы ужъ позвольте приказать старому Глыббу навѣщать меня здѣсь.

– Какое низкое, варварское имя! – сказала м-съ Блимберъ, – что это за чудовище, мой милый?

– Какое чудовище? – спросилъ Павелъ.

– Да этотъ Глыббъ, – сказала м-съ Блимберъ съ превеликимъ отвращеніемъ.

– Онъ такое же чудовище, какъ и вы, – возразилъ Павелъ.

– Какъ! – вскричалъ докторъ ужаснымъ голосомъ, – что, что-о-о ты сказалъ? Ай, ай, ай!

Дрожь побѣжала по всѣмъ членамъ маленькаго Павла; но, несмотря на испугъ, онъ рѣшился защищать отсутствующаго Глыбба.

– Глыббъ очень почтенный старикъ, – сказалъ Павелъ, – онъ, бывало, возилъ мою коляску, гдѣ я могъ лежать и спать, когда и какъ мнѣ угодно. Онъ знаетъ все о глубокомъ морѣ и о рыбахъ, которыя живутъ тамъ, и о великихъ чудовищахъ, которыя выходятъ оттуда и лежать, и грѣются на скалахъ подъ зноемъ солнечныхъ лучей, и которыя опять уходятъ въ море, когда ихъ испугаютъ. При этомъ, говоритъ Глыббъ, они издаютъ такой шумъ, что можно ихъ слышать за нѣсколько миль. Есть еще чудища, не знаю, какъ они длинны – только очень длинны – и я не помню, какъ зовутъ ихъ – Флоренса все это знаетъ; они притворяются несчастными и плачутъ, будто маленькія дѣти, а когда кто-нибудь подойдетъ къ нимъ изъ состраданія, они разѣвываютъ свои огромныя челюсти и нападаютъ. Тутъ одно средство спастись, – сказалъ Павелъ, смѣло сообщая это познаніе самому дру Блимберу, – надо отбѣжать на нѣкоторое разстояніе и потомъ вдругъ поворотить назадъ; имъ нельзя такъ скоро поворотиться, потому-что они ужасно длинны. Тутъ ихъ легко побѣдить, говоритъ Глыббъ. Вообще онъ много, очень много знаетъ о морѣ, хотя и не можетъ растолковать, отчего всегда говорятъ, одно и то же все-

гда говорятъ морскія волны, и почему я такъ часто думаю о своей мамѣ, когда смотрю на море. Моя мать умерла. Я бы желалъ, – заключилъ ребенокъ, вдругъ теряя одушевленіе и обративъ робкій взоръ на три незнакомыя лица, – чтобы старикъ Глыббъ по временамъ заходилъ сюда навѣщать меня, потому что я знаю его очень хорошо, и онъ меня знаетъ.

– Дурное направленіе! – сказалъ докторъ, – но наука должна истребить негодныя сѣмена.

М-съ Блимберъ съ какимъ-то ужасомъ подумала, что это былъ необыкновенный ребенокъ. Она смотрѣла на него съ, такимъ же вниманіемъ, какъ нѣкогда м-съ Пипчинъ, хотя физиономія ея не имѣла ничего общаго съ старой вѣдьмой.

– Поводи его по дому, Корнелія, – сказалъ докторъ, – и познакомъ съ новой сферой. Домби, ступай съ этой милэди.

Домби повиновался. Онъ подаль руку Корнеліи и съ робкимъ любопытствомъ принялся разсматривать ее съ боку, когда они пошли. Ея очки показались для него ужасно таинственными, и онъ никакъ не могъ разузнать, были ли у нея глаза за этими ярко блестящими стеклами.

Корнелія повела его сперва въ класную комнату, расположенную позади залы, и въ которую вели двѣ двери, обитыя фризомъ для того, чтобы заглушить голоса молодыхъ джентльменовъ. Въ комнатѣ находилось восемь воспитанниковъ въ различныхъ положеніяхъ умственнаго бичеванія: всѣ сидѣли за дѣломъ и работали съ большою важностью. Тутъ, какъ старшій между воспитанникама, имѣлъ для себя въ углу комнаты особую конторку.

Магистръ Фидеръ, сидѣвшій за другой небольшою конторкой, вертѣлъ на этотъ разъ на своемъ единственномъ валу Виргилія, и эту арію унылымъ голосомъ тянули передъ нимъ четыре молодыхъ джентльмена. Изъ остальныхъ воспитанниковъ двое съ напряженнымъ вниманіемъ занимались рѣшеніемъ математическихъ задачъ; одинъ употреблялъ судорожныя усилія перекарабкаться до обѣда черезъ безнадежное число строкъ, и, наконецъ, послѣдній питомецъ безмолвно смотрѣлъ на свою работу съ окаменѣлымъ оцѣпенѣніемъ и отчаяніемъ.

Появленіе новаго мальчика не произвело на эту компанію никакого впечатлѣнія. М-ръ Фидеръ съ щетиной на головѣ, которую онъ имѣлъ обыкновеніе брить изъ опасенія простуды, подаль маленькому Домби костлявую руку и сказалъ, что весьма радъ его видѣть. Павелъ, съ своей стороны, былъ бы очень радъ сказать ему то же, если бы могъ это сдѣлать хоть съ малѣйшею искренностью. Наученный Корнеліей, онъ поздоровался сперва съ четырьмя джентльменами, распѣвавшими Виргилія, потомъ подаль руку подвижникамъ математическихъ задачъ, раскланялся съ несчастнымъ ратоборцемъ противъ времени, запачканнымъ въ чернилахъ, и, наконецъ, точно такимъ же образомъ познакомился съ оцѣпенѣлымъ джентльменомъ, отъ котораго вѣяло ужаснымъ холодомъ смерти.

Молодой Тутсъ, уже представленный Павлу, только перевелъ духъ и оскалилъ зубы при его приближеніи и молча продолжалъ прерванное занятіе. Работа его была немногосложна и имѣла даже поэтическій интересъ: онъ по большей части занимался сочиненіемъ къ самому себѣ писемъ отъ знатнѣйшихъ особъ, адресуя на конвертѣ: "М-ру Тутсу, эсквайру, въ Брайтонѣ". Такую привиллегію Тутсъ получилъ изъ уваженія къ своимъ прежнимъ очень усиленнымъ занятіямъ, которыя, какъ уже сказано, остановили его умственный ростъ въ самую пору расцвѣтающей весны. Всѣ эти письма онъ хранилъ съ большимъ тщаніемъ въ своемъ столѣ.

По соблюденіи этихъ церемоній, Корнелія повела Павла въ верхній этажъ; это путешествіе совершалось съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, потому что Павелъ принужденъ былъ ставить обѣ ноги на каждую ступень. Когда они достигли конца трудной дороги, Корнелія повела своего кліента въ переднюю комнату, выходящую фасадомъ на бурное море, и показала ему хорошенькую постель у самага окна, гдѣ на прибитой карточкѣ прекраснымъ круглымъ почеркомъ было написано: Д_о_м_б_и. На двухъ другихъ постеляхъ въ той же комнатѣ красовались имена: Б_р_и_г_г_с_ъ и Т_о_з_е_р_ъ.

Лишь только они спустились съ лѣстницы и вошли въ залу, Павелъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что подслѣповатый малый, смертельно оскорбившій м-съ Пипчинъ, вдругъ схватилъ

барабанную палку и началъ безъ милосердія колотить въ мѣдный тазъ (gong), повѣшенный въ углу комнаты, какъ будто онъ хотѣлъ этимъ способомъ выместить на комъ-то свою обиду. Павелъ ожидалъ, что его посадятъ въ карцеръ или, по крайней мѣрѣ, дадутъ выговоръ за такое буйство; но ничего этого не случилось, и молодой парень, надѣлавшій шуму по всему дому, спокойно положилъ палку и остановился, какъ ни въ чемъ не бывало. Тогда Корнелія растолковала Домби, что черезъ четверть часа стануть обѣдать, и что ему теперь должно отправиться въ классную комнату къ "своимъ друзьямъ".

Домби тихонько прошелъ мимо стѣнныхъ часовъ, безъ умолку освѣдомлявшагося о его здоровьи, еще тише пріотворилъ дверь въ классную комнату и прокрался туда, какъ потерянный мальчикъ, искавшій какого-нибудь пристанища. Его друзья разсѣялись по всѣмъ направленіямъ комнаты, за исключеніемъ окаменѣлаго пріятели, неподвижнаго, какъ и прежде. М-ръ Фидеръ потягивался во всю длину въ своемъ сѣромъ дорогомъ халатѣ, какъ будто хотѣлъ сорвать рукава.

– Охх-хо-хо! Господи твоя воля! – вопіялъ м-ръ Фидлеръ, вытягиваясь, какъ ломовая лошадь, – ай-ахъ-ай-ихѣхъ!

Павелъ былъ чрезвычайно встревоженъ зѣваньемъ м-ра Фидера, доходившимъ до огромныхъ размѣровъ, и которое въ самомъ дѣлѣ было ужасно. Всѣ мальчики, за исключеніемъ Тутса, были до крайности изнурены, и приготовлялись къ обѣду. Одинъ навязывалъ свой галстухъ, другой вымывалъ руки, третій расчесывалъ волосы, и всѣ, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидали, пока позовутъ въ столовую.

Молодой Тутсъ, уже совсѣмъ готовый, подошелъ, отъ нечего дѣлать, къ маленькому Павлу и съ неуклюжимъ добродушіемъ сказалъ:

– Садись, Домби.

– Покорно благодарю, – отвѣчалъ Павелъ.

И онъ началъ карабкаться на окно, чтобы сѣсть, но никакъ не могъ подняться на такую высоту. Это обстоятельство пробудило новую мысль въ умѣ Тутса.

– Какой ты маленькій! – сказала м-ръ Тутсъ.

– Да, – отвѣчалъ Павелъ, – я очень малъ. Покорно благодарю.

Благодарность относилась къ услужливости Тутса, который пособилъ ему взобраться на окно.

– Кто у тебя портной? – спросилъ Тутсъ, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ.

– На меня шьетъ женщина, – сказалъ Павелъ, – та же, что и на сестрицу.

– А мой портной – Борджесъ и компанія, – сказалъ Тутсъ, – молодой портной, да только очень дорогой.

У Павла достало смелости покачать головой, какъ-будто онъ хотѣлъ сказать: "Это и видно".

– Богатъ у тебя отецъ? – спросилъ Тутсъ.

– Богатъ, – отвѣчалъ Павелъ, – отецъ мой Домби и Сынъ.

– И кто? – спросилъ Тутсъ.

– И сынъ, – повторилъ Павелъ.

М-ръ Тутсъ нѣсколько разъ повторилъ про себя эту фамилію, стараясь хорошенько запомнить; но, не надѣясь на свою память, сказалъ, что завтра поутру онъ опять объ этомъ спроситъ, какъ будто фирма Домби и Сына особенно его интересовала. И дѣйствительно, онъ уже занимался составленіемъ плана дружескаго письма къ своей особѣ отъ имени Павлова отца.

Въ это время другіе воспитанники, все-таки за исключеніемъ окаменѣлаго мальчика, собрались въ кучу. Всѣ они были очень блѣдны, говорили тихо, и головы ихъ были забиты до такой степени, что молодой Байтерстонъ могъ служить для нихъ образцомъ остроумія.

– Ты спишь въ моей комнатѣ, не правда ли? – спросилъ торжественно молодой джентльменъ, у котораго воротничекъ изъ подъ рубашки доставалъ до самыхъ ушей.

– Тебя зовутъ Бриггсъ? – спросилъ Павелъ.

– Нѣтъ, Тозерь, – отвѣчалъ молодой джентльменъ.

– Все равно: я сплю въ твоей комнатѣ.

– Вотъ его зовутъ Бриггсомъ, – продолжалъ Тозерь, указывая на окаменѣлаго джентльмена, – а какъ твое здоровье, Домби?

Павель отвѣчалъ, что онъ довольно слабъ. Тозерь сказала, что это и видно по глазамъ; – а очень жаль, – прибавилъ онъ, – потому что тутъ нужно желѣзное здоровье. – Потомъ спросили Павла, не съ Корнеліей ли онъ будетъ учиться? и когда тотъ отвѣчалъ: «да», всѣ молодые джентльмены, кромѣ Бриггса, выразили глубокое сожалѣніе.

Опять раздался страшный звонъ мѣднаго таза, и въ ту же минуту воспитанники гурьбой пошли въ столовую, все таки однако-жъ за исключеніемъ Бриггса, окаменѣлаго мальчика, который остался на своемъ мѣстѣ въ томъ же положеніи, какъ былъ. Павель увидѣлъ, что для него въ комнату принесли на тарелкѣ ломоть хлѣба съ серебряной вилкой, положенной подъ салфетку.

Д-ръ Блимберъ уже сидѣлъ въ столовой на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, на переднемъ концѣ стола, а м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ занимали мѣста подлѣ него. На заднемъ концѣ стола, насупротивъ доктора, усѣлся магистръ Фидеръ, явившійся къ обѣду въ черномъ фракѣ. Стулъ Павла поставили подлѣ миссъ Блимберъ, но когда онъ сѣлъ, оказалось, что его брови не возвышались надъ уровнемъ столовой скатерти, и потому распорядились подложить подъ это сѣдалище нѣсколько книгъ, принесенныхъ изъ докторскаго кабинета. Съ той поры Павель всегда приходилъ съ этими книгами, и его мѣсто подлѣ миссъ Корнеліи утвердилось на законномъ основаніи.

Докторъ прочиталъ молитву, и обѣдъ начался. Первымъ блюдомъ былъ супъ, за которымъ слѣдовали жареная говядина, вареная говядина, зелень, пирогъ и сыръ. За столомъ вся сервировка была прекрасна и величественна. Передъ каждымъ молодымъ джентльменомъ лежали солфетка и массивная серебряная вилка. Буфетчикъ въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами разносилъ кушанья и величественно разливалъ по стаканамъ пиво, какъ будто въ рукахъ его была бутылка съ дорогимъ виномъ.

Никто, если не былъ спрошенъ, не говорилъ ни слова, кромѣ д-ра Блимбера, м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ. Какъ скоро молодой джентльменъ не былъ занятъ вилкой, ножомъ или ложкой, глаза его по какомуто невольному притяженію обращались на доктора, на докторшу или докторскую дочь. Одинъ Тутсъ составлялъ исключеніе изъ этого правила. Занимая мѣсто на одной сторонѣ съ Павломъ подлѣ м-ра Фидера, онъ безпрестанно выставлялъ голову впередъ или назадъ и старался поймать взоръ новаго пришельца.

Разъ только во время обѣда завязался разговоръ, въ которомъ, по непредвидѣнному случаю, принялъ невольное участіе молодой джентльменъ. Это было за сыромъ, когда докторъ, выкушавъ стаканъ портеру, кашлянулъ два или три раза и началъ такимъ образомъ:

– Достойно замѣчанія, м-ръ Фидеръ, что римляне...

При имени этого ужаснаго народа, непримиримаго врага всей молодой компаніи, джентльмены устремили глаза на доктора, приготовившись выслушать ученую рѣчь съ почтительнымъ вниманіемъ. Въ это время одинъ изъ воспитанниковъ, допивая пиво, случайно встрѣтился съ глазами доктора, и вдругъ, поставивъ стаканъ, почувствовалъ судорожные припадки перхоты. Докторъ долженъ былъ пріостановиться.

– Достойно замѣчанія, м-ръ Фидеръ, началъ онъ снова прерванную рѣчь, – что римляне во времена императоровъ, когда роскошь достигла необыкновенной высоты, прежде неслышанной, и когда штатгалтеры опустошали цѣлыя провинціи и разоряли жителей единственно для того, чтобы добыть средства для одного императорскаго обѣда...

Здѣсь несчастный воспитанникъ, который долго раздумывалъ и пыхтѣлъ, чтобы пересилить судорожный припадокъ, разразился, наконецъ, самымъ громкимъ кашлемъ.

– Джонсонъ, – сказала м-ръ Фидеръ тономъ легкаго упрека, – выпей воды.

Докторъ бросилъ суровый взглядъ и дожидался, пока Джонсону подавали стаканъ. Потомъ онъ началъ опять:

– И когда, м-ръ Фидеръ...

Но м-ръ Фидеръ не могъ оторвать глазъ отъ Джонсона, который снова готовился разразиться, какъ бомба.

– Извините, сэръ, – сказалъ магистръ.

– И когда, – сказалъ докторъ, возвышая голосъ, – когда братъ Вителлія – дѣйствительность факта, совершенно, впрочемъ, невѣроятнаго для толпы нашего времени, подтверждается современными писателями, заслуживающими полного довѣрія – и когда, говорю я, братъ Вителлія приготовилъ обѣдъ, за которымъ подано было двѣ тысячи рыбныхъ блюдъ...

– Выпей воды, Джонсонъ... Рыбныхъ блюдъ господинъ докторъ, – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– Пять тысячъ блюдъ изъ различныхъ сортовъ домашней птицы...

– Или закуси коркой хлѣба, – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– И одно блюдо, – продолжалъ д-ръ Блимберъ, еще болѣе возвышая голосъ и озираясь вокругъ стола, – блюдо, названное по причинѣ его огромной величины "щитомъ Минервы", и приготовленное, между прочими дорогими приправами, изъ фазаньихъ мозговъ.

– Кхи, кхи, кхи! (восклицаніе Джонсона)

– Изъ мозговъ куликовъ...

– Кхи, кхи, кхи!

– Изъ внутреннихъ частей рыбы, называемой scari...

– У тебя лопнетъ жила на головѣ, – сказалъ м-ръ Фидеръ, – ты ужь лучше дай себѣ волю.

– И еще изъ внутренностей миноги, добытой въ Карпатскомъ морѣ, – продолжалъ докторъ строгимъ голосомъ, – когда мы читаемъ объ этихъ роскошныхъ пирахъ и сверхъ того припомнимъ еще, что Титъ...

– Что подумаетъ бѣдная мать, когда съ тобой сдѣлается апоплексическій ударъ! – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– Домиціанъ...

– Ты весь посинѣлъ, – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– Неронъ, Тиберій, Калигула, Геліогабалъ и многіе другіе, – продолжалъ докторъ, – это, однако-жъ, замѣчательно, сэръ, если вамъ угодно меня слушать, очень замѣчательно.

Но съ воспитанникомъ въ эту минуту сдѣлался такой ужасный припадокъ кашля, что товарищи начали колотить его въ спину, м-ръ Фидеръ поднесъ къ его губамъ стаканъ воды, а буфетчикъ долженъ былъ нѣсколько разъ провести его по комнатѣ. Суматоха продолжалась не менѣе пяти минутъ, и когда, наконецъ, Джонсонъ началъ мало-по-малу приходитъ въ нормальное положеніе, въ комнатѣ воцарилось глубочайшее молчаніе.

– Господа, – сказалъ д-ръ Блимберъ, – вставайте на молитву! Корнелія, сними Домби. Джонсонъ, завтра поутру передъ завтракомъ ты прочтешь мнѣ наизусть по греческому тексту изъ Новаго завѣта первое посланіе Павла къ Ефесеямъ. Наши занятія, м-ръ Фидеръ, начнутся черезъ полчаса.

Молодые джентльмены поклонились и ушли. М-ръ Фидеръ сдѣлалъ то же. Въ этотъ короткій промежутокъ времени до начатія уроковъ воспитанники стали бродить попарно рука объ руку по небольшой площадкѣ за домомъ, а нѣкоторые напрасно покушались засвѣтить отрадный лучъ надежды въ омертвѣломъ сердцѣ Бриггса; но никто не позволилъ себѣ унижаться до игры. Въ условленное время снова раздался громкій бой мѣднаго таза, и классная комната наполнилась учениками, подъ предводительствомъ доктора Блимбера и м-ра Фидера.

Такъ какъ послѣобѣденный отдыхъ, по милости Джонсона, продолжался нынѣшній день менѣе обыкновеннаго, то вечеромъ передъ чаемъ воспитанники вышли гулять, и на этотъ разъ даже Бриггсъ принялъ участіе въ общемъ развлеченіи. вмѣстѣ съ питомцами вышелъ и самъ д-ръ Блимберъ, ведя подъ руку маленькаго Павла.

Чайная церемонія была столько же великолѣпна, какъ и обѣденная. По окончаніи ея, молодые джентльмены встали изъ-за стола, раскланялись и пошли повторять свои уроки, а м-ръ Фидеръ удалился въ свою комнату. Павелъ, между тѣмъ, забился въ уголокъ и старался угадать, что-то теперь думаетъ о немъ Флоренса. Въ этомъ убѣжищѣ его отыскалъ м-ръ Тутсъ, задержанный на нѣсколько минутъ чрезвычайно важнымъ письмомъ отъ герцога Веллингтона. Долго смотрѣлъ онъ на него, не говоря ни слова, соображая, по-видимому, какъ бы начать разговоръ.

– Любишь ли ты жилеты, Домби? – спросилъ онъ наконецъ.

– Да, – сказалъ Домби.

– И я люблю, – сказалъ Тутсъ.

Больше ничего не придумавъ сказать м-ръ Тутсъ, не перестававшій весь вечеръ разсматривать маленькаго Павла, который, по-видимому, очень ему нравился. Павелъ, съ своей стороны, тоже не хотѣлъ начинать разговора, такъ какъ молчаніе больше соотвѣтствовало его цѣлямъ.

Въ восемь часовъ молодое общество снова собралось въ столовую на молитву, передъ которой буфетчикъ предложилъ хлѣбъ, сыръ и пиво джентльменамъ, желавшимъ прохладить себя этими лакомствами. Церемонія окончилась словами доктора: "Господа, завтра поутру занятія наши начнутся въ семь часовъ". Тутъ только маленькій Павелъ въ первый разъ замѣтилъ у Корнеліи глазъ, который теперь былъ обращенъ прямо на него. Когда докторъ произнесъ эти слова: "Господа, завтра поутру занятія наши начнутся въ семь часовъ", молодые джентльмены раскланялись и пошли въ спальни.

Облегчая душу откровеннымъ разговоромъ, Бригсъ сказалъ въ спальнѣ своимъ товарищамъ, что у него ужасно разломило голову, и что онъ очень бы желалъ умереть, если бы не жаль было матери и чернаго дрозда, который остался у него дома. Тозерь говорилъ мало, зато много вздыхалъ и совѣтовалъ Павлу держать ухо востро, потому что завтра и до него дойдетъ очередь. Послѣ этихъ пророческихъ словъ онъ раздѣлся и легъ въ постель. Когда Бригсъ и Павелъ тоже накрылись одѣялами, въ спальню вошелъ подслѣповатый паренъ, потушилъ огонь и пожелалъ джентльменамъ спокойной ночи и пріятнаго сна. Но это искреннее желаніе не принесло своихъ плодовъ. Павелъ, который долго не могъ заснуть, да и послѣ часто просыпался, замѣтилъ, что Бригса ужасно давить его урокъ, какъ домовый, а Тозерь, подавляемый во снѣ такими же впечатлѣніями, хотя въ меньшей степени, разговаривалъ на неизвѣстныхъ языкахъ, бормоталъ греческія и латинскія фразы, равно непонятныя для Павла. Все это среди ночного безмолвія производило какое-то дикое и крайне непріятное впечатлѣніе.

Наконецъ, сладкій сонъ сомкнулъ утомленные глаза маленькаго Павла, и пригрезилось ему, будто гуляетъ онъ подъ руку съ Флоренсой въ прекрасномъ саду, будто любятъ они цвѣтами и подходятъ къ огромному подсолнечнику, который вдругъ превратился въ мѣдный тазъ и загудѣлъ пристрашнымъ образомъ надъ самымъ ухомъ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ пасмурное зимнее утро съ мелкимъ дождемъ и въ то же время дѣйствительно услышалъ громкіе звуки таза, подававшего страшные сигналы къ приготовленію въ классъ.

Товарищи его уже встали. У Бригса отъ печали и ночного кошмара лицо опухло и раздулось до такой степени, что почти не видно было глазъ. Онъ надѣвалъ сапоги и казался въ самомъ дурномъ расположеніи духа, точно такъ же, какъ Тозерь, который былъ уже совсѣмъ одѣтъ и стоялъ передъ окномъ, вздрагивая и подергивая плечами. Бѣдный Павелъ, отъ непривычки, не могъ одѣться самъ собою и попросилъ товарищей сдѣлать милость подтянуть ему шурки; но Бригсъ сказалъ только: "пошелъ прочь", а Тозерь проговорилъ: «убирайся» и отвернулся къ окну. Ребенокъ кое-какъ снарядился и сошелъ въ нижній этажъ, гдѣ увидѣлъ красивую молодую женщину въ кожаныхъ перчаткахъ, выгребавшую золу изъ камина. Казалось, она была чрезвычайно изумлена появленіемъ ребенка, и спросила, гдѣ его мать. Когда Павелъ сказалъ, что она умерла, молодая женщина скинула перчатки, сдѣлала, что для него

было нужно, отогрѣла его руки, поцѣловала его и сказала, что если еще когда-нибудь окажется въ чемъ нужда – разумѣется относительно платья, – то ему стоитъ только позвать Мелію, и она сейчасъ къ его услугамъ. Павелъ поблагодарилъ отъ всего сердца и тихонько поплелся въ классъ, гдѣ молодыге джентльмены готовились къ своимъ урокамъ; но проходя мимо одной непритворенной комнаты, оні услышалъ голосъ.

– Ты ли это, Домби?

– Я, миссъ.

Это была Корнелія, и Павелъ узналъ ее по голосу.

– Войди сюда, Домби, – сказала миссъ Блимберъ.

И Павелъ вошелъ. Миссъ Блимберъ была точно въ такомъ же костюмѣ, какъ и наканунѣ, за исключеніемъ шали на ея плечахъ. Очки уже красовались на ея носу, и Павелъ спрашивалъ себя, неужели она и спитъ въ нихъ. У нея была особая маленькая комната съ книжнымъ шкафомъ и безъ камина; но миссъ Блимберъ никогда не чувствовала холоду и расположенія къ сонливости.

– Ну, Домби, теперь я выхожу, – сказала миссъ Блимберъ.

Павелъ удивился, куда и зачѣмъ идетъ она въ такую дурную погоду и почему вмѣсто себя не пошлетъ слугу, но онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія и обратилъ все свое вниманіе на маленькую кипу новыхъ книгъ, лежавшихъ на столикѣ миссъ Блимберъ.

– Это твои книги, Домби, – сказалэ миссъ Блимберъ.

– Всѣ мои, миссъ?

– Всѣ, – отвѣчала Корнелія. – М-ръ Фидеръ скоро купить для тебя еще, если будешь хорошо учиться.

– Покорно благодарю, – сказалъ Павелъ.

– Такъ теперь я иду, – продолжала миссъ Блимберъ, – и пока я хожу, то есть, съ этого часа до завтрака, ты долженъ прочесть все, что здѣсь отмѣчено карандашемъ, и послѣ скажешь, все ли ты хорошо понялъ. Не теряй времени, Домби; тебѣ надобно торопиться... Ступай внизъ и начинай.

– Слушаю, миссъ, – отвѣчалъ Павелъ.

Книгъ было такъ много, что хотя Павелъ ухватился за нихъ обѣими руками, придерживая верхнюю подбородкомъ, средняя книга выскользнула, прежде чѣмъ онъ дошелъ до двери, и тогда весь этотъ грузъ попадалъ на полъ.

– Ахъ, Домби, Домби, какой ты неосторожный! – сказала миссъ Блимберъ и нагрозила его снова. На этотъ разъ Павелъ, тщательно соблюдая равновѣсіе, благополучно вышелъ изъ комнаты; но на дорогѣ онъ уронилъ двѣ книги на лѣстницѣ, одну на полъ въ первомъ этажѣ и еще одну передъ классной комнатой. Положивъ остальные на свой столикъ, онъ долженъ былъ воротиться и подобрать растерянное сокровище. Когда, наконецъ, вся бібліотека была собрана, онъ вскарабкался на свое мѣсто и принялся за работу, ободренный замѣчаніемъ Тозера, который сказалъ – только: "Попался, любезный", и ужъ болѣе ничего не говорилъ ни онъ, ни его товарищи, вплоть до самаго завтрака. Когда завтракъ, продолжавшійся съ обыкновенной торжественностью, былъ оконченъ, Павелъ поплелся наверхъ за миссъ Корнеліей.

– Ну, Домби, – сказала миссъ Блимберъ, – что ты сдѣлалъ съ книгами?

Книги были англійскія, но больше латинскія, объяснявшія употребленіе членовъ, торговлю древнихъ карѳагенянъ, склоненіе существительныхъ, крестовые походы, правила орѳографіи, построеніе Рима и бѣглый взглядъ на ходъ образованія вообще, съ приложеніемъ таблицы умноженія. Когда Павелъ разобралъ урокъ подъ номеромъ вторымъ, онъ нашель, что ничего не знаетъ изъ перваго номера, и когда потомъ добрался до номеровъ третьяго и четвертаго, въ головѣ его образовались понятія вродѣ слѣдующихъ: трижды четыре – Аннибаль, пять изъ двѣнадцати – Нис, хаес, нос, глаголь согласуется съ древнимъ британцемъ, а существительныя должны стоять въ одномъ падежѣ съ крестовыми походами.

– Ахъ, Домби, Домби, – сказала миссъ Блимберъ, – какой ты безтолковый!

– Вотъ если бы позвать сюда старика Глыбба, – сказалъ Павель, – я бы лучше сталъ понимать. Прикажите позвать его, миссъ.

– Какія глупости! – проговорила миссъ Блимберъ. – Не смѣй никогда говорить о Глыббѣ, тутъ не мѣсто этимъ уродамъ. Впередъ бери съ собой, Домби, только по одной книгѣ, и, когда выучишь одинъ урокъ, приходи за другимъ. Возьми теперь верхнюю книгу и ступай въ классъ.

Миссъ Блимберъ выразилась насчетъ безтолковости Павла съ видимымъ удовольствіемъ и, казалось, была рада, что будетъ имѣть съ нимъ постоянныя сообщенія. Павель удалился, какъ ему велѣли, съ верхней книгой, и началъ долбить урокъ. Иной разъ ему удавалось прочесть его наизусть слово въ слово, въ другой – онъ не помнилъ ни одного слова; но, наконецъ, онъ отважился явиться съ отчетомъ къ миссъ Блимберъ, которая, закрывъ и бросивъ поданную ей книгу на столъ, – проговорила: "Ну, Домби, читай; я слушаю". Павель былъ такъ озадаченъ этой, неожиданной выходкой, что рѣшительно забылъ вытверженный урокъ и смотрѣлъ съ глубочайшимъ изумленіемъ на ученую дѣвицу, у которой всѣ печатныя книги были въ головѣ.

При всемъ томъ, ему удалось выказать себя съ весьма хорошей стороны, и миссъ Блимберъ, сдѣлавши теперь лестный отзывъ о его способностяхъ, снабдила его другимъ урокомъ, а потомъ еще другимъ, такъ что до обѣда онъ вытвердилъ всего четыре урока, но зато чувствовалъ, послѣ этой головоломной работы, величайшее головокруженіе и ходилъ, какъ сонный, точно такъ же, какъ и другіе молодые джентльмены, за исключеніемъ, разумѣется, Тутса, который, получивъ письмо отъ какого-то владѣтельнаго князя, былъ въ очень веселомъ расположеніи духа. Павель дивился, отчего стѣнные часы, безъ устали повторяя одинъ и тотъ же вопросъ, никогда не говорили: "Господа, мы начнемъ теперь свои занятія": эта фраза безпрестанно произносилась передъ ними. Ученье двигалось и кружилось, какъ могучее колесо, вытягивая и растягивая умственныя фибры молодыхъ джентльменовъ.

Послѣ чаю, при свѣтѣ лампъ, опять начались уроки и приготовленія къ завтрашнему дню: все зубрило и долбило до той поры, пока сладкій сонъ на нѣсколько часовъ не приводилъ въ забвеніе этого умственного бичеванія.

О суббота, вождѣнная, трикраты вождѣнная суббота! день веселія, день блаженства, когда Флоренса, въ извѣстный часъ, въ извѣстную минуту, незадерживаемая никакой погодой, никакими препятствіями, хотя м-съ Пипчинъ грызла и терзала ее безъ всякаго милосердія, приходила въ учебное заведеніе д-ра Блимбера. Эти субботы были истинными днями обѣтованнаго успокоенія для двухъ маленькихъ израильтянь между христіанами, для брата и сестры, соединенныхъ священнымъ чувствомъ любви.

Даже воскресные вечера – тяжелые вечера, тѣнь которыхъ омрачала уже воскресныя утра – не могли испортить этой драгоценной субботы. Тогда, гдѣ бы ни бродили они, гдѣ бы ни сидѣли, на привольномъ морскомъ берегу или въ душной комнатѣ м-съ Пипчинъ, для Павла это все равно: съ нимъ была Флоренса, и больше ни въ комъ онъ не нуждался! съ нимъ была Флоренса, которая напѣвала ему нѣжную пѣсенку или покоила его утомленную голову на своихъ колѣняхъ, и когда, наконецъ, въ роковой воскресный вечеръ темная докторская дверь поглощала бѣднаго Павла на другую недѣлю, онъ прощался только съ Флоренсой, и ни съ кѣмъ болѣе!

Когда м-съ Виккемъ была выписана изъ Брайтона въ Лондонъ, мѣсто ея въ домѣ м-съ Пипчинъ заняла Сусанна Нипперъ Выжига, теперь молодая и очень красивая женщина, расторопная и бойкая, которая какъ разъ пришлась подъ пару м-съ Пипчинъ, встрѣтившей первый разъ въ жизни приличную для себя партію. Въ первый же день по прибытіи въ Брайтонъ, миссъ Нипперъ объявила ей войну, непримиримую войну на жизнь и смерть, и въ короткое время уже дала нѣсколько сраженій съ блистательнымъ успѣхомъ. Она не просила и не давала пощады. Она сказала: "Будетъ война", и война была, и м-съ Пипчинъ съ этой поры жила среди нечаянныхъ нападений, непредвидѣнныхъ засадъ, смѣлыхъ вызововъ. Сусанна тормошила и

опустошала своего непріятеля всегда и вездѣ: за котлетами, за сладкими пирогами, въ залѣ, въ столовой, въ спальнѣ.

Однажды, вечеромъ въ воскресенье, послѣ окончательнаго прощанья съ Павломъ, Флоренса, воротившись домой, вынула изъ ридикюля небольшой лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано нѣсколько словъ карандашомъ.

– Смотрите сюда, Сусанна, – сказала она, – вотъ это заглавія тѣхъ книжекъ, что Павелъ приноситъ домой. Я списала ихъ прошлую ночь, когда онъ читаль, бѣдняжка, несмотря на крайнюю усталость.

– Съ чего вы взяли показывать ихъ мнѣ, миссъ Флой? – возразила Сусанна. – Я скорѣе соглашусь смотрѣть на м-съ Пипчинъ.

– Вы потрудитесь, пожалуйста, Сусанна, купить для меня эти книги завтра поутру. У меня довольно денегъ, – сказала Флоренса.

– Это что за новости, миссъ Флой? – съ живостью возразила миссъ Нипперъ. – Какъ вы можете говорить такой вздоръ, когда у васъ и безъ того цѣлая груда книгъ, и когда м-ръ Домби, по вашей милости, нагналъ сюда цѣлую свору учителей и учительницъ – чортъ бы ихъ побралъ – хотя, сказать правду, вашему папенькѣ никогда бы не пришло въ голову выучить васъ чему-нибудь, если бы вы сами ему не надѣли; но согласиться на просьбу и предложить безъ просьбы – двѣ вещи разныя, миссъ Флой. Вотъ если бы ко мнѣ посватался какой-нибудь красивый парень и сказалъ: "Сусанна, будь моею женою". – «Изволь», отвѣчала бы я; но вѣдь это не то, что сказать: "Полюби меня, любезный, мнѣ хочется замужъ".

– Пожалуйста, купите, Сусанна, мнѣ очень нужны эти книги.

– А зачѣмъ вамъ ихъ, миссъ Флой? – спросила Нипперъ и прибавила немножко потише, – если вы хотите размозжить ими. голову м-съ Пипчинъ, я, по жалуй, накуплю ихъ цѣлую тельгу.

– Мнѣ кажется, я могу немного пособлять бѣдному Павлу, когда у меня будутъ эти книги, и облегчать его недѣльные занятія. По крайней мѣрѣ, попытаюсь. Купите, пожалуйста, я никогда не забуду этой услуги.

И Флоренса сопровождала свою просьбу такимъ умоляющимъ взоромъ, что Сусанна, не дѣлая болѣе никакихъ возраженій, взяла изъ ея рукъ маленькій кошелекъ и тутъ же отправилась рысью исполнять порученіе.

Добыть это сокровище было не такъ легко. Въ одной лавкѣ сказали, что такихъ книгъ никогда не водилось; въ другой, что въ прошломъ мѣсяцѣ было ихъ пропасть, а теперь нѣтъ ни одной, въ третьей, что на будущей недѣлѣ привезутъ ихъ цѣлую гибель. Но Сусанна была не такая дѣвушка, чтобы придти въ отчаяніе отъ этихъ пустяковъ. Она завербовала въ знакомой лавкѣ молодого бѣлокураго парня въ черномъ коленкоровомъ передникѣ, и, отправившись на поиски вмѣстѣ съ нимъ, начала по всѣмъ возможнымъ направленіямъ таскать его взадъ и впередъ, такъ что услужливый малый совершенно выбился изъ силъ и готовъ былъ сдѣлать все на свѣтѣ, лишь бы только отвязаться отъ своей спутницы. Наконецъ, книги были найдены, куплены, и Сусанна съ торжествомъ возвратилась домой.

Съ этимъ сокровищемъ, по окончаніи собственныхъ уроковъ, Флоренса сидѣла по ночамъ въ своей комнатѣ и слѣдила за братомъ по колючимъ кустарникамъ книжнаго странствованія. При быстрыхъ способностяхъ и рѣдкой смѣтливости, молодая дѣвушка, одушевленная любовью, этимъ могущественнымъ наставникомъ, въ скоромъ времени догнала своего брата, сравнялась съ нимъ и перегнала его.

Ни поль-слова объ этомъ не было сказано м-съ Пипчинъ. Флоренса всегда трудилась по ночамъ за своимъ рабочимъ столикомъ, когда всѣ въ домѣ спали крѣпкимъ сномъ, кромѣ Сусанны, которая обыкновенно сидѣла подлѣ нея съ папильотками въ волосахъ и заспанными глазами, между тѣмъ какъ пепель уныло хрустѣлъ въ каминѣ, превращаясь въ золу, и догравшія свѣчи печально вторили ему передъ своимъ послѣднимъ издыханіемъ. Быть можетъ, смотря на это труженичество или, правильнѣе, на это высокое самопожертвованіе, м-съ Чиккъ

согласились бы, наконецъ, признать тутъ нѣкоторое у_с_и_л_і_е и утвердить за своей племянницей имя Домби.

И велика была награда, когда въ субботу вечеромъ, въ ту пору, какъ Павель, по обыкновению, принялся за свои уроки, она сѣла подлѣ него и начала объяснять ему темныя мѣста, выравнивая такимъ образомъ и выглаживая трудный путь школьнаго образованія. Павель краснѣлъ, улыбался, крѣпко сжималъ сестру въ своихъ объятіяхъ, и только Богу извѣстно, какъ билось и трепетало ея сердце при этомъ высокому вознагражденію.

– Охъ, Флой! – говорилъ братъ. – Какъ я люблю тебя! какъ я люблю тебя, Флой!

– И я тебя, мой милый!

– Знаю, Флой, знаю!

Больше ничего онъ не говорилъ во весь этотъ вечеръ и спокойно сидѣлъ подлѣ сестры. Ночью три или четыре раза онъ приходилъ къ ней изъ своей маленькой комнаты и опять говорилъ, что любить ее.

Съ этой поры братъ и сестра каждую субботу, во время ночи, сидѣли вмѣстѣ за книгами, стараясь по возможности облегчить занятія для будущей недѣли. Мысль, что онъ работаетъ тамъ, гдѣ Флоренса трудилась еще прежде него и для него, не щадя своихъ силъ, эта утѣшительная, отрадная мысль уже сама собою въ высшей степени подстрекала его дѣятельность и оживляла утомленную душу; но, кромѣ того, Павель получалъ отъ сестры дѣйствительную помощь и облегченіе, и, быть можетъ, это обстоятельство окончательно спасло его отъ неминуемой гибели подъ тяжестью груза, который взваливала на его спину прекрасная Корнелія Блимберъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы миссъ Блимберъ была къ нему слишкомъ строга, или чтобы д-ръ Блимберъ вообще безжалостно обходился съ молодыми джентльменами. Корнелія слѣдовала только правиламъ вѣры, въ которой была воспитана, а докторъ, по какой-то странной сбивчивости въ своихъ идеяхъ, смотрѣлъ на молодыхъ джентльменовъ такъ, какъ будто они были докторами и всѣ родились взрослыми. Ближайшіе родственники молодыхъ джентльменовъ, ослѣпленные тщеславіемъ и дурно разсчитанною торопливостью, до небесъ превозносили д-ра Блимбера, и было бы странно, если-бы теперь онъ открылъ свою ошибку и направилъ распушенные паруса въ другую сторону.

Съ Павломъ, какъ и съ прочими воспитанниками, повторилась одна и та же исторія. Когда д-ръ Блимберъ сказалъ, что онъ очень умный мальчикъ и быстро идетъ впередъ, м-ръ Домби болѣе чѣмъ когда-либо принялся хлопотать, чтобы сынъ его былъ напичканъ по горло всякой всячиной. Когда, напротивъ, о Бриггсѣ было возвѣщено, что у него не слишкомъ бойкія способности, и успѣхи покамѣстъ еще слабы, отецъ этого джентльмена оказался неумолимымъ. Словомъ, какъ ни высока и душна была температура въ докторской теплицѣ, владѣльцы этихъ растений всегда изъявляли готовность подкладывать горячіе уголья и раздувать мѣхи.

Скоро Павель потерялъ всю живость, какую имѣлъ сначала, но характеръ его по прежнему остался страннымъ, задумчивымъ, стариковскимъ и даже еще болѣе утвердился въ этихъ свойствахъ при обстоятельствахъ, столь благопріятныхъ для ихъ развитія. Разница была лишь та, что онъ сосредоточился теперь исключительно въ себѣ самомъ и уже не имѣлъ того живого любопытства, какое нѣкогда обнаруживалъ въ домѣ м-съ Пипчинъ, наблюдая черного кота и его владѣлицу. Онъ любилъ оставаться наединѣ и въ рѣдкіе часы, свободные отъ занятій, бродилъ безъ товарищей около докторскаго дома или сидѣлъ на лѣстницѣ, прислушиваясь къ громкому бою огромныхъ часовъ. Онъ изучилъ въ домѣ всѣ стѣнные обои и видѣлъ на рисункахъ такія вещи, которыхъ никто не видалъ; миниатюрные львы и тигры, бѣгающіе по стѣнамъ спальни, и косяя рожи на коврахъ стояли съ нимъ на самой короткой ногѣ.

И жилъ онъ одинъ среди чудныхъ видѣній своей фантазіи, и никто не понималъ его. М-съ Блимберъ называла его «страннымъ», а лакеи иной разъ говорили между собою, что маленькій Домби «скупаетъ». Больше никто ничего не говорилъ о немъ.

Только молодой Тутсъ имѣлъ нѣкоторую идею о загадочномъ предметѣ, но никакъ не могъ объяснить ее ни себѣ, ни другимъ. Идеи, подобно привидѣніямъ, должны принять какой-нибудь образъ, чтобы сдѣлаться доступными, а Тутсъ не могъ сообщить своимъ мыслямъ никакого образа и давно пересталъ допытываться тайнъ отъ своей души. Изъ мозга его, какъ изъ свинцоваго ящика, выходилъ какой-то туманъ, безъ формы и внѣшняго вида, не оставляя послѣ себя ни малѣйшихъ слѣдовъ. Долго и часто слѣдилъ онъ глазами маленькую фигуру на морскомъ берегу, и какая-то таинственная, неотразимая симпатія привлекала его къ сыну м-ра Домби.

– Какъ твоѣ здоровье? – спрашивалъ онъ Павла по пятидесяти разъ на день.

– Очень хорошо, – отвѣчалъ Павелъ – покорно благодарю.

– Давай же руку, – говорилъ потомъ Тутсъ.

И Павелъ протягивалъ руку. Помолчавъ минутъ десять, м-ръ Тутсъ, не спускавшій глазъ съ маленькаго товарища, опять спрашивалъ его – какъ ваше здоровье? – и Павелъ опять отвѣчалъ – очень хорошо, покорно благодарю.

Однажды м-ръ Тутсъ сидѣлъ за своей конторкой, занятый по обыкновенію важной корреспонденціей, какъ вдругъ великая мысль озарила его голову. Онъ бросилъ перо и пошелъ къ Павлу, котораго, наконецъ, послѣ длинныхъ поисковъ, нашелъ сидѣвшимъ на окнѣ въ своей спальнѣ. Павелъ смотрѣлъ на морской берегъ.

– Послушай, Домби! – вскричалъ Тутсъ. – О чемъ ты думаешь?

– О, я думаю о многихъ вещахъ! – отвѣчалъ Павелъ.

– Неужто! – вскричалъ Тутсъ, находя, что такой фактъ уже самъ по себѣ былъ чрезвычайно удивителенъ.

– Если бы тебѣ пришлось умереть, – началъ Павелъ, смотря ему въ лицо.

Тутсъ оробѣлъ.

– Не лучше ли бы ты согласился умереть въ лунную ночь, при ясномъ и чистомъ небѣ, когда подуетъ вѣтерокъ, какъ въ прошлую ночь?

М-ръ Тутсъ, съ выраженіемъ сомнѣнія, взглянулъ на Павла, взявъ его за руку и сказалъ, что онъ ничего не знаетъ.

– О, это была прекрасная ночь! – продолжалъ Павелъ. – Я долго смотрѣлъ и прислушивался къ морскимъ волнамъ. На поверхности ихъ, при полномъ свѣтѣ луны, качалась лодка съ парусомъ.

Ребенокъ смотрѣлъ такъ пристально и говорилъ такъ серьезно, что м-ръ Тутсъ увидѣлъ настоятельную необходимость сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе объ этой лодкѣ.

– Это контрабандисты? – сказалъ м-ръ Тутсъ. Но припомнивъ, что каждый вопросъ имѣетъ двѣ стороны съ одинаковой степенью вѣроятности, онъ прибавилъ: – Или таможенные?

– Лодка съ парусомъ, – продолжалъ Павелъ, – при полномъ свѣтѣ луны. Парусъ – весь серебряный. Она плыла далеко отъ берега, и какъ ты думаешь, что она дѣлала, когда качали ее волны?

– Нырjala? – сказалъ м-ръ Тутсъ.

– Мнѣ казалось, что она манила меня къ себѣ, – говорилъ Павелъ. – Вонъ она! Вонъ она!

– Кто? – вскричалъ Тутсъ, приведенный въ ужасный испугъ при этомъ внезапномъ восклицаніи.

– Сестра моя, Флоренса! – сказалъ Павелъ. – Вонъ она смотритъ и махаетъ рукой. Она видитъ меня, она видитъ меня! Здравствуй, милая, здравствуй, здравствуй!

Павелъ стоялъ на окнѣ, хлопалъ въ ладоши и посылалъ сестрѣ воздушные поцѣлуи; но когда Флоренса, проходя мимо, скрылась изъ виду, лицо его, оживленное яркимъ румянцемъ, опять приняло меланхолическое выраженіе и прониклось тревожнымъ ожиданіемъ. Всѣ эти переходы изъ одного состоянія въ другое были слишкомъ замѣчательны, чтобы ускользнуть отъ вниманія даже такого наблюдателя, какъ м-ръ Тутсъ. Свиданье на этотъ разъ было пре-

рвано визитомъ м-съ Пипчинъ, которая обыкновенно приходила по сумеркамъ въ докторскій домъ два или три раза въ недѣлю, чтобы навѣстить своего бывшего воспитанника. Ея прибытіе въ эту минуту произвело чрезвычайно непріятное впечатлѣніе на м-ра Тутса, такъ что онъ, по какому-то безотчетному побужденію, послѣ первыхъ привѣтствій, еще два раза подошелъ къ м-съ Пипчинъ, чтобы освѣдомиться, все ли она въ добромъ здоровьи. Эту выходку м-съ Пипчинъ приняла за личное оскорбленіе и немедленно сообразила, что мысль о такой обидѣ родилась и созрѣла въ дьявольскомъ мозгу слѣпого болвана, на котораго, какъ и слѣдуетъ, въ тотъ же вечеръ была принесена формальная жалоба дру Блимберу, и тотъ долженъ былъ сказать своему слугѣ, что если онъ еще разъ повторитъ подобную продѣлку, то его уже безъ всякихъ объясненій прогонять со двора.

Когда дни дѣлались длиннѣе, Павелъ уже каждый вечеръ становился у окна и выжидалъ Флоренсу. Она въ извѣстное время нѣсколько разъ проходила мимо докторскаго дома, пока не увидитъ брата, и ея появленіе было живительнымъ солнечнымъ лучемъ, озарявшимъ ежедневную жизнь бѣднаго Павла. Часто, послѣ сумерекъ, другая фигура блуждала мимо докторскаго дома, – фигура м-ра Домби, который теперь уже рѣдко пріѣзжалъ по субботамъ. Онъ хотѣлъ лучше быть незнаннымъ и украдкой смотрѣлъ на высокія окна, гдѣ его сынъ готовился быть человѣкомъ. И онъ ждалъ, и надѣялся, и караулилъ, и мечталъ.

О, если бы видѣлъ онъ, другими глазами видѣлъ, какъ бѣдный унылый мальчикъ, прилегшій грудью на окно, прислушивается къ гулу морскихъ волнъ и устремляетъ задумчивые взоры на безпредѣльное небо, туда, гдѣ носятся темныя облака, гдѣ беззаботно порхаютъ птицы, между тѣмъ, какъ онъ, несчастный узникъ, заключенъ безвыходно въ своей одинокой клѣткѣ!

Глава XIII

Вѣсть изъ-за моря и распоряженіе фирмы

На площадкѣ передъ торговыми заведеніями м-ра Домби съ незапамятныхъ временъ производилась мелочная торговля всякой всячиной и особенно отличными фруктами, расположенными на ларяхъ, скамейкахъ, столикахъ и такъ далѣе. Каждый день, съ десяти часовъ утра до пяти вечера, торгаши и торговки предлагали прохожимъ туфли, карманные книжки, грецкія губки, собачьи ошейники, виндзорское мыло, картину, написанную масляными красками, а иной разъ тутъ же весьма кстати являлась лягавая собака, къ удовольствію отчаянныхъ охотниковъ до коммерческой политики, которые на этомъ рынкѣ, въ виду лондонской биржи, громко спорили насчетъ повышенія и пониженія денежныхъ фондовъ и держали пари на новыя шляпы.²

Всѣ эти товары, со включеніемъ лягавой собаки, очень учтиво рекомендовались почтеннѣйшей публикѣ, но ни одинъ торгошъ не осмѣливался безпокоить своей особой м-ра Домби. Какъ скоро знаменитый негоціантъ появлялся на площадкѣ, вся торгующая компанія почти-тельно разступалась въ разныя стороны, кромѣ, однакожь, смѣлаго промышленника собачьими ошейниками, который, вытягиваясь въ струнку, приставлялъ указательный перстъ къ широкимъ полямъ своей шляпы и раскланивался очень вѣжливо. Этотъ промышленникъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ человѣкъ политическій и до того извѣстный всему торгующему міру, что одинъ артистъ, имѣвшій жительство въ Чипсайдѣ,³ привинтилъ его портретъ къ дверямъ своей лавки. Разносчикъ билетовъ и афишъ, завидѣвъ м-ра Домби, бросался со всѣхъ ногъ отворять какъ можно шире конторскія двери, снималъ шапку долой и проникался глубочайшимъ благоговѣніемъ, когда мимо его проходилъ величавый джентльменъ.

Но ничто не можетъ сравниться съ трепетнымъ благоговѣніемъ конторщиковъ и писарей, когда мимо нихъ проходилъ м-ръ Домби. Во всѣхъ комнатахъ воцарялась торжественная тишина, и остроуміе конторы внезапно поражалось нѣмотою. Дневной свѣтъ, тусклый и мрачный, пробивавшійся черезъ окна и отверстія въ потолокъ, оставлялъ въ стеклахъ черный осадокъ и выказывалъ глазамъ любопытнаго зрителя цѣлыя груды книгъ и дѣловыхъ бумагъ съ различными номерами и заглавіями. Надъ ними, за широкимъ столомъ, виднѣлись человѣческія фигуры съ понурыми головами, съ задумчивыми челами, отдѣленные тѣломъ и душою отъ видимаго міра. Можно было подумать, что всѣ эти господа рукою всеильной волшебницы превратились въ рыбъ и опустились на дно морское, между тѣмъ какъ небольшая кассовая комната среди конторы, гдѣ днемъ и ночью горѣла тусклая лампа подъ стекляннымъ колпакомъ, представляла пещеру какого-то морского чудовища, озирающаго кровожадными глазами дивныя тайны морской глубины.

М-ръ Перчъ, разсыльный, засѣдавшій по обыкновенію въ передней на небольшой полкѣ, какъ будто онъ былъ бронзовая статуэтка или столовые часы, имѣлъ удивительную способность угадывать по чутью приближеніе своего хозяина. Передъ этимъ временемъ онъ торопливо вбѣгалъ въ его кабинетъ, вытаскивалъ изъ ящика свѣжіе уголья, раздувалъ въ каминѣ огонь, просушивалъ на рѣшеткѣ мокрую утреннюю газету, только что освобожденную изъ типографскаго станка, разставлялъ по мѣстамъ стулья и ширмы и, при входѣ м-ра Домби, быстро повертывался налѣво кругомъ, чтобы взять отъ него шляпу и шинель. Потомъ м-ръ Перчъ бралъ газету, повертывалъ ее два или три раза передъ огнемъ и почтительно укладывалъ на столѣ передъ глазами своего повелителя. Вообще услужливость его доходила до послѣднихъ степеней: если

² Авторъ осмѣиваетъ здѣсь страсть англичанъ кстати и некстати толковать о биржевыхъ дѣлахъ, страсть, распространившуюся даже между мелкими торговцами и уличными зѣваками. *Прим. перев.*

³ Такъ называется одна изъ глухихъ улицъ въ Лондонѣ. Cheapside буквально – дешевая сторона.

бы онъ могъ при всякомъ случаѣ, въ знакъ безпредѣльнаго смиренія, припадать къ стопамъ м-ра Домби или величать его титулами, которыми во время оно украшалась священная особа халифа Гарунъ Альрашида, м-ръ Перчъ, нѣтъ сомнѣнія, счелъ бы себя благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Но такъ какъ подобная честь была бы въ Лондонѣ очень неприятнымъ нововведеніемъ даже для самого м-ра Домби, разсылный Перчъ *volens volens*, скрѣпя сердце, принужденъ былъ ограничиться безмолвнымъ выраженіемъ своей преданности, и въ глазахъ его нетрудно было прочесть фразы, вродѣ слѣдующихъ: "Ты, о мой повелитель, свѣтъ моихъ, очей, дыханіе устъ моихъ, жизнь души моей. Ты владыка правовѣрнаго Перча". Преисполненный такими благочестивыми чувствами, м-ръ Перчъ становился на цыпочки, притворялъ дверь и тихонько выходилъ въ переднюю, оставляя своего владыку въ кабинетѣ, гдѣ съ безпримѣрной дерзостью на него смотрѣли грязныя трубы съ параллельныхъ кровель и особенно нахальное окно изъ парикмахерской залы, на которомъ кокетливо рисовался восковой болванчикъ, плѣшивый поутру, какъ правовѣрный мусульманинъ, и убранный передъ чаемъ всею роскошью европейской прически.

М-ръ Домби, съ высоты своего послѣдняго и мрачнаго величія, спускался къ остальному человѣчеству по двумъ ступенямъ конторской администраціи. Первою ступеню былъ м-ръ Каркеръ, завѣдывавшій своимъ департаментомъ; второю – м-ръ Морфинъ, начальникъ особаго департамента. Каждый изъ этихъ джентльменовъ занималъ по маленькой конторкѣ, соединявшейся съ резиденціей верховнаго владыки. М-ръ Каркеръ, какъ великій визирь, помѣщался въ комнатѣ, ближайшей къ султану; м-ръ Морфинъ, сановникъ низшаго разряда, жилъ въ комнатѣ, ближайшей къ писарямъ.

М-ръ Морфинъ былъ пожилой холостякъ, одаренный живыми сѣрыми глазами и чрезвычайно веселымъ нравомъ. Его сюртукъ, жилетъ и фракъ были всегда самага чернаго цвѣта, а остальной костюмъ отличался удивительной пестротой. Въ его густыхъ черныхъ волосахъ рѣзко пробивалась просѣдь, и бакенбарды совершенно побѣлѣли отъ времени и заботъ. Онъ искренно уважалъ м-ра Домби и при всякомъ случаѣ оказывалъ ему глубокое почтеніе, хотя въ то же время чувствовалъ невольную робость въ присутствіи величаваго джентльмена. При мягкомъ и нѣжномъ характерѣ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей зависти къ своему сопернику, м-ру Каркеру, осыпанному высокими милостями, и былъ даже очень радъ, что ему поручили должность, которая не давала ему никакихъ способовъ отличиться на своемъ служебномъ поприщѣ. Послѣ дневныхъ хлопотъ, въ часы досуга, онъ любилъ заниматься музыкой и оказывалъ истинно отеческую привязанность къ своей віолончели, которую разъ въ недѣлю аккуратно переносили изъ его жилища въ нѣкоторый клубъ подлѣ банка, гдѣ веселая компанія, въ порывѣ артистическаго восторга, разыгрывала каждую среду убійственно раздирательныя квартеты.

М-ръ Каркеръ, джентльмень лѣтъ тридцати восьми или сорока, круглолицый и полный, обращалъ на себя особенное вниманіе двумя несокрушимыми рядами блестящихъ зубовъ, правильныхъ и бѣлыхъ до ужасной степени совершенства. Эти страшные зубы невольно бросались въ глаза, потому что м-ръ Каркеръ выказывалъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и когда уста его открывались для улыбки, рѣдко переходившей за поверхность его толстыхъ губъ, собесѣднику казалось, что передъ нимъ огрызается борзая собака, готовая схватить его за горло. Поражая своему начальнику, онъ носилъ высочайшій бѣлый галстухъ и плотно застегивался на всѣ пуговицы. Его обращеніе съ мромъ Домби было глубоко обдуманно и выполнялось въ совершенствѣ. Онъ стоялъ съ нимъ на самой короткой ногѣ, сколько могло позволить огромное разстояніе между начальникомъ и подчиненнымъ. "М-ръ Домби, такой человѣкъ, какъ я, такому человѣку, какъ вы, никогда не можетъ изъявить соразмѣрнаго почтенія и удовлетворительной преданности. Какъ бы я ни унижался, ни уничтожался предъ тобой, о владыка души моей, все это будетъ вздоръ: ничтожный червь не можетъ воздать должнаго почтенія совершеннѣйшему

изъ земныхъ созданий. Поэтому ужъ позвольте, м-ръ Домби, обходиться съ вами безъ всякой церемоніи. Чувствую, что душа моя при этомъ проникнута будетъ глубокою скорбью; но ты, о мой повелитель, снизойдешь къ слабостямъ своего раба". Если бы м-ръ Каркеръ, напечатавъ такую декларацию, повѣсилъ ее себѣ на шею, онъ не могъ бы опредѣлиться яснѣе.

Таковъ былъ Каркеръ, главный приказчикъ торговаго дома. М-ръ Каркеръ младшій, другъ Вальтера, былъ его родной братъ, старшій двумя или тремя годами, но безконечно низшій по значенію въ конторѣ. Младшій братъ стоялъ на верху административной лѣстницы, старшій – на самомъ низу. Съ самага начала своего служебнаго поприща старшій братъ ни на шагъ не подвинулся впередъ и стоялъ все на одной и той же ступени. Молодые люди догоняли его, перегоняли, становились надъ его головой, поднимались выше и выше, а онъ продолжалъ стоять на своей послѣдней ступени. Онъ совершенно сроднился съ своимъ положеніемъ, не жаловался никогда ни на что, и, нѣтъ сомнѣнія, никогда не надѣялся подвинуться впередъ.

– Какъ ваше здоровье? – спросилъ главный приказчикъ, входя однажды поутру въ кабинетъ м-ра Домби съ пачкою бумагъ подъ мышкой.

– Какъ ваше здоровье, Каркеръ? – отвѣчала м-ръ Домби, вставая съ кресель и обратившись задомъ къ камину. – Есть тутъ у васъ что-нибудь для меня?

– Не знаю, стоитъ ли васъ беспокоить, – сказала Каркеръ, переворачивая бумаги. – Сегодня, вы знаете, у васъ комитетъ въ три часа.

– Два. Другой комитетъ въ три четверти четвертаго, – прибавилъ м-ръ Домби.

– Изволь тутъ поймать его! – воскликнулъ Каркеръ, еще разъ перебирая бумаги. – Если еще м-ръ Павелъ наслѣдуетъ вашу память, трудненько будетъ съ вами управиться. Довольно бы и одного.

– Память, кажется, и у васъ недурна, – замѣтилъ м-ръ Домби.

– Еще бы! – возразилъ приказчикъ. – Это единственный капиталъ для такого человѣка, какъ я.

М-ръ Домби, всегда спокойный и величавый, самодовольно облокотился на каминъ и принялся осматривать своего приказчика съ ногъ до головы, въ полной увѣренности, что тотъ ничего не замѣчаетъ. Вычурность костюма м-ра Каркера и оригинальная гордость въ осанкѣ и обращеніи, природная или заимствованная отъ своего высокаго образца, придавали удивительный эффектъ его смиренію. Казалось, это былъ человѣкъ, безсильно спорившій съ могучей властью и уничтоженный въ конецъ недостижимымъ величіемъ м-ра Домби.

– Морфинъ здѣсь? – спросилъ Домби послѣ короткой паузы, между тѣмъ какъ м-ръ Каркеръ переворачивалъ бумаги и бормоталъ про себя какія-то отрывочныя фразы.

– Да, Морфинъ здѣсь, – отвѣчалъ Каркеръ, широко отворяя ротъ для своей обыкновенной улыбки. – Онъ, я думаю, повторяетъ теперь свои музыкальныя впечатлѣнія отъ вчерашняго квартета. По крайней мѣрѣ, онъ все утро мурлыкалъ такъ, что чуть меня съ ума не свелъ. Прикажите, пожалуйста, м-ръ Домби, развести костеръ и спалить его проклятую віолончель вмѣстѣ съ его адскими нотами.

– Вы никого и ничего не уважаете, – сказала м-ръ Домби.

– Неужто вы такъ думаете! – воскликнулъ Каркеръ, безбожно оскаливая зубы, какъ животное изъ тигровой породы. – Оно, впрочемъ, и справедливо: немногихъ я уважаю, а если сказать всю правду, – пробормоталъ онъ какъ будто про себя, – есть только одинъ человѣкъ на свѣтѣ, достойный уваженія въ моихъ глазахъ.

Никто бы не поручился, смотря на физиономію Каркера, вралъ онъ или говорилъ правду. Но м-ръ Домби всего менѣе могъ подозрѣвать въ притворствѣ своего приказчика.

– А, между тѣмъ, кстати о Морфинѣ, – продолжалъ м-ръ Каркеръ, вынимая одинъ листъ изъ связки бумагъ. – Онъ рапортуетъ о смерти младшаго конторщика въ Барбадосѣ и предлагаетъ прислать на его мѣсто кого-нибудь на корабль "Сынъ и Наслѣдникъ", который, кажется, дол-

жень отправиться недѣль черезъ пять. У васъ, разумѣется, никого нѣтъ въ виду, м-ръ Домби? Мы тоже не имѣемъ въ наличности людей подобнаго сорта.

М-ръ Домби кивнулъ головой съ величайшимъ равнодушіемъ.

– Мѣстечко, чортъ побери, не очень теплое, – продолжалъ м-ръ Каркеръ, дѣлая замѣтку на оборотѣ листа. – Авось Морфинъ удружить какому-нибудь музыкальному кружку, отправивъ туда его племянника сиротинку для усовершенствованія въ музыкальномъ искусствѣ. Пусть его! Кто тамъ? войдите.

– Извините, м-ръ Каркеръ. Я не зналъ, что вы здѣсь, сэръ, – отвѣчалъ Вальтеръ, входя съ запечатанными письмами, только-что принятыми отъ почтальона. – М-ръ Каркеръ младшій...

При этомъ имени главный приказчикъ какъ будто почувствовалъ ужасный стыдъ и униженіе. Онъ обратилъ на м-ра Домби умоляющій взглядъ, понурилъ голову и съ минуту не говорилъ ни слова.

– Кажется, я имѣлъ честь просить васъ, – сказалъ онъ, наконецъ, съ гнѣвнымъ видомъ, обращаясь къ Вальтеру, – никогда не включать въ нашъ разговоръ имени Каркера младшаго.

– Извините, – возразилъ Вальтеръ. – Я хотѣлъ сказать... м-ръ Каркеръ полагалъ, что вы ушли... я бы не осмѣлился войти, если бы зналъ, что вы заняты съ м-ромъ Домби. Эти письма, сэръ, адресованы на имя м-ра Домби.

– Очень хорошо, – сказалъ приказчикъ, вырывая письма изъ рукъ Вальтера. – Можете теперь идти, откуда пришли.

Но при этой грубой и безцеремонной выходкѣ онъ не замѣтилъ, что уронилъ одно письмо прямо къ ногамъ м-ра Домби, который тоже ничего не замѣчалъ. Вальтеръ принужденъ былъ воротиться поднять письмо и положилъ на конторку передъ м-ромъ Домби. Случилось, какъ нарочно, что это несчастное посланіе, адресованное рукою Флоренсы, было отъ м-съ Пипчинъ съ ея обыкновеннымъ рапортомъ о состояніи маленькаго Павла. М-ръ Домби, обративъ вниманіе на конвертъ, гордо и грозно взглянулъ на Вальтера, воображая, что заносчивый юноша съ намѣреніемъ выбралъ это письмо изъ всѣхъ другихъ.

– Можете идти на свое мѣсто, – сказалъ м-ръ Домби съ надменнымъ видомъ.

Онъ скомкалъ письмо въ рукѣ и не распечатавъ засунулъ въ карманъ, продолжая наблюдать Вальтера, выходившаго изъ дверей.

– Вы сказали, кажется, что вамъ некого послать въ Вестъ-Индію, – торопливо сказалъ м-ръ Домби.

– Точно такъ, – отвѣчалъ Каркеръ.

– Отправить молодого Гэя.

– Хорошо, очень хорошо, – сказалъ Каркеръ самымъ спокойнымъ и холоднымъ тономъ, – такъ хорошо, что ничего не можетъ быть лучше.

Онъ взялъ перо и поспѣшно записалъ резолюцію своего начальника: "Отправить молодого Гэя".

– Позвать его сюда, – сказалъ м-ръ Домби. М-ръ Каркеръ опрометью бросился изъ дверей и черезъ минуту воротился съ Вальтеромъ.

– Гэй, – сказалъ м-ръ Домби, поворачивая голову къ молодому человѣку. – Открылась у насъ...

– Вакансія, – добавилъ м-ръ Каркеръ, открывая уста наистрашнѣйшимъ образомъ для своей обязательной улыбки.

– Въ Вестъ-Индію, въ Барбадосъ. Я намѣренъ туда отправить васъ, – сказалъ м-ръ Домби, не считая нужнымъ подсластить горькую истину, – на упразднившееся мѣсто младшаго конторщика въ нашемъ торговомъ домѣ. Будьте готовы и поторопитесь извѣстить дядю объ этомъ назначеніи.

У Вальтера замеръ духъ, и онъ едва могъ про говорить: "Въ Вестъ-Индію"!

– Кто-нибудь должен же ъхать, – сказал м-рь Домби. – Вы молоды, здоровы, и притомъ вашъ дядя не въ блестящихъ обстоятельствахъ. Скажите Гильсу, что я назначилъ васъ. Впрочемъ, вы ѣдете черезъ мѣсяць или два.

– Я долженъ тамъ остаться, сэръ? – спросилъ Вальтеръ.

– Должны остаться! – повторилъ м-рь Домби. – Что это значить? Что онъ этимъ хочетъ сказать, Каркеръ?

– То есть, я долженъ буду и жить въ Барбадосъ? – пролепеталъ Вальтеръ.

– Разумѣется, – отвѣчалъ м-рь Домби.

Вальтеръ поклонился.

– Это дѣло кончено, – сказалъ м-рь Домби, осматривая свои письма. – Вы, Каркеръ, объясните ему въ свое время, какая должна быть экипировка, запасы и такъ далѣе. Теперь ему, конечно, нечего дожидаться, Каркеръ.

– Вамъ, любезный, нечего ждать, – замѣтилъ м-рь Каркеръ, оскаливая зубы до самыхъ десень.

– А, впрочемъ, онъ, можетъ быть, хочетъ сказать что-нибудь, – проговорилъ м-рь Домби, отрывая глаза отъ распечатаннаго письма и настороживъ слухъ.

– Нѣтъ, сэръ, – отвѣчалъ Вальтеръ, оглушенный и взволнованный безконечнымъ множествомъ картинъ, нарисованныхъ его воображеніемъ. Онъ уже видѣлъ капитана Куттля въ его лощеной шляпѣ, съ изумленіемъ взирающаго на м-сь Макъ Стингеръ, видѣлъ отчаянный вопль и стоны старика-дяди, прощающагося съ единственнымъ другомъ и племянникомъ, безъ надежды когда-либо увидѣть его на этомъ свѣтѣ.

– Я вамъ очень обязанъ сэръ, – продолжалъ Вальтеръ послѣ минутной паузы, – и едва...

– Ему нечего ждать, Каркеръ, – сказалъ м-рь Домби.

И когда м-рь Каркеръ повторилъ: – "Вамъ нечего ждать", Вальтеръ увидѣлъ ясно, что дальнѣйшее промедленіе было бы сочтено за непростительную дерзость и, повѣсивъ голову, вышелъ изъ комнаты въ судорожномъ волненіи, не сказавъ ни слова. Въ коридоръ его догналъ приказчикъ и велѣлъ позвать къ себѣ брата.

Вальтеръ нашель Каркера младшаго въ его каморкѣ за перегородкой и, сообщивъ данное порученіе, немедленно отправился съ нимъ въ комнату главнаго приказчика.

Каркеръ старшій величаво стоялъ у камина, запустивъ обѣ руки за фалды фрака и держа голову вверхъ на своемъ высочайшемъ галстухѣ, точь-въ-точь какъ м-рь Домби. Не перемѣняя этой позы, не смягчая суроваго и гнѣвнаго выраженія, онъ слегка кивнулъ головой и велѣлъ Вальтеру затворить дверь.

– Джонъ Каркеръ, – сказалъ приказчикъ, вдругъ обратившись къ брату и выставя страшные зубы, какъ будто онъ собирался загрызть своихъ собесѣдниковъ, – что у тебя за связь съ этимъ молокососомъ, который, какъ злой демонъ, всюду преслѣдуетъ меня твоимъ именемъ? Не довольно ли для тебя, Джонъ Каркеръ, что я, твой ближайшій родственникъ, и могу избавиться отъ этого...

– Позора, что ли?... договаривай, Джемсъ.

– Да, отъ позора. Но къ чему же трубить и горланить объ этомъ позорѣ во всѣхъ концахъ и срамить меня передъ цѣлымъ домомъ? и когда же, въ минуту искренней довѣренности м-ра Домби! Неужели ты думаешь, братъ мой Джонъ Каркеръ, что имя твое въ этомъ мѣстѣ совмѣстимо съ довѣріемъ и откровенностью?

– Нѣтъ, Джемсъ, нѣтъ, – возразилъ Каркеръ младшій, – я вовсе этого не думаю.

– Что же ты думаешь? загородить мнѣ дорогу? бѣльмомъ повиснуть на моихъ глазахъ? Братъ мой, братъ мой! Мало ли обидъ претерпѣлъ я отъ тебя?

– Я никогда не обижалъ тебя, Джемсъ, по крайней мѣрѣ, съ намѣреніемъ.

– Еще разъ: ты – братъ мой, – сказалъ приказчикъ, – и это уже смертельная обида.

– Джемсъ, я бы отъ души желалъ разорвать эти кровные узы.

– Могила разорветь ихъ, твоя или моя.

Въ продолженіе этого разговора Вальтеръ смотрѣлъ на братьевъ съ безмолвнымъ изумленіемъ и болѣзненной грустью, едва переводя духъ. Старшій по лѣтамъ и младшій по значенію въ торговой администраціи стоялъ въ почтительномъ отдаленіи, потупивъ взоры, понутивъ голову, смиренно выслушивая упреки грознаго судіи. И горьки были эти упреки, сопрождаемые горделивымъ тономъ и безжалостнымъ взоромъ, въ присутствіи молодого человѣка, невольнаго свидѣтеля ужасной загадочной сцены! И, между тѣмъ, ни одной жалобы, ни одного колкаго слова не вырвалось изъ устъ таинственнаго подсудимаго: онъ стоялъ и слушалъ съ безграничной покорностью и только изрѣдка дѣлалъ правою рукою умоляющій жестъ, какъ будто говорилъ: "Пощади меня, пощади"! Но палачъ не зналъ пощады и безжалостно терзалъ несчастную жертву, измученную продолжительной пыткой.

Наконецъ, великодушный и пылкій юноша, признавая себя невинной причиною этой бури, не могъ болѣе выдержать и съ величайшимъ жаромъ вмѣшался въ разговоръ.

– М-ръ Каркеръ, – сказалъ онъ, обращаясь къ главному приказчику, – повѣрьте, я одинъ во всемъ виноватъ, ради Бога, повѣрьте. По безотчетному легкомыслію, за которое никогда себя прощу, я безумно позволялъ себѣ говорить о вашемъ братѣ гораздо чаще, нежели нужно, и его имя невольно срывалось у меня съ языка, наперекоръ вашему формальному запрещенію. Но еще разъ – только я одинъ виноватъ во всемъ, сэръ. Мы никогда не обмѣнялись ни однимъ словомъ о предметѣ, выходявшемъ изъ круга нашихъ общихъ отношеній, да и вообще мы говоримъ очень мало. Впрочемъ, и то сказать, едва ли я правъ, обвиняя себя въ легкомысліи и необдуманности. Знайте, сэръ, если вамъ угодно это знать: я полюбилъ вашего почтеннаго брата, лишь только переступилъ черезъ порогъ этого дома, я почувствовалъ къ нему непреодолимое влеченіе съ перваго дня своей служебной дѣятельности, и мнѣ ли было не говорить о немъ, мнѣ, который о немъ только и думалъ?

Вальтеръ говорилъ отъ души и съ полнымъ сознаниемъ своего благородства. Еще разъ онъ окинулъ пронизательнымъ взоромъ дрожащую руку съ умоляющимъ жестомъ, понурую голову, потупленные глаза и подумалъ про себя: "Такъ я чувствую, и такъ, а не иначе, долженъ дѣйствовать въ пользу беззащитной жертвы".

– А, вы между тѣмъ, м-ръ Каркеръ, – продолжалъ благородный юноша со слезами на глазахъ, – вы избѣгали меня, постоянно избѣгали. Я это зналъ, я это видѣлъ и чувствовалъ, къ своему величайшему огорченію. Какихъ средствъ, какихъ усилій не употреблялъ я, чтобы сдѣлаться вашимъ другомъ, чтобы приобрѣсть ваше довѣріе! Все напрасно.

– И замѣтьте, – сказала приказчикъ, перебивая молодого человѣка, – ваши усилія всегда будутъ бесполезны, если при каждомъ случаѣ, ни къ селу, ни къ городу, вы будете болтать о м-рѣ Каркерѣ. Этимъ вы всего меньше удружите моему брату. Попробуйте спросить его самого.

– Правда, – сказалъ братъ, – убійственная правда. Ваша горячность, молодой человѣкъ, послужитъ только поводомъ къ подобнымъ сценамъ, отъ которыхъ, можете представить, какъ желалъ бы я освободиться.

Слѣдующія слова Каркеръ младшій произнесъ съ разстановкой и твердымъ голосомъ, какъ будто желалъ произвести неизгладимое впечатлѣніе на душу Вальтера Гэя:

– Лучшимъ другомъ моимъ будетъ тотъ, кто вовсе не станетъ обо мнѣ думать, забудетъ о моемъ существованіи и оставитъ меня идти своей дорогой.

– Хорошо ли вы слышали, Вальтеръ Гэй? – сказалъ главный приказчикъ съ возрастающимъ одушевленіемъ. – Вы разсѣяны и не любите слушать, что говорятъ старшіе; но этотъ аргументъ, авось, прохладитъ вашу кровь. – Да и ты, любезный братецъ, – продолжалъ Каркеръ старшій саркастическимъ тономъ, – надѣюсь, не забудешь этого урока. Довольно. Ступайте, Вальтеръ Гэй.

Но, выходя изъ комнаты, Вальтеръ снова услышалъ голоса братьевъ и частое повтореніе своего собственнаго имени. Онъ въ нерѣшимости остановился за порогомъ подлѣ непритво-

ренной двери и не зная, идти ему или воротиться назад. Въ этомъ положеніи онъ поневолю слышалъ продолженіе разговора.

– Ради Бога, Джемсъ, думай обо мнѣ снисходительнѣе, если можешь. Моя несчастная исторія, неизгладимо написанная здѣсь, – онъ указалъ на грудь, – мое истерзанное сердце... посуди самъ... могъ ли я не замѣтить Вальтера Гэя? Могъ ли не принять участія въ этомъ мальчикѣ? Какъ скоро онъ пришелъ сюда, я увидѣлъ въ немъ почти другого себя!

– Другого себя? – повторилъ презрительнымъ тономъ главный приказчикъ.

– Разумѣется, не такого, какъ теперь, но какимъ я впервые явился въ этотъ домъ. И онъ, какъ нѣкогда я, пылкій, вѣтренный, неопытный юноша съ романическимъ и тревожнымъ воображеніемъ, съ чувствительнымъ сердцемъ, съ такими способностями, которыя, смотря по обстоятельствамъ, поведутъ его къ добру или злу...

– Будто бы? – сказалъ братъ съ язвительной улыбкой.

– О, братъ мой, братъ мой! ты поражаешь меня безъ пощады, и рука твоя не дрожитъ, и глубокая рана въ моемъ сердцѣ! – возразилъ Каркеръ младшій такимъ тономъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ остріе кинжала глубоко вонзилось въ его грудь. Такъ показалось Вальтеру. – Я все это передумалъ и перечувствовалъ, какъ этотъ молодой человекъ. Я вѣрилъ своимъ мечтамъ и жилъ среди нихъ, какъ въ дѣйствительномъ мірѣ. И теперь я увидѣлъ этого мальчика, беззаботно гуляющимъ на краю бездны, куда уже такъ многіе...

– Старая пѣсня, мой любезный, – прервалъ братъ, разгребая уголья въ каминѣ. – Ну, продолжай. Куда такъ многіе... свалились, что ли?

– Куда свалился о_д_и_н_ъ путешественникъ, безпечный нѣкогда и беззаботный, какъ этотъ мальчикъ. Онъ оступился незамѣтно, скользилъ все ниже и, наконецъ, полетѣлъ стремглавъ на самое дно, разбитый, истерзанный. Подумай, что я долженъ былъ вытерпѣть, когда наблюдалъ этого юношу.

– Благодарю за это себя самого, – отвѣчалъ братъ

– Конечно себя, – со вздохомъ отвѣчалъ тотъ. – Я не прошу другихъ дѣлать мой стыдъ.

– Ты уже р_а_з_д_ѣ_л_и_л_ъ его, – нроворчалъ Джемсъ сквозь зубы.

– Ахъ, Джемсъ, – возразилъ братъ, въ первый разъ тономъ упрека и закрывая руками лицо, – развѣ съ той поры я не былъ для тебя полезной почвой? и развѣ ты не попираешь меня ногами, когда карабкался наверхъ? Еще ли и теперь станешь добивать меня своими каблуками?

Послѣдовало молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ главный приказчикъ началъ перелистывать бумаги и показалъ видъ, что желаетъ окончить свиданіе. Братъ подошелъ къ дверямъ.

– Я все сказалъ, Джемсъ. Выслушай еще разъ: я слѣдилъ за пылкимъ юношей съ невыразимымъ страхомъ и волненіемъ до тѣхъ поръ, пока онъ благополучно миновалъ роковое мѣсто, съ котораго впервые я оступился, – и тогда его отецъ не могъ бы благодарить Бога усерднѣе меня. Я не смѣлъ его предостеречь, не смѣлъ совѣтовать ему; но въ случаѣ неминуемой опасности, я былъ бы принужденъ рассказать ему собственную исторію. Я боялся говорить съ нимъ въ присутствіи другихъ: могли подумать, что я дѣлаю ему вредъ, искушаю его на зло, развращаю его, а, быть можетъ, и точно совратилъ бы его съ прямой дороги. Какая-то роковая прилипчивая зараза кроется въ глубинѣ моей собственной души. Разбери мою исторію въ связи съ судьбою молодого Гэя, и ты поймешь, что я перечувствовалъ. Думай обо мнѣ снисходительнѣе, Джемсъ, если можешь.

И съ этими словами м-ръ Каркеръ младшій вышелъ изъ комнаты. Онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ Вальтера за порогомъ, и поблѣднѣлъ еще больше, когда тотъ схватилъ его за руку и шепотомъ началъ говорить:

– М-ръ Каркеръ, позвольте мнѣ благодарить васъ. Позвольте сказать, какъ много я вамъ обязанъ и какъ раскаиваюсь, что сдѣлался несчастной причиной этой ужасной сцены. Вы – мой покровитель, отецъ мой, великодушный, страждущій отецъ. О, какъ я люблю васъ и жалѣю о васъ!

И онъ судорожно сжималъ его руку, едва имѣя понятіе о томъ, что дѣлаетъ или говорить.

Такъ какъ по корридору безпрестанно бѣгали взадъ и впередъ писаря и слуги, м-ръ Каркеръ и его собесѣдникъ вошли въ комнату Морфина, которая на тотъ разъ была пріотворена и пуста. Тутъ Вальтеръ ясно разглядѣлъ на лицѣ несчастнаго друга свѣжіе слѣды такого ужаснаго волненія, которое совершенно его измѣнило.

– Вальтеръ, – сказалъ онъ, положивъ руку на его плечо – я отдѣленъ отъ тебя на неизмѣримое разстояніе, и отдѣленъ навсегда. Знаешь ли ты, что я такое?

– Что вы такое! – пролепеталъ Вальтеръ едва слышнымъ голосомъ, устремивъ на него пронизательный взоръ.

– Это началось, – сказалъ Каркеръ – передъ двадцать первымъ годомъ моей жизни... зародышъ, правда, обнаружился еще прежде, но созрѣлъ и развился только въ это время. Я ограбилъ ихъ, молодой человѣкъ, ограбилъ наповаль, когда достигъ этого возраста. На двадцать второмъ году моей жизни все открылось, и тогда... тогда я умеръ для людей, умеръ для всѣхъ, для всѣхъ!

Вальтеръ пошевелилъ губами, но не могъ произнести ни одного слова.

– Фирма обошлась со мной очень милостиво. Награди Богъ старика за его умѣренность и сына, который тогда только что вступалъ во владѣніе и удостоилъ меня полною довѣренностью. Разъ позвали меня въ комнату, въ нынѣшній его кабинетъ, и я вышелъ оттуда такимъ, какимъ ты теперь знаешь меня. Послѣ уже ни разу нога моя не переступала за этотъ порогъ. Много лѣтъ сидѣлъ я одинокій, какъ и теперь, на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, но тогда меня знали, и я служилъ примѣромъ для другихъ. Всѣ обходились со мной милостиво, жалѣли меня, и я жилъ. Время загладило отчасти мою вину, и теперь, я думаю, во всемъ домѣ никто настоящимъ образомъ не знаетъ моей исторіи, кромѣ трехъ человѣкъ. Когда вырастетъ будущій управитель фирмы, ему скажутъ о Каркерѣ младшемъ, но мой уголь будетъ уже пустъ. Дай Богъ, чтобы такъ случилось. Я прожилъ свою молодость, не выдавъ ея; мои желанія и надежды разлетѣлись въ прахъ. Благослови тебя Богъ, Вальтеръ! Будь честенъ и самъ, и всѣ, которые дороги для твоего сердца, или умри прежде времени, не подвергаясь стыду, отравляющему жизнь въ ея источникѣ.

Вальтеръ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, слушая эту таинственную рѣчь, и слезы ручьями лились изъ его глазъ. Когда онъ поднялъ голову, Каркеръ сидѣлъ за конторкой въ печальномъ безмолвіи, удрученный безотраднѣйшей тоской. Онъ принялся за работу, и молодой человѣкъ увидѣлъ ясно, что разговоръ долженъ быть оконченъ. Смутно соображая все, что видѣлъ и слышалъ въ это утро, Вальтеръ едва вѣрилъ, что его назначили въ Вестъ-Индію, что скоро наступитъ время, когда онъ покинетъ, и, быть можетъ, навсегда, старика Соломона, капитана Куттля, когда онъ простится съ Флоренсой Домби, маленькимъ Павломъ и со всѣмъ, что любилъ, чего искалъ, къ чему стремился.

Однако-жъ это былъ не сонъ. Свѣжая вѣсть уже распространилась по всему заведенію, и когда Вальтеръ съ тяжелымъ сердцемъ, съ мучительной тоской, сидѣлъ одиноко въ отдаленномъ углу, подпирая голову руками, Перчъ, разсыльный, соскочивъ съ своей красной полки, толкнулъ его локтемъ, извинился и шепнулъ ему на ухо:

– Не можете ли вы, сударь, прислать мнѣ изъ Индіи кувшинъ хорошаго инбирю по дешевой цѣнѣ? Оно, вотъ видите, жена моя недавно родила, и не мѣшало бы ее попотчивать инбирнымъ вареньемъ. Это, говорятъ, очень полезно.

Итакъ, это былъ не сонъ!

Глава XIV

Павель сдѣлался еще страннѣе и уѣхалъ домой на каникулы

Когда приближались лѣтнія каникулы, время вождельнное для всякаго школьника, велемудрые питомцы дра Блимбера не обнаруживали никакихъ внѣшнихъ признаковъ неблагоприсстойной радости. Бурное выраженіе «разгула», разумѣется, совершенно не могло согласоваться съ такимъ классическимъ заведеніемъ. Молодые джентльмены по два раза въ годъ степенно и чинно расплывались по домамъ и отнюдь не распускались, а были увольняемы по методѣ, истинно классической.

Должно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ господъ вовсе не имѣли положительныхъ причинъ приходить въ восторгъ при мысли о скоромъ свиданіи съ дражайшими родственниками. Воспитанникъ Тозеръ, не будучи дерзкимъ вольнодумцемъ, говорилъ прямо, что если бы въ его волѣ было выбирать изъ двухъ золь меньшее, то онъ ужъ лучше предпочелъ бы остаться въ учебной теплицѣ дра Блимбера, чѣмъ ѣхать на свою любезную родину. Такая декларация, по-видимому, весьма рѣзко противорѣчила ученой диссертации м-ра Тозера, заслужившей громкую и совершенно справедливую похвалу отъ всего ученнаго синклита. Онъ писалъ, между прочимъ:

"Воспоминанія о родинѣ, или, правильнѣе, о родномъ пепелищѣ, пробуждаютъ въ моей душѣ сладчайшія волненія чудной неземной радости и дивнаго неизреченнаго восторга. Живо представляю себѣ того римскаго вождя, который, одержавъ рѣшительную побѣду надъ карфагенянами, возвращался, наконецъ, съ блистательнымъ триумфомъ въ собственное отечество. Вотъ уже вѣчный городъ, *urbs aeterna*, открывается передъ его глазами; еще нѣсколко минутъ военного марша, и онъ въ Капитоліи, и слава встрѣчаетъ его съ неувыдаемымъ вѣнкомъ, и любовь согражданъ несетъ его на раменахъ своихъ въ храмъ безсмертія. Счастливые римляне, счастливый вождь! Но Сципіонъ, Сципіонъ! я не завидую тебѣ. Скоро и для меня наступятъ минуты торжества, равнаго твоему. Скоро и моя нога еще разъ ступитъ на родное пепелище. Съ какимъ, о! съ какимъ восторгомъ буду взирать я на своихъ родственниковъ! съ какимъ радостнымъ трепетомъ брошусь въ объятія той, которая, по могучему мановенію неисповѣдимой судьбы, воззвала меня изъ небытія къ бытію!" ... и т. д.

При всемъ томъ бѣдный ораторъ былъ гораздо искреннѣе въ откровенномъ разговорѣ съ товарищами. Матушка его, м-съ Тозеръ, назначала сына для духовнаго знанія и очень благоразумно разсуждала, что приготовленіе къ такому высокому назначенію требуетъ трудовъ неутомимыхъ, дѣятельности безпрерывной. По ея непреложной волѣ, будущій пастырь словесныхъ овецъ постоянно носилъ туго накрахмаленный батистовый галстухъ, который дѣлалъ изъ него истиннаго страдальца. Притомъ былъ у него дядюшка, человѣкъ очень наблюдательный и ученый, который находилъ высокое наслажденіе проэкзаменовывать въ продолженіе каникулъ своего племянника изъ самыхъ трудныхъ и отвлеченныхъ предметовъ. Иногда для этой цѣли онъ пользовался событіемъ или случаемъ, по-видимому, самымъ невиннымъ, и радовался отъ всего сердца, когда нападалъ врасплохъ на вѣтреннаго юношу. Случалось, онъ ѣздилъ съ нимъ въ театръ или вывозилъ его поглазѣть на какого-нибудь великана, карлика, фокусника, и какъ скоро любезный племянничекъ въ самомъ дѣлѣ начиналъ глазѣть, хитрый дядя вдругъ раскрывалъ передъ нимъ сокровища своей учености, и м-ръ Тозеръ долженъ былъ готовиться къ объясненію цѣлой коллекціи классическихъ цитатъ.

Другой воспитанникъ докторской теплицы, м-ръ Бриггсъ терпѣлъ не меньшую пытку отъ своего возлюбленнаго родителя, который считалъ за особую честь и славу держать сына въ ежовыхъ рукавицахъ. Его умственные истязанія въ каникулярное время были такъ много-

численны и строги, что друзья фамилии, проживавшие в Бэйсватерѣ близъ Лондона, рѣдко подѣзжали къ красивымъ прудамъ кенсингтонскихъ садовъ безъ смутной надежды увидѣть на поверхности воды скомканную шляпу молодого Бриггса и неоконченныя упражненія въ высокомъ слогѣ, возлежавшія на скамейкѣ. Такимъ образомъ м-ръ Бриггсъ не слишкомъ радовался приближенію каникулъ, да и вообще никто изъ молодыхъ джентльменовъ не ощущалъ въ себѣ пламеннаго желанія освободиться на это время изъ-подъ ферулы Блимбера, доктора всѣхъ наукъ, и Фидера, магистра всѣхъ искусствъ.

Но изъ всей этой компаніи маленькій Павелъ составлялъ самое рѣзкое исключеніе. Каникулы рисовались его воображенію непрерывной перспективой свѣтлыхъ праздниковъ, и хотя конецъ былъ отравленъ мыслью о разлукѣ съ Флоренсой, которая уже не поѣдетъ болѣе въ Брайтонъ, но Павелъ старался по возможности отстранить отъ себя эту мысль. Да и къ чему думать о концѣ праздниковъ, которые еще не начинались? Передъ ихъ наступленіемъ львы и тигры, свирѣпствовавшіе по стѣнамъ дѣтской, спальни, вдругъ сдѣлались ручными и веселыми до крайности. Уродливыя гримасы на коврахъ приняли очень ласковое выраженіе и нѣжной улыбкой изъясляли сочувствіе къ своему наблюдателю. Гордые стѣнные часы, очевидно, смягчили выраженіе и съ большимъ участіемъ освѣдомлялись о здоровьи маленькаго друга. Только бурное море по прежнему продолжало по ночамъ распѣвать свою меланхолическую пѣсню; но въ этой меланхоліи отражалась теперь какая-то особенная нѣжность, и морская волна, какъ заботливая нянька, пріятно убаюкивала маленькаго Павла на его постели.

М-ръ Фидеръ рассчитывалъ въ каникулярное время на особыя истинно классическія наслажденія, а м-ръ Тутсъ готовился начать блистательный рядъ нескончаемыхъ торжествъ, которыя послѣдуютъ немедленно по выходѣ изъ докторской теплицы. Въ этомъ году онъ уже оканчивалъ курсъ своего образованія, о чемъ и докладывалъ Павлу разъ по семидесяти въ сутки, объявляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ немедленно вступитъ во владѣніе наслѣдственнымъ имѣніемъ.

Очевидно, м-ръ Тутсъ и маленькій Домби сдѣлались закадычными друзьями, несмотря на нѣкоторую разницу въ лѣтахъ и умственныхъ способностяхъ. Передъ наступленіемъ каникулъ м-ръ Тутсъ почти не отходилъ отъ своего пріятели и смотрѣлъ на него съ особой выразительностью.

Д-ръ Блимберъ, м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ, точно такъ же, какъ и всѣ молодые джентльмены, замѣтили, что м-ръ Тутсъ нѣкоторымъ образомъ принялъ на себя должность защитника и опекуна Павла, и это обстоятельство въ скоромъ времени дошло до свѣдѣнія самой м-съ Пипчинъ, старушки очень ревнивой и весьма набожной, которая по этому поводу вознсавидѣла м-ра Тутса всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою и, разговаривая о немъ въ своемъ замкѣ, называла его не иначе, какъ "скалозубымъ болваномъ". Невинный Тутсъ никакъ не подозрѣвалъ, что возбудилъ противъ себя такой ужасный гнѣвъ м-съ Пипчинъ, и въ простотѣ сердца продолжалъ считать ее почтенной дамой, заслуживавшей всякаго уваженія. По этой причинѣ, каждый разъ, какъ м-съ Пипчинъ дѣлала визиты маленькому Павлу, онъ улыбался очень учтиво и съ такимъ добродушнымъ усердіемъ навѣдывался по нѣсколько разъ о состояніи ея драгоценнаго здоровья, что почтенная дама, выведенная изъ терпѣнія, однажды вечеромъ объявила ему напрямикъ, что онъ дуракъ, и что она вовсе не расположена сносить обидныя дерзости отъ всякаго молокососа. Озадаченный такими совершенно неожиданными выговорами, м-ръ Тутсъ робко забился въ отдаленный уголь и уже съ той поры ни разу не смѣлъ явиться на глаза рыцарственной дамѣ.

Однажды, за двѣ или за три недѣли до каникулъ, Корнелія Блимберъ призвала Павла къ себѣ въ комнату и сказала:

- Домби, я намѣрена отправить въ Лондонъ твой "analysis."
- Покорно благодарю, миссъ, – отвѣчалъ Павелъ.

– Понимаешь ли ты, что тако analysis? – спросила Корнелия, пристально всматриваясь через очки въ своего ученика.

– Нѣтъ, миссъ, не понимаю, – отвѣчалъ Павелъ.

– Ахъ, Домби, Домби, – сказала миссъ Блимберъ, – я начинаю думать, что ты очень дурной мальчикъ. Отчего ты не хочашь спросить, какъ скоро не понимаешь ученаго выраженія?

– М-съ Пипчинъ, говорила, что я не долженъ дѣлать вопросовъ, – отвѣчалъ Павелъ.

– Запрещаю тебѣ однажды навсегда упоминать мнѣ о м-съ Пипчинъ по какому бы то ни было поводу, – возразила съ большимъ достоинствомъ миссъ Блимберъ. – Это изъ рукъ вонъ. Курсъ наукъ здѣсь слишкомъ удаленъ отъ понятій какой-нибудь м-съ Пипчинъ. Если ты еще разъ заикнешься этимъ именемъ, я принуждена буду завтра поутру прослушать тебя изъ латинской грамматики! отъ *verbum personale* до *simillima cugno* включительно...

– Я никакъ не хотѣлъ, миссъ... – началъ маленькій Павелъ.

– Я вовсе не желаю знать, чего ты хотѣлъ или не хотѣлъ. Прошу впередъ не употреблять такихъ отговорокъ.

Павелъ замолчалъ. Миссъ Корнелия Блимберъ, покачавъ головою, съ важностью взяла бумагу и прочитала заглавіе: "Analysis характера Павла Домби".

– Слушай же, Домби, – сказала она. – Слово "Analysis," первоначально происшедшее отъ простѣйшихъ корней въ древнемъ греческомъ языкѣ, безъ малѣйшаго измѣненія перешло въ латинскій и съ теченіемъ времени утвердилось въ англійскомъ языкѣ. Теперь, если не ошибаюсь, оно получило право гражданства во всѣхъ европейскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Знаменитый нашъ соотечественникъ, Уокеръ, обезсмертившій себя изданіемъ превосходнаго англійскаго лексикона, объясняетъ это слово такимъ образомъ: "Analysis есть разложеніе предмета, подлежащаго внутреннему или внѣшнему чувству, на его составные элементы." Я, съ своей стороны, для большаго уясненія, считаю нужнымъ прибавить, что анализъ, въ логическомъ отношеніи, всегда противопологается синтезу. Понялъ ли ты теперь?

Казалось, яркій свѣтъ ученаго о_б_ь_я_с_н_е_н_і_я не провелъ слишкомъ замѣтнаго потрясенія въ мозгу маленькаго Домби. Онъ поклонился и молчалъ.

– Итакъ, – продолжала Корнелия Блимберъ – "Analysis характера Павла Домби". – Я нахожу, что природныя способности Домби чрезвычайно хороши и, если не ошибаюсь, его общая склонность къ образованію состоитъ въ такой же пропорціи. Такимъ образомъ, принимая, по заведенному у насъ обычаю, число восемь за maximum, или за высшее мѣрило при оцѣнкѣ интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей индивидуума, я могу опредѣлить каждый изъ этихъ атрибутовъ въ шесть и три четверти.

Миссъ Блимберъ пріостановилась, чтобы видѣть произведенное впечатлѣніе. Бѣдный Павелъ никакъ не могъ постигнуть, что тутъ слѣдовало разумѣть подъ шестью и тремя четвертями: шесть ли фунтовъ стерлинговъ и пятнадцать шиллинговъ, или шесть пенсовъ и три фартинга, или шесть футовъ и три дюйма, или безъ четверти семь часовъ, или какой-нибудь неизвѣстный предметъ, сличенный съ другимъ предметомъ, котораго онъ не изучалъ. Напрасно ломая голову, онъ потиралъ руками и безмолвно смотрѣлъ на миссъ Блимберъ. Увѣренная, между тѣмъ, что все это ясно, какъ день, Корнелия продолжала:

– Буянство – два. Гордость – два. Склонность къ низкому обществу, проявившаяся. особенно по поводу нѣкаго Глыбба, первоначально семь, но впослѣдствіи сократилась до четырехъ съ половиной. Джентльменское обращеніе покамѣстъ четыре, но впослѣдствіи увеличивается... Теперь, Домби, я желаю обратить твое вниманіе на общія замѣчанія въ концѣ анализа.

Павелъ приготовился слушать.

– Вообще должно замѣтить о Домби, – начала громкимъ голосомъ миссъ Блимберъ, взглядывая на мальчика при каждомъ второмъ словѣ, – что его способности и наклоинности весьма хороши, и что онъ, при данныхъ обстоятельствахъ, оказалъ очень удовлетворительные успѣхи. Но, къ несчастью, надобно прибавить объ этомъ молодомъ джентльменѣ, что онъ очень

страненъ въ своемъ характерѣ и поведеніи, такъ что не безъ основанія его называютъ чудакомъ, и хотя, строго говоря, нельзя въ немъ указать ни на что, достойное положительнаго осужденія, однако-жь, очень часто онъ вовсе бываетъ непохожъ на своихъ ровесниковъ и товарищей по наукамъ... Ну Домби, хорошо ли ты понялъ?

– Кажется, миссъ, – отвѣчалъ Павелъ.

– Этотъ анализъ, – продолжала миссъ Блимберъ, – я намѣрена отослать въ Лондонъ къ почтенному твоему родителю, и, конечно, ему больно будетъ узнать, что въ его сынѣ развивается характеръ чудака. Это, любезный, и для насъ очень непріятно, потому что при такихъ свойствахъ мы не можемъ любить тебя такъ, какъ бы хотѣли.

Корнелія задѣла теперь за самую чувствительную струну бѣднаго мальчика, и онъ съ этого достопамятнаго дня началъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы его полюбили въ докторскомъ домѣ. По какому-то тайному побужденію, совершенно непостижимому и для него самого, онъ непремѣнно хотѣлъ въ этомъ мѣстѣ оставить по себѣ добрую память. Мысль, что къ отъѣзду его будутъ равнодушны, была для него невыносима. Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, заслужить любовь всего дома, и для это цѣли помирился даже съ огромной цѣпной собакой, хриплой и шаршавой, которой прежде терпѣть не могъ: " Пусть, – думалъ онъ, – и этотъ песъ не жалуется на меня".

Не подозревая, что и другими выходками онъ опять-таки рѣзко отличался отъ всѣхъ своихъ товарищей, бѣдняжка не разъ приставалъ къ миссъ Корнеліи и убѣдительно просилъ сдѣлать милость полюбить его, несмотря на страшный анализъ. Эту же покорнѣйшую просьбу онъ предъявилъ и м-съ Блимберъ, когда та пришла въ комнату дочери. Почтенная лэди даже въ его присутствіи повторила общее мнѣніе насчетъ его странностей. Павелъ не противорѣчилъ и, совершенно соглашаясь съ нею, замѣтилъ только, что это, вѣроятно, происходитъ отъ его больныхъ костей или Богъ знаетъ отчего, но, во всякомъ случаѣ, онъ надѣется, что добрая м-съ Блимберъ извинитъ его, потому-что онъ всѣхъ ихъ любить.

– Конечно, м-съ, – сказалъ Павелъ, тономъ совершенной откровенности, составлявшей прекраснѣйшую черту въ его характерѣ, – конечно я люблю васъ не такъ, какъ сестрицу Флоренсу, этого, м-съ, разумѣется, вы не потребуете и сами, не такъ ли?

– Что это за оригинальный мальчикъ! – прошептала м-съ Блимберъ, – удивительный чудакъ!

– Но все-таки я очень, очень люблю и васъ, и всѣхъ, кто живетъ въ этомъ домѣ, – продолжалъ Павелъ, – и я буду ужасно огорченъ, если кто-нибудь обрадуется моему отъѣзду. Ради Бога, м-съ, попробуйте полюбить меня.

М-съ Блимберъ теперь окончательно убѣдилась, что въ цѣломъ свѣтѣ не сыскать ребенка страннѣе Павла, и когда это мнѣніе, съ надлежащими объясненіями, было сообщено м-ру Блимберу, почтенный докторъ утвердилъ мысль своей супруги на прочныхъ основаніяхъ науки и прибавилъ, что эрудиція современемъ все можетъ исправить. Потомъ, обращаясь къ дочери, онъ съ особой выразительностью сказалъ: "Веди его впередъ, Корнелія, впередъ и впередъ!"

И Корнелія что есть мочи тащила его черезъ терніи и волчцы классической дороги. Павелъ трудился неутомимо, выбивался изъ силъ, и при всемъ томъ ни на минуту не выпускалъ изъ виду своей задушевной цѣли: приобрести благосклонность всего дома. Онъ сдѣлался ласковымъ, услужливымъ, нѣжнымъ, предупредительнымъ, и хотя иной разъ по прежнему онъ сидѣлъ одиноко на ступеняхъ лѣстницы или задумчиво смотрѣлъ на волны и облака изъ своего уединеннаго окошка, но уже не чуждался болѣе товарищей, гулялъ съ ними и скромно оказывалъ имъ разныя услуги безъ всякой просьбы или понужденія съ ихъ стороны. Вождельнная цѣль была, наконецъ, достигнута съ блистательнымъ успѣхомъ. Его полюбили, какъ хрупкую маленькую игрушку, требовавшую деликатнаго обхожденія. Но все же бѣдный мальчикъ не могъ перестроить своей природы, или переписать рокового анализа, и названіе чудака утвердилось за нимъ навсегда.

Это, однако-жь, не мѣшало ему пользоваться такими привилегіями, какихъ не имѣлъ ни одинъ изъ его товарищей, и даже самыя странности теперь обратились для него въ пользу. Всѣ молодые джентльмены, уходя въ спальни, только кланялись доктору и его семейству, а Павелъ Домби смѣло протягивалъ свою маленькую руку и д-ру Блимберу, и м-съ Блимберъ, и миссъ Корнели Блимберъ. Если кому-нибудь грозило наказаніе, Павелъ отправлялся депутатомъ въ докторскій кабинетъ и нерѣдко вымаливалъ прощеніе. Подслѣповатый малый одинъ разъ держалъ съ нимъ важное совѣщаніе по поводу разбитой фарфоровой чашки, и даже носились темныя слухи, будто самъ буфетчикъ – человѣкъ очень суровый, не имѣвшій особеннаго расположенія ни къ единому смертному – обратилъ благосклонное вниманіе на маленькаго Домби и по временамъ примѣшивалъ въ его столовое пиво значительную часть портеру, чтобы укрѣпить слабаго ребска.

Кромѣ этихъ обширныхъ привилегій, маленькій Павелъ имѣлъ свободное право входить во всякое время въ комнату м-ра Фидера, откуда ему два раза удалось вывести на открытый воздухъ м-ра Тутса, близкаго къ обмороку отъ неудачнаго покушенія выкурить крѣпкую сигару, вынутую изъ огромной пачки, купленной этимъ джентльменомъ на морскомъ берегу у одного отчаяннаго контрабандиста, который сообщилъ ему тайну, что лондонская таможня назначила за его голову, живую или мертвую, двѣсти фунтовъ стерлинговъ чистоганомъ. М-ръ Фидеръ занималъ очень уютную комнату съ крошечной спальней за перегородкой. Надъ каминомъ у него висѣла флейта, на которой онъ еще не игралъ, но имѣлъ намѣреніе выучиться играть при первомъ удобномъ случаѣ. Тутъ же, на самомъ видномъ мѣстѣ, красовалась удочка со всѣми принадлежностями рыболовства, ибо м-ръ Фидеръ имѣлъ твердое намѣреніе выучиться ловить рыбу, хотя еще ни разу не упражнялся въ этомъ искусствѣ. Между книгами на большой полкѣ особенно бросались въ глаза испанская грамматика и шахматная доска: м-ръ Фидеръ покамѣстъ еще не игралъ въ шахматы и не разумѣлъ по-испански, но имѣлъ непремѣнное намѣреніе въ наискорѣйшемъ времени выучиться по-испански и овладѣть важнымъ искусствомъ шахматной игры. Съ этой же цѣлью у м-ра Фидера приобрѣтены были и представлены въ приличныхъ мѣстахъ: рисовальныя кисточки съ разными сортами дорогихъ красокъ, круглый подержанный охотничій рожокъ съ клапанами и пара отличныхъ боксерскихъ перчатокъ. – Искусство самозащиты, – говорилъ м-ръ Фидеръ, – есть одно изъ важнѣйшихъ искусствъ, необходимыхъ для всякаго мужчины, сознающаго чувство чести. Не владѣющій этимъ искусствомъ не можетъ, въ случаѣ надобности, оказать покровительства слабой и беззащитной женщинѣ. Я непремѣнно выучусь боксировать.

Но самую важную драгоценностью въ кабинетѣ м-ра Фидера былъ огромный зеленый кувшинъ съ нюхательнымъ табакомъ, подаренный ему въ концѣ послѣднихъ каникулъ м-ромъ Тутсомъ, который приобрѣлъ это сокровище за весьма высокую цѣну, такъ какъ оно принадлежало первоначально ею свѣтлости принцу регенту. М-ръ Фидеръ и м-ръ Тутсъ, нюхая этотъ табакъ, даже въ самыхъ малыхъ дозахъ, чихали до упаду, и носы ихъ испытывали всѣ признаки судорожнаго пароксизма, имѣвшаго, впрочемъ, свою особую прелесть. Они приступали къ этому наслажденію не иначе, какъ послѣ предварительныхъ церемоній, соблюдавшихся со всею строгостью. Разложивъ на столѣ огромный листъ бумаги первѣйшаго сорта, они высыпали потребное количество табаку, смачивали его зеленымъ чаемъ, мѣшали ложечкой или перочинными ножами и потомъ уже, насыпавъ полныя табакерки, начинали разнохивать. Набивая такимъ образомъ носы, они выносили ужасную пытку съ удивительнымъ самоотверженіемъ, и потомъ, для вящаго наслажденія, чтобы разомъ испытать всѣ прелести разврата, распивали бутылку крѣпкаго портеру.

Маленькій Павелъ, засѣдавшій иногда въ ихъ обществѣ подлѣ своего главнаго патрона, м-ра Тутса, чувствовалъ при этомъ к_у_т_е_ж_ѣ какое-то странное очарованіе, и когда м-ръ Фидеръ, разговаривая о лондонскихъ тайнахъ, сказалъ м-ру Тутсу, что онъ намѣренъ нынѣшнія каникулы наблюдать ихъ вблизи во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ и отгѣнкахъ и уже

нанялъ для этой цѣли квартиру со столомъ у двухъ старыхъ дѣвицъ въ Пеккгемѣ, Павелъ смотрѣлъ на него, какъ на таинственнаго героя фантастическихъ приключеній, и почти начиналъ бояться такого головорѣза.

Однажды вечеромъ, передъ самымъ наступленіемъ каникулъ, Павелъ, войдя въ ихъ комнату, засталъ Фидера и Тутса за огромной пачкой литографированныхъ билетовъ; м-ръ Фидеръ вписывалъ имена въ оставленные пробѣлы и дѣлалъ адреса, а м-ръ Тутсъ складывалъ и запечатывалъ.

– Ага, Домби! – вскричалъ м-ръ Фидеръ – ты здѣсь, дружище? славно, братъ, славно.

Они всегда обращались ласково съ маленькимъ Павломъ и рады были его видѣть. Бросивъ къ нему одинъ изъ билетиковъ, м-ръ Фидеръ продолжалъ:

– Держи, Домби: это твой.

– Мой? – сказалъ Павелъ.

– Твой пригласительный билетъ на балъ.

Билетикъ былъ напечатанъ съ мѣдной доски отличнымъ шрифтомъ, за исключеніемъ имени и числа, написанныхъ рукою м-ра Фидера. Павелъ прочиталъ.

"Д-ръ Блимберъ и м-съ Блимберъ, свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе эсквайру Павлу Домби, имѣютъ честь покорнѣйше просить его удостоить ихъ своимъ посѣщеніемъ въ будущую среду, семнадцатаго числа, въ половинѣ восьмого пополудни. Вечеръ начнется кадрилию".

М-ръ Тутсъ, бросаясь въ объятія Павла, также сообщилъ ему радостную вѣсть, что докторъ и докторша, свидѣтельствуя ему, м-ру Тутсу, совершенное почтеніе, покорнѣйше просятъ его на балъ въ среду вечеромъ, семнадцатаго числа, въ половинѣ восьмого. Оказалось вообще, что д-ръ Блимберъ и м-съ Блимберъ свидѣтельствовали свое совершенное почтеніе всей компаніи молодыхъ джентльменовъ и покорнѣйше просили ихъ на балъ. Иначе и быть не можетъ въ классическомъ заведеніи.

Потомъ м-ръ Фидеръ, къ величайшей радости Павла, объявилъ, что его сестрица, Флоренса Домби, также приглашена на балъ, и такъ какъ въ этотъ же день, то есть семнадцатаго числа, оканчивается ихъ учебный семестръ, то онъ, если ему угодно, можетъ тотчасъ же послѣ бала уѣхать съ сестрою домой, на что Павелъ немедленно отвѣчалъ, что ему это очень угодно. Далѣе, м-ръ Фидеръ сообщилъ, что докторъ и м-съ Блимберъ ждутъ отъ него отвѣта, который долженъ быть написанъ мельчайшимъ почеркомъ на тонкой бумагѣ такимъ образомъ: "Павелъ Домби, свидѣтельствуя свое глубочайшее почтеніе ихъ высокородіямъ д-ру Блимберу и м-съ Блимберъ, имѣетъ честь извѣстить, что онъ сочтетъ не премѣннымъ и весьма пріятнымъ долгомъ воспользоваться ихъ обязательнымъ приглашеніемъ, а посему не замедлитъ къ нимъ явиться въ будущую среду, семнадцатаго числа, ровно въ половинѣ восьмого пополудни". Наконецъ, м-ръ Фидеръ далъ совѣтъ не заикаться объ этихъ распоряженіяхъ ни полсловомъ въ присутствіи д-ра и м-съ Блимберъ, ибо, по правиламъ классическаго воспитанія и высокаго тона, предполагается, что д-ръ Блимберъ, съ одной стороны, а молодые джентльмены, съ другой, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о предстоящемъ торжествѣ.

Поблагодаривъ м-ра Фидера за всѣ эти совѣты, онъ спряталъ пригласительный билетъ въ карманъ и усѣлся по обыкновенію на стулѣ подлѣ м-ра Тутса; но голова его, уже давно слабая и тяжелая, такъ разболѣлась въ этотъ вечеръ, что онъ принужденъ былъ подпереть ее руками и черезъ нѣсколько минутъ вдругъ, какъ снопъ, повалился на колѣни м-ра Тутса.

Казалось, онъ былъ не глухъ, однако-жь, немного погодя, Павелъ почувствовалъ, что м-ръ Фидеръ кричитъ ему на ухо и слегка треплетъ по плечу, чтобы пробудить его вниманіе. Онъ поднялъ голову въ совершенномъ испугѣ и, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что въ комнату вошелъ д-ръ Блимберъ, что окно было отворено, что лобъ у него вспрыснутъ холодной водой. Какъ все это случилось и зачѣмъ все это случилось, онъ никакъ не могъ понять.

– Очнулся, очнулся! Ну, слава Богу. Теперь ничего, – сказала дря Блимберь. – Как ты себя чувствуешь, мой маленький друг?

– Очень хорошо, покорно благодарю, – сказала Павелъ.

Но ему показалось, что комната и всѣ предметы въ ней пришли въ какое-то странное положеніе. Полъ шатался, стѣны кружились и прыгали, а м-ръ Тутсъ раздулся до такой степени, что голова его, очевидно, стала походить на бочку, и когда онъ взялъ своего любимца на руки, чтобы снести наверхъ, Павелъ пришелъ въ неописанное изумленіе, увидѣвъ очень ясно, что м-ръ Тутсъ карабкался съ нимъ прямо въ трубу.

Но вмѣсто трубы, м-ръ Тутсъ благополучно снесъ его въ спальню, чего прежде не дѣлалъ никогда, и Павлу показалась очень удивительною такая необыкновенная учтивость. Онъ поблагодарилъ. Но м-ръ Тутсъ сказалъ, что этимъ еще не ограничатся его ласки, и Павелъ увидѣлъ, что дѣйствительно не ограничились: онъ раздѣлъ его, разулъ и уложилъ нѣжнѣйшимъ образомъ въ постель, сѣлъ подлѣ кровати и началъ ухмыляться очень любезно, между тѣмъ какъ м-ръ Фидеръ, расположившись насупротивъ м-ра Тутса, презабавно взьерошивалъ щетину на своей головѣ, улыбался и, наконецъ, въ припадкѣ необыкновеннаго восторга, выскочилъ на самую середину комнаты и принялся выдѣлывать преуморительные жесты, дѣлая видъ, что боксируетъ. Все это ужасно озадачило Павла и, не зная, плакать ему или смѣяться, онъ заплакалъ и засмѣялся вмѣстѣ.

Но вдругъ м-ръ Тутсъ растаялъ, а м-ръ Фидеръ какимъ-то чудомъ ирерватился въ м-съ Пипчинъ. Павелъ уже не спрашивалъ, какъ это случилось, и не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ изумленія.

– М-съ Пипчинъ, – сказалъ онъ, – пожалуйста, не сказывайте Флоренсѣ.

– Чего не сказывать, мой милый? – проговорила м-съ Пипчинъ, обходя вокругъ постели и усаживаясь на стулъ.

– Обо мнѣ не сказывайте.

– Нѣтъ, нѣтъ. Будь спокоенъ.

– А какъ вы думаете, м-съ Пипчинъ: что я стану дѣлать, когда вырасту? – спросилъ Павелъ, поворачивая голову на подушкѣ и подпирая руками подбородокъ.

М-съ Пипчинъ никакъ не могла угадать.

– А вотъ что, – сказалъ Павелъ. – Я положу свои деньги въ банкъ, брошу всякую торговлю, уѣду съ сестрицей въ деревню, разведу прекрасный садъ и стану гулять съ нею всю свою жизнь.

– Неужто? – вскричала м-съ Пипчинъ.

– Непремѣнно, – сказалъ Павелъ. – Вотъ только что... когда я...

Онъ остановился и съ минуту не говорилъ ни слова. Сѣрый глазъ м-съ Пипчинъ скользилъ по его лицу.

– Е_с_л_и только я вырасту, – сказалъ онъ оканчивая фразу.

Потомъ онъ принялся рассказывать м-съ Пипчинъ о разныхъ подробностяхъ насчетъ предстоящаго бала, о приглашеніи Флоренсы, о томъ, какъ молодые джентльмены стануть ею любоваться, какъ это будетъ ему пріятно и, наконецъ, о томъ, какъ всѣ его любятъ, и какъ онъ этому радъ. Далѣе онъ рассказалъ м-съ Пипчинъ о своемъ анализѣ, о томъ, что миссъ Блимберъ отмѣтила его страннымъ, о томъ, что и м-съ Блимберъ, да и всѣ считаютъ его чудакомъ, о томъ, что онъ этого вовсе не понимаетъ, и потому теперь убѣдительно просить м-съ Пипчинъ объяснить ему, почему онъ чудакъ и что такое чудакъ? М-съ Пипчинъ отвѣчала коротко и ясно, что все это вздоръ; но Павелъ далеко не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и бросилъ на м-съ Пипчинъ такой пытливый взоръ, что она сочла нужнымъ отвернуться и подойти къ окну.

Жилъ въ Англіи скромный аптекарь и вмѣстѣ лѣкарь⁴, прикомандированный къ учебному заведенію д-ра Блимбера, который теперь очутился въ дѣтской спальнѣ вмѣстѣ съ м-съ Пипч-

⁴ Должность лѣкаря и аптекаря въ Англіи часто соединяются въ одномъ лицѣ.

инь. Какъ они пришли, и зачѣмъ они пришли, и давно ли они пришли, Павелъ никакъ не могъ себѣ растолковать; но, увидѣвъ ихъ у своей постели, онъ привсталъ и иачаль весьма обстоятельно отвѣчать на всѣ вопросы домашняго врача, которому, наконецъ, шепнулъ на ухо, чтобы онъ сдѣлалъ милость ничего не говорилъ Флоренсѣ, такъ какъ скоро будетъ балъ, и она приглашена. Вообще онъ очень много говорилъ съ лѣкаремъ, и они разстались превосходными друзьями. Положивъ голову на подушку, Павелъ закрылъ глаза; но ему послышалось или, быть можетъ, пригрезилось, будто лѣкаръ говорилъ, что въ мальчикѣ замѣтны большой недостатокъ жизненной силы (что бы это такое? – думалъ Павелъ) и большая слабость въ организмѣ. "Такъ какъ ребенокъ, – говорилъ еще аптекаръ, – забралъ себѣ въ голову, что семнадцатаго числа онъ будетъ на балу и уѣдетъ домой, то ужъ пусть дозволяютъ ему эту фантазію, чтобы не сдѣлалось хуже. Это хорошо, что дитя скоро ѣдетъ къ родственникамъ, какъ говорить м-съ Пипчинъ. Я самъ напишу къ м-ру Домби, какъ скоро лучше ознакомлюсь еѣ ходомъ болѣзни. Покамѣсть, кажется, еще нѣтъ большой..." Но чего нѣтъ, Павелъ не разслышалъ. Въ заключеніе лѣкаръ сказалъ, что это прелестное, но только очень странное дитя.

Какія-то дались имъ странности! – думалъ Павелъ и никакъ не могъ постигнуть, отчего онъ имъ всѣмъ бросается въ глаза. Между тѣмъ м-съ Пипчинъ какъ-то опять очутилась подлѣ него, а, быть можетъ, она и не уходила, хотя, кажется, онъ видѣлъ, будто она вышла съ докторомъ изъ дверей или, пожалуй, это такъ пригрезилось. Теперь въ рукахъ у нея, Богъ знаетъ зачѣмъ, появилась какаято странная бутылка и рюмка, и она подносила рюмку Павлу. Потомъ м-съ Пипчинъ изъ собственныхъ рукъ поподчивала его какимъ-то сладкимъ желе, и ему сдѣлалось такъ хорошо, что м-съ Пипчинъ, по его настоятельной просьбѣ, отправилась домой, а Бриггсъ и Тозеръ подошли къ его постели. Бѣдный Бриггсъ ужасно ворчалъ на свой анализъ, гдѣ его съ безпощаднымъ искусствомъ опытнаго химика разложили на всѣ составныя части. При всемъ томъ онъ былъ ласковъ съ Павломъ, какъ и Тозеръ, какъ и всѣ молодые джентльмены, потому что каждый изъ нихъ, отходя ко сну, заходилъ напередъ къ Павлу и спрашивалъ: "Каковъ ты, Домби? какъ ты себя чувствуешь, Домби? Будь весель, Домби, не робѣй!" и такъ далѣе. Бриггсъ долго метался въ постели и безъ умолку жаловался на свой анализъ, говоря, что тутъ нѣтъ ни на волосъ правды и что его р_а_з_л_о_ж_и_л_и, какъ разбойника.

– Что бы сказала д-ръ Блимберъ, – говорилъ онъ, – если бы его самого такъ разложили? Вѣдь отъ этого зависятъ карманныя деньги! Какія штуки! Цѣлыхъ полгода мучили бѣднаго парня, какъ конторщика, да потомъ его же отрекомендовали лѣнивцемъ! Хорошъ лѣновецъ! Не давали по два раза въ недѣлю обѣдать, да еще называли жаднымъ! Посмотрѣлъ бы я, какъ онъ не сталъ бы жадничать на моемъ мѣстѣ. О! А!

Утромъ на другой день, подслѣповатый малый, собираясь, по обыкновенію, колотить въ мѣдный тазъ, сказалъ Павлу, чтобы онъ не беспокоился и почивалъ себѣ спокойно, когда другіе джентльмены будутъ одѣваться. Павелъ обрадовался. Скоро пришла м-съ Пипчинъ, а за нею лѣкаръ, а за лѣкаремъ Мелія, та женщина, что выгребала золу изъ камина въ первое утро по прибытіи вла въ докторскій домъ, – охъ, какъ давно, давно это было! Всѣ эти особы посмотрѣли на Павла, спросили, какъ онъ себя чувствуетъ, и пошли въ другую комнату на консультацію, а, пожалуй, что все это пригрезилось. Потомъ лѣкаръ воротился уже съ д-ромъ Блимберомъ и м-съ Блимберъ. Онъ сказалъ:

– Да, господинъ докторъ, я совѣтую вамъ освободить этого джентльмена отъ всякихъ занятій. Да вѣдь ужъ и каникулы недалеко.

– Само собою разумѣется, – отвѣчала д-ръ Блимберъ. – Душенька, извѣсти объ этомъ Корнелію.

– Очень хорошо, – сказала м-съ Блимберъ.

Лѣкаръ съ такимъ участіемъ и заботливостью шупалъ пульсъ, сердце и смотрѣлъ въ глаза маленькаго паціента, что Павелъ невольно проговорилъ:

– Покорно васъ благодарю, сэръ.

- Маленькій нашъ другъ, – замѣтилъ дръ Блимберъ, – кажется, никогда не жаловался.
- О, я думаю! – отвѣчалъ докторъ.
- Такъ вамъ кажется, что ему лучше? – спросилъ д-ръ Блимберъ.
- Значительно лучше, – отвѣчалъ лѣкаръ какимъ-то двусмысленнымъ тономъ.

Павель углубился въ размышленіе насчетъ того, что бы такое думалъ аптекаръ, такъ загадочно отвѣтившій на два вопроса д-ра Блимбера. Но когда аптекаръ, уловившій взоръ маленькаго пациента, бросилъ на него ободрительную и дружескую улыбку, Павель тоже разсѣялся и уже болѣе не предпринималъ своего заоблачнаго путешествія.

Весь этотъ день онъ пролежалъ въ постели, дремалъ, грезилъ и по временамъ смотрѣлъ на м-ра Тутса; но на другое утро онъ всталъ очень рано, спустился съ лѣстницы во второй этажъ, вошелъ въ залу, остановился передъ часами и... вотъ чудесато! – часы уже не спрашивали болѣе: "Ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ". Циферблатъ былъ снятъ, и часовой мастеръ, стоявшій на передвижной лѣстницѣ, засовывалъ какіе-то инструменты во внутренность машины. Это обстоятельство ужасно удивило Павла: онъ сѣлъ на нижней ступенькѣ подвижной лѣстницы и принялся наблюдать очень внимательно за всѣми операціями, взглядывая по временамъ на циферблатъ, который какъ будто за что-то косился на него со стѣны.

Часовой мастеръ былъ человѣкъ ласковый и не замедлилъ спросить Павла, какъ его здоровье, на что Павель тоже не замедлилъ отвѣтить, что, кажется, его находятъ не слишкомъ здоровымъ, а, впрочемъ, ничего. Когда такимъ образомъ разговоръ начался, Павель надавалъ мастеру множество вопросовъ насчетъ колокольнаго звона и боя часовъ. Нужно было знать, стоитъ ли кто на колокольнѣ по ночамъ, когда бьютъ часы, или часовой колоколь приводится въ движеніе самъ собою, и какъ все это устроено? Отчего это колокола иначе звонятъ при похоронахъ, и совсѣмъ иначе на свадьбѣ, или они звонятъ одинаково, а это только такъ кажется, и почему именно такъ кажется? "А не лучше ли было бы, – спросилъ еще Павель, – измѣрять время сожиганіемъ свѣчъ, какъ хотѣлъ это сдѣлать король Альфредъ? Вы вѣдь знаете короля Альфреда?" – Часовщикъ отвѣчалъ, что не знаетъ, но думаетъ, однако-жъ, что это было бы очень дурно, потому-что тогда нечѣмъ было бы жить часовымъ мастерамъ. Вообще бесѣда была очень интересная, и Павель продолжалъ дѣлать наблюденія до тѣхъ поръ, пока циферблатъ не пришелъ въ свое обыкновенное положеніе. Часовщикъ положилъ свои инструменты въ корзину, раскланялся съ любознательнымъ собесѣдникомъ и, выходя изъ дверей, не преминулъ сдѣлать замѣчаніе: "Какой странный мальчикъ! чудакъ, да и только!" Павель хорошо разслышалъ эти слова.

– Что это они всѣ сговорились называть меня чудакомъ! – сказалъ онъ. – Чудакъ да чудакъ, – рѣшительно не понимаю!

Не имѣя теперь уроковъ, онъ часто объ этомъ размышлялъ, и конечно размышлялъ бы еще чаще, если бы другіе предметы не лежали у него на душѣ. Ему было о чемъ думать.

Прежде всего – Флоренса пріѣдетъ на балъ. Флоренса увидитъ, что всѣ мальчики его любятъ, и это будетъ очень пріятно Флоренсѣ. Это было главной темой его размышленій. Пусть Флоренса узнаетъ, что всѣ джентльмены ласковы съ нимъ и добры, что онъ сдѣлался ихъ маленькимъ любимцемъ: тогда она станетъ думать, что онъ не слишкомъ станетъ тужить, когда послѣ каникулъ его опять повезутъ въ пансіонъ.

Повезутъ опять! Разъ пятьдесятъ въ этотъ день заходилъ онъ въ свою комнатку, собиралъ книги, тетради, лоскутья, каждую бездѣлицу, и все это увязывалъ, укладывалъ, упаковывалъ, чтобы взять домой. Ни малѣйшей мысли о возвращеніи назадъ, ни малѣйшаго приготовленія къ этому и, думая о концѣ каникулъ, онъ только останавливался на Флоренсѣ!

Проходя по верхнимъ комнатамъ, онъ думалъ, какъ онѣ опустѣютъ, когда не будетъ его, и сколько потомъ еще пройдетъ безмолвныхъ дней, недѣль, мѣсяцевъ, годовъ между этими стѣнами. Кто то заступитъ его мѣсто? Найдется ли когда-нибудь еще такой же мальчикъ, какъ и онъ?

Онъ думалъ о портретѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ, который всегда какъ-то задумчиво смотрѣлъ на Павла, когда онъ проходилъ мимо, и если случалось, что онъ проходилъ съ товарищемъ, портретъ – чудное дѣло! – смотрѣлъ только на него одного. Много онъ думалъ объ этомъ и почти въ то же время размышлялъ еще объ одной картинѣ, прелестной, удивительной картинѣ, гдѣ, среди группы различныхъ фигуръ, Павелъ зналъ только одну женщину, нѣжную, кроткую, сострадательную, съ какимъ-то чуднымъ свѣтомъ вокругъ головы. Эта женщина тоже какъ будто смотрѣла на Павла и всегда указывала ему наверхъ.

Въ своей спальнѣ, облокотившись на окно, онъ тоже думалъ безпрестанно, и его мысли смѣнялись одна другою, какъ морскія волны, которыя онъ по прежнему наблюдалъ съ одинаковымъ вниманіемъ. Гдѣ живутъ эти дикія птицы, что летаютъ надъ моремъ въ бурную погоду? Отчего зарождались облака, и куда они спѣшили, перегоняя одно другое? Откуда брался вѣтеръ, и куда онъ шель? Берегъ, ио которому они такъ часто гуляли съ Флоренсой и наблюдали море, и говорили о многихъ вещахъ, останется ли такимъ же, когда ихъ не будетъ, или онъ опустѣетъ? А если бы Флоренса гуляла здѣсь одна, и они бы разлучились, о чемъ и какъ бы стала она думать и что бы всего больше ее занимало?

Онъ думалъ еще о м-рѣ Тутсѣ, о м-рѣ Фидерѣ, о всѣхъ мальчикахъ; и о д-рѣ Блимберѣ, о м-сѣ Блимберъ и миссѣ Блимберъ; о домѣ, и о тетушкѣ Чиккѣ, и о миссѣ Токсѣ; о своемъ отцѣ Домби и Сынѣ, о Вальтерѣ съ его бѣднымъ дядей, которому онъ далъ денегъ, и о басистомъ капитанѣ съ его желѣзной рукой. Кромѣ того, въ этотъ день ему надлежало сдѣлать множество визитовъ – въ класную комнату, въ кабинетъ д-ра Блимбера, въ спальню м-сѣ Блимберъ, въ уборную миссѣ Блимберъ и въ каморку цѣпной собаки. Ему дали теперь полную волю бродить вездѣ въ домѣ и около дома, и онъ на прощаньи хотѣлъ угодить всѣмъ. Онъ отыскивалъ для Бриггса въ учебныхъ книгахъ мѣста, которыя тотъ всегда забывалъ, приискивалъ въ словарь слова для другихъ молодыхъ джентльменовъ, слишкомъ занятыхъ своимъ дѣломъ, приводилъ въ порядокъ бумаги для миссѣ Корнеліи, а иногда пробирался въ кабинетъ самого доктора и, усаживаясь подлѣ его ученыхъ ногъ, ворочалъ потихоньку глобусы, совершалъ мысленныя путешествія по земнымъ и небеснымъ пространствамъ.

Словомъ въ эти послѣдніе дни передъ каникулами, всѣ другіе молодые джентльмены работали изо всѣхъ силъ, повторяя уроки за цѣлый семестръ, Павелъ былъ привилегированнымъ воспитанникомъ, какого не видывали въ этомъ домѣ. Едва и самъ онъ вѣрилъ такому счастью; но свобода его увеличивалась съ часу на часъ, со дня на день, и всѣ ласкали маленькаго Домби. Д-ръ Блимберъ былъ такъ къ нему внимателенъ, что однажды выслалъ Джонсона изъ-за стола, когда тотъ необдуманно проговорилъ за обѣдомъ; "бѣдненькій Домби!" Павелъ дивился и находилъ, что докторъ поступилъ очень жестоко, хотя краска вспыхнула у него на лицѣ, и онъ никакъ не могъ понять, отчего товарищъ называлъ его бѣдненькимъ. Эта чрезмѣрная строгость казалась тѣмъ несправедливѣе, что Павелъ очень хорошо слышалъ, какъ докторъ въ прошлый вечеръ согласился съ мнѣніемъ м-сѣ Блимберъ, которая сказала напрямикъ, что бѣдный маленькій Домби сдѣлался теперь еще страннѣе. Теперь Павелъ начиналъ догадываться, за что его называли чудакомъ, – конечно, за то, что онъ былъ слабъ, блѣденъ, тонокъ, скоро уставалъ и готовъ былъ во всякое время повалиться, какъ снопъ, и отдыхать.

Наконецъ, наступило семнадцатое число. Д-ръ Блимберъ, послѣ завтрака, обращаясь къ молодымъ джентльменамъ, сказалъ:

– Господа, наши лекціи начнутся въ будущемъ мѣсяцѣ двадцать пятаго числа.

М-ръ Тутсъ немедленно надѣлъ кольцо, принявъ гордый видъ а_н_г_л_і_й_с_к_а_г_о_г_р_а_ж_д_а_н_и_н_а и, разговаривая съ товарищами о своемъ бывшемъ начальникѣ, безъ церемоніи назвалъ его Блимберомъ. Старшіе воспитанники съ изумленіемъ и завистью взглянули на гражданина, а младшіе никакъ не могли понять, какимъ образомъ Тутсъ не сгинулъ съ лица земли за такую неслыханную дерзость.

За столомъ никто не закинулъ ни полсловомъ насчетъ вечерняго торжества; но въ домѣ во весь этотъ день происходила страшная суматоха, и Павелъ въ своихъ уединенныхъ прогулкахъ познакомился съ какими-то странными скамейками и подсвѣчниками, а что всего забавнѣе, при входѣ въ залу онъ увидѣлъ арфу, одѣтую въ зеленый сюртукъ. За обѣдомъ голова у м-съ Блимберъ приняла какую-то странную форму, какъ будто она завинтила свои волосы, и хотя у миссъ Корнелии Блимберъ на каждомъ вискѣ красовался прелестный букетъ завитыхъ волосъ, но ея маленькія кудри, неизвѣстно по какой причинѣ, были завернуты кусочками театральной афиши, и Павелъ съ изумленіемъ прочелъ у ней на лбу "королевскій театр", а за лѣвымъ ухомъ "Брайтонъ".

Къ вечеру спальня молодыхъ джентльменовъ превратилась въ магазинъ бѣлыхъ жилетовъ и галстуковъ, откуда на весьма значительное пространство несло запахомъ опаленныхъ волосъ, и д-ръ Блимберъ, посылая своимъ питомцамъ нижайшее почтеніе, велѣлъ кстати спросить, не пожаръ ли въ ихъ комнатѣ. Но слуга, возвращаясь съ отвѣтомъ, объявилъ, что парикмахеръ, завивая господамъ волосы, слишкомъ распалилъ щипцы въ жару своего усердія.

Несмотря на слабость и расположеніе ко сну, Павелъ одѣлся на скорую руку и сошелъ въ гостиную, гдѣ д-ръ Блимберъ ходилъ взадъ и впередъ съ величавымъ и совершенно беззаботнымъ видомъ, какъ будто онъ ждалъ не больше двухъ, трехъ человѣкъ, которые, быть можетъ, завернутъ къ нему случайно, немного погодя. Вскорѣ явилась м-съ Блимберъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и съ такимъ длиннымъ шлейфомъ, что прогулка вокругъ ея особы составила для Павла препорядочное путешествіе. Послѣ маменьки пришла и дочка, немного перетянутая, но чрезвычайно очаровательная.

Изъ гостей прежде всѣхъ явились м-ръ Тутсъ и м-ръ Фидеръ. Оба джентльмена держали въ рукахъ шляпы, какъ будто пріѣхали издалека, и когда буфетчикъ, при торжественномъ докладѣ, произнесъ ихъ имена, д-ръ Блимберъ сказалъ: "Прошу покорно, господа, добро пожаловать", и, казалось, былъ чрезвычайно радъ видѣть дорогихъ гостей. М-ръ Тутсъ, великолѣпно сіявшій булавкой, колечкомъ и пуговицами, истинно джентльменскимъ образомъ раскланялся съ дамами и величаво протянулъ руку д-ру Блимберу. Проникнутый глубокимъ сознаниемъ собственного достоинства, онъ тутъ же отвелъ Павла въ сторону и съ особой выразительностью спросилъ:

– Что ты думаешь объ этомъ, Домби?

Но несмотря на совершенную увѣренность въ себѣ самомъ, м-ръ Тутсъ надолго погружень былъ въ раздумье относительно того обстоятельства, должно ли застегивать на жилетѣ нижнія пуговицы, или нѣтъ, и какъ приличнѣе распорядиться оконечностями рубашечныхъ рукавчиковъ. Замѣтивъ, что у м-ра Фидера они были вытянуты, м-ръ Тутсъ распорядился точно такимъ же образомъ; но когда оказалось, что у другихъ гостей они были отогнуты на фрачные обшлага, м-ръ Тутсъ не замедлилъ послѣдовать этому примѣру, Разница касательно жилетныхъ пуговицъ не только нижнихъ, но и верхнихъ сдѣлалась у новыхъ гостей еще ошутительнѣе, такъ что пальцы м-ра Тутса безпрестанно шмыгали по этой части его костюма, какъ-будто онъ разыгрывалъ на музыкальномъ инструментѣ труднѣйшую арію, которая совершенно сбивала его съ толку.

Немного погодя, явились и другіе джентльмены въ модной прическѣ, въ высочайшихъ галстукахъ, въ ганцовальныхъ башмакахъ, съ лучшими шляпами въ рукахъ. За ними пришелъ м-ръ Бапсъ, танцмейстеръ, въ сопровожденіи своей супруги, которую м-съ Блимберъ приняла очень вѣжливо и благосклонно. Лакей о каждомъ гостѣ докладывалъ громогласно. Осанка м-ра Бапса была очень величественна, и онъ говорилъ съ особой выразительностью, дѣлая ударенія на каждомъ словѣ. Постоявъ минутъ пять подъ лампой, онъ подошелъ къ м-ру Тутсу, который въ молчаніи любовался своими башмаками, и спросилъ:

– Какъ вы думаете, сэръ, относительно сырыхъ матеріаловъ, привозимыхъ въ наши гавани изъ-за границы: что съ ними должно дѣлать?

– Варить ихъ, – не задумываясь отвѣчалъ м-ръ Тутсъ.

Этимъ и окончилась бесѣда, хотя, казалось, господинъ танцмейстеръ не совсѣмъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ м-ра Тутса.

Павель, дѣлавшій теперь глубокомысленныя наблюденія на мягкой софѣ, обложенной подушками, вдругъ соскочилъ съ этого сѣдалища и отправился въ чайную комнату дожидаться Флоренсу, которой онъ не видалъ уже около двухъ недѣль, потому что въ прошлую субботу его не пускали домой изъ опасенія простуды. Вскорѣ явилась она, прелестная, какъ ангель, въ своемъ бальномъ платьицѣ, съ свѣжимъ букетомъ цвѣтовъ въ рукѣ. Въ комнатѣ не было никого, кромѣ пріятельницы Павла, Меліи, и другой женщины, разливавшей чай. Когда Флоренса стала на колѣни, чтобы поцѣловать маленькаго брата, Павель бросился въ ея объятія и не хотѣлъ оторвать глазъ отъ ея цвѣтущаго личика.

– Что съ тобой, Флой, – вдругъ спросилъ Павель, почти увѣренный, что увидѣлъ слезу на щекѣ сестры.

– Ничего, милый, ничего, – отвѣчала Флоренса.

Павель тихонько дотронулся до щеки: на ней точно была слеза!

– Милая, что съ тобою?

– Мы поѣдемъ домой, – отвѣчала сестра, – и я буду за тобой ухаживать.

– За мной ухаживать! Это что такое?

Павель дивился, отчего двѣ молодыя женщины смотрѣли на него съ такимъ задумчивымъ видомъ, отчего Флоренса на минуту отворотилась и потомъ опять оборотила на него глаза съ отрадной улыбкой,

– Флой, – сказала Павель, перебирая рукою ея черные лаконы, – скажи мнѣ, моя милая, правда ли, что я чудакъ?!..

Флоренса засмѣялась, обласкала его и проговорила: "нѣтъ".

– А они всѣ то и дѣло говорятъ, будто я чудакъ, – возразилъ Павель, – желалъ бы я знать, что такое чудакъ?

Въ эту минуту постучались въ дверь, и Флоренса, поспѣшивъ къ чайному столу, не успѣла отвѣчать брату на его вопросы. Павель удивился опять, когда увидѣлъ, что Мелія о чемъ-то перешептывалась съ Флоренсой; но вошедшіе гости сообщили другое направленіе его наблюденія.

Это были: сэръ Барнетъ Скеттльзъ, леди Скеттльзъ и сынокъ ихъ, еще мальчикъ, который послѣ каникулъ готовился поступить въ учебное заведеніе д-ра Блимбера. Отецъ былъ членомъ нижняго парламента, и м-ръ Фидеръ, разговаривая о немъ съ молодыми джентльменами, сказалъ между прочимъ, что г. Барнетъ Скеттльзъ непременно свернетъ голову отчаянной партіи радикаловъ, только бы уловить ему взоръ президента⁵, чего, однако-жъ, онъ никакъ не могъ дожидаться цѣлыхъ три года.

– Какая это комната? – спросила леди Скеттльзъ у Павловой пріятельницы.

– Кабинетъ д-ра Блимбера, – отвѣчала Мелія.

– Хорошая, очень хорошая комната, – проговорила леди Скеттльзъ, обращаясь къ своему мужу.

– Очень хорошая комната, – повторилъ почтенный супругъ.

– А кто малютка? – сказала леди Скеттльзъ, обращаясь къ Павлу. – Не одинъ ли...

– Изъ молодыхъ джентльменовъ? – подхватила Мелія. – Точно такъ, сударыня.

– Какъ васъ зовутъ, душенька? – спросила леди Скеттльзъ.

– Домби, – отвѣчалъ Павель.

⁵ Когда членъ нижняго парламента встаетъ съ своего мѣста для произнесенія рѣчи, онъ не можетъ начать ее прежде, чѣмъ на него и взглянетъ президентъ. Отсюда выраженіе: уловить взоръ президента (to catch the Speaker's eye), равносильное выраженіе: получить позволеніе говорить рѣчь.

При этомъ имени сэръ Барнетъ Скеттльзь немедленно вмѣшался въ разговоръ и объявилъ, что имѣлъ честь встрѣчаться съ Павловымъ отцомъ на публичныхъ обѣдахъ, и теперь ему очень пріятно слышать о драгоценнѣйшемъ здоровьи м-ра Домби. Затѣмъ Павелъ разслышалъ слова, обращенныя къ леди Скеттльзь: "Сити... богачъ... извѣстнѣйшій... докторъ говоритъ"...

– Потрудитесь передать папенькѣ мое глубокое почтеніе, – сказалъ сэръ Барнетъ Скеттльзь, обращаясь къ Павлу.

– Очень хорошо, – отвѣчала Павелъ.

– Какой умненькій мальчикъ! – воскликнулъ сэръ Барнетъ Скеттльзь. – Сынъ, – продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому Скеттльзу, который между тѣмъ съ величайшимъ аппетитомъ изволилъ кушать сладкій пирогъ съ изюмомъ, въ вознагражденіе за будущія лишенія въ докторскомъ пансіонѣ, – сынъ, познакомься съ молодымъ джентльменомъ. Это такой джентльмень, съ которымъ ты можешь и долженъ познакомиться.

– Какое милое личико! Что за глазки! Что за локончики! – восклицала леди Скеттльзь, лорнируя Флоренсу съ ногъ до головы.

– Сестра моя, Флоренса Домби, – сказалъ Павелъ, рекомендуя.

Скеттльзы ощущали теперь неизреченное наслажденіе, и такъ какъ леди Скеттльзь, съ перваго взгляда почувствовала къ Павлу материнскую привязанность, то вся компанія поспѣшила отправиться въ залу. Сэръ Барнетъ Скеттльзь велъ Флоренсу, а молодой Скеттльзь шелъ позади.

Молодой Скеттльзь недолго оставался въ неизвѣстности, потому что д-ръ Блимберъ вывелъ его изъ-за угла и заставилъ танцевать съ Флоренсой. Павлу показалось, что дикій мальчикъ вовсе не чувствовалъ себя счастливымъ отъ этой компаніи и даже будто бы на что-то сердился; но когда леди Скеттльзь, играя вѣеромъ, сообщила миссъ Корнеліи Блимберъ, что сынокъ ея просто безъ ума отъ этого ангельчика, миссъ Домби, Павелъ заключилъ, что молодой Скеттльзь, упоенный блаженствомъ, не могъ выразить своихъ впечатлѣній внѣшними знаками.

Удивительнымъ показалось Павлу, отчего никто не хотѣлъ занимать его мѣста на софѣ между подушками, и отчего молодые джентльмены, при входѣ его въ залу, поспѣшили дать ему дорогу и указать на прежнее мѣсто. Замѣтивъ, что маленькій Домби съ наслажденіемъ смотрѣлъ на танцующую сестру, они распорядились такъ, что никто не заслонялъ передъ нимъ Флоренсы, и онъ могъ свободно слѣдить за нею глазами. Всѣ гости, даже посторонніе, были такъ ласковы, что безпрестанно подходили къ нему и спрашивали, какъ онъ себя чувствуетъ, не болитъ ли у него головка, не усталъ ли онъ? Павелъ благодарилъ отъ души и, расположившись на софѣ вмѣстѣ съ м-сь Блимберъ и леди Скеттльзь, чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, особенно когда Флоренса, послѣ каждаго танда, садилась подлѣ него и разговаривала.

Флоренса съ большой охотой вовсе оставила бы танцы, чтобы весь вечеръ просидѣть подлѣ брата, но Павелъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы она танцевала, говоря, что это ему очень пріятно. И онъ говорилъ правду: его сердце трепетало отъ радости, и личико пылало яркимъ румянцемъ, когда онъ видѣлъ, какъ всѣ любятъ Флоренсу и приходятъ отъ нея въ восторгъ.

Обложенный подушками на своемъ высокомъ сѣдалищѣ, Павелъ могъ видѣть и слышать почти все, что вокругъ него происходило, какъ будто весь этотъ праздникъ былъ устроенъ исключительно для его забавы. Между прочимъ, онъ замѣтилъ, какъ м-ръ Бапсъ, танцмейстеръ, подошелъ къ г. члену нижняго парламента и спросилъ его точь въ точь, какъ м-ра Тутса:

– А какъ вы думаете, сэръ, насчетъ сырыхъ матеріаловъ, которые привозятъ изъ-за границы въ обмѣнъ за наше золото: что съ ними дѣлать?

Павелъ дивился и очень хотѣлъ знать, почему этотъ предметъ такъ сильно занималъ м-ра Бапса. Сэръ Барнетъ Скеттльзь очень много и очень мудро разсуждалъ о предложенной матеріи, но, казалось, не удовлетворилъ м-ра Бапса.

– Все это такъ, – сказалъ м-ръ Бэпсъ, – я совершенно согласенъ съ вами сэръ, однако-жь, если предположить, что Россія запрудитъ наши гавани своимъ саломъ, тогда что?

Сэръ Барнетъ Скеттльзъ былъ совершенно озадаченъ этимъ неопредѣленнымъ возраженіемъ, однако-жь, скоро опомнился и, покачавъ головой, сказалъ:

– Ну, тогда, конечно, намъ придется усилить производство хлопчатой бумаги.

М-ръ Бэпсъ не сдѣлалъ болѣе никакихъ замѣчаній и поспѣшилъ къ своей супругѣ, которая между тѣмъ съ большимъ вниманіемъ разсматривала нотную книгу джентльмена, игравшаго на арфѣ. Сэръ Барнетъ Скеттльзъ, не сомнѣваясь, что бывший его собесѣдникъ – очень замѣчательная особа, обратился къ д-ру Блимберу съ вопросомъ:

– Скажите, пожалуйста, докторъ, господинъ этотъ, вѣроятно, служитъ въ департаментѣ внѣшней торговли?

– О, нѣтъ, – отвѣчалъ д-ръ Блимберъ, – нѣтъ, это нашъ профессоръ...

– Статистики или политической экономіи? – замѣтилъ сэръ Барнетъ Скеттльзъ.

– Не совсѣмъ такъ, – сказалъ докторъ Блимберъ, подпирая рукою подбородокъ.

– Ну, такъ нѣтъ сомнѣнія, онъ занимается вычисленіемъ математическихъ фигуръ или чего-нибудь въ этомъ родѣ?

– Именно фигуръ, – сказалъ д-ръ Блимберъ, – да только не въ этомъ родѣ. М-ръ Бэпсъ, смѣю доложить вамъ, нашъ профессоръ танцевъ, превосходнѣйшій человѣкъ въ своемъ родѣ.

Сэръ Барнетъ Скеттльзъ нахмурился, разсвирѣпѣлъ и, подойдя къ своей супругѣ, сказалъ очень явственно, что господинъ, съ которымъ онъ говорилъ, пре-без-сты-д-нѣй-шій наглець въ своемъ родѣ. Павелъ никакъ не могъ постигнуть, отчего сэръ Барнетъ Скеттльзъ перемѣнилъ такъ скоро свое мнѣніе о м-рѣ Бэпсѣ, котораго ему отрекомендовали, какъ превосходнѣйшаго человѣка въ своемъ родѣ.

Скоро наблюдательность Павла приняла другое направленіе. М-ръ Фидеръ, послѣ двухъ-трехъ стакановъ глентвейну, повеселѣлъ удивительнымъ образомъ и принялъ твердое намѣреніе наслаждаться всѣми благами міра сего. Танцы были вообще очень церемонны, и музыка скорѣе походила на церковную, чѣмъ на бальную; но м-ръ Фидеръ, очевидно, приходившій въ восторженное состояніе, сказалъ м-ру Тутсу, что имѣетъ намѣреніе повернуть дѣла по своему. Послѣ того онъ подошелъ къ оркестру и, приказавъ играть веселѣе, принялся танцовать со всею развязностью и беззаботностью моднаго денди. Особенно онъ сдѣлался внимательнымъ къ дамамъ и, танцуя съ миссъ Корнеліей Блимберъ, шепнулъ ей – можете вообразить! – шепнулъ ей два стишка изъ простонародной чрезвычайно нѣжной пѣсни, и – можете вообразить! – миссъ Корнелія Блимберъ ни мало не обидѣлась. Эти же стишки м-ръ Фидеръ немедленно повторилъ еще четыремъ дамамъ, которыя также не обижились. Павелъ все это слышалъ очень хорошо. Онъ слышалъ и то, какъ Фидеръ сказалъ Тутсу, что завтра, чортъ побери, придется расквитаться за этотъ вечеръ.

Наконецъ, оркестръ заигралъ самыя буйныя, площадныя аріи, и это обстоятельство крайне обезпокоило м-съ Блимберъ, которая не безъ причины опасалась, что это можетъ оскорбить благородный слухъ почтенной леди Скеттльзъ. Но леди Скеттльзъ просила не безпокоиться и очень благосклонно выслушала объясненіе касательно м-ра Фидера, который, говорила м-съ Блимберъ, несмотря на нѣкоторые крайности при такихъ случаяхъ, былъ вообще превосходнѣйшій человѣкъ, отлично понималъ Вергилія и убиралъ свои коротенькіе волосы истинно классическимъ образомъ.

Разговаривая съ Павломъ, леди Скеттльзъ замѣтила между прочимъ, что, кажется, онъ очень любитъ музыку.

– Люблю, леди, – отвѣчалъ Павелъ, – а если и вы любите, такъ я вамъ совѣтую послушать, какъ поетъ сестрица моя, Флоренса.

Леди Скеттльзъ немедленно объявила, что умираетъ отъ нетерпѣнія слышать миссъ Домби, и когда Флоренса начала отказываться, говоря, что никакъ не можетъ пѣть при такомъ многочисленномъ собраніи, Павелъ подозвалъ ее и сказалъ:

– Пожалуйста, Флой, для меня, мой другъ, сдѣлай милость.

Флоренса подошла къ фортепьяно и запѣла. Гости разступились, чтобы не загородить сестры отъ маленькаго Домби. Когда онъ увидѣлъ, что его сестра, добрая, милая, прекрасная сестра, сдѣлалась предметомъ общаго вниманія, когда онъ услышалъ ея заливающійся голосокъ, очаровательный и сладкій, раздававшійся среди безмолвной блестящей залы звучной трелью любви и надежды, онъ отворотилъ свое личико и заплакалъ, – не оттого заплакалъ, чтобы мелодія была слишкомъ жалобна или печальна, нѣтъ, а оттого, что "она слишкомъ мила для меня", – сказалъ Павелъ, отвѣчая на разспросы гостей.

Всѣ полюбили Флоренсу, да и какъ не полюбить! Павелъ заранѣе зналъ, что иначе и быть не можетъ, и когда онъ сидѣлъ на своей мягкой софѣ съ сложенными накрестъ руками, немногіе могли вообразить, какой торжественный восторгъ озарялъ эту младенческую душу. Со всѣхъ сторонъ доходили до его слуха роскошныя похвалы "сестрицѣ маленькаго Домби"; всѣ удивлялись скромности, уму, талантамъ маленькой красавицы, и Павелъ былъ въ какомъ-то упоительномъ чадѣ, и казалось ему, будто докторская зала превращается въ очаровательный садъ, и атмосфера вдругъ наполнилась какой-то сладкой симпатіей, которая смягчала и разнѣживала сердце.

Какъ это случилось, Павелъ не зналъ. Все, что наблюдалъ онъ въ этотъ вечеръ и чувствовалъ, и мыслить – настоящее, прошедшее и будущее, предметы близкіе и отдаленные – все это перепуталось и перемѣшалось въ его головѣ, подобно цвѣтамъ въ радугѣ или въ богатомъ плюмажѣ павлина, когда надъ нимъ сіяетъ солнце, или въ тихомъ лазурномъ небѣ, когда то же солнце, закатываясь, бросаетъ яркіе лучи на безбрежное море. Многія вещи, о которыхъ онъ думалъ послѣдній разъ, носились передъ нимъ въ неопредѣленныхъ звукахъ музыкальнаго оркестра и уже не пробуждали его наблюдательности. Фантастическія мечты, занимавшія его не далѣе, какъ вчера, когда онъ смотрѣлъ изъ своего уединеннаго окошка на бурныя воды океана, улеглись и убаюкались въ его воображеніи. Но тотъ же таинственный говоръ морскихъ волнъ, которому такъ долго и такъ часто внималъ онъ въ своей колясочкѣ на морскомъ берегу, еще мерещился ему, и чудился въ этомъ говорѣ привѣтъ любви и дружбы, и вмѣстѣ слышалось ему, будто всѣ называютъ его чудякомъ, хотя опять-таки неизвѣстно за что. Такъ грезилъ и мечталъ, слушалъ и думалъ маленькій Павелъ и былъ совершенно счастливъ.

Счастливъ – пока не пробилъ часъ разлуки, роковой часъ, пробудившій общее волненіе между гостями д-ра Блимбера. Сэръ Барнетъ Скеттльзъ еще разъ просилъ Павла засвидѣтельствовать отъ его имени глубокое почтеніе м-ру Домби и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ надежду, что сынъ его, послѣ каникулъ, постарается пріобрѣсть благосклонность маленькаго друга. Леди Скеттльзъ съ материнской нѣжностью поцѣловала его въ лобъ, и даже м-съ Бапсъ, бросивъ музыкальную книгу, постоянный предметъ своего наблюденія, поспѣшила обнять маленькаго Домби и пожелать ему нескончаемыхъ радостей.

– Прощайте, д-ръ Блимберъ, – сказалъ Павелъ, протягивая руку.

– Прощай, мой маленькій другъ, – отвѣчалъ докторъ.

– Я вамъ очень обязанъ, сэръ, – продолжалъ Павелъ, наивно всматриваясь въ задумчивое лицо доктора. – Прикажете, сдѣлайте милость, беречь Діогена.

Діогеномъ звали цѣпную собаку, которая во всю жизнь одного только Павла удостоила своей искренней довѣренности. Докторъ обѣщалъ покровительство Діогену, и Па. вель поблагодарилъ его отъ души. Потомъ, прощансь съ м-съ Блимберъ и Корнеліей, омъ такъ много обнаружилъ искренняго чувства и дѣтской любви, что м-съ Блимберъ совсѣмъ забыла шепнуть кое-что леди Скеттльзъ насчетъ Цицерона, хотя это намѣреніе тревожило ее цѣлый вечеръ. Корнелія взяла своего питомца за обѣ руки и сказала:

– Домби, Домби, ты всегда был моим любимым учеником. Прощай, дружок. Благослови тебя Бог!

– А я считал ее такою жестокою! – подумал Павел. – Как легко ошибиться!

Вдруг молодые джентльмены зажужали: "Домби уѣзжает! маленький Домби уѣзжает!", и все из танцевальной залы двинулось по лѣстницѣ за Павлом и Флоренсой, не исключая самого д-ра Блимбера съ его семействомъ. М-ръ Фидеръ, по этому поводу, сказалъ очень громко, что такой чести, сколько онъ помнитъ, еще не удостоивался ни одинъ изъ прежнихъ молодыхъ джентльменовъ, хотя, быть можетъ, глнтвейнъ на этотъ разъ слишкомъ помрачалъ память м-ра Фидера. Лакеи, подъ предводительствомъ буфетчика, всѣ выбѣжали провожать маленькаго Домби, и даже подслѣповатый малый, видимо растаялъ, когда началъ укладывать книги и сундуки въ коляску, отправлявшуюся въ замокъ м-съ Пипчинъ.

Даже вліяніе нѣжной страсти на сердца молодыхъ джентльменовъ – а они всѣ до одного влюбились въ Флоренсу – не могло удержать ихъ отъ выраженія восторговъ при прощаніи съ маленькимъ Домби. Они пожимали ему руки, махали шляпами, и каждый кричалъ: "Домби, не забывай меня!" Такіе взрывы чувствительности были необыкновеннымъ явленіемъ между этими юными Честерфильдами⁶. Когда Флоренса на крыльцѣ окутывала брата, Павелъ шепталъ: "Слышишь ли ты, милая? рада ли ты? забудешь ли ты это?" И глаза его искрились живѣйшимъ восторгомъ, когда онъ произносилъ эти слова.

Усаживаясь въ карету, Павелъ еще разъ взглянулъ на многочисленную толпу, которая его провожала, и теперь всѣ предметы закружились и запрыгали передъ нимъ, какъ будто онъ смотрѣлъ черезъ стекла зрительной трубки, колебавшейся въ его рукахъ. Потомъ онъ забился въ темный уголокъ кареты и крѣпко прижался къ Флоренсѣ. Вся эта сцена трогательнаго прощанья представлялась ему какимъ-то сновидѣніемъ, тревожнымъ и вмѣстѣ чрезвычайно приятнымъ, и когда впослѣдствіи онъ думалъ о д-рѣ Блимберѣ, онъ всегда воображалъ его не иначе, какъ стоявшимъ на крыльцѣ при прощаньи съ своимъ маленькимъ другомъ.

Но, кромѣ доктора, другая фигура рисовалась иередъ маленькимъ Павломъ, фигура м-ра Тутса, который совершенно неожиданно открылъ одно изъ оконъ кареты, просунулъ голову и спросилъ: "Домби здѣсь?" Прежде, чѣмъ успѣли отвѣчать, онъ скрылся и захохоталъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Но этимъ еще не окончилось. Когда карета уже тронулась съ мѣста, м-ръ Тутсъ подскочилъ съ другой стороны и, опять просунувъ голову черезъ окно, тѣмъ же тономъ спросилъ: "Домби здѣсь?" И потомъ онъ мгновенно исчезъ, заливаясь тѣмъ же дружелюбнымъ хохотомъ.

Какъ Флоренса смѣялась! Павелъ часто вспоминалъ объ этой сценѣ и самъ смѣялся отъ всего сердца.

Но на другой и въ слѣдующіе дни произошло много такихъ вещей, которыя послѣ воображенію Павла представлялись въ самомъ тускломъ свѣтѣ. Прежде всего онъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ они продолжали жить у м-съ Пипчинъ вмѣсто того, чтобы ѣхать домой, зачѣмъ онъ лежалъ въ постели, и Флоренса всегда сидѣла подлѣ него. Приходилъ ли къ нему въ комнату отецъ, или онъ только видѣлъ на стѣнѣ чью-то высокую тѣнь? Правда ли, что лѣкарь говорилъ – или это пригрезилось – что если бы взяли мальчика домой прежде дѣтскаго бала, на которомъ онъ испыталъ слишкомъ сильныя потрясенія, то, вѣроятно, онъ не завянулъ бы такъ скоро?

⁶ Слово «Честерфильдъ» употреблено здѣсь въ смыслѣ свѣтскаго модника, льстеца. Есть въ англійской литературѣ книги: "The letters of Lord Chesterfield to his son", – "Письма Лорда Честерфильда къ своему сыну". Здѣсь авторъ между прочимъ рекомендуетъ скрывать свои настоящіе чувства и считаетъ притворство необходимою добродѣтелью всякаго молодого чело-вѣка. Книга пользуется въ Англійи такою популярностью, что недавно одинъ лондонскій портной, рекомендуя въ своемъ пуфѣ прилично одѣваться, подкрѣпилъ свои доказательства огромной цитатой изъ писемъ Честерфильда. *Прим. перев.*

Ему казалось также, что онъ говариваль сестрѣ: "Охъ, Флой, возьми меня домой; не покидай меня"! А, впрочемъ, можетъ быть, и это пригрезилось. Только кажется, будто онъ слышалъ свои собственныя слова: "Поѣдемъ домой, Флой, поѣдемъ"!

Но зато онъ очень хорошо помнилъ, какъ привезли его домой вмѣстѣ съ Флоренсой, и какая была толкотня на лѣстницѣ, когда понесли его наверхъ. Онъ узналъ свою старую комнату и маленькую постель, гдѣ его положили. Передъ нимъ, въ числѣ прочихъ, стояли: тетушка его, и миссъ Токсъ, и м-съ Пипчинъ, и Сусанна. Онъ всѣхъ ихъ угадалъ и привѣтствовалъ очень радушно. Но было, однако-жь, и тутъ что-то такое, чего онъ никакъ не понималъ и что крайне его беспокоило.

– Мнѣ надобно поговорить съ Флоренсой, – сказалъ онъ, – съ Флоренсой наединѣ. Оставьте насъ.

– Скажи мнѣ, свѣтикъ мой, Флой, папенька не былъ на крыльцѣ, когда меня вынесли изъ кареты?

– Былъ, мой милый.

– Кажется, онъ заплакалъ и ушелъ въ свою комнату, когда увидѣлъ меня; правда ли это, мой ангелъ?

Флоренса отрицательно покачала головой и прильнула губами къ его щекѣ.

– Ну, я радъ, что онъ не плакалъ, – сказалъ маленькій Павель – это правда, мнѣ померещилось. Не сказывай, о чемъ я тебя спрашивалъ.

Глава XV

Замысловатое лукавство капитана Куттля и новыя хлопоты Вальтера Гэя

Долго Вальтеръ не зналъ, что дѣлать съ барбадосскимъ назначеніемъ, и даже лелѣялъ слабую надежду, что м-ръ Домби авось измѣнитъ роковую резолюцію. Быть можетъ, онъ одумается и прикажетъ старику Каркеру "оставить молодого Гэя въ лондонской конторѣ". Но такъ какъ ничто не подтверждало этой, совершенно, впрочемъ, неосновательной надежды, бѣдный юноша увидѣлъ настоятельную необходимость дѣйствовать безъ замедленія, не обольщая себя пустыми мечтами.

Главная задача – какимъ образомъ подступиться къ дядѣ Соломону съ этой неожиданной вѣстью, которая, нѣтъ сомнѣнія, нанесетъ ему страшный ударъ? Старикъ только что начиналъ оправляться послѣ нападеній неумолимаго кредитора, его мичманъ и гостиная повеселѣли, значительная часть долга заплачена м-ромъ Домби, впереди рисовалась надежда окончательно устроить денежные дѣла, – и вотъ все это вдругъ опрокидывалось вверхъ дномъ по какому-то холодному разсчету или просто по безотчетному капризу всемогущаго негоціанта.

Но что бы ни случилось, дядя Соль, такъ или иначе, заранѣе долженъ былъ ознакомиться съ угрожающей бѣдой. Между "ѣхать или не ѣхать" Вальтеръ не могъ выбирать. М-ръ Домби сказалъ прямо, что онъ молодъ, а обстоятельства старика Гильса не блестящи, и это опредѣленіе м-ръ Домби сопровождалъ такимъ взоромъ, въ которомъ ясно значилось, что, въ случаѣ отказа, молодой человѣкъ долженъ оставить знаменитую контору. Онъ и его дядя были благодарѣльствованы м-ромъ Домби, и Вальтеръ самъ искалъ этого благодаренія. Чувство благодарности налагало долгъ безусловнаго повиновенія; такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Вальтеръ, хотя въ то же время начиналъ догадываться, что ему врядъ ли когда удастся обратить на себя милостивое вниманіе гордаго хозяина, который по временамъ, Богъ знаетъ за что, бросалъ на него суровые взгляды.

Когда м-ръ Домби сказалъ: "вы молоды, а обстоятельства вашего дяди не блестящи", въ его фізіономіи выразилось оскорбительное презрѣніе, какъ будто онъ обвинялъ молодого человѣка въ непростительной праздности, обременительной для старика-дяди, и эта мысль стрѣлою вонзилась въ чувствительное сердце бѣднаго юноши. Рѣшившись во что бы то ни стало разуверить м-ра Домби и по возможности самымъ дѣломъ доказать несправедливость оскорбительнаго мнѣнія, Вальтеръ, послѣ роковаго назначенія въ Барбадосъ, удвоилъ свою дѣятельность въ конторѣ и, скрѣпя сердце, казался веселымъ и совершенно довольнымъ. Благодарный и неопытный юноша, разумѣется, никакъ не воображалъ, что эти-то именно свойства теперь всего менѣе могли понравиться м-ру Домби, который, напротивъ, рассчитывалъ, что его всесильная опала – заслуженная или незаслуженная, все равно – должна поражать страхомъ и трепетомъ его подчиненныхъ.

– Ну, – подумалъ Вальтеръ съ глубокимъ вздохомъ, – надо теперь раздѣлаться съ дядюшкой Соломономъ. Но такъ какъ молодой человѣкъ не надѣялся сохранить спокойствіе духа, если бы самъ извѣстилъ старика объ угрожающей бѣдѣ и увидѣлъ первые слѣды отчаянія на его морщинистомъ лицѣ, то онъ рѣшился воспользоваться услугами могущественнаго посредника, капитана Куттля, и, дождавшись перваго воскресенья, отправился послѣ завтрака на корабельную площадь въ его квартиру.

На дорогѣ Вальтеръ не безъ удовольствія припомнилъ, что м-съ Макъ Стингеръ каждое воскресенье поутру отправлялась въ отдаленную капеллу слушать проповѣдь достопочтен-

наго Мельхиседека Гоулера⁷, стяжавшаго громкую извѣстность между нѣкоторыми особами. Сей благочестивый иастырь служилъ первоначально на вестъ-индскихъ докахъ при винной конторѣ, откуда его выгнали по ложному подозрѣнью, будто онъ завелъ грѣшное обыкновение просверливать буравчикомъ бочки съ ромомъ и прикладываться къ нимъ своими устами. Разумѣется, это была клевета, взведенная на него общимъ нашимъ врагомъ, челоуѣкоубійцею искони. Достопочтенный Мельхиседекъ недавно предсказалъ съ своей кафедры, что ровно черезъ два года, въ этотъ самый день, въ десять часовъ утра, воспослѣдуетъ преставление свѣта, и по сей причинѣ открылъ у себя на дому пріемъ благочестивыхъ слушателей и слушательницъ ренътерской секты, на которыхъ, въ первое собраніе, слова краснорѣчиваго проповѣдника произвели самое могущественное впечатлѣніе; и когда словесное стадо, осѣненное послѣ проповѣди вдохновеннымъ наитіемъ, принялось совершать священную пляску, восторженіе слушатели и слушательницы вдругъ всѣ до одного съ ужаснымъ трескомъ и шумомъ провалились въ кухню и опрокинули катокъ, принадлежавшій какой-то словесной овечкѣ.

Обо всѣхъ этихъ подробностяхъ капитанъ Куттль подъ веселую руку разсказалъ Вальтеру и его дядѣ, когда однажды вечеромъ, послѣ благополучной сдѣлки съ маклеромъ Брогли, репетировалъ извѣстную балладу о любовныхъ похожденияхъ Пегги. Самъ капитанъ тоже съ большою аккуратностью каждое воскресенье ходилъ въ ближайшую церковь съ королевскимъ флагомъ, посѣщаемую моряками, гдѣ онъ, за отсутствіемъ законнаго сторожа, дряхлаго и больного, добровольно принималъ на себя обязанность верховнаго надзора надъ мальчиками, для которыхъ особенно былъ страшенъ его таинственный крякъ. Зная капитанскій обычай, Вальтеръ бѣжалъ изо всѣхъ силъ, чтобы предупредить его выходъ, и эта поспѣшность была увѣнчана вождельнымъ успѣхомъ. По прибытіи на корабельную площадь, молодой челоуѣкъ, къ величайшей радости, увидѣлъ и шрокій синій камзолъ и жилетъ, развѣшенные для просушки передъ отвореннымъ окномъ капитанской квартиры.

Казалось невѣроятнымъ, что смертные глаза могли видѣть этотъ костюмъ въ разлукѣ съ своимъ хозяиномъ, но не подлежало никакому сомнѣнью, что жилетъ и камзолъ висѣли безъ капитана, иначе его ноги непременно загородили бы уличную дверь, такъ какъ дома на корабельной площади очень невысоки. Удивляясь этому открытію, Вальтеръ только однажды стукнулъ молоткомъ⁸ въ дверь капитанской квартиры.

– А, это не ко мнѣ! – воскликнулъ капитанъ въ своей комнатѣ. – Вѣрно кто-нибудь пришелъ къ Макъ Стингеръ.

Вальтеръ ясно разслышалъ эти слова и стукнулъ молоткомъ два раза.

– Ну, такъ, стало быть, ко мнѣ. Кому это понадобился капитанъ Куттль?

И вслѣдъ затѣмъ высунулась изъ окна интересная фигура Куттля въ чистой рубашкѣ и подтяжкахъ, въ праздничномъ галстухѣ и лощеной шляпѣ на головѣ.

– Валли! – вскричалъ капитанъ, съ изумленіемъ осматривая неожиданнаго гостя. – Ты ли это любезный?

– Я, я, капитанъ, – отвѣчала Вальтеръ, – скорѣе пожалуйста впустите меня.

– Что такое, дружище? – спросилъ капитанъ съ тревожнымъ участіемъ, – не случилось ли чего опять съ нашимъ старикомъ?

⁷ Howler буквально значить р_е_в_у_н_ь. Авторъ осмѣиваетъ здѣсь изступленныхъ фанатиковъ, слава которыхъ между простолюдинами основывается преимущественно на шарлатанскомъ искусствѣ кричать во все горло и выдѣлывать арлекинскіе жесты во время своихъ поученій. Англія, какъ и Сѣверная Америка, при всей своей образованности, является привилегированной землей сектантовъ и фанатиковъ. Среди безчисленнаго множества сектъ особенно прославились своимъ сумасбродствомъ: Seekers (искатели), Tumblers (кувыркатели) и Ranters (пустомели). Гоулера, какъ видно, принадлежалъ къ сектѣ Ренътеровъ, и о нихъ-то говоритъ здѣсь Диккенсъ. *Прим. переводчика.*

⁸ Въ Лондонѣ, какъ и во многихъ другихъ европейскихъ городахъ и отчасти въ нашихъ остзейскихъ провинціяхъ, вмѣсто колокольчиковъ почти во всѣхъ домахъ употребляются молоточки, утвержденные въ дверяхъ надъ металлической доской. Челоуѣкъ порядочный, дѣлающій визитъ другому, тоже порядочному челоуѣку, долженъ стукнуть по крайней мѣрѣ два раза. Вотъ почему капитанъ Куттль не догадался сначала, что пришли къ нему. *Прим. переводчика.*

– Нѣтъ, нѣтъ, – сказали Вальтеръ – все обстоит благополучно, да только впустите меня. Капитанъ выразилъ свое удовольствіе и сказалъ, что сейчасъ сойдетъ внизъ отворить дверь.

– Зачѣмъ же ты такъ рано пришелъ, Валли? – спросилъ Куттль, сомнительно посматривая на молодого человѣка, когда они взбирались наверхъ.

– Дѣло вотъ видите ли въ чемъ, любезный капитанъ, – сказалъ Вальтеръ, усаживаясь на стулъ, – я боялся не застать васъ дома, а между тѣмъ мнѣ нужно кой о чемъ съ вами потолковать.

– Хорошо, хорошо, – сказалъ капитанъ, – да чѣмъ тебя угостить, мой милый?

– Угостите меня вашимъ совѣтомъ, капитанъ Куттль, – отвѣчалъ Вальтеръ улыбаясь. – Больше мнѣ ничего не нужно.

– Ну, говори. Мои уши къ твоимъ услугамъ.

Вальтеръ разсказалъ о своихъ дѣлахъ и о затрудненіяхъ насчетъ дяди Соломона, если капитанъ не ириметь на себя труда извѣстить его объ угрожающей бѣдѣ. Ничто не могло сравниться съ ужаснымъ изумленіемъ и даже оцѣпенѣніемъ Куттля, когда молодой человѣкъ раскрылъ передъ нимъ страшную перспективу, совершенно опрокидывавшую его смѣлые планы и надежды. Лицо его утратило всякое выраженіе, и онъ стоялъ, какъ статуя, въ синемъ балахонѣ и нахлобученной лощеной шляпѣ.

– Такъ вотъ, видите ли, капитанъ Куттль, – продолжалъ Вальтеръ, – обо мнѣ тутъ, собственно говоря, беспокоиться нечего: я молодъ и егде не велика птица, какъ выразился однажды м-ръ Домби. Я знаю, мнѣ самому надобно пробить дорогу въ свѣтъ и, надѣюсь, дорога будетъ пробита; но есть, однако же, два пункта, которые не выходятъ у меня изъ головы. Дядя мой, вы знаете, считаетъ меня гордостью и отрадою своей жизни, хотя, разумѣется, я вовсе не заслуживаю такого мнѣнія. Что вы на это скажете, Куттль?

Капитанъ, казалось, старался побѣдить свой испугъ и сообщить своему лицу прежнее выраженіе; но всѣ усилія были тщетны, и лощеная шляпа кивала съ безмолвнымъ изумленіемъ.

– Если даже я буду живъ и здоровъ, все-таки, оставивъ Англію, я едва ли увижу когда своего дядю. Онъ уже старъ, капитанъ Куттль, и въ его годы было бы тяжело разставаться съ любимыми людьми. Если, какъ нѣкогда вы говорили, онъ могъ умереть отъ потери мичмана, съ которымъ такъ свыкъся въ продолженіе многихъ лѣтъ, то не скорѣе ли можно заключить, что онъ умретъ отъ потери...

– Своего племянника, – перебилъ капитанъ. – Справедливо!

– Вотъ почему, капитанъ Куттль, мы, съ своей стороны, непременно должны увѣрить старика, что разлука во всякомъ случаѣ будетъ временная. Но вы понимаете, что всего менѣе я способенъ былъ бы сохранить хладнокровіе, если бы самъ попытался увѣрить его въ этомъ. Вы, и только вы одни, можете приличнымъ образомъ сообщить ему горестную вѣсть, и я васъ усердно прошу не отказываться отъ этого порученія. Это первый пунктъ.

– И бѣдный парнюга унырнетъ отъ нея за тридевять земель въ тридесятое царство! – замѣтилъ капитанъ созерцательнымъ тономъ.

– Что вы сказали, капитанъ Куттль?

– Погоди, мой милый, погоди! – глубокомысленно возразилъ капитанъ.

Молодой человѣкъ остановился въ то. мѣ предположеніи, что капитанъ собирается съ мыслями и хочетъ что-нибудь прибавить къ своему восклицанію. Но прошло нѣсколько минутъ, а капитанъ не сказалъ ни слова. Вальтеръ продолжалъ:

– Теперъ – второй пунктъ, капитанъ Куттль. Съ горестью долженъ я сказать, что м-ръ Домби за что-то меня очень не жалуетъ. Я выбивался и выбиваюсь изо всѣхъ силъ, чтобы заслужить его благоволеніе, но все напрасно, и я очень хорошо вижу, что онъ не любитъ меня. Ему трудно, да онъ и не старается скрыть своихъ чувствъ, и моя опала слишкомъ очевидна для всѣхъ. Мое назначеніе въ Барбадось – ничто иное, какъ слѣдствіе этой опалы, и м-ръ Домби,

говоря мнѣ объ этомъ, нисколько не позаботился подсластить горькую пилюлю. Это не только, не поведетъ меня къ возвышенію въ торговомъ домѣ, – совсѣмъ напротивъ: я имѣю причины думать, что эта поѣздка должна окончательно разрушить мою карьеру. Такъ вотъ видите ли, капитанъ Куттль: объ этомъ, само собою разумѣется, мы тоже ничего не должны говорить дядѣ Соломону; напротивъ, онъ долженъ воображать, что м-ръ Домби назначаетъ меня въ Барбадось не иначе, какъ изъ особеннаго ко мнѣ благоволенія. Я бы, признаться, и вамъ ничего не сказалъ объ этомъ пунктѣ; но если, по ту сторону океана, мнѣ суждено будетъ погибнуть, надобно, чтобы хоть одинъ человѣкъ въ Лондонѣ зналъ о моемъ настоящемъ положеніи. Къ тому же – почему знать? – можетъ быть, при случаѣ, вы, какъ истинный другъ, найдете возможность подать руку помощи бѣдному страннику.

– Валли, другъ мой, – возразилъ капитанъ съ видомъ необыкновеннаго добродушія, – въ притчахъ сказано: "На всякое время другъ да будетъ тебѣ въ нуждѣ" ... и бутылка вина для угощенія! Отыщи это мѣсто и положи закладку⁹.

Капитанъ протянулъ молодому человѣку руку съ видомъ необыкновеннаго, краснорѣчивѣйшаго добродушія и еще разъ повторилъ: "отыщи это мѣсто и положи закладку". Ясно, онъ гордился своею начитанностью и точностью приведенной цитаты.

– Капитанъ Куттль, – сказала Вальтеръ, взявши въ обѣ руки огромный кулакъ своего друга, – послѣ дядюшки Соля, вы первый, кого люблю я отъ всей души. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, на котораго я могъ бы положиться съ большею безопасностью. Насчетъ этого морского путешествія я вовсе не беспокоюсь, капитанъ Куттль; да и къ чему тутъ беспокоиться? Если-бы дѣло шло о составленіи моей карьеры – если-бы я могъ сѣсть на корабль, какъ простой матросъ – если-бы я по собственному произволу пускался на приключенія – о! тогда другое дѣло! я бы съ радостью поскакалъ или поплылъ на другой конецъ свѣта. И почему бы нѣсколько лѣтъ раньше не отправить меня на корабль? Но это было несогласно съ желаніями дядюшки, несогласно съ его планами и надеждами обо мнѣ; потолковали тогда объ этомъ, да и только. На свою бѣду я остался въ Лондонѣ, поступилъ въ контору Домби, и вотъ уже прошло шесть лѣтъ, а карьера моя ни на шагъ не подвинулась впередъ, и вдобавокъ все это время я прожилъ какъ будто для того, чтобы ни за что, ни про что вооружить противъ себя гордую фирму.

– Воротись Виттингтонъ, воротись Виттингтонъ¹⁰, – бормоталъ озадаченный капитанъ Куттль, устремивъ неподвижный взоръ на молодого человѣка.

– Поздно ворочаться, – возразилъ Вальтеръ, улыбаясь. – Фортуны не поймаешь, какъ скоро она оборотилась задомъ. Но я не жалею, капитанъ Куттль. У меня есть средства къ существованію, и этого довольно. Уѣзжая за море, я оставляю дядюшку на ваши руки, и кому, кромѣ васъ, я могъ бы безопаснѣе поручить старика? Не отчаяніе заставило меня рассказать вамъ всю эту исторію, – вовсе нѣтъ, мнѣ хотѣлось только убѣдить васъ, что въ конторѣ Домби и Сына помыкаютъ мною, какъ бессмысленнымъ мальчишкой. Скажутъ: иди – и я иду; возьми – и я беру. Почему знать? Можетъ быть, это къ лучшему, что теперь прогоняютъ меня съ глазъ долой. М-ръ Домби – дорогой пріятель дядюшки, и эту пріязнь, какъ вы знаете, онъ осяза-

⁹ Но Вальтеръ напрасно сталъ бы искать этого мѣста въ Соломоновыхъ притчахъ. Читатели вѣроятно замѣтили, что капитанъ Куттль очень несчастливъ въ библейскихъ цитатахъ и вѣчно коверкаетъ тексты. Этотъ текстъ также перековерканъ. Въ притчахъ (гл. XVII. ст. 17) сказано: "На всякое время другъ да будетъ тебѣ, братія въ нуждахъ полезна да будутъ". Капитанъ Куттль припомнилъ только первую половину текста, а окончаніе насчетъ бутылки вина приплелъ изъ поговорки, употребляемой англичанами во время тостовъ. *Прим. переводчика.*

¹⁰ Въ оригиналѣ: "Turn again, Whittington". Должно замѣтить, что въ англійской народной литературѣ въ большомъ ходу старинная сказка о Виттингтонѣ подъ заглавіемъ: "Whittington and his cat", – "Виттингтонъ и его кошка". Дѣло въ томъ, что Виттингтонъ, молодой человѣкъ безъ всякихъ средствъ къ существованію и безъ копейки въ карманѣ, задумалъ ѣхать въ Индію, откуда, какъ извѣстно читателю, онъ воротился миллионеромъ. На корабль его приняли потому только, что съ нимъ была кошка, мастерица ловить мышей и крысъ, которыхъ на кораблѣ развелось безчисленное множество. Когда молодой человѣкъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, выходилъ изъ Лондона, ему чудилось, будто городскіе колокола вызваивали вслѣдъ за нимъ: "Turn again, Whittington, turn a-gain Whitting-ton", – "воротись Виттингтонъ, во-ро-тись Вит-тинг-тонъ". Эту колокольную фразу повторилъ теперь капитанъ Куттль, и вотъ почему слова эти заставили Вальтера улыбнуться. *Прим. перев.*

тельно доказаль намъ своимъ кошелькомъ. Благосклонность его, вѣроятно, увеличится еще больше, какъ скоро я не буду ему каждый день надоѣдать своимъ присутствіемъ. Итакъ – ура Вестъ-Индія! Ура Барбадось! Какъ бишь начинается эта пѣсня, что поють наши матросы?

На пристань Барбадоса, молодцы!
То-то люли, то-то люли!
Скорѣй отъ Темзы, молодцы!
То-то лю-ли, то-то люли!

И капитанъ проревѣль настрашнѣйшимъ сопрано:

А то-то люли, то-то люли!
Тот-то люл-ли, тот-то люл-ли!

Послѣдній припѣвъ достигнулъ до чуткихъ ушей забубеннаго шкипера, квартировавшаго насупротивъ, который покоился крѣпкимъ сномъ послѣ вчерашней попойки и еще далеко не пришелъ въ трезвое состояніе. Услышавъ знакомый припѣвъ, столь близкій его сердцу, морякъ немедленно соскочилъ съ постели, отворилъ окно и что есть духу загорланилъ:

То-то лю-ли, то-то лю-ли!
То-то люл-ли-и-и-и-и!..

Это произвело удивительный эффектъ. Показывая, однако-жь, что онъ еще не совсѣмъ задохся, вытягивая послѣднюю ноту, шкиперъ ужаснымъ голосомъ проревѣль: "эгой!" какъ будто привѣтствовала черезъ рупоръ подѣзжавшій корабль. Совершивъ этотъ подвигъ, храбрый морякъ снова закрылъ окно и опять отправился на боковую.

– И теперь, капиталь Куттль, – сказалъ Вальтеръ, подавая ему синій камзолъ и жилетъ, – если вы потрудитесь пойти со мною и объявить дядюшкѣ эту новость, которую, сказать правду, ему давно бы слѣдовало знать, то я оставлю васъ у дверей нашего магазина и гдѣ-нибудь прогуляюсь до обѣда.

Но капитанъ, казалось, вовсе не съ большой охотой принималъ на себя это порученіе и отнюдь не надѣялся на свою отвагу. Можете вообразить – онъ уже такъ блистательно и къ полному своему удовольствію устроилъ будущую судьбу и приключенія Вальтера, такъ часто и такъ торжественно поздравлялъ себя за удивительную проницательность и прозрѣніе отдаленныхъ судебъ! А теперь вотъ однимъ ударомъ разбивались въ дребезги всѣ эти мечты, да еще въ добавокъ его самого приглашаютъ поднять руку на разрушеніе такихъ чудесныхъ замковъ! Нелегко, даже и очень нелегко! Какъ прикажете вдругъ в_ы_г_р_у_з_и_т_ь изъ головы всѣ эти свѣтлыя идеи и н_а_г_р_у_з_и_т_ь свой мозгъ новыми и при томъ ужасно непріятными мыслями! Для этого, разумѣется, надобно подумать да подумать, и вотъ капитанъ, вмѣсто того, чтобы наскоро надѣть свой жилетъ и камзолъ, какъ этого требовалъ Вальтеръ, вовсе отказался отъ облаченія и наотрѣзь объявилъ, что ему, при такомъ важномъ случаѣ, слѣдуетъ напередъ "немножко покусать ногти".

– Это ужъ моя старая привычка, Валли – сказалъ капитанъ, – когда ты увидишь, мой другъ, что капитанъ Куттль кусаетъ ногти, это будетъ значить, что онъ сидитъ на мели.

Потомъ капитанъ, за неимѣніемъ дѣйствительной руки, поднесъ къ зубамъ свой желѣзный крюкъ и съ видомъ самага сосредоточенаго философскаго глубокомыслія принялся разсматривать данный предметъ во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ.

– Есть у меня пріятель, – началъ капитанъ такимъ тономъ, какъ будто бы разсуждалъ самъ съ собою, – такой пріятель, который могъ бы дать шесть очковъ самому парламенту, и

выигралъ бы, непременно бы выигралъ. Жаль, что теперь онъ на морѣ, а будь онъ здѣсь, – для него бы это дѣло тринь-трава! Удивительная голова! Три раза, сударь мой, бросали его за бортъ корабля, да и то какъ ни въ чемъ не бывало! Когда онъ былъ въ ученьи, цѣлыхъ три недѣли колошматили его по башкѣ желѣзнымъ болтомъ, – и ничего, рѣшительно ничего! Сухъ выходилъ изъ воды, не горѣлъ въ огнѣ. Въ цѣломъ свѣтѣ не сыскать такого доки!

Однако-жъ, Вальтеръ внутренно радовался, что прославляемаго мудреца не было въ наличности. Онъ имѣлъ причины думать, что всякое участіе посторонняго лица было бы неумѣстно и бесполезно въ его дѣлахъ.

– Если бы ты, напримѣръ, указалъ ему на Темзѣ между кораблями на поплавокъ, – продолжалъ капитанъ тѣмъ же тономъ, – и спросилъ бы его мнѣнія насчетъ этой вещицы, онъ, я ручаюсь, Валли, доказалъ бы тебѣ какъ дважды два, что это не поплавокъ, а пуговицы твоего дяди. Вотъ оно какъ! Да что и толковать? Онъ за поясъ заткнулъ бы самого чорта?

– А какъ его зовутъ, капитанъ Куттль? – спросилъ Вальтеръ.

– Его зовутъ Бенсби, – отвѣчалъ капитанъ, – да какъ бы его ни звали, какое до этого дѣло?

Больше капитанъ уже не распространялся объ этомъ предметѣ, а Вальтеръ, съ своей стороны, не считалъ нужнымъ требовать дальнѣйшихъ объясненій. Было ясно: капитанъ Куттль погрузился въ такую глубокую задумчивость, что, казалось, утратилъ всякую способность видѣть и слышать. Молодой человѣкъ съ безмолвнымъ уваженіемъ смотрѣлъ на почтеннаго друга.

И точно, капитанъ Куттль разрѣшался въ эту минуту такими великими идеями, что не только благополучно сошелъ съ мели, но даже вдругъ попалъ въ самый глубокой фарватеръ и не находилъ дна своей прозорливости. Озаренный вдохновеннымъ сіяніемъ, онъ вдругъ увидѣлъ яснѣе солнца, что тутъ просто была ошибка, и ужъ, разумѣется, ошибался не кто другой, какъ самъ Вальтеръ, этотъ вѣтреный и пылкій юноша, который все такъ горячо принималъ къ сердцу. Если и въ самомъ дѣлѣ назначили его въ Барбадось, то нѣтъ сомнѣнія, назначали съ тою цѣлью, чтобы молодой человѣкъ съ необыкновенной быстротой устроилъ свою блистательную карьеру. А если, сверхъ чаянія, въ самомъ дѣлѣ произошло между ними маленькое недоразумѣніе, то есть, между Вальтеромъ и м-ромъ Домби, то стоитъ только какому дружку съ обоихъ сторонъ замолвить кстаті приличное словцо, и, нѣтъ сомнѣнія, все устроится къ общей радости и благополучію. Выводъ капитана изъ всѣхъ этихъ предварительныхъ соображеній былъ тотъ, что такъ какъ онъ уже имѣлъ удовольствіе познакомиться съ мромъ Домби и провелъ въ его обществѣ очень пріятныхъ полчаса (въ брайтонской гостиницѣ, когда они ѣздили занимать деньги), то теперь ему, какъ истинному другу, надлежитъ, не говоря до времени Вальтеру ни одного слова, немедленно отправиться въ домъ м-ра Домби, сказать лакею: "Потрудитесь-ка, любезный, доложить своему барину, что капитанъ Куттль желаетъ его видѣть", – и потомъ, взявъ м-ра Домби за пуговицу, переговорить съ нимъ попріятельски, какъ водится между свѣтскими людьми, вполнѣ понимающими другъ друга и питающими одинъ къ другому искреннее уваженіе. Нечего и толковать, что такіе люди, какъ онъ и м-ръ Домби, весьма легко уладятъ всякое затрудненіе, и Валли не далѣе, какъ нынѣшній же день будетъ очень пріятно изумленъ радостною вѣстью.

Когда эти размышленія заронились въ капитанскую душу и приняли мало-по-малу соотвѣтственную форму, его лицо постепенно начало проясняться, какъ пасмурное утро, уступавшее мѣсто ясному полудню. Его грозныя нахмуренныя брови утратили свой щетинистый видъ и совершенно разгладились; его глаза, почти замкнутые при этой головоломной экзерциціи, открылись и приняли смѣлое, рѣшительное выраженіе; его улыбка, образовавшаяся сперва на трехъ ямочкахъ на правой сторонѣ рта и подъ угломъ cadaго глаза, быстро распространилась по всему лицу и озарила яркимъ свѣтомъ величественное чело, такъ что лошенная шляпа гордо поднялась на головѣ, какъ будто она вмѣстѣ съ хозяиномъ благополучно сдвинулась съ

мели и свободно поплыла въ открытое море. Наконецъ, капитанъ пересталъ грызть ногти и рѣшительнымъ тономъ сказалъ:

– Ну, Валли, теперь дѣло кончено. Помоги мнѣ одѣваться.

Вальтеръ никакъ не могъ понять, отчего капитанъ Куттль оказался на этотъ разъ внимательнымъ къ своему туалету. Надѣвая галстухъ, онъ распустилъ огромные концы шелкового платка, на подобіе косы и продѣлъ ихъ въ массивное золотое кольцо съ изображеніемъ надгробнаго памятника, обведеннаго красивыми желѣзными перилами, въ память какого-то усопшаго друга. Потомъ онъ вздернулъ воротнички своей рубашки до послѣднихъ предѣловъ возможности и украсилъ себя ими, на подобіе лошадиныхъ наушниковъ. Затѣмъ, сбросивъ башмаки, онъ надѣлъ превосходнѣйшую пару полусапожекъ, употребляемую только въ экстренныхъ случаяхъ. Облчившись такимъ образомъ, къ полному своему удовольствію, капитанъ самодовольно посмотрѣлся въ бритвенное зеркальце, снятое для этой цѣли со стѣны, и, взявъ свою сучковатую палку, сказалъ, что готовъ идти.

Походка капитана, когда они вышли на улицу, тоже была величественнѣе обыкновеннаго, но Вальтеръ приписывалъ такую перемену неизбѣжному вліянію экстренныхъ полусапожекъ и не обращалъ на это большого вниманія. На дорогѣ встрѣтилась съ ними цвѣточница, и Куттль, вдругъ остановившись среди тротуара, какъ будто озаренный счастливою мыслью, купилъ изъ ея корзинки превосходнѣйшій вѣрообразный букетъ прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, какіе когда-либо произрастали въ самыхъ рѣдкихъ оранжереяхъ.

Вооруженный этимъ любезнымъ подаркомъ, предназначавшимся, какъ само собою разумѣется, для м-ра Домби, капитанъ благополучно дошелъ съ Вальтеромъ до магазина мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ.

– Ну, такъ вы теперь пойдете къ дядюшкѣ? – сказалъ Вальтеръ.

– Да, – отвѣчалъ капитанъ, желавшій поскорѣе отвязаться отъ молодого человѣка, который не долженъ былъ видѣть, какъ онъ направитъ стопы свои въ домъ м-ра Домби.

– Стало быть, я пойду теперь гулять, чтобы не мѣшать вамъ.

– Хорошо, дружокъ, хорошо, – отвѣчалъ капитанъ. – Гуляй себѣ, сколько хочешь, и чѣмъ дольше, тѣмъ лучше.

Вальтеръ, въ знакъ согласія, махнулъ рукой и пошелъ своей дорогой.

Для него было все равно, куда бы ни идти; однако-жь, онъ хотѣлъ бы выбраться за городъ, въ какое-нибудь предмѣстье, чтобы гдѣ-нибудь подъ деревомъ, на свободѣ помечтать о своей загадочной судьбѣ. Его выборъ палъ на Гапстедъ, и онъ туда отправился по той улицѣ, гдѣ жилъ м-ръ Домби.

Величавъ и мраченъ былъ домъ м-ра Домби, какъ и всегда. Все было въ немъ тихо и спокойно, какъ въ могильномъ склепѣ, и только вѣтеръ, колыхавшій сторуи въ открытыхъ окнахъ верхняго этажа, былъ признакомъ нѣкоторой жизни и движенія. Тихо прошелъ Вальтеръ мимо печальнаго жилища, и на душѣ его сдѣлалось отраднѣе, когда онъ очутился передъ другими домами.

Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся назадъ и началъ пристально всматриваться въ верхнія окна съ такимъ участіемъ, какое всегда чувствовалъ къ этому мѣсту послѣ романческаго ириключенія съ Флоренсой. Въ эту минуту къ воротамъ подъѣхала небольшая коляска, откуда выскочилъ джентльменъ въ черномъ фракѣ и съ тяжелою часовой цѣпочкой. Припоминная послѣ этого джентльмена съ его экипажемъ, Вальтеръ безъ труда угадалъ въ немъ знаменитаго врача, и дивился, для кого теперь понадобилась его помощь. Но эти мысли не вдругъ пришли ему въ голову. Другія мечты, другія думы занимали его.

Вальтеръ съ удовольствіемъ воображалъ, что, быть можетъ, наступитъ время, когда прекрасная дѣвушка – его старинный другъ, благородный, чувствительный и нѣжный, напомнитъ о немъ своему брату и заставитъ принять участіе въ его судьбѣ. Впрочемъ, и въ эту минуту его радовали не столько житейскіе расчеты, сколько утѣшительная мысль, что прелестное

создание еще помнить его и всякий разъ встрѣчается съ нимъ съ видимымъ удовольствіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ удалить отъ себя болѣе основательнаго и зрѣлаго размышленія, что въ его продолжительное отсутствіе Флоренса, богатая, гордая и счастливая, выйдетъ замужъ и если еще будетъ по временамъ вспоминать о немъ при этомъ новомъ образѣ жизни, то не болѣе, какъ о дѣтской игрушкѣ, которая когда-то ее забавляла.

Между тѣмъ Вальтеръ представлялъ прекрасную дѣвочку, встрѣченную имъ среди грязной улицы, въ такомъ идеальномъ свѣтѣ, и такъ живо рисовалъ въ своемъ воображеніи ея невинное личико съ выраженіемъ искренней признательности и дѣтской восторженности, что онъ съ презрѣніемъ отвергнулъ дерзкую мысль, будто Флоренса можетъ современемъ сдѣлаться гордою, и устыдился за самого себя, какъ за клеветника. Мало-по-малу размышленія его приняли такой фантастическій характеръ, что онъ считалъ уже непростительною дерзостью воображать Флоренсу взрослою женщиной и только позволялъ себѣ думать о ней не иначе, какъ о беззащитномъ миломъ ребенкѣ, точь-въ-точь, какою она была во времена д_о_б_р_о_й_б_а_б_у_ш_к_и, м-съ Браунъ. Наконецъ, Вальтеръ основательно разсудилъ, что ему вовсе непростительно мечтать о Флоренсѣ. "Пусть – думалъ онъ – ея прелестный образъ сохранится въ душѣ моей, какъ недостижимый идеаль съ рукою ангела, удерживающаго меня отъ дурныхъ мыслей и поступковъ".

Долго бродилъ Вальтеръ въ предмѣстьи Лондона на открытомъ воздухѣ, съ жадностью вдыхая испаренія цвѣтовъ, прислушиваясь къ пѣнію птицъ, къ праздничному звону колоколовъ и къ глухому городскому шуму. Иногда, съ глубокой грустью, онъ посматривалъ въ даль, на безпредѣльный горизонтъ, туда, гдѣ лежала цѣль его морского путешествія, и въ тоже время съ еще большей грустью любовался зелеными лугами своей родины и прелестными ландшафтами.

Наконецъ, Вальтеръ вышелъ изъ предмѣстья и тихонько побрелъ домой, продолжая размышлять о своей горемычной судьбѣ. Вдругъ басистый мужской голосъ и пронзительный крикъ женщины, произносившей его имя, вывели его изъ задумчивости. Съ изумленіемъ оглядываясь назадъ, онъ увидѣлъ извозчицью карету, спѣшившую за нимъ вдогонку. Когда экипажъ остановился, кучеръ, съ кнутомъ въ рукахъ, соскочилъ съ козель, а молодая женщина почти всѣмъ корпусомъ высунулась изъ окна кареты и начала подавать Вальтеру энергическіе сигналы. Приближаясь къ экипажу, онъ открылъ, что молодая женщина была Сусанна Нипперъ, и что она, Сусанна Нипперъ, находилась въ такомъ тревожномъ состояніи, что почти выходила изъ себя.

– Сады Стагса, м-ръ Вальтеръ, – сказала миссъ Нипперъ, – ради Бога, сады Стагса!

– Что такое? – вскричалъ Вальтеръ. – О чемъ вы хлопочете?...

– О, сдѣлайте милость, м-ръ Вальтеръ, – говорила Сусанна, – сады Стагса, чортъ бы ихъ побралъ!

– Вотъ, сударь, – вскричалъ извозчикъ, съ видомъ рѣшительнаго отчаянія, – ужъ битый часъ кружимся мы взадъ и впередъ, и эта молодая барыня гоняетъ меня по такимъ мѣстамъ, гдѣ самъ дьяволъ голову сломить. Много повозилъ я на своемъ вѣку, а еще такихъ сѣдоковъ не видывалъ.

– Зачѣмъ вамъ сады Стагса, Сусанна? – спросилъ Вальтеръ.

– Поди, спрашивай ее! Наладила себѣ одно и то же, да и только, – проворчалъ извозчикъ.

– Да гдѣ они, Боже мой? – вскрикнула Сусаына, какъ помѣшанная. – Вѣдь я однажды, м-ръ Вальтеръ, сама была тамъ, вмѣстѣ съ миссъ Флой и нашимъ бѣдненькимъ Павломъ, въ тотъ самый день, какъ вы нашли миссъ Флой въ Сити, когда мы потеряли ее на возвратномъ пути, то есть, я и м-съ Ричардсъ; да еще помните – бѣшенный быкъ и Котель, кормилицынъ сынишка, и послѣ я туда ѣздила, а вотъ никакъ не припомню, сквозь землю видно провалились, черти бы ихъ побрали! Ахъ, м-ръ Вальтеръ, пожалуйста, не оставляйте меня... Сады Стагса, съ вашего

позволения!.. Любимецъ миссъ Флой, нашъ общій любимецъ, кроткій, миленькій, бѣдненькій Павелъ!.. Ахъ, м-ръ Вальтеръ!

– Боже мой! – вскричалъ Вальтеръ, – неужели онъ боленъ?

– Голубчикъ! – воскликнула Сусанна, ломая руки, – забралъ себѣ въ голову посмотрѣть на старую кормилицу, а я и вызвалась съѣздить за м-съ Стаггсъ, въ сады Полли Тудль!.. Эй! кто-нибудь! куда проѣхать къ Стаггсовымъ прудамъ?

Узнавъ теперь, въ чемъ дѣло, Вальтеръ иринялъ такое жаркое участіе въ хлопотахъ Сусанны Нипперъ, что извозчичьи клячи едва поспѣвали бѣжать по его слѣдамъ. Онъ метался изъ стороны въ сторону, какъ угорѣлый, и спрашивалъ всѣхъ и каждого, гдѣ дорога къ садамъ Стаггса.

Не было въ Лондонѣ ничего, похожаго на сады Стаггса: они исчезли съ лица земли. Тамъ, гдѣ прежде торчали гнилыя бесѣдки, теперь великолѣпные дворцы до облаковъ поднимали свои головы, и гранитныя колонны гигаитскаго размѣра красовались передъ самыми рельсами. Жалкій, ничтожный пустырь, заваленный всякою дрянью, пропалъ, сгинулъ, и вмѣсто его, какъ изъ земли, выросли длинные ряды амбаровъ и магазиновъ съ дорогими и рѣдкими товарами. Прежнія захолустья превратились въ шумныя улицы, набитыя народомъ и разнообразными экипажами; какъ будто, по всесильному мановенію волшебницы, возникъ изъ ничтожества цѣлый городъ, откуда со всѣхъ сторонъ стекались жизненныя удобства, о которыхъ прежде никому и не грезилось. Мосты, ни къ чему прежде не нужные, вели теперь въ прекрасныя дачи, сады, публичныя гулянья. Остовы домовъ и новыхъ улицъ растянулись за городъ чудовищною цѣпью и помчались во всю прыть по слѣдамъ паровоза. Бойкіе жители глухого околотка, не признававшіе желѣзной дороги въ бѣдственные дни ея борьбы, раскаялись давнымъ-давно съ христіанскимъ смиреніемъ и гордились теперь своею могучею сосѣдкой. Все и всѣ заимствовали новый титулъ отъ желѣзной дороги. Появились желѣзнодорожныя магазины, журналы, газеты, гостиницы, кофейныя дома, постоянныя двory, рестораны, желѣзнодорожныя планы, ландкарты, виды, обертки, бутылки, кареты, извозчичьи биржи, желѣзнодорожныя omnibusы, дилижансы, рельсовыя улицы и зданія, даже спеціальныя зѣваки, пролазы, льстецы, имъ же нѣсть числа. Самое время измѣрялось по часамъ желѣзной дороги, какъ будто и солнце уступило ей свое мѣсто. Заносчивый трубочистъ, старинный нашъ знакомецъ, закоснѣлый невѣръ между всѣми вольнодумцами садовъ Стаггса, изволилъ теперь жить въ оштукатуренномъ трехэтажномъ домѣ, и на вывѣскѣ его красовались огромныя золотыя буквы, гласившія: "Подрядчикъ для очищенія машинами трубъ на желѣзной дорогѣ".

День и ночь отъ сердца этого могучаго богатыря съ шумомъ и съ ревомъ отплывали огромныя потоки, увлекавшіе чудовищныя массы. Толпы народу и цѣлыя горы товаровъ, отвозимыхъ и привозимыхъ, производили на этомъ мѣстѣ безпрестанное броженіе, ни на минуту неумолкавшее въ продолженіе сутокъ. Самые дома какъ будто укладывались и сбирались прокатиться по быстрымъ рельсамъ. Мудрыя члены парламента, которые не далѣе какъ лѣтъ за двадцать, вдоволь потѣшались надъ д_и_к_и_м_и теоріями инженеро́въ, предстоявшихъ на экзаменѣ иереди грозными очами, изволили теперь отправляться къ сѣверу съ часами въ рукахъ, доложивъ напередъ о своемъ путешествіи посредствомъ элекрическаго телеграфа. День и ночь побѣдоносныя паровозы ревѣли изо всѣхъ силъ и, совершивъ богатырскую работу, вступали, какъ ручныя драконы, въ отведенныя уголки, выдолбленныя для ихъ приѣма не болѣе какъ на одинъ дюймъ: они кипѣли, бурлили, дрожали, потрясали стѣны, какъ будто сознавая въ себѣ присутствіе новыхъ великихъ силъ, которыхъ еще никто не открылъ въ нихъ.

Но сады Стаггса... увы, увы! – нѣтъ болѣе садовъ Стаггса! Безжалостная сѣкира уничтожила ихъ съ корнями и вѣтвями, и ни одинъ клочекъ англійской земли не напоминалъ объ ихъ существованіи.

Наконецъ, послѣ многихъ бесполезныхъ поисковъ, Вальтеръ, сопровождаемый кучеромъ и Сусанной, наткнулся на одного человѣка, сохранившаго смутное воспоминаніе о садахъ

Стагса. Это был опять-таки наш старый знакомец, рельсовый трубочист, который теперь пополнѣлъ, потолстѣлъ и сдѣлался человѣкомъ очень порядочнымъ.

– Тудля вы спрашиваете? Знаю. Служить при желѣзной дорогѣ?

– Да, да! – вскричала Сусанна, высовываясь изъ кареты.

– Гдѣ онъ теперь живетъ? – торопливо спросилъ Вальтеръ.

– Въ собственныхъ заведеніяхъ компаніи, второй поворотъ направо, пройти дворъ, повернувъ опять направо. Номеръ одиннадцатый. Ошибиться нельзя. Не то – спросить, гдѣ живетъ Тудль, паровой кочегаръ. Всякій скажетъ.

При этомъ неожиданномъ успѣхѣ, Сусанна Нипперъ выскочила изъ кареты, схватила Вальера за руку и побѣжала во всю прыть, приказавъ извозчику дожидаться.

– Давно ли, Сусанна, боленъ бѣдненькій мальчикъ? – спросилъ Вальтеръ.

– Онъ ужъ давно захирѣлъ, м-ръ Вальтеръ, да только никто не зналъ. Охъ, ужъ эти мнѣ Блимберы?

– Какъ Блимберы?

– Да такъ. Если бы они попались въ мои когти, я бы выгнала всю эту шайку на большую дорогу копать ямы и заставила саму докторшу возить кирпичи. Да только теперь не до того. Сердце надрывается, когда смотришь на этого мальчика, а онъ бѣдненькій ни на кого не жалуется и всѣми доволенъ.

Миссъ Нипперъ пріостановилась на секунду перевести духъ и потомъ помчалась еще быстрѣе. Вальтеръ тоже бѣжалъ изо всей мочи и уже не дѣлалъ болѣе никакихъ вопросовъ. Наконецъ, они постучались у дверей и вошли въ маленькую опрятную гостиную, наполненную множествомъ дѣтей.

– Здѣсь ли м-съ Ричардсъ? – воскликнула Сусанна, озираясь вокругъ. – Ахъ, м-съ Ричардсъ, пойдѣмъ со мной, пойдѣмъ!

– Какъ, это вы Сусанна? – съ изумленіемъ вскричала Полли, выставя свое честное материнское лицо изъ-за группы маленькихъ дѣтей.

– Да, м-съ Ричардсъ, это я, – сказала Сусанна, – хотя оно бы, можетъ, лучше, если бы не я, да только нашъ маленькій м-ръ Павель боленъ, очень боленъ и сегодня сказалъ своему папа, что онъ желаетъ взглянуть на лицо своей кормилицы, и онъ, и миссъ Флой надѣются, что вы поѣдете со мной и съ м-ромъ Вальтеромъ; а про старое забудьте, пожалуйста, м-съ Ричардсъ, и сдѣлайте одолженіе нашему голубчику. Онъ увядаетъ, м-съ Ричардсъ, ахъ Боже мой, какъ онъ увядаетъ!

Сусанна Нипперъ зарыдала, Полли расплакалась, младенцы запищали, дѣти разинули рты и съ изумленіемъ смотрѣли на мать. М-ръ Тудль, только что воротившійся изъ Бирмингама и усѣвшійся за свой обѣдъ, бросилъ ножикъ и вилку, накинулъ шаль на плечи жены, поправилъ чепчикъ, хлопнулъ ее по спинѣ и сказалъ съ выраженіемъ отеческаго чувства:

– Полли! живѣй!

Вся компанія подступила къ извозчицѣй каретѣ гораздо скорѣе, чѣмъ ожидалъ кучеръ. Усадивъ Сусанну и м-съ Ричардсъ въ карету, Вальтеръ занялъ мѣсто подлѣ извозчика, чтобы не сбиться съ дороги, и, наконецъ, цѣль путешествія была достигнута. Молодой человѣкъ проводилъ своихъ дамъ въ залу м-ра Домби, гдѣ, мимоходомъ, онъ увидѣлъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ возлежавшій на столѣ великолѣпный букетъ цвѣтовъ, напомнившій ему таковой же, пріобрѣтенный поутру капитаномъ Куттлемъ. Ему очень хотѣлось освѣдомиться о юномъ страдалецѣ и оказать какую-нибудь услугу, но, не смѣя болѣе медлить, чтобы не раздражить такою навязчивостью м-ра Домби, онъ потихоньку побрелъ домой, грустный и съ растерзаннымъ сердцемъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ лакей догналъ его и попросилъ воротиться отъ имени м-ра Домби. Вальтеръ ускорилъ шаги, какъ только могъ, и вошелъ въ печальный домъ съ горестнымъ предчувствіемъ.

Глава XVI

Всегда говорят одно и то же морскія волны

Павель уже не вставалъ болѣе. Спокойно день и ночь лежалъ онъ на своей маленькой постели, прислушиваясь къ уличному шуму, и мало заботился о томъ, какъ проходило время. Но онъ наблюдалъ и время, и все, что его окружало.

Когда солнечные лучи врываются въ комнату черезъ тонкія сторы и колебались на противоположной стѣнѣ, подобно золотымъ волнамъ, Павель зналъ, что наступилъ вечеръ, и что небо, позлащенное заходящимъ свѣтиломъ, было прекрасно. Какъ скоро отраженіе лучей замирало, и мракъ уныло прокрадывался на стѣну, онъ внимательно наблюдалъ за постепеннымъ приближеніемъ ночи. Потомъ онъ думалъ, какъ длинныя улицы з_в_ѣ_з_д_и_л_и_с_ь лампами и какъ настоящія звѣзды сіяли въ океанѣ безпредѣльнаго неба. Его фантазія, по какому-то странному притяженію, постоянно направлялась къ рѣкѣ, которая, какъ онъ зналъ, проходила черезъ большой городъ, и теперь, думалъ онъ, – какъ черна эта рѣка, и какую неизмѣримою казалась она, когда міриады звѣздъ отражались въ ея глубинѣ. Онъ съ наслаженіемъ думалъ, какъ рѣчной потокъ встрѣчался, наконецъ, съ волнами безбрежнаго моря.

Въ поздніе часы, когда стихалъ уличный шумъ, Павель очень хорошо слышалъ рѣдѣвшіе шаги, считалъ и слѣдилъ ихъ, пока они не исчезали въ пустомъ пространствѣ. Онъ терпѣливо дожидался разсвѣта и внимательно наблюдалъ кольца и круги вокругъ свѣчи. Его безмятежный покой изрѣдка только нарушался быстротою рѣки. Онъ старался иногда остановить стремительный потокъ своими дѣтскими руками или запрудить его песчаною плотиною, и онъ плакалъ, когда видѣлъ, что предпріятіе не удастся. Но одно слово изъ устъ Флоренсы, неотлучно сидѣвшей подлѣ постели, – и ребенокъ успокаивался. Онъ приподнималъ головку къ ея груди, рассказывалъ о своемъ снѣ и улыбался.

Съ наступленіемъ разсвѣта онъ наблюдалъ солнце, и когда лучи его проникали въ комнату, онъ рисовалъ самому себѣ – нѣтъ – онъ видѣлъ на утреннемъ небѣ высокіе шпицы церквей, видѣлъ и наблюдалъ, какъ городъ оживаетъ, какъ люди еще разъ призываются къ жизни, какъ повеселѣла быстрая рѣка и какъ отдаленныя поля блистали освѣжительной росой. Привычный гулъ снова начиналъ жужжать на улицѣ подъ окномъ, домашніе вставали и суетились; въ дверяхъ показывались знакомыя лица и освѣдомлялись о его здоровьи. Павель всегда отвѣчалъ самъ:

– Мнѣ лучше. Покорно благодарю. Скажите папенькѣ, что мнѣ гораздо лучше.

Мало-по-малу уличная суматоха его утомляла. Стукъ экипажей и толкотня проходившей толпы надоѣдали. Онъ впадалъ въ дремоту и вдругъ просыпался опять, растревоженный быстрымъ теченіемъ рѣки... ребенокъ не зналъ, на яву или во снѣ боролся онъ съ волнами.

– Ахъ, Флой! отчего же никогда не остановится эта рѣка? – съ безпокойствомъ спрашиваетъ онъ сестру. – Зачѣмъ она уноситъ меня все впередъ и впередъ? Ахъ, Флой!

Но Флой всегда умѣла успокоить и разнѣжить его. Онъ клалъ ея головку на свою подушку и приглашалъ отдохнуть.

– Ты всегда ухаживаешь за мною, Флой. Позволь и мнѣ посмотрѣть за тобой.

Его обкладывали подушками въ углу постели, и онъ, приподнимаясь, смотрѣлъ съ невыразимою любовью, какъ сестра покоилась на его изголовьи. Иногда онъ нагибался поцѣловать ее, и тѣмъ, кто стоялъ подлѣ, шепталъ, какъ она устала, и какъ она, бѣдняжка, по цѣлымъ суткамъ, не смыкая глазокъ, все сидѣла подлѣ него.

Такимъ образомъ день, возвышаясь и понижаясь въ температурѣ и свѣтѣ, постепенно склонялся къ вечеру, и опять золотыя волны струились на стѣнѣ.

Три знаменитыхъ врача постоянно посѣщали маленькаго Павла. Они собирались внизу для совѣщаній и потомъ всѣ вмѣстѣ всходили наверхъ. Тихо и спокойно было въ комнатѣ боль-

ного. Павелъ не любопытствовалъ и не развѣдывалъ, о чемъ говорятъ эскулапы, но онъ наблюдалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ и съ такимъ успѣхомъ, что даже хорошо изучилъ разницу въ боѣ ихъ карманныхъ часовъ. Весь интересъ его преимущественно обратился на доктора Паркера Пепса, который сидѣлъ на стулѣ подлѣ его постели. Уже давно слышалъ Павелъ, какъ этотъ джентльменъ былъ съ его мамой, когда она держала въ объятіяхъ Флоренсу и умерла. Онъ не могъ забыть этого теперь. Онъ не боялся доктора Паркера Пепса и полюбилъ его.

Всѣ лица вокругъ Павла измѣнялись съ такою же непостижимою быстротою, какъ въ первый вечеръ у д-ра Блимбера. Только Флоренса никогда не измѣнялась. Флоренса всегда была Флоренсой. А то, что за минуту было д-ромъ Паркеромъ Пепсомъ, теперь принимало фигуру отца, который сидѣлъ въ глубокомъ молчаньи, облокотившись головою на свою руку. Старая м-съ Пипчинъ, дремавшая въ спокойныхъ креслахъ, часто превращалась въ миссъ Токсъ или въ тетушку Чиккъ. Для Павла это было все равно. Онъ даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смыкалъ глаза, чтобы потомъ, открывъ ихъ опять, полюбоваться на новыя превращенія. Но эта фигура съ головою на своей рукѣ, возвращалась такъ часто, оставалась такъ долго, сидѣла такъ тихо и торжественно, ничего не говоря, ни о чемъ не спрашивая, что Павелъ начиналъ сомнѣваться, дѣйствительно ли это была живая фигура. Разъ, увидѣвъ ее опять въ глубокую полночь, на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, въ своей обыкновенной позѣ, онъ испугался.

– Флой! – сказалъ онъ, – что это такое?

– Гдѣ, душенька?

– Да тамъ, на концѣ кровати.

– Тамъ ничего нѣтъ, кромѣ папеньки!

Фигура приподняла голову, встала и пошла къ постели.

– Что, другъ? развѣ ты не узнаешь меня.

– Такъ, стало быть, это папа! – думалъ Павелъ, – неужели это онъ?

На лицѣ м-ра Домби ясно выразилось трепетное колебаніе, какъ будто онъ старался подавить болѣзненное чувство. Но прежде, чѣмъ Павелъ протянулъ руки, чтобы его обнять, фигура быстро отскочила отъ маленькой постели и вышла изъ дверей.

Павелъ взглянулъ на Флоренсу съ трепещущимъ сердцемъ, не понимая, что она хочетъ сказать, онъ притянулъ ея лицо къ своимъ губамъ. Въ другое время безмолвная фигура сидѣла опять на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ. Павелъ подозвалъ ее къ своему изголовью.

– Милый папенька! не печалься обо мнѣ: я, право, счастливъ!

Отецъ подошелъ, нагнулся къ изголовью, и Павелъ, обхвативши его шею, нѣсколько разъ повторилъ эти слова съ нѣжнымъ выраженіемъ глубокаго состраданія. Съ этой поры уже каждый разъ, днемъ или ночью, завидѣвъ въ комнатѣ отца, Павелъ немедленно подзывалъ его къ себѣ и говорилъ: "Не печалься обо мнѣ, папенька: я совершенно счастливъ, право, счастливъ". И всякое утро, какъ скоро м-ръ Домби просыпался, въ кабинетъ его отъ имени Павла являлся челоѣкъ съ докладомъ, что больному гораздо лучше.

Однажды ночью Павелъ долго размышлялъ о своей матери и о ея портретѣ въ гостиной. Онъ думалъ, какъ нѣжно она должна была любить Флоренсу, когда держала ее въ объятіяхъ передъ своимъ послѣднимъ издыханіемъ. Какъ бы желалъ онъ такимъ же точно образомъ выразить ей свою нѣжную привязанность! Цѣпь размышленій привела его въ вопросу: видѣлъ ли онъ когда-нибудь свою мать? Онъ не могъ хорошенько припомнить, какъ ему объ этомъ разсказывали: рѣка бѣжала все быстрѣе, быстрѣе и начинала заливать его мысли.

– Флой, видѣлъ ли я когда свою маму?

– Нѣтъ, свѣтикъ мой, не видалъ.

– И когда я былъ ребенкомъ, Флой, на меня никогда не смотрѣло нѣжное, любящее лицо, какъ у матери?

Было ясно, въ душѣ его возникало какоето смутное видѣніе незнакомаго образа.

– О, да, мой милый!

– Кто же такъ смотрѣлъ на мсня, свѣтикъ мой, Флой?

– Твоя старая кормилица и очень часто.

– Гдѣ она, гдѣ моя старая кормилица? – съ живостью спросилъ Павелъ. – Неужели и она умерла? Неужели всѣ мы умерли, Флой, кромѣ тебя?

Въ комнатѣ кто-то зашевелился, но только на одну минуту, не болѣе. Флоренса съ блѣднымъ, но улыбающимся лицомъ, положила голову ребенка на свою руку, и сильно дрожала ея рука.

– Покажи мнѣ мою старую кормилицу, Флой, гдѣ она?

– Ея нѣтъ здѣсь, милый. Она придетъ завтра.

– Благодарю тебя, Флой!

Съ этими словами Павелъ закрылъ глаза и погрузился въ тихій сонъ. Когда онъ проснулся, солнце горѣло уже высоко на ясномъ и чистомъ небѣ. День былъ прекрасный. Свѣжій вѣтерокъ колыхалъ занавѣсы въ отворенныхъ окнахъ. Павелъ оглянулся вокругъ себя и сказалъ:

– Что же Флой? Теперь ужъ, кажется, з_а_в_т_р_а. Пришла она?

– Кто-то, кажется, пошелъ за нею. Можетъ быть, Сусанна.

Когда Павелъ опять закрылъ глаза, ему послышалось, будто говорили, что она скоро воротится назадъ; но ужъ онъ не открывалъ глазъ, чтобы удостовѣриться. Сусанна сдержала слово, а, быть можетъ, она и не уходила – только на лѣстницѣ тотчасъ же послышался шумъ шаговъ. Павелъ проснулся – проснулся душой и тѣломъ – и прямо сѣлъ на своей постели. Онъ увидѣлъ всѣхъ, увидѣлъ и узналъ. Туманъ, постоянно носившійся передъ его глазами, исчезъ; онъ привѣтствовалъ каждого и всѣхъ называлъ по именамъ.

– А это кто? не старая ли моя кормилица? – спросилъ Павелъ, всматриваясь съ лучезарною улыбкой въ лицо входящей женщины.

О да, о да! При взглядѣ на него посторонняя женщина не стала бы проливать такихъ горькихъ, безотрадныхъ слезъ, не стала бы называть его своимъ милымъ, прелестнымъ дитяткой, своимъ бѣднымъ увядающимъ цвѣткомъ. Никакая другая женщина, остановившись у его постели, не подносила бы къ своимъ губамъ и сердцу его изсохшей руки. Никакая другая женщина, въ избыткѣ нѣжности и состраданія, не была бы въ эту минуту способна забыть всѣхъ и все на свѣтѣ, кромѣ Павла и Флоренсы. Да, это была женщина съ неотъемлемымъ правомъ материнской любви! Это была старая кормилица.

– Ахъ Флой, милая Флой! – сказалъ Павелъ. – Какое у нея доброе, нѣжное лицо! Какъ я радъ, что опять ее вижу! Не уходи отсюда, старая кормилица! Останься здѣсь!

Тутъ произнесли имя, знакомое Павлу и которое онъ ясно слышалъ.

– Кто назвалъ Вальтера? – спросилъ онъ, быстро оглядываясь во всѣ стороны. – Кто-то сію минуту сказалъ – «Вальтеръ». Здѣсь что ли онъ? Я хочу его видѣть.

Никто не отвѣчалъ прямо; но его отецъ сказалъ Сусаннѣ:

– Ну, такъ вели его позвать, пусть войдетъ.

Наступило молчаніе. Павелъ съ улыбкой смотрѣлъ на старую кормилицу и радовался, что она не забыла Флоренсы. Минуть черезъ пять Вальтеръ вбѣжалъ въ комнату. Его открытое лицо, непринужденныя манеры и веселый взоръ всегда нравились Павлу. Увидѣвъ теперь друга своей сестры, онъ протянулъ ему руку и сказалъ:

– Прощай!

– Какъ прощай, дитя мое! – вскричала м-съ Пипчинъ, подбѣжавъ къ его постели. – Зачѣмъ прощай!

Павелъ взглянулъ на старуху съ тѣмъ пытливымъ взоромъ, съ какимъ бывало наблюдалъ ее въ брайтонскомъ домѣ подлѣ камина.

– О да, – сказалъ ласково Павелъ, – прощай, милый Вальтеръ, прощай навѣки! – Гдѣ же папа? – прибавилъ онъ потомъ, съ безпокойствомъ озираясь вокругъ.

Онъ почувствовалъ на щекѣ дыханіе своего отца прежде, чѣмъ тотъ пошевелилъ губами для отвѣта.

– Помни Вальтера, милый напа, – шепталъ онъ, смотря ему въ лицо. – Помни Вальтера. Я любилъ Вальтера!

И еще разъ, поднимая на воздухъ дрожащія руки, онъ воскликнулъ – Прощай, Вальтеръ!

– Ну, теперь положите меня, – сказалъ онъ, – а ты, Флой, подойди ко мнѣ; ближе, моя милая, ближе: дай мнѣ хорошенько посмотрѣть на тебя!

Братъ и сестра обнялись другъ съ другомъ.

– О, какъ скоро бѣжитъ рѣка, милая Флой, между зелеными берегами! Но вотъ и море близко. Уже я слышу его волны! Всегда говорятъ одно и то же морскія волны!

Потомъ онъ сказалъ ей, что качаніе лодки на быстрой рѣкѣ убакживаеъ его. Какъ прекрасны теперь зеленые берега, какъ блестятъ цвѣты, растущіе на нихъ! Но вотъ уже лодка выплыла на море и тихо, тихо скользитъ по лазурнымъ волнамъ. А вотъ и берегъ. Кто стоитъ на берегу?...

Онъ сложилъ руки на молитву, – сложилъ ихъ на шеѣ сестры, не измѣнившей своей позы.

– Маменька похожа на тебя, Флой. Я вижу теперь ея лицо. Но скажи имъ, что картина у доктора въ пансіонѣ слабо изображаетъ божество. Свѣтъ отъ ея головы блистаетъ надо мною и... я иду!

Золотыя волны снова заструились на стѣнѣ, но ничто уже не шевелилось въ комнатѣ с_т_р_а_н_н_а_г_о мальчика!..

Старый, странный, страшный законъ, – искони карающій бѣдныя созданія, облеченныя въ ветхую одежду плоти и крови, – о смерть!

Но есть другой древнѣйшій законъ, побѣждающій тлѣніе плоти, и этотъ законъ – безсмертіе! Хвала и благодареніе тебѣ, всемогущій Законодатель! Хвала и благодареніе отъ всѣхъ живущихъ, которыхъ каждая минута уноситъ въ океанъ вѣчности!

– Ай, ай, ай, херувимы – серафимы! Кто бы могъ подумать, что Домби и Сынъ будетъ теперь Домби и Дочь!

Это раздирающее восклицаніе вырвалось изъ растерзанныхъ внутренностей миссъ Токсъ.

Глава XVII

Капитанъ Куттль устраиваетъ судьбу молодыхъ людей

Приводя въ исполненіе свой замысловатый и глубоко обдуманый планъ, капитанъ Куттль, считавшій себя, какъ и всѣ добряки, человѣкомъ удивительно проникательнымъ, поспѣшилъ отправиться въ это чреватое событіями воскресенье въ домъ м-ра Домби, и черезъ нѣсколько минутъ послѣ разлуки съ Вальтеромъ предсталъ предъ очи Таулисона въ полномъ блескѣ своихъ экстренныхъ полусапожекъ. Но камердинеръ, къ великому огорченію, извѣстивъ его объ угрожающемъ бѣдствіи, и Куттль, какъ человѣкъ деликатный, понимающій приличія, ретировался назадъ, вручивъ напередъ для доставленія м-ру Домби прелестнѣйшій букетъ цвѣтовъ, который долженъ былъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ его глубокаго уваженія къ почтенной фамиліи. Уходя, онъ очень основательно замѣтилъ, что всѣ мы люди, всѣ человѣки; а въ Писаніи сказано, что ни одинъ волосъ съ головы нашей не упадетъ безъ воли Божіей. "Главное, – прибавилъ онъ, наконецъ, – надобно держать голову прямо противъ вѣтру, и авось Богъ все устроитъ къ лучшему. Передайте это, любезный, отъ моего имени м-ру Домби и скажите, что я завтра постараюсь какъ-нибудь завернуть".

Никто и никогда, кромѣ камердинера, не слыхалъ этихъ комплиментовъ. Капитанскій букетъ, пролежавшій всю ночь на столѣ, былъ поутру сметенъ въ помойную яму, и такимъ образомъ великолѣпный планъ капитана Куттля, обѣщавшій такіе блистательные результаты, разбился въ дребезги со всѣми замысловатыми подробностями.

Уже поздно ночью Вальтеръ воротился домой послѣ своей продолжительной прогулки. Взволнованный впечатлѣніями трагической сны, гдѣ судьба и на его долю отвела на послѣднюю роль, онъ почти не помнилъ себя, когда пересказывалъ печальныя вѣсти, и вовсе не замѣчалъ, что дядя Соль еще не посвященъ былъ въ барбадосскія тайны. Капитанъ Куттль стоялъ, какъ на иголкахъ, и боялся до смерти, какъ бы молодой человѣкъ не проболтался. Онъ дѣлалъ ему своимъ крюкомъ выразительные сигналы, какъ одинъ изъ китайскихъ мудрецовъ, пишущихъ на воздухъ извѣстныя мистическія слова, которыхъ никакъ нельзя произнести. Онъ махалъ, чертилъ, кривлялся и грозилъ, но такъ, что и китайскій мудрецъ не понялъ бы его мистеріи.

Впрочемъ, узнавъ о подробностяхъ приключенія, Куттль отставилъ эти покушенія, такъ какъ было ясно, что теперь едва ли удастся до Вальтерова отъѣзда покалякать съ м-ромъ Домби. Но признавая съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ, что молодой человѣкъ непременно теперь же доженъ объясниться съ дядей Соломономъ, Куттль все-таки питалъ въ глубинѣ души непоколебимое упованіе, что такой человѣкъ, какъ онъ, приходился какъ нельзя больше по плечу для такого человѣка, какъ м-ръ Домби: всего какихъ-нибудь два, три слова между ними, и судьба Вальтера устроилась бы къ общему благополучію. Ибо не могъ забыть капитанъ, какъ онъ и м-ръ Домби въ какихъ-нибудь полчаса стали въ Брайтонѣ на самую короткую ногу въ отношеніи другъ къ другу, и какъ ловко каждый изъ нихъ начиналъ разговоръ именно тамъ, гдѣ нужно было вернуть приличное словцо. Не могъ онъ забыть, что онъ, и только онъ одинъ, Недъ Куттль, привелъ къ вождѣльному концу маклерское дѣло, и безъ него, конечно, никому бы тогда не пришлось въ голову обратиться къ м-ру Домби. Такъ и теперь: не случись этой бѣды, онъ, разумѣется, не далъ бы промаху. Ну, что-жъ дѣлать? Ключуло – потащилъ, сорвалось – не спрашивай. А между тѣмъ благоразумному человѣку отчаяваться не слѣдуетъ. Распустилъ морской парусъ, – и катать, валяй на волю Божію: авось еще поспѣешь вовремя.

Эти глубокія соображенія не помѣшали капитану Куттлю слушать молодого человѣка съ напряженнымъ вниманіемъ и проливать слезы на праздничные воротнички своей рубашки. Наконецъ, въ избобрѣтельномъ мозгу его зародился новый весьма замысловатый планъ: "При

первой же встрѣчѣ, – думалъ капитанъ, – приглашу къ себѣ м-ра Домби на Корабельную площадь перекусить хлѣба-соли, и за дружеской бутылкой хорошаго вина мы вдоволь наговоримся относительно будущихъ видовъ нашего парня". Но тутъ же пришла ему въ голову неизвѣстность относительно м-съ Макъ Стингеръ. Какъ знать? Быть можетъ, н_е_п_у_т_н_а_я_л_и_с_и_ц_а угораздится во время этой бесѣды засѣсть въ передней и задумаетъ читать свои проповѣди. Нехорошо, очень нехорошо.

Одинъ фактъ представлялся капитану Куттлю осязательно очевиднымъ, фактъ, что молодой человѣкъ уже сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ членомъ семейства м-ра Домби. Разумѣется, скромный парень самъ этого не замѣчалъ; гдѣ ему? Онъ едва замѣчаетъ непочатый обѣдъ, который стоитъ у него подъ носомъ. А дѣло яснѣе солнца: Вальтеръ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ печальной сценѣ, которую онъ изобразилъ съ такимъ патетическимъ эффектомъ. Его вспомнили, назвали по имени, поручили особенной заботливости, – и теперь ли еще сомнѣваться, что м-ръ Домби станетъ пешисть о немъ, какъ о собственномъ дѣтищѣ? Такія заключенія, и не бывъ приведены въ ясность, могли быть чрезвычайно успокоительными для ученаго мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ. Поэтому капитанъ основательно разсчиталъ, что теперь-то именно всего приличнѣе свести рѣчь на вѣсть-индскій проектъ, который съ этой точки зрѣнія представлялся милостивымъ благословеніемъ самого неба.

– Будь у меня капиталъ, – сказалъ онъ, – я не замедлилъ бы сію же минуту вручить нашему мальчугану сотню тысячъ фунтовъ чистоганомъ, и былъ бы убѣжденъ, какъ дважды-два четыре, что эти денежки воротятся въ мой сундукъ съ огромными процентами.

Это непредвидѣнное извѣстіе сперва, какъ громомъ, поразило Соломона Гильса; но капитанъ развернулъ передъ нимъ такую блистательную перспективу, а съ такимъ искусствомъ намекнулъ на виттингтонскія послѣдствія, что у бѣднаго старика закружилась голова. Затѣмъ капитанъ очень ловко повелъ рѣчь на послѣднія приключенія, разсказанныя Вальтеромъ, и такъ какъ все это имѣло самую тѣсную связь съ поэтическимъ сказаніемъ о любовныхъ похожденияхъ красавицы Пегги, то онъ и пропѣлъ это стихотвореніе съ такимъ чуднымъ эффектомъ, какого и самъ въ себѣ не подозрѣвалъ. Вальтеръ, съ своей стороны, притворившись чрезвычайно веселымъ, настроилъ такую бездну воздушныхъ замковъ относительно своего благополучнаго возвращенія въ Лондонъ послѣ блистательныхъ походовъ на чужбинѣ, что дядя Соломонъ, посмотрѣвъ сперва на племянника, а потомъ на закадычнаго друга, серьезно началъ думать, что ему должно съ ума сойти отъ радости.

– Но вы понимаете, друзья мои, я ужъ отсталъ отъ времени, – замѣтилъ озадаченный старикъ, проводя съ нервическимъ раздраженіемъ свои пальцы черезъ весь рядъ блестящихъ пуговицъ жилета. – Мнѣ бы хотѣлось имѣть племянника на глазахъ. Это, ужъ, вѣдь я знаю, старая пѣсня. Онъ всегда съ ума сходитъ отъ моря. Онъ... онъ, смѣю сказать, радехонекъ меня оставить.

– Дядя Соль! – вскричалъ Вальтеръ съ живостью, – если ты такъ станешь думать, – кончено: я не ѣду. Что тутъ толковать, капитанъ Куттль? Не ѣду, да и только. Если дядюшка думать, что я радехонекъ его оставить, – къ чорту вѣсть-индскіе острова, къ чорту мое губернаторство. Не двигаюсь съ мѣста.

– Полно, Валли, полно, – сказалъ капитанъ. – Ахъ Соломонъ, Соломонъ, какъ тебѣ не стыдно!

Старикъ неподвижно смотрѣлъ на Вальтера, не говоря ни слова.

– А вонъ плыветъ какой-то корабль, – затаилъ аллегорически капитанъ – плыветъ прямо сюда на нашу пристань. Чье это имя написано на кораблѣ? имя Гэя, кажется? или нѣтъ, нѣтъ, сказалъ капитанъ, возвышая голосъ – теперь хорошо вижу: "Соломонъ Гильсъ".

– Недѣ, – сказалъ старикъ, притягивая Вальтера къ себѣ и нѣжно смотря ему въ лицо – я знаю, разумѣется, я очень хорошо знаю, что Валли заботится больше обо мнѣ, чѣмъ о себѣ самомъ. Въ этомъ и никогда не сомнѣвался. Но если я говорю, что онъ радъ уѣхать, это значитъ,

я надеюсь, что онъ радъ. Смотри сюда, Недъ, да и ты, Валли: вѣдь это совсѣмъ неожиданная новость: вѣдь она, что называется, упала, какъ снѣгъ на голову. А я ужъ отсталъ отъ времени – охъ! – далеко отсталъ. Скажи мнѣ еще разъ, но скажи по совѣсти: точно ли тутъ дѣло идетъ о счастья моего милаго племянника?

Старикъ съ невыразимымъ безпокойствомъ смотрѣлъ то на Вальтера, то на капитана. Тѣ молчали.

– Говорите же: да или нѣтъ? Я могу привыкнуть ко всему и помирюсь со всѣмъ, если этого требуютъ выгоды Вальтера; но сохрани Богъ, если онъ что-нибудь отъ меня скрываетъ или единственно изъ-за меня пускается на какое-нибудь опасное предпріятіе. Слушай, Недъ Куттль, – продолжалъ старикъ такимъ трогательнымъ голосомъ, который въ основаніи поколебалъ дипломатическую тактику храбраго капитана – откровененъ ли ты со мной? Правду ли высказалъ ты своему другу? Говори. Что же ты молчишь, Недъ Куттль? Какая задняя мысль у тебя на умѣ? Почему ты первый, а не я, узналъ, что онъ долженъ ѣхать? Почему?...

Вальтеръ, скрѣпя сердце, съ истиннымъ самоотверженіемъ поспѣшилъ на выручку капитана, и оба они, толкуя безпрестанно о заморскихъ проектахъ, такъ запутали старика, что онъ, по-видимому, даже забылъ о скорой разлукѣ съ племянникомъ.

Но медлить и колебаться было невозможно. На другой же день Вальтеръ получилъ отъ главнаго приказчика, м-ра Каркера, необходимыя бумаги и деньги на экипировку вмѣстѣ съ извѣщеніемъ, что "Сынъ и Наслѣдникъ" снимется съ якоря недѣли черезъ двѣ. При торопливыхъ хлопотахъ предъ отъѣздомъ, – Вальтеръ нарочно суетился отъ утра до ночи; старикъ потерялъ и послѣднюю власть надъ собою. Онъ ходилъ, какъ угорѣлый, думая обо всемъ и ни о чемъ. Время отъѣзда приближалось быстро.

Капитанъ Куттль, ежедневно узнававшій отъ Вальтера обо всѣхъ подробностяхъ, видѣлъ очень ясно, что время идетъ къ концу, и между тѣмъ не представлялось ни малѣйшаго случая освѣдомиться хорошенько о настоящей сущности дѣла. Долго и бесполезно думалъ онъ объ этомъ головоломномъ вопросѣ, пока, наконецъ, свѣтлая идея не озарила его умъ. "А что, если я заверну къ м-ру Каркеру?" – спросилъ онъ самъ себя. "Вѣдь можно и отъ него освѣдомиться о направленіи вѣтра!"

Эта идея чрезвычайно понравилась капитану. Она осѣнила его мозгъ въ счастливую минуту вдохновенія, когда онъ послѣ завтрака на корабельной площади съ большимъ комфортомъ курилъ трубку. Табакъ былъ превосходный, а идея, нечего сказать, еще превосходнѣе. Она совершенно успокоила его честную совѣсть, немножко растревоженную какъ довѣренностью Вальтера, такъ и безконечными разспросами старика. Теперь онъ можетъ услужить друзьямъ. Разумѣется, онъ вывѣдаетъ напередъ образъ мыслей и характеръ м-ра Каркера, а тамъ, смотря по обстоятельствамъ, разговорится съ нимъ съ большей или меньшей откровенностью.

Въ тотъ же день Куттль, не задерживаемый Вальтеромъ, который дома укладывался въ дальнюю дорогу, надѣлъ свои экстренные полусапожки, приколотъ къ рубашкѣ траурную булавку и благословясь пустился въ свою вторую экспедицію. На этотъ разъ въ рукѣ его не было великолѣпнаго букета; но зато въ одной изъ пуговичныхъ петель у него красовался прелестнѣйшій и самый свѣжій подсолнечникъ, придававшій ему очень пріятный видъ безпечнаго загороднаго жителя. Съ этимъ подсолнечникомъ и сучковатой палкой, въ своей лощеной шляпѣ, онъ отправился въ конторскія заведенія Домби и Сына.

Забѣжавъ въ ближайшій трактиръ выпить для куражу стаканъ пуншу, капитанъ замаршировалъ самымъ скорымъ шагомъ, чтобы не испарилось благотворное дѣйствіе рому, и черезъ нѣсколько минутъ онъ стоялъ уже передъ интересной особой м-ра Перча.

– Дружище, – заговорилъ капитанъ смѣлымъ и рѣшительнымъ тономъ, – есть у васъ губернаторъ, по имени Каркеръ.

– Естьто есть, сударь, да только онъ занять, да и всѣ наши губернаторы очень заняты, а если сказать всю правду, такъ у нихъ, съ вашего позволенія, никогда ни одной минуты не бываетъ свободной. Да-съ!

– Послушайте-ка, любезный, – шепнулъ капитанъ на ухо, – мое имя капитанъ Куттль.

Капитанъ хотѣлъ притянуть его желѣзнымъ крюкомъ, но тотъ отскочилъ, испугавшись особенно за м-сь Перчъ, для которой взгляды на подобное оружіе могъ сдѣлаться, при ея настоящемъ положеніи, очень вреднымъ.

– Если вы, дружище, потрудитесь доложить о капитанѣ Куттлѣ, я повременю. Понимаете?

Съ этими словами капитанъ усѣлся на красной полкѣ м-ра Перча и, вынувъ изъ лощеной шляпы, притиснутой между колѣнями, носовой платокъ, вытеръ свой лобъ и голову, чтобы придать себѣ свѣжій и бодрый видъ. Потомъ онъ расчесалъ желѣзнымъ крюкомъ волосы и спокойно началъ разсматривать писарей.

Такое равнодушіе капитана и вмѣстѣ его непроницаемая таинственность сильно подѣйствовали на м-ра Перча.

– Какъ ваше имя? – спросилъ м-ръ Перчъ, нагибаясь къ полкѣ.

– Капитанъ Куттль.

– Такъ-съ, – сказала м-ръ Перчъ, продолжая увеселительное занятіе и стараясь хорошенько запомнить фамилію гостя. – Ужъ такъ и быть, пойду доложу. Можетъ, на ваше счастье, онъ и не занять. А, впрочемъ, едва ли.

– Вы скажите, что капитанъ Куттль задержитъ его только на одну минуту, никакъ не болѣе.

Черезъ минуту Перчъ воротился и сказалъ:

– Не угодно ли капитану Куттлю пожаловать въ кабинетъ м-ра Каркера.

Старшій приказчикъ величаво стоялъ въ своей комнатѣ на коврѣ подлѣ нетопленнаго камина, завѣшеннаго листомъ сахарной бумаги. Онъ окинулъ вошедшаго капитана такимъ взоромъ, въ которомъ, казалось, не было ничего особенно ободрительнаго.

– М-ръ Каркеръ? – сказалъ капитанъ.

– Къ вашимъ услугамъ, – сказалъ м-ръ Каркеръ, выставляя на показъ всѣ свои зубы.

– Хорошая черта, – подумалъ капитанъ, вникая въ характеръ собесѣдника, къ которому чувствовалъ влеченіе.

– Вотъ видите ли, какая исторія, – началъ капитанъ, озираясь вокругъ комнаты, сколько позволяли высочайшіе воротнички рубахи – я, съ вашего позволенія, старый морякъ, м-ръ Каркеръ, а Валли, который записанъ у васъ въ книгахъ, тоже почти что мой сынъ.

– Вальтеръ Гэй? – сказалъ м-ръ Каркеръ, опять выставляя всѣ свои зубы.

– Именно такъ, Вальтеръ Гэй. Вы правы, м-ръ Каркеръ.

Манеры капитана выражали еще большее сочувствіе къ проницательному собесѣднику.

– Я искренній и ужъ давнишній другъ Вальтера и его дяди. Можетъ быть, вашъ главный адмиралъ говорилъ вамъ когда-нибудь о капитанѣ Куттлѣ?

– Нѣтъ! – сказалъ м-ръ Каркеръ, еще болѣе оскаливая свои бѣлые зубы.

– Странно, однако-жь, – возразилъ капитанъ, – а я имѣлъ удовольствіе съ нимъ познакомиться. Я и молодой мой другъ заѣзжали къ нему въ Брайтонъ по нѣкоторому дѣльцу. Можетъ быть, вы знаете?

– Кажется, я имѣлъ честь устроить тогда это дѣльце, – сказалъ м-ръ Каркеръ,

– Разумѣется, кому же, кромѣ васъ! – отвѣчалъ капитанъ. – Вы тутъ главный губернаторъ. Это вещь извѣстная. Ну такъ я... теперь я принялъ смѣлость...

– Не угодно ли вамъ садиться? – сказалъ м-ръ Каркеръ, улыбаясь.

– Покорно благодарю, – отвѣчалъ капитанъ, торопясь воспользоваться приглашеніемъ. – Разговоръ какъ-то идетъ плавнѣе, когда сидишь. Да не угодно ли и вамъ присѣсть?

– Нѣтъ, я не люблю сидѣть, – сказалъ приказчикъ, продолжая всматриваться съ особеннымъ вниманіемъ въ капитана. Казалось, у него столько же было глазъ, сколько зубовъ, – Такъ вы приняли смѣлость, сказали вы, то есть, смѣлости тутъ нѣтъ никакой, а вы просто пришли – зачѣмъ?...

– Пожалуй, что и такъ, – отвѣчалъ капитанъ, – Люблю дружка за обычай, и что въ самомъ дѣлѣ за церемоніи между свѣтскими людьми? Ну, такъ я пришелъ сюда потолковать съ вами насчетъ пріятели моего Валли. Его дядя, старикъ Соль, надо сказать вамъ, человѣкъ ученый, то есть, онъ просто, съ вашего позволенія, собаку съѣлъ во всѣхъ наукахъ; но все же онъ, если говорить всю правду, никогда не былъ морякомъ, да и не способенъ быть морякомъ, оттого не способенъ, что не понимаетъ никакого толку въ свѣтскомъ обращеніи. При всемъ умѣ и огромныхъ познаніяхъ, онъ человѣкъ вовсе не практической. Это ужъ по нашей части. А Валли, какъ вы, разумѣется, знаете, прекраснѣйшій молодой человѣкъ, да только опять та бѣда, что застѣнчивъ, – скромень и застѣнчивъ такъ, что изъ рукъ вонъ. Вотъ я и пришелъ переговорить съ вами наединѣ, съ глазу на глазъ, по-дружески, относительно того, какъ у васъ тутъ, – все ли обстоитъ благополучно, а главное: попутный ли вѣтеръ дуетъ въ паруса нашего Валли? Понимаете? Разумѣется, я бы всю подноготную вывѣдалъ отъ самого вашего адмирала, да только теперь... что-жъ дѣлать? Всѣ мы люди, всѣ человѣки, сказано въ Писаніи.

– А какъ вы сами думаете? – спросилъ Каркеръ, загибая руки подъ фалды фрака. – Вы человѣкъ практической и морякъ; какой же, по вашему, вѣтеръ дуетъ въ паруса молодого вашего друга?

Взглядъ капитана при этомъ вопросѣ принялъ также многозначительное и глубокопроницательное выраженіе, которое опять могъ бы только разъяснить китайскій мудрецъ, владѣющій непостижимымъ искусствомъ писать на воздухѣ произносимыя слова.

– Скажите напередъ, – воскликнулъ капитанъ, одушевленный необыкновеннымъ восторгомъ – угадалъ я или нѣтъ?

– Конечно, угадали, – сказалъ м-ръ Каркеръ, – я не сомнѣваюсь въ этомъ.

– Ну такъ честь имѣю доложить вамъ, – вскричалъ капитанъ Куттль, – Вальтеръ летитъ на всѣхъ парусахъ при самомъ попутномъ вѣтрѣ! да или нѣтъ?

М-ръ Каркеръ улыбнулся въ знакъ согласія.

– Вѣтеръ дуетъ взадъ, и на небѣ ни одного облачка, – продолжалъ капитанъ.

М-ръ Каркеръ опять улыбнулся, въ знакъ совершеннаго согласія.

– Да, да, – говорилъ капитанъ, чувствуя себя значительно облегченнымъ при этой выгрузкѣ душевныхъ мыслей. – Я давно такъ думалъ и Вальтеру говорилъ то же самое. Очень вамъ благодаренъ, м-ръ Каркеръ.

– У Вальтера Гэя впереди блистательная перспектива, – замѣтилъ м-ръ Каркеръ, оскаливая зубы до самыхъ десенъ. – Весь міръ передъ нимъ.

– Да, весь міръ передъ нимъ и жена на виду, какъ говоритъ англійская пословица, – самодовольно прибавилъ капитанъ.

При словѣ «жена», которое на этотъ разъ произнесено было безъ особаго намѣренія, капитанъ пріостановился, поднялъ глаза, повернулъ шляпу на концѣ своей палки и выразительно взглянулъ на своего вѣчно улыбающагося пріятели.

– Держу пари, – сказалъ онъ – на лучшую бутылку ямайскаго рому, я знаю, чему вы улыбаетесь.

М-ръ Каркеръ улыбнулся еще больше.

– Разумѣется, это не пойдетъ дальше? – сказалъ капитанъ, притворяя дверь концомъ сучковатой палки.

– Ни на шагъ, – отвѣчалъ м-ръ Каркеръ.

– Ну, такъ вы теперь думали о заглавной буквѣ Ф?

М-ръ Каркеръ не возражалъ.

– Затѣмъ слѣдуетъ Л, – продолжалъ капитанъ – а затѣмъ О и Р. Такъ или нѣтъ?

М-ръ Каркеръ опять улыбнулся.

– Да, такъ или нѣтъ? – шопотомъ спрашивалъ капитанъ, расплываясь отъ возрастающаго блаженства.

Когда Каркеръ, вмѣсто отвѣта, оскалилъ зубы и кивнулъ головой въ знакъ совершеннаго согласія, капитанъ вскочилъ со стула, взялъ его за руку и съ жаромъ принялся увѣрять, что они оба идутъ по одной и той же дорогѣ, и что онъ, Недъ Куттль, первый напалъ на настоящій слѣдъ.

– Судьба свое возьметъ, – продолжалъ капитанъ съ важнымъ и таинственнымъ видомъ. – Припомните, какъ онъ съ нею познакомился: случай удивительный, необыкновенный! Онъ нашель ее одну, среди грязной улицы, безъ пристанища, и что же? – полюбилъ ее съ перваго взгляда! она его тоже полюбила, и съ той поры они души не чають другъ въ другъ. Мы тогда же сказали, то есть я и Соломонъ Гильсъ, что они сотворены другъ для друга. Прелестная парочка!

Кошка, обезьяна, гѣна или мертвая голова никогда бы не показали капитану столько зубовъ, сколько онъ увидѣлъ ихъ въ продолженіе этого разговора въ огромной пасти м-ра Каркера.

– Да, что ни говори, а судьба – веревка, – продолжалъ счастливый капитанъ, – начиеть вязать, такъ ужъ мое почтеніе: скрутить по рукамъ и по ногамъ. Разберите-ка хорошенько послѣднія приключенія и выйдеть, что вѣтеръ и вода дружно несутся въ одну сторону.

– Все благопріятствуетъ его надеждамъ, – сказала м-ръ Каркеръ.

– Вспомните этотъ несчастный день, когда бѣдный адмиральскій сынокъ... кто какъ не судьба, смѣю сказать, привела его къ постели умирающаго ребенка? Желалъ бы я знать, что теперь можетъ оторвать его отъ этого семейства?

– Разумѣется, ничто, – отвѣчалъ м-ръ Каркеръ.

– Вы опять совершенно правы, – сказалъ капитанъ, крѣпко ножимая его руку. – Ничто, конечно, ничто. Теперь только держись крѣпче и распускай паруса. Сына больше нѣтъ... бѣдное дитя! Такъ ли м-ръ Каркеръ?

– Совершенно такъ. Сына нѣтъ болыие.

– Такъ перемѣните же пароль... и съ Богомъ. Ура, Вальтеръ Гэй, новый адмиральскій сынокъ! Ура, племянникъ Соломона Гильса! И да здравствуетъ самъ Соломонъ, мужъ совѣта и разума, мужъ силы и крѣпости, ученѣйшій мужъ, какого еще свѣтъ не производилъ! Кто противъ Соломона и племянника его, Вальтера Гэя? Кто сей дерзновенный?...

При заключеніи каждой изъ этихъ сентенцій, капитанъ благосклонно подталкивалъ локтемъ своего пріятели и потомъ въ избыткѣ восторженности отступилъ, чтобы издали полюбоваться на эффектъ, произведенный этимъ взрывомъ блистательнаго краснорѣчія. Его грудь подымалась высоко, и длинный толстый носъ находился въ состояніи самага бурнаго воспламененія.

– Правъ ли я, сударь мой?

– Капитанъ Куттль, – сказалъ м-ръ Каркеръ, перегибаясь въ три погибели наистраннѣйшимъ образомъ, какъ будто совершенно уничтожался передъ другомъ будущаго представителя фирмы, – ваши виды въ отношеніи къ Вальтеру Гэю обнаруживаютъ удивительную проницательность и глубокомысліе съ вашей стороны. Мнѣ пріятно подтвърдить, что вы читаете въ будущемъ, какъ пророкъ. Я понимаю, что этотъ разговоръ останется между нами.

– Ни гугу! – перебилъ капитанъ, – никому ни полслова!

– То есть, ни ему, ни другому кому? – продолжалъ приказчикъ.

Капитанъ нахмурилъ брови и кивнулъ головой.

– Все это, разумѣется, – сказала м-ръ Каркеръ, – должно только служить указаніемъ и руководствомъ для будущихъ вашихъ соображеній и поступковъ.

– Благодарю васъ отъ всего моего сердца, – сказалъ капитанъ, прислушиваясь съ большимъ вниманіемъ.

– Я не поколеблюсь сказать, что ваши предположенія имѣють силу очевиднѣйшаго факта. Вы, что называется, прямо попали пальцемъ въ небо.

– Ну, а что касается до вашего адмирала, – сказалъ капитанъ, – свиданье между нами авось устроится какъ-нибудь само собою. Время еще терпите.

М-ръ Каркеръ расширилъ пасть до самыхъ ушей и не то чтобы повторилъ послѣднія слова, а скривилъ ротъ и губы такимъ образомъ, какъ будто самъ про себя бормоталъ: "Время еще терпите".

– И такъ какъ я знаю, – впрочемъ это я всегда зналъ, – что для Вальтера устраиваютъ теперь карьеру... – заговорилъ капитанъ.

– Устраиваютъ карьеру, – повторилъ м-ръ Каркеръ тѣмъ же безмолвнымъ образомъ.

– Такъ какъ теперешнее путешествіе Вальтера тѣснѣйшимъ образомъ соединено съ общими ожиданіями насчетъ его въ этомъ домѣ...

– Съ общими ожиданіями, – согласился м-ръ Каркеръ тѣмъ же безмолвно оригинальнымъ образомъ.

– То я могу быть совершенно спокойнымъ, – продолжалъ капитанъ, – и до времени буду только смотрѣть во всѣ глаза, не пускаясь, однако же, ни въ какія предпріятія.

М-ръ Каркеръ благосклонно одобрилъ такую рѣшимость, а капитанъ еще благосклоннѣе выразилъ свое мнѣніе относительно того, что онъ, Каркеръ, прелюбезнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, и что нехудо бы самому м-ру Домби брать примѣръ съ такого совершеннѣйшаго образца. Въ заключеніе капитанъ отъ полноты душевнаго удовольствія еще разъ протянулъ свою огромную руку, нѣсколько похожую на старый блокъ, и учинилъ такое дружелюбное пожатіе, что на мягкой ладони его пріятеля отпечатлѣлись видимые знаки трещинъ и щелей, какими нататурована была капитанская десница.

– Прощайте, – сказалъ капитанъ, – прощайте, любезный другъ. Я вообще держу языкъ на привязи и о пустякахъ толковать не люблю; а побесѣдовать о дѣлѣ съ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, – это ужъ мое дѣло. Извините, пожалуйста, если я такъ нечаянно оторвалъ васъ отъ вашихъ занятій.

– Ничего, ничего, – проговорилъ приказчикъ.

– Покорно благодарю. Каюта у меня невелика, – сказалъ капитанъ, возвращаясь назадъ, – но довольно уютна и чиста. Если какъ-нибудь завернете на Корабельную площадь, припомните домъ м-съ Макъ Стингеръ, небольшой, двухэтажный, номеръ девятый – не забудете? – толкнитесь въ двери и ступайте себе съ Богомъ наверхъ, ни на что не обращая вниманія. Мнѣ всегда пріятно будетъ васъ видѣть. Прощайте.

Послѣ этого гостепріимнаго приглашенія, капитанъ вышелъ изъ дверей, оставивъ м-ра Каркера въ его прежнемъ положеніи у камина. Было какоето отчаянно кошачье или тигровое выраженіе во всѣхъ его приемахъ и обращеніи. Его пронизательный и лукавый взглядъ, фальшивый, вѣчно ослабляющійся ротъ, безукоризненно чистый и накрахмаленный галстухъ и самыя бакенбарды, даже тихое движеніе его руки по бѣлой рубашкѣ и краснымъ жирнымъ щекамъ: все это выражало ужасно дикую и вмѣстѣ самую хитрую свирѣпость.

Невинный капитанъ Куттль вышелъ изъ его кабинета въ такомъ блаженномъ состояніи самопрославленія, которое сообщило обновленный и свѣжій видъ его широкому синему платью. "Держись крѣпче, Недъ, – сказалъ онъ самому себѣ. – Ты сегодня устроилъ судьбу молодыхъ людей! Да, ни больше, ни меньше. Чудесно устроилъ!"

Пропитанный съ головы до ногъ самымъ поэтическимъ вдохновеніемъ при мысли о великолѣпныхъ послѣдствіяхъ этого свиданія, капитанъ, очутившись въ передней, не могъ не подшутить немножко надъ мромъ Перчемъ.

– Что, любезный, – сказала онъ ему, – губернаторы ваши всегда заняты? а? у нихъ ни минуты нѣтъ свободной? а?

Но чтобы не слишкомъ огорчить добродушнаго малаго, который, вѣроятно, говорилъ, что приказано, капитанъ шепнулъ ему на ухо, что если онъ желаетъ малую толику хлебнуть тепленькой водицы съ ямайскимъ ромкомъ, такъ чтобы немедленно слѣдовалъ за нимъ. Маршъ, маршъ!

Но прежде, чѣмъ выйти изъ дверей, капитанъ, къ немалому изумленію писарей, началъ, съ таинственнымъ видомъ, обозрѣвать конторское заведеніе, какъ частицу будущихъ огромныхъ владѣній своего молодого друга. Кассовая комната обратила на себя его особенное вниманіе; но чтобы не показаться въ нѣкоторомъ родѣ любопытнымъ, онъ ограничился простымъ одобреніемъ и, деликатно раскланявшись съ писарями съ видомъ учтивости и вмѣстѣ съ тѣмъ покровительства, поспѣшно вышелъ изъ дверей. На улицѣ немедленно догналъ его м-ръ Перчъ, и они отправились въ ближайшую таверну, чтобы на скорую руку выпить и закусить. М-ръ Перчъ, какъ человѣкъ подначальный, не могъ долго медлить.

– Выпьемъ-ка, – сказала капитанъ, – за здоровье Вальра.

– За чье?

– За здоровье Вальра, – повторилъ капитанъ громовымъ голосомъ.

М-ръ Перчъ не спрашивалъ больше; но, обращаясь къ впечатлѣніямъ дѣтства, онъ припомнилъ, что былъ когда-то стихотворецъ¹¹, носившій это имя, и потому очень удивился, что капитанъ задумалъ предложить въ Сити тостъ за здоровье стихотворца, который давнымъ-давно отправился на тотъ свѣтъ. Это въ нѣкоторомъ смыслѣ показалось даже обиднымъ м-ру Перчу. Еще бы предложили ему соорудить иамятникъ Шекспиру на публичной площади! На что это похоже? Словомъ, нехорошо, очень нехорошо. Онъ ужъ лучше ничего не скажетъ объ этой исторіи своей женѣ. М-съ Перчъ въ такомъ положеніи, что пугать ее ничѣмъ не должно, а то долго ли до грѣха? На грѣхъ вѣдь мастера нѣтъ, и дураку законъ не писанъ.

Во весь этотъ день капитанъ, блаженный своими подвигами, предпринятыми на пользу молодыхъ людей, представлялся таинственнымъ и непроницаемымъ даже для своихъ закадычныхъ друзей. Онъ помиинутно мигалъ, улыбался и дѣлалъ самые многозначительные жесты. Если бы Вальтеръ попытался его допросить, нѣтъ сомнѣнія, добродѣтельный мужъ не выдержалъ бы никакимъ образомъ и обличилъ бы себя еще до вечера; но Вальтеръ не допрашивалъ въ той увѣренности, что это самодовольствіе происходило отъ ихъ общаго успѣха въ невинномъ обманѣ старика Соломона. Какъ бы то ни было, онъ не открылъ своей тайны и унесъ ее съ собою на Корабельную площадь. Возвращаясь домой поздно вечеромъ, онъ надѣлъ лощеную шляпу набекрень, и въ глазахъ его заискрилось такое лучезарное выраженіе, что м-съ Макъ Стингеръ – настоящая римская матрона, достойная быть первой воспитательницей въ классическомъ пенсіонѣ д-ра Блимбера – укрѣпилась, при первомъ взглядѣ на него, за уличными дверями и пребыла въ этой засадѣ до тѣхъ поръ, пока ея жилецъ не убрался въ свою комнату.

¹¹ Поэтъ Валлеръ (Waller), прославившійся мелкими лирическими стихотвореніями и замѣчательный по легкости и чистотѣ языка; жилъ въ половинѣ семнадцатаго вѣка. *Прим. перев.*

Глава XVIII Отец и дочь

Въ домѣ м-ра Домби глубокая тишина. Слуги на цыпочкахъ ходятъ взадъ и впередъ безъ малѣйшаго шума. Бесѣда ихъ производится почти шепотомъ, и они уже нѣсколько часовъ засѣдаютъ за трапезой, изобильно насыщаясь яствами и питіями. М-съ Виккемъ, устремивъ заплаканныя очи къ небесамъ, рассказывала съ глубокими воздыханіями печальные анекдоты. Она повѣствуетъ, какъ, еще проживая у м-съ Пипчинъ, она всегда предсказывала эту бѣду неминуемую, что, однако, не мѣшало ей поминутно вкушать столовое пиво. Вообще м-съ Виккемъ груститъ и тоскуетъ, но пріятно занимаетъ компанію. Кухарка обрѣтается въ такомъ же расположеніи духа. Она собирается поджарить что-то къ ужину на сковородѣ, и находится подъ сильнымъ вліяніемъ горестныхъ чувствъ и горькихъ луковицъ. Таулисонъ начинаетъ думать, что надъ домомъ тяготѣетъ судьба, и желаетъ знать, есть ли и былъ ли хоть одинъ угольный домъ, гдѣ бы обходилось безъ такихъ бѣдъ. Всѣмъ намъ думается, что ужъ это случилось давно, давно, хотя еще ребенокъ лежитъ, спокойный и прекрасный, на своей маленькой постели.

Послѣ сумерекъ приходятъ посѣтители, бывшіе тутъ прежде. Тихо и торжественно выступаютъ они въ своихъ башмакахъ, окутанныхъ фланелью. За ними несутъ одръ вѣчнаго покоя, страшный одръ для младенца, убаюканнаго сномъ непробуднымъ. Во все это время никто не видитъ осиротѣлаго отца, даже его камердинеръ. Онъ садится въ отдаленномъ углу, если кто входитъ въ его темную комнату, и ходитъ мѣрными шагами взадъ и впередъ, какъ скоро остается одинъ. Но поутру поговариваютъ, будто слышали, какъ онъ въ глубокою полночь поднялся наверхъ и оставался тамъ – въ комнатѣ сына – вплоть до солнечнаго восхода.

Въ конторскихъ заведеніяхъ въ Сити шлифованныя стекла оконъ плотно затворены ставнями, и между тѣмъ какъ дневной свѣтъ, пробивающійся черезъ щели, на половину затмеваетъ лампы, зажженныя на конторкахъ, самый день вполностью затмевается этими же лампами, и всеобщій мракъ преобладаетъ. Обычная дѣятельность пріостановилась. Писаря теряютъ охоту къ работѣ, назначаютъ дружелюбныя свиданія въ трактирахъ, кушаютъ котлеты и гуляютъ по берегу Темзы. Перчъ, разсыльный, медленно и вяло исполняетъ порученія, заходитъ съ пріятелями въ знакомыя харчевни и поговариваетъ съ нѣкоторымъ одушевленіемъ о суетѣ міра сего. По вечерамъ онъ раньше обыкновеннаго возвращается домой и угощаетъ м-съ Перчъ телячьими котлетами и шотландскимъ пивомъ. М-ръ Каркеръ, главный приказчикъ, не угощаетъ никого, и его никто не угощаетъ. Онъ сидитъ одиноко въ своей комнатѣ и цѣлый день скалитъ зубы.

Вотъ цѣлая коллекція розовыхъ дѣтей выглядываетъ изъ оконъ напротивъ дома м-ра Домби. Они любятъ на черныхъ коней съ перьями на головахъ, которые стоятъ у воротъ Домби. Тронулись кони и повезли черную карету, а за каретой двинулся длинный рядъ джентльменовъ съ шарфами и высокими жезлами. За ними огромная толпа народу.

И вотъ изъ-за гурьбы слугъ и рыдающихъ женщинъ въ траурныхъ платьяхъ, выступаетъ, наконецъ, самъ м-ръ Домби, по направленію къ другой каретѣ, которая его ожидаетъ. "Печаль и тоска не сокрушили его сердца", – думаютъ наблюдатели. Походка его тверда; осанка величественна, какъ и прежде. Онъ не закрываетъ лица платкомъ и гордо смотритъ впередъ. Немного поблѣднѣлъ онъ, но суровое лицо его сохраняетъ неизмѣнно одинаковое выраженіе. Онъ садится въ карету, и за нимъ слѣдуютъ три другихъ джентльмена. Тихо потянулась вдоль улицы похоронная процессія.

Наконецъ, медленный поѣздъ двигается въ церковную ограду при тоскливомъ гудѣніи колоколовъ. Здѣсь, въ этой самой церкви, бѣдный мальчикъ получилъ все, что собирается оставить на землѣ, – имя. Здѣсь же, подлѣ истлѣвшихъ останковъ матери, положить все, что умерло

въ немъ. И благо имъ! Прахъ ихъ лежитъ тамъ, гдѣ Флоренса въ своихъ одинокихъ – о да, одинокихъ! – прогулкахъ будетъ навѣщать ихъ могилы.

Панихида кончилась, и пасторъ удался. М-ръ Домби озирается вокругъ и спрашиваетъ тихимъ голосомъ:

– Здѣсь ли человѣкъ, которому приказано дожидаться распоряженій относительно памятника?

Кто то выступаетъ впередъ и отвѣчаетъ: "Здѣсь".

М-ръ Домби объясняетъ, гдѣ стоять памятнику, и показываетъ, поводя рукою по стѣнѣ, фигуру и величину монумента. Потомъ, взявъ карандашъ, пишетъ надпись и, отдавая ее, говоритъ:

– Желаю, чтобы это исполнено было немедленно.

– Слушаю, сэръ, поспѣеть скоро.

– Надѣюсь. Тутъ, какъ видите, обозначены только имя и лѣта.

Человѣкъ кланяется, смотритъ на бумагу, и какое-то недоразумѣніе возникаетъ въ его головѣ. Но м-ръ Домби, не замѣчая его колебанія, отворачивается и поспѣшно идетъ къ паперти.

– Прошу извинить, сэръ, – сказала тотъ же человѣкъ, слегка дотрагиваясь сзади до его шинели, – но такъ какъ вы желаете, чтобы это было сдѣлано немедленно, а я могу тотчасъ же приняться за работу...

– Ну?

– То не угодно ли вамъ прочесть, что вы изволили написать? Здѣсь, кажется, ошибка.

– Гдѣ?

Ваятель подаетъ ему бумагу и указываетъ циркулемъ на слова: "любимое и единственное дитя".

– Кажется, сэръ, тутъ должно бы стоять: "сынъ"?

– Вы правы. Такъ точно. Поправьте.

Отецъ ускоряетъ шаги и садится въ карету. Когда три его спутника заняли свои мѣста, его лицо покрылось воротникомъ шинели, и никто уже не видалъ его въ тотъ день. Онъ первый выходитъ изъ кареты и поспѣшно удаляется въ свою комнату. Прочіе его товарищи – м-ръ Чиккъ и два врача – идутъ наверхъ въ гостиную, гдѣ ихъ принимаютъ миссъ Токсъ и м-съ Чиккъ. Но что теперь дѣлается во второмъ этажѣ въ запертой комнатѣ, какія мысли волнуются въ головѣ сироты-отца, какія чувства или страданія сокрушаютъ его сердце, – никто не знаетъ.

Внизу подъ лѣстницей, въ огромной кухнѣ, поговариваютъ, что "теперь какъ будто воскресенья", и, однако-жь, странно: по улицамъ народъ кишитъ въ будничномъ платьѣ и будничная дѣятельность во всемъ разгарѣ. Не грѣшно ли это? Не преступно ли? Сторы на окнахъ вздернуты, ставни открыты, и кухонная компанія съ комфортомъ засѣдаетъ за бутылками, которыя откупориваются съ нѣкоторымъ эффектомъ, какъ на пиру. Всѣ пребываютъ въ благочестивомъ расположеніи духа и чувствуютъ склонность къ назиданію. М-ръ Таулисонъ восклицаетъ съ глубокимъ вздохомъ: "Горе намъ грѣшнымъ, еще не исправимся!" на что кухарка съ глубокимъ вздохомъ отвѣтствуетъ: "Богъ вѣдаетъ, исправимся ли. Велики щедроты твои, Господи, и долготерпѣнію твоему нѣсть предѣла!" Вечеромъ м-съ Чиккъ и миссъ Токсъ принимаются за шитье. Вечеромъ также м-ръ Таулисонъ выходитъ за ворота погулять вмѣстѣ съ горничною, которая еще не обновляла своей траурной шляпки. Они бродятъ очень нѣжно по глухимъ переулкамъ, и Таулисонъ изъявляетъ непреложное намѣреніе остепениться и торговать огурцами на Оксфордскомъ рынкѣ.

Уже давно въ обители м-ра Домби не наслаждались такимъ глубокимъ и безмятежнымъ сномъ. Утреннее солнце, возстановляетъ обычную дѣятельность, и еще разъ приводитъ въ прежній порядокъ. Розовыя дѣти изъ противоположнаго дома выбѣгаютъ на улицу и катаютъ

обручи. Въ церкви великолѣпная свадьба. Каменщикъ насвистываетъ веселую пѣсню, выдалбивая на мраморной доскѣ: П-а-в-е-л-ъ.

И неужели въ этомъ мірѣ, столько дѣятельномъ, столько суетливомъ, потеря слабого созданія можетъ въ чьемъ-нибудь сердцѣ произвести пустоту, столько широкую и глубокую, что только широта и глубина безпредѣльной вѣчности можетъ ее наполнить! Флоренса въ своей душевной скорби, могла бы отвѣчать: "Братецъ, о милый, нѣжно любимый и любящій братецъ! единственный другъ и товарищъ моего отверженнаго дѣтства! какая мысль, какъ не мысль о вѣчности прольетъ теперь на мою горестную жизнь тотъ благотворный свѣтъ, который уже мерцаетъ на твоей ранней могилѣ?"

– Милое дитя, – сказала м-съ Чиккъ, считавшая своей непремѣнной обязанностью давать наставленія, соотвѣтствующія случаю, – когда ты доживешь до моихъ лѣтъ...

– То есть, когда наступитъ полный расцвѣтъ вашей жизни, – замѣтила миссъ Токсъ.

– Тогда ты узнаешь, – продолжала м-съ Чиккъ, ласково пожимая руку пріятельницы въ благодарность за дружеское поясненіе, – узнаешь, моя милая, что всякая печаль бесполезна, и что мы обязаны покоряться волѣ Божіей. Погоревала, поплакала, – да и довольно. Пора перестать.

– Постараюсь, тетенька, – отвѣчала Флоренса рыдая.

– Очень рада отъ тебя слышать это, – сказала м-съ Чиккъ. – Милая наша миссъ Токсъ... а никто, конечно, не станетъ сомнѣваться въ ея умѣ, здравомысліи, проницательности...

– Ахъ, милая Луиза, вы скоро сдѣлаете меня гордою, – сказала миссъ Токсъ.

– Несравненная наша миссъ Токсъ объяснить тебѣ и подтвердить собственнымъ опытомъ, что мы призваны въ сей мірѣ дѣлать усилія. Въ этомъ наше назначеніе и природа всегда требуетъ отъ насъ усилій. Если бы какой-нибудь ми... ахъ, милая Лукреція, я забыла это слово. Мими...

– Мистицизмъ? – подсказала миссъ Токсъ.

– Фи! какъ это можно! Что за мистицизмъ! Вотъ такъ на языкѣ и вертится, а не вспомню. Ми...

– Миротворецъ?

– Ахъ, Лукреція, что это у васъ за мысли? Къ чему намъ миротворецъ? Мы кажется ни съ кѣмъ не ссорились. Мимимизантропъ, – насилу вспомнила! Если бы какой-нибудь мизантропъ предложилъ въ моемъ присутствіи вопросъ: "Для чего мы родимся?" – я бы не задумавшись отвѣчала: – "Для того, чтобы дѣлать усилія".

– Правда, – сказала миссъ Токсъ, пораженная оригинальностью мысли, – совершенная правда!

– Къ несчастью, – продолжала м-съ Чиккъ, – примѣръ у насъ передъ глазами. Мы имѣемъ причины думать, дитя мое, что всѣ эти ужасныя несчастія не обрушились бы на нашу фамилію, если бы во время было сдѣлано потребное усиліе. Никто въ свѣтъ не разувѣритъ меня, – продолжала д_о_б_р_а_я т_е_т_у_ш_к_а съ рѣшительнымъ видомъ, – что если бы бѣдная Фанни сдѣлала усиліе, котораго отъ нея требовали, нашъ малютка получилъ бы отъ природы крѣпкое тѣлосложеніе.

На минуту м-съ Чиккъ углубилась въ созерцаніе прошедшаго, настоящаго и будущаго, возвела очи свои къ небу, испустила глубокий вздохъ и продолжала:

– Поэтому, Флоренса, тебѣ слѣдуетъ теперь вооружиться всею твердостью духа. Докажи намъ, милая, что ты способна къ нѣкоторому усилію. Эгоистическая печаль съ твоей стороны могла бы еще больше разстроить твоего бѣднаго папашу.

– Милая тетенька, – воскликнула Флоренса, съ живостью становясь передъ нею на колѣни, чтобы смотрѣть ей прямо въ лицо, – говорите мнѣ о папенькѣ, сдѣлайте милость говорите, больше и больше, не въ отчаяніи ли онъ?

Это восклицание чрезвычайно растрогало мисс Токс. Быть может, показалось ей, что сердце отверженного дитяти проникалось трогательным участием к страдающему отцу или она увидела пламенное желание обвиться около сердца, переполненного нежностью к ее умершему брату, или просто ее поразили отчаянный вопль заброшенного сиротливого дитя, для которого теперь весь мир превращался в мрачную и безлюдную пустыню, как бы то ни было, только мисс Токс, при взгляде на девушку, стоящую на колѣнях, пришла в трогательное умиление. Забывая величие м-сь Чикк, она погладила Флоренсу по головкѣ и, отворотившись назад, испустила обильный потокъ горьчайшихъ слезъ, не дожидаясь на этотъ разъ предварительныхъ наставлений отъ своей премудрой руководительницы.

Что всего удивительнѣе, даже м-сь Чикк, дама съ твердымъ и возвышеннымъ характеромъ, потеряла при этомъ присутствіе духа и пребыла безмолвною, взирая на прекрасное юное лицо, исполненное невыразимой нежности и состраданія. Вскорѣ, однако-жъ, она совершенно оправилась и, возвышая голосъ, – а извѣстно, что возвысить голосъ и возвратить присутствіе духа одно и то же – продолжала свою рѣчь съ важнымъ достоинствомъ:

– Флоренса, милое дитя мое, твой бѣдный папаша по временамъ бываетъ очень страненъ, и спрашивать меня о немъ почти все равно, что спрашивать о такомъ предметѣ, котораго я, право, не понимаю. Кажется, никто больше меня не имѣетъ надъ нимъ власти, и при всемъ томъ въ послѣднее время онъ очень мало говорилъ со мною. Я видѣла его раза два или три, да и то мелькомъ, все равно, что вовсе не видѣла, потому что его кабинетъ постоянно закрытъ. Я сказала твоему папѣ: – "Павель!" – я именно такъ выразилась. – "Павель! почему бы тебѣ, мой другъ, не принять чего-нибудь возбуждательнаго?" А твой папа отвѣчалъ: "Луиза, пожалуйста оставь меня. Мнѣ ничего не нужно. Мнѣ очень хорошо и одному". Если бы завтра, Лукреція, допросили меня передъ судомъ, я бы поклялась, что онъ произнесъ именно эти слова.

Мисс Токс выразила свое удивленіе слѣдующимъ изреченіемъ:

– Вы, милая Луиза, всегда поступаете методически.

– Короче сказать, моя милая, между мной и твоимъ папашей до нынѣшняго дня ничего не произошло, такъ-таки рѣшительно ничего. Когда я напомнила ему, что сэръ Барнетъ и леди Скеттльзъ прислали къ намъ очень пріятное письмо... Ахъ, Боже мой! какъ леди Скеттльзъ любила нашего ангельчика! – куда дѣвался мой платокъ?

Мисс Токс вынула изъ ридикюля и подала карманный платокъ.

– Чрезвычайно пріятное письмо. Они принимаютъ въ насъ самое искреннее участіе и просятъ тебя, Флоренса, къ себѣ. Для тебя нужно теперь развлеченіе, моя милая. Когда я сказала твоему папашѣ, что я и мисс Токс собираемся домой, онъ только махнулъ рукой; а потомъ, на мой вопросъ: не будетъ ли съ его стороны препятствій къ твоему выѣзду? онъ отвѣчалъ: "Нѣтъ, Луиза, дѣлай, что хочешь".

Флоренса подняла на нее заплаканные глаза.

– Впрочемъ, ты можешь, если угодно, и не ѣхать къ Скеттльзамъ. Оставайся, пожалуй, дома или поѣзжай со мной.

– Я хотѣла бы, тетенька, остаться дома.

– Какъ тебѣ угодно. Я, впрочемъ, заранѣе знала, что ты сдѣлаешь странный выборъ. Ты всегда была очень странна, даже дика, смѣю сказать. Всякая другая на твоёмъ мѣстѣ послѣ того, что случилось – милая Лукреція я опять затеряла платокъ – поставила бы за особенную честь воспользоваться такимъ пріятнымъ приглашеніемъ.

– Я бы не хотѣла думать, – отвѣчала Флоренса, – что мнѣ надобно чуждаться нашего дома. Не хотѣла бы, милая тетенька, воображать, что его... его верхнія комнаты должны теперь оставаться пустыми и печальными. Позвольте мнѣ никуда не выѣзжать. О, братецъ, милый братецъ!

Это было естественное непобѣдимое волненіе, и оно пробивалось даже между пальцами, которыми бѣдная сиротка закрывала свое лицо.

– Что-жъ такое, дитя мое? – сказала м-сь Чиккъ послѣ короткой паузы. – Я ни въ какомъ случаѣ не намѣрена тебѣ дѣлать непріятностей: ты сама это знаешь. Хочешь остаться дома, – и оставайся съ Богомъ. Можешь дѣлать, что тебѣ угодно. Никто не принуждаетъ тебя, Флоренса, да никто и не захочетъ принуждать: кому какое дѣло?

Флоренса печально кивнула головой.

– Я принялась было совѣтовать твоему бѣдному папа, – продолжала м-сь Чиккъ, – развлечь себя прогулкой и перемѣною мѣстности, а онъ отвѣчалъ, что въ непродолжительномъ времени намѣренъ сдѣлать загородное путешествіе. Надѣюсь, онъ скоро отправится, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Быть можетъ, вечеръ или два онъ займется еще бумагами и другими дѣлами, соединенными – ахъ, Боже мой! куда это все дѣвается мой платокъ? Лукреція, подайте пожалуйста свой. – Отецъ твой, дитя мое, Домби, – краса и честь фамиліи. За него бояться нечего. Онъ сдѣлаетъ усиліе, – заключила м-сь Чиккъ, осушая съ большимъ стараніемъ заплаканные глаза противоположными углами платка своей пріятельницы.

– А мнѣ, тетенька, – робко спросила Флоренса, – ничего нельзя для него...

– Какая ты странная, душа моя! – послѣшно перебила м-сь Чиккъ. – Что это ты забрала себѣ въ голову? Если твой папа мнѣ, – слышишь ли? – мнѣ сказалъ: "Луиза, оставь меня одного; мнѣ ничего не нужно!" – что послѣ этого, думаешь ты, сказалъ бы онъ тебѣ? Ты не должна ему показываться и на глаза, дитя мое. И не мечтай объ этомъ.

– Тетенька, – сказала Флоренса, – позвольте проститься съ вами: я пойду спать.

М-сь Чиккъ одобрила это намѣреніе и поцѣловала племянницу. Но миссъ Токсъ, подъ маловажнымъ предлогомъ поискать наверху затерянный платокъ, отправилась вслѣдъ за Флоренсой и старалась ее утѣшить, къ великому неудовольствію Сусанны Нипперъ, для которой миссъ Токсъ была хуже всякаго крокодила. Впрочемъ, на этотъ разъ ея участіе, кажется, было искреннее: какихъ выгодъ могла она ожидать отъ состраданія къ отверженному ребенку?

И неужели, кромѣ Сусанны Нипперъ, некому было облегчить тоску растерзаннаго сердца? кромѣ Выжиги никто не простиралъ къ ней объятій? никто не обращалъ къ ней своего лица? никто не говорилъ ей утѣшительнаго слова? никто, никто, никто! Флоренса была одна въ пустынномъ мірѣ, и ни одно сердце не раздѣляло ея страданій. Безъ брата и безъ матери, круглая сирота была теперь, въ полномъ смыслѣ, брошена на произволь судьбы, и только одна Сусанна сочувствовала ея горю. О, какъ она нуждалась въ этомъ сочувствіи!

Когда гости разъѣхались по домамъ, и въ мрачномъ жилищѣ м-ра Домби возстановился привычный порядокъ, слуги принялись за свои дѣла, а м-ръ Домби безвыходно заперся въ кабинетъ. Флоренса въ первые дни плакала отъ утра до ночи, бродила вверху и внизу, а иногда, въ припадкѣ отчаянной тоски, убѣгала въ свою комнату, ломала руки, бросалась на постель и не знала никакого утѣшенія. Каждый предметъ пробуждалъ въ ней горестныя воспоминанія, и несчастная терпѣла невыносимую пытку въ этой юдоли плача и скорби.

Но чистая любовь не можетъ горѣть разрушительнымъ пожаромъ въ невинномъ сердцѣ. Только такое пламя, которое въ своемъ глубочайшемъ составѣ отзывается смраднымъ запахомъ земли, пожираетъ болѣзненную грудь, между тѣмъ, какъ священный огонь неба, огонь безкорыстной любви и самоотверженія, не производитъ разрушительнаго дѣйствія на человеческое сердце. Вскорѣ душевный миръ и безмятежное спокойствіе озарили кроткое лицо этого ангела, и Флоренса, хотя все еще плакала, но самая грусть уже сдѣлалась для нея источникомъ наслажденія.

Прошло немного времени, и взоръ ея, свѣтлый и спокойный, обращался опять къ золотымъ волнамъ, струившимся на стѣнѣ на прежнемъ мѣстѣ и въ прежніе часы яснаго вечера. Прошло немного времени, и опять сидѣла она одна въ роковой комнатѣ, кроткая и страждущая, какъ будто блѣдный страдалецъ все еще томился на своей маленькой постели. И какъ скоро лютая скорбь врывалась въ ея сердце, она становилась на колѣни, и уста ея пламенѣли молитвой, и духъ ея возносился высоко надъ тревоженіями всендневной жизни.

Прошло немного времени, и нѣжный голосокъ ея снова раздавался по сумеркамъ въ этомъ мрачномъ, уныломъ и пустомъ жилищѣ, и снова напѣвала она арію, къ которой такъ часто прислушивался ея братъ, опустивъ головку на ея колѣни. И когда потухали послѣдніе лучи солнца, въ ея комнатѣ дрожали и переливались музыкальные звуки, и казалось, будто братъ опять спрашиваетъ ее пѣть, какъ въ тотъ первый и послѣдній праздникъ своей жизни, въ ту роковую ночь, когда изсякъ источникъ его жизни. И часто эти печальныя воспоминанія трепетали на клавишахъ инструмента, и дрожащій голосъ ея замиралъ, наконецъ, въ потокѣ горькихъ слезъ!

Прошло немного времени, и у ней достало духу съ нѣкоторой любовью приняться за работу, по которой нѣкогда скользили ея пальцы на морскомъ берегу подлѣ маленькой колясочки, откуда единственный другъ ея души безмолвно и по цѣлымъ часамъ любовался на безбрежное море. И долго сидѣла она у окна въ заброшенной, пустынной комнатѣ, подлѣ портрета своей матери, и далеко уносились ея мысли!

Но зачѣмъ темные глаза ея такъ часто обращались отъ работы къ той сторонѣ, гдѣ жили розовыя дѣти? Маленькая группа не могла имѣть прямого отношенія къ предмету ея размышленій: все это были дѣвочки, – четыре маленькія сестрицы. Но и у нихъ, какъ у нея, не было матери; и у нихъ, какъ у нея, былъ отецъ.

Немудрено было узнать, когда отецъ уходилъ и когда снова ожидали его домой. Передъ этимъ временемъ старшая дѣвочка, совсѣмъ одѣтая, ходила взадъ и впередъ по гостиной или выбѣгала на балконъ, и какъ скоро отецъ появлялся въ туманной дали, тревожное лицо ея озарялось радостнымъ чувствомъ, между тѣмъ какъ другія дѣвочки, стоявшія для той же цѣли на высокихъ окнахъ, хлопали руками, барабанили по стекламъ и громко кричали ему навстрѣчу. Потомъ старшая сестра выбѣгала въ корридоръ, и Флоренса видѣла, какъ она тащила отца за руку, и какъ отецъ сажалъ ее на колѣни, цѣловалъ, гладилъ по головкѣ, между тѣмъ какъ дочь крѣпко обвивалась руками вокругъ его шеи. Всегда они были веселы, но случалось, отецъ устремлялъ на нее задумчивый взоръ, какъ будто видѣлъ на нѣжномъ лицѣ дочери отраженіе ея покойной матери. Иногда Флоренса не выдерживала этой сцены и, заливаясь горькими слезами, отходила отъ окна, какъ будто боялась разстроить своимъ присутствіемъ чужую радость; но едва проходилъ этотъ первый взрывъ невольной грусти, она опять приближалась къ окну, и работа ея сама собою вываливалась изъ рукъ.

Это былъ домъ, стоявшій за нѣсколько лѣтъ пустымъ и нанятый новыми жильцами, которые тутъ поселились, когда Флоренса проживала въ Брайтонѣ. Его отдѣлали, выкрасили, обставили цвѣтами, птичьими клѣтками, и зданіе помолодѣло, похорошѣло, оживилось. Но Флоренса не обращала вниманія на домъ: дѣти и отецъ были для нея все.

Когда отецъ оканчивалъ обѣдъ, дѣти разбѣгались съ своей гувернанткой по обширной залѣ, и веселые голоса ихъ, сопровождаемые беззаботнымъ смѣхомъ, пронеслись черезъ улицу въ печальную атмосферу пустынной комнаты, гдѣ сидѣла за своей работой безпріютная сирота. Потомъ они взбирались съ отцомъ наверхъ, возились около него на софѣ, карабкались на его колѣни, и онъ, окруженный цвѣтущими личиками, какъ прекраснымъ букетомъ, рассказывалъ, имъ забавныя исторіи. Иной разъ вся эта группа выбѣгала на балконъ, и тогда Флоренса поспѣшно скрывалась въ углубленіе комнаты, чтобы не испугать малютокъ своимъ траурнымъ платьемъ.

Старшая дочь, оставаясь съ отцомъ, когда другія убѣгали, разливала для него чай – счастливая маленькая хозяйка! – разговаривала съ нимъ у окна или за столомъ до тѣхъ поръ, пока подавали свѣчи. Онъ обращался съ ней, какъ съ другомъ, она, съ большою важностью, какъ взрослая женщина, сидѣла за шитьемъ или за маленькой книгой. А она была гораздо моложе Флоренсы! Какъ скоро подавали огонь, Флоренса уже не боялась наблюдать всю эту группу изъ своей темной комнаты: "Прощай, папа, прощай! спокойной ночи, папа!" Флоренса горько начинала рыдать и уже не смотрѣла болѣе.

Однако-жь она опять оглядывалась на счастливый домъ, когда сама отправлялась въ постель, напѣвая одну изъ тѣхъ арій, которая, бывало, убаюкивала ея друга. Но что она всегда думала объ этомъ домѣ или наблюдала его, это была тайна, никогда и ни по какому случаю не выходящая изъ ея сердца.

И неужели въ этомъ юномъ сердцѣ, столь достойномъ любви, оживлявшей страдальческую душу ея друга, хранилась еще тайна? Да, хранилась, – только Богу одному извѣстна была эта другая тайна.

Какъ скоро обыденный шумъ смолкалъ, Флоренса тихонько выходила изъ своей спальни, украдкой спускалась съ лѣстничныхъ ступеней и приближалась къ дверямъ отцовскаго кабинета. Здѣсь, на холодномъ каменномъ полу, каждую ночь стояла она по цѣлымъ часамъ, едва дыша, не смѣя пошевелить губъ. Любви, и только одной любви жаждало ея сердце. Склонивъ головку къ замочной скважинѣ, она старалась прислушаться къ дыханію этого человѣка, котораго называли ея отцомъ. Съ какимъ самоотверженіемъ, съ какою безпредѣльною преданностью она бросилась бы къ ногамъ этого бездушнаго эгоиста, если бы она смѣла, если бы онъ позволилъ ей выразить свои чувства, если бы принялъ отъ нея слово утѣшенія, отъ нея, безпріютной сироты, чуждой и лишней въ этомъ мірѣ! Не зналъ и не справлялся м-ръ Домби, какъ живетъ и что дѣлаетъ его дочь.

Въ цѣломъ домѣ никто не подозрѣвалъ тайныхъ страданій отверженнаго дитяти. Кабинетная дверь всегда была заперта, и м-ръ Домби сидѣлъ неподвижно, какъ узникъ, прикованный къ своему столу. Два или три раза выходилъ онъ со двора, и въ домѣ поговаривали, что скоро онъ намѣренъ отправиться за городъ; но покамѣстъ онъ одинъ жилъ въ этихъ комнатахъ, не видать дочери и не спрашивалъ о ней. Быть можетъ, даже онъ забылъ, что она живетъ подъ одной съ нимъ кровлей.

Однажды, недѣлю спустя послѣ похоронъ, Флоренса сидѣла за своей работой, какъ вдругъ вбѣжала къ ней Сусанна и, задыхаясь отъ громкаго хохота, проговорила:

– Гость къ вамъ пришелъ, миссъ Флой, гость!

– Гость? ко мнѣ, Сусанна? – съ величайшимъ изумленіемъ воскликнула Флоренса.

– Да, къ вамъ. Что-жь за диковина? Я бы готова нагнать къ вамъ цѣлую стаю гостей, право, авось бы повеселѣли. Мое мнѣніе, миссъ Флой, чѣмъ скорѣе мы поѣдемъ къ этимъ старымъ Скеттльзамъ, тѣмъ лучше для насъ обѣихъ, то есть, оно не то чтобы я любила жить среди суматохи, но – вѣдь я же и не устрица, миссъ Флой.

Должно отдать справедливость: миссъ Нипперъ, говоря это, заботилась больше о своей молодой госпожѣ, чѣмъ о самой себѣ.

– Какой же гость, Сусанна? – спросила Флоренса.

Выжига въ одно и то же время разразилась истерическимъ смѣхомъ и горькимъ плачемъ и едва могла проговорить:

– М-ръ Тутсъ.

Улыбка, появившаяся на лицѣ Флоренсы, исчезла мгновенно, и глаза ея наполнились слезами. Но все же это была улыбка, и миссъ Нипперъ радовалась произведенному впечатлѣнію.

– Ни дать ни взять, какъ я, – промолвила Сусанна, качая головой и утирая передникомъ заплаканные глаза. – Когда этотъ блаженный вошелъ въ залу, я покатила сперва со смѣху, а потомъ чуть не задохлась.

Сусанна опять и опять невольно повторила этотъ трагикомическій маневръ. Между тѣмъ невинный м-ръ Тутсъ, не подозрѣвавшій произведеннаго впечатлѣнія, взобрался на лѣстницу и, доложивъ о себѣ самъ щиколками руки о дверной замокъ, поспѣшно вошелъ въ комнату.

– Здравствуйте, миссъ Домби, здравствуйте! – сказалъ м-ръ Тутсъ. – Какъ ваше здоровье? Я здоровъ, слава Богу, покорно благодарю, а какъ ваше здоровье?

М-ръ Тутсъ, предобрѣйшее созданіе подъ солнцемъ, заранѣе не безъ нѣкотораго труда сочинилъ эту р_а_ц_е_ю, чтобы разомъ успокоить Флоренсу и себя самого. Но лишь только

раца сорвалася съ языка, онъ нашель, что поступиль слишкомъ опрометчиво и словно очутился въ положеніи мота, который вдругъ прокутиль свое богатство. Запасъ краснорѣчія истощился прежде, чѣмъ онъ успѣль взять стуль, а Флоренса еще ничего не сказала. Чтобы выпутаться изъ бѣды, м-ръ Тутсъ разсудиль вторично произнести свою рѣчь:

– Здравствуйте, миссъ Домби, здравствуйте! Какъ ваше здоровье, миссъ Домби? Я здоровъ, слава Богу, покорно благодарю, а какъ ваше здоровье?

Флоренса подала ему руку и сказала, что она здорова.

– А я совершенно здоровъ, – сказалъ м-ръ Тутсъ, усаживаясь на стуль. – Ей Богу, миссъ Домби, совершенно здоровъ. То есть, я вамъ скажу, – продолжалъ м-ръ Тутсъ, подумавъ немного, – я даже не помню, чтобы былъ когда здоровѣе. Покорно благодарю васъ, миссъ Домби.

– Это очень любезно съ вашей стороны, что вы навѣстили меня, – сказала Флоренса, принимаясь за работу. – Мнѣ пріятно васъ видѣть.

М-ръ Тутсъ сдѣлалъ веселую гримасу; но находя, что радоваться нечему, испустиль глубокой вздохъ, а разсудивъ, что печалиться не слѣдовало, сдѣлалъ опять веселую гримасу. Но недовольный ни однимъ изъ этихъ отвѣтовъ, онъ съ большимъ трудомъ началъ переводить духъ.

– Вы были очень добры къ моему брату, – сказала Флоренса, повинуюсь естественному побужденію вывести изъ затрудненія. – Онъ мнѣ часто говорилъ о васъ.

– О, это ничего не значить, – подхватилъ м-ръ Тутсъ, – а тепло теперь: неправда ли?

– Прекрасная погода, – отвѣчала Флоренса.

– Лучше и не надо, – сказалъ м-ръ Тутсъ. – Рѣшительно не запомню, чтобы я когда чувствовалъ себя лучше нынѣшняго. Покорно васъ благодарю, миссъ Домби.

И послѣ этой неожиданной новости, м-ръ Тутсъ опустиль въ глубокой кладезь молчанія.

– Вы, кажется, ужъ оставили пансіонъ д-ра Блимбера? – спросила Флоренса, пробуя вытащить его оттуда.

– Какъ же, совсѣмъ оставиль, – отвѣчалъ м-ръ Тутсъ, и снова погрузилъ въ тотъ же кладезь.

На этотъ разъ онъ попалъ на самое дно и барахтался минутъ десять. По истеченіи этого времени, вдругъ онъ сказалъ:

– Счастливо оставаться, миссъ Домби. Прощайте!

– Какъ? вы ужъ уходите? – спросила Флоренса, вставая со стула.

– А не знаю, право. Нѣтъ, еще не сейчасъ, – сказалъ м-ръ Тутсъ, усаживаясь опять на свое мѣсто совершенно свѣрхъ всякаго ожиданія. – Я бы хотѣль, или, то есть, я бы желалъ – ну, да вѣдь это все равно, миссъ Домби?

– Конечно, все равно. Говорите со мной смѣлѣе, м-ръ Тутсъ, – сказала Флоренса съ кроткой улыбкой. – Мнѣ очень пріятно слышать отъ васъ о моемъ братѣ.

– Я бы хотѣль, – началъ опять м-ръ Тутсъ, и лицо его, обыкновенно безжизненное, вдругъ осмыслилось выраженіемъ живѣйшей симпатіи. – Бѣдный Домби! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ, чтобы Борджесъ и компанія – славные портные, миссъ Домби, только очень дороги, мы съ вашимъ братцемъ часто о нихъ говорили, а какъ было знать, что придется имъ заказывать это платье! – М-ръ Тутсъ былъ въ траурѣ. – Бѣдный Домби! что же вы скажете, миссъ Домби? – заключилъ Тутсъ, съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ.

– Что вамъ угодно? – сказала Флоренса.

– Онъ сдружилъ подъ конецъ съ однимъ пріятелемъ, и мнѣ пришло въ голову, вамъ авось пріятно было бы удержать его при себѣ... на память. Помните вы, миссъ Домби, какъ онъ упрашивалъ д-ра Блимбера о Діогенѣ?

– О да, да! – вскричала Флоренса.

– Бѣдный Домби! Такъ вотъ поэтому, я...

При взглядѣ на плачущую Флоренсу, м-ръ Тутсъ совсѣмъ растерялся и готовъ былъ снова погрузиться въ кладезь молчанія, но улыбка спасла его на краю пропасти.

– Такъ вотъ же какія дѣла, миссъ Домби! Я ужъ собирался украсть его за десять шиллинговъ, и укралъ бы, непременно бы укралъ, у меня ужъ и былъ на примѣтъ такой воръ, который за десять шиллинговъ не побоится стянуть самого чорта. Да только Блимберы, кажется, рады были отъ него отвязаться. Если вамъ угодно его имѣть, онъ дожидается у воротъ. Я привелъ его нарочно для васъ. Онъ, правду сказать, вовсе не дамская собака; но вѣдь вы на это не посмотрите, миссъ Домби? Не такъ ли?

М-ръ Тутсъ и миссъ Домби выглянули на улицу. Дѣйствительно, Діогенъ въ эту минуту дожидался у воротъ, глазѣя на незнакомые предметы изъ окна извозчичьей кареты, куда заманили его не безъ нѣкотораго усилія, подъ благовиднымъ предлогомъ ловить мышей подъ соломою. Это былъ самый невзрачный песъ изъ всей породы собачьяго царства и съ перваго разу рекомендовалъ себя очень дурно. Онъ выбивался изъ силъ, чтобы вырваться изъ плѣна, лаялъ на окно, падалъ на солому и опять, подымаясь на заднія лапы, высовывалъ длинный языкъ, какъ будто онъ былъ въ лазаретѣ, и докторъ освѣдомлялся о его здоровьѣ.

Но хотя Діогенъ былъ очень смѣшенъ, косматъ, шаршавъ, съ головою, похожею на ядро, съ комическимъ носомъ, съ всклокоченною шерстью надъ глазами, съ хриплымъ голосомъ и гадкимъ хвостомъ, и хотя онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ даже очень глупъ, потому что лаялъ безъ всякой цѣли на какого-то фантастическаго непріятеля; однако-жъ, при всемъ томъ, невзрачный песъ былъ для Флоренсы, вслѣдствіе прощальнаго воспоминанія, очень дорогъ, такъ дорогъ, что она, въ избыткѣ чувствительности, схватила и поцѣловала руку м-ра Тутса и поблагодарила его отъ всего сердца. Освобожденный, послѣ большихъ хлопотъ, изъ своей томительной засады, Діогенъ бойко взбѣжалъ на лѣстницу, юркнулъ въ комнату и началъ нырять подъ мебелью, обвиняясь длинною желѣзною цѣпью вокругъ ножекъ стульевъ и столовъ до той поры, пока не запутался совершенно и остался безъ движенія. Тутъ онъ страшно выпучилъ глаза и залаялъ на м-ра Тутса, вздумавшаго съ нимъ обращаться по-пріятельски, и еще страшнѣе захамкалъ на Таулисона, получивъ вѣроятно правильное убѣжденіе, что это былъ тотъ самый непріятель, на котораго онъ лаялъ изъ-за угла всю жизнь и котораго теперь только увидѣлъ въ первый разъ. Флоренса чрезвычайно забавлялась всѣми этими продѣлками, и храбрый песъ заслужилъ ея полную благосклонность.

М-ръ Тутсъ былъ такъ обрадованъ успѣхомъ своего подарка, и такъ пріятно было ему видѣть, что Флоренса ласкала Діогена и разглаживала ему спину своею маленькой ручкой – Діогенъ граціозно позволилъ эту фамильярность съ перваго разу – что онъ чувствовалъ явное затрудненіе при мысли о прощаніи, и нѣтъ сомнѣнія, онъ пробылъ бы въ гостепрійной комнатѣ гораздо долѣе, если бы Діогену не пришла счастливая идея броситься съ открытой пастью ему на шею и заставить его защищаться. Не совсѣмъ довольный такими нѣжностями коварнаго звѣря и соболѣзнуя о своихъ панталонахъ, сооруженныхъ неподражаемымъ искусствомъ гг. Боджесъ и компаніи, м-ръ Тутсъ, дѣлая веселую гримасу, ускользнулъ изъ комнаты, но тутъ же воротился опять и снова былъ встрѣченъ свѣжими привѣтствіями Діогеновой морды. Наконецъ, онъ распростился, какъ слѣдуетъ, и благополучно отправился въ обратный путь.

– Поди сюда, Діогенъ, поди, мой милый! Познакомься съ твоей новой хозяйкой. Мы станемъ любить другъ друга, – неправда ли, Діогенъ? – говорила Флоренса, лаская его шаршавую голову.

И Діогенъ, суровый и косматый, какъ будто его волосатая шкура была пропитана слезами, и собачье сердце растаяло отъ умиленія, уставилъ свои носъ на ея лицо.

Діогенъ-философъ не яснѣе разговаривалъ съ Александромъ Македонскимъ, чѣмъ Діогенъ-собака съ Флоренсой. Немедленно изготовили для него великолѣпный пиръ въ углу комнаты, и онъ принялся угощать себя съ величайшимъ аппетитомъ. Накушавшись и напившись досыта, онъ подошелъ къ окну, гдѣ сидѣла Флоренса, взглянулъ на свою хозяйку умилыми

глазами, всталъ на заднія ноги, положилъ неуклюжія лапы на ея плечи, облизалъ ея руки и лицо, пріютилъ свою огромную голову къ ея сердцу и завилалъ хвостомъ прелюбезнѣйшимъ образомъ. Наконецъ, онъ свернулся въ клубокъ у ея ногъ и погрузился въ сладкій сонъ.

Хотя миссъ Нипперъ не совсѣмъ благосклонно смотрѣла на собачьи нѣжности и входила въ комнату не иначе, какъ подобравъ подола своихъ юбокъ, какъ будто собиралась переходить въ бродъ черезъ рѣчку съ каменистымъ дномъ, и хотя она вспрыгивала на стулья всякій разъ, какъ Діогенъ вытягивалъ свою длинную морду, при всемъ томъ Сусанна была, по своему, очень тронута любезностью м-ра Тутса и при взглядѣ на Флоренсу, обрадованную обществомъ неуклюжаго пріятеля маленькаго Павла, дѣлала въ своемъ умѣ глубокомысленныя соображенія, которыя навели слезы на ея глаза. М-ръ Домби, по сцѣпленію понятій, занялъ въ ея головѣ ближайшее мѣсто подлѣ собаки. Цѣлый день просидѣла, она не говоря почти ни слова, безмолвно наблюдая безобразнаго пса и любуясь на свою госпожу. Наконецъ, приготовивъ для Діогена постель въ передней подлѣ спальни, она передъ прощаньемъ обратилась къ Флоренсѣ и торопливо заговорила:

– Завтра поутру, миссъ Флой, папа уѣзжаетъ.

– Завтра поутру, Сусанна?

– Да, ранехонько. Ужъ отданъ приказъ.

– Вы не знаете, Сусанна, куда онъ ѣдетъ? – спросила Флоренса, опустивъ глаза въ землю.

– Не совсѣмъ. Сперва, говорятъ, онъ хочетъ заѣхать къ этому пучеглазому майору, а ужъ я скажу вамъ, миссъ Флой, если бы мнѣ пришлось познакомиться съ какимъ-нибудь майоромъ – чего Боже избави! – то ужъ онъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, не синій.

– Молчите, Сусанна, – возразила Флоренса съ кроткимъ упрекомъ.

– Вотъ еще, стану молчать! – забормотала миссъ Нипперъ, исполненная самага пылкаго негодованія. – Мнѣ онъ, чортъ съ нимъ, синій, какъ хочетъ, а я смиренная христіанка, и терпѣть не могу другихъ цвѣтовъ, кромѣ природныхъ.

Изъ того, что она провѣдала на кухнѣ, оказалось, что м-съ Чиккъ предложила м-ру Домби выбрать въ товарищи майора, и что м-ръ Домби, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился на предложеніе.

– Славный пріятель, нечего сказать! – замѣтила миссъ Нипперъ съ безграничнымъ презрѣніемъ. – По мнѣ, коль выбирать, такъ выбирай бывалаго, а не всякаго встрѣчнаго да поперечнаго. Вотъ тебѣ и замѣнь маленькаго Павла!

– Прощайте, Сусанна! – сказала Флоренса.

– Прощайте, моя милая, безцѣнная миссъ Флой! спокойной ночи.

Тонъ соболѣзнованія, съ какимъ Сусанна произнесла послѣднія слова, задѣлъ за самую чувствительную струну бѣдной дѣвушки. Оставшись одна, Флоренса опустила голову, прижала руку къ трепещущему сердцу и свободно предалась печальному размышленію о своей горемычной судьбѣ.

Была сырая ночь. Мелкій дождь печально дребезжалъ въ заплаканныя окна. Зловѣщій вѣтеръ пронзительно дулъ и стоналъ вокругъ всего дома, какъ будто лютая тоска обуяла его. Дрожація листья на чахлахъ деревьяхъ издавали пискливый шумъ. Флоренса сидѣла одна въ своей траурной спальнѣ и заливалась слезами. На часахъ колокольной башни прогудѣла полночь.

Флоренса была уже почти не ребенокъ. Мракъ и таинственное уединеніе въ этотъ часъ и въ этомъ мѣстѣ, гдѣ смерть такъ недавно произвела свое страшное опустошеніе, могли бы поразить ужасомъ фантазію дѣвушки, которой уже было около четырнадцати лѣтъ. Но ея невинное воображеніе было слишкомъ переполнено одною мыслью и не допускало постороннихъ картинъ. Любовь пылала въ ея сердцѣ, любовь непризнанная, отверженная, но всегда обращенная на одинъ и тотъ же предметъ.

Тоскливое падение дождевых капель, стон и завывание ветра, болзненная дрожь чахоточных деревьев, торжественный бой часового колокола, – все это отнюдь не ослабляло заветной мысли и не уменьшало ее интереса. Воспоминания о покойном брате, всегда присутствия ее души, слились с этою же мыслью и еще больше усилили ее. И быть отчужденной, быть потерянной для отеческого сердца! никогда не прикоснуться к этому человеку, не взглянуть на его лицо! Ох! бедное, бедное дитя!

И с того рокового дня она не смыкала очей и не ложилась в постель, не совершив внаперед ночного путешествия к его дверям. Это была бы поразительно страшная и вместе трогательная сцена, если бы кто увидел, как она теперь, среди непроницаемого мрака, украдкой спускалась с лестничных ступеней, останавливаясь поминутно с трепещущим сердцем, с опухшими глазами, с распущенными волосами, которые густыми прядями развевались по ее плечам и по бледным щекам, орошенным свежими слезами. Но никто не видал этого явления, скрытого полуночным мраком.

Спустившись в эту ночь с лестничных ступеней, Флоренса увидела, что дверь в кабинет отца была отворена, – не больше как на ширину волоса, но все же отворена, и это было в первый раз. В углублении мерцала лампа, бросавшая тусклый свет на окружающие предметы. Первым побуждением робкой девушки было удалиться назад, и она уступила этому побуждению. Ее вторая мысль – воротиться и войти в кабинет. Не зная, на что решиться, она несколько минут простояла неподвижно на лестничной ступени.

Наконец, второе побуждение одержало верх над ее колебанием. Луч света, пробивавшийся через отверстие и падавший тонкою нитью на мраморный пол, светил для нее лучем небесной надежды. Она воротилась, и почти сама не зная, что делает, но инстинктивно побуждаемая одним и тем же чувством, ухватилась дрожащими руками за половинки приотворенной двери и... вошла.

Ее отец сидел за столом в углублении кабинета. Он приводил в порядок бумаги и рвал ненужные листы, упавшие мелкими клочьями к его ногам. Дождевые капли барабанили в огромные стекла передней комнаты, где так часто он наблюдал бедного Павла, еще младенца. Пронзительный ветер завывал вокруг всего дома.

Но ничего не слышал м-р Домби. Он сидел, погруженный в думу, с глазами, неподвижно устремленными на стол, и глубока была его дума, так глубока, что едва ли бы могла пробудить его походка более тяжелая, чем легкая поступь робкой девушки. Однако-же лицо его обратилось на нее, суровое, постное, мрачное лицо, которому догорающая лампа сообщала какой-то дикой отпечаток. Угрюмый взгляд его принял вопросительное выражение.

– Папа! папа! – поговори со мной, милый папа!

При этом голос он вздрогнул и быстро вскочил со стула. Флоренса остановилась подлѣ него с распростертыми руками, но он отступил назад.

– Чего тебе надобно? – сказал он суровым тоном, – зачем ты пришла сюда? что тебя напугало?

Если что ее напугало, так это было лицо, обращенное на нее. Любовь, пылающая в груди его молодой дочери, леденела перед этим взглядом: она стояла и смотрела на него, как мраморный истукан.

И не видно было на этом лице ни малейших следов нежности или сострадания, не искрилось на нем проблеска отеческой любви, участия или чего-нибудь похожего на раскаяние! Но была однако-же какая-то перемена на этом лице. Прежнее равнодушие и холодное принуждение уступили чему-то месту; но чему именно, – Флоренса и догадывалась и не смела догадываться. Но она видела, или, точнее, чувствовала эту перемену без слов и без имени, и физиономия отца бросала тень на ее чело.

Как? Неужели он видел в ней свою счастливую соперницу в любви сына, и досадовал, что она жива и здорова! Неужели дикая ревность и чудовищная гордость отравили

сладкія воспоминанія, при которыхъ бѣдное дитя могло бы сдѣлаться дороже и милѣе для его сердца! Возможно ли, чтобы мысль о сынѣ придавала горечь его взгляду, обращенному на единственную дочь, цвѣтущую красотой, полную счастливыхъ надеждъ въ начинающейся веснѣ своей жизни?

Флоренса не задавала себѣ такихъ вопросовъ, но любовь безнадежная и отвергнутая имѣетъ зоркіе глаза, а надежда замерла въ ея сердцѣ, когда она устремила неподвижный взоръ на лицо отца.

. – Я спрашиваю, Флоренса, чего ты испугалась? Что тебя заставило сюда придти?

– Я пришла, папа...

– Противъ моей воли. Зачѣмъ?

Флоренса видѣла – онъ зналъ зачѣмъ. Яркими буквами пламенѣла его мысль на дикомъ и угрюмомъ челѣ. Жгучею стрѣлой впилась она въ отверженную грудь, и... вырвала изъ нея болѣзненный, протяжный, постепенно-замиравшій крикъ страшнаго отчаянія!

Да, припомнить это м-ръ Домби въ грядущіе годы! Крикъ его дочери исчезъ и замеръ въ воздухѣ, но не исчезнетъ онъ и не замретъ въ тайникѣ его души. Да, припомнить это м-ръ Домби въ грядущіе годы!

Онъ взялъ ее за руку холодно и небрежно, едва дотрогиваясь до ея пальцевъ. Потомъ съ зажженной свѣчей въ другой рукѣ онъ повелъ ее къ дверямъ.

– Ты устала, – сказалъ онъ, – тебѣ нуженъ покой. Всѣмъ намъ нуженъ покой, Флоренса. Ступай. Тебѣ, видно, пригрезилось.

Да, пригрезилось. Но теперь эти грѣзы прошли, и она чувствовала, что онъ никогда болѣе не возвратятся.

– Я посвѣчу тебѣ здѣсь на лѣстницѣ. Весь домъ наверху теперь твой, – сказалъ отецъ тихимъ голосомъ, – ты теперь полная хозяйка, Доброй ночи.

Закрывъ лицо руками, она зарыдала и едва могла проговорить:

– Доброй ночи, милый папа!

Взбираясь по лѣстницѣ, она еще разъ оглянулась назадъ, какъ будто хотѣла воротиться, какъ будто надѣялась, что отецъ позоветъ ее. Но это была мгновенная и совсѣмъ безотрадная надежда. Отецъ продолжалъ стоять внизу, безъ движенія и безъ словъ, до тѣхъ поръ, пока не скрылась въ темнотѣ его дочь и не затихъ шорохъ ея платья.

Да, припомнить это м-ръ Домби въ грядущіе годы! Проливной дождь крупными каплями падалъ на кровлю, вѣтеръ дико завывалъ вокругъ пустыннаго дома, – дурные признаки! Да, припомнить это м-ръ Домби въ грядущіе годы!

Послѣдній разъ какъ онъ наблюдалъ ее съ этого же мѣста, она взбиралась на лѣстничныя ступени съ его сыномъ на рукахъ. Это воспоминаніе не растрогало его души, не расшевелило его сердца. Онъ вошелъ въ комнату, заперъ дверь, сѣлъ на кресло и заплакалъ о своемъ сынѣ... но дочь для него не существовала.

Вмѣсто того чтобы спать, Діогенъ стоялъ на караулѣ у своего поста и съ тревожнымъ нетерпѣніемъ дожидался отсутствующей хозяйки.

– О, Діогенъ, милый Діогенъ! полюби меня ради его.

Но Діогенъ уже любилъ ее всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣми собачьими способностями не ради чего другого прочаго, а ради собственной особы, и спѣшилъ, какъ могъ, выразить свои вѣрноподданническія чувства. Онъ началъ прыгать и кривляться на всѣ возможныя манеры и въ заключеніе, поднявшись на заднія ноги, зацарапалъ дюжими когтями половинки дверей, между тѣмъ какъ хозяйка его уже спала и видѣла во снѣ группу розовыхъ дѣтей, ласкаемыхъ отцомъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ, Діогенъ отъ досады скомкалъ свою постель въ подушку и разлегся вверхъ ногами на голыхъ доскахъ во всю длину своей привязи. Въ этомъ положеніи онъ направилъ глаза на дверь спальни и замигалъ самымъ неистовымъ образомъ.

Послѣ этой продѣлки онъ заснулъ, и во снѣ ему пригрезился его непримиримый врагъ, который, какъ слѣдуетъ, былъ встрѣченъ громкимъ и храбрымъ лаемъ.

Часть вторая

Глава XIX

Вальтеръ уѣзжаетъ

Деревянный мичманъ, сторожившій входъ въ магазинъ мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ, отвердѣлый, жестокосердый мичманъ, смотрѣлъ съ величайшимъ хладнокровіемъ на отѣздъ Вальтера даже въ тотъ роковой вечеръ, когда въ послѣдній разъ его присутствіе оживляло тихую бесѣду въ маленькой гостиной. Погруженный въ ученые разысканія, съ квадрантомъ вокругъ чернаго сучковатаго глаза, онъ гордо выставлялъ на показъ свои чертовски щеголеватые штаны и, по-видимому, не обращалъ никакого вниманія на суеты и тревоженія житейскаго моря, поднимаемаго бурей напастей. Обстоятельства, самовластно управляющія судьбою смертныхъ, имѣли надъ нимъ очень ограниченную власть. Сухой день покрывалъ его пылью, туманный – ваксиль сажей, мокрый – наводилъ яркій лоскъ на его мундиръ, а самый жаркій день вздувалъ свѣжіе пузыри на его безчувственномъ тѣлѣ. И больше ничего. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ жестоковыйный, одебелѣлый, горделивый мичманъ, занятый исключительно астрономическими наблюденіями, такъ же мало вникавшій въ земныя тревоги, какъ Архимедъ при взятіи Сиракузь.

Такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ казался при тогдашнемъ положеніи семейныхъ дѣлъ. Вальтеръ нѣжно поглядывалъ на него, проходя мимо, а бѣдный дядя Соль, когда племянника не было дома, выходилъ на крыльцо, облакачивался на косякъ и плотно прикладывался своимъ изношеннымъ парикомъ къ ногамъ этого генія-хранителя его магазина. Но ни одинъ надменный идолъ съ огромными устами отъ уха до уха и убійственнымъ ликомъ изъ перьевъ попугая не былъ столь хладнокровенъ къ молитвамъ своихъ дикихъ обожателей, какъ этотъ мичманъ къ нѣжному участию своихъ хозяевъ.

Тяжело стало на сердцѣ Вальтера, когда онъ бросилъ прощальный взглядъ на свою спальню, на ея стѣны и карнизы. Еще одна ночь, и онъ покинетъ пріютъ своего дѣтства, быть можетъ, навсегда. Картины были сняты, книги собраны въ кучу, вещи упакованы, и комната, лишенная привычнаго убранства, холодно и съ горькимъ упрекомъ смотрѣла на своего хозяина, который такъ безжалостно оставлялъ ее на произволь непредвидѣнныхъ случайностей. "Еще нѣсколько часовъ, – думалъ Вальтеръ, – и мечты, лелѣвшія мое дѣтство, когда я былъ школьникомъ, такъ же не будутъ принадлежать мнѣ, какъ и эта старая спальня. Мечты, авось, еще забредутъ въ сонную голову, и самъ я, можетъ быть, возвращусь на это мѣсто, но комната успѣетъ перемѣнить десятки новыхъ жильцовъ, и каждый изъ нихъ станетъ издѣваться надъ распоряженіями прежняго хозяина."

Но нельзя было оставить дядю въ маленькой гостиной, гдѣ онъ сидѣлъ уже давно одинъ-одинехонекъ, въ глубокомъ раздумьи. Капитанъ Куттль, на этотъ разъ, нарочно не явился съ Корабельной площади, чтобы предоставить друзьямъ полную свободу наговориться въ послѣдній разъ безъ свидѣтелей. Поэтому Вальтеръ, снова воротившись домой, послѣ суетливыхъ хлопотъ этого дня, поспѣшно вошелъ въ гостиную и завязалъ разговоръ.

– Ну, дядя Соль, – весело вскричалъ Вальтеръ, положивъ руку на плечо старика. – Чего тебѣ прислать изъ Барбадоса?

– Надежду, милый Валли, надежду, что мы свидимся опять по эту сторону могилы. О, пришли, скорѣе пришли мнѣ эту надежду.

– Пришлю, дядюшка. У меня вдоволь всяких надежд, и будь увѣренъ, для тебя я купиться не стану. А кромѣ надежды, пришлю тебѣ черепахъ, варенья, лимоновъ для пуншу капитана Куттля и другихъ разныхъ разностей, – цѣлые корабли нашла, когда разбогатѣю.

Старикъ вытеръ очки и улыбнулся.

– Правда, дядюшка, – вскричалъ Вальтеръ съ живостью, хлопая его по плечу. – Давай же теперь кутить. Ты весели меня, а я тебя, и завтра поутру мы встрепенемъ, какъ беззаботные жаворонки, и полетимъ высоко высоко. Мои мечты ужъ и теперь взвились за облака.

– Валли, свѣтикъ мой, Валли, я сдѣлаю все, что могу.

– И прекрасно, дядюшка! – отвѣчалъ Вальтеръ съ веселымъ смѣхомъ. – Я тоже сдѣлаю все, что могу, и... катая, валяя, заливай... наша взяла! – А ты не забудь, дядюшка, что обѣщаль присылать мнѣ въ Барбадосъ?

– Нѣтъ, Валли, нѣтъ, – промолвилъ старикъ. – Все, что провѣдаю о миссъ Домби, тотчасъ же отпишу. Теперь она одна-одинехонька, какъ въ глухомъ лѣсу, – бѣдный агнецъ!

– А знаешь ли что, дядя Соль? – сказала Вальтеръ, послѣ минутнаго колѣбанія. – Я вѣдь сегодня былъ тамъ.

– Какъ былъ? гдѣ? зачѣмъ? – бормоталъ Соль, приподнявъ брови и устремивъ очки на молодого человѣка.

– Былъ тамъ, – продолжалъ Вальтеръ, – не затѣмъ, чтобы видѣть ее, хотя, смѣю сказать, я могъ бы войти въ ея комнату, потому-что м-ръ Домби уѣхалъ за городъ, а затѣмъ, чтобы сказать Сусаннѣ прощальное слово. Мнѣ казалось, я могъ и даже долженъ былъ это сдѣлать, если взять въ расчетъ обстоятельства, при которыхъ я видѣлъ миссъ Домби послѣдній разъ.

– Правда твоя, мой милый, правда! – проговорилъ старикъ, оправившись отъ минутнаго волненія.

– Вотъ я и видѣлъ ее, – продолжалъ Вальтеръ, – Сусанну, т. е., а не миссъ Домби, и сказала ей, что завтра поутру уѣзжаю въ далекій путь. Еще сказала я, дядюшка, что ты всегда принималъ большое участіе въ миссъ Домби съ той поры, какъ она была у насъ, что ты всегда желалъ ей счастья и всякаго добра, и что тебѣ было бы очень пріятно оказать ей какую-нибудь услугу. Мнѣ кажется, ты знаешь, я могъ это сказать, если взять въ расчетъ обстоятельства. Не такъ ли?

– Правда твоя, мой милый, правда! – проговорилъ старикъ тѣмъ же тономъ.

– И сказала я еще, – продолжалъ Вальтеръ, – что если она – Сусанна, то есть, – когда-нибудь потрудится увѣдомить тебя или сама, или черезъ м-съ Ричардсъ, или все равно черезъ кого бы то ни было, что миссъ Домби здорова и благополучна, то это извѣстіе доставитъ тебѣ большое удовольствіе, и ты тотчасъ же объ этомъ напишешь мнѣ, и я буду очень радъ. Что-жъ прикажешь дѣлать? Я прошлую ночь не сомкнулъ глазъ и разломалъ всю голову, думая объ этихъ вещахъ. Мнѣ кажется, я былъ бы прежалкой тварью, если бы выѣхалъ изъ Лондона, не облегчивъ сердца этими распоряженіями.

Честный голосъ и всѣ движенія молодого человѣка подтверждали истину его словъ и оправдывали пылкость его чувства.

– Поэтому, дядюшка, если ты когда увидишь ее, т. е. миссъ Домби, – продолжалъ Вальтеръ, – и вступишь съ нею въ разговоръ, какъ знать, можетъ быть, тебѣ удастся сказать, какъ много и часто я думалъ о ней, и какъ говорилъ о ней со слезами въ эту послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ въ дальнюю дорогу. Скажи ей, какъ я говорилъ, что всегда помнилъ и никогда не забуду ея нѣжной чувствительности, ея прекраснаго личика, ея благосклонной снисходительности. Скажи ей, дядюшка, если не забудешь, что тѣ башмаки – она не взрослая женщина, не молодая леди, я снялъ ихъ съ дѣтской ноги – она припомнитъ, какъ часто ихъ роняла – такъ скажи ей, дядюшка, что я взялъ эти башмаки съ собою на память и буду хранить ихъ, какъ драгоценнѣйшее изъ моихъ сокровищъ.

Въ эту самую минуту д р а г о ц ѣ н н ѣ й ш е е и з ъ с о к р о в и щ ѣ выно-
силось изъ дверей въ одномъ изъ вальтеровыхъ сундуковъ. Носильщикъ навьючилъ багажомъ
небольшую телѣжку и повезъ незабвенные башмаки передъ самымъ носомъ безчувственного
мичмана, прежде чѣмъ счастливый владѣлецъ кончилъ о нихъ рѣчь. Черезъ часъ завѣтное
сокровище поступило во владѣніе "Сына и Наслѣдника".

Но на этотъ разъ деревянному мичману можно было простить его равнодушіе къ гад-
кимъ башмакамъ, потому что въ эту самую минуту прямо передъ нимъ появились Флоренса и
Сусанна Нипперъ. Флоренса робко заглянула ему въ лицо, и, казалось, мичманъ значительно
мигнулъ ей своимъ чернымъ глазомъ.

Этого мало. Онѣ юркнули въ магазинъ и отворили дверь гостиной, не бывъ никѣмъ замѣ-
чены, кромѣ наблюдательнаго мичмана. Вальтеръ, стоявшій къ дверямъ задомъ, не могъ видѣть
этого явленія; но вдругъ дядя Соль вскочилъ со стула и чуть не упалъ, споткнувшись о другой
стулъ.

– Что такое, дядюшка? – воскликнулъ Вальтеръ, – что случилось?

– Миссъ Домби! – проговорилъ старикъ.

– Возможно ли! – вскричалъ Вальтеръ, – здѣсь!

Очень возможно. Еще слова эти шевелились на его губахъ, какъ Флоренса торопливо
прошла мимо, ухватила обѣими руками старика Соломона за обшлага фрака, поцѣловала его
въ щеку и, отворотившись, подала руку Вальтеру съ тою довѣрчивостью и простосердечіемъ,
которыя принадлежали ей – и никому больше въ цѣломъ мірѣ.

– Вы уѣзжаете, Вальтеръ! – сказала Флоренса.

– Да, миссъ Домби, – отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ, – предо мною дальняя дорога.

– А вашъ дядя, – сказала Флоренса, оглядываясь на Соломона, – ему развѣ не жаль съ
вами разстаться? О, конечно жаль, вижу по его глазамъ. И мнѣ жаль васъ, милый Вальтеръ!

– И будто, кромѣ васъ, некого послать, м-рѣ Вальтеръ! – возгласила Сусанна Нипперъ, –
вотъ хоть бы м-съ Пипчинъ – чего лучше? – она бы навела страхъ и ужась на всю колонію
негровъ, а если надобно отобрать справки насчетъ свечекъ и обычаевъ чернаго народа, такъ
д-ра Блимбера за бока съ его супружницей и дочкой. Туда бы и дорога.

Съ этими словами миссъ Нипперъ распустила ленты своей шляпки и, бросивъ быстрый
взглядъ на чайный подносъ, стоявшій на столѣ со всѣмъ приборомъ, вынула изъ шкапулки
жестяную коробочку и принялась дѣлать чай, не спрашивая никого ни о чемъ.

Между тѣмъ Флоренса опять обратилась къ инструментальному мастеру, который былъ
проникнуть неописуемымъ изумленіемъ.

– Такъ выросла! – говорилъ онъ, – такъ похорошѣла! и ни въ чемъ не измѣнилась! все
такая же!

– Право? – сказала Флоренса.

– Да, да, – отвѣчалъ старикъ, слегка потирая руками и пристально всматриваясь въ глаза,
обращенные на него, – да, то же выраженіе на прекрасномъ личикѣ, какъ и прежде!

– Вы помните меня, – сказала Флоренса, улыбаясь, – а какая тогда я была маленькая!

– Милое созданіе! – возразилъ инструментальный мастеръ, – какъ мнѣ забыть васъ, когда
я такъ часто думалъ и слышалъ о васъ съ того самаго дня? И теперь, въ самую минуту вашего
прихода, Валли разговаривалъ о васъ и дѣлалъ порученіе передать вамъ...

– Будто бы? – сказала Флоренса, – благодарю васъ, Вальтеръ! О, благодарю, милый Валь-
теръ. А я боялась, что вы уѣзжаете, не думая обо мнѣ.

И она опять подала маленькую ручку съ такою непринужденностью и простосердечіемъ,
что Вальтеръ нѣсколько минутъ не могъ ея выпустить изъ своихъ рукъ.

Однако-жъ это прикосновеніе пробуждало въ немъ далеко не тѣ бывалыя мечты, которыя
смущали его фантастическими образами въ прежніе годы дѣтства и первой юности. Чистота и
невинность ея чарующихъ движеній, ея совершенная довѣрчивость и непритворное уваженіе

къ нему, отражавшееся въ ея глазахъ и на прекрасномъ лицѣ, отгнѣннымъ полупечальною улыбкой, – все это отнюдь не могло доставить молодому воображенію матеріаловъ для романтической постройки. Совсѣмъ напротивъ. Мысли его неслись назадъ, къ одру смерти, гдѣ онъ видѣлъ ее колѣнопреклоненною, съ пламенной молитвой на устахъ и въ ангельскомъ взорѣ, гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ небесной любви двухъ прекрасныхъ созданій, разставшихся на вѣки въ этомъ мірѣ съ темнымъ предчувствіемъ замогильнаго свиданія. И въ прахъ разбивались праздныя мечты передъ этимъ святымъ воспоминаніемъ, озарившимъ душу благороднаго юноши.

– Я бы хотѣла, – сказала Флоренса, обращаясь къ старику, – хотѣла бы называть васъ... просто дядей Вальтера. Позвольте ли вы?

– Позволю ли? Господи помилуй! сдѣлайте милость!

– Мы всегда называли васъ этимъ именемъ, когда разговаривали о васъ, – сказала Флоренса съ легкимъ вздохомъ и оглядываясь вокругъ. – Точь въ точь та же гостиная, уютная, хорошенькая, какъ и тогда. Какъ я хорошо ее помню!

Старикъ Соль взглянулъ сперва на нее, потомъ на племянника, потомъ потеръ руки, потомъ вытеръ очки, потомъ вздохнулъ изъ глубины сердца и съ таинственной торжественностью произнесъ:

– О, время, время, время!

Послѣдовало краткое молчаніе. Сусанна Нипперъ вынула изъ шкатулки двѣ чайныхъ чашки, двѣ ложки и, скрестивъ руки, дождалась съ глубокомысленнымъ видомъ, пока устоится чай.

– Мнѣ надобно поговорить съ дядей Вальтера, – сказала Флоренса, положивъ руку на плечо старика, чтобы обратить его вниманіе, – поговорить о томъ, что у меня лежитъ на душѣ. Теперь онъ остается одинъ, и некому будетъ раздѣлять его горе. Если онъ мнѣ позволитъ – не замѣнить Вальтера: этого конечно, я не могу – но быть его истиннымъ другомъ и помочь ему въ отсутствіи Вальтера, то я была бы ему очень, очень благодарна. Такъ ли, дядя Вальтера? согласны ли вы?

Инструментальный мастеръ, не говоря ни слова, поднесъ ея руки къ своимъ губамъ, а Сусанна Нипперъ, испустивъ легкій вздохъ, устремила глаза на потолочное окно и закусила кончики лентъ отъ своей шляпки.

– Вы позволите мнѣ навѣщать васъ, – продолжала Флоренса, – когда будетъ можно, и станете передавать мнѣ вѣсти о миломъ Вальтерѣ, и вы не будете имѣть секретовъ отъ Сусанны, когда она придетъ къ вамъ вмѣсто меня: вы станете рассказывать намъ все и обо всемъ, и положитесь на насъ, и ввѣритесь намъ во всемъ, и мы будемъ стараться васъ утѣшать. Такъ ли, дядя Вальтера? согласны ли вы?

Нѣжное прелестное лицо, умоляющій взоръ, милый голосокъ, легкое пожатіе руки, очаровательная поза, выражавшая глубокое уваженіе къ почтенному возрасту и вмѣстѣ граціозное сомнѣніе въ успѣхѣ великодушнаго предложенія, – все это до того растрогало бѣднаго мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ, что онъ могъ только проговорить:

– Валли, другъ мой, замолви за меня. Я... я не могу.

– Нѣтъ, Вальтеръ, – возразила Флоренса съ веселой улыбкой, – не говорите за него ничего. Я понимаю его очень хорошо, и намъ должно пріучаться разговаривать безъ васъ, милый Вальтеръ.

Умилительно-грустный тонъ, съ какимъ были произнесены эти послѣднія слова, затронулъ сокровеннѣйшія струны въ сердцѣ молодого человѣка.

– Миссъ Флоренса, – сказалъ онъ, стараясь сохранить веселый видъ, принятый въ продолженіе разговора, – я такъ же, какъ и дядя, не сумѣлъ бы выразить вамъ нашей благодарности. Впрочемъ, все, что я могъ бы сказать, если бы говорилъ цѣлый часъ, было бы одно: вы всегда вѣрны самой себѣ.

Сусанна Нипперъ закусила новые кончики лентъ отъ своей шляпки и кивнула на потолочное окно въ знакъ совершеннаго одобренія мысли, выраженной этимъ отвѣтомъ.

– Вальтеръ, – сказала Флоренса, – я хочу съ тобой объясниться передъ твоимъ отъѣздомъ; но ты долженъ говорить мнѣ – т_ы, и называть меня просто Флоренсой. Зачѣмъ ты обращаешься со мной, какъ посторонній?

– Какъ посторонній! – возразилъ Вальтеръ. – О, нѣтъ, нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я чувствую не такъ, какъ посторонній.

– Хорошо. Но теперь не объ этомъ рѣчь. Онъ, милый Вальтеръ, – продолжала Флоренса, заливаясь слезами, – онъ любилъ тебя нѣжно, очень нѣжно, и развѣ забылъ ты, какъ передъ смертью завѣщаль онъ "помнить Вальтера!" Я помню тебя, милый, я буду помнить тебя, пока скитаюсь на землѣ, и ангелъ мой съ высоты неба увидитъ, какъ святы для меня его послѣднія слова. Я хочу быть и буду твоей сестрой всю жизнь, и гдѣ бы ты ни былъ, куда бы ни забросила тебя судьба, ты долженъ знать, что сестра твоя любить тебя и всегда думаетъ о тебѣ. Вотъ что я желала сказать тебѣ, милый Вальтеръ, но я не могу говорить такъ, какъ бы хотѣла, потому что сердце мое слишкомъ переполнено.

И въ полнотѣ сердца, она протянула ему обѣ руки. Вальтеръ взялъ ихъ, склонилъ голову и прикоснулся устами къ заплаканному лицу, и оно не отпрянуло, это ангельское личико, не отворотилось, не вспыхнуло яркимъ румянцемъ, но смотрѣло на него спокойно и открыто съ безграничной вѣрой. Въ эту торжественную минуту всякая тѣнь сомнѣнія или тревожнаго волненія исчезла изъ души Вальтера. Живо представилъ онъ себѣ смертный одръ невиннаго страдальца, и, благословляемый его присутствіемъ, незримымъ для глазъ человѣческихъ, онъ поклонился самому себѣ запечатлѣть навѣки на скрижаляхъ сердца плѣнительный образъ его и своей сестры, и чтить ее, въ своемъ изгнаніи, какъ святой идеаль чистоты и высокой преданности. Въ эту минуту онъ счелъ бы униженнымъ свое нравственное достоинство, если бы въ его головѣ возникли такія мысли и такія надежды, какихъ не могло быть въ ея собственной душѣ.

И въ эту минуту Сусанна Нипперъ вдругъ закусила всѣ ленты отъ своей шляпки и, восплававъ глубочайшій вздохъ въ потолочное окно, обратилась съ неожиданнымъ вопросомъ: кому угодно сливокъ и кому сахару. Потомъ, отобравъ удовлетворительную справку на эти важные пункты, она принялась разливать чай. Все маленькое общество усѣлось вокругъ стола и начало радушно угощаться подъ верховнымъ предсѣдательствомъ этой молодой лэди.

За полчаса передъ этимъ Вальтеръ ни за что въ свѣтѣ не рѣшился бы позволить себѣ фамильярнаго обращенія съ миссъ Домби; но теперь онъ говорилъ ей – ты и называлъ ее просто Флоренсой. Онъ наслаждался ея присутствіемъ свободно, между тѣмъ не далѣе какъ за нѣсколько минутъ позволялъ себѣ думать въ тревожномъ смущеніи, что было бы гораздо лучше, если бы она не пришла. Онъ спокойно любовался на ея личико, воображалъ полный расцвѣтъ ея красоты и думалъ, какъ счастливъ будетъ мужчина, который въ свое время овладѣетъ ея сердцемъ. Потомъ онъ съ гордостью мечталъ о собственномъ мѣстѣ въ этомъ сердцѣ и одушевлялся твердою рѣшимостью, во что бы ни стало сдѣлаться его достойнымъ.

Вѣроятно, надъ руками Сусанны Нипперъ, разливавшей чай, парило какое-то волшебное вліяніе, распространявшее по всей гостиной самую веселую и благоуханную атмосферу. Но, вѣроятно, также надъ стрѣлками хронометра дяди Соля парило какое-то враждебное вліяніе, потому что онѣ двигались съ необыкновенной быстротой. Какъ бы то ни было, гости вспомнили, что ихъ дожидается карета подлѣ магазина за ближайшимъ угломъ, и когда насчетъ этого обстоятельства обратились съ вопросомъ къ безукоризненному хронометру, онъ далъ точный, положительный отвѣтъ, что карета дожидается очень давно. Никто не дерзалъ возставать противъ такого авторитета, и всего менѣе дядя Соль, который, если бы даже въ опредѣленную минуту ему назначена была петля на шею, безъ отговорокъ отправился бы на висѣлицу, не обнаруживъ ни малѣйшаго неудовольствія за быстрый ходъ стрѣлокъ на его непогрѣшимомъ хронометрѣ.

Флоренса на прощанье коротко изложила старику главнейшие пункты их договора и обязала его к безусловному повиновению. Дядя Соль, с отеческой заботливостью и необходимыми ласками, проводил ее до ног деревянного мичмана и потом передал ее Вальтеру, который отправился с нею и Сусанной к ожидавшейся карете.

– Вальтер, – сказала Флоренса, когда они пошли, – передь дядей я боялась спросить тебя. Скажи, пожалуйста, надолго ли ты уѣзжаешь?

– Право, Флоренса, я и самъ не знаю. Думаю, впрочемъ, что надолго. М-ръ Домби, кажется, имѣеть въ виду не короткій срокъ.

– Что это, Вальтер, милость или опала? – спросила Флоренса послѣ минутнаго колебанія, устремивъ на него безпокойный взглядъ.

– Мое назначеніе въ Барбадось?

– Да.

Вальтер охотно далъ бы утвердительный отвѣтъ, но его лицо заговорило прежде, чѣмъ пошевелились губы, и Флоренса слишкомъ легко угадала настоящую мысль.

– Я боюсь, что папа не слишкомъ благоволитъ къ тебѣ, – сказала она робкимъ голосомъ.

– Почему ты такъ думаешь? – возразилъ Вальтеръ, улыбаясь. – Кажется, нѣтъ никакихъ причинъ...

– Никакихъ причинъ, Вальтеръ?

– То есть н_е_б_ы_л_о никакихъ причинъ, хочу я сказать, – продолжалъ Вальтеръ. – Въ конторѣ много людей, занятыхъ службой. Между м-ромъ Домби и такимъ молодымъ человѣкомъ, какъ я, огромное, неизмѣримое разстояніе, мой ангелъ. Если я исполняю свою обязанность, я долженъ исполнять ее, какъ и другіе, или еще больше, чѣмъ другіе.

Не возникло ли въ душѣ Флоренсы смутное и неопредѣленное подозрѣніе, – что опала м-ра Домби объясняется услугой, которую молодой человѣкъ оказалъ его дочери, всегда помнившей эту услугу, – подозрѣніе, возможное только послѣ роковой ночи, когда отверженное дитя послѣдній разъ совершало свое путешествіе къ дверямъ отцовскаго кабинета? Не зародилась ли въ эту минуту такая же идея въ душѣ самого Вальтера? Неизвѣстно. Молодые люди не подали другъ другу ни малѣйшаго намека и минуты двѣ совсѣмъ ничего не говорили. Сусанна, которая шла по другую сторону Вальтера, безпрестанно бросала пронзительные взгляды на молодыхъ людей, и нѣтъ никакого сомнѣнія, идеи миссъ Нипперъ путешествовали прямо по этому направленію, гдѣ все для нея было ясно, какъ день. Въ головѣ Сусанны Нипперъ всякое подозрѣніе мигомъ перерабатывалось въ очевиднѣйшую дѣйствительность.

– Можетъ быть, милый Вальтеръ, ты очень скоро воротишься, – сказала Флоренса.

– Я могу воротиться старикомъ, – отвѣчалъ Вальтеръ, – и найти въ тебѣ старую леди. Впрочемъ, у меня лучшія надежды.

– Папа, вѣроятно... вѣроятно, перемѣнитъ свои мысли и, можетъ быть, со временемъ сдѣлается откровеннѣе со мной. Тогда я скажу ему, что желаю тебя видѣть, и буду умолять возвратить тебя для меня.

Трогательные переливы голоса при произнесеніи этихъ словъ хорошо объяснили Вальтеру ея отношенія къ отцу.

Когда они подошли къ каретѣ, молодой человѣкъ хотѣлъ удалиться, не говоря ни слова, потому что теперь онъ почувствовалъ всю горечь разлуки; но Флоренса, усаживаясь въ карету, взяла его за руку, и въ его собственной рукѣ очутился какой-то маленькій пакетъ.

– Вальтеръ, – сказала Флоренса, устремивъ на него взоръ, исполненный нѣжнѣйшей преданности, – у меня, какъ у тебя, лучшія надежды впереди, и мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что онѣ исполнятся. Я стану молиться за тебя и за себя. Этотъ маленькій подарокъ я, было, приготовила для Павла. Прими его отъ меня вмѣстѣ съ моею любовью и, сдѣлай милость, не раскрывай пакета до той поры, какъ сядешь на корабль. Теперь прощай, милый Вальтеръ. Благослови тебя

Богъ! Не забывай меня, милый, не забывай своей сестры, которая всегда будетъ о тебѣ думать. Прощай, милый Вальтеръ, прощай!

Онъ былъ радъ, что Сусанна Нипперъ заслонила его въ эту послѣднюю минуту разставанья, иначе нѣжная сестрица могла бы сохранить печальное воспоминаніе о своемъ братѣ. Онъ былъ радъ еще, что она не оглядывалась изъ кареты и только махала ему своей маленькой ручкой, пока онъ могъ ее видѣть.

Несмотря на ея просьбу, онъ въ эту же ночь, ложась въ постель, вскрылъ подаренный пакетъ. Тамъ былъ маленькій кошелекъ, а въ кошелькѣ были деньги.

Рано воротилось яркое солнце въ слѣдующее утро послѣ своего путешествія по чужимъ странамъ, и рано воротился Вальтеръ изъ своей спальни, чтобы встрѣтить капитана Куттля, который уже стучался въ двери магазина. Почтенный морякъ чуть свѣтъ поднялся изъ каюты и поспѣшилъ распустить паруса, покамѣстъ м-съ Макъ Стингеръ сладко почивала на своемъ ложѣ. Капитанъ, по-видимому, съ ума сходилъ отъ радости и притащилъ въ одномъ изъ кармановъ своего камзола чудеснѣйшій копченый языкъ, предназначенный для послѣдняго завтрака.

– Эгой! – заревѣлъ капитанъ, когда они заняли свои мѣста за столомъ. – Вотъ какая исторія, Валли, дружокъ мой. Если дядя твой такой человѣкъ, какимъ я его знаю, онъ вытащитъ намъ для такого случая свою послѣднюю бутылку мадеры.

– Нѣтъ, нѣтъ, – возразилъ старикъ. – Нѣтъ! ту бутылку разопьемъ по возвращеніи Вальтера.

– Хорошо сказано! – воскликнулъ капитанъ, – внимай ему Вальтеръ!

– Она лежитъ, – продолжалъ Соломонъ, – въ отдаленномъ углу погреба, покрытая грязью и паутиной. Можетъ быть, милый Недъ, и насъ съ тобой покроетъ грязь и паутина, прежде чѣмъ она увидитъ свѣтъ.

– Внимай ему! – воскликнулъ капитанъ. – Хорошее нравоученіе! Внимай, милый Валли, дружокъ мой. "Возрасти смоковницу на пути, по которому ходишь, и когда состаришься, сядь подъ тѣнью винограда твоего, и блаженъ будешь". Я забылъ, гдѣ это сказано, Вальтеръ. Ну, Соломонъ, продолжай.

– Но гдѣ бы она ни лежала и чѣмъ бы ни была покрыта, Вальтеръ найдетъ ее, когда воротится назадъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать, любезный Недъ.

И хорошо сказано, – замѣтилъ капитанъ. – А если намъ не придется свернуть ей голову втроемъ, я заранѣе вамъ уступаю свою долю. Пейте и поминайте, какъ звали.

Несмотря на чрезмѣрную веселость, капитанъ едва дотрогивался до копченаго языка, хотя старался принять видъ, когда на него смотрѣли, что пожираетъ его съ волчьимъ аппетитомъ. Онъ также ужасно боялся оставаться наединѣ съ дядей или съ племянникомъ съ глазу на глазъ и думалъ, казалось, что въ состояніи владѣть собой не иначе, какъ подъ условіемъ дружелюбнаго соединенія всей компаніи въ одну группу. Когда Соломонъ куда-то отлучился, капитанъ немедленно выбѣжалъ за дверь, подъ предлогомъ посмотреть на какуюто странную карету, проѣзжавшую мимо оконъ; а когда Вальтеръ пошелъ наверхъ прощаться съ жильцами, онъ тоже юркнулъ въ другую комнату, объяснивъ Соломону, что почуялъ смраднѣйшій запахъ изъ сосѣдней трубы. Капитанъ Куттль былъ увѣренъ, что ни одна душа въ мірѣ не постигнетъ настоящей цѣли этихъ вылазокъ, если, по крайней мѣрѣ, ее не осѣнитъ вдохновеніе свыше.

Возвращаясь изъ своей прощальной экспедиціи, Вальтеръ наткнулся на особу съ блѣднымъ лицомъ, стоявшую въ дверяхъ, недалеко отъ деревяннаго мичмана.

– М-ръ Каркеръ! – вскричалъ Вальтеръ, пожимая руку Джона Каркера младшаго. – Войдите, сдѣлайте милость. Это очень любезно съ вашей стороны придти такъ рано со мною проститься. Вы знали, какъ я радъ буду васъ видѣть передъ своимъ отъѣздомъ. Войдите, пожалуйста.

– Невѣроятно, чтобы мы встрѣтились еще гдѣ-нибудь на этомъ свѣтѣ, молодой человѣкъ, и потому я такъ же, какъ и вы, очень радъ, что могу взглянуть на васъ въ послѣдній разъ. Теперь, въ часъ разлуки, я могу говорить съ вами свободно и не стану больше противиться вашимъ откровеннымъ объясненіямъ.

Была какая-то глубокая меланхолия въ улыбкѣ Каркера, когда онъ произносилъ эти слова. Казалось очевиднымъ, душевное бремя подавляло его съ одинаковою силой даже теперь, когда онъ готовился къ дружескому разговору.

– Ахъ, м-ръ Каркеръ! – сказалъ молодой человѣкъ, – зачѣмъ вы прежде противились моей откровенности? Вы не могли мнѣ сдѣлать ничего, кромѣ добра, я увѣренъ въ этомъ.

Каркеръ покачалъ головой.

– Если бы я могъ, – сказалъ онъ, – сдѣлать кому-нибудь добро на этой землѣ, то, конечно, сдѣлалъ бы его для васъ, молодой человѣкъ. Ваше присутствіе со дня на день становилось для меня блаженствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поводомъ къ бесполезнымъ угрызеніямъ совѣсти. Но блаженство брало верхъ передъ нравственною пыткой; теперь я очень хорошо узнаю это, когда теряю васъ изъ виду.

– Войдите, м-ръ Каркеръ, сдѣлайте милость войдите и познакомьтесь съ моимъ добрымъ старикомъ. Я часто говорилъ съ нимъ о васъ, и онъ съ удовольствіемъ станетъ рассказывать все, что услышитъ обо мнѣ. О послѣднемъ нашемъ разговорѣ, – продолжалъ Вальтеръ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, – я ничего не сказывалъ ему и, слѣдовательно, никому на свѣтѣ. Повѣрьте, м-ръ Каркеръ.

Сѣдой Джонъ младшій пожалъ его руку и заплакалъ.

– Если я когда-нибудь познакомлюсь съ нимъ, Вальтеръ, – возразилъ онъ, – то единственно для того, чтобы слышать о васъ добрыя вѣсти. Можете быть спокойны, я оправдаю вашу благоразумную осторожность. Но было бы несправедливо не сказать ему всей правды, если бы я самъ сталъ требовать его довѣрія. Поэтому, при всемъ вашемъ желаніи, я не могу войти сюда теперь же, какъ бы мнѣ ни было пріятно подольше остаться съ вами въ эти минуты. Кромѣ васъ, нѣтъ у меня ни одного друга, ни одного знакомаго, и даже для васъ безъ крайней нужды, я не намѣренъ заводить знакомства.

– Надѣюсь, вы позволите мнѣ, – сказалъ Вальтеръ, – навсегда остаться вашимъ другомъ. Вы знаете, какъ я этого желалъ, и теперь, когда мы съ вами расстаемся, м-ръ Каркеръ, желаніе мое усиливается.

– Довольно. Вы всегда были другомъ моего сердца, и если я избѣгалъ васъ, повѣрьте, это противъ моей воли, но мои мысли всегда были заняты вами. Прощайте, Вальтеръ!

– Прощайте, м-ръ Каркеръ. Благослови васъ Богъ.

– Если, – сказалъ Джонъ Каркеръ въ сильномъ волненіи, удерживая руку растроганнаго юноши, – если, по возвращеніи сюда, когда уголь мой будетъ пусть, ты услышишь, гдѣ положили мои кости, приди и взгляни на мою могилу. Подумай, я могъ быть столь же честнымъ и счастливымъ, какъ и ты. И когда наступитъ мой послѣдній часъ, позволь мнѣ думать, что остается на землѣ человѣкъ, который будетъ вспоминать обо мнѣ съ сожалѣніемъ и снисходительностью. Вальтеръ – прощай!

И фигура его побрела, какъ блѣдная тѣнь, по улицѣ, освѣщеннрй яркими лучами прекраснаго лѣтнаго солнца. Скоро Вальтеръ совсѣмъ потерялъ его изъ виду.

Наконецъ немилосердный хронометръ возвѣстилъ, что Вальтеръ долженъ былъ взглянуть въ послѣдній разъ на деревяннаго мичмана. Дядя, племянникъ и капитанъ Куттль поѣхали въ извозчичьей каретѣ на пристань, гдѣ они пересѣли въ лодку съ тѣмъ, чтобы приплыть къ какому-то изгибу рѣки, котораго имя было безнадежной тайной для непривычныхъ ушей сухопутнаго человѣка. Подѣхавъ къ этому изгибу, гдѣ уже красовался "Сынъ и Наслѣдникъ", совсѣмъ погруженный, они были встрѣчены разнокалиберной толпой перевозчиковъ, изъ которыхъ одинъ чуть ли не за версту узналъ капитана и перекликался съ нимъ на тысячу ладовъ,

звучавшихъ тарабарской грамотой для всякаго профана въ морскомъ дѣлѣ. Это былъ старинный знакомецъ капитана Куттля, грязный циклопъ, шершавый и небритый, но съ такимъ зоркимъ окомъ, которое могло поспорить со всѣми глазами Аргуса. Съ этимъ замѣчательнымъ мужемъ они всѣ трое перебрались на бортъ "Сына и Наслѣдника". На кораблѣ господствовало великое смѣшеніе людей въ красныхъ рубахахъ, бѣгавшихъ взадъ и впередъ, грязныхъ парусовъ, скомканныхъ на мокрыхъ палубахъ, распущенныхъ веревокъ и канатовъ различнаго сорта, бочекъ, боченковъ, ящиковъ, чемодановъ и всякой живности, умильно взиравшей на негра-повара въ дурацкомъ колпакѣ, украшеннаго зеленью передъ самыми его глазами и окуренного свѣжимъ дымомъ.

Капитанъ немедленно отвелъ Вальтера въ уголь и съ великимъ усиліемъ, отъ котораго даже побагровѣло его лицо, вытащилъ изъ кармана огромные серебряные часы, укрупившіеся въ своей засадѣ, какъ втулка въ отверстіи бочки.

– Валли, – сказалъ капитанъ, крѣпко пожимая его руку, – вотъ тебѣ, дружище, прощальный подарокъ. Ставь ихъ каждое утро получасомъ назадъ, да еще въ полдень поверни стрѣлку на пятнадцать минутъ, – и у тебя будутъ часики на славу.

– Что вы, капитанъ Куттль! помилуйте! – вскричалъ Вальтеръ, удерживая капитана, который убѣгалъ отъ него прочь. – Возьмите ихъ назадъ, сдѣлайте милость. У меня ужъ есть часы.

– Ну, въ такомъ случаѣ, – сказалъ капитанъ, нырнувъ въ одинъ изъ своихъ кармановъ, откуда выплыли двѣ чайныя ложки и сахарные щипчики, которыми онъ вооружился для отклоненія предвидѣнныхъ возраженій, – въ такомъ случаѣ, мой милый, прими отъ меня эту посудину. Пригодится на черный день.

– Нѣтъ, нѣтъ, не нужно и этого! очень вамъ благодаренъ. О, что вы дѣлаете, капитанъ Куттль? не бросайте ихъ, – вскричалъ Вальтеръ, потому что капитанъ обнаружилъ явное намѣреніе швырнуть свою посудину за бортъ. – Вамъ они больше нужны, чѣмъ мнѣ. Дайте мнѣ лучше вашу палку. Мнѣ давно хотѣлось имѣть ее. Вотъ такъ! благодарю васъ. Ну, прощайте, капитанъ Куттль! смотрите хорошенько за моимъ старикомъ. Прощайте, дядюшка Соломонъ! Благослови васъ Богъ!

Въ крайнемъ смущеніи спустились они на свою лодку, не видя и не слыша ничего, что происходило вокругъ. Когда Вальтеръ взглянулъ на нихъ, выбѣжавъ на заднюю часть корабля, онъ увидѣлъ, что дядя его сидитъ съ опущенною головою, а капитанъ Куттль колотитъ его въ спину своими огромными часами (вѣроятно, это было очень больно) и дѣлаетъ ободрительные жесты чайными ложечками и сахарными щипчиками. Уловивъ взглядъ Вальтера, капитанъ бросилъ свое сокровище на дно лодки съ совершеннымъ пренебреженіемъ, какъ-будто рѣшался забыть о его существованіи, и, скинувъ лошеную шляпу, весело привѣтствовалъ отъѣзжавшаго друга. Лощеная шляпа ярко блистала на солнцѣ, и капитанъ неумоимо продолжалъ махать, пока Вальтеръ ужъ не могъ болѣе его видѣть.

Въ эту минуту суматоха на кораблѣ, возрастающая постепенно, достигла до послѣднихъ предѣловъ возможности. Двѣ или три лодки отчалили отъ него съ громкимъ гвалтомъ, и безконечное ура вылетѣло изъ сотни разинутыхъ ртовъ. Паруса поднялись отъ попутнаго вѣтра; вода заклокотала и заискрилась яркими брызгами подъ корабельнымъ носомъ, – и "Сынъ и Наслѣдникъ" быстро пустился въ дальній путь, припрыгивая и приплясывая, какъ множество другихъ сыновъ и наслѣдниковъ, топившихъ на немъ свои надежды въ глубокомъ морѣ.

День проходилъ за днемъ, и старикъ Соль съ капитаномъ Куттлемъ, засѣдая въ маленькой гостиной, плыли за молодымъ путешественникомъ по морской картѣ, лежавшей передъ ними на кругломъ столѣ. По ночамъ одинокій старикъ взбирался на чердакъ, гдѣ иной разъ ходуномъ ходила завывающая буря, смотрѣлъ на звѣзды и прислушивался къ вѣтру и долго стоялъ на часахъ, гораздо долѣе, чѣмъ караульный матросъ на корабельномъ борту.

Глава XX

Мистеръ Домби и майоръ Багстокъ путешествуютъ

– Старичина Джой, сударь мой, никогда не будетъ охать да вздыхать. Это не въ его натурѣ, м-ръ Домби. Но и подъ этой желѣзной грудью таится чувствительное сердце и дай только разыгаться этимъ чувствамъ... а вотъ въ томъ-то и штука, сэръ, что старый Багстокъ знаетъ, что это слабость, а онъ въ жизнь не поддавался никакимъ слабостямъ!

Такъ разгружался майоръ Багстокъ, принимая на Княгининомъ лугу м-ра Домби, который между тѣмъ взбирался по лѣстницѣ въ его квартиру. М-ръ Домби заѣхалъ къ майору завтракать съ тѣмъ, чтобы потомъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ дорогу. Это утро было настоящей каторгой для злосчастнаго туземца: его бѣдствія начались за приготовленіемъ къ завтраку горячихъ пирожковъ, а потомъ, когда дѣло дошло до вареныхъ яицъ, жизнь его сдѣлалась невыносимой пыткой.

– Старый солдатъ изъ багстоковой породы сумѣетъ справиться со своими чувствами – объ этомъ нечего и толковать; но мнѣ жаль васъ, сэръ, жаль, говорю я вамъ, тысячи чертей, м-ръ Домби! – заключилъ майоръ въ новомъ припадкѣ свирѣпаго бѣшенства.

Пурпуровое лицо майора, при этомъ изъявленіи соболѣзнованія, напузырилось и побагровѣло ужаснымъ образомъ, и его раковые глаза запрыгали и засверкали какимъ-то дикимъ огнемъ, когда къ нему подошелъ м-ръ Домби. Онъ схватилъ и пожалъ его руку съ такою силою, какъ будто собирался съ нимъ боксировать, чтобы выиграть закладъ въ тысячу фунтовъ, или чтобы получить титулъ англійскаго богатыря¹². Голова его тоже запрыгала и завертѣлась, изъ богатырской груди вырвалось хрипѣніе, какъ у лошади, зараженной сапомъ, и весь этотъ приливъ дружелюбныхъ чувствованій отхлынулъ отъ геройскаго сердца не прежде, какъ знаменитый гость занялъ свое мѣсто въ гостиной, гдѣ майоръ привѣтствовалъ его съ полной откровенностью, какъ близкаго пріятели и дорожнаго товарища.

– Домби, – сказалъ майоръ, – я радъ васъ видѣть и горжусь вашимъ знакомствомъ. Немного въ Европѣ людей, которымъ Джозефъ Багстокъ подаетъ свою руку: онъ прямъ, рѣшителенъ и тугой натуры; но вы, Домби, другая статья: старичина Джо гордится – слышите ли? – гордится вашимъ знакомствомъ.

– Майоръ, – возразилъ м-ръ Домби, – вы очень любезны.

– Нѣтъ, сэръ, нѣтъ. Любезность не въ моей натурѣ. Помилуй Богъ! Если бы старикашка Джозъ умѣлъ, гдѣ нужно польстить и вклеить, гдѣ слѣдуетъ, красное словцо, онъ былъ бы теперь, съ вашего позволенія, генераль-лейтенантомъ и кавалеромъ ордена Бани, и его величали бы: – "ваше высокопревосходительство сэръ Джозефъ Багстокъ". Да, и тогда онъ имѣлъ бы удовольствіе принимать васъ не въ такой квартирѣ. Нѣтъ, Домби, вы, я вижу, еще не знаете стараго Джоя... А все-таки я горжусь вашимъ знакомствомъ и даже считаю его за особенную честь. Ей Богу!

М-ръ Домби не счелъ нужнымъ возражать противъ этой слишкомъ очевидной истины, и ему было пріятно, что майоръ хорошо понимаетъ величіе его особы. Это служило новымъ подтвержденіемъ, что онъ, м-ръ Домби, не ошибся въ выборѣ пріятели. Было ясно, что его могущество далеко перешло за предѣлы коммерческой сферы: майоръ, какъ джентльменъ и военный человекъ, точно такъ же уважалъ его особу, какъ швейцаръ на королевской биржѣ.

¹² Въ оригиналѣ: championship of England. Встарину, при восшествіи на престолъ новаго короля, двое рыцарей, въ ознаменованіе этого событія, вызывали другъ друга на бой, и побѣдитель получалъ титулъ англійскаго богатыря, champion of England. Нынче это обыкновение вывелось изъ употребленія; но названіе англійскаго богатыря до сихъ поръ удерживается тѣмъ изъ англійскихъ боксеровъ, который еще не былъ никѣмъ побѣжденъ. *Прим. перев.*

Утѣшительная мысль, особенно теперь, когда неумолимая судьба такъ безжалостно опрокинула завѣтные надежды сердца и показала все безсиліе гордой, непреклонной воли! Нѣкогда бѣдный Павелъ спрашивалъ отца: "Папа, что такое деньги, и что могутъ онѣ сдѣлать?" Припоминая этотъ младенческій вопросъ, м-ръ Домби въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ усомниться въ могуществомъ благороднаго металла, и невольно изъ устъ его вырывалось восклицаніе: "О деньги, деньги, что же вы сдѣлали"?

Но это были уединенныя мысли, западавшія въ душу отшельника въ глубокую полночь, когда онъ безмолвно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за разбросанными бумагами. Притомъ врожденная гордость легко находила противоядіе безотрадному размышленію, и м-ръ Домби, вдумываясь въ свое положеніе, естественно доходилъ до привычныхъ заключеній о своемъ финансовомъ могуществомъ, которое теперь такъ наглядно подтверждалось словами и обхожденіемъ храбраго воина. Никогда не имѣя друзей, онъ чувствовалъ теперь нѣкоторую склонность къ майору, и его сердце, всегда холодное, какъ ледъ, казалось, начинало оттаивать. Майоръ былъ свѣтскій человѣкъ, знакомый со многими знатными особами. Майоръ принималъ нѣкоторое участіе въ судьбѣ маленькаго Павла и оживлялъ свѣтскимъ разговоромъ пріятные часы, проведенные въ Брайтонѣ. Майоръ былъ краснорѣчивѣйшій собесѣдникъ, рассказывалъ безъ умолку множество анекдотовъ и, очевидно, занималъ въ высшемъ кругу почетнѣйшее мѣсто, какъ блистательный дэнди и, что всего важнѣе, блескъ его отнюдь не помрачался позорнымъ пятномъ нищеты, которая, какъ извѣстно, очень нерѣдко затмеваетъ великолѣпнѣйшія достоинства самыхъ модныхъ дэнди. Положеніе майора въ обществѣ утверждено на прочномъ основаніи. Майоръ привыкъ къ разсѣянной жизни и въ совершенствѣ зналъ мѣста, которыя теперь они собирались посѣтить. Какого же надо лучше товарища для м-ра Домби, человѣка безспорно совершеннаго въ своемъ родѣ, но уже слишкомъ исключительнаго, и для котораго Свѣтъ ограничивался торговыми конторами и дѣлами королевской биржи? Принято было въ соображеніе и то обстоятельство, что майоръ, какъ человѣкъ военный, научившійся презирать смерть со всѣми ея ужасами, могъ, въ настоящемъ случаѣ, свѣтомъ своей философіи озарить страждущую душу сироты-отца; но эту мысль м-ръ Домби таилъ въ глубинѣ сердца, и ни одинъ смертный не подозрѣвалъ ея тайнаго присутствія.

– Гдѣ этотъ разиня? – воскликнулъ майоръ, яростно озираясь вокругъ и ища глазами туземца. – Ты здѣсь, негодный, а гдѣ же завтракъ?

Черный слуга исчезъ, и черезъ минуту слышно было, какъ онъ дрожащими стопами взбирался на лѣстницу съ подносомъ въ трепетныхъ рукахъ.

Блюда и тарелки, по естественной симпатіи, тряслись и дрожали вмѣстѣ съ нимъ.

– Домби, – сказалъ майоръ, ободряя туземца сжатымъ кулакомъ, когда тотъ, разставляя тарелки, уронилъ одну ложку, – вотъ тутъ жаренныя почки, пуддингъ, пирогъ съ разными разностями и такъ далѣе. Садитесь-ка за столъ и не прогнѣвайтесь на старикашку Джоза: онъ угоститъ васъ по лагерному.

– Чудесный завтракъ, – отвѣчалъ гость.

Не отвѣчая на комплиментъ, майоръ принялся угощать себя жареными блюдами съ величайшимъ усердіемъ, оказывая полное презрѣніе медицинскому факультету, предписывающему строгую діету для всѣхъ особъ съ его темпераментомъ и здоровьемъ.

– Вы не заходили туда, сэръ? – спросилъ майоръ, указывая на противоположный флигель, – вы не видали нашей пріятельницы?

– То есть, миссъ Токсъ? Нѣтъ, майоръ, не видалъ.

– Славная женщина: не правда ли? – сказалъ майоръ съ жирнымъ смѣхомъ, отъ котораго чуть не лопалось его узкое горло.

– Что вы хотите сказать? миссъ Токсъ на мои глаза очень порядочная женщина.

Этотъ отвѣтъ, казалось, доставилъ майору безконечное наслажденіе. Онъ запыхтѣлъ, раздулся и, бросивъ ножикъ съ вилкой, самодовольно началъ потирать руками.

– Старикашка Джозь, сударь мой, занимать тамъ не послѣдній уголокъ; но теперь миновали его красные дни. Джой получилъ отставку. Джозефа Багстока затерли, загнали, уничтожили. Теперь это можно сказать вамъ, Домби.

Майоръ пріостановился и посмотрѣлъ вокругъ себя съ таинственнымъ негодованіемъ.

– Это, сударь мой, чертовски честолюбивая женщина!

– Будто бы! – сказала м-ръ Домби съ холоднымъ равнодушіемъ. Въ его физиономіи выразилась презрительная недовѣрчивость насчетъ того, чтобы женщина, подобная миссъ Токсъ, осмѣливались питать въ себѣ такое высокое чувство.

– Эта женщина, – продолжалъ майоръ, – въ своемъ родѣ настоящій Люциферъ. Джой Багстокъ имѣлъ свои красные дни, но это не мѣшало ему держать ухо востро. Онъ смотритъ, сударь мой, во всѣ глаза. Его высочество, покойный герцотъ іоркскій, не разъ говаривалъ, что стараго Багстока самъ чортъ не проведетъ.

Сказавъ это, майоръ съ остервенѣніемъ принялся доѣдать жирный пирогъ и запивать горячимъ чаемъ. Его красное богдыханское лицо разгорѣлось и раздулось до такой степени, что м-ру Домби сдѣлалось страшно.

– Эта старая мартышка, сударь мой, – продолжалъ майоръ, – летитъ за облака съ своими замыслами. Она мѣтитъ выйти замужъ не хуже какой-нибудь герцогини.

– Жалѣю о ней, – сказалъ м-ръ Домби.

– Не говорите этого, Домби, – возразилъ майоръ предостерегательнымъ голосомъ.

– Почему же нѣтъ?

Вмѣсто отвѣта майоръ захрипѣлъ, какъ надорванная лошадь, и принялся доѣдать кусокъ пирога.

– Она часто посѣщала вашъ домъ и, кажется, принимала участіе въ вашемъ хозяйствѣ?

– Это правда, – величаво отвѣчалъ м-ръ Домби. – Миссъ Токсъ передъ кончиной м-съ Домби была мнѣ представлена, какъ пріятельница моей сестры. Такъ какъ послѣ того она обнаружила нѣкоторую привязанность къ моему сыну и всегда вела себя приличнымъ образомъ, то ей позволено было – даже могу сказать – ее поощрили повторить свои визиты, и она мало-по-малу поставила себя на короткую ногу въ моемъ домѣ и завѣдывала нѣкоторыми частями управления вмѣстѣ съ м-съ Чиккъ. Я уважалъ и не могъ не уважать миссъ Токсъ. Она успѣла въ короткое время оказать услуги въ моемъ домѣ, незначительныя, конечно, бездѣльныя услуги, но сдѣланныя со всею готовностью. Нельзя же мнѣ было не замѣтить ея искренности и усердія. Притомъ, если не ошибаюсь, майоръ, я одолженъ единственно миссъ Токсъ удовольствіемъ быть съ вами знакомымъ.

– Домби, – возразилъ майоръ съ большимъ жаромъ, – вы ошибаетесь на этотъ счетъ, слишкомъ ошибаетесь, и Джозефъ Багстокъ считаетъ обязанностью открыть вамъ глаза. Если вы знаете стараго Джоя такимъ, какъ онъ есть, и если старый Джой имѣетъ удовольствіе знать васъ, этимъ мы обязаны благородному созданію, Домби, а не гадкой мартышкѣ, о которой вы составили такое ошибочное понятіе. Вникните хорошенько въ это обстоятельство, Домби: мы познакомились съ вами черезъ вашего сына, и больше ни черезъ кого. Да!

М-ръ Домби, растроганный этимъ намекомъ, столь близкимъ къ сердцу, опустилъ глаза и вздохнулъ. Майоръ, въ свою очередь, пришелъ въ самое яростное волненіе, вскочилъ со стула и объявилъ, что его сердце готово облиться кровью при такомъ горестномъ воспоминаніи, но онъ сумѣетъ овладѣть собой и не поддастся слабостямъ человѣческой природы.

– Наша пріятельница имѣла съ этимъ событіемъ отдаленную связь, и майоръ Багстокъ готовъ отдать ей полную справедливость. А все-таки ты, матушка моя, хитрая, безстыдная вѣдьма, не въ обиду будь тебѣ сказано, – продолжалъ майоръ, озираясь черезъ Княгининъ лугъ на сосѣднее окно, куда подошла миссъ Токсъ поливать цвѣты, – безсовѣстная, чудовищная тварь! Смѣшна ты, матушка, съ своими демонскими затѣями, и ужъ если онѣ обратятся на твою же голову, пеняй на себя, а не на стараго Багстока. – Здѣсь майоръ страшно захохоталъ. –

Старичинѣ Джою, красавица ты моя, нѣтъ до тебя никакой нужды; но если ты компрометируешь почтенныхъ людей и платишь безстыднымъ нахальствомъ за ихъ добро, то ужъ извини: мы съ тобой раздѣлаемся посвойски.

– Майоръ, – сказалъ м-ръ Домби, покраснѣвъ – надѣюсь, намеки ваши не относятся...

– Я ни на что не намекалъ и не намекаю, Домби: прошу это замѣтить однажды навсегда. Но майоръ Багстокъ, сударь мой, жилъ въ свѣтѣ и знаетъ свѣтъ. Его не проведетъ какая-нибудь мартышка, а вамъ не худо выслушать еще разъ, что эта женщина похитрѣе самого сатаны.

М-ръ Домби невольно бросилъ гнѣвный взглядъ на окно черезъ Княгининъ лугъ.

– Кончено объ этомъ, – сказалъ майоръ съ твердостью, – Джозефъ Багстокъ никогда не былъ сплетникомъ; но ты, красавица моя, хоть кому развяжешь языкъ. Бѣсово отродье! Я долженъ былъ говорить, м-ръ Домби, и теперь ни полслова больше.

Взволнованный майоръ захрѣпилъ опять, какъ надорванная лошадь, и на этотъ разъ пароксизмъ продолжался довольно долго. Придя въ себя, онъ продолжалъ:

– Старый Джозъ, собственно говоря, не имѣетъ высокихъ достоинствъ; но онъ прямъ, открытъ, и душа у него какъ чистое стекло. Вы берете его товарищемъ въ Лемингтонъ, – пусть: онъ ѣдетъ, и вы можете, Домби, распорядиться имъ, какъ угодно. Старикашка весь къ вашимъ услугамъ. О люди, люди, – продолжалъ майоръ шутивнымъ тономъ, ухвативъ себя за подбородокъ, – я, право, не знаю, за что вы любите стараго Джоза, за что вѣшаетесь къ нему на шею; не будь онъ черствъ и разборчивъ, вы бы задушили его своими ласками и приглашеніями.

М-ръ Домби въ короткихъ словахъ благодарилъ за предпочтеніе, оказанное ему передъ другими членами аристократическаго общества; но майоръ далъ ему понять, что онъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ только наклонностямъ своего сердца.

– Лишь только я увидѣлъ васъ, – сказалъ онъ, – разсудокъ и воображеніе заговорили вмѣстѣ: не зѣвай, старикашка, Домби такой человѣкъ, съ которымъ тебѣ стоитъ подружиться.

Между тѣмъ майоръ насытился до такой степени, что эссенція жирнаго паштета видимо просачивалась чрезъ его глаза, а жаренныя почки и пуддингъ до того раздули его короткую шею, что оказалось необходимымъ перевязать галстухъ. Когда наступило время отъѣзда на бирмингамскую желѣзную дорогу, туземецъ съ большимъ затрудненіемъ напялил на него теплый сюртукъ и застегнулъ его сверху до низу. При этой операціи майоръ пыхтѣлъ и отдувался, какъ винная бочка. Вслѣдъ за тѣмъ, туземецъ съ должнымъ почтеніемъ и приличной разстановкою подаль ему замшевыя перчатки, толстую палку и шляпу, которую онъ очень искусно надѣлъ на бекрень, какъ опытный франтъ первой руки. Еще прежде туземецъ позаботился нагрузить экипажъ м-ра Домби, ожидавшійся у воротъ, до послѣднихъ предѣловъ возможности безчисленнымъ множествомъ мѣшковъ, мѣшечковъ, чемодановъ и чемоданчиковъ съ такими же апоплексическими свойствами, какъ и самъ майоръ. Затѣмъ онъ напольшилъ собственные карманы сельтерской водой, остъ-индскимъ хересомъ, буттербродами, шаями, телескопами, газетами и другими мелочами, которыя могли въ дорогѣ понадобится для майора, и наконецъ возвѣстивъ, что все готово къ благополучному путешествію. Когда несчастный туземецъ – говорили, будто онъ былъ какимъ-то князькомъ на своей родинѣ – занялъ въ каретѣ свое мѣсто подлѣ м-ра Туалисона, домохозяинъ метнулъ въ него съ мостовой цѣлой грудой майоровыхъ шинелей и разнокалиберныхъ сюртуковъ, подъ которыми онъ, зарытый какъ въ могилѣ, покатился на станцію желѣзной дороги.

Но прежде, чѣмъ карета тронулась съ мѣста и туземецъ схоронился въ живомъ гробу, у окна появилась миссъ Токсъ, сдѣлала граціозный книксенъ и еще граціознѣе замахала лилейно бѣлымъ платочкомъ. М-ръ Домби принялъ это прощальное привѣтствіе очень холодно – очень хододно даже для него – и, сдѣлавъ ей самый легкій, едва замѣтный поклонъ, небрежно облокотился въ каретѣ съ довольнымъ видомъ. Это доставило майору невыразимое наслажденіе. Самъ онъ раскланялся съ миссъ Токсъ съ обыкновенной любезностью и, усѣвшись въ карету,

продолжалъ самодовольно улыбаться, какъ Мефистофель, и пыхтѣть, какъ откормленный буйволъ.

Приѣхавъ на станцію, путешественники нѣсколько времени ходили по галлерей взадъ и впередъ, пока готовился поѣздъ желѣзной дороги. М-ръ Домби былъ пасмурень, молчаливъ и угрюмъ, а майоръ безъ умолку рассказывалъ разные очень забавные анекдоты, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, разумѣется, былъ не кто другой, какъ Джозефъ Багстокъ. Гуляя такимъ образомъ, они, съ перваго появленія, обратили на себя вниманіе одного суетившагося около самаго паровоза работника, который снималъ шапку всякій разъ, какъ они проходили мимо. Но ни одинъ изъ нихъ не замѣчалъ этого маневра. М-ръ Домби обыкновенно смотрѣлъ свысока и не обращалъ вниманія на толпу, а майоръ былъ слишкомъ углубленъ въ сущность своихъ рассказовъ и не видалъ ничего. Наконецъ, при одномъ изъ ихъ поворотовъ, работникъ выступилъ впередъ, снялъ шапку и загородилъ дорогу мру Домби.

– Прошу извинить, сэръ, – сказалъ онъ, – но я надѣюсь, вы ничего, сэръ, такъ себѣ: не правда ли?

Работникъ былъ одѣтъ въ парусинный кафтанъ, запачканный угольной пылью, масломъ и саломъ. Его волосы и бакенбарды были пропитаны пепломъ и свѣжей золой. При всемъ томъ, въ его манерахъ, грубыхъ и неуклюжихъ, проглядывало добродушіе. Словомъ, это былъ не кто другой, какъ м-ръ Тудль въ своемъ форменномъ костюмѣ.

– Я буду, сэръ, вамъ кочегарить, то-есть загребать уголья, сэръ, прошу извинить. Здоровы ли вы?

Въ награду за участіе м-ръ Домби подарилъ грязнаго работника самымъ презрительнымъ взглядомъ. Добрый Тудль смекнулъ, что его не узнали.

– Осмѣлюсь напомнить, – продолжалъ онъ, – жена моя Полли, а въ вашемъ домѣ прозывалась Ричардсъ...

На этотъ разъ фізіономія м-ра Домби выразила слишкомъ явное презрѣніе, и м-ръ Тудль долженъ былъ остановиться, не окончивъ рѣчи.

– Вашей женѣ нужны деньги, что ли? – сказалъ м-ръ Домби, опуская руку въ карманъ.

– Нѣтъ, сэръ, благодарю, – возразилъ Тудль. – У Полли есть деньги. У меня тоже. Благодаримъ.

М-ръ Домби остановился въ свою очередь, и очень неловко. Его рука барахталась въ карманѣ.

– Благодарю васъ, сэръ, – продолжалъ кочегаръ, повертывая на разные манеры свою клеенчатую фуражку. – Мы ничего, проживаемъ себѣ недурно. Полли съ той поры, сэръ, принесли мнѣ еще четырехъ дѣтенышей. Семья, сэръ, большая, а концы съ концами сводимъ.

М-ръ Домби хотѣлъ повернуть къ своей каретѣ, хотя бы пришлось сбить съ ногъ кочегара, но его вниманіе невольно остановилось на фуражкѣ, которую тотъ продолжалъ вертѣть.

– Мы, сэръ, потеряли одного дѣтеныша, – продолжалъ Тудль. – Что дѣлать! грѣшные люди.

– Недавно? – спросилъ м-ръ Домби, продолжая смотрѣть на фуражку, на которой торчалъ кусокъ крепу.

– Нѣтъ, сударь, давненько, года три назадъ, а впрочемъ другія дѣти живы и здоровы. А насчетъ грамоты, помните? вы изволили меня спрашивать. Тогда я немножко мараковалъ мѣломъ, а теперь читаю и пишу съ вашего позволенія. Мои мальчуганы сдѣлали изъ меня настоящаго школьника. Все, сэръ, идетъ какъ по маслу.

– Пойдемте, майоръ, – сказалъ м-ръ Домби.

– Нѣтъ ужъ вы извините меня, – продолжалъ Тудль, выступая впередъ и размахивая фуражкой. – Я бы не сталъ васъ беспокоить, да только старшій мой сынишка, Котель, изволите припомнить? Его, впрочемъ зовутъ Робинъ, а это только прозвище. Вы его включили тогда въ училище Благотворительнаго Точильщика.

– Ну? – сказала м-рь Домби строгимъ и сердитымъ тономъ. – Что же онъ?

– Да что? – продолжалъ Тудль, махнувъ рукой и покачивая головой съ видомъ отчаянной грусти, – вѣдь онъ совсѣмъ свихнулся.

– Какъ свихнулся? – спросилъ м-рь Домби не безъ нѣкотораго удовольствія.

– Да, такъ-таки и свихнулся, судари вы мои, – продолжалъ отецъ, устремивъ горестный взглядъ на обоихъ путешественниковъ, надѣясь встрѣтить въ майорѣ нѣкоторое сочувствіе своему горю. – Котель пошелъ по дурной дорогѣ. Злые люди завлекли его въ свою шайку. Быть можетъ, онъ опомнится и авось, Богъ дастъ, возвратится на путь истинный, а теперь – бѣда, да и только. Вы объ этомъ, м-рь Домби, вѣроятно, услышали бы отъ чужихъ людей, а, пожалуй, и начальство донесло бы вамъ, что вотъ-де Благодетельный Точильщикъ развратнаго поведенія. Мнѣ больно, сэръ, говорить объ этомъ да ужъ такъ и быть: узнайте отъ отца о развратѣ его сына. Бѣдная Полли горюетъ день и ночь. Она въ отчаяніи, господа, – заключилъ Тудль, снова устремивъ печальный взглядъ на майора.

– Обыкновенная исторія, – сказала м-рь Домби, подавая майору руку. – Его сыну я доставилъ воспитаніе. Вотъ и благодарность!

– И впередъ наука, – отвѣчалъ майоръ. – Примите совѣтъ отъ стараго Джоя, м-рь Домби, – людей этого сорта воспитывать никогда не должно. Они же сядутъ вамъ на шею.

– Да и то сказать, – продолжалъ отецъ, – если бы вы знали, какъ тиранили мое дѣтище въ этой школѣ Благодетельнаго Точильщика! Не проходило недѣли, чтобы его не выпороли два или три раза. Бывало, бѣдняжка сидитъ за книгой день и ночь, а изъ училища воротится съ раздутыми щеками и подбитымъ глазомъ. И какъ срамили его! Надѣнуть, бывало, дурацкій колпакъ, да и давай дразнить, какъ попугая. Учитель-то его, скажу я вамъ, хуже всякой собаки. Ни жалости, ни пощады... и за всякую бездѣлицу...

– Пойдемте, майоръ, – сказала м-рь Домби. – Этому конца не будетъ.

– Разумѣется, не будетъ, – подтвердилъ майоръ, усаживаясь въ карету и потчюя страшными ругательствами бѣднаго туземца, который помогаль господину помѣстить приличнымъ образомъ въ вагонѣ его тучное тѣло.

– Да, м-рь Домби, – продолжалъ онъ, – опять повторю вамъ, – этому народу не нужно давать никакого воспитанія. Вотъ, напр., если бы выучить чему-нибудь этого разбойника, да его бы повѣсили на первой висѣлицѣ.

М-рь Домби согласился съ печальнымъ видомъ, нахмурилъ брови и молча сѣлъ въ карету, не обращая вниманія на окружающіе предметы. Поѣздъ тронулся. Майоръ болталъ безъ умолку, а м-рь Домби болѣе и болѣе погружался въ пасмурныя думы. Не одинъ Точильщикъ былъ у него на умѣ: крепъ на запачканной фуражкѣ кочегара послужилъ плодотворной темой для тревожныхъ размышленій. Было ясно, тотъ носилъ трауръ по его сынѣ.

Итакъ, сверху до низу, дома и внѣ дома, отъ Флоренсы, въ его богатыхъ и пышныхъ хоромахъ, до грязнаго работника, разгребающаго уголья въ дымящемся паровозѣ, – всѣ обнаруживаютъ притязанія на участіе въ его сынѣ, всѣ оспариваютъ его у отца! Могъ ли онъ забыть, какъ жена этого добряка плакала надъ подушкой умирающаго ребенка и называла его своимъ милымъ, ненагляднымъ дитяткой! Могъ ли онъ забыть, какая лучезарная радость озарила лицо умирающаго младенца, когда эта женщина осыпала его своими материнскими ласками!

– Какъ? – думалъ м-рь Домби. – Ужели этотъ несчастный осмѣливается обнаруживать свою печаль о предметѣ, безконечно удаленномъ отъ него по общественному положенію? Ужели онъ, забрызганный масломъ, запачканный сажей и золою, смѣетъ носить трауръ по его сынѣ? И ужели этотъ младенецъ, призванный по своему назначенію раздѣлять его сокровища, планы, власть, и съ которымъ они должны были отдѣлиться отъ всего міра грудями золота и серебра, – ужели онъ могъ современемъ допустить къ себѣ всю дрянъ, которая теперь съ такою наглостью хвастается своимъ участіемъ къ его преждевременной смерти! Ужасныя предположенія!

Путешествіе не доставляло мру Домби никакого разсѣянія. Цвѣтушія поля и богатые сельскіе виды были для него дикой пустынею, по которой онъ стремглавъ летѣлъ съ мучительными мыслями въ головѣ, съ безотрадной тоской въ сердцѣ. Быстрота дороги оскорбляла и дразнила его своимъ сходствомъ съ быстрымъ потокомъ молодой жизни, унесенной такъ безжалостно къ ея невѣдомой цѣли. Сила, которая теперь вихремъ мчала его по желѣзнымъ рельсамъ, гордо презирая на своемъ пути всѣ возможные препятствія и унося за собой живыя созданія всякаго пола и возраста, всякаго званія и положенія – эта несокрушимая сила была, въ его глазахъ, образомъ торжествующаго чудовища, – смерти.

И летитъ оно, это чудовище, съ громомъ, съ ревомъ, съ визгомъ, пробиваясь черезъ жилища людей, сверкая по лугамъ, прокапываясь черезъ сырую землю, волнуясь въ темнотѣ черезъ затхлый воздухъ и вновь прорываясь на вольный свѣтъ, озаренный яркими лучами солнца! Съ громомъ, съ визгомъ, съ ревомъ летитъ оно черезъ поля, черезъ лѣса, черезъ нивы, черезъ песокъ, черезъ глину, черезъ мѣловыя горы, черезъ утесы, – и все даетъ ему дорогу, все склоняется передъ нимъ, какъ передъ смертью, передъ этимъ неумолимымъ властелиномъ всего живущаго и прозябающаго подъ солнцемъ!

По лощинамъ, по холмамъ, по долинамъ, по горамъ, по паркамъ, по лугамъ, по огородамъ, по садамъ, черезъ каналы, черезъ рѣки, черезъ тучныя пастбища съ табунами и стадами, черезъ безмолвныя кладбища съ монументами и крестами, черезъ заводы съ ихъ дымными трубами, черезъ деревни съ ихъ бѣдными хижинами, черезъ площадки съ ихъ великолѣпными зданіями и куполами, – вездѣ и черезъ все летитъ оно съ громомъ, съ визгомъ, съ ревомъ, не оставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ, точно такъ же, какъ смерть, какъ этотъ неумолимый властелинъ всего живущаго и прозябающаго подъ солнцемъ!

Впередъ и впередъ, въ ведро и ненастье, въ дождь и бурю, черезъ пропасти и трясины, впередъ по насыпямъ и массивнымъ мостамъ, мимо деревенскихъ хижинъ, мимо великолѣпныхъ дачъ и богатыхъ помѣстій, мимо старыхъ дорогъ и тропинокъ, мимо мельницъ и фабрикъ, впередъ и впередъ мимо всѣхъ этихъ людей, съ безмолвнымъ изумленіемъ глазьющихъ на могучаго гиганта, который катится и реветъ, гордо и быстро, ровно и гладко, направляя путь къ вѣрной цѣли, презирая всѣхъ и все, какъ этотъ неумолимый властелинъ всего живущаго и прозябающаго подъ солнцемъ.

Летитъ паровой гигантъ съ громомъ, съ ревомъ, съ визгомъ, прорываясь подъ самую землю и работая съ такой энергіей, что движеніе среди мрака и вихря кажется остановленнымъ до той поры, пока лучъ свѣта на мокрой стѣнѣ не обнаружитъ его стремленія, подобнаго бурному потоку. И вновь летитъ онъ подъ открытымъ небомъ при блескѣ солнца, летитъ съ пронзительнымъ визгомъ, изрыгая изъ мрачной пасти адское презрѣніе на всѣхъ и на все. Тамъ и сямъ на мгновеніе останавливается онъ передъ толпой новыхъ лицъ, съ жадностью пьетъ воду, смачиваетъ перегорѣвшее горло, и прежде, чѣмъ помпа, утолившая его жажду, перестала капать, онъ опять кружится и реветъ, съ визгомъ и трескомъ пробѣгая багряное пространство.

И громче визжитъ онъ, и сильнѣе реветъ, подѣзжая наконецъ къ опредѣленной цѣли. Его путь, какъ путь смерти, усѣянъ теперь пепломъ и прахомъ. Все почернѣло вокругъ. Чуть виднѣются тамъ и сямъ грязныя лужи, темныя захолустья, мрачныя жилища, развалившіяся стѣны, проломленныя крыши, скаредныя каморки, черезъ которыя проглядываютъ нищета и болѣзни во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ и видахъ. Дико и угрюмо смотритъ м-ръ Домби изъ окна вагона на окружающіе предметы: онъ увѣренъ, что лучи дневного свѣтила никогда не падаютъ на эту грязь, окуренную дымомъ и копотью безобразнаго чудовища, которое принесло его на это мѣсто. Таковъ былъ соотвѣтствующій конецъ этого пути, опустошительный и гибельный, и такимъ могло быть окончаніе всякой вещи!

Ни на одно мгновеніе не прояснились мысли м-ра Домби. На все онъ смотрѣлъ съ угрюмымъ и мрачнымъ видомъ и во всемъ находилъ близкое отношеніе къ своему несчастью. Всѣ предметы, отъ дымящагося паровоза до изуродованной трубы на ближайшей развалинѣ, оба-

вали его гордую душу мертвящимъ холодомъ, кололи безъ пощады его ревнивое сердце и, казалось, еще больше раздували его ненависть къ тѣмъ лицамъ, которыя, такъ или иначе, обнаруживали свои права на любовь и память умершаго младенца.

Одно лицо въ продолженіе этого переѣзда съ особенной ясностью рисовалось въ его воображеніи, лицо заплаканное, прикрытое дрожащими руками, черезъ которыя однако-жь искрились глаза, постигавшіе сокровенныя мысли его души. И теперь онъ видѣлъ передъ собой это лицо, обращенное къ нему съ робкой мольбой, точь-въ-точь, какъ въ ту послѣднюю ночь передъ отѣздомъ, когда онъ приводилъ въ порядокъ разбросанныя бумаги въ своемъ уединенномъ кабинетѣ. Не выражалось на немъ ни укоризны, ни упрека, но какое-то тревожное сомнѣніе, очень похожее на упрекъ послѣ того, какъ сомнѣніе превратилось въ роковую увѣренность относительно подозрѣваемыхъ чувствъ отца къ отверженному дѣтищу. Словомъ, лицо Флоренсы крайне тревожило м-ра Домби.

Отчего же? Развѣ онъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти? вовсе нѣтъ. Но чувство, пробужденное въ немъ этимъ воспоминаніемъ, образовалось теперь ясно и грозило созрѣть во всей полнотѣ, между тѣмъ какъ прежде онъ самъ едва подозрѣвалъ его существованіе. Лицо это окружилось для него атмосферой ненависти и преслѣдованія, и ему уже мерещился кинжалъ обоюдоострый, готовый на пораженіе смертельнаго врага. Чудовищное воображеніе, разъ навсегда отравленное неестественной злобой, рисовало для него одинаково мрачными красками и картину смерти, уничтожившей завѣтныя надежды, и картину жизни, представлявшей безпрерывную перспективу огорченій и досады. Одно дитя погибло, а другое уцѣлѣло. Зачѣмъ уцѣлѣла дочь, отверженная дочь, а не сынъ, на которомъ сосредоточивались всѣ проекты ума, всѣ надежды сердца? Прокіятая смерть!

Таковы были чувства и размышленія, пробужденныя въ чудовищномъ отцѣ прелестнымъ и нѣжнымъ образомъ его дочери. Она была незванымъ гостемъ при самомъ вступленіи въ жизнь, а теперь только растравляла раны его сердца. Будь его сынъ единственнымъ дѣтищемъ, ударъ, сразившій его, былъ бы, конечно, тяжелъ для отцовскаго сердца, но все же не такъ, какъ теперь, когда онъ могъ упасть на другое дитя, которое не стоило бы никакихъ сожалѣній. Словомъ, невинное, любящее лицо Флоренсы отнюдь не производило на него успокоительнаго дѣйствія. Онъ отвергалъ ангела и прилѣплялся къ злему духу, терзавшему его сердце. Ея терпѣніе, доброта, расцвѣтающая юность, любовь, самоотверженіе, были не болѣе какъ едва замѣтныя пылинки на пеплѣ ненависти и презрѣнія. Ея образъ носился передъ нимъ въ какомъ-то зловѣщемъ туманѣ и только сгущалъ ужасный мракъ, облежавшій его душу. Не разъ, во время этой дороги, рисуя своей палкой фантастическія фигуры, онъ думалъ, какъ бы избавиться отъ преслѣдующей его тѣни Флоренсы? Эта мысль и теперь тяжелымъ бременемъ лежала на его душѣ.

Майоръ между тѣмъ отдувался и пыхтѣлъ во всю дорогу не хуже дымнаго паровоза, и глаза его нерѣдко отрывались отъ газетнаго листка, уносясь въ туманную даль, какъ будто онъ видѣлъ цѣлую коллекцію перезрѣлыхъ дѣвъ, спасавшихся отъ него вмѣстѣ съ миссъ Токсъ въ сокровенныхъ и неприступныхъ убѣжищахъ, гдѣ все-таки достигнетъ и откроетъ ихъ мстительная десница пронизательнаго Джоя. Теперь онъ вывелъ своего пріятеля изъ задумчивости торопливымъ извѣстіемъ, что лошади заложены, и почтовая карета готова.

– Домби, – сказалъ майоръ, слегка дотрогиваясь палкой до его плеча, – перестаньте задумываться: это дурная привычка. Старичина Джо, скажу я вамъ, не былъ бы разбитнымъ малымъ, если бы не держалъ на привязи своихъ мыслей. Вы великій человекъ, Домби, и вамъ ли давать волю бесполезному раздумью? Берите примѣръ съ меня, и будьте тверды, какъ гранитъ.

М-ръ Домби въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ необходимость уступить дружескому совѣту джентльмена, умѣвшаго вездѣ и во всемъ сохранить присутствіе духа, и который такъ хорошо постигалъ неотъемлемыя достоинства его высокой натуры. Свѣжіе кони побѣжали легкой рыс-

пой по гладкому шоссе, майоръ принялся рассказывать интересные анекдоты, и м-ръ Домби, дѣлая нѣкоторое усилие, началъ прислушиваться къ одушевленному краснорѣчію, которое, не бывъ болѣе заглушаемо неугомоннымъ паровозомъ, полилось обильнымъ потокомъ изъ краснорѣчивыхъ устъ блистательнаго оратора.

Неистошимо-остроумная бесѣда прерывалась только остановками на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ путешественники закусывали на скорую руку, и обыкновенными подагрическими припадками краснорѣчиваго героя, за которые долженъ былъ раздѣлываться горемычный туземецъ, созданіе жалкое всегда и особенно теперь, во время хлопотливаго переѣзда. Въ темно-бурыхъ ушахъ его торчали длинныя неуклюжія серьги, и европейскій костюмъ сидѣлъ на немъ, какъ сѣдло на коровѣ; независимо отъ искусства портного, онъ былъ длиненъ, гдѣ слѣдовало быть короткимъ, коротокъ, гдѣ слѣдовало быть длиннымъ, узокъ тамъ, гдѣ надлежало быть широкимъ, и наоборотъ. Къ довершенію эффекта, бѣдный туземецъ корчился, какъ продрогшая обезьяна и съеживался, какъ высохшій орѣхъ всякій разъ, какъ строгій властелинъ нападалъ на него съ своими угрозами и энергическими жестами. Все это пріятно разнообразило время, и день пролетѣлъ почти незамѣтно. Тихимъ и прохладнымъ вечеромъ карета катилась по зеленой травянистой дорогѣ недалеко отъ Лемингтона, и майоръ, не умолкавшій ни на минуту, забасилъ подъ конецъ такимъ образомъ, какъ будто голосъ его раздавался изъ-подъ ближайшей копны сѣна или изъ-подъ нижняго каретнаго ящика. По пріѣздѣ въ Лемингтонъ, путешественники остановились въ королевскомъ отелѣ, гдѣ майоръ немедленно заказалъ великолѣпный ужинъ, за которымъ наѣлся и напился до такой степени, что по выходѣ изъза стола уже не былъ въ состояніи произнести ни одного слова, и туземецъ принужденъ былъ отгадывать его приказанія по интонаціи хриплаго кашля, выходившаго изъ его гортани.

Но на другое утро майоръ вострепнулся, какъ освѣжившійся богатырь, и отправился оживлять своего друга. За завтракомъ они уговорились насчетъ ежедневныхъ занятій. Майоръ принялъ на себя отвѣтственность заказывать кушанья и вина, и они условились завтракать вмѣстѣ каждый день. М-ръ Домби изъявилъ желаніе въ этотъ первый день пребыванія въ Лемингтонѣ, гулять по городу наединѣ или безвыходно остаться въ своей комнатѣ, а на другое утро рѣшено было отправиться за городъ и въ залу минеральныхъ водъ. Окончивъ эти распоряженія, пріятель разстался до обѣда. М-ръ Домби пошелъ сообразиться съ мыслями, а майоръ, въ сопровожденіи туземца, который несъ за нимъ походный стулъ, зонтикъ и шинель, отправился разгуливать по площадямъ и гостиницамъ въ намѣреніи отобрать подробныя справки обо всѣхъ пріѣхавшихъ въ городъ. Онъ очень мило кокетничалъ съ пожилыми дамами, бывшими отъ него въ восторгѣ, и успѣлъ объявить вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, что старичина Джой, хитрый и тугой, путешествуетъ съ богатѣйшимъ и почтеннѣйшимъ негоціантомъ, котораго имя гремитъ на востокъ и западъ, по всѣмъ концамъ вселенной. Майоръ былъ мастеръ рекомендовать друзей, если вмѣстѣ съ этой рекомендаціей выставялась и его особа въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ.

За обѣдомъ майоръ рассказалъ кучу самыхъ свѣжихъ новостей, м-ръ Домби не могъ надивиться свѣтскости и социальнымъ свойствамъ своего пріятеля. Раннимъ утромъ онъ зналъ напередъ всѣ извѣстія послѣднихъ газетъ и, рассказывая о нихъ въ продолженіе завтрака мру Домби, очень искусно намекнулъ, что насчетъ различныхъ политическихъ новостей заѣзжали къ нему совѣтоваться такія важныя и сильныя особы, что онъ можетъ сообщить о нихъ не иначе, какъ весьма темными намеками. М-ръ Домби, жившій такъ долго взаперти и ни разу не переступавшій за очарованный кругъ торговыхъ операцій въ Сити, началъ думать, что теперь одинокая жизнь его озарится невиданнымъ блескомъ и, отложивъ намѣреніе провести въ уединеніи еще одинъ день, отправился гулять съ майоромъ рука объ руку.

Глава XXI Новыя лица

Высокіе путешественники гуляли рука объ руку на главной лемингтонской улицѣ по солнечной ея сторонѣ. Майоръ, синелищій и пучеглазый, какъ всегда, моргалъ и кашлялъ съ удивительнымъ эффектомъ, величественно вышагивая впередъ и еще величественнѣе повертывая толстой головою изъ стороны въ сторону, дабы видѣть и разумѣть всякій смертный, какая онъ особа. Едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ майоръ встрѣтилъ одного изъ своихъ знакомыхъ; еще нѣсколько шаговъ – и другой знакомый попался на встрѣчу; но майоръ только слегка кивалъ имъ головою и, продолжая путеводительствовать мру Домби, объяснялъ ему значеніе мѣстности и оживлялъ прогулку соблазнительными анекдотами о текущихъ новостяхъ.

Гуляя такимъ образомъ около часу для собственнаго удовольствія, майоръ и м-ръ Домби завидѣли вдали катившееся къ нимъ кресло на колесахъ, гдѣ развалившись сидѣла леди, поворачивая рулемъ, между тѣмъ какъ сзади какая-то невидимая сила толкала впередъ фантастическій экипажъ. Хотя леди была очеиь не молода, но на полныхъ щекахъ ея расцвѣтали розы, а нарядъ и осанка обнаруживали привычки первой юности. Подлѣ кресель, немного поодаль, выступала, какъ павлинь другая леди, гораздо моложе, красивая собой, гордая и величественная, съ прозрачнымъ зонтикомъ въ рукахъ, съ поникшей головою, съ опущенными рѣсницами. Ея поступь и надменная осанка говорили ясно, что, если кромѣ зеркала, есть на свѣтѣ вещи, достойныя нѣкотораго вниманія, такъ это, во всякомъ случаѣ, не земля и не звѣзды.

– Что за дьяволь! – вскричалъ майоръ, останавливаясь вдругъ, когда подъѣхала маленькая кавалькада, – на кого это мы наткнулись?

– Милая Эдиоъ! – нѣжно лепетала пожилая леди, – майоръ Багстокъ!

Услышавъ этотъ голосъ, майоръ мгновенно выпустилъ руку м-ра Домби, стрѣлою подскочилъ къ кресламъ, схватилъ перчатку пожилой леди и съ нѣжностью поднесъ ее къ своимъ губамъ. Потомъ съ неменьшей любезностью онъ сложилъ на груди объ руки и низко поклонился молодой дамѣ. Когда кресла остановились, двигавшая ихъ сила явилась передъ глазами зрителей въ формѣ раскраснѣвшагося пажа, который, вытянувшись во весь ростъ, оказался высокимъ, долговязымъ и тощимъ верзилой съ мутными глазами и длиннымъ носомъ. Его волосы были растрепаны и шляпа скомкана, оттого что онъ, гдѣ не хватало силы, имѣлъ обыкновеніе пырять головою спинку экипажа, какъ это иной разъ дѣлають слоны въ восточныхъ странахъ.

– Джой Багстокъ, милостивыя государыни, гордится и съ этой минуты считаетъ себя счастливымъ на весь остатокъ своей жизни.

– Фальшивое созданіе, – лѣниво проговорила пожилая леди, – терпѣть тебя не могу. Откуда?

– Въ такомъ случаѣ, миледи, чтобы сдѣлаться терпимымъ, позвольте вамъ представить моего почтеннаго друга. М-ръ Домби, м-съ Скъютонъ. – Пожилая леди растаяла отъ удовольствія. Майоръ скороговоркой продолжалъ: – м-ръ Домби, м-съ Грэйнджеръ. – Леди съ прозрачнымъ зонтикомъ, казалось, едва замѣтила, что м-ръ Домби, скинувъ шляпу, дѣлаеть ей низкіе поклоны. – Я въ восторгѣ, сэръ, – говорилъ майоръ, – отъ такого неожиданнаго случая.

Майоръ точно былъ въ восторгѣ, и его чувство выражалось энергическими жестами. Онъ самодовольно моргалъ глазами, осматривая трехъ особъ, познакомившихся черезъ его рекомендацію.

– М-съ Скъютонъ, Домби, – продолжалъ майоръ, – производитъ тревогу въ сердцѣ стараго Джоза.

М-ръ Домби деликатно замѣтилъ, что онъ этому не удивляется.

– Перестань, вѣроломный бѣсенокъ! – воскликнула пожилая дама. – Давно ли ты здѣсь, негодный?

– Только одинъ день, – отвѣчала майоръ.

Пожилая леди осторожно поправила вѣромъ свои фальшивые локоны и фальшивыя брови и, выставляя на показъ свои фальшивыя зубы, проговорила:

– Можешь ли ты, злой демонъ, пробыть хоть одну минуту въ томъ саду – какъ онъ называется?...

– Вѣроятно Эдемъ, мама, – презрительно добавила молодая леди.

– Что дѣлать, моя милая? – никакъ не могу удержать въ головѣ этихъ страшныхъ именъ. – Такъ можешь ли ты, злой демонъ, пробыть въ этомъ саду, не поражаясь красотами природы, не вдыхая сладкихъ благоуханій, проникающихъ бытіе существъ? – заключила м-съ Скьютонъ, размахивая платкомъ, который дѣйствительно былъ пропитанъ благовонными эссенціями.

Свѣжій энтузіазмъ краснорѣчія м-съ Скьютонъ поразительно противорѣчилъ ея увядшимъ манерамъ, но еще большее противорѣчіе обнаружилось между ея платьемъ и возрастомъ: ей было подѣ семьдесятъ, а она была разодѣта, какъ двадцатилѣтняя красавица. Ея поза въ креслахъ, неизмѣнно одна и та же, была та самая, которую лѣтъ за пятьдесятъ придалъ ей одинъ молодой художникъ, подписавшій подѣ ея портретомъ имя Клеопатры: она изображена была сидѣвшею въ коляскѣ, и современные критики дѣйствительно находили, что она очень похожа на египетскую царицу. М-съ Скьютонъ считалась тогда одной изъ первыхъ красавицъ, и модные франты, выпивая въ честь ея дюжины тостовъ, бросали бокалы черезъ головы въ потолокъ. Красота и коляска исчезли давно; но она въ точности сохранила старинную позу, и для этой только цѣли разѣзжала въ креслахъ на колесахъ, иначе ничто бы не мѣшало ей гулять пѣшкомъ.

– М-ръ Домби, надѣюсь, обожаетъ природу? – сказала м-съ Скьютонъ, поправляя брилльянтовую брошку. Должно замѣтить, что брилльянты и фамильныя связи были главнѣйшими предметами ея гордости.

– Почтенный другъ мой, – возразилъ майоръ, – конечно, втайнѣ поклоняется красотамаъ природы; но человекъ, который по своему положенію поставленъ выше всѣхъ въ величайшемъ изъ городовъ вселенной...

– Всѣмъ извѣстно огромное вліяніе м-ра Домби, – сказала м-съ Скьютонъ.

М-ръ Домби призналъ дѣйствительность комплимента легкимъ наклоненіемъ головы. Молодая леди обратила на него глаза и встрѣтилась съ его взоромъ.

– Вы здѣсь живѣте? – спросилъ м-ръ Домби, обращаясь къ м-съ Грэйнджеръ.

– Нѣтъ. Мы были во многихъ мѣстахъ. Въ Гаррогетъ, въ Скарборо и во всемъ Девонширѣ. Мы вездѣ останавливались на нѣсколько дней. Мама любитъ перемѣны.

– А Эдиоъ, конечно, не любитъ перемѣнъ, – съ колкостью замѣтила м-съ Скьютонъ.

– Не думаю, чтобы ѣздить по такимъ мѣстамъ значило любить перемѣны, – съ величайшимъ хладнокровіемъ отвѣчала молодая леди.

– На меня клеветаютъ, господа, – замѣтила м-съ Скьютонъ съ глубокимъ вздохомъ, – къ одной перемѣнѣ стремится мое сердце, но... увы! обстоятельства не позволяютъ ея наслаждаться. Свѣтъ и люди безотвязны съ своими требованіями. Но уединенная жизнь, но созерцаніе – вотъ мой... какъ бишь это называется?

– Рай, хотите вы сказать, мама, такъ и говорите, пожалуйста, иначе не поймутъ.

– Ты знаешь, милая Эдиоъ, – возразила м-съ Скьютонъ, – съ этими варварскими именами я всегда завишу отъ тебя. Увѣрю васъ, м-ръ Домби, природа создала меня яркадской пастушкой, а люди забросили въ самый вихрь мірской суеты. Коровы – страсть моя. Да, жить среди полей и лѣсовъ дремучихъ или удалиться въ Швейцарію, на какую-нибудь ферму, окружить себя коровами и фарфоромъ – вотъ гдѣ истинное блаженство.

Мръ Домби, по сцѣпленію идей, припомнилъ знаменитаго быка,¹³ Авторъ намекаетъ на извѣстную иъ англійской литературѣ оду "Mad dul and China shop", гдѣ герой прессы, бѣшенный быкъ, ворвавшись въ фарфоровую лавку, перебилъ и перековеркалъ все, уничтоживъ такимъ образомъ скромные замыслы торговца. *Прим. перев.* забѣжавшаго ошибкой въ фарфоровый магазинъ, но, сохраняя неизмѣнно важный видъ, объявилъ съ своей стороны, что природа доставляетъ великія наслажденія.

– Но чего нѣтъ у меня, – продолжала м-съ Скьютонъ, слегка ущипнувъ себя за горло, – такъ это сердца.

Пожилая леди вовсе безъ умысла высказала ужасную истину.

– Чего недостаетъ для моего общества, – продолжала она, – такъ это откровенности, простоты, свободнаго изліянія мыслей и чувствъ Мы страшно неестественны.

– Точно мы неестественны.

– Словомъ, – продолжала м-съ Скьютонъ, – натура нужна мнѣ, натура, очаровательная вездѣ и во всемъ.

– Натура приглашаетъ насъ впередъ, мама, если вы готовы, – съ нетерпѣніемъ возразила молодая леди, вздернувъ прекрасныя губки.

При этомъ намекѣ, долговязый пажъ, смотрѣвшій разиня ротъ на новыхъ знакомцевъ, вдругъ исчезъ за спинкой кресель, какъ будто провалился сквозь землю.

– Погодите, Витерсъ! – сказала м-съ Скьютонъ, когда кресла пришли въ движеніе. При этомъ воззваніи къ пажу, она сохранила такое достоинство, съ какимъ въ былыя времена обращалась къ кучеру въ щегольскомъ парикѣ и шелковыхъ чулкахъ. – Гдѣ ты остановился чудовище?

Майоръ остановился въ Королевскомъ отелѣ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Домби.

– Можешь заходить къ намъ по вечерамъ, если не будешь шалуномъ, – лепетала м-съ Скьютонъ. – Если м-ръ Домби почтитъ насъ своимъ посѣщеніемъ, мы будемъ очень рады. Ступайте, Витерсъ!

М-ръ Домби поклонился. Майоръ поспѣшилъ прижать къ синимъ губамъ кончики пальцевъ, покоившихся à la Клеопатра на ручкѣ кресель. Пожилая леди почтила ихъ граціозной улыбкой и дѣвическимъ движеніемъ руки, а младшая дама слегка и небрежно кивнула головой, сколько позволяло приличіе.

Морщинистое наштукатуренное лицо семидесятилѣтней старухи, бросавшей на прощанье умильные взоры, и гордый взглядъ молодой красавицы, стройной и прямой, какъ полевая лилія, возбудили въ майорѣ и м-рѣ Домби такое невольное любопытство, что они оба въ одну минуту обернулись назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на интересныхъ знакомокъ. Долговязый пажъ, перегнувшись въ три погібели, трудился изо всѣхъ силъ за спинкой кресель, взбираясь на небольшой холмъ, шляпка Клеопатры, какъ и прежде, развѣвалась на воздухъ; красавица, какъ и прежде, выступала гордой павой, выражая въ своей изящной фигурѣ, съ ногъ до головы, величавое презрѣніе ко всѣмъ и ко всему на свѣтѣ.

– Вотъ что, сударь мой, – сказалъ майоръ, взявши подъ руку своего пріятеля, – будь Джозефъ Багстокъ немного помоложе, эта женщина превратилась бы въ м-съ Багстокъ, ей Богу, я бы предпочелъ ее всѣмъ красавицамъ на свѣтѣ. Не правда ли: она великолѣпна!

– Вы думаете о дочери? – спросилъ м-ръ Домби.

– А развѣ я чурбанъ, чтобы думать о матери? – возразилъ майоръ.

– Однако-жъ вы ухаживали за матерью.

– Старинныя шашни, охъ, чертовски старинныя! Надо же польстить старухѣ.

– Ея обращеніе обличаетъ, кажется, даму высшаго круга, – замѣтилъ Домби.

– Еще бы! – воскликнул майоръ, приостанавливаясь вдруг и вытаращивъ глаза на своего друга. – Ея высокопревосходительство м-съ Скьютонъ, родная сестра покойнаго лорда Феникса и тетка нынѣшняго лорда этой фамиліи. Она не богата, пожалуй, даже бѣдна, потому что живетъ на свое приданое; но кровь ея, сударь мой, кровь, – гласилъ майоръ Багстокъ, насильно увлекая товарища, какъ будто вдругъ въ немя забушевала его собственная кровь.

– А молодую лэди, кажется, вы называли м-съ Грэйнджеръ? – спросилъ м-ръ Домбипослѣ короткой паузы.

– Эдиѳъ Скьютонъ на восемнадцатомъ году вышла замужъ за Грэйнджера, – началъ майоръ, останавливаясь опять и втыкая палку въ песокъ, какъ будто такой маневръ могъ оживить его воспоминанія. – Грэйнджеръ былъ тогда полковникомъ нашего полка, прекраснымъ мужчиной сорока одного года. Онъ умеръ черезъ полтора года послѣ свадьбы.

– Давно это было? – спросилъ м-ръ Домби.

– Да теперь, я думаю, этой красавицѣ еще нѣтъ тридцати лѣтъ! – отвѣчала майоръ, прищуривая глаза и перебрасывая палку на лѣвое плечо. – Да, сэръ, Эдиѳъ Грэйнджеръ – звѣзда первой величины. Не такъ ли, Домби?

– Были у нихъ дѣти?

– Былъ одинъ сынъ...

Пасмурное облако набѣжало на лицо м-ра Домби, и глаза его опустились въ землю.

– Да и тотъ утонулъ, – продолжалъ майоръ, – на пятомъ году отъ рожденія.

– Право? – воскликнулъ м-ръ Домби, поднимая голову.

– Няньку угораздило зачѣмъ-то посадить ребенка на краю лодки, а онъ и бултыхъ въ воду. Это ужъ оконченная и забытая исторія, а Эдиѳъ Грэйнджеръ, первостатейная вдова, непременно превратилась бы въ м-съ Багстокъ, если бы старикашка былъ немного помоложе и побогаче.

– Разумѣется, въ томъ случаѣ, когда бы съ ея стороны не было препятствій? – холодно замѣтилъ м-ръ Домби.

Майоръ страшно заморгаль своими раковыми глазами и захохоталь, какъ Мефистофель.

– Джозефъ Багстокъ, скажу я вамъ, не привыкъ къ препятствіямъ такого рода. Нѣтъ, Домби, нѣтъ, вамъ, я вижу, не понять старикашки Джоза. А и то сказать, Эдиѳъ могла бы выйти замужъ двадцать разъ, если бы не была такъ горда, такъ чертовски горда, сэръ.

Это обстоятельство, казалось, не уронило красавицу въ глазахъ м-ра Домби.

– Впрочемъ, гордость есть свойство высокой души, вамъ это извѣстно лучше моего. Вы сами чертовски горды, Домби, и за это то именно уважаетъ васъ Джозефъ Багстокъ.

Это, со стороны майора, была невольная дань хвалы, вынужденная обстоятельствами и стремительнымъ потокомъ разговора. Кончивъ рѣчь объ этомъ предметѣ, онъ такъ же невольно обратился къ воспоминаніямъ былыхъ лѣтъ и рассказалъ множество анекдотовъ, изъ которыхъ ясно значилось, что Джозефа Багстока въ старинные годы боготворили самая блистательная женщины обоихъ полушарій.

Черезъ день м-ръ Домби и майоръ встрѣтили ея высокопревосходительство м-съ Скьютонъ съ дочерью въ залѣ минеральныхъ водъ, потомъ на другой день они столкнулись на гуляньи тамъ же, гдѣ и въ первый разъ. Встрѣтившись такимъ образомъ три или четыре раза, они уже изъ одной учтивости должны были сдѣлать имъ визитъ. М-ръ Домби самъ собою никакъ бы не рѣшился идти къ почтеннымъ дамамъ, но на предложеніе майора отвѣчалъ, что готовъ сопровождать его съ большимъ удовольствіемъ. Туземецъ передъ обѣдомъ отправился съ порученіемъ свидѣтельствовать отъ имени майора и м-ра Домби глубочайшее почтеніе, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что они имѣють намѣреніе нынче вечеромъ явиться лично, если достопочтенныя леди благоволятъ принять ихъ. Въ отвѣтъ была принесена раздушенная записка, написанная рукою м-съ Скьютонъ на имя майора Багстока. Отвѣтъ былъ лаконическій:

"Ты, неуклюжий, гадкий медведь, – писала м-сь Скьютонь, – и не заслуживаешь ни милости, ни пощады. Однако-жь я прощаю тебя, съ условиемъ, если не будешь шалить. – Послѣднія три слова были подчеркнуты. – Можешь придти. Эдиѡъ и я кланяемся м-ру Домби".

Ея высокопревосходительство м-сь Скьютонь и дочь ея м-сь Грэйнджеръ занимали въ Лемингтонѣ довольно приличную и дорогую квартиру, но уже слишкомъ тѣсную и сжатую, такъ что, отходя на покой, ея в-пр. должна была класть ноги на окошко, а голову въ каминь, между тѣмъ какъ горничная ея в-пр. помѣщалась въ такомъ крохотномъ чуланчикѣ, отгороженномъ отъ гостиной, что она принуждена была вползать и выползать оттуда, какъ хорошенькая змѣйка. Витерсъ, долговязый пацъ, спалъ на дворѣ, подъ черепицами сосѣдней сливочной лавки, а кресла, бывшія вѣчнымъ камнемъ для этого молодого Сизифа, проводили ночь въ сараѣ подъ навѣсомъ, гдѣ на ослиной телѣгѣ засѣдали куры, высиживая цыплятъ и неся свѣжія яйца для той же лавки.

М-ръ Домби и майоръ нашли м-сь Скьютонь въ воздушномъ нарядѣ, возлежащую на софѣ, обложенную подушками, точь-въ-точь, какъ Клеопатра, – далеко однако-жь не шекспировская, – на которую время не оказываетъ разрушительнаго вліянія. Взбираясь по лѣстницѣ, гости слышали звуки арфы, умолкнувшей при входѣ ихъ въ гостиную. Эдиѡъ оказалась теперь еще величественнѣе, прекраснѣе и надменнѣе. Довольно характеристическая черта, что красота въ этой леди обнаруживалась сама собою и даже противъ ея воли. М-сь Грэйнджеръ знала, что она прекрасна, – иначе и быть не могло, – но въ гордости своей она, казалось, презирала свою красоту. Быть можетъ, она считала слишкомъ ничтожною и недостойною себя дань удивленія, возбуждаемую этими прелестями и, быть можетъ, вслѣдствіе тонкаго расчета, она надѣялась этимъ способомъ еще болѣе возвысить могущественное вліяніе на чувствительныя сердца.

– Надѣюсь, м-сь Грейнджеръ, – сказала м-ръ Домби, подходя къ гордой красавицѣ, – не мы причиной, что вы перестали играть?

– Вы? конечно нѣтъ.

– Отчего-жь ты не продолжаешь, милая Эдиѡъ? – спросила Клеопатра.

– Вздумалось – начала, вздумалось – и кончила. Кажется, я могу имѣть свои фантазіи.

Равнодушіе и гордый взглядъ, сопровождавшій эти слова, совершенно согласовались съ безпечною, съ какой пробѣжали ея пальцы по струнамъ арфы. Затѣмъ она отступила на нѣсколько шаговъ.

– Знаете ли, м-ръ Домби, – заговорила мать, играя вѣромъ, – у насъ съ Эдиѡю доходитъ иногда чуть не до ссоры по поводу этихъ холодныхъ приличій, которыя наблюдаются въ разныхъ мелочахъ?

– Однако-жь все-таки мы не ссоримся, мама, – сказала Эдиѡъ.

– Конечно, милая! Фи, фи, какъ это можно! – воскликнула мать, дѣлая слабое покушеніе дотронуться вѣромъ до плеча дочери. – Отчего мы не болѣе натуральны? Боже мой! Со всѣми этими стремленіями, изліяніями сердца, со всѣми высокими побужденіями, которыя насажены въ нашихъ душахъ, и которыя дѣлаютъ насъ столь очаровательными, отчего мы не болѣе натуральны?

– Правда, – сказалъ м-ръ Домби, – совершенная правда.

– А мы могли бы быть натуральными, если бы захотѣли! – воскликнула м-сь Скьютонь.

– Конечно, – сказала м-ръ Домби.

– Позвольте съ вами поспорить, сударыня, – сказалъ майоръ. – Иное дѣло, если бы міръ населенъ былъ такими откровенными добряками, какъ ващъ покорнѣйшій слуга; тогда натуральность была бы у мѣста.

– Замолчи, негодный! – проговорила м-сь Скьютонь.

– Клеопатра повелѣваетъ, – отвѣчалъ майоръ, цѣлуя ея руку, – и Антоній Багстокъ повируется.

– Нѣтъ въ тебѣ ни чувствительности, ни симпатіи, безстыдное созданіе! – воскликнула м-съ Скьютонъ, слегка ударяя майора вѣромъ, чтобы заставить его замолчать. – А что и жизнь безъ симпатическаго влеченія сердець, безъ магнетическаго стремленія душъ, проникнутыхъ уваженіемъ одна къ другой? Какъ холодна была бы наша земля безъ живительныхъ лучей солнца, и какъ мертва была бы наша жизнь безъ симпатическихъ увлеченій! О, если бы весь міръ составлялъ одно сердце!.. какъ бы я любила его?... Слышишь ли ты, лукавая тварь?

Майоръ объявилъ, что тогда весь міръ принадлежалъ бы Клеопатрѣ безъ раздѣла, а это было бы слишкомъ обидно для другихъ. Клеопатра напомнила, что терпѣть не можетъ лести, и что она принуждена будетъ прогнать его домой, если онъ не станетъ держать на привязи неугомоннаго языка.

Въ это время долговязый Витерсъ началъ разносить чай. М-ръ Домби подошелъ къ молодой леди.

– Кажется, здѣсь не слишкомъ большое общество? – заговорилъ онъ, принимая джентльменскую позу.

– Очень небольшое. Мы почти ни съ кѣмъ незнакомы.

– Да и не съ кѣмъ знакомиться, – замѣтила м-съ Скьютонъ. – Порядочныхъ людей здѣсь вовсе нѣтъ.

– То есть, людей съ чувствительными сердцами? Такъ ли мама?

– Эдиоъ, какъ видите, смѣется надо мной, – проговорила мать, слегка качая головой. – Негодная шалунья!

– Вы бывали здѣсь и прежде? – спросилъ м-ръ Домби молодую лэди.

– Очень часто. Впрочемъ, мы, кажется, вездѣ перебивали.

– Прекрасная страна!

– Да, говорятъ.

– Твой кузень Фениксъ, Эдиоъ, бредитъ этими мѣстами, – проговорила мать, небрежно облокачиваясь на подушки.

Дочь граціозно повернула головкой и нахмурила брови, какъ будто хотѣла показать, что лордъ Фениксъ такого рода человѣкъ, о которомъ она думаетъ менѣе всего на свѣтѣ. Потомъ взоры ея снова обратились къ мру Домби.

– Всѣ эти мѣста, признаюсь вамъ, мнѣ ужасно наскучили.

– Неудивительно, если эти прекрасныя произведенія – вашей кисти, – отвѣчала м-ръ Домби, бросивъ взглядъ на дюжину акварельныхъ ландшафтовъ, представлявшихъ окрестности Лемингтона. Рисунки въ безпорядкѣ были разбросаны по столу.

М-съ Грэйнджеръ, не отвѣчая ничего, гордо сѣла на стулъ.

– Такъ это произведенія вашей кисти? – спросилъ м-ръ Домби.

– Да.

– И вы также играете и поете? это мнѣ извѣстно.

– Да.

На эти вопросы м-съ Грэйнджеръ отвѣчала съ крайней неохотой и съ тѣмъ замѣчательнымъ видомъ пренебреженія, который составлялъ характеристическую черту ея красоты. Впрочемъ, она въ совершенствѣ владѣла собой и отнюдь не была въ затрудненіи. Она не избѣгала и разговора, потому что ея лицо постоянно было обращено на м-ра Домби, даже когда онъ молчалъ.

– У васъ, по крайней мѣрѣ, много средствъ противъ скуки, – сказалъ м-ръ Домби.

– Вы знаете ихъ всѣ теперь, и другихъ у меня нѣтъ.

– Прекрасныя средства! Могу ли въ нихъ убѣдиться? – сказалъ м-ръ Домби съ торжественной любезностью, подходя къ арфѣ и положивъ на столъ одинъ изъ рисунковъ, которымъ онъ любовался.

– Очень можете, если вамъ угодно.

И сказавъ это, она вышла изъ комнаты, бросивъ на мать одинъ изъ тѣхъ выразительныхъ взглядовъ, всеобъемлющее значеніе которыхъ не можетъ быть объяснено цѣлою сотнею томовъ.

Между тѣмъ майоръ, вполнѣ прощенный предметомъ своей страсти, пододвинулъ къ Клеопатрѣ маленькій столикъ и усѣлся играть съ нею въ пикетъ. М-ръ Домби, не понимая игры, смотрѣлъ на нихъ для собственнаго назиданія, дожидаясь возвращенія Эдиѳи и вмѣстѣ удивляясь, зачѣмъ она ушла.

– Вы хотите слушать музыку, м-ръ Домби? – спросила Клеопатра.

– М-съ Грэйнджеръ такъ добра, что обѣщала доставить мнѣ это наслажденіе.

– О, это очень хорошо. Вамъ ходить, майоръ.

– Нѣтъ, вы еще не покрыли.

– Такъ вы очень любите музыку, м-ръ Домби?

– Я въ восторгѣ отъ нея.

– Это значить, натура съ избыткомъ надѣлила васъ изящнымъ чувствомъ, – отвѣчала Клеопатра, бросая на столъ трефоваго валета. – О, какъ много тайнъ имѣетъ натура. Если бы я рѣшилась когда прекратить свое земное существованіе, то единственно для того, чтобы разгадать эти тайны, сокрытыя отъ насъ мракомъ вѣчности. Вамъ ходить, майоръ!

Майоръ бросилъ карту. М-ръ Домби, не обращая теперь ни малѣйшаго вниманія на игру, начиналъ беспокоиться, отчего такъ долго не возвращается прекрасная леди.

Накоецъ, она пришла, сѣла за арфу, и м-ръ Домби, ставъ подлѣ, приготовился слушать. Онъ не понималъ музыки и не зналъ, какую пьесу она играла; но эти звуки напоминали ему почти забытую мелодію, услаждавшую послѣдніе дни его сына въ борьбѣ съ предсмертными страданіями.

Зоркій глазъ Клеопатры, обращенный, казалось, только на карты, слѣдилъ по всѣмъ направленіямъ комнаты, особенно впиваясь въ безмолвнаго слушателя, недвижно стоявшаго подлѣ очаровательной артистки.

Кончивъ пьесу, гордая красавица встала, слегка кивнула на комплименты м-ра Домби и безъ малѣйшей паузы сѣла за фортепьяно.

Эдиѳъ Грэйнджеръ! какую угодно, только не эту, ради Бога, не эту пѣсню! Эдиѳъ Грэйнджеръ, ты прекрасна, голосъ твой великолѣпенъ, игра блистательна, но не эту пѣсню, которую отверженная дочь пѣла для умирающаго брата!

Но м-ръ Домби не узнаетъ этой аріи, а еслибъ и узналъ, какой напѣвъ дочери могъ бы растрогать огрубѣлое сердце чудовищнаго отца! Спи, однококая Флоренса, спи, и да будутъ спокойны твои сновидѣнія. Горизонтъ омрачается, облака густѣютъ, собираются тучи, и гроза уже виситъ надъ твоею головою.

Глава XXII

Мистеръ Каркеръ старшій управляетъ конторой

Приказчикъ Каркеръ сидитъ за письменнымъ столомъ, ровный и гладкій, какъ всегда, распечатываетъ письма, читаетъ, дѣлаетъ отмѣтки и разсылаетъ резолюціи въ департаменты конторы для приведенія въ исполненіе. Писемъ цѣлыя груды, и у м-ра Каркера много дѣла. Онъ раскладываетъ ихъ въ разныя пачки, беретъ одни, бросаетъ другія, читаетъ, перечитываетъ, хмуритъ брови, закусываетъ губы, снова вникаетъ въ содержаніе, стараясь постигнуть настоящій смыслъ каждой фразы, cadaго слова.

Словомъ, м-ръ Каркеръ въ этомъ положеніи очень похожъ на картежнаго игрока, и всякій, посмотрѣвъ на него, занятаго такимъ образомъ, непременно пришелъ бы къ этому странному сравненію. Онъ ведетъ игру обдуманно и осторожно, подмѣчая всѣ слабыя и сильныя стороны своихъ противниковъ. Онъ знаетъ всѣ ходы, предвидитъ всѣ послѣдствія, рассчитываетъ всѣ случайности, пользуется всякой ошибкой и никогда не ошибается самъ.

Письма были на разныхъ языкахъ, но м-ръ Каркеръ прочитываетъ всѣ. Если бы въ конторѣ Домби и Сына нашлась бумага, которой онъ не можетъ прочитать, это бы значило, что въ колодѣ не достаеъ одной карты. Онъ пожираетъ рукопись глазами и быстро дѣлаетъ соображенія, объясняя одно письмо другимъ и переходя къ отдаленнымъ слѣдствіямъ отъ ближайшихъ основаній, какъ искусный игрокъ, который съ перваго выхода совершенно постигъ методъ своего противника. И сидитъ онъ одинъ за этой игрой, освѣщенный солнцемъ, которое бросаетъ на него косвенные лучи черезъ потолочное окно.

Хотя въ инстинктѣ кошачьей или тигровой породы не открыто ничего, обличающаго умѣнье играть въ карты, за всѣмъ тѣмъ м-ръ Каркеръ, грѣющійся, такимъ образомъ, на солнцѣ за своимъ столомъ, съ ногъ до головы похожъ былъ на кошку. Его волосы и бакенбарды, безцвѣтные всегда и особенно теперь, когда на нихъ падалъ яркій солнечный лучъ, имѣли удивительное сходство съ тигровою шерстью; а судя по его длиннымъ ногтямъ, тщательно срѣзаннымъ и заостреннымъ, масляному языку, острымъ зубамъ, плутовскимъ глазамъ, лукавымъ движеніямъ можно было причислить его прямо и рѣшительно къ породѣ домашнихъ кошекъ. При врожденномъ отвращеніи къ малѣйшему пятнышку, онъ вглядывался по временамъ въ пылинки, освѣщенные въ воздухѣ лучемъ свѣта, тщательно сметалъ ихъ съ рукава или манишки и, терпѣливо засѣдая за своей работой, казалось, каждую минуту готовъ былъ броситься за мышью, если бы она вдругъ мелькнула въ какомъ-нибудь углу.

Наконецъ, всѣ письма разобраны и разсортированы, кромѣ одного особенно важнаго, которое онъ отложилъ въ сторону. Заперевъ секретныя бумаги въ ящикъ, м-ръ Каркеръ позвонилъ, и на этотъ призывъ явился его братъ.

– Развѣ я тебя спрашивалъ?

– Разсылный вышелъ, а послѣ него моя очередь.

– Твоя очередь! – бормоталъ приказчикъ, – это мнѣ очень пріятно, особенно теперь.

Онъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ брата.

– Мнѣ бы не хотѣлось беспокоить тебя, Джемсъ, – робко проговорилъ Каркеръ младшій, – но...

– Ты хочешь сказать что-нибудь? Я зналъ это. Ну?

Не измѣняя положенія, не поднимая глазъ на брата, м-ръ Каркеръ продолжалъ вертѣть бумагу въ рукахъ.

– Что-жъ ты не говоришь? – повторилъ онъ рѣзко.

– Меня очень беспокоитъ участь бѣдной Гэрриетъ.

– Это что еще? Я не знаю никакой Гэрриетъ.

– Бѣдняжка очень измѣнилась, и ея здоровье ослабѣло.

– Она изменилась давным-давно, и мне нет надобности о ней говорить.

– Если бы ты согласился меня выслушать...

– Къ чему мне слушать тебя, братъ мой Джонъ? – возразилъ приказчикъ, дѣлая особое удареніе на послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ саркастическимъ тономъ. – Гэрриетъ Каркеръ, говорю тебѣ, давным-давно сдѣлала выборъ между двумя братьями, и раскаиваться теперь было бы поздно.

– Она и не раскаивается. Ты не хочешь понять меня, братъ. Малѣйшій намекъ на что-нибудь въ этомъ родѣ былъ бы съ моей стороны черною неблагодарностью. Повѣрь, Джемсъ, ея самопожертваніе столько же огорчаетъ меня, какъ и тебя.

– Какъ и меня?

– То есть, я столько же огорченъ ея выборомъ, сколько ты сердитъ на него.

– Сердитъ?

– Или сколько ты имъ недоволенъ. Прибери самъ приличное выраженіе. Ты понимаешь мою мысль и знаешь, что я не имѣю намѣренія обижать тебя.

– Всѣ твои поступки – обида для меня, – возразилъ приказчикъ, бросивъ на него гнѣвный взглядъ, за которымъ тотчасъ же послѣдовала язвительная улыбка. – Не угодно ли вамъ унести эти бумаги. Я занятъ.

Вѣжливый тонъ еще сильнѣе выражалъ скрытую злость. Младшій братъ, опустивъ голову, пошелъ изъ комнаты, но на порогѣ остановился опять.

– Когда Гэрриетъ, – сказала она, – спрашивала тебя за меня при первомъ обнаруженіи твоего справедливаго негодованія, когда она покинула тебя, Джемсъ, чтобы слѣдовать за своимъ погибшимъ братомъ, у котораго во всемъ свѣтѣ не оставалось никого, кромѣ ея, она была молода и прекрасна. Если бы ты согласился взглянуть на нее теперь, я почти увѣренъ, она пробудила бы въ тебѣ удивленіе и состраданіе.

Приказчикъ опустилъ голову и оскалилъ зубы.

– Въ тѣ дни, – продолжалъ братъ, – мы оба думали, что она, молодая и прекрасная, выйдетъ замужъ и будетъ счастлива. О, если бы ты зналъ, съ какимъ самоотверженіемъ отказалась она отъ этихъ надеждъ, съ какою твердостью пошла она по избранному пути, никогда не оглядываясь назадъ! Братъ, ты не можешь сказать, что ея имя чуждо для твоего слуха!

– Вотъ какъ! Это замѣчательно. Ты меня изумляешь.

– Могу я продолжать? – кротко спросилъ Джонъ Каркеръ.

– Сдѣлай одолженіе, – отвѣчалъ братъ съ язвительной улыбкой. – А, впрочемъ, не лучше ли тебѣ идти своей дорогой?

Джонъ Каркеръ вздохнулъ и тихонько поплелся къ дверямъ. Голосъ брата остановилъ его на порогѣ.

– Если она, какъ ты говоришь, твердо идетъ по пути, ею избранному, скажи ей, что я съ такою же твердостью иду по своей дорогѣ. Скажи ей, что рѣшенія мои неизмѣнны, и моя грудь, твердая, какъ мраморъ, неспособна оборачиваться назадъ.

– Я ничего ей не скажу. Мы никогда не говоримъ о тебѣ. Только разъ въ годъ, въ день твоего рожденія, Гэрриетъ вспоминаетъ твое имя и желаетъ тебѣ счастья. Больше никогда мы не говоримъ о тебѣ.

– Въ такомъ случаѣ потрудись съ этими словами обратиться къ себѣ самому, и пусть они будутъ для тебя урокомъ, что я менѣе всего расположенъ толковать съ тобой о предметѣ, который до меня не касается. Замѣть это хорошенько однажды навсегда. Я не знаю никакой Гэрриетъ Каркеръ. Такой женщины нѣтъ на свѣтѣ. У тебя есть сестра, и ты можешь любоваться ею, сколько хочешь. У меня не было и нѣтъ сестры.

Сказавъ это, м-ръ Каркеръ съ язвительной улыбкой указалъ на двери и отвернулся. По выходѣ брата онъ взялъ письмо, лежавшее на конторкѣ, сломалъ печать и съ величайшимъ вниманіемъ принялся за чтеніе.

Письмо было отъ м-ра Домби, изъ Лемингтона. М-ръ Каркеръ, быстро пробѣжавшій всѣ другія бумаги, читаль теперь съ большой медленностью, останавливаясь на каждой фразѣ, взвѣшивая каждое слово. М-ръ Домби писалъ, между прочимъ:

"Путешествіе, сверхъ ожиданія, доставило мнѣ много наслажденій, и я не расположенъ назначать срока для своего возвращенія. Было бы недурно, Каркеръ, если бы вы потрудились сами пріѣхать въ Леминтонъ и лично извѣстить меня о ходѣ нашихъ дѣлъ..." Особенно замѣчательнень былъ постскриптъ: "Забылъ сказать о молодомъ Гэѣ. Если "Сынъ и Наслѣдникъ" не отправился и стоитъ еще въ докахъ, назначьте въ Барбадосъ другого мальчгика, а Гэя удержите въ лондонской конторѣ. Я еще не рѣшился, что изъ него сдѣлать".

– Какъ это жаль! – сказалъ м-ръ Каркеръ, оскаливая зубы и еще разъ перечитывая постскриптъ. – Летитъ теперь далеко племянникъ дяди Соля, летитъ на всѣхъ парусахъ, какъ выразился мой пріятель капитанъ Куттль. Право, очень жаль!

Онъ положилъ письмо въ конвертъ и постукивалъ имъ по столу, повертывая его на всѣ стороны. Было ясно, м-ръ Домби задалъ многосложную работу для его мозга. Въ эту минуту постучался въ дверь разсылный и, войдя на цыпочкахъ, перегибался на каждомъ шагу, какъ будто низкіе поклоны были наслажденіемъ его жизни. Подойдя къ столу, м-ръ Перчъ съ благоговѣніемъ подалъ своему повелителю нѣсколько бумагъ.

– Прикажете сказать, сэръ, что вы заняты? – спросилъ м-ръ Перчъ, потирая руками и склонивъ голову на бокъ, какъ челоуѣкъ, хорошо понимавшій, какую грубостью было бы держаться прямо въ присутствіи такой знатной особы.

– Кто меня спрашиваетъ?

– Пожалуй, что никто, сэръ, или, то есть, почти все равно, что никто. Приходилъ старикъ Гильсъ, инструментальный мастеръ, съ уплатой долга, да я ужъ сказалъ, что ваша милость ужасно заняты.

– А еще былъ кто-нибудь?

– Нѣтъ, сэръ, еще никого не было. Тотъ парнишка, что приходилъ вчера и на прошлой недѣлѣ почти каждый день, шляется и теперь около дома, да вѣдь нельзя же докладывать вашей милости о всякой сволочи. Какой-то бездомный прощальга, сударь, свиститъ себѣ да гоняетъ воробьевъ.

– Вы не знаете, что ему нужно?

– Да говорить, сэръ, что у него нѣтъ мѣста, ваша милость, говорить, не пристроить ли его на доки: рыбу, говорить, умѣю ловить; ну да вѣдь...

Здѣсь м-ръ Перчъ сомнительно покачалъ головою и кашлянулъ изъподъ руки.

– Кто же онъ такой?

– Бездомный прощальга, какъ я осмѣлился докладывать вашей милости. Шляется безъ куска хлѣба. Да только, видите ли, сэръ, – прибавилъ м-ръ Перчъ, толкнувъ колѣномъ въ дверь, чтобы увѣриться, хорошо ли она заперта – нахаль этотъ говорить, что мать его была кормилицей нашего молодого джентльмена; вотъ онъ и надѣется, что авось, дескать, какъ-нибудь... народъ грубый. Нѣтъ, это не по-нашему. М-съ Перчъ выкормила для м-ра Домби дѣвочку на славу, а небось, заикался ли я, что вотъ-де жена моя была кормилицей; опредѣлите меня въ доки.

М-ръ Каркеръ оскалилъ зубы, какъ акула и, казалось, о чемъ-то размышлялъ.

– Какъ же прикажете, сэръ? – продолжалъ м-ръ Перчъ послѣ короткой паузы, – не сказать ли этому сорванцу, что его притянуть въ судъ, если онъ станетъ надоѣдать? Оно бы, пожалуй, я пригрозилъ ему переломать бока, да только наживешь хлопотъ за тѣлесный страхъ,¹⁴ а у меня и

¹⁴ (Bodily fear). То есть, м-ръ Перчъ боится, какъ бы обиженный не пожаловался на него въ судъ. Въ такомъ случаѣ, по англійскимъ законамъ, ему, какъ обидчику, слѣдовало бы явиться въ судъ и дать подписку за денежнымъ поручительствомъ двухъ особъ, что онъ, обидчикъ, не выполнитъ своей угрозы и впередъ клятвенно обязывается на блюдать общественную тишину, he will be bound to keep the peace. *Прим. перев.*

безъ того голова идетъ кругомъ по поводу теперешняго положенія моей жены. Судь – бѣдовое дѣло. Струхнешь, – и какъ разъ подпишешь присягу.

– Приведите сюда этого сорванца. Я хочу его видѣть.

Вскорѣ за дверьми послышался стукъ тяжелыхъ сапогъ и пронзительный голосъ м-ра Перча, который говорилъ: "Тише, тише". Въ комнату, вслѣдъ за разсыльнымъ, вошелъ дюжій парень лѣтъ пятнадцати, съ красными круглыми щеками, съ круглымъ и гладкимъ лбомъ, съ круглыми черными глазами, съ круглымъ туловищемъ, и въ довершеніе общей круглоты, имѣя круглую шляпу въ рукахъ съ оторванными полями.

По мановенію м-ра Каркера, Перчъ немедленно удалился, едва успѣвъ представить неуклюжаго просителя. Оставшись съ нимъ съ глазу на глазъ, м-ръ Каркеръ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, схватилъ его за горло и началъ душить безъ милосердія.

Ошеломленный мальчишка думалъ, что наступилъ его послѣдній часъ. Вытаращивъ глаза на своего палача съ бѣлыми зубами и на конторскія стѣны, онъ старался передъ послѣднимъ издыханіемъ разгадать, за что предають его лютой казни. Мало-по-малу онъ опомнился и хриплымъ голосомъ закричалъ:

– Да оставьте же меня! что я вамъ сдѣлалъ?

– Тебя оставить, мерзавецъ! Вотъ я тебѣ дамъ! Я задушю тебя, каналью!

– За что же? Связался съ бѣднымъ парнемъ! Я никого не трогалъ. Душить, такъ души равнаго себѣ, а не меня! Вотъ нашель...

Но слова эти замерли въ притиснутомъ горлѣ, и озадаченный мальчикъ, потерявъ всякое мужество, залился горькими слезами.

– Что же я вамъ сдѣлалъ? – пробормоталъ Котель, онъ же и Робъ, онъ же и Точильщикъ, онъ же и Тудль, старшій сынъ м-съ Ричардсъ.

– Мошенникъ! – вскричалъ м-ръ Каркеръ, медленно высвободивъ жертву изъ когтей и останавливаясь передъ каминомъ въ своей обыкновенной позѣ. – Зачѣмъ ты слоняешься здѣсь каждый день?

– Я искалъ работы, сэръ, – всхлипывалъ Робъ, вытирая слезы кулакомъ и приставивъ другую руку къ горлу, – у меня не было дурного умысла. Я никогда не приду сюда.

– Ты, лжешь, мерзавецъ, что искалъ работы! Развѣ ты не первый бродяга въ цѣломъ Лондонѣ? Негодный Каинъ!

На такое обвиненіе грѣшный Тудль на нашелся, что отвѣчать. Онъ со страхомъ и трепетомъ смотрѣлъ на строгаго джентльмена, какъ будто взоръ м-ра Каркера оцѣпенилъ его.

– Развѣ ты не воръ? – спросилъ м-ръ Каркеръ, запустивъ руки въ карманы фрака.

– Нѣтъ, сэръ, – отвѣчалъ Робъ умоляющимъ тономъ.

– Ты воръ, говорю тебѣ.

– Ей, ей же нѣтъ. Провались я сквозь землю, если что-нибудь укралъ. Я только ловилъ птицъ, и больше ничего, сэръ. Птицы пѣвчія, говорятъ, невинная компанія, а вотъ до чего она доводитъ! – заключилъ молодой Тудль въ свѣжемъ припадкѣ раскаянія.

Птичья компанія довела его до оборванной куртки, засаленвйо нагрудника, до истасканнаго синяго галстуха и до шляпы безъ полей.

– Въ десять мѣсяцевъ я не заглянулъ домой и двадцати разъ, какъ началъ тереться около птицъ. Да и какъ показаться дома, когда всякій указываетъ на меня пальцемъ. Лучше, право, утопиться или наложить на себя руки, – вопилъ отчаянный Котель, пачкая глаза грязнымъ рукавомъ.

Въ припадкѣ откровенности бѣдный парень готовъ былъ разболтать все, лишь бы избавиться отъ мученій, которыми, казалось, угрожали ему острые зубы м-ра Каркера.

– Да, ты, я вижу, удалая голова, любезный, – сказалъ м-ръ Каркеръ, качая головой.

– Скажите, сэръ, горемычная голова, – возразилъ злосчастный Котель, всхлипывая опять и пачкая глаза грязнымъ рукавомъ – бѣлый свѣтъ ужъ давно мнѣ опостылѣлъ. Всѣ бѣды начались съ тѣхъ поръ, какъ я принялся отлынивать, а посудите, сэръ, развѣ я могъ не отлынивать?

– А что?

– Отлынивать, сударь, отъ школы.

– То есть, ты говорилъ, что идешь въ школу, а между тѣмъ не ходилъ?

– Точно такъ, сэръ, это и есть отлынивать, – отвѣчалъ взволнованный эксъ-точильщикъ, – за мной гонялись по улицамъ, какъ за звѣремъ, когда я туда шель, а тамъ каждый день молотили меня, какъ въ ступѣ. Я и началъ отлынивать.

– Ты говоришь, что у тебя нѣтъ мѣста? – спросилъ м-ръ Каркеръ, снова схвативъ его за горло и вперивъ въ него тигровые глаза, – такъ, что-ль?

– Такъ, сэръ, я бы вѣкъ былъ благодаренъ вамъ.

М-ръ Каркеръ толкнулъ его въ уголь и позвонилъ. Котель, безъ малѣйшаго сопротивленія, сталъ какъ вкопанный въ отведенномъ мѣстѣ. Явился разсылный.

– Позвать сюда м-ра Гильса.

М-ръ Перчъ поклонился и вышелъ, не выразивъ ни однимъ знакомъ изумленія насчетъ засады, поставленной въ углу. Черезъ минуту явился дядя Соль.

– Прошу садиться, м-ръ Гильсъ, – сказалъ Каркеръ улыбаясь, – какъ вы поживаете? Надѣюсь, вы по-прежнему наслаждаетесь добрымъ здоровьемъ?

– Благодарю васъ, сэръ, – отвѣчалъ дядя Соль, вынувъ изъ кармана и вручая приказчику нѣсколько банковыхъ ассигнацій. – У стариковъ извѣстное здоровье. Здѣсь ровно двадцать пять фунтовъ.

– Вы аккуратны и точны, м-ръ Гильсъ, какъ одинъ изъ вашихъ хронометровъ, – сказала приказчикъ, вписывая въ книгу полученные деньги. – Счетъ вѣрный.

– О "Сынъ и Наслѣдникъ" ничего не слышно, сэръ? – спросилъ дядя Соль дрожащимъ голосомъ. – Кажется, съ нимъ еще не встрѣтился ни одинъ корабль?

– Еще не встрѣтился, – повторилъ приказчикъ. – Были сильныя бури, м-ръ Гильсъ, и его, видно, куда-нибудь снесло.

– Однако-жъ, дасть Богъ, онъ не погибъ! – сказалъ старикъ.

– Дасть Богъ, не погибъ, – подтвердилъ м-ръ Каркеръ такимъ голосомъ, который привелъ въ трепетъ молодого Тудля. – А что м-ръ Гильсъ, вамъ очень жаль вашего племянника?

Дядя Соль махнулъ рукою и вздохнулъ.

– По моему мнѣнію, м-ръ Гильсъ, вамъ бы не мѣшало имѣть при себѣ какого-нибудь молодого человѣка, – продолжалъ Каркеръ, пристально всматриваясь въ лицо инструментальнаго мастера, – и у меня на виду молодецъ, очень годный для вашего магазина. Вы бы даже одолжили меня, принявъ его къ себѣ. Разумѣется, – прибавилъ онъ съ живостью, предупреждая возраженіе старика, – дѣлать у васъ почти нечего, я знаю; но вы можете заставлять его чистить инструменты, выметать комнату и, пожалуй, носить воду. Вотъ этотъ молодецъ.

Соломонъ спустилъ на глаза очки и увидѣлъ въ углу молодого Тудля, стоявшаго на цыпочкахъ. Его грудь волновалась отъ сильныхъ потрясеній, потъ лилъ градомъ съ грязнаго лба, и его глаза неподвижно были обращены на м-ра Каркера.

– Такъ угодно ли вамъ, м-ръ Гильсъ, дать уголь этому мальчугану?

Старикъ Соль, вовсе не имѣвшій причинъ приходить въ восторгъ отъ неожиданнаго предложенія, отвѣчалъ, однако-жъ, что онъ очень радъ оказать эту ничтожную услугу м-ру Каркеру, и что онъ съ удовольствіемъ приметъ кого угодно подъ кровъ деревяннаго мичмана. Желаніе главнаго приказчика конторы Домби и Сына было для него закономъ.

При этихъ словахъ м-ръ Каркеръ обнажилъ не только зубы, но и десны, отчего Тудль затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Затѣмъ онъ всталъ и дружески пожалъ руку м-ру Гильсу.

– Очень, очень вамъ благодаренъ, м-ръ Гильсъ. Только мнѣ надо напередъ самому хорошенько разузнать этого мальчугана и рѣшить, что изъ него выйдетъ. Родителей его я знаю. Это препочтенные люди. Сейчасъ я къ нимъ заѣду и разспрошу все, что нужно насчетъ вашего жильца, и потомъ уже отправлю его къ вамъ. Я ничего не дѣлаю наобумъ, почтеннѣйшій м-ръ Гильсъ и, принимая теперь участіе въ молодомъ человѣкѣ, заранѣе прошу васъ подробно сообщать мнѣ, какъ онъ станетъ себя вести. Прощайте, м-ръ Гильсъ.

Прощальная улыбка главнаго приказчика привела въ совершенное разстройство добраго старика, и на возвратномъ пути къ деревянному мичману ему замерещились сверкающія молніи, утопающіе корабли и отчаянный вопль погибающаго племянника, съ которымъ ужъ, видно, не распить старой бутылки... да сгинь она, проклятая! До нея ли теперь!

– Что, любезный? – сказалъ м-ръ Каркеръ, по ложивъ руку на плечо Тудля и выведя его на средину комнаты, – слышалъ ты, что я говорилъ?

– Слышалъ, сэръ.

– Ты понимаешь, что хитрить со мною трудно вато?

Робъ очень хорошо понималъ это.

– Лучше броситься въ воду, чѣмъ обмануть меня?

Робъ именно былъ этого мнѣнія.

– Такъ слушай же. Если теперь ты что-нибудь совралъ, убирайся отсюда и не попадайся мнѣ на глаза; а если нѣтъ, къ вечеру дожидайся меня подлѣ дома своей матери. Въ пять часовъ я проѣду верхомъ, и ты меня увидишь. Продиктуй, гдѣ живетъ твоя мать.

Робъ тихонько проговорилъ адресъ, и м-ръ Каркеръ записалъ. Затѣмъ приказчикъ указалъ на дверь, и Робъ, не спускавшій глазъ съ своего патрона, немедленно исчезъ.

Много въ этотъ день было занятій у м-ра Каркера, и многіе имѣли случай любоваться на его зубы. Бѣлые какъ снѣгъ, они блистали теперь съ особенной яркостью и въ конторѣ, и на дворѣ, и на улицѣ, и на биржѣ. Въ пять часовъ онъ сѣлъ на гнѣдого коня и поѣхалъ въ Чипсайдъ.

Подъ вечеръ скорая ѣзда по улицамъ шумнаго и многолюднаго Лондона вообще довольно неудобна, и м-ръ Каркеръ, не имѣвшій причинъ торопиться, пробирался очень медленно между фурами, телѣгами и каретами, тщательно избѣгая грязныхъ мѣстъ, чтобы не запачкать коня и своихъ сапогъ. Глазѣя на проходящихъ, онъ вдругъ наткнулся на круглоголоваго Роба, который впился въ него глазами и, подтянувъ жгутомъ изъ носового платка грязную куртку, изъяснялъ отчаянную готовность слѣдовать за нимъ на край свѣта, какимъ бы шагомъ онъ ни поѣхалъ.

Эта готовность, безспорно лестная, но не совсѣмъ обыкновенная, обратила на себя вниманіе проходящихъ, и м-ръ Каркеръ счелъ болѣе удобнымъ направить путь по глухимъ переулкамъ, гдѣ онъ попробовалъ поѣхать рысцой. Робъ сдѣлалъ то же самое. По мѣрѣ того, какъ м-ръ Каркеръ прибавлялъ ходу, колченогій Робъ шире и шире раздвигалъ ноги, и когда, наконецъ, м-ръ Каркеръ для опыта поскакалъ въ галопъ, молодой Тудль отчаянно замахалъ локтями, храбро прочищая дорогу между гулявшими джентльменами и ни на шагъ не отставая отъ своего патрона.

Увѣрившись этимъ невиннымъ способомъ въ неоспоримой власти, приобрѣтенной надъ новымъ кліентомъ, м-ръ Каркеръ поѣхалъ обыкновеннымъ шагомъ къ жилищу м-ра Тудля. Здѣсь Робъ побѣжалъ впередъ, чтобы указывать дорогу, и когда, наконецъ, они достигли строеній желѣзной дороги, замѣнившихъ сады Стаггса, м-ръ Каркеръ передалъ коня какому-то ротозѣю и высвободилъ ногу изъ стремени, которое теперь почтительно поддерживалъ быстроногій Тудль.

– Пойдемъ, любезный, – сказалъ м-ръ Каркеръ, опираясь на его плечо.

Блудный сынъ, очевидно, съ крайнимъ смятеніемъ приближался къ родительскому крову, и если бы не м-ръ Каркеръ, поминутно толкавшій его впередъ, супругъ кочегара не видать бы въ тотъ день своего первенца. Принужденный отворить дверь, Котель шмыгнулъ

въ комнату и мигомъ очутился среди братьевъ и сестеръ, возившихся около чайнаго стола. При видѣ заблудшаго дѣтища, приведеннаго чужимъ человѣкомъ, бѣдная Полли поблѣднѣла, затряслась и чуть не выронила изъ рукъ младенца, братья и сестры подняли ужасный вой, и къ этому хору невольно присоединился самъ Котель, совсѣмъ растерявшійся и позабывшій о присутствіи могущественнаго патрона.

Нисколько не смнѣваясь, что чужой человѣкъ былъ самъ палачъ или товарищъ палача, братья и сестры завизжали немилосерднымъ образомъ, между тѣмъ какъ младшіе члены семейства, не способные удержать порывовъ лютой скорби, кучками побросались на полъ, подняли ноги вверхъ и заголосили какъ запуганныя птицы. Наконецъ, бѣдная мать, преодолевая испугъ, отъ котораго дрожала, какъ въ лихорадкѣ, проговорила трепещущимъ голосомъ:

– Ахъ, Робъ, бѣдное дитя, что ты надѣлалъ?

– Ничего, матушка, – завопилъ Робъ, – право ничего. Спросите этого господина.

– Не безпокойтесь, сударыня, – сказалъ м-ръ Каркеръ, – я намѣренъ сдѣлать ему добро.

При этомъ извѣстїи, Полли, еще не плакавшая, зарыдала изо всей мочи, а старшіе Тудли, приготовившіеся выручать брата открытой силой, разжали кулаки. Младшіе члены уцѣпились за платье матери и робко поглядывали на заблудшаго брата и неизвѣстнаго благотворителя. Всѣ благословляли джентльмена съ прекрасными зубами, чувствовавшего потребность къ благодѣяніямъ.

– Такъ этотъ молодецъ, – сказалъ м-ръ Каркеръ, слегка кивая головой, – вашъ сынъ, сударыня?

– Да, сэръ, – провопила Полли, дѣлая книксенъ, – да.

– И дурной сынъ, – не правда ли?

– О, нѣтъ, сэръ, для меня онъ не былъ дурнымъ. Онъ немножко одичалъ, сэръ, и связался съ негодными шалунами; но теперь, я надѣюсь, онъ опомнился и возвратился на истинный путь.

М-ръ Каркеръ взглянулъ на Полли, на чистую комнату, на чистыхъ дѣтей и, казалось, хотѣлъ объяснить цѣль своего посѣщенія.

– Вашего мужа, какъ я вижу, нѣтъ дома? – спросилъ онъ.

– Нѣтъ, сударь, онъ теперь на желѣзной дорогѣ.

Блудный сынъ, казалось, съ нѣкоторой отрадой услышалъ объ отсутствіи отца. Почти во все время онъ не могъ оторвать глазъ отъ лица своего патрона и только изрѣдка украдкой бросалъ горестный взглядъ на мать.

– Въ такомъ случаѣ, – продолжалъ Каркеръ, – мнѣ вамъ должно объяснить, какъ я наткнулся на вашего молодца и что намѣренъ для него сдѣлать. Но прежде вы должны узнать, съ кѣмъ имѣете дѣло.

Всѣ эти объясненія м-ръ Каркеръ представилъ по-своему. Когда ему возвѣстили, говорилъ онъ, что какой-то негодяй безпрестанно слоняется вокругъ конторскихъ заведеній Домби и Сына, его первую мыслию было позвать констебля, который, разумѣется, поступилъ бы съ бродягой по всей строгости законовъ. Но потомъ м-ръ Каркеръ одумался и, принявъ въ расчетъ молодость шалуна, его раскаяніе и огорченіе семейства, рѣшился по возможности сдѣлать для него доброе дѣло, хотя, нѣтъ сомнѣнія такой поступокъ съ его стороны слишкомъ опрометчивъ, но ужъ такъ и быть: онъ всю отвѣтственность беретъ на себя. Само собою разумѣется, прежнія отношенія м-съ Тудль къ дому м-ра Домби, равно какъ и самъ м-ръ Домби, не имѣютъ никакого вліянія на это распоряженіе, которое исключительно принадлежит ему, главному приказчику и управителю всѣхъ дѣлъ богатой фирмы. Послѣ этого и безъ прямыхъ объясненій становилось совершенно яснымъ, что онъ, м-ръ Каркеръ, въ правѣ ожидать за безкорыстное благодѣяніе совершенной преданности и безграничнаго повиновенія со стороны Роба.

Полли чуть не бросилась на колѣни передъ ангеломъ-спасителемъ, ниспосланнымъ милосердымъ небомъ. Бѣдная мать, по цѣлымъ недѣлямъ не смыкавшая глазъ въ отсутствіи раз-

вратнаго сына, теперь не помнила себя отъ радости, и острозубый Каркеръ былъ въ ея глазахъ всемогущимъ гениемъ добра. Когда онъ собирался иди, Полли напутствовала егѡ молитвами и благословеніями: лучшая благодарность со стороны матери, и будь м-ръ Каркеръ истиннымъ благодѣтелемъ, онъ бы почувствовалъ, съ какимъ избыткомъ наградили его за доброе дѣло! Когда главный приказчикъ пробрался черезъ толпу дѣтей по направленію къ дверямъ, Робъ бросился въ объятія матери и, задыхаясь отъ слезъ, заговорилъ:

– Буду стараться, матушка, изо всѣхъ силъ.

– О да, мой милый, я увѣрена, ты справишься и успокоишь насъ! – говорила Полли, цѣлуя сына. – Но ты еще забѣжишь ко мнѣ, когда проводишь этого джентльмена.

– Не знаю, матушка, – отвѣчалъ Робъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, потупивъ глаза, – а когда воротится отецъ?

– Не раньше, какъ въ два часа по полуночи.

– Непремѣнно приду, милая маменька, непременно!

И съ этими словами онъ бросился изъ комнаты между братьевъ и сестеръ, повторяя еще, что непременно придетъ. Каркеръ слышалъ все.

– А что? – спросилъ онъ, – развѣ у тебя дурной отецъ?

– Нѣтъ, сэръ, – отвѣчалъ Робъ, изумленный вопросомъ, – батюшка очень добръ и милостивъ.

– Отчего же ты не хочешь его видѣть?

– О, между матерью и отцомъ, сэръ, большая разница! Большая разница! – проговорилъ Робъ послѣ минутнаго размысленія, – батюшка, при всемъ желаніи, не вдругъ повѣритъ, что я обратился на истинный путь, а мать всегда вѣритъ добрымъ намѣреніямъ: таково по крайней мѣрѣ сердце у моей матери.

М-ръ Каркеръ оскалилъ зубы, но не сказалъ ни слова, пока не взгромоздился на сѣдло. Отпустивъ человѣка, карауливаго лошадь, онъ еще разъ вперилъ глаза въ тревожное и внимательное лицо молодого Тудля.

– Завтра поутру ты явишься въ контору, и тебѣ покажутъ, гдѣ живетъ джентльменъ, къ которому нужно поступить. Ты слышалъ, что я съ нимъ говорилъ?

– Слышалъ, сэръ.

– Я принимаю большое участіе въ этомъ старичкѣ и, поступивъ къ нему, ты станешь служить мнѣ. Понимаешь? Ну, да вижу, что понимаешь. Мнѣ нужно знать всѣ подробности объ этомъ старичкѣ, и ты станешь доносить, что онъ дѣлаеть, съ кѣмъ знакомится, кто у него бываетъ. Я хочу быть всегда для него полезнымъ. Понимаешь?

– Понимаю сэръ, – отвѣчалъ Робъ, кивая головой.

– Мнѣ очень пріятно будетъ узнать, что у него есть друзья, внимательные къ нему по прежнему, и которые его не оставляютъ – старикъ теперь одинъ-одинехонекъ, бѣдняжка! Хорошо еще, что друзья его любятъ и помнятъ его племянника. Можетъ быть, ты увидишь молодую леди, которая по временамъ навѣщаетъ старика. Доноси мнѣ о ней все, что узнаешь, это особенно нужно: я и въ ней приимаю большое участіе. Понимаешь?

– Понимаю, сэръ.

– Такъ ужъ заодно пойми и то, что, кромѣ меня, ты никому въ свѣтѣ не долженъ говорить объ этихъ вещахъ.

– Никому въ свѣтѣ, сэръ, – отвѣчалъ Робъ.

– Даже ни матери, ни отцу, – продолжалъ Каркеръ, дѣлая выразительный жестъ, – я тебя испытаю и буду знать о тебѣ всю подноготную, Помни это.

И послѣ этой угрозы, довершенной строгимъ взглядомъ, м-ръ Каркеръ повернулъ коня и поѣхалъ легкой рысцой. Его пажъ, къ великому изумленію праздныхъ зрителей, опять побѣжалъ за нимъ, расталкивая толпу. М-ръ Каркеръ приказалъ ему удалиться и, повертываясь на сѣдлѣ, самодовольно наблюдалъ, какъ тотъ, покорный его повелѣніямъ, побрелъ домой. Любо-

пытно было видѣть, какъ Робъ, какъ бы пригвожденный какою-то магнетической силой, постоянно озирался назадъ, не обращая вниманія на толчки и колотушки, щедро сыпавшіяся на него отъ прохожихъ. Его умъ, очевидно занятый одною мыслью, потерялъ способность соображать.

Главный приказчикъ, постоянно улыбаясь, поѣхалъ шагомъ съ видомъ человѣка, окончившаго къ совершенному удовольствію свои дневныя дѣла. Проѣзжая по улицамъ, онъ, отъ полноты душевнаго наслажденія, замурлыкалъ даже какуюто арію. И какъ не замурлыкать? Онъ былъ радъ.

Въ этомъ положеніи м-ръ Каркеръ имѣлъ поразительное сходство съ кошкой, пригрѣвшейся у печки. Свернувшись въ клубокъ у ногъ хозяйки, она готова сдѣлать прыжокъ, завилать хвостомъ, царапнуть или приласкаться, смотря по обстоятельствамъ. Такъ же, какъ и кошка, м-ръ Каркеръ сторожилъ добычу. Какая же птица, запертая въ клѣтку, разлакомила его масляные глаза?

Молоденькая леди! – думалъ м-ръ Каркеръ, – когда я видѣлъ ее послѣдній разъ, была еще ребенкомъ. Какъ теперь смотрю на ея черные волосы, черные глаза, доброе лицо. Да, прехорошенькая леди!

Проникнутый съ ногъ до головы самымъ сладостнымъ восторгомъ, м-ръ Каркеръ въѣхалъ, наконецъ, въ тѣнистую улицу, гдѣ стоялъ домъ м-ра Домби. Занятый пріятными мечтами, онъ почти не замѣчалъ, куда завезъ его добрый конь; но вдругъ, бросивъ взглядъ на высокую перспективу домовъ, онъ быстро остановилъ лошадь, и на лицѣ его обнаружились явные признаки изумленія. Это было въ нѣсколькихъ шагахъ отъ запусѣлыхъ хоромъ Домби и Сына! Чтобы объяснить, зачѣмъ м-ръ Каркеръ остановилъ коня и чему внезапно удивился, необходимо сдѣлать маленькое отступленіе!

М-ръ Тутсъ, вырвавшись изъ теплицы д-ра Блимбера, принялся съ великимъ тщаніемъ изучать трудную науку жизни и уже вступилъ во владѣніе значительною частью земныхъ благъ, которыхъ, какъ говаривалъ онъ м-ру Фидеру въ послѣдній семестръ, не могли оттягать у него безсовѣстные опекуны. Пылая благороднымъ рвеніемъ отличиться на блистательномъ поприщѣ, м-ръ Тутсъ великолѣпно омеблировалъ длинную анфиладу комнатъ, устроилъ въ кабинетѣ фантастическій диванъ и развѣсилъ въ другой комнатѣ портреты знаменитыхъ коней, выигравшихъ скаковые призы. Въ этомъ очаровательномъ жилищѣ Тутсъ посвятилъ себя изученію разныхъ искусствъ, украшающихъ и облагораживающихъ человѣческую жизнь. Его главнымъ наставникомъ и просвѣтителемъ сдѣлался очень интересный джентльменъ, извѣстный въ трактирѣ "Чернаго Ворона" подъ именемъ "Лапчатого Гуся". Этотъ искусный боксеръ, носившій въ жаркую погоду косматый бѣлый сюртукъ, колотилъ м-ра Тутса по головѣ три раза въ недѣлю, получая за каждый визитъ десять шиллинговъ и шесть пенсовъ.

Лапчатый Гусь, сей Аполлонъ въ пантеонѣ м-ра Тутса, отрекомендовалъ ему трактирнаго маркера для уроковъ на билиардѣ, лейбъ-гвардейца для уроковъ фехтованія, берейтора для верховой ѣзды, корнвалійскаго джентльмена для гимнастическихъ упражненій, и еще двухъ пріятелей, знакомыхъ съ общимъ ходомъ изящныхъ искусствъ. Подъ ихъ главнымъ надзоромъ эстетическія наклонности м-ра Тутса въ короткое время достигли высокой степени совершенства.

При всемъ томъ новая жизнь, полная дѣятельности, не совсѣмъ удовлетворяла м-ра Тутса, и онъ, несмотря на всегдашнее присутствіе джентльменовъ, чувствовалъ какую-то пустоту въ своихъ блестящихъ апартаментахъ. По временамъ находила на него хандра, которую не могъ разогнать и Лапчатый Гусь. Въ минуты душевной невзгоды м-ръ Тутсъ, по обыкновенію, направлялъ шаги къ дому м-ра Домби и оставлялъ визитныя карточки. Такія прогулки онъ предпочиталъ даже упражненіямъ въ изящныхъ искусствахъ. Великолѣпно одѣтый и блистательно причесанный м-ръ Тутсъ въ урочные часы являлся передъ дверями пріемной залы въ домѣ м-ра Домби.

– Добраго утра, почтеннѣйшій! – говорилъ онъ выходившему слугѣ. – Для м-ра Домби. – Здѣсь вручалась одна карточка. – Для миссъ Домби. – Слуга принималъ другую.

Потомъ м-ръ Тутсъ показывалъ видъ, что уходитъ, но лакей уже зналъ, что не уйдетъ.

– Да, кстаги, – говорилъ м-ръ Тутсъ, какъ будто внезапная мысль озаряла его, – молодая женщина дома?

– Кажется дома, а впрочемъ не знаю, – по обыкновенію отвѣчалъ слуга и тутъ же звонилъ въ колокольчикъ, проведенный въ одну изъ верхнихъ комнатъ. Являлась миссъ Нипперъ, а лакей уходилъ.

– Здравствуйте. Какъ ваше здоровье? – говорилъ м-ръ Тутсъ, ухмыляясь и краснѣя.

– Очень хорошо, – отвѣчала Сусанна, – покорно благодарю.

– А что Діогенъ? – спрашивалъ потомъ м-ръ Тутсъ.

– Ничего, славный песъ. Миссъ Флоренса любитъ его все больше и больше.

Здѣсь м-ръ Тутсъ принимался хохотать и ждалъ еще какихъ-то извѣстій отъ Сусанны.

– Миссъ Флоренса здорова, – прибавляла Сусанна.

– О, это ничего, благодарю васъ, – неизмѣнно отвѣчалъ м-ръ Тутсъ и вслѣдъ за тѣмъ, расшаркиваясь, уходилъ.

Ясно, въ душѣ м-ра Тутса таилась мысль извѣстнаго рода, и онъ дошелъ окольными путями до вопроса, нельзя ли овладѣть рукою Флоренсы. Тогда, нѣтъ сомнѣнія, онъ былъ бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Эта мысль уже ни на минуту не выходила изъ его головы. Сердце м-ра Тутса получило глубокую рану, и онъ былъ влюбленъ до неистовства. Однажды Тутсъ сдѣлалъ отчаянное покушеніе написать Флоренсѣ акростихъ и всю ночь просидѣлъ для этой цѣли за письменнымъ столомъ, кусая ногти и взъерошивая волосы для возбужденія поэтическаго вдохновенія; но... увы! рѣшмы никакъ ему не давались, и послѣ неимовѣрныхъ усилій онъ могъ только написать:

Фортуной злою удрученный,
Люблю...

Дальше ничего не придумалъ м-ръ Тутсъ, и оставленные шесть строчекъ остались при заглавныхъ буквахъ.

Видя очень ясно, что визитныя карточки, оставляемые ежедневно, не подвигаютъ дѣла впередъ, м-ръ Тутсъ долго размышлялъ о болѣе надежныхъ средствахъ обратить на себя вниманіе миссъ Домби и убѣдился, наконецъ, въ неизбѣжной необходимости пріобрѣсти напередъ благосклонность миссъ Сусанны, которая, нѣтъ сомнѣнія, можетъ успѣшно содѣйствовать его планамъ. Какъ же взяться за это дѣло?

Не совсѣмъ полагаясь на собственную опытность, м-ръ Тутсъ рѣшился стороною прибѣгнуть къ совѣту Лапчататаго Гуся и, заговоривъ съ нимъ о разныхъ разностяхъ, мимоходомъ намекнулъ, что одинъ пріятель изъ Юркшира писалъ къ нему, м-ру Тутсу, о своемъ затруднительномъ положеніи въ такой-то вотъ любовной исторіи. Лапчатый Гусь отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, на этотъ счетъ: "Бери грудью, тереби, ломи, приступай, и дѣло въ шляпѣ". Этотъ аллегорическій совѣтъ м-ръ Тутсъ растолковалъ такимъ образомъ, что ему на другой же день надо непременно поцѣловать миссъ Нипперъ.

Съ этою благою цѣлью м-ръ Тутсъ, облекшись на другой день во всеоружіе Борджесъ и компаніи, отправился къ дому м-ра Домби. Но мужество постепенно оставляло его по мѣрѣ приближенія къ мѣсту дѣйствія, такъ что, подойдя къ воротамъ въ три часа, онъ рѣшился войти не прежде, какъ въ шесть.

Все шло обыкновеннымъ порядкомъ до той минуты, когда Сусанна сказала, что миссъ Домби здорова, и когда м-ръ Тутсъ отвѣтилъ, что это ничего; но вмѣсто того, чтобы улетѣть

домой, на подобіе ракеты, какъ бывало прежде, м-ръ Тутсъ, сдѣлавъ это замѣчаніе, остановился и оскалилъ зубы.

– Можетъ быть, сэръ, вамъ угодно взойти на верхъ? – сказала Сусанна.

– Да, я думаю.

Но вмѣсто того, чтобы идти наверхъ, смѣлый джентльменъ притворилъ дверь и, сдѣлавъ неуклюжій прыжокъ, обнялъ прелестную дѣву и влѣпилъ ей самый звонкій поцѣлуй.

– Отвяжись, или я тебѣ выцарапаю глаза! – закричала Сусанна.

– Еще разъ! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ.

– Отвяжись, говорю тебѣ. И этотъ блаженный туда же! Кто послѣ этого не станетъ волочиться! Отвяжись!

Сусанна едва удерживалась отъ смѣха, произнося эти слова, и вовсе не думала сердиться; но Діогенъ, караулившій на лѣстницѣ, счелъ это обстоятельство очень важнымъ и, догадываясь по толкотнѣ и шороху ногъ о завязавшейся битвѣ, бросился на выручку хозяйки и въ мгновеніе ока овладѣлъ ногою дерзкаго непріятеля.

Сусанна, съ визгомъ и смѣхомъ отворивъ дверь, побѣжала наверхъ, а храбрый Тутсъ, спотыкаясь, вышелъ на улицу вмѣстѣ съ Діогеномъ, который никакъ не хотѣлъ разстаться съ ногою, какъ-будто Борджесъ и компанія были повара, изготовившіе для него праздничный пиръ изъ панталонъ м-ра Тутса. Отбитый непріятелемъ, онъ перевернулся въ пыли и съ новымъ остервенѣніемъ бросился на лакомое блюдо. М-ръ Каркеръ сдѣлался нечаяннымъ свидѣтелемъ всей этой сумятицы, происходившей передъ пышнымъ домомъ м-ра Домби. Онъ сдержалъ коня и наблюдалъ, чѣмъ кончится любопытная исторія.

Наконецъ, Діогена отозвали домой и заперли дверь. М-ръ Тутсъ прислонился къ ближайшей стѣнѣ и перевязалъ драгоцѣннымъ шелковымъ платкомъ изорванную ногу. Каркеръ съ любезной улыбкой подѣхалъ къ пораженному непріятелю.

– Прошу извинить, сэръ, – сказалъ Каркеръ, – надѣюсь, вы не ранены.

– О нѣтъ, ничего, – отвѣчалъ Тутсъ, подымая раскраснѣвшееся лицо. – Покорно благодарю.

– Но если собачьи зубы врѣзались въ тѣло...

– Покорно благодарю, сэръ. Все благополучно. Ничего.

– Я имѣю удовольствіе быть знакомымъ съ м-ромъ Домби, – замѣтилъ Каркеръ.

– Неужели! – воскликнулъ Тутсъ, покраснѣвъ до ушей.

– И надѣюсь, – продолжалъ м-ръ Каркеръ, снявъ шляпу, – за отсутствіемъ его, вы позволите мнѣ извиниться и пожалѣть о случившейся непріятности.

М-ръ Тутсъ несказанно обрадовался случаю познакомиться съ пріятелемъ м-ра Домби и, раскланиваясь очень вѣжливо, поспѣшилъ вынуть карточку и вручилъ свой адресъ м-ру Каркеру, который взамѣнъ подаль ему свой. Съ этимъ они разстались.

М-ръ Каркеръ тихимъ шагомъ поѣхалъ подлѣ дома и пристально смотрѣлъ на окна, стараясь разглядѣть черезъ гардины задумчивое лицо, обращенное въ эту минуту на розовыхъ дѣтей въ противоположномъ домѣ. Діогенъ въ эту же минуту вскарабкался на окно и, выпучивъ глаза на профѣзжавшаго всадника, залаялъ немилосердно, какъ будто хотѣлъ изорвать его въ клочки, выпрыгнувъ на улицу съ третьяго этажа.

Хорошо, Діогенъ, хорошо. Защищай свою госпожу. Голова твоя всклокочена, глаза сверкаютъ, зубы наострились – браво, чуткій песъ! Ва-ззы ва-ззы.

Глава XXIII

Одиночество Флоренсы и таинственность мичмана

Флоренса жила одна въ огромномъ мрачномъ домѣ. День проходилъ за днемъ, а она все жила одна, и пустыя стѣны, какъ змѣиныя головы Горгоны, леденили ее мертвящимъ взглядомъ, угрожавшимъ превратить въ камень ея молодость и красоту.

Ни одинъ волшебный замокъ, созданный сказочнымъ воображеніемъ въ дремучемъ лѣсу, среди болотъ и пропастей, не былъ столь одинокъ и запущенъ, какъ домъ м-ра Домби въ его угрюмой дѣйствительности. По ночамъ, когда яркій свѣтъ струился изъ сосѣднихъ оконъ, онъ казался темнымъ пятномъ среди улицы; днемъ, между другими зданіями, онъ хмурился, какъ рыцарь печальнаго образа, мрачный и дикій въ своей непроницаемой таинственности.

Не было здѣсь двухъ свирѣпыхъ драконовъ, стерегущихъ входъ передъ теремомъ угнетенной невинности; но на этихъ страшныхъ воротахъ каждый, казалось, читалъ адскую надпись: "Оставьте всякую надежду вы, которые входите сюда". Весь домъ былъ до такой степени запущенъ, что мальчишки безпрепятственно чертили мѣломъ разныя фигуры на мостовой и на перилахъ и рисовали чертенятъ съ рогами и хвостомъ на стѣнахъ конюшни. Случалось, м-ръ Таулисонъ разгонялъ неугомонныхъ шалуновъ, и тогда взамѣнъ они принимались рисовать самого м-ра Таулисона съ длинными ушами, торчавшими изъ-подъ его шляпы. Никакого шума, никакого движенія подъ запусѣлой кровлей. Странствующие музыканты съ мѣдными трубами не осмѣливались прогудѣть ни одной ноты передъ этими окнами; прыгающіе савояры и шарманщики съ вальсирующими маріонетками бѣгали, какъ отъ чумы, отъ запусѣлаго жилища.

Заколдованный домъ спитъ непробуднымъ сномъ цѣлые вѣка, но злой волшебникъ, по крайней мѣрѣ не лишаетъ его обыкновенной свѣжести. Чары надъ домомъ м-ра Домби имѣютъ опустошительное дѣйствіе. Тяжелыя занавѣсы утратили свои прежнія формы и повисли, какъ могильныя саваны; зеркала потускнѣли; фигуры на коврахъ полиняли, какъ память минувшихъ событій; половицы покоробились и трещали отъ непривычныхъ шаговъ; ключи покрылись ржавчиной въ замкахъ дверей. Сырость расплзлась по стѣнамъ и затмила фамиліные портреты. Пльсень съ гнилью забралась въ чуланы и погреба. Пыль накопилась во всѣхъ углахъ, неизвѣстно какъ и откуда. Пауки, моль и черви распложились съ каждымъ днемъ. Любопытный жукъ, самъ не зная какъ, попадалъ на лѣстничныя ступени или пробирался въ верхнія комнаты. Крысы поднимали страшный гвалтъ по ночамъ и визжали въ темныхъ галлереяхъ, прокопанныхъ ими подъ панелями.

Мрачное великолѣпіе парадныхъ комнатъ, полуосвѣщенныхъ сомнительнымъ свѣтомъ, пробивавшимся чрезъ затворенныя ставни, довольно хорошо соотвѣтствовало типу заколдованнаго замка. Почернѣвшія лапы вызолоченныхъ львовъ, свирѣпѣвшихъ изъ-подъ своихъ чехловъ; мраморныя очертанія бюстовъ на пьедесталахъ, страшно выглядывавшихъ изъ своихъ потускнѣвшихъ покрываль; часы, которые никогда не были заводимы, а если какъ-нибудь заводились – били неземныя числа, которыхъ не было на циферблатѣ; случайныя брянчанія висѣвшихъ люстръ, возвѣщавшихъ фальшивую тревогу, какъ набатныя трещотки, и безобразныя группы другихъ фантастическихъ фигуръ, нахлобученныхъ саванами, – все это довершало картину могильнаго очарованія.

Была въ заколдованномъ домѣ большая лѣстница, по которой хозяйскій сынъ спустился въ могилу. Теперь по ней никто не ходилъ, кромѣ Флоренсы. Были другія лѣстницы и галереи, по которымъ тоже никто не проходилъ по цѣлымъ недѣлямъ. Были еще двѣ вѣчно запертыя комнаты, посвященныя блаженной памяти отжившихъ членовъ фамиліи. Носился слухъ – и всѣ ему вѣрили, кромѣ Флоренсы, – что по ночамъ бродитъ по пустымъ комнатамъ какая-то фигура, блѣдная и страшная, какъ выходецъ съ того свѣта.

И жила Флоренса одна въ огромномъ мрачномъ домѣ. День проходилъ за днемъ, а она все жила одна, и холодныя стѣны, какъ змѣиныя головы Горгоны, леденили ее мертвящимъ взглядомъ, угрожавшимъ превратить въ камень ея молодость и красоту.

Трава пробивалась на кровлѣ и черезъ щели панелей. Передъ окнами въ нижнемъ этажѣ начинали показываться какія-то чешуйчатыя растенія, отдававшія червивою гнилью. Иссохшая глина отваливалась съ закоптѣлыхъ трубъ и кусками падала на мостовую. Два тощія дерева съ чахоточными листьями совсѣмъ завяли и корчились въ предсмертныхъ судорогахъ. По всему зданію цвѣта измѣнили свою форму: бѣлая краска превратилась въ желтую, желтая почти почернѣла. Словомъ, великолѣпный домъ знаменитаго негоціанта со смертью бѣдной хозяйки превратился мало-по-малу въ какой-то темный и душный провалъ на длинной и скучной улицѣ.

Но Флоренса расцвѣтала здѣсь, какъ прекрасная царица въ волшебной сказкѣ. Книги, музыка и ежедневныя учителя, со включеніемъ Сусанны и Діогена, были ея единственными собесѣдниками. Миссъ Нипперъ, постоянная слушательница всѣхъ уроковъ молодой дѣвушки и наблюдательница ея занятій, почти сама сдѣлалась ученою и даже по временамъ разсуждала очень дѣльно объ отвлеченныхъ предметахъ, между тѣмъ какъ Діогенъ, оцивилизованный, вѣроятно, тѣмъ же ученымъ вліяніемъ, клалъ по обыкновенію свою голову на окно и, грѣясь на лѣтнемъ солнцѣ, взиралъ умильными глазами на уличную суматоху.

Такъ жила Флоренса въ пустынномъ и дикомъ домѣ среди своихъ занятій, и ничего не тревожило ея. Теперь, не боясь быть отверженной, она часто спускалась въ комнаты отца, думала о немъ и съ любящимъ сердцемъ подходила къ его портрету. Она безбоязненно смотрѣла на предметы, его окружавшіе, и смѣло садилась на его стулъ, не опасаясь угрюмаго взгляда. Она убирала его кабинетъ собственными руками, ставила букеты на его столъ, перемѣняла ихъ, если цвѣты начинали увядать, и почти каждый день оставляла какой-нибудь робкій знакъ своего присутствія подлѣ того мѣста, гдѣ садился отецъ. Сегодня появлялся на его столѣ разрисованный футляръ для часовъ; завтра этотъ подарокъ замѣнялся другою бездѣлкой ея собственной работы, такъ какъ футляръ, думала она, слишкомъ рѣзко бросается въ глаза. Иногда, въ безсонную ночь, ей приходило въ голову, что отецъ нечаянно пріѣдетъ домой и съ презрѣніемъ броситъ ея подарокъ; въ такомъ случаѣ она вдругъ оставляла постель и, едва дыша, съ бьющимся сердцемъ, прокрадываясь на цыпочкахъ въ отцовскій кабинетъ, уносила въ свою комнату приготовленный подарокъ. Въ другой разъ, заливаясь слезами, она прикладывала лицо къ его письменному столу и оставляла на немъ поцѣлуй.

Никто не зналъ этой тайны страждущаго сердца, потому что никто не входилъ въ комнаты м-ра Домби, а Флоренса прокрадывалась въ нихъ по сумеркамъ, по утрамъ или когда домашняя прислуга сидѣла за обѣдомъ.

Но въ этихъ грустныхъ прогулкахъ Флоренса была не одна. Фантастическія мечты и призраки сопутствовали ей вездѣ и толпами роились въ ея воображеніи, когда она сидѣла въ пустынныхъ комнатахъ. Часто думала она, какъ полна была бы ея жизнь, если бы отецъ не отвергалъ ея любви, и мечты ея были такъ живы, видѣнія такъ ясны, что иной разъ казалось ей, что она въ самомъ дѣлѣ любимая дочь. Обольщенная яркой мечтой, она припоминала, будто они когда-то вмѣстѣ горевали у постели умирающаго младенца, и сердца ихъ проникались взаимнымъ сочувствіемъ. Она вспоминала, какъ часто послѣ того говорили они о своемъ любимцѣ, и какъ нѣжный отецъ старался ее утѣшить общими надеждами и вѣрой въ лучшую будущность по ту сторону гроба. Въ другой разъ казалось ей, будто мать ея еще жива. О, съ какою любовью глядывалась она въ этотъ призракъ пылкаго воображенія, какимъ трепетомъ билось ея сердце! Но скоро спокойное размышленіе заступало мѣсто сладкой мечты, и угрюмая дѣйствительность снова леденила ее мертвящимъ вліяніемъ.

Но была одна мысль въ этой душѣ, могучая и пылкая, которая поддерживала ее въ трудной борьбѣ съ несчастной дѣйствительностью. Она увѣрила себя, что смертью не разрываются

узы, соединяющія насъ съ предметами нашей любви: увѣренность, общая всѣмъ несчастнымъ, для которыхъ жизнь не представляетъ никакой отрады, никакого успокоенія. Ей казалось, что ея мать и братъ, окруженные лучезарнымъ сіяніемъ, смотря въ высоты неба на оставленную сироту, наблюдаютъ за ея поступками, видятъ ея мысли, сочувствуютъ горю, оживляютъ надежды ея сердца и готовы руководить ею на всѣхъ ступеняхъ ея земного странствованія. Эта мысль впервые озарила ее со времени рокового свиданія съ отцомъ въ послѣднюю ночь и съ той поры уже ни разу не оставляла ее. Думать объ этой надзвѣздной жизни сдѣлалось единственной отрадой ея растерзаннаго сердца. Но вдругъ, по странному сцѣпленію идей, ей пришло въ голову, что, горюя безпрестанно по поводу суровости отца, она можетъ вооружить противъ него умершихъ членовъ семейства. Какъ ни странна и дика подобная мысль, но источникъ ея заключался въ любящей натурѣ, и съ этой минуты она принудила себя думать объ отцѣ не иначе, какъ съ надеждой пріобрѣсти его любовь.

Почему же нѣтъ? Отецъ, – думала Флоренса, – не знаетъ, какъ она его любитъ. Она еще такъ молода, и безъ матери никто не могъ научить ее какъ должно выражать любовь своему отцу. Надо подождать. Со временемъ это искусство, вѣроятно, придетъ само собою, она сдѣлается умнѣе, и тогда-то отецъ узнаетъ, какъ она его любитъ.

Это сдѣлалось задачей ея жизни. Когда утреннее солнце бросало лучи на пустынный домъ, одинокая его хозяйка уже была на ногахъ и трудилась безъ устали съ одною цѣлью – сдѣлаться достойной отцовской любви. Флоренса думала, чѣмъ больше пріобрѣтетъ она познаній, чѣмъ совершеннѣе сдѣлается ея образование, тѣмъ пріятнѣе будетъ отцу, когда онъ ее узнаетъ и полюбитъ. Иногда, съ трепещущимъ сердцемъ и слезами, она спрашивала себя, въ состояніи ли она приличнымъ образомъ поддержать разговоръ, когда они вмѣстѣ станутъ разсуждать; иногда старалась придумать, нѣтъ ли особаго предмета, которымъ отецъ дорожитъ больше, чѣмъ другими. Вездѣ и всегда – за книгами, за музыкой, за тетрадами, за рукодѣльемъ, за утренними прогулками и въ ночныхъ молитвахъ – одна и та же цѣль преслѣдовала ее въ различныхъ видахъ, съ разными подробностями. Станный трудъ для ребенка – изучать дорогу къ жестокому сердцу отца!

Многіе безпечные зѣваки, проходившіе въ лѣтніе вечера мимо заколдованнаго дома, видѣли въ одномъ изъ оконъ молодое лицо, обращенное на луну и мерцавшія звѣзды, лицо тревожное и задумчивое; кому и какъ могло придти въ голову, какая мысль отсвѣчивается на этомъ прекрасномъ лицѣ! Только Богъ одинъ знаетъ тайну бѣдной дѣвушки!

И жила Флоренса одна въ пустынномъ домѣ. День проходилъ за днемъ, а она все жила одна, и мрачныя стѣны, какъ змѣиныя головы Горгоны, леденили ее мертвящимъ взглядомъ, угрожавшимъ превратить въ камень ея молодость и красоту.

Однажды утромъ Флоренса складывала и запечатывала какое-то письмо. Сусанна Нипперъ стояла подлѣ и смотрѣла на молодую госпожу съ одобрительнымъ взглядомъ, изъ котораго значилось, что содержаніе письма ей было извѣстно.

– Лучше поздно, чѣмъ никогда, миссъ Флой, – говорила Сусанна, – и, я думаю, даже визитъ къ этимъ беззубымъ Скеттльзамъ принесетъ вамъ пользу.

– Сэръ Барнетъ и леди Скеттльзъ, Сусанна, дѣлаютъ мнѣ большую честь, повторяя свое приглашеніе, – возразила Флоренса съ кроткимъ упрекомъ за неосторожную фамильярность, съ какою миссъ Нипперъ произнесла эти имена. – Я имъ очень благодарна.

Миссъ Нипперъ, самая отчаянная партизанка, какая когда-либо существовала на землѣ, вздернула губы и покачала головой, явно протестуя противъ безкорыстности Скеттльзовъ. Готовая воевать всегда и вездѣ, она теперь, пожалуй, дала бы присягу, что старые черти себѣ на умѣ.

– Знаютъ они, гдѣ раки-то зимуютъ, – ворчала Сусанна. – О, вѣрьте вы этимъ Скеттльзамъ!

– Признаюсь, мнѣ бы очень не хотѣлось къ нимъ ѣхать, – сказала Флоренса послѣ нѣкотораго размышленія, – но ужь отказаться было бы неловко. Поѣду, дѣлать нечего.

– Разумѣется, поѣзжайте, – съ живостью перебила Сусанна, замотавъ головой.

– Дурно то, что теперь каникулярное время, и къ нимъ, вѣроятно, наѣхало много молодежи. Я бы охотнѣе предпочла сдѣлать этотъ визитъ во всякое другое время.

– А я такъ думаю, во всякое другое время у нихъ пропадешь со скуки, какъ и въ почтенномъ домѣ вашего батюшки. Ох-г-г-г!

Этимъ послѣднимъ восклицаніемъ миссъ Нипперъ довольно часто заключала свои сентенціи, и въ людской очень хорошо знали, что она выражала этимъ способомъ свое негодованіе противъ м-ра Домби.

– Какъ давно мы не имѣли извѣстій о Вальтерѣ, Сусанна! – замѣтила Флоренса послѣ минутнаго молчанія.

– Давненько, миссъ Флой! Перчъ, правда, приходилъ сюда за письмами и болталъ... ну, да что слушать этого болвана? Много онъ смыслить!

Флоренса быстро подняла глаза, и лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ. Сусанна пришла въ нѣкоторое замѣшательство, но мигомъ оправилась и съ большой энергіей продолжала:

– Если бы во мнѣ, миссъ Флой, было столько же мозга, какъ въ этомъ болванѣ, я бы предпочла ходить съ нечесаными волосами или, чтобы не быть пугаломъ добрыхъ людей, просто удавилась бы на первой веревкѣ. Я, конечно, не амазонка, миссъ Флой, но и не трусиха, какъ этотъ свинопасъ, который отъ всего приходитъ въ отчаяніе.

– Что же теперь привело его въ отчаяніе? – вскричала Флоренса съ величайшимъ испугомъ.

– Да ничего, ей Богу, ничего. Онъ всегда ходитъ, какъ мокрая курица; и если бы кто потрудился придавить его или размозжить его безмозглую башку, право, потери не было бы никакой. Чортъ съ нимъ!

– Что-жъ такое случилось, Сусанна? Не говорилъ ли онъ, что потонулъ каравль?

– Еще бы! Если бы онъ это сказалъ, ему бы зажали глотку такъ, что онъ своихъ бы не узналъ! Нѣтъ, миссъ, не говорилъ; но эта гадкая папильотка въ образинѣ Перча ходитъ да хнычетъ, что ему до сихъ поръ не шлютъ изъ Индіи инбирнаго варенья, которое, говоритъ, обѣщался прислать м-ръ Вальтеръ. М-съ Перчъ, говоритъ онъ, ждетъ да поджидаетъ, а варенья нѣтъ какъ нѣтъ. Попробуй-ка придти онъ въ другой разъ... – заключила миссъ Нипперъ съ яростнымъ негодованіемъ, – много можно вытерпѣть, миссъ Флой, но вѣдь я же не верблюдь и не ослица.

– Не говорилъ ли онъ еще чего, Сусанна? Вы, кажется, что-то скрываете отъ меня.

– Какъ вамъ не грѣхъ это думать, миссъ Флой! Стану я пересказывать вамъ все, что навреть всякій дуракъ! Ну, пожалуй, онъ болталъ еще, что о корабль нѣтъ никакихъ извѣстій, что вчера за справками забѣгала въ контору жена капитана, да никто ничего не знаетъ. Все вздоръ, какъ видите.

– Я должна навѣстить дядю Вальтера, – поспѣшно заговорила Флоренса, – прежде чѣмъ отправлюсь къ Скеттльзамъ. Мнѣ надо сейчасъ же видѣть дядю Вальтера. Идемъ, Сусанна.

Такъ какъ со стороны миссъ Нипперъ не послѣдовало никакихъ возраженій, обѣ дѣвушки одѣлись на скорую руку и отправились къ деревянному мичману.

Читатели помнятъ, въ какомъ состояніи былъ бѣдный Вальтеръ, бѣжавшій къ капитану Кутлю въ тотъ несчастный день, когда жестокой маклеръ собирался дѣлать опись владѣній инструментальнаго мастера. Въ такомъ же точно положеніи была теперь Флоренса на пути къ дядѣ Соломону, съ тою разницею, что, вдобавокъ ко всѣмъ безпокойствамъ, бѣдная дѣвушка думала, что она, можетъ быть, сдѣлалась невинной причиною отъѣзда и опасностей Вальтера. Флюгера на колокольныхъ шпицахъ и на кровляхъ домовъ, какъ зловѣщіе духи, таинственно

намекали ей на грозныя бури, и она съ ужасомъ представляла гибель корабля, крикъ и стоны утопающихъ, уцѣпившихся за обломки и пропадающихъ въ морской пучинѣ. Въ говорѣ проходящихъ джентльменовъ ей слышались извѣстія о крушеніи "Сына и Наслѣдника" и о гибели всего экипажа. Выставленные въ окнахъ гравюры кораблей въ безсильной борьбѣ съ разъяренными волнами поражали ея душу невыразимымъ отчаяніемъ. Ей казалось даже, что именно въ эту минуту на океанѣ свирѣпствуетъ грозная буря, потому что движеніе облаковъ на пасмурномъ небѣ она находила слишкомъ быстрымъ, хотя на самомъ дѣлѣ они неслись очень медленно.

Сусанна Нипперъ, по-видимому, не имѣла времени для такихъ соображеній, потому что вниманіе ея во всю дорогу обращено было на брань съ уличными мальчиками.

Наконецъ, чтобы благополучно достигнуть до деревяннаго мичмана, имъ оставалось только перейти черезъ улицу съ противоположнаго конца. Остановившись здѣсь, задержанные густою толпою, онѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ увидѣли при дверяхъ инструментальнаго мастера круглоголоваго мальчишку съ одутловатымъ лицомъ, обращеннымъ на небеса, который, въ ту самую минуту, какъ на него смотрѣли, втиснулъ въ широкой ротъ по пальцу отъ каждой руки и свистѣлъ, посредствомъ этой уловки, съ изумительной пронзительностью на стаю голубей, вившихся въ воздухѣ на значительной высотѣ.

– Это старшій сынъ м-съ Ричардсъ, – сказала Сусанна, – горе и кручина ея жизни.

Флоренса уже слышала отъ Полли о возвращеніи на истинный путь ея блуднаго сына и наслѣдника и знала напередъ, что найдетъ его въ домѣ дяди Вальтера. Дождавшись благоприятнаго случая, дѣвушки перешли черезъ улицу и остановились подлѣ Роба. Не замѣчая ихъ приближенія, птичій охотникъ опять засвисталъ во всю мочь, и потомъ, выпустивъ пальцы изо рта, съ необыкновеннымъ восторгомъ закричалъ: "Ой, ой – гуппъ! ой, ой – гуппъ!" Голуби, казалось, хорошо поняли это привѣтствіе и, къ несказанной радости своего патрона, отмѣнили намѣреніе летѣть въ противоположную сторону.

Но изъ этого заоблачнаго восторга первенецъ мадамъ Тудль вдругъ возвращенъ былъ къ земнымъ предметамъ энергическимъ толчкомъ Сусанны Нипперъ, впихнувшей его въ двери магазина.

– Вотъ онъ какъ исправляется, разбойникъ! – грозно говорила Сусанна, входя въ магазинъ, – а бѣдная мать не спитъ изъ-за него по цѣлымъ ночамъ! Гдѣ м-ръ Гильсъ?

Робъ, готовый взбунтоваться противъ нежданнаго судьи, немедленно былъ укрощенъ взглядомъ Флоренсы, которой онъ не замѣтилъ сначала.

– М-ра Гильса нѣтъ дома, – сказалъ онъ, обращаясь къ Сусаннѣ.

– Ступай, найди его и скажи, что его дожидается миссъ Домби, – сказала Сусанна повелительнымъ голосомъ.

– Да я не знаю, куда онъ ушелъ, – отвѣчалъ Робъ.

– Этакъ-то ты исправляешься! – закричала Сусанна пронзительнымъ голосомъ. – Вотъ я тебѣ дамъ, разбойникъ!

– Какъ же мнѣ его найти, когда я не знаю, куда онъ ушелъ? Съ чего вы накинулись на меня?

– Не говорилъ ли м-ръ Гильсъ, когда онъ воротится домой? – спросила Флоренса.

– Говорилъ, миссъ. Онъ хотѣлъ быть дома часа черезъ два или черезъ три.

– Онъ очень беспокоится о своемъ племянникѣ? – спросила Сусанна.

– Какъ нельзя больше, – отвѣчалъ Робъ, обращаясь къ Флоренсѣ и оставляя безъ вниманія Сусанну Нипперъ. – Онъ и четверти часа не бываетъ дома, миссъ. Пяти минутъ не можетъ просидѣть на одномъ мѣстѣ и ходить, какъ угорѣлый.

– Не знаете ли вы друга м-ра Гильса, по имени капитанъ Куттль? – спросила Флоренса послѣ минутнаго размышленія.

– Того, что съ крючкомъ, миссъ? – сказала Робъ, дѣлая пояснительный жестъ лѣвой рукой. – Знаю, миссъ. Онъ приходилъ сюда третьяго дня.

– А сегодня онъ не приходилъ? – спросила Сусанна.

– Нѣтъ, миссъ, – сказалъ Робъ, опять обратясь къ Флоренсѣ съ отвѣтомъ.

– Можетъ быть, Сусанна, – замѣтила Флоренса, – дядя Вальтера самъ отправился туда.

– Къ капитану Куттлю вы думаете? – перебилъ Робъ. – Нѣтъ, миссъ. Мнѣ поручено сказать капитану Куттлю, если онъ зайдетъ, что м-ръ Гильсъ удивляется, почему не былъ онъ вчера, и теперъ просить подождать его въ магазинѣ.

– Не знаете ли вы, гдѣ живетъ капитанъ Куттль? – спросила Флоренса.

Робъ отвѣчалъ утвердительно и, вынувъ изъ конторки записную книгу, прочелъ адресъ.

Флоренса начала тихонько переговариваться съ миссъ Нипперъ, и Робъ, вѣрный приказаніямъ м-ра Каркера, старался не проронить ни одного слова. Флоренса предложила отправиться въ домъ капитана Куттля и, развѣдавъ, что думаетъ онъ объ отсутствіи извѣстій о "Сынѣ и Наслѣдникѣ", привести его, если можно, утѣшать дядю Соля. Сусанна отговаривалась сначала дальностью разстоянія, но тотчасъ же согласилась, когда Флоренса заговорила объ извозчичьей каретѣ. Совѣщаніе продолжалось минутъ пять, и во все это время Робъ, взглядывая попеременно на обѣихъ дѣвушекъ, слушалъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто его выбрали посредникомъ разговора.

Наконецъ, когда Робъ привелъ извозчичью карету, посѣтительницы сѣли и отправились, поручивъ сказать дядѣ Солю, что на возвратномъ пути опять загернуть къ нему. Когда экипажъ скрылся изъ виду, Робъ съ озабоченнымъ видомъ усѣлся за конторку и принялся записывать на разныхъ лоскуткахъ все, что услышалъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать подробнѣйшій докладъ своему патрону. Но эти документы отнюдь не могли быть опасными: каракули, выведенныя на лоскуткахъ, оказались такими гѣроглифами, что значенія ихъ не постигаль самъ авторъ, когда произведеніе его было приведено къ желанному концу.

Между тѣмъ извозчичья карета, послѣ несказанныхъ препятствій на каналахъ и тѣсныхъ мостахъ, загроможденныхъ экипажами всякаго рода, счастливо въѣхала на Корабельную площадь, и путешественницы вышли на тротуаръ, чтобы разспросить о жилищѣ почтеннаго капитана.

На бѣду это былъ одинъ изъ-тѣхъ хлопотливыхъ дней, когда въ домѣ м-съ Макъ Стингеръ все переворачивалось вверхъ дномъ по поводу всеобщей стирки и чистки. Въ этихъ случаяхъ м-съ Макъ Стингеръ обыкновенно поднималась съ постели въ три часа утра и рѣдко оканчивала работу раньше полночи. Во весь день хозяйка въ теплыхъ туфляхъ расхаживала взадъ и впередъ, вытирала стулья и комоды, вытащенные на дворъ, и давала сверхкомплектные щелчки своимъ птенцамъ, которые, не находя пріюта подъ материнской кровлей, выбѣгали на улицу.

Когда Флоренса и Сусанна Нипперъ подошли къ воротамъ, м-съ Макъ Стингеръ, эта почтенная, но грозная дама, тащила изъ сѣней одного изъ своихъ птенцовъ, чтобы насильно посадить его на мостовой. Этотъ птенецъ, по имени Александръ, имѣлъ отъ роду два года и три мѣсяца. Онъ только что получилъ значительное число колотушекъ отъ своей матери и кричалъ во весь ротъ, такъ что лицо его почернѣло отъ насады и физической боли.

Какъ мать и какъ женщина, м-съ Макъ Стингеръ очень обидѣлась сострадательнымъ взглядомъ, подмѣченнымъ на лицѣ Флоренсы, невольной свидѣтельницы истязаній ребенка. Поэтому, посадивъ крикливое дѣтище на мостовой, она, въ довершеніе дивертисимента, дала ему энергическій подзатыльникъ и грубо отвернулась отъ незнакомыхъ женщинъ.

– Позвольте спросить васъ, – сказала Флоренса, – не это ли домъ капитана Куттля?

– Нѣтъ.

– Развѣ это не девятый номеръ?

– Кто-жъ вамъ сказалъ, что не девятый?

– Что вы хотите этимъ сказать, матушка моя? – воскликнула Сусанна Нипперъ, вмѣшиваясь въ разговоръ. – Знаете ли вы, съ кѣмъ говорите?

М-съ Макъ Стингеръ осмотрѣла ее съ ногъ до головы.

– А зачѣмъ вамъ капитанъ Куттль, смѣю спросить? – сказала м-съ Макъ Стингеръ.

– Какъ вы любопытны, мать моя! – съ живостью возразила Сусанна. – Жаль, что никакъ нельзя доложить вамъ, зачѣмъ намъ капитанъ Куттль.

– Сусанна, молчите пожалуйста – сказала Флоренса. – По крайней мѣрѣ, не можете ли сказать намъ, сударыня, гдѣ квартира Куттля, если онъ живетъ не здѣсь?

– Кто вамъ сказалъ, что онъ живетъ не здѣсь? – возразила неумолимая м-съ Макъ Стингеръ. – Я сказала, что это не домъ капитана Куттля – и это не его домъ, и не будетъ его домомъ, потому что капитанъ Куттль не умѣетъ держать дома, и не стоитъ онъ никакого дома, а это мой домъ; если я отдаю верхній этажъ капитану Куттлю, такъ это моя добрая воля, и никто мнѣ не указъ, хоть капитанъ Куттль – все равно, что свинья въ огородѣ.

Голосъ м-съ Макъ Стингеръ возвышался *crescendo furioso*, и ея замѣчанія дошли по назначенію до верхнихъ оконъ. Капитанъ Куттль закричалъ изъ своей комнаты нерѣшительнымъ тономъ: – "Тише! что за возня!"

– Чего-жъ вамъ надо? капитанъ Куттль здѣсь, говорю я вамъ! – сказала хозяйка, сердито махнувъ рукой.

Флоренса, не сказавъ ни слова, пошла въ сопровожденіи Сусанны въ верхній этажъ. М-съ Макъ Стингеръ снова принялась за свои дѣла, а птенецъ ея, Александръ, прекратившій на минуту рыданія, чтобы вслушаться въ разговоръ, заголосилъ опять во весь ротъ уже не по необходимости, а изъ удовольствія побѣсить свою матушку.

Капитанъ засѣдалъ среди своей комнаты, какъ на пустомъ островѣ, омываемомъ со всѣхъ сторонъ водами мыльнаго океана. Его руки были опущены въ карманы, а ноги скорчены подъ стуломъ. Окна квартиры были вымыты, стѣны вымыты, печь вымыта, и все, за исключеніемъ печи, сіяло свѣжимъ мыломъ, распространявшимъ пріятнѣйшій запахъ по всему жилищу. Капитанъ, заброшенный такимъ образомъ на пустой островъ, съ горестью озирался вокругъ на произведенныя опустошенія и, казалось, ожидалъ, не мелькнетъ ли гдѣ какая-нибудь барка для его освобожденія.

Никакое перо не опишетъ изумленія капитана, когда онъ, обративъ на дверь отчаянный взоръ, увидѣлъ Флоренсу съ Сусанной. Такъ какъ краснорѣчіе м-съ Макъ Стингеръ заглушало всѣ другіе звуки, то онъ думалъ, что къ нему идетъ молочница или трактирный мальчикъ, а другіхъ посѣтителей онъ никакъ не ожидалъ. Когда Флоренса подошла къ побережью пустого острова и дружески подала ему руку, онъ остолбенѣлъ и на первыхъ порахъ ему почудилось, что предъ нимъ фантастическій призракъ.

Оправившись отъ восторженнаго изумленія, капитанъ постѣшилъ перенести Флоренсу на материкъ, и благополучно совершилъ этотъ трудъ движеніемъ своей руки. Вслѣдъ за тѣмъ миссъ Нипперъ также была перенесена на тотъ же островокъ. Самъ капитанъ, за недостаткомъ мѣста, долженъ былъ остановиться среди мыльнаго океана, и, новый тритонъ, онъ съ глубокимъ благоговѣніемъ поднесъ къ своимъ губамъ руку Флоренсы.

– Вы, конечно, удивляетесь, капитанъ, видя насъ здѣсь, – сказала Флоренса улыбаясь.

Облагодѣтельствованный капитанъ поцѣловалъ свой желѣзный крюкъ и, самъ не зная для чего, проговорилъ: "Держись крѣпче! держись крѣпче". Лучшаго комплимента онъ не придумалъ въ эту минуту.

– Но я пришла, – продолжала Флоренса, – узнать ваше мнѣніе насчетъ милаго Вальтера, моего теперешняго брата. Незвѣстность о его судьбѣ меня очень беспокоитъ. Не потрудитесь ли вы теперь поѣхать вмѣстѣ съ нами утѣшить его дядю? Вамъ бы, впрочемъ, не мѣшало каждый день навѣщать старика, покуда не будутъ получены извѣстія о его племянникѣ.

При этих словах, капитан Куттль, по невольному движению, ударил себя по голове, и устремил на Флоренсу отчаянный взор.

– Не имѣете ли вы сами каких опасеній насчетъ Вальтера? – спросила Флоренса.

– О нѣтъ, мое сокровище! – возгласилъ капитанъ, не спуская глазъ съ прекрасной гостыи. – Насчетъ Вальтера я ничего не боюсь. Вальтеръ невредимо пройдетъ сквозь огонь и сухимъ вынырнетъ изъ морской бездны. Вальтеръ такой малый, что любому кораблю принесть съ собою благословеніе неба.

Капитанъ, вполне довольный приведенной фразой, которая такъ кстати подвернулась подъ языкъ, замолчалъ и съ веселымъ видомъ поематривалъ на гостыю. Флоренса тоже молчала, и кроткій взоръ ея выражалъ нетерпѣніе.

– До сихъ поръ, сокровище мое, – началъ опять капитанъ, – я рѣшительно спокоенъ насчетъ Вальтера. Была, правда, прескверная погода, въ тѣхъ широтахъ волненія страшныя, и ихъ, вѣроятно, умчало на тотъ конецъ свѣта; но все это пустякъ, миссъ Домби, тринь-трава. Корабль – славный корабль; малый – славный малый, и, если Господь Богъ милостивъ, все, рано или поздно, устроится къ лучшему. Словомъ, ненаглядное мое сокровище, я ни крошечки не боялся до сихъ поръ.

– До сихъ поръ! – повторила Флоренса.

– Ни крошечки! – продолжалъ капитанъ, поцѣловавъ свой желѣзный крюкъ, – и прежде чѣмъ я стану безпокоиться, мое сокровище, Вальтеръ двадцать разъ успѣетъ прислать письмо съ какого-нибудь острова или пристани. А что касается до старика Соломона, – здѣсь капитанъ принялъ торжественный тонъ, – объявляю вамъ, миссъ Домби, я стану защищать его до страшнаго суда, и егда разверзутся небеса, и воспрянутъ вѣтры отъ концовъ земли!.. воспрянуть... воспрянуть... ну, да вы найдете этотъ текстъ въ своемъ катехизисѣ. Теперь, когда надо узнать настоящее, достовѣрнѣйшее мнѣніе насчетъ "Сына и Наслѣдника", то у меня, скажу я вамъ, есть одинъ пріятель, морякъ – да что морякъ? – онъ и на сухомъ пути не уронитъ себя, а морскія тайны ему извѣстны наперечетъ, какъ свои пять пальцевъ. Его зовутъ Бенсби. Когда-нибудь я завезу его къ деревянному мичману, и ужъ онъ, съ вашего позволенія, выскажетъ такое мнѣніе, что старикъ Соломонъ почувствуетъ, будто его съѣздили дубиной по лбу. Ошеломить, говорю я вамъ, просто ошеломить!

– Покажите намъ этого господина, – съ живостью сказала Флоренса. – Я хочу его слышать. Поѣдемте вмѣстѣ. Съ нами карета.

Капитанъ опять ударилъ себя по голове, на которой на этотъ разъ не было лощеной шляпы, и бросилъ на Флоренсу взоръ безнадежнаго отчаянія. Но въ эту самую минуту случилось достопримѣчательное происшествіе. Какая-то невидимая сила отворила дверь, лощеноя шляпа впорхнула въ комнату, какъ птица, улеглась при ногахъ капитана. Потомъ дверь сама собою затворилась опять; загадочное явленіе ничѣмъ не объяснилось.

Поднявъ шляпу, капитанъ Куттль вытеръ ее рукавомъ и принялся разсматривать съ большою нѣжностью. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

– Вкдите ли, въ чемъ дѣло, – заговорилъ наконецъ капитанъ. – Я вчера хотѣлъ идти къ старику Соломону, и сегодня тоже, да вотъ она... она спрятала мою шляпу.

– Какъ спрятала? кто? – спросила Сусанна Нипперъ.

– Домовая хозяйка, – отвѣчалъ капитанъ тихимъ басомъ, дѣлая таинственные сигналы. – Мы немножко поспорили насчетъ мытья половъ въ этой каютѣ, и она... – продолжалъ капитанъ, взглядывая на дверь и облегчая себя продолжительнымъ вздохомъ, – она засадила меня подъ арестъ.

– О, желала бы я поспорить съ вашей хозяйкой! – быстро заговорила Сусанна, вспыхнувъ отъ негодованія. – Я бы ее засадила.

– Неужто, моя милая, неужто! – восклицалъ капитанъ, сомнительно качая головой и съ явнымъ удивленіемъ размышляя объ отчаянномъ мужествѣ прекрасной героини. – Не знаю

однако-жь: тутъ трудная навигація, и дѣло не пойдетъ на ладъ. Никогда не допытаешься, куда подуесть вѣтеръ. Иной разъ летить она на всѣхъ парусахъ въ одну сторону, а потомъ глядь, она уже передъ твоими глазами. У ней чортъ въ головѣ, и когда разбушуется... – здѣсь капитанъ обтеръ потъ, выступившій на лбу, и окончилъ фразу трепетнымъ свистомъ. – А вы неужто засадили бы ее?

Вмѣсто отвѣта Сусанна только улыбнулась, но въ этой улыбкѣ было столько отваги, столько гордаго вызова, что капитанъ вѣроятно никогда бы не кончилъ созерцанія храброй дѣвицы, если бы Флоренса въ эту минуту не повторила своего приглашенія къ оракулу Бенсби. Возвращенный такимъ образомъ къ своимъ обязанностямъ, капитанъ надѣлъ лошеную шляпу, взялъ сучковатую палку – такую же, какую подарилъ Вальтеру – и, подавая руку Флоренсѣ, приготовился идти напроломъ, если непріятель сдѣлаетъ засаду.

Но, къ великому благополучію, м-съ Макъ Стингеръ уже перемѣнила курсъ и лавировала въ другомъ направленіи. Когда капитанъ Куттль спустился съ лѣстницы, достойная дама выбивала у воротъ ковры и половики, отъ которыхъ пыль образовала густое облако надъ головою Александра, продолжавшаго сидѣть на каменной мостовой. Это занятіе до того поглотило умственные силы м-съ Макъ Стингеръ, что, когда капитанъ проходилъ мимо ея съ обѣими дѣвицами, она принялась колотить еще сильнѣе и ни словомъ, ни движеніемъ не обнаружила, что замѣтила бѣгство своего арестанта. Густая пыль отъ ковровъ толстымъ слоемъ покрыла самого капитана и заставила его нѣсколько разъ чихнуть, какъ отъ крѣпкаго табаку; за всѣмъ тѣмъ онъ былъ очень доволенъ диверсіей м-съ Макъ Стингеръ и едва вѣрилъ своему благополучію. На дорогѣ, между воротами и каретой, храбрый морякъ нѣсколько разъ оглядывался черезъ плечо назадъ съ явнымъ опасеніемъ погони со стороны бдительнаго непріятеля.

Но погони не было, и капитанъ, достигнувъ экипажа, ловко вскочилъ на козлы, отказавшись отъ удовольствія помѣститься вмѣстѣ съ дамами, хотя онъ усердно просили его занять мѣсто въ каретѣ. По указанію капитана, кучеръ погналъ лошадей къ Рэтклифской пристани, гдѣ стояла "Осторожная Клара", корабль Бенсби, втиснутый между сотнями другихъ кораблей, перепутанныя снасти которыхъ казались издали чудовищной, до половины сметенной паутиной.

Когда путешественники прибыли на пристань, капитанъ, соскочивъ съ козелъ, высадилъ дамъ и попросилъ ихъ идти съ нимъ на корабль, замѣтивъ, что чувствительный Бенсби имѣетъ глубочайшее уваженіе къ женскому полу, и что одно ихъ появленіе на кораблѣ развяжетъ его языкъ для удивительныхъ секретовъ.

Флоренса охотно согласилась, и капитанъ, забравъ ея руку въ свою огромную лапу, повелъ ее съ видомъ покровительства, отеческой любви и вмѣстѣ гордости, по грязнымъ палубамъ, къ "Осторожной Кларѣ", находившейся отъ берега на значительномъ разстояніи. Когда они подошли къ кораблю, оказалось, что входъ на него довольно затруднителенъ, потому что лѣстница была снята и полдюжины футовъ отдѣляли его отъ ближайшаго судна. Капитанъ Куттль объяснилъ, что великій Бенсби, такъ же какъ и онъ, терпѣлъ по временамъ лютыя напасти отъ своей хозяйки и, чтобы избавиться отъ нападений, становившихся невыносимыми, онъ, въ критическихъ случаяхъ, отдѣлялся отъ нея непроходимую пропастью, приказывая снимать лѣстницу, по которой она взбиралась на "Осторожную Клару".

– Клара, эгой! – закричалъ капитанъ, приставляя руку къ обѣимъ сторонамъ рта.

– Эгой! – откликнулся, какъ эхо, корабельный юнга.

– Бенсби на кораблѣ? – кричалъ капитанъ, привѣтствуя юнгу богатырскимъ голосомъ, какъ будто ихъ раздѣляли сотни сажень разстоянія.

– На кораблѣ, – прокричалъ юнга точно такимъ же голосомъ.

Потомъ юнга перебросилъ лѣстницу, и капитанъ, устроивъ ее какъ слѣдуетъ, переправилъ Флоренсу и вслѣдъ за ней Сусанну Нипперъ. Дамы остановились на палубѣ, съ любопытствомъ разсматривая нѣкоторыя принадлежности матросской кухни и туалета.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за каютной переборки высунулась огромная человѣческая голова съ краснымъ деревяннымъ лицомъ и одинокимъ глазомъ, вращавшимся на подобіе маяка въ бурную ночь. Косматые волосы, развѣвавшіеся на чудной головѣ на подобіе пакли, не имѣли преобладающаго направленія ни къ сѣверу, ни къ югу, но склонялись ко всѣмъ четыремъ сторонамъ компаса и расходились по всѣмъ его румбамъ. За головою постепенно слѣдовали острошестигранный подбородокъ, рубашечные воротники, толстѣйшій галстукъ, непромокаемые лощманскіе шаровары съ высочайшимъ бантомъ, закрѣпленнымъ, какъ на жилетѣ, массивными деревянными пуговицами. Наконецъ во всей красотѣ передъ глазами зрителей выставилась полная особа оракула Бенсби съ руками въ бездонныхъ карманахъ и съ глазомъ, обращеннымъ на вершину мачты, какъ будто на корабль не было ни капитана Куттля, ни его спутницъ.

Глубокомысленный видъ этого мудреца, крѣпкаго и дюжаго, съ величавымъ выраженіемъ молчанія на багряномъ лицѣ, привелъ сначала въ ошоломленіе даже капитана Куттля, стоявшаго съ нимъ вообще на короткой ногѣ. Шепнувъ Флоренсъ, что Бенсби въ жизнь никогда ничему не удивлялся и даже не постигаетъ чувства удивленія, Куттль робко наблюдалъ мудреца, глазѣвшаго на мачту и потомъ устремившаго вращающійся глазъ на безпредѣльный горизонтъ. Когда, наконецъ, заоблачный философъ насытилъ свою любознательность, капитанъ проговорилъ:

– Бенсби, дружище, какъ идутъ дѣла?

Суровый, басистый, дребезжащій голосъ, не имѣвній, казалось, никакой связи съ особой Бенсби и не сдѣлавшій никакой перемѣны на его деревянномъ лицѣ, отвѣчалъ на вопросъ такимъ же вопросомъ:

– Куттль, товарищъ, какъ идутъ дѣла?

Въ это время правая рука философа, вынырнувшая изъ бездоннаго кармана, направилась къ десницѣ Куттля.

– Бенсби, – сказалъ капитанъ, приступая къ дѣлу безъ обиняковъ, – вотъ ты стоишь здѣсь, человѣкъ умный и такой, который можетъ дать свое мнѣніе; и вотъ здѣсь стоитъ молодая леди, которая нуждается во мнѣніи умнаго человѣка. Бенсби, слушай. Рѣчь пойдетъ о Вальтерѣ. Хочетъ о немъ знать и другой мой другъ, человѣкъ ученѣйшій, мужъ науки, которая есть мать изобрѣтеній, не вѣдающихъ закона. Бенсби, такому человѣку, какъ ты, стоитъ познакомиться съ такимъ человѣкомъ, какъ Соломонъ. Бенсби, хочешь ли ѣхать съ нами?

Заоблачный мудрецъ не отвѣчалъ ничего. По его физиономіи можно было судить, что онъ привыкъ созерцать предметы только въ отдаленномъ пространствѣ и не обращаетъ вниманія на вещь, если она не удалена по крайней мѣрѣ на десять миль отъ одинокаго глаза.

Капитанъ, сдѣлавъ выразительный жестъ желѣзнымъ крючкомъ, обратился къ дамамъ и продолжалъ начатую рѣчь такимъ образомъ:

– Вотъ стоитъ передъ нами человѣкъ, который падалъ съ высотъ невообразимыхъ, но никогда не ушибался. Онъ одинъ вытерпѣлъ гораздо больше бѣдъ, чѣмъ всѣ матросы морского госпиталя. Когда онъ былъ молодъ, его колотили по широкому лбу жердями, желѣзными болтами, и о спину его изломалось столько мачтовыхъ деревъ, что можно бы изъ нихъ построить увеселительную яхту. Вѣрьте, это человѣкъ, котораго мнѣніямъ нѣтъ ничего подобнаго на землѣ и на морѣ.

Мудрецъ легкимъ движеніемъ локтей, казалось, выразилъ нѣкоторое удовольствіе панегиристу; но никто въ свѣтѣ не угадалъ бы по его лицу, какая мысль занимаетъ его въ эту минуту. Вдругъ онъ опустилъ глаза подъ палубу и басистымъ голосомъ прогремѣлъ:

– Товарищъ, чего хотятъ выпить эти дамы?

Куттль, испугавшійся при такомъ предложеніи за Флоренсу, отвелъ мудреца въ сторону и шепнулъ ему на ухо нѣкоторыя поясненія. Потомъ они оба спустились внизъ и выпили по рюмкѣ джину. Флоренса и Сусанна наблюдали друзей черезъ открытый люкъ каюты и видѣли,

как мудрец угощает капитана. Вскорѣ они опять появились на палубѣ. Поздравляя себя съ успѣхомъ предпріятія, Куттль повель Флоренсу къ каретѣ. Бенсби, съ глубокомысліемъ медвѣдя, предложилъ услуги миссъ Нипперъ, и слѣдуя съ ней по тому же направленію, толкнулъ ее раза два локтемъ, выражая нѣжную чувствительность, къ великому неудовольствію молодой спутницы.

Философъ усѣлся въ каретѣ вмѣстѣ съ дамами, а капитанъ по-прежнему помѣстился на козлахъ рядомъ съ кучеромъ. Вполнѣ довольный пріобрѣтеніемъ знаменитаго оракула, онъ улыбался во всю дорогу, подмигиваль Флоренсѣ сквозь каретное окошко, и, ударяя себя по лбу, искусно намекаль о сокровищахъ премудрости въ головѣ Бенсби. Оракуль между тѣмъ, чувствительность котораго въ отношеніи къ женскому полу не была преувеличена капитаномъ, продолжалъ подталкивать миссъ Нипперъ, сохраняя впрочемъ во всей полнотѣ свое глубокомысліе.

Соломонъ Гильсъ, уже воротившійся домой, встрѣтилъ гостей у дверей и немедленно повель ихъ въ свою маленькую гостиную, которая теперь была уже не то, что въ былыя времена. По всѣмъ направленіямъ комнаты валялись морскія карты, по которымъ грустный хозяинъ, съ компасомъ въ рукахъ, слѣдилъ за отплывшимъ кораблемъ, рассчитывая, какъ далеко занесли его бури, и стараясь убѣдиться, что еще не скоро наступитъ время, когда должно будетъ покинуть всякую надежду.

– Вотъ куда сдрейфовало его, – говорилъ дядя Соль, рассматривая карту, – но нѣтъ, это невозможно. А пожалуй, не занесло ли, напримѣръ... предположимъ, что въ тогдашнюю бурю онъ измѣнилъ курсъ и попалъ... да нѣтъ, это опять вздоръ!

И съ такими противорѣчащими предположеніями бѣдный дядя Соль развѣзжалъ по огромнымъ листамъ, безнадежно отыскивая вѣрный пунктъ, гдѣ бы утвердить румбы своего компаса.

Флоренса тотчасъ же замѣтила, да и мудрено было не замѣтить, какъ ужасно измѣнился несчастный старикъ въ отсутствіи племянника. Кромѣ безпокойства и грусти, обыкновенныхъ чувствъ въ его положеніи, на его лицѣ пробивалась какая-то загадочная, противорѣчащая рѣшимость, которая особенно тревожила чувствительную дѣвушку. Старикъ выражался какъ-то дико и наобумъ. Когда Флоренса изъявила сожалѣніе, что не видѣла его сегодня поутру, онъ сказалъ сначала, что заходилъ къ ней, но потомъ одумался и какъ будто хотѣлъ назадъ взять отвѣтъ.

– Вы заходили ко мнѣ? – сказала Флоренса. – Сегодня?

– Да, моя любезная миссъ, – отвѣчалъ дядя Соломонъ, посмотрѣвъ на нее съ явнымъ смущеніемъ. – Я хотѣлъ увидѣть васъ собственными глазами, услышать собственными ушами, увидѣть и услышать еще разъ, прежде чѣмъ...

– Прежде чего? прежде чего? – сказала Флоренса, положивъ руку на его плечо.

– Развѣ я сказалъ – прежде? – Ну, такъ я думалъ, прежде чѣмъ придуть вѣсти отъ моего милаго Вальтера.

– Вы нездоровы, – сказала Флоренса съ нѣжностью. – У васъ такъ много было безпокойства. Я увѣрена, вы нездоровы.

– Я здоровъ и крѣпокъ такъ, какъ только можетъ быть человѣкъ моихъ лѣтъ – съ жаромъ заговорилъ старикъ. – Посмотрите на эту руку: она не дрожить, и развѣ владѣлецъ ея не можетъ быть столь же отважнымъ и рѣшительнымъ, какъ юноша въ полномъ цвѣтѣ силъ? Увидимъ, увидимъ.

Въ движеніяхъ, сопровождавшихъ эти слова, выразалось слншкомъ очевидное разстройство, и Флоренса, тронутая до глубины души, хотѣла сообщить свои опасенія Куттлю; но тотъ въ эту самую минуту излагаль, со всѣми подробностями, обстоятельства дѣла, насчетъ котораго требовалось положительное мнѣніе мудреца.

Бенсби, старавшийся, по-видимому, разглядеть какой-то замечательный пункт между Лондоном и Грэвзендом, два или три раза пробовал протянуть свою косматую руку, чтобы обвить ее вокруг воздушного стана мисс Ниппер; но молодая девушка, с крайним негодованием, отскочила на противоположный конец стола, и чувствительное сердце командира "Осторожной Клары" не встретило вождельного отвѣта. Наконец, послѣ нѣкоторыхъ соображеній, могучій гопосъ изъ внутренностей командира, не обращенный ни къ кому въ особенности и управляемый, независимо отъ воли самого владѣльца, какимъ-то фантастическимъ духомъ, забасилъ такимъ образомъ:

– Меня зовутъ Джономъ Бенсби.

– Его окрестили Джономъ, – воскликнулъ восторженный капитанъ Куттль. – Слушайте, слушайте!

– И что я говорю, на томъ стою.

Капитанъ выразительно мигнулъ слушателямъ и, пожимая руку Флоренсы, какъ будто говорилъ:

– Теперь-то онъ расходится! Слушайте его, слушайте! Вотъ зачѣмъ я его привелъ!

– Поэтому, – продолжалъ голосъ, – отчего же и не такъ? А если такъ, что-жъ изъ этого? Кто другой скажетъ иначе? Никто. Баста! уекай!

Послѣ этой аргументаціи голосъ остановился и отдыхалъ. Слушатели безмолвствовали. Черезъ минуту таинственный голосъ забасилъ опять такимъ образомъ:

– Полагаете ли вы, ребята, что "Сынъ и Наслѣдникъ" пошелъ ко дну? Можетъ быть. А я какъ думаю? о чемъ? Пусть будетъ такъ. Шкиперъ идетъ къ каналу Святого Георгія, къ Даунсамъ. Что у него передъ носомъ? Гудвинскія отмели. Кто это сказалъ? никто. Онъ можетъ наскочить на Гудвинсы, можетъ и не наскочить. Разумѣй. Въ зашеекъ не толкаютъ. Баста! Не зѣвать на руль и счастливо оставаться.

Затѣмъ таинственный голосъ вышелъ на улицу, уведя съ собой командира "Осторожной Клары" и сопутствуя ему до самой каюты, гдѣ онъ немедленно погрузился въ койку и освѣжился крѣпкимъ сномъ.

Внимательные слушатели изреченій мудреца съ крайнимъ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга, стараясь каждый иосвоему вникнуть въ загадочныя слова Бенсби, который, какъ оракулъ, поставленный на треножникъ, ни на шагъ не отступилъ отъ существенныхъ правилъ, свойственныхъ всѣмъ вообще оракуламъ древнихъ и новыхъ временъ. Еще въ большемъ недоумѣніи находился Благотворительный Точильщикъ, видѣвшій всю сцену съ чердака изъ потолочнаго окна: маленькая и очень невинная хитрость, которую шпионъ м-ра Каркера уже не разъ позволялъ себѣ при разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ. Куттль, съ своей стороны, убѣжденный еще больше въ высочайшей премудрости командира Бенсби, въ жизнь не дававшего никакихъ промаховъ, вывелъ изъ его словъ положительное заключеніе, что "Сынъ и Наслѣдникъ" бросаетъ якорь надежды, за который съ помощью божьею и должна уцѣпиться вся компанія. Флоренса старалась увѣрить себя, что капитанъ былъ правъ; но Сусанна Нипперъ Выжига, энергически замотавъ головой, обьнвила прямо и рѣшительно, что командиръ Бенсби такой же дуракъ, какъ Перчъ разсылный.

Дядя Соль, послѣ торжественнаго совѣщанія, остался въ такомъ же расположеніи духа, какъ и прежде и тотчасъ по уходѣ Бенсби принялся разѣзжать по географическимъ картамъ, отмѣривая циркулемъ безнадежныя разстоянія. Когда, такимъ образомъ, онъ погруженъ былъ въ свое путешествіе, Флоренса шепнула о чемъ-то Куттлю, и тотъ немедленно подошелъ къ старику.

– Ну что, дядя Соль? – заговорилъ капитанъ, дружески положивъ свою тяжелую руку на плечо инструментальнаго мастера. – Что новенькаго?

– Ничего, Недъ, такъ себѣ, – отвѣчалъ Соломонъ Гильсъ. – Мнѣ пришло теперь въ голову, что въ этотъ самый день мой бѣдный мальчикъ поступилъ въ контору Домби и Сына. Тогда

онъ поздно воротился къ обѣду и сѣлъ тамъ, гдѣ ты теперь стоишь. Мы заговорили тогда о кораблекрушеніяхъ, и я насилу могъ отвлечь его отъ этого предмета.

Глаза Флоренсы съ живѣйшимъ любопытствомъ обратились на старика. Онъ остановился.

– Держись, крѣпче, старый другъ! – возопилъ капитанъ. – Будь весель и смотри на все очертя голову. А знаешь, что? Я провожу теперь наше сокровище, – здѣсь капитанъ поцѣловаль руку Флоренсы, – и потомъ, на возвратномъ пути, завербую тебя на цѣлый день. Мы отобѣдаемъ вмѣстѣ у меня или въ трактирѣ.

– Нѣтъ, нѣтъ, – съ живостью возразилъ старикъ, видимо смущенный этимъ предложениемъ. – Отобѣдаемъ, пожалуй, только не сегодня. Сегодня я не могу.

– Почему же?

– Я... я очень занятъ сегодня. Надобно обдумать и привести въ порядокъ... Право, Недъ, сегодня не могу. Мнѣ надобно подумать о многихъ вещахъ... Я долженъ остаться наединѣ.

– Ну, такъ завтра, Соломонъ?

– Завтра, пожалуй, – отвѣчалъ старикъ. – Да, именно завтра. Это лучше всего. Подумай обо мнѣ завтра, Недъ Куттль.

– Такъ помни же, Соломонъ, завтра поутру къ тебѣ непременно явлюсь.

– Хорошо, хорошо. Утро вечера мудренѣе, Недъ Куттль, а теперь прощай, мой другъ, прощай. Благослови тебя Богъ!

И говоря это, старикъ пожималь руку капитана съ необыкновеннымъ жаромъ. Потомъ онъ съ большою нѣжностью поцѣловаль обѣ руки Флоренсы, пристально посмотрѣль на ея лицо и съ какой-то странной суетливостью проводилъ ее къ каретѣ. Все это произвело такое впечатлѣніе на Куттля, что онъ нѣсколько минутъ промедлил на крыльцѣ подлѣ деревяннаго мичмана, дѣлая увѣщанія Робу, чтобы тотъ внимательнѣе смотрѣль за своимъ хозяиномъ до слѣдующаго утра. За этимъ увѣщаніемъ онъ всунулъ ему въ руку шиллингъ и обѣщаль еще шесть пенсовъ на другой день, если тотъ исправно выполнитъ сдѣланныя порученія. Устроивъ такимъ образомъ это дѣло, Куттль, считавшій себя естественнымъ и законнымъ тѣлохранителемъ Флоренсы, взобрался на козлы и благополучно проводилъ ее домой. На прощаньи онъ увѣрилъ ее еще разъ, что не разстанется съ Соломономъ до гробовой доски и будетъ охранять его до страшнаго суда. Затѣмъ пришла ему въ голову м-съ Максъ Стингеръ и, припомнивъ храбрый вызовъ Сусанны Нипперъ, онъ, обращаясь къ этой дѣвицѣ, не могъ удержаться отъ восклицанія: "Такъ неужели бы вы засадили ее, моя милая, неужели!"

Проводивъ Флоренсу съ ея спутницей до двери заколдованнаго дома, капитанъ почувствовалъ въ душѣ какое-то неопредѣленное безпокойство, и его мысли обратились къ инструментальному мастеру. Вмѣсто того, чтобы идти домой, онъ нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по улицѣ, гдѣ жилъ деревянный мичманъ, и, отложивъ до ночи путешествіе на Корабельную площадь, отправился обѣдать въ матросскую таверну, торчавшую клиномъ на углу одной изъ улицъ въ Сити. Въ сумерки онъ забрелъ опять къ магазину инструментальнаго мастера и въ наблюдательномъ положеніи остановился передъ окномъ. Старикъ Соломонъ съ озабоченнымъ видомъ сидѣль въ гостиной съ перомъ въ рукахъ, и рука его быстро бѣгала по бумагѣ. Благотворительный Точильщикъ убираль комнату, запираль двери и стлалъ себѣ постель. Увѣрившись такимъ образомъ, что все обстоитъ благополучно, Куттль направилъ шаги на Корабельную площадь, твердо рѣшившись на другой день сняться съ якоря какъ можно ранѣе.

Глава XXIV

Занятія любящаго сердца

Сэръ Барнетъ и леди Скеттльзъ жили въ Фильгэмѣ, въ живописномъ предмѣстїи Лондона, на самомъ берегу Темзы. Дача ихъ превосходительствъ была одною изъ прелестнѣйшихъ резиденцій въ мірѣ среди и подъ конецъ лѣта, когда совершались по Темзѣ праздничныя прогулки на шлюпкахъ и катерахъ, но въ другія времена она имѣла то маленькое неудобство, что сосѣдніе луга и кустарники потоплялись разливомъ воды, которая иногда забиралась даже въ роскошную спальню ихъ првѣ. Сэръ Барнетъ Скеттльзъ главнѣйшимъ образомъ выражалъ свою личную знаменитость античной золотой табакеркой и огромнымъ шелковымъ платкомъ, который онъ величественно вытаскивалъ изъ кармана, какъ военное знамя и обѣими руками подносилъ къ своему вельможному носу. Сэръ Барнетъ имѣлъ одну цѣль въ жизни – распространять дальше и дальше кругъ своихъ знакомыхъ. Какъ тяжелое тѣло, брошенное въ воду – да не оскорбится низкимъ сравненіемъ сіятельная тѣнь достойнаго джентльмена – сэръ Барнетъ Скеттльзъ, по неизмѣнному закону природы, постоянно увеличивалъ расширявшійся кружокъ до послѣднихъ предѣловъ возможности. Или, какъ звукъ въ воздухѣ, котораго колебанія, по теорїи новѣйшаго остроумнаго философа, идутъ впередъ и впередъ по безпредѣльнымъ полямъ пространства, сэръ Барнетъ Скеттльзъ не могъ остановиться въ своемъ путешествіи по разнообразнымъ областямъ соціальной системы.

Сэръ Барнетъ имѣлъ также страсть знакомить людей другъ съ другомъ, и это онъ дѣлалъ безкорыстно, безъ всякихъ дальнѣйшихъ видовъ, единственно изъ благородной любви къ предмету. Если къ его прву благодѣтельная судьба посылала какого-нибудь новичка или, если подъ сѣнь его мирной виллы попадался заѣзжій, сэръ Барнетъ Скеттльзъ на другой же день по его прибытіи обыкновенно предлагалъ вопросы, вродѣ слѣдующихъ: – "Ну, государь мой, съ кѣмъ хотите вы здѣсь познакомиться? Кого вамъ угодно видѣть? Не станете ли вы описывать ваше путешествіе? Или, быть можетъ, вы занимаетесь драматическимъ искусствомъ? Не нуженъ ли вамъ сюжетъ для картины? для статуи? во всякомъ случаѣ вы должны знать и видѣть людей. Съ кѣмъ же я долженъ васъ познакомить?" – Случалось, путешественникъ называлъ особу, съ которой Барнетъ знакомъ былъ столько же, какъ съ китайскимъ императоромъ; но это его не останавливало, и его прво, не задумавшись, отвѣчалъ, что упомянутая особа его искренній другъ и прїятель. Затѣмъ онъ отправлялся къ неизвѣстной особѣ, оставлялъ карточку и писалъ на скорую руку записку: – "Сэръ, блистательное положеніе, которое вы занимаете въ обществѣ, позволяетъ мнѣ обратиться къ Вамъ съ просьбой: любознательный путешественникъ, остановившійся въ моемъ домѣ, хотѣлъ бы повидаться съ Вами (леди Скеттльзъ ия принимаемъ въ немъ большое участіе); такой геній, какъ вы, конечно не оскорбится нарушеніемъ мелкихъ приличій – позволяемъ себѣ думать, вы удостоите насъ высокой чести сдѣлать визитъ" – и прочая, и прочая, Такъ или иначе, знакомство устраивалось, и опытный охотникъ разомъ ловилъ двухъ зайцевъ.

Вооруженный античной табакеркой и неизбѣжнымъ знаменемъ, сэръ Барнетъ Скеттльзъ обратился съ своимъ обыкновеннымъ вопросомъ къ Флоренсѣ въ первое утро послѣ ея прибытія на великолѣпную виллу. Флоренса думала въ эту минуту о бѣдномъ Вальтерѣ, и сердце ея болѣзненно сжалось при такомъ вопросѣ; однако жъ, она поблагодарила сэра Барнета и отвѣчала, что никого предпочтительно не желаетъ видѣть. Но сэръ Барнетъ Скеттльзъ не отставалъ.

– Хорошо ли вы помните, милая миссъ Домби, – сказала онъ, – что почтенный вашъ родитель – поклонитесь ему отъ меня и леди Скеттльзъ, когда станете писать – ни съ кѣмъ не желаетъ васъ познакомить?

Бѣдная дѣвушка затрепетала всѣмъ тѣломъ и едва могла пролепетать отрицательный отвѣтъ.

Молодой Скеттльзъ гостилъ теперь дома, отпущенный на каникулы изъ докторской теплицы. Онъ терпѣлъ невыносимую муку отъ своего высочайшаго галстука и отъ докучливой маменьки, которая непремѣнно хотѣла, чтобы онъ безпрестанно любезничалъ съ Флоренсой. Его мученія увеличились еще больше отъ общества д-ра Блимбера и м-съ Блимберъ, которые тоже были приглашены подъ мирную кровлю его гостепріимныхъ родителей. Выведенный изъ терпѣнія, молодой Барнетъ всю эту компанію посылалъ къ чорту и даже говорилъ, что охотнѣе прожилъ бы каникулы на каторгѣ.

– Не желаете-ли вы, д-ръ Блимберъ, познакомиться съ кѣмъ-нибудь черезъ мое посредство? – спросилъ сэръ Барнетъ, обратившись къ этому джентльмену.

– Вы очень добры, сэръ Барнетъ, – отвѣчалъ д-ръ Блимберъ, – покорно васъ благодарю. Здѣсь покамѣстъ я никого не имѣю въ виду. Я слѣдую Теренцію и думаю вмѣстѣ съ нимъ, что всѣ люди имѣютъ одинаковое право на мою любознательность. Впрочемъ, каждый отецъ, имѣющій сына, особенно интересуется меня.

– Не желаете-ли вы, м-съ Блимберъ, быть представленной какой-нибудь особѣ?

– О, если бы вы, сэръ Барнетъ, могли представивъ меня Цицерону, въ его очаровательномъ тускуланумѣ, я бы покорнѣйше стала просить васъ о такой милости! – отвѣчала м-съ Блимберъ съ пріятнѣйшей улыбкой и повертывая во всѣ стороны свою шляпу небснаго цвѣта. – Общество ваше и любезной леди Скеттльзъ дѣлаетъ для меня излишнимъ всякое другое знакомство. Къ тому же я и мой мужъ имѣемъ удовольствіе видѣть каждый день милаго вашего сына.

При этомъ молодой Барнетъ вздернулъ носъ, и лицо его, обращенное на обожательницу Цицерона, приняло самое сердитое выраженіе.

Сэръ Барнетъ Скеттльзъ принужденъ былъ ограничиться небольшимъ обществомъ къ великой радости Флоренсы, принявшей изучать это общество съ тою завѣтною цѣлью, которая такъ глубоко запала въ ея душу.

Въ домѣ гостило нѣсколько дѣтей. Всѣ они были такъ же свободны и счастливы съ своими отцами и матерями, какъ розовыя малютки напротивъ лондонскаго дома м-ра Домби. Ничто ихъ не стѣсняло и они открыто выражали свои чувства. Флоренса старалась изучить ихъ секретъ, старалась угадать, чего недоставало въ ней самой, чтобы сдѣлаться столь же привлекательной, какъ эти маленькія дѣти. Она надѣялась теперь, открывъ ихъ тайну, научиться, какъ должно обнаруживать свою любовь отцу.

Долго Флоренса наблюдала этихъ дѣтей. Не разъ, въ раннія утра, когда солнце только что вставало, и въ домѣ еще никто не пробуждался, бѣдная дѣвушка уединенно гуляла по берегу рѣки и заглядывала въ окна спаленъ, гдѣ покоились маленькія дѣти. Флоренса думала о нихъ съ любовью и наслажденіемъ, но въ то же время чувствовала, что здѣсь, среди этой розовой группы, она еще уединеннѣе, чѣмъ въ опустѣломъ домѣ своего отца. При всемъ томъ она продолжала жить среди этой группы и съ терпѣніемъ изучала трудное искусство возбуждать любовь въ родительскомъ сердцѣ.

Въ чемъ же, наконецъ, состоитъ это искусство и гдѣ его начало? Были здѣсь дочери, уже владѣвшія сердцами своихъ отцовъ. Онѣ не встрѣчали ни холоднаго взора, ни нахмуренныхъ бровей, и даже не подозрѣвали, что отецъ можетъ отвергать свое дитя. Когда солнце бросало яркіе лучи съ высокаго горизонта, и роса высыхала на цвѣтахъ, окна спаленъ постепенно открывались, и прекрасные беззаботные ребята съ веселымъ крикомъ выбѣгали на зеленый лугъ для утренней прогулки. Чему же могла Флоренса научиться отъ этихъ дѣтей? Не поздно ли взялась она за дѣло? Каждый мальчикъ и каждая дѣвочка безбоязненно подбѣгали къ отцу, ловили готовый поцѣлуй и обвивались вокругъ шеи, уже протянутой для дѣтской ласки. Нельзя же ей съ самаго начала сдѣлаться столь смѣлой въ обхожденіи съ своимъ отцомъ. О, неужели должна исчезнуть всякая надежда! Неужели слѣдствіемъ неутомимыхъ занятій будетъ окончательное убѣжденіе, что для нея не существуетъ дороги къ родительскому сердцу?

Даже та старуха, что ограбила ее въ дѣтствѣ – Флоренса хорошо помнила всѣ подробности этого приключенія – съ любовью говорила о своей дочери, и мысль о разлукѣ съ нею вырвала изъ ея груди страшный и болѣзненный крикъ отчаянія. Но мать, вѣроятно, не то, что отецъ: Флоренса тоже со всею нѣжностью была любима своею матерью. "А, впрочемъ, какъ знать? – съ трепетомъ и слезами думала несчастная дѣвушка, живо представляя огромную пустоту между ею и отцемъ, – если бы мать была жива, вѣроятно, и она точно такъ же, какъ отецъ, стала бы меня ненавидѣть, потому что должна же быть во мнѣ какая-нибудь отталкивающая сила, развивающаяся отъ самой колыбели и достигшая съ теченіемъ времени огромныхъ размѣровъ." – Она знала, что такая мысль, неправдоподобная сама по себѣ и не основанная ни на чемъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбительна для памяти покойной матери; но такъ велико было ея усиліе оправдать отца и найти въ себѣ какой-нибудь недостатокъ, что она готова была выдумывать самыя химерическія предположенія.

Вскорѣ послѣ нея пріѣхала на дачу къ Скеттльзамъ прекрасная дѣвочка, двумя или тремя годами моложе Флоренсы. Она была сиротка, безъ матери и отца. Тетка ея, старая сѣдоловая леди, полюбила Флоренсу – ее всѣ любили – съ перваго взгляда и каждый вечеръ садилась подлѣ нея съ материнскимъ участіемъ, когда молодая дѣвушка пѣла или играла на фортепьянѣ. Однажды, въ жаркое утро, черезъ два только дня послѣ пріѣзда этихъ гостей, Флоренса сидѣла въ садовой бесѣдкѣ, любуясь черезъ кусты на группу дѣтей, которыя рѣзвились на ближайшемъ лугу. Недалеко отъ нея, по уединенной аллеѣ, гуляли тетка и племянница, разговаривая вполголоса, но такъ, что Флоренса могла слышать каждое слово. Разговоръ шель о ней.

– Развѣ Флоренса такая же сиротка, какъ я? – спросила дѣвочка.

– Нѣтъ, моя милая. У ней нѣтъ матери, но отецъ ея живъ.

– Такъ она теперь носитъ трауръ по своей бѣдной матери? – съ живостью спросила племянница.

– Нѣтъ, по своемъ братѣ.

– Есть у ней еще братъ или сестра?

– Нѣтъ.

– Бѣдненькая, какъ мнѣ ее жаль! – воскликнула дѣвочка.

Послѣдовало молчаніе. Тетка и племянница остановились посмотрѣть на какую-то лодку. Флоренса, какъ только произнесли ея имя, набрала цвѣтовъ и хотѣла идти къ нимъ на встрѣчу; но когда онѣ перестали говорить, она опять сѣла на свое мѣсто и принялась дѣлать букетъ. Вскорѣ, однако-жъ, разговоръ возобновился.

– Флоренсу всѣ здѣсь любятъ, и она, конечно; заслуживаетъ любви, я увѣрена въ этомъ, – сказала дѣвочка. – Гдѣ ея папа?

Тетка, послѣ короткой паузы отвѣчала, что не знаетъ. Флоренса опять хотѣла идти, но тонъ голоса, какимъ былъ произнесенъ этотъ отрицательный отвѣтъ, приковалъ ее къ мѣсту. Едва дыша и прижавъ свою работу къ трепещущему сердцу, она старалась теперь не проронить ни одного слова.

– Онъ, конечно, въ Англіи, тетенька?

– Думаю, что такъ. Да, въ Англіи, я это знаю.

– Былъ онъ здѣсь когда-нибудь?

– Не думаю. Нѣтъ, не былъ.

– Онъ пріѣдетъ ее навѣстить?

– Не думаю.

– Развѣ онъ хромъ, слѣпъ или боленъ, тетенька?

Цвѣты начали вываливаться изъ рукъ Флоренсы, когда она услышала эти предположенія. Она прижала ихъ тѣснѣе къ груди, на которую теперь неволью склонилась ея голова.

– Китти, – отвѣчала старая леди, – я, пожалуй скажу тебѣ всю правду о Флоренсѣ, какъ сама слышала, да только ты не говори никому, иначе могутъ выйти непріятности для нея.

– Никому не скажу, тетенька.

– Я вѣрю тебѣ, – отвѣчала старушка, – и могу на тебя положиться. Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Отецъ вовсе не заботится о Флоренсѣ, видитъ ее очень рѣдко, въ жизнь не сказалъ ей ласковаго слова и теперь почти совершенно оставилъ ее. Она полюбила бы его нѣжно, если бы онъ захотѣлъ, но онъ не хочетъ, хотя она ни въ чемъ не провинилась ни передъ нимъ, ни передъ кѣмъ на свѣтѣ. Она вполнѣ заслуживаетъ любви, и всѣ о ней жалѣютъ.

Многіе цвѣты изъ рукъ Флоренсы попадали на землю, а тѣ, которые остались на ея груди, были мокры, но не отъ росы. Лицо несчастной дѣвушки склонилось на руки.

– Бѣдная Флоренса! милая, добрая Флоренса! – воскликнулъ ребенокъ.

– Знаешь ли, Китти, зачѣмъ я тебѣ рассказала объ этомъ?

– Затѣмъ, чтобы я всей душою полюбила ее и старалась ей понравиться. Такъ ли, тетенька?

– Такъ, моя милая, но не совсѣмъ. Ты видишь, Флоренса веселится, угождаетъ намъ всѣмъ, улыбается, принимаетъ участіе въ каждой забавѣ; но думаешь ли ты, что она совершенно счастлива? Какъ тебѣ кажется, Китти?

– Я нахожу, что не совсѣмъ, – проговорила дѣвочка.

– Далекое не совсѣмъ, моя милая. Передъ ней маленькія дѣти съ своими родителями, которые ихъ любятъ и гордятся ими. Понимаешь ли теперь, отчего груститъ она, наблюдая дѣтей?

– Да, тетенька, понимаю очень хорошо. Бѣдная Флоренса!

Еще и еще нѣсколько цвѣтовъ попадали на землю, какъ будто отъ дуновенія зимняго вѣтра.

– Китти, – продолжала старая леди важнымъ, но совершенно спокойнымъ и пріятнымъ голосомъ, – изъ всѣхъ дѣтей, въ этомъ мѣстѣ, ты одна можешь быть ея естественнымъ и безвреднымъ другомъ. У тебя нѣтъ тѣхъ невинныхъ средствъ, которыя имѣютъ другія дѣти, счастливіе тебя...

– Нѣтъ дѣтей счастливіе меня, тетенька! – воскликнула дѣвочка, обнимая тетку.

– Ты не можешь, милая Китти, напоминать ей, какъ другія дѣти, о ея несчастьи. Поэтому я бы очень хотѣла, чтобы ты сдѣлалась ея истиннымъ другомъ. Безъ матери и безъ отца, круглая сирота, связанныя общимъ горемъ, вы вполнѣ могли бы сочувствовать одна другой.

– Но при васъ, тетенька, для меня неизвѣстна утрата родительской любви, и я никогда ее не понимала.

– Во всякомъ случаѣ, моя милая, несчастье твое далеко не такъ велико, какъ Флоренсы. Нѣтъ на свѣтѣ сироты, несчастнѣе ребенка, отверженнаго живымъ отцомъ.

Но и послѣ этой сцены Флоренса ни на шагъ не отступала отъ своей завѣтной цѣли. Отецъ не знаетъ, какъ она его любитъ. Рано или поздно, придетъ же, наконецъ, время, когда она найдетъ дорогу къ его сердцу, а, между тѣмъ, она ни словомъ, ни дѣломъ, ни взоромъ не обнаружитъ поводовъ къ жалобамъ на него или къ пересудамъ его поступковъ.

Даже въ разговорахъ съ дѣвочкой, которую она полюбила очень нѣжно, Флоренса никогда не упоминала объ отцѣ. Позволить съ нею въ этомъ отношеніи нѣкоторую откровенность предпочтительно передъ другими дѣтьми, значило, можетъ быть, – думала Флоренса, – подтвердить мнѣніе, что отецъ ея былъ жестокъ и несправедливъ. Спасти его, во что бы ни стало, отъ всѣхъ возможныхъ пересудовъ, – вотъ еще новый пунктъ въ занятіяхъ ея любящаго сердца.

Случалось, вслухъ читали книгу, и тамъ рассказывалась повѣсть о жестокомъ отцѣ: Флоренса принимала самый веселый и безпечный видъ, какъ будто хотѣла показать, что ея папа, слава Богу, совсѣмъ не таковъ, какъ герой этой повѣсти. Такія же насилія своему сердцу дѣлала бѣдная дѣвушка, когда на сценѣ домашняго театра дѣти разыгрывали какую-нибудь пьесу или показывали какую-нибудь картину съ возможными примѣненіями къ ея чудовищному отцу. Измученная безпрестанными противорѣчіями съ самой собою, не разъ собиралась она уѣхать

въ Лондонъ, чтобы снова жить спокойно и мирно, подъ мрачною сѣнью отцовскаго дома. Кто бы, смотря на эту царицу дѣтскихъ баловъ, могъ вообразить, какое бремя тяготѣетъ на ея разтерзанномъ сердцѣ! Какъ немногіе, подъ мерзлой кровлей ея отца, подозрѣвали, какая груда горячихъ угольевъ наброшена на ея голову!

Терпѣливо и съ грустнымъ самоотверженіемъ несчастная дѣвушка продолжала свои странныя занятія. Не открывъ искомаго секрета безымянной прелести, побѣждающей родительскія сердца, въ юномъ обществѣ, въ богатой виллѣ, Флоренса часто въ раннія утра совершала одинокія прогулки для наблюденій надъ дѣтьми бѣдныхъ отцовъ и матерей. Но и тутъ не было успѣха. Бѣдныя дѣти давно заняли приличныя мѣста подъ родительской кровлей, и объятія отцовъ были для нихъ открыты. Нѣтъ, Флоренса опоздала и здѣсь.

Часто наблюдала она одного простолюдина, выходившаго по раннимъ уграмъ на работу вмѣстѣ съ дѣвочкой, почти однихъ съ нею лѣтъ. Дѣвочка по обыкновенію садилась подлѣ отца и не дѣлала ничего. Это былъ человѣкъ бѣдный, не имѣвшій, казалось, опредѣленнаго ремесла. Иногда онъ бродилъ по берегу рѣки, если отливъ былъ слишкомъ низокъ, отыскивая бревна и доски, завязшія въ грязи, иногда онъ копалъ гряды въ огородѣ передъ своей хижиной или починалъ старую лодку. Но что бы онъ ни дѣлалъ, дѣвочка никогда не была занята работой. Она сидѣла подлѣ отца съ какимъ-то безжизненнымъ видомъ, и взоръ ея не выражалъ ни радости, ни горя.

Флоренса часто желала поговорить съ этимъ человѣкомъ, но не рѣшалась начать разговора, когда онъ былъ слишкомъ занятъ. Однажды поутру, гуляя по ивовой аллеѣ на берегу рѣки, недалеко отъ его избушки, она увидѣла, какъ онъ опрокинулъ лодку, развелъ огонь и, обращенный къ ней, стоялъ въ раздумьи съ насмоленной паклей въ рукахъ. Флоренса подошла ближе и пожелала ему добраго утра.

- Сегодня вы очень рано принялись за работу, – сказала она.
- Принялся бы и раньше, миссъ, если бы только была работа.
- Развѣ такъ трудно достать ее? – спросила Флоренса.
- Нелегко, миссъ.

Дѣвочка между тѣмъ сидѣла съ обыкновеннымъ бессмысленнымъ видомъ, положивъ руки на колѣни и не обнаруживая ни малѣйшаго любопытства.

- Это ваша дочь?

Онъ быстро поднялъ голову, взглянувъ на дѣвочку съ радостнымъ лицомъ, кивнулъ Флоренсѣ и проговорилъ:

- Да, миссъ, это моя дочь.

Флоренса подошла ближе и поздоровалась. Дѣвочка въ отвѣтъ промычала что-то глухимъ и крайне непріятнымъ голосомъ.

- Развѣ и у нея нѣтъ работы? – сказала Флоренса.
- Нѣтъ, миссъ, я работаю за нее и за себя.
- Васъ только двое? – спросила Флоренса.

– Да, только двое. Ея мать умерла десять лѣтъ назадъ. Марта! скажи что-нибудь этой прекрасной миссъ.

Дѣвочка сдѣлала нетерпѣливое движеніе, судорожно вздернула плечами и отвернулась. Какая жалкая, грязная, безобразная, оборванная! И отецъ любилъ ее? О, да! Флоренса хорошо подмѣтила его взоръ, исполненный нѣжности и любви.

– Я боюсь, не хуже ли ей сегодня, – съ безпокойствомъ проговорилъ онъ, бросая работу. Вся фигура его была проникнута глубочайшимъ состраданіемъ.

- Развѣ она больна? – спросила Флоренса.

Онъ вздохнулъ и продолжалъ смотрѣть на бессмысленную дочь съ какимъ-то отчаяннымъ видомъ.

– Я думаю, – сказала онъ, – моя бѣдная Марта и пяти дней не была здоровой въ продолженіе столькихъ лѣтъ!

– Да, толкуйте, столькихъ лѣтъ! – сказала неуклюжій сосѣдь, подошедшій въ эту минуту къ лодкѣ. Не больше ли, дядя Джонъ?

– Какъ больше? – спросилъ Джонъ, поправляя истасканную шляпу и проводя рукою по лбу. – Пожалуй, что и такъ. Она всю жизнь хирѣетъ.

– Поневолѣ захирѣетъ, когда вы балуете ее, какъ чортъ знаетъ кого, – продолжалъ сосѣдь. – А что толку? Она въ тягость и себѣ, и другимъ.

– Только не мнѣ, – съ живостью перебилъ отецъ, нагибаясь къ лодкѣ, – не мнѣ, пріятель. Онъ говорилъ правду, и Флоренса видѣла это какъ нельзя лучше.

– Кому же и ходить за ней, какъ не мнѣ? – сказала отецъ. – Кто другой приласкаетъ мою бѣдную дочь?

– Правда, Джонъ, правда! – заговорилъ сосѣдь. – Кто же, кромѣ васъ станетъ ласкать ее? А вы просто распинаетесь изъ-за нея день и ночь. Она спутала васъ по рукамъ и по ногамъ, и ужъ я не знаю, какая собака работаетъ больше васъ. А что толку? Развѣ она понимаетъ ваши заботы?

Отецъ обратился къ дочери и просвистѣлъ какимъ-то оригинальнымъ способомъ. Марта съежилась и сдѣлала нетерпѣливое движеніе плечами. Отецъ, казался, былъ вполне доволенъ этимъ отвѣтомъ.

– И вотъ все, миссъ, за что онъ ее любить! – проговорилъ сосѣдь, улыбаясь.

– Слава Богу и за то! – сказала отецъ, нагибаясь къ работѣ. – Прежде, бывало, мое бѣдное дитя не шевелило ни волосомъ, ни пальцемъ, все равно, какъ мертвая!

Флоренса тихонько опустила въ старую лодку нѣсколько денегъ и удалилась.

Въ чемъ же, наконецъ, секретъ родительской любви? Если бы Флоренса сдѣлалась больна и начала увядать со дня на день, какъ ея покойный братъ, не узналъ ли бы тогда м-ръ Домби, какъ она его любить? Можетъ статься, она сдѣлается для него милѣе, онъ подойдетъ къ ея постели, съ грустью взглянетъ на ея потухающій взоръ, обниметъ ее и въ избыткѣ отеческой нѣжности, забудетъ все прошедшее. Можетъ статься, въ этомъ измѣненномъ состояніи м-ръ Домби проститъ виновную дочь, что она въ свое время не умѣла высказать ему своей дѣтской любви; и тогда Флоренса расскажетъ, зачѣмъ и какъ она по ночамъ подходила къ его кабинету, какъ сильно трепетало ея сердце, и какъ послѣ изучала она неизвѣстное ей искусство сдѣлаться достойной родительской любви. Все это очень можетъ быть.

А если бы Флоренса умерла? О, тогда, нѣтъ сомнѣнія, м-ръ Домби раскается и станетъ горевать. Вообразите: Флоренса лежитъ на постели, точь-въ-точь, какъ ея братецъ, и она, такъ же, какъ онъ, не боится приближающейся смерти. Вотъ м-ръ Домби, растроганный до глубины души, подходитъ къ ней и говоритъ: "Живи, милая Флоренса, живи, Флой, для меня, и мы станемъ любить другъ друга, какъ давно бы слѣдовало любить, и ты будешь счастлива, какъ давно бы слѣдовало быть счастливой". Вотъ, услышавъ эти слова, Флоренса бросается на шею м-ра Домби, обвиваетъ ее своими слабыми руками, и говоритъ: "Ужъ поздно, милый папа, слишкомъ поздно, да и не нужно: я такъ счастлива въ эту минуту, какъ не могла и не могу быть счастливѣе. Я за все вознаграждена, милый папа!" И тутъ она умираетъ съ благословеніями на губахъ.

Всѣ эти химеры, по странной прихотливости любящаго сердца, стройными толпами роились въ головѣ бѣдной дѣвушки. Флоренса вспомнила золотыя волны на стѣнѣ и живо представляла, какъ таинственный потокъ уноситъ ее въ область вѣчности, гдѣ ее встрѣчаетъ милый братъ съ отверстыми объятіями. Стоя въ эту минуту на берегу рѣки, плескавшей волны къ ея ногамъ, она съ благоговѣніемъ воображала ту же самую рѣку, о которой такъ часто говорилъ умирающій братъ, уносимый въ своихъ предсмертныхъ видѣніяхъ въ безбрежный океанъ вѣчности.

Отец и больная дочь еще стояли передь умственными очами Флоренсы, какъ вдругъ тѣлеснымъ ея глазамъ представились въ полной свѣжести силъ здоровый отецъ и здоровая мать въ сопровожденіи сына, цвѣтущаго молодостью и красотою. Сэръ Барнетъ Скеттльзь учтиво привѣтствовалъ дѣвушку и пригласилъ гулять. Флоренса охотно согласилась, и леди Скеттльзь поспѣшила дать приличныя наставленія сыну, который медленными шагами подступилъ къ Флоренсѣ и подаль ей руку. Должно сказать, леди Скеттльзь считала первѣйшимъ наслажденіемъ жизни видѣть, какъ ея сынъ гуляетъ съ прекрасною дѣвушкой.

Но должно также сказать, самъ молодой джентльмень смотрѣлъ на эту статью съ своей, совершенно противоположной, точки зрѣнія, и ири такихъ случаяхъ очень часто вслухъ выражалъ свое неудовольствіе, называя себя дѣвичьимъ прислужникомъ. Впрочемъ, Флоренса, минутъ черезъ пять ходьбы, всегда мирила молодого Барнета съ его судьбой, и они начинали вести дружескій разговоръ. Сэръ Барнетъ и леди Скеттльзь, по обыкновенію, выступали позади, любуясь на прекрасныхъ дѣтей.

Въ такомъ порядкѣ совершалась и теперешняя дообѣденная прогулка. Уже молодой Барнетъ усмирился и охотно развязалъ языкъ, чтобы отвѣчать на вопросы Фларенсы, какъ вдругъ мимо ихъ прогарцовалъ верхомъ на гнѣдомъ конѣ какой-то джентльмень, бросившій на нихъ выразительный взглядъ. Тутъ же онъ сдержалъ, повернулъ въ ихъ сторону коня и началъ раскланиваться съ шляпою въ рукахъ.

Джентльмень особенно смотрѣлъ на Флоренеу, и когда гуляющее общество остановилось, онъ раскланялся сперва съ ней, а потомъ привѣтствовалъ сэра Барнета и леди Скеттльзь. Флоренса никакъ не могла припомнить, видѣла ли когда это лицо, и какъ скоро джентльмень подѣхалъ къ ней ближе, она невольно отступила назадъ.

– Не бойтесь. Моя лошадь очень смирна, увѣряю васъ, – сказалъ джентльмень.

Но Флоренса испугалась не лошади. Въ самомъ всадникѣ было что-то такое, что какъ будто ее кольнуло и заставило отступить.

– Я, конечно, имѣю удовольствіе говорить съ миссъ Домби? – сказалъ джентльмень съ любезной улыбкой.

Флоренса поклонилась.

– Мое имя Каркеръ. Больше, кажется, мнѣ не нужно рекомендовать себя, чтобы быть представленнымъ миссъ Домби. Каркеръ.

День былъ жаркій, но Флоренса почувствовала странную дрожь, пробѣжавшую по ея тѣлу. Она представила м-ра Каркера своему обществу.

– Прошу извинить, – сказалъ м-ръ Каркеръ, – тысячу разъ; но я завтра поутру отправлюсь къ м-ру Домби, въ Лемингтонъ, и если вамъ, мисеъ, угодно дать мнѣ какое порученіе, я почту себя совершенно счастливымъ.

Сэръ Барнетъ немедленно сообразилъ, что Флоренсѣ надо писать, и предложилъ окончить прогулку, приглашая м-ра Каркера на дачу отобѣдать. М-ръ Каркеръ, къ великому несчастью, уже далъ слово обѣдать въ другомъ мѣстѣ, но, ежели миссъ Домби желаетъ писать, онъ съ удовольствіемъ готовъ ждать сколько угодно. Представивъ это извиненіе съ любезнѣйшей улыбкой, м-ръ Каркеръ нагнулъ, чтобы погладить шею лошади, и Флоренса въ эту минуту разслышала, или, правильнѣе, разглядѣла въ его взорѣ слѣдующія три слова: "О корабль никакого слуху!"

Бѣдная дѣвушка съ крайнимъ испугомъ отскочила отъ всадника, который въ эту минуту выставилъ всѣ свои зубы, и трепещущимъ голосомъ проговорила, что не намѣрена писать къ отцу.

– Можетъ быть, вамъ угодно, миссъ Домби, послать что-нибудь? – сказалъ зубастый всадникъ.

– Нѣтъ, благодарю васъ. Мнѣ нечего посылать, кромѣ... кромѣ моей любви.

Несмотря на ужасную взволнованность, Флоренса подняла на него выразительный, умоляющий взоръ, въ которомъ нетрудно было прочесть просьбу о пощадѣ, такъ какъ всякое сношеніе между ею и отсутствующимъ отцомъ выходило изъ круга обыкновенныхъ вещей. М-ръ Каркеръ улыбнулся, отвѣсилъ низкій поклонъ и, снабженный комплиментами отъ сэра Барнета и леди Скеттльзъ къ м-ру Домби, поскакалъ назадъ, оставивъ самое благопріятное впечатлѣніе въ превосходительныхъ сердцахъ. Флоренса между тѣмъ продолжала дрожать, какъ въ лихорадкѣ, и сэръ Барнетъ, не чуждый народныхъ суевѣрій, заключилъ, что, вѣроятно, въ эту минуту проходилъ кто-нибудь по ея будущей могилѣ. М-ръ Каркеръ еще разъ оглянулся изъ-за угла, поклонился и поскакалъ во весь опоръ... вѣроятно, на будущую могилу Флоренсы.

Глава XXV

Странная вѣсти о дядѣ Соломонѣ

Несмотря на твердое намѣреніе чуть свѣтъ сняться съ якоря, капитанъ Куттль не прежде, какъ въ шесть часовъ, проснулся въ своей каютѣ послѣ того достопамятнаго вечера, когда онъ наблюдалъ черезъ окно, освѣщенное лампой, дядю Соломона за его письменнымъ столомъ, вмѣстѣ съ деревяннымъ мичманомъ на прилавкѣ и Благотворительнымъ Точильщикомъ, возившимся около своей постели за тѣмъ же прилавкомъ. Зато теперь капитанъ пробудился и тѣломъ, и душой. Сидя на постели, онъ озирался вокругъ комнаты и протираля свои глаза съ какимъто особеннымъ неистовствомъ, какъ будто отъ нихъ теперь требовалась чрезвычайная услуга. Случай необыкновенный. Передъ особой капитана лицомъ къ лицу, задыхаясь отъ усталости, стоялъ Робъ Тудль, съ раскраснѣвшимися щеками и выпученными глазами, блиставшими самымъ яркимъ свѣтомъ.

– Ура! – проревѣлъ капитанъ. – Что новаго?

Но когда Робъ хотѣлъ отвѣчать, капитанъ вепремь спрыгнулъ съ постели и рукою зажалъ ему ротъ.

– погоди, любезный, погоди, – сказалъ онъ, – не говори покуда ни слова.

Затѣмъ капитанъ повернулъ посѣтителя налѣво кругомъ въ другую комнату, и, скрывшись самъ на нѣсколько минутъ, воротился въ синемъ камзолѣ, подошелъ къ шкапу, налилъ двѣ рюмки водки и подаль одну Благотворительному Точильщику. Потомъ, опорожнивъ собственную рюмку, капитанъ приложился спиною къ стѣнѣ, какъ будто хотѣлъ на всякій случай предупредить возможность опрокинуться навзничъ и, обративъ глаза на Точильщика, командовалъ довольно рѣшительнымъ тономъ:

– Ну, теперь отваливай, дружокъ, отваливай!

– Вы хотите, чтобы я говорилъ? – спросилъ Робъ, озадаченный капитанскими приготовлениями.

– Да, начинай.

– Мнѣ почти нечего рассказывать, капитанъ. Вотъ вамъ!

Робъ показалъ связку ключей. Капитанъ, еще плотнѣе прислонившись къ стѣнѣ, бросалъ попеременно взгляды то на ключи, то на Точильщика.

– Вотъ вамъ еще, – продолжалъ Робъ.

Тутъ онъ вынулъ запечатанный пакетъ, на который капитанъ посмотрѣлъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и на ключи.

– Вставши сегодня въ пять часовъ, – продолжалъ Робъ, – я нашель всѣ эти вещи на своей постели. Двери въ магазинъ были отперты, и м-ръ Гильсъ отошелъ...

– Какъ?! умеръ?! – проревѣлъ капитанъ, поблѣднѣвъ какъ смерть.

– Не умеръ, а исчезъ, – возразилъ Точильщикъ.

– Исчезъ?

– Скрылся изъ магазина, неизвѣстно куда.

Капитанъ заревѣлъ такимъ неистовымъ голосомъ и съ такою быстротою ринулся отъ стѣны, что бѣдный Точильщикъ, вооруженный ключами и пакетомъ, поспѣшилъ забиться въ противоположный уголъ.

– На ключахъ, сударь, и на пакетѣ написано: "Для капитана Куттля", – завопилъ Робъ, – Вотъ я и прибѣжалъ къ вамъ. Больше я ничего не знаю, капитанъ Куттль, ей-же-ей! Ужъ лучше бы мнѣ провалиться сквозь землю. Вотъ нашли мѣсто для бѣднаго парня! Хозяинъ бѣжалъ и мнѣ придется разстаться съ мѣстомъ, а еще меня же обвиняютъ!

Эти жалобныя восклицанія были вызваны сверкающими глазами капитана, который весь, съ ногъ до головы, пылалъ подозрѣнїемъ и угрозами. Принявъ пакетъ изъ рукъ Точильщика, капитанъ разломалъ печать и принялся читать:

"Милый мой Недъ Куттль, здѣсь ты найдешь мою волю" – капитанъ для удостовѣренія перевернулъ листъ – "и завѣщаніе"...

– Гдѣ же завѣщаніе? – закричалъ капитанъ, бросивъ подозрительный взглядъ на Точильщика. – Воля здѣсь, а завѣщанія я не вижу. Куда дѣвались ты завѣщаніе?

– Я не видалъ никакого завѣщанія – возразилъ Робъ. – Пожалуйста, капитанъ, не нападайте на меня. Я не трогалъ завѣщанія.

Капитанъ сомнительно покачалъ г. оловой и съ важностью продолжалъ чтеніе:

"Не вскрывай документа до истеченія года или пока не будетъ получено вѣрнаго извѣстія о моемъ милomъ Вальтерѣ, который также – я увѣренъ въ этомъ – дорогъ и для тебя, любезный Недъ..."

Здѣсь капитанъ остановился съ видимымъ волненіемъ. Понимая, однако-жъ, важность настоящаго случая, онъ, для возстановленія своего достоинства, бросилъ на Точильщика строгій взглядъ и продолжалъ:

"Если ты никогда не услышишь обо мнѣ или не увидишь меня больше, вспоминай, любезный Недъ, о старомъ другѣ такъ же, какъ онъ будетъ вспоминать о тебѣ до послѣдняго издыханія – съ любовью, и заступи, ради Вальтера, его мѣсто при магазинѣ до истеченія упомянутого срока. Долговъ нѣтъ. Заемъ фирмѣ Домби и Сынъ уплаченъ. Посылаю тебѣ ключи. Храни все это въ тайнѣ и не дѣлай обо мнѣ никакихъ разспросовъ. Это бесполезно. Больше писать нечего, любезный Недъ. Остаюсь твой вѣрный другъ Соломонъ Гильсъ.

Капитанъ перевелъ духъ и читалъ далѣе постскриптъ.

"Мальчикъ Робъ, рекомендованный фирмой, какъ я тебѣ говорилъ, можетъ остаться при магазинѣ... Если окажется необходимымъ продавать вещи съ аукціона, побереги, милый Недъ, маленькаго мичмана".

Капитанъ Куттль перечиталъ письмо, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ и съ сотню разъ перевернулъ его въ рукахъ, сидя въ глубокомъ раздумьи на своемъ стулѣ. Сначала мысли его были исключительно прикованы къ письму, и онъ ни о чемъ больше не былъ въ состояніи думать. Потомъ онъ постепенно началъ вникать въ постороннія обстоятельства, и мало-помалу идея военнаго суда образовалась и созрѣла въ его головѣ. Но подсудимымъ былъ Благотворительный Точильщикъ, и никто больше. Его слѣдовало допросить. Утвердившись въ этой мысли, капитанъ принялъ такой рѣшительный, строгій, истинно судейскій видъ, что Точильщикъ, еще прежде начатія допроса, понялъ всю опасность своего положенія и счелъ необходимымъ опровергнуть обвинительные пункты, начертанные на челѣ грознаго судіи.

– О, зачѣмъ вы на меня такъ смотрите, капитанъ? – воскликнулъ Точильщикъ. – Въ чемъ я провинился передъ вами?

– Не кричи, любезный, не кричи! Нечего обвинять себя прежде времени.

– Я ни въ чемъ не виноватъ, капитанъ!

– Увидимъ, а покамѣстъ распускай-ка паруса и – маршъ впередъ!

Съ глубокимъ чувствомъ отвѣтственности, возложенной на него въ настоящемъ случаѣ, капитанъ рѣшился немедленно произвести строжайшее слѣдствіе на самомъ мѣстѣ и, вооружившись сучковатымъ жезломъ, отправился въ Сити вмѣстѣ съ Благотворительнымъ Точильщикомъ. Считая этого малаго своимъ арестантомъ, онъ думалъ сначала сковать его или, по крайней мѣрѣ, стянуть его руки, но, не зная обычныхъ формъ, употребительныхъ при такомъ арестѣ, удовольствовался лишь тѣмъ, что держалъ его плечи во всю дорогу, приготовившись, въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія, дать ему пинка и повалить на мостовую.

Но сопротивленія не было, и они, безъ всякихъ приключеній, достигли въ Сити до дверей инструментальнаго мастера. Такъ какъ ставни еще не были открыты, то капитанъ прежде всего

озаботился осветить магазинъ, и когда дневной свѣтъ пробился черезъ окна, онъ приступилъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Расположившись въ креслахъ, какъ судья торжественнаго трибунала, капитанъ приказалъ Робу лечь въ свою постель подъ прилавкомъ и въ точности объяснить: во-первыхъ, гдѣ и какъ нашель онъ ключи съ пакетомъ по своему пробужденіи; во-вторыхъ, въ какомъ положеніи находились двери по его пробужденіи; въ-третьихъ, за чѣмъ и какъ побѣжалъ онъ на Корабельную площадь по своему пробужденіи – пунктъ очень важный въ случаѣ, если бы Точильщикъ скрылся черезъ окно. На всѣ эти и другіе, менѣе важные пункты подсудимый отвѣчалъ нѣсколько разъ очень удовлетворительнымъ образомъ. Судья опустилъ голову и, казалось, вывелъ положительное заключеніе, что дѣло принимало очень дурной оборотъ.

Вслѣдъ затѣмъ былъ учиненъ строгій розыскъ по ісему дому съ неопредѣленной мыслью отыскать тѣло Соломона Гильса. Въ сопровожденіи подсудимаго, ставшаго со свѣчей на лѣстницѣ, капитанъ спустился въ погребъ, ощупалъ всѣ углы желѣзнымъ крюкомъ, безпрестанно ударяясь лбомъ о бревна, и воротился оттуда облѣпленный паутиной. При обзорѣ спальни старика, они нашли, что Соломонъ не ложился въ прошлую ночь и только сидѣлъ на постели, такъ какъ одѣяло не много было смято.

– Такъ вотъ что, – вскричалъ Робъ, озираясь вокругъ, – я знаю теперь, зачѣмъ м-ръ Гильсъ такъ часто выходилъ въ эти дни изъ своей комнаты! Онъ, видите ли, капитанъ, потихоньку выносилъ отсюда вещи, чтобы не быть замѣченнымъ.

– Правда, любезный, правда, – сказалъ капитанъ съ таинственнымъ видомъ, – а какія это вещи?

– Да я не вижу здѣсь ни его бритвеннаго прибора, капитанъ, ни щетокъ, ни рубашекъ, ни сапогъ.

При исчисленіи этихъ статей, капитанъ оеатривалъ подсудимаго съ ногъ до головы, вникая въ каждую частицу его туалета и стараясь угадать, не употребилъ ли онъ въ дѣло упомянутыхъ вещей своего хозяина. Но бритвы Робу, казалось, были не нужны, щетки – тоже, потому что его платье никогда не подвергалось вліянію щетокъ, а дырявые сапоги его никакъ не могли принадлежать дядѣ Соломону.

– А что ты скажешь насчетъ времени, когда онъ ушелъ, – спросилъ капитанъ строгимъ голосомъ, – ну?

– Я думаю, капитанъ, м-ръ Гильсъ ушелъ очень скоро послѣ того, какъ я началъ храпѣть.

– Въ которомъ же часу?

– Какъ мнѣ вамъ это сказать, капитанъ? Знаю только, что съ вечера я сплю крѣпко, а къ утру у меня очень легкій сонъ. Если бы м-ръ Гильсъ ушелъ передъ разсвѣтомъ, я бы непременно это слышалъ, хотя бы онъ прокрался къ дверямъ на цыпочкахъ.

По зрѣломъ обсужденіи Куттль началъ догадываться, что Гильсъ исчезъ по собственной волѣ. Къ этому логическому заключенію приводило и письмо, оставленное на его имя. Почеркъ безспорно былъ Соломоновъ, и въ теченіи мыслей обнаруживалась обдуманная рѣшительность. Словомъ, дядя Соломонъ давно задумалъ убѣжать – и убѣжалъ. Оставалось привести въ ясность: куда онъ убѣжалъ и зачѣмъ онъ убѣжалъ? Но такъ какъ первая часть проблемы представляла непреоборимыя затрудненія, то мысли капитана сосредоточились только на второмъ ея пунктѣ.

Припоминая странныя манеры старика и его вчерашнее слишкомъ пламенное прощаніе, теперь совершенно понятное, капитанъ съ ужасомъ дошелъ до заключенія, что старикъ, не будучи въ силахъ преодолѣть страшнаго безпокойства насчетъ милаго Вальтера, рѣшилъ кончить жизнь самоубійствомъ. Уже давно жаловался онъ на тревоженія жизни, и теперь, когда исчезла всякая надежда, очень можетъ быть, что онъ разъ навсегда задумалъ покончить съ мірской суетой.

Ему нечего было опасаться за личную свободу и опись имѣнія, потому что всѣ деньги уплачены: что же, какъ не мысль о самоубійствѣ заставила его скрыться? А если онъ забралъ съ собою нѣкоторыя вещи – что, впрочемъ, еще слѣдовало доказать – такъ это, безъ сомнѣнія, – думаль капитанъ, – сдѣлано для отвлеченія вниманія другихъ людей отъ его грѣшнаго умысла. Стало быть, вопросъ рѣшенъ: Соломонъ Гильсъ прекратилъ жизнь самоубійствомъ.

Остановившись на этомъ роковомъ заключеніи, капитанъ, сокрушаемый лютою скорбью, яшель справедливымъ освободить изъ-подъ ареста Благотворительнаго Точильщика, такъ какъ онъ оказался невиннымъ въ злоумышленіи противъ своего хозяина. Потомъ, оставивъ въ магазинѣ за присмотромъ вещей человѣка, нанятаго изъ лавки маклера Брогли, Куттль и Тудль отправились на поиски смертныхъ останковъ Гнльса.

Всѣ полицейскія бюро, всѣ рабочіе дома, всѣ анатомическіе театры, какіе только обрѣтаются въ столицѣ Соедкненныхъ Королевствъ, были изслѣдованы и осмотрѣны капитаномъ Куттлемъ. Новый герой эпической поэмы, воплотившій въ своемъ лицѣ всѣ народныя элементы, онъ вмѣшивался во всѣ уличныя толпы, исходилъ всѣ переулки и закоулки, обозрѣлъ всѣ пристани, всѣ корабли, вездѣ и во всемъ отыскивая тлѣнную плоть грѣшнаго друга. Цѣлую недѣлю прочитывалъ онъ въ газетахъ извѣстія о пропажѣ людей, объ отравленіяхъ, объ убійствахъ, и во всякое время дня и ночи готовъ былъ отправиться на мѣсто бѣдственнаго приключенія, "для удостовѣренія, – говорилъ онъ, – что тамъ не было Соломона". Оказывалось дѣйствительно, что тамъ не было Соломона, и бѣдный капитанъ не получалъ никакого удовлетворенія.

Наконецъ, безуспѣшныя попытки были оставлены, и капитанъ принялся сосбразать, что ему дѣлать. Прочитавъ еще разъ это письмо пропавшаго друга, онъ основательно разсудилъ, что нужно прежде всего устроить и сохранить магазинъ въ приличномъ видѣ для Вальтера, и это безспорно есть важнѣйшая обязанность, возложенная на него. Для выполнения этой обязанности оказывалось необходимымъ поселиться самому въ магазинѣ Соломона Гильса, а это сопряжено было съ нѣкоторыми затрудненіями со стороны м-съ Макъ Стингеръ. Такъ какъ нечего было и думать, что почтенная дама изъявитъ на это добровольное согласіе, то капитанъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился на отчаянное средство – бѣжать съ Корабельной площади.

– Вотъ что, любезный, – сказалъ капитанъ, обращаясь къ Робу, когда этотъ смѣлый планъ окончательно созрѣлъ въ его головѣ, – мнѣ надобно идти, и я ворочусь не скоро. Въ полночь дожидайся меня въ магазинѣ, и когда я постучусь, отвори дверь.

– Очень хорошо, капитанъ.

– Ты не потеряешь своего мѣста, – продолжалъ капитанъ снисходительнымъ тономъ, – и, если мы поладимъ, можешь надѣяться на прибавку жалованья. Только смотри, не зѣвай: если я приду въ полночь или передъ разсвѣтомъ, немедленно отвори дверь, когда услышишь стукъ. Вотъ, видишь ли, въ чемъ дѣло, любезный. Легко станется, что за мной пустится кто-нибудь въ погоню, и если ты не скоро отворишь дверь, меня какъ разъ могутъ застигнуть. Понимаешь?

Робъ обѣщался не смыкать глазъ во всю ночь и стоять на караулѣ. Сдѣлавъ это распоряженіе, капитанъ отправился подъ мирную кровлю м-съ Макъ Стингеръ.

Мысль о преступномъ побѣгѣ до того взволновала душу капитана Куттля, что во все остальное время онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, особенно когда ему слышались шаги м-съ Макъ Стингеръ и шорохъ платья. Случилось, въ этотъ день на м-съ Макъ Стингеръ нашель добрый стихъ, и она была смирна, какъ овечка, что еще болѣе растревожило добраго капитана.

– Что сегодня угодно вамъ кушать, капитанъ Куттль? – спросила хозяйка ласковымъ тономъ. – Не хотите-ли пуддинга или бараньихъ почекъ? Пожалуйста, не церемоньтесь со мной.

– Благодарю васъ, сударыня, – возразилъ капитанъ. – Не беспокойтесь.

– Не хотите ли пирога съ начинкой, жареной курицы или яиц? – спросила м-сь Макъ Стингеръ. – Угостите себя хоть разъ хорошимъ обѣдомъ, дорогой мой капитанъ.

– Благодарю васъ, сударыня. Ничего не хочу, – возразилъ капитанъ смиреннымъ тономъ.

– Васъ что-то тревожитъ, капитанъ, и, кажется, вы не совсѣмъ здоровы. Не принести ли вамъ бутылку хересу?

– Не мѣшаетъ, сударыня, если только вы сами выкушаете рюмку или двѣ. А между тѣмъ, – продолжалъ капитанъ, терзаемый лютыми угрызениями совѣсти, – не угодно ли вамъ получить деньги впередъ за слѣдующую треть?

– Зачѣмъ же, капитанъ? – успѣете отдать въ свое время.

– Нѣтъ, сударыня, я не умѣю беречь денегъ, и вы меня очень обяжете, если потрудитесь взять впередъ. Деньги изъ моего кармана просачиваются, какъ вода.

– Въ такомъ случаѣ, извольте, капитанъ, – отвѣчала м-сь Макъ Стингеръ, потирая руки. – Сама бы я никогда не спросила, но когда вы предлагаете, отказать не могу.

– И еще, сударыня, будьте такъ добры, потрудитесь отъ меня раздать вашимъ малюткамъ по восемнадцати пенсовъ, – сказалъ капитанъ, вынимая изъ шкапа жестяную чайницу, въ которой хранился его капиталъ. – Да ужъ сдѣлайте милость, прикажите всѣмъ дѣтямъ придти сюда: я бы очень желалъ ихъ видѣть.

Немедленно вбѣжали въ комнату маленькіе Макъ Стингеры и обвились вокругъ шеи капитана съ полнымъ довѣріемъ, котораго онъ такъ мало заслуживалъ. Эти ласки острымъ кинжаломъ вонзились въ капитанское сердце. Взглядъ Александра Макъ Стингера, его любимца, былъ для него невыносимъ; а голосъ Юліаны Макъ Стингеръ, вылитой матери, приводилъ его въ судорожный трепетъ, какъ отчаяннаго труса.

За всѣмъ тѣмъ капитанъ довольно сносно сохранилъ наружное спокойствіе и часа два провозился съ дѣтьми такимъ образомъ, какъ будто самъ былъ нѣжнымъ отцомъ семейства. Онъ сажалъ ихъ на колѣни, обнималъ, цѣловалъ и былъ столь снисходителенъ, что нимало не разсердился, когда маленькіе шалуны нанесли значительное поврежденіе лощеной шляпѣ, усѣвшись на ней, какъ на гнѣздѣ. Наконецъ, когда капитанъ разстался съ этими херувимчиками, душой его овладѣла такая лютая тоска, какъ будто бы его приговорили къ висѣлицѣ.

Во мракѣ ночной тишины капитанъ уложилъ и заперъ свое тяжелое имущество въ шкапъ, намѣреваясь его оставить тутъ, по всей вѣроятности, навсегда. Изъ легкихъ вещей онъ сдѣлалъ узелъ и положилъ его подлѣ себя, совсѣмъ готовый къ побѣгу. Ровно въ полночь, когда Карабельная площадь была погружена въ глубокой сонъ, и м-сь Макъ Стингеръ убаюкалась въ сладкомъ забвеніи съ своими птенцами, преступный капитанъ, прокрадываясь въ темнотѣ на цыпочкахъ, отворилъ дверь и... пустился бѣжать во весь опоръ.

Преслѣдуемый образомъ м-сь Макъ Стингеръ, вскочившей съ постели и гнавшейся за нимъ въ своемъ ночномъ туалетѣ, преслѣдуемый также живымъ сознаниемъ огромности преступления, капитанъ ни разу не перевелъ духу на разстояніи между Карабельной площадью и магазиномъ инструментальнаго мастера. Нырнувъ въ комнату – Точильщикъ не спалъ – онъ тотчасъ же приказалъ запереть двери желѣзными засовами, и мало-по-малу началъ приходить въ себя.

– Уфъ, замучился, – пыхтѣлъ капитанъ, – уфъ!

– Развѣ была погоня, капитанъ? – спросилъ Робъ.

– Нѣтъ, нѣтъ! – отвѣчалъ капитанъ, измѣнившись въ лицѣ и прислушиваясь къ шороху шаговъ на улицѣ. – Только вотъ что, любезный: если придетъ сюда какая женщина, кромѣ тѣхъ двухъ, что были здѣсь при тебѣ, и станетъ спрашивать про капитана Куттля, отвѣчай всегда, что ты ничего не знаешь и даже не слыхалъ никогда о капитанѣ съ такой фамиліей. Помни это хорошенько.

– Не забуду, капитанъ.

– А, пожалуй, ты можешь сказать, что читалъ въ газетахъ объ отплытіи какого-то Куттля въ Австралію вмѣстѣ съ шайкой эмигрировавшихъ сорванцовъ, которые поклялись никогда не возвращаться въ Европу.

– Слушаю, капитанъ, – отвѣчалъ Робъ, мучимый ужасной зѣвотой.

– Если будешь уменъ и въ точности исполнишь всѣ мои приказанія, – продолжалъ капитанъ, – я устрою тебя такъ, какъ тебѣ не грезилось. Ступай теперь, спи, а я уберусь въ Соломонову спальню.

Что капитанъ вытерпѣлъ на другой день при каждомъ появленіи передъ окнами женскихъ шляпокъ или какъ часто выскакивалъ онъ изъ магазина на чердакъ для избѣжанія мнимыхъ мсъ Макъ Стингеръ, описать невозможно. Когда, наконецъ, эти средства самосохраненія оказались слишкомъ тягостными, капитанъ завѣсилъ извнутри стеклянную дверь между магазиномъ и гостиной, прибралъ ключъ къ замочной скважинѣ и сдѣлалъ въ стѣнѣ крошечное отверстіе для тайныхъ наблюденій. Выгоды такого укрѣпленія очевидны. Лишь только появлялась враждебная шляпка, капитанъ мигомъ вбѣгалъ въ свою крѣпость, запиралъ дверь и приставлялъ глазъ къ едва замѣтной щели. Убѣдившись, что тревога была фальшивая, онъ опять входилъ въ магазинъ. А такъ какъ шляпокъ мимо оконъ прошло безсчетное число и каждая вызывала фальшивую тревогу, то и оказалось, что капитанъ весь этотъ день только вбѣгалъ и выбѣгалъ.

При всемъ томъ капитанъ ухитрился найти досугъ для обзрѣнія товаровъ въ магазинѣ, и Робъ долженъ былъ вычистить, и выхолить каждую вещь до возможной степени совершенства. Потомъ капитанъ, къ великому изумленію проходящей публики, разставилъ по окнамъ наудачу болѣе привлекательные предметы и прибилъ на нихъ ярлычки съ обозначеніемъ цѣнности, отъ десяти шиллинговъ до пятидесяти фунтовъ стерлинговъ.

Совершивъ всѣ эти улучшенія, капитанъ, окруженный инструментами, почувствовалъ себя очень ученымъ и, когда наступила ночь, онъ, передъ отправленіемъ на чердакъ въ Соломонову спальню, закурилъ трубку и принялся черезъ потолочное окно, смотрѣть на звѣзды съ видомъ астронома, имѣющаго въ нѣкоторомъ родѣ права собственности на небесныя свѣтила. Онъ началъ также, подобно всѣмъ коммерческимъ людямъ Сити, принимать постоянное участіе въ лордѣ мерѣ, во всѣхъ чиновникахъ городской думы и въ торговыхъ компаніяхъ, вслѣдствіе чего онъ каждый день забѣгалъ на биржу справляться насчетъ повышенія и пониженія курсовъ, хотя, при всемъ знакомствѣ съ правилами навигаціи, никакъ не могъ понять, что значили таинственныя цифры и особенно эти безчисленныя дроби, отъ которыхъ, наконецъ, онъ вовсе отказался. Немедленно по вступленіи во владѣніе деревяннымъ мичманомъ, онъ отправился къ Флоренсѣ съ чудными вѣстями о дядѣ Солѣ; но, къ несчастію, не засталъ ея дома.

Глава XXVI Что-то будеть!

– Туть нечего и толковать, сэрь, – сказалъ майоръ, – пріятель друга моего Домби долженъ быть и моимъ пріятелемъ. Радъ васъ видѣть, м-ръ Каркеръ.

– Майоръ Багстокъ оказалъ мнѣ, Каркеръ, весьма важную услугу, – замѣтилъ м-ръ Домби, – я чрезвычайно обязанъ майору за его общество и любезность.

М-ръ Каркеръ, главный приказчикъ, только что пріѣхалъ въ Лемингтонъ. Представленный майору, онъ сгоялъ со шляпою въ рукахъ, раскланиваясь очень вѣжливо и выставляя напоказъ оба ряда бѣлыхъ какъ снѣгъ зубовъ.

– Надѣюсь, сэрь, – сказалъ м-ръ Каркеръ, обращаясь къ майору, – вы позволите поблагодарить васъ отъ всего сердца за благодѣтельную переменъ, произведенную вами въ достоинственной особѣ моего начальника.

– Э, помилуйте! – возразилъ майоръ, – что за счеты, м-ръ Каркеръ? Тутъ дѣло взаимное: рука руку моетъ. А насчетъ вашего начальника, сэрь, – продолжалъ майоръ, значительно понизивъ голосъ, такъ однако же, чтобы м-ръ Домби не проронилъ ни одного звука, – это, скажу я вамъ, великій человекъ! Его нравственная натура такъ устроена, что онъ не можетъ не возвышать своихъ друзей. Совершенствовать и укрѣплять своихъ ближнихъ на пути моральнаго развитія – таково, государь мой, назначеніе гениальной природы м-ра Домби!

– Вы предупредили мою мысль, майоръ. Я самъ всегда точно такъ же думалъ о м-рѣ Домби. Вы совершенно постигли эту возвышенную натуру.

– Тенерь, м-ръ, позволюе рекомендовать вамъ себя. Для всякаго другого я – майоръ Багстокъ; но для друга моего Домби, а, слѣдовательно, и для васъ, я – просто старикашка Джой, крутой, прямой, тугой и всегда до нельзя откровенный съ близкими людьми. Такъ и думайте обо мнѣ, м-ръ Каркеръ. Къ вашимъ услугамъ, сэрь.

М-ръ Каркеръ продолжалъ раскланиваться, и въ каждомъ зубѣ его просіяло глубокое удивленіе къ прямотѣ, туготѣ, простотѣ огкровеннаго и проникательнаго Джоя.

– Ну, а теперь, друзья мои, – продолжалъ майоръ, – у васъ, конечно, пропасть дѣла. Переговаривайте. Старикашка не помѣшаетъ.

– Ничего, майоръ, останьесь, – замѣтилъ м-ръ Домби.

– Домби, – выразительно сказалъ майоръ, бросая недовѣрчивый взглядъ, – я знаю свѣтъ, и свѣтъ знаетъ Джоя. Человекъ вашего полета – колосъ родосскій въ коммерческомъ мірѣ... Домби, глупецъ тотъ, кто не будетъ деликатенъ въ отношеніи къ вамъ. Минуты ваши драгоценны. Оставайтесь. Старый Джо исчезнетъ. За обѣдомъ свидимся. Мы обѣдаемъ, м-ръ Каркеръ, въ семь часовъ.

Съ этими словами майоръ надулъ щеки и съ важностью вышелъ изъ комнаты. Но черезъ минуту огромная голова его снова показалась въ дверяхъ.

– Извините, господа, – проговорилъ онъ. – Я иду теперь к_ъ н_и_м_ъ, не будетъ ли какого порученія?

– Кланяйтесь имъ отъ меня, – сказалъ м-ръ Домби не безъ нѣкотораго замѣшательства, бросивъ робкій взглядъ на своего приказчика, который между тѣмъ съ должною учтивостью началъ раскладывать бумаги

– Только-то, Домби? – воскликнулъ майоръ. – И больше ничего? Да вѣдь старикашкѣ Джозу житя не будетъ, если онъ станетъ носить одни холодные поклоны! Нѣтъ, Домби, что-нибудь потеплѣе...

– Свидѣтельствуйте имъ мое глубокое почтеніе, майоръ, – возразилъ м-ръ Домби.

– Фи, чортъ побери! Да развѣ это не все равно? – возгласилъ майоръ, вздергивая плечами и настраивая щеки на шуточный ладъ, – нѣтъ, Домби, какъ хотите, а что-нибудь потеплѣе.

– Ну, такъ скажите имъ все, что найдете нужнымъ. Даю вамъ полную волю, майоръ, – замѣтилъ м-ръ Домби.

– Хитеръ нашъ другъ, ой, ой, ой, какъ хитеръ! – забасилъ майоръ, выпяливая глаза на м-ра Каркера. – Хитеръ, какъ Джозефъ Багстокъ!

Затѣмъ, останавливаясь среди этихъ восклицаній и вытягиваясь во всю длину, майоръ, ударяя себя въ грудь, торжественно провозгласилъ:

– Домби, я завидую вашимъ чувствамъ!

И съ этимъ онъ исчезъ.

– Вы, конечно, нашли въ этомъ джентльменѣ большую отраду, – сказалъ м-ръ Каркеръ, оскаливая зубы.

– Да, вы правы.

– У него безъ всякаго сомнѣнія здѣсь, какъ и вездѣ, обширный кругъ знакомства, – продолжалъ м-ръ Каркеръ. – Изъ того, что онъ сказалъ, я догадываюсь, вы посѣщаете общество. А знаете ли, м-ръ Домби? Я чрезвычайно радъ, что вы, наконецъ, заводите знакомства.

Ужасная улыбка, сопровождаемая обнаруженіемъ зубовъ и десенъ, свидѣтельствовала о чрезвычайной радости главнаго приказчика. М-ръ Домби, въ ознаменованіе душевнаго наслажденія, брякнулъ часовой цѣпочкой и слегка кивнулъ головой.

– Вы сотворены для общества, – продолжалъ Каркеръ. – По своему характеру и блистательному положенію, вы болѣе, чѣмъ всякій другой, способны къ использованию всѣхъ условій общественной жизни, и я всегда удивлялся, отчего съ такимъ упорствомъ и такъ долго вы отталкивали отъ себя представителей большого свѣта.

– На это, Каркеръ, были свои причины. Какъ челоѣкъ одинокій, я мало-по-малу отвыкъ отъ всякихъ связей. Но и у васъ, Каркеръ, если не ошибаюсь, отличныя способности жить въ свѣтѣ. Вы понимаете и цѣните людей съ перваго взгляда: отчего же вы не посѣщаете общества?

– Я? О, это совсѣмъ другое дѣло! Можетъ быть, точно я знаю толкъ въ людяхъ; но въ сравненіи съ вами, м-ръ Домби, я не болѣе, какъ жалкій пигмей.

М-ръ Домби откашлялся, поправилъ галстукъ и нѣсколько минутъ въ молчаніи смотрѣлъ на своего преданнаго друга и вѣрнаго раба.

– Каркеръ, – сказалъ наконецъ м-ръ Домби съ нѣкоторымъ трудомъ, какъ будто въ его горлѣ завязла небольшая кость, – я буду имѣть удовольствіе представить васъ моимъ... то есть, майоровымъ друзьямъ. Чрезвычайно пріятное общество.

– Очень вамъ благодаренъ, м-ръ Домби. Надѣюсь, въ этомъ обществѣ есть дамы?

– Обѣ дамы. Я ограничилъ свои визиты ихъ домомъ. Другихъ знакомыхъ у меня здѣсь нѣтъ.

– Онѣ сестры? – спросилъ Каркеръ.

– Мать и дочь, – отвѣчала м-ръ Домби.

М-ръ Домби опустилъ глаза и снова началъ поправлять галстукъ. Улыбающееся лицо м-ра Каркера въ одно мгновеніе и безъ всякаго естественнаго перехода съежилось и скорчилось такимъ образомъ, какъ будто онъ всю жизнь не питалъ ничего, кромѣ глубочайшаго презрѣнія къ своему властелину. Но когда м-ръ Домби опять поднялъ глаза, главный приказчикъ началъ улыбаться съ необыкновенной нѣжностью, какъ будто счастье всей его жизни заключилось въ бесѣдѣ съ великимъ челоѣкомъ.

– Вы очень любезны, – сказалъ Каркеръ. – Мнѣ весьма пріятно будетъ познакомиться съ вашими дамами. А кстати – вы заговорили о дочеряхъ: я видѣлъ недавно миссъ Домби. Я нарочно заѣзжалъ на дачу, гдѣ она гоститъ, и справлялся не будетъ ли къ вамъ какихъ порученій. Но вмѣсто всего миссъ Домби посылаетъ вамъ... свою нѣжную любовь.

Къ довершенію сходство съ волкомъ, м-ръ Каркеръ, сказавъ эти слова, высунулъ изъ пустой пасти длинный, красный, горячій языкъ.

– Какъ дѣла въ конторѣ? – спросилъ м-ръ Домби послѣ кратковременнаго молчанія.

– Ничего особенного, – отвѣчалъ Каркеръ. – Торговля въ послѣднее время шла не такъ хорошо, какъ обыкновенно, ну, да это вздоръ: вы, разумѣется, не обратите на это вниманія. О "Сынѣ и Наслѣдникѣ" никакихъ вѣстей. Въ Лойдѣ¹⁵ считаютъ его погибшимъ. Потеря для васъ пустая: корабль застрахованъ отъ килиа до мачтовыхъ верхушекъ.

– Каркеръ, – сказала м-ръ Домби, усаживаясь подлѣ приказчика, – вы знаете, я никогда не любилъ Вальтера Гэя...

– И я также, – перебилъ приказчикъ.

– При всемъ то. мѣ я бы желалъ, – продолжалъ м-ръ Домби, – чтобы молодой человѣкъ не былъ назначенъ въ Барбадосъ. Его не слѣдовало отправлять на корабль.

– Вольно-жѣ вамъ было не сказать объ этомъ въ свое время! Какъ теперь помочь дѣлу? Впрочемъ, знаете ли что, м-ръ Домби? Все къ лучшему, рѣшительно все. Это мое постоянное мнѣніе, и я еще ни разу въ немъ не раскаивался. А говорилъ ли я вамъ, что между мной и миссъ Домби существуетъ нѣкоторый родъ довѣрія?

– Нѣтъ, – сказалъ м-ръ Домби суровымъ тономъ.

– Такъ послушайте же, сэръ, что я вамъ скажу. Гдѣ бы ни былъ Вальеръ Гэй, куда бы ни умчала его судьба, ему быть лучше за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, чѣмъ дома, въ лондонской конторѣ. Совѣтую и вамъ такъ думать. Миссъ Домби молода, довѣрчива и совсѣмъ не такъ горда, какъ вы бы этого хотѣли. Если есть въ ней недостатокъ... ну, да все это вздоръ. Угодно вамъ провѣрить эти бумаги? счета сведены всѣ.

Но вмѣсто пересмотра бумагъ и повѣрки итоговъ, м-ръ Домби облокотился на ручки кресель и обратилъ внимательный взглядъ на своего приказчика. Каркеръ съ притворнымъ вниманіемъ принялся разсматривать цифры, не смѣя прервать нити размышлений своего начальника. Онъ не скрывалъ своего притворства, которое, само собою разумѣется, было слѣдствіемъ тонкой деликатности, шадившей нѣжныя чувства огорченного отца. М-ръ Домби вполне понималъ такую деликатность и очень хорошо зналъ, что довѣрчивый Каркеръ готовъ, пожалуй, высказать многія очень любопытныя и, вѣроятно, важныя подробности, если его спросятъ; но спрашивать значило бы унижить свое достоинство, и м-ръ Домби не спрашивалъ. Впрочемъ такія сцены повторялись весьма часто между деликатнымъ приказчикомъ и гордымъ негодяемъ. Мало-по-малу м-ръ Домби вышелъ изъ задумчивости и обратилъ вниманіе на дѣловыя бумаги, но взглядъ его по временамъ снова устремлялся на приказчика, и прежнее раздумье брало верхъ надъ конторскими дѣлами. Въ эти промежутки Каркеръ опять становился въ прежнюю позу, озадачивая на этотъ разъ, болѣе чѣмъ когда-либо, своею разборчивою деликатностью. Разчитанный маневръ достигъ вожелѣнной цѣли, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что въ грудь м-ра Домби заронила искра ненависти къ бѣдной Флоренсѣ, которая до этой поры была только нелюбима гордымъ отцомъ. Между тѣмъ майоръ Багстокъ, идолъ престарѣлыхъ красавицъ Лемингтона, сопровождаемый туземцемъ, навьюченнымъ своей обыкновенной поклажей, величаво выступалъ по тѣнистой сторонѣ улицы въ направленіи къ резиденціи м-съ Скьютонъ. Ровно въ полдень онъ удостоился лицезрѣнія Клеопатры, возлежавшей обычнымъ порядкомъ на своей роскошной софѣ. Передъ ней съ подносомъ въ рукахъ стоялъ долговязый Витерсъ. Египетская царица кушала кофе. Комната была тщательно закрыта со всѣхъ сторонъ.

– Кто тамъ? – вскричала м-съ Скьютонъ, услышавъ шумъ приближающихся шаговъ. – Ступайте вонъ. Я не принимаю.

– За что, м-съ, Джозефъ Багстокъ подвергается вашей опалѣ?

– Это вы, майоръ? Можете войти. Я передумала.

Майоръ подошелъ къ софѣ и прижалъ къ губамъ очаровательную руку Клеопатры.

¹⁵ Такъ называется главная въ Лондонѣ страховая контора для кораблей и вообще для имущества купцовъ. Иначе называютъ ее "кофейнымъ домомъ Лойда" (Lloyd's Coffee House). *Прим. перев.*

– Садитесь, майоръ, только подальше. Не подходите ко мнѣ: я ужасно слаба сегодня, и нервы мои до крайности разстроены, а отъ васъ пахнетъ знойными лучами тропическаго солнца.

– Да, м-съ, было время, когда солнце пекло и палило Багстока, но жгучіе лучи подъ тропиками не портили его растительной силы. Онъ процвѣталъ, м-съ, и процвѣталъ какъ лучшій цвѣтокъ въ вестъ-индской оранжереѣ. Его и звали не иначе какъ цвѣткомъ. Никто въ тѣ дни не говорилъ о Багстокѣ; но всякій, отъ офицера до послѣдняго солдата, указалъ бы вамъ на "цвѣтокъ нашего полка". Время, труды, заботы остановили ростъ цвѣтка, но все же онъ остался въ разрядѣ растений вѣчно зеленыхъ и не утратилъ своей свѣжести.

Здѣсь майоръ, несмотря на запрещеніе, придвинулъ стулъ къ египетской царицѣ и подъ покровомъ окружающаго мрака замоталъ головой съ такимъ неистовствомъ, какъ будто чувствовалъ первые припадки паралича.

– А гдѣ м-съ Грэйнджеръ? – спросила Клеопатра пажа.

Витерсъ полагалъ, что она въ своей комнатѣ.

– Очень хорошо, – сказала м-съ Скьютонъ. – Убирайтесь отсюда и закройте дверь. Я никого не принимаю.

Когда Витерсъ исчезъ, м-съ Скьютонъ слегка повернула голову, устремила томный взоръ на майора и освѣдомилась о здоровьи его друга.

– Къ чему спрашивать о немъ, м-съ? – возразилъ майоръ съ лукавымъ видомъ. – Домби здоровъ, какъ только можетъ быть здоровъ человѣкъ въ его отчаянномъ положеніи. Вы должны понимать, м-съ, мой другъ прострѣленъ, насквозь прострѣленъ, какъ бѣдная птичка, и ужъ не намъ съ вами поставить его на ноги.

Клеопатра бросила на майора быстрый и пронизательный взглядъ, противорѣчившій какъ нельзя болѣе жеманному распѣванію, сопровождавшему ея разговоръ.

– Майоръ Багстокъ, я мало знаю свѣтъ съ его мелкими, пустыми приличіями, но это не мѣшаетъ мнѣ... о свѣтъ, свѣтъ! куда дѣвалъ ты натуру, высокую, благородную натуру со всѣми ея прелестями! Какимъ образомъ заглушилъ ты музыку сердца, поэзію души? Гдѣ найти въ тебѣ эти искреннія изліянія, сопровождаемыя небесными восторгами! О я не раскаиваюсь, что не знаю свѣта, но это не мѣшаетъ мнѣ понимать васъ, майоръ Багстокъ. Вы затронули теперь самую чувствительную струну моего бѣднаго сердца. Ваши намеки относятся къ милой моей дочери. Такъ ли, майоръ Багстокъ? Говорите прямѣе.

– Прямота была отличительною чертою въ породѣ Багстоковъ. Это – ихъ всегдашній недостатокъ. Хорошо, миледи. Я буду говорить безъ обиняковъ.

– Увы! глубоко паденіе человѣческой натуры! – воскликнула Клеопатра, дѣлая граціозное движеніе своимъ вѣеромъ, – но есть еще священныя чувствованія, доступныя для смертныхъ, и теперь, майоръ, вы коснулись этихъ чувствованій.

Майоръ, въ знакъ согласія, приставилъ руку къ губамъ и послалъ Клеопатрѣ воздушный поцѣлуй.

– Я слаба, майоръ, и чувствую, что недостаетъ во мнѣ той энергіи, какою на моемъ мѣстѣ должна вооружиться чадолубивая мать, – продолжала м-съ Скьютонъ, приставляя къ губамъ кружевной конецъ своего носового платка, – но великодушныя сердца войдутъ въ мое положеніе и легко поймутъ источникъ этой слабости. Вы, майоръ, злой человѣкъ и безъ пощады терзаете бѣдную мать; но будьте увѣрены, я не отступлю отъ своихъ обязанностей.

Подъ покровомъ окружающаго мрака майоръ пыхтѣлъ, отдувался, моргалъ своими раковыми глазами и, наконецъ, почувствовавъ истерическій припадокъ кашля, началъ прохаживаться по комнатѣ. Египетская царица, не обращая вниманія на продѣлки своего обожателя, продолжала такимъ образомъ:

– Вотъ уже прошло нѣсколько недѣль, какъ м-ръ Домби вмѣстѣ съ вами, любезный майоръ, началъ удостоивать насъ своими визитами. Я признаюсь... позвольте мнѣ быть откровен-

ной, майоръ, я дитя природы, и всегда увлекаюсь первыми впечатлѣніями. Мое сердце открыто для всѣхъ, и каждый можетъ прослѣдить въ немъ малѣйшіе изгибы нѣжнаго чувства. Это мой недостатокъ, и я знаю его вполнѣ. Заклятый врагъ не могъ бы узнать его лучше, но я не раскаиваюсь. Пусть тяготѣетъ на мнѣ это обвиненіе людей безъ сердца и безъ всякой симпатіи къ бѣднымъ созданіямъ, увлеченнымъ побужденіями природы.

М-съ Скъютонъ поправила косынку, придавила пружины на своемъ проволочномъ горлѣ и продолжала съ большою любезностью:

– Признаюсь, любезный майоръ, я и милая Эдиоъ съ самаго начала были очень обрадованы визитами м-ра Домби. Уже по одному имени вашего друга онъ имѣлъ право на нашу благосклонность. Вскорѣ я замѣтила, или по крайней мѣрѣ такъ мнѣ показалось, что у вашего благороднаго друга чувствительное сердце...

– У Домби теперь вовсе нѣтъ сердца, – сказала майоръ.

– Злой человѣкъ! – воскликнула м-съ Скъютонъ, бросивъ томный взглядъ на своего обожателя, – замолчи, сдѣлай милость!

– Я буду нѣмъ, если вамъ угодно.

– Кто что ни говори, а натура, простая, безыскусственная имѣетъ непобѣдимыя прелести, – продолжала м-съ Скъютонъ, разглаживая толстые слои румянъ на своихъ костлявыхъ щекахъ. – Поэтому я не удивляюсь, что м-ръ Домби, увлеченный, конечно, простотою нашего общества и искреннимъ радушіемъ, началъ повторять свои визиты и сдѣлался по вечерамъ постояннымъ нашимъ гостемъ. Чувствительность его – этого уже нельзя было не замѣтить – увеличивалась съ каждымъ днемъ, и когда я подумаю теперь о той страшной отвѣтственности, какой я подвергалась, ободряя м-ра Домби брать...

– Братъ приступомъ вашу крѣпость, – подсакала майоръ.

– О, грубіянь! неисправимый грубіянь! Впрочемъ, вы dokonчили мою мысль, хотя гадкими словами.

Здѣсь м-съ Скъютонъ облокотилась на маленькій столикъ передъ софой и начала кокетливо махать вѣеромъ, любуясь въ то же время на кисть своей руки.

– Мало-по-малу истина открылась передо мной во всемъ своемъ свѣтѣ, и какъ описать невообразимыя страданія, которыми съ той поры терзалось мое бѣдное сердце! Вся моя жизнь посвящена Эдиои, моему ненаглядному сокровищу, и видѣть, какъ этотъ ангель, мужественно противостоявшій всѣмъ возможнымъ искушеніямъ послѣ своего друга, послѣ покойнаго Грэйнджера, вдругъ началъ измѣняться съ каждымъ днемъ – о, что можетъ быть ужаснѣе этихъ пытокъ, какимъ безъ всякой пощады подвергаетъ насъ коварный свѣтъ!

Коварный свѣтъ, конечно, всего менѣе виноватъ въ ужасныхъ пыткахъ, ощущаемыхъ чувствительнымъ сердцемъ м-съ Скъютонъ. Но это мимоходомъ.

– Да, майоръ, Эдиоъ драгоценный перлъ моей жизни. Говорять, она похожа на меня. Я вѣрю этому: семейное сходство должно быть.

– Есть на свѣтѣ человѣкъ, готовый зажать ротъ всякому, кто бы вздумалъ утверждать, что вы на кого-нибудь похожи. Имя этого человѣка – старичина Джой Багстокъ.

Клеопатра сдѣлала движеніе, какъ будто хочетъ ударить вѣеромъ нескромнаго льстеца, но тутъ одумалась и съ улыбкой на устахъ продолжала такимъ образомъ:

– Если моя прелестная дочь получила отъ меня въ наслѣдство какія-нибудь выгоды, то вмѣстѣ съ ними досталась на ея долю и моя глупая натура. Говорили, хотя я не совѣмъ этому вѣрю, будто я всегда отличалась необыкновенною твердостью характера. Это же свойство обнаруживается и въ ней; но если разъ успѣли тронуть ея сердце, она дѣлается чувствительною до невѣроятной степени. Ея настоящее положеніе приводитъ меня въ отчаяніе. Вы не можете представить, какая между нами существовала дружба. Мысли, желанія, чувства – все это было у насъ общее. Всякій, глядя на насъ, подумалъ бы, что это скорѣе двѣ сестры, чѣмъ мать и дочь.

– Это и мое мнѣніе. Джой Багстокъ, м-сь, имѣль удовольствіе повторять вамъ его пять-десять тысячъ разъ.

– Да не прерывайте меня, злой человѣкъ. И вотъ, послѣ такой безграничной довѣрчивости, я вдругъ увидѣла пропасть, готовую раздѣлить насъ. Эдиѡ, моя милая, безцѣнная Эдиѡ, измѣнилась въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ. Глубокая тайна закралась въ ея ангельскую душу, и, откровенная во всемъ, она всячески начала избѣгать со мною разговоры о роковомъ предметѣ. Судите, если можете, объ отчаяніи несчастной матери.

Майоръ придвинуль свой стуль къ маленькому столику.

– Я вижу это каждый день, и съ каждымъ днемъ, любезный майоръ, убѣждаюсь въ этомъ больше и больше. Съ часу на часъ я упрекаю себя за избытокъ снисходительности и довѣрія, которое довело до такихъ жалкихъ послѣдствій, и съ минуты на минуту я ожидаю, что м-ръ Домби наконецъ объяснится и облегчитъ невыносимыя муки; но... увы! тщетныя ожиданія, напрасная надежда! Подъ гнетомъ угрызенія – остерегитесь, майоръ, вы уроните чашку съ моимъ кофе – моя безцѣнная Эдиѡ совсѣмъ измѣнилась, и ужъ я не знаю, что мнѣ дѣлать. У кого пойдетъ просить совѣта несчастная мать?

Майоръ, ободренный довѣрчивымъ тономъ, храбро протянулъ руку черезъ столикъ и сказалъ улыбаясь:

– Посовѣтуйтесь со мной, м-сь. Старикашка Джой всегда былъ мастеръ давать совѣты.

– Ну, такъ почему же вы ничего не говорите, лукавый и жестокій человѣкъ? – воскликнула Клеопатра, подавая руку майоруи слегка ударивъ его вѣромъ. – Вы знаете теперь тайну бѣдной матери, что можете вы сказать для ея облегченія?

Майоръ засмѣялся и поцѣловаль поданную руку.

– Точно ли я не ошиблась въ предположеніи, что м-ръ Домби – человѣкъ съ благороднымъ и чувствительнымъ сердцемъ? Точно ли имѣетъ онъ виды на мою дочь? Посовѣтуете ли вы, любезный майоръ, объ этомъ поговорить съ нимъ, серьезно поговорить или оставить его въ покоѣ? Что мнѣ дѣлать? О, говорите, майоръ, сдѣлайте милость, говорите.

– Должны ли мы женить его на м-сь Грэйнджеръ? – кажется, вотъ въ чемъ вопросъ, миледи.

– О жестокій человѣкъ! – воскликнула Клеопатра, придвигая свой вѣрь къ майорову носу, – какъ же мы его женимъ?

– Должны ли мы, спрашиваю я, женить негоціанта Домби на полковницѣ Грэйнджеръ?

М-сь Скьютонъ не отвѣчала ничего, но улыбнулась майору съ такой благосклонностью, что храбрый воинъ рѣшился запечатлѣть поцѣлуй на красныхъ губкахъ египетской красавицы, и запечатлѣль бы, если бы Клеопатра съ дѣвичьей ловкостью не отстранила его своимъ вѣромъ. Неизвѣстно, было ли такое сопротивленіе невольнымъ порывомъ дѣвственнаго сердца, или слѣдствіемъ нѣкоторыхъ опасеній за розозыя уста.

– М-ръ Домби славная добыча, не правда ли?

– О продажный человѣкъ! – взвизгнула Клеопатра съ выраженіемъ оскорбленной добродѣтели. – Ты въ грязь затаптываешь самыя священныя чувства невиинаго сердца!

– Домби, говорю я, славная добыча, и нѣтъ больше надобности его ловить: онъ спутанъ по рукамъ и по ногамъ. Это говоритъ вамъ Джозефъ Багстокъ, а онъ знаетъ, что говорить. Старичина Джой стоитъ у западни и держитъ ухо остро. Пусть Домби вертится какъ угодно: сѣть крѣпка, и не ему вырваться изъ засады. А вы, миледи, можете быть спокойны и положитесь во всемъ на стараго Джоя. Дѣлайте то, что и прежде дѣлали. Больше ничего не нужно съ вашей стороны.

– Вы точно такъ думаете, любезный майоръ? – возразила Клеопатра, которая, несмотря на притворную разсѣянность, во все это время не спускала пронизательныхъ глазъ съ болтливаго собесѣдника.

– Так думаль, миледи, так и буду думать. Несравненная Клеопатра и всенижайший слуга ея Антоній Багстокъ вдоволь наговорятся о своемъ торжествѣ въ богатомъ и великолѣпномъ дворцѣ будущей м-съ Домби. Это дѣло рѣшенное. А знаете ли что? – продолжалъ майоръ серьезнымъ тономъ, переставъ улыбаться, – приѣхаль въ Лемингтонъ главный приказчикъ, правая рука м-ра Домби.

– Сегодня поутру? – спросила Клеопатра.

– Да, сегодня поутру. Домби ожидалъ его съ нетерпѣніемъ и, если не ошибаюсь, онъ хочетъ знать его мнѣніе насчетъ своихъ будущихъ плановъ. Я давно это смекнулъ. Старикашка Джой хитерь, и его, съ вашего позволенія, самъ чортъ не проведетъ. Разумѣется, Домби не скажетъ Каркеру ни слова, а все таки вывѣдаетъ всю подноготную. Такова ужъ его натура. Онъ гордь, сударыня, гордь, какъ Люциферъ.

– Охотно этому вѣрю, – лепетала м-съ Скьютонъ, вспомнивъ о своей дочери. – Гордость – свойство великой души.

– Ну такъ видите ли въ чемъ дѣло. Я уже мимоходомъ забросилъ два, три намека, и приказчикъ поймалъ ихъ налету. Къ вечеру забросимъ еще. На ловца и звѣрь бѣжитъ. А между тѣмъ Домби затѣялъ на завтрашнее утро послѣ всеобщаго завтрака прогулку въ Уаррикскій замокъ и Кенильвортъ. Мнѣ поручено передать это приглашеніе. Угодно вамъ принять его?

Здѣсь майоръ, задыхаясь отъ одышки и отъ глубокаго сознанія своего лукавства, вынулъ изъ бумажника записку, адресованную на имя ея в-пр-ва м-съ Скьютонъ. Всенижайший и всепокорнѣйший Павелъ Домби свидѣтельствовалъ всеосвершеннѣйшее почтеніе обѣимъ дамамъ и всеусерднѣйше просилъ ихъ осчастливить его принятіемъ предложенія, котораго подробности поручалось изложить обязательному майору Багстоку. Въ постскриптѣ Павелъ Домби рекомендовалъ себя особенному вниманію прелестной и очаровательной м-съ Грэйнджеръ.

– Тс! – вдругъ прошептала Клеопатра, останавливая майора. – Эдиовъ?

Никакое перо не опишетъ вида притворнѣе и глупѣе принятаго любящею матерью при этомъ восклицаніи. Притворство, впрочемъ, было постоянною задачею м-съ Скьютонъ, и рѣшеніе этой задачи должно было послѣдовать не иначе и не раньше какъ въ могилѣ. Въ одно мгновеніе уничтожено всякое подозрѣніе, что здѣсь, въ этой завѣшанной комнатѣ, между четырехъ глазъ происходилъ какой-нибудь серьезный разговоръ, и м-съ Скьютонъ, небрежно развалившись на софѣ, приняла самое спокойное положеніе при входѣ своей дочери.

Эдиовъ, прекрасная, суровая и холодная, какъ всегда, небрежно кивнула головой майору, бросила пронизательный взглядъ на мать, подошла къ окну, отодвинула занавѣсъ и принялась смотрѣть на улицу.

– Милая Эдиовъ! – сказала м-съ Скьютонъ, – гдѣ ты такъ долго пропадала? мнѣ нужно поговорить съ тобою.

– Вы сказали, что очень заняты, и я оставалась въ своей комнатѣ, – отвѣчала м-съ Грэйнджеръ, не отворачивая головы отъ окна.

– Это очень жестоко для стараго Джоя, миледи, – сказалъ майоръ съ обыкновенною любезностью.

– Это очень жестоко, я знаю, – сказала м-съ Грэйнджеръ, продолжая смотрѣть въ окно, и сказала съ такимъ спокойнымъ презрѣніемъ, что майоръ совершенно сбился съ толку и ничего не приискалъ въ отвѣтъ.

– Майоръ Багстокъ, милая Эдиовъ, – а ты знаешь нѣтъ на свѣтѣ существа несноснѣе, скучнѣе, бесполезнѣе майора...

– Къ чему эти нѣжности, мама? кажется, мы теперь однѣ и можемъ говорить безъ всякихъ уловокъ. Мы понимаемъ другъ друга.

Спокойное презрѣніе, выразившееся на ея прекрасномъ лицѣ, было на этотъ разъ такъ глубоко и такъ выразительно, что нѣжная маменька, въ свою очередь, совсѣмъ растерялась, и сладенькая улыбка мгновенно сбѣжала съ ея багровыхъ ланить.

– Милое дитя мое, – начала м-сь Скьютонъ.

– Кажется, давно не дитя, если вамъ угодно, – прервала дочь съ насмѣшливой улыбкой.

– Какъ ты сегодня капризна, мой ангелъ! дай же мнѣ договорить. М-ръ Домби приглашаетъ насъ черезъ майора на завтракъ съ тѣмъ, чтобы послѣ отправиться въ Уаррикъ и Кенильвортъ на гуляніе. Вотъ его пригласительная записка. Хочешь ли ты ѣхать, Эдию?

– Хочу ли я? – повторила дочь, вся вспыхнувъ и осматривая мать съ головы до ногъ.

– Да, да, мой ангелъ, я знаю, ты поѣдешь, – замѣтила м-сь Скьютонъ безпечнымъ тономъ. – Объ этомъ нечего и спрашивать. Не хочешь ли взглянуть на письмо м-ра Домби?

– Благодарю. Я не чувствую ни малѣйшаго желанія читать письма м-ра Домби.

– Въ такомъ случаѣ я сама напишу отвѣтъ, хотя сначала думала просить тебя быть моимъ секретаремъ.

Эдию не пошевелинулась, не отвѣчала. М-сь Скьютонъ попросила майора придвинуть письменный столикъ, выбрать перо и листъ бумаги. Услужливый майоръ выполнилъ все это молча и съ глубокимъ благоговѣніемъ.

– Что сказать ему отъ тебя, Эдию? – спросила м-сь Скьютонъ, останавливаясь съ перомъ въ рукахъ надъ постскриптомъ.

– Все, что хотите, мама, – отвѣчала дочь съ величайшимъ хладнокровіемъ.

М-сь Скьютонъ, не спрашивая болѣе объясненій, dokonчила письмо и подала его майору, который, принимая этотъ драгоценный даръ, сдѣлалъ видъ, что кладетъ его подлѣ сердца, но положилъ однако-жъ въ карманъ своихъ панталонъ, такъ какъ жилетъ оказался неудобнымъ для такого груза. Потомъ майоръ вѣжливо началъ раскланиваться съ обѣими дамами. Мать отвѣчала съ обыкновенной учтивостью, а м-сь Грэйнджеръ, продолжая сидѣть у окна, кивнула съ такимъ гордымъ презрѣніемъ, которое въ прахъ уничтожило ловкаго джентльмена. Было бы гораздо сноснѣе для майора, если бы гордая красавица вовсе не замѣтила его поклоновъ.

Возвращаясь домой изъ этой экспедиціи, майоръ велѣлъ идти туземцу съ его багажемъ впереди, такъ какъ день былъ жаркій и нужно было укрываться подъ тѣнью злосчастнаго изгнанника. Мысли зароились стройной толпой въ широкой головѣ храбраго воина, и онъ выражалъ ихъ даже вслухъ:

– Кой чортъ! – говорилъ майоръ Багстокъ. – И странна, и дика, и люта, какъ будто съ цѣпи сорвалась! Ну, да знаемъ мы васъ, сударь мой! Кого другого, а насъ не проведутъ. Экія штуки!.. Однако-жъ матушка, кажется, не шутя поссорилась съ дочкой. Какой бѣсъ перемутилъ ихъ? Странно! А пара, сударь мой, хоть куда, славная пара! Эдию Грэйнджеръ и Домби вычеканены другъ для друга. Безпardonныя головушки! Пусть ихъ! Мы за побѣдителя!

При этихъ заключительныхъ словахъ, произнесенныхъ уже слишкомъ громко и даже съ нѣкоторымъ остервенѣніемъ, несчастный туземецъ пріостановился и оглянулся назадъ, думая, что требуютъ его услуги. Взбѣшенный до послѣдней степени такимъ нарушеніемъ субординаціи, майоръ немедленно направилъ свою палку въ ребра беззащитнаго раба и, начавъ такимъ образомъ, продолжалъ во всю дорогу давать ему энергическіе толчки вплоть до самой гостиницы.

Еще большая ярость обуяла майора передъ обѣдомъ, когда онъ началъ одѣваться. Въ это время на чернаго раба градомъ полетѣли сапоги, головныя щетки и другіе болѣе или менѣе упругіе предметы, попадавшіеся подъ руку его грознаго властелина. Майоръ хвалился тѣмъ, что туземецъ его пріученъ слушаться военной команды и подвергался за нарушеніе ея исправительнымъ наказаніямъ всякаго рода. Сверхъ того горемычный туземецъ былъ чѣмъ-то вродѣ лѣкарственнаго отвода противъ подагры, хирагры и другихъ лютыхъ недуговъ, удручавшихъ тучное тѣло и грѣшную душу его господина, который, казалось, за это только и платилъ ему ничтожное жалованье.

Припадокъ ярости теперь, какъ и всегда, сопровождался безчисленными энергическими эпитетами, которые мелкой дробью летѣли на курчавую голову безотвѣтнаго раба. Наконецъ,

майоръ кое-какъ одѣлся, причесался, подтянулъ галстукъ, и, находя себя въ удовлетворительномъ видѣ, спустился въ столовую для оживленія Домби и его "правой руки".

Домби еще не явился, но м-ръ Каркеръ сидѣлъ въ столовой и при видѣ майора поспѣшилъ выставить напоказъ всѣ свои зубныя сокровища.

– Ну сэръ, – сказала майоръ, – какъ провели вы время съ той поры, какъ я имѣлъ счастье съ вами познакомиться? Много вы гуляли?

– Съ полчаса, не болѣе, – отвѣчалъ Каркеръ. – Мы все время были ужасно заняты.

– Коммерческими дѣлами?

– Да, и коммерческими, и всякой всячиной. Ну, да это скучная исторія, а вотъ что, майоръ: я вижу васъ почти первый разъ, никогда не зналъ васъ и не слыхалъ о васъ, а между тѣмъ чувствую къ вамъ непобѣдимое влеченіе. Случай странный и рѣшительно небывалый со мною. Вообще я воспитанъ въ такой школѣ, гдѣ всего менѣе приучишься быть откровеннымъ; вамъ, напротивъ, я готовъ высказать всю душу.

– Вы дѣлаете мнѣ честь, сэръ. Можете вполнѣ положиться на старика Джоя.

– Такъ знаете ли что? я не нашель моего друга, или, правильнѣе, н_а_ш_е_г_о друга...

– То есть, м-ра Домби? Что-жъ за бѣда? Теперь вы имѣете дѣло со мною, а это все равно.

Передъ вами старикъ Джозефъ Багстокъ. Вы меня видите.

– Я понимаю, – отвѣчалъ Каркеръ, – что имѣю удовольствіе видѣть почтеннаго майора и говорить съ нимъ.

– Ну такъ, сэръ, поймите же хорошенько майора Багстока. Это такого рода человѣкъ, который готовъ за Домби пойти въ огонь и въ воду.

– Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, – отвѣчалъ Каркеръ съ любезной улыбкой. – Я хотѣлъ сказать, майоръ, что нашъ общій другъ сегодня далеко не такъ внимателенъ къ дѣламъ, какъ обыкновенно.

– Неужто?

– Да, онъ немножко разсѣянъ, задумчивъ, и мысли его бродятъ Богъ знаетъ гдѣ.

– Такъ вотъ она какія вещи! – воскликнулъ восторженный майоръ. – Мысли его, м-ръ Каркеръ, должно быть, вертятся около одной леди, съ вашего позволенія.

– Право? а я думалъ, давеча вы шутили, когда намекнули объ этомъ. Я знаю, военные люди...

– Веселый народъ, сорванцы, такъ, что ли? – перебилъ майоръ, задыхаясь отъ лошадиного кашля. Потомъ онъ взялъ м-ра Каркера за пуговицу и, нагнувшись надъ его ухомъ, безъ перерыва пробормоталъ слѣдующія лаконическія сентенціи:

– Женщина, сэръ, красоты необыкновенной. Вдовушка, сэръ, породы первѣйшаго сорта. Птичка залетная, сэръ, съ золотыми крылышками. Домби влюбленъ по уши, она тоже. У ней красота, кровь, талантъ; у Домби куча золота. Лучшей пары не прибрать. Но все это пока между нами, – продолжалъ майоръ, слышавъ шаги м-ра Домби. – Ни слова больше. Завтра вы ее увидите и будете въ состояніи судить сами.

Прошептавъ заключительную фразу, майоръ откашлялся, перевелъ духъ и спокойно усѣлся за столомъ въ ожиданіи обѣда. Должно замѣтить, майоръ Багстокъ, какъ и нѣкоторые другія благородныя животныя, особенно выставлялъ себя съ выгодной стороны во время корма. На этотъ разъ онъ сіялъ блистательнѣйшимъ свѣтомъ за однимъ концемъ стола, тогда какъ за другимъ м-ръ Домби бросалъ яркій свѣтъ на м-ра Каркера.

За первыми блюдами майоръ обыкновенно хранилъ молчаніе. Туземецъ стоялъ позади и, слѣдуя безмолвнымъ указаніямъ, вынималъ изъ судка хранилища разныхъ жидкостей и орошаль ими яства своего владыки. Сверхъ того черный рабъ запасался къ этому времени особенными пряностями, которыми майоръ ежедневно прижигалъ свою внутренность независимо отъ спиртуозныхъ напитковъ, окончательно возбуждавшихъ его вдохновеніе. Но теперь майоръ и безъ этихъ средствъ, даже съ перваго блюда, почувствовалъ въ себѣ необыкновенную

наклонность къ остроумію, и его юмористическій талантъ нашель для себя неисчерпаемый источникъ въ интересномъ положеніи м-ра Домби. Подмигнувъ два, три раза м-ру Каркеру, майоръ открылъ бесѣду такимъ образомъ:

– Домби, вы ничего не кушаете. Что съ вами?

– Ничего, майоръ, покорно благодарю. Сегодня у меня нѣтъ аппетита.

– Куда-жъ дѣвался вашъ аппетитъ, Домби? а? Не оставили ли вы его гдѣ-нибудь этакъ... у нашихъ знакомокъ, напрымѣрь? И у нихъ тоже нѣтъ аппетита, бѣдняжки! За одну, по крайней мѣрѣ, я готовъ ручаться, что она – не скажу которая – сегодня вовсе и не завтракала.

Тутъ майоръ, подмигнувъ м-ру Каркеру, расшутился до такой степени, что усердный рабъ, не дожидаясь команды, счель за нужное поколотить своего владыку по спинѣ, иначе тотъ, вѣроятно, исчезъ бы подъ столомъ.

За послѣдней сценой пріятельскаго обѣда, когда туземецъ съ приличнымъ эффектомъ приготовился разливать первую бутылку шампанскаго, юморъ храбраго воина проявился во всемъ блескѣ.

– Полнѣй, мерзавецъ, полнѣй, съ краями наравнѣ! – заголосилъ майоръ, подставляя бокаль. – М-ру Каркеру съ краями наравнѣ! М-ру Домби съ краями наравнѣ! Господа, сей кубокъ въ честь и славу богини, сіяющей въ неприступномъ свѣтѣ могущества и красоты! Имя этой богини – Эдиоъ! Да здравствуетъ Эдиоъ!

– Да здравствуетъ богиня Эдиоъ! – повторилъ Каркеръ, улыбаясь наиочаровательнѣйшимъ образомъ.

– Пьемъ за здоровье Эдиои, – сказала м-ръ Домби.

Вошли официанты съ новыми блюдами. Майоръ принялъ серьезный тонъ и, нагибаясь къ Каркеру, приложилъ палецъ, къ губамъ:

– Между нами, сэръ, можно шутить и говорить серьезно, но передъ этими скотами не должно профанировать священнаго имени. Старый Джо не компрометируетъ никого. Господа, ни слова больше, пока здѣсь эта сволочь!

Это было очень почтительно и деликатно со стороны майора. Такъ и понялъ его м-ръ Домби. Хотя намеки храбраго воина приводили его въ нѣкоторое затрудненіе, но онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія и, казалось, благосклонно принималъ его шутки. Быть можетъ, майоръ былъ сегодня поутру довольно близокъ къ истинѣ, когда объявилъ м-съ Скьютонъ, что великій человекъ, конечно, не захочетъ изъ гордости говорить о завѣтныхъ планахъ своему первому министру, но желаетъ однако-жъ, чтобы тотъ окольными путями былъ посвященъ въ его тайны.

Остроуміе майора не ограничилось только лукавыми намеками на интересное положеніе м-ра Домби. Передъ нимъ былъ теперь благосклонный слушатель, беззаботный весельчакъ и такого рода человекъ, котораго онъ послѣ не разъ называлъ чертовски смышленнымъ и пріятнымъ малымъ. На этомъ законномъ основаніи, какъ скоро убрали со стола, майоръ далъ полный разгулъ своему геройскому духу и пустился въ безконечные рассказы о полковыхъ шашняхъ и гусарскихъ продѣлкахъ, отъ которыхъ надрывался со смѣху м-ръ Каркеръ, встрѣтившій какъ онъ говорилъ – истинно или притворно – первый разъ въ жизни такого неистощимаго юмориста. М-ръ Домби между тѣмъ величаво смотрѣлъ черезъ накрахмаленный галстукъ какъ владѣлецъ майора или какъ степенный содержатель звѣринца, передъ которымъ его добрый медвѣдь выплясываетъ уморительные танцы на потѣху глазѣющей толпы.

Наконецъ, когда майоръ совсѣмъ ужъ сталъ задыхаться и охрипъ отъ чрезмѣрнаго напряженія желудка, горла и умственныхъ способностей, собесѣдники вышли изъ-за стола и взяли по чашкѣ кофе, послѣ чего майоръ, почти безъ всякой надежды на утвердительный отвѣтъ, спросилъ м-ра Каркера, играетъ ли онъ въ пикетъ.

– Немножко маракую, – отвѣчалъ Каркеръ.

– И въ триктракъ играетъ?

– И въ триктракъ.

– Каркеръ, я полагаю, играетъ во всѣ игры, и хорошо играетъ, – замѣтилъ м-ръ Домби, разваливаясь на софѣ, какъ деревянный истуканъ безъ кожи и костей.

Дѣйствительно, м-ръ Каркеръ сыгралъ и въ пикетъ, и въ триктракъ съ такимъ совершенствомъ, что майоръ въ крайнемъ изумленіи вытаращилъ свои раковые глаза и объявилъ, что даже у нихъ въ полку немного такихъ игроковъ.

– Да ужъ не играете ли вы и въ шахматы, м-ръ Каркеръ? – спросилъ майоръ.

– Играю немножко, – отвѣчалъ Каркеръ. – Случалось даже и выигрывать, но это была шалость. Теперь, я думаю, совсѣмъ разучился.

– Чортъ побери! Да вы, какъ вижу, вовсе не подъ пару вашему командиру. Домби совсѣмъ не играетъ.

– О, м-ръ Домби совсѣмъ другая статья! – возразилъ главный приказчикъ. – Еще бы сталъ онъ терять драгоценное время на такіе пустяки! Такому человѣку, какъ я, играть еще можно, мнѣ, пожалуй, и пригодится какая-нибудь игра. Но м-ру Домби...

Можетъ быть, это было просто слѣдствіемъ неправильнаго устройства широкаго рта, только въ эту минуту м-ръ Каркеръ чрезвычайно походилъ на огрызающуюся собаку, готовую вцѣпиться своими клыками въ руку, которая ее ласкала. Но майоръ не дѣлалъ такихъ соображеній, а м-ръ Домби съ полузакрытыми глазами лежалъ на софѣ во все время игры, продолжавшейся далеко за полночь.

Состязаніе между игроками окончилось совершенной побѣдой правой руки м-ра Домби. При всемъ томъ м-ръ Каркеръ и майоръ остались въ этотъ вечеръ наилучшими друзьями, и, когда главный приказчикъ отправился спать, майоръ, въ знакъ особеннаго вниманія, приказалъ туземцу свѣтить ему по коридору вплоть до самой спальни. Кончивъ экстраординарную обязанность, черный рабъ раздѣлъ своего господина и немедленно развалился самъ на полу у его ногъ на соломенномъ матрацѣ, такъ какъ другой постели не смѣлъ имѣть человѣкъ, низведенный цивилизованнымъ европейцемъ на степень обезьяны...

Было, вѣроятно, какое-то пятно на зеркалѣ въ комнатѣ м-ра Каркера, но оно отражало въ эту ночь человѣка, которому мерещились въ его сонныхъ видѣніяхъ толпы людей, валявшихся у его ногъ, точь въ точь, какъ бѣдный туземецъ – у ногъ майора. И гордо шагаль м-ръ Каркеръ черезъ головы этихъ людей, пробивая себѣ путь впередъ и впередъ!

Глава XXVII

Быть тутъ чуду

Прекрасное лѣтнее утро. М-ръ Каркеръ поднялся съ постели вмѣстѣ съ жаворонкомъ и отправился гулять. Онъ шагаль медленно и осторожно, и мысль его, далекая отъ небесной лазури, устремлялась прямо и мѣтко къ земному гнѣзду, облѣпленному толстыми слоями грязи. Никакая птица не исчезала въ воздухѣ съ такой быстротой отъ человѣческаго глаза, какъ мысли Каркера, невидимыя и непроницаемыя для смертнаго наблюдателя. Онъ въ совершенствѣ управляль своимъ лицомъ по произволу, и наблюдатель съ нѣкоторою ясностью могъ только сказать, что м-ръ Каркеръ улыбается или размышляетъ. Теперь онъ размышляль. По мѣрѣ того, какъ жаворонокъ уносился къ облакамъ, м-ръ Каркеръ глубоко ниспадалъ въ область мысли, и чѣмъ громче и яснѣе раздавалась утренняя трель пернатого музыканта, тѣмъ важнѣе и мрачнѣе становилась дума нашего глубокаго мыслителя. Наконецъ, когда жаворонокъ, заливаясь потокомъ беззаботной пѣсни, стремглавъ спустился на землю и впорхнулъ въ зеленые колосья волнистой пшеницы, м-ръ Каркеръ вдругъ пробудился отъ размышленія, и лицо его мгновенно озарилось яркой улыбкой, какъ будто передъ нимъ стояли многочисленные наблюдатели, которыхъ нужно было задобрить въ свою пользу. И уже улыбка не сходила болѣе съ этого лица.

Сознавая важность первыхъ впечатлѣній, м-ръ Каркеръ одѣлся въ это утро съ особенною тщательностью. Въ его костюмѣ, правда, обнаруживалась и теперь нѣкоторая чопорность въ подражаніе особѣ великаго командира, однако-жъ онъ, быть можетъ, первый разъ значительно отступилъ отъ манеры м-ра Домби насчетъ высочайшаго, туго накрахмаленнаго галстука, потому что онъ зналь, какъ это смѣшно, и потому еще, что м-ръ Домби долженъ былъ передъ чужими людьми увидѣть въ этой перемѣнѣ новую деликатность подчиненнаго, который такъ хорошо понималъ огромное разстояніе отъ своего начальника. Впрочемъ въ другихъ статьяхъ туалета м-ръ Каркеръ теперь, какъ и всегда, былъ довольно вѣрной копіей своего ледяного патрона.

Долго гуляль м-ръ Каркеръ въ веселомъ расположеніи духа по зеленымъ лугамъ и густымъ аллеямъ, порхая, какъ мотылекъ, между деревьями. За полчаса передъ завтракомъ, онъ вернулся назадъ и сказалъ довольно громко. "Взглянемъ теперь на вторую м-съ Домби".

Эти слова были произнесены въ живописной загородной рощѣ, гдѣ мѣстами разбросаны были скамейки для желающихъ присѣсть. Многочисленной публики здѣсь никогда не было, а теперь, въ утренніе часы, м-ръ Каркеръ полагаль, что кромѣ его въ этомъ мѣстѣ нѣтъ ни одной души. Поэтому онъ не торопился и бродилъ между густыми деревьями съ разсѣяннымъ видомъ чловѣка, у котораго есть еще лишнихъ минутъ десять.

Но м-ръ Каркеръ ошибся. Проходя мимо одного дерева съ толстой корой, похожей на шкуру носорога, онъ совсѣмъ неожиданно увидѣлъ на одной изъ скамеекъ фигуру молодой прекрасной леди въ простомъ, но изящномъ нарядѣ. Ея гордые черные глаза были обращены въ землю, и во всей ея позѣ выражалась страсть или внутренняя борьба съ самой собой. Грудь ея волновалась, губы дрожали, слезы негодованія текли по щекамъ, и прекрасная ножка упиралась въ дернъ такимъ образомъ, какъ будто она хотѣла превратить его въ прахъ. Быстрый взглядъ Каркера, обращенный на даму, въ одно мгновеніе охватилъ ее съ ногъ до головы. Завидѣвъ незнакомца, прекрасная леди встала и пошла впередъ съ такимъ видомъ, который уже ничего не выражалъ кромѣ усталости и гордаго презрѣнія ко всему на свѣтѣ.

Но не одинъ Каркеръ наблюдалъ прекрасную даму. Недалеко отъ нея торчала на такой же кочкѣ грязная безобразная старушенка въ гадкихъ лохмотьяхъ, похожая на одну изъ тѣхъ безчисленныхъ бродягъ, которыя, таскаясь по всѣмъ захолустьямъ, просятъ милостыню, воруютъ, починяють старую посуду, продають корзинки изъ тростника и всѣмъ надоѣдаютъ предъ-

ложеміемъ разныхъ отвратительныхъ услугъ. Она какъ будто выкарабкалась изъ земли и вдругъ очутилась передъ лицомъ гуляющей леди, загородивъ ей дорогу.

– Хотите, погадаю вамъ, моя красотка, – сказала старуха, чавкая челюстями, какъ будто мертвая голова насильно порывалась выскочить изъ своей желтой шкуры.

– Я знаю свою судьбу, – отвѣчала леди.

– Знаешь, барыня, да не совсѣмъ. Много ты гадала, да не разгадала. Вижу тебя насквозь, моя красотка. Дай серебряную монету, и я скажу тебѣ всю правду истинную. Богатства на твоёмъ лицѣ, ухъ, какія богатства!

– Знаю безъ тебя, – возразила леди, проходя мимо старухи съ мрачной улыбкой и гордымъ шагомъ. – Я знала это впередъ.

– Такъ ты ничего не хочешь дать? – завопила старуха. – Ни одного пенни за всю свою судьбу! такъ послушай же, спесивая красавица: сколько ты дашь, чтобы я н_е пророчила тебѣ твоей судьбы? дай же что-нибудь или я всю подноготную закричу тебѣ вслѣдъ!

Въ эту минуту м-ръ Каркеръ, прокравшись изъ-за деревьевъ, очутился подлѣ красавицы, снялъ передъ нею шляпу и приказалъ старухѣ замолчать. Леди поблагодарила его легкимъ наклоніемъ головы и пошла своей дорогой.

– Ну, такъ дай же ты мнѣ что-нибудь, чопорный молодецъ, не то я буду кричать за нею вслѣдъ, – завизжала старуха, порываясь впередъ изъ-за Каркера, загородившаго дорогу, – или послушай, молодецъ, дай мнѣ что-нибудь: я т_е_б_ѣ скажу ея судьбу!

– Мнѣ? что же ты скажешь? – возразилъ Каркеръ, опуская руку въ карманъ.

– Да, тебѣ, молодецъ. Я знаю всю подноготную.

– Говори же: кто эта прекрасная дама? – спросилъ Каркеръ, бросивъ ей шиллингъ.

Чавкая какъ вѣдьма, собравшаяся на шабашъ, старуха подняла шиллингъ и, усѣвшись на кочкѣ подлѣ стараго дерева, вынула изъ своей шляпы коротенькую черную трубку, зажгла спичку и молча начала курить, выпучивъ опухшіе глаза на вопрошателя.

М-ръ Каркеръ засмѣялся и отошелъ прочь.

– Слушай же, молодецъ, – закричала старуха, – сынъ умеръ, дочь жива. Одна жена умерла, другая наклевывается. Ступай, познакомься съ нею!

Каркеръ, по невольному движенію, оглянулся на задъ и остановился. Старуха принялась сосать чубукъ съ особенною жадностью, какъ будто выгоняла изъ трубки бѣса, который ей прислуживалъ. Потомъ она указала пальцемъ въ ту сторону, куда шель Каркеръ, и засмѣялась.

– Что ты бормочешь, старая вѣдьма? – спросилъ онъ.

Старуха зачмокала и зачавкала еще сильнѣе, но не отвѣчала ничего. Пожелавъ ей на прощаньи тысячу чертей, м-ръ Каркеръ пошелъ своей дорогой, но, преодолеваясь сильнымъ любопытствомъ, оглянулся еще разъ черезъ плечо. Старуха, сидѣвшая на прежней кочкѣ подлѣ стараго дерева, опять указала пальцемъ впередъ и опять провизжала:

– Ступай, познакомься съ нею.

Приготовленія къ парадному завтраку въ "Королевской гостиницѣ" были приведены къ желанному концу. М-ръ Домби и майоръ сидѣли въ столовой въ ожиданіи дамъ. Къ нимъ присоединился и м-ръ Каркеръ, совершившій утреннюю прогулку. Аппетитъ, очевидно, бралъ перевѣсъ надъ нѣжной страстью м-ра Домби, который однако-жъ былъ величавъ и холоденъ какъ всегда, но майоръ Багстокъ горячился и бурлилъ въ порывахъ сильнаго раздраженія. Наконецъ, черный рабъ отворилъ дверь и, послѣ нѣкоторой паузы, вплыла въ комнату совершенно цвѣтущая, но не совершенно молодая леди, одѣтая со всею роскошью модной красавицы большаго свѣта.

– Любезный м-ръ Домби, – сказала леди, – боюсь, не опоздали ли мы. Эдиоъ выходила сегодня докончить одинъ изъ своихъ рисунковъ, и я принуждена была ее ждать. Здравствуйте, майоръ, – продолжала м-съ Скьютонъ, протягивая ему перегнутый мизинецъ, – какъ ваше здоровье, фальшивое созданье?

– М-сь Скьютонъ, – началъ м-ръ Домби, – позвольте представить вамъ пріятеля моего Каркера. Кажется, я имѣлъ честь говорить вамъ о м-рѣ Каркерѣ.

М-ръ Домби сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ пріятеля, показывая, быть можетъ, безсознательно, что главный приказчикъ удостоивается такого титула по особенному случаю.

– Я заранѣе прихожу въ восторгъ отъ вашего друга, – отвѣчала м-сь Скьютонъ, дѣлая очаровательный книксенъ.

М-ръ Каркеръ тоже, разумѣется, не помнилъ себя отъ восторга. Неизвѣстно, увеличился ли бы этотъ восторгъ, если бы м-сь Скьютонъ, какъ сначала онъ подумалъ, была Эдиоъ, предметъ торжественныхъ тостовъ вчерашняго вечера.

– Да гдѣ же, наконецъ, Эдиоъ, – воскликнула м-сь Скьютонъ, оглядываясь вокругъ. – Она все еще у дверей приказываетъ Витерсу вставить въ рамки свои новые рисунки. Любезный м-ръ Домби, будьте такъ добры...

Но любезный м-ръ Домби уже отправился на поиски. Черезъ минуту онъ воротился подъ руку съ прекрасной леди, въ которой Каркеръ тотчасъ же узналъ утреннюю незнакомку, сидѣвшую подъ липами на скамейкѣ.

– Каркеръ, – началъ м-ръ Домби, но тутъ же остановился съ величайшимъ изумленіемъ, такъ какъ было ясно, что его рекомендація бесполезна. Эдиоъ и Каркеръ были уже знакомы.

– Этотъ джентльменъ, – сказала Эдиоъ съ величественнымъ поклономъ, – только что сейчасъ освободилъ меня отъ какой-то докучливой нищей. Я ему очень обязана.

– Вдвойнѣ чувствую себя счастливымъ, – отвѣчалъ Каркеръ, дѣлая низкій поклонъ, – что случай позволилъ мнѣ оказать эту ничтожную услугу. Я былъ бы гордъ, если-бы судьба позволила мнѣ быть преданнѣйшимъ вашимъ слугою.

Свѣтлый и быстрый взглядъ красавицы, брошенный на Каркера, выразилъ очевидно подозрѣніе, что тотъ втайнѣ наблюдалъ ее въ своей уединенной прогулкѣ гораздо прежде появленія безотвязной старухи. Каркеръ понялъ это, а она, въ свою очередь, убѣдилась по его взгляду, что подозрѣніе ея было не безъ основанія. М-сь Скьютонъ между тѣмъ разглядывала Каркера въ лорнетъ и довольно громко шептала майору, что у него должно быть самое чувствительное сердце.

– Удивительное совпаденіе! – провозгласила наконецъ м-сь Скьютонъ. – Всѣ мы здѣсь какъ на подборъ. Говорите же послѣ того, что нѣтъ судьбы на свѣтѣ! О я увѣрена, что вездѣ и во всемъ судьба. Ты со мной согласишься, милая Эдиоъ. Не даромъ эти басурманы – какъ бишь ихъ? – да, турки... не даромъ турки говорятъ, милая Эдиоъ, что единъ есть Богъ и Магометъ, пророкъ его.

Эдиоъ не обратила ни малѣйшаго вниманія на экстренную цитату изъ алкорана, но м-ръ Домби счелъ необходимымъ представить свои замѣчанія, которыя, впрочемъ, относились не къ Магомету.

– Мнѣ очень пріятно, – заговорилъ м-ръ Домби съ неуклюжею любезностью, – что джентльменъ, такъ тѣсно соединенный со мною, имѣлъ честь и счастье оказать маловажную услугу м-сь Грэйнджеръ, – здѣсь м-ръ Домби поклонился Эдиои, – но я очень сожалѣю, что судьба, благосклонная къ моему пріятелю, не доставила самому мнѣ этой чести и этого счастья. Я завидую Каркеру.

Тонъ, съ какимъ произнесена была послѣдняя фраза, выражалъ даже нѣкоторую досаду въ м-рѣ Домби. Онъ поклонился опять. Красавица слегка пошевелила губами и не отвѣчала ничего. Между тѣмъ официантъ, съ салфеткой въ рукахъ, возвѣстилъ, что кушанье подано. Майоръ, молчавшій все время, разразился такимъ образомъ:

– Дивлюсь, чортъ побери, какъ это до сихъ поръ никто не имѣлъ чести и счастья перестрѣлять всѣхъ этихъ скотовъ, которые собираютъ по дорогамъ милостыню. Всѣхъ бы ихъ на осину... А между тѣмъ, м-сь Грэйнджеръ, старикашка Джой осмѣливается имѣть счастье

подать вамъ руку, и величайшая услуга, которую онъ вамъ окажетъ, будетъ состоять въ томъ, что онъ поведетъ васъ къ столу.

Затѣмъ майоръ подаль руку Эдиѳи, а м-ръ Домби повель м-съ Скъютонъ. Каркеръ заключь шествиѣ.

– Я очень рада, м-ръ Каркеръ, что вы приноровили свой прѣздъ къ нынѣшнему дню, – сказала м-съ Скъютонъ, посмотрѣвъ еще разъ черезъ лорнетъ на улыбающагося джентльмена, – мы устраиваемъ очаровательную прогулку.

– Всякая прогулка будетъ очаровательна въ такомъ обществѣ, – замѣтилъ м-ръ Каркеръ, – но вы правы, миледи, прогулка по такимъ мѣстамъ сама по себѣ представляетъ много интереса.

– О, прелестный Уаррикъ! – воскликнула м-съ Скъютонъ. – Идеи среднихъ вѣковъ – и все это... прелестно, прелестно! Любите ли вы средніе вѣка м-ръ Каркеръ?

– Очень люблю, – отвѣчалъ м-ръ Каркеръ,

– Очаровательныя времена! – продолжала Клеопатра, – столько вѣры, столько крѣпости и силы! какая поэзія, какой энтузіазмъ! все такъ удалено отъ общихъ мѣстъ; все такъ картинно! о Боже мой! Боже мой! отчего бы не удержать намъ хоть частицу этихъ чарующихъ прелестей!

Несмотря на увлеченіе средними вѣками, м-съ Скъютонъ во все это время не спускала глазъ съ м-ра Домби, который съ величавымъ безмолвіемъ смотрѣлъ на ея дочь. Эдиѳъ не поднимала глазъ и, казалось, со вниманіемъ прислушивалась къ панегирику магери.

– Мы убили поэзію и совсѣмъ потушили огонь того энтузіазма, который одушевлялъ нашихъ предковъ на великія дѣла, – продолжала м-съ Скъютонъ, – мы слишкомъ прозаичны, м-ръ Каркеръ, не правда ли?

Фальшивая съ ногъ до головы, Клеопатра, конечно, менѣе всѣхъ имѣла причины жаловаться на прозаическую дѣйствительность новѣйшихъ временъ; но м-ръ Каркеръ вздохнулъ изъ глубины души и обнаружилъ сердечное соболѣзнованіе насчетъ отсутствія поэзіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

– Какія картины въ замкѣ, Боже мой, какія картины! – вопіяла Клеопатра. – Надѣюсь, м-ръ Каркеръ, вы любите картины?

– Увѣряю васъ, м-съ Скъютонъ, – сказалъ Домби торжественнымъ тономъ покровителя своего приказчика, – Каркеръ отличный знатокъ живописи и понимаетъ толкъ въ произведеніяхъ артистовъ. Онъ даже самъ очень хорошій живописецъ. Я увѣренъ, онъ придетъ въ восторгъ отъ вкуса и таланта м-съ Грэйнджеръ.

– Да вы, чортъ побери, удивительны, Каркеръ, послѣ всѣхъ этихъ вещей! – возгласилъ майоръ, – ваша голова напичкана познаніями всякаго сорта!

– Мои познанія довольно ограничены, сэръ, – возразилъ Каркеръ со смиреннымъ видомъ, – и м-ръ Домби слишкомъ великодушенъ въ своихъ отзывахъ. Конечно, для человѣка въ моемъ положеніи необходимы нѣкоторыя мелочныя свѣдѣнія, бесполезныя во всѣхъ отношеніяхъ для такого человѣка, какъ м-ръ Домби, который въ своей высокой сферѣ...

Здѣсь м-ръ Каркеръ, сознавая безсиліе восхвалить приличнымъ образомъ великаго человѣка, только пожалъ плечами и не сказалъ ничего больше.

Во все это время Эдиѳъ взглядывала по временамъ только на мать, когда послѣдняя уже слишкомъ начинала блистать своимъ краснорѣчіемъ. Но, когда Каркеръ пересталъ говорить, она бросила на м-ра Домби быстрый взглядъ, исполненный глубочайшаго презрѣнія, взглядъ, подмѣченный какъ нельзя лучше улыбающимся собесѣдникомъ на другомъ концѣ стола. Подмѣтилъ его и м-ръ Домби, но перетолковалъ къ совершенному своему удовольствію.

– Къ несчастью, вы уже бывали въ Уаррикѣ? – заговорилъ м-ръ Домби, обращаясь къ благосклонной красавицѣ.

– Да, бывала.

– Боюсь, не скучно ли вамъ будетъ?

– О нѣтъ, совсѣмъ не скучно.

– Ты во всемь, мой другъ, похожа на своего кузена Феникса, – замѣтила м-сь Скъютонъ, – онъ, я думаю, былъ въ Уаррикѣ пятьдесятъ разъ, и приѣзжай онъ сегодня въ Лемингтонъ – ты этого хотѣла бы, моя милая, не правда ли? – онъ непременно полетѣлъ бы съ нами, чтобы взглянуть на очаровательный замокъ въ пятьдесятъ первый разъ. Удивительный энтузіастъ.

– Мы всѣ энтузіасты, мама, не правда ли?

– Да, моя милая, можетъ быть, слишкомъ большіе энтузіасты; но я не хочу жаловаться. Душевное безпокойство слишкомъ вознаграждается сладостными волненіями сердца. Если, какъ говорить кузень Фениксъ, мечъ слишкомъ скоро изнашивается... ахъ, какъ это называется?

– Ножны, можетъ быть, – сказала Эдию.

– Да, ножны... такъ это потому, что онъ слишкомъ блеститъ и пылаетъ. Ты понимаешь, моя милая, что я хочу сказать?

М-сь Скъютонъ испустила слабый вздохъ и потупила глаза, какъ будто хотѣла такимъ образомъ набросить легкую тѣнь на поверхность кинжала, котораго ножны представляла ея поэтическая грудь. Склонивъ голову на сторону, по образцу древней Клеопатры, она съ задумчивымъ видомъ, исполненнымъ нѣжнѣйшей любви, принялась смотрѣть на свою дочь.

Разъ обративъ лицо на м-ра Домби, когда тотъ сдѣлалъ ей вопросъ, Эдию не оставляла этой позы, и, разговаривая съ матерью, она ни на минуту не спускала глазъ съ м-ра Домби, изъясняя такимъ образомъ готовность отвѣчать на новые его вопросы. Учтивость простая, но при настоящемъ положеніи довольно многозначительная. Казалось, будто въ это время совершался ненавистный торгъ, и предметомъ его была дочь м-сь Скъютонъ. Жертва сознавала свое достоинство и нравственное ничтожество покупателя, но, покорная деспотической силѣ обстоятельствъ, съ самоотверженіемъ выносила унижительную пытку. Эта нѣмая сцена была слишкомъ краснорѣчива для улыбающагося наблюдателя на другомъ концѣ стола. Она служила для него дополненіемъ и объясненіемъ внутренней борьбы, которую такъ не давно изучалъ онъ въ уединенной рошѣ на прекрасномъ лицѣ плачущей незнакомки.

Ни одного слова не приискалъ м-ръ Домби для красавицы, не спускавшей съ него глазъ. Когда, наконецъ, завтракъ кончился, и майоръ насытился по горло, онъ замѣтилъ, что пора, кажется, ѣхать, и получилъ въ отвѣтъ, что, дѣйствительно, кажется, пора. По данному знаку коляска подъѣхала къ крыльцу. Дамы, майоръ и м-ръ Домби заняли въ ней свои мѣста. Туземецъ и долговязый пажъ вскарабкались на козлы. М-ръ Таулисонъ сталъ на запятки, а м-ръ Каркеръ, верхомъ на прекрасномъ гнѣдомъ конѣ, поѣхалъ въ арріергардѣ.

И все-таки м-ръ Каркеръ, рисовавшійся на своемъ конѣ шагахъ во ста отъ экипажа, былъ какъ двѣ капли воды похожъ на кошку, сторожившую добычу. Теперь передъ нимъ были вдругъ четыре мыши, и онъ ловилъ ихъ съ жадностью голоднаго кота, такъ однако же, что посторонній наблюдатель никакъ бы не замѣтилъ, что у него на умѣ. По-видимому, онъ наблюдалъ встрѣченные предметы, но куда бы ни смотрѣлъ онъ – внизъ, наверхъ или по сторонамъ – одинъ уголъ глаза его былъ постоянно обращенъ на чопорную голову м-ра Домби и на перо, волновавшееся на шляпкѣ гордой красавицы. Разъ, и только одинъ разъ осторожный взглядъ его выпустилъ изъ виду эти предметы. Когда экипажъ остановился у цѣли путешествія, м-ръ Каркеръ, перескочивъ черезъ какой-то барьеръ, пустился въ галопъ по направленію къ коляскѣ и поспѣшилъ высадить дамъ. Въ эту минуту Эдию бросила на него изумленный взглядъ, но тутъ же опираясь на его плечо, не замедлила показать, что не обращаетъ на него никакого вниманія.

М-сь Скъютонъ, завладѣвъ Каркеромъ, рѣшилась сама показать ему всѣ красоты Уаррикскаго замка. Майоръ также долженъ былъ взять ее подъ руку, такъ какъ онъ былъ варваръ въ отношеніи изящныхъ искусствъ, и руководство такой компаніи было для него необходимо. Такое случайное распоряженіе представило м-ру Домби полную свободу разговаривать съ Эдию, и онъ съ торжественною важностью пошелъ съ нею по комнатамъ замка.

– Боже мой, м-ръ Каркеръ! – возгласила Клеопатра, начиная приходить въ поэтической восторгъ отъ среднихъ вѣковъ, – что за время, что за нравы! Воображаете ли вы эти прелестныя крѣпости, эти милыя тюрьмы и подземелья, эти очаровательныя мѣста для пытокъ, эту романтическую мстительность изъ рода въ родъ, эти живописныя приступы и осады, и все, что составляетъ истинную поэзію жизни! Божественныя вѣка, божественная старина! Какъ страшно мы переродились!

– Да, мы ужасно переродились, м-съ Скьютонъ, – подтвердилъ м-ръ Каркеръ.

Но, несмотря на ужасное перерожденіе, м-съ Скьютонъ и м-ръ Каркеръ, одушевленные поэтическими воспоминаніями временъ давно минувшихъ, ни на одну минуту не спускали глазъ съ м-ра Домби и его прекрасной спутницы. Поэтому, при всемъ энтузіамѣ, они говорили съ нѣкоторою разсѣянностью и часто отвѣчали другъ другу невпопадъ и наудачу.

– Нѣтъ въ насъ болѣе этого увлеченія, этой младенческой вѣры, при которыхъ жизнь такъ спокойна, такъ полна – продолжала м-съ Скьютонъ, настороживъ морщинистое ухо, такъ какъ въ эту минуту м-ръ Домби началъ что-то говорить м-съ Грэйнджеръ, – буйства ума и тревоженія скептицизма совсѣмъ убили поэзію! Мы не вѣримъ болѣе въ этихъ милыхъ бароновъ, въ этихъ восхитительныхъ кардиналовъ и аббатовъ, которые всѣ были такіе храбрые, такіе любезные! Взгляните на эту милую королеву: что за взглядъ! что за нѣжная экспресія во всемъ лицѣ! Да, да! Елисавета была перломъ между коронованными головами и блистательнымъ украшеніемъ своего пола! Она и думала сердцемъ, милое созданіе! А какою поэзію проникнуть весь характеръ ея отца! Любите ли вы Генриха восьмого, м-ръ Каркеръ?

– Я очень удивляюсь ему, – сказала Каркеръ.

– Такой суровый, грозный! Не правда ли, м-ръ Каркеръ, онъ былъ очень грозенъ? И смотрите, какъ живо изображаетъ его картина: что за глаза, что за подбородокъ!

– Но если говорить о картинахъ, миледи, такъ вотъ передъ нами живая картина. Я желалъ бы знать, въ какой галлерее міра найдете вы подобное произведеніе!

Говоря это, улыбающійся джентльменъ указалъ черезъ дверь въ другую комнату, гдѣ на самой срединѣ стояли м-ръ Домби и м-съ Грэйнджеръ.

Живая картина въ полномъ смыслѣ была самая нѣмая картина. Они стояли вмѣстѣ рука объ руку, но и воды океана не могли раздѣлить ихъ дальше другъ отъ друга. Въ самой гордости ихъ была такая разница, какъ будто стояли здѣсь самое гордое и самое смиренное созданія между всѣми живущими существами. Онъ – накрахмаленный, надутый, молчаливый, чопорный, суровый. Она – гибкое, тонкое, въ высшей степени граціозное созданіе, но не обращающее ни малѣйшаго вниманія ни на него, ни на себя, и презирающее свои прелести съ какимъ-то непостижимымъ ожесточеніемъ. Ледъ и огонь были болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ Павелъ Домби и Эдиоъ Грэйнджеръ, связанные цѣпью, выкованною зловѣщимъ рокомъ, который какъ нарочно теперь поставилъ ихъ въ галлерее, гдѣ все, казалось, поражено было негодованіемъ противъ этой н_е_ч_е_с_т_и_в_о_й пародіи на брачныя узы. Суровые рыцари и воины грозно смотрѣли на нихъ изъ своихъ картинныхъ рамокъ. Пасторъ съ поднятой рукой отказывался вести къ алтарю чудовищную чету. Тихіе виды на ландшафтахъ, отражая солнце въ своей глубинѣ, казалось, говорили: "Утопитесь, безумцы, утопитесь, если нѣтъ вамъ другого спасенія". Развалины кричали: "Взгляните, что случилось съ нами, обрученными съ враждебной силой всепоражающаго времени!" Звѣри противоположныхъ породъ огрызались другъ на друга, какъ будто въ назиданіе м-ру Домби. Амуры и купидоны въ испугѣ отлетали прочь, и живописная исторія мученичества съ негодованіемъ отказывалась прибавить къ своимъ сюжетамъ новую, еще невиданную пытку челоуѣческой природы.

При всемъ томъ м-съ Скьютонъ, очарованная зрѣлищемъ, на которое указалъ ей м-ръ Каркеръ, воскликнула съ необыкновеннымъ чувствомъ:

– Сколько тутъ жизни, поэзіи, сколько души!

Эдию судорожно вздрогнула, оглянулась на мать, и краска негодованія покрыла ея лицо до самыхъ волосъ.

– Эдию сердится, что я люблюсь на нее! – сказала Клеопатра, слегка, и почти съ робостью дотронувшись зонтикомъ до ея плечъ, – капризное дитя!

И опять м-ръ Каркеръ подмѣтилъ борьбу, которой сдѣлался нечаяннымъ свидѣтелемъ подъ липами. Но борьба была мгновенная, и облако совершеннаго равнодушія покрыло истомленное лицо прекрасной леди.

Не поднимая болѣе глазъ, Эдию сдѣлала матери едва замѣтный повелительный жестъ, и м-съ Скьютонъ, отлично понимавшая всѣ намеки дочери, поспѣшила подойти къ ней съ своими кавалерами. Съ этой минуты общество не раздѣлялось больше на отдѣльныя группы.

М-ръ Каркеръ, не имѣя больше надобности развлекать свое вниманіе, принялся разсуждать о картинахъ и выбирать особенно замѣчательныя для м-ра Домби. Онъ говорилъ такимъ образомъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ въ его словахъ выражалось глубокое удивленіе къ этому великому джентльмену, которому и свидѣтельствовалъ свою преданность нѣкоторыми маловажными услугами. Онъ прочищалъ и подавалъ ему зрительную трубку, отыскивалъ и объяснялъ мѣста въ его каталогѣ, держалъ его палку, и такъ далѣе. Впрочемъ, нельзя было сказать, чтобы м-ръ Каркеръ навязался съ этими услугами; напротивъ, м-ръ Домби, какъ начальникъ, вполнѣ сознающій свое превосходство, изволилъ требовать ихъ самымъ снисходительнымъ и даже ласковымъ тономъ. Онъ говорилъ: "Сдѣлайте одолженіе, Каркеръ, посмотрите сюда, помогите мнѣ, устройте это, Каркеръ" и такъ далѣе.

Общество обзрѣвало картины, статуи, стѣны, башни, воронья гнѣзда, и такъ далѣе. Майоръ Багстокъ постоянно безмолвствовалъ, такъ какъ въ его желудкѣ совершался процессъ пищеваренія послѣ сытнаго завтрака. М-съ Скьютонъ, утомленная восторженными порывами, надрывавшими ея грудь цѣлую четверть часа, начинала теперь зѣвать. Тѣмъ общительнѣе и любезнѣе становился м-ръ Каркеръ, который теперь обратилъ исключительное вниманіе на своего принципала. М-ръ Домби тоже говорилъ очень мало: "Да, Каркеръ, ваша правда, Каркеръ, справедливо, Каркеръ", и больше ничего, – но онъ втайнѣ поощрялъ м-ра Каркера идти впередъ и внутренно былъ очень доволенъ его поведеніемъ, такъ какъ всѣ его замѣчанія и мнѣнія могли доставить нѣкоторое удовольствіе м-съ Грэйнджеръ, да притомъ же кто-нибудь долженъ былъ говорить. Владѣя въ совершенствѣ даромъ скромности, м-ръ Каркеръ никогда не осмѣливался прямо относиться къ м-съ Грэйнджеръ, но прекрасная леди слушала его внимательно, и даже два, три раза мерцающая улыбка прокралась на ея лицо, когда восторженный ораторъ отыскалъ какое-то новое достоинство въ особѣ м-ра Домби.

Когда, наконецъ, Уаррикъ былъ изслѣдованъ по всѣмъ направленіямъ, общество пересѣло въ карету и отправилось осматривать живописныя окрестности замка къ великому неудовольствію майора, который чувствовалъ себя совершенно утомленнымъ. М-ръ Домби, любуясь, по указанію Каркера, на одинъ изъ замѣчательныхъ пунктовъ, церемонно замѣтилъ, что рисунокъ какой-нибудь мѣстности, набросанный прекрасною рукою м-съ Грэйнджеръ, оставилъ бы въ немъ навсегда пріятное воспоминаніе объ этомъ достопамятномъ днѣ. Немедленно долговязый Витерсъ, по распоряженію м-съ Скьютонъ, подаль дорожный портфель Эдию, карета остановилась, и прекрасная леди приготовилась выполнить желаніе м-ра Домби.

– Боюсь, не беспокою ли я васъ? – сказала м-ръ Домби.

– Совсѣмъ нѣтъ. Какой же пунктъ должна я рисовать? – спросила красавица съ холоднымъ вниманіемъ.

– Предоставляю выборъ пункта самому художнику, – сказала Домби.

– О нѣтъ, потрудитесь назначить сами, – отвѣчала Эдию.

– Въ такомъ случаѣ, – сказала м-ръ Домби, – если взять вотъ эту сторону или... какъ вы думаете, Каркеръ?

Случилось, не въ далекомъ разстояніи отъ коляски, почти на первомъ планѣ, расположена была группа деревьевъ, очень похожая на ту, откуда м-ръ Каркеръ наблюдалъ поутру прекрасную леди. Тутъ же, для довершенія сходства, стояла подъ однимъ деревомъ скамейка, такая же, какъ въ рошѣ, гдѣ сидѣла взволнованная красавица.

– Если позволите, – отвѣчалъ Каркеръ, – я указалъ бы на этотъ живописный кустарникъ. Видь, на мои глаза, очень замѣчательный и даже любопытный.

Глаза ея устремились по указанному направленію и потомъ быстро обратились на Каркера. Это былъ старый взглядъ, которымъ они обмѣнялись послѣ завтрака, но взглядъ уже не двусмысленный.

– Нравится вамъ этотъ видъ, м-ръ Домби?

– Чрезвычайно. Видь очаровательный!

Коляска подъѣхала ближе къ мѣсту, очаровавшему м-ра Домби. Эдиоъ, не перемѣняя, позы открыла съ гордымъ равнодушіемъ портфель и принялась рисовать.

– Карандаши мои притупились, – сказала она, прекративъ начатую работу.

– Позвольте мнѣ ихъ... или нѣтъ, Каркеръ сдѣлаеть это лучше. Онъ мастеръ на эти вещи. Сдѣлайте одолженіе, Каркеръ, очините карандаши м-съ Грэйнджеръ.

М-ръ Каркеръ подъѣхалъ къ дверцамъ коляски, осадилъ лошадь, поклонился и, живописно рисуясь на сѣдлѣ, взялъ съ улыбкой карандаши изъ рукъ красавицы и принялся очищать. Попросивъ позволенія держать портфель, онъ подавалъ карандаши по мѣрѣ надобности и любовался работой м-съ Грэйнджеръ, находя, что она съ особеннымъ искусствомъ обрисовываетъ деревья. Во все это время м-ръ Домби величаво и безмолвно стоялъ въ коляскѣ какъ болванъ, а Клеопатра и Антоній ворковали какъ голубки.

– Довольны ли вы этимъ, или желаете большей отдѣлки? – спросила Эдиоъ, показывая рисунокъ м-ру Домби.

М-ръ Домби поклонился и отвѣчалъ, что рисунокъ – совершенство въ своемъ родѣ, и не требуетъ никакой отдѣлки.

– Удивительный рисунокъ! – говорилъ Каркеръ – искусство, талантъ и вмѣстѣ такой замѣчательный... такой необыкновенный сюжетъ!

Комплименты улыбающагося джентльмена равно относились и къ художнику, и къ выбранному пункту для работы; но никто не подозрѣвалъ тутъ задней мысли. М-ръ Каркеръ съ ногъ до головы былъ воплощенная откровенность. Онъ продолжалъ разсыпаться въ похвалахъ до тѣхъ поръ, пока рисунокъ былъ отложенъ для м-ра Домби и рисовальные матеріалы убраны. Тогда онъ подаль карандаши, которые были приняты, съ холодной благодарностью, сдержалъ коня, отступилъ назадъ и опять поѣхалъ за коляской.

– Быть можетъ, – думалъ м-ръ Каркеръ, – даже и этотъ пошлый рисунокъ былъ выполненъ и переданъ его властелину, какъ вещь сторгованная и купленная. Быть можетъ, хотя красавица согласилась на его просьбу съ видимой готовностью, однако-жь ея надменное лицо, склоненное надъ работой, было лицомъ гордой женщины, завлеченной силою обстоятельствъ въ грязную и постыдную сдѣлку. Но о чемъ бы ни думалъ м-ръ Каркеръ, онъ постоянно улыбался и, галопируя на своемъ конѣ, посматривалъ во всѣ стороны, какъ беззаботный весельчакъ, такъ однако-жь, что одинъ уголокъ его глаза всегда обращенъ былъ на волнующееся перо прекрасной леди.

Обозрѣніемъ развалинъ Кенильворта окончилась экспедиція нынѣшняго дня. Здѣсь всѣ виды были извѣстны, и м-съ Скьютонъ не разъ напоминала м-ру Домби, что онъ видѣлъ все это дома на рисункахъ Эдиои. Дамы были отвезены на ихъ квартиру, и Клеопатра на прощаньи пригласила улыбающагося джентльмена пожаловать къ нимъ вечеромъ вмѣстѣ съ Домби и майоромъ. Три джентльмена отправились въ гостиницу обѣдать.

Обѣдъ былъ такой же, какъ и вчера, съ той разницей, что майоръ торжествовалъ уже явно и бросилъ всякую таинственность. Тѣ же тосты въ честь и славу прекрасной богини, то же пріятное смущеніе со стороны м-ра Домби. М-ръ Каркеръ разсыпался въ похвалахъ.

Теперь, какъ и всегда, не было другихъ гостей въ лемингтонской резиденціи м-съ Скьютонъ. Рисунки Эдиои были разбросаны по всѣмъ направленіямъ съ большимъ обиліемъ противъ обыкновеннаго. Долговязый Витерсъ подавалъ чай. Арфа и фортепіано стояли на своихъ мѣстахъ. Эдиоъ играла и пѣла. Но даже и самая музыка м-съ Грэйнджеръ совершалась какъ будто по заказу м-ра Домби. Дѣло происходило такимъ образомъ:

– Милая Эдиоъ, – сказала м-съ Скьютонъ минутъ черезъ двадцать послѣ чаю, – м-ръ Домби, я знаю умираетъ отъ желанія слушать тебя.

– Надѣюсь, мама, въ м-рѣ Домби осталось еще столько жизни, чтобы изъявить это желаніе самому.

– Я буду вамъ безконечно обязанъ, – сказалъ м-ръ Домби.

– На чемъ должна я играть?

– На фортепьяно, – сказалъ м-ръ Домби.

– Извольте. Какую же пьесу?

М-ръ Домби назначалъ, и красавица садилась за фортепьяно. Точно такъ же, по желанію м-ра Домби, она играла на арфѣ и пѣла. Такое холодное, но всегда непрекословное и скорое исполненіе желаній м-ра Домби, и только одного Домби, разумѣется, всего менѣе могло ускользнуть отъ пронизательнаго вниманія м-ра Каркера, который казался погруженнымъ въ тайны пикета. Замѣтилъ онъ и то, что м-ръ Домби, очевидно, гордился своею властью и любилъ обнаруживать ее.

При всемъ томъ м-ръ Каркеръ игралъ хорошо, даже очень хорошо, и занявъ по этому поводу высокое мѣсто во мнѣніи Клеопатры, которая такъ же, какъ и онъ, не спускала рысскихъ глазъ съ артистки и ея слушателя. Когда м-ръ Каркеръ, прощаясь, объявилъ, что онъ долженъ, къ великому своему несчастью, воротиться завтра въ Лондонъ, Клеопатра изъявила лестную надежду, что знакомство ихъ, конечно, не ограничится этой встрѣчей.

– Я то же думаю, миледи, – отвѣчалъ Каркеръ, выразительно взглянувъ на Эдиоъ и м-ра Домби, – я почти увѣренъ въ этомъ.

Между тѣмъ м-ръ Домби, отвѣсивъ Эдиои глубочайшій поклонъ, подошелъ къ софѣ, гдѣ сидѣла м-съ Скьютонъ, и, нагнувшись къ ея *уху*, прошепталъ вполголоса:

– Я просилъ у м-съ Грэйнджеръ позволенія навѣстить ее завтра утромъ по особенному случаю, и она назначила двѣнадцать часовъ. Могу ли надѣяться, что и вы, м-съ, будете въ это время дома?

Клеопатра, какъ и слѣдовало, была чрезвычайно взволнована такимъ необыкновеннымъ извѣстіемъ. Не имѣя возможности говорить, она только покачала головой, закрыла глаза и подала руку м-ру Домби, которую тотъ выпустилъ тотчасъ же, не совсѣмъ ясно понимая, что съ нею дѣлать.

– Скорѣе, Домби! Что вы тамъ разговорились? – кричалъ майоръ, останавливаясь въ дверяхъ, – чортъ побери, мнѣ пришла въ голову мысль перекрестить Королевскій отель въ гостиницу "Трехъ веселыхъ холостяковъ", въ честь нашу и Каркера. Тутъ будетъ глубокой смыслъ.

Съ этими словами майоръ хлопнулъ Домби по спинѣ и, лукаво подмигнувъ дамамъ, вывелъ его изъ комнаты.

М-съ Скьютонъ развалилась на софѣ, а Эдиоъ сѣла подлѣ арфы, обѣ не говоря ни слова. Мать, играя вѣеромъ, два, три раза взглянула на дочь, но красавица, опустивъ глаза въ землю, не замѣчала ничего. Глубокое раздумье рисовалось на ея челѣ.

Такъ просидѣли онѣ около часу, не говоря ни слова до тѣхъ поръ, пока горничная м-съ Скьютонъ не пришла, по заведенному порядку, раздѣвать свою барыню къ ночному туалету. Вѣроятно, въ лицѣ горничной являлась не женщина, а страшный скелетъ съ косою и песочными часами, потому что прикосновеніе ея было прикосновеніемъ смерти. Размалеванный субъектъ трещалъ и корчился подъ ея рукою. Спина постепенно сгибалась, волосы отпадали, черныя дугообразныя брови превратились въ скарденный клочекъ сѣдыхъ щетинъ, блѣдныя губы съ-

жились, кожа опала, какъ на трупѣ, и на мѣстѣ Клеопатры очутилась желтая, истасканная, трясущаяся старушенка съ красными глазами, втиснутая, какъ вязанка костей, въ грязную фланелевую кофту.

– Почему-жь ты мнѣ не сказала, что онъ завтра, по твоему назначенію, долженъ придти въ двѣнадцать часовъ?

– Потому, что вамъ это извѣстно, м_а_т_ь моя.

Послѣднія два слова были произнесены съ самою ядовитою колкостьюю.

– Вамъ извѣстно, мать моя, – продолжала Эдиѡъ, – что онъ купилъ меня, и что завтра конецъ торговой сдѣлкѣ. Онъ осмотрѣлъ свой товаръ со всѣхъ сторонъ и показалъ его своему другу. Покупка довольно дешева, и онъ гордится ею. Завтра окончательная сдѣлка. Боже! дожить до такого униженія и понимать его!

Соедините въ одно прекрасное лицо, пылающее негодование сотни женщинъ, проникнутыхъ страстью, гордостью, гнѣвомъ и глубокимъ сознаниемъ позорнаго стыда – вотъ оно, это лицо, трепещущее и прикрытое бѣлыми руками!

– Что ты подъ этимъ разумѣешь? – съ досадой проговорила мать. – Развѣ не съ самаго дѣтства...

– Съ дѣтства!.. Остановитесь, мать моя! Я никогда не была ребенкомъ. Назовете ли вы дѣтствомъ начало моей жизни? Я всегда была женщиной – коварной, хитрой, продажной, разставляющей сѣти мужчинамъ, и прежде, чѣмъ поняла я васъ или себя, прежде даже, чѣмъ узнала низкую, проклятую цѣль всѣхъ этихъ стремленій, я была опытной и ловкой кокеткой, благодаря вашему искусству, мать моя! Вотъ какое дѣтство отвели вы на мою долю. Вы родили женщину, вы вскормили и вырастили кокетку! Любуйтесь же своимъ произведениемъ: оно передъ вами во всей красотѣ. Любуйтесь, мать моя!

И говоря это, она ударила себя въ грудь, какъ будто хотѣла уничтожить свое существованіе.

– Что же вы, матушка? Любуйтесь!! Любуйтесь на женщину, никогда не знавшую истинной любви, никогда не понимавшую, что значить имѣть честное сердце! Любуйтесь на кокетку, владѣвшую своимъ ремесломъ уже тогда, когда другія дѣвочки ея возраста играютъ только въ куклы! Въ первой молодости, кокетка, по вашимъ интригамъ, вышла за человѣка, къ которому не чувствовала ничего, кромѣ равнодушія, и онъ умеръ, этотъ человѣкъ, прежде, чѣмъ перешло къ нему ожидаемое наслѣдство. Достойное наказаніе вамъ, и урокъ бесполезный! Взгляните на меня, вдову этого человѣка, и скажите, какова была моя жизнь за послѣднія десять лѣтъ!

– Мы всячески старались пристроить тебя, мой другъ, – отвѣчала мать, – и въ этомъ состояла твоя жизнь. Теперь, ты пристраиваешься.

– Какъ невольницу на базарѣ, какъ лошадь на ярмаркѣ, вывозили, таскали, показывали, разглядывали меня съ головы до ногъ въ эти постыдныя десять лѣтъ! – воскликнула Эдиѡъ съ пылающимъ челомъ и съ выраженіемъ горькаго упрека въ каждомъ словѣ. – Такъ ли, мать моя? Развѣ я не сдѣлалась притчей мужчинъ всякаго рода? Развѣ глупцы, развратники, мальчишки, старые негодяи не таскались вездѣ по нашимъ слѣдамъ и не оставляли меня поочередно одинъ за другимъ, потому что вы слишкомъ просты, мать моя, несмотря на всѣ свои продѣлки, потому... да, потому, что вы слишкомъ искренны при всей своей фальшивости! Вездѣ и всюду продавали, всѣмъ и каждому навязывали меня, какъ презрѣнный товаръ, и нѣтъ клочка земли во всей Англіи, который бы не былъ свидѣтелемъ моего позора. Наконецъ умерло во мнѣ всякое чувство уваженія къ себѣ самой, и теперь я ненавижу, презираю себя. Вотъ мое дѣтство въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ, а другого я никогда не знала. Не говорите же мнѣ, что я дѣлаюсь ребенкомъ въ эту послѣднюю ночь.

– Ты могла бы, Эдиѡъ, двадцать разъ выйти замужъ, если бы довольно поощряла искателей твоей руки.

– То есть, если бы я побольше заманивала, я, жалкій осадокъ между всѣми отживающими кокетками! – отвѣчала Эдиѡъ, поднявъ голову и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ стыда и взволнованной гордости. – Нѣтъ, мать моя! Кому выпаль жребій меня взять, тотъ возьметъ, какъ этотъ человѣкъ, безъ всякихъ уловокъ съ моей и вашей стороны. Онъ видѣлъ меня на аукціонѣ и рассчиталъ, что покупка будетъ выгодна. Пусть его! Съ перваго же раза онъ безъ церемоніи потребовалъ списокъ моихъ талантовъ, и ему ихъ показали. Съ каждымъ днемъ онъ удосто-вѣрялся въ добротѣ своей покупки, и я дѣлала все, что онъ приказывалъ или заказывалъ. Но больше я ничего не дѣлала, ничего и не стану дѣлать. Проба оказалась удовлетворительною, и онъ меня покупаетъ, покупаетъ по собственной волѣ, оцѣнивъ по-своему доброту товара и вполне понимая могущество своего кармана. Постараюсь, чтобы онъ не жалѣлъ. Я не подстрекала его ничѣмъ и не ускоряла торга, и даже вы, мать моя, на этотъ разъ, сколько я могла предупредить, не навязывались съ своими уловками.

– Какой у тебя странный языкъ, и какъ дико ты на меня смотришь, Эдиѡъ!

– Будто бы? Вообразите, и я то же думала! Это видно значить, что воспитаніе мое достигло полного развитія. Впрочемъ, оно окончилось давно. Теперь я слишкомъ стара и упала слишкомъ низко, чтобы идти по новому пути или удержать васъ на вашей прекрасной дорогѣ. Зародышъ всего, что очищаетъ сердце женщины и дѣлаетъ ее достойною своего пола, никогда не шевелился въ моей груди, и мнѣ нечего беречь, когда я презираю себя...

Трогательная грусть, сопровождавшая послѣднія слова, опять быстро смѣнилась язвительною колкостью, и Эдиѡъ продолжала:

– Что же вы не любуетесь, мать моя? Конечно, я не такъ мила, какъ въ былые годы, но все же я не обезьяна... Любуйтесь! Скоро мы не будемъ бѣдны, и ея в-пр. м-съ Скьютонъ назовется тещей первѣйшаго изъ капиталистовъ Англіи. Продѣлки ваши увѣнчались вождельнымъ успѣхомъ... Одно могу сказать себѣ въ утѣшеніе: несмотря на всѣ ваши усилія, я твердо рѣшилась не искушать этого человѣка, и не искушала его.

– Этого человѣка! – повторила м-съ Скьютонъ. – Ты говоришь, мой другъ, какъ будто бы ненавидишь его.

– Какъ?! А вы думали, что я люблю его? О, какъ вы дальновидны, матушка!.. Сказать ли вамъ, кто видитъ насъ насквозь и читаетъ самыя тайныя наши мысли? Назвать ли вамъ этого человѣка, передъ кѣмъ еще больше я сознаю свое униженіе?

– Кто же это, мой другъ? Ты, кажется, нападаешь на этого бѣднаго Каркера! На мои глаза, онъ очень добрый и пріятный человѣкъ. А впрочемъ, что бы онъ ни думалъ, беспокоиться нечего: его мнѣніе не помѣшаетъ тебѣ пристроиться... Да что же ты такъ дико смотришь? Не больна ли ты?

Лицо Эдиѡи мгновенно покрылась смертельною блѣдностью, какъ будто сердце ея поразили кинжаломъ. Она ухватилась обѣими руками за грудь, преодолевая ужасный трепетъ, пробѣжавшій по всѣмъ ея членамъ. Но вдругъ она встала съ обыкновеннымъ спокойствіемъ и, не сказавъ болѣе ни слова, вышла изъ комнаты.

Опять явилась горничная, уничтожавшая размалеванныя прелести расфранченной старушенки, къ которой вмѣстѣ съ фланелевой кофтой возвратились и всѣ старческіе недуги. Она приподняла и съ нѣкоторымъ усиліемъ повела въ другую комнату остоу Клеопатры, готовой возродиться къ новой жизни съ завтрашнимъ утромъ.

Глава XXVIII Перемѣны

– Насталъ наконецъ день, Сусанна, когда мы воротимся опять въ нашъ спокойный домъ! Сусанна перевела духъ, откашлянулась, оглядѣлась вокругъ себя и рѣзко отвѣчала:

– Да, миссъ Флой, спокойный, нечего сказать, охъ, какой спокойный домъ!

– Послушайте, Сусанна, – начала Флоренса, подумавъ нѣсколько минутъ, – не случилось ли вамъ, во время своего дѣтства, видѣть когда-нибудь этого джентльмена, который принялъ на себя трудъ заѣзжать ко мнѣ сюда? Онъ былъ здѣсь три раза, Сусанна, кажется, три?

– Да, три, миссъ Флой. Одинъ разъ, когда вы гуляли съ этимъ беззуб...

Кроткій взглядъ Флоренсы приостановилъ запальчивость миссъ Нипперъ.

– Я хотѣла сказать, когда вы гуляли съ сэромъ Барнетомъ и его леди и молодымъ джентльменомъ. А потомъ еще два раза онъ былъ по вечерамъ.

– Въ моемъ дѣтствѣ, Сусанна, не случилось вамъ видѣть этого господина въ нашемъ домѣ между гостями?

– Да, миссъ... то есть, право, я не помню, видѣла его или нѣтъ. Въ ту пору, когда ваша маменька умерла, я была еще новичкомъ въ вашемъ домѣ, и моя должность, видите ли, состояла въ томъ, чтобы убирать и выметать спальни на чердакахъ

Миссъ Нипперъ вытянулась въ струнку и вздернула носъ, изъясняя очевидное негодование противъ м-ра Домби, не умѣвшего оцѣнить благовременно ея талантовъ.

– Конечно, вы не могли знать всѣхъ, кто посѣщалъ нашъ домъ. А я ничего не помню.

– И у меня тоже осталось мало въ головѣ, миссъ Флой. Помню, впрочемъ, на кухнѣ часто болтали о гостяхъ. Была старая кормилица, что жила прежде Ричардсъ, рассказывала преуморительные анекдоты, и мы всѣ хохотали до упаду. Меня тогда она дразнила Пузыремъ, особенно, когда бывала подъ куражемъ, а это водилось за нею частенько. За это ее и прогнали.

Флоренса въ раздумьи сидѣла у окна, облокотившись на руку, и, казалось, едва слышала, что говоритъ миссъ Нипперъ.

– А впрочемъ, я хорошо помню, миссъ Флой, – продолжала Сусанна, – этотъ самый господинъ, м-ръ Каркеръ, что ли, былъ и тогда при вашемъ папѣ такимъ же великимъ джентльменомъ, какъ и теперь. Трубили по всему дому, что онъ заграбасталъ всѣ дѣла вашего папы въ Сити, и что вашъ папа никого такъ не уважаетъ, какъ м-ра Каркера. Это очень можетъ стать, миссъ Флой, потому что м-ръ Домби, съ вашего позволенія, никого на свѣтѣ не уважаетъ. Я и тогда понимала эти вещи, даромъ что Пузырь...

На этомъ послѣднемъ словѣ Сусанна Нипперъ сдѣлала особенное удареніе, какъ будто передъ ней стояла старая кормилица, которой теперь надлежало отомстить за обидное прозвище.

– А что м-ръ Каркеръ въ ладахъ съ вашимъ папа, такъ это я знаю изъ того, что всегда болтаетъ этотъ Перчъ, когда заходитъ въ нашъ домъ. Перчъ вообще прежалкая животица, миссъ Флой, и не умѣетъ ни о чемъ рассказать порядкомъ, а таки смыслить довольно насчетъ того, какъ идутъ дѣла въ Сити. Вотъ онъ и говоритъ, эта мокрая папильотка, что м-ръ Домби ничего не дѣлаетъ безъ Каркера, что Каркеръ у него правая рука, что онъ просто водить за носъ вашего папу. Оно, пожалуй, что все это и правда, миссъ Флой, даромъ что вашъ папа считаетъ себя умнѣ всякаго индійскаго набоба.

Флоренса, пробужденная отъ своей задумчивости, слушала теперь съ большимъ вниманіемъ и не проронила ни одного слова.

– Да, Сусанна, – сказала она, – я очень вѣрю, что м-ръ Каркеръ пользуется большимъ довѣріемъ папы.

Флоренса постоянно думала об этом предмете несколько дней. М-ръ Каркеръ въ два послѣдніе визита, говоря тихонько о кораблѣ, утвердилъ нѣкоторый родъ таинственной довѣрчивости между ею и собою, и вмѣстѣ получилъ надъ нею какую-то странную власть, которая начинала ее беспокоить. Отказаться отъ его услугъ или высвободиться изъ паутины, которою онъ ее постепенно опутывалъ, бѣдная дѣвушка была не въ силахъ: для этого требовалось нѣкоторое знаніе свѣта, и нужна была хитрость, чуждая простой и невинной душѣ. Правда, м-ръ Каркеръ говорилъ ей только то, что о кораблѣ ни слуху, ни духу и что, по всей вѣроятности, онъ погибъ; но какое право имѣлъ онъ рассказывать ей объ этихъ вещахъ? Почему зналъ м-ръ Каркеръ, что судьба "Сына и Наслѣдника" интересуеъ Флоренсу? Зачѣмъ принималъ онъ таинственный видъ, когда говорилъ ей о кораблѣ? Всѣ эти вопросы чрезвычайно тревожили робкую дѣвушку.

Безполезно ломая голову о загадочномъ поведеніи м-ра Каркера, Флоренса мало-по-малу начала рисовать его въ своемъ воображеніи какимъ-то грознымъ страшилищемъ, которому суждено играть важную роль въ ея судьбѣ. Напрасно разсудокъ увѣрялъ ее, что м-ръ Каркеръ такой же человекъ, какъ и всѣ другіе, притомъ очень пріятный человекъ, который постоянно улыбается и бросаетъ на нее умильные взоры; зловѣщая мечта, наперекоръ разсудку, помрачала свѣтлые образы пылкой фантазіи.

Думая потомъ объ отцѣ и упорно продолжая обвинять сама себя въ его холодности, соображая вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ джентльменъ былъ искреннимъ другомъ м-ра Домби, Флоренса со стѣсненнымъ сердцемъ пришла къ заключенію: ея отвращеніе къ м-ру Каркеру не есть ли слѣдствіе того же рокового недостатка, который охладилъ къ ней сердце отца и упрочилъ ея совершенное одиночество въ отцовскомъ домѣ? Иногда она не сомнѣвалась, что это дѣйствительно было такъ, и въ эти минуты вновь ея сердцемъ овладѣвала твердая рѣшимость искоренить, во что бы то ни стало, этотъ пагубный недостатокъ, лишь бы только узнать его. А чтобы узнать, она станетъ внимательнѣе наблюдать м-ра Каркера, изучать его поступки, которые только нравятся м-ру Домби, и авось какъ-нибудь этимъ способомъ сама найдетъ дорогу къ охладѣвавшему сердцу.

Такимъ образомъ безъ руководителя, безъ друга, съ которымъ можно было бы посоветоваться, несчастная дѣвушка носилась по бурному морю сомнѣній и надеждъ, а м-ръ Каркеръ какъ чешуйчатое чудовище озиралъ ее изъ морской бездны кровавыми глазами, дожидаясь удобнаго случая поглотить беззащитную жертву.

Во всемъ этомъ Флоренса видѣла новыя побужденія поскорѣе воротиться домой. Ея одинокая жизнь была лучше приспособлена къ этой борьбѣ между страхомъ и надеждой, притомъ ей казалось, что, быть можетъ, своимъ отсутствіемъ она пропустила удобный случай обнаружить передъ отцомъ свою преданность.

Часто думала она о Вальтерѣ, особенно въ бурныя ночи, когда вѣтеръ бушевалъ вокругъ загороднаго дома. Но эти мысли всегда сопровождались отрадной надеждой. Трудно молодому сердцу вообразить, что пылкая юность можетъ потухнуть какъ слабое пламя и яркій день жизни можетъ погрузиться въ мрачную ночь. Часто со слезами она представляла себѣ страданія Вальтера, но никогда или почти никогда не думала о его смерти.

Она писала къ старому дядѣ Солю, но не получила отъ него отвѣта. А впрочемъ, отвѣтъ былъ и не нуженъ на ея записку.

Таковы были размышленія Флоренсы въ то прекрасное утро, когда она, одушевленная надеждой, готовилась воротиться въ лондонскій домъ своего отца.

Д-ръ Блимберъ и м-съ Блимберъ, сопровождаемые – весьма неохотно – молодымъ Барнетомъ, уже отправились въ Брайтонъ, гдѣ другіе молодые джентльмены съ новымъ усердіемъ начинали пробивать трудную дорогу на вершины Парнаса. Каникулы прошли; гости почти всѣ оставили гостепріимную дачу сэра Барнета; дошла очередь и до Флоренсы, загостившейся сверхъ чаянія очень долго.

Быль, впрочем, одинъ гость, который хотя не жилъ на дачѣ, но удостоивалъ постояннымъ вниманіемъ сэра Барнета и леди Скеттльзь. М-ръ Тутсъ, имѣвшій счастье познакомиться съ молодымъ Барнетомъ въ тотъ послѣдній вечеръ, которымъ ознаменовалось его торжественное вступленіе въ свѣтъ, заходилъ или заѣзжалъ на дачу регулярно каждый день и оставилъ въ пріемной цѣлюю колоду визитныхъ карточекъ.

Должно, впрочемъ, отдать справедливость: смѣлая и счастливая идея предупредить фамилію Скеттльзовъ отъ забвенія м-ра Тутса первоначально родилась и созрѣла въ плодови- томъ мозгу Лапчатого Гуся. По его совѣту, м-ръ Тутсъ снарядилъ и устроилъ шестивесельную шлюпку, надъ которой, вмѣстѣ съ своими друзьями, принялъ верховную команду самъ Лапча- тый Гусь, одѣвавшійся для такихъ экспедицій въ красный сюртукъ самага яркаго цвѣта. Передъ началомъ остроумнаго предпріятія, м-ръ Тутсъ имѣлъ съ своимъ достойнымъ наставникомъ аллегорическое совѣщаніе такого рода:

– Положимъ, напримѣръ, – спросилъ м-ръ Тутсъ Лапчатого Гуся, – что вы влюблены въ какую-нибудь молодую леди – пусть зовутъ ее хоть Мери – и рѣшили въ честь ея завести собственную лодку: какъ бы, спрашивается, вы назвали эту лодку?

– Тутъ нечего и думать, отвѣчалъ наставникъ, – лодка должна быть названа Мери или Восторгомъ "Лапчатого Гуся".

Озаренный счастливою мыслью, м-ръ Тутсъ, послѣ глубокихъ соображеній, рѣшился наименовать шлюпку: "Радость Тутса", не сомнѣваясь, что такое имя будетъ самымъ тонкимъ и деликатнымъ комплиментомъ Флоренсъ.

Развалившись на малиновой подушкѣ и провѣтривая франтовскіе башмаки на воздухъ, м-ръ Тутсъ, каждый день, въ хорошую и дурную погоду, катался по Темзѣ въ своей щегольской лодкѣ и подъ конецъ прогулки всегда подѣзжалъ къ саду сэра Барнета, лавируя около берега взадъ и впередъ и выдѣлывая самую хитрую эволюцію. приводившія въ изумленіе всѣхъ наблю- дателей фантастической экспедиціи. Но какъ скоро замѣчали его въ саду Барнета съ берега рѣки, м-ръ Тутсъ всегда притворялся, что попалъ сюда случайно, по сцѣпленію самыхъ стран- ныхъ и еевѣроятныхъ обстоятельствъ.

– Здравствуйте, Тутсъ, – говаривалъ сэръ Барнетъ, махая рукою съ террасы, между тѣмъ какъ хитрый Гусь прямо летѣлъ къ берегу.

– Здравствуйте, сэръ Барнетъ, – отвѣчалъ Тутсъ. – Какому чуду я обязанъ, что вижу васъ здѣсь?

М-ръ Тутсъ, въ своей проницательности, всегда изъяслялъ такое удивленіе, какъ будто онъ встрѣчался съ сэромъ Барнетомъ въ какомъ-нибудь пустынномъ зданіи на берегу Нила или Ганга, а не въ собственномъ его домѣ.

– Я никогда не былъ такъ изумлень! – восклицалъ м-ръ Тутсъ. – А миссъ Домби здѣсь? Случалось, при этомъ вопросѣ являлась сама Флоренса.

– О, Диогенъ совершенно здоровъ, миссъ Домби! – говаривалъ м-ръ Тутсъ. – Я освѣдом- лялся сегодня поутру.

– Очень вамъ благодарна, м-ръ Тутсъ, – отвѣчалъ пріятный голосокъ.

– Не хотите ли, Тутсъ, выйти на берегъ? – спрашивалъ сэръ Барнетъ. – Вамъ некуда топиться: зайдите къ намъ.

– О, это ничего, покорно благодарю, – отвѣчалъ обыкновенно м-ръ Тутсъ, краснѣя какъ піонь. – Я хотѣлъ только извѣстить миссъ Домби о собакѣ, больше ничего. Прощайте!

И бѣдный Тутсъ, умиравшій отъ желанія принять обязательное приглашеніе, но никогда не имѣвшій силы имъ воспользоваться, подавалъ обычный сигналъ Лапчатому Гусю, и краси- вая шлюпка стрѣлою улетала отъ завѣтнаго берега.

Утромъ, въ день отъѣзда Флоренсы, "Радость Тутса", окруженная необычайнымъ блес- комъ, причалила къ саду сэра Барнета. Когда Флоренса, послѣ разговора съ миссъ Нипперъ, сошла внизъ проститься съ гостепримными хозяевами, м-ръ Тутсъ дожидался ее въ гостиной.

– О, какъ ваше здоровье, миссъ Домби? Я совершенно здоровъ, покорно благодарю. Надѣюсь, вы тоже здоровы. Діогенъ вчера былъ здоровъ.

– Вы очень любезны, м-ръ Тутсъ.

– О, это ничего, покорно благодарю. Я думалъ, не пожелаете ли вы, миссъ Домби, воротиться въ городъ водою. Погода прекрасная, а въ лодкѣ много мѣста и для вашей дѣвушки.

– Очень вамъ благодарна, м-ръ Тутсъ, но я не намѣрена ѣхать водою.

– О, это ничего, миссъ Домби! Прощайте!

– Куда-жъ вы торопитесь? Не угодно ли вамъ подождать леди Скеттльзъ? Она сейчасъ выйдетъ.

– О, нѣтъ покорно благодарю. Это ничего.

М-ръ Тутсъ совершенно растерялся и не зналъ, что предпринять. Въ эту минуту вошла леди Скеттльзъ, и онъ немедленно осадилъ ее вопросомъ о здоровьи. Когда, наконецъ, явился сэръ Барнетъ, м-ръ Тутсъ съ упорнымъ отчаяніемъ ухватился за его руку.

– Сегодня, Тутсъ, – сказалъ сэръ Барнетъ, обращаясь къ Флоренсъ, – скрывается отъ насъ свѣтъ нашего дома.

– О, это ничего, сэръ... то есть, это значить много, очень много, увѣряю васъ. Прощайте!

Но вмѣсто того, чтобы идти послѣ этого рѣшительнаго прощанья, м-ръ Тутсъ остался прикованнымъ къ своему мѣсту и смотрѣлъ во всѣ глаза, какъ шальной. Чтобы выручить бѣднаго парня, Флоренса обратилась съ прощальными привѣтствіями къ леди Скеттльзъ и подала руку сэру Барнету.

– Могу ли просить васъ, милая миссъ Домби, засвидѣтельствовать отъ меня искреннее уваженіе вашему почтенному родителю? – сказалъ сэръ Барнетъ, провожая свою гостью къ каретѣ.

Трудное порученіе для дѣвушки, не имѣвшей ничего общаго съ почтеннымъ родителемъ! Увѣрять сэра Барнета, что радушіе, оказанное ей, было въ то же время услугою м-ру Домби, значило бы отважиться на явную ложь, недоступную для невиннаго сердца. Вмѣсто всякихъ объясненій, Флоренса только поклонилась и поблагодарила сэра Барнета. И опять пришло ей въ голову, что опустѣлый и скучный домъ отца, гдѣ не могло быть такихъ затрудненій, былъ для нея естественнымъ и самымъ лучшимъ убѣжищемъ.

Дѣвочки, еще оставшіяся на дачѣ, выбѣжали изъ комнатъ и изъ сада проститься съ отъѣзжающей подругой, которую всѣ онѣ любили искренне и нѣжно. Даже служанки обступили карету и прощались съ любимой гостьей съ видимымъ сожалѣніемъ. Взглянувъ послѣдній разъ на всѣ эти лица, между которыми особенно выдавались сэръ Барнетъ, леди Скеттльзъ и м-ръ Тутсъ, пучеглазившій издала "на радость" своего сердца, Флоренса припомнила прощальную сцену въ пансіонѣ д-ра Блимбера, откуда Павелъ и она уѣзжали на каникулы... Слезы ручьями потекли изъ глазъ бѣдной дѣвушки, когда карета двинулась съ мѣста.

Горестныя, но утѣшительныя слезы! Воспоминанія цѣлой жизни толпами пронеслись въ этой истерзанной душѣ и быстро смѣняли одно другое. Умиравшая мать, страданія любящаго брата, м-ръ Домби, всегда суровый и надменный, всегда отталкивающий сиротливое дитя, прощальная сцена въ домѣ дяди Соля, нѣжная грусть Вальтера и его послѣднія слова, – всѣ эти образы съ большей или меньшей живостью носились въ воображеніи Флоренсы по мѣрѣ приближенія экипажа къ родительскому дому, который теперь тѣмъ дороже становился для нея послѣ продолжительнаго отсутствія.

Даже Сусанна Нипперъ благосклонно смотрѣла на домъ, въ которомъ прожила столько лѣтъ. Пусть онъ скученъ и мраченъ, но въ эту минуту она прощала ему многое.

– Что и говорить, миссъ, – сказала она, – мнѣ пріятно будетъ его увидѣть. Немного, правда, въ немъ хорошихъ вещей, а все было бы жаль, если бы его разломали или сожгли. Пусть стоит!

– Вы съ удовольствіемъ пройдетесь теперь по старымъ комнатамъ, не правда ли, Сусанна?

– Ну, да, конечно съ удовольствіемъ, миссъ Флой, я и не запираюсь. А все-таки завтра или послѣзавтра я опять стану его ненавидѣть. Это ужъ какъ Богъ святъ!

Но Флоренса чувствовала, что она будетъ жить спокойно подь родительской кровлей. Лучше и удобнѣй хранить свой секретъ между четырьмя мрачными стѣнами, чѣмъ выносить его на вольный свѣтъ и скрывать отъ толпы счастливыхъ глазъ. Отлученная отъ общества людей, она спокойно будетъ продолжать занятія любящаго сердца, не встрѣчая горестныхъ развлеченій со стороны счастливыхъ отцовъ и дочерей. Здѣсь, въ этомъ святилищѣ воспоминаній, она будетъ надѣяться, молиться и терпѣливо ждать счастливой минуты, когда возвратится къ ней отеческое сердце.

Экипажъ, вѣхавшій между тѣмъ въ длинную и темную улицу, приближался къ жилищу м-ра Домби, и Флоренса, обращенная лицомъ въ другую сторону, видѣла уже розовыхъ дѣтей подь окномъ знакомаго дома. Вдругъ Сусанна Нипперъ, смотрѣвшая въ другое окно кареты, воскликнула съ необыкновеннымъ волненіемъ:

– Ахъ, Боже мой! да гдѣ же нашъ домъ? Гдѣ онъ?

– Нашъ домъ? – повторила Флоренса.

Сусанна еще нѣсколько разъ высунулась въ окно и съ безмолвнымъ изумленіемъ начала смотрѣть на свою госпожу, не думая выходить изъ кареты, которая уже остановилась.

Вокругъ всего дома м-ра Домби возвышался лабиринтъ лѣсовъ и подмостокъ отъ фундамента до кровли. Камни, кирпичи, глина, известь, груды бревенъ и досокъ загромождали половину улицы вдоль и поперекъ. Со всѣхъ сторонъ къ стѣнамъ приставлены были лѣстницы, и работники карабкались со своими инструментами, суетились и бѣгали взапуски по настланнымъ доскамъ. У подѣзда стояла телѣга съ огромными свертками различной бумаги, и обойщикъ, войдя въ комнату, глазѣлъ на стѣны, дѣлая отмѣтки и вычисленія для будущихъ орнаментовъ. Ни малѣйшаго слѣда мебели во всемъ домѣ, запруженномъ всякой всячиной отъ кухни до чердаковъ. Кирпичники, маляры, декораторы, плотники, печники возились каждый со своимъ ремесломъ, и строительная дѣятельность была во всемъ разгарѣ. Флоренса въ неописуемомъ изумленіи вышла изъ кареты и даже сомнѣвалась, точно ли это домъ ея отца. Въ дверяхъ встрѣтилъ ее Таулисонъ.

– Ничего не случилось, Таулисонъ?

– О нѣтъ, миссъ.

– Въ домѣ, кажется, большія перемѣны?

– Да, миссъ, большія перемѣны, – отвѣчалъ камердинеръ.

Флоренса прошла мимо, какъ сонная, и поспѣшила наверхъ. Яркій свѣтъ со всѣхъ сторонъ пробивался въ парадныя комнаты, и вездѣ подлѣ стѣнъ стояли подмостки, на которыхъ работали люди въ бумажныхъ колпакахъ. Портретъ ея матери былъ снятъ вмѣстѣ съ мебелью, и на мѣстѣ его мѣломъ сдѣлана надпись: "Комната въ панеляхъ. Зеленая съ золотомъ". Парадная лѣстница превратилась въ лабиринтъ столбовъ и досокъ, а у потолочнаго окна устроился цѣлый олимпъ стекольщиковъ и мастеровъ свинцовыхъ дѣлъ. Комнату Флоренсы еще не тронули, но снаружи и къ ней были приставлены подмостки, затмевавшія дневной свѣтъ. Она пошла въ другую комнату, гдѣ стояла маленькая постель. Здѣсь торчалъ передъ окномъ выпачканный верзила съ трубкой во рту, съ головой, повязанной носовымъ платкомъ.

Немедленно вбѣжала сюда Сусанна Нипперъ.

– Папенька дома, миссъ Флой, – сказала она, – и желаетъ васъ видѣть.

– Дома, и желаетъ говорить со мною! – воскликнула Флоренса, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ.

Сусанна, озадаченная и сама не менѣе Флоренсы, повторила свои слова. Не медля ни минуты, блѣдная, встревоженная, Флоренса побѣжала внизъ. По дорогѣ она думала, осмѣлится ли поцѣловать отца? Сердце, истомленное жаждою любви, давало утвердительный отвѣтъ.

Отец могъ слышать бѣненіе этого сердца. Еще минута, – и она бросилась бы въ его объятія, но...

М-ръ Домби былъ не одинъ. Съ нимъ были двѣ дамы, и Флоренса остановилась. Въ эту минуту съ шумомъ и гвалтомъ вбѣжалъ въ комнату косматый ея другъ Діогенъ, который, послѣ предварительныхъ прыжковъ, означавшихъ радостное привѣтствіе, положилъ свои лапы и морду на грудь воротившейся гостыи. При этомъ явленіи одна изъ дамъ испустила довольно пронзительный крикъ.

– Флоренса, – сказалъ отецъ, протягивая руку съ такою холодною, какъ будто хотѣлъ оттолкнуть свою дочь, – какъ твое здоровье?

Эта же рука, до которой едва дотронулось робкое дитя, протянулась потомъ съ одинаковою нѣжностью къ замочной ручкѣ, чтобы притворить дверь.

– Что это за собака? – сказалъ м-ръ Домби, сердитымъ тономъ.

– Эта собака, папа... изъ Брайтона.

– А! – воскликнулъ м-ръ Домби такимъ тономъ, который показывалъ, что онъ понялъ свою дочь. Пасмурное облако пробѣжало по его лицу.

– Она очень смирна, – продолжала Флоренса, обращаясь къ дамамъ, – только теперь слишкомъ обрадовалась мнѣ. Простите ее.

Тутъ Флоренса увидѣла, что вскрикнувшая дама уже старуха, а другая, стоявшая подлѣ м-ра Домби, молода и прекрасна.

– М-съ Скьютонъ, – сказалъ отецъ, обращаясь къ пожилой леди, – вотъ моя дочь, Флоренса.

– Мила, натуральна, очаровательна! – говорила старуха, лорнируя молодую дѣвушку. – Поцѣлуйте меня, моя милая.

Выполнивъ это желаніе, Флоренса обратилась къ молодой леди, подлѣ которой стоялъ ея отецъ.

– Эдиѡ, рекомендую вамъ мою дочь. Флоренса, эта леди скоро будетъ твоею матерью.

Судорожный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ изумленной дѣвушки, и она смотрѣла на прекрасную даму съ глубокимъ удивленіемъ, любопытствомъ и какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ. Потомъ она вдругъ бросилась на грудь будущей матери и, заливаясь горькими слезами, вскрикнула:

– О панпа, будьте счастливы! во всю жизнь будьте счастливы, милый папа!

Послѣдовало молчаніе. Прекрасная леди, сначала не рѣшавшаяся подойти къ Флоренсѣ, держала ее въ своихъ объятіяхъ и крѣпко пожимала ея руку, какъ будто хотѣла успокоить и утѣшить взволнованную дѣвушку. Она склонила голову надъ ея волосами, цѣловала ея заплаканные глаза, но не произносила ни одного слова.

– Пойдемте же осматривать комнаты. Надо взглянуть, какъ идетъ работа. Вашу руку, м-съ Скьютонъ.

И они пошли. Флоренса между тѣмъ продолжала рыдать на груди прекрасной дамы, которая не двинулась съ мѣста. Вдругъ послышался голосъ м-ра Домби:

– Надо спросить объ этомъ Эдиѡ. Ахъ, Боже мой, да гдѣ же она?

– Эдиѡ! – вскричала м-съ Скьютонъ, – гдѣ ты, моя милая? Вѣрно она ищетъ васъ, м-ръ Домби. Мы здѣсь, мой другъ.

Прекрасная леди высвободилась изъ объятій Флоренсы и поспѣшно удалась къ матери и жениху. Флоренса осталась на томъ же мѣстѣ, счастливая, грустная, въ слезахъ, не понимая, что съ нею дѣлается. Вскорѣ воротилась ея новая мать, и она опять бросилась въ ея объятія.

– Флоренса, – сказала Эдиѡ, проницательно и съ большимъ участіемъ всматриваясь въ лицо дѣвушки, – надѣюсь, вы не начнете съ того, чтобы ненавидѣть меня?

– Васъ ненавидѣть, мама? – вскричала Флоренса, обвиваясь вокругъ ея шеи.

– Такъ вы начнете думать обо мнѣ съ хорошей стороны и станете надѣяться, что я сдѣлаю васъ счастливою. Я буду любить васъ, Флоренса: увѣрьтесь въ этомъ. Прощайте. Скоро мы увидимся опять. Не стойте здѣсь.

Все это Эдиѣ проговорила торопливо, но съ необыкновенной твердостью. Поцѣловавъ еще разъ трепещущую дѣвушку, она вышла въ другую комнату и присоединилась къ м-ру Домби.

Теперь-то наконецъ Флоренса отыщетъ дорогу къ отцовскому сердцу, и подъ руководствомъ новой маменьки ея завѣтныя стремленія увѣнчаются полнымъ успѣхомъ! Во снѣ явилась ей прежняя мать съ лучезарной улыбкой и съ благословеніями на устахъ. Счастливая Флоренса!

Глава XXIX

Мистрисъ Чиккъ

Возставъ отъ сна и воздавъ благодареніе Господу, миссъ Токсъ, въ одно прекрасное утро, изволила въ своей хранилѣ на Княгининомъ Лугу кушать свой обыкновенный завтракъ, какъ-то: французскую булочку, свѣжее яичко въ смятку и крылышко цыпленочка со включеніемъ чашки чаю, перемѣшеннаго и настоеннаго по извѣстному рецепту съ какою-то травой весьма цѣлительнаго свойства. Миссъ Токсъ еще не вѣдала и не гадала, что домъ м-ра Домби обставленъ подмостками и лѣстницами, по которымъ, какъ волшебные духи, карабкаются и спуютъ повсюду странные люди, перевязанные носовыми платками и перетянутые грязными передниками. Окончивъ завтракъ, прелестная дѣва, по заведенному порядку, принялась убирать свою маленькую гостиную, служившую украшеніемъ всего Княгинина Луга.

Утреннія занятія миссъ Токсъ производились методически, по обдуманному плану. Сперва она надѣвала нѣсколько похожія на засохшія листья, старыя перчатки, которыя во всякое другое время тщательно скрывались отъ человѣческаго взора въ одномъ изъ нижнихъ ящиковъ комода. Затѣмъ разыгрывался на клавикордахъ птичій вальсъ, наполнявшій сердце сладостными ощущеніями. Затѣмъ, по естественному сцѣпленію идей, обозрѣвалась пѣвчая птица – очень хорошая птица, голосистая канарейка, услаждавшая громкими трелями музыкальныя уши всего Княгинина Луга. Затѣмъ разставлялись по мѣстамъ хрустальныя и фарфоровыя украшенія съ нѣкоторыми другими принадлежностями, придававшими уютной комнатѣ видъ необыкновенной чистоты и даже невинности. Затѣмъ совершалась ревизія растений, и миссъ Токсъ, вооруженная маленькими ножницами, подстригала нѣкоторые экземпляры съ удивительною ловкостью. Но въ это утро прелестная дѣва медленно и съ какою-то нерѣшительностью приступила къ своимъ ботаническимъ упражненіямъ. Погода была тихая; южный вѣтерокъ, подувавшій въ растворенныя окна, располагалъ душу къ пріятной меланхолии, и миссъ Токсъ, на крыльяхъ быстрой мысли, унеслась далеко за предѣлы шумнаго города. Трактирный мальчикъ изъ "Герба Княгини", курчавый и румяный, въ бѣломъ передникѣ, вышелъ на площадку съ мѣднымъ ведромъ въ одной и ковшикомъ въ другой рукѣ; и началъ поливать весь Княгининъ Лугъ, выдѣлывая очень искусныя водяныя узоры. Отъ этой операціи травянистая почва получила свѣжій и, по выраженію миссъ Токсъ, совершенно растительный запахъ. Слабый лучъ солнца, промелькнувшій изъ-за угла сосѣдней шумной улицы, оживилъ внезапнымъ восторгомъ цѣлыя кучи воробьевъ, запрыгавшихъ и зачирикавшихъ на дымныхъ трубахъ въ ознаменованіе сердечной благодарности дневному свѣтилу. Въ городскихъ предмѣстьяхъ тамъ и сямъ косили пахучую траву, и запахъ свѣжаго сѣна, несмотря на сильное противодѣйствіе разныхъ благовоній на своемъ пути, достигалъ однако-жъ до Княгинина Луга, сообщая отрадныя вѣсти о природѣ и ея цѣлебномъ воздухѣ, столь необходимомъ для жалкихъ плѣтниковъ тѣсныхъ и темныхъ захолустьевъ, сдѣлавшихся притономъ всякаго зловонія... Награди Господь лорда мера и его комитетскихъ чиновниковъ, любителей и покровителей зловонной чумы, отравляющей десятки тысячъ нищихъ братій, дерзнувшихъ искать пріюта въ роскошномъ городѣ, ввѣренномъ ихъ отеческому понечительству!.. Но это въ скобкахъ.

Миссъ Токсъ сидѣла на окнѣ, погруженная въ сладкое раздумье. Она думала о своемъ добродѣтельномъ папенькѣ, м-рѣ Токсѣ, который всю жизнь ловилъ контрабандистовъ со славою и честью и скончался какъ христіанинъ въ объятіяхъ неутѣшнаго семейства. Она провела свое дѣтство на морской пристани, вдыхая запахъ смолы и топленнаго сала. Счастлирое время, золотое время! Гдѣ теперь эти прелестныя луга, покрытыя незабудками и лиліями, луга, на которыхъ паслись коровы, заготовляя матеріалъ для сливочнаго масла! Куда дѣвались эти румяные юноши въ нанковыхъ курткахъ, для которыхъ миссъ Токсъ въ бывалые годы плела вѣнки изъ незабудокъ и дѣлала букеты изъ фіалокъ. Они исчезли, эти юноши въ нанковыхъ

курткахъ, исчезли и съ вѣнками, и съ пламенными клятвами въ ненарушимой вѣрности до гробовой доски! О время, время!.. О нанковыя куртки!..

Миссъ Токсъ вздохнула изъ глубины души, посмотрѣла на трактирную вывѣску, на чирикающихъ воробьевъ и снова задумалась, – задумалась о своей покойной маменькѣ, о ея умиленныхъ добродѣтеляхъ и сильныхъ ревматизмахъ. Въ эту минуту передъ самымъ окномъ прошелъ дюжий колченогій мужчина съ огромной корзиной на головѣ и кричалъ во весь ротъ: "Цвѣты – ландыши, цвѣты – маргаритки, сударыня!" Миссъ Токсъ отвернулася, покачала головой, и мысль о скоротечности человѣческой жизни, неизвѣстно почему, возникла въ ея умѣ со всѣми доказательствами относительно непрочности мірскихъ благъ. Придетъ, и скоро придетъ пора, когда завянетъ и она, Лукреція Токсъ, завянетъ какъ маргаритка, сорванная безжалостной рукою! Да, завянетъ.

И отъ полевой маргаритки мысли миссъ Токсъ незамѣтно перешли къ м-ру Домби, вѣроятно потому, что майоръ уже воротился и учтиво раскланивался съ нею изъ своего окна: иначе какая же другая связь могла быть между маргариткой и мромъ Домби? "Каковъ-то онъ теперь послѣ своего путешествія? – думала миссъ Токсъ. – Успокоилась ли его страждущая душа? Думаетъ ли онъ жениться во второй разъ, и если думаетъ, на комъ? Какой женщинѣ суждено сдѣлаться второю супругою м-ра Домби?"

Яркій румянецъ – погода была жаркая – покрылъ задумчивое лицо миссъ Токсъ, и она съ изумленіемъ замѣтила въ себѣ эту странную перемену, когда увидѣла въ каминномъ зеркалѣ отраженіе своего лица. Румянецъ, еще болѣе яркій, зардѣлся на ея щекахъ, когда появилась на Княгининомъ Лугу небольшая карета, подѣхавшая прямо къ ея дому. Миссъ Токсъ поспѣшно встала, схватила маленькія ножницы и принялась съ большимъ усердіемъ подрѣзывать растенія въ ту минуту, когда вошла въ гостиную м-съ Чиккъ.

– Какъ ваше драгоценное здоровье, милый другъ? – воскликнула миссъ Токсъ, встрѣчая гостью съ распростертыми объятіями.

Какая-то величественная важность отражалась на этотъ разъ во всей фигурѣ м-съ Чиккъ; однако-жъ она обняла своего милаго друга, поцѣловала и сказала съ нѣкоторою торжественностью:

– Благодарю васъ, Лукреція. Я совершенно здорова. Надѣюсь, и вы также. Кге!

Односложный кашель м-съ Чиккъ совершенно особаго свойства служилъ, казалось, предисловіемъ къ настоящему кашлю.

– Сегодня вы очень рано пріѣхали, моя милая, – сказала миссъ Токсъ, – какъ я вамъ благодарна! Не хотите ли позавтракать?

– Благодарю васъ, Лукреція. Братъ мой вернулся изъ Лемингтона, и я завтракала сегодня вмѣстѣ съ нимъ. Кге!

Говоря это, м-съ Чиккъ осматривалась кругомъ по всѣмъ направленіямъ, какъ будто видѣла въ первый разъ уютную комнату своей подруги.

– Надѣюсь, моя милая, теперь получше вашему братцу?

– Благодарю васъ, Лукреція, ему гораздо лучше. Кге!

– Ахъ, милая Луиза, васъ очень беспокоитъ этотъ кашель. Остерегайтесь, мой безцѣнный другъ.

– Благодарю васъ, Лукреція, это ничего. Такъ бываетъ со мной всегда передъ переменною погоды. Мы должны ожидать переменны.

– Въ погодѣ? – спросила миссъ Токсъ наивнымъ тономъ.

– Во всемя, – возразила м-съ Чиккъ. – Конечно должны, и свѣтъ не можетъ обойтись безъ переменны. Лукреція, кто будетъ противорѣчить этой истинѣ, покажетъ только, что у него голова не на своемъ мѣстѣ. Переменны, говорю я, были, есть и будутъ! Пусть покажутъ мнѣ хоть одну вещь, которая не измѣняется. Боже мой, Боже мой! Даже шелковичный червь – насѣко-

мое бессмысленное, безъ чувства, безъ ума, безъ памяти – безпрестанно подвергается самымъ неожиданнымъ и самымъ удивительнымъ переменамъ. Да!

– Какая тонкая, удивительная наблюдательность! Несравненная Луиза всегда вѣрна самой себѣ!

– Благодарю васъ, Лукреція. Вы говорите и думаете искренно, я увѣрена въ этомъ. Надѣюсь, ничто въ свѣтѣ не заставитъ насъ переменить мнѣніе другъ о другѣ.

– О, конечно, моя милая! – возразила миссъ Токсъ.

М-съ Чиккъ откашлянулась, какъ прежде, и принялась выводить на коврѣ разныя фигуры костянымъ концомъ своего зонтика. Миссъ Токсъ, привыкшая къ раздражительности своей прекрасной подруги, воспользовалась этой паузой, чтобы переменить разговоръ.

– Кстати, моя милая, вы, кажется, пріѣхали не однѣ, – сказала миссъ Токсъ, – въ каретѣ я замѣтила лицо вашего супруга.

– Да, м-ръ Чиккъ въ каретѣ. Пусть онъ тамъ и остается. У него газета, которая займетъ его слишкомъ на два часа. Вы можете, Лукреція, подрѣзывать ваши цвѣты, а я посижу и отдохну.

– Несравненная Луиза понимаетъ, что всякія церемоніи бесполезны между такими друзьями, какъ мы. Слѣдовательно...

Но заключеніе договорено не словами, а самымъ дѣломъ. Миссъ Токсъ надѣла перчатки, вооружилась ножницами и начала съ микроскопической заботливостью подстригать растенія. М-съ Чиккъ, склонивъ голову на одну сторону, просидѣла нѣсколько минутъ не говоря ни одного слова и продолжая выводить фигуры на коврѣ.

– Флоренса тоже вернулась домой изъ гостей, и я должна сказать, что Флоренса уже слишкомъ давно ведетъ одинокую жизнь, – заговорила наконецъ м-съ Чиккъ строгимъ и торжественнымъ тономъ, – да, слишкомъ давно. Въ этомъ не слѣдуетъ и сомнѣваться, и тотъ потерялъ бы всякое уваженіе въ моихъ глазахъ, кто сталъ бы противорѣчить этому мнѣнію. Много можно измѣнить, но не все. Кто станетъ съ этимъ спорить? Я, съ своей стороны, не могу наперекоръ очевидности и разсудку приневоливать своихъ чувствъ.

– О конечно, моя милая, какъ это можно! – подтвердила миссъ Токсъ, не совсѣмъ понимая, или, правильнѣе, вовсе не понимая таинственныхъ рѣчей прекрасной подруги.

– Флоренса – странная дѣвушка; это я говорила всегда, и братъ мой, конечно, не виновать, что чувствуетъ нѣкоторую неловкость въ ея присутствіи. Желала бы я знать, кто осмѣлится обвинять Павла Домби? А между тѣмъ что-жъ ему дѣлать послѣ всѣхъ этихъ горестныхъ происшествій, случившихся въ нашей семьѣ? Тутъ одинъ отвѣтъ. Онъ долженъ сдѣлать усиліе. Павелъ Домби въ этомъ случаѣ даже обязанъ сдѣлать усиліе. Наша семья всегда отличалась усиліями, а Павелъ теперь глава семьи, единственный ея представитель. Да, единственный, ибо что такое я? Ничто, или почти ничто!

– Полно, мой ангелъ, что съ вами?...

М-съ Чиккъ отерла слезу, взглянула на потолокъ и продолжала такимъ образомъ:

– Слѣдовательно, говорю я, Павелъ въ настоящемъ случаѣ обязанъ сдѣлать усиліе, и пусть оно пронзитъ кинжаломъ мое сердце, я заранѣе благословляю его. О Боже мой! я слаба, и природа у меня какъ у ребенка. Почему въ этой груди не кусокъ мрамора на мѣсто сердца или просто булыжникъ съ мостовой...

– Полно, мой ангелъ, что съ вами?

– Но такъ или иначе, я съ восторгомъ узнаю, что Павелъ остался вѣрнымъ своему имени, хотя и прежде въ этомъ я не сомнѣвалась. Домби всегда будетъ Домби, и желала бы я знать, кто смѣетъ иначе объ этомъ разсуждать?

Молчаніе. М-съ Чиккъ оглянулась во всѣ стороны, какъ будто дѣлала вызовъ противникамъ своего мнѣнія.

– Одного только я желаю, – замѣтила м-съ Чиккъ, – чтобы и она сдѣлалась достойною этого имени.

Миссъ Токсъ, переливавшая въ эту минуту воду изъ зеленаго кувшинчика, была въ самой высокой степени изумлена серьезнымъ голосомъ и выраженіемъ лица своей подруги. Прекративъ ботаническія занятія, она, въ свою очередь, приняла глубокомысленный видъ и усълась подлѣ м-съ Чиккъ съ явнымъ намѣреніемъ сказать утѣшительное слово.

– Извините меня, милая Луиза; но я осмѣлюсь вамъ по этому поводу сдѣлать скромное замѣчаніе, которое, можетъ быть, не совсѣмъ согласно съ вашими мыслями. Мнѣ кажется, мой ангель, ваша племянница подаетъ большія надежды... да, большія во всѣхъ отношеніяхъ.

– Что вы подъ этимъ разумѣете, Лукреція? Къ чему относится ваше замѣчаніе, и какъ должна я понимать васъ? Объяснитесь.

– Я хотѣла сказать, мой другъ, что Флоренса сдѣлается достойною своего имени.

– Лукреція, вы меня не поняли, – возразила м-съ Чиккъ съ торжественнымъ терпѣніемъ, – впрочемъ, въ этомъ моя вина, а не ваша, потому что я выразилась неясно. Можетъ быть, мнѣ вовсе не слѣдовало говорить вамъ о такомъ предметѣ, но прежняя наша короткость... а я думаю, Лукреція, и даже увѣрена, ничто не разорветъ нашей дружбы. И что могло бы охладить насъ другъ къ другу? Конечно, ничто, и было бы глупо объ этомъ думать. Это мое неизмѣнное мнѣніе. Итакъ, Лукреція, я должна выразиться яснѣе. Поймите же, что мои замѣчанія относились не къ Флоренсѣ, – отнюдь нѣтъ!

– Въ такомъ случаѣ, извините, мой ангель, я васъ совсѣмъ не поняла. У меня теперь, право, какой-то туманъ въ головѣ.

М-съ Чиккъ выглянула на улицу и принялась осматривать комнату по всѣмъ направленіямъ, останавливая свой взоръ на растеніяхъ, на канарейкѣ, на зеленомъ кувшинѣ, на всемъ, кромѣ самой хозяйки. Но дошла, наконецъ, очередь и до миссъ Токсъ. Бросивъ на нее быстрый и пронизательный взглядъ, м-съ Чиккъ опустила глаза въ землю, нахмурила брови и разразилась такими словами:

– Лукреція, особа, которая должна сдѣлаться достойною своего имени, это – вторая жена моего брата Павла Домби. Вступить во второй бракъ – его неизмѣнное намѣреніе. Кажется, я объ этомъ говорила, хотя, можетъ быть, другими словами.

Миссъ Токсъ вскочила, какъ ужаленная и, подбѣжавъ къ растеніямъ, принялась подстригать стебельки и вѣтки съ такою же неблагосклонностью, какъ цирюльникъ иной разъ подчищаетъ щетинистую бороду какого-нибудь бѣдняка.

– Пойметъ ли она отличіе, которое ей дѣлають, – продолжала м-съ Чиккъ, – это другой вопросъ. Надѣюсь, что пойметъ. Мы обязаны въ этомъ мѣрѣ хорошо думать о своихъ ближнихъ. Моего совѣта не требовали, да оно и лучше. Мое мнѣніе въ этомъ дѣлѣ было бы принято свысока или съ обидной снисходительностью. Такъ ужъ пусть идутъ дѣла сами по себѣ.

Миссъ Токсъ еще ниже нагнулась къ горшкамъ и съ большимъ усердіемъ подстригала растенія.

– Если бы Павелъ посовѣтовался со мной, какъ это иногда онъ дѣлаетъ, – иродолжала м-съ Чиккъ, преодолевая истерическій припадокъ, – или лучше, какъ это онъ дѣлывалъ... теперь ужъ конечно мои совѣты не нужны, да и слава Богу, меньше отвѣтственности... я не ревнива и не завистлива, Боть съ ними! – Здѣсь м-съ Чиккъ залилась горькими слезами. – Такъ если бы Павелъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: "Луиза, какихъ достоинствъ посовѣтуешь ты искать въ моей будущей женѣ?" – я бы отвѣчала прямо и рѣшительно: "Хорошая семья, красота, образованіе, связи, – вотъ чего ты долженъ искать во второй супругѣ." – Да, именно я выразилась бы этими словами, хоть бы потомъ нести голову на плаху. Пусть посадятъ меня въ тюрьму, я и въ тюрьмѣ стану говорить: "Павель! женись во второй разъ, и не на женщинѣ изъ высшаго круга! Женись не на красавицѣ! Женись на женщинѣ безъ образованія, безъ связей!" Нужно съ ума сойти, чтобы думать иначе объ этомъ предметѣ. Да, съ ума сойти!

Лучъ надежды мелькнулъ въ головѣ миссъ Токсъ.

– Но я еще не сошла съ ума, а потому и говорю, что внушаетъ здравый смыслъ. Я вовсе не приписываю себѣ высокаго ума, хотя нѣкоторые люди почему то всегда приходили въ изумленіе отъ моихъ талантовъ; можетъ быть, они перемѣняютъ свое мнѣніе, и очень скоро! но все же я не была и не буду отъявленной душой. За это ручаюсь. И пусть попробуютъ сказать м_н_ѣ, что братъ мой Павелъ Домби можетъ соединиться съ кѣмъ бы то ни было... да, с_ъ к_ѣ_м_ъ б_ы т_о н_и б_ы_л_о – эти слова произнесены были съ особенной запальчивостью, – кто не имѣетъ этихъ достоинствъ!.. о Боже мой, да это была бы смертельная обида! Все равно, если бы сказали, что я рождена и воспитана между слонами, никакъ не меньше! А впрочемъ, на этомъ свѣтѣ надобно готовиться ко всякимъ обидамъ. Я и готовлюсь. Дерзкія мнѣнія не удивляютъ меня!

Послѣдовало молчаніе. Ножницы миссъ Токсъ звякнули два, три раза, ея платье заколыхалось, но лицо было тщательно скрыто между листьями. М-съ Чиккъ, послѣ внимательныхъ наблюденій, которыя, казалось, удовлетворили ея ожиданія, продолжала болѣе спокойнымъ тономъ:

– Слѣдовательно, братъ мой, вступая во второй бракъ, сдѣлалъ то, что и должно было ожидать отъ Павла Домби. Признаюсь однако-жь, это меня изумляетъ, хотя пріятно изумляетъ. Когда Павелъ выѣхалъ изъ города, я никакъ не ожидала, чтобы у него могла родиться за городомъ какая-нибудь привязанность, хотя я очень хорошо знала, что здѣсь онъ ни въ кого не влюбленъ. Какъ бы то ни было, партія во всѣхъ отношеніяхъ самая приличная, такъ что лучше и желать нельзя. Мать, безъ всякаго сомнѣнія, женщина тонкая и со вкусомъ, и, разумѣется, я не въ правѣ осуждать, зачѣмъ она желаетъ жить вмѣстѣ съ ними; это – дѣло Павла, а не мое. Невѣсты я еще не видала, но, судя по портрету, она – красавица первой руки. Имя у ней прекрасное, мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что Эдиѳъ – необыкновенное и вмѣстѣ высокое имя. Стало быть, Лукреція, я не сомнѣваюсь, вы съ удовольствіемъ услышите, что свадьба будетъ на этихъ дняхъ и, конечно, съ восторгомъ узнаете объ этой перемѣнѣ въ положеніи моего брата, который столько разъ удостаивалъ васъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ.

Вмѣсто словеснаго отвѣта, миссъ Токсъ дрожащею рукою взяла лейку и повела блуждающимъ взоромъ вокругъ комнаты, какъ будто соображая, какую часть мебели надлежало вспырнуть содержащуюся влагою. Въ эту минуту отворилась дверь. Миссъ Токсъ вздрогнула, захохотала и безъ всякихъ предварительныхъ объясненій бросилась въ объятія вошедшей особы, не сознавая, къ счастью, возвышеннаго негодованія м-съ Чиккъ и мефистофелевской радости майора, который все это время сидѣлъ у себя подъ окномъ съ двухствольной трубкой.

Высокая честь держать въ объятіяхъ прелестную дѣву, упавшую въ обморокъ, досталась ма долю горемычнаго туземца, который, по именному предписанію своего владыки, пришель навѣдаться о состояніи драгоцѣннаго здоровья миссъ Токсъ. При этомъ посольствѣ въ инструкцію его вошли еще другія очень строгія предписанія, которыхъ – увы! – исполнить было невозможно, несмотря на бдительный надзоръ яростнаго властелина, слѣдившаго за всѣми происшествіями черезъ двухствольную трубку. Бѣдный туземецъ трепеталъ за свои кости.

А между тѣмъ миссъ Токсъ, прильнувъ къ груди неожиданнаго пришельца, тихонько смачивала его теплой влагой изъ зеленаго кувшинчика, остававшагося въ ея рукахъ, какъ будто посланникъ майора Багстока былъ тропическимъ растеніемъ (оно и справедливо), требовавшимъ на европейской почвѣ поливанія искусственнымъ дождемъ. М-съ Чиккъ, сначала не принимавшая никакого участія въ безмолвной сценѣ, приказала, наконецъ, туземцу положить свое бремя на софу и удалиться. Вслѣдъ за тѣмъ она принялась съ большимъ усердіемъ оживлять безчувственную подругу.

Но въ хлопотахъ м-съ Чиккъ отнюдь не было замѣтно того нѣжнаго участія, которое обыкновенно характеризуетъ дочерей Евы, когда онѣ въ подобныхъ случаяхъ ухаживаютъ одна за другой. Не сестра милосердія, а палачъ среднихъ вѣковъ, палачъ вѣковъ, столь оплакиваемыхъ и въ Англіи многими добродѣтельными людьми, стоялъ теперь передъ несчастной жен-

щиной, приводимой въ чувство единственно для приготовления къ новымъ безошаднымъ пыткамъ. Спиртъ, духи, соль, холодная вода и другія испытанныя средства употреблены были въ дѣло съ полнымъ успѣхомъ. Но когда миссъ Токсъ мало-по-малу пришла въ себя и открыла глаза, м-съ Чиккъ отпрянула отъ нея, какъ отъ злодѣя, и вновь явилась передъ ней, какъ передъ Гамлетомъ тѣнь отца, но не съ кроткимъ и печальнымъ взоромъ, а съ проклятіями и укорами на грозномъ челѣ.

– Лукреція, – сказала м-съ Чиккъ, – я не стану скрывать своихъ чувствъ. Это бесполезно. Глаза мои открылись однажды навсегда. Не далѣе какъ за часъ самъ архангелъ не увѣрилъ бы меня въ томъ, что теперь ясно, какъ день.

– Обыкновенная слабость, – лепетала миссъ Токсъ, – не беспокойтесь. Скоро я совсѣмъ оправлюсь.

– Скоро вы совсѣмъ оправитесь! – повторила миссъ Чиккъ съ презрительнымъ негодованіемъ. – Думаете ли вы, что я ослѣпла? Воображаете ли, что я глупа, какъ ребенокъ! Благодарю васъ, Лукреція, благодарю!

Миссъ Токсъ устремила на подругу умоляющій взоръ и приставила платокъ къ заплаканнымъ глазамъ.

– Если бы кто другой началъ увѣрять меня въ этомъ, – продолжала м-съ Чиккъ величественнымъ тономъ, – мнѣ кажется, я бы готова была поразить его, какъ безстыднаго клеветника. Благодарю васъ, Лукреція Токсъ. Глаза мои открылись однажды навсегда. Спала съ нихъ роковая повязка, и слѣпота дружескаго довѣрія не имѣетъ болѣе мѣста. Лукреція Токсъ, вы играли мной какъ мячикомъ, вы лукавили и кривили душой наперекоръ моей искренности! Конецъ теперь вашимъ интригамъ, увѣряю васъ.

– О, на что вы намекаете, мой ангелъ, съ такою жестокостью! – проговорила миссъ Токсъ, задыхаясь отъ слезъ.

– На что я намекаю? Спросите собственное сердце, Лукреція Токсъ. А между тѣмъ убѣдительно прошу уволить меня отъ вашихъ фамильярныхъ нѣжностей. Во мнѣ еще осталось чувство уваженія къ самой себѣ, хотя, быть можетъ, вы этого не думаете.

– Луиза, Луиза! какъ вы можете говорить подобнымъ языкомъ!

– Какъ могу я говорить подобнымъ языкомъ? – возразила м-съ Чиккъ, которая, за недостаткомъ болѣе подходящихъ аргументовъ, думала уничтожить свою противницу презрительнымъ повтореніемъ ея же восклицаній. – Подобнымъ языкомъ! И вы еще объ этомъ спрашиваете!

Миссъ Токсъ плакала навзрыдь.

– Вы вошли черезъ меня почти въ довѣренность къ моему брату и обвили въ его очага, какъ змѣя, подколотная змѣя, которая за всѣ благодѣянія хочетъ вонзить жало въ сердце своего благодѣтеля! И Лукреція Токсъ изволила питать надежду превратиться въ м-съ Домби! О Боже мой! Да это такая колоссальная нелѣпость, изъ-за которой, право, почти не стоитъ выходить изъ себя!

– Ради Бога, Луиза, не говорите такихъ страшныхъ вещей!

– Страшныхъ вещей! – повторила м-съ Чиккъ, – страшныхъ вещей! Да развѣ не сейчасъ вы доказали очевиднѣйшимъ образомъ, что не можете скрывать своихъ чувствъ даже предо мною! Развѣ не сейчасъ спала страшная повязка, которую вы такъ искусно нахлобучили мнѣ на глаза?

– Я не жаловалась и не сказала ничего, – отвѣчала миссъ Токсъ, раздражаясь громкимъ плачемъ. – Ваше извѣстіе, Луиза, конечно, поразило меня до нѣкоторой степени, и если прежде я имѣла слабую надежду, что м-ръ Домби чувствуетъ ко мнѣ нѣкоторую привязанность, то не в_а_мъ бы, Луиза, осуждать меня съ такою безошадною строгостью.

– Не мнѣ бы! То есть, она хочетъ сказать, что я сама ее поощряла! – воскликнула м-съ Чиккъ, обращаясь къ мебели, какъ будто и бездушныя вещи должны были сдѣлаться вопіющими свидѣтелями буйнаго сумасбродства. – Да, да, я это зыаю, я вижу это по ея глазамъ!

– Я не жалуясь, милая Луиза, и не упрекаю васъ; но для собственнаго оправданія...

– Конечно, конечно! – воскликнула м-съ Чиккъ, осматривая мебель съ пророческой улыбкой. – Только этого недоставало! Объяснитесь же, Лукреція Токсъ, объяснитесь прямо и рѣшительно, что у васъ на умѣ! Будьте откровенны хоть разъ съ вашимъ другомъ, Лукреція Токсъ! Я уже приготовлена ко всему.

– Для собственнаго оправданія, милая Луиза, и только для оправданія, я хотѣла бы спросить васъ: развѣ не вы первая подали мнѣ эту мысль? Развѣ не говорили вы нѣсколько разъ, что, судя по всему, исполненіе ея не подвержено никакому сомнѣнію?

М-съ Чиккъ поспѣшно оставила кресла, прошла по комнатѣ, подняла голову вверхъ и, обращаясь на этотъ разъ не къ мебели, а къ небесамъ, произнесла самымъ торжественнымъ тономъ:

– Есть предѣлъ, за которымъ человѣческое терпѣніе становится смѣшнымъ и даже преступнымъ. Я могу вынести многое, но не все, потому что я человѣкъ. Тяжелая мысль отягочала мою душу, когда я собралась сегодня въ этотъ домъ. Не знаю, какъ назвать и какъ опредѣлить эту мысль, но если бываютъ предчувствія на этомъ свѣтѣ, то я предчувствовала ужасную, неотразимую бѣду. Сбылось предчувствіе, оправдалась тайная тревога сердца! Довѣренность многихъ лѣтъ уничтожилась въ одну минуту! Крѣпкія узы дружбы разорвались, распались безъ жалости и безъ милосердія! Какое воображеніе представитъ сцену ужаснѣе той, которая такъ неожиданно и такъ мгновенно раскрылась передъ моими піазами! Я ошибалась въ васъ, Лукреція Токсъ, и теперь вижу васъ въ истинномъ свѣтѣ. Всему конецъ, всему предѣлъ, всему вѣчная память! Лукреція Токсъ, прощайте! Желаю вамъ добра, и всегда буду желать вамъ только одного добра; но какъ человѣкъ и какъ женщина, вѣрная самой себѣ, постоянная въ своихъ правилахъ и всегда уважающая чувства чести и долга, какъ сестра моего брата, какъ золовка его жены, и, наконецъ, какъ урожденная Домби... вы понимаете; я не могу теперь пожелать вамъ ничего, кромѣ добраго утра. Прощайте, Лукреція Токсъ!

Съ этими словами м-съ Чиккъ, гордая сознаниемъ своей правоты и чувствомъ нравственнаго достоинства, сдѣлала шагъ къ дверямъ. Остановившись еще разъ въ положеніи грозной статуи, она кивнула головой и отправилась къ каретѣ искать утѣшенія въ объятіяхъ своего супруга, м-ра Чиккъ.

То есть, это сказано аллегорически, для красоты слога, а собственно говоря, объятія м-ра Чиккъ завалены были газетными листами. Джентльменъ этотъ не обратилъ даже никакого вниманія на свою драгоценную половину и только изрѣдка украдкой бросалъ на нее косвенныя взгляды. Онъ читалъ и по временамъ мурлыкалъ нѣкоторые отрывки изъ любимыхъ арій. Странное равнодушіе!

Тѣмъ страннѣе, что м-съ Чиккъ испускала глубокіе вздохи, обращала очи къ небесамъ, кивала головой и вообще вела себя такимъ образомъ, какъ будто еще чинила грозный судъ надъ преступною Лукреціею Токсъ. Наконецъ, внутреннее волненіе м-съ Чиккъ выразилось громкимъ и даже пронзительнымъ восклицаніемъ:

– Вотъ до какой степени открылись сегодня мои глаза!

– До какой же степени, моя милая? – пробормотала м-ръ Чиккъ.

– О, не спрашивай меня!

– Я и не спрашиваю. Ты сама навязываешься, мой ангель.

– Его жена взволнована до послѣдней крайности и почти выходитъ изъ себя, а онъ и не думаетъ спросить, что съ нею случилось!

– Ну, такъ что же такое случилось, моя милая?

– И эта несчастная осмѣлилась питать низкую надежду вступить въ бракъ съ Павломъ Домби! И когда она играла въ лошадки съ невиннымъ младенцемъ, – мнѣ никогда не нравились эти игры, – кто бы могъ подумать, что въ этой женщинѣ плодятся коварные замыслы соединиться съ нашей семьей! Низкая тварь! Но я надѣюсь, небесное правосудіе не оставитъ ее безъ наказанія.

– Къ чему-жь тутъ вмѣшиваться небесному правосудію, моя милая? – слегка возразилъ м-ръ Чиккъ, почесавъ переносье газетнымъ листомъ. – До нынѣшняго утра ты, кажется, и сама была не прочь отъ такого родства. Партія, пожалуй, довольно приличная, – ты именно была этихъ мыслей?

М-съ Чиккъ заплакала навзрыдь и сказала озадаченному супругу, что онъ можетъ, если захочетъ, растоптать ее ногами, только не обижать постыдной клеветой. М-ръ Чиккъ замолчалъ.

– Но съ Лукреціей Токсъ у меня покончено все, – начала м-съ Чиккъ послѣ короткой паузы. – Пусть Павелъ лишаетъ меня довѣренности въ пользу особы, которая, какъ я надѣюсь и увѣрена, имѣетъ полное право замѣнить бѣдную Фанни; пусть онъ извѣщаетъ меня о такой перемѣнѣ со своей обыкновенной холодностью, – я не сержусь и не сѣтую, что заранѣе не спросили моего совѣта? Но хитрыхъ замысловъ, но двуличности, но низкихъ уловокъ, – вотъ чего я не терпѣла и не терплю. Поэтому я все покончила съ Лукреціей Токсъ. Тяжело мнѣ было, но что же дѣлать? Во всемъ надо полагаться на волю Божію. Да оно и къ лучшему, если разсудить спокойно и безъ пристрастія. Павелъ попадаетъ теперь въ высшій кругъ, и его новые родственники – аристократы чистѣйшей крови. Разумѣется, знакомство какой-нибудь Токсъ могло бы компрометировать и его, и меня. Во всемъ видень перстъ Божій, и рука Всевышняго иногда спасаетъ насъ даже противъ нашей воли. Велико было мое искушеніе сегодня, но я не жалуясь и не ропщу.

Глава XXX Передъ свадьбой

Быстро идетъ впередъ архитектурная дѣятельность въ домѣ м-ра Домби. Шумъ, крикъ, стукъ, непрерывная бѣготня взадъ и впередъ отъ ранняго утра до поздняго вечера. Діогенъ видитъ грабителя на каждомъ шагу, лаеетъ безъ умолку и безпардонно отъ солнечнаго восхода до заката, и убѣждается противъ воли, что дерзкій непріятель все перевернетъ вверхъ дномъ. Новыя перемѣны, новыя декорации встрѣчаетъ удивленный взоръ каждое утро; но... но нѣтъ и нѣтъ перемѣны въ образѣ жизни отверженной дочери м-ра Домби. По вечерамъ, когда работники уходятъ, Флоренса прислушивается къ ихъ шагамъ и воображаетъ, съ какою радостью возвращаются они въ веселыя семейства, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ ихъ оставленные дѣти. А она одна, всегда одна, и домъ ея отца, по крайней мѣрѣ по ночамъ, все тотъ же опустѣлый, скучный, заколдованный домъ.

Но уже не съ тоской, какъ прежде, встрѣчала она наступающую ночь. Яркая надежда оживляла ея сердце. Прекрасная леди, цѣловавшая ее въ той самой комнатѣ, гдѣ нѣкогда безжалостный отецъ растерзалъ ея любящую душу, рисовалась въ ея воображеніи свѣтлымъ ангеломъ небесной благодати. Въ дали, еще туманной, но постепенно проясняющейся, уже мерцала для нея разсвѣтъ новой жизни, когда сердце отца будетъ, наконецъ, побѣждено, и материнская любовь озаритъ ее тѣмъ же свѣтомъ, который нѣкогда изсякъ на ея губахъ вмѣстѣ съ послѣдней искрою жизни, угасшей въ день рожденія Павла.

Думая о новой матери съ любовью и безпредѣльной довѣрчивостью, Флоренса больше и больше любила свою покойную мать. Она не боялась ихъ соперничества въ своемъ сердцѣ. Новый цвѣтокъ выросталъ изъ глубоко-посаженнаго корня, который не могъ быть вырванъ никакою человѣческою силою. Каждое нѣжное слово изъ устъ прекрасной леди отзывалось для Флоренсы эхомъ голоса, давно умолкнувшаго, но затаеннаго навѣкъ въ ея осиротѣломъ сердцѣ. Память о покойной матери была для нея исходнымъ пунктомъ всякой нѣжности и любви: какая же другая привязанность могла истребить или ослабить это чувство?

Прошло нѣсколько дней послѣ визита прекрасной леди. Флоренса сидѣла въ своей комнатѣ и читала книгу; но мысли ея уносились далеко и отъ книги, и отъ уединенной комнаты. Вдругъ отворяется дверь, и входитъ м-съ Грэйнджеръ.

– Мама! – воскликнула Флоренса, бросаясь въ объятія дамы. – Вотъ вы опять здѣсь!

– Еще не мама! – возразила леди съ кроткой улыбкой, прижимая Флоренсу къ своей груди,

– Все равно: вы скоро будете моею матерью!

– Да, моя милая, скоро, очень скоро.

Нѣсколько минутъ Эдиѡ не говорила ни слова, лаская кудри и цѣлуя розовыя щеки прекрасной дѣвушки. Во всей фигурѣ ея выражалась необыкновенная нѣжность, и Флоренса была растрогана еще болѣе, чѣмъ въ первое свиданіе. Эдиѡ посадила ее подлѣ себя, и онѣ держали другъ друга за руки, обѣ проникнутыя одинаковымъ чувствомъ участія и любви.

– Ты все была одна, Флоренса, со времени нашего свиданія?

– О да, я была одна!

Флоренса спуталась и потупила глаза въ землю, потому что лицо ея матери вдругъ приняло слишкомъ серьезное выраженіе.

– Я... я привыкла къ одиночеству, – продолжала Флоренса, – и оно меня нисколько не тревожитъ. Случается иной разъ, я и Ди¹⁶ сидимъ вмѣстѣ по цѣлымъ днямъ однѣ-одинехоньки.

¹⁶ Ди уменьшительная форма мужского имени Diogenes и женскаго Diana. Эдиѡ, вѣроятно, подумала, что рѣчь идетъ о Дианѣ.

Флоренса могла бы сказать: по цѣлымъ недѣлямъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ.

– Эта Ди твоя горничная, мой ангель?

– Моя собака, – отвѣчала Флоренса улыбаясь. – Горничная у меня – Сусанна.

– А это твои комнаты? – спросила Эдиѡ, осматриваясь кругомъ. – Странно, мнѣ ихъ не показывали прошлый разъ. Ихъ надобно передѣлать, Флоренса. Твои комнаты должны быть лучшими во всемъ домѣ.

– Если бы мнѣ позволили перемѣнить ихъ, мама, такъ я бы выбрала для себя одну комнату, тамъ, наверху.

– Развѣ это не довольно высоко, дитя мое?

– Но та комната моего брата, и я очень ее люблю. Я хотѣла просить объ этомъ папеньку, когда воротилась домой и увидѣла перестройки, но...

Флоренса остановила глаза изъ опасенія встрѣтить пронизательный взглядъ прекрасной маменьки.

– Но я побоялась его побезпокоить этой просьбой, а потомъ разсудила, что лучше всего обратиться къ вамъ, мама, такъ какъ вы скоро будете полной хозяйкой въ этомъ домѣ.

Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ съ дѣтской наивностью, Эдиѡ, въ свою очередь, потупила глаза, и Флоренса съ изумленіемъ увидѣла поразительную перемѣну въ красотѣ этой леди. По первымъ впечатлѣніямъ, Эдиѡ должна была показаться гордой и величавой красавицей; но теперь манеры ея были столь кротки и столь нѣжны, что будь она даже ровесницей Флоренсы, и тогда ея обращеніе не могло бы вызвать на большую откровенность.

Странно однако-жъ: Флоренсѣ – даже простосердечной Флоренсѣ – показалось, будто маменька ея чувствуетъ какую-то неловкость, и это сдѣлалось слишкомъ замѣтнымъ послѣ того, какъ ей сказали, что она будетъ полной хозяйкой въ этомъ домѣ. Очень странно!

Между тѣмъ относительно комнатъ прекрасная леди общалась выполнить все какъ можно скорѣе и какъ можно лучше. Потомъ онѣ потолковали нѣсколько минутъ о бѣдномъ Павлѣ, о житейскихъ дѣлахъ, и, наконецъ, Эдиѡ объявила, что хочетъ увезти Флоренсу къ себѣ домой.

– Мы сегодня переѣхали съ матушкой въ Лондонъ, – сказала она, – и ты останешься у насъ, мой ангель, до моего замужества; намъ надобно узнать покорооче другъ друга.

– Какъ вы добры, милая мама! Какъ я вамъ благодарна!

– Теперь вотъ что, моя милая, – продолжала Эдиѡ, понизивъ голосъ и осматриваясь кругомъ, – такъ какъ мы теперь совершенно однѣ, то я пользуюсь случаемъ дать тебѣ очень важный совѣтъ, который ты непременно должна исполнить. Послѣ свадьбы мы съ твоимъ отцомъ уѣдемъ на нѣсколько недѣль, и я желаю, чтобы въ мое отсутствіе ты воротилась домой. Кто бы ни просилъ тебя погостить или отлучиться на нѣсколько дней, непременно поѣзжай домой и не слушайся никого. Лучше быть одной, чѣмъ... я хочу сказать, мой ангель, что дома, въ этихъ комнатахъ, тебѣ будетъ гораздо лучше, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ.

– Я ворочусь домой, мама, въ самый день вашего отъѣзда.

– Именно такъ. Помни же общаніе. Теперь собирайся ѣхать со мной. Я пойду въ залъ и стану тебя ждать.

Медленно и спокойно будущая хозяйка пошла по огромному дому, не обращая ни малѣйшаго вниманія на великолѣпіе и роскошь, уже замѣтныя на каждомъ шагу. Это была та же красавица, которая, укротивъ внутреннюю бурю, гуляла между густыми деревьями въ лемингтонской рошѣ: та же неукротимая гордость души, то же презрѣніе во взорѣ и на устахъ, та же дикая надменность, вооруженная негоаваніемъ противъ самой себя и противъ всего окружающаго. Великолѣпный чертогъ, казалось, еще больше пробуждалъ это негодованіе. Искусственныя розы на стѣнахъ и на коврахъ впивались колючими шипами въ ея истерзанную грудь; въ каждой позолотѣ сверкали атомы ненавистнаго металла, оцѣнившаго ея красоту; въ каждомъ зеркалѣ во весь ростъ выставлялась женщина, высокая по своей натурѣ, но униженная

грустнымъ ярмомъ нищеты и презрѣнная въ собственныхъ глазахъ. И всѣ это видятъ, – думала она, – и нѣтъ ей спасенія нигдѣ, кромѣ какъ въ той же гордости, которая день и ночь терзаетъ ея собственную грудь.

И неужели эту женщину укрощаетъ невинная дѣвочка, сильная только своимъ просто-сердечіемъ и откровенностью? Неужели всѣ эти страсти, даже самая гордость, потухаютъ отъ одного взгляда беззащитной сироты? О да, о да! посмотрите на нихъ въ эту минуту: онѣ обнявшись сидятъ въ каретѣ, и Флоренса, съ лепетомъ любви и отрадной надежды, приютила голову на ея груди. Пусть попробуетъ теперь кто-нибудь обидѣть беззащитную сироту! Гордая Эдиѡъ броситъ тысячу жизней, если нужно ими пожертвовать для спасенія ребенка!

Умри Эдиѡъ! Лучше и полезнѣе умереть тебѣ именно въ эту минуту, чѣмъ доживать до конца свою долгую, долгую жизнь!

Какъ бы не такъ! Ея впрствѣ м-съ Скьютонъ уже давно строжайшимъ образомъ запретила произносить въ своемъ присутствіи низкое слово смерть. Переѣхавъ въ Лондонъ, она расположилась въ Брукъ-Стритѣ, на Гросвеноръ-скверѣ, въ великолѣпномъ домѣ своего знаменитаго, бывшаго въ отсутствіи родственника, лорда Феникса, который, по поводу брачной сдѣлки, очень охотно уступилъ свой чертогъ, надѣясь, что одолженіе будетъ уже послѣднимъ подаркомъ для м-съ Скьютонъ и ея прекрасной дочки. И вотъ въ этомъ разукрашенномъ домѣ прекрасная Клеопатра, окруженная блестящей свитой, величественно возлежала на софѣ между бархатными подушками, вполнѣ готовая принимать высокыхъ гостей. На первый разъ вниманіе ея пробуждено было пріѣздомъ Эдиѡи и Флоренсы.

– Какъ твое здоровье ангельчикъ Флоренса? Подойди ко мнѣ, душенька, поцѣлуй меня, Флоренса робко остановилась, отыскивая бѣлое мѣсто на лицѣ м-съ Скьютонъ; но почтенная леди подставила ей ухо, и такимъ образомъ вывела ее изъ затрудненія.

– Милая Эдиѡъ, – сказала м-съ Скьютонъ, – я рѣшительно... подойди немножко къ свѣту, ангельчикъ Флоренса.

Флоренса повиновалась.

– Ты не помнишь, милая Эдиѡъ, – продолжала м-съ Скьютонъ, – какою была ты въ возрастѣ нашей очаровательной Флоренсы или немножко помоложе ея?

– Я давно забыла этотъ возрастъ, мама.

– Я рѣшительно думаю, что наша очаровательная малютка чрезвычайно похожа на то, чѣмъ сама ты была въ ея лѣта. А это показываетъ, что со временемъ можно изъ нея сдѣлать, если хорошенько приняться за ея образованіе.

Послѣднія слова были произнесены такимъ тономъ, изъ котораго значилось, что м-съ Скьютонъ считала еще неначатымъ развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ въ будущей дочери Эдиѡи. вмѣсто отвѣта, Эдиѡъ бросила на мать суровый взглядъ, поставившій ее въ нѣкоторое затрудненіе. Чувствовалась необходимость сдѣлать приличную диверсію.

– Подойди ко мнѣ, ангельчикъ Флоренса, поцѣлуй меня еще разъ, душенька.

Флоренса должна была приложить опять свои губы къ морщинистому уху м-съ Скьютонъ.

– Слыхала ли ты, душенька, – сказала м-съ Скьютонъ, удерживая за руку робкую дѣвушку, – что твой папа, котораго мы всѣ любимъ до безумія, женится на этой недѣлѣ на моей безцѣнной Эдиѡи?

– Мнѣ говорили, что свадьба будетъ скоро; но когда именно, я не знала.

– Неужели? Какъ это, милая Эдиѡъ, ты до сихъ поръ не сказала этого Флоренсѣ?

– Развѣ я должна была это говорить? – возразила дочь съ такою колкостью, что Флоренса почти не узнала ея голоса.

Дѣлая другую, болѣе счастливую диверсію, м-съ Скьютонъ объявила Флоренсѣ, что м-ръ Домби сегодня будетъ у нихъ обѣдать и, безъ сомнѣнія, съ пріятнымъ изумленіемъ увидитъ свою дочь. М-ръ Домби совсѣмъ не знаетъ о пріѣздѣ Флоренсы, и Эдиѡъ все это устроила безъ его вѣдома, когда онъ поутру занимался дѣлами въ Сити. Пріятный, очень пріятный сюр-

призь. Флоренса слушала эту вѣсть съ величайшимъ волненіемъ, которое возросло, наконецъ, до такой степени, что за часъ до обѣда, не смѣя и не зная, какъ объяснить сущность дѣла, не компрометируя м-ра Домби, она чуть не рѣшилась убѣжать домой пѣшкомъ, безъ шляпы и безъ шали, лишь бы только не встрѣтиться съ грознымъ отцомъ.

Но Флоренса не ушла домой. Блѣдная, испуганная, не переводя духу, она осталась пригвожденною на мѣстѣ подлѣ м-съ Скьютонъ. Она не смѣла подойти къ окну изъ опасенія, что отецъ увидитъ ее черезъ улицу, не смѣла перейти въ другую комнату изъ опасенія встрѣтиться въ дверяхъ съ м-ромъ Домби. Клеопатра между тѣмъ болтала вздоръ, и блѣдная дѣвушка принуждена была поддерживать разговоръ. Вдругъ послышались на лѣсницѣ мѣрные шаги ожидаемаго джентльмена.

– Онъ идетъ, – закричала Флоренса въ страшномъ испугѣ. – Онъ идетъ!

Клеопатра, любившая съ дѣтскимъ увлеченіемъ театральные эффекты, немедленно толкнула Флоренсу за софу, накрыла ее шалью и, такимъ образомъ, приготовила очаровательный сюрпризь для м-ра Домби. Это было сдѣлано съ такою быстротою, что Флоренса тутъ же услышала среди комнаты страшные шаги.

М-ръ Домби церемонно поздоровался съ тещей и нареченной невѣстой. Отъ звуковъ его голоса судорожный трепеть распространился по всѣмъ членамъ блѣдной дѣвушки.

– Любезный м-ръ Домби, – заголосила Клеопатра, – подойдите ко мнѣ и скажите пожалуйста, все ли въ добромъ здоровьи ваша прелестная Флоренса?

– Флоренса совершенно здорова.

– Она теперь дома?

– Дома, – сказалъ м-ръ Домби.

– Увѣрены ли вы, любезный м-ръ Домби, что меня не обманываете? Не знаю, какъ приметъ мои слова ваша милая невѣста; но мнѣ, право кажется, что вы самый фальшивый человекъ, любезнѣйшій мой м-ръ Домби.

Вѣрно и мѣтко. Фальшивѣйшій изъ людей былъ пойманъ въ эту минуту въ самой ужасной фальшивости, о какой только слышали когда-либо человѣческія уши. М-съ Скьютонъ сорвала шаль, и Флоренса, блѣдная и трепещущая, явилась предъ отцомъ, какъ страшный призракъ изъ за могилы. М-ръ Домби остолбенѣлъ. Преодолевая внутреннюю бурю, Флоренса бросилась къ нему на шею, поцѣловала его въ щеку и, не помня болѣе себя, побѣжала изъ комнаты. М-ръ Домби посмотрѣлъ вокругъ себя, желая потребовать отъ кого-нибудь объясненій загадочной сцены; но Эдию побѣжала также за Флоренсой.

– Согласитесь же, м-ръ Домби, – начала м-съ Скьютонъ, – вы никогда не были какъ пріятно изумлены во всю вашу жизнь: не правда ли?

– Точно, я никогда не былъ такъ изумленъ.

– Такъ пріятно изумлены, любезный м-ръ Домби; не скромничайте, – возразила м-съ Скьютонъ.

– Точно... я радъ видѣть здѣсь Флоренсу, – сказалъ м-ръ Домби.

– Конечно, вы удивляетесь, какъ она очутилась здѣсь, – спросила м-съ Скьютонъ, – не правда ли?

– Эдию, можетъ быть...

– О хитрецъ! о лукавый, лукавый человекъ! – воскликнула м-съ Скьютонъ, погрозивъ пальцемъ, – такихъ вещей не должно бы рассказывать. Мужчины такъ тщеславны и такъ безбожно издѣваются надъ нашей слабостью; но моя душа, вы знаете, открыта передъ всѣми... хорошо, сейчасъ!

Послѣднія слова относились къ одному изъ высочайшихъ лакеевъ, возвѣстившему объ обѣдѣ.

– Но Эдию, любезный мой Домби, привязана къ вамъ, можетъ быть, больше, чѣмъ вы заслуживаете; она безпрестанно хотѣла бы быть вмѣстѣ съ вами. Напрасно я говорю: "нельзя

этого требовать, мой другъ, у м-ра Домби есть другія дѣла", – ничего не хочетъ слышать. И вотъ поэтому она желаетъ имѣть хоть кого-нибудь, кто бы напоминалъ ей васъ. Не правда ли, какъ это натурально! Нынѣшнимъ утромъ ничто не могло ее удержать отъ поѣздки за нашей милой Флоренсой! Не правда ли, какъ это очаровательно!

Здѣсь м-съ Скьютонъ остановилась въ ожиданіи отвѣта, и м-ръ Домби отвѣчалъ:

– Чрезвычайно очаровательно!

– Благослови васъ Богъ, любезный мой м-ръ Домби, за такую правоту сердца, – воскликнула Клеопатра, крѣпко пожимая его руку. – Но я уже принимаю слишкомъ серьезный тонъ. Сойдемте теперь внизъ и посмотримъ, что эти люди приготовили намъ къ обѣду.

Флоренса и Эдиѡ были уже въ столовой и сидѣли рядомъ. При входѣ м-ра Домби Флоренса хотѣла встать, чтобы уступить ему свой стулъ, но Эдиѡ положила руку на ея плечо, и м-ръ Домби долженъ былъ помѣститься на противоположномъ концѣ стола.

М-съ Скьютонъ приняла на себя трудъ поддерживать весь разговоръ. Флоренса сидѣла молча и едва поднимала глаза, не совсѣмъ осушенные отъ слезъ, а Эдиѡ ограничивалась только отвѣтами на вопросы.

– Стало быть, теперь, любезный м-ръ Домби, всѣ приготовленія съ вашей стороны приведены къ концу? – сказала Клеопатра, когда подали на столъ десертъ, и сѣдоловый буфетчикъ удался. – Даже судебныя формальности окончены?

– Да, м-съ, свадебный контрактъ, какъ сегодня меня извѣстили, совсѣмъ готовъ, и милой моей невѣстѣ остается только назначить день свадьбы, о чемъ я и прошу ее убѣдительноше.

Эдиѡ сидѣла, какъ прекрасная статуя, холодная, спокойная, неподвижная.

– Что жъ ты, мой ангелъ, – сказала Клеопатра, – слышишь, что говоритъ м-ръ Домби? Какъ она разсѣянна, бѣдняжка! Знаете ли, м-ръ Домби? Ваша невѣста напоминаетъ мнѣ, и живо напоминаетъ, тѣ дни, когда ея папа находился въ вашемъ положеніи.

– Пусть будетъ свадьба, когда вамъ угодно. Вы не нуждаетесь въ моемъ назначеніи, – сказала Эдиѡ, едва взглянувъ черезъ столъ на м-ра Домби.

– Въ такомъ случаѣ завтра?

– Пусть!

– Или, можетъ быть, лучше послѣзавтра?

– Когда вамъ угодно. Я въ полномъ вашемъ распоряженіи. Поступайте, какъ думаете и какъ хотите. У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ.

– Никакихъ дѣлъ, моя милая! – возразила мать, – тогда какъ цѣлый день ты въ ужасныхъ хлопотахъ отъ утра до ночи! Съ одними этими магазинщицами сотни договоровъ и заказовъ!

– Это по вашей части, мама. Вы и м-ръ Домби можете устраивать все, какъ знаете.

– Ты разсуждаешь умно, мой ангелъ, и это дѣлаетъ тебѣ честь! – сказалъ Клеопатра. – Флоренса, подойди сюда и поцѣлуй меня, душенька.

Странное дѣло: всякій разговоръ, даже самый мелочной, какъ скоро участвовала въ немъ Эдиѡ, Клеопатра непремѣнно заключала нѣжнымъ обращеніемъ къ Флоренсѣ, которой, конечно, во всю жизнь не приходилось расточать столько поцѣлуевъ, какъ въ этотъ достопамятный день. Скромная дѣвушка не подозрѣвала, какую огромную пользу эти поцѣлуи приносили м-съ Скьютонъ.

М-ръ Домби, въ глубинѣ души, былъ какъ нельзя болѣе доволенъ странными манерами своей прекрасной невѣсты. Ея надменность и холодность, само собою разумѣется, были самою лучшею рекомендаціею для Домби и Сына. Притомъ, гордая со всѣми, она однако жъ почти-тельно склоняется передъ его особой и не прекословитъ ему ни въ чемъ: статья особенно заманчивая! Лестило самолюбію м-ра Домби и то обстоятельство, что эта женщина, составляя честь его дома, будетъ вмѣстѣ съ нимъ обдавать холодомъ его гостей.

Такъ разсуждалъ м-ръ Домби, оставшись одинъ за обѣденнымъ столомъ и погруженный въ глубокія думы о прошедшей и будущей судьбѣ. Наружная обстановка соответствовала какъ

нельзя лучше этимъ думамъ. Душный воздухъ столовой залы, темнобурая стѣны съ черными картинами и гербами, двѣ дюжины черныхъ стульевъ, разставленныхъ въ правильной симметріи какъ гробы, ожидавшіеся только факельщиковъ и наемныхъ плакальщиковъ для начатія похоронной процессіи, два сухопарыхъ негра, поддерживавшихъ на буфетѣ изсохшія вѣтви канделябровъ, и затхлый запахъ отъ десятковъ тысячъ обѣдовъ, погребенныхъ въ этомъ саркофагѣ, – все это превосходно согласовалось съ настроеніемъ духа сосредоточеннаго мыслителя. Владѣлецъ дома жилъ за границей, такъ какъ воздухъ Англіи, по какимъ-то причинамъ, уже давно оказывался вреднымъ для благородныхъ членовъ фамиліи Фениксовъ. Комнаты постепенно погружались въ глубокой трауръ, и недоставало только трупа, чтобы превратить ихъ въ погребальные склепы.

На случай, пожалуй, оконченълая фигура м-ра Домби съ успѣхомъ могла бы замѣнить и этотъ недостатокъ.

Сумерки тянулись очень долго, и свѣчи были поданы поздно, такъ какъ м-съ Скьютонъ при огнѣ чувствуетъ всегда головную боль. Въ этотъ промежутокъ м-съ Скьютонъ постоянно бесѣдовала съ Флоренсой или заставляла ее играть на фортепьяно для собственнаго удовольствія, или подзывала ее для нѣжныхъ поцѣлуевъ, и это случалось всякій разъ послѣ того, какъ Эдиѣ дѣлала какое-нибудь замѣчаніе. Впрочемъ, поцѣлуи были теперь не такъ часты, потому что Эдиѣ все время сидѣла подлѣ открытаго окна, несмотря на заботливое предостереженіе матери отъ простуды. Въ такомъ, почти совершенно безмолвномъ положеніи оставалась она до тѣхъ поръ, пока женихъ ея не собрался домой. Во время прощанья м-ръ Домби былъ очень милостивъ со своею дочерью, и Флоренса отправилась въ спальню подлѣ комнаты Эдиѣ до того спокойная и счастливая, что въ прошедшемъ видѣла въ себѣ совсѣмъ другую бѣдную дѣвочку-сиротку, достойную сожалѣнія. И она плакала объ этой дѣвочкѣ, пока не уснула.

Недѣля проходила скоро. Ъздили въ магазины, къ модисткамъ, ювелирамъ, нотаріусамъ, цвѣточницамъ, кондитерамъ. Флоренса была вездѣ и у всѣхъ. Флоренса поѣдетъ въ церковь. Флоренса скинетъ трауръ и нарядится въ модное платье. Планы на этотъ счетъ модистки французенки, очень похожей на м-съ Скьютонъ, были такъ изящны и великолѣпны, что м-съ Скьютонъ заказала и себѣ такое же платье. Мадамъ замѣтила, что м-съ Скьютонъ будетъ обворожительна, и всѣ стануть считать ее сестрою прекрасной невесты.

Недѣля проходила еще скорѣе. Эдиѣ не смотрѣла ни на что, не заботилась ни о чемъ. Богатые наряды приносились на домъ, примѣривались, модистки и м-съ Скьютонъ приходили въ живѣйшій восторгъ и укладывали ихъ, куда и какъ слѣдуетъ. Эдиѣ не дѣлала никакихъ замѣчаній. М-съ Скьютонъ составляла планы на каждый день и сама приводила ихъ въ исполненіе. Иногда Эдиѣ садилась въ карету и отправлялась въ магазины, какъ скоро нельзя было безъ нея обойтись; но это случалось очень рѣдко. М-съ Скьютонъ обо всемъ хлопотала сама и одна завѣдывала всѣми дѣлами, а Эдиѣ смотрѣла на всѣ распоряженія съ величайшимъ равнодушіемъ, какъ лицо, совершенно постороннее.

Недѣля промчалась съ удивительною быстротой, и наступила послѣдняя ночь передъ свадьбой. Въ гостиной засѣдали м-съ Скьютонъ и м-ръ Домби. Было очень темно, такъ какъ у м-съ Скьютонъ по обыкновенію болѣла голова, хотя съ завтрашнимъ утромъ она надѣялась совсѣмъ освободиться отъ этой боли. Эдиѣ сидѣла у открытаго окна и смотрѣла на улицу. М-ръ Домби и Клеопатра тихонько разговаривали на софѣ. Было очень поздно, и Флоренса уже отправилась спать.

– Любезный м-ръ Домби, – начала Клеопатра, – завтра вы навсегда лишаете меня общества милой Эдиѣ, и я хочу просить васъ оставить у меня Флоренсу.

– Съ большимъ удовольствіемъ, если вамъ угодно.

– Благодарю васъ. Вы оба ѣдете въ Парижъ, и безъ вашей милой дочери я бы осталась въ совершенномъ уединеніи. Мысль, что я буду содѣйствовать образованію ума и сердца прелестной Флоренсы, прольетъ отрадный бальзамъ въ мою душу, любезный м-ръ Домби.

М-ръ Домби повторилъ, что онъ съ восторгомъ оставляетъ свою дочь въ такихъ надежныхъ рукахъ.

Эдию быстро повернула голову. Невидимая въ темнотѣ, она внимательно прислушивалась къ разговору, и лицо ея, прежде безжизненное, выражало теперь живѣйшее участіе.

– Премного благодарна вамъ, любезный м-ръ Домби, за ваше доброе мнѣніе, – продолжала Клеопатра. – Я боялась, что вы имѣете злой умыселъ осудить меня на совершенное затворничество, какъ выражаются наши адвокаты, эти страшнѣйшіе прозаики въ цѣломъ мірѣ.

– Отчего такая несправедливость ко мнѣ, любезная м-съ Скъютонъ?

– Да оттого, что Флоренса объявила наотрѣзъ, что она завтра воротится домой, – отвѣчала м-съ Скъютонъ. – Я начинала считать васъ, любезный Домби, порядочнымъ тираномъ вродѣ турецкаго паши.

– Увѣряю васъ, м-съ, я не дѣлалъ никакихъ распоряженій относительно Флоренсы. Во всякомъ случаѣ, эти распоряженія отнюдь не будутъ противорѣчить вашимъ желаніямъ.

– О, я знала, вы порядочный льстецъ, м-ръ Домби. Говорятъ впрочемъ, у льстецовъ нѣтъ сердца, тогда какъ ваша нѣжная чувствительность составляетъ украшеніе и отраду вашей жизни. Что это? неужели вы хотите домой?

Было очень поздно, м-ръ Домби собирался идти.

– О Боже мой! сонъ это или мрачная дѣйствительность! – воскликнула м-съ Скъютонъ. – Такъ это правда, милый Домби, что завтра утромъ вы покидаете у бѣдной матери ея единственное сокровище, ея ненаглядную дочь?

М-ръ Домби, привыкшій ионимать вещи въ буквальномъ смыслѣ, отвѣчалъ, что покишеній не будетъ никакихъ, и что они встрѣтятся съ Эдиюю въ церкви.

– Нѣтъ на свѣтѣ пытки мучительнѣе той, какую испытываетъ бѣдная мать при разставаніи съ единственною дочерью, хотя бы эта дочь вручалась вамъ, любезнѣйшій м-ръ Домби. – Я слаба, и тревоги сердца во мнѣ всегда брали верхъ надъ холоднымъ размышленіемъ; но будьте увѣрены, м-ръ Домби, завтра я призову всю твердость духа и безропотно покорюсь неизбѣжной судьбѣ. Благословляю васъ отъ всего моего сердца! Милая Эдию, кто-то уходитъ, дитя мое! Опомнись, мой ангель!

Эдию, не обращавшая опять никакого вниманія на разговоръ, встала со своего мѣста, но не сдѣлала шагу впередъ и не сказала ни слова. М-ръ Домби поспѣшилъ подойти къ невѣстѣ и, поцѣловавъ ея руку, произнесъ съ величавою торжественностью, прилично настоящему случаю:

– Завтра поутру я буду имѣть счастье стоять передъ алтаремъ вмѣстѣ съ м-съ Домби.

Затѣмъ онъ поклонился и вышелъ, держа голову вверхъ.

Лишь только затихъ величественный скрипъ сапогъ м-ра Домби, м-съ Скъютонъ позволила и велѣла подать огня. Вмѣстѣ со свѣчами горничная принесла то блистательное платье, которому предопредѣлено завтрашнимъ утромъ воспламенить мужскія сердца; но покамѣстъ, теперь, въ этомъ блистательномъ нарядѣ старуха была еще отвратительнѣе и ужаснѣе, чѣмъ въ своей фланелевой кофтѣ. Этого не видѣла и не подозрѣвала м-съ Скъютонъ. Любуясь передъ зеркаломъ и принимая обворожительныя дѣвическія позы, Клеопатра рассчитывала на убійственные эффекты, которыхъ неминуюемо жертвой прежде другихъ долженъ былъ сдѣлаться майоръ Багстокъ. Скинувъ, наконецъ, обворожительное платье, а вмѣстѣ съ нимъ и прочія принадлежности туалета, Клеопатра развалилась въ одно мгновеніе, какъ карточный домикъ.

Во все это время Эдию оставалась у темнаго окна и смотрѣла на улицу. Когда, наконецъ, въ комнатѣ не осталось никого, кромѣ матери, она – первый разъ въ этотъ вечеръ – оставила свое мѣсто и стала передъ софой напротивъ м-съ Скъютонъ.

– Я устала до смерти, – сказала м-съ Скъютонъ. – На тебя ни въ чемъ нельзя положиться. Ты хуже маленькаго ребенка, да и ребенокъ не можетъ быть упрямѣе и капризнѣе тебя.

– Выслушайте меня, матушка, – начала Эдию, не обратив ни малѣйшаго вниманія на ея слова. – Вы должны, до моего возвращенія изъ Парижа, оставаться въ этомъ домѣ однѣ, совершенно однѣ.

– Я должна оставаться одна, Эдию, до твоего возвращенія? – повторила м-съ Скъютонъ. – Что это значить?

– Это значить, что если вы не согласитесь остаться однѣ, то я завтра въ церкви отрекусь отъ руки этого человѣка, которому собираюсь дать такую ложную и позорную клятву, или я упаду мертвая на церковной паперти.

Тревожный взоръ матери отнюдь не успокоился встрѣчей съ непреклоннымъ взглядомъ дочери. М-съ Скъютонъ не отвѣчала ничего. Эдию продолжала твердо и рѣшительно:

– Пусть остаемся мы съ вами тѣмъ, что есть; этого довольно. Я не хочу и не допущу, чтобы юное, невинное созданіе унизилось наравнѣ со мною. Ни за какія блага въ свѣтѣ я не потерплю, чтобы для забавы моей матери развратилась и погибла беззащитная сирота, которая должна теперь найти во мнѣ свою естественную опору. Теперь вы знаете мое мнѣніе. Флоренса должна уѣхать домой.

– Ты съ ума сошла, Эдию, – закричала взбѣшенная мать. – Думаешь ли ты найти спокойствіе въ этомъ домѣ, покуда она не выйдетъ замужъ?

– Спросите лучше, ожидаю ли я когда-либо найти спокойствіе въ этомъ домѣ?

– И вотъ награда за всѣ мои труды, за всѣ попеченія! вотъ благодарность за блестящее положеніе въ свѣтѣ, которое устраивается чрезъ меня! Я не гожусь быть компаньонкой какой-нибудь дѣвочки! я ее развращаю! отъ меня надобно бѣжать, какъ отъ чумы! Да кто же ты, наконецъ, м-съ Домби? Ты кто?

– Этотъ вопросъ, матушка, – отвѣчала Эдию, блѣдная какъ смерть и указывая на окно, – предлагала я себѣ нѣсколько разъ, когда сидѣла вотъ тамъ, и погибшія подобія моего пола съ клеймомъ безстыдства проходили мимо... Богу извѣстно, какой отвѣтъ я получила. О мать моя, мать моя! если бы по крайней мѣрѣ въ невинный возрастъ дѣтства вы бросили меня на произволъ случая, на произволъ собственныхъ влеченій моего сердца!.. но для меня не было невинныхъ возрастовъ!

Понимая бесполезность обнаруженія безсильнаго гнѣва, м-съ Скъютонъ зарыдала и начала произносить горькія жалобы, что она зажила на свѣтѣ слишкомъ долго, что собственное дѣтище отрекается отъ нея, что въ эти несчастныя времена забыты обязанности къ родителямъ, – что она слышитъ чудовищныя упреки, и что, наконецъ, она сойдегъ съ печалью въ гробъ.

– Лучше, гораздо лучше лежать въ могилѣ, – вопіяла м-съ Скъютонъ, – чѣмъ выносить всѣ эти ужасы! О Боже мой! собственное дѣтище, собственная плоть и кровь питаетъ противъ меня злобу отъявленнаго врага?

– Время взаимныхъ упрековъ между нами, матушка, уже прошло, не возобновляйте его!

– Да не ты ли возобновляешь это несчастное время? Тебѣ извѣстна моя чувствительность, и, какъ нарочно, ты поражаешь меня безъ всякой пощады, и въ какое время! когда я должна всячески позаботиться, чтобы завтра выставить себя въ приличномъ свѣтѣ! Удивляюсь тебѣ, Эдию. Превращать свою мать въ безобразное чучело, и когда? въ день своей свадьбы!!!

– Я сказала, что Флоренса должна ѣхать домой.

– Ну, и пусть уѣзжаетъ! – скороговоркой отвѣчала запуганная мать. – Я даже рада, что она уѣдетъ. Что мнѣ въ этой дѣвчкѣ?

– А для меня эта дѣвочка то, что изъ за нея, матушка, я готова отречься отъ васъ, точно такъ же какъ хотѣла отречься отъ него завтра въ церкви. Въ ея грудь не долженъ западать зародышъ того зла, которое развилось и окрѣпло во мнѣ: въ этомъ вамъ ручаюсь. Оставьте ее въ покоѣ и откажитесь разъ навсегда отъ намѣренія преподавать ей уроки, которыми пользовалась собственная ваша дочь. Это – не трудное условіе для васъ.

– Конечно, если бы ты предложила его, какъ нѣжная дочь; но такія до крайности оскорбительныя слова...

– Оскорбительныхъ рѣчей болѣе не будетъ. Надѣюсь, наши отношенія кончились. Идите своей дорогой и наслаждайтесь плодами своихъ трудовъ. Забавляйтесь, веселитесь, наряжайтесь, сколько вамъ угодно, и будьте счастливы. Цѣли нашихъ жизней достигнуты. Каждая изъ насъ пойдетъ своей дорогой. Съ этого часа ни слова о прошедшемъ. Прощаю вамъ вашу долю въ завтрашнемъ позорѣ. За себя стану просить Бога.

Затѣмъ она пожелала м-съ Скьютонъ спокойной ночи и отправилась въ свою спальню твердымъ и мѣрнымъ шагомъ, который, казалось, подавлялъ всякое волненіе ея души,

Но тѣмъ большая тревога возстала въ этой душѣ, когда она осталась одна. Пятисотъ разъ прошла она взадъ и впередъ между блестящими уборами къ завтрашнему утру. Ея волосы распустились, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ, бѣлая грудь побагровѣла отъ ударовъ ея мстительной руки, и она, казалось, хотѣла растерзать въ конецъ свою собственную красоту, ненавистную, презрѣнную, опозоренную. Такъ проводила послѣднюю ночь передъ свадьбой Эдиѳъ въ борьбѣ со своимъ безпокойнымъ духомъ, неукротимымъ подъ ярмомъ всеильнаго рока.

Наконецъ, случайно прикоснулась она къ отворенной двери, которая вела въ комнату Флоренсы.

Эдиѳъ вздрогнула, остановилась и заглянула туда.

При свѣтѣ мерцающей лампы она увидѣла спящую дѣвушку въ расцвѣтѣ невинности и красоты. Эдиѳъ притаила дыханіе, и какая-то невольная сила повлекла ее къ Флоренсѣ.

Ближе и ближе подходила она, и наконецъ, губы ея прильнули къ нѣжной рукѣ, свѣсившейся съ постели. Это прикосновеніе имѣло дѣйствіе того ветхозавѣтнаго жезла, который нѣкогда источилъ живительную воду для народа, погибавшаго отъ жажды.

Эдиѳъ стала на колѣни подлѣ постели, спустила растрепанные волосы на подушку, и слезы ручьями заструились изъ ея глазъ.

Такъ провела Эдиѳъ Грэйнджеръ послѣднюю ночь передъ свадьбой.

Глава XXXI

Свадьба

Разсвѣтъ, со своимъ безстрастнымъ, блѣднымъ лицомъ, робко прокрадывается въ церковь, подъ которой покоится прахъ маленькаго Павла и его матери, и уныло заглядываетъ въ окна. Холодно и мрачно. Ночь держится еще на мраморномъ полу и гнѣздится въ углахъ и закоулкахъ. Уже виденъ циферблатъ на часахъ высокой колокольни, еще сѣрый и туманный, но готовый служить маякомъ на бурномъ морѣ человѣческихъ суетъ, еще не всплывшихъ на поверхность послѣ вечерняго отлива. Спитъ утомленный городъ крѣпкимъ сномъ богатыря, и утренняя заря еще не смѣетъ заглянуть въ его окна.

Тревожно проносясь и летая вокругъ церкви, разсвѣтъ оплакиваетъ свое кратковременное царство, и слезы его капаютъ на стекла оконъ, и деревья вокругъ церковныхъ стѣнъ ровно склоняютъ свои головы, изъявляя сочувствіе дружескимъ шелестомъ лъстевъ. Ночь постепенно блѣднѣетъ и съ трепетомъ оставляетъ церковь, но еще упорно держится въ сводахъ и прячется среди гробовъ. Мало-по-малу наступаетъ день: колокольный циферблатъ очистился отъ сѣраго тумана, разсвѣтъ осушаетъ свои слезы, подавляетъ жалобы и, выгнавъ ночь изъ послѣдняго ея убѣжища, въ испугѣ запирается самъ въ церковныхъ сводахъ и между мертвецами, до тѣхъ поръ, пока свѣжая ночь въ свою очередь не выгонитъ его оттуда.

Полчища мышей, занимавшихся всю ночь молитвенниками усердныхъ христіанъ, спѣшатъ укрыться въ своихъ норахъ и въ испугѣ собираются вмѣстѣ, слышавъ шумъ у церковныхъ дверей. Сторожъ и надзиратель могилъ рано являются въ это утро; но еще раньше ихъ пришла и дожидалась въ церковной оградѣ м-съ Миффъ, смотрительница церковныхъ ложъ¹⁷, сухопарая, пискливая старуха въ нищенскомъ салопѣ.

Еще болѣе нищенская шляпка украшаетъ голову м-съ Миффъ, проникнутую неутолимой жаждой шиллинговъ и полушиллинговъ. Привычка заманивать въ ложи сообщила м-съ Миффъ какой-то видъ таинственности, и она получила удивительную способность распознавать, съ какой стороны больше можно надѣяться звонкой благостыни. Посѣтители знали м-съ Миффъ, и м-съ Миффъ знала ихъ какъ нельзя лучше. Былъ когда-то, – а можетъ и не былъ, – лѣтъ двадцать назадъ м-ръ Миффъ, но его всѣ забыли, и м-съ Миффъ никогда на него не намекала. Оно и лучше. М-ръ Миффъ – не тѣмъ будь помянутъ – былъ большой вольнодумецъ и даже, говорятъ, держался мнѣнія относительно свободныхъ мѣстъ¹⁸. Конечно, м-съ Миффъ надѣется, что м-ръ Миффъ удостоился небеснаго блаженства, а можетъ быть, и не удостоился, какъ знать? – дѣло темное.

Много хлопотъ для м-съ Миффъ сегодня. Она чиститъ пелены, встряхиваетъ ковры, выбиваетъ подушки, и при этомъ языкъ ея не умолкаетъ ни на минуту. Свадьба будетъ, богатая свадьба. М-съ Миффъ навѣрно знаетъ, что перестройка дома и мебелировка комнатъ стоили жениху пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ: легко сказать! а у невѣсты – это тоже знаетъ м-съ Миффъ – за душой ни полушки. Равнымъ образомъ м-съ Миффъ очень хорошо помнитъ – какъ будто это случилось вчера – похороны первой жены, за похоронами крестины, за крестинами другія похороны и, рассказывая объ этомъ, она кстати вымываетъ мыломъ мраморную доску на памятникѣ маленькаго Павла. Во все это время м-ръ Саундсъ, церковный сторожъ, сидитъ

¹⁷ Въ англиканской церкви каждое семейство имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, или ложу, реу. Смотритель этихъ ложъ, обязанный содержать въ чистотѣ, запираетъ и отпиратъ ихъ, называется реу-орепег. Мѣсто этого служителя, послѣ его смерти, иногда переходитъ къ его вдовѣ, которая тоже, какъ здѣсь м-съ Миффъ, называется реу-орепег. *Примѣч. перев.*

¹⁸ Назначеніе опредѣленныхъ мѣстъ для cadaго богомольца сопряжено съ неудобствами, и англиканское духовенство хотѣло отмѣнить этотъ обычай. Хлопоты не привели ни къ чему, и странный обычай остался въ прежнемъ видѣ. Понятно теперь, въ чемъ заключалось вольнодумство м-ра Миффа, защищавшаго, наперекоръ личнымъ выгодамъ, необходимость оставить церковныя ложи свободными. *Примѣч. перев.*

на паперти, грѣтся на солнць (другихъ занятій м-рь Саундсъ почти не имѣть; въ холодную погоду онъ грѣтся у печки) и, кивая головой, одобряетъ всѣ сказанія м-съ Миффъ, "А не слышали ли вы, м-съ Миффъ, – спрашиваетъ онъ, – невѣста, говорятъ, необыкновенная красавица?" М-съ Миффъ даетъ утвердительный отвѣтъ, и м-рь Саундсъ, обожатель женской красоты, наперекоръ строгому благочестію, дѣлаетъ энергическое замѣчаніе: "Да, чортъ побери, лихая, говорятъ, баба, сорвиголова". Отъ этихъ словъ м-съ Миффъ приходитъ въ справедливое негодованіе.

Въ домѣ м-ра Домби усиленное деиженіе и суматоха, особенно, между женщинами. Всѣ онѣ на ногахъ съ четырехъ часовъ утра и къ шести одѣты въ полномъ парадѣ. Горничная, очевидно, оказываетъ величайшее, даже необыкновенное вниманіе къ особѣ м-ра Таулисона, и кухарка, за поданнымъ завтракомъ, остроумно замѣчаетъ, что одна свадьба всегда ведетъ другую: этому горничная не вѣритъ, и такое мнѣніе въ глазахъ ея не имѣетъ смысла. М-рь Таулисонъ не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній, и вообще онъ немножко сердитъ, что наняли какого-то иностранца съ бакенбардами – у Таулисона нѣтъ бакенбардъ – провожать счастливую чету въ Парижъ. М-рь Таулисонъ того мнѣнія, что нечего ждать добра отъ иностранцевъ, что всѣ они никуда не годятся. Дамы находятъ, что это въ нѣкоторомъ родѣ предразсудокъ, а м-рь Таулисонъ говоритъ: "хорошъ предразсудокъ! взгляните-ка на Бонапарта: онъ былъ первый между ними, зато и нагадилъ больше всѣхъ!" – "Справедливо, м-рь Таулисонъ", заключаетъ горничная.

Кондитеръ съ самага утра готовитъ великолѣпный завтракъ въ резиденціи м-съ Скьютонъ, и высочайшіе лакеи смотрятъ на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Отъ одного изъ нихъ сильно несетъ хересомъ, и въ глазахъ его предметы начинаютъ принимать странныя формы. Сознывая въ себѣ эту слабость, молодой человѣкъ говоритъ, что у него мишень, то есть, мигрень, хотѣлъ онъ сказать – и не сказалъ.

Колокольные звонари давно пронюхали богатую свадьбу и дѣлаютъ за городомъ симфоническія репетиціи. Бубенщики съ косарями¹⁹ и трубачи предчувствуютъ отмѣнную добычу. Первые заранѣе угрожаютъ своимъ нашествіемъ и соглашаются только въ случаѣ щедрой платы пощадить аристократическіе уши отъ демонской тревоги; послѣдніе отправляютъ депутата въ особѣ искуснаго тромбона, который стоитъ за угломъ и выжидаетъ мясника, чтобы освѣδο-миться о мѣстѣ и часѣ параднаго завтрака. Тревожное ожиданіе проникаетъ въ отдаленныя захолустья Лондона. Съ Чистыхъ Прудовъ приводитъ м-рь Перчъ свою супругу къ служанкамъ м-ра Домби, съ которыми она отправится въ церковь смотрѣть свадьбу. М-рь Тутсъ въ своихъ апартаментахъ облачается въ произведенія Борджессъ и Компаніи: онъ будетъ смотрѣть на торжественный обрядъ изъ секретнаго угла на галлереѣ, куда поведетъ и Лапчатого Гуся. Тамъ, наконецъ, м-рь Тутсъ располагаетъ открыть своему наставнику всю правду истинную и сказать ему: "Конечно, другъ любезный, не хочу больше тебя обманывать: пріятель, на котораго столько разъ я намекалъ, не кто другой, какъ самъ я. Миссъ Домби – предметъ моей страсти. Что теперь у тебя на умѣ, и какой совѣтъ подашь ты своему нѣжному другу?" А между тѣмъ Лапчатый Гусь, въ ожиданіи сюрприза, сидитъ на кухнѣ м-ра Тутса, клюетъ бифштексъ и засовываетъ свой клювъ въ кружку шотландскаго пива. На Княгининомъ Лугу м-съ Токсъ суетится возлѣ своего гардероба: и она, огорченная дѣва, рѣшается подарить шиллингъ м-съ Миффъ и посмотрѣть изъ потаеннаго уголка на пышную церемонію, сокрушившую роковымъ ударомъ ея чувствительное сердце. Квартира деревяннаго мичмана оживлена необыкновенной дѣятельностью. Капитанъ Куттль въ странныхъ полусапожкахъ и высочайшихъ воротничкахъ сидитъ въ полномъ парадѣ за своимъ завтракомъ и внимательно слушаетъ Тудля, который, по

¹⁹ Есть въ Лондонѣ особая шайка промышленниковъ, – магщц-bones and clavers, ремесло которыхъ состоитъ въ нарушеніи спокойствія новобрачныхъ. Лишь только новобрачные, по выходѣ изъ церкви, сядутъ за столъ, они схватываютъ кости, дубины, черепки и поднимаютъ адскій гвалтъ на цѣлую улицу. Только значительная сумма денегъ заставляетъ ихъ удалиться или не приходиться. совсѣмъ. *Примѣч. перев.*

его приказанію, читаетъ для него вѣнчальную службу, дабы капитанъ во всей ясности мотъ разумѣть въ самой церкви торжественную назидательность этого таинства. Для этой цѣли капитанъ съ важностью даетъ по временамъ приказанія своему чтецу вродѣ слѣдующихъ: "Станьте на якорь, любезный. Переверните листокъ и читайте снова. Вы за пастора, а я буду говорить: аминь". Проба кончилась удовлетворительнымъ образомъ, и капитанъ заранѣе проникся благоговѣйнымъ духомъ.

Много въ этотъ день было хлопотъ для особъ всякаго чина и званія. Двадцать нянекъ въ улицѣ м-ра Домби обѣщали показать своимъ питомцамъ – брачный инстинктъ развивается, какъ извѣстно, отъ самой колыбели – великолѣпную свадьбу и заранѣе побрели съ ними въ церковь.

Кузень Фениксъ воротился изъ-за границы съ нарочитымъ намѣреніемъ присутствовать на свадьбѣ. Лѣтъ за сорокъ кузень Фениксъ былъ первѣйшимъ франтомъ въ цѣломъ городѣ; да и теперь еще, одѣтый щегольски, онъ смотритъ молодцомъ, хотя посторонніе съ нѣкоторымъ изумленіемъ открываютъ морщины на его лордовскомъ лицѣ и вороньи гнѣзда подъ глазами. Замѣчаютъ еще, что его в-пр-во, гуляя по улицамъ, постоянно описываетъ кривыя лініи. Но кузень Фениксъ, вставшій съ постели въ половинѣ восьмого или около этого, совсѣмъ другой, чѣмъ въ десять часовъ, когда парикмахеръ и камердинеръ приводятъ къ желанному концу свои волшебныя манипуляціи.

М-ръ Домби оставляетъ свой кабинетъ среди всеобщаго волненія женщинъ, которыя, завидѣвъ его, разбѣгаются въ разныя стороны съ громкимъ шорохомъ юбокъ и колебаніемъ шляпокъ. Но м-съ Перчъ, при своемъ интересномъ положеніи – она всегда въ этомъ положеніи – не такъ проворна на ноги и, оставаясь на лѣстницѣ, принуждена встрѣтиться лицомъ къ лицу съ блистательнымъ женихомъ. Быть худу, думаетъ м-съ Перчъ, и, дѣлая книксенъ, восклицаетъ съ набожнымъ умиленіемъ: "Да спасетъ Господь Богъ домъ Перча отъ всякой бѣды и напасти!" Въ ожиданіи опредѣленнаго часа м-ръ Домби шествуетъ въ гостиную. Великолѣпный на м-рѣ Домби новый синій фракъ, великолѣпны его панталоны оленьяго цвѣта и сиреневый жилетъ. Слухъ пронесся по всему дому, что м-ръ Домби въ модной французской прическѣ.

Двойной стукъ въ дверь возвѣщаетъ о прибытіи майора, который тоже, какъ и слѣдуетъ, великолѣпный съ ногъ до головы. Въ петлицѣ его фрака огромный букетъ цвѣтовъ, и его волосы симметрически вьются пышными буклями.

– Домби, – сказалъ майоръ, протягивая обѣ руки, – какъ вы себя чувствуете?

– Майоръ, какъ ваше здоровье?

– Клянусь Юпитеромъ, сэръ, Джо Багстокъ нынѣшнее утро просто въ эмпиреяхъ... уф! – здѣсь майоръ ударяетъ себя въ грудь. – Да, чортъ побери, Домби, нынѣшнимъ утромъ майоръ Багстокъ чуть не рѣшилъ устроить двойной бракъ, сударь мой, и обвѣнчаться съ матерью вашей невѣсты. Вотъ какъ!

М-ръ Домби улыбается, но едва замѣтно и вовсе не благосклонно; ибо м-ръ Домби чувствуетъ, что не долженъ допускать никакихъ шутокъ насчетъ своей почтенной тещи, особенно въ такое торжественное утро. Майоръ замѣчаетъ свой промахъ.

– Домби, привѣтствую васъ отъ всей души! Домби, поздравляю васъ со всѣмъ усердіемъ! Клянусь Богомъ, сэръ, въ этотъ день вы счастливѣйшій изъ смертныхъ во всей Англіи. Завидую вамъ.

Опять фізіономія м-ра Домби принимаетъ далеко не совсѣмъ благосклонное выраженіе: есть особа, достойная большей зависти, и это, безъ сомнѣнія, избранная его сердца, которая, конечно, бывъ удостоена такой чести, должна считать себя счастливѣйшимъ существомъ.

– А что касается до Эдиоъ Грейнджеръ, сэръ... – продолжаетъ майоръ, – да что тутъ толковать? нѣтъ женщины въ цѣлой Европѣ, которая бы не согласилась быть сегодня на мѣстѣ Эдиоъ Грейнджеръ. Всякая женщина съ охотой отдастъ свои уши и даже серьги, чтобы замѣнить собою Эдиоъ Грейнджеръ.

– Вы слишком любезны, майоръ.

– Домби, вы это знаете сами. Оставимъ въ сторонѣ бесполезную деликатность. Да, вы это знаете сами.

– Конечно, майоръ, если допустить...

– Милліоны чертей и чертенятъ, м-ръ Домби, знаете ли вы этотъ фактъ, или не знаете? Домби! Признаете ли вы стараго Джоя своимъ другомъ? Стоимъ ли мы съ вами на короткой ногѣ, Домби, на такой ногѣ, что старикашка Джой можетъ послать къ чорту всякія церемоніи, или я долженъ повернуться налѣво кругомъ и держать руки по швамъ на почтительной дистанціи? Говорите откровенно, Домби, безъ обвиняковъ и безъ ужимокъ.

– Вы слишкомъ горячитесь, любезный майоръ, – сказала м-ръ Домби веселымъ тономъ.

– Да, я горячь, чортъ побери. Джо Багстокъ и не отпирается, – онъ горячь, сэръ, И это, скажу я вамъ, такой случай, который выводитъ на свѣжую воду всѣ благороднѣйшія симпатіи, какія только остаются въ старомъ, затасканномъ, истертомъ, дьявольскомъ трупѣ старичины Джоя. Въ это время у честнаго человѣка всѣ чувства брызнуть фонтаномъ изъ души, не то ему слѣдуетъ напялить себѣ намордникъ; а Джозефъ Багстокъ говоритъ вамъ въ глаза, точно такъ же, какъ недавно говорилъ въ клубѣ, что онъ не намѣренъ напяливать намордника, какъ скоро рѣчь идетъ о Павлѣ Домби. Теперь, чортъ побери, что вы на это скажете, сэръ.

– Увѣряю васъ, майоръ, я вамъ много обязанъ. Ваша дружба, конечно, слишкомъ пристрастная...

– Домби, ни слова больше. Пристрастья не было, нѣтъ, не будетъ и не можетъ быть въ старикашкѣ Джоѣ. Да!

– Ваша дружба, хочу я сказать, – продолжалъ, м-ръ Домби, – слишкомъ очевидна и, конечно, не требуетъ доказательствъ. Въ настоящемъ случаѣ, майоръ, я всего менѣе могу забыть, чѣмъ и сколько обязанъ вамъ.

– Домби, вотъ вамъ рука Джозефа Багстока, или откровеннаго старикашки Джоя, если вамъ это лучше нравится. Объ этой рукѣ его королевское высочество герцогъ Йоркскій изволилъ замѣтить его королевскому высочеству герцогу Кентскому, что это рука майора Джозефа, тертаго стараго забіяки, который прошелъ на своемъ вѣку сквозь огонь и воду. Домби, да будетъ настоящая минута счастливейшею въ жизни насъ обоихъ. Благослови васъ Богъ!

Затѣмъ приходитъ м-ръ Каркеръ, великолѣпный и улыбающійся наиторжественнѣйшимъ образомъ. Онъ едва можетъ выпустить руку м-ра Домби: такъ радушень его привѣтъ! и въ то же время онъ съ такимъ чистосердечіемъ пожимаетъ руку майора Багстока, что голосъ его дрожитъ отъ полноты благоговѣнія и восторга.

– Самый день сіяетъ счастьемъ, и солнце пламенѣетъ лучами любви, – говоритъ м-ръ Каркеръ. – Погода великолѣпная! Надѣюсь, я не опоздалъ?

– Акуратень и точень какъ всегда! – замѣтилъ майоръ. – Минута въ минуту, какъ назначено.

– Очень радъ, – сказала Каркеръ. – Я боялся промедлить нѣсколькими секундами дольше назначеннаго времени, такъ какъ дорога была загромождена длинными обозами. Я принялъ смѣлость, м-ръ Домби, ѣхать черезъ Брукъ-Стритъ съ тѣмъ, чтобы приготовить скромный букетъ цвѣтовъ для м-съ Домби. Такой человѣкъ, какъ я, удостоенный высокаго приглашенія, гордится, если можетъ обнаружить слабый знакъ своей признательности. Такъ какъ я не сомнѣваюсь, что м-съ Домби окружена теперь всѣмъ, что есть въ мірѣ драгоцѣннаго и великолѣпнаго, то я осмѣливаюсь надѣяться, что и мое скромное приношеніе будетъ принято съ нѣкоторою благосклонностью.

– Я увѣренъ, Каркеръ, м-съ Домби, то есть будущая м-съ Домби, оцѣнитъ достойнѣйшимъ образомъ знакъ вашего усердія, – сказала м-ръ Домби снисходительнымъ тономъ.

– И если ей нынѣшнимъ утромъ должно превратиться въ м-съ Домби, – замѣтилъ майоръ, допивая чашку кофе и взглянувъ на часы, – то намъ нельзя больше медлить ни минуты. Маршъ, маршъ!

Ѣдутъ, въ одной каретѣ Ѣдутъ м-ръ Домби, майоръ Багстокъ и м-ръ Каркеръ по направлению къ церкви, гдѣ долженъ совершиться священный обрядъ. М-ръ Саундсъ на церковной паперти уже давно стоитъ на ногахъ и ждетъ торжественнаго поѣзда со шляпою въ рукѣ. М-съ Миффъ дѣлаетъ книксенъ и предлагаетъ джентльменамъ посидѣть въ ризницѣ. Домби предпочитаетъ остаться въ церкви. Когда онъ смотритъ на органъ, м-съ Токсъ прячется на галлерей за толстою ногою какой-то фигуры на одномъ памятникѣ. Напротивъ, капитанъ Куттль стоитъ прямо и машетъ своимъ крюкомъ въ знакъ привѣтствія и одобренія. М-ръ Тутсъ изъ-подъ руки даетъ знать Лапчатому Гусю, что джентльмень въ панталонахъ оленьяго цвѣта – это и есть отецъ его возлюбленной. Гусь отвѣчаетъ хриплымъ шепотомъ, что такихъ «стоячихъ» молодцовъ не много на свѣтѣ, и только наука боксированья можетъ перегнуть ихъ на двое, поддавъ исправнаго тумака въ средину жилета.

М-ръ Саундсъ и м-съ Миффъ созерцаютъ м-ра Домби на почтительномъ разстояніи; но когда послышался шумъ колесъ подъѣзжавшаго экипажа, м-ръ Саундсъ выбѣгаетъ на паперть. М-съ Миффъ, уловивъ взоръ м-ра Домби, дѣлаетъ книксенъ и почтительно докладываетъ, что, кажется, изволила приѣхать его "добрая леди". Толпа прихлынула къ дверямъ, и черезъ минуту, среди общаго шепота, величественно выступила по мраморнымъ плитамъ "добрая леди", сопровождаемая своей свитой.

Нѣтъ на ея лицѣ ни малѣйшаго слѣда страданій прошлой ночи, и никто бы не узналъ въ обворожительной невѣстѣ вчерашнюю женщину на колѣняхъ передъ постелью спящей дѣвочки. Прямая, гордая, стройная непреклонная, гордо смотритъ она на толпу, изумленную ея прелестями, и взоръ ея рѣдко падаетъ на эту же дѣвочку, нѣжную и любящую, которая въ разительномъ контрастѣ стоитъ подлѣ нея.

Всѣ заняли мѣста. Пасторъ и кистеръ еще не явились. Въ это время м-съ Скьютонъ обращается къ м-ру Домби и съ большою выразительностью говоритъ:

– Любезный Домби, сверхъ чаянія, кажется, я принуждена буду лишиться милой нашей Флоренсы и отпустить ее домой, какъ сама она предложила. Послѣ сегодняшняго лишенія, любезный Домби, у меня, я чувствую, не хватитъ силъ даже для ея общества.

– Не лучше ли ей остаться при васъ? – возразилъ женихъ.

– Не думаю, любезный Домби, никакъ не думаю. Мнѣ гораздо лучше одной. При томъ Эдиѳъ, послѣ вашего возвращенія, сдѣлается ея естественнымъ и постояннымъ опекуномъ, и мнѣ, можетъ быть, благоразумнѣе не вмѣшиваться въ ея распоряженія. Пожалуй, еще она будетъ ревновать. Не такъ ли, милая Эдиѳъ?

При этихъ словахъ осторожная маменька пожимаетъ руку своей дочери, можетъ быть, серьезно вымаливая ея посредничества.

– Серьезно, любезный Домби, я рѣшилась проводить нашу малютку и не навязывать своей скуки. Мы объ этомъ только что сейчасъ разсуждали. Она хорошо понимаетъ эти вещи. Не правда ли, милая Эдиѳъ, – она понимаетъ?

И опять добрая маменька пожимаетъ руку своей дочери. М-ръ Домби не представляетъ дальнѣйшихъ восраженій, потому что въ эту минуту вошли пасторъ и кистеръ. М-ръ Саундсъ и м-съ Миффъ разставляютъ посѣтителей въ приличныхъ мѣстахъ за перилами подлѣ алтаря.

– Кто эту женщину вручаетъ въ жены этому мужу? – говоритъ пасторъ, начиная вѣнчальный обрядъ.

Вручаетъ кузень Фениксъ. Онъ нарочно прискакалъ изъ Бадень-Бадена для этой цѣли.

– Чортъ побери, – думаетъ кузень Фениксъ, – если принимать этого туза въ нашу фамилію, такъ надобно для него что-нибудь сдѣлать, Покажемъ ему наше вниманіе.

– Я эту женщину вручаю въ жены этому мужу, – отвѣчалъ кузень Фениксъ.

Но при вручательствѣ вышло неопредѣленное *qui pro quo*. Кузень Фениксъ, думая идти по прямой линіи, немного промахнулся и, ухвативъ за руку невѣстину подругу, годами десятью помоложе м-съ Скьютонъ, поспѣшилъ вручить оную въ жены м-ру Домби. Но м-съ Миффъ, поправляя ошибку, проворно повернула спину почтеннаго кузена и наткнула его на "добрую леди", которую кузень Фениксъ и вручилъ надлежащимъ порядкомъ.

– Хочешь ли ты эту женщину взять себѣ, какъ вѣнчанную жену твою?

– Хочу, – отвѣчаетъ м-ръ Домби.

Подобный же вопросъ предложенъ Эдиѳи; она отвѣчаетъ утвердительно.

Итакъ – они обвѣнчаны!

Твердою, свободною рукою невѣста беретъ перо и подписываетъ свое имя въ свадебномъ реестрѣ, когда, послѣ обряда, общество удалилось въ ризницу.

– Не много найдется невѣстъ, которыя бы такъ подписывали свои имена! – восклицаетъ м-съ Миффъ, дѣлая книксенъ при каждомъ обращеніи на нее чьего-нибудь взгляда.

М-ръ Саундсъ положительно удостовѣряется, что новобрачная – лихая баба, но пока мѣсть не высказываетъ никому этой сентенціи.

Флоренса также подписывается, но ея рука дрожитъ, и робкой дѣвущкѣ никто не аплодируетъ. Всѣ подписываются и послѣднимъ, кузень Фениксъ; но его благородная рука невзначай попала въ другую графу, и оказалось по этой подписи, что его в-пр-во родился сегодня поутру.

Майоръ цѣлуетъ новобрачную съ величайшею любезностью и акуратно выполняетъ эту вѣтвь военной тактики въ отношеніи ко всѣмъ дамамъ, за исключеніемъ м-съ Скьютонъ, которая съ дѣвической стыдливостью поспѣшила укрыться въ церкви. Примѣру майора послѣдовалъ кузень Фениксъ и даже м-ръ Домби. Наконецъ, подходит къ Эдиѳи м-ръ Каркеръ со своими бѣлыми блестящими зубами, какъ будто имѣетъ намѣреніе скорѣе укусить новобрачную, чѣмъ вкусить сладость ея губъ.

Пылають гордые щеки новобрачной, и сверкають ея глаза, какъ-будто хотятъ остановить дерзновеннаго, однако, не останавливаютъ. М-ръ Каркеръ цѣлуетъ ее такъ же, какъ другіе и желаетъ всякаго блага.

– Если только, – прибавляетъ онъ тихимъ голосомъ, – желанія не совершенно излишни послѣ такого союза.

– Благодарю васъ, сэръ, – отвѣчаетъ Эдиѳъ, и губы ея дрожатъ, и грудь высоко подымается при этомъ отвѣтѣ.

Но неужели Эдиѳъ чувствуетъ опять, что Каркеръ видитъ ее насквозь, читаетъ ея сокровенныя мысли, и что это сознание унижаетъ ее больше, чѣмъ всякое другое? Отчего же иначе гордость ея корчится и таетъ подъ его улыбкой, какъ снѣгъ подъ рукою, которая его сжимаетъ? Отчего же повелительный взоръ ея падаетъ на землю при встрѣчѣ съ его пронизательными глазами?

– Я въ восторгѣ, – говоритъ м-ръ Каркеръ, наклоня свою шею съ униженностью раба, проникнутаго ложью и обманомъ съ головы до нотъ, – я въ восторгѣ при настоящемъ радостномъ событіи видѣть свое скромное приношеніе въ прелестной рукѣ м-съ Домби и буду всю жизнь гордиться такимъ лестнымъ вниманіемъ.

Въ отвѣтъ м-ру Каркеру Эдиѳъ склоняетъ свою голову, но въ рукѣ ея замѣтно судорожное движеніе, какъ-будто она хочетъ измять букетъ и съ презрѣніемъ разбросать по полу ненавистныя цвѣты. Но не больше одного мгновенья продолжалась эта тревога. Подавъ руку своему супругу, который стоялъ подлѣ, разговаривая съ майоромъ, Эдиѳъ опять горда, опять величава и спокойна.

Кареты опять стоятъ у церковныхъ дверей. М-ръ Домби, подъ руку съ новобрачной, проходитъ черезъ два ряда маленькихъ женщинъ, и каждая изъ нихъ съ этой мимуты разъ навсегда удерживаетъ въ памяти фасонъ и цвѣтъ каждой статьи невѣстина костюма, и все это, по возвращеніи домой, возобновляется на куклѣ, которой вѣчно суждено выходить замужъ. Клео-

патра и кузень Фениксъ садятся въ одну карету. Въ другой каретѣ помѣстилась Флоренса съ невѣстиной подругой, которую чуть не вручили жениху по ошибкѣ вмѣсто Эдиѳи, майоръ Багстокъ и м-ръ Каркеръ. Лошади приплясываютъ и припрыгиваютъ; кучера и лакеи сѣютъ гирляндами и новыми ливреями. Весело потянулся торжественный поѣздъ по улицамъ города, и тысячи любопытныхъ глазѣютъ на него изъ своихъ оконъ; тысячи степенныхъ холостяковъ съ завистью смотрятъ на счастливую чету, но утѣшаютъ себя мыслью, что такое счастье – увы! – не можетъ быть продолжительнымъ.

М-съ Токсъ выступаетъ, наконецъ, изъ-за памятника и тихонько пробирается изъ галереи. Красны глаза у прелестной дѣвы, и платокъ ея омоченъ слезами. Глубока рана въ ея сердцѣ, но она надѣется, что молодые будутъ счастливы. Она совершенно признаетъ блистательную красоту новобрачной и смиренно допускаетъ, что ея собственныя прелести сравнительно довольно слабы; но величественный образъ м-ра Домби, его сиреневый жилетъ, его панталоны оленьяго цвѣта глубоко запали въ ея душу, и м-съ Токсъ плачетъ навзрыдь, возвращаясь домой на Княгининъ Лугъ. Капитанъ Куттль еще слышитъ стройные звуки боже-ственной службы; сотни разъ повторяетъ аминь и чувствуетъ замѣтную склонность къ благоговѣйнымъ размышленіямъ. Въ такомъ расположеніи духа ходитъ онъ по всей церкви съ лощеною шляпою въ рукахъ и съ умиленіемъ читаетъ надпись на гробницѣ маленькаго Павла. М-ръ Тутсъ, сопровождаемый вѣрнымъ Гусемъ, оставляетъ Божій храмъ въ лютомъ припадкѣ мучительной страсти. Гусь еще не построилъ надежнаго плана относительно пріобрѣтенія Флоренсы, думаетъ, однако, что на первый случай не мѣшаетъ дать хорошаго пинка м-ру Домби. Служанки м-ра Домби выходятъ изъ потаенныхъ мѣстъ и располагаются бѣжать въ Брукъ-Стригъ, но ихъ задерживаютъ новые припадки м-съ Перчъ, которой нуженъ стаканъ холодной воды. Наконецъ м-съ Перчъ оправилась, и всѣ побѣжали, куда слѣдуетъ. М-съ Миффъ и м-ръ Саундсъ сидятъ на церковной паперти, разговариваютъ и считаютъ собранныя деньги. Могильщикъ идетъ на колокольню встрѣчать новаго покойника похороннымъ звономъ.

Наконецъ кареты подъѣхали къ резиденціи м-съ Скьютонъ, и трубачи съ куклами и плясунами встрѣтили счастливый поѣздъ торжественнымъ маршемъ. Густыя толпы прихлынули со всѣхъ сторонъ, когда м-ръ Домби, подъ руку съ новобрачной, торжественно входилъ въ чертогъ кузена Феникса. За ними въ стройномъ порядкѣ слѣдуютъ свадебные гости. Но зачѣмъ въ эту минуту м-ръ Каркеръ, пробиваясь черезъ толпу, вспомнилъ нищую старуху, которая остановила его въ лемингтонской рошѣ? Зачѣмъ Флоренса, въ эту же минуту, выходя изъ кареты, съ трепетомъ припомнила отвратительное лицо доброй бабушки, ограбившей ее въ дѣтствѣ.

Привѣтствіямъ, поздравленіямъ, комплиментамъ нѣтъ и счету въ этотъ счастливый день. Оставляя гостиную, общество усаживается за столомъ въ темнобурой залѣ, которой никакія усилія декоратора не могли сообщить веселаго вида, – нѣтъ нужды, что сухопарые негры подлѣ канделябровъ убраны роскошными цвѣтами и бантами.

Завтракъ – великолѣпный, честь и слава моднаго ресторатора. М-ръ и м-съ Чиккъ также присутствуютъ среди гостей. М-съ Чиккъ съ удивленіемъ находитъ, что природа какъ будто нарочно истощила всѣ свои дары, чтобы олицетворить въ обворожительной Эдиѳи настоящую Домби. М-съ Скьютонъ чувствуетъ большое облегченіе и выпиваетъ даже очень исправно свою долю шампанскаго. Высочайшій лакей, страдавшій поутру мигренью, теперь въ добромъ здоровьи, пасмуренъ, угрюмъ и смертельно ненавидитъ другаго высочайшаго лакея, у котораго вырываетъ изъ рукъ тарелки съ очевидною яростью. Компанія холодна, спокойна и отнюдь не раздражаетъ избыткомъ веселости черные гербы и картины, погруженные на стѣнахъ въ глубочайшій трауръ. Кузень Фениксъ и майоръ Багстокъ веселятся за всѣхъ; м-ръ Каркеръ улыбается во все время, и особенно при взглядѣ на м-съ Домби, которая, однако, не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Завтракъ кончился, и слуги удалились, кузень Фениксъ величаво подымается со своего мѣста и обращаетъ на себя всеобщіе взоры. Его манжеты бѣлы, какъ снѣгъ; его щеки послѣ

обильныхъ изліяній шипучей влаги рдѣють свѣжими розами. Кузень Фениксъ смотритъ настоящимъ лордомъ.

– Милостивые государыни и государь! – начинаетъ кузень Фениксъ. – Хотя, быть можетъ, въ домѣ частнаго джентльмена это есть вещь не совсѣмъ обыкновенная, однако, я долженъ просить позволенія напомнить вамъ, что приходится, наконецъ, пора предлагать то, что обыкновенно называется... словомъ сказать, предлагать тосты.

Майоръ аплодируетъ. М-ръ Каркеръ, выставивъ голову впередъ черезъ столъ по направленію къ особѣ кузена Феникса, улыбается и дѣлаетъ одобрительные жесты.

– Это, смѣю вамъ напомнить, есть... словомъ сказать...

– Слушайте! слушайте! – восклицаетъ майоръ энергическимъ тономъ убѣжденія.

М-ръ Каркеръ слегка хлопаетъ руками и, опять, наклонившись впередъ черезъ столъ, улыбается и дѣлаетъ самые одобрительные жесты, какъ будто онъ особенно былъ пораженъ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ и лично желалъ выразить оратору благодарность за доставленное удовольствіе.

– Это есть, милостивые государыни и государи, такой случай, когда, не опасаясь нарушенія общихъ приличій, можно и должно дѣлать отступленія отъ обыкновенныхъ формъ и условій свѣтской жизни. Въ жизнь свою я не былъ ораторомъ и не отличался даромъ слова. Когда, какъ членъ палаты депутатовъ, я имѣлъ честь поддерживать адресъ и долженъ былъ при этомъ случаѣ говорить рѣчь, то, сознавая въ себѣ свой природный недостатокъ, я принужденъ былъ на двѣ недѣли сдѣлаться больнымъ...

Майоръ и м-ръ Каркеръ пришли въ яростный восторгъ отъ этой черты изъ автобіографіи лорда. Поощренный ораторъ обращается теперь лично къ нимъ и продолжаетъ такимъ образомъ:

– И, словомъ сказать, несмотря на то, что я былъ двѣ недѣли чертовски боленъ, я чувствую, вы понимаете, на мнѣ лежитъ обязанность. А какъ скоро англичанинъ чувствуетъ, что на немъ лежитъ обязанность, онъ долженъ, во что бы то ни стало, выполнить ее наивозможно лучшимъ способомъ, какой только ему извѣстенъ. Итакъ, джентльмены, сегодня благороднѣйшая британская фамилія имѣла удовольствіе соединиться въ лицѣ моей возлюбленнѣйшей и совершеннѣйшей родственницы, которую теперь я вижу присутствующею, словомъ сказать... присутствующею...

Общія рукоплесканія.

– Присутствующею вмѣстѣ съ тѣмъ... словомъ сказать, съ человѣкомъ, на котораго никогда печать презрѣнія... словомъ сказать, присутствующею съ почтеннымъ моимъ другомъ Домби, если онъ позволитъ мнѣ называть его этимъ именемъ.

Кузень Фениксъ кланяется м-ру Домби. М-ръ Домби торжественно кланяется кузену Фениксу. Всѣ счастливы и довольны. Ораторъ продолжаетъ:

– До сихъ поръ я не имѣлъ вождельнныхъ случаевъ наслаждаться личнымъ знакомствомъ друга моего Домби и еще не изучилъ тѣхъ высокихъ качествъ, которыя равномерно дѣлаютъ честь его уму и... словомъ сказать, его сердцу, ибо я былъ подверженъ несчастію все это время находится... словомъ сказать, находится въ другомъ мѣстѣ.

Майоръ свирѣпѣетъ отъ полноты восторга.

– Однако, джентльмены, я довольно знаю друга моего Домби, чтобы имѣть совершеннѣйшее понятіе о томъ, что онъ есть... словомъ сказать, выражаясь, нѣкоторымъ образомъ, вульгарнымъ слогомъ, что онъ есть негоціантъ, британскій негоціантъ и... словомъ сказать, и... человѣкъ. И хотя я нѣсколько лѣтъ сряду жилъ въ чужихъ краяхъ... мнѣ весьма пріятно будетъ принять друга моего Домби въ Бадень-Баденъ и воспользоваться честью представить его великому герцогу... и хотя я жилъ въ чужихъ краяхъ, однако, я довольно знаю и ласкаю себя надеждой, что моя возлюбленная и совершеннѣйшая родственница владѣетъ всѣми при-

надлежностями, чтобы сдѣлать своего мужа счастливымъ, и что ея супружескій союзъ съ другомъ моимъ Домби есть соединеніе нѣжныхъ наклонностей сердца съ обѣихъ сторонъ.

Улыбка и жесты м-ра Каркера принимаютъ чудовищные размѣры.

– Итакъ, я поздравляю благородную фамилію, которой имѣю счастье быть членомъ, съ приобрѣтеніемъ друга моего Домби. Поздравляю друга моего Домби отъ всей души и радуюсь его союзу съ моею совершеннѣйшею родственницею, которая владѣетъ всѣми средствами, чтобы сдѣлать счастливымъ своего мужа. Принимаю смѣлость, джентльмены, напомнить, что каждый изъ васъ обязанъ въ настоящемъ случаѣ привѣтствовать какъ друга моего Домби, такъ и совершеннѣйшую мою родственницу.

Общія рукоплесканія. М-ръ Домби, принимая поздравленія, благодаритъ за себя и за м-сь Домби. Майоръ Багстокъ предлагаетъ, наконецъ, тостъ въ честь и славу м-сь Скьютонъ, и этимъ достойнымъ тостомъ оканчивается торжество. М-сь Домби уходитъ въ будуаръ и надѣваетъ дорожное платье.

Прислуга между тѣмъ завтракаетъ въ нижнемъ этажѣ. Шампанское льется черезъ край въ рюмкахъ и бокалахъ; жаренныя курицы, жирныя пироги, раковый салатъ, бифштексы, пуддинги – въ изобиліи. Высочайшій лакей чувствуетъ опять ужасную «м_и_ш_е_н_ь» и прислоняетъ головку къ стѣнѣ. Глаза у его товарища прыгаютъ по всѣмъ сторонамъ и нигдѣ не находятъ точки опоры. Дамы раскраснѣлись какъ свѣжія клюквы. М-сь Перчъ сіяетъ лучами радости, и всѣ заботы убѣгаютъ прочь изъ ея головы: если бы въ эту минуту спросили ее, куда дорога къ Чистымъ Прудамъ, гдѣ скрыты ея заботы, м-сь Перчъ, безъ сомнѣнія, пришла бы въ очевидное сомнѣніе относительно существованія чистыхъ или грязныхъ прудовъ. М-ръ Таулисонъ предлагаетъ тостъ за здравье и благоденствіе счастливой четы, и сребровласый буфетчикъ отъ полноты восторга пожимаетъ ему руку, ибо онъ дѣйствительно убѣжденъ въ эту минуту, что онъ – старый слуга семьи, и совершившіяся перемѣны слишкомъ близки его сердцу. Вся компанія, дамы въ особенности, чувствуетъ себя въ благодатномъ состояніи духа. Душа и сердце веселаго общества, кухарка м-ра Домби, озаренная счастливою идеей, предлагаетъ всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ театръ, и всѣ съ восторгомъ принимаютъ предложеніе, не исключая м-сь Перчъ и даже туземца, который поглощаетъ вино, и какъ тигръ пугаетъ всю компанію выкатывающимися глазами. Легкая размолвка произошла только между горничной и м-ромъ Таулисономъ: она, основываясь на старинномъ изреченіи, доказывала, что браки заключаются на небесахъ; онъ, не основываясь ни на чемъ, утверждалъ, что въ аду. Главнѣйшимъ опроверженіемъ м-ра Таулисона было предположеніе, что горничная потому такъ думаетъ, что сама собирается замужъ, а она отвѣчала: "Боже сохрани! ужь если и выйду, такъ не за васъ"! Въ этотъ споръ вмѣшался среброглавый буфетчикъ и, предлагая тостъ за здоровье м-ра Таулисона, остроумно замѣтилъ, что знатъ м-ра Таулисона – значитъ уважать его, а уважать м-ра Таулисона – значитъ желать ему всѣхъ благъ вмѣстѣ съ его суженою, гдѣ бы она ни была; здѣсь сребровласый буфетчикъ лукаво подмигнулъ возлюбленной м-ра Таулисона. На всѣ эти комплименты м-ръ Таулисонъ отвѣчаетъ съ достоинствомъ и чувствомъ. Рѣчь заходитъ, наконецъ, объ иностранцахъ, и м-ръ Таулисонъ рѣшительно того мнѣнія, что всѣ они негодяи, хотя – случается иногда – умѣютъ приобрѣтать благосклонность въ такихъ головахъ, у которыхъ, по пословицѣ, длиненъ волосъ да умъ коротокъ. Одного желаетъ м-ръ Таулисонъ, чтобы не пришлось, на примѣръ, услышать о какомъ-нибудь французѣ, который бы, на примѣръ, обокралъ карету какого-нибудь путешественника. При этомъ взглядъ м-ра Таулисона принимаетъ такое свирѣпое выраженіе, что съ горничной дѣлается истерика. Вдругъ распространилась вѣсть, что молодая уѣзжаетъ, и вся компанія выбѣгаетъ на лѣстницу, чтобы видѣть собственными глазами, какъ она уѣзжаетъ.

Карета у воротъ. Молодая сходитъ въ залу, гдѣ ее встрѣчаетъ м-ръ Домби въ дорожномъ костюмѣ. Флоренса также готова къ отъѣзду, и миссъ Сусанна Нипперъ, занимавшая среднее

положеніе между гостиной и кухней, собирается вмѣстѣ съ нею. Выходить Эдиѡъ, и Флоренса бросается къ ней съ прощальными объятіями.

Отчего же Эдиѡъ дрожить въ этихъ объятіяхъ? Развѣ ей холодно? Или въ объятіяхъ Флоренсы заключена таинственная сила, распространяющая невольный трепетъ по прекраснымъ членамъ? Отчего, наконецъ, съ такою судорожною поспѣшностью Эдиѡъ вырывается изъ этихъ объятій, выбѣгаетъ изъ залы и садится въ карету?

Уѣхала м-съ Домби, и не слышно болѣе шуму отъ колесъ дорожнаго экипажа. М-съ Скьютонъ, пораженная въ чувствительное сердце матери, сидитъ на софѣ въ положеніи Клеопатры и проливаетъ горькія слезы. Майоръ, выходя съ гостями изъ столовой, старается утѣшить ее; но всѣ усилія бесполезны, и онъ оставляетъ неутѣшную мать. Кузень Фениксъ также прощается съ Клеопатрой, и м-ръ Каркеръ слѣдуетъ его примѣру. Нѣтъ болѣе гостей. Оставшись одна, Клеопатра чувствуетъ легкое головокруженіе и, удалившись въ спальню, засыпаетъ крѣпкимъ сномъ.

Въ нижнемъ этажѣ у всѣхъ страшное головокруженіе. Высочайшій джентльменъ, страдающій «мишенью», по-видимому, приклеилъ свою голову къ столу и никакъ не можетъ ее оторвать. Бурный переворотъ совершился въ мозгу у м-съ Перчъ, и она, въ порывѣ негодованія противъ м-ра Перча, жалуется кухаркѣ, что онъ уже не такъ привязанъ къ своей семьѣ, какъ въ прежнее время, когда ихъ было только десятеро. У Таулисона звенить въ ушахъ, и около его головы кружится какое-то огромное колесо. Горничную мучитъ сомнѣніе, грѣшно или нѣтъ желать чьей-либо смерти.

М-съ Скьютонъ почиваетъ наверху уже два часа, но въ кухнѣ отдыхъ еще не начинался. Черные гербы въ столовой комнатѣ съ негодованіемъ взираютъ на хлѣбныя крошки, грязныя блюда, винныя брызги, полурастаявшій ледъ, раковую скорлупу, объѣдки куриныхъ ножекъ и на мягкое желе, постепенно превратившееся въ тепловатый гуммиластическій супъ. Свадебное торжество почти такъ же потеряло всю свою прелесть, какъ и завтракъ. Служанки м-ра Домби вдаются въ нравственныя назиданія, жалѣютъ о невинномъ препровожденіи времени подлѣ домашняго очага за чайнымъ столикомъ, и къ восьми часамъ вечера всѣ вообще настраиваютъ себя на самый серьезный тонъ. Въ это время прибылъ м-ръ Перчъ въ бѣломъ жилетѣ и сизомъ фракѣ, подъ куражемъ и въ самомъ веселомъ расположеніи духа, съ полною готовностью прокутить цѣлую ночь; но его, къ величайшеу изумленію, принимаютъ очень холодно и навязываютъ ему м-съ Перчъ, больную и разслабленную, съ которою онъ тотчасъ же и отпрапляется на Чистые Пруды въ первомъ omnibusѣ.

Ночь. Осмотрѣвъ великолѣпныя залы преобразованнаго дома, Флоренса уходитъ въ свою комнату, гдѣ заботливость Эдиѡи окружила ее роскошнымъ комфортомъ. Она сбрасываетъ съ себя пышные наряды, надѣваетъ прежнее простое черное платье и садится читать въ присутствіи Діогена, который моргаетъ и косится на свою хозяйку. Но Флоренса не можетъ читать въ этотъ вечеръ. Домъ ей кажется страннымъ, и громкое эхо пугаетъ ее. Какое-то уныніе давитъ сердце, и ей тяжело, хотя она сама не понимаетъ отчего. Флоренса закрываетъ книгу, и невѣжливый Діогенъ, принимая такое дѣйствіе за поданный сигналъ, кладетъ къ ней на колѣни свои лапы и трется ушами о ея ласкающія руки. Но Флоренса на этотъ разъ не видитъ его ясно: туманъ въ ея глазахъ, и проносятся въ немъ въ видѣ свѣтоносныхъ ангеловъ ея покойный братъ и ея покойная мать. А Вальтеръ, бѣдный, плавающій по бурному морю племянникъ дяди Соля, о, гдѣ бѣдный Вальтеръ?

Майоръ, конечно, ничего этого не знаетъ. Всхрапнувъ часика два, три послѣ полудня, майоръ Багстокъ пообѣдалъ въ своемъ клубѣ и теперь сидитъ за бутылкою вина, осаждая скромнаго молодого человѣка безчисленными анекдотами о Багстокѣ, сударь мой, который былъ у Домби на свадьбѣ и подружился съ лордомъ Фениксомъ, анаѡемски лукавымъ джентльменомъ. Молодой человѣкъ готовъ бы дать порядочную сумму, чтобы откупиться отъ этихъ анекдотовъ, но... увь! краснорѣчіе брызжетъ фонтанами изъ устъ майора, и онъ, бѣдный

юноша съ розовыми щеками, принужденъ сидѣть и слушать. Кузень Фениксъ между тѣмъ сидитъ за игорнымъ столомъ въ одномъ почтенномъ домѣ, куда, быть можетъ, ненарокомъ завели его упрямыя ноги.

Ночь, какъ несокрушимый гигантъ, вторгается въ церковь и распространяетъ свое владычество среди безмолвныхъ стѣнъ. Блѣдный разсвѣтъ опять заглядываетъ въ окна и, уступая мѣсто дню, подсматриваетъ, какъ ночь удаляется подъ своды, идетъ за нею, прогоняетъ ее и самъ скрывается среди мертвецовъ. Робкія мыши опять собираются вмѣстѣ, заслышавъ шумъ у церковныхъ дверей. М-съ Миффъ и м-ръ Саундсъ, неразлучные какъ супруги, связанные несокрушимой цѣпью, входятъ въ безмолвный храмъ для своихъ обычныхъ занятій. Въ условный часъ опять они на церковной паперти ожидаютъ новаго жениха и новую невѣсту, и опять сей мужъ беретъ сію женщину, и сія женщина беретъ онаго мужа, дабы, какъ гласитъ англиканская формула:

"Отъ сего часа любить и содержать въ болѣзни и въ здоровьи, въ богатствѣ и нищетѣ, въ лѣпотѣ и безобразіи, дондеже смерть ихъ не разлучитъ".

Эти именно слова повторяетъ м-ръ Каркеръ, проѣзжая на другой день въ Сити своей обыкновенной дороіой.

Глава XXXII

Деревянный мичманъ разбивается вдребезги

Прошли цѣлыя недѣли безъ всякой тревоги въ укрѣпленномъ гарнизонѣ, но честный капитанъ Куттль не ослабилъ ни одной изъ благоразумныхъ мѣръ, принятыхъ на случай непріятельскаго нападенія. Настоящая тишина, разсуждалъ капитанъ, была слишкомъ глубока и чудесна, чтобы разсчитывать на ея продолжительность: погода совсѣмъ неожиданно могла перемениться, и буйный вѣтеръ утащилъ бы лощеную шляпу на тотъ конецъ свѣта. Постигая въ совершенствѣ неустрашимый и рѣшительный характеръ м-съ Макъ Стингеръ, капитанъ не сомнѣвался, что эта героиня посвятитъ себя его преслѣдованію въ самыхъ сокровенныхъ и недоступныхъ убѣжищахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, капитанъ велъ уединенную и почти затворническую жизнь. Онъ выходилъ только по сумеркамъ, да и то позволялъ себѣ гулять не иначе, какъ по глухимъ и безлюднымъ переулкамъ. Женскія шляпки наводили на него паническій страхъ, какъ будто ихъ носили яростныя львицы. По воскресеньямъ капитанъ не выходилъ никуда, ни по какому поводу.

Возможность сопротивленія, въ случаѣ несчастной встрѣчи съ м-съ Макъ Стингеръ, добродушному капитану не приходила и въ голову. Онъ чувствовалъ, что при такой бѣдѣ станетъ вести себя какъ смиренная овечка и заранѣе видѣлъ умственнымъ окомъ, какъ его, раба Божія, сажаютъ въ наемную карету и везутъ на Корабельную площадь. Разъ заключенный въ девятый номеръ, онъ погибнетъ на вѣки вѣчныя: его шляпу унесутъ, и строжайшій арестъ будетъ его удѣломъ день и ночь подъ бдительнымъ присмотромъ самой м-съ Макъ Стингеръ. Упреки на его голову посыплются въ присутствіи невинныхъ дѣтей, безъ пощады и безъ милосердія. Самъ для себя онъ сдѣлается преступнымъ предметомъ раскаянія и бесполезныхъ угрызений: невинные птенцы станутъ его чуждаться какъ дикаго буки, а мать ихъ въ пойманномъ измѣнникѣ будетъ видѣть ожесточеннаго злодѣя.

Потъ лилъ градомъ съ широкаго чела капитана, какъ скоро эта мрачная картина представлялась его воображенію, и вообще передъ вечеромъ имъ овладѣвало страшное безпокойство, когда онъ готовился выходить изъ своей крѣпости по дѣламъ. Сознывая всю опасность предстоявшаго путешествія, Куттль, по обыкновенію, торжественно прощался съ Точильщикомъ, какъ человѣкъ, который не долженъ болѣе воротиться. Въ эти торжественныя минуты онъ уговаривалъ Робина неуклонно идти по стезямъ добродѣтели, чистить магазинъ, содержать въ исправности мѣдные инструменты и не поминать его лихомъ, если, паче чаянія, онъ пропадетъ безъ вѣсти.

Но чтобы не прекратилось всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ въ случаѣ предполагаемаго плѣна, капитанъ, послѣ тяжкихъ и продолжительныхъ размышленій, возымѣлъ, наконецъ, счастливую идею научить Точильщика нѣкоторымъ тайнымъ сигналамъ, которыми тотъ, въ годину бѣдствія, долженъ былъ свидѣтельствовать свое присутствіе и неизмѣнную вѣрность своему командиру. Нѣсколько дней сряду Робинъ, подъ руководствомъ добраго капитана, учился приличнымъ образомъ насвистывать припѣвъ матросской пѣсни: "То-то люли, то-то люли!" И когда, наконецъ, безтолковый ученикъ достигъ въ этомъ искусствѣ удовлетворительнаго совершенства, какое только возможно для сухопутнаго человѣка, капитанъ старался запечатлѣть въ его душѣ слѣдующія таинственныя инструкціи:

- Ну, любезный, такъ слушай же теперь хорошенько! Какъ скоро меня арестуютъ...
- Арестуютъ, капитанъ? – возразилъ Точильщикъ, вытаращивъ глаза.
- Да слушай же, говорятъ тебѣ! Если когда я выйду со двора съ тѣмъ, чтобы къ ужину воротиться домой, и, паче чаянія, не ворочусь, то ты черезъ двадцать четыре часа бѣги на Корабельную площадь и просвисти какъ слѣдуетъ эту пѣсню прямо передъ окнами моей каюты –

такъ, разумѣтся, какъ будто бы невзначай очутился въ этомъ мѣстѣ, а не то, чтобы нарочно. Понимаешь?

– Понимаю, капитанъ.

– Потомъ, если я отвѣчу тебѣ этимъ же припѣвомъ, ты сейчасъ же отваливай и приходи опять назадъ, черезъ двадцать четыре часа; а если отвѣчу другимъ припѣвомъ, ты лавируй немного поодаль взадъ и впередъ, пока не услышишь дальнѣйшихъ сигналовъ. Понимаешь?

– Не совсѣмъ капитанъ. Что такое лавировать взадъ и впередъ?

– Вотъ тебѣ разъ! Хорошъ дѣтина! Глупъ ты, я вижу, любезный, какъ осель! – возгласилъ Куттль съ нѣкоторою горячностью. – Не понимаетъ, что называется, ни аза въ глаза. Ну, ты отойди отъ оконъ, да походи взадъ и впередъ по дорогѣ или по мостовой, а потомъ подойди опять. Понимаешь теперь?

– Понимаю, капитанъ.

– Хорошо, мой милый, очень хорошо, – проговорилъ капитанъ, очевидно, раскаиваясь въ своей горячности.

Но чтобы нагляднымъ образомъ убѣдиться въ понятливости своего ученика, капитанъ по временамъ, когда вечеромъ двери магазина запирались, дѣлалъ живыя репетиціи этой сцены. Гостиная въ такомъ случаѣ представляла квартиру у м-съ Макъ Стингеръ, а комната съ инструментами Корабельную площадь. Удаляясь въ гостиную, Куттль, черезъ отверстіе, просверленное въ стѣнѣ, наблюдалъ за всѣми изворотами своего союзника, распѣвавшего матросскую пѣсню, лавировавшего по предписанной инструкціи и дѣлавшаго таинственные сигналы. Всѣ эти опыты оказались чрезвычайно удачными, и капитанъ, весьма довольный смышленностью Робина, по временамъ, въ знакъ совершеннѣйшаго своего благоволенія, жаловалъ ему шиллинги и полушиллинги, обѣщая впереди еще большую награду за вѣрную службу. Принявъ, такимъ образомъ, всѣ возможныя мѣры на случай предстоящей бѣды, капитанъ чувствовалъ душевное спокойствіе какъ человѣкъ, приготовившій себя ко всѣмъ ударамъ рока.

При всемъ томъ Куттль не искушалъ судьбы ни малѣйшею оплошностью и жилъ, какъ прежде, въ совершенномъ затворничествѣ. На свадьбу м-ра Домби, разумѣтся, нельзя было не ѣхать: какъ человѣкъ воспитанный и какъ общій другъ семьи, капитанъ считалъ непремѣннымъ долгомъ засвидѣтельствовать м-ру Домби свое личное уваженіе и ободрить его въ эту торжественную минуту, требовавшую, конечно, присутствія всѣхъ силъ его духа. Со стороны м-съ Макъ Стингеръ нападенія не предвидѣлось, такъ какъ въ тотъ день ей надлежало слушать поученія достоважаемаго отца Мельхиседека. На всякій случай, однако-жъ, капитанъ, отправляясь въ церковь, наглухо закрылъ окна извозчичьей кареты съ обѣихъ сторонъ.

Возвратившись домой въ совершенной безопасности, Куттль началъ свою обыкновенную жизнь, не встрѣчая открытыхъ нападеній со стороны непріятели и подверженный только ежедневнымъ фальшивымъ тревогамъ со стороны женскихъ шляпокъ, мелькавшихъ передъ окнами магазина. Но другіе предметы начинали беспокоить капитана и тяжелымъ бременемъ ложились на его душу. О кораблѣ Вальтера никакихъ извѣстій. О Соломонѣ Гильсѣ ни слуху, ни духу. Флоренса еще не знала, что старикъ пропалъ безъ вѣсти, и капитанъ не рѣшался сообщить ей горестное извѣстіе. Его собственныя надежды съ каждымъ днемъ начинали увядать, и опасенія за прекраснаго юношу, котораго онъ любилъ со всею горячностью великодушнаго сердца, сдѣлались до того мучительными, что онъ чувствовалъ въ себѣ совершенную неспособность вступить въ переговоры съ миссъ Домби. Если бы получены были добрыя вѣсти, честный капитанъ безъ сомнѣнія, храбро вступилъ бы въ пышный чертогъ и улучилъ бы счастливую минуту повидаться съ Флоренсой, несмотря на новую м-съ Домби, которая вообще казалась ему очень страшною и неприступною. Такимъ образомъ, мрачный горизонтъ съ каждымъ днемъ больше и больше помрачалъ ихъ общія надежды, и капитанъ почти чувствовалъ, что онъ собственною особою сдѣлался для нея предметомъ новаго горя. При такомъ ходѣ вещей для него было почти столько же трудно навѣстить Флоренсу, какъ и м-съ Макъ Стингеръ.

Быль темный холодный осенний вечеръ, и капитанъ приказаль развести огонь въ маленькой гостиной, которая теперь, больше чѣмъ когда-либо, походила на корабельную каюту. Крупныя дождевыя капли стучали въ окна, и вѣтеръ дуль пронзительно вокругъ магазина. Капитанъ взобрался на кровлю спальни своего стараго друга для атмосферическихъ наблюдений, и сердце его болѣзненно сжималось, когда онъ прислушивался къ завыванію бури. Настоящій ураганъ не могъ, конечно, имѣть прямого отношенія къ судьбѣ бѣднаго Вальтера: если Providѣніе предопредѣлило ему погибнуть, то, безъ сомнѣнія, онъ погибъ уже давно. Капитанъ зналъ это, и тѣмъ не менѣе, завывающій вѣтеръ заглушалъ его послѣднія надежды.

Буря между тѣмъ свирѣпствовала съ удвоенной силой, и капитанъ напрасно искалъ вокругъ себя предмета, который успокоилъ бы его. Окружающая перспектива не представляла ничего отраднаго. Въ грязныхъ ящикахъ подъ его ногами голуби Точильщика ворковали какимъ-то зловѣщимъ тономъ. Деревянный мичманъ, съ телескопомъ на глазу, едва видимый съ улицы, визжалъ и стоналъ на своей заржавѣвшей петлѣ, и пронзительный вѣтеръ, какою-то злобною шуткой, тормозилъ его безъ пощады. Холодныя дождевыя капли на синемъ камзолѣ капитана сверкали какъ стальные бусы, и самъ онъ едва могъ держаться въ наклонномъ положеніи сѣвернаго вѣтра, который каждое мгновеніе грозилъ столкнуть его съ периль и перебросить на каменную мостовую. Если оставалась въ этотъ вечеръ какая-нибудь живая надежда, — думалъ капитанъ, ухватившись обѣими руками за лощеную шляпу, — ее, конечно, надобно искать не на улицѣ, и на этомъ основаніи, сдѣлавъ отчаянный жестъ, онъ отправился за надеждой въ спокойную каюту.

Медленно и тихо спустился капитанъ въ маленькую гостиную и, усѣвшись въ креслахъ передъ каминомъ, искалъ надежду въ разведенномъ огнѣ, но не находилъ, хотя огонь горѣлъ ярко. Онъ взялъ табакъ, раскурилъ трубку, пустил на воздухъ густыя клубы дыму, но и въ его кольцахъ не видѣлось ничего, похожаго на якорь надежды. Онъ сдѣлалъ стаканъ грогу, но и тамъ, на днѣ этого кладезя, выставлялась истина съ печальнымъ лицомъ, и капитанъ не кончилъ стакана. Два, три раза онъ прошелся по магазину, отыскивая надежду между инструментами, но инструменты, дѣлая безжалостныя вычисленія, краснорѣчиво и упорно говорили, что надежда погибла на днѣ моря.

Буря свирѣпѣла съ необыкновеннымъ неистовствомъ, и пронзительный вѣтеръ не умолкалъ ни на минуту. Деревянный мичманъ стоялъ теперь на прилавкѣ. Капитанъ, осушая его своими рукавами, погрузился въ грустное раздумье. Сколько лѣтъ, думалъ онъ, этотъ офицеръ былъ свидѣтелемъ тихихъ радостей и безмятежнаго спокойствія въ этомъ богоспасаемомъ пріютѣ! Проходили мѣсяцы, годы, десятки годовъ, и не было здѣсь никакихъ или почти никакихъ перемѣнъ; а потомъ вдругъ въ одинъ, почти въ одинъ день, все перевернулось вверхъ дномъ, и нѣтъ болѣе слѣдовъ счастливой жизни! Куда дѣвалось это общество маленькой гостиной, радушное, веселое, счастливое настоящимъ и еще болѣе будущимъ? въ прахъ разсѣялось оно, и не соберетъ его человѣческая сила. Куда дѣвались слушатели торжественной оды о любовныхъ похиженіяхъ капитанской дочки? Нѣтъ ихъ, и бѣдный пѣвецъ, круглый сирота среди миллиона людей, ни для кого въ мірѣ не станетъ пѣть теперь эту балладу, и для свѣта погибнуть навсегда эти высокіе мотивы, которыхъ никто и никогда не воспроизведетъ вѣрнѣе и эффектнѣе Куттля. Куда сокрылось теперь ясное лицо Вальтера Гэя? — Здѣсь капитанъ перенесъ свои рукава отъ мичманскаго мундира на собственныя щеки. Фамильный парикъ и пуговицы дяди Соля канули въ бездну вѣчности; Ричардъ Виттингтонъ полетѣлъ къ чорту; всѣ планы и проекты, въ связи съ деревяннымъ мичманомъ, лежать въ дрейфѣ, среди океана, безъ мачты и руля.

Такъ разсуждалъ капитанъ, поглаживая юнаго мичмана, отчасти въ забытыи, отчасти лаская его какъ стараго знакомаго. Робъ, сидя на прилавкѣ, смотрѣлъ во всѣ широкіе глаза на своего хозяина и пятьсотъ разъ спрашивалъ себя, отчего у него такая безпокойная совѣсть? Нѣтъ сомнѣнія, думалъ Робинъ, много убійствъ лежитъ на этой душѣ, и зарѣзанныя жертвы не

даютъ ей покоя. Внезапный стукъ въ дверь пробудилъ обоихъ мыслителей отъ нравственнаго усыпленія.

– Что такое? – спросилъ капитанъ тихимъ голосомъ.

– Кто-то стучится въ дверь, капитанъ.

Встревоженный капитанъ немедленно прокрался на цыпочкахъ въ гостиную и поспѣшно заперся на ключъ. Робинъ имѣлъ предписаніе встрѣтить посѣтителя на порогѣ, если бы онъ оказался въ женскомъ платьѣ; но такъ какъ стучавшая фигура принадлежала, очевидно, къ мужскому полу, то Благотворительный Точильщикъ отворилъ дверь, и молодой джентльменъ, щегольски одѣтый, проворно вбѣжалъ въ магазинъ, довольный тѣмъ, что укрывается, наконецъ, отъ проливнаго дождя.

– Чортъ побери! шутить тутъ нечего: работа Борджесъ и компаніи, – проговорилъ вбѣжавшій джентльменъ, съ состраданіемъ осматривая свои панталоны, запачканные брызгами и грязью. – О, какъ ваше здоровье, м-ръ Гильсъ?

Привѣтствіе относилось къ капитану, который теперь выплывалъ изъ гостиной, стараясь показать, но весьма неудачно, что выходитъ оттуда случайно.

– Благодарю васъ, – продолжалъ джентльменъ, не дожидаясь отвѣта, – я, слава Богу, совершенно здоровъ, и премного вамъ обязанъ. Мое имя – Тутсъ.

Капитанъ припомнилъ, что видѣлъ этого джентльмена въ церкви во время свадьбы, и сдѣлалъ ему поклонъ. М-ръ Тутсъ отвѣчалъ любезной улыбкой, но тутъ же пришелъ въ крайнее замѣшательство и, не зная, что дѣлать, ухватилъ капитанскую руку и пожималъ ее очень долго; затѣмъ, опять не зная, что дѣлать, схватилъ руку Точильщика и пожималъ ее самымъ дружескимъ образомъ.

– Ну такъ видите ли, м-ръ Гильсъ, если вамъ угодно, – началъ опомнившійся Тутсъ, – я пришелъ съ вами поговорить отъ имени Д. О. М., вы, разумѣется, знаете?

Капитанъ, сохраняя таинственный видъ, немедленно махнулъ крюкомъ въ маленькую гостиную, куда и послѣдовалъ за нимъ м-ръ Тутсъ.

– О, прошу извинить, совсѣмъ забылъ, – проговорилъ Тутсъ, между тѣмъ какъ капитанъ усаживался подлѣ камина, – вамъ не случалось слышать о Лапчатомъ Гусѣ, м-ръ Гильсъ?

– О какомъ гусѣ?

– О Лапчатомъ, м-ръ Гильсъ. Не знакомы ли вы съ нимъ?

Капитанъ отрицательно покачалъ головой. М-ръ Тутсъ объяснилъ, что упомянутый джентльменъ извѣстенъ во всей Англійи своимъ необыкновеннымъ искусствомъ, и есть тотъ знаменитый боксеръ, который опрокинулъ на повалъ шропшейрскаго силача. Но и это истолкованіе, по-видимому, не вразумило капитана.

– А вотъ онъ стоитъ на мостовой, если вамъ угодно, м-ръ Гильсъ. Вѣдь я съ нимъ пришелъ. Да ничего, пусть себѣ стоитъ; авось не промокнетъ!

– Сейчасъ прикажу его позвать, – сказалъ капитанъ.

– Ну, если вы такъ добры, что позволите ему посидѣть въ магазинѣ съ вашимъ молодымъ человѣкомъ, такъ оно, конечно, я очень радъ, потому что, видите ли, ему надобно беречь свои кости, а погода не совсѣмъ хороша. Въ костяхъ у него вся сила, м-ръ Гильсъ. Я кликну его самъ: онъ мигомъ явится.

М-ръ Тутсъ, выбѣжавъ къ дверямъ, послалъ на воздухъ соловьиный свистъ, и немедленно за этимъ сигналомъ вошелъ въ комнату стоическій джентльменъ въ косматой бѣлой бекеши, съ короткими волосами, со сплюснутымъ носомъ и значительной лысиной на головѣ.

– Садитесь-ка, Гусъ, – сказалъ м-ръ Тутсъ.

Послушный Гусъ выплюнулъ частицу соломы, ко торой онъ себя угощалъ, и забралъ въ ротъ остатокъ этого же лакомства.

– А не мѣшало бы теперь этакъ забористую порцію шнапсу, господа, какъ вы думаете? – возгласилъ Гусь, не обращаясь ни къ кому въ особенности. – Погода, что называется, демонская, и меня, съ вашего позволенія, промочило до костей.

Капитанъ поспѣшилъ подать рюмку рому.

– За ваше здоровье, господа! – возгласилъ, Гусь, закинувъ голову назадъ и выливая въ себя живительную влагу, какъ въ пустую бочку.

М-ръ Тутсъ и капитанъ вошли опять въ гостиную и заняли свои мѣста передъ каминомъ.

– М-ръ Гильсъ...

– Стой! – заревѣлъ капитанъ. – Мое имя Куттль.

М-ръ Тутсъ былъ приведенъ въ величайшій испугъ; между тѣмъ капитанъ скороговоркой продолжалъ:

– Капитанъ Куттль мое имя, Англія моя родина, здѣсь мѣсто жительства, и да благословенъ будетъ Ботъ отецъ нашихъ нынѣ и присно и во вѣки. Отыскать въ книгѣ Іова и положить закладку.

– О, неужели я не могу видѣть м-ра Гильса? неужели?...

– Если бы вы, молодой джентльменъ, – выразительно началъ капитанъ, положивъ свою увѣсистую руку на колѣни м-ра Тутса, – могли увидѣть старика Соля, замѣтите это, собственными глазами, какъ сидите теперь здѣсь, замѣтите это, приходъ вашъ доставилъ бы мнѣ больше отрады, чѣмъ попутный вѣтеръ для корабля въ штиль. Но вамъ нельзя видѣть Соломона Гильса. А почему нельзя вамъ видѣть Соломона Гильса? – продолжалъ капитанъ, замѣчая по лицу джентльмена глубокое впечатлѣніе, произведенное на его душу, – потому что онъ невидимъ.

Озадаченный м-ръ Тутсъ имѣлъ намѣреніе замѣтить, что это ничего, но тутъ же опомнился и, поправляя себя, воскликнулъ:

– О, Господи, твоя воля!

– Да, воля Господня, конечно, его святая воля, а старика Соля все-таки не видать намъ съ вами, какъ своихъ ушей. Онъ поручилъ мнѣ письменнымъ документомъ хранить и опекать всѣ его вещи, и хотя мы жили съ нимъ душа въ душу, какъ единоутробные братья, а все-таки я не больше вашего знаю, куда онъ ушелъ и зачѣмъ онъ ушелъ. Можетъ онъ, ищетъ племянника, а можетъ, давнымъ давно свернулъ себѣ шею. Въ одно утро на разсвѣтѣ бултыхнулъ онъ черезъ бортъ – и поминай какъ звали! Я искалъ его на водѣ и на землѣ, смотрѣлъ, прислушивался, щупалъ – сгинулъ старикъ Соломонъ, и нѣтъ мнѣ покою съ того самого часа ни днемъ, ни ночью. Такъ-то, молодой человѣкъ!

– Но миссъ Домби... ахъ, Боже мой, миссъ Домби не знаетъ... – началъ м-ръ Тутсъ.

– Зачѣмъ же и знать ей? – говорилъ капитанъ, понизивъ голосъ. – Я спрашиваю васъ, какъ чувствительнаго молодого человѣка, зачѣмъ и знать ей эти вещи, если нѣтъ въ нихъ никакой надежды? Она была привязана къ Солю – милое созданіе – привязана нѣжно, искренно, великодушно и... зачѣмъ объ этомъ распространяться? вы знаете ее сами.

– Надѣюсь, что знаю, – пробормоталъ м-ръ Тутсъ, покраснѣвъ до ушей.

– И вы теперь отъ нея?

– Надѣюсь, что такъ.

– Послѣ этого мнѣ остается только замѣтить, что вы знаете ангела и посланы сюда ангеломъ.

М-ръ Тутсъ мгновенно схватилъ руки капитана и началъ предлагать къ его услугамъ свою пламенную дружбу.

– Клянусь честью, господинъ капитанъ, вы премного меня обяжете, если станете искать моего знакомства. Я готовъ съ вами подружиться хоть сейчасъ. У меня нѣтъ друзей, капитанъ, ей Богу нѣтъ. Маленькій Домби былъ моимъ другомъ въ блимбергскомъ пансіонѣ, былъ бы и теперь, если бы не умеръ. Лапчатый Гусь, – м-ръ Тутсъ продолжалъ шепотомъ – превосходенъ

по своей части, и голова, что называется. съ мозгомъ, какъ всѣ говорятъ, гораздъ на всѣ руки, а если присмотришься хорошенько, да подумаешь попристальнѣе, и выходитъ, что все не то. Да, капитанъ, вы правы: она ангель. Если есть ангель на землѣ, такъ это миссъ Домби. Я всегда такъ думалъ. Ей-Богу, капитанъ, постарайтесь, пожалуйста, завязать со мной знакомство, вы премного меня обяжете.

Капитанъ принялъ предложеніе учтивымъ образомъ, но покамѣстъ еще не рѣшался заключить тѣснѣйшаго союза.

– Посмотримъ, поглядимъ, – говорилъ Куттль, – а между тѣмъ скажите-ка, молодой человекъ, какому случаю я обязанъ честью вашего визита?

– Какъ бы это объяснить вамъ, капитанъ? Я, изволите видѣть... то есть, я, собственно говоря, пришелъ сюда по порученію той молодой женщины... Ну, знаете, я думаю, Сусанной зовутъ.

Капитанъ утвердительно кивнулъ головою, и лицо его приняло весьма серьезное выраженіе, изъ котораго явствовало, насколько онъ уважалъ эту молодую женщину.

– Я, если хотите, разкажу вамъ по порядку все, какъ было. Вы, я полагаю, слышали, что я частенько захожу къ миссъ Домби. То есть оно не то, чтобы нарочно, вы понимаете, но всегда приходится такъ, что я очень часто бываю въ тѣхъ краяхъ; ну, а какъ скоро попаду туда, такъ и думаю себѣ, почему не зайти къ миссъ Домби, почему? а?

– Конечно, – замѣтилъ капитанъ.

– Да, да, вы угадали, капитанъ. Вотъ я позавтракалъ сегодня, да и пошелъ туда, пошелъ да и пришелъ. Почему не прійти, а?

– Конечно, конечно.

– Такъ-таки и пришелъ. Ей-Богу, капитанъ, провались я сквозь землю, если миссъ Домби не была нынѣшнее утро настоящимъ ангеломъ. Вообразить этого нельзя, – надо видѣть собственными глазами.

Капитанъ сдѣлалъ многозначительный жестъ, который долженъ былъ означать: кому другому нельзя, а для меня эти вещи ясны, какъ день.

– И вотъ, капитанъ, когда я собрался домой, молодая женщина совершенно неожиданно возьми меня, да и потащи въ чуланъ.

Въ это мгновеніе лицо капитана приняло самое строгое выраженіе, и онъ, повернувшись на своихъ креслахъ, бросилъ на молодого человекъ угрожающій взоръ.

– Зачѣмъ бы, думаю себѣ, она притащила меня въ чуланъ? Лишь только я заикнулся объ этомъ спросить, она вынула изъ-за пазухи вотъ эту газету, вынула и говорить: "Я, дескать, м-ръ Тутсъ, спрятала этотъ листокъ отъ миссъ Домби, потому что, говорить, здѣсь писано кое-что, говорить, о томъ, кого я и миссъ Домби знавали", говорить. Потомъ она и прочти мнѣ одно мѣсто въ этомъ листкѣ. Очень хорошо. Потомъ говорить... что бишь она говорить? Дайте подумать, капитанъ. Я мигомъ вспомню.

Сосредоточивъ на этомъ пунктѣ умственные силы, м-ръ Тутсъ нечаянно взглянулъ на капитана и былъ такъ пораженъ безпокойнымъ выраженіемъ этого лица, что его затрудненіе продолжать нить прерваннаго разсказа возросло до послѣдней степени.

– Охъ! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ послѣ непродолжительнаго размышленія. – О! а! Нашелъ, нашелъ! "Надѣюсь, говорить, что все это, можетъ быть, и неправда, а все-таки, говорить, нечего заранѣе пугать миссъ Домби. Потрудитесь, говорить, м-ръ Тутсъ, зайти къ м-ру Соломону Гильсу, инструментальному мастеру, который, говорить, живетъ тамъ-то и тамъ-то, и спросите, говорить, какъ онъ думаетъ объ этихъ вещахъ и не провѣдалъ ли онъ еще что-нибудь въ Сити. Если онъ, говорить, самъ не можетъ говорить съ вами, такъ найдите, говорить, капитана Куттля; онъ объяснитъ все". А вотъ и кстати! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ, какъ будто внезапное открытіе озарило его. – Вы теперь знаете все. А?

Капитанъ взглянулъ на газету въ рукѣ м-ра Тутса, и дыханіе его ускорилося необыкновеннымъ образомъ.

– Ну, а сюда пришелъ я довольно поздно потому, что сначала мнѣ нужно было съѣздить въ загородную рощу верстъ за пятнадцать, гдѣ, вы знаете, растетъ отмѣнная травка, которой, видите ли, нужно было нарвать для канарейки миссъ Домби. Зато ужъ послѣ я прямо и бросился сюда. Вотъ я и здѣсь. Вы, я думаю, читали этотъ листокъ, капитанъ Куттль?

Капитанъ отрицательно покачалъ головой. Онъ уже давненько не бралъ въ руки газетъ изъ опасенія наткнуться на длинное объявленіе м-съ Макъ Стингеръ о его побѣгѣ.

– Хотите, я вамъ прочту? – спросилъ м-ръ Тутсъ.

Капитанъ подалъ утвердительный знакъ, и м-ръ Тутсъ началъ читать слѣдующее корабельное извѣстіе:

"Соутгэмптонъ. Корабль "Вызовъ на бой", шкиперъ Генрихъ Джемсъ, прибывшій сегодня въ нашу гавань съ грузомъ сахара, кофе и рому, извѣщаетъ, что, будучи въ шестой день своего обратнаго плаванія изъ Ямайки заштилеванъ подь"... ну, вы знаете, подь такой-то и такой-то широтой, – сказала м-ръ Тутсъ послѣ бесполезнаго покушенія разгадать смыслъ таинственныхъ фигуръ.

– Впередъ, впередъ, дружище! – воскликнулъ капитанъ, ударяя со всего размаху кулакомъ по столу.

– "Широтой и долготой" – такой-то и такой-то, вы знаете, – замѣтилъ за полчаса передъ солнечнымъ закатомъ обломки корабля, стоявшаго въ дрейфѣ на разстояніи мили. Такъ какъ погода стояла тихая, продолжать плаваніе было невозможно, то «Вызовъ» спустилъ лодку съ приказаніемъ собрать свѣдѣнія объ участи несчастнаго судна. Оказалось, что то былъ англійскій корабль, вмѣщавшій груза до пятисотъ тоннъ и почти совершенно уничтоженный крушеніемъ. Мачты были сломаны, главныя снасти были повреждены, но корма уцѣлѣла, и на ней ясно было можно разобрать слова: "Сынъ и Н***". На обломкахъ не замѣтили никакихъ слѣдовъ мертваго тѣла. Вечеромъ, при попутномъ вѣтрѣ, «Вызовъ» продолжалъ плаваніе и потерялъ изъ виду погибшій корабль. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что теперь навсегда приведены въ ясность догадки о судьбѣ пропавшаго безъ вѣсти корабля "Сынъ и Наслѣдникъ", вышедшаго изъ Лондона по направленію къ острову Барбадосу: онъ погибъ окончательно въ послѣднюю бурю со всѣмъ экипажемъ, и ни одна душа не уцѣлѣла".

Вплоть до настоящей минуты капитанъ, подобно всякому смертному въ этомъ положеніи, отнюдь не подозрѣвалъ, какъ много надежды таилось въ его растерзанномъ сердцѣ; но теперь надъ нимъ разразился роковой ударъ смерти. Въ продолженіе чтенія и минуты двѣ послѣ онъ неподвижно сидѣлъ, какъ истуканъ, обративъ окаменѣлый взоръ на м-ра Тутса. Потомъ онъ вдругъ сдѣлалъ движеніе, схватилъ лощеную шляпу, которая въ честь посѣтителя лежала на столѣ, обратился къ нему спиной и прислонился головою къ камину.

– О, Творецъ небесный! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ, растроганный до глубины души неожиданной грустью капитана, – какія ужасныя страсти на этомъ треклятомъ свѣтѣ! Всегда кто-нибудь умираетъ или попадаетъ впросакъ, и нѣтъ конца и счету всѣмъ этимъ ужасамъ. Вотъ тебѣ и раздольный свѣтъ, нечего сказать! Стоитъ послѣ этого одѣваться у Борджеса, покупать лошадей и убирать квартиру! Да я бы плюнулъ на свое наслѣдство, если бы заранѣе зналъ да вѣдалъ всѣ эти вещи! Хуже, чортъ побери, чѣмъ у Блимбера.

Капитанъ, не перемѣняя положенія, сдѣлалъ знакъ своему гостю, чтобы тотъ о немъ не беспокоился; потомъ, надвинувъ шляпу до ушей и выступая впередъ, онъ зарыдалъ:

– О, Вальтеръ, милый Вальтеръ, прощай! дитя мое, отрокъ мой, юноша прекрасный, я любилъ тебя! Ты не отъ плоти моей и не отъ крови моей, бѣдный Вальтеръ, но все, что чувствуешь отецъ, теряя сына, чувствую теперь я, лишаясь своего милаго Вальтера. А почему? потому, что здѣсь въ одной потерѣ цѣлыя дюжины потерь. Гдѣ этотъ юный школьникъ съ розовымъ личикомъ и курчавыми волосами, который бывало каждую недѣлю приходилъ въ эту гости-

ную, игривый и веселый, какъ Божья птичка? Погибъ вмѣстѣ съ Вальтеромъ. Гдѣ этотъ свѣжій мальчикъ, который стыдился. и краснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, когда мы дразнили его прекраснымъ женихомъ нашей ненаглядной голубицы? Погибъ вмѣстѣ съ Вальтеромъ. Гдѣ этотъ бѣдный, огненный юноша, который ухаживалъ, какъ нянька, за бѣднымъ старикомъ и никогда не заботился о себѣ? Погибъ вмѣстѣ съ Вальтеромъ. О да, о да! не одинъ здѣсь Вальтеръ, а цѣлыя дюжины, и всѣхъ ихъ я любилъ, и всѣ они уцѣпились за одного Вальтера, который потонулъ, и я тону вмѣстѣ съ ними, тону, тону!

М-ръ Тутсъ сидѣлъ молча, перевертывая на ко лѣняхъ газету съ возможною осторожностью.

– Соломонъ, Соломонъ! о бѣдный б_е_з_п_л_е_м_я_н_н_ы_й старикъ Соломонъ! куда ты скрылся, куда отлетѣлъ? Тебя оставили на мои руки, и послѣднія слова его были: "Береги моего дядю!" Что же случилось съ тобой, Соломонъ? Какую мысль скрывалъ ты въ своей душѣ, когда хитрилъ передъ старымъ другомъ и обманывалъ своего Неда Куттля? Что теперь скажу я твоему племяннику, который смотритъ на меня съ высоты неба и спрашиваетъ о тебѣ? Соль Гильсъ! Соль Гильсъ! – продолжалъ капитанъ, слегка качая головой, – попадись тебѣ эта газета на чужбинѣ, тамъ, гдѣ никто не знаетъ милаго Вальтера, гдѣ не съ кѣмъ промолвить о немъ словечка, тебя, мой другъ, накренить до затылка, и пойдешь ты ко дну съ руками и ногами!

Испустивъ глубокій вздохъ, капитанъ обратился, наконецъ, къ м-ру Тутсу, совсѣмъ забытому во время этой іереміады.

– Вы должны, мой другъ, сказать молодой женщинѣ откровенно, что роковое извѣстіе справедливо. Объ этихъ вещахъ не сочиняютъ романовъ. Объявленіе внесено въ корабельный журналъ, а это самая правдивая книга, какую только можетъ написать человекъ. Завтра поутру, пожалуй я отправлюсь на развѣдки, только это ни къ чему доброму не поведетъ. Потрудитесь завернуть ко мнѣ передъ обѣдомъ: я сообщу вамъ все, что услышу; но скажите молодой женщинѣ именемъ Куттля, что все погибло, все!

И капитанъ, скинувъ лощеную шляпу, втнулъ оттуда карманный платокъ, вытеръ свою посѣдѣвшую голову и опять всунулъ платокъ съ равнодушіемъ глубокаго отчаянія.

– О, увѣряю васъ, капитанъ, – сказала м-ръ Тутсъ, – я въ совершенномъ отчаяніи, Ей-Богу, правда, хотя я не былъ знакомъ съ этимъ молодымъ человекомъ. Какъ вы думаете, миссъ Домби будетъ очень печальна, капитанъ Гильсъ... то есть м-ръ Куттль?

– Господи, помилуй! – воскликнулъ капитанъ, очевидно изумленный невинностью м-ра Тутса, – да когда она была не выше вотъ этого, они уже были влюблены другъ въ друга, какъ нѣжные голубки.

– Неужто! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ.

– Они были сотворены другъ для друга, – продолжалъ капитанъ печально, – да что въ этомъ толку теперь?

– Клянусь честью, капитанъ, я теперь даже больше въ отчаяніи, чѣмъ прежде. Вы знаете, я рѣшительно обожаю миссъ Домби, я... я... я съ ума схожу, такъ-таки просто и схожу...

Несчастный м-ръ Тутсъ исповѣдался съ величайшей энергіей, и жесты, которые онъ дѣлалъ, ручались за искренность его чувствъ.

– Но на какого дьявола всѣ эти чувства, если бы я не былъ огорченъ несчастьемъ миссъ Домби, какая бы ни была его причина. Моя страсть, капитанъ Гильсъ, безкорыстная страсть, вы знаете. Это страсть, м-ръ Куттль... да что тутъ толковать! Если бы для удовольствія миссъ Домби нужно было подкатиться подъ колеса кареты, или броситься съ пятаго этажа, или повѣситься на перекресткѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, Ей-Богу, капитанъ Гильсъ, я бы мигомъ все это сдѣлалъ и считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ человекомъ.

Все это, однако, было произнесено съ натугой и вполголоса для предупрежденія ревнивыхъ ушей Лапчатаго Гуса, который не слишкомъ жаловалъ сердечныя изліянія. При такомъ усилии подавить взволнованныя чувства, м-ръ Тутсъ раскраснѣлся до самыхъ ушей, и его особа

представила глазамъ капитааа самое трогательное зрѣлище безкорыстной любви. Въ знакъ искренняго сочувствія, добрый капитанъ иогладилъ своего гостя по спинѣ и совѣтоваль не унывать.

– Благодарю васъ, капитанъ Гильсъ, благодарю, это очень любезно съ вашей стороны утѣшать горемыку, когда тоска обуяла васъ самихъ еще, можетъ, больше моего. Премного вамъ обязанъ, м-ръ Гильсъ. У меня, какъ я уже говорилъ, рѣшительно нѣтъ друга, и я чрезвычайно радъ, что познакомился съ вами. При всемъ богатствѣ – а я очень богатъ, – продолжалъ м-ръ Тутсъ энергическимъ тономъ, – вы не можете представить, какая я бѣдная скотина. Ротозѣи думаютъ, что я очень счастливъ, когда видятъ меня съ Лапчатымъ Гусемъ и другими знаковыми особами; а я, что называется, хуже всякой собаки. Я тоскую, капитанъ Гильсъ, день и ночь тоскую по миссъ Домби. Меня отбило отъ ѣды, а портной ужъ и на умъ не идетъ. Часто я плачу, какъ ребенокъ, когда сижу одинъ на диванѣ. Увѣряю васъ, мнѣ очень пріятно будетъ зайти къ намъ завтра поутру. если хотите, я буду пожалуй заходить къ вамъ по пятидесяти разъ въ сутки.

Съ этими словами м-ръ Тутсъ дружески пожалъ капитанскую руку и, подавивъ, сколько было можно, внутреннее волненіе, вышелъ изъ гостиной въ магазинъ, гдѣ дожидался его знаменитый боксеръ, Лапчатый Гусь, готовый ревновать ко всякому постороннему вліянію надъ своимъ питомцемъ, искоса и даже сердито посматрѣлъ на капитана, когда тотъ прощался съ м-ромъ Тутсомъ, однако, ничѣмъ болѣе не обнаружилъ своего недоброжелательства и безмолвно вышелъ изъ дверей, оставивъ въ необыкновенномъ восторгѣ Робина, который цѣлыхъ полчаса имѣлъ высокую честь сидѣть съ глазу на глазъ съ великимъ побѣдителемъ шропшейрскаго силача.

Уже давно Точильщикъ храпѣлъ въ мертвую голову подъ прилавкомъ, а капитанъ все еще сидѣлъ у камина и смотрѣлъ на догоравшій огонь. Истлѣлъ огонь и превратился въ золу, но капитанъ не отошелъ отъ каминной рѣшетки, и думы, одна другой мрачнѣе, толпами носились передъ его умственнымъ взоромъ. Наконецъ, онъ удалился въ спальню старика Соля, но и тамъ ни на одно мгновенье не оставили его мрачныя мысли: капитанъ оставилъ постель съ разсвѣтомъ, задумчивый и грустный.

Какъ скоро отворились конторы въ Сити, капитанъ направилъ свои шаги по направленію къ фирмѣ Домби и Сына. Окна деревяннаго мичмана этимъ утромъ не освѣщались: Робъ, по приказанію капитана, не отворялъ ставней, и домъ по виду своему превратился въ жилище смерти.

Случилось такъ, что м-ръ Каркеръ прибылъ въ контору въ то самое время, когда капитанъ подошелъ къ дверямъ.

Не отвѣчая ничего на привѣтствіе главнаго приказчика, Куттль съ важнымъ видомъ послѣдовалъ за нимъ въ его кабинетъ.

– Что скажете, капитанъ Куттль? – началъ м-ръ Каркеръ, скидая шляпу и занимая свое обыкновенное мѣсто передъ каминомъ. – Говорите скорѣе: у насъ сегодня бездна хлопотъ.

– Читали вы, сэръ, вчерашнее объявленіе въ газетахъ? – спросилъ капитанъ.

– Читаль. У насъ все приведено въ ясности. Объявленіе подробно и точно. Подписчики должны потерпѣть значительный уронъ. Мы очень жалѣемъ. Что дѣлать? такова жизнь!

Говоря это, м-ръ Каркеръ обрѣзываль перочиннымъ ножомъ свои ногти и улыбзлся.

– Чрезвычайно жалю о бѣдномъ Гэѣ, – продолжалъ Каркеръ, – и обо всемъ экипажѣ. Были тамъ молодцы, достойные лучшей участи. Что дѣлать? всегда такъ случается. Были цѣлыя семейства. У бѣднаго Гэя ни роду, ни племени: это еще хорошо, капитанъ Куттль!

Каиитанъ держался рукою за подбородокъ и безмолвно смотрѣлъ на приказчика. М-ръ Каркеръ взглянулъ на конторку и взялъ новую газету.

– Вамъ что-нибудь нужно, капитанъ Куттль? – спросилъ онъ улыбаясь и выразительно взглянувъ на дверь.

– Мнѣ бы хотѣлось, сэръ, успокоить свою совѣсть насчетъ одного пункта, который очень меня тревожитъ.

– Это что еще? – съ нетерпѣніемъ воскликнулъ приказчикъ, – не угодно ли вамъ объясниться скорѣе съ вашимъ пунктомъ; я очень занятъ, предупреждаю васъ, капитанъ Куттль.

– Дѣло вотъ видите ли въ чемъ, сэръ, – началъ капитанъ, выступая впередъ, – незадолго до этого несчастнаго путешествія, бѣдный Вал...

– Безъ предисловія, капитанъ Куттль, безъ предисловія, если угодно. Какія тутъ еще несчастныя путешествія? Намъ съ вами, любезный мой капитанъ, нечего толковать о несчастныхъ путешествіяхъ. Раненко вы сегодня запустили за галстукъ, а не то бы вспомнили, что рискъ въ путешествіяхъ одинаковъ вездѣ, на водѣ и на сухомъ пути. Не думаете ли вы, что молодець – какъ бишь его? – погибъ отъ противнаго вѣтру, который подулъ на него въ этихъ конторахъ? Фи! Проспитесь хорошенько и выпейте стаканъ содовой воды: это лучшее лѣкарство противъ пункта, который васъ тревожитъ.

– Дружище... – возразилъ капитанъ тихимъ голосомъ, – вы почти были моимъ другомъ, и потому я не прошу извиненія, что это слово сорвалось съ языка; если вы находите удовольствіе въ такихъ шуткахъ, то вы далеко не такой джентльменъ, какимъ я васъ считалъ, и значить, я жестоко ошибся. Теперь вотъ въ чемъ дѣло, м-ръ Каркеръ. Незадолго до своего отправленія въ это несчастное путешествіе, бѣдный Вальтеръ говорилъ мнѣ, что его посылаютъ не на добро и совсѣмъ не для того, чтобы онъ составилъ свою карьеру. Я полагалъ, что молодой человѣкъ ошибается и старался его успокоить. Но чтобы самому вѣрнѣе убѣдиться въ своемъ предположеніи, я, за отсутствіемъ вашего адмирала, пришелъ къ вамъ, м-ръ Каркеръ, предложить учтивымъ образомъ два, три вопроса. Теперь, когда все кончилось, и когда уже нѣтъ болѣе никакого спасенія, я рѣшился еще разъ придти къ вамъ, сэръ, и окончательно удостовѣриться, точно ли я не ошибся. Точно ли поступалъ я, какъ слѣдуетъ честному человѣку, когда не открылъ въ свое время опасеній Вальтера его старому дядѣ, и точно ли, наконецъ, по распоряженію фирмы, назначившей молодого человѣка въ Барбадось, долженъ былъ раздуть попутный вѣтеръ его паруса? отвѣчайте м-ръ Каркеръ, убѣдительно прошу васъ, отвѣчайте. Вы приняли меня въ ту пору съ большимъ радушіемъ и были со мной очень любезны. Если нынѣшнимъ утромъ самъ я не очень былъ любезенъ по отношенію къ бѣдному моему другу, и если позволилъ себѣ сдѣлать какое-нибудь неприятное замѣчаніе, то мое имя – Эдуардъ Куттль, и я вашъ покорный слуга.

– Капитанъ Куттль, – сказала приказчикъ самымъ учтивымъ тономъ, – я долженъ просить васъ сдѣлать мнѣ милость.

– Какую, м-ръ Каркеръ?

– Я долженъ просить васъ объ одолженіи убраться отсюда вонъ и оставить меня въ покоѣ. Проваливайте, куда хотите съ вашей безумной болтовней.

Всѣ морщины на лицѣ капитана побѣлѣли отъ изумленія и наполнились страшнѣйшимъ негодованіемъ. Даже красный экваторъ посреди его лба поблѣднѣлъ, подобно радугѣ между собирающимися облаками.

– Я былъ слишкомъ снисходителенъ, когда вы приходили сюда первый разъ, любезный мой капитанъ Куттль, – продолжалъ Каркеръ, улыбаясь и показывая на дверь. – Вы принадлежите къ хитрой и дерзкой породѣ людей. Если я терпѣлъ васъ, добрый мой капитанъ, то единственно потому, чтобы не вытолкали отсюда въ зашеекъ вашего молодца – какъ бишь его зовутъ? но это былъ первый и послѣдній разъ – слышите ли? – послѣдній. Теперь, не угодно ли вонъ отсюда, добрый мой другъ.

Капитанъ буквально приросъ къ землѣ и потерялъ всякую способность говорить.

– Ступайте, говорю я вамъ, – продолжалъ приказчикъ, загибая руки подъ фалды фрака и раздвинувъ ноги на половикѣ, – ступайте добромъ и не заставляйте прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы васъ выпроводили. Если бы, добрый мой капитанъ, былъ здѣсь м-ръ

Домби, вы бы принуждены были выбраться отсюда позорнѣйшимъ образомъ. Я только говорю вамъ: ступайте!

Капитанъ, положивъ свою увѣсистую руку на грудь, смотрѣлъ на Каркера, на стѣны, на потолокъ и опять на Каркера, какъ будто не совсѣмъ ясно представлялъ, куда и въ какое общество занесла его судьба.

– Вы слишкомъ глубоки, добрый мой капитанъ Куттль, но помѣрять васъ, я думаю, все-таки можно хоть изъ удовольствія полюбоваться, что кроется на днѣ вашего глубокомыслія. Я таки, съ вашего позволенія, немножко поизмѣрять и васъ, добрый мой капитанъ, и вашего отсутствующаго пріятели. Что вы съ нимъ подѣлывали, а?

Опять капитанъ положилъ свою руку на грудь и, вздохнувъ изъ глубины души, едва могъ проговорить шепотомъ: "держись крѣпче!"

– Вы куете безстыдные заговоры, собираетесь на плутовскія совѣщанія, назначаете безсовѣстныя rendez-vous и принимаете въ своемъ вертепѣ простодушныхъ дѣвушекъ, такъ ли капитанъ Куттль? Да послѣ этого надобно быть просто съ мѣднымъ лбомъ, чтобы осмѣлиться придти сюда! Ахъ вы заговорщики! прятальщики! бѣглецы! бездомники! Ступайте вонъ, еще разъ вамъ говорю, или васъ вытолкають за шиворотъ!

– Дружище, – началъ капитанъ, задыхаясь и дрожащимъ голосомъ, – обо многомъ я хотѣлъ бы съ тобой переговорить, но въ эту минуту языкъ мой остается на привязи. Мой молодой другъ, Вальтеръ, потонулъ для меня только прошлую ночью, и я, какъ видишь, стою на экваторѣ. Но ты и я еще живы, любезный мой благодѣтель, и авось корабли наши столкнутся когда-нибудь борть о борть.

– Не совѣтую тебѣ этого желать, любезный мой другъ, – отвѣчалъ Каркеръ съ тою же саркастическою откровенностью, – наши встрѣчи для тебя не обойдутся даромъ, будь въ этомъ увѣренъ. Человѣкъ я не слишкомъ нравственный; но пока я живъ, и пока есть у меня уши и глаза, я никому въ свѣтъ не позволю издѣваться надъ домомъ или шутить надъ кѣмъ-нибудь изъ его членовъ. Помни это хорошенько, любезный другъ, и маршъ-маршъ на лѣво кругомъ.

Оглянувшись еще разъ вокругъ себя, капитанъ медленно вышелъ изъ дверей, оставивъ м-ра Каркера передъ каминомъ въ самомъ веселомъ и счастливомъ расположеніи духа, какъ будто душа его была столь же чиста, какъ его блестящее голландское бѣлье.

Проходя черезъ контору, капитанъ инстинктивно взглянулъ на мѣсто, гдѣ сиживалъ бѣдный Вальтеръ; тамъ теперь былъ другой молодой человѣкъ съ прекраснымъ свѣжимъ лицомъ, точь-въ-точь какъ у Вальтера, когда они въ маленькой гостиной откупоривали предпоследнюю бутылку знаменитой старой мадеры. Сцѣпленіе идей, пробужденныхъ такимъ образомъ, значительно облегчило душу капитана. Мало-по-малу сильный гнѣвъ началъ потухать, и слезы ручьями полились изъ его глазъ.

Возвратившись къ деревянному мичману, капитанъ усѣлся въ углу темнаго магазина, и его негодованіе, при всей напряженности, совершенно уступило мѣсто душевной тоскѣ. Всякая вражда должна была умолкнуть передъ торжественнымъ лицомъ смерти, и никакіе плуты въ свѣтъ не могли устоять передъ священной памятью отшедшаго друга.

Единственная вещь, которая, независимо отъ гибели Вальтера, представлялась уму капитана съ нѣкоторою ясностью, была та, что вмѣстѣ съ Вальтеромъ погибли для него всѣ связи въ этомъ мірѣ. Онъ упрекалъ себя, и довольно сильно, за содѣйствіе невинному обману Вальтера, но въ то же время, вспоминая о м-рѣ Каркерѣ, извинялъ себя тѣмъ, что приведенъ былъ въ заблужденіе такимъ плутомъ, который могъ опутать самого сатану. М-ръ Домби, тоже какъ его приказчикъ, былъ, очевидно, человѣкомъ недосыгаемымъ и недоступнымъ въ человѣческихъ отношеніяхъ. О встрѣчѣ съ Флоренсой теперь, конечно, нельзя было и думать, и баллада о любовныхъ похожденияхъ Пегги должна быть предана вѣчному забвенію. Думая о всѣхъ этихъ вещахъ и совершенно забывая о собственной обидѣ, капитанъ Куттль пристально и тоск-

ливо смотрѣлъ на мебель темной комнаты, какъ будто видѣлъ въ ней корабельные обломки, въ беспорядкѣ разбросанные передъ его глазами.

При всемъ томъ, капитанъ не забылъ своего послѣдняго земного долга въ отношеніи къ бѣдному Вальтеру. Подбодривъ себя и разбудивъ Роба, который въ самомъ дѣлѣ чуть не уснулъ при этихъ искусственныхъ сумеркахъ, капитанъ заперъ на ключъ двери магазина и, отправившись вмѣстѣ съ нимъ на толкучій рынокъ, купилъ двѣ пары траурнаго платья – одну, необычайно узкую, для Точильщика, другую, необычайно широкую, для собственной особы. Онъ промыслилъ также для Робина оригинальную шляпу, равно замѣчательную какъ по симметріи, такъ и по счастливому сочетанію въ ней матроса съ угольнымъ мастеромъ. Все это имъ продалъ одинъ честнѣйшій негодянтъ, который самъ не могъ надивиться, какимъ образомъ платью пришлось имъ впору, и замѣтилъ относительно фасона, что изящнѣе ничего не могли выдумать всѣ художники города Лондона, соединенные вмѣстѣ. На этомъ основаніи капитанъ и Точильщикъ тотчасъ же облеклись въ свои новые костюмы и представили глазамъ изумленныхъ наблюдателей чудную картину, достойную геніальнѣйшей кисти.

Въ этой измѣненной формѣ капитанъ имѣлъ честь принимать у себя передъ обѣдомъ м-ра Тутса.

– Я теперь на экваторѣ, молодой человѣкъ, и могу только иодтвердить вчерашнія новости! Скажите молодой женщинѣ, чтобы она осторожно сообщила объ этомъ молодой леди, и скажите еще, чтобы онѣ обѣ не думали больше о капитанѣ Куттлѣ, хотя самъ я буду думать о нихъ, когда ураганы омрачатъ горизонтъ и волны разъярятся на бурномъ морѣ... приищите это мѣсто у доктора Уатса и положите закладку²⁰.

Разсмотрѣніе дружескихъ проектовъ м-ра Тутса капитанъ отложилъ до удобнѣйшаго времени и поспѣшилъ проститься съ этимъ джентльменомъ. Духъ капитана Куттля разстроился до такой степени, что онъ почти рѣшился въ этотъ день не принимать предосторожностей противъ вторженія м-съ Макъ Стингеръ и безопасно оставить себя на произволь слѣпого рока, не помышляя о томъ, что можетъ случиться. Къ вечеру, однако, ему замѣтно сдѣлалось лучше, и онъ разговорился съ Робинемъ о Вальтерѣ, причемъ весьма лестно и благосклонно отозвался объ усердіи и вѣрности самого Робина. Точильщикъ не краснѣя слушалъ всѣ эти похвалы и, вытаращивъ глаза на своего хозяина, притворился растроганнымъ до слезъ отъ глубокаго сочувствія. Въ то же время онъ старался удержать въ своей головѣ съ наивозможною точностью всѣ слова и жесты капитана, чтобы при первомъ случаѣ представить подробный рапортъ м-ру Каркеру. Шпіонъ!

Какъ скоро Точильщикъ заснулъ крѣпкимъ сномъ подъ своимъ прилавкомъ, капитанъ зажегъ восковую свѣчу, надѣлъ очки – при вступленіи въ магазинъ инструментальнаго мастера онъ считалъ непремѣнною обязанностью надѣвать очки, хотя у него зрѣніе было ястребиное – и открылъ молитвенникъ на статьѣ: «Панихида». Долго и усердно читалъ капитанъ, останавливаясь по временамъ, чтобы отереть глаза, съ благоговѣніемъ поручая душу своего друга Господу Богу. Вѣчная тебѣ память, Вальтеръ Гэй!

²⁰ Doctor Watts – извѣстный сочинитель молитвъ и гимновъ; но капитанъ Куттль здѣсь, какъ и вездѣ, дѣлаетъ невѣрную цитату, выхвативъ нѣсколько словъ изъ матросской пѣсни и приписавъ ихъ Уатсу. *Примѣч. перев.*

Глава XXXIII Контрасты

Взглянемъ теперь на два дома, не близкіе одинъ отъ другого, однако, и не такъ отдаленные, чтобы сообщеніе между ними могло казаться затруднительнымъ въ этомъ огромномъ городѣ, Лондонѣ.

Первый стоитъ въ зеленомъ и лѣсистомъ предмѣстьи близъ Норвуда. Это – не чертогъ. Но безъ малѣйшей претензіи на огромность, домикъ расположенъ прекрасно и обстроень со вкусомъ. Уютная терраса, покрытая дерномъ, цвѣтникъ, группы деревъ, изъ которыхъ выдѣляются прелестныя формы ивы и ясеня, оранжерея, сельская веранда съ пахучими растеніями, обвившимися вокругъ столбиковъ, простая наружность дома, хорошо расположенныя пристройки, – все это въ миниатюрныхъ размѣрахъ, приспособленныхъ къ деревенскому хозяйству, но во всемъ изобиліе изящества и комфорта, котораго до стало бы и на дворець. Это сказано не безъ основанія. При входѣ въ домикъ васъ поражаютъ изысканность и роскошь, и вы удивляетесь богатѣйшему колориту, съ которымъ встрѣчается вашъ глазъ на каждомъ шагу. Мебель превосходно приспособлена къ устройству и объему маленькихъ комнатъ; затѣйливыя стекляныя двери и окна пропускаютъ свѣту ни больше ни меньше, какъ сколько нужно для освѣщенія предметовъ на полу и на стѣнахъ. Здѣсь – небольшая коллекція эстамповъ и картинъ; тамъ – въ красивыхъ углубленіяхъ отборныя книги, а тутъ – фантастическія шахматы, игральныя кости, триктракъ, карты, билліарды.

И между тѣмъ, среди этого комфорта вы какъ-то недовольны общимъ впечатлѣніемъ домика съ его фантастической обстановкой. Отчего же это? Неужели ковры и подушки уже черезчуръ мягки и безшумны, такъ-что кто садится въ нихъ, садится какъ-будто украдкой. Неужели эстампы и картины не напоминаютъ вамъ великихъ мыслей или подвиговъ и представляютъ только сладострастныя формы, затѣйливыя фигуры, и больше ничего? Неужели книги въ золотыхъ обрѣзахъ принадлежатъ по своимъ заглавіямъ къ одной и той же категоріи съ эстампами и картинами? Неужели полнота и общее довольство опровергаются здѣсь и тамъ аффектаціею скромности и униженія, столько же фальшиваго, какъ лицо слишкомъ вѣрнаго портрета, висящаго на стѣнѣ, или его оригинала, который подъ нимъ завтракаетъ въ своихъ спокойныхъ креслахъ? Неужели, наконецъ, хозяинъ домика, отдѣляя чрезъ ежедневное дыханье частицу самого себя, мало-по-малу сообщилъ всѣмъ этимъ предметамъ неопредѣленное выраженіе собственной личности?

Итакъ, м-ръ Каркеръ, главный приказчикъ, кушаетъ свой завтракъ. Красивый попугай въ блестящей клѣткѣ на столѣ рвется, клюетъ проволоку и, гуляя подъ куполомъ вверхъ ногами, трясетъ свой домикъ и кричитъ; но м-ръ Каркеръ, не обращая вниманія на птицу, пристально и съ улыбкой глядится въ картину на противоположной стѣнѣ.

– Необыкновенное случайное сходство! – восклицаетъ м-ръ Каркеръ.

Чтоже это такое? Юнона? или просто какая-нибудь нимфа извѣстнаго сорта? Это фигура женщины, красавицы необыкновенной. Она немного отворотилась, но лицо ея обращено на зрителя, и она бросаетъ на него надменный взглядъ.

Удивительно похожа на Эдию!

М-ръ Каркеръ улыбается и, продолжая смотрѣть на картину, дѣлаетъ жестъ... угрозы? нѣтъ, однако, похожій на угрозу. Или этимъ выражалось сознаніе собственнаго торжества? нѣтъ, однако, почти такъ. Или онъ имѣлъ дерзость послать воздушный поцѣлуй? нѣтъ, а пожалуй, что и такъ. Сдѣлавъ этотъ многозначительный жестъ, м-ръ Каркеръ продолжаетъ завтракъ и смотритъ на заморскую плѣнную птицу, которая теперь барахтается въ вызолоченной клѣткѣ около обруча, очень похожаго на обручальное кольцо, и безъ усталости махаетъ крыльями для удовольствія своего хозяина.

Другой домъ находится на противоположной сторонѣ Лондона подлѣ большой Сѣверной дороги, нѣкогда дѣятельной и шумной, теперь заброшенной, пустой, и по которой тянутся только пѣшеходы за насущнымъ кускомъ хлѣба. Домикъ – бѣдный, тѣсный, скудно меблированный, но чистый и опрятный, даже съ претензіями на нѣкоторый комфортъ, обнаружившійся въ цвѣтахъ на окнахъ и разведенныхъ въ небольшомъ палисадникѣ. Окружающая перспектива не имѣетъ опредѣленнаго характера и значенія. Лежитъ скромный домикъ не то, чтобы за городомъ, но и не то, чтобы въ городѣ. Какъ могучій богатырь, собравшійся въ отдаленный путь, гигантскій городъ перешагнулъ черезъ это мѣсто и потащилъ впередъ свои кирпичныя и глиняныя ноги, но промежуточное пространство между этими ногами все еще остается бѣднымъ предмѣстьемъ, и здѣсь-то, между высокими трубами, изрыгающими день и ночь густые клубы дыму, уединенно расположенъ этотъ второй домикъ фасадомъ на поляну, гдѣ растутъ крапива и полынь, и куда въ эту минуту въ сотый разъ ненарокомъ забрелъ птичій охотникъ, который даетъ себѣ клятву никогда больше не заглядывать въ это дикое захолустье.

Живетъ здѣсь особа, оставившая первый домъ изъ преданности къ несчастному брату. Тамъ была она единственнымъ ангеломъ, сообщавшимъ жизнь и движеніе роскошной виллѣ, и хотя м-ръ Каркеръ пересталъ ее любить послѣ того, что онъ назвалъ ея неблагодарностью, хотя, въ свою очередь, онъ оставилъ ее совершенно, однако же, воспоминаніе о ней еще не умерло даже въ его сердцѣ и не изгладилось въ его домѣ; ея цвѣтникъ поддерживается въ прежнемъ видѣ, какъ-будто вчера только оставленный заботливой хозяйкой, хотя м-ръ Каркеръ не заглядываетъ въ него никогда.

Много съ той поры измѣнилась Герриэтъ Каркеръ, но не время набросило на ея красоту тѣнь печали, безпокойства и ежедневной борьбы съ бѣдственнымъ бытіемъ. При всемъ томъ Герриэтъ Каркеръ еще красавица, кроткая, спокойная, одинокая, удаленная отъ всѣхъ, для кого должны были расцвѣтать ея дѣвственныя прелести.

Да, никто не знаетъ Гарриэтъ Каркеръ. Никто не обращаетъ вниманія на дѣвушку въ ея бѣдномъ платьѣ домашняго издѣлія и увядающую со дня на день. И живетъ она въ забвеніи, въ совершенномъ удаленіи отъ свѣта, отдавшись скромнымъ и скучнымъ домашнимъ добродѣтелямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ принятыми понятіями о высокихъ подвигахъ героизма и саможертвованія...

Герриэтъ Каркеръ облокотилась на плечо мужчины, еще молодого, но посѣдѣвшаго и съ грустной физиономіей, исковерканной продолжительными страданіями. Это ея несчастный братъ, котораго она, и одна только она, ведетъ съ непримѣрнымъ самоотверженіемъ по бесплодной дорогѣ жизни, раздѣляя его позоръ и всѣ лишенія, сопряженныя съ его ужасною судьбою.

– Еще рано, Джонъ, – сказала Герриэтъ, – зачѣмъ ты идешь такъ рано?

– Не раньше и не позже какъ всегда, милая Герриэтъ. Будь у меня лишнихъ нѣсколько минутъ, я бы желалъ пройти мимо дома, гдѣ простился съ нимъ въ послѣдній разъ.

– Какъ жаль, что я не знала и не видѣла его!

– Это къ лучшему, другъ мой, если вспомнить его участь.

– Но я не могла бы теперь больше плакать, если бы и знала его лично. Твоя печаль вмѣстѣ и моя печаль. Но если бы я знала его такъ же, какъ ты, мое общество, конечно, было бы теперь отраднѣе для тебя.

– Есть ли на свѣтѣ радости или печали, которыхъ ты не раздѣляешь со мной, милая сестра?

– Надѣюсь, ты увѣренъ, что нѣтъ.

– Какъ же думать послѣ этого, что твое общество, въ томъ или другомъ случаѣ, будетъ для меня отраднѣе, нежели оно есть и будетъ всегда? Я чувствую, Гарриэтъ, ты знала моего друга и одобряла всѣ мои отношенія къ нему.

Герріэтъ тихонько отняла руку, покоющуюся на плечѣ брата, и, послѣ нѣкотораго колебанія, отвѣчала:

– Не совсѣмъ, Джонъ, не совсѣмъ.

– Ты думаешь, я не сдѣлалъ бы ему никакого вреда, если бы позволилъ себѣ сблизиться съ нимъ тѣснѣе?

– Да, я такъ думаю.

– Умышленно, конечно, видитъ Богъ, я бы не повредилъ; но во всякомъ случаѣ не должно было компрометировать его репутацію подобнымъ знакомствомъ. согласишься ли ты, моя милая, или не согласишься...

– Не соглашусь, не соглашусь.

– Но мнѣ даже теперь отрадно думать, что я всегда отстранялъ отъ себя пылкаго юношу. Затѣмъ Джонъ Каркеръ, оставляя меланхолическій тонъ, улыбнулся сестрѣ и сказалъ:

– Прощай, Герріэтъ!

– Прощай, милый Джонъ! Вечеромъ, въ извѣстный часъ и въ извѣстномъ мѣстѣ, я, по обыкновенію, выйду къ тебѣ навстрѣчу, когда ты будешь возвращаться домой. Прощай.

И она подставила ему свое лицо для поцѣлуя. Въ этомъ лицѣ былъ его домъ, его жизнь, его вселенная, и между тѣмъ въ немъ же заключалась часть его наказанія и печали. Въ легкомъ, едва замѣтномъ облакѣ, которое его покрывало, равно какъ въ постоянствѣ и въ томъ, что она принесла ему въ жертву свои радости, наслажденія, надежды, всю будущность, онъ видѣлъ горькіе, но всегда спѣлые и свѣжіе плоды своего стараго преступленія.

Герріэтъ стояла у дверей и, сложивъ руки на груди, смотрѣла, какъ ея братъ пробирается по неровной полосѣ зелени передъ ихъ домомъ, гдѣ еще такъ недавно былъ прекрасный зеленый лугъ, а теперь разстилался безобразный пустырь, загроможденный мусоромъ, кирпичами и досками, изъ-за которыхъ начинали проглядывать низкія хижины, разбросанныя неискусною рукою. Два-три раза Джонъ Каркеръ оглядывался назадъ и встрѣчалъ на лицѣ сестры лучезарную улыбку, падавшую живительнымъ лучомъ на его истерзанное сердце. Когда, наконецъ, онъ повернулъ за уголъ и скрылся изъ виду, долго сдерживаемыя слезы градомъ полились изъ глазъ его сестры.

Но недолго Герріэтъ Каркеръ могла предаваться своей печали. Человѣкъ въ нищетѣ не имѣетъ права думать о своемъ несчастіи, и ежедневныя мелкія хлопоты о средствахъ къ существованію заставляютъ его забыть, что есть въ немъ умъ, жаждущій благородной дѣятельности, и сердце, способное проникаться высокими чувствованіями. Убравъ комнату и вычистивъ мебель, Герріэтъ съ безпокойнымъ лицомъ сосчитала скудный запасъ серебряной монеты и побрела на рынокъ покупать припасы для сегодняшняго обѣда. Дорогой она размышляла, сколько ей можно этимъ утромъ съэкономить пенсовъ и полупенсовъ для чернаго дня. Такъ тянулась жизнь бѣдной женщины, скучная, грязная, однообразная. Не было передъ ней подбострастной толпы лакеевъ и служанокъ, передъ которыми тысячи другихъ женщинъ имѣютъ случай каждый день выставять на показъ возвышенное геройство своей души.

Между тѣмъ, какъ она выходила со двора, и въ домѣ не оставалось живой души, къ дому подошелъ какой-то джентльменъ, уже не молодой, но здоровый и цвѣтушій, съ пріятной физиономіей и добродушнымъ взглядомъ. Брови его были еще черны, какъ уголь, въ густыхъ волосахъ на головѣ пробивалась просѣдь, сообщавшая честнымъ глазамъ и широкому открытому лбу самый почтенный видъ.

Онъ стукнулъ въ дверь одинъ разъ и, не получивъ отвѣта, усѣлся на скамейкѣ передъ воротами. По искусному движенію его пальцевъ, выбивавшихъ правильный тактъ на деревянной доскѣ, можно было заключить о привычкахъ музыканта, а по необыкновенному удовольствію, которое онъ чувствовалъ отъ протяжнаго напѣванія аріи, очевидно, новой, и которую онъ самъ сочинялъ въ эту минуту, можно было догадываться, что это музыкантъ ученый, композиторъ.

Арія шла впередь и впередь, мелодія округлялась больше и больше, и композиторь, казалось, глубже и глубже погружался въ поэтической восторгъ, какъ вдругъ появилась Герріэтъ Каркеръ, воротившаяся съ рынка. Съ ея приближеніемъ джентльменъ всталъ и скинулъ шляпу.

– Вы опять здѣсь, сэръ! – сказала Герріэтъ робкимъ тономъ.

– Я принялъ смѣлость просить васъ удѣлить для меня минутъ пять вашего досуга, не болѣе.

Послѣ минутнаго колебанія Герріэтъ отворила дверь и попросила гостя войти. Джентльменъ взялъ стулъ и, усѣвшись противъ хозяйки, началъ разговоръ такимъ голосомъ, который вполне согласовался съ его почтенной физиономіей и невольно вызывалъ на откровенность.

– Миссъ Герріэтъ, – сказалъ онъ, – я отнюдь не могу думать, чтобы вы были горды; этого нѣтъ и быть не можетъ. Простый разъ вы старались меня увѣрить, что гордость – ваше врожденное свойство; но извините, я смотрѣлъ на ваше лицо, и оно какъ нельзя больше противорѣчило вашимъ словамъ. Опять я смотрю на это лицо, – здѣсь онъ взялъ ея руку, – и опять совершенно убѣждаюсь въ такомъ же противорѣчии.

Герріэтъ пришла въ замѣшательство и не могла дать никакого отвѣта.

– Лицо ваше, – продолжалъ джентльменъ, – зеркало истины, благородства и великодушія. Извините, если я больше полагаюсь на это зеркало, чѣмъ на ваши слова.

Въ способѣ произнесенія этихъ словъ не было ничего, похожего на обыкновенные комплименты. Джентльменъ говорилъ такъ ясно, такъ искренно и непринужденно, что Герріэтъ невольнымъ движеніемъ склонила голову, какъ-будто вмѣстѣ благодарила его и признавала искренность его словъ.

– Разница въ нашихъ лѣтахъ, – продолжалъ джентльменъ, – и простая цѣль моего визита, къ счастью, уполномачиваютъ меня прямо и открыто высказать вамъ свою мысль. Вотъ почему вы меня видите здѣсь въ другой разъ.

– Одно простое выполненіе обязанности, сэръ, можетъ и должно казаться гордостью съ моей стороны, возразила Герріэтъ послѣ минутнаго молчанія. – Надѣюсь, я не лгоблю ничего другого.

– Для самихъ себя?

– Для меня самой.

– А для вашего брата Джона? Извините, что я дѣлаю вамъ этотъ вопросъ.

– Я горжусь любовью своего брата, сэръ, и всегда буду гордиться имъ самимъ, – воскликнула Герріэтъ, устремивъ открытые глаза на своего гостя и вдругъ перемѣнивъ свое обращеніе. Голосъ ея пересталъ дрожать, и въ чертахъ лица выразились необыкновенная рѣшимость и твердость духа. – Вы, который страннымъ образомъ знаете исторію его жизни и повторили ее мнѣ, когда были здѣсь послѣдній разъ...

– Повторилъ единственно для того, чтобы пріобрѣсти ваше дровъріе, – перебилъ джентльменъ. – Не думайте, ради Бога...

– Я увѣрена, у васъ было доброе намѣреніе. Я вѣрю вамъ и совершенно спокойна на этотъ счетъ.

– Благодарю васъ, – сказалъ джентльменъ, пожимая ея руку. – Премного вамъ обязанъ. Вы отдаете мнѣ справедливость, будьте въ этомъ совершенно увѣрены. Вы хотѣли сказать, что я, который знаю исторію Джона Каркера...

– Могли принять за гордую выходку, когда я сказала, что горжусь своимъ братомъ. Однако, я опять повторяю эти слова и никогда отъ нихъ не отступлюсь. Вы знаете, было время, когда я не имѣла никакого права питать въ себѣ подобныя чувства, но это время прошло. Униженіе многихъ лѣтъ, безропотная покорность судьбѣ, чистосердечное раскаяніе, ужасныя сожалѣнія, страданіе даже отъ моей любви, такъ какъ онъ воображаетъ, что я многимъ для него пожертвовала... ахъ, сэръ, если вы имѣете гдѣ-нибудь и надъ кѣмъ-нибудь какую-нибудь власть, заклиная васъ, не подвергайте никого и ни за какое преступленіе такому наказанію,

которое не могло бы быть отмѣнено. Тотъ, кто создалъ человѣческое сердце, силенъ всегда произвести въ немъ чудесныя измѣненія.

– Вашъ братъ совершенно другой человѣкъ, я не сомнѣваюсь въ этомъ.

– Онъ былъ уже другимъ человѣкомъ и тогда, когда надъ нимъ разразился смертельный ударъ, – сказала Герриэтъ. – Теперь онъ опять совершенно измѣнился, и не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ его прежней жизни, будьте въ этомъ увѣрены.

– Но мы идемъ, – говорилъ джентльменъ, потирая свой лобъ и барабаня по столу, какъ-будто разсуждалъ съ самимъ собою, – мы идемъ по прибыльной дорогѣ жизни, не оглядываясь назадъ, и нѣтъ намъ времени обращать вниманіе на эти перемѣны. Мы заняты, суетимся, хлопчемъ изо всѣхъ силъ, и не хватаетъ у насъ духу углубиться въ эту метафизику, недоступную для школъ и коллегій. Словомъ сказать, мы... мы – дѣловые люди, – заключилъ джентльменъ, подходя къ окну и опять усаживаясь на стулъ въ тревожномъ состояніи духа.

– Я увѣренъ, – продолжалъ джентльменъ, потирая свой лобъ и опять барабаня по столу, – я имѣю слишкомъ основательныя причины быть увѣреннымъ, что при однообразной, мертвенной жизни можно помириться со всѣмъ на свѣтѣ. Можно, наприимѣръ, ничего не видѣть, ничего не слышать, ничего не знать. Это фактъ. И пойдетъ жизнь, какъ заведенные часы съ неизмѣннымъ взглядомъ на вещи, дурно ли, хорошо ли, но пойдетъ, и мы равно привыкаемъ и къ добру, и къ злу. Все зависитъ отъ привычки, и только отъ привычки: это я готовъ повторить передъ судомъ совѣсти, когда буду лежать на смертномъ одрѣ. Отъ привычки, скажу, я былъ глухъ, нѣмъ, слѣпъ для милліона вещей, и отъ привычки, наконецъ, я лежалъ въ параличѣ для всякаго добраго дѣла. "Ты былъ очень занятъ, господинъ, какъ бишь тебя?" – скажетъ совѣсть, – "ступай-ка отдыхать на тотъ свѣтъ".

Джентльменъ всталъ, подошелъ къ окну, пробарабанилъ какой-то мотивъ и началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Вся фигура его выражала неописуемое волненіе. Наконецъ, онъ опять взялъ стулъ и усѣлся противъ хозяйки.

– Миссъ Герриэтъ, вы должны позволить мнѣ быть вашимъ слугою! Взгляните на меня! Видь мой долженъ показывать честнаго человѣка: я это чувствую. Такъ ли?

– Да, – отвѣчала дѣвушка улыбаясь.

– Вѣрю каждому вашему слову. Никогда не прощу себѣ, что я могъ узнать васъ хорошо лѣтъ двѣнадцать назадъ, и не узналъ, хотя видѣлъ васъ нѣсколько разъ! Привычка, всегда привычка! Я даже не знаю, какъ теперь очутился здѣсь. Но если уже я рѣшился на такую отвагу, вы позволите мнѣ что-нибудь сдѣлать; прошу васъ объ этомъ съ глубокимъ моимъ уваженіемъ и преданностью, такъ какъ теперь, при взглядѣ на васъ, я проникнуть въ высокой степени этими чувствами. Позвольте мнѣ что-нибудь сдѣлать!

– Мы довольны, сэръ.

– Не совсѣмъ, далеко не совсѣмъ, я убѣжденъ въ этомъ. Нѣкоторыя незначительныя удобства могутъ облегчить вашу и его жизнь. Да, миссъ, и его жизнь, – повторилъ джентльменъ, воображая, что произвелъ на нее нѣкоторое впечатлѣніе, – я привыкъ думать, что для него все покончено, что ему нечего ждать впереди, и что о немъ, стало быть, нечего заботиться. Теперь я перемѣнилъ мнѣніе. Позвольте мнѣ сдѣлать что-нибудь для него. Вы также должны, въ свою очередь, беречь ваше здоровье, по крайней мѣрѣ, для него, а между тѣмъ силы ваши ослабѣваютъ.

– Кто бы вы ни были, сэръ, – отвѣчала Герриэтъ, обративъ глаза на его лицо, – я чувствую въ отношеніи къ вамъ глубокую благодарность. Я убѣждена, только одна доброта сердца заставляетъ васъ принимать участіе въ нашемъ положеніи. Но мы ведемъ эту жизнь цѣлые годы; въ моемъ братѣ совершился нравственный переворотъ самъ собою, безъ всякаго посторонняго дѣйствія. Теперь, когда вдругъ подъ постороннимъ вліяніемъ измѣнится наша жизнь, не уменьшитъ ли это иѣкоторымъ образомъ въ его глазахъ сознаніе въ себѣ той нравственной

энергии, которая дѣлаетъ его столько достойнымъ любви и уваженія? Во всякомъ случаѣ, я благодарю васъ, сэръ, и благодарю больше слезами, чѣмъ дѣлами.

Разстроганный джентльменъ поднесъ ея руку къ своимъ устамъ, какъ нѣжный отецъ, который ласкаетъ и благодаритъ послушное дитя.

– Если со временемъ придетъ пора, – сказала Герриэтъ, – когда онъ отчасти возвратитъ потерянное положеніе...

– Возвратить! какъ онъ можетъ на это рассчитывать? Возвращеніе зависитъ отъ руки, вооруженной противъ него на жизнь и смерть. Я, конечно, нисколько не ошибаюсь, когда думаю, что братъ питаетъ къ нему непримиримую ненависть именно за то, что лишился черезъ него ангела, который служилъ украшеніемъ его жизни.

– Сэръ, вы коснулись предмета, о которомъ никогда не говоримъ даже мы, – сказала Герриэтъ.

– Извините, мнѣ слѣдовало бы догадаться. Прошу васъ забыть неосторожныя слова. Теперь, возвращаясь опять къ цѣли своего визита, я осмѣливаюсь просить у васъ двухъ милостей.

– Какихъ же?

– Во-первыхъ, какъ скоро вы рѣшитесь на перемѣну въ вашемъ положеніи, позвольте мнѣ быть тогда вашей правой рукой. Я очень хорошо знаю, посторонній человѣкъ не имѣетъ права на такое снисхожденіе, но будьте увѣрены, я не совѣмъ для васъ посторонній. Тогда вамъ извѣстно будетъ и мое имя, которое теперь бесполезно было бы знать, впрочемъ, предваряю, оно не имѣетъ большого вѣса.

– Кругъ нашихъ друзей, – отвѣчала Герриэтъ съ кроткой улыбкой, – далеко не такъ великъ, чтобы рассчитывать на знаменитость при выборѣ знакомыхъ. Принимаю ваше предложеніе.

– Во-вторыхъ, вы общайтесь мнѣ по временамъ, то есть, утромъ каждый понедѣльникъ, ровно въ девять часовъ, когда я, отправляясь по дѣламъ, обыкновенно прохожу мимо ватого дома – привычка! что прикажете дѣлать? я мученикъ привычки, – говорилъ джентльменъ въ припадкѣ странной наклонности сбивать себя съ толку, – вы общаетесь мнѣ въ это время сидѣть у воротъ или подъ окномъ. Братъ вашъ уходитъ въ этотъ часъ, но я у васъ не прошу позволенія заходить къ вамъ въ домъ. Я даже буду проходить мимо васъ молча, не говоря ни слова. Мнѣ только хочется васъ видѣть и увѣриться собственными глазами, что вы здоровы. Вамъ, въ свою очередь, не мѣшаетъ имѣть въ виду, что у васъ есть другъ, старый, сѣдой другъ, на котораго вы вполне можете положиться.

– Теперь мнѣ остается напомнить, – продолжалъ джентльменъ, вставая съ мѣста, – что мой визитъ будетъ тайной для вашего брата; онъ отнюдь не долженъ знать, что есть на свѣтѣ человѣкъ, которому извѣстна исторія его жизни. Я, однако, радъ, что знаю ее, такъ какъ она совѣмъ выходитъ изъ круга обыкновенныхъ вещей.

Съ этими словами джентльменъ, выходя изъ дверей, началъ, не надѣвая шляпы, раскланиваться съ тѣмъ счастливымъ соединеніемъ непринужденной вѣжливости и непритворнаго участія, которое могло быть исключительно и единственно выраженіемъ благороднаго сердца.

Многія полузабытыя мысли зароились теперь въ душѣ Герриэтъ Каркеръ послѣ этого визита. Уже давно ни одинъ гость не переступалъ черезъ этотъ порогъ; давно не раздавался въ ея ушахъ музыкальный голосъ искренней симпатіи. Долго еще она видѣла передъ собой благородную фигуру незнакомца и, казалось, внимательно прислушивалась къ его словамъ. Онъ затронулъ самую чувствительную струну ея сердца и со всею силою пробудилъ въ ея душѣ то роковое событіе, которое измѣнило всю ея жизнь.

Герриэтъ Каркеръ принялась за работу и старалась высвободиться изъ-подъ бремени тяжелыхъ впечатлѣній, но работа сама собою вывалилась изъ рукъ, и мысли ея унеслись далеко за предѣлы повседневныхъ занятій. Мечтая и работая она не замѣчала, какъ проходило время и погода измѣнялась. Горизонтъ, сначала тихій и ясный, постепенно покрылся облаками; вѣтеръ

уныло зажужжалъ въ окна, крупныя капли дождя забарабанили по кровлѣ, и густой туманъ, налегшій на городъ, совершенно скрылъ его изъ виду.

Въ такую погоду она часто съ грустью и сожалѣніемъ смотрѣла на несчастныхъ труженниковъ, которые тащились въ Лондонъ по большой дорогѣ, усталые, печальные, какъ будто предчувствовавшіе, что нищета ихъ погрузится въ огромномъ городѣ, какъ капля въ океанѣ или песчинка на морскомъ берегу. День за днемъ волочились жалкіе скитальцы для насущной корки хлѣба, въ ведро и ненастье, въ зной и стужу, обливаемые потомъ, продуваемые насквозь холоднымъ вѣтромъ. И никогда не возвращались они назадъ, поглощенные въ этомъ бездонномъ омутѣ человѣческихъ суетъ и тревоженій житейскаго моря, пошлыя жертвы госпиталей, кладбища, острога, желтаго дома, лихорадки, горячки, тифа, разврата и – смерти!

Пронзительный вѣтеръ завывалъ и бѣсновался на заброшенномъ пустырьѣ, съ отчаянною яростью; со всѣхъ сторонъ налегли густыя тучи, и ночь среди бѣлаго дня воцарилась на мрачномъ горизонтѣ. Передъ окномъ Герриэтъ Каркеръ обрисовалась одна изъ этихъ несчастныхъ фигуръ съ позорнымъ клеймомъ отвратительной нищеты.

Женщина. Одинокая женщина лѣтъ тридцати, высокая, правильно сложенная, прекрасная, въ нищенскихъ лохмотьяхъ. Пыль, мѣлъ, глина, известь, щебень, – всѣ принадлежности загородной дороги, клочками висѣли на ея сѣромъ капотѣ, промоченномъ до послѣдней нитки. Ни шляпки, ни чепчика на головѣ, и ничто не защищало ея густыхъ черныхъ волосъ, кромѣ грязной косынки, которой изорванные концы вмѣстѣ съ волосами заслоняли ея широкіе черные глаза, окончательно ослѣпленные вѣтромъ. Часто она останавливалась среди дороги и старалась черезъ густой туманъ разглядѣть окружающіе предметы.

Въ одну изъ такихъ минутъ ее замѣтила Герриэтъ Каркеръ; когда ея руки опустились на лобъ, загорѣвшій отъ солнца, расчистили на лицѣ громоздившіяся пряди растрепанныхъ волосъ и клочки изорванной косынки, во всей ей фигурѣ, дикой и прекрасной, ярко обозначались слѣды позорнаго равнодушія и къ погодѣ, и ко всѣмъ окружающимъ предметамъ Эта ужасная безпечность, въ связи съ нищетой и дикимъ отчаяніемъ, глубоко растрогала сердце женщины, которая ее наблюдала. Она подумала обо всемъ, что было унижено и развращено внѣ и внутри ея: о скромныхъ прелестяхъ души, задавленныхъ и окаменѣлыхъ, подобно прелестямъ прекраснаго тѣла, о многихъ дарахъ природы, развѣянныхъ вѣтромъ, какъ эти растрепанные волосы.

Размышляя объ этой прекрасной развалинѣ среди бури и проливного дождя, Герриэтъ не отворотилась отъ нея съ негодованіемъ, какъ это на ея мѣстѣ сдѣлали бы тысячи знатныхъ женщинъ, но пожалѣла о ней отъ всего сердца.

Между тѣмъ ея падшая сестра пробиралась впередъ, бросая дикій и туманный взглядъ на отдаленный городъ, закрытый туманомъ. Походка ея была тверда и смѣла, при всемъ томъ усталость измучила ее ужасно, и послѣ минутной нерѣшительности она усѣлась на кучу кирпичей. Неумолимый дождь продолжалъ колотить ее спереди и сзади, но она объ этомъ не заботилась.

Она была теперь насупротивъ Каркерова дома. Поднявъ голову, за минуту покрытую обѣими руками, она встрѣтилась съ глазами Герриэтъ.

Въ то же мгновеніе Герриэтъ выбѣжала къ воротамъ и махнула ей рукой.

Странница подошла.

– Зачѣмъ вы стоите на дождѣ? – ласково спросила Герриэтъ.

– Затѣмъ, что мнѣ некуда дѣваться.

– Но жилия мѣста отъ васъ недалеко. Не угодно ли войти сюда? – Герриэтъ указала на дверь, – вы найдете радушный пріемъ.

Странница вошла. Ея взоръ не обнаружилъ никакой благодарности, и, казалось, дикое сомнѣніе было ея единственнымъ чувствомъ. Не говоря ни слова, она сѣла на стулъ и поспѣ-

шила сбросить съ ноги изорванный башмакъ, откуда посыпались мусоръ и щебень. Нога была изранена и въ крови.

Герриэтъ Каркеръ испустила пронзительный крикъ. Странница посмотрѣла на нее съ презрительной и недовѣрчивой улыбкой.

– Израненная нога – эгэ! Какая тутъ бѣда? и что вамъ за дѣло до израненной ноги у такой женщины, какъ я?

– Потрудитесь омыть и перевязать вашу ногу, – сказала Герриэтъ ласковымъ тономъ. – Позвольте подать вамъ воды и полотенце.

Женщина судорожно схватила ея руку и, закрывъ ею свои глаза, принялась рыдать, – не какъ женщина, но какъ суровый мужчина, застигнутый врасплохъ въ своей необыкновенной слабости. Ея грудь подымалась высоко, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ, и все обличало сильнѣйшее волненіе.

Больше изъ благодарности, чѣмъ по чувству самосохраненія, странница обмыла и перевязала израненную ногу. Потомъ Герриэтъ предложила ей остатокъ своего умѣреннаго завтрака и посовѣтовала передъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь обогрѣться и осушить передъ каминомъ измоченное платье. Опять больше изъ благодарности, чѣмъ изъ нѣкоторой заботливости о себѣ самой, странница усѣлась передъ каминомъ и, не снимая съ головы изорванной тряпки, нагрѣвала ее ладонью своей руки. Вдругъ, оторвавъ глаза отъ камина, она обратилась къ радушной хозяйкѣ.

– Бьюсь объ закладъ, вы думаете теперъ, что я была когда-то красавицей не послѣдней. Взгляните на меня.

Съ какимъ-то дикимъ неистовствомъ она взерошила обѣими руками свои волосы и потомъ забросила ихъ назадъ, какъ будто въ рукахъ ея были страшныя змѣи.

– Вы чужая въ этомъ мѣстѣ? – спросила Герриэтъ.

– Чужая! – отвѣчала она, пріостанавливаясь на каждой фразѣ и заглядывая въ огонь. – Да, чужая, лѣтъ десять или двѣнадцать... Календарей не водится тамъ, гдѣ я была. Лѣтъ десять или двѣнадцать... Много утекло воды съ той поры. Я совсѣмъ не узнаю этой страны.

– Вы были далеко?

– Очень далеко. За морями. Цѣлые мѣсяцы ѣзды сухопутной и морской. Я была тамъ, куда отвозятъ арестантовъ, – прибавила она, обративъ широкіе глаза на свою собесѣдницу. – Я сама была арестанткой.

– Богъ, конечно, простилъ васъ!

– До Бога высоко, а люди близко, да не прощаютъ! – вскричала она, кивая головой на огонь. – Если бы на землѣ было больше снисхожденія, авось и на небѣ... да что тутъ болтать объ этомъ!

Это было произнесено тономъ подавленной злобы; но когда она встрѣтилась съ кроткимъ и любящимъ взоромъ Герриэтъ, лицо ея утратило суровое выраженіе.

– Кажется, мы съ вами однихъ лѣтъ? – продолжала она, перемѣняя разговоръ. – Я, можетъ, постарше годомъ или двумя. Подумайте объ этомъ.

Она вздохнула, повѣсила голову и опустила руки съ отчаяннымъ видомъ погибшаго чело-вѣка.

– Все можно загладить, и раскаиваться никогда не поздно, – сказала Герриэтъ. – Вы, конечно, раскаялись и...

– Нѣтъ. Я не изъ такихъ. Я не могу и не хочу. И зачѣмъ? Толкуютъ мнѣ объ исправленіи, о покаяніи; а кто, позвольте узнать, раскаялся въ обидахъ, которыя мнѣ сдѣланы?

Она встала, повязала голову платкомъ и поворотила къ дверямъ.

– Куда вы идете?

– Туда, въ Лондонъ.

– Въ какой-нибудь домъ?

– У меня есть мать. Думаю, что есть, а, может, и нѣтъ. Она мнѣ столько же мать, сколько ея берлога жилой домъ, – заключила бродяга съ дикимъ смѣхомъ.

– Возьмите вотъ это, – сказала Герриэтъ, подавая серебряную монету. – Это бездѣлица, но ее достанетъ вамъ на одинъ день.

– Вы замужемъ? – спросила бродяга, принимая монету.

– Нѣтъ. Я живу съ братомъ. У насъ нѣтъ лишнихъ денегъ, иначе бы я предложила вамъ больше.

– Вы позволите мнѣ поцѣловать васъ?

Вмѣсто отвѣта Герриэтъ Каркеръ подставила щеку. Еще разъ путница схватила ея руку и прикрыла ея заплаканные глаза.

Черезъ минуту она исчезла.

Исчезла въ мрачную ночь, въ проливной дождь, при завываніи сильнаго вѣтра. Въ городѣ мерцали огни, и туда, черезъ бесплодный пустырь, направила свои стопы странная женщина, готовая погрязнуть въ этомъ бездонномъ омутѣ страстей и разврата.

Глава XXXIV

Еще мать и дочь

Въ грязной и мрачной лачугѣ сидитъ грязная и мрачная старуха. Она прислушивается къ завываюшю вѣтра, къ дождевымъ каплямъ и, корчась въ три погибели, разгребаетъ жалкій огонь въ жалкомъ каминѣ. Какъ скоро дождевая капля, пробиваясь черезъ дырявую кровлю, падаетъ и шипитъ на потухающемъ углѣ, старуха вздрагиваетъ, вздергиваетъ голову и потомъ опять опускаетъ ее ниже и ниже вплоть до пожелтѣвшаго костляваго остова груди.

Нѣтъ въ избушкѣ ни одной свѣчи, и только догорѣвшее полѣно изъ камина проливаетъ тусклый свѣтъ на окружающіе предметы. Кучи лохмотьевъ, кучи костей, жалкая постель, два, три изуродованныхъ табурета, двѣ-три хромья скамейки, черныя стѣны, черный потолокъ, – вотъ все, на что выглядывалъ догоравшій огонь, похожій на глазъ дикаго полууснувшаго звѣря. Съжившись передъ огнемъ грязнаго, разваливающагося камина, старуха сидѣла молча, протянувъ грязныя ноги на грязный половикъ и пялила тускляя буркулы, какъ вѣдьма, готовая черезъ минуту, черезъ двѣ, выскочить въ трубу на шабашъ чертей, изъ которыхъ одинъ уже выставлялся въ половину на стѣнѣ, въ половину на потолокъ, выдѣлывая страшныя гримасы и дожидаясь, по-видимому, чтобы открыть сатанинскую вечеринку адскимъ вальсомъ вельзевулова изобрѣтенія.

Но это былъ не чортъ. Въ его подобіи обрисовывалась только гигантская тѣнь гадкой вѣдьмы, чавкающей съ неутомимою дѣятельностью. Если бы Флоренса какимъ-нибудь случаемъ очутилась въ этой берлогѣ и взглянула на оригиналь чудовищной тѣни, она мигомъ и безъ всякаго затрудненія угадала бы въ немъ фигуру доброй бабушки Браунъ, несмотря на то, что ея дѣтское воспоминаніе объ ужасной старухѣ было, можетъ быть, столь же преувеличеннымъ представленіемъ истины, какъ и отраженіе тѣни на стѣнѣ и потолокъ. Но Флоренса не приходила, не заглядывала, и м-съ Браунъ, не угаданная никѣмъ, спокойно засѣдала подлѣ дымившейся головешки.

Дождевыя капли полились сильнѣе, но уже не въ печь. Старуха быстро подняла голову и начала прислушиваться. Чья-то рука ухватила за дверь, и въ комнатѣ послышались шаги.

– Кто тамъ? – спросила старуха, озираясь черезъ плечо.

– Добрый человекъ съ добрыми вѣстями.

– Съ добрыми вѣстями? Откуда?

– Изъ чужихъ краевъ.

– Изъ-за моря? – крикнула старуха, вставая съ мѣста.

– Да, изъ-за моря.

Старуха поспѣшно подгробла уголья и подошла къ вошедшей фигурѣ, которая между тѣмъ затворила дверь и остановилась среди комнаты. Быстро опустивъ руку на ея промокшій капоть и поворотивъ ее къ огню, чтобы разглядѣть, старуха испустила жалобный вой, обличавшій ея обманутую надежду.

– Что съ тобою? – спросила фигура.

– У! У! – вопила вѣдьма, закинувъ голову назадъ.

– Да что съ тобою?

– Охъ! охъ! нѣтъ моей дѣвки, – завизжала м-съ Браунъ, вздергивая плечами и закинувъ руки на затылокъ, – гдѣ моя Алиса? гдѣ моя красная дочка? Они задушили ее!

– Не задушили, если твое имя – Марвудъ.

– Видала ли ты мою дѣвку, а? Видала ли ты мою красотку, ась? Нѣтъ ли отъ нея грамотки?

– Она сказала, что ты не умѣешь читать.

– И то правда, не умѣю. Да, не умѣю, дьяволь меня побери, – визжала старуха, ломая себѣ руки.

– Что ты не зажжешь свѣчи? – спросила фигура, осматриваясь вокруг комнаты.

Старуха зачавкала, замямлила, замотала головой, вынула изъ шкапа сальный огарокъ, всунула дрожащею рукою въ печь, затеплила кое-какъ и поставила на столъ. Грязная свѣтильня горѣла сперва тускло, такъ какъ сало заливало фитиль, и прежде, чѣмъ слѣпоглазая бабушка могла различить что-нибудь съ нѣкоторою ясностью, фигура сѣла на скамейку, сложила руки на груди, опустила глаза въ землю и, сорвавъ съ головы грязную косынку, положила ее на столъ подлѣ себя. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе съ обѣихъ сторонъ.

– Стало быть, моя красотка велѣла тебѣ сказать что-нибудь на словахъ? Что же ты не говоришь? Ну, что она сказала?

– Взгляни, – отвѣчала фигура.

Повторивъ это слово съ испуганнымъ видомъ, старуха посмотрѣла на собесѣдницу, на стѣны, на потолокъ и опять на собесѣдницу.

Алиса сказала: взгляни еще, матушка!

Старуха опять оглянулась вокругъ комнаты съ величайшимъ вниманіемъ и вдругъ, выпучивъ глаза на загадочную незнакомку, испустила пронзительный крикъ и бросилась къ ней на шею.

– Ты ли это, моя дѣвка, моя Алиса? Дочка моя, красотка моя! Живехонька! здоровехонька! опять воротилась къ своей матери!

И, повиснувъ на груди этой женщины, старуха перекачивалась изъ стороны въ сторону, не замѣчая, что ласки ея принимаются холодно и неохотно!

– Дѣвка моя! Алисушка! красотка моя! куколка ненаглядная! опять ты здѣсь, въ родномъ гнѣздѣ!

Бросившись на полъ, она положила голову на колѣни своей дочери, обвивъ ее станъ костлявыми руками, и опять начала перекачиваться изъ стороны въ сторону съ неистовымъ обнаженіемъ всѣхъ жизненныхъ силъ, какія въ ней оставались.

– Да, матушка, – отвѣчала Алиса, поцѣловавъ мать и стараясь, однако же, высвободиться изъ ея объятій, – я здѣсь, наконецъ, въ родномъ гнѣздѣ. Пусти меня, матушка, пусти. Вставай и садись на стулъ. Что за нѣжности? Отойди, говорю тебѣ.

– Она воротилась еще суровѣй, чѣмъ ушла! – закричала мать, выпучивъ глаза на ея лицо и продолжая держаться за ея колѣни, – она не заботится обо мнѣ! Столько лѣтъ я сиротѣла и вела каторжную жизнь, а она и смотрѣть не хочетъ.

– Что ты хочешь сказать, матушка? – возразила Алиса, отодвигая ноги, чтобы удалить привязчивую старуху, – сиротѣла не одна ты, и каторга была не для тебя одной. Вставай и садись на стулъ.

Старуха встала, всплеснула руками, завизжала и остановилась съ выпученными глазами въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дочери. Потомъ, взявъ свѣчу, она обошла ее кругомъ, осматривая съ ногъ до головы съ болѣзненными стонами и дикими тѣлодвиженіями. Затѣмъ она сѣла на стулъ, захлопала руками, закачалась во всѣ стороны и застонала еще страшнѣе.

Не обращая никакого вниманія на горькія жалобы старухи, Алиса скинула мокрый капоть, оправила платье и опять усѣлась на прежнемъ мѣстѣ, скрестивъ руки на груди и обративъ глаза на каминъ. Старуха продолжала бѣсноваться.

– Неужели ты ожидала, матушка, что я ворочусь такойже молодой, какой уѣхала отсюда? – начала дочь, обративъ глаза на старуху, – неужели думала ты, что жизнь, какую вела я тамъ, за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, могла меня разнѣжить и приготовить къ чувствительнымъ свиданіямъ? Право, слушая тебя, подумаешь, что все это такъ.

– Не то, не то! – вскричала мать, – она знаетъ это.

– Что же это такое? – возразила дочь, – въ сторону всѣ эти намеки, или мнѣ право не трудно будетъ убраться къ чорту на кулички.

– Воть она! воть она! Ой, ой, ой! Послѣ столькихъ лѣтъ разлуки она грозитъ опять покинуть меня! Ой!

– Еще разъ скажу тебѣ, матушка, въ разлукѣ жила не одна ты, – продолжала Алиса, – воротилась суровѣе, говоришь ты? а ты чего ожидала?

– Суровѣе ко мнѣ! къ своей собственной матери!

– А кто, какъ не собственная мать причиной этой суровости? – возразила Алиса, скрестивъ руки и нахмутивъ брови, какъ будто рѣшилась подавить въ груди всякое нѣжное чувство, два, три слова, матушка. Если мы теперь понимаемъ другъ друга, намъ не къ чему заводить ссоры. Я уѣхала дѣвченкой и воротилась женщиной. Я уѣхала непокорною дочерью и воротилась назадъ ничѣмъ не лучше; къ этому ты должна быть приготовлена. Я не исполняла въ ту пору своихъ обязанностей, надѣюсь не исполнять ихъ и теперь. Но дѣло вотъ въ чемъ: развѣ ты исполняла свои обязанности по отношенію ко мнѣ?

– Я? – завопила старуха, – обязанности къ своей дѣвкѣ? Обязанности матери къ собственному дѣтищу!

– Что? развѣ это дереть твои уши, матушка? – возразила дочь, обративъ на нее холодное и суровое лицо, – я объ этомъ надумалась вдоволь на чужой сторонѣ. Съ младенчества и до сихъ поръ мнѣ продолбили уши о моихъ обязанностяхъ къ людямъ; но никому ни разу не приходило въ голову заикнуться объ обязанностяхъ другихъ людей въ отношеніи ко мнѣ. Это меня удивляло и удивляетъ.

Старуха зачавкала, замямлила, замотала головой, но, навѣрно, никакъ нельзя было узнать, какой смыслъ имѣли эти гримасы. Можетъ, она сердилась, чувствовала угрызенія совѣсти, дѣлала возраженія, а, можетъ, просто все это было дѣйствіемъ старческой немощи.

– Жила была, – начала дочь съ дикимъ смѣхомъ и опустивъ глаза въ землю съ очевиднымъ презрѣніемъ и ненавистью къ себѣ самой, – жила была маленькая дѣвочка по имени Алиса Марвудъ. Она родилась въ нищетѣ, вскормлена въ нищетѣ, выросла въ нищетѣ. Ничему ее не учили, ни къ чему не приготовляли, и никто о ней не заботился.

– Никто! – завопила мать, указывая на самое себя и ударяя себя въ грудь.

– Ее ругали, колотили, какъ собаку, морили голодомъ, знобили холодомъ, – вотъ и всѣ заботы о ней. Другихъ – не знала маленькая дѣвочка, Алиса Марвудъ. Такъ жила она дома, такъ слонялась и по улицамъ съ толпою другихъ нищихъ бродягъ. И между тѣмъ выростала дѣвочка Алиса, выростала и хорошѣла съ каждымъ днемъ. Тѣмъ хуже для нея. Было бы гораздо лучше, если бы ее заколотили до смерти.

– Ну, ну! Еще что?

– А вотъ сейчасъ увидишь. Были цвѣтики, будутъ и ягодки. Чѣмъ больше выростала Алиса Марвудъ, тѣмъ больше хорошѣла и обѣщала сдѣлаться красавицей первѣйшаго сорта. Поздно ее начали учить – и выучили всему дурному. За ней ухаживали, присматривали и въ короткое время выдрессировали ее на всѣ манеры. Тогда была ты, матушка, не такъ бѣдна и очень любила свою дочь. Съ дѣвочкой повторилась та же исторія, какая повторяется двадцать тысячъ лѣтъ. Она родилась на погибель и – погибла!

– Послѣ такой разлуки! – хныкала старуха, – вотъ чѣмъ начинается моя дѣвка!

– Она скоро окончитъ, матушка. Пѣсня коротка. Была преступница по имени Алиса Марвудъ, еще дѣвочка, но заброшенная и отверженная. И повели ее въ судъ, и судили ее, и присудили. Какъ сейчасъ вижу строгихъ джентльменовъ, которые разговаривали въ судѣ. Какъ складно и умильно рассуждалъ предсѣдатель о ея обязанностяхъ, и о томъ, что она поправа въ себѣ божественные дары природы, и о томъ, что она должна лобызать карающую руку закона, и о томъ, что добродѣтель всегда и вездѣ получаетъ достойную награду, а порокъ – достойное возмездіе! Какъ будто не зналъ благочестивый джентльменъ, что этотъ же законъ, не принявшій во время надежныхъ средствъ спасти невинное созданіе, обрекалъ теперь несчастную жертву на неизбѣжную гибель! Какъ будто не вѣдалъ онъ, праведный судія, что пустозвонное

краснобайство не спасло и не спасетъ ни одной жертвы, увлеченной нищетою въ бездну разврата!

Алису Марвудъ приговорили къ ссылкѣ и отправили на тотъ конецъ свѣта. Она должна была, по опредѣленію закона, учиться обязанностямъ въ такомъ обществѣ, гдѣ не знаютъ никакихъ обязанностей, и гдѣ въ тысячу разъ больше всякаго порока и разврата, чѣмъ на ея родинѣ. И Алиса Марвудъ воротилась женщиной, такой женщиной, какою слѣдуетъ ей быть послѣ всѣхъ этихъ уроковъ. Придетъ пора, и конечно, скоро, когда опять поведутъ ее на судъ, и опять услышитъ она благочестиваго краснобая, который еще съ большимъ жаромъ и съ большею торжественностью станетъ разсуждать о добродѣтеляхъ и порокахъ и о возмездіи закона. Тогда не станетъ больше Алисы Марвудъ, но съ ея позоромъ и смертію благочестивые джентльмены не потеряютъ работы. Свѣжія толпы преступниковъ и преступницъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, вскормленныхъ въ нищетѣ, взлелѣянныхъ развратомъ, не замедлятъ явиться предъ ихъ свѣтлыми очами, и славный кусокъ хлѣба заработаютъ джентльмены, краснобайствующіе о прелестяхъ добродѣтели, объ ужасахъ порока!

Старуха облокотилась на столъ и, закрывъ лицо обѣими руками, притворилась чрезвычайно растроганной, а можетъ быть, она и не притворялась.

– Кончено, матушка. Я все сказала. Теперь, надѣюсь, ты не заикнешься о моихъ обязанностяхъ къ тебѣ. Твоя молодость, конечно, прошла такъ же, какъ и моя. Тѣмъ хуже для насъ обѣихъ. Не буду ни упрекать тебя, ни оправдывать себя. Къ чему? зачѣмъ? Все рѣшено и покончено давнымъ давно. Я не дитя, и ты не сестра благочестиваго краснобая, засѣдающаго въ судѣ. Дѣлать намъ нечего, и авось ты не станешь переливать изъ пустого въ порожнее. Мы довольно знаемъ другъ друга.

И, однако, при всемъ униженіи она была красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Самый поверхностный наблюдатель не могъ не замѣтить изящества и рѣдкой правильности ея формъ даже въ минуты бѣшеная злобы, исказившей черты ея лица; когда, наконецъ, это лицо успокоилось, и въ прекрасныхъ черныхъ глазахъ, обращенныхъ на огонь, заискрилось чувство грусти, ея фигура, измученная и усталая, представляла совершеннѣйшее подобіе павшаго ангела, осужденнаго на безконечныя страданія въ юдоли плача и скорбей.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Старуха, любовавшаяся исподтишка на свою дочь, осмѣлилась протянуть къ ней черезъ столъ свою руку и, не встрѣчая сопротивленія, прикоснулась къ ея лицу и начала разглаживать волосы. Алиса не сдѣлала никакого движенія. Ободренная этимъ спокойствіемъ, старуха стремительно подбѣжала къ ней, скинула ея башмаки и набросила на ея плечи какое-то подобіе сухого платья. Во все это время она бормотала безсвязныя ласки и съ напряженнымъ вниманіемъ всматривалась въ черты ея лица.

– Ты очень бѣдна, матушка? – спросила Алиса, осматривая жалкую избенку.

– Горько бѣдна, мое дитятко.

На лицѣ старухи выразился какой-то неопредѣленный испугъ. Быть можетъ, любуясь дочерью, она припомнила одну изъ ужасныхъ сценъ, какія должны были повторяться часто въ ея борьбѣ съ отвратительной нищетою, или, можетъ быть, ее взволновало опасеніе за будущую судьбу воротившейся дочери. Какъ бы то ни было, старуха остановилась передъ Алисой съ самымъ покорнымъ видомъ, опустила голову и какъ-будто умоляла о пощадѣ.

– Чѣмъ ты живешь, матушка?

– Милостыней, мое дитятко.

– И воровствомъ?

– Да, по-временамъ и воровствомъ, да только ужъ какое мое воровство? Я стара, хила и начинаю всего бояться. Бездѣлку какую-нибудь съ мальчишки или дѣвченки, и то все рѣже и рѣже. А вотъ я недавно слонялась за городомъ, лебедушка моя, и подмѣтила недурную поживу. Я караулила.

– Караулила?

– Я не спускала глазъ съ одной семьи, мое дитяtko, – продолжала старуха умоляющимъ тономъ, предупреждая возраженіе и упреки.

– Съ какой семьи?

– Тс!.. Не сердись на меня, лебедушка. Я это дѣлала изъ любви къ тебѣ, поминая свою заморскую красотку.

Старуха взяла и поцѣловала ея руку. Въ глазахъ ея опять выразилась просьба о пощадѣ.

– Это было давненько, мое дитяtko: я пробиралась за угломъ и тутъ мнѣ удалось заманить къ себѣ его маленькую дочь.

– Чью дочь?

– Не его, Алиса, не его. Что ты на меня такъ сердито смотришь? Право не его. Это не можетъ быть.

– Чью же? Ты сказала, его дочь.

– Да не кричи такъ громко. Ты пугаешь меня, касатушка. Дочь м-ра Домби, только м-ра Домби. Съ той поры я видала ихъ сплошь да рядомъ. Я видала и е_г_о.

При послѣднемъ словѣ старуха съежилась и отпрянула назадъ, какъ будто боялась взрыва ярости въ своей дочери. Но хотя лицо Алисы, постоянно обращенное на мать, выражало сильнѣйшее негодованіе однако она не тронулась съ мѣста, только кулаки ея тѣснѣе прижались къ груди, какъ-будто она хотѣла этимъ удержать ихъ отъ нападенія при внезапной злости, которая ею овладѣла.

– Какъ мало онъ думаль, кого видѣль передъ собой! – взвизгнула старуха, подымая сжатые кулаки.

– И какъ мало онъ объ этомъ заботился! – проворчала Алиса сквозь зубы.

– А мы стояли съ нимъ лицомъ къ лицу. Я разговаривала, и онъ разговариваль. Я сидѣла и караулила, когда онъ ходилъ въ рошѣ между деревьями. При каждомъ шагѣ я посылала ему вслѣдъ тысячи чертей и проклинала его на всѣ корки.

– Большое ему дѣло до твоего проклятья! Онъ, я думаю, живеть себѣ припѣваючи.

– Да, ему ни чорта не дѣлается...

Старуха остановилась, такъ какъ лицо и вся фигура ея дочери исказились страшнымъ образомъ. Казалось, ея грудь хотѣла лопнуть отъ напряженій подавляемой злобы. Ея усилія задушить въ себѣ эту бурю были столь же страшны, какъ и самая ярость. Однако, ей удалось преодолѣть себя, и послѣ минутнаго молчанія она спросила:

– Онъ женатъ?

– Нѣтъ, лебедушка.

– Женится, можетъ быть?

– Не знаю, а кажись, что нѣтъ. Но его начальникъ и пріятель женится, и вотъ гдѣ мы поздравимъ его такъ, что самъ дьяволъ въ присядку запляшетъ предъ его глазами!

Старуха кричала и прыгала, какъ вѣдьма въ полномъ разгарѣ сатанинской вечеринки.

– Мы натѣшимся, говорю тебѣ, по горло, и эта женитьба отзовется ему на томъ свѣтѣ. Помяни мое слово.

Дочь бросила на нее вопросительный взглядъ.

– Но ты измокла, моя касатка, устала, какъ собака, и проголодалась, какъ волчица. Чѣмъ бы тебя накормить и напоить?

Старуха бросилась къ шкафу и, вытащивъ нѣсколько полупенсовъ, звякнула ими объ столъ.

– Вотъ моя казна, вся тутъ, и больше – ничего. У тебя нѣтъ денегенокъ, Алиса?

Невозможно описать, какую жадностью наполнились глаза старухи, когда дочь полѣзла за пазуху за полученнымъ подаркомъ.

– Все?

– Ничего больше. И это подано изъ состраданья.

– Изъ состраданья – эхва? – завизжала старуха, впиваясь въ серебряную монету, которая, къ ея отчаянію, все еще была въ рукахъ ея дочери. – Нутка, посчитаемъ. Шестъ да шестъ – двѣнадцать, да еще шестъ восемнадцать. Такъ! Теперь распорядимся на славу. Сейчасъ побѣгу за хлѣбомъ и водкой.

И съ проворствомъ, необыкновеннымъ въ дряхлой старухѣ, она напялила дрожащими руками дырявую шляпу и накрылась шалью. Монета, къ ея отчаянію, все еще была въ рукахъ Алисы.

– Какая же намъ потѣха отъ этой женитьбы? Ты еще не сказала, матушка.

– Да ужъ будетъ потѣха, – отвѣчала мать, про должая возиться около лохмотьевъ, – потѣха отъ гордости, отъ ненависти, и ужъ никакъ не отъ любви, – потѣха отъ ссоры этихъ гордецовъ и отъ опасности... отъ опасности, Алиса.

– Отъ какой же?

– Увидишь, а покамѣстъ помалчивай. Я знаю, что знаю. Не худо бы имъ оглядѣться и держать ухо востро. А ужъ моя дѣвка найдетъ себѣ мѣстечко, – ухъ! – какое мѣстечко!

И улучивъ минуту, когда дочь, занятая размышленіемъ, разжала руку, гдѣ хранилась серебряная монета, старуха мгновенно ее выхватила и скороговоркой продолжала:

– Побѣгу, моя касатка, побѣгу за хлѣбомъ и за водкой. Славно поужинаемъ.

Говоря это, она перебрасывала деньги съ руки на руку. Алиса взяла назадъ свою монету и прижала ее къ губамъ.

– Что ты, Алиса? цѣлуешь монету? Это похоже на меня. Я часто цѣлую деньги. Онѣ къ намъ милостивы во всемъ, да только жаль, что не кучами приходятъ.

– Не припомню, матушка, чтобы я прежде когда это дѣлала. Теперь цѣлую эту монету изъ воспоминанія объ особѣ, которая подарила мнѣ ее.

– Вотъ что! Ну, пожалуй, и я ее поцѣлую, а надо ее истратить. Я мигомъ ворочусь.

– Ты, кажется, сказала, матушка, что знаешь очень много, – проговорила дочь, провозжая ее глазами къ дверямъ. – Видно безъ меня ты поумнѣла!

– Да, моя красотка, – отвѣчала старуха, обернувшись назадъ. – Я знаю гораздо больше, чѣмъ ты думаешь. Я знаю больше, чѣмъ онъ думаетъ. Я изучила его насквозь.

Дочь недовѣрчиво улыбнулась.

– Я даже знаю всю подноготную объ его братѣ, Алиса, – продолжала старуха, вытягивая шею и дѣлая отвратительныя гримасы. – Этотъ братецъ, видишь ты, могъ бы за покражу денегъ отправиться туда, гдѣ и ты проживала. Онъ живетъ съ сестрой, вонъ тамъ, за Лондономъ, подлѣ Сѣверной дороги.

– Гдѣ?

– За Лондономъ, подлѣ Сѣверной дороги. Я тебѣ покажу, если хочешь. Домишко дрянной, ты увидишь. Да нѣтъ, нѣтъ, не теперь, – завизжала старуха, увидѣвъ, что дочь вскочила съ мѣста, – не теперь. Вѣдь это далеко отсюда, около мили, а пожалуй, что и больше. Завтра поутру, если захочешь, пожалуй, я тебя поведу. Пора за ужиномъ...

– Стой! – закричала дочь, ухватившись за старуху, которая уже собиралась юркнуть изъ комнаты. – Сестра хороша какъ демонъ, и у ней каштановые волосы?

Озадаченная старуха утвердительно кивнула головой.

– Я вижу тѣнь его самого на ея рожѣ! Красный домишко на пустырьѣ стоитъ на юру? Небольшой зеленый подъѣздъ?

Старуха опять кивнула головой.

– Сегодня я была тамъ! Отдай монету назадъ!

– Алиса! касатушка!

– Отдай, говорю тебѣ, нето я тебя задушу.

Вырвавъ мою монету изъ рукъ старухи, испускавшей жалобный вой, Алиса одѣлась на скорую руку въ капотъ и сломя голову бросилась изъ избы.

Прихрамывая и припрыгивая, мать побѣжала за дочерью изо всѣхъ силъ, оглашая воздухъ бесполезными жалобами. Непреклонная въ своемъ намѣреніи и равнодушная ко всему остальному, дочь, не обращая ни малѣйшаго вниманія на бурю съ проливнымъ дождемъ, продолжала бѣжать впередъ по направленію къ дому, въ которомъ отдыхала. Черезъ четверть часа ходьбы, старуха, выбившись изъ силъ, настигла свою дочь, и онѣ обѣ молча пошли рядомъ. Старуха не смѣла больше жаловаться.

Въ часъ, или около полночи, мать и дочь оставили за собой правильныя улицы и вошли на пустырь, гдѣ стоялъ уединенный домикъ. Вѣтеръ не стѣсняемый городскими зданіями, завывалъ теперь на привольѣ и продувалъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Все вокругъ нихъ было мрачно, дико, пусто.

– Вотъ удобнѣйшее для меня мѣсто! – сказала дочь, пріостанавливаясь на минуту и оглядываясь назадъ. – Я и давеча такъ думала, когда была здѣсь.

– Не отдавай назадъ монету, Алиса, сдѣлай милость! Какъ намъ обойтись безъ нея? Вѣдь намъ нечего ужинать? Деньги – всегда деньги, кто бы ихъ ни далъ. Ругай ее сколько душѣ угодно, только монету пожалуйста не отдавай.

– Постой-ка, кажется, этотъ домъ ихъ? Такъ, что-ли?

Старуха утвердительно кивнула головой. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онѣ подошли къ дверямъ. Въ комнатѣ, гдѣ сидѣла Алиса, свѣтился огонекъ. Онѣ стукнули, и черезъ минуту явился Джонъ Каркеръ со свѣчею въ рукѣ.

Озадаченный страннымъ визитомъ въ такой поздній часъ, Джонъ Каркеръ, обращаясь къ Алисѣ, спросилъ, что ей нужно.

– Видѣть вашу сестру – скороговоркой отвѣчала Алиса, – женщину, которая сегодня дала мнѣ денегъ.

Услышавъ громкій голосъ, Герриэтъ вышла изъ дверей.

– А! ты здѣсь голубушка! Узнаешь ты меня?

– Да, – отвѣчала изумленная Герриэтъ.

Лицо, которое такъ недавно смотрѣло на нее съ любовью и благодарностью, пылало теперь непримиримою ненавистью и злобой; рука, обвивавшаяся вокругъ ея стана съ кроткою нѣжностью, держала теперь сжатый кулакъ, и бѣшеная фурія, казалось, готова была задушить свою жертву. Герриэтъ, по невольному инстинкту самосохраненія, ближе придвинулась къ брату.

– Чего ты хочешь? Что я тебѣ сдѣлала?

– Что ты мнѣ сдѣлала? Ты пригрѣла меня у камина, напоила меня, накормила и на дорогу дала мнѣ денегъ. Ты облагодѣтельствовала меня и... я плюю на твое имя!

Подражая своей дочери, старуха тоже сжала руку въ кулакъ и погрозила на брата и сестру; но вслѣдъ за тѣмъ она дернула за подолъ Алису и шепнула, чтобы та не отдавала монету.

– Если моя слеза капнула на твою руку, пусть она отсохнетъ! Если я прошептала ласковое слово, пусть оглохнетъ твое ухо! Если я коснулась твоихъ губъ, пусть это прикосновеніе будетъ для тебя отравой! Проклятіе на домъ, гдѣ я отдыхала! Стыдь и позоръ на твою голову! Проклятіе на все, что тебя окружаетъ!

Выговоривъ послѣднія слова, она бросила монету на полъ и прилепнула ее ногою.

– Пусть обратятся въ прахъ твои деньги! Не надо мнѣ ни за какія блага, ни за царство небесное! Я бы скорѣе оторвала свою израненную ногу, чѣмъ осушила ее въ твоемъ проклятомъ домѣ!

Герриэтъ, блѣдная и трепещущая, удерживала брата, а бѣшеная фурія продолжала безъ перерыва:

– Ты сжалилась надо мной и простила меня въ первый часъ моего возвращенія? Хорошо! Ты разыграла передо мной добродѣтельную женщину? Хорошо! Я поблагодарю тебя на смертномъ одрѣ, я помолюсь за тебя, за весь твой родъ, за все твое племя! Будь въ этомъ увѣрена!

И сдѣлавъ гордый жестъ, какъ будто грозившій уничтоженіемъ предметовъ ея ярости, она подняла голову вверхъ и скрылась за дверьми во мракѣ бурной ночи.

Старуха еще разъ съ отчаяннымъ усиліемъ уцѣпилась за ея подоль и принялась отыскивать на порогѣ монету съ такою жадностью, которая поглотила всѣ ея способности. Напрасно. Дочь сильнымъ движеніемъ руки поволокла ее за собой, и онѣ опять понеслись черезъ пустырь къ своему жилищу, въ глухой закоулокъ безконечнаго города, который теперь совсѣмъ исчезъ отъ глазъ въ непроницаемомъ туманѣ. Мать во всю дорогу охала, хныкала, стонала и упрекала, сколько могла, свою непокорную дочь: изъ-за ея упрямства онѣ теперь должны были остаться безъ хлѣба и водки въ первую ночь послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки!

Уже давно непокорная дочь храпѣла на своей постели, а ея мать еще сидѣла передъ огнемъ и глодала черствую корку хлѣба.

Глава XXXV

Счастливая чета

Нѣтъ уже болѣе темнаго пятна на модной улицѣ города Лондона. Гордо смотритъ чертогъ м-ра Домби на противоположныя зданія, и ни одно не смѣетъ съ нимъ соперничать въ громадности и пышномъ блескѣ. Домъ – всегда домъ, какъ бы онъ ни былъ простъ и бѣденъ. Если эту половицу вывернуть на изнанку и сказать: домъ все-таки домъ, будь онъ великолѣпенъ какъ дворецъ, – то окажется, что м-ръ Домби соорудилъ въ честь своихъ пенатовъ чудный алтарь изящества и вкуса.

Вечеръ. Ярко горятъ свѣчи въ окнахъ пышнаго дома; красноватое зарево каминовъ отражается на занавѣсахъ и мягкихъ коврахъ; буфетъ ломится подъ тяжестью сервиза; столъ накрытъ великолѣпно для четырехъ персонъ. Обновленный домъ первый разъ со времени послѣднихъ перемѣнъ принимаетъ праздничный видъ. Ждутъ съ минуты на минуту возвращенія изъ Парижа счастливой четы.

Знаменитый вечеръ уступаетъ въ суетливости только свадебному утру. Всѣ сердца преисполнены благоговѣніемъ и проникнуты торжественнымъ ожиданіемъ. М-съ Перчъ сидитъ на кухнѣ и кушаетъ чай. Ей было много дѣла: разъ двадцать она обошла пышные апартаменты, вымѣряла по аршинамъ цѣнность шелку и левантина и вычерпала изъ словарей всѣ возможныя восклицанія, придуманныя для выраженія выпренныхъ восторговъ. Кухарка въ самомъ веселомъ расположеніи духа и увѣряетъ всю компанію, что ей теперь нужны гости, да гости, такъ какъ она разбитного характера и всегда любила повеселиться; а что гостей будетъ полонъ домъ, такъ она готова прозакладывать шесть пенсовъ. М-съ Перчъ, прихлебывая чай, утвердительно киваетъ головой и безмолвно соглашается на всѣ пункты. Горничная поминутно вздыхаетъ изъ глубины души и открыто объявляетъ, что у нея одно желаніе – счастья молодымъ супругамъ; но супружество, прибавляетъ она, не что иное, какъ лотерея, и чѣмъ больше объ этомъ думаешь, тѣмъ больше привыкаешь дорожить свободой безбрачной жизни. "Конечно, лотерея; да еще хуже, чѣмъ лотерея", восклицаетъ м-ръ Таулисонъ, суровый, угрюмый и мрачный. "О, если бы теперь война, – прибавляетъ онъ, – къ чорту всѣхъ французовъ"! Молодой человекъ вообще того мнѣнія, что всякій иностранецъ есть французъ и непременно долженъ быть французомъ по законамъ природы.

При каждомъ новомъ стукѣ колесъ вся компанія останавливалась и прерывала разговоръ и вслушивалась; не разъ даже раздавалось общее восклицаніе: "вотъ они! вотъ они!" но оказывалось, что это были не они, и фальшивая тревога оканчивалась ничѣмъ. Кухарка, видимо, начала сокрушаться о приготовленномъ обѣдѣ, м-ръ Таулисонъ больше и больше свирѣпѣлъ противъ французовъ, всѣ чувствовали какое-то неопредѣленное безпокойство, и только одинъ обойщикъ, чуждый всякихъ тревоженій, спокойно продолжалъ бродить по комнатамъ, погруженный въ блаженное самосозерцаніе.

Флоренса готова встрѣтить отца и свою новую мать. Радость или грусть волнуетъ ея сердце, робкая дѣвушка сама не знаетъ; но ея щеки зардѣлись яркимъ румянцемъ и заискрились необыкновеннымъ блескомъ. Въ людской поговариваютъ втихомолку: какъ прекрасна сегодня миссъ Флоренса, какъ она выросла! какъ похорошѣла, бѣдняжка! Затѣмъ слѣдуетъ пауза. Кухарка, какъ душа общества, чувствуетъ, что ей надобно высказать свое мнѣніе. Она говоритъ: удивительно для меня... но что именно удивительно, не объясняетъ. Горничная также удивляется, и вмѣстѣ съ ней чувствуетъ глубокое удивленіе м-съ Перчъ, надѣленная отъ природы завидною способностью приходиться въ изумленіе отъ всего, что поражаетъ удивленіемъ другихъ особъ, хотя бы предметъ такого удивленія скрывался во мракѣ неизвѣстности. М-ръ Таулисонъ пользуется благоприятнымъ случаемъ настроить дамскія сердца на печальный тонъ. Онъ говоритъ:

– Чѣмъто окончится вся эта исторія! Посмотримъ, поглядимъ!

– Какъ, подумаешь, все устроено на свѣтъ! – восклицаетъ кухарка, – право! А ужъ насчетъ миссъ Флоренсы, м-ръ Таулисонъ, я готова побиться объ закладъ, ей не будетъ хуже ни отъ какихъ переменъ.

– Какъ бы не такъ! – возражаетъ Таулисонъ и, скрестивъ руки, хранитъ глубокое молчаніе, увѣренный, что его пророчество навело ужасъ на все общество.

М-съ Скьютонъ, готовая встрѣтить милыхъ дѣтей съ отверстыми объятіями, уже давно нарядилась въ дѣвическій костюмъ съ коротенькими рукавчиками. Зрѣлыя прелести Клеопатры цвѣтутъ теперь въ тѣни ея собственныхъ комнатъ, которыми она овладѣла только что сегодня. Уже нѣсколько часовъ брюзга-старуха сидитъ подь окномъ и крайне досадуетъ на запоздалый обѣдъ.

Гдѣ же счастливая чета, ожидаемая этимъ благословеннымъ домомъ? Неужели паръ, вода, вѣтеръ и лошади, – все замедляетъ свой ходъ, чтобы продлить блаженство этой четы? Неужели слишкомъ много благовонныхъ цвѣтовъ на ея дорогѣ, и она запуталась между розами и лиліями?

Вотъ она, наконецъ, вотъ счастливая чета! Быстро подѣхала карета къ великолѣпному дому и остановилась у подѣзда; м-ръ Таулисонъ и компанія бѣгутъ на встрѣчу, открываютъ дверь, и молодые супруги рука объ руку входятъ въ свой чертогъ.

– Милая Эдиоъ! – кричитъ на лѣстницѣ взволнованный голосъ. – Милый Домби! – И коротенькіе рукавчики обвиваются попеременно вокругъ милаго и милой.

Флоренса также спустилась въ залу, но, не смѣя подойти съ своимъ привѣтствіемъ, робко выжидаетъ, пока пройдутъ первые восторги нѣжнѣйшаго свиданія. Глаза Эдиои встрѣтили ее еще на порогѣ. Небрежно поцѣловавъ въ щеку чувствительную родительницу, Эдиоъ поспѣшила къ Флоренсѣ и обняла ее съ нѣжностью.

– Какъ твое здоровье, Флоренса? – спросилъ м-ръ Домби, протягивая руку.

Цѣлуя ее, трепещущая Флоренса встрѣтилась съ глазами отца. Холодень былъ взоръ м-ра Домби; но любящее сердце дочери замѣтило въ немъ что-то, похожее на участіе. Ей даже показалось, что при взглядѣ на нее, м-ръ Домби обнаружилъ чувство изумленія безъ всякой примѣси недоброжелательства или негодованія. Не смѣя болѣе поднять на него глазъ, она, однако, чувствовала, что онъ взглянулъ на нее еще разъ и взглянулъ благосклонно. О, какой лучъ радости оживилъ все существо ея при отрадной мысли, что теперь новая маменька откроетъ ей неразгаданный секретъ приобрѣтать любовь своего отца.

– Надѣюсь, м-съ Домби, вы не долго станете переодѣваться, – замѣтилъ м-ръ Домби.

– Я сейчасъ буду готова.

– Подавать обѣдъ черезъ четверть часа.

Съ этими словами м-ръ Домби всталъ и ушелъ въ свой кабинетъ. М-съ Домби ушла къ себѣ на верхъ, а м-съ Скьютонъ и Флоренса отправились въ залъ, гдѣ нѣжная маменька вмѣнила себѣ въ обязанность пролить нѣсколько неудержимыхъ слезъ, въ знакъ радости о счастья дочери. Она отирала ихъ еще вышитымъ кончикомъ носового платка, медленно и осторожно, когда зять ея снова вошелъ въ комнату.

– Ну, что, какъ понравился вамъ прелестный Парижъ? – спросила она его, подавляя свое волненіе.

– Холодно было, – отвѣчаль м-ръ Домби.

– Но зато весело, какъ всегда, – сказала м-съ Скьютонъ.

– Не очень. Что-то скучно, – возразилъ Домби.

– Что вы, какъ можно скучно!

– На меня, по крайней мѣрѣ, онъ произвелъ такое впечатлѣніе, – продолжалъ Домби съ важною учтивостью. – М-съ Домби нашла его, кажется, тоже скучнымъ; она два раза говорила, что ей не весело.

– Проказница! – сказала м-сь Скьютонъ, подходя къ входившей въ это время дочери, – можно ли говорить такія вещи о Парижѣ!

Эдиѡъ подняла усталыя рѣсницы и прошла въ дверь, обѣ половинки которой были торжественно растворены, съ цѣлью раскрыть амфиладу новоубранныхъ комнатъ; но Эдиѡъ едва взглянула на это убранство и сѣла возлѣ Флоренсы.

– Какъ прекрасно отдѣланы комнаты! – сказала м-сь Скьютонъ, обращаясь къ Домби. – Съ какой точностью умѣли они исполнить каждую мысли Это не домъ, а дворецъ.

– Да, недурно, – отвѣчала Домби, окинувши взоромъ комнаты. – Я сказалъ, чтобы не жалѣли денегъ, и что можно сдѣлать за деньги, надѣюсь, сдѣлаино.

– А чего нельзя за нихъ сдѣлать! – замѣтила Клеопатра.

– Деньги всемогущи, – подтвердилъ Домби.

И онъ торжественно взглянулъ на жену; но жена молчала.

– Надѣюсь, м-сь Домби, – сказалъ онъ, обращаясь къ ней послѣ минутнаго молчанія съ особеиною выразительностью, – надѣюсь, вы одобряете всѣ эти измѣненія?

– Да конечно, – отвѣчала она съ надменною безпечностью. – Должно быть прекрасно, такъ значить и прекрасно.

Насмѣшливое выраженіе было, казалось, неразлучно съ ея гордымъ лицомъ; но презрѣніе, съ которымъ она выслушивала намеки на богатство, эти притязанія удивить ее почти сказочной роскошью, – это презрѣніе было на лицѣ ея чѣмъ-то новымъ, выразившимся ярче всего другого. Замѣтилъ ли это м-ръ Домби, облеченный въ собственное величіе, или нѣтъ, только случаевъ замѣтить это выраженіе представлялось для него довольно; въ настоящую минуту ему очень не трудно было бы понять взглядъ, надменно скользнувшій по предметамъ его гордости и остановившійся потомъ на немъ. Онъ могъ бы прочесть въ этомъ взглядѣ, что всѣ богатства его, будь онъ хоть въдесятеро больше, не завоюютъ ему ни тѣни покорной мысли въ гордой женщинѣ, связанной съ нимъ узами брака, но возстающей противъ него всею душою. Онъ прочелъ бы въ этомъ взлядѣ, что она презираетъ его сокровища, но и смотритъ на нихъ, какъ на свою собственность, какъ на плату, какъ на низкое и ничтожное вознагражденіе за то, что она сдѣлалась его женою. Онъ прочелъ бы въ немъ, что малѣйшій намекъ на могущество его денегъ, давая ей поводъ выразить свое презрѣніе, все-таки унижалъ ее въ собственномъ мнѣніи и разжигалъ пожаръ внутри ея.

Подали и обѣдъ; м-ръ Домби повелъ Клеопатру, Эдиѡъ и дочь его послѣдовали за ними. Прошедши мимо столика, уставленнаго серебромъ и золотомъ, какъ мимо кучи сору, и не удостоивши ни однимъ взглядомъ окружавшіе ее предметы роскоши, она въ первый разъ заняла свое мѣсто за столомъ и сидѣла, какъ статуя.

М-ръ Домби самъ не далеко ушелъ отъ статуи и остался доволенъ неподвижною, гордою и холодною осанкою своей прекрасной сунруги. Она вела себя въ его духѣ, и онъ находилъ обращеніе ея прекраснымъ. Предсѣдательствуя за столомъ съ неизмѣннымъ чувствомъ собственного достоинства, онъ исполнялъ обязанности хозяина торжественно и самодовольно, и обѣдъ, не предвѣщавшій въ будущемъ ничего особенно привлекательнаго, прошелъ въ холодной учтивости.

Вскорѣ послѣ чаю м-сь Скьютонъ, исполненная чувства радости, что любезная дочь ея соединена съ избранникомъ сердца, – что, впрочемъ, не мѣшало ей найти этотъ семейный обѣдъ довольно скучнымъ, какъ можно было заключить по зѣвотѣ, цѣлый часъ прикрываемой вѣеромъ, – м-сь Скьютонъ ушла спать. Эдиѡъ тоже ушла потихоньку и не возвращалась. Флоренса же, ходившая на верхъ къ Діогену, застала въ залѣ при возвращеніи своемъ только отца, расхаживающаго взадъ и впередъ въ мрачномъ величіи.

– Извините, папенька. Прикажете уйти? – проговорила она, остановившись у дверей.

– Нѣтъ, – отвѣчала Домби, оглянувшись черезъ плечо, – ты можешь быть или не быть тутъ, какъ тебѣ угодно; вѣдь это не мой кабинетъ.

Флоренса вошла и присѣла съ работой къ дальнему столику. Она въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя, очутилась наединѣ съ отцомъ, – она, его единственное дитя, его естественная подруга, испытавшая все горе и тоску одинокой жизни, она, любящая, но не любимая, никогда не забывавшая помянуть его въ молитвѣ, готовая умереть рано, лишь бы только у него на рукахъ, – она, его ангель-хранитель, на холодъ и равнодушіе отвѣчавшій самоотверженною любовью!

Она дрожала, и взоръ ея омрачался. Домби ходилъ передъ ней по комнатѣ, и фигура его, казалось, росла и расширялась, то сливаясь въ неясный очеркъ, то выступая въ рѣзкихъ, опредѣленныхъ формахъ. Флоренсу влекло къ нему, но ей становилось страшно, когда онъ приближался. Неестественное чувство въ ребенкѣ, непричастномъ злу! Неестественная рука, правившая острымъ плугомъ, который вспахалъ ея нѣжную душу для такого посѣва!

Опасаясь, какъ бы не огорчить или не оскорбить его своею скорбью, Флоренса наблюдала за собой и спокойно продолжала работать. Сдѣлавши еще нѣсколько концовъ по залѣ, онъ отошелъ въ темный уголь, сѣлъ въ кресло, закрылъ голову платкомъ и расположился заснуть.

Отъ времени до времени Флоренса устремляла взоръ на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ ея отецъ, и стремилась къ нему мыслью, когда лицо ея склонялось къ работѣ; ей и горько, и отрадно было думать, что онъ можетъ спать въ ея присутствіи.

Что подумала бы она, если бы знала, что онъ не сводить съ нея глазъ, что платокъ, случайно или съ умысломъ, упалъ на лицо, не заграждая его взоровъ, и что эти взоры ни на минуту не перестаютъ слѣдить за нею?

Когда она глядѣла въ темный уголь, гдѣ сидѣлъ м-ръ Домби, выразительные глаза ея говорили сильнѣе и увлекательнѣе всѣхъ ораторовъ въ мірѣ, и нѣмой укоръ ихъ былъ неотразимъ. Домби вздыхалъ вольнѣе, когда она наклонялась надъ работой, но продолжалъ смотрѣть на нее съ тѣмъ же вниманіемъ; онъ всматривался въ ея бѣлый лобъ, и длинные локоны, и неутомимыя руки, и ме могъ, казалось, отвести прикованныхъ глазъ. Что подумала бы она, если бы знала все это?

А что думалъ онъ между тѣмъ? Съ какимъ чувствомъ продолжалъ онъ смотрѣть изъ-подъ платка на дочь? Чувалъ ли онъ упрекъ въ этой спокойной фигурѣ, въ этомъ кроткомъ взорѣ? начиналъ ли онъ чувствовать права ея, пробудилъ ли въ немъ, наконецъ, молящій взглядъ ея сознание жестокой несправедливости?

Минуты теплой симпатіи бываютъ въ жизни даже самыхъ угрюмыхъ и черствыхъ людей, хотя они и скрываютъ это очень старательно. Видь дочери-красавицы, незамѣтно достигшей полного развитія, могъ вызвать такую минуту даже и въ гордой жизни м-ра Домби. Ее могла вызвать мимолетная мысль, что семейное счастье было отъ него такъ близко, а онъ и не замѣтилъ его среди своего черство-мрачнаго высокомерія. Его могло тронуть нѣкое краснорѣчіе взоровъ дочери, говорившей, казалось: "Отецъ мой! заклинаю тебя памятью умершихъ, моимъ полнымъ страданіемъ дѣтствомъ, полночной встрѣчей нашей въ этомъ мрачномъ домѣ, крикомъ, вызваннымъ изъ груди моей болью сердца, – обратись ко мнѣ, отецъ мой, найди убѣжище въ любви моей, пока еще не поздно!" – Впрочемъ, теплое чувство могло быть вызвано и другими, не столь возвышенными мыслями.

Онъ вспомнилъ, можетъ быть, что потеря сына вознаграждена теперь новымъ союзомъ; даже, можетъ быть, просто причислилъ Флоренсу къ комнатнымъ украшеніямъ. Дѣло въ томъ, что онъ продолжалъ смотрѣть на нее все съ болѣе и болѣе нѣжнымъ чувствомъ; она начала какъ то сливаться въ глазахъ его съ любимымъ сыномъ, такъ что, наконецъ, онъ не могъ почти различать ихъ. Онъ все смотрѣлъ, и ему почудилось, что онъ видитъ ее наклонившеюся надъ кроватью малютки, не какъ соперника, а какъ ангела-хранителя. Въ немъ пробудилось желаніе заговорить съ ней, подозвать ее къ себѣ. Невнятные, трудныя съ непривычки слова: "Флоренса, поди сюда!" были уже почти на языкѣ, но ихъ заглушили чьи-то шаги на лѣстницѣ.

То была его жена. Она перемѣнила костюмъ и вошла теперь въ пеньюарѣ, съ распущенными волосами, свободно падавшими на плечи. Домби былъ пораженъ, но только не перемѣною нлатья.

– Флоренса, моя милая, – сказала Эдиѡъ, – а я тебя вездѣ искала.

И она сѣла возлѣ Флоренсы, наклонилась и иоцѣловала ея руку. Домби едва могъ узнать жену – такъ она измѣнилась. Не только улыбка на ея лицѣ была для него новостью, но и всѣ манеры, выраженіе глазъ, тонъ голоса, участіе, очевидное желаніе понравиться... Нѣтъ, это не Эдиѡъ!

– Тише, маменька. Папенька спить.

И вдругъ Эдиѡъ опять сталъ Эдиѡюю; она взглянула въ уголь, гдѣ сидѣлъ Домби, и Домби увидѣлъ знакомое лицо Эдиѡи.

– Я никакъ не думала, чтобы ты была здѣсь, Флоренса.

И опять мгновенная перемѣна! Какъ нѣжно прозвучали эти слова!

– Я нарочно ушла пораньше наверхъ, – продолжала Эдиѡъ, – чтобы поговорить съ тобою. Но вошедши въ твою комнату, я увидѣла, что птичка улетѣла, и напрасно ждала ея возвращенія.

И будь Флоренса въ самомъ дѣлѣ птичка, Эдиѡъ не могла бы прижать ее къ своей груди нѣжнѣе.

– Пойдемъ, моя милая!

– Папенька, я думаю, не удивится, проснувшись, что меня нѣтъ? – нерѣшительно произнесла Флоренса.

– Ты сомнѣваешься?

Флоренса опустила голову, встала и сложила работу. Эдиѡъ взяла ее подъ руку, и онѣ вышли какъ сестры. "Даже и походка ея что-то не та", подумалъ м-ръ Домби, провожая ее глазами за порогъ.

Часы на колокольнѣ пробили три, а онѣ все еще сидѣлъ неподвижно въ углу, не сводя глазъ съ того мѣста, гдѣ была Флоренса. Свѣчи догорѣли, въ комнатѣ стало темно, но на лицѣ его витала тьма, темнѣе всякой ночи.

Флоренса и Эдиѡъ долго разговаривали, сидя передъ каминомъ въ отдаленной комнатѣ, гдѣ умеръ маленькій Павелъ. Бывшій тамъ Діогенъ хотѣлъ было сначала не впустить Эдиѡи, но потомъ, какъ будто только изъ желанія угодить своей госпожѣ, впустилъ ее и удалился ворча въ переднюю. Скоро, однако, онѣ какъ будто понялъ, что, несмотря на хорошее намѣреніе, сдѣлалъ ошибку, какую дѣлаютъ самыя лучшія собаки, и, желая загладить проступокъ, вошелъ потихоньку опять въ комнату, улегся между дамами прямо противъ огня, высунулъ языкъ и началъ слушать съ самымъ глупымъ выраженіемъ.

Разговоръ шель сначала о книгахъ и занятіяхъ Флоренсы и о томъ, какъ провела она время со дня свадьбы. Это навѣло ее на предметъ, близкій ея сердцу, и со слезами на глазахъ она сказала:

– О, маменька, съ тѣхъ поръ я перенесла много горя!

– Ты, Флоренса? ты перенесла горе?

– Да. Бѣдный Вальтеръ утонулъ.

Флоренса закрыла лицо руками и горько заплакала.

– Скажи мнѣ пожалуйста, – сказала, лаская ее, Эдиѡъ, – кто былъ этотъ Вальтеръ, что ты о немъ плачешь?

– Онѣ былъ братъ мой, маменька. Когда умеръ Павелъ, мы сказали другъ другу: будемъ братомъ и сестрою. Я знала его давно, съ самаго дѣтства. Онѣ зналъ Павла, и Павелъ очень любилъ его; умирая Павелъ сказалъ: "береги Вальтера, папенька; я люблю его!" Вальтера ввели тогда къ нему, онѣ былъ вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ.

– И что же? Берегъ онѣ Вальтера? – спросила Эдиѡъ.

– Папенька? Онъ услалъ его за море, корабль разбило бурей, и Вальтеръ погибъ, – сказала, плача, Флоренса.

– Знаетъ онъ, что онъ умеръ? – спросила Эдиоъ.

– Не знаю. Какъ мнѣ знать? – воскликнула Флоренса, припавши къ ней, какъ будто умоляя ее о помощи, и скрывши лицо свое на ея груди. – Я знаю, вы видѣли...

– Постой, Флоренса!

Эдиоъ была такъ блѣдна и говорила такимъ мрачнымъ голосомъ, что ей не для чего было зажимать Флоренсѣ ротъ рукою.

– Расскажи мнѣ прежде о Вальтерѣ, расскажи мнѣ его исторію, всю, подробно.

Флоренса рассказала ей все до мелочей, даже до пріязни м-ра Тутса, при имени котораго не могла не улыбнуться сквозь слезы, несмотря на все свое къ нему расположеніе. Когда она окончила рассказъ, Эдиоъ, слушавшая ее очень внимательно, сказала:

– Что же ты говоришь, что я видѣла, Флоренса?

– Что папенька меня не любитъ, – проговорила Флоренса, быстро припавши къ ней лицомъ. – Онъ никогда меня не любилъ, я не умѣла заслужить любовь его, я не знала пути къ его сердцу, и некому было указать мнѣ его. О, научите меня, какъ сдѣлать, чтобы онъ полюбилъ меня. Научите! Вы это можете!

И, прильнувши къ ней еще ближе, Флоренса заплакала послѣ горькаго признанія; она плакала долго въ объятіяхъ своей матери, но не такъ больно, какъ бывало прежде.

Эдиоъ, блѣдная до самыхъ губъ, напрасно усиливалась дать спокойное выраженіе лицу, какъ будто помертвѣвшему въ гордой красотѣ; она взглянула на плачущую дѣвушку, поцѣловала ее, и сказала ей голосомъ, понижавшимся съ каждымъ словомъ въ тонѣ, но не одушевленнымъ никакимъ другимъ признакомъ чувства:

– Флоренса! ты не знаешь меня. Не дай Богъ, чтобы ты научилась чему-нибудь отъ меня!

– Отъ васъ? – повторила Флоренса съ удивленіемъ.

– Не дай Богъ, чтобы я научила тебя, какъ любить или быть любимой! – сказала Эдиоъ. Лучше бы было, если бы ты могла научить меня, но теперь уже поздно. Я люблю тебя, Флоренса. Никогда не думала я, чтобы могла привязаться къ кому-нибудь такъ сильно, какъ привязалась къ тебѣ за это короткое время.

Она замѣтила, что Флоренса хочетъ говорить, остановила ее рукою и продолжала:

– Я буду твоимъ вѣрнымъ другомъ. Я буду любить тебя такъ же сильно, если и не такъ же хорошо, какъ всякій другой въ мірѣ. Ты можешь довѣриться мнѣ, можешь безопасно раскрывать передо мною твое чистое сердце. Есть сотни женщинъ, которыя годились бы ему въ жены лучше меня, Флоренса, но ни одна не полюбила бы тебя такъ искренно, какъ я.

– Я знаю это, маменька! – сказала Флоренса, – узнала это съ этого счастливаго дня!

– Счастливаго! – повторила Эдиоъ какъ-будто невольно, и продолжала, – хотя въ любви моей и нѣтъ никакой заслуги, потому что я почти не думала о тебѣ, пока тебя не видала, но не откажи мнѣ въ наградѣ за мою привязанность, отвѣчай мнѣ любовью на любовь.

– Не ищи здѣсь того, чего здѣсь нѣтъ, – продолжала Эдиоъ, указывая на грудь. – И, если можешь, не покидай меня за то, что не нашла здѣсь, чего искала. Мало-по-малу ты узнаешь меня лучше, и настанетъ время, когда ты узнаешь меня, какъ самое себя. Будь же ко мнѣ снисходительна, и не отравляй единственнаго сладкаго воспоминанія въ моей жизни.

Слезы, выступившія на глазахъ ея, доказали, что спокойное выраженіе лица ея было не больше, какъ прекрасная маска; она сохранила, однако, это выраженіе и продолжала:

– Ты права: я видѣла, я знаю, что ты не любима. Но повѣрь мнѣ, – скоро ты сама въ этомъ убѣдишься, – никто въ мірѣ не годенъ меньше меня исправить дѣло и помочь тебѣ. Не спрашивай меня почему и не говори мнѣ никогда ни объ этихъ отношеніяхъ, ни о моемъ мужѣ; тутъ мы должны быть, какъ мертвые другъ для друга, должны молчать, какъ могила.

Нѣсколько времени просидѣла она молча; Флоренса едва смѣла дышать; неясныя тѣни истины, со всѣми ея послѣдствіями, носились передъ ея устрешеннымъ, недовѣрчивымъ воображеніемъ. Съ лица Эдиѳи, когда она кончила говорить, начало исчезать мраморно-спокойное выраженіе, и черты его сдѣлались мягче, какъ всегда бывало при свиданіи съ Флоренсою наединѣ. Она встала, обняла Флоренсу, пожелала ей доброй ночи и вышла быстро, не оглядываясь.

Флоренса легла; свѣтъ камина слабо освѣщаль комнату; Эдиѳь возвратилась, говоря, что спальня ея пуста, и что ей не спится; она придвинула сгуль къ камину, сѣла и устремила взоръ на угасающій огонь. Флоренса, лежа въ своей постели, тоже слѣдила за послѣдними переливами огня; красное зарево и благородная фигура Эдиѳи, съ ея распущенными волосами и задумчиво горящими глазами, начали мало-по-малу сливаться и, наконецъ, вовсе исчезли. Флоренса уснула.

Сонъ не освободилъ ее, однако, отъ опредѣленнаго впечатлѣнія предшествовавшихъ ему часовъ; ей стало тяжело и страшно. Ей снилось, что она отыскиваетъ отца въ какой-то пустынь, что всходитъ по слѣдамъ его на страшныя вершины, спускается въ бездонныя пропасти, что она можетъ чѣмъ-то спасти его отъ ужасныхъ страданій, но не знаетъ, чѣмъ именно, и не можетъ достигнуть цѣли. Потомъ онъ представился ей мертвымъ; онъ лежалъ на этой же постели, въ этой самой комнатѣ, и она припала къ холодной груди его съ сознаниемъ, что онъ никогда не любилъ ея. Потомъ сцена измѣнилась: передъ ней текла рѣка, и слышался знакомый жалобный голосъ. И она видѣла издали Павла, протягивающаго къ ней руки, а возлѣ него стояла спокойно молчаливая фигура Вальтера. Эдиѳь являлась во всѣхъ этихъ сценахъ, то на радость, то на горе Флоренсы; наконецъ, обѣ онѣ очутились на краю могилы; Эдиѳь указала въ глубину ея, Флоренса взглянула и увидѣла лежащую тамъ – другую Эдиѳь!

Въ ужасѣ она вскрикнула и проснулась. Чей-то нѣжный голосъ, чудилось ей, говорить ей на ухо: "Успокойся, Флоренса! это только сонъ!" И она протянула руки, отвѣчая на ласку своей новой матери, выходящей въ дверь. Флоренса вскочила и не знала, на яву или во снѣ все это происходило; одно только было для нея ясно, что въ каминѣ чернѣлъ угасшій пепель, и что она была одна.

Такъ прошла ночь послѣ пріѣзда счастливой четы домой.

Глава XXXVI Новоселье

Много прошло подобных дней, съ тою только разницей, что новобрачные принимали гостей и ѣздили съ визитами, что у м-съ Скьютонъ собирались по утрамъ пріятели, въ томъ числѣ непремѣнно майоръ Багстокъ, и что Флоренса уже не встрѣчала болѣе взоровъ отца, хотя и видѣла его каждый день. Съ маменькой она бесѣдовала тоже не много; Эдиѡъ обращалась со всѣми въ домѣ, кромѣ Флоренсы, гордо и повелительно, и Флоренса не могла не замѣтить этого. Возвращаясь домой, Эдиѡъ всегда приходила къ ней или звала ее къ себѣ, и, уходя спать, непремѣнно навѣдывалась къ ней въ комнату, въ какой бы то часъ ночи ни было; онѣ долго просиживали вмѣстѣ, но всегда въ задумчивомъ молчаніи.

Флоренса, ожидавшая такъ много отъ этого брака, невольно сравнивала иногда настоящее великолѣпіе дома съ прежнимъ мрачнымъ запустѣніемъ его и думала, скоро ли пробудится въ немъ семейная жизнь? Смутное чувство говорило ей, что теперь никто въ немъ не дома, хотя всѣ утопаютъ въ изобиліи и роскоши. Сколько часовъ днемъ и ночью провела Флоренса въ грустномъ раздумьи, сколько слезъ пролила она о погибшей надеждѣ, вспоминая рѣшительныя слова Эдиѡи, что "никто меньше ея не способенъ указать ей пути къ сердцу отца!" Скоро Флоренса рѣшилась думать, что Эдиѡъ запретила ей касаться этого предмета въ разговорѣ изъ сожалѣнія, видя всю невозможность перемѣны въ чувствахъ м-ра Домби. Безкорыстная во всемъ, Флоренса рѣшилась скрывать боль отъ новой раны, чтобы не давать воли темнымъ догадкамъ. Она все еще надѣялась, что семейная жизнь ихъ пойдетъ лучше, когда все въ домѣ установится своимъ порядкомъ. О себѣ она думала мало и горевала меньше.

Если никто изъ жильцовъ этого дома и не чувствовалъ себя дома, зато положено было, чтобы передъ глазами публики м-съ Домби безъ отлагательства явилась полной хозяйкой. М-ръ Домби и м-съ Скьютонъ озаботились устройствомъ цѣлаго ряда торжественныхъ празднествъ въ честь недавняго бракосочетанія; положено было объявить, что м-съ Домби принимаетъ въ такой-то день, и пригласить, отъ имени Домби и его супруги, множество разнокалибернаго народу обѣдать у нихъ въ назначенный день.

М-ръ Домби представилъ списокъ разныхъ магнатовъ, которыхъ должно пригласить съ его стороны; м-съ Скьютонъ, распорядившаяся за любезную дочь свою, смотрѣвшую на всѣ эти сборы съ гордымъ равнодушіемъ, представила другой списокъ, въ которомъ были означены имена: брата Феникса, не возвратившагося еще, къ ущербу своей подвижности, въ Бадень-Бадень, и множество разныхъ мотыльковъ, порхавшихъ въ различныя времена вокругъ пламени прекрасной Эдиѡи или ея маменьки, безъ малѣйшаго ущерба для собственныхъ крыльевъ. Флоренса была включена въ число присутствующихъ за столомъ по приказанію Эдиѡи, данному по поводу минутнаго сомнѣнія и нерѣшительности со стороны м-съ Скьютонъ; и Флоренса, инстинктивно чувствуя каждую мелочь, задѣвавшую отца, молча приняла участіе въ праздникахъ.

Первый праздникъ начался съ того, что м-ръ Домби, въ огромномъ крахмаленномъ галстухѣ, вошелъ въ пріемную и ходилъ по ней до обѣденнаго часа. Потомъ начали пріѣзжать гости: первый явился, съ необыкновенной точностью, страшный богачъ, директоръ остьиндской компаніи, въ жилетѣ, состроенномъ, по-видимому, какимъ-нибудь молодцомъ, плотникомъ, но въ сущности сшитомъ изъ нанки. Потомъ м-ръ Домби пошелъ засвидѣтельствовать свое почтеніе супругѣ, съ точностью обозначивши часъ и минуту; потомъ директоръ остьиндской компаніи оказался, касательно бесѣды, совершенно мертвымъ, а м-ръ Домби – совершенно неспособнымъ воскресить его, и директоръ сидѣлъ, уставивши глаза въ каминъ, пока не явилась помощь въ образѣ м-съ Скьютонъ, которую онъ принялъ за м-съ Домби, и разыпался передъ ней въ поздравленіяхъ.

Потомъ явился директоръ банка, чловѣкъ, который, по общему мнѣнію, могъ купить и перекупить что угодно, и отличался необыкновенной скромностью рѣчей. Онъ слегка упомянулъ о своей дачкѣ близъ Кингстона на Темзѣ и прибавилъ, что если м-ру Домби вздумается когда-нибудь посѣтить его тамъ, такъ онъ угоститъ его, чѣмъ Богъ послалъ. "Я живу пустыннымъ, – продолжалъ онъ, – такъ куда мнѣ звать къ себѣ дамъ; впрочемъ, если м-съ Домби случится быть въ той сторонѣ и вздумается сдѣлать мнѣ честь взглянуть на мой бѣдный садикъ съ маленькимъ цвѣтникомъ, такъ я почту себя чрезвычайно счастливымъ".

Вѣрный своему характеру, директоръ банка былъ одѣтъ очень просто: на шеѣ кусокъ кембрика, толстые башмаки, фракъ вдвое шире его персоны и брюки на четверть короче ногъ. Когда м-съ Скьютонъ упомянула объ оперѣ, онъ сказалъ, что посѣщаетъ оперу очень рѣдко, что это не по его карману. Такія рѣчи, по-видимому, очень его услаждали и тѣшили: онъ опускалъ послѣ нихъ руки въ карманы и съ необыкновеннымъ самодовольствомъ поглядывалъ на слушателей,

Потомъ явилась м-съ Домби, прекрасная и гордая; она смотрѣла на все и на всѣхъ съ такимъ презрѣніемъ, какъ-будто брачный вѣнокъ на головѣ ея былъ сплетенъ изъ стальныхъ иголъ и требовалъ смиренія, а она, очевидно, готова была скорѣе умереть. Съ нею вошла Флоренса. Лицо Домби омрачилось, когда онъ увидѣлъ ихъ вмѣстѣ; но никто этого не замѣтилъ. Флоренса не смѣла взглянуть на него, а Эдиоъ, въ высокоомѣрномъ равнодушіи, не обратила на него ни малѣйшаго вниманія.

Скоро пріемная наполнилась гостями. Наѣхали разные директора, предсѣдатели компаній, почтенныя дамы съ цѣлыми магазинами на головахъ, братецъ Фениксъ, майоръ Багстокъ, пріятельницы м-съ Скьютонъ, съ цвѣтущими, какъ макъ, лицами и жемчугомъ на морщинистыхъ шеяхъ. Въ числѣ послѣднихъ – молодая дама шестидесяти пяти лѣтъ, очень легко одѣтая, съ голой шеей и плечами; она говорила какимъ-то заманчивымъ тономъ и стыдливо потупляла рѣсницы; вообще въ манерахъ ея было что-то неопредѣлимое словами, что такъ часто привлекаетъ пылкую юность.

Большая часть гостей м-ра Домби была молчалива, а большая часть гостей м-съ Домби – говорлива; между ними не было никакой симпатіи, и гости м-съ Домби, по какому-то магнетическому согласію, образовали союзъ противъ гостей м-ра Домби, которые, одиноко расхаживая по комнатамъ или забиваясь подальше въ разные углы, были затерты обществомъ, загорожены софами и, сверхъ разныхъ другихъ неудобствъ, испытывали толчки по головамъ отъ внезапно открывающихся дверей.

Слуга доложилъ, что подали кушать. М-ръ Домби повелъ пожилую даму, похожую на подушку изъ краснаго бархата, набитую банковыми билетами; Фениксъ повелъ м-съ Домби, майоръ Багстокъ – м-съ Скьютонъ; юная дама съ голыми плечами досталась директору остъ-индской компаніи; остальные дамы выдержали минутный смотръ остальныхъ кавалеровъ; потомъ пары сперлись въ дверяхъ и отрѣзали отъ столовой семь смиренныхъ джентльменовъ, одиноко оставшихся въ гостиной. Когда уже всѣ сѣли за столъ, вышелъ еще одинъ изъ этихъ семи круглымъ сиротою, сконфузился, началъ улыбаться и, въ сопровожденіи метръ-д'отеля, обошелъ два раза вокругъ стола, ища мѣста. Мѣсто отыскалось, наконецъ, по лѣвую руку м-съ Домби, послѣ чего онъ уже окончательно поникъ головою.

Братецъ Фениксъ былъ въ ударѣ и смотрѣлъ молодецъ молодцомъ. Но онъ былъ ужасно забывчивъ и разсѣянъ въ минуты веселья, и въ настоящемъ случаѣ привелъ въ ужасъ все общество. Вотъ какъ это случилось.

Молодая дама, доставшаяся директору остъ-индской компаніи, посматривала на Феникса очень нѣжно и умѣла прилаживать со своимъ кавалеромъ къ мѣсту, какъ разъ возлѣ Феникса. Директоръ былъ въ ту же минуту забытъ и, осѣненный съ другой стороны чудовищною черною бархатною наколкою на костлявой головѣ дамы съ вѣромъ, палъ духомъ и уничтожился. Фениксъ и молодая дама разговаривали о чемъ-то очень живо и весело; она такъ много смѣя-

лась его рассказу, что майоръ Багстокъ, сидѣвшій противъ нихъ съ м-сь Скьютонъ, спросилъ, прилично извинившись, нельзя ли узнать, чему они смѣются?

– Вздоръ! – отвѣчалъ Фениксъ, – не стоитъ рассказывать; анекдотъ, случившійся съ Джакомъ Адамсомъ.

Общее вниманіе было обращено на Феникса.

– М-ръ Домби, – продолжалъ онъ, – вѣрно помнить Джака Адамса; Джака, а не Джоя; Джой – это братъ его.

М-ръ Домби отвѣчалъ отрицательно. Но одинъ изъ семи смирныхъ джентльменовъ совершенно неожиданно вмѣшался въ разговоръ, объявивъ, что онъ зналъ его, и прибавилъ: "Ну, какъ же, тотъ, что ходитъ всегда въ гессенскихъ сапогахъ".

– Истинно, – подхватилъ Фениксъ, наклонившись впередъ взглянуть на смѣльчака и одобрить его улыбкой; – это Джакъ. Джой ходилъ...

– Въ сапогахъ съ отворотами! – прервалъ его смирный джентльмень, въ каждомъ словѣ выигрывая все болѣе и болѣе во мнѣніи общества.

– Вы, значить, коротко ихъ знаете? – продолжалъ Фениксъ.

– Я зналъ ихъ обоихъ.

– Славный малый, этотъ Джакъ! – сказалъ Фениксъ.

– Чудесный, – отвѣчалъ смирный джентльмень, ободренный своимъ успѣхомъ. – Одинъ изъ лучшихъ людей, какихъ я только зналъ.

– Вы, безъ сомнѣнія, слышали уже эту исторію?

– Не знаю... расскажите, – отвѣчалъ смирный, закинувша голову и улыбаясь на потолокъ, какъ человѣкъ, который уже знаетъ, въ чемъ тутъ штука.

– Случай самъ по себѣ вздорный, – сказалъ Фениксъ, оглядывая гостей съ улыбкой, – не стоило бы и рассказывать, да самъ-то Джакъ высказывается тутъ очень хорошо. Джака пригласили куда-то на свадьбу, – чуть ли не въ Баркширъ.

– Въ Шропширъ, – счелъ себя обязаннымъ замѣтить скромный джентльмень,

– Что? А? Ну, да это все равно, – продолжалъ Фениксъ, – дѣло въ томъ, что его пригласили на свадьбу. Поѣхалъ, вотъ хоть бы и мы, напримѣръ, имѣя честь получить приглашеніе на свадьбу моей любезной родственницы и м-ра Домби, не заставили повторять себѣ этого два раза и чертовски рады были сойтись по случаю такого событія. Джакъ и поѣхалъ. А нужно вамъ знать, что это прехорошенькая дѣвушка выходила за человѣка, котораго ни въ грошъ не ставила, а согласилась только ради его несмѣтнаго богатства. Возвратившись со свадьбы въ городъ, Джакъ встрѣчается съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ. "Ну, что, Джакъ? – спрашиваетъ знакомый, – что наша неравная чета?" – Неравная? – отвѣчалъ Джакъ. – Напротивъ того, дѣло слажено на чистоту: она какъ слѣдуетъ, куплена, онъ, какъ слѣдуетъ, проданъ!

Ужась электрическою искрою пробѣжалъ по всему обществу, Фениксъ вдругъ онѣмѣлъ на самомъ патетическомъ мѣстѣ своего рассказа. Ни единой улыбки не вызвалъ этотъ единственный предметъ общаго разговора въ продолженіе всего обѣда. Воцарилось глубокое молчаніе; смирный джентльмень, рѣшительно не знавшій, въ чемъ состоитъ анекдотъ, и въ этомъ отношеніи невинный, какъ не рожденный еще младенецъ, имѣлъ несчастье прочесть во взорахъ всѣхъ гостей, что они считаютъ его главнѣйшимъ виновникомъ неловкой выдумки.

Лицо м-ра Домби вообще было не очень измѣнчиво; а теперь, облеченное, по случаю праздника, въ торжественность, не выразило при этомъ рассказѣ ничего особеннаго; онъ замѣтилъ голько, среди всеобщаго молчанія, что "исторія хороша". Эдиѳъ быстро взглянула на Флоренсу, ио, впрочемъ, оставалась совершенно безстрастна и равнодушна.

Блюда слѣдовали за блюдами, на столѣ блестяло серебро и золото, лежали кучи разныхъ фруктовъ; подали десертъ, явилось мороженое, – статья совершенно излишняя за столомъ м-ра Домби. Обѣдъ кончился подъ громкую музыку безпрестанныхъ ударовъ молотка, по случаю пріѣзда новыхъ гостей, которымъ досталось только понюхать, чѣмъ пахло въ столовой. Когда

м-сь Домби встала съ своего мѣста, стоило посмотрѣть на ея супруга, какъ онъ, въ накрахмаленномъ галстукѣ, сталь у дверей растворить ихъ для дамъ, и какъ она прошла мимо него съ Флоренсой.

Картина была замѣчательна: у дверей торжественная фигура м-ра Домби; у пустого конца стола жалкая, одинокая фигура директора ость-индской комнани; за нимъ воинственная фигура майора Багстока, рассказывающаго о герцогѣ Йоркскомъ шестерымъ изъ семи смиренныхъ джентльменовъ (седьмой, честолюбивый, былъ совершенно уничтоженъ и затертъ); въ сторонѣ смиренко рисовалась фигура директора банка, выкладывавшаго изъ вилокъ передъ кучкой благоговѣйныхъ слушателей планъ своего маленькаго садика; дальше была задумчивая фигура Феникса, украдкой поправлявшаго на головѣ парикъ. Но картина эта скоро разрушилась: подали кофе, и гости вышли изъ столовой.

Давка въ пріемныхъ комнатахъ увеличивалась съ съ каждою минутой; но въ гостяхъ м-ра Домби все еще проявлялась врожденная невозможность смѣшенія съ гостями м-сь Домби, и съ одного взгляда можно было узнать, кто чей гость. Единственное исключеніе дѣлалъ, можетъ быть, Каркеръ, который, стоя въ кружкѣ, образовавшемся около м-сь Домби, былъ равно внимателенъ и къ ней, и къ нему, и къ Клеопатрѣ, и къ майору, и къ Флоренсѣ, и ко всѣмъ; онъ былъ равно привѣтливъ съ обѣими партіями гостей и не принадлежалъ ни къ какой изъ нихъ.

Флоренса боялась его, и присутствіе его стѣсняло ее. Она не могла отдѣлаться отъ этого чувства и безпрестанно на него поглядывала; недовѣрчивость и непріязнь невольнo заставляли ее обращать взоры на него. Но мысли ея были заняты другимъ; сидя въ сторонкѣ, она чувствовала, какъ мало участвуетъ отецъ ея во всемъ происходящемъ вокругъ него, и видѣла, не безъ тяжелаго чувства, что ему какъ будто неловко и невесело, что на него почти не обращаютъ вниманія гости, которыхъ, въ знакъ своего особеннаго уваженія, онъ встрѣчалъ у самыхъ дверей, что жена его, когда онъ представлялъ ей пріѣхавшихъ, принимала ихъ съ гордою холодностью и послѣ этой церемоніи ни разу не обращалась къ нимъ ни съ полусловомъ. Особенно мучило и приводило въ недоумѣніе Флоренсу то, что это дѣлала та же самая Эдиѳъ, которая обращалась съ ней такъ ласково, съ такою теплою внимательностью!

И счастлива была Флоренса, что не понимала настоящей причины неловкаго положенія отца. Но, опасаясь оскорбить его, дать ему замѣтить, что она все это видитъ, полная привязанности къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ благородной пріязни къ Эдиѳи, она не отважилась взглянуть ни на него, ни на нее. Она страдала за обоихъ вмѣстѣ, и среди движеніи толпы закралась ей въ душу мысль, что лучше бы было для нихъ, если бы никогда не раздавался здѣсь этотъ говоръ гостей, если бы прежнее мрачное запусѣніе дома никогда не уступало мѣста новому великолѣпію, если бы забытая дочь ииогда не находила себѣ друга въ Эдиѳи и продолжала бы жить одиноко, не зная людскаго участія.

Въ головѣ м-сь Чиккъ тоже ворочались подобныя мысли, но только онѣ не возникли и не развивались въ ней такъ мирно. М-сь Чиккъ была оскорблена тѣмъ, что не получила приглашенія на обѣдъ.

– На меня не обращаютъ рѣшительно никакого вниманія; все равно, что на Флоренсу, – сказала она своему мужу.

– Рѣшительно никакого, – подтвердилъ м-ръ Чиккъ, сидѣвшій возлѣ супруги лицомъ къ стѣнѣ и потихоньку насвистывавшій пѣсню.

– Замѣтно ли хоть сколько-нибудь, что мое отсутствіе было бы здѣсь замѣчено?

– Нѣтъ, нисколько, – отвѣтилъ м-ръ Чиккъ.

– Поль съ ума сошелъ! – сказала м-сь Чиккъ. – Если ты не чудовище, въ чемъ, право, можно усомниться, – произнесла она съ достоинствомъ, – такъ перестань здѣсь свистѣть. Возможно ли, чтобы человекъ, въ которомъ есть хоть тѣнь человѣческаго чувства, видѣлъ, какъ эта разряженная теща расхаживаетъ съ майоромъ Багстокомъ, присутствіемъ котораго, въ числѣ другихъ сокровищъ, мы обязаны вашей Лукреціи Токсъ...

– *Моей* Лукреції Токсъ? – повторилъ съ удивленіемъ м-ръ Чиккъ.

– Да, – торжественно произнесла м-съ Чиккъ, – *вашей* Лукреції Токсъ! Можетъ ли чело-вѣкъ, говорю я, видѣть передъ собою эту тещу и эту гордячку Эдию, и всѣ эти непристойныя старыя чучела съ голыми шеями, – видѣть все это и свистѣть!

Это слово было произнесено съ такою эмфазою, что м-ръ Чиккъ вздрогнулъ.

– Признаюсь, – заключила м-съ Чиккъ, – это для меня рѣшительно непонятно! Впрочемъ, если Павелъ и забылъ, что – я, такъ я не забыла. Я себя чувствую; я членъ семейства, я не затѣмъ сюда явилась, чтобы меня не замѣчали, я еще не тряпье какое-нибудь, чтобы м-съ Домби отирала объ меня ноги, – проговорила м-съ Чиккъ, какъ будто ожидая, что не сегодня, такъ завтра сдѣлается этимъ тряпьемъ.

Она встала и вышла въ сопровожденіи мужа. Впрочемъ, нужно отдать честь ея наблюдательности: ее, дѣйствительно, никто не замѣтилъ.

Не одна м-съ Чиккъ осталась недовольна; гости м-ра Домби были недовольны гостями м-съ Домби за то, что они осматривали ихъ въ лорнеты и вслухъ изъявляли свое удивленіе вопросами – что это за народъ? – а гости м-съ Домби жаловались на скуку, и молодая дама, лишенная бесѣды веселаго Феникса, ушедшаго тотчасъ послѣ стола, объявила тридцати пріятельницамъ, что она умираетъ съ тоски. Всѣ почтенныя дамы съ магазинами на головахъ имѣли каждая свою причину быть недовольными м-съ Домби; директора и предсѣдатели были всѣ того мнѣнія, что если ужъ м-ру Домби непременно надо было жениться, такъ лучше бы ему выбрать себѣ жену постарше, хоть и не. красавицу, да зато постепеннѣе. Едва ли кто-нибудь изъ всего общества, исключая смирныхъ джентльменовъ, не считалъ себя обиженнымъ или пренебреженнымъ хозяевами. Безмолвная дама въ черной бархатной наколкѣ онѣмѣла отъ того, что дамѣ въ красной бархатной наколкѣ подали прежде нея. Даже сладкія натуры смирныхъ джентльменовъ немного скисли, неизвѣстно, отъ излишняго ли употребленія лимонада, или отъ распространившейся въ обществѣ заразы; они говорили другъ другу сарказмы и шептали что-то о неравномъ бракѣ. Общее нерасположеніе и неудовольствіе проникло даже въ переднюю, и заразило лакеевъ. Мало того, даже факельщики во дворѣ не ускользнули отъ этого вліянія и сравнивали этотъ пиръ съ похоронами безъ траура, при чемъ ни одинъ изъ гостей не получилъ въ наслѣдство ни гроша.

Наконецъ, гости ушли; улица, заставленная экипажами, опустѣла; догорающія свѣчи освѣщали только м-ра Домби, разговаривающаго въ сторонѣ съ Каркеромъ, и м-съ Домби съ ея матерью. Эдию сидѣла на оттоманѣ, а Клеопатра, въ позѣ Клеопатры, ждала своей горничной. Каркеръ, окончивши разговоръ съ Домби, подошелъ къ Эдию проститься.

– Какой пріятный былъ вечеръ, – сказалъ онъ. – Не утомились ли вы?

– М-съ Домби, – подхватилъ Домби, подходя къ нимъ, – довольно прилагала старанія, чтобы не утомиться. Крайне жалѣю, м-съ Домби, но я долженъ сказать вамъ, я желалъ бы, чтобы вы приняли на себя сегодня трудъ утомиться нѣсколько больше.

Она взглянула на него мелькомъ и отвернулась, не отвѣчая ни слова.

– Мнѣ очень жаль, – продолжалъ м-ръ Домби, – что вы не сочли своею обязанностью...

Она опять на него взглянула.

– Что вы не сочли своею обязанностью принять моихъ друзей съ большею внимательностью. Многія изъ особъ, съ которыми вы обошлись сегодня такъ небрежно, м-съ Домби, дѣлаютъ вамъ честь своимъ посѣщеніемъ.

– Помните ли вы, что мы здѣсь не одни, – продолжала она, устремивши на него пристальный взоръ.

– Нѣтъ, пожалуйста, м-ръ Каркеръ, – сказалъ Домби, останавливая уходящаго Каркера, – м-ръ Каркеръ, какъ вамъ извѣстно, пользуется моимъ полнымъ довѣріемъ; онъ не хуже меня знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь. Позвольте вамъ замѣтить, м-съ Домби, что эти почтенныя и богатыя особы дѣлаютъ своимъ посѣщеніемъ честь даже *мнѣ*.

– Я вас спрашиваю, – повторила она съ тѣмъ же презрительнымъ взглядомъ, – помните ли вы, что мы здѣсь не одни?

– Сдѣлайте одолженіе, – проговорилъ Каркеръ, – позвольте мнѣ пожелать спокойной ночи. Хотя эта размолвка, конечно, не можетъ имѣть никакого значенія...

На этихъ словахъ прервала его м-съ Скьютонъ, наблюдавшая за вмраженіемъ лица Эдиѳи.

– Милая Эдиѳъ, любезный Домби, – сказала она, – почтенный другъ нашъ, м-ръ Каркеръ, безъ всякаго сомнѣнія, мнѣ позволено назвать его этимъ имеиемъ?

– Много чести, – проворчалъ Каркеръ.

– М-ръ Каркеръ высказалъ свою мысль, – продолжала м-съ Скьютонъ. – Я сама только что хотѣла сказать, что все это рѣшительно ничего не значить! Милая Эдиѳъ, любезный Домби! мы очень хорошо знаемъ, что... Послѣ Флоуерсъ, послѣ.

Эти слова относились къ горничной, которая, увидѣвши мужчину, быстро ушла назадъ.

– Что при вашей любви, при священномъ союзѣ вашихъ сердецъ, размолвка между вами *не можетъ* быть серьезна. Я очень рада, что этотъ ничтожный случай даетъ мнѣ поводъ сказать, что я не приписываю рѣшительную никакой важности подобнымъ вспышкамъ и не стану, подобно другимъ тещамъ (слышала я, что есть такія тещи на бѣломъ свѣтѣ), вмѣшиваться въ ваши дѣла.

Въ строгомъ взглядѣ нѣжной маменьки, устремленномъ на ея дѣтей, можно было прочесть опредѣленное намѣреніе заранѣе устранить себя отъ звона ихъ брачныхъ цѣпей и укрыться подъ маскою непоколебимой вѣры въ ихъ взаимную любовь.

– Я указалъ м-съ Домби, – сказалъ м-ръ Домби очень важно, – что не понравилось мнѣ съ иервыхъ же дней нашей брачной жизни, и что я желаю видѣть исправленнымъ. Покойной ночи, Каркеръ! – прибавилъ онъ, кивнувши ему головою.

Каркеръ поклонился повелительной фигурѣ новобрачной, сверкающіе глаза которой были устремлены на мужа, и, уходя, остановился поцѣловать милостиво протянутую ему руку Клеопатры.

Если бы прекрасная Эдиѳъ начала упрекать своего мужа, или измѣнила выраженіе лица, или вообще нарушила молчаніе хоть однимъ словомъ, когда они остались наединѣ (Клеопатра поспѣшила выйти), онъ нашель бы, можетъ статься, средство отстоять свое дѣло, взять верхъ. Но неизмѣримое высокомеріе, съ которымъ, взглянувши на него, она потупила глаза, не удостоивъ его ни полусловомъ, эта невыразимогордая поза, эта холодная, непреклонная рѣшимость, въ каждой чертѣ лица ея, – все это уничтожало Домби, и онъ былъ противъ всего этого безоруженъ. Онъ удалился отъ надменной красоты, всѣ черты которой слились въ одно чувство презрѣнія,

Быль ли онъ столь низокъ, что подстергъ ее часъ спустя, на той самой лѣстницѣ, гдѣ видѣлъ когда-то, при лунномъ свѣтѣ, Флоренсу съ Павломъ на рукахъ? Или случился онъ тутъ нечаянно, когда Эдиѳъ сходила со свѣчею въ рукахъ изъ комнаты Флоренсы, съ тѣмъ непривычнымъ для него выраженіемъ лица, которое онъ подмѣтилъ уже однажды? Лицо Эдиѳи не могло, однако же, измѣниться такъ, какъ измѣнялось его лицо. Никогда, даже въ минуты величайшей гордости, не омрачалось оно такъ ужасно, какъ лицо Домби въ темномъ углу, въ ночь послѣ возвращенія домой, и не разъ послѣ того, и, наконецъ, теперь.

Глава XXXVII

Предостереженіе

Флоренса, Эдиѡ и м-сь Скъютонъ были на другой день вмѣстѣ; коляска была подана, онѣ собирались выѣхать. У Клеопатры былъ опять свой экипажъ, и Витерсъ, уже не тощій, въ курткѣ и военныхъ шароварахъ, стоялъ въ обѣденный часъ за креслами леди, кресла были уже безъ колесъ, и онѣ не возилъ ихъ. Волоса его блестѣли отъ помады, онѣ былъ въ козловыхъ перчаткахъ и благоухалъ одеколономъ.

Дамы сидѣли въ комнатѣ Клеопатры. Клеопатра, покоясь на софѣ, только что проснулась и изволила прихлебывать изъ чашки шоколадъ въ три часа пополудни. Флоуерсъ хлопотала около воротничковъ и нарукавчиковъ и совершала церемонію коронованія своей госпожи наколкою изъ персиковога бархата; искусственныя розы накладки колебались очень граціозно, какъ будто отъ дыханія зефира, но въ сущности оттого, что у старухи тряслась голова.

– У меня что-то какъ будто нервы сегодня разстроены, Флоуерсъ, – сказала м-сь Скъютонъ. – Руки такъ и дрожать.

– Вы вчера были душою общества, – отвѣчала Флоуерсъ, – а сегодня, вотъ видите, и должны поплатиться.

Эдиѡ, стоявшая съ Флоренсой у окна, задомъ къ матери, вдругъ обернулась, какъ будто передъ ней сверкнула молнія.

– Милая Эдиѡ, у тебя нервы не разстроены? – спросила Клеопатра. – Ты такъ завидно умѣешь владѣть собою, но я знаю, и ты будешь мученицей, какъ несчастная мать твоя. Витерсъ, кто-то у дверей.

– Визитная карточка, – сказалъ Витерсъ, подавая ее м-сь Домби.

– Скажите, что я ѣду со двора, – отвѣчала она, не глядя на карточку.

– Милая Эдиѡ, – медленно проговорила м-сь Скъютонъ, – какъ можно дать такой отвѣтъ, не взглянувши даже, кто пріѣхалъ. Подайте сюда, Витерсъ. М-ръ Каркеръ!

– Я ѣду со двора, – повторила Эдиѡ такъ повелительно, что Витерсъ поспѣшилъ передать лакею этотъ отвѣтъ тѣмъ же тономъ и выпроводить его вонъ.

Но слуга скоро воротился и шепнулъ что-то Витерсу. Витерсъ, хотя очень неохотно, опять подошелъ къ Эдиѡ.

– М-ръ Каркеръ приказалъ кланяться и просить удѣлить ему только минуту; ему надо поговорить съ вами о дѣлѣ.

– Право, душа моя, – сказала Клеопатра самымъ сладкимъ голосомъ, потому что лицо дочери было грозно, – если я смѣю подать совѣтъ, такъ...

– Приведите его сюда, – прервала ее Эдиѡ, и какъ только Витерсъ вышелъ исполнять приказаніе, она сказала, нахмуривши брови и обращаясь къ матери:

– Вамъ угодно, чтобы я его приняла, такъ я приму его въ вашей комнатѣ.

– Не уйти ли мнѣ? – поспѣшно спросила Флоренса.

Эдиѡ кивнула ей въ знакъ согласія головою, но въ дверяхъ Флоренса все-таки встрѣтилась съ Каркеромъ. Онѣ привѣтствовалъ ее съ тою же неприятною смѣсью фамильярности и почтенія, какъ и прежде, сказалъ, что надѣется, что она здорова, – что вчера онѣ съ трудомъ могъ узнать ее, такъ она перемѣнилась, и растворилъ ей для выхода дверь; учтивыя, почти-тельные манеры его не могли, впрочемъ, скрыть его сознанія, что онѣ внушаетъ ей страхъ.

Потомъ онѣ прикоснулся къ благосклонной ручкѣ Клеопатры и, наконецъ, поклонился Эдиѡ. Она холодно, не глядя, отвѣтила на его поклонъ, не сядила сама и не приглашала его сѣсть, и ждала, что онѣ скажетъ.

Гордость, могущество, упорство характера были оплотомъ Эдиѡ; но убѣжденіе, что этотъ человѣкъ видѣлъ ее и мать ея при самомъ началѣ знакомства въ самомъ невыгодномъ

свѣтъ, что униженіе ея было для него такъ же ясно, какъ для нея самой, что онъ читаетъ въ ея жизни, какъ въ раскрытой книгѣ, и понимаетъ малѣйшіе оттѣнки во взглядѣ и голосѣ, – все это лишало ее внутренней силы. Какъ гордо ни встрѣчала она его, съ лицомъ, требующимъ покорности, съ надменнымъ выраженіемъ губъ, отдаляющимъ его на почтительное разстояніе, съ негодованіемъ въ груди на его навязчивость, съ мрачнымъ взоромъ, не дающимъ упасть на него ни одному свѣтлому лучу изъ ея глазъ, и какъ почтительно ни стоялъ онъ передъ ней, съ молящимъ и оскорбленнымъ видомъ и съ совершеиою покорностью ея волѣ, – она все-таки сознавала въ глубинѣ души, что въ сущности роли ихъ не таковы, что могущество и побѣда на его сторонѣ, и что онъ самъ знаетъ это, какъ нельзя лучше.

– Я осмѣлился просить у васъ свиданія, – сказала Каркеръ, – и рѣшился сказать, что пришелъ по дѣлу, потому что...

– Можетъ быть, м-ръ Домби поручилъ вамъ сдѣлать мнѣ какое-нибудь замѣчаніе? – сказала Эдиѡ. – Вы пользуетесь его довѣріемъ въ такой непонятной степени, что это меня вовсе не удивить.

– Я не имѣю отъ него никакого порученія къ леди, проливающей славу на его имя, – отвѣчала Каркеръ, – прошу ее только быть справедливой ко мнѣ, униженно просящему ее объ этой справедливости, ко мнѣ, простому подчиненному м-ра Домби; прошу ее обдумать, что я находился вчера вечеромъ въ совершенно страдательномъ положеніи, и что рѣшительно не отъ меня зависѣло быть или не быть свидѣтелемъ непріятнаго случая. Я называю этотъ случай непріятнымъ, – прибавилъ онъ, обращаясь наполовину къ м-съ Скьютонъ, – единственно въ отношеніи ко мнѣ, имѣвшему несчастье быть при томъ. Такая ничтожная размолвка между людьми, искренно другъ друга любящими и готовыми другъ для друга на всякую жертву, не можетъ имѣть никакого значенія, какъ очень вѣрно замѣтила еще вчера сама м-съ Скьютонъ.

Эдиѡ не въ силахъ была взглянуть на него и послѣ минутнаго молчанія сказала:

– Но дѣло, за которымъ вы пришли...

– Эдиѡ, душа моя! – прервала ее Клеопатра, – что же это м-ръ Каркеръ все стоитъ. Садитесь, м-ръ Каркеръ.

Онъ ни слова не отвѣчалъ матери, но устремилъ взоръ на гордую дочь, какъ будто рѣшился сѣсть не иначе, какъ по ея приглашенію. Эдиѡ принуждена была сѣсть и слегка указала ему рукою на стулъ. Невозможно было сдѣлать жеста холодиѣе, надменнѣе, неуважительнѣе, но и на это она рѣшилась только по принужденію. Этого было довольно. Каркеръ сѣлъ.

– Позволено ли мнѣ будетъ, – сказала онъ, обращаясь къ м-съ Скьютонъ и выказывая ей рядъ бѣлыхъ зубовъ – (вы повѣрите мнѣ на слово, что я имѣю на это достаточныя причины), позволено ли мнѣ будетъ обратиться съ тѣмъ, что я имѣю сказать, къ м-съ Домби, и предоста-вить ей сообщить это потомъ вамъ, ея лучшему другу, разумѣется, послѣ м-ра Домби?

М-съ Скьютонъ хотѣла удалиться, но Эдиѡ остановила ее; Эдиѡ хотѣла было остано-вить и его и съ негодованіемъ приказала ему или говорить открыто, или молчать; но когда онъ проговорилъ вполголоса:

– Миссъ Флоренса, которая только что вышла отсюда...

Она позволила ему продолжать,

Эдиѡ обратила взоръ свой на нсго. И когда онъ, съ величайшею, впрочемъ, почтитель-ностью, маклонился къ ней поближе и униженно оскалилъ зубы, она была, кажется, готова убить его на мѣстѣ.

– Обстоятельства поставили миссъ Флоренсу въ несчастное положеніе, – началъ онъ. – Мнѣ непріятно говорить объ этомъ вамъ, которая такъ привизана къ отцу ея, которая, есте-ственно, принимаетъ къ сердцу каждое касающееся его слово.

Онъ говорилъ вообще тихо и внятно, но никакими словами не выразить, какъ тихо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ внятно говорилъ онъ въ эту минуту, и всякій разъ, когда рѣчь касалась того же предмета.

– Но, какъ человѣкъ совершенно преданный м-ру Домби, какъ человѣкъ, жизнь котораго протекла въ благоговѣйномъ созерцаніи характера м-ра Домби, я могу сказать, не оскорбляя иѣжной привязанности вашей къ супругу, что онъ, къ несчастью, почти не обращалъ вниманія на миссъ Флоренсу.

– Знаю, – отвѣчала Эдию.

– Вы это знаете! – воскликнулъ Каркеръ, глубоко вздохнувши. – Ухъ! какъ гора съ плечъ свалилась! Надѣюсь, вамъ извѣстно тоже, что было причиною этой небрежности, изъ какого прекраснаго источника гордости, я хочу сказать, характера м-ра Домби...

– Оставимъ его и обратимся къ вашему дѣлу, – сказала Эдию.

– Мнѣ очень жаль, – продолжалъ Каркеръ, – что я не могу оправдать м-ра Домби, ъю судите обо мнѣ по себѣ, и вы простите мнѣ, что участіе къ нему увлекаетъ меня слишкомъ далеко.

Что за пытка для ея гордаго сердца – сидѣть лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ и выслушивать, какъ онъ навязываетъ ей ея ложную клятву передъ алтаремъ, какъ будто почуветь ее подонками густого яда, на которые она не можетъ смотрѣть безъ отвращенія, и которые не можетъ оттолкнуть прочь! какъ терзали ея душу стыдъ, гнѣвъ, угрызения совѣсти! Она сіяла передъ нимъ во всемъ величій гордой красоты, а въ душѣ чувствовала, что она пресмыкается у ногъ его!

– Миссъ Флоренса, – продолжалъ Каркеръ, – была предоставлена попеченію (если только это можно назвать попеченіемъ) наемныхъ слугъ, людей во всѣхъ отношеніяхъ ниже ея, она была лишена руководителя въ юныхъ лѣтахъ и, естественно, впала въ ошибки: забыла, въ нѣкоторой степени, свой санъ, привязалась къ человѣку безъ всякаго зыаченія, нѣкоему Вальтеру, котораго теперь, къ счастью, уже нѣтъ на свѣтѣ, вступила въ сношенія съ моряками, людьми дурной репутаціи, и старымъ бѣглымъ банкротомъ.

– Всѣ эти обстоятельства мнѣ извѣстны, – сказала Эдию, презрительно глядя на Каркера, – и извѣстно также, что вы ихъ извращаете. Впрочемъ, можетъ быть, онѣ вамъ не такъ извѣстны.

– Извините, – возразилъ Каркеръ, – я думаю, никто не знаетъ ихъ лучше меня! Ваше благородное, пламенное сердце, которое повелѣваетъ вамъ защищать вашего почтеннаго супруга, я уважаю это сердце, я благоговѣю передъ нимъ. Но что касается до этихъ обстоятельствъ (о нихъ-то собственно я и пришелъ поговорить съ вами), я знаю ихъ вѣрно, какъ человѣкъ, пользующійся довѣріемъ м-ра Домби; какъ другъ его, могу сказать, я совершенно убѣдился въ истинѣ того, что говорю. Принимая глубокое участіе во всемъ, что до него касается, и, если вамъ угодно, желая также доказать мое усердіе, я долго слѣдилъ за всѣмъ этимъ самъ и чрезъ другихъ, вѣрныхъ людей, и могу представить безчисленныя доказательства въ подтвержденіе моихъ словъ.

Она подняла свои глаза, не выше его рта, но даже и на зубахъ его могла, кажется, прочесть, что онъ имѣетъ средства надѣлать много зла.

– Извините, – продолжалъ онъ, – что я осмѣлился посоветоваться насчетъ этого съ вами. Это потому, что вы, какъ я замѣтилъ, принимаете большое участіе въ миссъ Флоренсѣ.

Чего онъ въ ней не замѣтилъ, чего не зналъ? Раздосадованная этою мыслью, она прикусила дрожащую губу и слегка кивнула головой въ знакъ согласія.

– Это участіе, трогательное доказательства, что все, близкое м-ру Домби, близко и вамъ, не позволяетъ мнѣ немедленно сообщить ему всѣ эти обстоятельства, которыя ему до сихъ поръ еще неизвѣстны. И признаюсь вамъ, это было бы для меня такъ непріятно, что я готовъ молчать, если только вы изъявите на это хотя малѣйшее желаніе.

Эдию подняла голову, закинула ее назадъ и устремила на него мрачный взоръ. Онъ встрѣтилъ его самую любезною улыбкою и продолжалъ:

– Вы говорите, что я извращаю обстоятельства. Нѣтъ! Но положимъ, что я ихъ извращаю. Непріятное чувство, которое пробуждаетъ во мнѣ этотъ предметъ, проистекаетъ изъ того, что разоблаченіе этихъ связей и отношеній, со стороны миссъ Флоренсы совершенно невинныхъ, подѣйствуетъ на м-ра Домби, уже предубѣжденнаго противъ дочери, совершенно иначе. Онъ, вѣроятно, рѣшится (о чемъ уже, какъ мнѣ извѣстно, и подумывалъ) отдѣлать ее отъ семейства и удалить изъ дому. Будьте ко мнѣ снисходительны: вспомните мои близкія отношенія къ м-ру Домби, мое знаніе его сердца, мое къ нему уваженіе, почти съ самого дѣтства, и вы извините меня, что я осмѣливаюсь видѣть въ немъ недостатокъ, если еще можно назвать недостаткомъ возвышенную стойкость характера, корень которой держится въ благородной гордости и сознаніи могущества, которому всѣ мы должны покоряться, стойкость, которую нельзя переломить, какъ упорство въ другихъ натурахъ, и которая растетъ и крѣпнетъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ.

Даже и такой незначительный случай, какъ, наприимѣръ, вчера вечеромъ, подтверждаетъ мои слова не хуже всякаго другого, поважнѣе. Домби и Сынъ не знаютъ ни часу, ни времени, ни мѣста; они ниспроверяютъ все. Впрочемъ, я радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ поводъ поговорить объ этомъ съ м-сь Домби, хотя онъ же навлекъ на меня ея минутное негодованіе. Меня тревожили всѣ эти обстоятельства, когда м-ръ Домби призвалъ меня въ Лемингтонъ. Я увидѣлъ васъ. Я не могъ не видѣть, въ какое отношеніе вступите вы скоро съ м-ромъ Домби, къ обоюдному вашему счастью, и я тогда же рѣшился обождать, пока вы вступите хозяйкой въ этотъ домъ, и поступить потомъ такъ, какъ поступилъ я теперь. Я чувствую, что не дѣлаю проступка передъ м-ромъ Домби, ввѣряя то, что знаю, вамъ; если двое живутъ однимъ сердцемъ, какъ вы съ вашимъ супругомъ, то одинъ – полный представитель другого. Слѣдовательно, вамъ ли, ему ли, сообщу я свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, совѣсть моя равно спокойна. Васъ избралъ я по тѣмъ причинамъ, которыя уже имѣли честь изложить вамъ. Смѣю ли надѣяться, что откровенность моя принята, и что отвѣтственность съ меня снята?

Долго помнилъ онъ взоръ, которымъ подарила она его въ заключеніе этой рѣчи. Наконецъ, послѣ внутренней борьбы, она сказала:

– Хорошо. Считайте это дѣло оконченнымъ и не упоминайте о немъ больше.

Онъ низко поклонился и всталъ. Она тоже встала, и онъ простился съ величайшею почтительностью. Витерсъ, встрѣтившій его на лѣстницѣ, остановился, пораженный красотой его зубовъ и сіяющей улыбкой; прохожіе на улицѣ приняли его за дантиста, выставившаго свои зубы на показъ. Тѣ же прохожіе приняли Эдию, когда она поѣхалъ въ своемъ экипажѣ, за знатную леди, столь же счастливую, сколь богатую и прекрасную. Они не видѣли ее за минуту передъ тѣмъ въ ея комнатѣ, оми не слышали, какимъ голосомъ воскликнула она: "О Флоренса, Флоренса!"

М-сь Скьютонъ, лежа на софѣ и кушая шоколадъ, не слышала ничего, кромѣ слова дѣла, къ которому чувствовала смертельное отвращеніе и которое уже давно вычеркнула изъ своего словаря. Кромѣ того, она собиралась сдѣлать опустошительный набѣгъ на разные магазины. Итакъ, м-сь Скьютонъ не спрашивала дочь и не выказала никакого любопытства. Персиковая накладка надѣлала ей много хлопотъ, когда она вышла на крыльцо; погода была вѣтреная, накладка торчала совсѣмъ на затылкѣ и непремѣнно хотѣла дезертировать, не подаваясь ни на какія ласки своей владѣтельницы. Когда карету заперли отъ вѣтра, розы опять начали колебаться отъ дрожанія головы. Итакъ, м-сь Скьютонъ было не до дѣла.

Не лучше было ей и подъ вечеръ. М-сь Домби, совершенно одѣтая, уже съ полчаса ждала ее въ уборной, а м-ръ Домби парадировалъ по гостиной въ кисломъ величій (они собирались куда-то на обѣдъ), какъ, вдругъ, Флоуерсъ, блѣдная, вбѣжала къ м-сь Домби и сказала:

– Извините, я, право, не знаю, что дѣлать съ барыней!

– Какъ, что?

– Да сама не знаю, что съ ней сдѣлалось, – отвѣчала испуганная Флоуерсъ, – такія гримасы дѣлаеть!

Эдиѡ послѣшила съ ней въ комнату матери. Клеопатра была въ полномъ убранствѣ, въ брилліантахъ, въ короткихъ рукавахъ, раздушенная, съ поддѣльными локонами и зубами и другими суррогатами молодости; но паралича обмануть ей этимъ не удалось; онъ узналъ въ ней свою собственность и поразилъ ее передъ зеркаломъ, гдѣ она и лежала, какъ отвратительная кукла.

Эдиѡ и Флоуерсъ разобрали ее по частямъ и отнесли ничтожный остатокъ на постель. Послали за докторами; доктора прописали сильныя лѣкарства и объявили, что теперъ она опрарится, но второго удара не перенесеть.

Такъ пролежала м-съ Скьютонъ нѣсколько дней, безсловесная, уставивши глаза въ потолокъ; иногда она издавала какіе-то неопредѣленные звуки въ отвѣтъ на разные вопросы; въ другое же время не отвѣчала ни жестомъ, ни даже движеніемъ глазъ.

Наконецъ, она начала приходить въ себя, получила до иѣкоторой степени способность двигаться, но еще не могла говорить. Однажды она почувствовала, что можетъ владѣть правою рукою; показывая это своей горничной, она была какъ будто чѣмъ-то недовольна и сдѣлала знакъ, чтобы ей подали перо и бумагу. Флоуерсъ, думая, что она хочетъ написать завѣщаніе, немедленно исполнила ея желаніе. М-съ Домби не было дома, и горничная ожидала результата съ необыкновеннымъ, торжественнымъ чувствомъ.

М-съ Скьютонъ царапала по бумагѣ, вычеркивала, выводила не тѣ буквы и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, написала:

"Розовыя занавѣси".

Флоуерсъ, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно стала втупикъ отъ такого завѣщанія. Тогда Клеопатра прибавила въ поясненіе еще два слова, и на бумагѣ явилась фраза:

– Розовыя занавѣси – для докторовъ.

Тутъ только горничная начала догадываться, что надъ кроватью надо повѣсить розовыя занавѣси, чтобы цвѣтъ лица казался лучше, когда пріѣдутъ доктора. Хорошо знавшіе старуху не сомнѣвались въ справедливости этой догадки, которую она и сама скоро была въ состояніи подтвердить. Розовыя занавѣси были повѣшены, и она быстро начала оправляться. Скоро она могла уже сидѣть въ локонахъ, кружевной шапочкѣ и шлафроку, съ румянами въ ямахъ, гдѣ нѣкогда были щеки.

Гадко было видѣть, какъ эта отжившая женщина жеманится, дѣлаеть глазки и молодится передъ смертью, какъ передъ майоромъ. Но болѣзнь ли сдѣлала ее лукавѣе и фальшивѣе прежняго, или она потерялась, сравнивая то, что она въ самомъ дѣлѣ, съ тѣмъ, чѣмъ хотѣла казаться, или зашевелилась въ ней совѣсть, которая не могла ни съ силою выступить наружу, ни совершенно скрыться во тѣмѣ, или, что всего вѣроятнѣе, подѣйствовало все это вмѣстѣ, только результатъ былъ тотъ, что она начала выказывать ужасныя претензіи на любовь и благодарность Эдиѡи, хвалить себя безъ мѣры, какъ примѣрную мать, и ревновать Эдиѡ ко всѣмъ. Забывши сдѣланное условіе, она безпрестанно говорила дочери о ея замужествѣ, какъ доказательствѣ ея материнской попечительности.

– Гдѣ м-съ Домби? – спрашивала она у горничной.

– Выѣхала со двора.

– Выѣхала? Ужъ не отъ меня ли она бѣгаетъ, Флоуерсъ?

– Что вы! Богъ съ вами! Она поѣхала съ миссъ Флоренсой.

– Съ миссъ Флоренсой? Да кто миссъ Флоренса? Не говорите мнѣ о миссъ Флоренсъ!

Что для меня миссъ Флоренса въ сравненіи со мною?

И слезы были наготовѣ, но ихъ осушали обыкновенно блескъ брилліантовъ, персиковая накладка (ее она надѣла ради гостей уже за нѣсколько недѣль до того, какъ могла выйдти изъ

комнаты) или вообще какая-нибудь щегольская тряпка. Но когда являлась Эдиоъ съ своей гордой осанкой, исторія начиналась снова.

– Прекрасно, Эдиоъ! – восклицала она, тряся головою.

– Что съ вами, маменька?

– Что со мною! Люди дѣлаются съ кажды́мъ днемъ хуже и неблагодарнѣе; право, на свѣтѣ не бьется теперь, кажется, ни одного признательнаго сердца. Витерсъ любить меня больше, нежели ты. Онъ ухаживаетъ за мною больше родной дочери. Право, пожалѣешь, что такъ молода лицомъ, иначе, можетъ быть, питали бы ко мнѣ большее уваженіе.

– Чего же вы хотите, маменька?

– О, многого, Эдиоъ!

– Недостаетъ вамъ чего-нибудь? Если такъ, такъ въ этомъ вы сами виноваты.

– Сама виновата! – возражала она всхлипывая. – Быть такой матерью, какъ я была для тебя, Эдиоъ! Дѣлить съ тобою все, почти отъ колыбели! И видѣть отъ тебя такое пренебреженіе! Ты мнѣ какъ будто чужая. Флоренсу ты любишь въ двадцать разъ больше. Упрекать меня, говорить, что я сама виновата!..

– Маменька, я ни въ чемъ васъ не упрекаю. Зачѣмъ вы все говорите объ упрекахъ?

– Какъ же мнѣ не говорить, когда я вся любовь и привязанность, а ты такъ и ранишь меня кажды́мъ взглядомъ.

– Я и не думаю ранить васъ. Забыли вы наше условіе? Оставьте прошедшее въ покоѣ.

– Да, оставьте въ покоѣ! Оставимъ все въ покоѣ, и благодарность матери, и любовь, и самую меня въ этой комнатѣ! Привяжемся къ другимъ, которые не имѣютъ никакого права на нашу привязанности Правосудный Боже! Эдиоъ! знаешь ли ты, въ какомъ домѣ ты хозяйка?

– Разумѣется.

– Знаешь ли ты, за кѣмъ ты замужемъ? Знаешь ли ты, что у тебя теперь есть и домъ, и положеніе въ свѣтѣ, и экипажъ?

– Знаю, все знаю, маменька.

– Не хуже, какъ было бы за этимъ, – какъ бишь его? Грейнджеромъ, если бы онъ не умеръ.

И кому ты всѣмъ этимъ обязана?

– Вамъ, маменька, вамъ.

– Такъ обними же и поцѣлуй меня; докажи мнѣ, что ты сознаешься, что нѣтъ на свѣтѣ матери лучше меня. Не убивай меня неблагодарностью, или, право, я сдѣлаюсь такимъ чуделомъ, что никто не узнаетъ меня, когда я опять выйду въ общество, – даже это ненавистное животное, майоръ.

И при всемъ томъ, когда Эдиоъ наклонялась и прикасалась къ ней холодной щекой, мать въ испугѣ отклонялась прочь, начинала дрожать и кричать, что ей дурно. Въ другое время случалось, что она униженно просила Эдиоъ присѣсть къ ея постели и смотрѣла на задумчивую дочь съ лицомъ, безобразіе и дикость котораго не смягчали даже розовыя занавѣси.

Дни проходили за днями; розовыя занавѣси алѣли на смертной оболочкѣ Клеопатры и ея нарядѣ, поношенномъ больше прежнаго, въ вознагражденіе опустошительныхъ слѣдовъ болѣзни, на румянахъ, на зубахъ, локонахъ, брилліантахъ, короткихъ рукавахъ и на всемъ костюмѣ куклы, безъ чувствъ упавшей нѣкогда передъ зеркаломъ. Эти занавѣси были свидѣтелями ея невнятныхъ рѣчей, похожихъ на дѣтскій пискъ, и внезапной забывчивости, являвшейся какъ-то по собственной прихоти, какъ будто въ насмѣшку надъ ея фантастическою особою.

Но никогда не были онѣ свидѣтелями иного тона въ разговорѣ ея съ дочерью. Никогда не видѣли онѣ улыбки на прекрасномъ лицѣ Эдиои или нѣжнаго выраженія дочерней любви въ сумрачныхъ чертахъ ея.

Глава XXXVIII

Миссъ Токсъ возобновляет старое знакомство

Миссъ Токсъ, покинутая другомъ своимъ Луизою Чиккъ и лишенная благосклонности м-ра Домби, – ибо ни за зеркаломъ камина, ни на фортепіано не красовалось пары свадебныхъ билетовъ, соединенныхъ серебряною нитью, – миссъ Токсъ пала духомъ и была очень грустна. Нѣсколько времени не раздавались на Княгининомъ Лугу звуки извѣстнаго вальса, растенія были забыты, и пыль покрыла миниатюрный портретъ предка миссъ Токсъ въ напудренномъ парикѣ.

Но миссъ Токсъ была не въ тѣхъ лѣтахъ и не такого характера, чтобы долго предаваться безо лезной грусти. У фортепіано успѣли разстроиться только двѣ клавиши, когда опять загремѣлъ извѣстный вальсъ; только одна вѣтка гераніума засохла отъ недостатка пищи, когда миссъ Токсъ опять принялась хлопотать около своихъ растеній; и облако пыли покрывало напудренного предка только въ продолженіе шести недѣль, послѣ чего миссъ Токсъ дунула на его благообразное лицо и вытерла его замшею.

Миссъ Токсъ, однако же, осиротѣла. Привязанность ея, какъ смѣшно она ни высказывалась, была неподдѣльна и сильна, и незаслуженное оскорбленіе со стороны Луизы – какъ выражалась она сама – глубоко ее огорчило. Впрочемъ, сердце миссъ Токсъ было совершенно чуждо всякой злобы. Она провела жизнь безъ личныхъ мнѣній, зато и не знала до сихъ поръ злыхъ страстей. Теперь только, когда ей случилось однажды на улицѣ завидѣть вдали Луизу Чиккъ, кроткая натура ея возмутилась до такой степени, что она рада была найти убѣжище въ кухмистерской, гдѣ и выплакала чувства свои въ мрачной столовой, пропитанной запахомъ говядины.

На м-ра Домби миссъ Токсъ не считала себя вправѣ жаловаться. Она имѣла такое высокое понятіе о его величіи, что теперь, вдали отъ него, ей казалось, что разстояніе между ними всегда было неизмѣримо, и что терпѣть ее нѣсколько ближе было съ его стороны великодушною снисходительностью. Не было на свѣтѣ, по ея мнѣнію, женщины слишкомъ прекрасной для того, чтобы сдѣлаться супругою м-ра Домби и, желая избрать себѣ жену, онъ, естественно, долженъ былъ искать въ высшей сферѣ. Миссъ Токсъ разъ двадцать на день со слезами на глазахъ повторяла себѣ эту истину. Она никогда не вспоминала, что онъ пользовался ею для исполненія своихъ прихотей и милостиво позволилъ ей быть одною изъ нянюшекъ его сына. Она думала только о томъ, что, но ея собственнымъ словамъ, "провела въ этомъ домѣ такъ много счастливыхъ часовъ, что она должна вспоминать объ этомъ съ благодарностью, и что никогда не перестанетъ видѣть въ м-рѣ Домби одного изъ самыхъ почтенныхъ и значительныхъ людей".

Но разлученная съ неумолимой Луизой и ревнуя къ майору (на котораго смотрѣла теперь какъ-то недовѣрчиво), миссъ Токсъ нашла, что очень досадно не знать ничего о томъ, что происходитъ въ домѣ м-ра Домби. Она привыкла считать Домби и Сына центромъ, около котораго вращается весь міръ, и потому рѣшилась возобновить одно старинное знакомство, лишь бы только не оставаться въ невѣденіи о дѣлахъ, такъ сильно ее интересовавшихъ. М-съ Ричардсъ, какъ ей было извѣстно, поддерживала, со времени достопамятнаго свиданія съ м-ромъ Домби, сношенія съ живущими въ его домѣ слугами. Миссъ Токсъ имѣла, можетъ быть, еще и другую, болѣе нѣжную побудительную причину посѣтить семейство Тудля: ей хотѣлось, можетъ быть, просто поговорить о м-рѣ Домби съ кѣмъ бы то ни было.

Итакъ, однажды вечеромъ миссъ Токсъ направила стопы свои къ Тудлямъ. М-ръ Тудль, черный и закопченный, кушалъ въ это время чай въ нѣдрахъ своего семейства. Существованіе м-ра Тудля имѣло вообще только три фазы: онъ или изволилъ кушать въ упомянутыхъ нѣдрахъ, или летѣлъ надъ землею по 25 и 50 миль въ часъ, или спалъ. Онъ безпрестанно переходилъ

диль изъ вихря въ покой, но въ обоихъ случаяхъ сохранялъ мирное равновѣсіе въ душѣ. Онъ предоставилъ сердиться, шумѣть, пыхтѣть и портиться машинамъ, съ которыми былъ связанъ неразрывными узами, а самъ велъ жизнь совершенно безмятежную.

На колѣняхъ м-ра Тудля сидѣли два маленькихъ Тудля; другіе два приготовляли ему чай, и многіе другіе возились около него; м-ръ Тудль никогда не былъ безъ дѣтей и всегда готовъ былъ пополнить ихъ коллекцію.

– Полли, – сказалъ онъ, – видѣла ты Роба?

– Нѣтъ, – отвѣчала Полли, – онъ, вѣрно, зайдетъ сегодня.

– А что, теперь онъ уже не прячется, или прячется, Полли?

– Нѣтъ.

– Хорошо, что нѣтъ, Полли; не хорошо прыгаться, а?

– Конечно; что за вопросъ.

– Видите ли, дѣти, – сказалъ Тудль, оглядывая свое семейство, – если идешь прямою дорогою, не надо прятаться.

Тудлѣнки запищали и зашумѣли въ знакъ готовности воспользоваться нравоученіемъ.

– Да зачѣмъ же примѣнять все это къ Робу? – спросила жена.

– Полли, – отвѣчала Туль, – что же тутъ такого сказалъ я о Робѣ? Я только такъ, – къ слову пришлось, – странно, право, какъ подумаешь, какъ это въ головѣ у человѣка одно къ другому вяжется

И м-ръ Тудль запилъ это глубокомысленное замѣчаніе чаемъ и закусилъ порядочнымъ ломтемъ хлѣба съ масломъ, приказавши, между прочимъ, дочерямъ приготовить побольше кипятку, потому что у него сильно пересохло въ горлѣ.

Но, насыщаясь самъ, Тудль не забылъ и своего потомства; дѣти уже съѣли свою вечернюю порцію, но все-таки стерегли экстренные, и потому именно и лакомые кусочки. Тудль кормилъ ихъ, держа въ рукѣ большой ломоть хлѣба съ масломъ; Тудльчики, въ законной послѣдовательности, откусывали каждый по кусочку и получали въ добавокъ по ложкѣ чаю. Это доставляло имъ такое наслажденіе, что они пускались, проглотивши свою порцію, плясать и скакать на одной ножкѣ, а потомъ опять понемногу обступали м-ра Тудля и провожали глазами въ его ротъ куски хлѣба и масла, притворяясь, впрочемъ, очень равнодушными къ этимъ предметамъ и перешептываясь о чемъ-то вовсе постороннемъ.

М-ръ Тудль, сидя среди своего семейства и подавая примѣръ отличнаго аппетита, везъ на своихъ колѣняхъ двухъ маленькихъ Тудлей въ Бирмингамъ и смотрѣлъ на прочихъ черезъ барьеръ изъ хлѣба и масла, когда вошелъ Робъ Точильщикъ, въ оригинальной шляпѣ и траурныхъ шароварахъ и былъ встрѣченъ всеобщимъ крикомъ братьевъ и сестеръ.

– Какъ поживаете, матушка? – спросилъ онъ, почтительно цѣлуя мать.

– Здравствуй, Робъ! – отвѣчала она, обнимая его. – И этотъ еще станетъ прятаться! Полно Тудль!

Эти слова относились къ м-ру Тудлю, но Робъ не пропустилъ ихъ мимо ушей.

– Какъ? батюшка опять что-нибудь говорилъ противъ меня? – воскликнулъ онъ. – О, какъ это ужасно! провиниться разъ въ жизни, и то слегка, а потомъ знать, что родной отецъ не перестанетъ попрекать тебя этимъ заглаза! Право, готовъ бы, на зло напроказить чего-нибудь.

– Полно, онъ ничего такого не думалъ, – сказала Полли.

– А если не думалъ, такъ зачѣмъ же говорить? Никто не думаетъ обо мнѣ и въ половину такъ дурно, какъ отецъ. Готовъ бы, кажется, шею подставить, лишь бы кто-нибудь снялъ голову!

Маленькіе Тудли вскрикнули при этой отчаянной выходкѣ, и Робъ усилилъ еще болѣе патетическій эффектъ ея, заклкая ихъ не жалѣть брата, и говоря, что, если они добрыя дѣти, такъ должны ненавидѣть его.

Наконец, м-ръ Тудль объяснился, Робъ былъ успокоенъ, они пожали другъ другу руки, и согласіе воцарилось въ семьѣ; въ то же время, очень кстати и къ великому удивленію Полли, явилась въ дверяхъ, озирая все общество своею милостивою улыбкою, миссъ Токсъ.

– Какъ поживаете, м-съ Ричардсъ? – сказала она. – А вотъ я пришла навѣстить васъ. Можно войти?

Веселое лицо м-съ Ричардсъ просвѣтлѣло гостепріимною радостью; миссъ Токсъ немедленно пригласили сѣсть; она раскланялась съ м-ромъ Тудлемъ, развязала шляпку и объявила, что, во-первыхъ, хочетъ перецѣловать всѣхъ дѣтей поочередно.

Гонимый судьбою, младшій Тудль, родившійся, по-видимому, подъ несчастною звѣздою, испыталъ неудачу и при этой церемоніи; играя съ шляпою Роба, онъ надвинулъ ее на глаза задомъ напередъ такъ неловко, что не могъ снять; испуганному воображенію его тотчасъ же представилась мрачная картина будущности, – ему показалось, что онъ уже на всю жизнь останется погруженнымъ во мракъ и разлученнымъ съ друзьями и родными, онъ началъ кричать и барахтаться. Освобожденный изъ-подъ шляпы, онъ предсталъ съ краснымъ, вспотѣвшимъ лицомъ и былъ взятъ на руки миссъ Токсъ.

– Вы, я думаю, почти забыли меня? – сказала миссъ Токсъ м-ру Тудлю.

– Нѣтъ, – отвѣчалъ Тудль, – нѣтъ. А съ тѣхъ поръ мы ужъ довольно постарѣли.

– Какъ же вы поживаете? – ласково спросила миссъ Токсъ.

– Слава Богу. Вы какъ? Что, ревматизмъ васъ еще не беспокоитъ? Намъ всѣмъ его не миновать.

– Благодарю васъ, – отвѣчала миссъ Токсъ. – Я съ нимъ еще незнакома.

– Счастливы вы, – сказалъ Тудль. – Въ ваши лѣта много отъ него страдаютъ. Вотъ, мать моя...

И Тудль, встрѣтивши глаза жены, залилъ окончаніе новою кружкою чаю.

– Теперь, м-съ Ричардсъ, – сказала миссъ Токсъ, – скажу вамъ прямо, зачѣмъ я пришла. Вы, вѣроятно, замѣтили, м-съ Ричардсъ, и вы, м-ръ Тудль, что я разошлась немного кое съ кѣмъ изъ моихъ друзей, и что не посѣщаю теперь иныхъ, у которыхъ бывала прежде очень часто.

Полли, съ женскимъ инстинктомъ понявшая въ ту же минуту о чемъ идетъ рѣчь, прищурила глаза въ знакъ того, что понимаетъ миссъ Токсъ. А м-ръ Тудль, не имѣвшій и предчувствія о настоящемъ значеніи ея словъ, вытаращилъ глаза въ знакъ совершеннаго недоумѣнія.

– Что было причиною, возникшей между нами холодности, – продолжала миссъ Токсъ, – объ этомъ говорить нечего и не стоитъ. Довольно, если я скажу, что питаю глубочайшее уваженіе къ м-ру Домби, также и ко всему, что ему близко.

М-ръ Тудль, начинавшій догадываться, покачалъ головою и сказалъ, что слышалъ объ этомъ, и что, по его мнѣнію, съ м-ромъ Домби трудно ладить.

– Не говорите этого, прошу васъ, – возразила миссъ Токсъ. – Не говорите мнѣ этого никогда. Мнѣ это непріятно слышать.

М-ръ Тудль, ни мало не сомнѣвавшійся, что замѣчаніе его будетъ принято благосклонно, былъ ужасно сконфуженъ.

– Вотъ что я хотѣла вамъ сказать, м-съ Ричардсъ, и вамъ, м-ръ Тудль: всякое извѣстіе о томъ, какъ поживаетъ семейство м-ра Домби, будетъ для меня очень пріятно, и я всегда рада побесѣдовать съ м-съ Ричардсъ объ ихъ семьѣ и вспомнить прошлое время. Мы съ м-съ Ричардсъ всегда жили въ ладу, и я жалѣю, что не сблизилась съ нею тогда больше, въ чемъ сама виновата. Теперь, по крайней мѣрѣ, она, вѣрно, не откажетъ мнѣ въ дружбѣ и позволить посѣщать ее и быть у нея, какъ дома?

Полли была очень рада и изъявила свое согласіе на дружбу. М-ръ Тудль не могъ дать себѣ отчета, радъ онъ или нѣтъ, и потому сохранилъ глупѣйшее спокойствіе.

– Вы знаете, м-съ Ричардсъ, и вы, м-ръ Тудль, – продолжала миссъ Токсъ, – я могу вамъ быть кое въ чемъ полезна, если вы хотите не считать меня чужою. Я могу, наприимѣръ,

учить вашихъ малютокъ. Если позволите, я принесу имъ книжекъ, и вы увидите, въ вечеръ-другой, сколько онѣ узнаютъ. Только я не хочу вамъ мѣшать, не хочу, чтобы вы считали меня гостей; вы пожалуйста не церемоньтесь, м-съ Ричардсъ: штопайте себѣ, шейте, кормите дѣтей, дѣлайте, что вамъ нужно: да и вы, м-ръ Тудль, не чинитесь: закурите вашу трубку.

– Благодарю васъ, – проговорилъ Тудль.

– Чистосердечно говорю вамъ, – продолжала миссъ Токсъ, – что я буду въ восторгѣ, если мнѣ удастся передать кое-какія познанія вашимъ дѣткамъ, и сочту себя щедро вознагражденною, если вы просто, безъ обиняковъ, согласны на мое предложеніе.

Сдѣлка была тутъ же утверждена, и миссъ Токсъ въ ту же минуту почувствовала себя до такой степени дома, что немедленно сдѣлала экзамень всѣмъ дѣтямъ и записала ихъ имена, возрастъ и познанія. Экзамень и бесѣда задержали ее у Тудлей такъ долго, что ей уже поздно было идти домой одной. Точильщикъ былъ еще здѣсь и учтиво предложилъ проводить ее, на что она съ удовольствіемъ согласилась.

Простившись съ Тудлемъ и Полли и перецѣловавши всѣхъ дѣтей, миссъ Токсъ ушла съ такимъ легкимъ сердцемъ, что м-съ Чиккъ обидѣлась бы, если бы его взвѣсила.

Скромный Робъ хотѣлъ идти позади миссъ Токсъ, но она заставила его идти рядомъ и вступила съ нимъ въ долгій разговоръ.

– Очень рада съ вами познакомиться, – сказала она у своего порога. – Надѣюсь, мы будемъ друзьями, и вы посѣтите меня. Завели ли вы денежную шкатулку?

– Завелъ миледи, – отвѣчалъ Робинъ, – и ужъ давненько. Я накопилъ деньженокъ на черный день и собираюсь положить ихъ въ банкъ.

– Доброе дѣло, доброе дѣло. Рада слышать отъ васъ такія рѣчи. Положите туда и эту полкрану.

– Много вамъ благодарень, миледи; но мнѣ, право, совѣстно, что вы тратитесь изъ-за меня.

– Не беспокойтесь, мой милый: эта бездѣлица меня не разорить, и вы должны ее принять въ знакъ моего расположенія, иначе я стала бы сердиться. Прощайте, Робинъ.

– Прощайте, миледи. Покорно благодарю.

Вслѣдъ затѣмъ мальчишка размѣнялъ подаренную монету и мигомъ проигралъ всѣ деньги. Правила чести и благородства никогда не преподавались въ заведеніи Благотворительнаго Точильщика. Преобладающей системой въ этой школѣ было лицемѣріе, прививавшееся съ огромнымъ успѣхомъ, такъ что родители и покровители питомцевъ, окончившихъ здѣсь свой курсъ, разсуждали ииой разъ, что ужъ лучше оставлять дѣтей безъ всякаго воспитанія, если оно приноситъ такіе горькіе плоды. Другіе, болѣе основательные, догадывались, что воспитаніе должно быть улучшено, и въ ожиданіи такого улучшенія немилосердно бранили заведеніе Благотворительнаго Точильщика. Между тѣмъ опытные начальники знаменитой школы всегда умѣли вывертываться, указывая обвинителямъ на тѣхъ изъ своихъ бывшихъ учениковъ, которые какимъ-нибудь чудомъ спаслись отъ нравственной порчи и занимали въ обществѣ почетныя мѣста. Такія указанія ставили втупикъ всевозможныхъ клеветниковъ, и слава учебнаго заведенія возростала годъ отъ году съ неимовѣрнымъ успѣхомъ. Да здравствуютъ всѣ на свѣтѣ Благотворительные Точильщики!

Глава XXXIX

Дальнѣйшія приключенія капитана Эдуарда Куттля, морехода

Быстро летѣло впередъ ничѣмъ неудержимое время, и, наконецъ, былъ почти на исходѣ роковой годъ, назначенный старымъ Соломономъ для вскрытія запечатаннаго пакета, оставленнаго при письмѣ испытанному другу. По мѣрѣ приближенія завѣтнаго срока, капитанъ Куттль чаще и чаще смотрѣлъ по вечерамъ на таинственную бумагу, и душой его овладѣвало невыразимое безпокойство.

Но вскрыть документъ однимъ часомъ раньше назначеннаго срока было для честнаго капитана такую же невозможностью, какъ вскрыть самого себя для анатомическихъ наблюденій. Онъ ограничивался только тѣмъ, что выкладывалъ по временамъ таинственный пакетъ на столъ, закуривалъ трубку и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ съ безмолвною важностью. Случалось, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ созерцаній черезъ кольца табачнаго дыма, капитанъ постепенно начиналъ отодвигать свой стулъ, какъ будто желая высвободиться изъ-подъ чарующаго вліянія рокового документа. Напрасное покушеніе! документъ мерещился ему на потолокъ, на обояхъ и даже на пылающихъ угляхъ затопленнаго камина.

Отеческое расположеніе къ Флоренсѣ не получило никакого видоизмѣненія въ сердцѣ капитана Куттля. Только со времени послѣдняго свиданія съ м-ромъ Каркеромъ, онъ началъ сомнѣваться, точно ли его личное участіе въ сношеніяхъ прелестной дѣвушки съ несчастнымъ мальчикомъ было полезно для нихъ обоихъ въ такой степени, какъ онъ предполагалъ сначала. Вдумываясь въ эту важную статью, капитанъ пришелъ даже къ заключенію, что, пожалуй, чего добраго, онъ больше повредилъ молодымъ людямъ, чѣмъ принесъ пользы. Легко представить, какимъ ужаснымъ раскаяніемъ терзалась душа честнаго друга послѣ такого страшнаго предположенія. Чтобы наказать себя достойнымъ образомъ, капитанъ рѣшился прервать всякое сообщеніе съ живыми существами изъ опасенія повредить кому-нибудь мыслию, словомъ или дѣломъ.

Такимъ образомъ, заживо погребенный между инструментами, капитанъ никогда не отваживался проходить мимо пышнаго чертога м-ра Домби и никогда не давалъ знать о своемъ существованіи Флоренсѣ или миссъ Нипперъ. Онъ даже отказался отъ дружескихъ привѣтствій м-ра Перча, и когда тотъ сдѣлалъ ему визитъ, онъ весьма сухо началъ его благодарить и, наконецъ, открыто объявилъ, что отказался равъ навсегда отъ всѣхъ возможныхъ знакомствъ. Въ такомъ добровольномъ затворничествѣ капитанъ проводилъ цѣлые дни и даже цѣлыя недѣли, удостоивая по временамъ двумя-тремя словами только Точильщика, котораго вообще онъ считалъ образцомъ безкорыстной преданности и возвышеннымъ идеаломъ вѣрности. Итакъ, исключенный отъ всякаго общенія съ живыми существами, капитанъ одиноко сидѣлъ по вечерамъ въ маленькой гостиной, осматривая со всѣхъ сторонъ документъ дяди Соломона, думая о Флоренсѣ и бѣдномъ Вальтерѣ до той поры, пока, наконецъ, прекрасныя и невинныя дѣти начали представляться его фантазіи отжившими существами, съ которыми можно было увидѣться не иначе, какъ по ту сторону гроба.

При всемъ томъ честный капитанъ, занятый постоянно печальными размышленіями, не переставалъ заботиться какъ о нравственномъ улучшеніи своей натуры, такъ равномерно и о развитіи умственныхъ способностей Робина. Каждый вечеръ молодой человекъ долженъ былъ, по приказанію капитана, прочитывать по нѣскольку страницъ изъ разныхъ душеспасительныхъ сочиненій, и такъ какъ Куттль вообще былъ того мнѣнія, что во всѣхъ книгахъ заключаются назидательныя истины, то и оказалось, что воспріимчивый мозгъ его питомца обогатился черезъ нѣсколько времени самыми замѣчательными фактами. Самъ капитанъ каждый воскрес-

ный вечерь, отправляясь на сонъ грядущій, прочитываль съ новымъ одушевленіемъ извѣстное нагорное поученіе и всегда приходилъ въ неподдѣльный восторгъ, когда произносилъ высокую сентенцію относительно блаженства нищихъ міра сего. Его теологическія способности совершенствовались съ необыкновенною быстротой, и посторонній наблюдатель могъ подумать, что его голова нагружена греческими и еврейскими цитатами.

Но всѣхъ постороннихъ наблюдателей замѣняль только одинъ Робинъ, и, должно отдать справедливость, знаменитая школа, въ которой онъ получилъ предварительное воспитаніе, развила и усовершенствовала въ немъ удивительный навыкъ вдохновляться писаніями этого рода. Во-первыхъ, мозгъ Точильщика наполненъ былъ цѣлыми сотнями іудейскихъ и эллинскихъ именъ; во-вторыхъ, оиъ при первомъ востребованіи, поощряемый громкими вліяніями плети, могъ повторять, не переводя духу, цѣлыя десятки самыхъ трудныхъ стиховъ; въ-третьихъ... но, въ-третьихъ и въ-двадцатыхъ, мы не имѣемъ возможности исчислить здѣсь съ отчетливостью всѣхъ превосходныхъ дарованій Точильщика, въ которыхъ онъ всенародно упражнялся съ дѣтскаго возраста въ одной извѣстнѣйшей киркѣ, гдѣ съ необыкновеннымъ эффектомъ выставлялись на показъ передъ глазами удивленныхъ зрителей свои широкіе штаны самаго яркаго кофейнаго цвѣта. Всѣ эти способности пригодились теперь какъ нельзя лучше Робу. Когда капитанъ переставаль читать, Точильщикъ всегда притворялся проникнутымъ самыми благоговѣйными размышленіями, хотя за чтеніемъ обыкновенно зѣваль и киваль головою, чего, однако, никогда не подозрѣваль въ немъ его добрый хозяинъ.

Съ нѣкотораго времени, капитанъ, какъ дѣловой человекъ, велъ аккуратный дневникъ, наполненный разными остроумными наблюденіями относительно состоянія погоды и направленія каретъ и другихъ экипажей. На одной страницѣ четкимъ почеркомъ было записано, что по утру въ такой-то день и въ такомъ-то кварталѣ дуль сильный западный вѣтеръ, а къ вечеру въ томъ же кварталѣ началъ бушевать пронзительный восточный вѣтеръ. На другой страницѣ такимъ же почеркомъ было приведено въ извѣстность слѣдующее обстоятельство: "Сегодня, въ одиннадцать часовъ утра, была у меня, нижеподписавшагося капитана Куттля, переключка съ тремя празднующающимися молодыми людьми, которые, войдя въ магазинъ, изъявили очевидное намѣреніе купить очки, и однако-жь не купили, а дали обѣщаніе явиться сюда для этой же цѣли въ другой разъ. Изъ этого же слѣдуетъ, что торговля дѣла начинаютъ принимать хорошій оборотъ. Вѣтеръ дуетъ благопріятный – Н_о_р_д_ь-В_е_с_т_ь. Къ вечеру должно ожидать перемѣны".

Главнѣйшимъ затрудненіемъ для капитана былъ м-ръ Тутсъ, который заходилъ къ нему очень часто и не говоря по обыкновенію ни одного слова, усаживался въ маленькой гостиной и ухмылялся безъ перерыва полчаса и даже больше. По-видимому, м-ръ Тутсъ получилъ нравственное убѣжденіе, что въ цѣломъ Лондонѣ нѣтъ мѣста, болѣе удобнаго и приличнаго для такого увеселительнаго занятія. Капитанъ, вразумленный теперь бѣдственнымъ опытомъ, никакъ не могъ рѣшить, былъ ли м-ръ Тутсъ прекраснѣйшимъ и любезнѣйшимъ молодымъ человекомъ, или, напротивъ, отъявленнымъ, продувнымъ лицомъ. Его частые разговоры о миссъ Домби казались въ настоящемъ случаѣ очень подозрительными; однако же, капитанъ рѣшился до нѣкотораго времени не высказывать своихъ подозрѣній и вообще велъ себя очень осторожно, поглядывая на своего гостя съ необыкновенною проницательностью и лукавствомъ.

– Капитанъ Гильсъ, – говариваль по обыкновенію м-ръ Тутсъ, – что же вы скажете насчетъ моего предложенія? буду ли я когда-нибудь удостоенъ вашего знакомства?

– А вотъ что я вамъ скажу на этотъ счетъ, молодой человекъ, – отвѣчалъ по обыкновенію капитанъ, принявшій свои мѣры въ настоящемъ образѣ дѣйствования – объ этомъ надобно подумать, да и подумать.

– Капитанъ Гильсъ, это очень любезно съ вашей стороны, – возражалъ м-ръ Тутсъ, – я обязанъ вамъ, какъ нельзя больше. Увѣряю васъ честью, капитанъ Гильсъ, ваше знакомство

будетъ, что называется, для меня величайшимъ благодѣяніемъ и даже одолженіемъ. Ей-Богу, капитанъ Гильсъ!

– Пстой, пстой дружище, – продолжалъ капитанъ благосклоннымъ тономъ – я вѣдь еще не знаю тебя; такъ или нѣтъ?

– Именно такъ, м-ръ Гильсъ... да только вы никогда не узнаете меня, капитанъ, если не будете искать моего знакомства.

Пораженный оригинальностью этого замѣчанія, капитанъ нѣсколько времени безмолвно созерцалъ особу м-ра Тутса.

– Хорошо сказано, мой другъ, и совершенно справедливо, – замѣтилъ, наконецъ, капитанъ, утвердительно кивая головою. – Теперь вотъ въ чемъ штука: вы уже давно сообщили мнѣ нѣкоторыя наблюденія, и, если я васъ хорошо понимаю, то оказывается, что вы питаете чувство удивленія къ одной изъ прелестныхъ дѣвушекъ?

– Капитанъ Гильсъ, – отвѣчалъ м-ръ Тутсъ, дѣлая отчаянные жесты рукою, въ которой держалъ шляпу, – дѣло идетъ здѣсь не объ удивленіи. Увѣрю васъ честью, вы вовсе не понимаете моихъ чувствъ. Если бы я могъ окрасить себѣ рожу черной краской и сдѣлаться рабомъ миссъ Домби, о, я счелъ бы себя самымъ счастливымъ... да что тутъ толковать, если бы я могъ переселиться въ кожу собаки миссъ Домби, я... я... увѣрю васъ честью, м-ръ Гильсъ, я бы не усталъ всю жизнь вилять передъ ней своимъ хвостомъ. Ей-Богу, капитанъ!

М-ръ Тутсъ произнесъ послѣднія слова съ заплаканными глазами и съ неописуемымъ волненіемъ прижалъ шляпу къ своему сердцу.

– Послушай, дружище, – возразилъ капитанъ, проникнутый глубокимъ сочувствіемъ, – если ты не шутишь...

– Капитанъ Гильсъ, – закричалъ м-ръ Тутсъ, – я въ такомъ состояніи духа и такъ далекъ отъ всякихъ шутокъ, что если бы мнѣ можно было дать клятву на раскаленномъ свинцѣ, или если бы мнѣ приказали залить свое горло растопленнымъ сургучемъ, увѣрю васъ, м-ръ Гильсъ, я бы изуродовалъ себя съ величайшимъ наслажденіемъ.

И съ этими словами м-ръ Тутсъ поспѣшно озирался вокругъ комнаты, какъ-будто приискивалъ новыя мучительныя средства для выполненія лютыхъ своихъ намѣреній. Капитанъ сильнымъ движеніемъ руки нахлобучилъ свою шляпу, выступилъ впередъ къ Тутсу, дернулъ его за фалды фрака и, устремивъ на него пронизательный взоръ, обратился къ нему съ такими словами:

– Если ты не шутишь, пріятель, то ясно, ты сдѣлался предметомъ состраданія, а состраданіе есть драгоцѣннѣйшій перлъ въ царственномъ вѣнцѣ Британіи, какъ это изложено въ нашей національной пѣснѣ "Rule Britannia", которую знаетъ и поетъ въ честь Англій весь образованный міръ. Держись крѣпче, мой другъ! Дано здѣсь отъ тебя предложеніе, которое озадачиваетъ меня. А почему? А потому, что я плыву по этимъ водамъ одинъ, и нѣтъ для меня товарища въ этомъ океанѣ, и никто даже не можетъ быть моимъ товарищемъ. Держись крѣпче! Ты началъ первый салютовать меня именемъ прекрасной молодой леди, – хорошо! Если ты и я хотимъ продолжать наше знакомство, то имя этой леди никогда не должно быть произносимо между нами. Я не знаю, какой вредъ могли бы мы нанести свободнымъ произнесеніемъ этого имени, только... словомъ сказать, языкъ мой съ этой минуты остается на привязи. Хорошо ли ты понялъ меня, дружище?

– Хорошо, капитанъ Гильсъ, только вы извините меня, если я не всегда буду вамъ покоренъ. Клянусь честью, м-ръ Куттль, мнѣ было бы очень трудно никогда не говорить о миссъ Домби. Это запрещеніе ляжетъ тяжелымъ бременемъ на мою душу, и мнѣ всегда будетъ казаться, что меня дубиной бьютъ по головѣ.

Съ этими словами м-ръ Тутсъ патетически схватился за голову обѣими руками, какъ будто уже начиналъ чувствовать энергическіе удары.

– Въ такомъ случаѣ, мой милый, – сказалъ капитанъ, – вотъ тебѣ мое неизмѣнное условіе. Если ты не сумѣешь держать языка на привязи, то отваливай одинъ на широкую дорогу, и – желаю тебѣ счастливаго пути!

– Капитанъ Гильсъ, – бормоталъ Тутсъ, – не знаю почему, только когда я пришелъ сюда первый разъ, мнѣ показалось, будто въ вашемъ присутствіи я могу гораздо свободнѣе разговаривать о миссъ Домби, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Поэтому, капитанъ Гильсъ, если вы доставите мнѣ удовольствіе вашего знакомства, я почту себя счастливымъ принять безъ всякихъ ограниченій всѣ ваши условія. Я желаю быть честнымъ человѣкомъ, капитанъ Гильсъ, и слѣдовательно я принужденъ сказать, что мнѣ *невозможно* не думать о миссъ Домби. Ужъ вы меня извините, а я, какъ честный человѣкъ, повторяю еще разъ, что мнѣ въ вашемъ присутствіи никакъ нельзя не думать о миссъ Домби.

– Мысли человѣка, мой милый, то же самое, что вѣтеръ, сказано въ Писаніи, и никто не можетъ отвѣчать за нихъ ни на одну секунду времени. Чувства – совсѣмъ другое дѣло, а насчетъ мыслей толковать не станемъ. Договоръ между нами идетъ только относительно словъ.

– Что касается до словъ, капитанъ Гильсъ, – возразилъ м-ръ Тутсъ, – мнѣ кажется, я могу поудержать себя.

Затѣмъ Тутсъ подаль капитану руку, и тотъ, наконецъ, чувствуя всю важность своего снисхожденія, торжественно заключилъ съ нимъ дружескій договоръ. Тутсъ почувствовалъ чрезвычайную радость послѣ такого пріобрѣтенія и ухмылялся съ необыкновеннымъ восторгомъ во все остальное время этого визита. Капитанъ, съ своей стороны, обрадованный своимъ положеніемъ покровителя, находился также въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и втайнѣ благодарилъ себя за свою проницательность и осторожность.

Но въ тотъ же вечеръ капитанъ былъ очень непріятно изумленъ наивнымъ предложеніемъ другого юноши, предложеніемъ Точильщика. Напившись чаю, этотъ невинный юноша безмолвно смотрѣлъ нѣсколько времени на своего хозяина, который между тѣмъ съ большимъ достоинствомъ читалъ газету съ очками на глазахъ, и прервалъ молчаніе какимъ образомъ:

– Кстати, капитанъ Куттль, прошу извинить, вамъ, я думаю, нельзя будетъ обойтись совсѣмъ безъ голубей?

– Конечно, мой милый, а что?

– А то, что мнѣ придется взять отъ васъ своихъ голубей, капитанъ.

– Какъ такъ? – вскричалъ капитанъ, приподнявъ немного свои густыя брови.

– Да такъ, я отхожу отъ васъ, капитанъ, если вамъ угодно.

– Отходишь? Куда же ты отходишь?

– А развѣ вы не знаете, капитанъ, что я собирался васъ оставить? – спросилъ Робинъ съ пресмыкающеюся улыбкой.

Капитанъ положилъ газету на столъ, скинулъ очки и посмотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ на бѣглеца.

– О да, капитанъ, – продолжалъ Точильщикъ, – я отхожу, и заранѣе хотѣлъ бы предупредить васъ. Я думалъ, впрочемъ, вы уже сами объ этомъ догадались. Ну, такъ теперь, если вы позаботитесь обезпечить себя на этотъ счетъ, такъ оно, знаете, и мнѣ было бы пріятно. Впрочемъ, пожалуй, что до завтрашняго утра вамъ будетъ не легко обезпечить себя: какъ вы думаете объ этомъ, капитанъ?

– И ты, мой милый, собираешься бѣжать отъ меня вмѣстѣ съ своими знаменами? – сказалъ капитанъ, внимательно посмотрѣвъ на его лицо.

– О, это уже слишкомъ жестоко для бѣднаго парня, капитанъ! – вскричалъ разнѣженный Точильщикъ, приведенный въ негодованіе послѣдними словами своего хозяина, – онъ отъ всей души даетъ вамъ добрый совѣтъ, а вы ужъ и сердитесь, Богъ знаетъ за что, и называете его бѣглецомъ! Вы не имѣете никакого права называть бѣднаго парня подобными именами. Какъ вамъ не совѣстно клеветать на человѣка потому только, что онъ у васъ служить? Сегодня вы его

хозяинъ, а завтра онъ и зять васъ не хочетъ. Чѣмъ я васъ оскорбилъ? Какъ хотите, капитанъ, я прошу васъ сказать, чѣмъ я провинился передъ вами?

Обиженный Точильщикъ заревѣлъ навзрыдъ и приставилъ рукава къ своимъ глазамъ.

– Такъ ужъ пожалуйста, капитанъ, – вопилъ Точильщикъ, – скажите и докажите, въ чемъ я провинился! Что я вамъ сдѣлалъ? Развѣ я укралъ у васъ что-нибудь? Развѣ я поджигалъ вашъ домъ? Если поджигалъ, такъ зачѣмъ вы не представили меня суду? Но прогнать отъ себя мальчика за то, что онъ былъ хорошимъ слугою, обижать его на каждомъ шагу ни за что, ни про что, помилуйте капитанъ, развѣ такъ добрые люди награждаютъ за вѣрную службу?

И сопровождая всѣ эти жалобы пронзительнымъ визгомъ, Робъ осторожно пятился къ дверямъ.

– Ты ужъ приискалъ себѣ другое мѣсто, любезнѣйшій? – сказала капитанъ, съ безпокойствомъ озирая своего слугу.

– Да, капитанъ, съ той поры, какъ вы забрали въ голову спровадить меня, я приискалъ себѣ другое мѣсто, – голосилъ Робъ, отступая назадъ все больше и больше. – Надѣюсь, что мѣстечко будетъ недурное, и ужъ, по крайней мѣрѣ, тамъ никто не станетъ бросать въ меня грязью за то, что я бѣднякъ, и, будто бы, за то еще, что не могу беречь чужого добра. Да, мѣстечко приискано, и, надѣюсь, меня примутъ тамъ безъ всякой рекомендаціи; я бы ушелъ туда сегодня, не сказавъ ни полслова, да только мнѣ хотѣлось оставить здѣсь послѣ себя доброе имя... А вамъ стыдно упрекать невиннаго парня за его бѣдность: отплати вамъ Господь Богъ, капитанъ Куттль, за вашу неправду.

– Послушай, любезный, – возразилъ капитанъ миролюбивымъ тономъ, – словами ты ничего не возьмешь; совѣтую тебѣ замолчать.

– Да и вамъ нечего взять вашими словами, капитанъ Куттль, – возразилъ невинный Точильщикъ, заливаясь еще болѣе громкимъ плачемъ и продолжая отодвигаться къ дверямъ. – Вамъ не отнять у меня добраго имени.

– Любезный, есть на свѣтѣ одна вещица, которую зовутъ петлей на шею. Слыхалъ ты о ней?

– А, слыхалъ ли я объ этой вещицѣ, то есть о веревкѣ-то слыхалъ ли я, капитанъ Куттль? Нѣтъ, съ вашего позволенія, никогда не приходилось слышать.

– Ну, такъ надѣюсь, услышишь, мой милый, если не будешь уважать команды. Становись въ строй – и маршъ налѣво кругомъ! Чтобы духу твоего здѣсь не пахло.

– Такъ вы меня прогоняете, капитанъ! – кричалъ Робинъ, обрадованный успѣхомъ своей хитрости. – Хорошо, я иду отъ васъ прочь: прощайте, добрый хозяинъ. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, вы не отнимете у бѣднаго парня его жалованья!

Капитанъ немедленно вытащилъ изъ шкафа свою жестянку, и, сосчитавъ деньги, высыпалъ ихъ на столъ передъ глазами Точильщика. Робинъ, еще болѣе оскорбленный негодованіемъ своего хозяина, началъ подбирать серебряныя монеты, обливая каждую горькими слезами и увязывая каждую отдѣльно въ узлы своего носового платка; потомъ онъ побѣжалъ на чердакъ и положилъ въ карманы своихъ голубей; потомъ, входя опять въ магазинъ, забралъ изъ-подъ прилавка свою постель и, дѣлая изъ нея огромный узелъ, заревѣлъ отчаяннымъ голосомъ, какъ будто прощался съ превеликимъ отчаяньемъ со своимъ старымъ жильемъ. "Прощайте, капитанъ, доброй ночи; я оставляю васъ безъ всякой злобы!" И вслѣдъ за тѣмъ, выходя изъ дверей, толкнулъ наотмашь маленькаго мичмана и выбѣжалъ на улицу съ полнымъ сознаниемъ своего торжества.

Капитанъ, предоставленный самому себѣ, снова забралъ въ свои руки огромный листъ газеты и продолжалъ читать съ величайшимъ усердіемъ, какъ будто ничего особеннаго не произошло въ его квартирѣ. Но прочитавъ четыре огромныхъ столбца, онъ не понялъ ни одного слова, и на каждой строкѣ мерещился ему Точильщикъ, бѣжавшій сломя голову по лондонской мостовой съ своей постелью и голубями.

Сомнительно, чувствовал ли когда достойный капитанъ свое совершенное одиночество въ такой ужасной степени, какъ въ эту минуту. Старый дядя Соломонъ, Вальтеръ и "ненаглядное сокровище" были теперь для него дѣйствительно потеряны, и теперь только м-ръ Каркеръ надулъ и одурачилъ его самымъ ужаснымъ образомъ. Всѣ эти особы сосредоточились для него въ фальшивомъ Робинѣ, съ которымъ такъ давно привыкъ онъ соединять свои задушевные воспоминанія; онъ довѣрялъ вполне негодному лицемѣру, и это чувство служило для него отрадой; Точильщикъ такъ долго былъ его единственнымъ собесѣдникомъ, оставшимся изъ всей компаніи стараго корабельнаго экипажа; вмѣстѣ съ нимъ еще удерживалъ онъ подъ комадой маленькаго мичмана и привыкъ думать, что кораблекрушеніе, со всѣми своими несчастными гтослѣдствіями, обрушилось на нихъ обоихъ. И вотъ теперь этотъ фальшивый Точильщикъ оказался негодяемъ, измѣнникомъ, и вертепомъ его злодѣйства была маленькая гостиная, гдѣ онъ такъ спокойно храпѣлъ каждую ночь подъ своимъ прилавкомъ. Чего же больше? Если бы въ эту минуту магазинъ разрушился до основанія и провалился сквозь землю со всѣми своими инструментами, Куттль никакъ бы не почувствовалъ болѣе ужаснаго безпокойства.

Поэтому капитанъ читалъ газету съ глубочайшимъ вниманіемъ, но безъ всякаго сознанія, и поэтому онъ не сказалъ самому себѣ ничего о Благотворительномъ Точильщикѣ, не признавался самому себѣ, что онъ думалъ о Точильщикѣ, и не открывался самому себѣ, что теперь, безъ Точильщика, онъ былъ такъ же одинокъ и несчастенъ, какъ Робинзонъ Крузо на своемъ островѣ.

Съ такимъ же глубокомысленнымъ видомъ отправился онъ изъ дому и уговорился съ однимъ юношей, чтобы тотъ каждый вечеръ и каждое утро приходилъ закрывать и открывать окна въ магазинѣ деревяннаго мичмана. Потомъ онъ пошелъ въ харчевню кушать свою ежедневную порцію, которую до этой поры раздѣлялъ съ Точильщикомъ, и въ трактиръ выпить бутылку пива. "Я теперь одинокъ, моя матушка, сказалъ онъ трактирщицѣ, – нѣтъ больше со мной молодого человѣка, моя милая миссъ". Когда наступила ночь, капитанъ, вмѣсто того, чтобы идти по обыкновенію на чердакъ, устроилъ свою постель въ магазинѣ подъ прилавкомъ, такъ какъ теперь некому было оберегать движимое и недвижимое имущество деревяннаго мичмана.

Съ этой поры капитанъ регулярно каждое утро вставалъ въ шесть часовъ и нахлобучивалъ свою лощеную шляпу съ такимъ же видомъ, съ какимъ нѣкогда Робинзонъ Крузо оканчивалъ свой туалетъ изъ козловой кожи, и хотя его опасенія, со стороны нападенія дикаго племени, олицетвореннаго особою м-съ Макъ Стигнеръ, значительно охладѣли, однако же, по привычкѣ, онъ все еще продолжалъ наблюдать свои оборонительныя операціи и никогда не могъ съ удовлетворительнымъ спокойствіемъ смотрѣть изъ оконъ магазина на женскія шляпки. Даже м-ръ Тутсъ пересталъ навѣщать его, объявивъ письменно о своемъ отсутствіи изъ Лондона, и теперь, въ этомъ совершенномъ запусѣннѣ, дико начиналъ звучать въ ушахъ капитана даже собственный его голось.

Наконецъ, когда завѣтный годъ уже совсѣмъ окончился, капитанъ серьезно началъ размышлять о вскрытіи запечатаннаго пакета; прежде онъ всегда рѣшился бы приступить къ этому дѣйствию въ присутствіи Точильщика, вручившаго ему этотъ документъ; но такъ какъ онъ зналъ, что на всякомъ кораблѣ запечатанныя бумаги открываются въ присутствіи по крайней мѣрѣ одного лица, то теперь совершенное отсутствіе свидѣтеля приводило его въ крайнее недоумѣніе. При такомъ затрудненіи капитанъ въ одно прекрасное утро съ необыкновеннымъ восторгомъ узналъ о возвращеніи въ лондонскую гавань капитана Джона Бенсби, командира "Осторожной Клары". Къ этому философу онъ немедленно отправилъ по городской почтѣ письмо съ покорнѣйшей просьбой навѣстить его какъ можно скорѣе по одному дѣлу чрезвычайной важности, при чемъ въ постъ-скриптѣ предлагалась другая убѣдительнѣйшая просьба, чтобы достопочтенный другъ ненарушимо хранилъ тайну относительно мѣстопробыванія капитана Куттля. Бенсби, какъ мудрецъ, привыкшій во всѣхъ случаяхъ дѣйствовать по

убѣжденію, черезъ нѣсколько дней отправилъ своему пріятелю отвѣтъ, долженствовавшій убѣдить его, что онъ, командиръ "Осторожной Клары", получилъ во всей исправности означенное письмо. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ отправилъ нарочнаго къ почтенному капитану доложить, что онъ явится къ нему въ тотъ же вечеръ.

Капитанъ, обрадованный желаннымъ извѣстіемъ, поспѣшилъ изготовить трубки, ромъ и воду и ожидалъ своего гостя въ маленькой гостиной. Въ восемь часовъ чуткое капитанское ухо слышало за дверьми хриплый голосъ, похожій на мычаніе морского быка, и вслѣдъ за нимъ стукъ палкою въ замочную скобку, что обозначало ясно, что Бенсби стоитъ передъ деревяннымъ мичманомъ. Когда дверь отворилась, въ комнату медленными шагами вдвинулась краснощекая фигура съ огромнымъ глазомъ, обращеннымъ въ темную даль, на разстояніе, по крайней мѣрѣ, десяти миль.

– Бенсби, – сказалъ капитанъ, ухвативъ гостя за другую руку, – что новаго, товарищъ, что новаго?

– Товарищъ, – отвѣчалъ басистый голосъ изъ груди Бенсби, не направленный ни къ кому въ особенности, – все подобру, все поздорову.

– Бенсби, – отвѣчалъ капитанъ, озадаченный съ первыхъ звуковъ необыкновенной премудростью своего друга, – вотъ ты стоишь здѣсь, какъ человѣкъ, который можетъ подать мнѣніе ярче и свѣтлѣе всякаго брилліанта. Было время, когда ты стоялъ точь-въ-точь на этомъ же самомъ мѣстѣ и подалъ такое мнѣніе, въ которомъ каждая буква содержала неоспоримую истину.

– Какую же? – промычалъ Бенсби, первый разъ взглянувъ на своего друга. – Если такъ, почему же нѣтъ? Слѣдовательно – быть по сему!

Эти слова погрузили капитана въ бездонное море созерцаній и догадокъ. Оракуль, между тѣмъ, немедленно при входѣ въ гостиную, протянулъ руку къ столу, налилъ стаканъ крѣпкаго грогу, выпилъ его, не переводя духа, и, усѣвшись на стуль, закурилъ трубку. Капитанъ Куттль, подражая во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ своему другу, усѣлся въ противоположномъ углу камина и началъ наблюдать съ невыразимымъ любопытствомъ великаго командира, котораго невозмутимое спокойствіе представлялось ему недостижимымъ идеаломъ. Выкуривъ трубку и выпивъ еще стаканъ грогу, командиръ "Осторожной Клары" объявилъ, что его зовутъ Джономъ Бенсби. Капитанъ Куттль, считая такое объявленіе поощреніемъ къ началу разговора, подробно рассказалъ всю исторію старика Соломона со всѣми перемѣнами, случившимися послѣ его бѣгства, и въ заключеніе рассказа положилъ на столъ запечатанный пакетъ.

Послѣ длинной паузы, Бенсби кивнулъ головою.

– Вскрыть? – спросилъ капитанъ.

Бенсби кивнулъ опять.

Капитанъ разломалъ печать, и передъ глазами его открылись два конверта съ надписями: "Послѣдняя Воля и Завѣщаніе Соломона Гильса" и "Письмо къ Неду Куттлю".

Бенсби, обративъ глаза на потолочное окно, приготовился выслушать содержаніе. Капитанъ откашлялся, вытеръ лобъ носовымъ платкомъ и началъ грамогласно читать письмо:

"Милый мой Недъ Куттль, оставляя теперъ Лондонъ для отправленія въ Вестъ-Индію...

Здѣсь капитанъ пріостановился и съ безпокойствомъ взглянулъ на Бенсби, который продолжалъ смотрѣть на потолочное окно.

..."въ надеждѣ получить какія-нибудь извѣстія о моемъ миломъ племянникѣ, я былъ увѣренъ, что ты, узнавъ о моемъ намѣреніи, или постарайся меня остановить, или поѣдешь вмѣстѣ со мною. Вотъ почему я рѣшился сохранить свой отъѣздъ въ глубокой тайнѣ. Когда ты прочтешь это письмо, любезный другъ, меня, по всей вѣроятности, уже не будетъ на свѣтѣ. Тогда ты легко простишь меня за безразсудное предпріятіе и еще легче представишь отчаяніе, съ какимъ старый другъ твой скитался по неизвѣстнымъ странамъ. Теперъ всему конецъ. Я не

имѣю почти никакой надежды, что бѣдный мой племянникъ прочтетъ когда-либо эти слова и обрадуетъ тебя присутствіемъ своего прекраснаго лица".

– Да, да, – сказалъ капитанъ Куттль въ печальномъ размышленіи, – не видать намъ прекраснаго юношу. – Онъ остался на вѣки вѣчные...

М-ръ Бенсби, надѣленный отъ природы музыкальнымъ ухомъ, внезапно заревѣлъ: "въ Бискайскомъ заливѣ, о!" Это восклицаніе до такой степени растрогало добраго капитана, что онъ расплакался какъ ребенокъ и съ трудомъ могъ. продолжать прерванное чтеніе:

"Но если сверхъ чаянія, при вскрытіи этого письма, милый Вальтеръ будетъ при тебѣ, и послѣ когда-нибудь узнаетъ о моей судьбѣ, то да будетъ на немъ мое благословеніе! Если приложенный документъ составленъ не по законной формѣ, бѣды надѣюсь, не будетъ никакой, потому что здѣсь идетъ дѣло только о тебѣ и о немъ, и мое полное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы онъ могъ безпрепятственно вступить во владѣніе моимъ скуднымъ достояніемъ, а если, чего Боже сохрани, онъ умеръ, то въ такомъ случаѣ, Недъ Куттль, все имѣніе принадлежитъ тебѣ. Ты исполнишь мое желаніе, какъ я надѣюсь; благослови тебя Богъ за твою любовь и за всѣ твои услуги старику Соломону Гильсу".

– Бенсби! – воскликнулъ капитанъ, торжественно обращаясь къ непогрѣшиму оракулу. – Что ты на все это имѣешь сказать? Вотъ ты сидишь здѣсь, какъ человекъ, привыкшій ломать голову съ нѣжнаго младенчества по сіе время, и самыя головоломныя мнѣнія тебѣ ни почемъ. Итакъ, что ты на все это имѣешь сказать?

– Если случилось, – отвѣчала Бенсби съ необыкновенной торопливостью, – что онъ дѣйствительно умеръ, то мое мнѣніе такого рода, что ему никогда не возвратится назадъ. А буде случилось такъ, что онъ еще живъ, то мнѣніе мое будетъ то, что, пожалуй, онъ и воротится. Сказалъ ли я, что онъ воротится? Нѣтъ. А почему нѣтъ? А потому, что смыслъ этого замѣчанія скрывается въ примѣненіи его къ дѣлу!

– Бенсби! – сказалъ капитанъ Куттль, уважавшій мнѣнія своего друга именно за трудность дѣлать изъ нихъ примѣненіе въ какомъ бы то ни было случаѣ, – Бенсби, глубоки твои мысли и неизмѣримы для людей съ обыкновеннымъ умомъ, но что касается до воли, здѣсь изложенной, я не могу и не хочу вступать во владѣніе имуществомъ, сохрани Богъ! Я буду только хранить и опекать для законнаго владѣльца и, надѣюсь, что этотъ законный владѣлецъ, старикъ Соль, еще живъ, и воротится назадъ, несмотря на то, что до сихъ поръ нѣтъ о немъ никакихъ извѣстій. Теперь, Бенсби, надо знать твое мнѣніе относительно этихъ бумагъ; не должно ли намъ обозначить на конвертахъ, что такіято бумаги въ такой-то день вскрыты въ присутствіи Джона Бенсби и Эдуарда Куттля?

Не пріискавъ никакого возраженія, Бенсби прищурилъ глазъ и, взявъ перо, подмахнулъ на конвертѣ свое имя, избѣгая съ замѣчательною скромностью употребленія заглавныхъ буквъ. Капитанъ Куттль, послѣ такой же подписи, заперъ конверты въ желѣзный сундукъ и попросилъ своего гостя выпить еще стаканъ грогу и выкурить еще трубку американскаго табаку; потомъ, угостивъ и себя точно такимъ же образомъ, облокотился на каминъ и принялся размышлять о чудныхъ судьбахъ бѣднаго инструментальнаго мастера.

Размышленіе было прервано такимъ ужаснымъ и непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, что капитанъ Куттль безъ помощи друга Бенсби, считалъ бы себя погибшимъ навсегда съ этого роковаго часа.

Какимъ образомъ капитанъ, озабоченный пріемомъ знаменитаго друга, позабылъ затворить и запереть дверь, – вопросъ совершенно непостижимый для самыхъ гениальныхъ знатоковъ человѣческаго сердца. Но въ эту самую минуту, съ необыкновеннымъ гвалтомъ, ворвалась въ маленькую гостиную безпардонная м-съ Макъ Стингеръ, съ маленькимъ Александромъ въ своихъ материнскихъ объятіяхъ. За нею, съ такимъ же шумомъ и съ явнымъ намѣреніемъ мести, слѣдовали Юліана Макъ Стингеръ и нѣжный ея братецъ Карль Макъ Стингеръ.

Мгновенно капитанъ Куттль понялъ всю опасность своего положенія. Юркнувъ въ маленькую дверь, которая вела изъ гостиной къ лѣстницѣ погреба, капитанъ стремглавъ бросился впередъ, какъ человѣкъ, занятый одною мыслью искать спасенія въ нѣдрахъ земли отъ угрожающей бѣды. Но, къ несчастью, онъ не успѣлъ привести въ исполненіе своего отчаяннаго плана, потому что въ то же мгновеніе, съ раздирающими воплями, ухватились за его ноги Юліана и старшій ея братецъ, употребляя неимовѣрныя усилія удержать на поверхности земли своего стараго друга. М-съ Макъ Стингеръ между тѣмъ, бросивъ юнаго птенца на полъ, съ остервененіемъ ухватилась за капитана, какъ будто угрожая изорвать его въ куски передъ глазами изумленнаго Бенсби.

Крики двухъ старшихъ Макъ Стингеровъ и отчаянный вопль младшаго, Александра, довершили ужасную суматоху этой сцены. Наконецъ, воцарилось молчаніе, и капитанъ, задыхаясь отъ страшнаго волненія, съ кроткимъ и смиреннымъ видомъ остановился передъ м-съ Макъ Стингеръ.

– О, капитанъ Куттль, капитанъ Куттль! – возопила м-съ Макъ Стингеръ, выставляя впередъ свой подбородокъ и приводя его въ гармоническое согласіе съ тѣмъ, что могло бы быть названо кулакомъ, если бы учтивость позволяла намъ приписать это орудіе прекрасной дамѣ. – О, капитанъ Куттль, капитанъ Куттль! какъ вы можете смотрѣть мнѣ прямо въ глаза и тотчасъ же не провалиться сквозь землю!

– Держись крѣпче, Недъ Куттль! – бормоталъ капитанъ, объятый судорожнымъ трепетомъ.

– О, я была слишкомъ слаба и довѣрчива, когда приняла васъ подъ свою кровлю, капитанъ Куттль! – продолжала кричать м-съ Макъ Стингеръ. – Какихъ благодарностей не испытала отъ меня этотъ человѣкъ! какими милостями я не осыпала его! Мои дѣти любили и уважали его, какъ отца, и ни одинъ жилецъ въ нашей улицѣ, даже ни одинъ хозяинъ не пользовался въ своемъ домѣ такими льготами! Онъ обжирался, опивался, и я, какъ набитая дура, сыпала для него деньги горстями, содержала въ чистотѣ его комнату, выметала полы каждое утро и готовила для него чай съ материнскою заботливостью... а онъ,... чѣмъ же, спрашивается, онъ награждаетъ бѣдную женщину?

М-съ Макъ Стингеръ остановилась перевести духъ, и ея лицо запылало полнымъ сознаниемъ своего торжества и побѣды надъ обвиненнымъ преступникомъ!

– А онъ... онъ бѣжитъ отъ меня прочь! Онъ пропадаетъ безъ вѣсти цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ! И отъ кого бѣжитъ онъ? Отъ женщины, которая была ему благодарительницей! Вотъ его совѣсть, вотъ его благодарность! Онъ не смѣетъ даже поднять на меня свои безстыжіе глаза и увертывается какъ подлѣйшій трусъ!.. Да если бы, – чего Боже избави! – увернулся отъ меня мой собственный дѣтенышъ, я бы взбудоражила его спину такими пузырями, какихъ бы онъ вѣкъ не позабылъ.

Молодой Александръ счелъ, съ своей стороны, необходимымъ принять эту выходку за положительную угрозу, за которую должно было послѣдовать немедленное исполненіе, и, на этомъ основаніи, вздернувъ свои ноги кверху, завизжалъ такимъ отчаяннымъ голосомъ, что м-съ Макъ Стингеръ принуждена была взять своего птенца на руки и успокоить его энергическимъ качаиёмъ.

– Чудо что за человѣкъ, этотъ капитанъ Куттль! – продолжала м-съ Макъ Стингеръ, дѣлая особое удареніе на первыхъ слогахъ капитанскаго имени, – онъ изволить преспокойно засыпать въ своей постели, прибираетъ свои вещи, пускается въ глухую полночь, какъ отъявленный воръ, а бѣдная женщина, сломя голову, бѣгаетъ за нимъ изъ конца въ конецъ, какъ сумасшедшая, и спрашиваетъ о своемъ жильцѣ! О, чудо, что за человѣкъ этотъ капитанъ Куттль! ха, ха, ха, ха! Онъ слишкомъ заслужилъ всѣ эти безпокойства, и поневолѣ сойдешь по немъ съ ума. Награди васъ Богъ! ха, ха, ха! Однако, почтенный капитанъ Куттль, я желаю знать: угодно вамъ воротиться домой?

Встревоженный капитанъ посмотрѣлъ на свою шляпу, какъ будто собирался немедленно выполнить строгое приказаніе своей неумолимой властительницы.

– Капитанъ Куттль, – повторила м-съ Макъ Стингеръ тѣмъ же рѣшительнымъ голосомъ, – я желаю знать: угодно вамъ воротиться домой, сэръ?

Капитанъ, казалось, совершенно готовъ былъ идти, и хотѣлъ только устроить это дѣло безъ шума и безъ огласки.

– Стоять смирно! – заревѣлъ, наконецъ, Бенсби оглушающимъ голосомъ. – Погодите, матушка моя! Чего вы хотите?

– А вамъ чего угодно отъ меня? – возопила м-съ Макъ Стингеръ. – Что вы за человѣкъ, желала бы я знать? Развѣ вы квартировали когда-нибудь въ девятомъ номерѣ, на Корабельной площади? Я еще, слава Богу, не выжила изъ ума и хорошо комню, вы никогда не были моимъ жильцомъ. Прежде меня жила въ девятомъ номерѣ м-съ Джолльсонъ, и, быть можетъ, вы принимаете меня за нее.

– Ну, ну отваливай прочь! – завопилъ м-ръ Бенсби, – я заставлю васъ замолчать, взбалмошная баба!

Куттль, несмотря на высокое мнѣніе о могуществѣ своего друга, едва вѣриль своимъ глазамъ. М-ръ Бенсби смѣло подошелъ къ м-съ Макъ Стингеръ и обхватилъ ее своею рукою. Къ величайшему удивленію, храбрая дама потеряла все свое мужество, залилась горькими слезами и объявила, что теперь изъ нея можно все сдѣлать.

Обомлѣвшій капитанъ увидѣлъ потомъ, какъ его другъ вывелъ неумолимую женщину въ магазинъ, какъ воротился черезъ минуту въ гостиную за ромомъ и водою и какъ, наконецъ, усмирить ее совершенно, не произнеся ни одного слова. Вслѣдъ за тѣмъ Бенсби надѣлъ свою мохнатую бекешъ и сказалъ: "Куттль, мнѣ надо теперь проводить подъ конвоемъ эту сволочь". Эти слова поразили капитана гораздо большимъ изумленіемъ, какъ если бы его самого хотѣли сковать въ желѣзо и спровадить на Корабельную площадь. Черезъ нѣсколько минутъ м-съ Макъ Стингеръ, кроткая какъ овечка, побрела со своими агнцами изъ дверей въ сопровожденіи всемогущаго командира "Осторожной Клары". Капитанъ Куттль едва имѣлъ время вынуть изъ комода свою жестянку и украдкой всунуль нѣсколько монетъ въ руки Юліаны Макъ Стингеръ, которую онъ всегда любилъ съ отеческою нѣжностью. Затворяя дверь, Бенсби проговорилъ своему другу, что черезъ нѣсколько минутъ онъ зайдетъ къ нему опять.

Когда капитанъ Куттль воротился въ маленькую гостиную и попрежнему остался одинокимъ, безсвязныя мечты толпами зароились въ его головѣ, и казалось ему, какъ будто онъ освободился отъ тяжелаго сна, полного фантастическихъ видѣній. Затѣмъ передъ его фантазіей предсталъ во всемъ величій колоссальный образъ командира "Осторожной Клары", вызвавшій въ немъ неописуемое благоговѣніе.

Прождавъ понапрасну нѣсколько минутъ своего великаго друга, капитанъ началъ питать въ своей душѣ мучительныя сомнѣнія другого рода. Почему знать, – думалъ онъ, – можетъ быть, хитрая лисица нарочно заманила честнаго командира на Корабельную площадь и теперь содержитъ его подъ строгимъ карауломъ, какъ заложника, вмѣсто него. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ благородный Куттль считалъ своею обязанностью немедленно идти на выручку и освободить своего пріятеля изъ тяжелаго плѣна. А могло случиться и то, что м-съ Макъ Стингеръ пристыдила и осрамила его всенародно, такъ что теперь Бенсби боится показаться на свѣтъ послѣ своего униженія. Много и другихъ болѣе или менѣе основательныхъ предположеній настроилъ капитанъ, и черезъ часъ времени его безпокойства возросли до неимоверной степени. Наконецъ, сильный стукъ въ дверь возвѣстилъ о прибытіи командира "Осторожной Клары". Бенсби воротился одинъ и собственными руками втащилъ въ магазинъ огромный ящикъ, въ которомъ Куттль немедленно узналъ свой сундукъ, хранившійся въ домѣ м-съ Макъ Стингеръ. Это обстоятельство поразило капитана тѣмъ большимъ изумленіемъ, что м-ръ Бен-

сби быть гораздо больше чем под куражем от радушнаго приема, который, по всей вероятности, был оказан ему на Карабельной площади.

– Куттль, – сказал командирь, поставив сундук на пол и отворив крышку, – всё ли здесь твои вещи?

Капитань, заглянув в сундук, поспешил дать утвердительный ответь.

– А ведь славно я обработал это дѣльцо, не правда ли, товарищ? – сказал Бенсби.

Восторженный капитань, в знак своего совершеннаго согласія, схватил его за руку, но едва собрался сдѣлать дружеское пожатіе, какъ вдругъ Бенсби стремительно вырвалъ свой кулакъ и, отворивъ дверь магазина, побѣжалъ, сломя голову, на "Осторожную Клару". Было ясно, что великій человекъ, разъ исполнивъ задуманный планъ, не рѣшался тратить попусту время в жилищѣ своего друга.

Капитань, съ своей стороны, не отважился побезпокоить его своимъ визитомъ на другой день и рѣшился выждать болѣе благопріятнаго случая для свиданія съ достойнымъ командиромъ. Такимъ образомъ, капитань началъ опять свою одинокую жизнь, погружаясь въ безконечное раздумье о старикѣ Соломонѣ и дожидаясь его возвращенія. Его надежды на этотъ счетъ съ каждымъ днемъ получали болѣе и болѣе опредѣленный характеръ, и маленькая гостиная убрана была такимъ образомъ, какъ будто инструментальный мастеръ уже былъ въ предѣлахъ Лондона и готовился вступить во владѣніе своимъ имуществомъ. Въ нѣжномъ безпокойствѣ объ отсутствующемъ другѣ, капитань позаботился даже снять со стѣны миниатюрный портретъ Вальтера изъ опасенія, чтобы этотъ милый образъ не встревожилъ старика въ первыя минуты свиданія. Томимый сильными предчувствіями, добрый морякъ иной разъ по цѣлымъ часамъ стоялъ у дверей подлѣ деревяннаго мичмана въ ожиданіи его стараго хозяина, и въ одно воскресенье приготовилъ даже двѣ порціи обѣда, чтобы раздѣлить ихъ съ дядею Соломономъ. Но проходили дни, недѣли, мѣсяцы, и не являлся старикъ Соломонъ, и сосѣди каждый вечеръ видѣли у дверей инструментальнаго мастера капитана Куттля въ его лощеной шляпѣ съ понурою головою и съ руками, опущенными въ карманы.

Глава XL Супружескія сцены

Не въ порядкѣ вещей, чтобы такой человекъ, какъ м-ръ Домби, соединенный съ такою женщиною, какъ м-съ Эдию, утратилъ сколько-нибудь деспотическую грубость своего характера. Не въ порядкѣ вещей, чтобы холодныя, желѣзныя латы гордости, въ которыя онъ былъ постоянно закованъ, смягчились и получили большую ковкость отъ всегдашняго соприкосновенія съ гордымъ презрѣніемъ и неукротимымъ высокомеріемъ. Такія натуры носятъ въ самихъ себѣ печать отверженія и проклятія. Если, съ одной стороны, уступчивость и покорность раздуваютъ эти дурныя наклонности, съ другой – всякое сопротивление придаетъ имъ больше и больше необузданной упругости. Зло возрастаетъ съ неимоверной быстротой отъ противоположныхъ крайностей, встрѣчаемыхъ на своемъ пути. Пріятности и огорченія равно содѣйствуютъ къ возбужденію растительной силы, сокрытой въ негодныхъ сѣменахъ. Встрѣчается ли подобный человекъ уваженіе со всѣхъ сторонъ или ненавистное презрѣніе, онъ одинаково хочетъ быть властелиномъ, какъ Люциферъ, основавшій свои владѣнія въ міѳологическихъ подземельяхъ.

При холодной и высокопарной надменности, м-ръ Домби велъ себя, какъ необузданный тиранъ въ отношеніи къ своей первой женѣ. Онъ былъ для нея "господиномъ Домби" въ ту минуту, когда она увидѣла его въ первый разъ, и остался для нея "господиномъ Домби", когда она умерла. Въ продолженіе всей супружеской и жизни онъ ни разу не переставалъ обнаруживать передъ ней свое недостижимое величіе, и она, съ своей стороны, ни разу не переставала подчиняться всѣмъ его капризамъ. Онъ всегда засѣдалъ на вершинѣ своего трона, а она скромно занимала свое мѣсто на нижнихъ ступеняхъ этого сѣдалища. Женившись теперь во второй разъ, онъ рассчиталъ, что характеръ его другой жены, непреклонный для всѣхъ, согнется, однако, подъ тяжестью того ярма, подъ которымъ онъ ее закабалитъ. Онъ воображалъ, что, при высокомеріи Эдию, его собственная величавость будетъ выдаваться съ особенною рельефностью. Ему и въ голову не приходила возможность смѣлаго сопротивления его деспотической власти. И вотъ теперь, на каждомъ шагу его ежедневной жизни, передъ нимъ холодное, гордое, непреклонное лицо его жены. Его собственная гордость, по естественному ходу вещей, пустила новые отпрыски отъ своего плодovitаго корня и сдѣлалась сосредоточеннѣе, угрюмѣе, мрачнѣе, брюзгливѣе, неуступчивѣе.

Такимъ образомъ, кто носить эти желѣзныя латы, носить вмѣстѣ съ ними неисцѣлимую язву въ своемъ сердцѣ, и нѣтъ ему средства прійти въ мирное отношеніе съ окружающимъ свѣтомъ. Онъ огражденъ противъ всякой симпатіи, противъ всякой нѣжности, всякаго сочувствія, углубляются неисцѣлимые раны съ каждымъ днемъ, хотя ихъ наноситъ собственная рука, вооруженная гордостью.

Были такія раны въ его сердцѣ. Онъ чувствовалъ ихъ болѣзненность посреди одиночества въ своихъ великолѣпныхъ комнатахъ, въ которыхъ теперь опять по-прежнему проводилъ онъ по цѣлымъ часамъ, какъ затворникъ, отдѣленный отъ свѣта. Онъ чувствовалъ, что ему суждено быть гордымъ и могущественнымъ, и между тѣмъ не видѣлъ никакого благоговѣнія къ своей особѣ тамъ, гдѣ ему слѣдовало быть всемогущимъ. Кто устроилъ эту судьбу? Чье предопредѣленіе тяготѣетъ надъ его жизнью?

Чье? Кто пріобрѣлъ безпредѣльную любовь его жены, когда она лежала на смертномъ одрѣ? Кто отнялъ у него новую побѣду надъ сердцемъ его сына? Кто, однимъ словомъ, мотъ сдѣлать больше, чѣмъ самъ онъ со всѣми своими средствами? Онъ отнялъ отъ этой особы свою любовь, свое вниманіе, свою заботливость, и однако жъ она процвѣтала, прекрасная какъ ангелъ, между тѣмъ какъ все, что дорого была для его сердца, умирало при первомъ вступленіи въ жизнь. Кто преграждалъ ему дорогу на всѣхъ ступеняхъ его дѣятельности, какъ не эта же

особа, которую онъ презиралъ въ дѣтствѣ и къ которой питалъ теперь въ своемъ сердцѣ рѣшительную ненависть?

Да и трудно теперь ему высвободиться отъ этого чувства, хотя онъ не могъ удержаться отъ пріятнаго изумленія при взглядѣ на это невинное созданіе, которое съ такою любовью обвилось вокругъ его шеи послѣ его возвращенія съ молодою женою. Онъ зналъ теперь, что она прекрасна, онъ не могъ не согласиться, что она привлекательна, и яркій расплѣтъ ея женственныхъ прелестей пробуждалъ во всѣхъ невольное изумленіе. Но и это обстоятельство въ глазахъ его обращалось къ ея же вреду. Несчастный, онъ понималъ свое отчужденіе отъ всякаго человѣческаго сердца, и между тѣмъ осмѣливался питать неопредѣленную жажду любви, которую онъ отвергалъ всю свою жизнь. Въ его душѣ обрисовывалась изуродованная картина его правъ, и въ то же время сознаніе собственной неправды отнимало у него всякую возможность примиренія съ самимъ собою. Чѣмъ достойнѣе она казалась въ его глазахъ, тѣмъ большее требованіе онъ готовъ былъ противопоставить ея покорности и подчиненію. Когда же, въ самомъ дѣлѣ, она обнаруживала передъ нимъ свою покорность? Развѣ она составляла красу его жизни или Эдию? Развѣ ея прелести обнаруживались первоначально для него или для Эдию? Да, онъ и она никогда не были другъ къ другу въ такихъ отношеніяхъ, какъ отецъ и дочь, они всегда были отчуждены, и теперь развѣ она не преграждала дорогу къ его счастью? Ея красота смягчила натуру, которая упорно противится его вліянію: неестественное и вмѣстѣ ненавистное торжество.

Могъ на это м-ръ Домби посмотрѣть съ другой точки зрѣнія, и, въ такомъ случаѣ, торжество его дрчери послужило бы для него поводомъ перемѣнить къ ней свои отношенія, но онъ подавилъ въ себѣ всякое человѣческое чувство, и только одна гордость управляла движеніями его души. Онъ ненавидѣлъ свою дочь!

Теперь этому мрачному демону, терзавшему его душу, Эдию противопоставила во всей полнотѣ свою собственную гордость. Какъ мужъ и жена, они счастливыми никогда не могли быть; но ничто не способно было сдѣлать ихъ столь несчастными, какъ упорная борьба этихъ сходныхъ и вмѣстѣ чудовищно-противоположныхъ началъ. Онъ хотѣлъ противопоставить ей свое величавое властительство и вынудить отъ нея признаніе своихъ правъ; она, съ своей стороны, готова была выдержать смертельную пытку, и лицо ея даже предъ послѣднимъ издыханіемъ было бы проникнуто неукротимымъ презрѣніемъ къ этому властелину. Объявлять свои права на Эдию ему, м-ру Домби! Какъ мало подозрѣвалъ онъ, какая буря разыгралась въ ея душѣ передъ тѣмъ, когда брачный вѣнецъ возложенъ былъ на ея голову.

М-ръ Домби рѣшился, наконецъ, показать, что онъ былъ властелинъ, и что кромѣ него не должно быть другой воли. Гордый самъ, онъ желалъ видѣть и въ ней такое же свойство, но не къ нему должна была относиться ея гордость. Сидя одинъ въ своемъ кабинетѣ, онъ свирѣпѣлъ отъ представленія, что его жена разлѣзаетъ по всему городу, не обращая никакого вниманія на его неблагоклонность и неудовольствіе, какъ-будто онъ былъ только ея конюхомъ. Ея холодное, высокомерное равнодушіе вонзалось острымъ кинжаломъ въ его честолюбивое сердце, и онъ рѣшился пробудить въ ней сознаніе ея долга.

Думая нѣсколько сутокъ сряду объ этомъ важномъ предметѣ, онъ въ одну ночь рѣшился отправиться въ ея отдѣленіе, какъ скоро ему было доложено о ея позднемъ возвращеніи домой. Эдию сидѣла одна въ своемъ великолѣпномъ платьѣ и не ожидала никакого визита. Ея лицо выражало глубокую задумчивость, когда онъ вошелъ въ ея комнату; но фізіономія красавицы тотчасъ же измѣнилась, и м-ръ Домби увидѣлъ въ противоположномъ зеркалѣ отраженіе ея нахмуренныхъ бровей.

- М-съ Домби, – сказалъ онъ при входѣ, – миѣ надобно сказать вамъ нѣсколько словъ.
- Завтра, – отвѣчала Эдию.

– Всего лучше теперь, м-сь Домби. Вы ошибаетесь в своем положении. Я привык сам назначать время и не требую такого назначения от других. Кажется, вы совсем не понимаете, кто я и что я для вас, м-сь Домби.

– Надюсь, что я понимаю это очень хорошо.

Сказав это, она сложила на груди свои бѣлыя руки, украшенныя золотомъ и брилліантами, и отвортила отъ него свои глаза.

Будь она менѣ прекрасна и величественна въ своей холодной позѣ, впечатлѣніе, произведенное на м-ра Домби, могло бы быть для нея болѣе благопріятнымъ. Но гордый супругъ во всей ея фигурѣ замѣтилъ выраженіе власти, обдавшей его холодомъ съ ногъ до головы. Онъ осмотрѣлся кругомъ комнаты; тамъ и сямъ въ беспорядкѣ разбросаны были драгоценныя принадлежности ея туалета, разбросаны не по безопасности, не по капризу, а изъ полного и упорнаго презрѣнія ко всѣмъ этимъ драгоценностямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ м-ръ Домби и былъ увѣренъ, что думалъ справедливо. Гирлянды, плюмажи, драгоценныя камни, кружева, шелковыя и атласныя матеріи, – все это было скомкано кое-какъ, и ни на что не обращалось никакого вниманія. Самые брилліанты – брачный подарокъ – вздымались и волновались на ея груди съ какимъ-то нетерпѣніемъ, какъ будто хотѣли насильственно разорвать золотую цѣпь на ея шеѣ.

М-ръ Домби почувствовалъ невыгоду своего положенія и на этотъ разъ не скрылъ своего чувства. Станный и торжественный среди этой груды роскошной мишуры, онъ вполнѣ сознавалъ свою неловкость, и уже начиналъ бросать презрительныя взгляды на гордую красавицу, величавыя позы которой отражались въ роскошныхъ зеркалахъ. Встревоженный и раздраженный, онъ, наконецъ, сѣлъ и продолжалъ такимъ образомъ:

– М-сь Домби, между нами, какъ видно по всему, произошло нѣкоторое недоразумѣніе. Намъ должно объясниться. Ваше поведеніе, сударыня, мнѣ не нравится.

Эдиѣ опять только взглянула на него и опять немедленно отвернула глаза; но это мимолетное движеніе стоило многихъ страницъ блистательной рѣчи.

– Повторяю, м-сь Домби, ваше поведеніе мнѣ не нравится. Оно должно быть исправлено; я уже имѣлъ случай говорить вамъ объ этомъ и теперь возобновляю свое требованіе.

– Вы выбрали удобный случай для вашего перваго упрека, сэръ, и теперь принимаете удобную манеру повторить вашъ второй упрекъ. Вы возобновляете свои требованія? С_л_у_ш_а_ю, сэръ, продолжайте!

– Я сдѣлалъ васъ своею женою, сударыня, – началъ м-ръ Домби оскорбительновеличавымъ тономъ. – Вы носите мое имя. Ваша судьба связана съ моимъ положеніемъ и моею репутаціею. Не считаю нужнымъ говорить, за какую честь вмѣняетъ вамъ общество такую связь; но я долженъ сказать, что привыкъ вокругъ себя видѣть приличную зависимость и подчиненность и не п_о_т_е_р_п_л_ю ихъ нарушенія, въ особѣ, до которой это касается ближайшимъ образомъ.

Эдиѣ пристально взглянула на своего властелина. Ея губы дрожали, грудь волновалась, лицо попеременно блѣднѣло и покрывалось багровымъ румянцемъ. Все это видѣлъ и понималъ м-ръ Домби; но онъ не видѣлъ и не понималъ, что одно слово удерживало еще взрывы гордой красавицы, и это слово было – Флоренса?

Глупецъ! онъ думалъ, что Эдиѣ начинаетъ е_г_о_б_о_я_т_ь_с_я!

– Вы слишкомъ неразсчетливы, сударыня, – продолжалъ м-ръ Домби, – и ваши поступки переступаютъ за предѣлы благоразумія. Вы слишкомъ много тратите денегъ, заводя свѣтскія связи, совершенно бесполезныя для меня. Вамъ давно слѣдовало образумиться и понять, какъ это для меня непріятно. Я требую, чтобы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ произведена была совершенная перемѣна. Я знаю, что при новизнѣ положенія, которое вдругъ позволяетъ располагать огромными средствами, женщины способны впадать въ противоположную крайность. Ваши

крайности слишком чрезмѣрны и требуютъ ограниченія. Желая, чтобы м-съ Грейнджеръ воспользовалась своими прежними опытами для благоразумія, какое требуется отъ м-съ Домби.

Тотъ же пристально устремленный взглядъ, дрожащія губы, волнуемая грудь, лицо, попеременно блѣдное и багровое, и повторенный, насильственно-вырвавшийся изъ сердца шепотъ: Флоренса! Флоренса! служили отвѣтомъ м-ру Домби на его вступительную рѣчь.

Гордость м-ра Домби возвысилась еще болѣе, когда онъ замѣтилъ въ ней эту перемену. Раздутая сколько прежнимъ ея презрѣніемъ, столько же настоящею ея покорностью, она возвысилась до неимовѣрной степени въ его груди и перешла всѣ возможные предѣлы. Стало быть, теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что никто въ свѣтѣ не можетъ противиться его всеильнымъ распоряженіямъ! Онъ рѣшился усмирить свою жену, и усмирить едва ли не въ одно мгновеніе! Чего же больше?

– Далѣе, – продолжалъ м-ръ Домби тономъ верховнаго властительства, – вы должны понять съ отчетливою ясностью, что я привыкъ видѣть безпрекословное повиновеніе своей волѣ. Свѣтъ долженъ видѣть, что я теперь не отступилъ ни на шагъ отъ своихъ однажды принятыхъ и утвержденныхъ правилъ. Ваше повиновеніе – мое неотъемлемое право, и еще разъ я требую его разъ навсегда. Я возвелъ васъ на самую высокую ступень общественной лѣстницы, и, конечно, никто не будетъ изумленъ, если прежняя м-съ Грейнджеръ будетъ оказывать безпредѣльное повиновеніе м-ру Домби. Слышите ли вы это, м-съ Домби?

Ни одного слова въ отвѣтъ. Ни малѣйшей перемены въ лицѣ. Ея глаза попрежнему были обращены на него.

– Я слышалъ отъ вашей матушки, м-съ Домби, – продолжалъ м-ръ Домби съ величавой важностью, – что доктора рекомендуютъ брайтонскій воздухъ для ея здоровья. Это, конечно, знаете вы сами. М-ръ Каркеръ былъ такъ добръ...

Эдиѣ быстро измѣнилась. Ея лицо и грудь зардѣлись такимъ образомъ, какъ будто бы на нихъ отразился яркій свѣтъ угрюмаго солнечнаго заката. Замѣтивъ такую перемену, но объясняя ее къ совершенному своему удовольствію, м-ръ Домби продолжалъ:

– М-ръ Каркеръ былъ такъ добръ, что уже сѣзидилъ въ Брайтонъ и нанялъ тамъ временную квартиру. Послѣ вашего возвращенія въ Лондонъ, я приму необходимыя мѣры для введенія лучшаго порядка въ своемъ домѣ. Прежде всего, если удастся, я найму въ Брайтонѣ почтенную особу, по имени м-съ Пипчинъ, которая уже пользовалась значительнымъ довѣріемъ моего семейства. Ей будетъ поручена должность ключницы. Вы понимаете, что домъ, которымъ управляетъ м-съ Домби только по имени, а не на самомъ дѣлѣ, требуетъ особаго надзора.

Эдиѣ переменила свою позу еще прежде, чѣмъ онъ дошелъ до этихъ словъ. Ея глаза попрежнему были обращены на него, но она судорожно повертывала вокругъ своей руки драгоценный браслетъ, и новертывала съ такимъ отчаяннымъ усиліемъ, что на бѣлой рукѣ ея показалась багровая полоса.

– Еще одно замѣчаніе, м-съ Домби. Мнѣ показалось, что мой намекъ на м-ра Каркера вы приняли какимъ-то особеннымъ образомъ. Прежде вамъ угодно было изъявить свое неудовольствіе, когда въ присутствіи этого агента я сдѣлалъ вамъ замѣчаніе относительно холоднаго приема моихъ гостей. Вамъ придется, сударыня, преодолѣть подобныя чувства и приучиться заранѣе къ этимъ сценамъ, которыя, по всей вѣроятности, будутъ повторены; во всякомъ случаѣ, вы примите зависящія отъ васъ средства не подавать мнѣ впередъ повода къ жалобамъ на васъ же самихъ. М-ръ Каркеръ пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ, и, надѣюсь, вы, сударыня, удостоите его такого же довѣрія.

Здѣсь м-ръ Домби еще разъ взглянулъ на свою супругу и окончательно убѣдился, что подчинилъ ее своей власти. Съ минуту не говорилъ онъ ни слова, спокойно наслаждаясь своимъ торжествомъ. Его гордость, какъ и слѣдовало ожидать, получила въ этотъ промежутокъ значительное приращеніе, и онъ уже продолжалъ болѣе рѣшительнымъ и самовластнымъ тономъ:

– Надѣюсь, м-сь Домби, вы избавите меня отъ необходимости посылать къ вамъ м-ра Каркера съ выговорами и замѣчаніями относительно вашего поведенія. Всякія мелкія ссоры, вы понимаете, несовмѣстны ни съ моимъ положеніемъ въ свѣтѣ, ни съ моими личными достоинствами, и я бы желалъ окружить соотвѣтствующимъ уваженіемъ даму, которая возведена мною на блистательную степень высоты. Если же вы не воспользуетесь этимъ урокомъ, м-ръ Каркеръ не замедлитъ явиться съ неприятнымъ порученіемъ повторить вамъ мою волю.

Затѣмъ м-ръ Домби горделиво всталъ со стула и нриготовился выйти изъ комнаты, повторяя самому себѣ:

– Теперь она знаетъ меня и понимаетъ мои рѣшенія.

Рука, сжимавшая браслетъ, теперь съ такимъ же волненіемъ перенеслась на грудь. Не измѣняя своего лица, Эдиѡ сказала, наконецъ, тихимъ голосомъ:

– Погодите! Ради Бога, погодите! – Почему же не говорила она прежде? Какая внутренняя борьба отнимала у нея языкъ въ эти минуты, когда она вперила въ него свой пытливый взоръ съ неподвижностью статуи, взоръ, не выражавшій ни ненависти, ни любви, ни гордости, ни униженія, ни покорности, ни сопротивленія?

– Развѣ я искушала васъ искать моей руки? Развѣ я употребляла какое-нибудь средство побѣдить васъ? Была ли я къ вамъ болѣе благосклонною, когда вы меня добивались или послѣ совершенія нашего брака? Развѣ теперь я не та же, какою была прежде?

– Не къ чему входить во всѣ эти подробности, – сказалъ м-ръ Домби.

– Неужели вы думали, что я васъ любила? неужели вы не знали, что я не могу васъ любить? Гордый человекъ, заботились ли вы пріобрѣсти мое сердце? Рѣшались ли вы когда-нибудь позаботиться о такой ничтожной вещи? Было ли объ этомъ произнесено хоть одно слово въ нашей торговой сдѣлкѣ, съ вашей и моей стороны?

– Эти вопросы, сударыня, не имѣютъ никакой связи съ моими намѣреніями.

Эдиѡ быстро поднялась съ мѣста и остановилась между дверью и мужемъ, чтобы загородить ему дорогу. Она вытянулась во весь ростъ, и ея взоръ прямо упалъ на его глаза.

– Вы отвѣтили мнѣ на каждый изъ этихъ вопросовъ, отвѣтили прежде, чѣмъ я заговорила, и могли ли не отвѣчать, когда вамъ извѣстна жалкая истина во всей ея наготѣ. Теперь скажите, если бъ я любила васъ до обожанія, могла ли бы не предаться вамъ всѣмъ существомъ своимъ, какъ вы этого требуете? Если бы мое сердце находило въ васъ божество, если бы оно было чисто и неиспытано, могли ли бы вы въ настоящій часъ явиться ко мнѣ со своими упреками и наставленіями?

– Вѣроятно, нѣтъ, – холодно отвѣчала м-ръ Домби.

– Теперь вы знаете меня, – продолжала Эдиѡ, устремивъ на него тотъ же пронизательный взглядъ, – вы смотрите теперь на мои глаза, и конечно читаете пламень страсти, пылающій на моемъ лицѣ... Вы знаете всю мою исторію, вы заговорили о моей матери. Неужели вы думаете, что тѣмъ или другимъ способомъ вы можете меня унижить до покорности и повиновенія вамъ?

М-ръ Домби улыбнулся точно такъ, какъ могъ бы улыбнуться при вопросѣ, можетъ ли онъ поднять десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. М-сь Домби, поднявъ свою руку, продолжала:

– Если, при необыкновенныхъ чувствахъ, есть въ моихъ словахъ что-нибудь необыкновенное, то ничего, по крайней мѣрѣ, не будетъ необыкновеннаго въ этой апелляціи, которую я намѣрена вамъ сдѣлать. Смысль ея очень ясенъ, и вы должны меня выслушать.

М-ръ Домби принужденъ былъ сѣсть на софу. Ему показалось, что на глазахъ Эдиѡ сверкали слезы, возбужденныя, какъ онъ думалъ, его строгою рѣчью.

– Если теперь я рѣшилась высказывать мысли, почти невѣроятныя для меня самой, и высказывать человекъ, который сдѣлался моимъ мужемъ, при томъ такому мужу, какъ вы, м-ръ Домби, то, надѣюсь, вы поймете, можетъ быть, важность моего объясненія. Впереди передъ

нами мрачная цѣль: если бы намъ однимъ суждено было достигать до нея, бѣда была бы небольшая, но къ судьбѣ нашей припутаны другія.

Другія! м-ръ Домби догадывался, кого должно разумѣть подъ этими другими, и нахмурилъ брови.

– Я говорю вамъ ради этихъ другихъ: ихъ судьба одинаково касается и васъ и меня. Со времени нашей свадьбы вы поступали со мной горделиво, и я оплачивала вамъ тою же монетой. Каждый день и каждый часъ вы показывали всѣмъ на свѣтѣ, что я не помню себя отъ радости, удостоившись чести сдѣлаться вашей супругой. Я, съ своей стороны, не чувствовала никакой радости и показывала другимъ, что не чувствую. Вы не хотите понимать, что каждый изъ насъ идетъ своей особой дорогой, а между тѣмъ ожидаете отъ меня постоянной внимательности и уваженія, котораго никогда вамъ не дожидаться.

Это «никогда» произнесено было съ оглушительною выразительностью.

– Я не чувствую къ вамъ никакой нѣжности, – это вы знаете. Вы и не заботитесь о ласкахъ своей жены, если бы даже у ней доставало глупости быть съ вами любезной. Въ васъ не бывало и нѣтъ даже тѣни супружеской любви. Но такъ или иначе, мы связаны неразрывно, и въ этомъ несчастномъ узлѣ, который спутываетъ насъ, запутаны и другіе. Мы оба должны умереть; но мы оба до самой смерти соединены общимъ участіемъ въ судьбѣ ребенка. Станемъ уступать другъ другу!

М-ръ Домби поднялъ голову, перевелъ духъ и будто хотѣлъ сказать: "о, только-то!" Глаза Эдиѳи засвѣтились необыкновеннымъ блескомъ, и лицо ея поблѣднѣло какъ мраморъ.

– Этихъ словъ и значенія, съ ними соединеннаго, не купить отъ меня никакими сокровищами міра. Если разъ вы отвергнете ихъ, какъ бессмысленные звуки, будьте увѣрены, никакое богатство и никакая власть не заставятъ меня къ нимъ возвратиться. Я ихъ обдумывала давно, взвѣсила всю ихъ важность и не измѣнила великой истинѣ, сокрытой въ ихъ значеніи. Если вы согласитесь на уступки, съ своей стороны, я могу обѣщать такую же уступчивость. Мы – самая несчастная чета, и различныя причины искоренили въ каждомъ изъ насъ всякое чувство, которое благославляетъ или оправдываетъ супружество; но съ теченіемъ времени могли бы еще между нами водвориться нѣкоторыя дружественныя отношенія. По крайней мѣрѣ, я стану стараться объ этомъ, если и вы употребите такое же стараніе. Заглядывая въ будущность, я могу обѣщать лучшее и болѣе счастливое употребленіе изъ своей жизни, нежели то, какое было сдѣлано мною изъ первыхъ лѣтъ моей молодости.

Все это произнесено было тихимъ и ровнымъ голосомъ безъ повышенія и пониженія. Окончивъ рѣчь, она опустила свою руку, но глаза ея продолжали съ одинаковою внимательностью наблюдать физиономію мужа.

– Милостивая государыня, – сказалъ м-ръ Домби съ искреннимъ достоинствомъ, – я не могу согласиться на такое необыкновенное предложеніе.

Не измѣняясь въ лицѣ, Эдиѳъ все еще смотрѣла на него.

– Я не могу, – продолжалъ м-ръ Домби, возвышая голосъ, – заключать съ вами никакихъ условій, никакихъ договоровъ. Все и всегда будетъ зависѣть отъ моего собственнаго мнѣнія. Я сказалъ свое п_о_с_л_ѣ_д_н_е_е_с_л_о_в_о, свой ultimatum, сударыня, и требую, чтобы вы серьезно объ этомъ подумали.

Съ какою быстротою измѣнилось теперь это лицо, прежде свѣтлое и спокойное! Какое зарево презрѣнія, негодованія, гнѣва, отвращенія запылало въ этихъ открытыхъ, черныхъ глазахъ при встрѣчѣ съ ненавистнымъ и низкимъ предметомъ! Не было больше тумана принужденности въ этой гордой фигурѣ, и м-ръ Домби къ невыразимому ужасу ясно прочелъ свой приговоръ.

– Ступайте вонъ, сэръ! – сказала она, указывая на дверь повелительною рукою, – наше первое и послѣднее объясненіе кончилось. Ничто съ этой минуты не можетъ насъ оттолкнуть сильнѣе другъ отъ друга.

– Я приму свои мѣры, сударыня, – сказала м-ръ Домби, – и вы можете быть увѣрены, грозныя восклицанія меня не испугаютъ.

Она поворотилась къ нему спиной и, не сказавъ ни слова, сѣла передъ зеркаломъ.

– Время, надѣюсь, образумитъ васъ, сударыня, и возвратитъ къ своему долгу. Совѣтую вамъ успокоиться.

Эдиѡ не отвѣчала. М-ръ Домби не замѣтилъ въ зеркалѣ никакого вниманія къ его особѣ, какъ будто онъ былъ невидимымъ паукомъ на стѣнѣ, или тараканомъ на полу, или, наконецъ, такую гадиною, о которой не стоитъ думать, какъ скоро ее раздавили своими ногами.

Выходя изъ дверей, онъ оглянулся еще разъ на роскошную и ярко освѣщенную комнату, посмотрѣлъ на драгоцѣнные, въ беспорядкѣ разбросанные предметы, фигуру Эдиѡи въ ея богатомъ платьѣ и на лицо Эдиѡи, отражавшееся въ зеркалѣ. Постоявъ съ минуту, онъ побрелъ въ свою храмину философическаго размышленія, унося въ душѣ живой образъ всѣхъ вещей и несказанно удивляясь, какъ все это случилось въ его присутствіи.

Впрочемъ, м-ръ Домби ни мало не уронилъ своей важности и надѣялся, что всѣ дѣла устроятся къ его благополучію. При такомъ мнѣніи онъ и остался.

Онъ не располагалъ провожать лично свою семью въ Брайтонъ; но поутру въ день отъѣзда, случившагося очень скоро, онъ граціозно извѣстилъ Клеопатру, что не замедлитъ въ скоромъ времени лично освѣдомиться о ея здоровьи. Клеопатра должна была торопиться къ цѣлительнымъ водамъ, такъ какъ ея грѣшное тѣло разрушалось слишкомъ замѣтно.

Не было покамѣстъ никакихъ признаковъ втораго паралича, но старуха еще не оправилась отъ перваго удара. Ея немощи увеличивались со дня на день, и въ ея умственныхъ способностяхъ происходила страшная путаница. Потемнѣвшая память выворачивала передъ нею всѣ предметы на изнанку, и съ нѣкотораго времени она получила странную привычку перемѣшивать имена двухъ своихъ зятей, мертваго и живого. Иной разъ м-ръ Домби являлся ей подъ фигурой покойнаго воина, и она безразлично называла его «Грэйнжби» или "Домберъ".

При всемъ томъ м-съ Скьютонъ была молода, даже очень молода, и въ день отъѣзда явилась къ завтраку въ шегольскомъ дѣвичьемъ нарядѣ. На ней была новая, нарочно для этого случая заказанная шляпка и дорожное платье, вышитое въ магазинѣ первой модистки. Не легко было устроить въ приличномъ видѣ цвѣты на ея дѣвственномъ челѣ или поддерживать шляпку на затылкѣ ея головы, качавшейся безъ всякой надобности. Шляпка страннымъ образомъ сваливалась всегда на одинъ бокъ, и горничная Флоуэрсъ должна была безпрестанно поправлять головной уборъ своей госпожи.

– Любезнѣйшій Грэйнжби, вы должны непрем... общ... – м-съ Скьютонъ получила привычку сокращать большую часть своихъ словъ, – повидаться съ нами какъ можно скорѣе.

– Я уже сказала, сударыня, – отвѣчала м-ръ Домби съ обыкновенною важностью, – что дня черезъ два я приѣду въ Брайтонъ.

– Спасибо, Домберъ!

Въ завтракѣ принималъ участіе и майоръ Багстокъ, который пришелъ проститься съ отъѣзжавшими дамами. Онъ сказалъ:

– Помилуй Богъ, сударыня, вы совсѣмъ не думаете о старомъ Джоѣ и не хотите, чтобы онъ заѣхалъ навѣстить васъ.

– "Таинственный" злодѣй, кто ты такой? – пролепетала Клеопатра.

Въ это время горничная Флоуэрсъ стукнула по ея шляпкѣ, какъ-будто хотѣла пособить ея памяти. М-съ Скьютонъ прибавила: – о, это ты, негодное созданье!

– Чертовски странная исторія, – шептала майоръ м-ру Домби, – плохая надежда, сэръ; никогда она не закутывалась, какъ слѣдуетъ. – Майоръ былъ застегнутъ до подбородка. – Какъ вы могли, миледи, позабыть Джоя Багстока, старичину Джозефа, вашего всегдашняго раба? Онъ здѣсь налицо, къ вашимъ услугамъ. Его мѣхи раздуваются для васъ, – кричала майоръ, энергически ударя себя по груди.

– Милая моя, Эдию Грэйнджи, – запищала Клеопатра, – диковинная вещь, что майорь...
– Багстокъ! Джозефъ Багстокъ! – вскрикнулъ майоръ, увидѣвъ, что она не можетъ припомнить его имени.

– Ну, все равно, о чемъ тутъ хлопотать? – сказала Клеопатра. – Эдию, мой ангелъ, ты знаешь, я никогда не могла запоминать именъ – о, какъ бишь это? – диковинная вещь, что всякій собирается навѣщать меня. Я ѣду не надолго. Я скоро ворочусь. Можетъ подождать, кто хочетъ меня видѣть.

Говоря это, Клеопатра осмотрѣлась вокругъ стола, и ея видъ выражалъ крайнюю встревоженность.

– Зачѣмъ мнѣ гости? не нужно мнѣ гостей, я хочу быть одна. Немножко покою, да поменьше всякихъ дѣлъ, – вотъ все чего я желаю. Гадкія твари не должны ко мнѣ приближаться, пока я не освобожусь отъ этого состоянія.

И, кокетничая, она хотѣла ударить майора своимъ вѣеромъ, но вмѣсто того опрокинула чашку м-ра Домби, которая стояла далеко отъ майора.

Потомъ м-съ Скьютонъ подозвала Витерса и строго приказала ему смотрѣть за ея комнатою. Тамъ, говорила она, нужно сдѣлать нѣсколько мелочныхъ перемѣнъ до ея возвращенія. Витерсъ тотчасъ же долженъ былъ приняться за выполненіе этого порученія, такъ какъ могло статься, что она на этихъ же дняхъ воротится изъ Брайтона въ удовлетворительномъ состояніи здоровья. Витерсъ выслушалъ приказаніе съ приличнымъ подобострастіемъ и обѣщаль совершенное повиновеніе; но, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ своей госпожи, онъ невольно взглянулъ страннымъ образомъ на майора, а майоръ невольно взглянулъ страннымъ образомъ на м-ра Домби, а м-ръ Домби также невольно взглянулъ страннымъ образомъ на Клеопатру, а Клеопатра невольно тряхнула головой и, забарабанила по тарелкѣ ложкой и вилкой, какъ будто эти инструменты были игральными кастаньетами.

Одна Эдию во время завтрака ни на кого не подымала глазъ и, казалось, не была огорчена ни словами, ни поступками своей матери. Она слушала ея безсвязную болтовню или, по крайней мѣрѣ, когда нужно, обращала къ ней свою голову и давала лаконическіе отвѣты. Когда м-съ Скьютонъ слишкомъ завиралась или забывала начатую рѣчь, Эдию однимъ словомъ выводила ее на настоящую дорогу. Несмотря на страшную запутанность идей, немощная мать была, однако, вѣрна себѣ въ одномъ пунктѣ – въ томъ, что постоянно наблюдала за дочерью. Она смотрѣла на ея прекрасное, строгое лицо или съ видомъ боязливаго удивленія, или съ судорожными гримасами, которыя должны были представлять улыбку, и тутъ же, воображая ея презрѣніе, она начинала хныкать и мотать головой. Все это показывало, что преобладающая мысль глубоко запала въ ея душу и ни мало не утратила своей энергіи. Отъ Эдию иногда она обращалась къ Флоренсѣ, но тутъ же опять голова ея кивала на Эдию.

Послѣ завтрака, м-съ Скьютонъ, поддерживаемая съ одной стороны горничною Флоуэрсъ и подпираемая сзади долговязымъ пажемъ, кокетливо оперлась на руку майора и побрела къ экипажу, который долженъ былъ отвезти въ Брайтонъ ее, Флоренсу и Эдию.

– А развѣ Джозефъ подвергается совершенному изгнанію? – сказалъ майоръ, вспрыгнувъ на ступени кареты и выставя впередъ свое багровое лицо. – Чортъ побери! неужели жестокосердая Клеопатра запретитъ вѣрному Антонію показываться на ея глаза.

– Отойди прочь, – воскликнула Клеопатра, – терпѣть тебя не могу. Можешь навѣщать меня, когда я ворочусь, только веди себя хорошенько.

– Позвольте вѣрному Джозефу питать надежды, миледи, или онъ умретъ съ отчаянія, – воскликнулъ майоръ.

Клеопатра вздрогнула и отпрянула назадъ.

– Милая Эдию, – запищала она, – скажи этому человѣку...

– Что?

– Какъ онъ смѣеть!.. о Боже мой, какъ онъ смѣеть въ моемъ присутствіи произносить такія страшныя слова.

Эдиѡ движеніемъ руки приказала ѣхать, и карета двинулась впередъ. Оставшись наединѣ съ м-ромъ Домби, майоръ, закладывая руки назадъ, воскликнулъ съ таинственнымъ видомъ:

– Сэръ, вы должны услышать отъ меня непріятную истину: нашъ прекрасный другъ переѣхалъ въ странную улицу.

– Что вы хотите этимъ сказать, майоръ?

– Да то, что вы скоро осиротѣете, почтеннѣйшій Домби, бѣдный сынъ!

Это шуточное обращеніе, казалось, вовсе не понравилось Домби, и майоръ, кашлянувъ два, три раза, счелъ необходимымъ принять серьезное выраженіе.

– Чортъ побери, – сказалъ онъ, – бесполезно было бы скрывать истину. Старина Джо, сударь мой, видитъ насквозь человѣческую натуру, и это, прошу извинить, его всегдашній талантъ. Если вы понимаете старика, вы должны понимать его такимъ, каковъ онъ есть. Старина, сударь мой, тертый калачъ и перебивалъ тысячу разъ во всякихъ тискахъ. Домби, мать вашей жены – на порогѣ вѣчности!

– Конечно, м-съ Скьютонъ очень разстроена, – возразилъ м-ръ Домби съ глубокомысліемъ философа.

– Разстроена, Домби! – сказалъ майоръ, – она сокрушена и разбита вдребезги.

– Перемѣна воздуха и медицинскія пособія, надѣюсь, еще могутъ возстановить ея силы.

– Нѣтъ, сэръ, не надѣйтесь. Чортъ побери, сэръ, она никогда не закутывалась какъ слѣдуетъ; а если человѣкъ не закутывается какъ слѣдуетъ, – продолжалъ майоръ, застегивая верхнія пуговицы своего сюртука, – то ему не на что опереться впереди. Умереть она, сударь мой, должна умереть, и нѣтъ для нея никакого спасенія. Я говорю безъ прикрасъ, Домби, безъ фигуръ, безъ утонченности. Продувной старикашка видѣлъ свѣтъ, и желалъ бы я знать, въ чемъ и когда ошибался великобританскій майоръ, Джозефъ Багстокъ.

Сообщивъ это драгоцѣннѣйшее свѣдѣніе, майоръ немедленно потащился со своими раковыми глазами и апоплексическими свойствами въ извѣстный клубъ, и тамъ ухмылялся во весь остатокъ дня, набивая свое чрево жирнымъ ростбифомъ и заливая горло шотландскимъ пивомъ.

Въ тотъ же вечеръ прелестная Клеопатра благополучно прибыла въ Брайтонъ и, разобранная на части, отправилась въ постель, гдѣ она предетавляла образчикъ самаго чуднаго скелета, достойнаго кисти художника.

На консиліумѣ докторовъ было рѣшено, что м-съ Скьютонъ будетъ выѣзжать на морской берегъ, и было бы не худо, еслибъ ея в-пр-во дѣлала маленькія прогулки пѣшкомъ. Эдиѡ всегда съ неизмѣнною точностью ухаживала за своею матерью, и онѣ выѣзжали всегда вдвоемъ. Теперь, когда Клеопатра заживо начала разлагаться на составные элементы, Эдиѡ чувствовала особенную неловкость отъ присутствія Флоренсы и, поцѣловавъ ее, она сказала, что желала бы оставаться съ матерью наединѣ.

Однажды м-ръ Скьютонъ была особенно въ ревнивомъ и брюзгливомъ расположеніи духа, которое быстро развилось въ ней послѣ перваго паралича. Мать и дочь по обыкновенію молча ѣхали въ каретѣ. М-съ Скьютонъ, полюбовавшись на Эдиѡ, вдругъ схватила ея руку и начала покрывать нѣжными поцѣлуями. Рука оставалась неподвижною во все время этихъ нѣжностей, какъ будто не было въ ней ни малѣйшей способности къ обнаруженію чувствительности. М-съ Скьютонъ начала вздыхать, хныкать, стонать, говоря въ миллионный разъ, что она мать, и что неблагодарное дѣтище ее забываетъ. Эта сцена возобновилась и теперь при выходѣ изъ кареты, когда старуха, поддерживаемая Витерсомъ и опираясь на свой костыль, прихрамывая, собралась идти пѣшкомъ по морскому берегу; карета ѣхала сзади, а Эдиѡ пошла немного поодаль отъ своей матери.

Быль пасмурный, вѣтряный день. Мать и дочь гуляли однѣ. М-съ Скъютонѣ по обыкновенію напѣвала вполголоса свои монотонныя жалобы; Эдиѣ по обыкновенію шла поодаль, не говоря ни слова. Вдругъ передъ ними появились двѣ женскія фигуры, до того похожія на нихъ самихъ, что Эдиѣ остановилась.

Почти въ то же время остановились и фигуры. Одна, въ которой Эдиѣ признавала уродливую тѣнь своей матери, заговорила о чемъ-то съ большой важностью, дѣлая прямо на нихъ указательные жесты, послѣ чего другая фигура выступила впередъ, и Эдиѣ съ невольнымъ ужасомъ замѣтила въ ней подобіе самой себя. Продолжая вглядываться въ этихъ странныхъ женщинъ, Эдиѣ увидѣла, что онѣ одѣты были весьма бѣдно, какъ бродяги, таскающіяся по захолустьямъ городовъ. Молодая женщина несла какое-то рукодѣлье, вѣроятно, на продажу; старуха переваливалась съ пустыми руками.

И между тѣмъ, несмотря на безконечную разницу въ костюмѣ, въ осанкѣ, въ красотѣ, Эдиѣ невольно продолжала дѣлать сравненіе между собой и этой молодой женщиной. Быть можетъ, она замѣтила на ея лицѣ тѣ же слѣды, которые еще оставались въ ея собственной душѣ. Когда, въ свою очередь, женщина, выступая впередъ, устремила на нее свой пронизательный взглядъ, выражавшій, казалось, такія же мысли, Эдиѣ почувствовала невольную дрожь, какъ будто погода перемѣнилась, и ее обдало пронзительнымъ дуновеніемъ вѣтра.

Обѣ пары теперь сошлись. Старуха, протягивая руку, начала просить милостыню у м-съ Скъютонѣ. Молодая женщина и Эдиѣ, останавливаясь одна противъ другой, обмѣнялись значительными взглядами.

– Что вы продаете? – спросила Эдиѣ.

– Только вотъ эти лохмотья, – небрежно отвѣчала молодая женщина, выставя свой товаръ. – Прежде я продавала самое себя.

– Не вѣрьте ей, добрая леди, – прокаркала старушенка, обращаясь къ м-съ Скъютонѣ, – не вѣрьте, что она говоритъ. Она любитъ болтать разный вздоръ. Это моя красотка, моя непокорная дочь. Я только и слышу отъ нея упреки да перебранки за все, что для нея сдѣлала. Она и теперь своими глазами бранитъ бѣдную старуху-мать.

Когда м-съ Скъютонѣ дрожавшею рукою вытащила кошелекъ, чтобы достать денегъ, голова ея почти стукнулась съ головою нищей, которая жадно впиалась глазами въ золотыя и серебряныя деньги.

– Кажется, я видала васъ гдѣ-то, – сказала Эдиѣ, – обращаясь къ старухѣ,

– Видѣли, моя красавица, – промямлила нищая, дѣлая отвратительный книксеиъ. – Въ Уоррикѣ. Въ рошѣ. Поутру между деревьями. Вы не хотѣли мнѣ дать ни полушки, а добрый джентльмень далъ, и много далъ, спасибо ему!

Говоря это, старуха подняла костлявую руку и выдѣлывала страшныя гримасы, обращенныя къ м-съ Домби.

– Но къ чему останавливать меня, Эдиѣ, – сказала м-съ Скъютонѣ, съ гнѣвомъ предупреждая возраженія дочери. – Это превосходная женщина и добрая мать, я увѣрена въ этомъ. Ты ничего не знаешь.

– Спасибо, добрая леди, спасибо! – бормотала старуха, протягивая свою жадную руку. – Награди васъ Богъ; вы, какъ и я, превосходная мать.

– И увѣрю мисъ, другъ мой, – всхлипывала м-съ Скъютонѣ – и у меня тоже непокорная дочь, неблагодарная за всѣ мои заботы. Дайте руку. Вотъ такъ. Вы женщина съ чувствомъ, съ душою, съ сердцемъ, и – что бишь еще? – ну, и прочая.

– О, да! моя леди, да!

– Да, я увѣрена въ этомъ. Мою дочку зовутъ Грэйнджи. Давайте опять руку, вотъ такъ. Теперь съ Богомъ, можете идти, и я надѣюсь, Эдиѣ, – продолжала м-съ Скъютонѣ, обращаясь къ дочери, – что теперь у тебя побольше будетъ вниманія попечительности и... чего бишь еще?

я всегда забываю имена. Ты научишься теперь уважать свою мать. На свѣтѣ не много такихъ матерей. Пойдемъ, Эдиѣ.

Когда развалины Клеопатры потащились впередъ съ жалобами и вздыханіями, нищая сттруха также заковыляла своей дорогой, нересчитывая поданныя деньги и самодовольно чавкая губами. Ни словомъ больше и ни однимъ жестомъ не обмѣнялись между собою Эдиѣ и молодая женщина, но ни на одно мгновеніе онѣ не спускали другъ съ друга своихъ пронизательныхъ глазъ. Въ этомъ наблюдательномъ положеніи онѣ оставались до той поры, пока, наконецъ, Эдиѣ, какъ бы пробужденная отъ сна, тихо двинулась впередъ.

– Ты прекрасная женщина, – бормотала жалкая копія Эдиѣи, смотря ей вслѣдъ, – но красота не спасаетъ нашу сестру. Ты гордая женщина, но гордость не спасаетъ нашу сестру. Намъ нечего теперь разглядывать другъ друга, когда-нибудь мы встрѣтимся опять!

Глава ХLI

Опять заговорили морскія волны, и какъ заговорили!

Ничего, однако. Въ Брайтонѣ по прїѣздѣ ея в-пр-ва м-съ Скьютонъ не произошло особыхъ перемѣнъ. Все постарому. Волны безъ умолку повторяютъ свои неизвѣданныя тайны, пыль столбами клубится по песчаному берегу; вѣтры и облака спѣшатъ впередъ въ заповѣданную даль; паруса, въ лунную ночь, какъ бѣлыя руки, безъ устали манятъ къ незримымъ областямъ.

Нѣжная, меланхолическая Флоренса опять задумчиво бродитъ по знакомымъ мѣстамъ, гдѣ она столько грустила, гдѣ была такъ счастлива, гдѣ они такъ часто бесѣдовали подъ говоръ волны, бросавшей брызги на его коляску. Флоренса думаетъ о немъ, и слышится ей въ бурномъ рокотѣ моря вся его исторія, всѣ мысли и чувства, всѣ слова, и находитъ она, что съ той поры ея собственная жизнь съ неопредѣленными надеждами и печальми въ пустынномъ домѣ и великолѣпномъ дворцѣ была олицетвореніемъ чудныхъ звуковъ таинственной пѣсни.

Слышится на водахъ *requiem* маленькаго Павла и м-ръ Тутсъ, добрый м-ръ Тутсъ, который тоже прїѣхалъ въ Брайтонъ – вы понимаете – случайно. Безмолвно и въ почтительномъ отдаленіи бродитъ онъ по морскому берегу за обожаемой фигурой, не смѣя потревожить ея спокойствія, и морскія волны звучатъ въ его ушахъ вѣчнымъ мадригаломъ Флоренсъ. Да! и смутно представляетъ себѣ бѣдный Тутсъ, что волны ему самому напоминаютъ время, когда еще никто не называлъ его блаженнымъ, между тѣмъ какъ теперь онъ глупъ, даже очень глупъ и годенъ только на потѣху другимъ людямъ. Все это съ отчетливою ясностью понимаетъ м-ръ Тутсъ и горько оплакиваетъ свое юродство. А было чему радоваться: м-ръ Тутсъ въ Брайтонѣ одинъ, безъ Лапчатого Гуся, который на счетъ своего кліента удалился для гимнастическихъ эволюцій на веселую дачу, чтобы вступить тамъ въ состязаніе съ однимъ знаменитымъ боксеромъ, который за свою удачу былъ прозванъ "Сорви-Голова".

Но вотъ м-ръ Тутсъ ободряется, переводитъ духъ и, тихимъ шагомъ, нерѣшительно, приближается къ Флоренсъ. Онъ заикается, молчитъ и, подступая къ своему божеству, съ превеликимъ изумленіемъ восклицаетъ:

– Вообразите м-съ Домби... ахъ, какія чудеса, вотъ ужъ совѣмъ не думалъ васъ здѣсь встрѣтить!

Въ дѣйствительности же, м-ръ Тутсъ слѣдовалъ за каретой по пятамъ и, нѣтъ сомнѣнія, поѣхалъ бы за ней на тотъ край свѣта.

– Съ вами и Діогенъ, м-съ Домби! – возгласилъ м-ръ Тутсъ, наэлектризованный прикосновеніемъ маленькой ручки, поданной ему съ благосклонностью.

Конечно, Діогенъ здѣсь, и, конечно, м-ръ Тутсъ имѣлъ основательную причину говорить о Діогенѣ, потому что тотъ, послѣ громкаго лая, изъявилъ отчаянное намѣреніе поздороваться съ великолѣпными ногами Тутса. Флоренса ласково остановила вѣрнаго пса.

– Прочь, Діогенъ, прочь! Развѣ забылъ ты, кто первый насъ познакомилъ? Какъ тебѣ не стыдно, Діогенъ!

Конечно, стыдно, и, во избѣжаніе стыда, Діогенъ запрыгалъ, заскакалъ, залаялъ, отбѣжалъ прочь, воротился назадъ, завилалъ хвостомъ и опрометью бросился впередъ на какого-то господина, проходившаго мимо. М-ръ Тутсъ, такъ же какъ Діогенъ, готовъ былъ изъявить усердное желаніе растерзать на куски всякаго нахала, осмѣливающагося своимъ появленіемъ нарушить покой владычицы его сердца.

– Діогенъ теперь на своей родинѣ, миссъ Домби, не такъ ли?

Флоренса улыбнулась.

– А я, миссъ Домби... прошу извинить... но, если вамъ угодно завернуть къ Блимберамъ, я... я только что къ нимъ собирался.

Флоренса, не говоря ни слова, протянула маленькую ручку, и молодые люди, предшествуемые Діогеномъ, отправились впередъ. Ноги подкашиваются у м-ра Тутса; одѣтый блистательнѣйшимъ образомъ онъ чувствуетъ, однако, что платье ему не впору, и съ ужасомъ осматриваетъ морщины на образцовыхъ произведеніяхъ Борджеса и компаниі.

Вотъ они уже передъ фасадомъ докторскаго дома, скучнаго и педантичнаго, какъ всегда. Сиротливо смотритъ на Флоренсу верхнее окошко, откуда въ былыя времена выглядывало на нее блѣдное личико, вдругъ озарявшееся яркимъ румянцемъ, и маленькая худощавая ручка съ нетерпѣніемъ посылала ей воздушные поцѣлуи.

Докторъ Блимберъ съ своими учеными книгами возсѣдалъ въ кабинетѣ, м-съ Блимберъ, въ шляпкѣ небснаго цвѣта, и миссъ Корнелія Блимберъ съ своими русыми кудрями и свѣтлыми очками, работающая, какъ могильщикъ, въ повапленныхъ гробахъ мертвыхъ языковъ... а вотъ и столъ, на которомъ онъ, "новый питомецъ" школы, сидѣлъ унылый и задумчивый, какъ философъ, погруженный въ думы о суетѣ "міра. Все по-прежнему. Препжніе мальчики гудятъ, какъ шмѣли за старыми книгами, въ старой комнатѣ, со старыми учителями, и унылый однообразный говоръ уныло раздается по всей храминѣ ученаго мужа, доктора всѣхъ наукъ.

– Тутсъ, – говоритъ д-ръ Блимберъ, – очень радъ васъ видѣть, любезный Тутсъ.

М-ръ Тутсъ ухмыляется.

– И видѣть васъ въ такомъ пріятномъ обществѣ! – продолжаетъ д-ръ Блимберъ.

М-ръ Тутсъ краснѣетъ, какъ піонъ, и объясняетъ, что имѣлъ удовольствіе встрѣтиться случайно съ миссъ Домби, и какъ она, миссъ Домби, пожелала видѣть старыя мѣста, то вотъ они здѣсь.

– Вамъ конечно, миссъ Домби, – продолжаетъ м-ръ Блимберъ, – будетъ пріятно взглянуть на нашихъ молодыхъ друзей. Всѣ ваши препжніе товарищи, Тутсъ. Кажется, вновь никто не прибылъ въ нашу маленькую академію послѣ м-ра Тутса? – прибавилъ д-ръ, обращаясь къ миссъ Корнеліи.

– Кромѣ Байтерстона, – отвѣчаетъ Корнелія.

– А, да! Байтерстонъ поступилъ послѣ м-ра Тутса. Онъ для васъ новое лицо, любезный Тутсъ.

Новое лицо и для Флоренсы, потому что въ учебной залѣ Байтерстонъ засѣдаетъ въ высочайшихъ воротничкахъ, въ накрахмаленномъ галстухѣ и съ огромными часами въ карманномъ жилетѣ. Но препжній мученикъ воспитательно-образовательнаго заведенія м-съ Пипчинъ страдаетъ и теперь въ классической теплицѣ д-ра Блимбера. Вѣрно ужъ ему такъ на роду написано. Его руки и лицо запачканы чернилами; его лексиконъ страдаетъ водяной отъ безпрестанныхъ справокъ и, потерявъ способность закрываться, зѣваетъ немилосердно отъ чрезмѣрной усталости. Зѣваетъ и самъ хозяинъ бѣдной книги, притиснутый сильнымъ давленіемъ оранжевой атмосферы; но въ зѣвотѣ Байтерстона проглядываетъ непримиримая злоба, обращенная на "старика Блимбера", съ которымъ авось когда-нибудь онъ встрѣтится въ Индіи и, ужъ если встрѣтится, не найти ему спасенія отъ поклонниковъ Багадевы, поставляющихъ для себя священнымъ долгомъ отправлять на тотъ свѣтъ возможно большее количество человѣческихъ душъ, стѣсненныхъ въ здѣшней жизни узами грѣшной плоти; старикъ Блимберъ, связанный по рукамъ и ногами кули, сирѣчь индійскими рабами м-ра Байтерстона, будетъ вождѣльной жервой для этихъ ревнителей человѣческаго спасенія. Такъ грозитъ бенгалецъ Байтерстонъ и страшна его угроза, созрѣвающая въ мстительной душѣ.

Бриггсъ въ потѣ лица работаетъ на мельницѣ человѣческой премудрости; Джонсонъ и Тозеръ вмѣстѣ съ нимъ ворочаютъ жернова классическаго вѣдѣнія. Все – какъ и прежде. Старшіе воспитанники съ необыкновенными усиліями стараются забыть познанія, пріобрѣтенныя въ младшихъ классахъ. Всѣ учтивы и блѣдны, какъ всегда. Магистръ Фидеръ только что завелъ на своемъ органѣ Геродота и гудитъ изо всѣхъ силъ, готовый при первомъ востребованіи прогудѣть другую арію въ классическомъ родѣ.

Визитъ освобожденнаго Тутса произвелъ весьма замѣтное волненіе даже между этими серьезными и чопорными молодыми джентльменами: это, въ ихъ глазахъ, ни больше, ни меньше, какъ герой, перешедшій Рубиконъ и одержавшій блистательныя побѣды на поприщѣ новой жизни. Его великолѣпные панталоны, синій фракъ съ блестящими пуговицами, его галстукъ съ огромной бриллиантовой булавкой, – все это становится предметомъ трепетнаго благоговѣнія для прежнихъ товарищей м-ра Тутса. Не удивляется одинъ Байтерстонъ, желчный Байтерстонъ, который смотритъ даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ на свѣтскаго модника и не скрываетъ этого презрѣнія. "Посмотрѣлъ бы я, – шепчетъ Байтерстонъ, – какъ бы онъ разыгралъ эту роль въ Бенгаліи, тамъ, гдѣ я родился, гдѣ живутъ мои родственники. Матушка однажды подарила мнѣ изумрудъ, принадлежавшій самому раджѣ и вынутый изъ-подъ его скамейки, огромный, богатѣйшій изумрудъ, который, господа, не мерещился вамъ и во снѣ! Вотъ оно такъ!"

Видъ Флоренсы теперь, какъ и прежде, возбуждаетъ нѣжнѣйшія страсти въ сердцахъ молодыхъ джентльменовъ, кромѣ, однако, Байтерстона, который, по духу противорѣчія, остается холоднымъ и твердымъ какъ гранитъ. Мрачная ревность возникаетъ въ сердцѣ м-ра Тутса, особенно, когда Бриггсъ открыто выразилъ мнѣніе, что онъ, Тутсъ, собственно говоря, отнюдь не старше своихъ прежнихъ товарищей. Дерзкая мысль немедленно опровергнута торжественнымъ и громогласнымъ обращеніемъ къ Фидеру, магистру всѣхъ искусствъ:

– Какъ ваше здоровье, Фидеръ? – воскликнулъ м-ръ Тутсъ, – я, вы знаете, остановился въ гостиницѣ «Водфордъ». Не угодно ли вамъ сегодня пожаловать ко мнѣ откушать. Попируемъ на славу и помянемъ старину за шипучей бутылкой.

Магистръ Фидеръ вѣжливо раскланивается и благодаритъ. Послѣ такой демонстраціи ни одинъ дерзновенный не смѣетъ сомнѣваться въ неоспоримомъ старшинствѣ м-ра Тутса.

Слѣдуютъ затѣмъ церемонныя поклоны, пожатія рукъ и пламенныя желанія со стороны каждаго джентльмена унижить Тутса въ глазахъ миссъ Домби. Обозрѣвъ съ приличными улыбками и остроумными замѣчаніями свою прежнюю конторку, м-ръ Тутсъ выходитъ изъ классной залы съ м-сь Блимберъ и миссъ Корнеліей Блимберъ. Докторъ всѣхъ наукъ выходитъ послѣднимъ и, затворяя дверь, громогласно произноситъ:

– Господа, мы начнемъ теперь наши занятія!

Эти слова мерещатся доктору и въ говорѣ морской волны, и въ мечтахъ его фантазіи, и ничего больше, кромѣ этихъ словъ, не слышитъ д-ръ Блимберъ всю свою жизнь.

Затѣмъ м-сь Блимберъ и Корнелія Блимберъ ведутъ Флоренсу наверхъ, туда, гдѣ покоился ея маленькій братецъ. Деликатный Тутсъ, признавая себя лишнимъ въ такомъ обществѣ, разговариваетъ съ докторомъ въ его кабинетѣ, или, правильнѣе, вслушивается въ разговоръ д-ра Блимбера и дивится, какъ онъ нѣкогда былъ столь глупъ, что считалъ докторскій кабинетъ великимъ святилищемъ, а самого доктора съ его круглыми ногами, похожими на валы церковнаго органа, – страшнымъ челоукомъ, способнымъ возбуждать благоговѣйныя размышленія и чувства. Вскорѣ Флоренса спускается внизъ и прощается съ докторской семьей. М-ръ Тутсъ дѣлаетъ то же. Диогенъ, теребившій все это время подслѣповатаго швейцара, выбѣгаетъ изъ дверей и весело лаеетъ на сосѣдную мѣловую гору.

М-ръ Тутсъ, замѣтившій слезы на глазахъ Флоренсы, чувствуетъ отчаянную неловкость и теперь только догадывается, что ему не слѣдовало предлагать ей этого визита. Но Флоренса говоритъ, что ей очень пріятно было взглянуть на всѣ эти мѣста, и Тутсъ успокаивается совершенно. Вотъ уже они подходятъ къ жилищу м-сь Домби. Голоса морскихъ волнъ и нѣжный голосокъ прощающейся Флоренсы отуманиваютъ опять Тутса, и онъ никакъ не можетъ разстаться съ маленькой ручкой своей спутницы.

– Миссъ Домби, прошу извинить, – говоритъ м-ръ Тутсъ въ жалкомъ смущеніи, – но если вы позволите мнѣ... мнѣ... позвольте...

Невинная простодушная улыбка Флоренсы совсѣмъ сбиваетъ его съ толку.

– Если вы позволите мнѣ или не сочтете слишкомъ большою дерзостью, миссъ Домби, если бы я могъ, разумѣется безъ всякаго повода съ вашей стороны, могъ надѣяться, вы знаете сами, миссъ Домби...

Флоренса бросаетъ на него вопросительный взглядъ. М-ръ Тутсъ чувствуетъ настоятельную необходимость продолжать начатую рѣчь:

– Миссъ Домби, право, то есть, клянусь, миссъ Домби, я такъ васъ обожаю, что не понимаю, что со мною дѣлается. Я жалкая скотина, миссъ Домби. Будь мы теперь не на площади, миссъ Домби, я бы сталъ передъ вами на колѣни и со слезами началъ бы васъ умолять, – разумѣется, безъ всякаго повода съ вашей стороны, – чтобы вы оставили мнѣ надежду, что я, то есть, что я могу... когда-нибудь... со временемъ... счастье всей моей жизни...

– О, перестаньте, м-ръ Тутсъ, ради Бога, перестаньте! – вскричала взволнованная Флоренса. – Остановитесь, и ни слова больше... изъ дружбы и благосклонности ко мнѣ, добрый м-ръ Тутсъ.

Озадаченный Тутсъ стоитъ съ разинутымъ ртомъ и не говоритъ ни слова. Невинное лицо дѣвушки опять обращается къ нему съ простодушной и откровенной улыбкой.

– Благодарю васъ, м-ръ Тутсъ. Вы были такъ добры ко мнѣ и столь любезны, что я надѣюсь, я увѣрена, вы теперь хотѣли со мной только проститься, и ничего больше; не правда ли?

– Ей Богу, правда, миссъ Домби; я... я вотъ только и хотѣлъ съ вами проститься, ничего больше. Вы угадали.

– Ну, такъ прощайте, м-ръ Тутсъ!

– Прощайте, миссъ Домби! Надѣюсь, вы больше не станете объ этомъ думать. Покорно васъ благодарю. Это ничего... то есть, совершенно и рѣшительно ничего. Прощайте!

Бѣдный Тутсъ съ отчаяніемъ въ душѣ отправляется въ свою гостиницу, бросается на постель, мечется во всѣ стороны, и долго лежитъ, и горько тоскуетъ, какъ человекъ, сраженный непредвидѣнными ударами рока. Но приходитъ м-ръ Фидеръ, Тутсъ вскакиваетъ съ постели и готовится устроить великолѣпный обѣдъ.

Благодѣтельное вліяніе гостепріимства, этой патріархальной добродѣтели, неразлучно соединенной съ вліяніями Бахуса, открываетъ сердце м-ра Тутса и развязываетъ его языкъ для дружескаго разговора. Онъ не рассказываетъ м-ру Фидеру о происшествіи на углу Брайтонской площади; но когда магистръ искусствъ спрашиваетъ: "ну, что?" – м-ръ Тутсъ отвѣчаетъ, что "оно ничего, совершенно и рѣшительно ничего", и этотъ отвѣтъ ставитъ втупикъ м-ра Фидера. Потомъ м-ръ Тутсъ прибавляетъ, что ему неизвѣстно, съ чего взялъ этотъ Блимберъ дѣлать обидные намеки насчетъ его прогулки съ миссъ Домби; если это наглая дерзость, онъ раздѣлается съ нимъ по-свойски, будь онъ докторомъ миллионъ разъ. "Впрочемъ, – заключаетъ м-ръ Тутсъ, – это, разумѣется, сдѣлано по глупости, ни больше, ни меньше, и въ такомъ случаѣ не изъ-за чего бѣсноваться". М-ръ Фидеръ совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ.

Впрочемъ, Фидеръ, какъ искренній другъ, удостоивается болѣе откровенныхъ объясненій съ тѣмъ только, чтобы все оставалось между ними въ глубокой тайнѣ. Послѣ двухъ-трехъ бокаловъ предлагается тостъ за здоровье миссъ Домби:

– Фидеръ! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ, – тебѣ никогда не понять благоговѣйныхъ чувствъ, съ какими я предлагаю этотъ тостъ!

– О, да, любезный Тутсъ, – отвѣчала м-ръ Фидеръ, – я очень хорошо понимаю тебя. Эти чувства всегда обращаются къ твоей чести!

И м-ръ Фидеръ крѣпко жметъ руку своего друга.

– Вотъ что, любезный Тутсъ, если тебѣ понадобится братъ, радушный, кровный братъ, готовый за тебя въ огонь и въ воду, ты знаешь, гдѣ найти такого брата. Два, три слова черезъ какого-нибудь пріятеля, и я весь къ твоимъ услугамъ. На этотъ разъ, любезный другъ, вотъ тебѣ мой искренній совѣтъ: выучись играть на гитарѣ, непременно выучись. Женщины любятъ музыку и благосклонно смотрятъ на всякаго виртуоза. Это ужъ я знаю по собственному опыту.

Затѣмъ м-ръ Фидеръ, магистръ всѣхъ искусствъ, открываетъ тайну, что онъ имѣетъ виды на Корнелію Блимберъ. И почему же не имѣть? Бѣды нѣтъ никакой, что Корнелія носитъ очки: это даже къ ней очень идетъ. Ужъ докторъ довольно пожилъ на своемъ вѣку, хлопоталь, возился, и ему пора бы теперь сдать свое заведеніе въ надежныя руки; а кого, спрашивается, найдеть онъ надежнѣе Фидера и своей возлюбленной дочери?

– Мое мнѣніе то, – продолжалъ м-ръ Фидеръ, – какъ скоро умный человѣкъ набилъ карманъ, на немъ лежитъ непремѣнная обязанность передать свои дѣла. Ужъ лучше меня, признаться сказать, Блимберу не отыскать достойнаго преемника въ цѣломъ свѣтѣ. Ну, а если Корнелію взять въ руки, она будетъ чудесной женой. Это ясно, какъ день.

Въ отвѣтъ на это, м-ръ Тутсъ импровизируетъ великолѣпный панегирикъ Флоренсѣ Домби и таинственно намекаетъ, что онъ готовъ съ отчаянія разбить себѣ черепъ. М-ръ Фидеръ говоритъ, что это было бы черезчуръ безразсудно, и, утѣшая закадычнаго друга, рисуетъ портретъ Корнеліи съ ея очками и другими учеными ириадлежностями.

Такъ проводятъ вечеръ закадычные друзья. Когда наступила ночь, м-ръ Тутсъ провожаетъ домой м-ра Фидера и разстается съ нимъ у воротъ докторскаго дома. Но лишь только Тутсъ исчезъ, Фидеръ опять спускается внизъ и бродитъ одинъ по морскому берегу, обдумывая планы будущей жизни. И слышится ему въ говорѣ морскихъ волнъ, что д-ръ Блимберъ съ отверстыми объятіями, вручаетъ ему ученую Корнелію, и уже видитъ Фидеръ, какъ докторъ передѣлываетъ свой домъ и окрашиваетъ его въ яркую краску. Всѣ эти мечты до безконечности разнѣживаютъ классическое сердце Фидера, магистра всѣхъ искусствъ.

М-ръ Тутсъ равномѣрно бродитъ взадъ и впередъ, любитъся на футляръ, въ которомъ хранится его драгоценный бриллиантъ, и въ плачевномъ состояніи духа взираетъ на окно, гдѣ мерцаетъ огонекъ, и гдѣ, думаетъ м-ръ Тутсъ, сидитъ Флоренса за ночной работой. Но ошибается Тутсъ. Флоренса давнымъ-давно покоится сладкимъ сномъ въ своей спальнѣ, и въ душѣ ея стройно возникаютъ одна за другой минувшія сцены, отрадные и вмѣстѣ грустныя для любящаго сердца. Комната, гдѣ мерцаетъ огонекъ, принадлежитъ м-съ Скьютонъ, выступившей теперь на ту же сцену, гдѣ нѣкогда страждущій мальчикъ закончилъ послѣдній актъ возникающей жизни. Та же сцена разыгрывается и теперь, но какъ она противоположна прежней! Старуха не спитъ, старуха стонетъ и ворчитъ. Грязная и омертвѣлая, она дико мечется на своемъ болѣзненномъ одрѣ, и подлѣ нея, въ ужасѣ отъ совершеннѣйшаго равнодушія при взглядѣ на предсмертныя муки, сидитъ Эдиоъ. Что же говорятъ имъ морскія волны во мракѣ ночной тишины?

– Каменная рука... огромная, страшная рука... Эдиоъ, за что же она хочетъ поразить меня? Развѣ ты не видишь, Эдиоъ.

– Ничего нѣтъ, матушка. Это лишь мечты вашего воображенія.

– Мечты, все мечты! Да посмотри сюда, будто ужъ ты ничего не видишь?

– Право, ничего нѣтъ, матушка. Развѣ я сидѣла бы такъ спокойно, если бы тутъ было что-нибудь.

М-съ Скьютонъ вздрагиваетъ и дико смотритъ на дочь.

– А зачѣмъ ты такъ спокойна? Тебѣ ничего, все ничего. Вотъ она... вотъ опять эта страшная лапа, нѣтъ, это не мечта! Мнѣ тошно на тебя смотрѣть, Эдиоъ!

– Очень жаль, матушка.

– Жаль! Тебѣ всегда чего-нибудь жаль... да только не меня!

И съ этими словами она испускаетъ пронзительный вопль. Перебрасывая голову съ боку на бокъ, брюзгливая старуха еще разъ напоминаетъ о своихъ материнскихъ правахъ и распространяется о дочерней неблагодарности. Ей приходитъ на мысль другая несчастная мать, которую онѣ встрѣтили, и при этомъ она дѣлаетъ общее заключеніе, что всѣ превосходныя матери терпятъ невзгоды отъ дѣтей. Продолжая безсвязную болтовню, она вдругъ останавливается, смотритъ на свою дочь, жалуется, что сходитъ съ ума, и скрываетъ подъ подушку свое лицо.

Эдиоъ изъ состраданія нагибается къ ней и говоритъ. Больная старуха перевертывается и съ дикимъ ужасомъ схватываетъ за иіею свою дочь.

– Эдиоъ! мы скоро поѣдемъ домой, не правда ли? Увѣрена ли ты, что я ворочусь домой?

– Да, матушка, да.

– А зачѣмъ онъ сказалъ, какъ бишь его? я всегда забываю имена... зачѣмъ выговариваль майоръ это гадкое слово? вѣдь онъ выговорилъ его, Эдиоъ? да или нѣтъ?... со мной не будетъ этого, не будетъ, не будетъ!

Опять и опять больная старуха заглядываетъ въ уголь и видитъ каменную руку, протянутую, говоритъ она, изъ какого-то гроба, и готовую ее поразить. Наконецъ, опускается рука, и старуха, скорченная и сгорбленная, недвижно лежитъ на постели, и половина ея грѣшной плоти – смердящій трупъ,

Но этотъ трупъ расписанъ, разрумянень, расфранченъ и выставлень на поруганіе солнцу, выѣзжаетъ по временамъ изъ воротъ отеля и, катаясь, тарашить впалые глаза на проходящую толпу въ надеждѣ еще разъ завидѣть добрѣйшее созданье, превосходнѣйшую мать, которая терпитъ горе отъ непокорной дочери. Да, м-съ Скьютонъ все еще продолжаетъ кататься по берегу моря, но вѣтеръ не дуетъ освѣжающей прохладой на омертвѣлое лицо, и въ говорѣ океана не слышится ей отрадное слово. Она лежитъ и прислушивается по цѣлымъ часамъ къ плеску волны; но дикъ и мраченъ этотъ голосъ, и падаетъ онъ тяжелой тоской на ея слухъ, и тусклые взоры, устремленные вдаль не видятъ ничего, кромѣ страшной картины опустошенія между небомъ и землею.

Флоренсу видитъ она рѣдко и никогда не можетъ на нее взглянуть безъ кислой гримасы, обнаруживающей ея крайнее недоброжелательство. Эдиоъ безотлучно сидитъ подлѣ и удаляетъ Флоренсу отъ болѣзненнаго одра. Одинокая въ своей спальнѣ, Флоренса вся дрожитъ при мысли о смерти въ такомъ образѣ и часто, просыпаясь среди тревожныхъ видѣній, съ трепетомъ озирается вокругъ, какъ будто смерть уже пришла. Никого нѣтъ при больной, кромѣ Эдиои, и хорошо, что посторонніе глаза не видятъ отвратительной жертвы. Дочь, и только одна дочь – свидѣтельница послѣдней борьбы между жизнью и смертью.

Исчезаетъ даже послѣдняя тѣнь на мертвенномъ лицѣ, и густое покрывало скрываетъ отъ глазъ туманный свѣтъ. Ея блуждающія подъ одѣяломъ руки, соединяются одна съ другой, протягиваются къ дочери, и изъ напряженной груди еще разъ вырывается голосъ:

– Не я ли вскормила тебя!

Но это былъ уже не человѣческой голосъ... Эдиоъ становится на колѣни и, наклоняясь къ уху умирающей, отвѣчаетъ:

– Мать можешь ли ты меня слышать?

Впалые глаза открываются, и голова усиливается сдѣлать утвердительное движеніе.

– Помнишь ли ты ночь передъ свадьбой?

Голова остается безъ движенія, но выражаетъ, однако, какимъ-то способомъ утвердительный отвѣтъ.

– Тогда я сказала, что прощаю твое участіе въ въ ней, и молилась, чтобы Богъ простилъ меня. Я сказала, что все кончено между нами. Теперь повторяю то же. Поцѣлуй меня, мать.

Эдиоъ прикасается къ бѣлымъ губамъ, и на минуту все затихло. Потомъ скелетъ Клеопатры, съ дѣвической улыбкой на устахъ, еще разъ дѣлаетъ усиліе приподняться съ постели.

Задернемъ розовыя занавѣси. Другое что-то пробѣгаетъ по нимъ кромѣ вѣтра и облаковъ. Плотнѣ задернемъ розовыя занавѣси.

Печальная вѣсть немедленно достигла въ городѣ до ушей м-ра Домби, который, въ свою очередь, немедленно извѣстилъ кузена Феникса, еще не отправившагося въ Бадень-Бадень. Такой человѣкъ, какъ лордъ Фениксъ, превосходнѣйшій человѣкъ, и, разумѣется, съ нимъ можно, даже должно совѣтоваться, особенно въ такихъ важныхъ случаяхъ, какъ свадьба или похороны, что совершенно все равно для добрѣйшаго кузена.

– Клянусь честью, Домби, я растроганъ до глубины души. Какой печальный случай! Бѣдная тетушка! Кто могъ бы подумать?

– Неожиданный случай! – замѣчаетъ м-ръ Домби.

– Неожиданный, – да. Она была живуча, какъ дьяволь и мастерски поддѣлывалась подъ молодую даму. Въ день вашей свадьбы, Домби, я былъ увѣренъ, что ее хватить, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать, если взять въ расчетъ... ну, вы знаете. Словомъ сказать, въ Бруксовомъ трактирѣ я напрямикъ сказала Джоперу – вы, конечно, знаете – одинъ глазъ стеклянный...

М-ръ Домби дѣлаетъ отрицательный жестъ.

– А относительно похоронъ, – говорить онъ, занятый преобладающей мыслью, – у васъ нѣтъ никакихъ особыхъ плановъ?

– Какъ бы сказать вамъ, Домби... то есть, я, право, не знаю, – отвѣчалъ кузень Фениксъ, поглаживая подбородокъ оконечностями своихъ пальцевъ, – есть у меня въ паркѣ мавзолей, но запущенъ такъ, что... словомъ сказать, мавзолей этотъ ни къ чорту не годится. Не сиди я, что называется, на экваторѣ, я бы отдѣлалъ его заново; но, кажется, съ нѣкотораго времени завели анаæемскую привычку дѣлать тамъ пикники, то есть, между желѣзными перилами.

М-ръ Домби согласенъ, что мавзолей не годится.

– А церковь чудо какъ хороша, – задумчиво продолжаетъ кузень Фениксъ, – рѣдкій образецъ старинной англо-норманской архитектуры. Леди Джени Финчубри – вы ее разумѣется знаете... перетянута корсетомъ въ ниточку – леди Финчубри отлично срисовала эту церковь. Только та бѣда, что ее, вы понимаете, испортили штукатуркой. Да и то сказать, ѣхать было бы слишкомъ далеко.

– Не лучше ли похоронить въ самомъ Брайтонѣ? – спрашиваетъ м-ръ Домби.

– Что правда, то правда, Домби. Я самъ того же мнѣнія. Никакихъ хлопотъ, знаете, да и мѣсто веселое, безподобное во всѣхъ отношеніяхъ.

– Когда же?

– Когда угодно, для меня совершенно все равно. Я готовъ съ величайшимъ удовольствіемъ – печальное, разумѣется, удовольствіе – проводить хоть сейчасъ свою почтенную тетку къ пращдамъ... словомъ сказать, проводить въ могилу, – заключаетъ кузень Фениксъ, не умѣвший придумать болѣе краснорѣчивой фразы.

– Можете ли вы оставить городъ въ понедѣльникъ?

– Вполнѣ могу.

Такимъ образомъ, было рѣшено, что м-ръ Домби заѣдетъ за лордомъ въ понедѣльникъ, и они оба отправятся изъ города въ одномъ экипажѣ. На прощанье кузень Фениксъ сказалъ:

– Мнѣ, право, очень жаль, Домби, что вы такъ много беспокоитесь.

– Ничего, – отвѣтилъ м-ръ Домби, – должно быть готовымъ ко всему.

Въ назначенный день, кузень Фениксъ и м-ръ Домби, единственные представители друзей и родственниковъ покойной леди, ѣдутъ въ Брайтонъ провожать ея бранные останки на мѣсто вѣчнаго покоя. На дорогѣ кузень Фениксъ, выглядывая изъ траурной кареты, узнаетъ множество знакомыхъ, но изъ приличія не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, и только когда они проходятъ, громко называетъ ихъ по именамъ для сообщенія свѣдѣній м-ру Домби, на примѣръ: "Томъ Джонсонъ. Джентльменъ съ пробочной ногой, день и ночь играетъ въ карты въ трактирѣ Уайта. Какъ ты очутился здѣсь, Томми? Вотъ этого господина, что ѣдетъ на кургузой кобылѣ чистѣйшей породы, зовутъ Фоли. Это – дѣвицы Смальдеры" и такъ далѣе. Во время панихиды кузень Фениксъ былъ очень печаленъ. "Такіе случаи, – думаетъ онъ – заставляютъ умнаго человѣка призадуматься не на шутку, да и, правду сказать, самъ я довольно ветхъ". Его глаза, при этой мысли, покрываются влагой. Но вскорѣ онъ оправляется совершенно, а за нимъ и другіе родственники и друзья м-съ Скьютонъ, изъ которыхъ майоръ Багстокъ безпрестанно толкуетъ въ своемъ клубѣ, что она никогда не закутывалась какъ слѣдуетъ, отъ этого

и вся бѣда. Между тѣмъ молодая шестидесятилѣтняя дама, пріятельница покойницы, взвизгнувъ нѣсколько разъ, высказываетъ положительное мнѣніе, что покойницѣ было не меньше ста тридцати лѣтъ, и ужъ костямъ ея давно пора на мѣсто. А всего лучше не говорить о ней ни слова.

И лежитъ мать Эдиѳи въ сырой землѣ, и забыли ея милые друзья, глухіе къ говору волнъ, охрипшихъ отъ безпрестаннаго повторенія неизвѣданныхъ тайнъ. И не видятъ они пыли, которая клубится столбами по песчаному берегу, не видятъ бѣлыхъ рукъ, которыя въ лунную ночь манятъ къ незримымъ областямъ. Но ничего не измѣнилось на побережьи невѣдомаго моря, и Эдиѳъ стоитъ здѣсь одна и прислушивается къ его волнамъ, и мокрая, полусгнившая трава, падая къ ея ногамъ, устилаетъ путь ея жизни.

Глава XLII

Правая рука мистера Домби и случайно случившаяся случайность

Робинь Точильщикъ преобразился радикально и совершенно съ головы до ногъ. Нѣтъ на немъ свѣтлосѣраго балахона, добытаго съ великими трудностями на толкучемъ рынкѣ, и не торчитъ на его головѣ лошенная клеенчатая шляпа, подаренная капитаномъ Куттлемъ при началѣ великаго траура; Робинь, приглаженный и причесанный, щеголяетъ теперь въ лакированныхъ башмакахъ, и тучная его особа облачена въ темную ливрею, построенную искуснымъ художникомъ лакейскаго туалета и удовлетворительную во всѣхъ отношеніяхъ, хотя довольно степенную и скромную. Достойный воспитанникъ благотворительнаго заведенія съ нѣкотораго времени имѣеть честь состоять на непосредственной службѣ у своего патрона, м-ра Каркера, главнаго управителя знаменитой фирмы и правой руки м-ра Домби. Онъ знаетъ теперь не хочеть своего прежняго хозяина, покинутаго въ магазинѣ инструментальнаго мастера, и посмотрѣли бы вы, съ какимъ самодовольствомъ ослабляется Точильщикъ, припоминая въ часы досуга достопамятный вечеръ, когда онъ съ такою ухарскою ловкостью н_а_д_у_л_ь, п_о_д_к_у_з_м_и_л_ь и п_о_д_д_е_д_ю_л_и_л_ь капитана Куттля съ его неизмѣннымъ другомъ, молодымъ мичманомъ: разительное доказательство, что всякое доброе дѣло сопровождается спокойною совѣстью и ощущеніемъ блаженства, проникающаго до костей и мозговъ добродѣтельнаго смертнаго. Водворившись въ домъ м-ра Каркера, Точильщикъ со страхомъ и трепетомъ обращалъ свои круглые глаза на бѣлые зубы великаго патрона и вполнѣ сознавалъ, что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, онъ долженъ держать ухо востро.

Будь м-ръ Каркеръ великимъ чародѣемъ, а его блистательные зубы – орудіемъ страшныхъ волхвованій, гибкіе и хрупкіе суставы его покорнаго слуги не могли бы передъ нимъ сгибаться и трещать съ большимъ подобострастіемъ, ибо Благотворительный Точильщикъ глубоко сознавалъ верховную власть своего патрона, и это сознание, поглощая все его вниманіе, упрочивало на законномъ основаніи его всесовершеннѣйшую преданность и безусловное повиновеніе. Онъ едва осмѣливался думать о своемъ властелинѣ даже въ его отсутствіе, и ему мерещилось поминутно, что того и гляди зубастый накинется на него опять, какъ въ то достопамятное утро, когда онъ первый разъ осмѣлился смиренно предстать передъ его грозныя очи. Сталкиваясь съ нимъ лицомъ къ лицу, Робинь не сомнѣвался, что м-ръ Каркеръ и въ отсутствіи, по одному простому обнаруженію воли, можетъ читать самыя тайныя его мысли точно такъ, какъ будто онъ стоялъ передъ его глазами. Очарованный всѣмъ своимъ существомъ и вполнѣ подчиненный этому магическому вліянію, робкій сынъ кочегара ни о чемъ больше не думалъ, какъ о непреоборимой власти своего повелителя, который, нѣтъ сомнѣнія, можетъ изъ него дѣлать все, что угодно и когда угодно. Проникнутый такими помышленіями, онъ стоялъ передъ нимъ неподвижно, едва переводя духъ, и равнодушный ко всему на свѣтѣ, ловилъ и угадывалъ смыслъ každого мановенія своего чародѣя, чтобы мигомъ приняться за исполненіе его повелѣній.

Чѣмъ же объясняется такое страшное вліяніе м-ра Каркера? Ужь не догадывался ли молодой Тудль, что его властелинъ въ совершенствѣ владѣеть великимъ искусствомъ измѣны, наушничества и ябеды, искусствомъ, которое онъ самъ прилежно и съ удовлетворительнымъ успѣхомъ изучалъ въ учебномъ заведеніи Благотворительнаго Точильщика? Можетъ быть, да, а можетъ быть, и нѣтъ. По крайней мѣрѣ, самъ онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ яснаго отчета; но м-ръ Каркеръ, вѣроятно, хорошо знакомъ былъ съ источникомъ своей власти.

Оставивъ службу у капитана Куттля и распродавъ на скорую руку съ весьма значительнымъ убыткомъ своихъ голубей, Робинь въ тотъ же вечеръ опрометью побѣжалъ въ домъ м-ра

Каркера и явился передь новымъ своимъ господиномъ съ пылающимъ лицомъ, на которомъ, казалось, было начертано ожиданіе похвалы и награды.

– А! это ты, – воскликнулъ м-ръ Каркеръ, бросивъ косвенный взглядъ на грязный узелъ, заключавшій пожитки кочегарова сына. – Ну, вотъ ты теперъ потерялъ мѣсто и пришелъ ко мнѣ. Такъ или нѣтъ?

– Такъ точно-съ... то есть, конечно, если осмѣлюсь доложить, когда я приходилъ сюда въ послѣдній разъ, вы изволили сказать...

– Я изволилъ сказать? – гнѣвно возразилъ м-ръ Каркеръ. – Что такое? что я тебѣ сказалъ?

– Нѣтъ-съ, ничего... вы ничего не изволили сказать, сэръ, – лепеталъ Робинъ, озадаченный и совершенно спутанный суровымъ тономъ этихъ вопросовъ.

М-ръ Каркеръ оскалилъ зубы и, выстанляя впередъ указательный палецъ, замѣтилъ нѣсколько смягченнымъ голосомъ:

– Ты любезный, сколько я вижу, плутъ первой руки, и ужъ не сносить тебѣ своей головы, за это я ручаюсь. Пропадешь, какъ паршивая собака!

– О, пощадите меня, сэръ, помилосердуйте! вопилъ Точильщикъ, подернутый лихорадочною дрожью. – Я готовъ, сэръ, трудиться для васъ день и ночь... Я стану служить вамъ вѣрой и правдой!

– Еще бы! конечно, вѣрой и правдой, иначе тебѣ будетъ плохо.

– Да, да, сэръ, я увѣренъ въ этомъ. Покорно васъ благодарю. Приказывайте, что угодно, и вы увидите... потрудитесь испытать меня, сэръ, попробовать. А если я сдѣлаю что не такъ, какъ вы приказывали, то вы можете тотчасъ же убить меня.

– Великое дѣло убить тебя, щенокъ, – сказалъ м-ръ Каркеръ, облачиваясь на спинку кресель. – Нѣтъ, если вздумаешь меня обманывать, я расправлюсь такъ, какъ тебѣ и на томъ свѣтѣ не приснится!

– Да, сэръ, – бормоталъ пораженный Точильщикъ, – ужъ вы запропастите меня въ тарь-тарары, въ самую преисподнюю, сэръ, я это знаю. Поэтому ужъ я не измѣню вамъ, сэръ, хоть бы кто вздумалъ осыпать меня золотомъ съ ногъ до головы.

Потерявъ такъ нечаянно всякую надежду на похвалу за свою горячую ревность, ошеломленный Точильщикъ стоялъ передь своимъ патрономъ съ такою неловкостью, какую часто въ подобныхъ случаяхъ испытываетъ дворняшка.

– Стало быть, говорю я, ты потерялъ свое прежнее мѣсто и теперъ пришелъ просить, чтобы тебя приняли въ услуженіе?

– Точно такъ, сэръ.

Оставляя мѣсто, Точильщикъ дѣйствовалъ во всемъ по предписанію своего патрона; но и не думалъ, въ оправданіе себя, сослаться на это обстоятельство.

– Ну! – продолжалъ м-ръ Каркеръ. – Вѣдь ты знаешь меня, плутъ?

– Знаю, сэръ.

– Смотри же, держи ухо востро, – сказалъ м-ръ Каркеръ.

Точильщикъ поспѣшилъ выразить низкими поклонами живѣйшее пониманіе этого предостереженія и задомъ попятился къ дверямъ въ сладкой надеждѣ перевести на свободѣ духъ, какъ вдругъ неумолимый патронъ остановилъ его опять.

– Эй, ты! – вскричалъ м-ръ Каркеръ, подзывая его къ себѣ, – Ты привыкъ... запри сначала дверь!

Робинъ съ быстротою мысли исполнилъ приказаніе, какъ-будто отъ его проворства зависѣла теперъ его жизнь.

– Ты привыкъ, любезный, заглядывать въ замочныя скважины. Знаешь ты, мошенникъ, что это значить?

– Знаю, сэръ, – пролепеталъ Робинъ послѣ нѣкотораго колебанія. – Я подслушивалъ бывало...

– Подсматриваль, подкарауливалъ и такъ далѣе, – добавилъ м-ръ Каркеръ.

– Въ вашемъ домѣ, сэръ, я не стану этого дѣлать; – отвѣчалъ Робинъ. – Ей Богу, сэръ, не стану. Провались я сквозь землю, лопни мои глаза, чтобы не видать мнѣ ни дна, ни покрывши. Развѣ вы сами, сударь, изволите приказать...

– Увидимъ. Ты привыкъ еще болтать и шпионить; брось здѣсь эту привычку, не то... смотри у меня, не пеняй, – заключилъ Каркеръ, улыбаясь и вмѣстѣ дѣлая грозный жестъ указательнымъ пальцемъ.

Точильщикъ вытянулъ шею и притаилъ дыханіе. Ему хотѣлось бы привести въ свидѣтельство чистоту своихъ намѣреній, но онъ могъ только вылупить глаза на улыбающагося джентльмена съ выраженіемъ раболѣпнаго благоговѣнія, которымъ, по-видимому, былъ вполне доволенъ его грозный властелинъ. Черезъ нѣсколько минутъ м-ръ Каркеръ приказалъ ему удалиться на кухню и далъ понять движеніемъ руки, что не удерживаетъ его при своей особѣ.

Вотъ какимъ способомъ Робинъ поступилъ на службу къ м-ру Каркеру. Съ этой поры усердный рабъ, отрекшійся отъ своей личности, закабалилъ себя душой и тѣломъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ безпорочной службы, въ одно прекрасное утро, Робинъ отворилъ садовыя ворота м-ру Домби, который, по обѣщанію, шествовалъ завтракать къ его хозяину. Въ ту же самую минуту явился и м-ръ Каркеръ, поспѣшившій встрѣтить знаменитаго гостя и привѣтствовать его обоими рядами блистательныхъ зубовъ.

– Мнѣ никогда и въ голову не приходило, – началъ Каркеръ, помогая ему слѣзть съ своей лошади, – что я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ здѣсь. Это необыкновенный день въ моемъ календарѣ. Такой человѣкъ, какъ вы, разумѣется, можетъ дѣлать все, что ему угодно: случайности для него нипочемъ; но такой человѣкъ, какъ я... о, это совсѣмъ другая статья!

– У васъ, однако, недурная дача, – сказалъ м-ръ Домби, благоволившій ступить на лугъ и обозрѣвшій ближайшіе предметы.

– Вы это можете сказать, – отвѣчалъ Каркеръ. – Благодарю васъ.

– Нѣтъ, Каркеръ, не шутя, всякій можетъ это сказать. Мѣстоположеніе чудесное и чрезвычайно удобное, сколько, по крайней мѣрѣ, можно судить по этой обстановкѣ, – продолжалъ м-ръ Домби тономъ высочайшаго покровительства.

– Да, развѣ по этой обстановкѣ, – небрежно возразилъ Каркеръ, – эта оговорка необходима. Очень вамъ благодаренъ. А, впрочемъ, объ этомъ не стоитъ распространяться. Не угодно ли вамъ пожаловать впередъ?

Войдя въ домъ, м-ръ Домби изволилъ благосклонно замѣтить объ изящномъ расположеніи комнатъ и о многочисленныхъ принадлежностяхъ комфорта, которыя бросились ему въ глаза. М-ръ Каркеръ смиренно выслушалъ такой отзывъ и замѣтилъ, что весьма хорошо понимаетъ его истинное значеніе.

– А, впрочемъ, – прибавилъ онъ, – дача въ самомъ дѣлѣ недурная, даже, можетъ быть, лучше, нежели на какую можетъ разсчитывать подобный мнѣ горемыка. Но ваше мнѣніе, м-ръ Домби, во всякомъ случаѣ преувеличено; и немудрено: вы, по своему положенію, слишкомъ удалены отъ бѣдныхъ людей. Такъ точно сильные міра всегда находятъ нѣкоторыя пріятности и удовольствія въ жалкой жизни какого-нибудь нищаго.

При этой выходкѣ фальшивый ротъ открылся во всемъ объемѣ, и любопытный наблюдатель могъ бы безпрепятственно пересчитать всѣ зубы интереснаго собесѣдника. Въ продолженіе разговора, Каркеръ не сводилъ глазъ съ своего гостя, и взоръ его сдѣлался еще пронизательнѣе, когда м-ръ Домби, остановившись передъ каминомъ въ позиціи, въ совершенствѣ изученной его подчиненнымъ, началъ обозрѣвать картины, висѣвшія на стѣнахъ. Онъ слѣдилъ за малѣйшимъ его движеніемъ, тщательно замѣчая каждый пунктъ, обращающій на себя вниманіе гостя. Наконецъ, когда взоръ м-ра Домби остановился въ особенности на одной картинѣ, Каркеръ, казалось, притаилъ дыханіе, и весь обратился въ кошку, сторожившую лакомый кусокъ; но, сверхъ всякаго ожиданія, глазъ великаго командира равнодушно перешелъ отъ

картины на другіе предметы, какъ будто это была ничтожнѣйшая изъ всѣхъ вещей въ роскошной мебели м-ра Каркера.

Но Каркеръ смотрѣлъ на картину – это былъ портретъ Эдиои – такъ, какъ будто бы она была живымъ существомъ. По его лицу пробѣжала злобная, язвительная насмѣшка, обращенная, по-видимому, къ картинѣ, но которая, на самомъ дѣлѣ, имѣла предметомъ великаго челонѣка, стоявшаго съ невозмутимымъ спокойствіемъ подлѣ него. Подали завтракъ. Приглашая м-ра Домби сѣсть на стулъ, стоявшій спиною къ портрету его жены, Каркеръ, по обыкновенію, занялъ мѣсто насупротивъ картины.

М-ръ Домби на этотъ разъ былъ даже серьезнѣе обыкновеннаго и не говорилъ ни слова. Напрасно попугай, безъ умолку махавшій крыльями около золотого обруча въ роскошной клѣткѣ, покушался обратить на себя вниманіе: м-ръ Домби, погруженный въ глубокія думы, неподвижно и почти угрюмо смотрѣлъ черезъ накрахмаленный галстукъ, не отрывая глазъ отъ столовой скатерти. Что же касается до Робина, стоявшаго за стуломъ, всѣ его способности и душевныя силы были обращены исключительно на его хозяина, и онъ даже едва ли подозрѣвалъ, что настоящій гость былъ тотъ великій джентльменъ, передъ которымъ въ своемъ дѣтствѣ онъ стоялъ, какъ живой документъ цвѣтущаго здоровья кочегаровой семьи, и которому впоследствии обязанъ былъ форменной курткою и кожаными панталонами.

– Позвольте спросить, – вдругъ началъ Каркеръ, подобострастно выставивъ голову, – какъ здоровье м-съ Домби?

М-ръ Домби покраснѣлъ.

– Благодарю, Каркеръ, – сказалъ онъ, – м-съ Домби совершенно здорова. Кстати, Каркеръ, вы обращаете мои мысли на разговоръ, который мнѣ надобно имѣть съ вами.

– Можете насъ оставить, Робинъ, – сказалъ м-ръ Каркеръ ласковымъ тономъ.

Вѣрный рабъ мгновенно исчезъ.

– Вы, конечно, не помните этого мальчишку?

– Нѣтъ, – отвѣчалъ м-ръ Домби съ величественнымъ равнодушіемъ.

– Разумѣется, гдѣ вамъ помнить всякую сволочь. Впрочемъ, этотъ мальчуганъ изъ семьи, откуда была взята ваша кормилица. Можетъ быть, припомните, какъ еще въ ту пору вы великодушно озаботились насчетъ его воспитанія?

– Неужели это тотъ самый мальчикъ? Воспитаніе, кажется, не пошло ему въ прокъ.

– Да, я боюсь, что изъ него выйдетъ негодяй, – замѣтилъ Каркеръ, пожимая плечами. – Но дѣло видите ли въ чемъ: у него не было мѣста, и онъ слонялся, какъ ошельмованный, изъ угла въ уголъ. Потомъ, ужъ не знаю, самъ ли онъ выдумалъ, или, что, вѣроятно, мать нашептала ему въ уши, только онъ забралъ себѣ въ голову, что имѣетъ какое-то право на ваше покровительство, и поэтому началъ день и ночь шататься около вашего дома, чтобы пристать къ вамъ со своей просьбой. Мои сношенія съ вами, разумѣется, главнымъ образомъ, ограничиваются только торговыми дѣлами, однако, по-временамъ я принимаю нѣкоторое участіе во всемъ, что...

– Каркеръ, – прервалъ Домби, – мнѣ пріятно благодарить васъ, что вы не ограничиваете вашей...

– Службы, – подсказалъ улыбающійся собесѣдникъ.

– Нѣтъ, я хочу сказать – вашей любезной внимательности нашими конторскими дѣлами, – замѣтилъ м-ръ Домби, обрадовавшійся случаю сказать прекрасный и лестный комплиментъ своей правой рукѣ. – Наравнѣ съ коммерціей васъ интересуютъ также мои чувства, желанія, надежды и самыя несчастія, какъ доказываетъ теперешній маловажный случай, о которомъ вы только что упомянули. Я очень вамъ обязанъ, Каркеръ.

М-ръ Каркеръ слегка наклонилъ голову и тихонько потеръ руками, какъ будто опасаясь болѣе нескромнымъ движеніемъ возмутить потокъ откровенности въ м-рѣ Домби.

– Итак, – продолжалъ Домби послѣ нѣкотораго колебанія, – итакъ, я пользуюсь настоящимъ случаемъ начать разговоръ, для котораго, собственно, я приѣхалъ сюда, на эту дачу. Предваряю, впрочемъ, что главныя основанія бесѣды вамъ небезызвѣстны, хотя, натурально, я буду теперь гораздо откровеннѣе въ отношеніи къ вамъ, нежели до сихъ поръ...

– Удостоиться совершенной откровенности! – шепталь Каркеръ, скрестивъ на груди руки и повѣсивъ голову, – такое отличіе! такая почеть! могъ ли я воображать? Впрочемъ, такой человѣкъ, какъ вы, отлично понимаетъ, какъ будетъ оцѣнено его благоволеніе.

М-ръ Домби бросилъ величественный взглядъ, поправилъ галстукъ и, помолчавъ съ минуту, продолжалъ такимъ образомъ:

– Я и м-съ Домби, сверхъ ожиданія, не соглашаемся въ разсужденіи нѣкоторыхъ пунктовъ, имѣющихъ большую важность по своей натурѣ. Мы, кажется, еще не понимаемъ другъ друга. М-съ Домби должна приобрѣсть нѣкоторую опытность, нѣкоторыя свѣдѣнія, для нея необходимыя.

– М-съ Домби, безспорно, владѣеть превосходными качествами души и тѣла, и, нѣтъ сомнѣнія, она издавна должна была привыкнуть къ лестнымъ для нея похваламъ и комплиментамъ, – возразилъ сладкимъ языкомъ неусыпный стражъ всѣхъ движеній м-ра Домби, – но тамъ, гдѣ долгъ и уваженіе неразрывно соединены съ нѣжными влеченіями сердца, тамъ, безъ сомнѣнія, какое-нибудь мелкое недоразумѣніе легко можетъ быть отстранено двумя-тремя словами, сказанными во время и кстати.

Мысли м-ра Домби инстинктивно перенеслись на лицо, смотрѣвшее на него въ уборной его жены, когда повелительная рука протянута была къ дверямъ. Онъ живо представилъ себѣ уваженіе и долгъ, соединенный съ нѣжнѣйшими влеченіями сердца, и тутъ же почувствовалъ, что кровь прихлынула къ его головѣ.

– Не задолго передъ смертью м-съ Скьютонъ я и м-съ Домби имѣли нѣкоторое разсужденіе относительно моего неудовольствія, котораго сущность, въ общихъ чертахъ, вамъ уже извѣстна изъ того, что на вашихъ глазахъ произошло между м_н_о_й и м-съ Домби въ тотъ вечеръ, какъ вы находились въ нашемъ... въ м_о_е_мъ домѣ.

– О, помню, помню, – сказалъ улыбающійся Каркеръ, – я очень жалѣлъ, что сдѣлался тогда печальнымъ свидѣтелемъ... Такой человѣкъ, какъ я, очень натурально, долженъ гордиться довѣріемъ такой фамиліи, какъ ваша, хотя, признаться, сэръ, я не понимаю, что заставляетъ васъ выходить изъ предѣловъ вашего крута и удостаивать чрезмѣрной благосклонностью такихъ ничтожныхъ людей, какъ я... Само собой разумѣется, мнѣ было очень пріятно, что вы представили меня м-съ Домби еще прежде, чѣмъ она возведена была на эту высокую ступень; но, повторяю еще разъ, я очень жалѣлъ, что сдѣлался предметомъ такого совершенно особеннаго, исключительнаго предпочтенія.

М-ръ Домби призадумался. Онъ рѣшительно не постигалъ, какъ можно по какому бы то ни было поводу принимать его благоволеніе и высокое покровительство съ грустнымъ чувствомъ сожалѣнія. Такая мысль была для него неразгаданнымъ нравственнымъ феноменомъ. Помолчавъ съ минуту, онъ величаво поднялъ голову и, проникнутый сознаниемъ своего достоинства, сказалъ довольно суровымъ тономъ:

– Объяснитесь, Каркеръ, – какъ я долженъ понимать васъ.

– О, да, я запуталъ свою мысль; извините, сэръ. Но дѣло, однако, вотъ въ чемъ: м-съ Домби, какъ, вѣроятно, вы замѣтили, никогда не удостоивала меня благосклоннаго вниманія... это, разумѣется, въ порядкѣ вещей, и было бы смѣшно, если бы такой человѣкъ, какъ я, вздумалъ обижаться, что на него не обращаетъ вниманія знатная леди, притомъ леди, справедливо гордая блистательными талантами и своимъ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ... но все-таки, или, лучше, именно потому-то мнѣ и не хотѣлось бы навлечь на себя ея гнѣвъ; а я знаю, м-съ Домби не вдругъ проститъ мнѣ мое невинное участіе въ тогдашнемъ вашемъ разговорѣ.

Вашимъ негодованіемъ шутить нечего, вы это должны помнить, а тутъ вдобавокъ, когда оно было выражено при третьемъ лицѣ...

– Каркеръ, – сказала м-ръ Домби горделивымъ тономъ, – я полагаю, что я, а не другой кто въ моемъ обществѣ – первое лицо.

– О, кто же осмѣлится въ этомъ сомнѣваться? – возразилъ Каркеръ съ нетерпѣніемъ чловека, безусловно подтверждающаго неопровержимый фактъ.

– М-съ Домби, когда дѣло идетъ о насъ обоихъ, становится вторымъ лицомъ, я полагаю, – продолжалъ Домби. – Такъ ли?

– Такъ ли! – подхватилъ Каркеръ. – Вы, конечно, знаете лучше всѣхъ, что тутъ нечего спрашивать.

– Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, Каркеръ, вы не станете затрудняться въ выборѣ между гнѣвомъ м-съ Домби и моимъ совершеннымъ благоволеніемъ.

– Такъ это, конечно, – возразилъ Каркеръ, – я имѣлъ несчастіе заслужить гнѣвъ м-съ Домби. Она вамъ ничего не говорила объ этомъ?

– Мало ли, что она говорила и можетъ наговорить впередъ! – отвѣчалъ м-ръ Домби съ величественнымъ спокойствіемъ и холодностью, – я не чувствую никакого желанія припоминать или повторять мнѣнія, несогласныя съ моимъ собственнымъ образомъ мыслей. Незадолго передъ этимъ, какъ вамъ извѣстно, я старался ознакомить м-съ Домби съ извѣстными случаями домашней подчиненности, которые прямо касаются до нея. Мнѣ не удалось убѣдить м-съ Домби, что она во всѣхъ этихъ отношеніяхъ должна перемѣнить свое поведеніе для ея же спокойствія и благополучія, неразрывно соединеннаго съ моимъ собственнымъ достоинствомъ; поэтому я тогда же далъ замѣтить м-съ Домби, что дальнѣйшіе свои виды и предположенія на ея счетъ я объясню ей черезъ моего повѣреннаго, то есть черезъ васъ, Каркеръ, котораго въ этомъ дѣлѣ я хочу считать своей правой рукой.

– Теперь, Каркеръ, – продолжалъ м-ръ Домби, – я не считаю нужнымъ откладывать своего намѣренія. Пусть безъ всякаго замедленія устроится дѣло такъ, какъ я этого хочу. Со мною шутить никто не долженъ. Пусть немедленно узнаетъ м-съ Домби, что моя воля для нея законъ, и что я не привыкъ ни по какому поводу дѣлать исключенія изъ общаго правила моей жизни. На васъ, Каркеръ, возлагаю это порученіе и, надѣюсь, послѣ всего, что вамъ сказано, вы не будете отговариваться истиннымъ или мнимымъ гнѣвомъ м-съ Домби. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, ваша обязанность исполнить мою волю во всей точности.

– Приказывайте, – сказалъ Каркеръ, – и я повинуюсь.

– Да, я знаю, что мнѣ стоитъ только приказать, и потому я приступаю къ дѣлу. М-съ Домби, нѣтъ сомнѣнія, принадлежитъ къ разряду женщинъ съ высокими талантами, и она даже выполнѣ...

– Оправдываетъ вашъ выборъ, – подхватилъ улыбающійся Каркеръ.

– Да, если вамъ угодно употребить такой образъ выраженія, но я не понимаю, почему она не надлежащимъ образомъ цѣнитъ титуль, которымъ ее удостоили. Есть въ м-съ Домби духъ сопротивленія, начало противорѣчія, которое должно быть ослаблено, потрясено, вырвано съ корнемъ, уничтожено. М-съ Домби, по-видимому, не хочетъ понять, что всякая мысль о противорѣчій мнѣ чудовищна и нелѣпа.

– О, мы это отлично понимаемъ! – возразилъ Каркеръ, улыбаясь наилюбезнѣйшимъ образомъ.

– Конечно, вы понимаете. Надѣюсь. Впрочемъ, хотя поведеніе м-съ Домби, къ великому изумленію, осталось неизмѣннымъ послѣ моего объясненія, однако, отдавая ей справедливость, я долженъ сказать, что мой выговоръ произвелъ на нее могущественное впечатлѣніе. И немудрено: я выразилъ свое неудовольствіе прямо, рѣшительно и съ такою строгостью, которая исключала всякую возможность сопротивленія.

Послѣднія слова Домби произнесъ съ необычайнымъ эффектомъ.

– Поэтому, Каркеръ, – продолжалъ онъ, – вы примете на себя трудъ объявить м-съ Домби отъ моего имени, что я рекомендую ея вниманію нашъ первый разговоръ, и крайне удивляюсь, отчего до сихъ поръ онъ не возымѣлъ ожидаемаго дѣйствія; что моя непремѣнная воля – измѣнить и установить ея поведеніе сообразно правиламъ, подробно изложеннымъ и объясненнымъ въ этомъ разговорѣ; что я недоволенъ ея поведеніемъ; что я въ высокой степени негодую на ея поведеніе, и что, наконецъ, я буду поставленъ въ непріятную необходимость объявить ей черезъ васъ болѣе строгія и рѣшительныя опредѣленія, если она не обратится къ своему долгу и не будетъ во всемъ поступать сообразно моимъ желаніямъ, точно такъ же, какъ первая м-съ Домби, или какъ поступала бы всякая другая женщина на ея мѣстѣ.

– Первая м-съ Домби жила очень счастливо! – сказалъ м-ръ Каркеръ, испутивъ глубокой вздохъ.

– Первая м-съ Домби была разсудительна и отличалась правильнымъ образомъ мыслей, – сказалъ м-ръ Домби, проникнутый джентльменской терпимостью къ покойницѣ.

– Какъ вы думаете, миссъ Домби похожа на свою мать? – спросилъ Каркеръ.

Въ одно мгновеніе измѣнилась вся фізіономія м-ра Домби. Повѣренный агентъ впериль въ него свои глаза.

– Я имѣлъ неосторожность коснуться самой чувствительной струны вашего сердца, – сказалъ Каркеръ сокрушеннымъ тономъ раскаянія, который, какъ нельзя болѣе противорѣчилъ выраженію его орлинаго взора. – О, простите меня, сэръ! Въ жару усердія къ вашимъ выгодамъ я совсѣмъ забываю фамилію отношенія. О, ради Бога, простите меня!

– Каркеръ, – началъ м-ръ Домби торопливымъ и значительно измѣненнымъ тономъ. Его губы поблѣднѣли и потупившіеся глаза безсознательно прыгали съ одной тарелки на другую. – Каркеръ, вы не имѣете нужды въ извиненіи. Ваши слова имѣютъ прямое отношеніе къ предмету настоящей бесѣды, и вы ошибаетесь, когда думаете, что пробудили во мнѣ горестныя воспоминанія. Вамъ нечего оправдываться, Каркеръ, я не одобряю обращенія м-съ Домби съ моею дочерью.

– Извините, я не совсѣмъ васъ понимаю, – сказалъ Каркеръ.

– Такъ поймите же, что вы должны сдѣлать... то есть, что вы непремѣнно сдѣлаете отъ моего имени возраженіе м-съ Домби насчетъ этого пункта. Вы скажете м-съ Домби, что мнѣ отнюдь не нравится ея романическая привязанность къ моей дочери; это, вѣроятно, уже замѣчено. Вѣроятно, толкуютъ, что отношенія м-съ Домби къ моей дочери рѣзко противорѣчатъ ея отношеніямъ ко мнѣ самому. Поэтому вы скажете ей прямо и безъ обиняковъ, что я протестую противъ такого чудовищнаго безпорядка, и требую, чтобы она обратила все свое вниманіе на этотъ протестъ. Истинное ли чувство увлекаетъ м-съ Домби, или одинъ только капризь, или просто духъ сопротивленія моей волѣ, – въ томъ или другомъ, или третьемъ случаѣ скажите ей, что я протестую настоятельно и безъ всякаго ограниченія. Если ее увлекаетъ истинное чувство, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе должно быть измѣнено ея поведеніе, потому что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезна моей дочери. Въ моей женѣ могутъ, конечно, обнаруживаться избытокъ сентиментальности и нѣжнѣйшія привязанности разнаго рода; но пусть она обращаетъ эти наклонности на что ей угодно, только отнюдь не на мою дочь. Въ моемъ домѣ, еще разъ, я – первое лицо, и первая обязанность моей жены – безусловное подчиненіе моей волѣ.

М-ръ Домби говорилъ съ одушевленіемъ, и лицо его почти побагровѣло отъ сильнаго волненія, въ какомъ до этой поры даже Каркеръ никогда его не видалъ. Мало-по-малу, однако, онъ пришелъ въ обыкновенное положеніе и заключилъ свою рѣчь болѣе спокойнымъ, хотя не менѣе величественнымъ тономъ:

– Итакъ, м-ръ Каркеръ, вы примете на себя трудъ представить вниманію м-съ Домби этотъ важный пунктъ со всѣми подробностями, которыя къ нему могутъ относиться. Не забудьте, что онъ долженъ составить первую статью въ порученіи, на васъ возложенномъ.

М-ръ Каркеръ вышелъ изъ-за стола, поклонился и съ задумчивымъ видомъ остановился передъ каминомъ, опустивъ свой гладкій подбородокъ на бархатную руку. Въ его взорѣ, обращенномъ на м-ра Домби, выразалось самое злобное, мекфистофелевское лукавство и вмѣстѣ сознание полного торжества надъ своимъ великимъ командиромъ. М-ръ Домби, между тѣмъ, снова принявъ величественную позу, изволилъ любоваться на заморскую птицу, которая для его удовольствія выбивалась изъ всѣхъ силъ, гарцуя около своего большого обручальнаго кольца.

– Прошу извинить, – сказалъ Каркеръ, усаживаясь опять на стулъ противъ м-ра Домби, – но для меня необходимы нѣкоторыя поясненія. Знаетъ ли м-съ Домби, что вы намѣрены сдѣлать меня органомъ вашего неудовольствія?

– Знаетъ.

– А зачѣмъ она знаетъ? – быстро возразилъ Каркеръ.

– Какъ зачѣмъ? – я ей говорилъ.

– Такъ. А зачѣмъ вы говорили, смѣю спросить? Извините, – продолжалъ Каркеръ, улыбаясь и положивъ свою бархатную руку на плечо м-ра Домби, – но мнѣ надобно хорошо знать сущность дѣла, чтобы тѣмъ успѣшнѣе совершить важное поручение, отъ котораго, нѣтъ сомнѣнія, должны произойти самыя благодѣтельныя послѣдствія. Кажется, впрочемъ, я съ удовлетворительною ясностью представляю себѣ главныя обстоятельства. Я не имѣю счастья пользоваться добрымъ мнѣніемъ м-съ Домби. Въ моемъ положеніи, разумѣется, было бы глупо на это рассчитывать, но все же мнѣ надобно уяснить этотъ пунктъ. Потрудитесь же сказать, точно ли м-съ Домби гнѣвается на меня?

– Можетъ быть.

– Слѣдовательно, для нея тѣмъ непріятнѣе *будетъ* узнать о вашемъ неудовольствіи именно черезъ меня?

– Каркеръ, я вамъ говорилъ и еще повторяю, что нѣтъ никакой надобности вамъ или мнѣ принимать въ соображеніе тотъ или другой образъ мыслей м-съ Домби. Пусть предположеніе ваше справедливо; что же изъ этого?

– Извините. Но если я хорошо васъ понимаю, дѣло идетъ, кажется, о томъ, чтобы унижить, во что бы то ни стало, гордость м-съ Домби... я осмѣлился употребить это слово для выраженія качества, которое, будучи приведено въ свои приличныя границы, неоспоримо содѣйствуетъ къ возвышенію очаровательныхъ прелестей леди, столь знаменитой по своей красотѣ и талантамъ. Словомъ сказать, сэръ, вы хотите наказать... то есть, не то, чтобы наказать, а обратить свою супругу къ предѣламъ подчиненности, которая теперь отъ нея требуется по естественному и законному праву.

– Каркеръ, вамъ должно быть извѣстно, что я не привыкъ никому отдавать подробныхъ отчетовъ въ своемъ поведеніи. Я вамъ не возражаю и не хочу возражать. Но если вы сами имѣете что-нибудь сказать противъ изложенныхъ пунктовъ, – говорите; это другой вопросъ. Признаюсь, однако, я никакъ не предполагалъ, чтобы довѣріе мое, въ какомъ бы то ни было случаѣ, могло васъ унижить...

– М_е_н_я унижить! О, Боже мой! – воскликнулъ Каркеръ, всплеснувъ руками.

– Или поставить васъ въ ложное положеніе!

– М_е_н_я въ ложное положеніе! – возразилъ Каркеръ, исполненный горестными чувствованіями, – я горжусь... я съ величайшимъ восторгомъ готовъ взяться за исполненіе вашего порученія, и будьте убѣждены, я сумѣю оправдать довѣріе, котораго меня удастаиваютъ. Признаюсь, мнѣ никакъ бы не хотѣлось быть предметомъ постоянного негодованія леди, къ ногамъ которой собираюсь повергнуть свое ревностное усердіе; она ваша супруга, и этого довольно, чтобы я питалъ къ ней глубокое уваженіе, но при всемъ томъ ваше желаніе было и будетъ для меня священнымъ закономъ, предъ которымъ уничтожаются всякія другія отношенія. Къ тому же, какъ скоро м-съ Домби обратится на истинный путь, отказавшись отъ мелкихъ заблуж-

деній, легко объясняемыхъ новостью ея положенія, то я смѣю надѣяться, она увидитъ тогда въ моемъ слабомъ участіи зародышъ глубочайшаго къ вамъ уваженія и пойметъ, что я готовъ пожертвовать для васъ всѣми благами на свѣтѣ. Вотъ это только и утѣшаетъ меня въ настоящемъ положеніи, которое, согласитесь, слишкомъ затруднительно для всякаго, кто проникнуть сознаниемъ чести и долга. Заранѣ радуюсь успѣху возложеннаго на меня порученія и не сомнѣваюсь, что благоразумное объясненіе еще болѣе укрѣпитъ нѣжнѣйшія узы любви и уваженія, которыми соединена съ вами прелестнѣйшая, прекраснѣйшая, очаровательнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ.

Въ эту минуту м-ръ Домби, казалось, опять увидѣлъ руку очаровательнѣйшей женщины, протянутую къ дверямъ, и въ сладкомъ языкѣ повѣреннаго агента опять услышалъ повтореніе словъ: "Мы чужіе съ этого времени, и ничто не можетъ насъ болѣе удалить другъ отъ друга!" Но онъ скоро прогналъ этотъ фантастическій образъ и, не измѣняя своего рѣшенія, сказалъ:

– Конечно, Каркеръ, конечно. Я не сомнѣваюсь.

– Больше ничего? – промолвилъ Каркеръ, поставивъ стулъ на прежнее мѣсто – они еще не кончили завтрака – и съ подобострастнымъ вниманіемъ дожидаясь отвѣта.

– Ничего больше, – сказалъ м-ръ Домби. – Замѣтьте хорошенько, Каркеръ, что во всѣхъ этихъ переговорахъ, производимыхъ черезъ васъ, я ни п_о_к_а_к_о_м_у_п_о_в_о_д_у не допускаю никакихъ возраженій или отговорокъ со стороны м-съ Домби. Вы примите мѣры не показываться мнѣ на глаза съ этими возраженіями или отговорками. М-съ Домби извѣщена, что я не намѣренъ входить въ длинныя разсужденія о какомъ бы то ни было предметѣ, который происходитъ между нами. Что я сказалъ – сказалъ, и мое слово – неизмѣнный законъ.

М-ръ Каркеръ согласился на все съ безмолвнымъ благоговѣніемъ, и потомъ они оба, каждый съ удовлетворительнымъ аппетитомъ, принялись оканчивать завтракъ. Явился и Точильщикъ по первому мановенію своего всемогущаго чародѣя, готовый для его удовольствія во всякую минуту сломить себѣ шею. Немедленно послѣ завтрака подвели коня м-ру Домби, и когда вслѣдъ за тѣмъ Каркеръ сѣлъ на свою лошадь, они оба отправились въ Сити.

М-ръ Каркеръ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и повелъ оживленную рѣчь съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. М-ръ Домби изволилъ слушать съ высочайшей охотой и по-временамъ благосклонно дѣлалъ краткія замѣчанія, долженствовавшія поддержать разговоръ. Такъ они ѣхали оба спокойно и чинно, вполнѣ довольные другъ другомъ. Домби, какъ и слѣдуетъ, величаво держалъ шею на своемъ туго накрахмаленномъ галстукѣ и еще величественнѣе вытягивалъ ноги на своихъ очень длинныхъ стременахъ. Опустивъ поводья и поднявъ хлыстикъ, онъ даже не смотрѣлъ, куда несетъ его благородный конь. На этомъ законномъ основаніи благородный конь имѣлъ полное право споткнуться среди дороги на огромный камень, сбросить черезъ гриву своего всадника, лягнуть его своимъ звонкимъ металлическимъ копытомъ и въ заключеніе обнаружить твердое намѣреніе повалиться на него всею тяжестью своего тучнаго тѣла.

Каркеръ, отличный наѣздникъ и проворный слуга, въ одно мгновенье соскочилъ съ сѣдла и помочь барахтающемуся коню встать на всѣ четыре ноги въ почтительномъ отдаленіи отъ всадника, лежавшаго среди дороги. Одной минутой позже, и довѣріе нынѣшняго утра была бы послѣднимъ въ жизни Домби. Несмотря на торопливость и крайнюю запутанность движеній, Каркеръ, нагибаясь надъ своимъ низверженнымъ начальникомъ, не замедлилъ выставить всѣ свои бѣлоснѣжные зубы и съ мѣфистофелевской улыбкой прошепталъ: "Вотъ теперь-то м-съ Домби имѣетъ основательную причину гнѣваться на правую руку своего супруга".

Между тѣмъ, м-ръ Домби, безчувственный и облитый кровью, струившейся по головѣ и по лицу, немедленно, подъ надзоромъ Каркера, былъ отнесенъ рабочими, занятыми починкой дороги, въ ближайшій трактиръ, куда черезъ нѣсколько минутъ со всѣхъ сторонъ нахлынули почтенные хирурги, привлеченные на мѣсто приключенія таинственнымъ инстинктомъ, подобно коршунамъ, которыхъ тотъ же инстинктъ и съ такою же поспѣшностью наводитъ на

трупъ верблюда, издохшаго среди пустыни. Когда пациентъ, послѣ нѣкоторыхъ трудовъ, приведенъ былъ въ чувство, джентльмены принялись разсуждать о свойствѣ его ранъ. Первый хирургъ, жившій подлѣ трактира, доказывалъ весьма убѣдительно, что м-ръ Домби во многихъ мѣстахъ переломилъ ногу. Такого же мнѣнія былъ и трактирщикъ. Другіе два хирурга, имѣвшіе жительство далеко отъ мѣста приключенія, и которыхъ привелъ сюда случай, опровергали это мнѣніе съ рѣдкимъ безкорыстіемъ и такъ побѣдоносно, что подъ конецъ консультаціи состоялось рѣшеніе такого рода: "Такъ какъ больной, собственно говоря, не переломилъ ни одной кости, а получилъ только контузію, хотя довольно сильную, и повредилъ одно ребро, то отсюда и слѣдуетъ, что его сегодня же къ вечеру надлежитъ перевезти изъ трактира въ его собственный домъ, наблюдая при этомъ дѣйствию всевозможныя предосторожности". Когда раны были перевязаны и омыты, что, натурально, заняло довольно времени, и пациентъ уложенъ въ постель, м-ръ Каркеръ опять вскочилъ на своего кося и поскакалъ съ горестною вѣстью.

Въ эту минуту, болѣе чѣмъ когда-либо, вся его фізіономія выражала жестокость и лукавство, хотя вообще черты его лица были довольно правильны и даже прекрасны. Взволнованный сильными ощущеніями, онъ летѣлъ во весь опоръ какъ охотникъ, преслѣдовавшій, вмѣсто дикаго звѣря, женщинъ и мужчинъ. Наконецъ, вѣхавъ въ тѣсныя и многолюдныя улицы, Каркеръ сдержалъ поводья, и, предоставивъ бѣлоному коню самому выбирать дорогу, онъ съ обыкновеннымъ комфортомъ развалился на сѣдлѣ и выставилъ передъ почтенной публикой свои перловые зубы.

Подъѣхавъ къ дому м-ра Домби, онъ приказалъ доложить, что проситъ позволенія видѣть м-съ Домби по весьма нужному дѣлу. Слуга, оставившій его въ залѣ, скоро воротился съ отвѣтомъ, что м-съ Домби проситъ извинить, такъ какъ въ этотъ часъ у нея не бываетъ гостей, о чемъ онъ, слуга, забылъ сказать напередъ.

М-ръ Каркеръ, совершенно приготовленный къ холодному приему, успѣшилъ написать на карточкѣ, что ему непременно и безъ малѣйшаго отлагательства должно имѣть удовольствіе видѣть м-съ Домби. "Я бы не осмѣлился, – писалъ онъ, – быть столь докучливымъ во второй разъ (это было подчеркнуто), если бы теперь, такъ же какъ и тогда, не былъ увѣренъ, что настоящій случай оправдаетъ мою дерзость". Черезъ нѣсколько минутъ вышла горничная и повела м-ра Каркера въ гостиную наверхъ, гдѣ сидѣли Эдиѳъ и Флоренса.

Никогда не думалъ Каркеръ, чтобы Эдиѳъ была такъ прекрасна. Часто и долго его сладострастное воображеніе останавливалось на ея изящныхъ формахъ, но никогда въ самыхъ смѣлыхъ мечтахъ она не являлась ему и вполнину такой обворожительной красавицей.

Гордо встрѣченный ея взглядомъ на порогѣ, онъ поклонился очень вѣжливо и въ то же мгновеніе посмотрѣлъ на Флоренсу съ неизъяснимымъ выраженіемъ новой власти, какую имѣлъ надъ нею. Дѣвушка невольно потупила глаза къ величайшему удовольствію м-ра Каркера, торжествовавшаго теперь и надъ ней, и надъ Эдиѳью, которая привстала, чтобы его принять.

Онъ былъ въ отчаяніи... глубоко огорченъ... даже не могъ выразить, съ какой неохотой онъ пришелъ приготовить м-съ Домби къ извѣстію о приключеніи... впрочемъ, о весьма маловажномъ приключеніи. Онъ умолялъ м-съ Домби успокоиться... вооружиться твердостью духа. Честное и благородное слово, что бѣды большой нѣтъ. Но м-ръ Домби...

Флоренса испустила пронзительный крикъ. Но м-ръ Каркеръ смотрѣлъ не на нее, а на м-съ Домби. Эдиѳъ успокоила дѣвушку. Она не испустила пронзительнаго крика. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ.

Съ м-ромъ Домби случилось на дорогѣ приключеніе. Его лошадь споткнулась, и онъ упалъ.

– О Боже мой! – воскликнула Флоренса въ порывѣ отчаянія – онъ расшибся... израненъ... убить!

Онъ нѣтъ. Честное и благородное слово, м-ръ Домби, сначала, правда, довольно оконтуженный, скоро, однако, пришелъ въ чувство, и хотя, конечно, онъ расшибся, но опасности нѣтъ никакой. Если-бъ было иначе, онъ, Каркеръ, несчастный вѣстникъ, никакъ бы не осмѣлился лично явиться передъ м-съ Домби. Онъ излагаетъ теперь дѣло такъ, какъ оно есть, и въ этомъ имѣетъ честь торжественно увѣрить м-съ Домби.

Все это было сказано какъ-будто въ отвѣтъ не Флоренсъ, а Эдиои, и его глаза были постоянно обращены на Эдию.

Потомъ Каркеръ увѣдомилъ, гдѣ положили м-ра Домби и просилъ, чтобы немедленно приказали заложить карету для возвращенія его домой

– Маменька! – лепетала Флоренса, заливаясь слезами, – нельзя ли мнѣ ѣхать туда?

При этихъ словахъ, м-ръ Каркеръ бросилъ тайный взглядъ на Эдию и отрицательно кивнулъ головою. Потомъ онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ внутреннюю борьбу м-съ Домби, прежде чѣмъ она рѣшилась отвѣчать ему своими прекрасными глазами, но все-таки отвѣтъ былъ вырванъ, потому что, въ противномъ случаѣ, Каркеръ обнаружилъ рѣшительное намѣреніе вступить въ убійственное объясненіе съ самой Флоренсой.

– Мнѣ поручено просить, – сказала м-ръ Каркеръ, – чтобы новая ключница... м-съ Пипчинъ, кажется, ея имя...

Ничго не ускользало отъ его вниманія. Сейчасъ онъ увидѣлъ, что въ подобномъ распоряженіи заключалась новая обида м-ра Домби его женѣ.

– ... чтобы м-съ Пипчинъ распорядилась приготовить постель въ нижнемъ этажѣ, такъ какъ м-ръ Домби желаетъ во время болѣзни оставаться въ своихъ комнатахъ. Сію минуту я опять ѣду къ м-ру Домби. Мнѣ, конечно, нѣтъ надобности увѣрять васъ, м-съ, что вашему супругу оказываютъ всевозможное вниманіе и приняты самыя рѣшительныя мѣры для его спокойствія. Позвольте повторить еще, что опасности нѣтъ никакой. Даже вы, м-съ, можете быть совершенно спокойны: повѣрьте мнѣ въ этомъ.

Онъ раскланялся очень любезно и съ видомъ совершеннѣйшей искренности. Воротившись еще разъ въ комнаты м-ра Домби, онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія относительно кареты и постели, и потомъ, вскочивъ на своего коня, поѣхалъ тихимъ и ровнымъ шагомъ въ Сити, куда должны были отправить карету. Во всю дорогу онъ былъ очень задумчивъ, еще задумчивѣе казался въ Сити, и эта задумчивость возросла до высшей степени, когда онъ поѣхалъ въ каретѣ къ трактиру, гдѣ былъ оставленъ м-ръ Домби. Но какъ скоро м-ръ Каркеръ очутился опять при постели больного, присутствіе духа воротилось къ нему въ полномъ объемѣ, и онъ вновь получилъ совершеннѣйшее сознаніе о своихъ перловыхъ зубахъ.

Были сумерки, когда м-ръ Домби, окутанный шинелями и обложенный подушками, помѣстился не безъ нѣкотораго труда въ своей каретѣ, куда на противоположную сторону сѣлъ и м-ръ Каркеръ, для котораго сдѣлалось теперь священнымъ долгомъ развлекать и успокаивать больного, отягченнаго страшными недугами. Они ѣхали тихо, почти шагомъ, избѣгая тряски, и поэтому была уже ночь, когда карета остановилась у подъѣзда, гдѣ ихъ встрѣтила м-съ Пипчинъ, угрюмая и кислая, твердо помнившая перувіанскіе рудники, о которыхъ вся прислуга, женская и мужская, съ каждымъ днемъ получала все болѣе точныя свѣдѣнія. Въ эту минуту м-съ Пипчинъ поливала уксуснымъ краснорѣчіемъ дюжихъ лакеевъ, которые выносили изъ кареты м-ра Домби. Каркеръ оставался въ спальнѣ до тѣхъ поръ, пока больного не уложили въ постель; потомъ, такъ какъ м-ръ Домби изъявилъ желаніе остаться наединѣ съ м-съ Пипчинъ, Каркеръ еще разъ отправился въ апартаменты м-съ Домби съ подробнымъ докладомъ о состояніи драгоцѣннѣйшаго здоровья ея высокаго супруга.

Эдию была опять вмѣстѣ съ Флоренсой, и опять м-ръ Каркеръ къ одной Эдиои обратилъ свои сладкоглаголивья уста, какъ будто она была жертвой ужаснѣйшаго безпокойства. М-ръ Каркеръ съ удивительнымъ самоотверженіемъ раздѣлялъ это безпокойство, и, проникнутый трогательнымъ участіемъ, отважился на прощаньи взять руку м-съ Домби и почтительно

поднести ее къ своимъ устамъ. Въ ту минуту онъ украдкой бросилъ взглядъ на Флоренсу и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Эдиѡ не отняла руки и не сдѣлала громкаго аплодисмента по прекрасному лицу вѣжливаго кавалера, несмотря на яркій румянецъ, покрывшій ея щеки, несмотря на яркое зарево въ ея глазахъ и судорожное бѣненіе ея сердца. Но, оставшись одна въ своей комнатѣ, она со всего размаху дала пощечину мраморному камину, такъ что при этомъ ударѣ выступила кровь на ея оконтуженной рукѣ. И долго она держала передъ открытымъ каминомъ свою руку, какъ будто хотѣла ее оторвать и положить вмѣсто полѣна на пылающіе угли. И долго сидѣла она одна подлѣ мерцающаго иламени, въ мрачной и грозной красотѣ наблюдая темныя тѣни на стѣнѣ, какъ будто въ нихъ обрисовывались ея собственныя мысли. И быстро тоскливое предчувствіе вызывало передъ ея взволнованнымъ воображеніемъ разнообразныя фигуры одна другой мрачнѣе, одна другой отвратительнѣе. Но надъ всѣми фигурами рѣзко и гордо выставился одинъ гигантскій образъ, отвратительный до омерзѣнія.

То былъ образъ м-ра Домби.

Часть третья

Глава XLIII Ночныя бдѣнія

Флоренса, уже давно пробужденная отъ сна, исполненнаго прекрасными видѣніями, замѣчала теперь съ отчаяніемъ въ душѣ, что ея отецъ и Эдиѡ – чужіе другъ для друга. Она видѣла, что это отчужденіе возрастаетъ постепенно, и знала, что взаимная вражда укореняется съ каждымъ днемъ. Ея любовь и надежды съ каждымъ днемъ затмевались новою тѣнью, старая печаль, усыпленная на время, пробудилась съ новою силой, и тяжело становилось ея сердцу, гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ былыя времена.

Пусть никто и никогда не знаетъ, кромѣ Флоренсы, на какую пытку осуждено сердце, лишенное естественной любви и встрѣчающее суровый отпоръ или обидное пренебреженіе тамъ, гдѣ должно находить нѣжнѣйшее покровительство и внимательныя заботы. Но были для Флоренсы и другія не менѣе мучительныя пытки. Сомнѣваясь въ своемъ отцѣ, она въ то же время сомнѣвалась и въ Эдиѡи, столь ей преданной, и думала о своей къ нимъ любви со страхомъ, недоверчивостью, изумленіемъ.

Видѣнія, дикія и странныя, которыя, однако, были слѣдствіемъ невинности сердца, возникали въ ея душѣ и быстро смѣнялись одно другимъ. Она видѣла, что ея отецъ суровъ и холоденъ къ Эдиѡи точно такъ же, какъ и къ ней, что онъ жестокъ, непреклоненъ, неуступчивъ. Неужели, – думала она, заливаясь горькими слезами, – неужели ея собственная родная мать, несчастная отъ такого обхожденія, зачахла и увяла вслѣдствіе безсильной борьбы съ нравственною пыткой? Потомъ она живо представляла, какъ Эдиѡ была горда и высокомерна со всѣми, кромѣ нея, и съ какимъ презрѣніемъ она сама обращалась съ ея отцомъ, не достаивая его ни малѣйшей лаской, ни однимъ благосклоннымъ взглядомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Флоренса съ ужасомъ, считая это преступленіемъ, думала, что она любитъ особу, враждебную ея отцу, и что отецъ, узнавъ объ этомъ въ своемъ уединенномъ кабинетѣ, естественно, считаетъ ее чудовищною дочерью. Прежде она была виновата лишь въ томъ, что отъ самаго рожденія не умѣла найти дороги къ отеческому сердцу, а вотъ теперь къ этой винѣ прибавилось новое и, конечно, непростительное преступленіе. Но одно ласковое слово, одинъ ласковый взглядъ Эдиѡи, и всѣ эти мысли опрокидывались вверхъ дномъ, и бѣдная дѣвушка начинала упрекать себя въ черной неблагодарности, потому что развѣ не Эдиѡ оказывала сочувствіе страждущему сердцу Флоренсы? Развѣ не она была ея лучшимъ другомъ, утѣшителемъ?

Такимъ образомъ, пылая любовью къ обоимъ, чувствуя и раздѣляя несчастіе обоихъ, и безпрестанно сомнѣваясь въ своихъ собственныхъ обязанностяхъ въ отношеніи къ обоимъ, Флоренса и подлѣ Эдиѡи терпѣла невыносимую пытку, гораздо мучительнѣе той, какая въ былыя времена раздирала ея сердце, когда она одиноко страдала въ заколдованномъ домѣ, еще не озаренномъ торжественнымъ вступленіемъ ея новой прекрасной матери.

Было, однако же, одно несчастье утонченнаго рода, отъ котораго судьба еще спасала бѣдную дѣвушку. Она не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что Эдиѡ своею нѣжностью къ ней еще болѣе отдалялась отъ ея отца и доставляла ему новые поводы къ негодованію. Богу извѣстно, на какія новыя страданія было бы обречено ея истерзанное сердце, если бы она могла представить, что отъ такой причины можетъ произойти такое страшное дѣйствіе. Но она не знала ничего на этотъ счетъ; хорошо, что не знала!

Обо всѣхъ этихъ предметахъ между Флоренсой и Эдиоью не было произнесено ни одного слова. Разъ навсегда Эдиоь сказала, что въ этомъ отношеніи между ними должно существовать всегдашнее молчаніе, подобное могилѣ. Флоренса чувствовала, что Эдиоь была права.

Таково было положеніе дѣлъ, когда м-ръ Домби, изувѣченный и страждущій, былъ привезенъ домой и отнесенъ въ свои собственные апартаменты подъ непосредственнымъ надзоромъ почтенной ключницы, прославившейся по всему хозяйству перувіанскими рудниками. Эдиоь и Флоренса получили предписаніе уволить себя отъ горестной обязанности навѣщать больного. Кромѣ м-съ Пипчинъ, къ нему имѣлъ свободный доступъ только м-ръ Каркеръ, единственный его другъ и собесѣдникъ, который обыкновенно просиживалъ до полночи.

– Ну да, миссъ Флой, нечего и говорить, славный онъ собесѣдникъ, славный, славный, чортъ бы его взялъ! Такого не найти и со свѣчей среди бѣлаго дня. А ужъ если понадобится отмѣтка, миссъ Флой, аттестатъ за вѣрную службу, миссъ Флой, – пусть онъ не показывается мнѣ на глаза. Вотъ все, что я скажу!

Такъ повела рѣчь Сусанна Нипперъ Выжига, уже часа два сидѣвшая въ комнатѣ Флоренсы съ головою, опущенною внизъ, и руками, сложенными на груди.

– Перестаньте, Сусанна! – съ кротостью отвѣчала Флоренса.

– Вамъ хорошо говорить «перестаньте», миссъ Флой, – возразила Сусанна Нипперъ съ необыкновенной запальчивостью, – а вѣдь ужъ мы, съ вашего позволенія, доходимъ до такихъ пассажей, что у честной христіанки вся кровь уйдетъ подъ пятки, если колоть ихъ иглой или булавкой. Мое дѣло сторона, миссъ Флой, а все-таки мнѣ нечего сказать противъ вашей мачехи: она обходится со мной, какъ слѣдуетъ. Горда она, правда, очень горда, да мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла. А вотъ, когда командуютъ надъ нами какія-нибудь мистриссы Пипчинсисы и стоятъ въ дверяхъ вашего папа, какъ крокодилы (хорошо еще, что не кладутъ онѣ яицъ), то ужъ извините, миссъ Флой, вѣдь я не каменная!

– Папа хорошаго мнѣнія о м-съ Пипчинъ, – возразила Флоренса, – и онъ вправѣ назначать ключницъ. Пожалуйста перестаньте, Сусанна!

– Извольте, миссъ Флой, я замолчу, если вамъ угодно. Только, что прикажете дѣлать? М-съ Пипчинъ, на мой вкусъ, кислѣ всякаго неспѣлаго крыжовника. Было бы вамъ это извѣстно.

Этотъ замѣчательный разговоръ происходилъ въ тотъ самый вечеръ, когда м-ръ Домби, послѣ бѣдственнаго приключенія, только что привезенъ былъ домой. Сусанна была особенно не въ духѣ, и не безъ причины: ее послали внизъ навѣдаться насчетъ драгоценнаго здоровья м-ра Домби, и она принуждена была адресоваться съ этимъ порученіемъ къ своему смертельному врагу, м-съ Пипчинъ, которая, не передавъ ея словъ м-ру Домби, приняла на свою отвѣтственность дать нахальный отвѣтъ, какъ выразилась Сусанна въ донесеніи Флоренсѣ. Такое нахальство миссъ Нипперъ объяснила обиднымъ и дерзкимъ невниманіемъ къ Флоренсѣ, а этого, само собою разумѣется, простить было невозможно. Вотъ почему она была не въ духѣ въ этотъ вечеръ. Впрочемъ, еще со времени свадьбы въ этой дѣвицѣ началъ развиваться безпокойный духъ подозрительности: какъ и всѣ особы съ ея характеромъ, получающія искреннюю и сильную привязанность къ лицамъ, высшимъ по своему общественному положенію, Сусанна была очень ревнива, и ея ревность теперь естественно обратилась на Эдиоь, которая раздѣлила ея прежнюю власть и вліяніе на миссъ Домби. Обрадованная отъ всей души и справедливо гордая тѣмъ, что Флоренса заняла, наконецъ, приличное мѣсто на сценѣ своего прежняго униженія и нашла себѣ естественную покровительницу въ прекрасной женѣ м-ра Домби, Сусанна Нипперъ не хотѣла однакожъ уступить Эдиою ни шагу изъ своихъ прежнихъ владѣній безъ внутренней борьбы и скрытой досады, которая, безсознательно для нея самой и съ видимымъ безкорыстіемъ, высказывалась въ ея довольно рѣзкихъ указаніяхъ на гордый и запальчивый характеръ молодой леди. Такимъ образомъ, съ послѣдняго плана въ фамильной картинѣ, на который она по необходимости снизошла послѣ свадьбы, миссъ Нипперъ вообще смотрѣла на семейныя дѣла съ рѣшительнымъ убѣжденіемъ, что нечего ждать добра отъ м-съ Домби. Но высказавъ

эту сентенцію, она при каждом возможном случаѣ спѣшила объяснить и доказать, что лично отъ себя она ничего не имѣетъ сказать противъ прекрасной леди.

– Ужъ поздно, Сусанна. Мнѣ ничего не нужно, – сказала Флоренса, сидѣвшая задумчиво за своимъ столомъ.

– Вотъ какъ, миссъ Флой! А помните, мы бывало просиживали съ вами напролетъ ночи, вы за работой, я за дремотой. Тогда Сусаннѣ никогда не было поздно. Ну, да что было, то прошло. Теперь при васъ есть маменька, которая сидитъ вмѣсто меня. Оно и лучше. Я рада. Мнѣ нечего сказать противъ нея.

– Повѣрьте, Сусанна, я никогда не забуду, кто дѣлилъ со мною мое прежнее сиротство, никогда, моя милая, никогда!

И говоря это, Флоренса обвила рукою шею своей скромной подруги и, поцѣловавъ ее въ щеку, пожелала ей доброй ночи. Это до такой степени разнѣжило миссъ Нипперъ, что она зарыдала.

– Милая, ненаглядная моя, миссъ Флой, – сказала Сусанна, – позвольте мнѣ опять навѣдаться къ вашему папа. Я знаю, моя душечка, вы очень беспокоитесь; я сама войду въ его спальню и разспрошу отъ вашего имени, гдѣ, что и какъ. Позвольте, миссъ Флой!

– Нѣтъ, Сусанна, ступайте спать. Завтра мы все узнаемъ. Утромъ я сама пойду. Маменька, я думаю, ходила туда, а можетъ, она и теперь тамъ. Прощайте, мой другъ. Спокойной ночи.

Сусанна удалилась, не говоря ни слова. Взволнованная слишкомъ нѣжными воспоминаніями, она удержалась отъ изложенія собственнаго мнѣнія насчетъ присутствія м-съ Домби при особѣ ея супруіа, да и не было нужды: Флоренса не вѣрила сама своему предположенію, и Сусанна замѣтила это по яркой краскѣ, выступившей на ея лицѣ, когда она произносила послѣднія слова. Оставшись одна, Флоренса скоро опустила голову на свои руки, какъ это она дѣлывала въ былыя времена, и не удерживала слезъ, полившихся обильнымъ потокомъ изъ ея глазъ. Домашнія бѣдствія и раздоры, погасавшая надежда отыскать когда-либо дорогу къ отцовскому сердцу, сомнѣніе и страхъ за участь матери и отца, пламенная любовь къ нимъ обоимъ, тяжкое разочарованіе въ настоящемъ и предчувствіе большихъ несчастій въ будущемъ, – все это одно за другимъ тѣснилось въ ея душѣ и падало убійственнымъ бременемъ на ея измученное сердце. Ея мать и братъ, сокрытые ранней могилой, непреклонный отецъ, Эдиовъ, презирающая его гордость и высокомеріе, но любящая ее и любимая ею, – казалось, куда бы и на что бы ни обратилась ея привязанность, нигдѣ не могла она пустить глубокихъ корней и возрасти до полного расцвѣта.

И среди этихъ размышленій, отравившихъ спокойствіе ночи, вдругъ со всею живостью предсталъ передъ нею образъ отца, изувѣченнаго и страждущаго, который лежалъ въ комнатѣ одинъ, безъ родныхъ и друзей, близкихъ его сердцу. Страшная мысль, что онъ можетъ и умереть въ этомъ положеніи, не увидѣвъ своей дочери, не сказавъ ей предсмертнаго прости, острымъ кинжаломъ впиалась въ чя грудь и заставила ее, всплеснувъ руками, судорожно отпрянуть отъ своего мѣста. Взволнованная и трепещущая, она задумала – и эта дума скоро перешла въ твердое рѣшеніе – попытаться еще спуститься по темной лѣстницѣ въ нижній этажъ и войти въ комнату м-ра Домби.

Она подошла къ дверямъ своей комнаты и начала внимательно прислушиваться. Во всемъ домѣ ни малѣйшаго шороха, и свѣчи были давно потушены. Какъ много, много, – думала она, – прошло времени съ той поры, какъ первый разъ она предприняла свое ночное путешествіе къ дверямъ отцовскаго кабинета! И тогда, какъ теперь, она въ глубокую полночь подкрадывалась къ его комнатѣ, откуда онъ тотчасъ же вывелъ ее назадъ... но это было давно, давно... а теперь?... но вотъ увидимъ.

Съ тѣмъ же дѣтскимъ сердцемъ, какъ и прежде, съ тѣми же робкими глазами и распущенными волосами, Флоренса теперь, какъ и тогда, робко спустилась съ лѣстницы, прислушиваясь къ шуму собственныхъ шаговъ, и подошла къ его комнатѣ. Въ домѣ никто не шевелился.

Дверь была приотворена, и все вокруг так было тихо, что она могла слышать трескъ каминнаго огня и считать бой часовъ, стоявшихъ на каминѣ.

Она отважилась заглянуть въ комнату. Ключница, закутанная въ одѣяло, дремала съ закрытыми глазами въ вольтеровскомъ креслѣ передъ каминомъ. Дверь въ другую комнату была приотворена и заставлена ширмами; но оттуда свѣтился огонекъ, и свѣча, казалось, стояла передъ постелью отца. Все тихо, все спокойно, и по дыханію больного можно было судить, что онъ спитъ. Это придало ей духу пробраться за ширмы и заглянуть въ его комнату.

Она на цыпочкахъ прокралась къ его постели, взглянула на спящее лицо и... задрожала всѣмъ тѣломъ, какъ будто вовсе не ожидала его увидѣть. Проснись онъ въ эту минуту или сдѣлай инстинктивное движеніе, Флоренса осталась бы прикованною къ мѣсту.

На его лицѣ былъ глубокій шрамъ. Вспрыснутые цолосы неправильными прядями разбросались по подушкѣ. Одна рука, свѣсившаяся съ постели, была перевязана. М-ръ Домби былъ очень блѣденъ. Но не это приковало къ мѣсту робкую дѣвушку, послѣ того какъ она бросила быстрый взглядъ на отца и увѣрилась, что онъ спитъ. Была въ его глазахъ и во всей фигурѣ какая-то рѣзкая особенность, вовсе незнакомая Флоренсѣ.

Во всю жизнь ни разу не видала она его лица свободнымъ отъ какойто дикой угрюмости, близкой къ негодованію. Вездѣ и всегда отражался на немъ этотъ дикій отпечатокъ, и при взглядѣ на него, Флоренса невольно потупляла глаза, и всякая надежда замирала въ ея сердцѣ передъ этимъ суровымъ, отталкивающимъ, нелюдимымъ взоромъ. Но теперь... первый разъ теперь это лицо было свободно отъ облака, омрачившаго всю жизнь отверженнаго дѣтища. Тихая, спокойная ночь отражалась на немъ, и, казалось, онъ заснулъ, благословивъ напередъ свою дочь.

Пробудись, чудовищный отецъ! Пробудись теперь, чопорный варваръ! Время летитъ быстро, и часъ идетъ сердитою стопою. Пробудись!

Никакой перемѣны на лицѣ. Его неподвижное спокойствіе напомнило наблюдавшей дѣвушкѣ милыя лица, которыхъ уже нѣтъ. Вотъ какъ бывало смотрѣли они, такъ и онъ бы могъ смотрѣть! А почему знать? можетъ, и придетъ пора, когда она, бѣдная сиротка, встрѣтитъ ласковый взоръ отца, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ прояснѣютъ пасмурныя лица всѣхъ, окружающихъ м-ра Домби. Какъ скоро наступитъ это блаженное время, ему, конечно, не будетъ тяжело оттого, что теперь хотѣлось бы ей сдѣлать, а она – Боже мой – какъ она была бы счастлива!

Она ближе подкралась къ его постели и, притаивъ дыханіе, тихонько поцѣловала его въ щеку. Потомъ она осмѣлилась даже на короткое время положить свое лицо подлѣ его головы и обвить рукою подушку, на которой онъ лежалъ.

Пробудись, обреченная жертва, пока дочь твоя близко! Время летитъ быстро, и часъ идетъ сердитою стопою. Вотъ уже онъ шагаетъ въ твоёмъ домѣ. Пробудись!

Она мысленно молилась Богу, чтобы онъ благословилъ ея отца и смягчилъ его сердце, если можно; а если нельзя, то чтобы онъ простилъ ему его вину и простилъ ей самой ея молитву, быть можетъ, безразсудную. Потомъ, взглянувъ еще разъ на спящее лицо, она робко прокралась изъ комнаты и незамѣтно прошла назадъ мимо дремавшей ключницы.

Спи теперь, м-ръ Домби, спи спокойно, сколько хочешь и можешь! Но ты проснешься, чудовищный отецъ, и благо тебѣ, если тотъ же взоръ, исполненный любви и грусти, встрѣтитъ твое пробужденіе!

Тоскливо и болѣзненно сжималось сердце Флоренсы, когда она опять взбиралась наверхъ. Спокойный домъ, казалось, сдѣлался еще угрюмѣй и мрачнѣй. Общее усыпленіе среди глубокой полночи имѣло для нея торжественность смерти и жизни. Таинственность ея собственной поступи усугубляла стѣснительный ужасъ ночи. Ея ноги дрожали, подкашивались, и она не смѣла пройти въ свою спальню. Отворивъ двери гостиной, куда прокрадывался черезъ сторы блѣдный свѣтъ луны, она сѣла подъ окномъ и смотрѣла на безлюдную улицу.

Вѣтеръ уныло завывалъ передъ окнами сонныхъ домовъ. Фонари блѣднѣли и дрожали, какъ будто отъ стужи. На высокомъ небѣ мерещилось что-то такое, чего нельзя назвать ни мракомъ, ни свѣтомъ, и ночь, чреватая зловѣщимъ предчувствіемъ, безпокоилась и дрожала, какъ нечестивецъ, испускающій въ предсмертныхъ судорогахъ послѣднее грѣшное дыханье. Было пасмурно, очень пасмурно, а Флоренса чувствовала какую-то враждебную антипатію къ другой погодѣ.

Ея прекрасная мама не заходила въ этотъ вечеръ въ ея комнату, и вотъ почему, между прочимъ, она такъ долго не ложилась въ постель. Томимая сколько общимъ безпокойствомъ, столько и пламенной жадой съ кѣмъ-нибудь поговорить, чтобы разрушить эти страшныя чары молчанія и мрака, Флоренса направила свои шаги къ той комнатѣ, гдѣ спала Эдиѣ.

Незапертая дверь легко уступила усилію слабой руки. Комната была ярко освѣщена, и Флоренса чрезвычайно изумилась, увидѣвъ, что ея мать, раздѣтая только вполовину, сидѣла подлѣ камина, гдѣ искрился и хрустѣлъ перегорѣлый пепель. Въ ея пламенѣвшемъ взорѣ, обращенномъ на потолокъ, ея лицѣ, въ манерѣ, съ какой она облокотилась на ручку кресель, во всей ея фигурѣ, Флоренса увидѣла такое гордое выраженіе, которое привело ее въ трепеть.

– Мама! Что съ вами?

При звукѣ этого голоса Эдиѣ быстро вскочила съ мѣста и взглянула съ такимъ страннымъ изумленіемъ, что Флоренса испугалась еще болѣе.

– Мама, милая мама! что съ вами? – повторила Флоренса, поспѣшно подвигаясь впередъ.

– Мнѣ нездоровилось, – сказала Эдиѣ, продолжая смотрѣть на нее тѣмъ же страннымъ образомъ. – Мнѣ грезились дурныя сны, мой ангель.

– Тогда какъ вы не ложились въ постель, мама?

– Сны наяву. Полугрезы, гадкіе призраки... Ты не понимаешь, мой ангель.

Черты ея лица постепенно приняли ласковое выраженіе, и, когда Флоренса бросилась въ ея объятія, она спросила съ нѣжностью:

– Но что сдѣлалось съ моей птичкой? Чего здѣсь надобно моей птичкѣ?

– Мнѣ грустно, мама. Сегодня вы не заходили ко мнѣ, и я не знаю, что тамъ съ папенькой...

Флоренса остановилась.

– Поздно теперь? – спросила Эдиѣ, лаская кудри дѣвушки, рассыпавшіяся по ея лицу.

– Очень поздно, мама. Уже свѣтаетъ.

– Свѣтаетъ?! – съ изумленіемъ повторила Эдиѣ.

– Что вы сдѣлали съ вашей рукою, маменька? – спросила Флоренса.

Эдиѣ быстро отняла руку и взглянула съ какимъ-то страннымъ испугомъ на робкую дѣвушку. Вскорѣ, однако, она оправилась и сказала:

– Ничего, мой ангель, ничего. Ударъ... царапина... О Флоренса, милая Флоренса!

И грудь ея волновалась, и горькія слезы полились изъ ея глазъ.

– Что мнѣ дѣлать, мама?... о, скажите, милая мама, что мнѣ дѣлать? Неужели мы не будемъ счастливы? Неужели я не могу помочь? Неужели нѣтъ никакихъ средствъ?

– Никакихъ! – отвѣчала Эдиѣ.

– Увѣрены ли вы въ этомъ, милая мама? Неужели все и навсегда останется такъ? Если бы теперь, несмотря на ваше запрещеніе, я высказала, что у меня на душѣ... вы не станете бранить меня, милая мама, не станете?

– Безполезно, мой другъ. Это ни къ чему не поведетъ. Я сказала, что мнѣ грезились страшныя сны. Они могутъ воротиться опять, и ничто ихъ не измѣнитъ!

– Я васъ не понимаю, – сказала Флоренса, устремивъ глаза на ея взволнованное лицо, которое теперь, казалось, принимало мрачное выраженіе.

– Грезилась мнѣ гордость, безсильная въ добрѣ, всемогущая въ злѣ, гордость, пропитанная желчью, накопившеюся въ продолженіе многихъ годовъ, гордость, подавившая грудь, гдѣ

она гнѣздилась сознаниемъ глубокаго униженія, и никогда не одушевлявшая ее рѣшимостью избѣгнуть поводовъ къ этому униженію и сказать въ свое время: "этого не должно быть!" И видѣла я спутниковъ этой гордости, тащившихся по ея пятамъ съ крикомъ и проклятіями, и имя этимъ спутникамъ – самопрезрѣніе, ожесточеніе, гибель.

Она не смотрѣла болѣе ма Флоренсу и продолжала такъ, какъ будто разговаривала сама съ собой.

– И грезилось мнѣ окаменѣлое равнодушіе, которое родилось отъ этого самопрезрѣнія. И вотъ оно, обхвативъ желѣзными когтями свою жертву, ведетъ ее впередъ и впередъ по горячимъ углямъ, ведетъ до самага алтаря по мановенію дрожащей, дряхлой и безстыдной материнской руки! О мать моя, мать моя! встрепенутся ли грѣшныя кости твои въ глубинѣ могильнаго склепа!

Ея глаза налились кровью, и рука съ грознымъ жестомъ протянулась къ камину.

– И грезилось мнѣ, что подлая, презрѣнная нога попираетъ эту проклятую гордость при ея первомъ усилии поднять голову. И вотъ она затоптана, изранена, опозорена, и цѣлая стая борзыхъ собакъ ждетъ мгновенія, чтобы вцѣпиться въ нее острыми клыками. Но еще барахтается истерзанная жертва и не хочетъ уступить. Она встаетъ, должна встать, она не можетъ не встать; и пусть миллионъ проклятій разразится надъ извергомъ, который осмѣлится явиться предъ ней со своимъ презрѣннымъ вызовомъ!

Она судорожно сжала трепещущую руку молодой дѣвушки и, прижавъ ее къ своей груди, успокоилась мало-по-малу.

– О Флоренса! – сказала она. – Мнѣ казалось сегодня, что я съ ума сойду!

И склонивъ свою гордую голову на шею сироты, она горько заплакала.

– Не оставляй меня, мой другъ! Будь подлѣ меня! Вся моя надежда лишь въ тебѣ одной! О, не оставляй меня!

Эти восклицанія много разъ повторялись.

Скоро она успокоилась и, проникнутая материнской нѣжностью, сжалилась надъ слезами Флоренсы и надъ тѣмъ, что она принуждена бодрствовать въ такіе неурочные часы. Разсвѣтъ между тѣмъ съ своимъ блѣднымъ, безстрастнымъ лицомъ уже смѣло заглядывалъ въ окна. Эдиѳъ взяла ее на руки, положила на постель и, усѣвшись подлѣ, уговаривала ее заснуть.

– Ты устала, мой ангель, ты несчастна! Тебѣ нуженъ покой.

– Сегодня я точно несчастна, милая мама. Но и вы также устали, и вы несчастны.

– Да, но не теперь, когда ты спишь подлѣ меня.

Онѣ поцѣловались, и Флоренса мало-по-малу погрузилась въ тихій сонъ. Ея лицо сохранило задумчивое выраженіе, и рука во снѣ часто прижималась къ Эдиѳи, но съ какою-то робостью, какъ будто этимъ движеніемъ она боялась оскорбить отца. Казалось, она старалась помиритъ ихъ обоихъ и показать, что любитъ ихъ обоихъ, но не знала, какъ это сдѣлать. Такъ и во снѣ тревожное состояніе духа отразилось на ея печальной фигурѣ.

Эдиѳъ сидѣла подлѣ и съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца смотрѣла на эти темныя вѣлки, омоченныя слезами. Эдиѳъ знала истину. Блѣдный разсвѣтъ смѣнился яснымъ днемъ, и солнечный лучъ прокрался чрезъ стору, но Эдиѳъ не ложилась и не смыкала глазъ. Часто она цѣловала руку спящей дѣвушки и еще чаще шепотомъ повторяла:

– Будь подлѣ меня, Флоренса! На тебя вся моя надежда!

Глава XLIV Разлука

Мисс Сусанна Нипперъ встала очень рано, хотя не съ разсвѣтомъ. Черные глаза этой дѣвицы отчего-то посоловѣли и, казалось, неохотно смотрѣли на окружающіе предметы. Надъ ними была красная опухоль, несомнѣнный признакъ обильныхъ слезъ, пролитыхъ во время ночи. Но не упаль мужественный духъ Сусанны Нипперъ; она была чрезвычайно проворна и смѣла, и всѣ ея способности, казалось, были обращены на какое-то великое дѣло. Это было замѣтно даже по ея платью, перетянутому донельзя и нарядному до чрезвычайности. Притомъ, расхаживая по всему дому, она безпрестанно мотала головой, а это ясно говорило о работѣ ея мыслительной машины.

Словомъ, мисс Сусанна Нипперъ рѣшилась – можете вообразить? – рѣшилась на отчаянное предпріятіе: пробраться въ комнату м-ра Домби и объясниться наединѣ съ этимъ джентльменомъ. Поднявшись съ постели этимъ утромъ, она сдѣлала грозный жестъ и сказала самой себѣ съ необыкновенной энергіей:

– Хочу и сдѣлаю! Желала бы я знать, кто мнѣ помѣшаетъ?

Пришпоривая себя безъ отлагательства исполнить отчаянный планъ, Сусанна Нипперъ цѣлое утро шмыгала по лѣстницѣ взадъ и впередъ, напрасно отыскивая благоприятный случай къ рѣшительному нападенію. Такія неудачи, раздражая ея нетерпѣніе, еще болѣе увеличивали бдительность храброй дѣвицы, и, наконецъ, къ вечеру ей удалось открыть, что заклятый ея врагъ, м-съ Пипчинъ, подъ предлогомъ прошлой безсонной ночи, легла на часикъ всхрапнуть въ своей собственной комнатѣ, и что м-ръ Домби покоился одинъ на софѣ безъ своей обычной свиты.

Вождедѣльное открытіе привело въ движеніе не только голову, но и всѣ суставы отважной героини. Она на цыпочкахъ подошла къ дверямъ м-ра Домби и постучалась.

– Войдите? – сказала м-ръ Домби.

Сусанна еще разъ мотнула головой, для окончательнаго возбужденія умственныхъ способностей, и вошла.

М-ръ Домби, обращенный лицомъ къ камину, съ величайшимъ изумленіемъ взглянулъ на нежданную гостью и привсталъ немного съ постели. Мисс Нипперъ сдѣлала книксенъ.

– Что вамъ надобно? – сказала м-ръ Домби.

– Мнѣ надобно, сэръ, поговорить съ вами, если это вамъ угодно.

Губы м-ра Домби пошевелились, какъ-будто для повторе. нія этихъ словъ, но, озадаченный дерзкой отвагой молодой женщины, онъ, казалось, не могъ произнести ихъ вслухъ.

– Вотъ уже, сэръ, если вамъ угодно, ровно двѣнадцать лѣтъ прошло, какъ я нахожусь въ услуженіи при мисс Флой. Она была ребенкомъ, когда я пришла сюда въ первый разъ, и ужъ я давно жила здѣсь, когда поступила сюда м-съ Ричардсъ. Я не Маѳусаиль, съ вашего позволенія, но все же и не грудной ребенокъ.

М-ръ Домби смотрѣлъ во всѣ глаза, но не сдѣлалъ никакого замѣчанія на это предварительное изложеніе фактовъ.

– Не было, нѣтъ и не будетъ дѣвицы милѣе, добрѣе, привлекательнѣе мисс Флоренсы, сэръ, если вамъ угодно слышать это отъ вашей покорной слуги. Я ее знаю билліонъ разъ лучше, чѣмъ нѣкоторые другіе люди, потому что я видѣла ее въ ея печальные дни, и видѣла ее въ ея радостные дни (какъ мало ихъ было!), видѣла ее и въ одиночествѣ, когда она жила затворницей, а нѣкоторые другіе люди не видѣли ея никогда и нигдѣ. Уже давно я хотѣла сказать этимъ нѣкоторымъ людямъ, и вотъ теперь говорю, – здѣсь черноокая вѣщуныя для усиленія эффекта притопнула ногой – говорю, что мисс Флой – прекраснѣйшій, прелестнѣйшій, благодатнѣйшій ангель, какого не было, нѣтъ и не будетъ на землѣ. Я это говорила, говорю и буду говорить,

сэръ, хотя бы разорвали меня въ мелкіе куски. Конечно, я не блаженная мученица Фокса²¹, но все же я христіанка, къ вашимъ услугамъ. Да-съ!

М-ръ Домби, взволнованный негодованіемъ, сдѣлался теперь еще блѣднѣе, чѣмъ при паденіи съ лошади. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, и ему казалось, что его уши не на своемъ мѣстѣ.

– Моя двѣнадцатилѣтняя служба тутъ не идетъ въ расчетъ, сэръ, – продолжала Сусанна, – всякій отдастъ справедливость миссъ Флой; да и какъ не отдать, когда она такой ангель? Но я люблю ее больше всѣхъ на свѣтѣ, между тѣмъ какъ нѣкоторые другіе люди о ней и знать не хотятъ. Вотъ объ этомъ-то именно я и пришла теперь сказать нѣкоторымъ другимъ людямъ. – Здѣсь она опять притопнула ногой и сдѣлала энергическій жестъ. – И еще бы я стала молчать послѣ двѣнадцатилѣтней безпорочной службы? Я, конечно, не крикунья площадная, сэръ, ну да все же я и не рыба, съ вашего позволенія.

– Что вы подъ этимъ разумѣете? – проговорилъ м-ръ Домби, вперивъ въ нее гнѣвный взглядъ. – Какъ вы смѣете это говорить?

– Что я подъ этимъ разумѣю? А ничего. Я пришла говорить съ вами, какъ покорная ваша слуга, говорить съ плеча. А какъ я смѣю, такъ этого, съ вашего позволенія, я и сама не знаю. Смѣю, да и только. О, вы не знаете миссъ Флоренсы, не знаете, – вотъ и все тутъ!

М-ръ Домби, въ бѣшенствѣ, протянулъ руку къ шнурку колокольчика, но по эту сторону камина не было шнурка, а онъ не могъ безъ посторонней помощи перейти на другую сторону. Быстрый глазъ Сусанны мигомъ принялъ къ свѣдѣнію такое обстоятельство, и теперь-то, какъ она рассказывала послѣ, Домби уже совершенно былъ въ ея рукахъ.

– Миссъ Флой, осмѣлюсь вамъ доложить, самая покорная, послушная, прекрасная и, по милости нѣкоторыхъ людей, самая несчастная изъ всѣхъ дочерей на бѣломъ свѣтѣ. Желала бы я знать, какой джентльмень – будь у него цѣлые амбары съ золотыми мѣшками, цѣлые погреба съ изумрудами и алмазами – дасть, какой господинъ не сталъ бы гордиться миссъ Флоренсой? Онъ будетъ гордиться, долженъ, онъ не можетъ не гордиться. А узнай онъ ея настоящую цѣну, пойми хорошенько ея добрую душу, такъ онъ, я вамъ скажу, скорѣе бы спалилъ свои амбары и разгромилъ погреба, скорѣе бы одѣлся въ лохмотья и сталъ таскаться со двора на дворъ, чѣмъ допустилъ бы ее мучиться и горевать въ этомъ домѣ, гдѣ, съ вашего позволенія, крушится, тоскуетъ и ноетъ ея нѣжное сердце.

Здѣсь Сусанна заплакала навзрыдъ и уже изо всей силы притопнула ногой.

– Женщина! – вскричалъ м-ръ Домби, – оставьте комнату.

– Прошу извинить, сэръ; если бы мнѣ даже пришлось оставить это мѣсто, гдѣ я столько лѣтъ служила вѣрой и правдой, гдѣ я такъ много видѣла и слышала... Да это пустяки, сэръ: у васъ не достанетъ духу изъзза такой бездѣлицы разлучить меня съ миссъ Флой... то есть, я вамъ скажу, вы непременно должны выслушать меня до конца, и выслушаете. Я вѣдь, слава Богу, не въ Индіи живу... ну, а если и въ Индіи, такъ вотъ я овдовѣла и рѣшилась спалить себя на кострѣ съ протухлымъ тѣломъ гадкаго мужа. И спалю, если рѣшилась, это вѣрно точно такъ же, какъ вотъ теперь я ни за что въ свѣтѣ не выйду изъ этой комнаты.

Энергическіе жесты Сусанны Нипперъ, столько же, какъ и ея слова, подтвердили дѣйствительность высказанной сентенціи.

– Ужъ зато могу поручиться, сэръ, – продолжала она, – что въ цѣломъ домѣ никто васъ столько не робѣетъ и не труситъ, какъ я, ваша покорная слуга. Повѣрите ли? я разъ тысячу собиралась съ вами объясниться, да все не хватало духу. А вотъ въ прошлую ночь я рѣшилась, да и пошла; такъ прошу извинить, я сдѣлаю, что надо.

²¹ Цитата изъ Fox's book of martyrs – сочиненія, гдѣ изложены біографіи христіанскихъ мучениковъ. Книга эта пользуется въ Англіи такою же популярностью, какъ у насъ Четырехминей. *Прим. перев.*

М-ръ Домби, въ порывѣ бѣшеной досады, еще разъ хотѣлъ схватиться за колокольный снарокъ и, за отсутствіемъ шнура, ухватился за свою голову.

– Я видѣла, какъ миссъ Флой мучилась и тосковала въ своемъ дѣтствѣ безъ укоровъ и безъ жалобъ; я видѣла потомъ, какъ она просиживала напролетъ цѣлыя ночи, помогая въ занятіяхъ своему маленькому братцу; я видѣла, какъ она, не смыкая глазокъ, день и ночь сидѣла подлѣ него въ другое время – этого впрочемъ не могли не замѣтить и нѣкоторые другіе люди – я видѣла, какъ она, безъ помощи, безъ одобреній, безъ ласковаго слова, достигла возраста прекрасной дѣвицы, которая можетъ составить честь и гордость всякаго общества; я видѣла, какъ ее оскорбляли обиднымъ невниманіемъ, и какъ она, бѣдняжка, принимала это къ сердцу; но никогда, смиренный и кроткій агнецъ, она не роптала мыслью, ни словомъ, ни дѣлами, напротивъ, она любила и любить нѣкоторыхъ людей со всей горячностью нѣжнаго сердца, она обожаетъ ихъ и поклоняется имъ, а они молчатъ и хмурятъ брови, эти нѣкоторые люди. Желала бы я знать, развѣ нѣтъ у нихъ языка? Развѣ они истуканы? Вѣдь миссъ Флой не идолопоклонница, надѣюсь.

– Эй! кто-нибудь! – закричала м-ръ Домби изо всей силы. – Куда запропастилась ключница? Эй! кто-нибудь!

– Вчера я очень поздно оставила миссъ Флоренсу, – продолжала неумолимая Сусанна, – и она не хотѣла лечь въ постель, потому что вы больны, и вотъ только поэтому надорвалось съ печали ея бѣдное сердце. Я вѣдь не павлинь, у котораго на хвостѣ цѣлыя дюжины зоркихъ глазъ, но все же, съ вашего позволенія, я и не кротъ, у котораго нѣтъ ни одного глаза. Я стала сидѣть и дожидаться въ своей комнатѣ, думая, что она соскучится и позоветъ меня, и вотъ смотрю: она, бѣдный агнецъ, потихоньку спускается съ лѣстницы и на цыпочкахъ подкрадывается къ этой комнатѣ, какъ будто, съ вашего позволенія, нѣжная дочь не имѣетъ права навѣщать больного отца! Какъ будто за это ее стали бы судить, какъ преступницу! И потомъ она опять, бѣдняжка, робкими шагами побрела по лѣстницѣ и, войдя въ гостиную, зарыдала, да такъ зарыдала, сэръ, что у меня сердце надорвалось отъ жалости. Желая теперь знать: будетъ этому конецъ или нѣтъ? – продолжала Сусанна Нипперъ, вытирая свои черные глаза и неустрашимо устремивъ ихъ на бѣшеное лицо м-ра Домби. – Я видѣла это не въ первый разъ! Я слышала это не чужими ушами! Вы не знаете, сэръ, вашей дочери! Вы не знаете, сэръ, что вы дѣлаете! Разъ навсегда рѣшаюсь напомнить вамъ, что это и грѣшно, и стыдно, и безсовѣстно. Вотъ зачѣмъ я пришла, и вотъ что мнѣ хотѣлось, съ вашего позволенія, объяснить нѣкоторымъ людямъ! – заключила миссъ Сусанна Нипперъ, дѣлая выразительные жесты и руками, и головой.

– Ахти, ахти! какія напасти! – слышался голосъ м-съ Пипчинъ, когда черное бомбазиновое платьѣ этого прекраснаго перувианскаго рудокопа зашелестѣло въ комнатѣ. – Это что значить?

Сусанна привѣтствовала м-съ Пипчинъ такимъ взоромъ, который она нарочно изобрѣла для нея при первомъ съ нею знакомствѣ, и предоставила отвѣчать самому м-ру Домби.

– Это что значить? – повторилъ м-ръ Домби, выходя изъ себя. – Что это значить, сударыня? Вы завѣдываете здѣсь всѣмъ хозяйствомъ и смотрите за порядкомъ; кого же объ этомъ спрашивать, если не васъ? Знаете ли вы эту женщину?

– Я знаю о ней очень мало хорошаго, сэръ, – каркала м-съ Пипчинъ. – Какъ вы сюда попали? Ступайте вонъ.

Непреклонная миссъ Нипперъ опять удостоила м-съ Пипчинъ своимъ выразительнымъ взглядомъ и осталась на мѣстѣ.

– Такъ-то вы управляете моимъ домомъ, сударыня! – гнѣвно продолжалъ м-ръ Домби. – Входятъ ко мнѣ безъ позволенія и осмѣливаются разговаривать со мною! Какъ? Джентльмену въ его собственной комнатѣ нѣтъ покою отъ его же служанокъ!

– Извините, сэръ, – возразила Пипчинъ, сверкая своимъ сѣрымъ мстительнымъ глазомъ. – Я чрезвычайно жалѣю объ этомъ случаѣ: это ни на что не похоже, это изъ рукъ вонъ; но я, къ сожалѣнію, принуждена сказать, сэръ, что эта молодая женщина не признаетъ надъ собою никакой управы. Ее избаловала миссъ Домби, и она не слушается никого. Вы это сами знаете, негодница, – язвительно продолжала м-съ Пипчинъ, кивнувъ головою на Сусанну Нипперъ. – Вонъ отсюда, срамница, вонъ!

– Если вы находите здѣсь людей, которые не хотятъ надъ собой признавать никакой управы, – сказалъ м-ръ Домби, оборачиваясь къ камину, – то вы, я думаю, должны знать, м-съ Пипчинъ, что дѣлать съ такими людьми. Въ чемъ же иначе, смѣю спросить, ваши обязанности въ этомъ домѣ? Велите ей убираться прочь.

– Сэръ, я понимаю свои обязанности, и, слѣдовательно, знаю, какъ распорядиться, – возразила м-съ Пипчинъ, бросивъ въ то же мгновеніе мстительный взглядъ на свою жертву. – Сусанна Нипперъ! Мѣсяць вамъ сроку съ этого часа!

– О? право? – вскричала Сусанна, выпрямившись во весь ростъ.

– Ну да, мѣсяць съ этого часа! Да что вы смѣтаете? Вотъ вы у меня нахохочетесь! Съ глазъ долой сію же минуту!

– Сію же минуту я и уйду; на это вы можете положиться, – скороговоркой отвѣчала Сусанна. – Я служила въ этомъ домѣ двѣнадцать лѣтъ при своей молодой госпожѣ, а подъ командой какой-нибудь Пипчинъ часу не хочу остаться. Было бы вамъ это извѣстно, матушка моя, м-съ Пипчинъ.

– Да уберетесь ли вы отсюда? – кричала разъяренная старуха. – Вонъ, вонъ, или я велю васъ вытолкать.

– Мое единственное утѣшеніе въ томъ, – продолжала Сусанна, уставивъ острые глаза на м-ра Домби, – что я высказала нѣкоторымъ людямъ чатицу истины, которую давно слѣдовало бы высказать, ясно и честно. Пусть теперь нагонять сюда цѣлую свору мистриссовъ Пипчинисовъ... Надѣюсь, впрочемъ, такихъ красавицъ не много на бѣломъ свѣтѣ...

Здѣсь м-съ Пипчинъ испустила пронзительный вой и съ яростью повторила: "Ступайте вонъ"! Сусанна не сдѣлала ни шагу.

– Пусть, говорю я, нагонять сюда цѣлую свору какихъ-нибудь мистриссинъ Пипчинсинъ, ни одного слова не взять имъ назадъ изъ того, что я теперь высказала, хотя бы онѣ кричали цѣлый годъ отъ десяти часовъ утра до двѣнадцати вечера, и хотя бы онѣ издохли отъ надсады, что было бы очень весело!

И съ этими словами миссъ Сусанна Нипперъ бодро пошла изъ комнаты въ сопровожденіи своего смертельнаго врага. Войдя въ свою комнату въ верхнемъ этажѣ, она тотчасъ же заперлась, къ пррльному отчаянію взбѣщенной Пипчинъ, и, усѣвшись между своими сундуками, принялась рыдать.

Голось м-съ Пипчинъ, стоявшей за дверями, скоро вывелъ ее изъ этого умилительнаго состоянія духа.

– Останется ли пучеглазая дура доживать до мѣсяца, или уйдетъ сейчасъ?

Миссъ Нипперъ отвѣчала изъ своей засады, что такой особы здѣсь не имѣется, а что живетъ она въ нижнемъ этажѣ, въ комнатѣ ключницы. Спросите старуху Пипчинъ.

– Ахъ, безстыдница, срамница, сволочь водяная! – неистовствовала за дверями м-съ Пипчинъ. – Убирайтесь вонъ сію же минуту. Захватывайте свои вещи, и чтобъ духу вашего здѣсь не пахло. Какъ вы смѣете говорить такъ съ леди, которая видала лучшіе дни.

На это миссъ Нипперъ отвѣчала, что она очень жалѣетъ объ этихъ лучшихъ дняхъ, которые видала м-съ Пипчинъ; а что касается до водяной сволочи, то она, какъ извѣстно, кишмя-кишитъ въ перувіанскихъ рудникахъ, куда и слѣдуетъ отправиться за ней на первомъ кораблѣ съ бомбазиновымъ флагомъ.

– Да что вы тамъ бѣснуетесь за моей дверью? – сказала Сусанна Нипперъ. – Нечего погачить мой замокъ своимъ гадкимъ глазомъ. Вы видите, что я укладываюсь и сейчасъ ѣду; можете въ этомъ присягнутьъ.

Перувіанская вдовица выразила живѣйшее удовольствіе при этомъ извѣстїи и, сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній насчетъ низкой породы, особенно, когда ее испортиять фамиліарнымъ обращеніемъ, отправилась приготовить жалованье Нипперъ. Тогда Сусанна начала приводить въ порядокъ свои сундуки, чтобы достойнымъ образомъ выѣхать изъ дому, гдѣ она служила двѣнадцать лѣтъ вѣрой и правдой. По временамъ, когда она думала о Флоренсѣ, эти занятія прерывались громкимъ рыданіемъ.

Скоро по всему дому распространился слухъ, что Сусанна Нипперъ поссорилась съ м-сь Пипчинъ, что онѣ ходили жаловаться къ м-ру Домби, что по этому поводу произошелъ большой шумъ въ комнатѣ м-ра Домби, и, что, наконецъ, Сусанна уѣзжаетъ. Все это, съ разными поясненіями, достигло до ушей Флоренсы, и она до того приняла къ сердцу послѣдній пунктъ этой молвы, что мигомъ бросилась изъ гостиной въ комнату своей черноокой прїятельницы. Сусанна, между тѣмъ, уложивъ послѣдній ящикъ, сидѣла на немъ, скрестивъ руки и съ дорожною шляпою на головѣ.

– Сусанна, милая Сусанна! Неужели и вы оставляете меня? И вы?

– О, ради Бога, миссъ Флой! – отвѣчала Сусанна рыдая, – не говорите мнѣ ни слова, или я принуждена буду унизиться передъ этими Чинпипчисами, а мнѣ бы ни за что на свѣтѣ не хотѣлось имъ показывать свои слезы, миссъ Флой!

– Сусанна, другъ мой, радость моя! Что мнѣ безъ васъ дѣлать? Какъ мнѣ съ вами разстаться? Я не пушу васъ, не пушу, не пушу!

– Нѣтъ, нѣ-е-ть, моя миленькая, моя душечка, миссъ Флой, право, право же, ей Богу, нѣтъ! Нельзя. Этому такъ надобно быть. Я сдѣлала свое дѣло, миссъ. Воротить нельзя. Я не виновата. Я не тужу, миссъ Флой. Пускай ихъ себѣ, пускай! А ужъ мѣсяца мнѣ доживать нельзя, не то у меня не хватить духу разстаться тогда съ вами, мое ненаглядное сокровище. Нѣтъ, миссъ Флой, не отговаривайте меня, ради Бога! Я довольно твердая, какъ видите, но все же я не мраморный столбъ, съ вашего позволенія.

– Да что такое случилось, моя милая? Неужели вы мнѣ не скажете?

Миссъ Нипперъ сдѣлала отрицательное движеніе головой.

– Сусанна, голубушка моя, сдѣлайте милость!

– Нѣтъ, миссъ Флой, и не спрашивайте лучше. Я не могу, я не должна, и не хочу ни за какія блага въ свѣтѣ. Благослови васъ Богъ, и живите счастливо, мой свѣтлый ангель! Если... въ эти двѣнадцать лѣтъ... я оскорбила васъ мыслью, ... словомъ или дѣломъ... простите меня... за все простите, простите...

Первый разъ въ жизни Сусанна въ своемъ разговорѣ соблюдала пунктуацию, даже довольно частую. Рыданіе заглушало ея слова.

– Красавица моя, душечка! – вопила миссъ Нипперъ, бросаясь въ объятія Флоренсы, – придутъ къ вамъ другія дѣвушки, съ радостью придутъ и станутъ служить вамъ вѣрой и правдой, но уже не будетъ ни одной, которая бы стала служить вамъ съ такою преданностью и любовью, какъ ваша горемычная Сусанна. Вотъ что меня утѣшаетъ! Про-о-ощайте, мой ангель благодатный! Про-о-ощайте же, душенька моя, миссъ Флой.

– Куда-жъ вы поѣдете, Сусанна?

– Да у меня есть братъ, миссъ Флой, эссекскій мызникъ, – отвѣчала разстроенная Сусанна Нипперъ, – онъ богатъ, держитъ коровъ, свиней, ягнятъ. Я поѣду туда въ дилижансѣ и остановлюсь у него. А вы не тужите обо мнѣ, ангельчикъ мой, и не думайте, и не горюйте: у меня есть деньги въ сберегательной кассѣ, и покамѣстъ я могу обойтись безъ мѣста, и не нужно мнѣ никакого мѣста, и не могла бы я теперь жить ни на какомъ мѣстѣ, не могла бы, не могла бы, ангельчикъ вы мой, жемчужина вы моя, горлица ненаглядная, агнецъ кроткій!

Голосъ м-съ Пипчинъ, забурлившей внизу, вовремя остановилъ быстрый потокъ краснорѣчія, слезъ и рыданій Сусанны Нипперъ. Услышавъ ее, она немедленно осушила красные опухшіе глаза и храбро закричала Таулисонъ, чтобы онъ нанялъ извозчика перевезти ея сундуки.

Блѣдная, пораженная отчаяніемъ, Флоренса не смѣла даже въ этомъ случаѣ употребить свое ходатайство передъ прекрасной мамой изъ опасенія подать новый поводъ къ несогласіямъ между отцомъ и его женой. Притомъ казалось ей, что, можетъ быть, она сама какъ-нибудь является причиной того, что высылаютъ изъ дому ея стараго друга. Заливаясь слезами, она побрела въ уборную Эдиои, куда въ ту же минуту пришла и Сусанна проститься.

– Ну, теперь поворачивайтесь живѣй! Извозчикъ у крыльца, вещи на крыльцѣ, Таулисонъ ждетъ.

Такъ закаркала м-съ Пипчинъ, поспѣшно и почти слѣдомъ за Флоренсой входя въ уборную залу Эдиои.

– Извините, сударыня, – продолжала она, обращаясь къ Эдиои, – но м-ръ Домби изволилъ отдать весьма строгія приказанія.

Эдиою сидѣла передъ зеркаломъ подъ руками горничной, которая убирала ее къ выѣзду со двора на какойто званый обѣдъ. Она вполне сохранила гордое выраженіе лица и не обратила ни малѣйшаго вниманія на ключницу.

– Вотъ ваши деньги, – продолжала м-съ Пипчинъ, привыкшая теперь тормошить прислугу точно такъ же, какъ въ бывалое время тормошила своихъ пансіонеровъ и, преимущественно, бѣднаго Байтерстона. – Чѣмъ скорѣе вы сгинете изъ этого дому, тѣмъ лучше.

На этотъ разъ у Сусанны не доставало духу бросить даже взглядъ, принадлежавшій м-съ Пипчинъ по законному праву. Она сдѣлала книксенъ м-съ Домби, которая въ отвѣтъ кивнула головой, не сказавъ ни слова, и еще разъ, послѣдній разъ, бросилась на шею своей молодой госпожѣ, поспѣшившей заключить ее въ объятія. Въ эту роковую минуту лицо бѣдной Сусанны, взволнованной торжественностью послѣдняго прощанія и употреблявшей отчаянными усиліями скрыть свои чувства отъ перувіанской вдовицы, представляло глазамъ наблюдателя перспективу самыхъ необычайныхъ фізіономическихъ феноменовъ.

– Прошу извинить, сударыня, – сказала Таулисонъ, обращаясь къ Флоренсѣ изъ-за дверей, гдѣ онъ стоялъ съ картонами Сусанны, – м-ръ Тутсъ освѣдомляется о вашемъ здоровьи и желаетъ знать, не случилось ли чего съ Діогеномъ. Онъ дожидается отвѣта въ столовой.

Быстрая, какъ мысль, Флоренса бросилась изъ комнаты и побѣжала въ нижній этажъ, гдѣ м-ръ Тутсъ, одѣтый блистательнѣйшимъ образомъ, скорыми шагами ходилъ по залѣ, старая отъ нетерпѣнія получить отвѣтъ на свои вопросы.

– О, какъ ваше здоровье, миссъ Домби? Я ничего, слава Богу. Покорно васъ благодарю... о Боже мой! Боже мой!

Послѣднее восклицаніе вырвалось изъ устъ м-ра Тутса въ то мгновеніе, какъ онъ замѣтилъ слѣды глубокой печали на лицѣ Флоренсы. Онъ лишь только собирался подарить владычицу своего сердца плѣнительной улыбкой, какъ вдругъ окаменѣлъ съ головы до ногъ и представилъ своей фигурой образецъ страшнѣйшаго отчаянія.

– Любезный м-ръ Тутсъ, – сказала Флоренса, – вы были ко мнѣ такъ добры, такъ благоклонны, что, надѣюсь, вы позволите просить васъ объ одной милости.

– Миссъ Домби, – отвѣчала Тутсъ, – назовите кого угодно, и... то есть, попробуйте только сказать, чего вамъ угодно, и у меня сейчасъ явится аппетитъ. Меня ужъ давнымъ-давно отбило отъ ѣды, миссъ Домби, клянусь вамъ! – заключилъ м-ръ Тутсъ не безъ нѣкотораго волненія.

– Сусанна, моя давнишняя подруга, мой искренній и первый другъ, сейчасъ оставляетъ нашъ домъ и уѣзжаетъ отсюда одна-одинехонька, бѣдная дѣвушка! Она ѣдетъ домой, въ деревню, недалеко отсюда. Могу ли просить васъ объ одолженіи позаботиться о ней, пока она не сядетъ въ дилижансъ?

– Миссъ Домби, вы дѣлаете мнѣ... право, это такая честь, такое удовольствіе, миссъ Домби, ей Богу! Доказательство вашего довѣрія послѣ того, какъ я скотиной велъ себя въ Брайтонѣ...

– Позабуде объ этомъ, добрый м-ръ Тутсъ, – торопливо сказала Флоренса. – Такъ вы сдѣлаете мнѣ это одолженіе, не правда ли? Вы подождете ее у подъѣзда и проводите? Благодарю васъ тысячу разъ! Вы такъ меня облегчили. Вы не можете представить, какъ я вамъ благодарна, добрый мой другъ!

И Флоренса, въ жару усердія, благодарила его опять и опять; и м-ръ Тутсъ, въ жару усердія, поспѣшно пошелъ изъ комнаты, – но пошелъ задомъ, чтобы не проронить ни одного взгляда владычицы своего сердца.

Флоренса не отважилась идти внизъ провожать Сусанну, которая теперь послѣдній разъ, со всею юркостью своего характера, расправлялась съ перувіанской вдовицей въ присутствіи одного грознаго свидѣтеля, олицетвореннаго въ мохнатой шкурѣ Діогена. Храбрый песъ, такъ же какъ и Сусанна, терпѣть не могъ старуху Пипчинъ и на этотъ разъ, бросаясь на нее съ пронзительнымъ воемъ, заглушавшимъ отчасти ея собственный визгъ, обнаруживалъ рѣшительное намѣреніе запустить клыки въ ея черный бомбазиновый подолъ. И Флоренса видѣла изъ своего окна, какъ Сусанна простилась съ домашней прислугой и какъ оглядывалась назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на домъ, гдѣ она провела столько лѣтъ; и видѣла Флоренса, какъ Діогенъ поскакалъ за извозчичьей каретой, доказывая и ушами, и хвостомъ всю незаконность такого отъѣзда. Двери затворились, прислуга убралась въ свои комнаты, и все затихло, все смолкло. Не стало миссъ Сусанны Нипперъ Выжиги въ домъ м-ра Домби. Не стало у Флоренсы ея лучшаго стариннаго друга. Кто теперь замѣнитъ ее? Никто. Никто. Флоренса горько плакала.

Добрый и вѣрный м-ръ Тутсъ во мгновеніе ока остановилъ извозчичью карету и сказалъ Сусаннѣ о своемъ порученіи, при чемъ она расплакалась еще сильнѣе.

– Клянусь честью, – сказалъ м-ръ Тутсъ, усаживаясь подлѣ нея, – я сочувствую вамъ отъ всей души. Клянусь честью, вы и сами теперь не помните своей печали такъ, какъ я это воображаю. Нѣтъ и не можетъ быть страшнѣе несчастья, какъ разлучиться съ миссъ Домби.

Сусанна предалась теперь вполнѣ своей грусти, и эта грусть въ самомъ дѣла была трогательна.

– Перестаньте, миссъ Нипперъ; ну же перестаньте! Что дѣлать, коли нечѣмъ пособить! – А послушайте-ка, что я вамъ скажу.

– Что такое?

– Вамъ теперь передъ отъѣздомъ не мѣшаетъ пообѣдать, да хорошенько пообѣдать. Поѣдемте ко мнѣ, миссъ Нипперъ. Моя кухарка. – препочтенная женщина – видъ у нея такой материнскій – и она будетъ очей рада васъ угостить. Ея сынъ, – продолжалъ м-ръ Тутсъ, прибавляя разительный пунктъ къ своей рекомендаціи, – ея сынъ воспитывался въ первомъ пріютѣ, и взлетѣлъ на воздухъ, когда взорвало пороховой заводъ, гдѣ онъ служилъ. Славная кухарка!

Сусанна охотно согласилась, и м-ръ Тутсъ торжественно повезъ ее къ своему жилищу. Тамъ ихъ встрѣтили почтенная женщина съ материнскимъ видомъ, дѣйствительно оправдававшая рекомендацію своего хозяина, и Лапчатый Гусь, который, увидѣвъ леди, везомую на колесницѣ, предположилъ на первыхъ порахъ, что м-ръ Тутсъ, вѣрный его давнишнему совѣту, задалъ препорядочнаго тумака въ высокую грудь м-ра Домби и побѣдоносно совершилъ похищеніе его единственной дочери. Видъ этого джентльмена возбудилъ въ миссъ Нипперъ чувство нѣкотораго изумленія, такъ какъ его лицо находилось въ состояніи великаго распадѣнія, и онъ не могъ даже появляться въ болѣе или менѣе приличномъ обществѣ. Дѣло въ томъ, что Лапчатый Гусь имѣлъ недавно состязаніе съ отчаяннымъ боксеромъ, Сорви-Головою, который дѣйствительно чуть не сорвалъ головы своему знаменитому противнику. Самъ Лапчатый Гусь объяснилъ это несчастье тѣмъ, что рано имѣлъ неосторожность попасть подъ Сиротскій

Судь²², изъ-подъ котораго уже никакъ нельзя было освободиться. Но изъ публичныхъ листковъ, возвѣщавшихъ объ этомъ великомъ состязаніи, было очевидно, что Сорви-Голова съ самаго начала искусно повелъ битву и въ короткое время сбиль своего противника на всѣхъ пунктахъ, превративъ подъ Сиротскимъ Судомъ его носъ въ горчицицу, а глаза въ уксусницу. Впрочемъ, какъ на самомъ дѣлѣ происходило это боксированіе, Богъ ихъ вѣдаетъ, только Лапчатый Гусь, кромѣ изумленія, пробудилъ даже нѣкоторое соболѣзнованіе въ чувствительномъ сердцѣ Сусанны Нипперъ.

Послѣ сытнаго и вкуснаго завтрака, Сусанна отправилась въ контору дилижансовъ въ другомъ кабріолетѣ вмѣстѣ съ мромъ Тутсомъ, который сѣлъ подлѣ нея, между тѣмъ какъ Лапчатый Гусь, безотлучный спутникъ своего кліента, взгромоздился на козлы, придавая, сказать правду, весьма незначительное украшеніе этому поѣзду, такъ какъ вся его рожа была облѣплена пластырями. М-ръ Тутсъ, наскучившій опекой этого героя, давно подумывалъ отъ него освободиться подъ какимъ-нибудь предлогомъ, который, однако-жь, приискать было очень трудно, тѣмъ болѣе, что Лапчатый Гусь далъ себѣ въ глубинѣ души твердое обѣщаніе не разставаться съ мромъ Тутсомъ ни подъ какимъ предлогомъ, развѣ только онъ сниметъ для него трактирное заведеніе съ мебелью и со всѣми принадлежностями, и притомъ въ лучшемъ кварталѣ Лондона. На этомъ основаніи знаменитый боксеръ радъ былъ, пожалуй, хоть сію же минуту бросить долговязаго Тутса и ознаменовать свое вступленіе въ новую должность великолѣпнымъ банкетомъ, на которомъ онъ заранѣе далъ себѣ честное слово н_а_п_и_т_ь_с_я_д_о_б_е_з_с_м_е_р_т_і_я – ученый терминъ, вынесенный имъ изъ академіи пьяницъ.

Вечерній дилижансъ, въ которомъ слѣдовало отправиться Сусаннѣ Нипперъ къ своему брату, стоялъ уже совсѣмъ готовый у подъѣзда конторы. М-ръ Тутсъ, усадивъ свою спутницу, съ нерѣшительнымъ видомъ остановился у окна, между тѣмъ какъ кучеръ уже собирался тронуть лошадей. Наконецъ, м-ръ Тутсъ, просунувъ черезъ окно свою голову, сказалъ дрожащимъ голосомъ:

– Эй, Сусанна! Послушайте-ка...

– Что вамъ угодно, сэръ?

– Миссъ Домби... то есть оно... ну, право... вы сами знаете, Сусанна...

– Что такое?

– Какъ вы думаете?... ну, оно вѣдь того... вы, разумѣется, понимаете...

– Извините, м-ръ Тутсъ, – сказала Сусанна, – я совершенно васъ не понимаю.

– То есть, оно, какъ вамъ кажется... можно ли этакъ... напимѣрь... не теперь конечно, а со временемъ... надѣяться, что миссъ Домби... будетъ имѣть... удов... то есть снисходительность... полюбить меня... ну, вы сами знаете? А? – заключилъ м-ръ Тутсъ.

– О нѣтъ, почтенный Тутсъ, нѣтъ! – отвѣчала Сусанна, сдѣлавъ отрицательное движеніе головой.

– Неужели никогда?

– Никогда, рѣшительно никогда!

– Покорно васъ благодарю, миссъ Нипперъ. Это ничего. Счастливый вамъ путь. Это совершенно ничего. Покорно васъ благодарю.

Дилижансъ исчезъ, и вмѣстѣ съ нимъ исчезла всякая надежда въ сердцѣ добраго Тутса. Долго простоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, засматривая въ даль безъ всякой опредѣленной цѣли

²² Выраженіе "To get into chancery, попасть подъ "Сиротскій Судъ" не совсѣмъ удобоизяснимо, такъ же, какъ и русская фраза "задать подъ микитки". Сиротскій Судъ – самый дурной изъ всѣхъ судовъ въ англійской администраціи, замѣчательно слишкомъ медленнымъ производствомъ дѣлъ, которыя иной разъ не рѣшаются и въ десятокъ лѣтъ. Въ искусствѣ боксированія "взять подъ Сиротскій Судъ" значить – нагнуть лѣвой рукой подъ мышку голову своего противника, а правой поддавать ему тузовъ и въ носъ, и въ глаза до тѣхъ поръ, пока, по другому весьма рельефному выраженію, носъ не превратится въ горчицицу, а глаза въ уксусницу. Вырваться изъ этого положенія очень трудно, точно такъ же, какъ изъ канцеляріи Сиротскаго Суда. Прим. перев.

и, наконец, махнув рукой, пошел отыскивать Лапчатого Гуся, который между тѣмъ стоялъ за буфетомъ, выпивая третью порцію джина.

Глава XLV

Повѣренный агентъ

Эдиѡвъ выѣзжала въ этотъ день одна и воротилась домой очень рано. Было пять минутъ одиннадцатаго, когда карета ея прокатилась по улицѣ, гдѣ она жила.

Было на ея лицѣ какое-то принужденное спокойствіе, какъ и поутру, когда ее одѣвали, и вѣнокъ на ея головѣ обвивалъ то же холодное и упрямое чело. Но одна минута, и – почему знать? – бѣшеная рука, пожалуй, въ клочья растерзаетъ листья и цвѣты этого вѣнка, и не останется отъ драгоценнаго наряда ни малѣйшихъ слѣдовъ на угрюмомъ челѣ. Ничто, казалось, не могло смягчить дикую натуру этой женщины, неприступной, нераскаянной, непреклонной, и всѣ явленія въ жизни, по-видимому, только ожесточали ее больше и больше.

При выходѣ изъ кареты, кто-то, спокойно стоявшій у подъѣзда, предложилъ ей свою голую руку, и, такъ какъ лакея не было подлѣ, Эдиѡвъ не могла отказаться отъ этой вѣжливости, и тогда она узнала, чья это рука.

– Что вашъ больной, сэръ? – сказала она, вздернувъ губы.

– Ему лучше, – отвѣчалъ Каркеръ, – гораздо лучше. Я только что отъ него.

Она склонила свою голову и пошла наверхъ. Каркеръ, остановившійся у лѣстницы, почтительно спросилъ:

– Смѣю ли просить васъ, м-съ Домби, удѣлить для меня не болѣе одной минуты?

Она остановилась и обратила на него глаза,

– Теперь не время, сэръ. Я устала и хочу быть одна. Вамъ очень нужно?

– Чрезвычайно, м-съ; дѣло не терпитъ никакой отсрочки. Такъ какъ я имѣлъ счастье случайно васъ встрѣтить, то ужъ позвольте васъ побезпокоить.

Она смотрѣла на его лоснящійся ротъ, а онъ, съ нижнихъ ступеней, съ жадностью вперила глаза въ ея нарядное платье и опять думалъ, какъ она прекрасна.

– Гдѣ теперь миссъ Домби? – громко спросила она лакея.

– Въ уборной, сударыня.

– Ведите насъ туда.

И взглянувъ опять на внимательнаго джентльмена, она показала легкимъ движеніемъ головы, что онъ можетъ за нею слѣдовать, если хочетъ.

– Прошу извинить, м-съ Домби! – проворно сказалъ Каркеръ, вдругъ перешагнувъ черезъ двѣ ступени и поравнявшись съ нею. – Смѣю ли просить васъ, чтобы миссъ Домби не присутствовала при нашемъ разговорѣ?

Она бросила на него гордый, вопросительный взглядъ.

– Мнѣ бы хотѣлось пощадить миссъ Домби отъ извѣстій, какія я вынужденъ сообщить вамъ, миледи, – продолжалъ Каркеръ, значительно понизивъ голосъ. – По крайней мѣрѣ, вы сами потрудитесь рѣшить, должна ли она ихъ слушать, или нѣтъ. Этимъ вниманіемъ къ миссъ Домби я обязанъ вамъ, и послѣ нашего перваго разговора было бы съ моей стороны безразсудно и безчеловѣчно поступать иначе.

– Покажите другую комнату, – сказала она слугѣ, медленно отрывая глаза отъ своего собесѣдника.

Лакей повелъ ихъ въ гостиную, зажегъ свѣчи и поспѣшно удалился. При немъ не было произнесено ни одного слова. Эдиѡвъ небрежно сѣла въ кресла подлѣ камина. М-ръ Каркеръ, со шляпою въ рукахъ и уставивъ глаза на коверъ, остановился передъ ней въ почтительномъ отдаленіи.

– Прежде, чѣмъ вы начнете говорить, сэръ, – начала Эдиѡвъ, когда дверь затворилась, – я желаю, чтобы вы выслушали меня.

– Слышать отъ м-съ Домби что бы то ни было, хотя бы незаслуженные упреки, это такая честь, выше которой ничего не может быть для ея усерднаго слуги, готоваго заранѣе согласиться на всѣ ея желанія.

– Если, сэръ, прислалъ васъ ко мнѣ э_т_о_т_ь_ч_е_л_о_в_ѣ_к_ь, котораго теперь вы только что оставили...

Каркеръ поднялъ глаза, какъ будто для выраженія величайшаго изумленія, но тутъ же потупилъ ихъ опять, когда встрѣтился со взоромъ Эдиои.

– ... то вы можете избавить себя отъ труда передавать мнѣ его порученія. Я не стану васъ слушать. Мнѣ, впрочемъ, не къ чему было объ этомъ и спрашивать. Я васъ ожидала.

– Я очень несчастливъ, сударыня, что нахожусь здѣсь, совершенно противъ моей воли, именно для этой цѣли. Но это, если позволите сказать, только одна цѣль. Есть и другая.

– Стало быть, сэръ, одной цѣли вы достигли. А если вздумаете къ ней возвратиться...

– Можетъ ли м-съ Домби допустить мысль, что я осмѣлюсь въ чемъ бы то ни было поступать наперекоръ ея запрещенію! – воскликнулъ Каркеръ, подвигаясь ближе. – Можетъ ли м-съ Домби, не обращая вниманія на мое несчастное положеніе, рѣшительно считать меня въ такой степени нераздѣльнымъ отъ моего повелителя, чтобы оказывать мнѣ великую и упорную несправедливость?

– Сэръ, – возразила Эдиоъ, устремивъ на него мрачный взглядъ и говоря съ возрастающимъ одушевленіемъ, отъ котораго ярко зардѣлось все ея лицо, раздулись гордыя ноздри и вытянулась во всю длину алебастровая шея. – Зачѣмъ и какъ вы осмѣлились говорить мнѣ о моей любви и обязанностяхъ къ моему мужу и повторять тысячу разъ, что я счастлива и горжусь этимъ замужествомъ? Какъ вы осмѣлились оскорблять меня, когда вамъ извѣстно, какъ нельзя лучше, что вмѣсто любви между нами отвращеніе и ненависть, и что я презираю его почти столько же, какъ сама себя за то, что я его жена. Я оказываю вамъ несправедливость?! Да если бы я захотѣла отдать справедливость пыткѣ, которую вы заставляли меня чувствовать, я бы васъ задушила! Зачѣмъ, о, зачѣмъ вы являлись на мои глаза съ этимъ гнуснымъ лицемеріемъ, которымъ проникнута вся ваша натура?

– Какъ зачѣмъ?

Если бы м-съ Домби не была ослѣплена своимъ гнѣвомъ, гордостью и самоуниженіемъ, она бы прочла удовлетворительный отвѣтъ на его лицѣ. М-ръ Каркеръ теперь, какъ и прежде, пришелъ именно за тѣмъ, чтобы довести ее до этого признанія.

Ослѣпленная Эдиоъ не замѣтила этого отвѣта, да и не заботилась о немъ. Она видѣла только свое униженіе и борьбу, которую вытерпѣла и должна была терпѣть впереди. Занятая исключительно этой мыслью, она съ неистовствомъ выдергивала перья изъ крыла какой-то прекрасной и рѣдкой птицы которое служило ей вмѣсто вѣера, висѣвшаго отъ ея руки на золотой цѣпочкѣ.

Каркеръ не оробѣлъ, не смѣшался отъ ея взора, но стоялъ передъ нею вкопанный съ видомъ чловѣка, рѣчь котораго, и рѣчь весьма длинная, была впереди. Онъ молчалъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не прекратились внѣшнія проявленія ея гнѣва. Наконецъ, когда перья, всѣ до одного, были разбросаны по полу, онъ повелъ свою рѣчь плавно и стройно, смотря прямо въ ея огненные глаза.

– Я знаю, м-съ, и давно зналъ, что не имѣю счастья пользоваться вашей благосклонностью, и зналъ я, за что. Да. Я зналъ, за что. Вы говорили со мной откровенно, и ваше лестное довѣріе, можно сказать...

– Довѣріе! – повторила Эдиоъ съ презрѣніемъ. Каркеръ пропустилъ восклицаніе мимо ушей.

– ... сваливаетъ съ моихъ плечъ тяжелое бремя. Теперь мнѣ нѣтъ надобности притворяться. Да, я видѣлъ съ перваго раза, что съ вашей стороны не было никакой привязанности къ м-ру Домби, да и могла ли она существовать между такими различными натурами? И видѣлъ

я потому, что въ груди вашей родились чувства сильнѣе простаго равнодушія, – могло ли быть иначе, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, которыя васъ окружали? Но поставьте себя на мое мѣсто и скажите, долженъ ли я былъ, въ томъ или другомъ случаѣ, сообщать вамъ свой настоящій образъ мыслей объ этомъ предметѣ?

– А должны ли вы были, – возразила Эдиѡ, – притворяться, что имѣете совсѣмъ другой образъ мыслей, и съ безстыдной наглостью навязывать его мнѣ при каждомъ свиданіи?

– Да, я принужденъ былъ къ этому. Если бы я поступилъ иначе, и позволилъ себѣ отступить въ чемъ-нибудь отъ принятаго плана, мнѣ бы никогда не говорить съ вами такимъ языкомъ. И я предвидѣлъ – кому же, какъ не мнѣ это предвидѣть, когда, по долговременному опыту, я знаю м-ра Домби лучше самого себя? – я предвидѣлъ, что если вашъ характеръ не окажется со временемъ столь же уступчивымъ и покорнымъ, какъ характеръ его первой жены, чему, впрочемъ, я никогда не вѣрилъ...

Гордая улыбка давала основательный поводъ замѣтить, что послѣдняя фраза можетъ быть повторена.

– Да, этому я рѣшительно никогда не вѣрилъ... И такъ, послѣ всего этого я предвидѣлъ, что наступитъ, вѣроятно, время, когда мой образъ дѣйствій можетъ, безъ сомнѣнія, пригодиться...

– Кому же онъ пригодится? – прервала Эдиѡ съ нетерпѣніемъ.

– Вамъ, – отвѣчалъ Карперъ, – да, вамъ. Не хочу прибавлять – и самому мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что теперъ я могу себя освободить даже отъ ограниченнаго похвалы м-ру Домби, изъ опасенія оскорбить особу, которая питаетъ къ нему рѣшительное отвращеніе и презрѣніе.

Послѣднія слова были произнесены съ разстановкой и съ особеннымъ эффектомъ.

– Это очень благоразумно съ вашей стороны, – сказала Эдиѡ, – освободить себя отъ ограниченнаго похвалы и говорить презрительнымъ тономъ даже о немъ, между тѣмъ какъ вы – его главный совѣтникъ и льстецъ. Это дѣлаетъ вамъ честь.

– Совѣтникъ – да, льстецъ – нѣтъ! – сказалъ Каркеръ. – Маленькая осторожность не вредитъ никому и полезна для многихъ. Свѣтъ вообще помѣшанъ на интересахъ и приличіяхъ, которые очень часто препятствуютъ намъ обнаруживать истинныя чувства. Бываютъ компаніи, основанныя на интересѣ и приличіи, дружескія связи на интересѣ и приличіи, торговыя сдѣлки на интересѣ и приличіи, супружества, основанныя на интересѣ и приличіи, и такъ далѣе. Все это бываетъ сплошь да рядомъ, м-съ Домби.

Эдиѡ закусила губы, но ни въ чемъ не измѣнила сврей наблюдательной позы. Каркеръ сѣлъ теперъ подлѣ нея и продолжалъ съ видомъ глубочайшаго уваженія.

– Позвольте, м-съ, говорить съ вами искренно, какъ человѣку, который готовъ посвятить всего себя вашимъ услугамъ. Разумѣется, совершенно въ порядкѣ вещей, если леди, съ вашимъ умомъ и талантами, считала возможнымъ измѣнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ характеръ своего суируга и отлить его въ лучшую форму.

– Для меня, сэръ, это было вовсе не въ порядкѣ вещей, – возразила Эдиѡ. – Этого никогда я не ожидала, и у меня вовсе не было такого намѣренія.

Ея гордое неусграшимое лицо показывало ясно, что она отнюдь не намѣрена носить маски, и готова показать себя во всемъ такую, какова она есть, не заботясь о мнѣніи, какое могли о ней составить.

– По крайней мѣрѣ, – продолжалъ Каркеръ, – вы могли надѣяться, что, сдѣлавшись женою м-ра Домби, вамъ можно будетъ жить, не унижаясь передъ нимъ и не приходя въ такія непріятныя столкновенія. Но, сударыня, вы не знали м-ра Домби, когда такъ разсуждали (если только разсуждали). Вы не знали, что при своей непомерной взыскательности и гордости, онъ въ то же время – рабъ своего собственнаго величія, и что, запряженный въ свою торжественную колес-

нищу, онъ слѣпо и сломя голову идетъ впередъ, не видя ничего за собою и не заботясь узнать, есть ли что на свѣтѣ, кромѣ его фирмы.

Черезъ зубы м-ра Каркера просвѣчивалось неимовѣрное презрѣніе, когда онъ продолжалъ далѣе рекомендацію своего патрона:

– М-ръ Домби, могу въ этомъ увѣрить, уважаетъ васъ не болѣе какъ и меня. Сравненіе, конечно, странное, но совершенно справедливое. М-ръ Домби, съ высоты своего величія, просилъ меня – это я слышалъ своими собственными ушами вчера иоутру – просилъ, чтобы я былъ его посредникомъ при васъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что одинъ мой видъ крайне непріятенъ для васъ, но для того-то именно онъ и выбралъ меня, рассчитывая, что такое посольство будетъ наказаніемъ для его супруги. Я не могъ и не долженъ былъ высказывать ему своихъ мнѣній. По его понятіямъ, я не болѣе, какъ купленный рабъ, у котораго нѣтъ своей воли, и который, слѣдовательно, не смѣетъ отказываться ни отъ какихъ порученій; но ему не приходитъ и въ голову, что, дѣлая этого раба посредникомъ при своей супругѣ, онъ оскорбляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою собственную честь. Да и что значить для него его супруга, когда онъ заранѣе осмѣлился грозить ей этимъ посольствомъ? Вы, конечно, не забыли, м-съ, въ какомъ тонѣ говорилъ онъ объ этомъ.

Она наблюдала его съ большимъ вниманіемъ, но и онъ не спускалъ съ нея глазъ. Поэтому Каркеръ замѣтилъ, что послѣднее извѣстіе впилося смертельною стрѣлою въ ея гордую грудь. До сихъ поръ Эдиѡвъ надѣялась, что Домби не рассказывалъ, по крайней мѣрѣ, о своихъ переговорахъ съ нею.

– Все это я говорю отнюдь не къ тому, чтобы усилить раздоръ между вами и м-ромъ Домби – Боже сохрани! Какая мнѣ отъ этого польза? – но единственно въ подтвержденіе печальной истины, что м-ръ Домби не уважаетъ никого на свѣтѣ. И все, что его ни окружаетъ, на его бѣду, только утверждало его въ этомъ образѣ мыслей. Мы, въ нашихъ различныхъ положеніяхъ, были всегда его безотвѣтными рабами, которые, при первомъ мановеніи, готовы были стать передъ нимъ на колѣни и вытянуть къ его услугамъ свои шеи. Иначе мы не можемъ себя вести, потому что м-ръ Домби привыкъ повелѣвать безусловно. Не будь насъ, онъ нашелъ бы другихъ рабовъ, не менѣе покорныхъ. Словомъ, до сихъ поръ онъ встрѣчалъ со всѣхъ сторонъ безусловную подчиненность. Поэтому, очень натурально, что до сихъ поръ онъ и понятія не имѣлъ, что значить оскорбленная гордость, противопоставленная его деспотической власти.

Эдиѡвъ не пошевелила губами, но ея глаза, казалось, выговаривали отвѣтъ: "Надѣюсь, теперь онъ получилъ это понятіе". – Каркеръ замѣтилъ, что ея нижняя губа задрожала, и грудь высоко подымалась отъ напряженія волновавшихъ ее чувствъ. Ему слѣдовало теперь дополнить свою рекомендацію, и онъ продолжалъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ:

– М-ръ Домби, конечно, очень почтенный человѣкъ, но, отуманенный своимъ величіемъ, онъ способенъ даже извращать факты и выводить изъ нихъ заключенія, какія ему нравятся. Такъ, на примѣръ, онъ искренно убѣжденъ – извините за глупость, которую услышите, но она принадлежитъ не мнѣ – убѣжденъ, что его строгіе выговоры настоящей супругѣ, сдѣланные незадолго передъ плачевной смертью м-съ Скьютонъ, произвели на нее оглушительное дѣйствіе, такъ что она совершенно подчинилась его волѣ.

Эдиѡвъ захохотала. Смѣхъ негармоническій, но который однако-жь, чрезвычайно понравился м-ру Каркеру.

– Теперь, м-съ, если вамъ угодно, это дѣло можно считать оконченнымъ. Ваши собственные мнѣнія такъ рѣшительны и, я увѣренъ въ этомъ, такъ неизмѣнны, что я почти боюсь вновь подвергнуться вашему негодованію, если осмѣлюсь замѣтить, что, несмотря на всѣ эти недостатки м-ра Домби, я, однако, привыкъ къ нему и глубоко его уважаю. Все это, повѣрьте, я говорю отнюдь не для того, чтобы хвастаться чувствами, къ которымъ, разумѣется, вы не можете имѣть никакой симпатіи, но единственно для того, чтобы объяснить по возможно-

сти степень моего усердія къ вашимъ общимъ интересамъ и вмѣстѣ показать негодованіе на несчастную роль, которую я принужденъ играть въ этой печальной драмѣ.

Эдиѡ сидѣла такимъ образомъ, какъ будто бы боялась оторвать свои глаза отъ его лица.

Теперь оставалось развязать послѣдній узелъ.

– Уже поздно, м-сь, – началъ Каркеръ, – и вы, конечно, устали; но мнѣ невозможно забыть другую цѣль, для которой я осмѣлился теперь явиться на ваши глаза. Вы любите миссъ Домби, – это знаю я, и знаетъ м-ръ Домби. Будьте, умоляю васъ, какъ можно болѣе осторожны въ обнаруженіи этой привязанности.

– Осторожна! Это что значитъ?

– По причинамъ, весьма важнымъ, вамъ не должно показывать чрезмѣрную привязанность къ этой молодой леди.

– Чрезмѣрную привязанность! – воскликнула Эдиѡ, нахмуривъ свои широкія брови и вставая съ мѣста. – Кто смѣетъ судить о моихъ привязанностяхъ. Кому какое до нихъ дѣло? Вамъ?

– Конечно не мнѣ! – отвѣчалъ Каркеръ, вздохнувъ изъ глубины души и притворяясь крайне растроганнымъ.

– Кому же?

– Неужели вы сами не можете догадаться?

– Я не привыкла разгадывать.

Съ минуту они оба молчали и выразительно смотрѣли другъ на друга. Каркеръ еще разъ вздохнулъ изъ глубины души и началъ такимъ образомъ:

– Я въ крайне затруднительномъ положеніи, м-сь, повѣрьте мнѣ въ этомъ. Вы объявили, что не примете черезъ меня никакихъ порученій, и запретили мнѣ возвращаться къ этому предмету; но эти два предмета такъ тѣсно между собой соединены, что, если вамъ не угодно, безъ дальнѣйшихъ объясненій, послѣдовать совѣту относительно предосторожности, какую я имѣлъ честь рекомендовать вамъ, то я принужденъ, противъ воли, нарушить строгое ваше запрещеніе.

– Нарушайте. Этого отъ васъ можно ожидать, – сказала Эдиѡ.

Она была блѣдна и дрожала всѣмъ тѣломъ. Каркеръ, вѣрно рассчитавшій на этотъ эффектъ, продолжалъ съ обыкновеннымъ спокойствіемъ:

– Онъ поручилъ мнѣ сказать, что ваше поведеніе въ отношеніи къ миссъ Домби ему очень непріятно. Это, по его словамъ, подаетъ поводъ къ сравненіямъ, оскорбительнымъ для его особы. Поэтому м-ръ Домби желаетъ, чтобы вы совершенно перемѣнили обращеніе съ его дочерью, потому, говоритъ онъ, что ваша чрезмѣрная привязанность не принесетъ ей ни малѣйшей пользы.

– Это угроза?

– Да, угроза, – отвѣчалъ Каркеръ шепотомъ и тутъ же прибавилъ громко, – но угроза, обращенная н_е_н_а_в_а_с_ъ.

Гордая и величественная, Эдиѡ стояла прямо съ сверкающими глазами и съ презрительной улыбкой на лицѣ; но вдругъ ея ноги подкосились, и она неминуемо упала бы на полъ, если бы Каркеръ не поддержалъ ее обѣими руками. Это ненавистное прикосновеніе мгновенно привело ее въ себя; оттолкнувъ его, она вытянулась во весь ростъ и, протягивая руку къ дверямъ, сказала:

– Оставьте меня, прошу васъ. Не говорите ничего больше.

– Да и нельзя говорить, если бы даже я хотѣлъ. Богъ знаетъ, какія непредвидѣнныя слѣдствія могли бы произойти, если бы вы благовременно не ознакомились съ его образомъ мыслей. Миссъ Домби, мнѣ извѣстно, огорчена теперь потерей своей старой служанки; но это ничего не значитъ въ сравненіи съ этими непредвидѣнными слѣдствіями. Я просилъ, чтобы миссъ Домби не присутствовала при нашемъ разговорѣ; надѣюсь, вы не гнѣваетесь теперь за эту просьбу. Да или нѣтъ?

– Да. Но пожалуйста оставьте меня.

– Я зналъ, что вы слишком любите молодую леди, чтобы подвергнуть ее убійственному несчастью выслушать разговор, который долженъ уничтожить ея будущія надежды.

– Сдѣлайте милость, оставьте меня.

– Я буду каждый день приходить къ м-ру Домби во время его болѣзни и доносить ему о дѣлахъ. Позвольте мнѣ опять явиться къ вамъ и узнать ваши желанія относительно предмета, о которомъ мы говоримъ.

– Оставьте ли вы меня, или нѣтъ?

– Я не знаю даже, говорить ли мнѣ м-ру Домби, что я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть, или оставить его въ предположеніи, что еще не было къ этому удобнаго случая. Мнѣ необходимо на этотъ счетъ узнать вашу волю, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

– Узнаете, но ради Бога, не теперь.

– Само собою разумѣется, миссъ Домби и впередъ не должна присутствовать при нашихъ свиданіяхъ. Я буду приходить къ вамъ, какъ человѣкъ, уполномоченный вполнѣ вашимъ довѣріемъ и готовый вмѣстѣ съ вами предпринять всевозможныя мѣры къ предотвращенію отъ нея угрожающей бѣды.

– Да, да. Только уйдете ли вы отъ меня?

Каркеръ поклонился и пошелъ къ дверямъ; но тутъ же воротился опять и, останавливаясь передъ Эдиою, сказалъ:

– Теперь, надѣюсь, я прощенъ, и вина моя заглажена. Могу ли – ради миссъ Домби и ради меня самого – поцѣловать на прощанье вашу руку?

Она подала ему ту самую руку, которую изувѣчила наканунѣ. Рука была въ перчаткѣ. Каркеръ ее поцѣловалъ и удалился. За дверьми нѣсколько разъ цѣловалъ онъ свою собственную руку, которая имѣла вождельнное счастье прикоснуться къ перчаткѣ м-съ Домби.

Глава XLVI

Глубокія соображенія и нечаянная встрѣча

Въ жизни и привычкахъ м-ра Каркера совершились замѣчательныя перемѣны. Нельзя было надивиться необыкновенному прилежанію, съ какимъ онъ занимался конторскими дѣлами, и той сосредоточенности, съ какою онъ вникалъ въ малѣйшія подробности торговыхъ операций знаменитой фирмы. Всегда дѣятельный и проницательный на этотъ счетъ, онъ теперь удвадцатериль обыкновенную свою бдительность, и его рысьи глаза не смыкались ни на минуту. Онъ не только шелъ наравнѣ съ текущими дѣлами, представлявшимися каждый день подъ какой-нибудь новой формой, но среди этихъ накопляющихся занятій онъ нашель досугъ – то есть онъ создалъ для себя досугъ – обревизовать за цѣлую дюжину годовъ коммерческую дѣятельность фирмы и свое собственное участіе въ ея операцияхъ. Часто, когда писаря расходились по домамъ, и вслѣдъ за ними пустѣли комнаты конторскаго заведенія, м-ръ Каркеръ, анатомируя золотого тельца, заключеннаго въ желѣзномъ гробу, изслѣдовалъ тайны книгъ и дѣловыхъ бумагъ съ терпѣливой кропотливостью человѣка, разсѣкавшаго тончайшіе нервы и фибры своего субъекта. Перчъ, разсылный, обыкновенно въ такихъ случаяхъ услаждалъ свою душу чтеніемъ прейсъкуранта при свѣтѣ сальной свѣчи или дремалъ въ передней передъ каминомъ, рискуя каждую минуту нырнуть головою въ угольный ящикъ. Занятый почти исключительно домашними наслажденіями по поводу м-съ Перчъ, кормившей теперь двухъ близнецовъ, онъ, однако же, не могъ удержаться отъ благоговѣнія передъ необычайнымъ усердіемъ наибольшаго конторы и по цѣлымъ часамъ рассказывалъ о немъ своей почтенной супругѣ.

Такое же, если не большее вниманіе м-ръ Каркеръ обращалъ и на свои личныя дѣла. Не бывъ никогда товарищемъ торговаго дома – этой чести до сихъ поръ достаивались только наслѣдники великой фамиліи Домби – онъ постоянно пользовался нѣкоторыми процентами съ барышей и участвовалъ во всѣхъ предпріятіяхъ, содѣйствовавшихъ къ приращенію капитала. Поэтому въ бурномъ денежномъ океанѣ, мелкіе вьюны между тритонами золота считали его богачемъ не послѣдней руки. Джентльмены прилавковъ начали поговаривать, и довольно громко, что "Каркеръ себѣ на умѣ; знаетъ онъ, гдѣ раки-то зимуютъ, и во время спѣшить собрать денежки въ свой карманъ. Продувная бестія"! Нѣкоторые господа между прочимъ держали пари, что Каркеръ собирается жениться на богатой вдовѣ.

Впрочемъ, всѣ эти заботы отнюдь не мѣшали м-ру Каркеру наблюдать попрежнему своего начальника и смотрѣть за собственной особой. Теперь, какъ и всегда, онъ былъ чистъ, опрятенъ, гладокъ и вообще отличался всѣми кошачьими совершенствами. Не то, чтобы произошли существенныя перемѣны въ коренныхъ основаніяхъ его натуры, но усилилась и поднялась на нѣсколько градусовъ вся жизненная эссенція человѣка, живущаго въ немъ. Все, что замѣчали въ немъ прежде, замѣчали и теперь, только съ приращеніемъ огромныхъ процентовъ сосредоточенности. Онъ дѣлалъ каждую вещь такимъ образомъ, какъ будто въ жизни ничего больше не дѣлалъ, – а это въ такихъ людяхъ вѣрный знакъ, что ихъ мыслительная машина въ эту минуту на всемъ ходу.

Была въ немъ только одна радикальная перемѣна, не имѣвшая никакого отношенія къ прежнимъ привычкамъ. Проѣзжая по улицамъ и переулкамъ, Каркеръ погружался въ глубокое раздумье, какъ въ то достопамятное утро, когда м-ръ Домби такъ неожиданно испыталъ на себѣ удары рока. Повѣсивъ голову и опустивъ глаза, онъ машинально избѣгалъ препятствій на своемъ пути и, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ вплоть до прибытія на мѣсто своего назначенія, если какой-нибудь внезапный случай не пробуждалъ его вниманія.

Такимъ образомъ однажды ѣхалъ онъ на своемъ бѣлономъ конѣ къ конторѣ Домби и Сына и вовсе не замѣчалъ, что съ одной стороны его наблюдаютъ двѣ пары женскихъ глазъ, а съ другой очарованные буркулы Точильщика, который, въ доказательство аккуратности, дожи-

дался его на углу одного переулка, почти за цѣлую версту отъ назначеннаго мѣста. Бѣдный парень три-четыре раза бесполезно снималъ шляпу и, отчаявшись обратить на себя вниманіе господина, пошелъ за хвостомъ его коня, готовый во всякое мгновеніе держать стремя, гдѣ бы м-ръ Каркеръ ни остановился.

– Посмотри сюда: вотъ онъ какъ ѣдетъ! – вскрикнула одна изъ этихъ двухъ женщинъ, – безобразная старушенка, протянувшая свою морщинистую руку, чтобы указать на задумчиваго всадника своей молодой товаркѣ, которая стояла подлѣ нея у воротъ.

Дочь м-съ Браунъ, при этомъ восклицаніи, обратила въ его сторону глаза, и налицѣ ея мгновенно выразилась ужасная мстительность и злоба.

– Никогда не думала его видѣть, – сказала она тихимъ голосомъ, – авось тѣмъ лучше, что вижу. Вотъ онъ! вотъ онъ!

– Не измѣнился ни на волосъ! – сказала старуха съ выраженіемъ безсильной злобы.

– Еще бы, – возразила дочь, – отъ чего ему измѣниться! Какого чорта онъ перенесъ? Во мнѣ зато достанетъ перемѣны на двадцать человѣкъ. Развѣ мнѣ этого мало?

– Вотъ онъ какъ ѣдетъ! – бормотала старуха, озирая дочь своими красными глазами, – красивый, чопорный господинъ на лихомъ конѣ, а вотъ мы съ тобой барахтаемся въ грязи...

– Мы и вышли изъ грязи, – съ нетерпѣніемъ подхватила дочь, – чѣмъ же намъ быть? Его конь можетъ топтать насъ сколько угодно.

Старуха хотѣла что-то сказать, но молодая женщина, сдѣлавъ повелительный жестъ, еще разъ впилась глазами въ проѣзжавшаго всадника. Мать принуждена была замолчать, какъ будто ея голосъ могъ ослабить пристальные взгляды Алисы. Мало-по-малу всадникъ скрылся, и молодая женщина успокоилась совершенно. Тогда старуха начала опять:

– Алиса! красотка моя! – И вмѣстѣ съ этимъ она дернула ее за рукавъ, чтобы пробудить ея вниманіе. – Неужто онъ такъ и уѣдетъ, и ты не выпросишь у него денегъ? Да вѣдь это изъ рукъ вонъ, дочка, гадина ты этакая!

– Развѣ я не говорила, что не нужны мнѣ его деньги? – возразила дочь, – сколько еще разъ толко вать тебѣ объ этомъ? Приняла ли я монету отъ его сестры! Да умирай я съ голоду среди дороги, и тогда не возьму отъ него ни копейки... или нѣтъ, возьму пожалуй, да только для того, чтобы облить ее ядомъ и отослать ему назадъ. Пойдемъ отсюда, матушка.

– Онъ такъ богатъ, – бормотала старуха, – а мы такъ бѣдны!

– Бѣдны оттого, что не можемъ ему заплатить за его добро, – отвѣчала дочь, – пусть мнѣ дадутъ такое богатство, и я сумѣю имъ распорядиться. Пойдемъ, матушка, нечего тутъ глазѣть.

Въ эту минуту Точильщикъ возвращался по той же улицѣ, ведя подъ уздцы бѣлоногую лошадь своего хозяина. Старуха, уже сдвинувшаяся съ мѣста, вдругъ остановилась опять и съ жадностью начала вглядываться въ фізіономію молодого человѣка, поглотившаго теперь все ея вниманіе. Какъ скоро Робинъ поравнялся съ ними, старуха мгновенно отпрянула отъ воротъ, и, подскочивъ къ молодому парню, ударила его по плечу.

– А гдѣ все это время погуливалъ, мой веселый Робинъ? – сказала старуха, когда парень обернулся къ ней черезъ плечо.

При этомъ возгласѣ веселый Робинъ вдругъ сдѣлалъ самую жалкую рожу и забормоталъ сквозь слезы:

– О, неужели ты не оставишь въ покоѣ бѣднаго парня, м-съ Браунъ, когда онъ досталъ себѣ честный кусокъ хлѣба и ведетъ себя хорошо! Какъ это вамъ не стыдно, миссисъ Браунъ! Парень ведетъ въ честную конюшню лошадь своего хозяина, а вы вотъ останавливаете его на улицѣ и разговариваете! Да залучи ты къ себѣ такого коня, ты изъ него мигомъ состряпала бы на продажу мясо для кошекъ и собакъ. Гдѣ погуливалъ? а тебѣ на что? Я думалъ, признаться, что твои косги давно убрались въ дальнюю дорогу! – заключилъ Точильщикъ, думая этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ кольнуть за живое привязчивую старуху.

– Вот онъ какъ поговариваетъ съ своими старыми друзьями! – закричала старуха, обращаясь къ дочери. – Я, бывало, возилась и нянчилась съ нимъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и недѣлямъ, когда онъ гонялъ голубей и перехватывалъ птицъ. Вотъ тебѣ и благодарность!

– Отвяжитесь вы съ этими птицами, миссисъ Браунъ! – возразилъ Робинъ тономъ отчаянной тоски. Лучше бы бѣдному парню свести дружбу со львами, чѣмъ съ этими маленькими пернатыми крикунами, которые вотъ какъ разъ налетятъ на твою рожу, когда этого нисколько не ожидаешь. – Ну, миссисъ Браунъ, какъ ваше здоровье, смѣю спросить, и что вамъ угодно?

Эти учтивые вопросы были, однако, произнесены такимъ тономъ, въ которомъ явно высказывалось желаніе спровадить съ глазъ долой навязчивую старуху.

– Поди ты, какъ онъ раскудахтался! – сказала м-съ Браунъ, опять обращаясь къ своей дочери. – Кудахтай, соколикъ, до поры до времени, а вотъ я потолкую о тебѣ съ кое-какими твоими старыми пріятелями, съ которыми ты вмѣстѣ обманывалъ и воровалъ...

– Да замолчите ли вы, миссисъ Браунъ? – прервалъ горемычный Точильщикъ, быстро озираясь вокругъ, какъ будто за его затылкомъ блистали перловые зубы всевѣдущаго господина. – Что вамъ за радость погубить бѣднаго парня? Подумайте о своихъ лѣтахъ, миссисъ Браунъ! Развѣ вамъ нечего больше дѣлать?

М-съ Браунъ между тѣмъ гладила коня. Робинъ съ неудовольствіемъ взиралъ на эту операцію.

– Что ты хнычешь, безталанный дѣтинушка? Какого чорта я сдѣлаю твоему коню?

– Какого чорта! Да притронься къ нему хоть соломинкой, хозяинъ все узнаетъ.

И Точильщикъ усердно принялся дуть на мѣсто, къ которому прикасалась старуха, какъ будто онъ дѣйствительно вѣрилъ тому, что говорилъ. Уничтоживъ, такимъ образомъ, истинный или мнимый слѣдъ нечистаго прикосновенія, Робинъ повелъ впередъ своего коня. Старуха пошла подлѣ, бросивъ выразительный взглядъ на дочь, и продолжала разговоръ:

– Теплое мѣстечко, Робинъ, а? Везетъ тебѣ, дѣтинушка, а?

– Толкуй вотъ тутъ, повезетъ много, если станешь съ тобой встрѣчаться, – возразилъ несчастный Точильщикъ, дѣлая жалкую гримасу и останавливаясь среди дороги. – Да что это въ самомъ дѣлѣ, миссисъ Браунъ, отстанете ли вы отъ меня? Зачѣмъ не отзоветъ васъ эта молодая женщина, если она вамъ пріятельница? Проваливай, проваливай, бабушка Браунъ.

– Какъ, – закричала старуха, вытянувъ морщинистое лицо, исковерканное чудовищной улыбкой. – Такъ ты, мошенникъ, отпираешься отъ своихъ старыхъ друзей! такъ ты забываешь ихъ старую хлѣбъ-соль! Проваливай? А кто давалъ тебѣ пріютъ въ своемъ домѣ, когда ты, какъ собака, валялся по каменнымъ мостовымъ? а кто у тебя покупалъ и продавалъ съ тобою разныя вещицы, когда ты отлынивалъ отъ школы, озорникъ ты этакій? а гдѣ, въ какомъ углу, на чьей лавкѣ ты храпѣлъ въ тѣ поры, бутузъ ты пучеглазый, образина ты непутная, а? Проваливай? Хорошо, голубчикъ, хорошо. Завтра же я нагоню къ тебѣ цѣлую свору твоихъ прежнихъ товарищей, и вотъ увидимъ, какъ ты имъ скажешь – проваливай! Пойдемъ, Алиса. Чортъ съ нимъ!

– Погодите, миссисъ Браунъ! – закричалъ съ отчаяніемъ Точильщикъ. – Что вы хотите дѣлать? На что это вы сердитесь, добрая бабушка? Да не уходите же, я и не думалъ васъ обижать. Я вѣдь съ самаго начала сказалъ, – какъ ваше здоровье? – вольно же вамъ ничего не отвѣчать. Ну, бабушка, все ли вы въ добромъ здоровьи? Да оглянитесь же сюда! – завопилъ Робъ жалобнымъ голосомъ, – ахъ, ты, Господи! Ну какъ бѣдному парню, разиня ротъ, стоять среди улицы съ хозяйской лошадыю, которую надобно вычистить и выхолить! И онъ-то... ой, ой, ой!.. онъ знаетъ всю подноготную!..

Старуха, работая постоянно губами и мотая головой, бормотала что-то про себя, однако сдѣлала видъ, что перестаетъ сердиться.

– Пойдемте же со мной, – продолжалъ Робинъ, я поставлю лошады въ стойло, и потомъ мы разопьемъ съ вами бутылочку, не такъ ли, миссисъ Браунъ? Миссъ, пойдемте съ нами, будьте такъ добры. Я, право, очень радъ этому свиданію, да только вотъ лошады-то спутала меня.

Послѣ этого извиненія, Точильщикъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, повернулъ своего коня въ глухой переулокъ, чтобы спокойнѣе добраться до конюшень. Старуха, безпрестанно озираясь на свою дочь, пошла подлѣ, между тѣмъ какъ Алиса слѣдовала за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Минуть черезъ десять почтенная компанія повернула на большой дворъ или площадь, обставленную амбарами, между которыми особенно бросался въ глаза амбаръ бутылочнаго мастера. Здѣсь же была и огромная конюшня, дававшая пріютъ нѣсколькимъ дюжинамъ благородныхъ животныхъ. Отдавъ конюху бѣлоногаго коня, Точильщикъ пригласилъ своихъ дамъ посидѣть у воротъ на каменной скамейкѣ, а самъ побѣжалъ въ ближайшій кабакъ, изъ котораго тотчасъ же воротился со штофомъ и стаканомъ.

– Это за здоровье твоего хозяина, м-ра Каркера, что ли? – сказала тихонько старуха, принимая поданный стаканъ. – Ну, многая ему лѣта!

– Да развѣ я сказалъ, какъ зовутъ моего хозяина? – замѣтилъ Точильщикъ, выпучивъ глаза.

– Мы его знаемъ, – сказала м-съ Браунъ, переставъ жевать и впившись глазами въ своего собесѣдника. – Мы его видѣли сегодня поутру верхомъ на лошади, а ты еще вертѣлся передъ нимъ и снималъ шапку.

– Ай, ай! что это съ ней дѣлается? Развѣ она не будетъ пить?

Этотъ вопросъ относился къ Алисѣ, которая, завернувшись въ свой капотъ, сидѣла поодаль, не обращая никакого вниманія на предложенный стаканъ. Старуха между тѣмъ качала головой.

– Ты не смотри на нее, – сказала м-съ Браунъ, – она у меня такая странная. А вотъ м-ръ Каркеръ...

– Тс! – сказалъ Точильщикъ, осторожно осматриваясь во всѣ стороны, какъ будто м-ръ Каркеръ стоялъ и подслушивалъ гдѣ-нибудь за угломъ. – Тише, пожалуйста!

– А что? Развѣ онъ здѣсь?

– Какъ знать? – бормоталъ Робинъ, бросая робкій взглядъ на амбаръ бутылочнаго мастера, какъ будто его хозяинъ скрывался тамъ между громадами стклянокъ.

– Хорошій хозяинъ? – спросила м-съ Браунъ.

Робинъ кивнулъ головой и прибавилъ тихимъ голосомъ:

– Проницателенъ такъ, что Боже упаси!

– За городомъ живетъ?

– За городомъ, у него собственная дача, а только теперь мы живемъ не дома.

– Гдѣ же?

– На квартирѣ, недалеко отъ м-ра Домби.

Вдругъ молодая женщина бросила на него такой пылливый взоръ, что Робинъ совсѣмъ растерялся, и, не зная самъ, что дѣлаетъ, налилъ ей еще стаканъ вина. Стаканъ опять не былъ принятъ.

– Вы, чай, помните м-ра Домби? – продолжалъ Точильщикъ, – мы о немъ, бывало, часто съ вами толковали.

Старуха сдѣлала утвердительный жестъ.

– Ну, такъ вотъ м-ръ Домби слетѣлъ намедни съ лошади и разбился. Поэтому мой хозяинъ и переѣхалъ въ городъ, чтобы чаще видѣться съ м-ромъ Домби или съ м-съ Домбй.

– А они уже подружились, голубчикъ? спросила старука

– Кто?

– Онъ и она.

– То есть м-ръ и м-съ Домби? Почему мнѣ звать?

– Не они, цыпленочекъ ты мой, а твой хозяинъ и м-съ Домби, – возразила старуха вкрадчивымъ тономъ.

– Не знаю, – сказала Робинь, озираясь вокруг, – может, и подружились. Какъ вы любопытны, бабушка Браунъ! По-моему, знай себя, и будетъ съ тебя! Лучше держать языкъ за зубами. Право!

– Да вѣдь бѣды тутъ нѣтъ, касатикъ! – воскликнула старуха съ дикимъ смѣхомъ и хлопая руками. – Какой ты нынче скрытый Робинь! вотъ что значить попасть въ люди. Ну, а все-таки бѣды тутъ нѣтъ.

– Нѣтъ-то нѣтъ, оно, пожалуй, и такъ, – возразилъ Робинь, бросая опять отчаянный взглядъ на бутылочный амбаръ, – а болтать, по-моему, никакъ не слѣдуетъ даже о пуговицахъ моего хозяина. Я вѣдь знаю, что говорю. Лучше повѣситься или утопиться, чѣмъ заводить что на его счетъ. Я бы вамъ ни за что не сказалъ его имени, если бы вы сами не знали. Говорите о чемъ-нибудь другомъ.

Между тѣмъ, какъ Точильщикъ опять повелъ глазами по площадкѣ, старуха сдѣлала тайный знакъ своей дочери. Понявъ смыслъ этого мгновеннаго жеста, Аїса отвела глаза отъ мальчишки, который ихъ угощалъ, и сѣла, какъ прежде, закутавшись въ свой плащъ.

– Робинь! – сказала старуха, приглашая его на другой конецъ скамейки. – Ты всегда былъ моимъ ненагляднымъ любимцемъ... былъ или нѣтъ? Ну, говори же, касатикъ, да или нѣтъ.

– Да, бабушка, да! – отвѣчалъ Точильщикъ, дѣлая прежалкую гримасу.

– И ты могъ меня оставить! – сказала старуха, обвивая руками его шею. – Ты убѣждалъ, да и нропалъ, и нѣтъ о тебѣ ни слуху, ни духу, мошенникъ ты этакій! Что бы тебѣ хоть разъ какъ-нибудь забѣжать къ старымъ друзьямъ и подать о себѣ вѣсточку! Такъ нѣтъ, плутяга, загордился, ой, ой!

– Поди-ка попробуй пожить съ такимъ хозяиномъ, какъ мой, – заголосилъ въ отчаяніи Точильщикъ, – онъ видитъ, кажись, за тридевять земель и знаетъ побольше всякаго чорта. Поневолѣ тутъ загордишься, да и прикусишь языкъ.

– Стало быть, ты никогда не навѣстишь меня, Робинь? – вскричала м-съ Браунъ. – Никогда ты не придешь ко мнѣ, голубчикъ?

– Нѣтъ, нѣтъ, бабушка, приду. Съ чего ты накинулась? приду, говорятъ тебѣ.

– Ай же соколикъ! вотъ это хорошо! Люблю дружка за обычай, – кричала старуха, осушая слезы на своей щекѣ и сжимая его въ своихъ объятіяхъ. – Придешь на старое мѣсто, Робинь?

– Да, бабушка.

– Скоро, касатикъ?

– Скоро.

– И часто будешь ходить, голубчикъ ты мой?

– Да, да, да, – отвѣчалъ Робинь скороговоркой, – буду ходить часто, бабушка, ей Богу.

– Ну, любезный, если ты не врешь, – сказала м-съ Браунъ, поднявъ руки и закинувъ голову назадъ, – я никогда не подойду къ твоей квартирѣ, хотя и знаю, гдѣ ты живешь, никогда не заикнусь о тебѣ, мой голубчикъ, никогда!

Это восклицаніе послужило каплей утѣшенія для бѣднаго Точильщика, и онъ, взявъ руку м-съ Браунъ, умолялъ ее со слезами на глазахъ, чтобы она, ради Бога, не разстраивала его счастья. М-съ Браунъ согласилась, и въ доказательство еще разъ заключила въ нѣжныя объятія своего закадычнаго друга. Вставъ, наконецъ, со скамейки, чтобы идти за дочерью, она приложила палецъ къ губамъ и шепотомъ начала просить денегъ.

– Шиллингъ, мой милый, или хоть поль-шиллингъ, ради стараго знакомства! Я бѣдна, кормилецъ, а моя дочь, – м-съ Браунъ оглянулась черезъ плечо – это вѣдь дочь хмоя... она морить меня и голодомъ, и холодомъ.

Но когда Точильщикъ сунулъ шиллингъ въ ея руку, Алиса, быстро обернувшись назадъ, выхватила монету и бросила на полъ.

– Какъ, матушка! – вскрикнула она, – опять деньги! деньги съ начала до конца! Развѣ ты забыла, что я говорила тебѣ только-что? Молодой человекъ, можете взять вашу монету.

Старуха страшно застонала, когда у нея вырвали деньги, но, не смѣя прекословить, поковыляла за своей дочерью въ переулочкъ, выходявшій отъ этого двора. Ошеломленный Точильщикъ, наблюдавшій ихъ съ своего мѣста, вскрѣ увидѣлъ, что обѣ женичины остановились и вступили между собою въ жаркій разговоръ, при чемъ молодая не разъ дѣлала рукою грозное движеніе, относившееся, вѣроятно, къ предмету ея рѣчи.

– Вотъ тутъ и валандайся съ этой сволочью, – думалъ Точильщикъ, продолжая свои безмолвныя наблюденія съ высоты каменной скамейки. – Не было печали, черти накачали. Ну, если этой вѣдьмѣ когда-нибудь придетъ въ голову выполнить свои угрозы... а впрочемъ чего я робѣю? не Маѳусаиловы же вѣка проживетъ. негодная старушенка: авось какъ разъ издохнетъ черезъ годъ, а можетъ, и раньше, и тогда всѣ концы въ воду.

Успокоивъ себя такими основательными предположеніями, Робинъ соскочилъ со скамейки и весело направилъ шаги къ конторѣ Домби и Сына въ полной готовности дожидаться новыхъ приказаній своего грознаго владыки.

Однако, при взглядѣ на грознаго владыку, засѣдавшаго въ конторѣ, Точильщикъ затрепеталъ и затрясся всѣми суставами, ожидая заслуженныхъ упрековъ за сношенія съ м-сь Браунъ. Но упрековъ не было. М-ръ Каркеръ, по обыкновенію, вручилъ своему слугѣ утреннюю пачку бумагъ для м-ра Домби и записочку для м-сь Домби, при чемъ только кивнулъ головою, рекомендуя быть осторожнѣе и держать ухо востро: таинственное предостереженіе, стоившее всякихъ угрозъ и наказаній для запуганнаго парня.

Оставшись опять одинъ въ своей комнатѣ, м-ръ Каркеръ принялся за дѣла и проработалъ цѣлый день. Онъ принималъ посѣтителей, пересматривалъ документы, обозрѣвалъ снаружи, вдоль и поперекъ, колеса и пружины меркантильной машины, и мысль его во время этихъ занятій ни на минуту не уклонялась въ сторону отъ обдуманнаго плана. Наконецъ, когда на письменномъ столѣ не оставалось болѣе ни одного клочка дѣловой бумаги, м-ръ Каркеръ еще разъ погрузился въ глубокое раздумье.

Онъ стоялъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и въ своей обыкновенной позѣ, уставивъ глаза на коверъ передъ каминомъ, когда вошелъ въ комнату его братъ съ пачкою писемъ, полученныхъ въ продолженіе дня. М-ръ Каркеръ, переставъ наблюдать конторскій полъ, обратилъ геперь все свое вниманіе на брата, и когда тотъ, положивъ письма на столъ, хотѣлъ уже идти, главный приказчикъ остановилъ его вопросомъ:

– Зачѣмъ ты приходишь сюда, Джонъ Каркеръ?

Его братъ указалъ на письма.

– Странно, любезный, ты ходишь сюда каждый день и ни разу не освѣдомишься о здоровьи нашего хозяина.

– Сегодня поутру говорили въ конторѣ, что м-ръ Домби поправляется, – отвѣчалъ братъ.

– Какая, подумаешь, кроткая овечка! – улыбаясь возразилъ приказчикъ. – Если бы этакъ м-ръ Домби схватилъ горячку или, чего добраго, отправился на тотъ свѣтъ, ты, конечно, мой милый, стосковался бы съ печали: не такъ ли?

– Я былъ бы очень огорченъ.

– Онъ былъ бы огорченъ! – возразилъ приказчикъ, указывая на брата, какъ будто тутъ стоялъ еще человекъ, къ которому онъ обращался. – Онъ былъ бы очень огорченъ! Ай да братецъ! И эта ветошь, эта гадина, прибитая носомъ къ стѣнѣ уже чортъ знаетъ сколько лѣтъ и чортъ знаетъ для чего, тоже хвастается своей преданностью, благодарностью, уваженіемъ и, пожалуй, самоотверженіемъ! И ты думаешь, любезный, что, вотъ такъ тебѣ и повѣрятъ!

– Я ни въ чемъ тебя не увѣрю, Джемсъ. Будь, ради Бога, справедливъ ко мнѣ, какъ и къ другимъ. Ты предлагаешь вопросъ, и я отвѣчаю; это, кажется, въ порядкѣ вещей.

– И тебѣ точно не на что пожаловаться, мокрая ты курица! – закричалъ приказчикъ съ необыкновенной запальчивостью. – Гордое обхожденіе тебя не раздражаетъ, глупые капризы,

надутая важность, дерзкіе выговоры, упреки, – все это тебѣ ни по чемъ! Да кой чортъ! человекъ ты или мышъ?

– Было бы очень странно, если бы два человекъ, прожившіе вмѣстѣ цѣлые годы и поставленные въ отношеніи одинъ къ другому какъ начальникъ и подчиненный, не находили другъ въ другѣ какихъ-нибудь поводовъ къ неудовольствіямъ, особенно если взять въ расчетъ предубѣжденіе ко мнѣ м-ра Домби. Но кромѣ того, что моя исторія здѣсь...

– Его исторія здѣсь! – воскликнулъ Джемсъ. – Это твой всегдашній конекъ. Ну, продолжай!

– Кромѣ того, что моя здѣшняя исторія обязываетъ меня собственно быть благодарнымъ, я увѣренъ, что во всемъ торговомъ домѣ не найдется ни одного человекъ, который бы не находилъ повода къ признательности. Не думай, братъ, чтобы здѣсь оставались хладнокровными къ судьбѣ м-ра Домби; совсѣмъ напротивъ, несчастное приключеніе съ почтеннымъ представителемъ фирмы огорчило болѣе или менѣе cadaго изъ насъ.

– Да, у тебя особыя причины быть благодарнымъ! – воскликнулъ Джемсъ презрительнымъ тономъ. – Глупецъ! неужели ты не видишь, зачѣмъ ты удержанъ въ этой конторѣ? Ты ни больше, ни меньше, какъ дешевый урокъ для всей остальной сволочи и вмѣстѣ великолѣпнѣйшій образчикъ милосердія Домби и Сына, которымъ очень нужны такіе образчики для увеличенія кредита.

– Я думаю, напротивъ, – отвѣчалъ братъ кроткимъ тономъ, – что фирма удержала меня по другимъ, болѣе безкорыстнымъ причинамъ.

– По какимъ это, интересно бы знать? Ужъ не по чувству ли христіанскаго милосердія и любви къ ближнему? Глупецъ!

– Послушай, Джемсъ. Хотя узы братства между нами разорваны давнымъ-давно...

– Кто же разорвалъ ихъ, почтеннѣйшій?

– Я, дурнымъ поведеніемъ. Я ни въ чемъ не обвиняю тебя.

– Это очень мило съ твоей стороны не обвинять меня, – возразилъ главный приказчикъ, выставляя на показъ свои блистательные зубы. – Ну, продолжай!

– Хотя узы братства, говорю я, давно разорваны между нами, однако я убѣдительно прошу не осыпать меня бесполезными упреками и не перетолковывать моихъ словъ. Я хотѣлъ только замѣтить, что несправедливо было бы съ твоей стороны предположеніе, что только ты одинъ лично уважаешь м-ра Домби, хотя, разумѣется, ты болѣе всѣхъ насъ имѣешь причинъ дорожить благосостояніемъ фирмы: ты поставленъ здѣсь выше всѣхъ, удостоенъ полной довѣренности, обогащенъ и осыпанъ всѣми милостями, и м-ръ Домби обходится съ тобою, какъ съ товарищемъ и другомъ. Но, при всемъ томъ, я нравственно убѣжденъ и повторяю еще, что всѣ здѣсь уважаютъ представителя фирмы.

– Ты лжешь! – закричалъ приказчикъ, вспыхнувъ отъ гнѣва. – Ты подлый лицемѣръ, Джонъ Каркеръ, и я повторяю, что ты лжешь!

– Остановись, Джемсъ! что ты разумѣешь подъ этими обидными словами?

– А вотъ видишь ли, любезный, что я подъ этимъ разумѣю, – отвѣчалъ приказчикъ, показывая брату оконечность указательнаго пальца. – Ты можешь сколько тебѣ угодно надѣвать маску подлѣйшаго лицемѣра, я вижу тебя насквозь и знаю наизусть свѣчаи и обычаи всей конторской сволочи. Нѣтъ здѣсь ни одного человекъ, отъ меня до послѣдняго молокососа, который бы сколько-нибудь уважалъ хозяина этихъ заведеній. Всѣ ненавидятъ Домби и втихомолку посылаютъ ему тысячи чертей. Чѣмъ кто ближе къ его милостямъ, тѣмъ ближе къ его нахальству. Всѣ и каждый удаляются отъ него по мѣрѣ приближенія къ нему, и будь у кого побольше смѣлости, тотъ открыто возсталъ бы противъ этого гордеца. Вотъ какой здѣсь законъ!

Джонъ, начинавшій, въ свою очередь, горячиться, до того былъ теперь изумленъ послѣдними словами брата, что нѣсколько времени не могъ выговорить ни слова.

– Не знаю, – сказалъ онъ наконецъ, приходя мало-по-малу въ себя, – не знаю, кто такъ неудачно принялъ на себя трудъ нашептывать тебѣ всѣ эти небылицы, и не понимаю, зачѣмъ именно меня, а не другого кого ловишь ты на удочку... Не запирайся, я очень хорошо вижу, что ты испытываешь меня и вывѣдываешь. Твое обращеніе и манеры, совсѣмъ тебѣ несвойственныя, ясно подтверждаютъ это. Но какъ бы то ни было, ты обмануть, Джемсъ Каркеръ.

– Разумѣется, я очень хорошо знаю, что обмануть.

– Только не мною, въ этомъ можно присягнуть. Обманываютъ тебя или шпионы, если они у тебя есть, или собственные мысли и подозрѣнія.

– У меня нѣтъ подозрѣній, – съ живостью возразилъ главный приказчикъ. – Мои догадки – достовѣрность. У всѣхъ васъ одна и та же пѣсня. Всѣ вы – низкія, презрѣнныя, гадкія собаки, воете на одинъ тонъ и виляете однимъ хвостомъ. Знаю я васъ!

Джонъ Каркеръ удалился, не сказавъ ни слова, и затворилъ дверь. Главный приказчикъ пододвинулъ къ камину стулъ и началъ тихонько разгребать уголь кочергой.

– Канальи, бестіи, мошенники, плуты! – восклицалъ на досугъ м-ръ Каркеръ, выставляя для собственнаго удовольствія свои перловые зубы. – Нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы не прикинулся обиженнымъ и оскорбленнымъ... какъ! Да будь у нихъ сила, власть и умѣніе, они бы въ прахъ уничтожили этого Домби и разбросали бы его кости съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ я вотъ выгребаю этотъ пепель.

Разсѣявъ за рѣшеткой остатки пепла, м-ръ Каркеръ любовался на свое произведеніе съ задумчивой улыбкой.

– А для нихъ вѣдь нѣтъ еще этой женщины, которая рисуется въ перспективѣ блистательной наградой, – прибавилъ онъ торжественнымъ тономъ. – Мы шли напроломъ черезъ рогатки гордости и высокоумія, – этого не должно забывать. Каково было наше знакомство? Да, чортъ побери!

Съ этимъ онъ впалъ въ глубокое раздумье и долго просидѣлъ, повѣсивъ голову надъ почернѣвшей рѣшеткой. Наконецъ, онъ всталъ, надѣлъ шляпу и перчатки и вышелъ изъ комнаты. Была уже ночь. М-ръ Каркеръ сѣлъ на коня и поѣхалъ по освѣщеннымъ улицамъ.

Подѣхавъ къ дому м-ръ Домби, Каркеръ взглянулъ на верхнее окно, гдѣ, бывало, онъ наблюдалъ Флоренсу съ ея собакой. Въ окнѣ не было свѣта; Каркеръ улыбнулся и небрежно повелъ глазами по всему фасаду великолѣпнаго чертога.

– Было время, – сказалъ онъ, – когда не безъ удовольствія наблюдалъ я и тебя, маленькая звѣзда, наводя тѣни по мѣрѣ надобности и окружая тебя облаками! Но теперь на горизонтѣ яркая планета, и ты потерялась въ ея свѣтѣ.

Онъ поверотилъ за уголь бѣлоногого коня и отыскалъ глазами одно изъ многочисленныхъ оконъ на переулочной сторонѣ дома. Другія мысли, другія воспоминанія пробудились въ его душѣ: какая-то гордая, величественная фигура, рука въ перчаткѣ, перья изъ крыла прекрасной птицы, разсѣянныя по полу, бѣлая грудь, волновавшаяся подъ платьемъ, какъ будто отъ приближенія бури... Постоявъ съ минуту, м-ръ Каркеръ поверотилъ назадъ и быстро помчался впередъ по темнымъ и опустѣлымъ паркамъ.

Роковое сцѣпленіе обстоятельствъ! Гордая женщина ненавидѣла его всѣми силами души и между тѣмъ исподволь должна была привыкнуть къ его обществу, и вотъ теперь онъ – единственный человѣкъ, который присвоилъ себѣ право разговаривать съ ней о ея супругѣ и о собственномъ ея униженіи въ своихъ же глазахъ! Она знала его въ совершенствѣ, точно такъ же, какъ и онъ ее зналъ, и поэтому между ними не могло быть никакой довѣрчивости, а между тѣмъ, несмотря на эту глубокую ненависть, онъ съ каждымъ днемъ подходилъ къ ней ближе. Несмотря на глубокую ненависть! Напротивъ, очень смотря: на днѣ этого чувства, зоркій и грозный глазъ ея смутно прозиралъ зародышъ отмщенія, которое съ нѣкотораго времени мрачнымъ пятномъ запало въ ея душу.

И неужели призракъ этой женщины носился въ его воображеніи, когда онъ стремглавъ летѣлъ по опустѣлому пространству? И былъ этотъ призракъ вѣренъ дѣйствительности?

Да. Онъ воображалъ ее точно такую, какъ она была. Ея гордость, отвращеніе, ненависть были для него столько же ясны, какъ ея красота. Ничто съ такою отчетливою вѣрностью онъ не представлялъ, какъ ея ненависть къ себѣ. Она то горделиво отталкивала его повелительнымъ жестомъ, то иногда бросалась къ ногамъ его лошади и уничтожалась во прахѣ; но какъ бы ни было, она всегда являлась его умственному взору безъ маски, безъ прикрасъ, и онъ наблюдалъ ее на опасномъ пути, по которому она проходила.

Глава XLVII Громовой ударъ

Время не укоротило барьера между м-ромъ Домби и его женой. Утѣшитель скорбящихъ и укротитель гнѣвныхъ, благодѣтельное время нисколько не помогало этой четѣ, связанной не розовою цѣпью, а желѣзными кандалами, натирившими до крови и костей ихъ крѣпкія руки, стремившіяся съ каждымъ днемъ высвободиться отъ насильственного ига и разойтись въ противоположныя стороны. Разнородная ихъ гордость, обращенная на разные предметы, была однакожь совершенно равна въ степени своей упругости и силы, и отъ ихъ кремнистаго столкновенія мгновенно вспыхиваль между ними огонь, который горѣль или тлѣлся, смотря по обстоятельствамъ, но сожигаль непремѣнно все, къ чему ни прикасался, и осыпаль, такимъ образомъ, грудами пепла тернистый путь злополучнаго брака.

Будемъ къ нему справедливы. Надменный до чудовищнаго ослѣпленія, возроставашаго и усиливающагося по мѣрѣ сопротивленія, онъ принуждаль и всегда готовъ былъ принуждать ее къ чему бы и какъ бы то ни было; но, въ сущности, онъ не перемѣнилъ о ней своего мнѣнія, и его чувства были всегда одни и тѣ же. Она, нечего и говорить, вела себя очень дурно, не признавая надъ собой его верховнаго вліянія и отказываясь отъ всякой подчиненности, поэтому слѣдовало ее исправить и привести въ приличныя границы; но все же нѣтъ никакого сомнѣнія, что при другомъ поведеніи, она была бы отличнымъ украшеніемъ его дома и могла бы сообщить удивительный блескъ знаменитому имени Домби и Сына.

Она между тѣмъ... но ея положеніе не измѣнилось съ того вечера, когда она сидѣла одна подлѣ мерцающаго пламени, въ мрачной и грозной красотѣ, наблюдая темныя тѣни на стѣнѣ, какъ будто въ нихъ обрисовывались ея собственныя мысли. Проникнутая страшнымъ отвращеніемъ, она чаще и чаще обращала теперь свой мрачный взглядъ на отвратительную фигуру, направлявшую противъ нея всевозможные роды нравственнаго униженія. Это была опять фигура ея супруга.

Да неужели, въ самомъ дѣлѣ, могъ въ родѣ нашемъ образоваться такой характеръ, какъ у м-ра Домби? Естественно ли это?

Уже полгода прошло послѣ бѣдственнаго приключенія, а они не измѣнились въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Она стояла на его пути мраморной скалою, несокрушимою никакими ударами грома, а онъ лежалъ на ея дорогѣ холоднымъ болотомъ душнаго погребя, куда не проникаль и не проникнетъ никогда лучъ дневнаго свѣтила.

Что касается до Флоренсы, въ ея сердцѣ исчезла теперь всякая надежда на лучшую будущность, надежда, основанная на водвореніи въ новомъ домѣ прекрасной маменьки. Новый домъ постарѣль почти двумя годами, и тяжелые опыты каждаго дня задушили тоскливое предчувствіе отдаленнаго счастья. Если еще въ глубинѣ ея души оставался отблескъ угасавшей надежды, что Эдиоъ и ея отецъ со временемъ, быть можетъ, какъ-нибудь сдѣлаются счастливые, зато она была убѣждена, что отецъ никогда не будетъ ее любить. Разъ, и только разъ въ жизни, показалось ей, что она читаетъ въ глазахъ отца что-то, похожее на раскаяніе, но это мгновеніе давно исчезло въ продолжительномъ воспомианіи о его холодности, мрачной и упорной.

Флоренса еще любила его, но съ нѣкотораго времени ея любовь начала мало-по-малу принимать какой-то странный характеръ. Думая объ отцѣ, она представляла его не дѣйствительнымъ существомъ, а отжившимъ членомъ вымершаго семейства, который для нея очень дорогъ по воспоминаніямъ объ этомъ семействѣ. Тихая грусть, съ какой она любила память маленькаго Павла или своей матери, казалось, входила теперь частью въ ея представленія о немъ, имѣвшія видъ милыхъ сердцу воспоминаній, и, такимъ образомъ, отецъ, любимый ею, становился для нея неопредѣленною мечтою безъ всякой связи съ дѣйствительною жизнью, какъ образъ милаго брата, которому слѣдовало со временемъ достигнуть зрѣлаго возраста и

сдѣлаться ея естественнымъ покровителемъ. Флоренса сама не могла отдать себѣ яснаго отчета въ этихъ представленіяхъ, но нѣтъ ничего мудренаго, если она считала своего отца умершимъ для себя: мысль о немъ всегда соединялась съ мыслью о погибшихъ надеждахъ и желаніяхъ, умерщвленныхъ его холодною.

Такая перемѣна въ молодой дѣвушкѣ произошла незамѣтно для нея самой, точно такъ же, какъ незамѣтно перешла она отъ младенчества къ дѣтству и отъ дѣтства къ періоду полного расцвѣта женской красоты. Флоренсѣ было почти семнадцать лѣтъ, когда въ своихъ уединенныхъ размышленіяхъ она мало-по-малу начала сознавать свое дѣйствительное отношеніе къ окружающимъ предметамъ.

Она часто оставалась теперь наединѣ, потому что ея прежняя связь съ ея прекрасной матерью значительно измѣнилась. Во время несчастья, случившагося съ отцомъ, когда онъ лежалъ одинокій въ своей спальнѣ, Флоренса въ первый разъ замѣтила, что Эдиѡъ ея избѣгаетъ. Огорченная до послѣдней степени и не умѣя никакъ согласить этой холодности съ ея любовью, обнаруживающеюся при каждой встрѣчѣ, Флоренса однажды вечеромъ пошла еще разъ въ ея комнату.

– Матушка, чѣмъ я васъ оскорбила? – сказала Флоренса, съ робостью остамавливаясь подлѣ нея.

– Ничѣмъ, мой ангель.

– Отчего же вы перемѣнились ко мнѣ, милая матушка? Вѣроятно, я что-нибудь сдѣлала: скажите, ради Бога, и я постараюсь загладить свою вину. Мнѣ трудно сказать, съ какою скоростью я въ состояніи замѣтить каждую, даже малѣйшую перемѣну, потому-что я люблю васъ отъ всего сердца.

– Такъ же, какъ и я тебя, мой ангель, – отвѣчала Эдиѡъ. – Ахъ, Флоренса, повѣрь мнѣ, никогда я не любила тебя больше, чѣмъ теперь.

– Отчего же вы такъ часто удаляетесь отъ меня? И отчего иной разъ вы такъ странно смотрите на меня? Не правда ли, вы странно на меня смотрите?

Эдиѡъ дала утвердительный отвѣтъ своими черными глазами.

– Скажите мнѣ, отчего, и я употреблю всѣ средства, чтобы заслужить вашу благосклонность.

– Флоренса, – отвѣчала Эдиѡъ, взявъ руку, обвивавшую ея шею, и бросая на нее такіе нѣжные, такіе любящіе взоры, что молодая дѣвушка стала передъ нею на колѣни, – милая Флоренса, я не могу тебѣ сказать, отчего. Не мнѣ это говорить, и не тебѣ слушать; но будь увѣрена, мой ангель, это должно быть такъ, а не иначе. Развѣ я поступала бы такъ, если бы это не было нужно?

– Неужели мы должны быть отчужденными, матушка? – спросила Флоренса, обративъ на нее испуганные глаза.

Въ безмолвныхъ глазахъ Эдиѡи обозначился утвердительный отвѣтъ.

Флоренса смотрѣла на нее съ возрастающимъ изумленіемъ и страхомъ до тѣхъ поръ, пока не могла больше ее видѣть сквозь слезы, побѣжавшія по ея лицу.

– Флоренса, жизнь моя! – восклицала Эдиѡъ, – послушай меня. Я не могу больше смотрѣть на эту сцену. Успокойся, мой другъ. Ты видишь, какъ я тверда и спокойна, а развѣ это ничего для меня?

При послѣднихъ словахъ грудь ея выпрямилась, глаза засверкали и голосъ сдѣлался твердымъ. Она продолжала:

– Не совсѣмъ отчужденными. Только отчасти, и притомъ лишь для виду, Флоренса, потому что въ душѣ я остаюсь такою же въ отношеніи къ тебѣ, какъ прежде, какъ и всегда. Но то, что я дѣлаю, сдѣлано не для меня.

– Неужели для меня, милая матушка?

– Довольно, – сказала Эдию послѣ нѣкотораго размышленія, – довольно знать дѣло, какъ оно есть, и не спрашивать, почему оно такъ. Милая Флоренса, мы должны видѣться съ этой минуты какъ можно рѣже: это необходимо, это неизбежно, этого требуетъ роковая судьба. Искренность, утвердившаяся между нами, должна быть прекращена.

– Когда? – вскричала Флоренса, – о, милая матушка, когда?

– Теперь, – отвѣчала Эдию?

– Неужели навсегда?

– Я не говорю этого. Я и сама не знаю. Наша дружба при лучшихъ обстоятельствахъ, могла бы сдѣлаться священнымъ союзомъ, благодѣтельнымъ для обѣихъ; но что выйдетъ изъ нея теперь, мнѣ неизвѣстно. Я пришла сюда по такимъ дорогамъ, по которымъ никогда теперь не идти, но путь мой отсюда... я ничего не вижу... Богъ знаетъ...

Голосъ ея замеръ, и она взглянула на Флоренсу съ какимъ-то дикимъ испугомъ, который быстро перешелъ въ мрачную гордость, и вдругъ всѣ черты ея лица выразили гнѣвъ, неукротимый гнѣвъ, готовый разразиться при первой вспышкѣ. И между тѣмъ какъ эти чувства смѣнялись съ неуловимою быстротой, подобно струнамъ на дикой арфѣ, общее выраженіе гнѣва оставалось господствующимъ, и ничего похожаго на нѣжность не обрисовывалось ея позой. Она не опустила своей головы, не заплакала и не сказала, что вся ея надежда только на Флоренсу. Напротивъ, она держала голову вверхъ, готовая стать передъ нимъ лицомъ къ лицу, чтобы иоразить его смертью, Да и она бы поразила, если бы въ ея глазахъ заключалась чарующая сила.

– Матушка, – сказала Флоренса, проникнутая ужаснымъ безпокойствомъ, – есть въ васъ какая-то перемѣна, страшная перемѣна, которая сильно тревожитъ меня. Позвольте мнѣ остаться съ вами.

– Нѣтъ, мой другъ, мнѣ гораздо лучше одной, и всего менѣе я могу остаться съ тобою. Не спрашивай меня, но повѣрь, что всѣ эти капризы зависятъ не отъ собственной моей воли. Повѣрь, что въ душѣ я нисколько не перемѣнилась, хотя, быть можетъ, намъ слѣдуетъ казаться впредь еще больше отчужденными другъ отъ друга. Прости мнѣ, если своимъ присутвіемъ я еще больше омрачила вашъ мрачный домъ... я здѣсь лишняя тѣнь... мнѣ это извѣстно... не станемъ больше говорить объ этомъ.

– По крайней мѣрѣ мы не разстанемся, матушка? – рыдала Флоренса.

– Мы для того и дѣлаемъ это, чтобы не разстаться, – отвѣчала Эдию, – не спрашивай больше. Ступай, Флоренса! Моя любовь и мое угрызение послѣдуютъ за тобой!

Онѣ поцѣловались и простились. Когда Флоренса выходила изъ комнаты, Эдию воображала, что въ лицѣ этой невинной дѣвушки ее покидаетъ добрый ангелъ, услаждавшій горькія минуты ея жизни, и вотъ теперь она опять оставлена на произволь страстей, заклеившихъ своею печатью ея гордое чело.

Съ этого часа Эдию и Флоренса никогда не навѣщали другъ друга. Днем онѣ встрѣчались рѣдко, только за столомъ, когда м-ръ Домби обѣдалъ дома. Въ эту пору Эдию, повелительная, непреклонная, никогда не смотрѣла на нее и ни съ кѣмъ не говорила ни слова. Когда съ ними обѣдалъ Каркеръ, неразлучный спутникъ м-ра Домби во время и послѣ его выздоровленія, Эдию еще больше удалялась отъ скромной дѣвушки и никакимъ движеніемъ не обнаруживала, что замѣчаетъ ея присутвіе. Но какъ скоро иикого не было подлѣ, Эдию спѣшила броситься въ объятія Флоренсы и цѣловала ее съ такою же нѣжностью, какъ въ былыя времена. Случалось, хотя довольно рѣдко, Эдию прокрадывалась въ спальню молодой дѣвушки, покоившейся тихимъ сномъ, и, склоняясь надъ ея подушкой, произносила шепотомъ: "Прощай, мой ангелъ". Флоренса, не подозрѣвавшая такихъ визитовъ, просыпалась иногда при этихъ словахъ и, казалось, чувствовала прикосновеніе губъ на своемъ лицѣ. Но рѣже и рѣже становились эти ночныя посѣщенія.

Опять пустота въ сердцѣ Флоренсы, и опять мрачное уединеніе вокругъ нея. Какъ образъ отца нечувствительно сдѣлался для нея отвлеченною мечтою, такъ и Эдию, раздѣляя судьбу всѣхъ, на кого обращались ея нѣжныя чувства, съ каждымъ днемъ становилась безцвѣтнѣе и блѣднѣе для ея воображенія. Мало-по-малу она отступала отъ Флоренсы, подобно удаляющемуся духу, котораго не въ состояніи удержать никакая человѣческая сила; мало-по-малу пропасть между ними расширялась больше и больше, становилась глубже и глубже; мало-по-малу вся сила искренности и любви, обнаруженная ею прежде, оледенѣла въ сердитой дерзости, съ какою она измѣряла своимъ взоромъ бездну, незримую для Флоренсы.

Такимъ образомъ потерявъ Эдию, Флоренса находила для себя одно только утѣшеніе, слабое, ничтожное утѣшеніе для растерзаннаго сердца. Теперь ся сердцу не было надобности оказывать предпочтеніе матери или отцу, и она могла любить ихъ обоихъ съ равною силой, не дѣлая обиды никому. Теперь никто не оскорбитъ Флоренсы своими подозрѣніями, и не будетъ больше тѣней на ея любящемъ воображеніи.

Такъ она и старалась дѣлать. По временамъ, и довольно часто, она размышляла о странной перемѣнѣ своей прекрасной матери, и эти мысли ее устрашали; но вообще она старалась подавить въ себѣ этотъ пытливый духъ и съ полнымъ самоотверженіемъ переносила свою горемычную долю. Было ясно, что ея обѣтованная звѣзда еще разъ закатилась въ общемъ мракѣ, которому, видно, суждено было тяготѣть надъ злосчастнымъ домомъ.

Живя, такимъ образомъ, отчасти въ мечтахъ, гдѣ переполненная любовь ея нѣжнаго сердца обращалась на фантастическія формы, и отчасти въ дѣйствительномъ мірѣ, гдѣ сильный приливъ этого чувства не находилъ для себя никакого русла, Флоренса достигла, наконецъ, семнадцати лѣтъ. Задумчивая и робкая отъ затворнической жизни, она однако не утратила ни одной черты, которая служила украшеніемъ ея нѣжной, любящей натуры. Въ прекрасномъ ея лицѣ и во всей осанкѣ граціозно соединялись свойства дѣвочки и взрослой женщины: она была дитя по невинной простотѣ сердца, и взрослая женщина по глубокой сосредоточенности чувства; казалось, весна ея жизни неохотно уступала свое мѣсто наступавшему лѣту и покрывала новыми цвѣтами созрѣвшіе плоды. Но въ ея звучномъ голосѣ, кроткихъ глазахъ, иногда въ какомъ-то странномъ эфирномъ свѣтѣ, который, казалось, покоился надъ ея головой, и, наконецъ, въ самой ея красотѣ, всегда проникнутой грустнымъ, меланхолическимъ отпечаткомъ, было такое же чудное выраженіе, какое нѣкогда замѣчали въ маленькомъ Павлѣ, и по этому поводу на кухонномъ парламентѣ перешептывались очень многозначительно и кивали головами, и кушали, и пили въ ознаменованіе тѣснѣйшаго дружественнаго союза.

Этотъ наблюдательный сеймъ имѣлъ полную волю говорить о м-рѣ и м-сѣ Домби, и о м-рѣ Каркерѣ, который, по-видимому, былъ посредникомъ, старавшимся водворить между ними миръ и тишину, но безъ успѣха. Всѣ и каждый оплакивали такое безотрадное положеніе, и всѣ вообще единогласно полагали, что м-сѣ Пипчинъ принимала здѣсь большое участіе, ибо, какъ всему свѣту извѣстно, Пипчинъ – старуха безпокойная, и нахальство ея выходитъ изъ границъ. Словомъ, почтенные сочлены кухоннаго сейма были очень, рады такому неистощимому предмету для совѣщаній, столь полезительныхъ и душѣ, и тѣлу.

Что касается до постороннихъ наблюдателей, приходившихъ по временамъ въ этотъ чертогъ, всѣ вообще были того мнѣнія, что м-рѣ и м-сѣ Домби такъ себѣ, ничего, супруги, какъ супруги, и больше ничего не думали о нихъ. Молодая шестидесятилѣтняя дама съ горбикомъ на спинѣ, послѣ смерти м-сѣ Скъютонъ прекратила на нѣсколько времени свои визиты и рассказывала своимъ короткимъ пріятельницамъ, что она не можетъ думать объ этой семьѣ, не представляя въ то же время катафалковъ, могильныхъ памятниковъ и другихъ подобныхъ ужасовъ; а впрочемъ, когда потомъ возобновились ея визиты, она ничего дурнаго не находила, кромѣ лишь того, что у м-ра Домби слишкомъ много печатей на часовой цѣпочкѣ. Флоренса, по ея замѣчаніямъ, была дѣвушкой съ норовомъ, но все-таки не то, чтобы что-нибудь этакъ такое, хотя не мѣшало бы имѣть ей талію покруглѣе. Другіе, навѣщавшіе негоціанта только въ

торжественныхъ случаяхъ, едва знали, кто была Флоренса, и, воротясь домой, обыкновенно говорили: "Вотъ что! Такъ это миссъ Домби сидѣла въ уголку! она мила, только ужъ слишкомъ задумчива и, кажется, слабой комплекціи".

Отъ всѣхъ этихъ толковъ Флоренсъ было, разумѣется, ни лучше, ни хуже. Приближался торжественный день, когда ея батюшка и матушка должны были праздновать свою свадьбу... въ первый годъ праздникъ не состоялся по случаю паралича м-съ Скьютонъ. Наканунъ этого дня Флоренса сѣла за обѣденный столъ съ особенною неловкостью, доходившей до испуга. Единственнымъ поводомъ къ этому были выраженіе лица ея отца, оледенившего ее своимъ взглядомъ, и присутствіе м-ра Каркера, который въ этотъ день почему-то былъ для нея особенно непріятель.

Эдиоъ была въ богатомъ и пышномъ нарядѣ, потому что она и м-ръ Домби были въ тотъ вечеръ приглашены на какое-то большое собраніе и обѣдали очень поздно. Уже всѣ сидѣли за столомъ, когда она появилась въ залу. М-ръ Каркеръ всталъ и поспѣшилъ подать ей руку, чтобы довести ее до мѣста. Прекрасная и блистательная, какъ всегда, она, однако, не могла скрыть на своемъ лицѣ чего-то вродѣ безнадежной тоски и вмѣстѣ упорной рѣшимости, удалявшей ее отъ Флоренсы и отъ всего міра

Однако, Флоренса замѣтила на мгновеніе лучъ нѣжности въ ея глазахъ, когда они обратились къ ней, какъ будто отыскивая на миломъ лицѣ успокоенія послѣ непріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ ненавистными предметами.

Почти никакого разговора за столомъ. Флоренсъ слышалось, будто бы отецъ заговорилъ съ Каркеромъ о коммерческихъ дѣлахъ, и будто Каркеръ что-то отвѣчалъ вкрадчивымъ голосомъ, но она не обращала вниманія на ихъ слова и только желала, чтобы обѣдъ кончился поскорѣе. Когда на столъ поставили десертъ, и слуги удалились изъ столовой, м-ръ Домби крикнулъ два, три раза такимъ способомъ, который не предвѣщалъ ничего добраго, и повелъ слѣдующій разговоръ:

– Вы, полагаю, знаете, м-съ Домби, что къ завтрашнему обѣду приглашены гости, и ключицѣ отданы приказанія, соотвѣтствующія случаю.

– Я не обѣдаю дома, – отвѣчала Эдиоъ.

– Гостей не много, – продолжалъ м-ръ Домби, притворяясь не слыхавшимъ отвѣта, – особъ двѣнадцать или четырнадцать. Моя сестра, майоръ Багстокъ и еще кое-кто. Вы знаете всѣхъ.

– Я не обѣдаю дома, – повторила Эдиоъ.

– Какъ бы ни были, м-съ Домби, сомнительны причины, заставляющія меня праздновать этотъ день, посвященный извѣстному воспоминанію, – величественно продолжалъ м-ръ Домби, какъ будто ему ничего не было сказано, – однако, здѣсь, какъ и во всемъ, есть приличія, которыя должны быть строго соблюдаемы передъ свѣтомъ. Если вы, м-съ Домби, не имѣете никакого уваженія къ себѣ самой...

– Не имѣю никакого, м-ръ Домби.

– Сударыня, – вскричалъ м-ръ Домби, ударивъ рукою по столу, – угодно ли вамъ меня слушать? Я говорю: если вы не имѣете никакого уваженія къ себѣ самой...

– А я отвѣчаю: никакого, м-ръ Домби!

Онъ взглянулъ на нее, но лицо, къ нему обращенное, не измѣнилось бы отъ рокового глаза самой смерти.

– Каркеръ, – сказалъ м-ръ Домби, обращаясь къ этому джентльмену, – такъ какъ въ предшествовавшихъ случаяхъ вы служили для меня средствомъ сообщенія съ м-съ Домби, и такъ какъ я привыкъ соблюдать приличія въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, къ моему собственному лицу, то, по всѣмъ этимъ причинамъ, Каркеръ, я намѣренъ и теперь просить васъ объ одолженіи довести до свѣдѣнія м-съ Домби, что если она не имѣетъ никакого уваженія къ себѣ

самой, то я имѣю нѣкоторое уваженіе къ себѣ самому и, слѣдовательно, требую, чтобы распоряженія, сдѣланныя на завтрашній день, состоялись во всей силѣ.

– Скажите, сэръ, вашему верховному владыкѣ, что я намѣрена объясниться съ нимъ послѣ и безъ свидѣтелей.

– Каркеръ можетъ избавить себя отъ сообщенія мнѣ такихъ порученій, потому что ему извѣстны причины, препятствующія мнѣ соглашаться на ваши условія.

Говоря это, м-ръ Домби замѣтилъ, что глаза его жены обращались на какой-то предметъ.

– Здѣсь ваша дочь, сэръ, – сказала Эдию.

– Пусть она остается здѣсь, – отвѣчала м-ръ Домби.

– Моя дочь, сударыня... – продолжалъ онъ.

Эдию остановила его такимъ голосомъ, который хотя не повысился ни одной нотой, но былъ такъ ясенъ, выразителенъ и силенъ, что его не могли бы заглушить и громовые удары.

– Я хочу, говорю я, объясниться съ вами наединѣ. Обратите на это вниманіе, если вы не сошли съ ума.

– Я имѣю, сударыня, полную власть говорить съ вами, гдѣ хочу и когда хочу. Мое настоящее намѣреніе – объясниться съ вами здѣсь и сію же минуту.

Она встала, какъ бы намѣреваясь выйти изъ залы, однако, сѣла опять и, взглянувъ на него съ наружнымъ спокойствіемъ, сказала тѣмъ же голосомъ:

– Говорите!

– Я долженъ сначала сказать вамъ, милостивая государыня, что ваши манеры принимаютъ какой-то угрожающій видъ. Это вамъ вовсе не пристало.

Она захохотала, и съ этимъ хохотомъ затряслись и задрожали брилліанты въ ея волосахъ. Драгоценные камни въ извѣстныхъ сказкахъ становятся блѣдными, какъ скоро ихъ хозяинъ подвергается опасности. Будь это сказочные брилліанты, лучи свѣта сбѣжали бы съ нихъ въ эту минуту, и они потемнѣли бы, какъ свинецъ.

Каркеръ слушалъ съ глазами, опущенными въ землю.

– Что касается моей дочери, сударыня, – сказалъ м-ръ Домби, продолжая нить разговора, – ея обязанности въ отношеніи ко мнѣ такого рода, что ей необходимо заранѣе знать, какихъ поступковъ должно остерегаться. Въ этомъ отношеніи вы теперь для нея назидательный примѣръ, и я хочу, чтобы она имъ воспользовалась.

– Говорите. Я не останавливаю васъ, – отвѣчала Эдию, какъ будто приросшая къ мѣсту, такъ что самый голосъ и глаза ее остались неподвижны. – Я не тронусь съ мѣста и не произнесу ни слова, если бы даже эта комната загорѣлась.

М-ръ Домби саркастически кивнулъ головою, какъ будто благодаря за обѣщанное вниманіе, и продолжалъ свою рѣчь, но уже не съ такою твердостью, какъ прежде. Живое безпокойство Эдиеи въ отношеніи къ Флоренсъ и совершенное равнодушіе къ нему самому и къ его верховному суду были глубокою раной для его гордой души.

– М-съ Домби, я полагаю, что не будетъ никакого противорѣчія обязанностямъ или нравственности моей дочери, если она узнаетъ, что высокомеріе и гордость бывають въ извѣстныхъ случаяхъ пороками, которые достойны осужденія и которые должны быть искореняемы всѣми зависящими отъ насъ средствами. Особенно, я полагаю, неумѣстны эти свойства, если съ ними соединяется неблагодарность за удовлетворенный интересъ и честолюбивые виды. А мнѣ кажется, м-съ Домби, что интересъ и честолюбіе входили въ ваши расчеты, когда вы собирались занять настоящее мѣсто при этомъ столѣ.

– Впередъ! впередъ! впередъ! я не тронусь съ мѣста и не скажу ни слова, хотя бы загорѣлся весь этотъ домъ!

– Въ порядкѣ вещей, м-съ Домби, что вамъ непріятно слышать при другихъ эти горькія истины, хотя я не понимаю, почему нѣкоторыя особы, – здѣсь онъ бросилъ пасмурный взглядъ на Флоренсу, – могутъ придать имъ большую силу и важность, нежели я самъ, до кого

онѣ касаются ближайшимъ образомъ. Въ порядкѣ вещей, вамъ иепріятно слышать въ присутствіи свидѣтелей, что въ натурѣ вашей кроется духъ сопротивленія и буйства, который, къ великому моему неудовольствію, я замѣчалъ въ васъ еще прежде вашего замужества, когда вы оспаривали мнѣнія покойной вашей матушки. Вы должны, м-съ Домби, исправиться въ этомъ отношеніи совершеннѣйшимъ образомъ. Средства въ вашихъ рукахъ, и вамъ стоитъ только захотѣть, чтобы явиться во всѣхъ отношеніяхъ дамой, достойной имени, которое вы носите. Я отнюдь не забылъ, начавъ это объясненіе, что дочь моя здѣсь, м-съ Домби. Не забывайте и вы, что завтра у насъ будутъ гости, которыхъ вы должны принять приличнымъ образомъ, какъ леди, заслуживающая уваженіе по своему высокому положенію въ свѣтѣ.

– Итакъ, – начала Эдиѣ, – не довольно вамъ знать, что происходило между мной и вами; не довольно, что вы можете смотрѣть на него, – она указала на Каркера, который все еще слушалъ съ глазами, опущенными въ землю, – и вмѣстѣ съ нимъ припоминать обиды, которымъ вы меня подвергаете; не довольно, что вы можете смотрѣть на нее, – здѣсь она указала на Флоренсу, и рука ея на этотъ разъ затрепетала, – и думать въ то же время объ адской мукѣ, которую я испытываю отъ васъ постоянно, каждый день и каждый часъ; не довольно, что этотъ день изъ всѣхъ дней въ году памятенъ для меня по этой демонской борьбѣ, отъ которой я желала бы отправиться на тотъ свѣтъ! Всего этого тебѣ не довольно, гордый безумецъ! Къ этому ты прибавляешь послѣднюю низость, дѣлая ее свидѣтельницей бездны, въ которую я упала, когда ты знаешь, что для ея спокойствія я пожертвовала единственнымъ благороднымъ и нѣжнымъ чувствомъ, привязывавшимъ меня къ жизни, когда тебѣ извѣстно, что я хотѣла бы теперь ради нея, если бы могла – но я не могу, моя душа слишкомъ гнушается тебя – хотѣла бы, говорю, совершенно подчиниться твоей волѣ и сдѣлаться твоею безотвѣтною рабою!

Какъ мало м-ръ Домби былъ приготовленъ къ такимъ возраженіямъ!.. Его неприянь, никогда не погасавшая, достигла теперь отъ этихъ словъ послѣдней степени своего развитія. Какъ? Неужели и теперь, на этой трудной дорогѣ жизни, отверженная дочь еще разъ будетъ для него камнемъ преткновенія? Какой сверхъестественной силой покорила она эту неукротимую женщину, которая окончательно вырывается изъ собственныхъ его рукъ? Неужели здѣсь, подлѣ этой женщины, она значить все, между тѣмъ, какъ онъ, всемогущій м-ръ Домби, не значить ничего!..

Онъ обернулся къ Флоренсѣ, какъ будто она произнесла эти слова, и приказалъ ей оставить комнату. Флоренса повиновалась. Ея рыданія, при выходѣ изъ комнаты, не расшевелили ожесточеннаго сердца.

– Я понимаю, сударыня, – сказала м-ръ Домби, побагровѣвъ отъ сильнаго волненія, – почему и вслѣдствіе чего ваши нѣжныя наклонности обратились къ этому предмету; но, къ счастью, васъ предупредили, м-съ Домби, и теперь ваша чувствительность не найдетъ болѣе удобнаго канала.

– Тѣмъ хуже для тебя! – отвѣчала Эдиѣ, не измѣняя ни голоса, ни своей позы.

М-ръ Домби сдѣлалъ судорожное движеніе.

– Да, что дурно для меня, – продолжала она, – то въ двадцать миллионовъ разъ хуже для тебя. Замѣть это хорошенько, если ты что-нибудь способенъ замѣчать.

Бриллиантовая дуга, украшавшая ея волосы, заблестѣла и заискрилась, подобно звѣздному мосту. Это ничего: бриллиантамъ слѣдовало бы потускнѣть, если бы имъ суждено было подавать зловѣщіе сигналы. Каркеръ все еще сидѣлъ и слушалъ съ глазами, опущенными въ землю.

– М-съ Домби, – сказала м-ръ Домби, принимая по возможности самую величественную позу, – вы рассчитали на дурное средство для пріобрѣтенія моей благосклонности. Такимъ поведеніемъ вы не заставите меня отказаться отъ своихъ распоряженій.

– Такое поведеніе – одно только истинное поведеніе, хотя оно слабо выражаетъ мои чувства. Но, если бы я видѣла, что этимъ способомъ можно пріобрѣсти вашу благосклонность, я

бы не позволила себѣ употребить его ни за какія блага въ свѣтѣ. Можете быть спокойны, сэръ, я не сдѣлаю того, о чемъ вы просите.

– Я не привыкъ просить, м-съ Домби. Я повелѣваю.

– Ни завтра, ни послѣ завтра, ни черезъ двадцать лѣтъ, м-ръ Домби, я не намѣрена занимать назначаемыхъ мнѣ мѣстъ. Ни для кого я не намѣрена быть вывѣской, какъ покорная раба, которую вы купили тогда-то и за столько-то. Я очень помню день моей свадьбы, постыдный, позорный день! Имѣть уваженіе къ самой себѣ! соблюдать принятыя приличія! Зачѣмъ? для чего? Ты сдѣлалъ все, чтобы уничтожить въ моихъ глазахъ всякое самоуваженіе и всевозможныя приличія.

– Каркеръ, – сказала м-ръ Домби, нахмуривъ брови, – м-съ Домби до того во всемъ этомъ забываетъ себя и меня и ставитъ меня въ положеніе, столь неприличное моему характеру, что я вынужденъ окончить немедленно этотъ иеестественный ходъ вещей.

– Такъ разорвите же цѣпь, которая меня связываетъ съ вами. Позвольте мнѣ идти.

– Сударыня! – воскликнулъ м-ръ Домби.

– Освободите меня! пустите меня! пустите меня!

– Сударыня! м-съ Домби!

– Скажите ему, сэръ, – продолжала Эдию, обративъ на Каркера свое гордое лицо, – скажите, что я желаю развода, – что разводу давно слѣдовало быть между нами, – что я предлагаю ему разводъ. Скажите, что я заранѣе соглашаюсь на всѣ его условія и требую только, чтобы формальности были окончены какъ можно скорѣе.

– Боже небесный, м-съ Домби! – воскликнулъ супругъ, проникнутый необыкновеннымъ изумленіемъ. – Съ чего вы взяли, что я могу слушать такія вещи! Знаете ли вы, что я представляю? Слыхали ли вы когда о Домби и Сынѣ? И люди станутъ говорить, что Домби, Домби! – развелся съ женою! И толпа станетъ разсуждать о м-рѣ Домби и его дѣлахъ? Неужели вы серьезно думаете, м-съ Домби, что я позволю помыкать моимъ именемъ на всѣхъ площадяхъ и переулкахъ? Фи, сударыня! какъ не стыдно? Да это такая нелѣпость, такая нел-л-лѣпость...

М-ръ Домби рѣшительно захохоталъ.

Но не такъ, какъ она. Лучше бы ей умереть, чѣмъ разразиться такимъ хохотомъ въ отвѣтъ на слова своего супруга! Лучше бы ему умереть, чѣмъ сидѣть здѣсь въ такомъ великолѣпнн и слушать хохотъ своей супруги! Безумцы! лучше бы вамъ обоимъ броситься въ воду, чѣмъ заковывать себя въ ненавистные кандалы!..

– Нѣтъ, м-съ Домби, – продолжалъ м-ръ Домби, – нѣтъ, сударыня. Нечего и думать о разводѣ между нами. Совѣтую вамъ выбросить изъ головы эти сумасбродныя мысли и возвратиться къ своему долгу. Теперь, Каркеръ, съ вами пару словъ.

Каркеръ, сидѣвшій во все это время и слушавшій съ глубокомысленнымъ вниманіемъ, поднялъ теперь свои глаза, заблеставшіе необыкновеннымъ свѣтомъ.

– Пару словъ, Каркеръ. Теперь, когда мы зашли такъ далеко, потрудитесь довести до свѣдѣнія м-съ Домби, что я не привыкъ въ своей жизни встрѣчать противорѣчія отъ кого бы то ни было, и всего менѣе отъ особъ, которыя, по своему положенію и по своимъ отношеніямъ къ моему дому, обязаны мнѣ безпрекословнымъ повиновеніемъ. Обхожденіе съ моей дочерью и употребленіе изъ нея, сдѣланное вопреки моей волѣ, нелѣпы и чудовищны до послѣдней крайности. Я не знаю и не хочу знать, находится ли моя дочь въ дѣйствительномъ согласіи съ м-съ Домби; но послѣ того, что м-съ Домби говорила сегодня и что моя дочь слышала, я долженъ просить васъ, Каркеръ, довести до яснаго и точнаго свѣдѣнія этой дамы, что если она еще разъ осмѣлится въ моемъ домѣ повторить сцену раздора, то я принужденъ буду думать, что отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ равномѣрно падаетъ и на мою дочь, которая, слѣдовательно, подвергнется заслуженному гнѣву и строгимъ выговорамъ съ моей стороны. М-съ Домби спрашивала, довольно ли она надѣлала сумасбродствъ своимъ поведеніемъ. Можете отвѣчать ей, что еще не довольно.

– Остановитесь! – воскликнул Каркеръ, перебивая своего властелина, – остановитесь, ради Бога! Какъ ни мучительно теперь мое положеніе, и какъ ни ужасна одна мысль о противорѣчїи вамъ, однако, сэръ, я васъ всепокорнѣйше прошу, умоляю васъ пересмотрѣть еще разъ ваше собственное мнѣніе о разводѣ. Я знаю, какъ онъ несомнѣстимъ съ вашимъ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, и очень хорошо понимаю рѣшительный смыслъ вашихъ словъ, когда вы даете знать м-съ Домби, что одна только смерть можетъ разлучить васъ. Смерть, – и ничего больше.

Послѣднія слова м-ръ Каркеръ произносилъ медленно и внятно, и при этомъ свѣтъ изъ его глазъ упалъ прямо на лицо Эдиѳи.

– Но, если вы глубже вникните въ то обстоятельство, – продолжалъ онъ, – что м-съ Домби, какъ вы сказали, своимъ присутствіемъ здѣсь не только дѣлаетъ изъ вашего дома сцену безпрестанныхъ раздоровъ, но компрометируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и миссъ Домби, подвергая ее опасности каждый день заслужить вашу опалу (кто не знаетъ вашей рѣшительности?), то неужели вы не согласитесь освободить вашу супругу отъ этого безпрестаннаго раздраженія и вмѣстѣ отъ убійственнаго сознанія, что она, противъ своей воли, отравляетъ счастье другихъ? Не будетъ ли это значить – я не говорю этого утвердительно, а только въ видѣ предположенія – что вы рѣшаетесь принести м-съ Домби въ жертву общественнымъ приличіямъ, отъ нарушенія которыхъ компрометируется ваше положеніе!

И опять свѣтъ изъ его глазъ упалъ на ея лицо, когда она неподвижно смотрѣла на своего супруга. Теперь на ея щекахъ обрисовалась какая-то необыкновенная и даже страшная улыбка.

– Каркеръ, – сказала м-ръ Домби, презрительно нахмутивъ брови, и такимъ рѣшительнымъ тономъ, который исключалъ всякую возможность противорѣчїя, – Каркеръ, вы ошибаетесь въ своемъ положеніи, осмѣливаясь предлагать совѣты, гдѣ ихъ не требуютъ, и вы ошибаетесь къ великому моему изумленію, въ самомъ характерѣ вашихъ совѣтовъ. Больше я ничего не имѣю сказать.

– Это, быть можетъ, вы, сэръ, не поняли вашего положенія, достаивая меня довѣренности въ переговорахъ, которые мы ведемъ здѣсь относительно...

При этомъ Каркеръ указалъ на м-съ Домби.

– Совсѣмъ нѣтъ, сэръ, совсѣмъ нѣтъ, – гордо возразилъ м-ръ Домби. – Вы были здѣсь употреблены...

– Какъ вашъ подчиненный, для униженія м-съ Домби. Я и забылъ. О, да, вы въ совершенствѣ понимали ваше положеніе. Прошу извинить.

Онъ поклонился м-ру Домби съ видомъ уваженія, очень дурно согласовавшагося съ его словами, которыя, впрочемъ, были произнесены съ достоюльнымъ смиренномудріемъ. Затѣмъ голова его обратилась къ м-съ Домби, и, казалось, съ этой минуты онъ впился въ нее своимъ тигровымъ взоромъ.

Лучше бы подурнѣть ей до отвратительнаго безобразія или просто умереть, чѣмъ стоять съ такой улыбкой на лицѣ въ падшемъ величїи гордости и красоты. Она подняла свою руку къ тиарѣ драгоценныхъ камней, сіявшихъ на ея головѣ, и, сорвавъ ее съ такою силою, отъ которой развѣялись и рассыпались по плечамъ ея черные волосы, бросила камни на полъ. Она сорвала съ каждой руки бриліантовые браслеты и съ яростью придавила ихъ ногами. Потомъ, не говоря ни слова и не стараясь подавить своей страшной улыбки, она еще разъ взглянула на м-ра Домби и вышла изъ дверей.

Изъ того, что слышала Флоренса, оставаясь въ комнатѣ, она знала теперь, что Эдиѳъ еще любила ее, что она терпѣла изъ-за нея и приносила страшную жертву, чтобы не нарушить ея спокойствія. Обо всемъ этомъ она не стала бы ей говорить, чтобы не компрометировать отца, но тѣмъ не менѣе она желала заключить ее въ свои нѣжныя объятія, и этимъ безмолвнымъ способомъ увѣрить ее, что она все чувствуетъ и понимаетъ.

Ея отецъ въ этотъ вечеръ уѣхалъ со двора одинъ, и Флоренса, тотчасъ послѣ его отъѣзда, отправилась по всѣмъ комнатамъ, чтобы встрѣтиться съ Эдиёю, но безъ успѣха. Эдиёя была на своей половинѣ, куда Флоренса не входила уже давно, и теперь не смѣла идти изъ опасенія подать для нея поводъ къ новому безпокойству. Передъ отправленіемъ въ постель она еще разъ начала переходить изъ одной комнаты въ другую, не останавливаясь нигдѣ.

Проходя по галлерей, выходящей на лѣстницу, которая освѣщалась только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, она увидѣла черезъ отверстіе фигуру человѣка, тихонько спускавшагося внизъ по лѣстничнымъ ступенямъ. Думая, что это ея отецъ, она остановилась въ темнотѣ подъ аркой, черезъ которую проходило отверстіе, и съ трепетомъ продолжала смотрѣть. Но это былъ м-ръ Каркеръ, который шелъ одинъ по направленію къ швейцарской. Ни одинъ слуга не провожалъ его, и звонъ колокольчика не возвѣщалъ о его уходѣ. Онъ спокойно сошелъ внизъ, самъ отворилъ дверь и прокрался на улицу безъ всякаго шума.

Проникнутая непобѣдимымъ отвращеніемъ къ этому человѣку, Флоренса дрожала съ головы до ногъ, и кровь ея, казалось, застывала отъ внутренняго холода. Не смѣя дышать и едва передвигая ноги, она кое-какъ доплелась до своей спальни и заперла дверь; но даже здѣсь, въ своей комнатѣ, запертая вмѣстѣ съ Діогеномъ, она чувствовала невыразимый ужасъ, какъ будто надъ ея головой висѣлъ кинжалъ, готовый поразить ее при малѣйшемъ движеніи.

Полувидѣнія, полугрезы промучили ее всю ночь. Вставъ поутру съ тяжелой головой и тяжелыми воспоминаніями о домашнихъ бѣдахъ, она опять стала искать Эдиёю по всѣмъ комнатамъ и проходила такимъ образомъ все утро. Но Эдиёя опять оставалась на своей половинѣ, и Флоренса ничего не узнала о ней. Услыхавъ однако, что предполагаемый обѣдъ отмѣненъ, Флоренса рассчитала, что ея прекрасная мама къ вечеру, вѣроятно, отправится въ гости, какъ она говорила, и потому рѣшилась ждать ее около галлерей, чтобы встрѣтиться съ нею на лѣстницѣ.

Къ вечеру она услышала изъ своей засады чьи-то шаги на лѣстницѣ и не сомнѣвалась, что это Эдиёя. И точно, ей удалось, наконецъ, встрѣтить ее.

Но какъ описать изумленіе и ужасъ Флоренсы, когда, при взглядѣ на нее, Эдиёя вскрикнула и быстро отпрянула назадъ.

– Не подходи ко мнѣ! Дальше, дальше отъ меня! Прочь съ дороги.

– Матушка, милая матушка!

– Не называй меня этимъ именемъ! не говори со мною! не смотри на меня!

Однако Флоренса съ громкимъ плачемъ и распростертыми объятіями хотѣла броситься къ ней.

– Ни шагу дальше! – грозно вскрикнула Эдиёя, – прочь отъ меня! прочь, говорю тебѣ!

Когда Флоренса остановилась въ ошоломленіи передъ ея взволнованнымъ лицомъ и блуждающими глазами, она замѣтила, какъ будто во снѣ, что Эдиёя прижала свою голову руками, затрепетала всѣми членами и, прислонившись къ периламъ, вдругъ прошмыгнула мимо нея съ быстротою кошки, спрыгнула черезъ нѣсколько ступеней и побѣжала къ дверямъ, ни разу не оглянувшись назадъ.

Флоренса упала въ обморокъ, и черезъ нѣсколько минутъ ее отыскала на лѣстницѣ, кажется, м-съ Пипчинъ. Больше она ничего не знала до тѣхъ поръ, пока опомнилась въ своей комнатѣ на постели. Подлѣ нея стояли слуги и м-съ Пипчинъ,

– Гдѣ матушка? – былъ ея первый вопросъ.

– Уѣхала на обѣдъ, – отвѣчала м-съ Пипчинъ.

– А батюшка?

М-ръ Домби въ своемъ кабинетѣ, и вы, миссъ Домби, всего лучше сдѣлаете, если скинете ваше платье и сейчасъ же ляжете въ постель.

Этимъ способомъ содержательница воспитательно-образовательнаго заведенія имѣла обыкновеніе врачевать всякія жалобы капризныхъ дѣтей, особенно, если они отказывались

спать. Случалось, въ брайтонскомъ замкѣ непослушные ребята отправлялись на сонъ грядущій въ десять часовъ утра.

Не обѣщая безпрекословнаго повиновенія, Флоренса изъявила желаніе успокоиться и отдѣлалась кое-какъ отъ усерднаго надзора м-съ Пипчинъ и ея служителей. Оставшись одна, она принялась думать о томъ, что случилось на лѣстницѣ, сперва съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ дѣйствительности этой сцены, потомъ со слезами, и, наконецъ, съ неопишымымъ ужасомъ, какъ будто предстоявшая будущность грозила ей страшными бѣдами.

Она рѣшилась сидѣть въ своей комнатѣ, не смыкая глазъ, до возвращенія Эдиѳи, и потомъ или объясниться съ нею, если можно, или, по крайней мѣрѣ, увѣриться собственными глазами, что она возвратилась благополучно. Какъ и для чего образовалась въ ней эта странная рѣшимость, Флоренса сама не знала и не смѣла анализировать своихъ неопредѣленныхъ догадокъ. Она знала только одно, что до возвращенія Эдиѳи не будетъ болѣе покоя для ея страждущей головы и взволнованнаго сердца.

Вечерѣло. Темнѣло. Уже ночь. Уже полночь. Нѣтъ Эдиѳи!

Флоренса не могла ни читать, ни спокойно сидѣть на одномъ мѣстѣ. Она ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, отворяла дверь, гуляла по галлерей, опять входила въ спальню, открывала окно, смотрѣла на опустѣлую улицу, прислушивалась къ завывающему вѣтру и къ дождевымъ каплямъ, садилась передъ каминомъ и наблюдала игру пламени, вставала опять и наблюдала луну, плывшую, подобно кораблю, черезъ море облаковъ.

Весь домъ давно покоился въ глубокомъ снѣ, кромѣ двухъ лакеевъ, которые дожидались въ швейцарской пріѣзда барыни.

Часъ. Запоздавшіе экипажи останавливались передъ подъѣздами ближайшихъ домовъ или проносились мимо. Ночная тишина изрѣдка перерывалась отдаленнымъ стукомъ или зловѣщимъ завываніемъ вѣтра. Два часа. Нѣтъ Эдиѳи.

Флоренса, болѣе взволнованная, опять прошлась по комнатѣ и опять вышла на галлерей. Она наблюдала темную ночь со слезами на глазахъ, которыя были теперь подыстать къ дождевымъ каплямъ на стеклѣ. На небѣ была тревога между облаками, вовсе не похожая на спокойствіе земли. Три часа. Въ каминѣ на угляхъ шевелились и трещали какія-то чудныя страшныя лица. Эдиѳи нѣтъ какъ нѣтъ.

Болѣе и болѣе взволнованная, Флоренса ходила по комнатѣ, ходила по галлерей и смотрѣла на луну, похожую теперь на блѣднаго бѣглеца, скрывавшаго свое преступное лицо. Четыре часа. Пять. Эдиѳи нѣтъ какъ нѣтъ!

Но теперь въ домѣ исподволь поднимался осторожный шелестъ, и Флоренса слышала, какъ собирались будить м-съ Пипчинъ, какъ она встала, одѣлась и отправилась въ комнату ея отца. Спустившись потихоньку внизъ по лѣстницѣ и замѣчая, что происходило вокругъ, она видѣла, какъ ея отецъ вышелъ изъ кабинета въ утреннемъ платьѣ, и какъ онъ задрожалъ, когда сказали, что его жена еще не воротилась изъ гостей. Онъ послалъ въ конюшню освѣдомиться, тамъ ли кучеръ, а самъ между тѣмъ поспѣшилъ одѣться на скорую руку. Флоренса все это видѣла.

Скоро посланный воротился и привелъ съ собою кучера, который сказалъ, что онъ былъ дома съ десяти часовъ и давно уже спалъ на своей постели. Онъ отвезъ барыню въ ея старый домъ на Брукъ-Стритъ, гдѣ ее встрѣтилъ м-ръ Каркеръ, который, то есть, м-ръ Каркеръ, сказалъ ему, то есть, кучеру, что барынѣ карета больше не нужна для возвращенія домой, и отпустилъ его, давши ему на водку два шиллинга и шесть пенсовъ. Добрый баринъ!

Флоренса видѣла, какъ отецъ ея поблѣднѣлъ, и слышала, какъ онъ приказывалъ дрожащимъ голосомъ позвать къ нему горничную м-съ Домби. Весь домъ теперь всполошился и все живое было на ногахъ. Явилась горничная, блѣдная, растрепанная, горюдившая какую-то око-лесицу, въ которой едва могли добраться толку.

Она сказала, что одѣла барыню очень рано, часа этакъ за два до ея отѣзда; потомъ барыня приказала ей уйти и не показывать глазъ до другого дня.

– Я только что сейчасъ, – продолжала дѣвушка, – хотѣла идти на барынину половину, но...

– Ну, ну, что же тамъ такое? Ну! ну!

Эти восклицанія принадлежали м-ру Домби, который былъ теперь, какъ помѣшанный. Флоренса все это слышала.

– Но уборная барыни заперта, и ключъ вынуть изъ замка.

М-ръ Домби схватилъ свѣчу, забытую къмъ-то на полу, и побѣжалъ по лѣстницѣ вверхъ съ такою поспѣшностью, что Флоренса едва успѣла посторониться. Она слышала потомъ, съ какою яростью отецъ ея началъ разбивать дверь и руками, и ногами. Бѣдная дѣвушка сама теперь была, какъ помѣшанная. Она опрометью бросилась въ свою собственную комнату, вцѣпившись руками въ свои растрепанные волосы.

Когда дверь уступила отчаяннымъ усиліямъ своего хозяина, м-ръ Домби ворвался и... но никто не зналъ и не видѣлъ, что нашель м-ръ Домби въ будуарѣ своей супруги. На полу дорожками блестящими массаами валялись ея платья, шляпы, ленты, браслеты, драгоценные камни, – все, что ей было куплено, подарено, и что она носила со времени своего замужества. Такова была комната, гдѣ нѣкогда онъ надѣялся подчинить своей власти эту неукротимую женщину, удостоенную высокаго титула его супруги. Такова была комната, гдѣ нѣкогда въ безмолвномъ изумленіи онъ видѣлъ гордую руку, указывавшую ему на дверь.

Собственными руками м-ръ Домби уложилъ все это въ шкапы и заперъ ихъ съ отчаяннымъ неистовствомъ, отъ котораго задребезжали стекла. Продолжая далѣе ревизовать ненавистный будуаръ, онъ увидѣлъ на столѣ нѣсколько бумагъ. То были – свадебный контрактъ, заключенный передъ ихъ вѣнчаніемъ, и письмо. М-ръ Домби прочелъ, что она ушла. М-ръ Домби прочелъ, что онъ былъ обезчещенъ. М-ръ Домби прочелъ, что она убѣжала въ день празднованія свадьбы съ человѣкомъ, котораго онъ выбралъ для ея униженія. Онъ опрометью бросился изъ комнаты и изъ дому, съ бѣшеною мыслью захватить ее на мѣстѣ, откуда она взята.

Флоренса, сама не зная, что дѣлаетъ, надѣла шляпку и шаль, въ смутномъ намѣреніи отыскать на улицѣ Эдию, и, бросившись въ ея объятія, привести назадъ домой. Но когда она выскочила на лѣстницу и увидѣла испуганныхъ слугъ, бѣгавшихъ со свѣчами взадъ и впередъ и робко сторонившихся отъ ея отца, когда онъ проходилъ мимо, бѣдная дѣвушка сознала чувство собственнаго своего безсилія и, скрывшись въ одной изъ великолѣпныхъ комнатъ, почувствовала, что ея сердце готово надорваться отъ печали.

Состраданіе къ отцу было первымъ ясно сознаваемымъ чувствомъ, устоявшимъ противъ потока сокрушавшей ее скорби. Ея нѣжная натура обратилась къ нему въ день его несчастья съ такою пылкостью и вѣрностью, какъ-будто въ свои счастливые дни онъ олицетворялъ для нея ту идею, которая постепенно становилась темнѣе и темнѣе. Она еще не понимала и не могла понять всей обширности его несчастья, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ въ ея глазахъ отверженнымъ страдальцемъ, и ея любящее сердце опять устремилось къ нему съ новой силой.

Недолго пропадалъ м-ръ Домби. Флоренса еще не перестала плакать и предаваться горькимъ думамъ о несчастіи отца, какъ шаги его опять послышались внизу. Онъ приказалъ слугамъ приняться за свои обыкновенныя занятія и отправился въ свой кабинетъ, гдѣ началъ ходить взадъ и впередъ такими тяжелыми шагами, что Флоренса могла слышать каждое движеніе.

Уступая единственно влеченію своего сердца, Флоренса, робкая во всякое другое время, но смѣлая въ этотъ день страшнаго злополучія, поспѣшно сошла внизъ, одѣтая кое-какъ въ свое вечернее платье. Въ этотъ роковой часъ она не помнила и не хотѣла помнить прошедшихъ оскорбленій. Лишь только она переступила порогъ гостиной, отецъ вышелъ изъ своего каби-

нета. Она поспѣшила къ нему съ распростертыми руками и съ крикомъ – о папа, милый папа! – хотѣла обнять его за шею.

И обняла бы, но отецъ въ бѣшенствѣ поднялъ свою руку и... и ударилъ ее съ такой силой, что бѣдная дѣвушка зашаталась и чуть не упала на мраморный полъ. Заносся этотъ ударъ, м-ръ Домби сказалъ, чѣмъ была Эдиѡъ, и велѣлъ своей дочери слѣдовать за ней, такъ какъ онѣ обѣ всегда были въ заговорѣ.

Она не упала къ его ногамъ, не закрыла своихъ глазъ трепещущими руками, не заплакала, не произнесла ни одной жалобы, но она взглянула на него, и крикъ отчаянiя вырвался изъ ея груди, ибо при этомъ взглядѣ она увидѣла, что онѣ окончательно уничтожилъ ту любимую идею, которую она питала въ своей душѣ, несмотря на его рѣшительное отвращенiе къ себѣ. Она увидѣла его жестокость, пренебреженiе и ненависть, господствовавшую надъ всѣми его чувствами. Она увидѣла, что нѣтъ для нея отца на этомъ свѣтѣ, и, отверженная сирота, она побѣжала изъ дому м-ра Домби.

Глава XLVIII Бѣгство Флоренсы

Подавленная грустью и стыдомъ, отверженная дѣвушка бѣжала вдоль по улицѣ при яркихъ лучахъ утренняго солнца, которое было для нея ослѣпительнѣе мрака зимней ночи. Ломая руки и заливаясь горькими слезами, не чувствуя ничего, кромѣ глубокой раны въ своей груди, оглушенная потерю всего, что она любила, оставленная на пустыномъ берегу подобно моряку, который одинъ спасся отъ крушенія большого корабля, она бѣжала впередъ какбезъ мысли, безъ надежды, безъ намѣренія, единственно для того, чтобы бѣжать куда-нибудь и никуда.

Веселый видъ длинной улицы, залитой утреннимъ свѣтомъ, голубое небо и воздушныя облака, живительная прохлада дня, распустившагося розовымъ цвѣтомъ послѣ побѣды надъ бурной ночью, – ничто не пробуждало соотвѣтствующаго чувства въ ея растерзанномъ сердцѣ. Куда-нибудь и какъ-нибудь, только бы скрыть свою безпріютную голову! Куда-нибудь и какъ-нибудь, въ хижину, въ сарай, въ пещеру, только бы не видѣть больше этого дворца, изъ котораго она бѣжала!

Скоро толпы народа задвигались назадъ и впередъ; отворились магазины, слуги выступили изъ домовъ, и вотъ наступилъ день, столичный день, лондонскій день. Флоренса увидѣла на лицахъ изумленіе и любопытство, увидѣла на тротуарахъ длинныя тѣни и услышала голоса, освѣдомлявшіеся, куда она шла, и зачѣмъ она шла. Эти вопросы сначала испугали ее еще больше и заставили ускорить шаги, но мало-по-малу она опомнилась и пришла въ себя.

Куда же идти? Впередъ и впередъ, наудачу, на произволь судьбы? Но куда приведетъ судьба? Разъ, и только одинъ разъ въ своей жизни, она была затеряна среди лондонской пустыни и въ ту сторону она направила свои шаги. Впередъ, къ дому Вальтерова дяди.

Заглушивъ рыданія и осушивъ распухшіе глаза, Флоренса мало-по-малу успокоилась отъ сильнаго волненія и уже не обращала на себя вниманія толпы. Продолжая теперь путь по глухимъ улицамъ и переулкамъ, она вдругъ увидѣла знакомую маленькую тѣнь на солнечной мостовой: тѣнь останавливается, кружится, подходитъ къ ней ближе и ближе, отскакиваетъ опять, подпрыгиваетъ, вертится, – и вотъ Діогень, запыхавшійся отъ надсады, разинувъ ротъ и высунувъ языкъ, дѣлаетъ еще разъ съ громкимъ лаемъ гигантскій прыжокъ и, заскакавъ впередъ въ довершеніе дивертиссемента, разваливается у ногъ своей хозяйки и энергично виляетъ своимъ хвостомъ.

– О Діогень, милый, вѣрный Діогень! какъ ты сюда попалъ? Какъ я могла оставить тебя, Діогень, тебя, который бы никогда не оставилъ меня!

Флоренса склонилась на мостовую и приставила къ своей груди его грубую, старую, любящую, глупую морду, и они встали вмѣстѣ и пошли вмѣстѣ. Діогень прыгаетъ опять, опрокидывается, валяется, вскакиваетъ безъ малѣйшаго смущенія, старается еще и еще поцѣловать свою госпожу, храбро и съ веселымъ вызовомъ бросается на большихъ собакъ, пугаетъ молодыхъ дѣвушекъ прикосновеніемъ къ ихъ платью своего чуткаго носа, безпрестанно останавливается и выдѣлываетъ тысячи глупостей, оглядывается на Флоренсу и лаеетъ до тѣхъ поръ, пока не получаетъ дружнаго отвѣта отъ сосѣднихъ собакъ, и всѣ сосѣднія собаки выходятъ изъ своихъ домовъ, обнюхиваютъ и скрѣпляютъ истинную дружбу всею длиною своихъ хвостовъ.

Съ этимъ веселымъ товарищемъ Флоренса, менѣе теперь запуганная, держала свой путь въ Сити. Утро уступало мѣсто полудню, и солнце ярко горѣло на горизонтѣ. Стукъ экипажей становился громче, толпы загустѣли, магазины запестрѣли, и молодая дѣвушка очутилась среди потока этой бурной жизни, безразлично протекающаго мимо площадей и базаровъ, мимо дворцовъ, тюремъ, церквей, мимо богатства, бѣдности, мимо всѣхъ вмѣстилищъ добродѣтели

и порока, подобно этой широкой рѣкѣ въ сердцѣ великаго города, которая, теперь пробужденная отъ своего сна, несетъ свои волны въ глубокое море между трудами и заботами людей.

Вотъ, наконецъ, и квартира маленькаго мичмана. Еще нѣсколько шаговъ, – и вотъ во всей красотѣ самъ маленькій мичманъ, вѣчно юный, вѣчно игривый и вѣчно занятый своими метеорологическими наблюденіями. Еще и еще нѣсколько шаговъ, и дверь магазина отворилась, предлагая странницѣ радушный пріютъ. Флоренса, ускорявшая шаги по мѣрѣ приближенія къ цѣли своего путешествія, перебѣжала черезъ улицу (Диогенъ теперь плотно прижился къ ней, такъ какъ уличная суматоха, очевидно, ему надоѣла) и мгновенно очутилась на порогѣ гостепріимной маленькой гостиной.

Капитанъ въ своей лощеной шляпѣ стоялъ передъ каминомъ и варилъ свой утренній какао. Его часы лежали на каминной полкѣ, и онъ безпрестанно обращалъ свои взоры на эту драгоценную игрушку, чтобы слѣдить за ходомъ кипѣнія заморскаго растенія. Услышавъ шаги и шорохъ платья, капитанъ быстро поворотилъ налѣво кругомъ, и въ душѣ его мгновенно обрисовался образъ м-съ Макъ Стингеръ со всѣми подробностями страшнаго нападенія; но тутъ же эта картина смѣнилась другою, вовсе не страшною и совсѣмъ неожиданною. Флоренса сдѣлала къ нему движеніе рукою, пошатиулась и упала на полъ.

Поблѣднѣвъ еще больше, чѣмъ Флоренса, до самыхъ морщинъ на своемъ лицѣ, капитанъ поднималъ молодую дѣвушку, какъ ребенка, и положилъ на тотъ самый диванъ, на которомъ она такъ сладко покоилась въ давно прошедшее время.

– Наше ненаглядное сокровище! – сказала капитанъ, всматриваясь пристально въ ея лицо. – Расцвѣла, выросла, созрѣла, и ужъ теперь не дѣвочка!

И Куттль смотрѣлъ на взрослую дѣвицу съ такимъ почтительнымъ благоговѣніемъ, что не согласился бы ни за какія блага въ свѣтѣ взять ее на руки, несмотря на то, что она была въ обморокѣ.

– Ненаглядное сокровище! ангель! восторгъ моего сердца! – восклицалъ капитанъ, удалившись отъ нея на почтительное разстояніе. Его физіономія выражала ужасное безпокойство. – Если вы можете внимать капитану Куттлю, отвѣчайте хоть мизинцемъ вашимъ на его салютъ!

Флоренса не шевелилась.

– Восторгъ моего сердца! ради Вальтера, потонувшаго въ глубокомъ морѣ, откликнитесь на привѣтъ его друга!

Находя ее нечувствительною къ этимъ умиловительнымъ заклинаніямъ, капитанъ схватилъ со стола графинъ съ холодной водою и осторожно окропилъ ея лицо. Потомъ, уступая экстренности случая, капитанъ распорядился съ необыкновенной любезностью своею огромною рукою: снялъ съ нея шляпу, обмочилъ ея губы, лобъ, волосы, затылокъ, прикрылъ ея ноги своимъ собственнымъ камзоломъ, погладилъ ея маленькую руку и, видя, наконецъ, что ея брови задрожали и губы начали шевелиться, продолжалъ съ большою смѣlostью употреблять свои медицинскіе пріемы.

– Ура! – возопилъ капитанъ. – Ура! Держись крѣпче, моя красавица, держись крѣпче! Вотъ такъ! Вамъ теперь лучше. Причаливать смѣлѣй и опустить паруса! Проглотите нѣсколько капель. Такъ, такъ, что новаго, моя красавица, что новаго?

Здѣсь капитанъ очень кстати припомнилъ, что часы играютъ весьма важную роль въ докторскихъ рецептахъ, и поспѣшилъ снять свои собственные часики съ каминной полки. Прицѣпивъ ихъ къ своему крюку и взявши за руку Флоренсу, онъ попеременно смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ то на ея руку, которую держалъ въ собственной лапѣ, то на часы, какъ будто ожидалъ прочитать рецептъ на циферблатѣ.

– Какъ теперь вы себя чувствуете, моя радость? – сказала капитанъ. – Отъ нихъ можно ожидать добра, я полагаю, – говорилъ капитанъ, не переводя духу и бросая одобрителный взглядъ на свои часы. – Ой вы, часики мои, дружочки! Ставь васъ каждое утро получасомъ

назадъ, а къ обѣду опять поверни стрѣлку на пятнадцать минутъ, и посмотрѣль бы я, какой хронометръ будетъ тягаться съ вами. Ваше здоровье, моя радость?

– Капитанъ Куттль! вы ли это? – воскликнула Флоренса, приподнимаясь немного съ импровизированной постели.

– Да, моя радость, да! это я, капитанъ Куттль, мореходъ; да благословенъ будетъ Богъ отцовъ нашихъ нынѣ, и присно, и во вѣки! Да, это я, высокорожденная барышня-дѣвица!

Капитанъ долго придумываль, какимъ бы приличнымъ именемъ величать Флоренсу, и, наконецъ, остановился на этомъ замысловатомъ титулѣ высокорожденной барышни-дѣвицы.

– Здѣсь ли дядя Вальтера?

– Здѣсь, моя радость... То есть, его уже давно – охъ, какъ давно! – не видать на этой гавани, высокорожденная дѣвица! Никто здѣсь слыхомъ не слыхаль о дядѣ Соломонѣ съ той поры, какъ онъ отчалиль отсюда послѣ бѣднаго Вальтера. Но хотя онъ потерянь для зрѣнія, – продолжалъ капитанъ въ видѣ цитаты, – Англія, родной очагъ и красавицы никогда его не забудутъ!

– Развѣ вы здѣсь живете?

– Точно такъ, моя высокорожденная дѣвица.

– О капитанъ Куттль! – воскликнула Флоренса, всплеснувъ руками, – спасите меня! Укройте меня здѣсь, и пусть никто не знаетъ, гдѣ я. Послѣ, когда смогу, я скажу вамъ, что случилось. Мнѣ не къ кому больше идти. О, не отсылайте меня, капитанъ Куттль!

– Отсылать васъ, высокорожденная дѣвица! – забасиль капитанъ, – васъ, радость моего сердца! Нѣтъ, дядя Куттль, посторонись маленько! Мы поставимъ брамъ-стѣнки и запремъ дверь двойнымъ ключемъ.

Съ этими словами капитанъ, расиоряжаясь одновременно и рукой, и крюкомъ, выдвинуль изъ-за угла огромный ставень, прикрыль имъ дверь и заперъ ее наикрѣпчайшимъ образомъ.

Воротившись послѣ этой экспедиціи къ Флоренсѣ, онъ взяль ея руку и поцѣловаль съ необыкновенною нѣжностью. Безпомощное положеніе дѣвушки, ея обращеніе къ нему, и довѣрчивость, выраженная съ такою дѣтскою простотою, неопикуемая печаль на ея лицѣ, душевная мука, которую она, очевидно, терпѣла и терпиль, знакомство съ ея прошлой исторіей и теперешній ея видъ, унылый, безнадежный, безотрадный, – все это такъ подѣйствовало на добраго капитана, что онъ, казалось, готовъ былъ растаять отъ состраданія и нѣжности.

– Высокорожденная барышня-дѣвица, – сказалъ капитанъ Куттль, полируя ногтемъ свою переносицу до тѣхъ поръ, пока она не засіяла на подобіе красной вычищенной мѣди, – не извольте говорить ни одного слова Эдуарду Куттлю до тѣхъ поръ, пока не станетъ гладкимъ и ровнымъ путь вашей жизни; а это придетъ не сегодня и не завтра. Что же касается до того, чтобы васъ выдать, или донести, гдѣ вы поселились, то – забвенна буди десница моя, и блажени есте, егда рекутъ всякъ золь глаголь, глаголь, глаголь, – приищите этотъ текстъ въ вашемъ катехизисѣ и положите закладку.

Все это капитанъ выговориль, не переводя духу и съ большою торжественностью. Приводя текстъ, онъ сняль съ головы свою лощеную шляпу и устремиль набожный взоръ въ потолочное окно.

Флоренсѣ оставалось только поблагодарить своего друга и еще разъ показать ему свою довѣрчивость. Она такъ и сдѣлала. Прильнувъ къ этому грубому творенію, сдѣлававшемуся теперь единственнымъ убѣжищемъ для ея страждущаго сердца, она положила свою голову на его честное лицо, обвилась руками вокругъ его шеи и, наконецъ, въ избыткѣ благодарности, хотѣла стать передъ нимъ на колѣни, но тотъ, угадавъ это намѣреніе, поддержаль ее съ вѣжливостью истиннаго рыцаря.

– Крѣпче, ребята, крѣпче! – забасилъ капитанъ. – , Вы слишкомъ слабы, высокорожденная барышня-дѣвица, чтобы стоять на ногахъ, позвольте, я опять положу васъ здѣсь. Вотъ такъ, вотъ такъ!

Искусный живописецъ дорого бы далъ, чтобы посмотрѣть, какимъ образомъ капитанъ укладывалъ ее на диванъ и прикрывалъ своимъ камзоломъ.

– Теперь вамъ надобно позавтракать, высокорожденная барышня-дѣвица, а заодно покушаетъ и ваша собака. Потомъ вы пойдете наверхъ въ Соломонову комнату и уснете тамъ.

Говоря о Діогенѣ, капитанъ гладилъ его по спинѣ, и вѣрный песъ принималъ эти ласки съ граціознымъ вниманіемъ. Во время обморока своей хозяйки, онъ, очевидно, колебался между двумя намѣреніями: помѣрять ли съ капитаномъ свои силы, или безъ дальнѣйшихъ околичностей предложить ему свою дружбу, и это столкновение противоположныхъ чувствъ выражалось разнохарактернымъ маханіемъ хвоста, явственнымъ обнаруженіемъ клыковъ и такимъ ворчаніемъ, которое, по его усмотрѣнію должно было означать гнѣвъ или милость. Но теперь всѣ его сомнѣнія исчезли. Было ясно, что онъ считалъ капитана любезнѣйшимъ изъ друзей и такимъ человѣкомъ, который своимъ знакомствомъ сдѣлаетъ честь любой собакѣ, проникнутой сознаніемъ собственныхъ достоинствъ.

Признавъ очевидность такихъ заключеній, Діогенъ усердно началъ помогать капитану, когда тотъ готовилъ завтракъ, и вообще принималъ живѣйшее участіе въ его хозяйствѣ. Впрочемъ, напрасно добрый капитанъ заботился объ угощеніи: Флоренса не кушала чаю и не дотронулась до жирныхъ буттербродовъ: грусть и слезы заглушили ея аппетитъ.

– Ну, дѣлать нечего! – сказала сострадательный капитанъ. – Вамъ надо отдохнуть, моя радость, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. А ты, любезный, – продолжалъ онъ, обращаясь къ Діогену, – кушай теперь свою порцію и отиравайся служить своей госпожѣ.

Но хотя Діогенъ давно острилъ зубы на лакомое блюдо, которое, казалось, заранѣе пожирали глазами, однако теперь, когда жирный супъ стоялъ передъ его мордой, онъ, вмѣсто того, чтобы броситься на него съ жадностью, вдругъ насторожилъ уши, подскочилъ къ дверямъ магазина, залаялъ и, приставивъ морду къ едва замѣтной щели, принялся теревить доску съ неистовствомъ звѣрскаго отчаянія.

– Неужели тамъ кто-нибудь есть? – спросила встревоженная Флоренса.

– Никого нѣтъ, моя радость, – отвѣчалъ капитанъ. – Кому тамъ быть? Не бойтесь ничего, ненаглядное мое сокровище. Это кто-нибудь прошелъ мимо магазина.

Діогенъ думалъ иначе. Онъ лаялъ теперь съ упорнѣйшею злобой и безъ всякаго милосердія теревилъ дверь. Приостановившись на минуту, онъ опять насторожилъ уши, и въ его мозгу, казалось, возникло новое несомнѣнное убѣжденіе, потому что онъ вдругъ принялся работать и мордой, и ногами, рѣшившись, во что бы ни стало, добратся до невидимаго непріятеля. Искушаемый въ то же время соблазнительнымъ кускомъ, онъ отступилъ отъ двери съ весьма нерѣшительнымъ видомъ и чрезъ минуту бросился опять къ мѣсту атаки, не успѣвъ отвѣдать своей порціи.

– Не подслушиваютъ ли тамъ, капитанъ Куттль? – шепнула Флоренса. – Можетъ, меня кто-нибудь видѣлъ, слѣдилъ за мною...

– Ужъ не ваша ли молодая женщина? – сказалъ капитанъ, озаренный свѣтлой идеей.

– Сусанна, вы думаете? – возразила Флоренса, покачавъ головой. – Нѣтъ! Сусанна давно отъ меня ушла.

– Не дезертировала, я надѣюсь? Какъ это можно говорить о ней, моя радость! – воскликнулъ капитанъ съ нѣкоторымъ испугомъ.

– О нѣтъ, нѣтъ! она была вѣрнѣйшимъ моимъ другомъ.

У капитана отлегло отъ сердца, и, выражая свое удовольствіе, онъ снялъ свою лощеную шляпу, скомкалъ въ рукѣ платокъ на подобіе шарика и, вытирая свой лобъ, замѣтилъ съ довольнымъ видомъ, что онъ это очень хорошо знаетъ.

– Так вот, ты теперь спокоен, приятель, – сказал капитан, обращаясь к Диогену. – Там никого не было, моя радость, не тревожьтесь!

Однако Диоген не совсем был уверен в этом. С минуты на минуту дверь еще продолжала привлекать его внимание: он обнюхивал ее, ворчал про себя и, очевидно, был слишком занят своими подозрениями. Это обстоятельство, в связи с усталостью Флоренсы, заставило капитана немедленно заняться приготовлением для ее отдыха Соломоновой спальни. Он торопливо взобрался на чердак и сдѣлалъ всевозможныя приготовления, какія только могъ придумать на скорую руку.

И точно, Соломонова спальня мигомъ приняла изящнѣйшій видъ. Капитанъ, какъ человекъ порядочный, привыкъ все устраивать на военную ногу, и на этомъ основаніи Соломонова постель превратилась въ корабельную койку, покрытую со всѣхъ сторонъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, бѣльемъ. По такой же изобрѣтательности, капитанъ сумѣлъ изъ маленькаго рабочаго столика соорудить родъ жертвенника, на которомъ въ правильной симметріи расположены были: сахарные шипчики, двѣ чайныя ложечки изъ чистаго серебра, горшокъ съ цвѣтами, телескопъ, серебряныя часики, гребенка, пѣсенникъ и другія рѣдкія бездѣлки этого сорта. Закрывъ, наконецъ, окно и разостлавъ на полу самый лучший коверъ, капитанъ обозрѣлъ всѣ эти приготовления съ великимъ восторгомъ и сошелъ опять въ маленькую гостиную, чтобы повести Флоренсу въ ея прелестную каюту.

Ничто не могло увѣрить капитана, что Флоренса сама можетъ идти наверхъ, а если бы и такъ, онъ счелъ бы оскорбительнымъ нарушеніемъ гостепріимства допустить такой казусъ. Поэтому онъ учтиво заключилъ Флоренсу въ объятія, взобрался съ нею наверхъ и, положивъ ее въ постель, прикрылъ своимъ параднымъ камзоломъ.

– Высокорожденная барышня-дѣвица! вы здѣсь такъ же безопасны, какъ на кровлѣ соборной церкви святого Павла, если отнять оттуда лѣстницу. Прежде другихъ вещей вамъ нуженъ сонъ, который долженъ укрѣпить вашу душу и тѣло, подобно живительному бальзаму, изготовленному для врачеванія недуговъ міра сего. Если же вамъ нужно еще что, о восторгѣ моего сердца, передайте пароль Эдуарду Куттлю, и онъ съ живѣйшей радостью предложитъ къ вашимъ услугамъ все, чѣмъ можетъ располагать въ городѣ Лондонѣ первѣйшій изъ магазиновъ мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ. Благослови васъ Богъ!

Затѣмъ капитанъ съ вѣжливостью странствующаго рыцаря поцѣловалъ протянутую ему маленькую ручку и вышелъ изъ комнаты на цыпочкахъ.

Сойдя въ маленькую гостиную, капитанъ, послѣ кратковременнаго совѣщанія съ самимъ собою, рѣшился отворить на нѣсколько минутъ двери магазина и убѣдиться нагляднымъ образомъ, что теперь, во всякомъ случаѣ, никто не шляется около маленькаго мичмана. Исполнивъ этотъ планъ, онъ остановился на крыльцѣ и, поднявъ голову, обозрѣлъ своими очками самыя отдаленныя точки горизонта.

– Какъ ваше здоровье капитанъ Гильсъ? – сказалъ голосъ подлѣ него.

Капитанъ опустилъ глаза и чуть не наткнулся на м-ра Тутса, который между тѣмъ продолжалъ раскланиваться и ухмыляться.

– Какъ ваше здоровье, любезный другъ? – воз. разилъ капитанъ.

– Покорно благодарю, капитанъ Гильсъ, я, вы знаете, оно ничего, то есть, я теперь никогда не бываю въ своей тарелкѣ, а впрочемъ, ничего особеннаго, покорно благодарю.

Ближе этого м-ръ Тутсъ въ разговорѣ съ капитаномъ никогда не подходилъ къ великой задачѣ своей жизни. Читатель помнитъ условія дружбы, предложенныя ему капитаномъ Куттлемъ; Тутсъ не нарушалъ ихъ.

– Капитанъ Гильсъ, – сказалъ м-ръ Тутсъ, – если вы позволите имѣть удовольствіе переговорить съ вами... то есть, это дѣло, собственно, касается васъ.

– Что такое, любезный друг? – возразилъ капитанъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ гостиной. – Сказать правду, я не совсѣмъ свободенъ этимъ утромъ, и, стало быть, если вы можете отбарабанить свой пароль, то я, пожалуй, очень радъ.

– Разумѣется, капитанъ Гильсъ, – отвѣчалъ м-ръ Тутсъ, рѣдко понимавшій истинный смыслъ капитанскихъ изреченій. Отбарабанить – это собственно я и самъ желалъ. Само собою разумѣется.

– Если такъ, любезный другъ, такъ нечего стоять на мели. Отваливай!

Они вошли въ гостиную. Страшный секретъ въ рукахъ капитана произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что съ его чела градомъ полились капли пота, между тѣмъ какъ м-ръ Тутсъ усаживался на указанный ему стулъ, и онъ считалъ невозможнымъ оторвать свои глаза отъ лица м-ра Тутса. Гость и хозяинъ сидѣли нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи. М-ръ Тутсъ, казалось, самъ имѣлъ нѣкоторыя тайныя причины находиться въ нервномъ состояніи, которое, натурально, увеличилось еще больше отъ инквизиторскихъ взглядовъ капитана. Повертѣвшись нѣсколько времени на своемъ стулѣ, м-ръ Тутсъ повелъ рѣчь такимъ образомъ:

– Прошу извинить, капитанъ Гильсъ, но я надѣюсь, вы, конечно, ничего особеннаго во мнѣ не замѣчаете?

– Ничего, дружище, ничего.

– Потому что, вотъ видите ли, я, какъ говорится, совсѣмъ сбился съ панталыку. Да ужъ тутъ нечего и отваливать: похудѣлъ, такъ похудѣлъ. Кому какое дѣло? Оно и лучше, Борджесъ и компанія перемѣнили мѣрку, такъ какъ прежнее платье слишкомъ широко. Это, сказать по правдѣ, мнѣ очень пріятно, и я радъ отъ души. Видите ли, капитанъ Гильсъ, я вѣдь просто скотина, и чортъ знаетъ для чего пресмыкаюсь на этомъ свѣтѣ.

Чѣмъ больше м-ръ Тутсъ продолжалъ свои объясненія въ этомъ родѣ, тѣмъ больше капитанъ тяготился своимъ секретомъ и тѣмъ больше выпучивалъ глаза на своего гостя. Тревожимый внутреннимъ волненіемъ и желаніемъ спровадить поскорѣе м-ра Тутса, капитанъ находился въ такомъ запущанномъ и странномъ состояніи, что его фізіономія не могла бы выразить большаго разстройства, если бы даже ему пришлось разговаривать съ выходцемъ съ того свѣта.

– Но я все собираюсь сказать вамъ, капитанъ Гильсъ... Видите ли, я какъ-то поутру очутился ненарокомъ подлѣ вашего магазина... то есть, сказать правду, я шель къ вамъ завтракать. Ну еще завтракать я могу, а что касается до того, чтобы спать, такъ ужъ наше почтеніе, – я рѣшительно никогда не сплю. Быть бы мнѣ сторожемъ, м-ръ Гильсъ, право караулилъ бы сряду дюжину ночей, – и безъ жалованья.

– Отваливай, любезный другъ, отваливай!

– И отвалю, капитанъ, ей Богу, вотъ увидите! Ну такъ, когда я проходилъ здѣсь этимъ утромъ, – было довольно рано, часъ или, около того, а можетъ быть, побольше, – и когда увидѣлъ, что дверь заперта...

– Какъ! Это ты заходилъ сюда, любезный другъ?

– Совсѣмъ нѣтъ, капитанъ Гильсъ. Я только взглянулъ, да и пошелъ мимо, потому что капитана, думаю себѣ, должно быть, дома нѣтъ. Но тотъ господинъ сказалъ, немного погодя... вы вѣдь не держите собаки, капитанъ Гильсъ?

Капитанъ кивнулъ головой.

– Ну, да я такъ и сказалъ. Я знаю, вы не держали. Есть, капитанъ Гильсъ, собака, соединенная съ вос... впрочемъ извините, тутъ надо придержать языкъ.

Въ глазахъ капитана, неподвижно устремленныхъ на досаднаго гостя, отразились теперь два м-ра Тутса, и почтенное чело его опять оросилось крупными каплями, когда онъ вообразилъ, что Діогену можетъ придти фантазія спуститься въ маленькую гостиную для увеличенія компаніи.

– Вотъ онъ и сказалъ, – продолжалъ Тутсъ, – что слышалъ, дескать, собаку, чуть ли не передъ самыми дверьми: а я отвѣчалъ, что быть не можетъ, капитанъ не держитъ собакъ.

Онъ между тѣмъ такъ и остался при своемъ, что слышалъ, дескать, собачій лай собственными ушами.

– Кто же это былъ? – спросилъ капитанъ.

– Вотъ вѣдь мнѣ и въ голову ие пришло освѣдомиться на счетъ этой матеріи, – отвѣчалъ смущенный м-ръ Тутсъ, нервнозноеъ котораго возросла теперь до высшей степени. – Не мнѣ, разумѣется, сказать вамъ, что могло бы изъ этого выйти, или чего не могло бы выйти. Я, право, заваленъ такими вещами, которыхъ вовсе не понимаю, и, вѣрно, есть кое что въ моемъ мозгу... право, капитанъ Гильсъ, я, должно быть, очень глупъ.

Капитанъ Куттль кивнулъ головой въ знакъ полнѣйшаго согласія.

– Но когда мы отошли отъ магазина, тотъ господинъ сказалъ, будто вамъ извѣстно, что такое м_о_ж_е_т_ь_с_л_у_ч_и_т_ь_с_я при существующихъ обстоятельствахъ; слова "можетъ случиться" онъ произнесъ съ особенной силой; и поэтому вамъ бы на всякій случай слѣдовало приготовиться... то есть, вы и приготовитесь, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія...

– Да кто же этотъ господинъ, любезный мой другъ? – повторилъ капитанъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

– Ну, да я право же не знаю, капитанъ Гильсъ – отвѣчалъ въ отчаяніи Тутсъ, – увѣряю васъ. Немного погодя я опять завернулъ сюда, и опять нашель его у дверей, Вотъ онъ и говоритъ: вы тоже, сэръ, пришли сюда? Да, я говорю. – А вы развѣ знакомы, говорить, съ хозяиномъ этого магазина? – Да, говорю, я имѣлъ удовольствіе пріобрѣсти его знакомство – вѣдь вы доставили мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами, не такъ ли? – Ну, говоритъ онъ, если такъ, потрудитесь, пожалуйста, передать ему, что я вамъ сказалъ насчетъ этихъ существующихъ обстоятельствъ и насчетъ того, говорить, чтобъ онъ приготовился къ нимъ на всякій случай. Вы, говорить, попросите его завернуть на минуту въ лавку м-ра Брогли, маклера и оцѣнщика. Очень, говорить, нужно. Вотъ вамъ и все, что я знаю, капитанъ Гильсъ. Дѣла, должно быть, важныя, и если вы потрудитесь къ нему завернуть, я покамѣстъ посижу здѣсь, вѣдь вы, разумѣется, мигомъ воротитесь?

Капитанъ, колеблясь между опасностью скомпрометировать Флоренсу, если не идти на предложенное свиданіе, и между страхомъ оставить въ магазинѣ м-ра Тутса, подъ опасеніемъ открытія имъ завѣтной тайны, представлялъ такое зрѣлище умственной растерянности, которая не могла ускользнуть даже отъ вниманія м-ра Тутса. Замѣтивъ, однако, что его морской другъ собирается идти на свиданіе, молодой джентльментъ совершенно успокоился и не могъ удержаться отъ одобрительной улыбки.

Капитанъ между тѣмъ, выбирая изъ двухъ золь меньшее, рѣшилъ, передъ отправленіемъ къ Брогли, запереть въ магазинѣ дверь, имѣвшую сообщеніе съ верхнею частью дома, и положить ключъ въ карманъ.

– Вы ужъ насчетъ этого извините, любезный другъ, сказалъ капитанъ, взволнованный стыдомъ и нерѣшительностью, – есть на это особый резонъ, то есть, прич-чина, съ вашего позволенія.

– Помилуйте, капитанъ, для меня очень пріятно все, что вы ни дѣлаете. Будьте спокойны. Это ничего.

Капитанъ, поблагодаривъ его отъ искренняго сердца и обѣщавъ воротиться менѣе, чѣмъ черезъ пять минутъ, отправился скорымъ шагомъ къ господину, который почтилъ м-ра Тутса своимъ таинственнымъ порученіемъ. Невинный м-ръ Тутсъ, предоставленный самому себѣ, развалился на диванѣ, вовсе не думая, кто покоился здѣсь передъ нимъ, и, устремивъ глаза на потолочное окно, услаждалъ свою фантазію образомъ миссъ Домби. Время и мѣсто теперь для него не существовали.

И хорошо, что не существовали. Хотя капитанъ ходилъ не слишкомъ долго, но все же несравненно долѣе, чѣмъ предполагалъ. Онъ воротился назадъ взволнованный и блѣдный, какъ полотно, и на глазахъ его были признаки недавнихъ слезъ. Казалось, онъ утратилъ всякую спо-

способность говорить и пробыль нѣмъ до той поры, пока не подкрѣпилъ себя рюмкой рому, добытаго изъ только что откупоренной бутылки, хранившейся на нижней полкѣ его комода. Опорожнивъ рюмку, онъ сѣлъ на стулъ и облокотился на руку съ видомъ челоуѣка, погруженнаго въ глубокія размышленія.

– Надѣюсь, капитанъ Гильсъ, – началъ м-ръ Тутсъ, – ничего особеннаго не случилось? Вы не получили неприятныхъ вѣстей?

– Нѣтъ, дружище, нѣтъ. Совсѣмъ напротивъ. Покорно благодарю.

– Однако, у васъ такой безпокойный видъ – замѣтилъ м-ръ Тутсъ.

– Немудрено, товарищъ, я сдрейфованъ со всѣхъ сторонъ.

– Не могу ли я въ чемъ помочь вамъ, капитанъ Гильсъ? Если могу, располагайте мною.

Капитанъ взглянулъ на молодого джентльмена съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ нѣжности и состраданія и крѣпко пожалъ ему руку.

– Нѣтъ, товарищъ, покорно васъ благодарю. Теперь я прошу у васъ, какъ милости, навѣщать насъ... то есть меня, какъ можно чаще.

И эта просьба сопровождалась такимъ пожатіемъ руки, что бѣдный Тутсъ чуть не вскрикнулъ отъ боли.

– Я рѣшительно того мнѣнія, – продолжалъ капитанъ, – что послѣ Вальтера вы единственный паренъ, съ которымъ можно и должно вести дѣла. Да, я увѣренъ въ этомъ.

– Благородное и честное слово, капитанъ Гильсъ, – отвѣчалъ м-ръ Тутсъ, ударяя рукою ладонь почтеннаго моряка, – я очень радъ, что заслужилъ ваше доброе мнѣніе. Покорно благодарю.

– Давай руку, товарищъ, и станемъ веселиться. Да! есть на свѣтѣ не одно прелестное созданіе!

– Только не я, капитанъ Гильсъ, – съ важностью возразилъ м-ръ Тутсъ, – не я только, увѣряю васъ. Состояніе моихъ чувствъ относительно миссъ Домби не можетъ быть выражено никакимъ перомъ. Мое сердце все равно, что пустой островъ, и только она одна живетъ въ немъ. Я рыхлѣю съ каждымъ днемъ, и, признаться, горжусь тѣмъ, что рыхлѣю. Посмотрѣли бы вы на мои ноги, когда я снимаю сапоги, – вы бы, можетъ, увидѣли, что значить нераздѣленное чувство. Мнѣ предписали ванны, капитанъ Гильсъ, но я не стану употреблять ихъ, потому что, видите ли, на кой чортъ мнѣ ванны? Пусть ужъ лучше высохну, какъ щепка. Впрочемъ, тутъ надо держать языкъ на привязи, я и забылъ. Прощайте, капитанъ Гильсъ! Счастливо оставаться!

Бросивъ еще разъ на молодого друга выразительный взоръ состраданія и нѣжности, капитанъ заперъ за нимъ дверь и отправился наверхъ освѣдомиться насчетъ благополучія Флоренсы.

Была какая-то рѣшительная перемѣна въ лицѣ капитана, когда онъ подошелъ къ Соломоновой спальнѣ. Онъ вытиралъ платкомъ глаза и полировалъ переносицу ногтемъ точно такъ же, какъ утромъ этого дня, но лицо его совершенно измѣнилось. То былъ онъ, казалось, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, то можно было считать его пропащимъ челоуѣкомъ: въ томъ и другомъ случаѣ черты его лица обличали необыкновенную важность, какъ будто въ его натурѣ совершился чудный перевероть, придавшій новый отпечатокъ его фізіономіи.

Онъ стукнулъ тихонько два или три раза въ дверь Соломоной спальни, но, не получивъ отвѣта, отважился сперва заглянуть въ замочную щель, а потомъ войти. Къ этому послѣднему подвигу, можетъ быть, ободрила его ласковая встрѣча Діогена, который, развалившись на полу подлѣ постели своей хозяйки, привѣтливо завилъ хвостомъ и моргнулъ глазами такимъ образомъ, какъ будто приглашалъ капитана смѣлѣе подвигаться впередъ.

Флоренса спала тяжело и стонала во снѣ. Капитанъ, проникнутый совершеннѣйшимъ благоговѣніемъ къ ея молодости, красотѣ и томительной грусти, осторожно приподнялъ ея голову, поправилъ на ней свой камзолъ и, завѣсивъ хорошенько окно, чтобы она лучше спала,

выкрался опять изъ комнаты и занялъ свой караульный постъ на лѣстничныхъ ступеняхъ. Его шаги и движенія были на этотъ разъ такъ же легки и воздушны, какъ у молодой дѣвушки.

Да позволено будетъ спросить: какое изъ этихъ двухъ явленій изящнѣе по своей натурѣ? Съ одной стороны, нѣжные пальчики, созданные для чувствительности и симпатіи прикосновенія, съ другой – жесткая, грубая рука капитана, готовая съ полнымъ самоотверженіемъ протянуться на охраненіе и защиту невиннаго созданія. Задача, не совсѣмъ удобная для рѣшенія! Но пусть оба явленія дольше и дольше существуютъ въ этомъ мірѣ, исполненномъ поразительными контрастами на каждомъ шагу!

Флоренса почивала, забывая о своемъ безпріютномъ сиротствѣ, и капитанъ стоялъ на часахъ подлѣ ея спальни. При малѣйшемъ шорохѣ или стонѣ, онъ немедленно подходилъ къ дверямъ, прислушивался и приглядывался; но мало-по-малу сонъ ея сдѣлался спокойнѣе, и караульный постъ капитана обходился безъ тревогъ.

Глава XLIX

Мичманъ дѣлаетъ открытіе

Флоренса не вставала долго. Утро смѣнилось полуднемъ, полдень вечеромъ, а молодая дѣвушка, утомленная тѣломъ и душой, все еще спала, не имѣя никакого сознанія о своемъ странномъ ложѣ, объ уличной толкотнѣ и суматохѣ, и о свѣтѣ, который пробивался въ ея спальню черезъ затворенныя окна. Но и глубокій сонъ, порожденный истощеніемъ силъ, не могъ произвести въ ея душѣ совершеннаго забвенія о томъ, что случилось въ родительскомъ домѣ, и смутныя воспоминанія о страшныхъ сценахъ тревожили ея покой. Мрачная грусть, полуубаюканное чувство скорби носились передъ ея воображеніемъ, и блѣдная ея щека орошалась слезами гораздо чаще, чѣмъ то желалъ бы видѣть честный капитанъ, который время отъ времени выставлялъ свою голову въ полуотворенную дверь.

Солнце уже проложило огненную дорогу по рѣкѣ и отлогимъ берегамъ, озарило въ океанѣ паруса на корабляхъ, освѣтило въ предмѣстьяхъ мрачныя кладбища и холмы, погрузило отдаленныя точки горизонта въ зарево пожара, гдѣ, казалось, въ одномъ великолѣпномъ хаосѣ запылали небо и земля, когда Флоренса открыла, наконецъ, свои отягченныя глаза и лежала сначала въ какомъ-то забытіи, не обращая никакого вниманія на странныя стѣны, въ странной комнатѣ и прислушиваясь, безъ всякой опредѣленной мысли, къ уличному шуму. Но скоро она проснулась и тѣломъ, и душой, бросила вокругъ себя изумленный взоръ – и припомнила все.

– Что, моя радость, – сказалъ капитанъ, постучавшись въ дверь, – какъ вы себя чувствуете?

– Другъ мой, вы ли это? – вскричала Флоренса, бросившись къ нему на встрѣчу.

Другъ!.. Въ этомъ имени скрывалось такъ много гордости для капитана Куттля, что онъ, вмѣсто отвѣта, поцѣловалъ свой крюкъ и смотрѣлъ съ неизрѣченнымъ наслажденіемъ на зардѣвшіяся щеки молодой дѣвушки, когда она обратила на него глаза.

.. – Какъ вы себя чувствуете, изумрудъ мой драгоценный? – повторилъ капитанъ послѣ блаженнаго молчанія, продолжавшагося около минуты.

– Кажется, спала я очень долго, добрый мой другъ, – отвѣчала Флоренса. – Когда я сюда пришла? еще вчера?

– Сегодня, высокорожденная барышня-дѣвица, и да будетъ благословенъ сей день отъ нынѣ и во вѣки.

– Развѣ не было ночи? Неужели все еще день?

– Вечеръ, и чудесный, моя радость! – сказалъ капитанъ, отдергивая занавѣсъ отъ окна. – Посмотрите!

Флоренса, грустная и робкая, съ рукою на плечѣ капитана, и честный капитанъ съ его грубымъ лицомъ и коренастой фигурой стояли въ розовомъ свѣтѣ яркаго вечерняго неба, не говоря ни слова. Въ какую бы форму, конечно странную и дикую, капитанъ ни облекъ свби чувства, если бы рѣшился ихъ выразить словами, онъ чувствовалъ съ живостью краснорѣчивѣйшаго изъ смертныхъ, что въ этой плѣнительной красотѣ тихаго и спокойнаго вечера заключалась какая-то таинственная сила, способная переполнить истерзанное сердце Флоренсы, и, что для нея было бы гораздо лучше дать теперь полную волю своимъ слезамъ. Поэтому капитанъ не говорилъ ни слова. Но когда онъ почувствовалъ, что ея голова склоняется къ нему ближе и ближе, когда онъ почувствовалъ, что эта безпріютная, одинокая голова прикасается къ его грубому синему камзолу, тогда онъ съ трепетнымъ благоговѣніемъ взялъ ея руку, пожалъ ее, и они поняли другъ друга.

– Ободритесь, моя радость! – сказалъ капитанъ. – Развеселитесь, изумрудъ мой драгоценный. Я сойду внизъ и приготовлю вамъ покушать. Вы потрудитесь придти сами, немного погодя, или Эдуардъ Куттль долженъ подняться за вами?

Флоренса отвѣчала, что она безъ всякаго затрудненія можетъ сойти сама, и капитанъ, послѣ нѣкоторыхъ довольно сильныхъ отговорокъ, показывавшихъ его очевидное сомнѣніе въ правилахъ истиннаго гостепріимства, принужденъ былъ предоставить молодую дѣвушку ея собственному произволу. Очутившись въ маленькой гостиной, онъ немедленно принялся жарить у камина курицу, уже давно лежавшую для этой цѣли на жаровнѣ. Чтобы наилучшимъ образомъ окончить эту стряпню, онъ скинулъ свой камзолъ, засучилъ рубашечные рукава и надѣлъ свою лощеную шляпу, безъ помощи которой не приступаль вообще ни къ какому предпріятію, трудному или легкому.

Освѣживъ свою голову и пылающее лицо въ холодной водѣ, приготовленной капитаномъ въ продолженіе ея сна, Флоренса подошла къ маленькому зеркалу, чтобы привести въ порядокъ свои растрепанные волосы. Тогда она увидѣла – первый и послѣдній разъ – на своей груди багровое пятно.

Ея слезы при видѣ этого опять полились ручьями. Ей было стыдно, ей было страшно; но не было въ ея сердцѣ ненависти и гнѣва противъ отца. Она простила ему все, едва понимая въ этомъ нужду, и старалась о немъ не думать, какъ не думала о домѣ, изъ котораго бѣжала, и онъ былъ для нея потерянь разъ навсегда. Не было въ этомъ мірѣ м-ра Павла Домби для Флоренсы Домби.

Что дѣлать и куда дѣваться, Флоренса, бѣдная, неопытная Флоренса еще не думала объ этомъ. Впрочемъ, она мечтала отыскать гдѣ-нибудь маленькихъ сестеръ, которыхъ она станеть воспитывать подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ: онѣ вырастутъ, эти сестры, счастливыя и довольныя, подъ ея надзоромъ, полюбятъ ее, выйдутъ замужъ, возьмутъ къ себѣ свою прежнюю гувернантку и, быть можетъ, современемъ поручатъ ей воспитаніе своихъ собственныхъ дочерей. Проходятъ годы, десятки лѣтъ, и у почтенной воспитательницы чужихъ дѣтей сѣдѣютъ волосы, и она становится старухой, и уноситъ въ мрачную могилу тайну своей жизни, и не осталось на свѣтѣ нѣкакихъ слѣдовъ отъ Флоренсы Домби. . . Страшная будущность! грустная будущность! Но всѣ эти грезы носились передъ ней въ густомъ туманѣ, и она ни въ чемъ не отдавала себѣ яснаго отчета. Она знала только одно, что не было для нея отца на этомъ свѣтѣ, не было клочка земли, гдѣ могла бы пріютиться Флоренса Домби!

Весь денежный запасъ въ ея кошелькѣ ограничивался нѣсколькими гинеями, и часть ихъ нужно было употребить на покупку гардероба, такъ какъ у нея было съ собой одно только платье. Но этотъ пунктъ ее не слишкомъ беспокоилъ: ребенокъ въ мірскихъ дѣлахъ, она не понимала и не могла понять, что значить не имѣть денегъ, и притомъ другія, болѣе важныя мысли заслоняли отъ нея предметы этого рода. Въ головѣ ея мыслительная машина работала съ какою-то особой торопливостью, и казалось ей, что промчались цѣлые мѣсяцы послѣ ея бѣгства. Но мало-по-малу она успокоилась, привела въ порядокъ свои мысли, отерла слезы и отправилась внизъ къ своему единственному покровителю.

Капитанъ разостлалъ съ большимъ стараніемъ бѣлую скатерть и приготовлялъ какой-то яичный соусъ въ маленькой кастрюлѣ, поворачивая въ то же время очень усердно жирную курицу, которую онъ жарилъ на вертелѣ передъ огнемъ. Обложивъ Флоренсу подушками на диванѣ, который для большаго комфорта былъ переставленъ въ теплый уголокъ, капитанъ продолжалъ свою стряпню съ необыкновеннымъ искусствомъ. Онъ кипятилъ горячую жижицу въ другой маленькой кастрюлѣ, варилъ картофель въ третьей, не забывалъ яичнаго соуса въ первой и продолжалъ поворачивать жаркое своимъ крюкомъ, который, смотря по надобности, замѣнялъ для него и ложку, и вилку. Независимо отъ всего этого, капитанъ сторожилъ бдительнымъ окомъ миниатюрную сковородку, въ которой кипятились и мелодично пищали жирныя сосиски, слава и вѣнецъ поварского творчества, – и словомъ, не было во всей подсолнечной кухарки, равной по таланту и усердію капитану Куттлю, на которомъ блистала во всей красотѣ его лощеная шляпа. . . Впрочемъ, трудно сказать, лицо или шляпа горѣли теперь болѣе торжественнымъ блескомъ.

Когда, наконец, обѣдъ былъ приготовленъ, капитанъ началъ хлопотать около стола съ безпримѣрнымъ усердіемъ и ревностью. Прежде всего онъ скинулъ шляпу и надѣлъ свой фракъ. Затѣмъ онъ пододвинулъ столъ къ дивану, гдѣ сидѣла Флоренса, прочиталъ молитву, развинтилъ свой крюкъ, привязалъ къ нему вилку и поставилъ первое блюдо.

– Высокорожденная барышня-дѣвица, – сказалъ капитанъ, – развеселитесь и старайтесь кушать какъ можно больше. Здѣсь ливеръ, здѣсь спаржа, а вотъ картофель!

Все это капитанъ расположилъ на блюдѣ въ симметрическомъ порядкѣ, полилъ горячей жижей и поставилъ передъ своей прекрасной гостьей.

– Вотъ цѣлый рядъ мертвыхъ свѣтилъ лежитъ передъ вами, высокорожденная барышня-дѣвица, – замѣтилъ капитанъ ободрительнымъ тономъ, – и все устроено въ порядкѣ. Попробуйте перекусить, моя радость. О, если бы Вальтеръ былъ здѣсь!..

– Ахъ, если бы теперь онъ былъ моимъ братомъ! – воскликнула Флоренса.

– Не говорите этого, моя радость! – сказалъ капитанъ. – Вальтеръ былъ природнымъ вашимъ другомъ, самымъ искреннимъ, самымъ близкимъ другомъ: не правда ли, моя радость?

Флоренсъ нечего было отвѣчать. Она только сказала: "О, милый, милый Павелъ! о, Вальтеръ!".

– Самыя доски, по которымъ она ходила, – бормоталъ капитанъ, разсматривая съ нѣжнымъ умиленіемъ ея унылое лицо, – бѣдный Вальтеръ цѣнилъ высоко, такъ высоко, какъ жаждущій олень источники водные. Вижу его, какъ теперь, за столомъ у дяди въ тотъ самый день, когда только что его записали въ конторскія книги Домби и Сына; какъ онъ говорилъ тогда о ней! Боже мой, какъ онъ говорилъ! Лицо его рдѣло, какъ маковъ цвѣтъ, и глаза покрывались скромною росой! Да, прекрасный былъ юноша! Ну, а если бы теперь онъ былъ здѣсь, высокорожденная барышня-дѣвица, то есть, если бы онъ мотъ быть здѣсь... но онъ утонулъ, бѣдный Вальтеръ, не правда ли?

Флоренса покачала головой.

– Да, да, онъ утонулъ, – продолжалъ капитанъ. – Что бишь я началъ говорить? Такъ вотъ, если бы онъ былъ здѣсь, онъ сталъ бы просить васъ, изумрудъ мой драгоценный, покушать и полакомиться, чтобы здоровье ваше подкрѣпилось. Поэтому, высокорожденная барышня-дѣвица, ведите себя такъ, какъ бы Вальтеръ былъ уже здѣсь, и держите противъ вѣтра вашу милую головку.

Флоренса, изъ угожденія капитану, начала кушать. Капитанъ между тѣмъ, забывая, по-видимому, собственный обѣдъ, положилъ свой ножикъ и вилку и пододвинулъ свой стулъ къ дивану.

– Вальтеръ былъ красивый мальчикъ, не правда ли, моя радость?

Флоренса согласилась, и капитанъ сидѣлъ молча нѣсколько минутъ, опустивъ подбородокъ на свою руку. Глаза его неподвижно были обращены на гостью.

– И вѣдь онъ былъ храбрый юноша, моя гадость, не такъ ли?

Флоренса отвѣчала слезами.

– И вотъ, моя красавица, онъ утонулъ, – продолжалъ капитанъ растроганнымъ голосомъ. – Такъ или нѣтъ?

Флоренса продолжала плакать.

– Онъ былъ постарше васъ, высокорожденная барышня-дѣвица; но сначала вѣдь вы оба были дѣтьми, не правда ли?

Флоренса отвѣчала – да!

– А теперь утонулъ бѣдный Вальтеръ, утонулъ, и нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу; не такъ ли?

Повтореніе этого вопроса было любопытнымъ источникомъ утѣшенія, но только, казалось, для одного капитана, такъ какъ онъ одинъ безпрестанно возвращался къ этой темѣ. Флоренса отодвинула отъ себя свой непочатый обѣдъ, и, облокотившись на диванъ, подала капи-

тану свою руку, чувствуя, что она против воли опечалила своего друга. Капитанъ между тѣмъ, пожимая ея руку съ какою-то особенною нѣжностью, забылъ, повидимому, и объѣдъ, и аппетитъ своей гостии, и почтенное чело его проникалось больше и больше сочувственною мыслью. Еще и еще повторялъ онъ: "Бѣдный Вальтеръ! милый Ваятеръ! Да, онъ утонулъ. Не правдали?" – И непремѣнно хотѣлось ему, чтобы Флоренса отвѣчала на этотъ безконечный вопросъ; иначе, казалось, оборвалась бы цѣпь его оригинальныхъ размышленій.

Курица и сосиски остыли, и яичный соусъ застылъ до послѣдней степени густоты, прежде чѣмъ добрый капитанъ припомнилъ, что они сидѣли за столомъ; но, разъ обративъ вниманіе на этотъ пунктъ, онъ принялся за свои блюда вмѣстѣ съ Діотеномъ, при помощи котораго роскошный пиръ быстро подошелъ къ желанному концу. Когда Флоренса начала убирать со стола, выметать очагъ и приводить въ порядокъ мебель маленькой гостиной, восторгъ и удивленіе капитана могли сначала равняться только горячности его протеста противъ этой хлопотливости молодой дѣвушки, а потомъ мало-по-малу эти чувства возвысились до такой степени, что онъ самъ ничего не сталъ дѣлать и только съ безмолвнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на Флоренсу, какъ на прекрасную волшебницу, которая каждый день совершаетъ для него эти чудеса; при этомъ красный экваторъ на челѣ капитана запылалъ съ новой силой, выражая его неопишное удивленіе.

Но когда Флоренса, продолжая хозяйственныя хлопоты, сняла съ каминной полки его трубку и попросила его курить, добрый капитанъ былъ до того ошеломленъ этимъ неожиданнымъ вниманіемъ, что нѣсколько минутъ держалъ чубукъ такимъ образомъ, какъ будто эта рѣдкость первый разъ попала въ его руки. Потомъ, когда Флоренса вынула изъ комода бутылку съ ромомъ и приготовила для него совершеннѣйшій стаканъ грогу, поставленный передъ нимъ на маленькомъ столикѣ, его носъ, всегда румяный, поблѣднѣлъ какъ алебастръ, и онъ почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Упоенный этимъ блаженствомъ, невиданнымъ и неслышаннымъ до той поры, капитанъ машинально набилъ трубку, и лишь только протянулъ свою лапу къ фосфорнымъ спичкамъ, Флоренса, къ довершенію его изумленія, уже держала надъ табакомъ зажженную бумагу, такъ что онъ не имѣлъ ни времени, ни силы предотвратить этой услуги. Когда, наконецъ, Флоренса, послѣ всѣхъ этихъ хлопотъ, заняла свое мѣсто на диванѣ и принялась смотрѣть на него съ граціозной, любящей улыбкой, капитанъ увидѣлъ очень ясно, что сиротствующее сердце молодой дѣвушки обращалось къ нему съ такою же искренностью, какъ ея лицо, – увидѣлъ это капитанъ, и табачный дымъ засѣлъ въ его горлѣ, ослѣпилъ его глаза, ослѣпилъ до того, что капитанъ Куттль заплакалъ!

Способъ, употребленный имъ для увѣренія, что причина этихъ слезъ лежала сокровенною въ самой трубкѣ, которую для этой цѣли онъ осматривалъ со всѣхъ сторонъ, ревизуя преимущественно чубукъ, былъ истинно забавенъ и достоинъ кисти художника. Когда, наконецъ, трубка была осмотрѣна и исправлена, капитанъ мало-по-малу пришелъ въ состояніе покоя, приличнаго исправному трубокуру. Онъ сидѣлъ съ глазами, неподвижно обращенными на Флоренсу, и, сіяя лучезарнымъ счастьемъ, пускалъ по временамъ и отдувалъ отъ себя маленькія облака, которыя, выходя изъ его рта, казались ярлыками съ надписью: "Утонулъ, бѣдный Вальтеръ, утонулъ; не правда-ли?" – И процессъ куренія возобновлялся опять до тѣхъ же ярлыковъ.

Трудно представить контрастъ разительнѣе того, который существовалъ между Флоренсой въ ея нѣжной юности и красотѣ и капитаномъ Куттлемъ съ его сучковатымъ лицомъ, неуклюжимъ туловищемъ и басистымъ голосомъ; при всемъ томъ во многихъ вещахъ, особенно въ невинной простотѣ и въ незнаніи условій жизни, они похожи были другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Никакой ребенокъ не могъ превзойти капитана въ совершеннѣйшей неопытности относительно всѣхъ дѣлъ на свѣтѣ, кромѣ вѣтра и погоды, въ простотѣ, легковѣрїи и великодушномъ упованіи на судьбу. Вся его натура, казалось, была олицетвореніемъ надежды и любви. Станный родъ мечтательности и романтизма, не имѣвшаго никакого отношенія къ дѣйствительному міру и не подлежащаго никакимъ расчетамъ мірскаго благоразумія и житей-

ской опытности, составляли рѣзкую отличительную черту въ его младенческомъ характерѣ. Когда онъ такимъ образомъ сидѣлъ и курилъ, и смотрѣлъ на Флоренсу, Аллахъ вѣдаетъ, какія фантастическія картины, гдѣ на первомъ планѣ всегда стояла она, проносились передъ его умственнымъ взоромъ. Столь же неопредѣленны, хотя не такъ рѣшительны и пылки, были собственныя мысли Флоренсы о своей будущей судьбѣ, и даже, когда въ глазахъ ея преломлялись призматическіе лучи свѣта, на который она смотрѣла черезъ свою тяжелую печаль, она уже видѣла прекрасную радугу, ярко засіявшую на отдаленномъ горизонтѣ. Странствующая принцесса и верзила-богатырь волшебной сказки могли, такимъ образомъ, сидѣть рука объ руку передъ каминомъ и разговаривать между собой точь въ точь, какъ бѣдная Флоренса и храбрый капитанъ разсуждали втихомолку; разница между двумя парами была бы вовсе не велика.

Капитанъ ни мало не смущался мыслью о трудности держать у себя молодую дѣвушку или объ отвѣтственности за ея судьбу. Заколотивъ ставни и заперевъ дверь, онъ успокоился на этотъ счетъ совершеннѣйшимъ образомъ. Будь она, пожалуй, подъ опекою сиротскаго суда, это отнюдь не составило бы никакой разницы для капитана. Онъ былъ послѣднимъ человѣкомъ въ подлунномъ мірѣ, способнымъ потревожиться отъ подобныхъ соображеній.

Такимъ образомъ, капитанъ курилъ трубку съ восточнымъ комфортомъ и вмѣстѣ съ Флоренсой размышлялъ... но о чемъ размышляли капитанъ и Флоренса, – это не подлежитъ анализу нескромнаго пера. Послѣ трубки они принялись за чай, и тогда Флоренса попросила своего друга проводить ее въ ближайшій магазинъ для покупки вещей, безъ которыхъ ей нельзя было обойтись. Капитанъ согласился, потому что было совершенно темно; но напередъ онъ тщательно обозрѣлъ окрестности, какъ дѣлывалъ во времена ожидаемыхъ нападений отъ м-сь Макъ Стингеръ, и вооружился своей огромной иалкой, чтобы имѣть возможность защищаться въ случаѣ какого-нибудь непредвидѣннаго обстоятельства.

Гордость капитана была необычайна, когда онъ велъ за руку Флоренсу, провожая ее на разстояніи двухъ или трехъ сотъ шаговъ до магазина; онъ смотрѣлъ во всѣ глаза и озирался по всѣмъ направленіямъ, обращая на себя вниманіе прохожихъ, которые невольно останавливались, чтобы полюбоваться на эту сгранную фигуру. Прибывши въ магазинъ, капитанъ, по чувству деликатности, счелъ за нужное удалиться во время самыхъ покупокъ, такъ какъ онѣ состояли изъ разныхъ принадлежностей женскаго туалета; но онъ предварительно поставилъ на прилавокъ свою жестяную чайницу и объявилъ содержательницѣ магазина, что тамъ было четырнадцать фунтовъ и два шиллинга.

– Этого, быть можетъ, – сказалъ онъ, обращаясь къ мадамъ, – хватить на обмундировку моей маленькой п_л_е_м_я_н_н_и_ц_ы; а если не хватить, вы потрудитесь только с_в_и_с_н_у_т_ь, и мы покончимъ расчеты.

При словѣ «племянница», онъ бросилъ на Флоренсу многозначительный взглядъ, сопровождаемый пантомимами, которымъ предназначалось выразить его непроницаемую таинственность. Посмотрѣвъ потомъ случайно на свои часы, – вѣрнѣйшее и хитро придуманное средство возбудить уваженіе къ своей особѣ – капитанъ поцѣловалъ свой крюкъ и, оставившись на улицѣ подлѣ магазиннаго окна поминутно выставлялъ свою огромную голову между лентъ и шляпокъ, обнаруживая очевидное опасеніе, какъ бы Флоренса не скрылась куда-нибудь черезъ заднюю дверь. Но черезъ нѣсколько минутъ Флоренса явилась передъ нимъ съ узломъ, котораго объемъ весьма неприятно озадачилъ капитана, такъ какъ онъ ожидалъ увидѣть огромный тюкъ закупленныхъ товаровъ и уже готовился нанять извозчика, чтобы тотъ взвалилъ его на свои плечи.

– Любезный капитанъ Куттль, – сказала Флоренса, – мнѣ не нужны были эти денги, я ихъ не истратила. У меня есть свои.

– Въ такомъ случаѣ, моя радость, – возразилъ капитанъ, опустивъ голову внизъ, – берегите ихъ для меня до той поры, какъ я попрошу.

– Могу ли я держать ихъ тамъ, гдѣ онѣ всегда лежали у васъ?

Капитану очень не понравилось такое предложение, однако, он отвѣчалъ:

– Кладите ихъ куда угодно, моя радость, только умѣйте отыскать, когда понадобится. Мнѣ онѣ совершенно не нужны, и я, право, никакъ не могу понять, какъ я ихъ не зашвырнулъ куда-нибудь до сихъ поръ.

На минуту капитанъ погруженъ былъ въ легкое уныніе, но онъ мгновенно оживился при первомъ прикосновеніи къ рукѣ Флоренсы, и они воротились домой съ тѣми же предосторожностями, здравы и невредимы. Отворивъ двери маленькаго мичмаиа, капитанъ нырнулъ въ нихъ съ такою чудною ловкостью, какая могла быть пріобрѣтена не иначе, какъ послѣ и вслѣдствіе продолжительнаго упражненія. Въ продолженіе утренняго отдыха Флоренсы, онъ успѣлъ сбѣгать на птичій рынокъ и уговорился съ дочерью пожилой леди, торговавшей курицами, чтобы она разъ въ день заходила въ магазинъ убирать комнату его прекрасной родственницы.

Передъ отходомъ ко сну, капитанъ упросилъ свою гостью скушать ломоть поджареннаго на маслѣ хлѣба и выпить рюмку накоричненаго глинтвейну, приготовленіе котораго было имъ доведено до послѣдней степни совершенства. Затѣмъ, напутствуя ее благословеніями и всевозможными цитатами изъ ветхаго и новаго завѣта, онъ повелъ ее наверхъ въ Соломонову спальню, но было на его лицѣ что-то тревожное и смутное, чего онъ никакъ не могъ скрыть.

– Прощайте, моя радость, – сказалъ капитанъ Куттль, останавливаясь на порогѣ ея комнаты.

Флоренса обратила свои губы къ его лицу и поцѣловала его.

Во всякое другое время капитанъ обезумѣлъ бы отъ такого доказательства признательности; но теперь онъ посмотрѣлъ на ея лицо съ какою-то загадочною неловкостью и, казалось, неохотно собирался ее оставить.

– Бѣдный Вальтеръ! – сказалъ капитанъ.

– Бѣдный, бѣдный Вальтеръ! – со вздохомъ повторила Флоренса.

– Утонулъ прекрасный юноша, не правда ли?

Флоренса покачала головой и вздохнула.

– Спокойной іючи, высокорожденная барышня-дѣвица! – воскликнулъ капитанъ, протягивая свою руку.

– Благослови васъ Богъ, мой добрый, несравненный другъ!

Но капитанъ еще медлил на порогѣ.

– Вы хотите сказать что-нибудь, любезный капитанъ Куттль?

– Сказать вамъ, высокорожденная барышня-дѣвица! Нѣтъ еще... то есть, мнѣ нечего говорить вамъ, моя радость. Вѣдь вы, конечно, не ждете услышать отъ меня добрыхъ вѣстей?...

– Нѣтъ!

Капитанъ посмотрѣлъ на нее съ видимымъ смущеніемъ и повторилъ: "нѣтъ!" Но онъ все еще стоялъ на порогѣ и не двигался съ мѣста.

– Бѣдный Вальтеръ! – воскликнулъ капитанъ. – Милый мой Вальтеръ, какъ я привыкъ тебя называть! Племянникъ старика Соломона Гильса! Милый и любезный для всѣхъ, какъ майскій цвѣтокъ! Куда ты умчался, куда отлетѣлъ, прекрасный, храбрый молодой человекъ! Вѣдь онъ утонулъ, моя радость, не правда ли?

Заклучивъ этотъ апострофъ стремительнымъ обращеніемъ къ Флоренсѣ, капитанъ пожелалъ ей спокойной ночи и пошелъ внизъ, между тѣмъ какъ Флоренса свѣтила ему сверху. Онъ уже совсѣмъ потерялся въ темнотѣ и, судя по звуку его удаляющихся шаговъ, былъ на поворотѣ въ маленькую гостиную, какъ вдругъ, его голова и плечи вынырнули опять какъ будто изъ воды съ очевиднымъ иамѣреніемъ повторить: "Утонулъ, бѣдняга, не правда ли"? И высказавъ эту сентенцію тономъ соболѣзнованія, онъ исчезъ.

Флоренса очень жалѣла, что она своимъ присутствіемъ противъ воли, хотя совершенно натуральнымъ образомъ, пробудила въ его душѣ эти печальныя воспоминанія. Занявъ мѣсто

передъ столикомъ, гдѣ заботливая капитанская рука разставила въ правильной симметріи телескопъ, пѣсенникъ и другія изящнѣйшія рѣдкости, она стала думать о Вальтерѣ и обо всемъ, что соеинялось съ нимъ въ прошедшей ея жизни, и эти думы занимали ее до поздней ночи. Но при этомъ тоскливомъ стремленіи къ покойнику, мысль о домѣ и возможности туда воротиться ни разу не приходила ей въ голову. Отцовскій домъ пересталъ существовать для ея воображенія. Она видѣла, что идеальный образъ, какимъ она въ послѣднее время представляла себѣ м-ра Домби, былъ теперь вырванъ изъ ея сердца. Одна мысль объ этомъ до того страшила ее, что она закрывала свои глаза и съ трепетомъ удаляла отъ себя воспоминанія о немъ. Если бы и теперь ея любящее сердце удержало еще этотъ образъ, онъ былъ бы разбитъ и уничтоженъ отъ одного представленія объ оскорбленіи ея нѣжнаго чувства.

Она не смѣла смотрѣться въ зеркало, ибо видъ багроваго пятна пугалъ ее. Она закрыла грудь трепетной рукой и еще разъ пролила горькія слезы, опустивъ свою голову на подушку.

Капитанъ долго не ложился въ постель. Болѣе часу ходилъ онъ взадъ и впередъ по маленькой гостиной и, настроивъ, наконецъ, свою душу къ важнымъ размышленіямъ, усѣлся за столъ съ задумчивымъ лицомъ, раскрылъ молитвенникъ и принялся читать "Панихиду по усопшимъ въ морской глубинѣ". Нелегко было ему управиться съ этимъ душеспасительнымъ упражненіемъ: вообще добрый капитанъ читалъ не очень бойко, и теперь, запинаясь слишкомъ часто на многосложныхъ словахъ, онъ время отъ времени поощрялъ себя возгласами въ родѣ слѣдующихъ: – "Ну, ну, держись крѣпче, любезный! Пошевеливайся, Эдуардъ Куттль!" – И этотъ способъ съ удивительнымъ успѣхомъ помогаль ему преодолевать встрѣчающіяся затрудненія, которыя осооенно увеличивались отъ огромныхъ очковъ, постоянно закрывавшихъ его ястребиные глаза. Какъ бы то ни было, однако капитанъ дочиталъ молитвы до послѣдней строки и преисполнился набожными чувствами. Проникнутый этимъ духомъ, онъ сходилъ нарерхъ, постоялъ у дверей Флоренсы и, наконецъ, устроивъ свою постель за прилавкомъ въ магазинѣ, сомкнулъ свои вѣжды и заснулъ кроткимъ сномъ благочестиваго моряка.

Но при всемъ томъ въ продолженіе ночи капитанъ еще нѣсколько разъ взбирался наверхъ и приставлялъ свои глаза къ замочной щели. Въ одну изъ такихъ экспедицій, совершенныхъ на разсвѣтѣ, Флоренса, услышавъ его шаги, спросила, онъ ли это былъ.

– Да, это я, моя радость, – отвѣчала капитанъ. – Все ли у васъ исправно, бриллиантъ мой драгоценный?

Флоренса поблагодарила его и отвѣчала: да!

При этой удобной оказіи капитанъ никакъ не могъ премиинуть, чюбы не повторить въ сотый разъ своего задушевнаго восклицанія: "Бѣдный Вальтеръ! утонулъ онъ, – не правда ли"? Послѣ чего онъ удалился и спокойно опочилъ на своемъ ложѣ до семи часовъ.

И весь этотъ день капитанъ никакъ не могъ освободиться отъ своей загадочной таинственности, несмотря на то, что Флоренса, занятая шитьемъ въ маленькой гостиной, была гораздо спокойнѣе, чѣмъ наканунѣ. Всякій разъ, подымая глаза отъ своей работы, она замѣчала, что капитанъ смотритъ на нее пристально и съ глубокомысленнымъ видомъ поглаживаетъ свой подбородокъ. Онъ придвигаль къ ней свой стулъ, намѣреваясь, какъ будто бы, начать откровенную бесѣду, и потомъ тотчасъ же отодвигаль его назадъ, не имѣя духу выполнить своего намѣренія, и крейсируя такимъ образомъ во весь день около маленькой гостиной, онъ не разъ наѣзжалъ на этомъ утломъ челнокѣ на панельную обшивку или на дверь кладовой, и это, казалось, приводило его въ совершенное отчаяніе.

До самыхъ сумерекъ капитанъ, утвердившійся, наконецъ, на якорѣ, подлѣ Флоренсы, никакъ не мотъ начать связнаго разговора. Но когда каминный огонь заиграль на стѣнахъ и потолкѣ маленькой гостиной, озаривъ въ то же время своимъ блескомъ чайныя ложечки и чашки, расположенныя на столѣ, и освѣтивъ плачущее лицо Флоренсы, капитанъ прерваль продолжительное молчаніе такимъ образомъ:

– Вы никогда не были на морѣ, моя радость?

– Нѣтъ, – отвѣчала Флоренса.

– Да, – началъ капитанъ, проникнутый великимъ благоговѣніемъ къ важности предмета, – это всемогущій элементъ. Тамъ чудеса, моя радость, дивныя чудеса! Подумайте только, когда вѣтры бушуютъ, и волны ревуть, когда бурная ночь чернѣетъ, какъ смола, и вы не видите передъ собой собствеинной руки, развѣ только сверкнетъ молнія изъ-за тучи, и вотъ, невидимая сила гонитъ васъ впередъ черезъ бурю и черезъ мглу, впередъ, впередъ, стремглавъ гонитъ на тотъ край свѣта, безъ предѣловъ и конца, во вѣки вѣковъ, аминь. Пріискать въ книгѣ Іова и положить закладку. Вотъ что въ эти времена, моя красавица, человѣкъ можетъ сказать своему ближнему: "Ну, Джонъ, держи ухо остро, поднимается нордъ-вестъ! Слышишь, какъ забушевалъ! Силы небесныя! Что-то теперь сганется съ несчастнымъ народомъ, который на берегу? Госноди, спаси ихъ и помилуй!"

И эту цитату, приспособленную съ такимъ совершенствомъ къ ужасамъ океана, капитанъ завершилъ энергичнымъ и звучнымъ восклицаніемъ: "Держись крѣпче, Эдуардъ Куттль!"

– Вы видѣли когда-нибудь такую страшную бурю? – спросила Флоренса.

– Да, моя радость, много страшныхъ бурь испыталь я на своемъ вѣку; но теперь не обо мнѣ рѣчь. Я вотъ все думаю о нашемъ прекрасномъ юношѣ. – Тутъ онъ пододвинулъ къ ней свой стулъ. – Какъ вы полагаете, мое сокровище, вѣдь утонулъ нашъ бѣдный Вальтеръ?

Капитанъ началъ говорить такимъ дрожащимъ голосомъ и обратилъ на Флоренсу такое блѣдное и взволнованное лицо, что она въ испугѣ схватилась за его руку.

– Что съ вами, любезный мой другъ? – вскричала Флоренса. – Вы совершенно вдругъ перемѣнились! Любезный капитанъ Куттль, мнѣ становится страшно на васъ смотрѣть!

– Ничего, моя радость, ничего! Не робѣйте только и держите головку противъ вѣтра. Все обстоитъ благополучно, изумрудъ мой драгоценный. Ну, такъ вотъ я началъ говорить о Вальтерѣ, – онъ вѣдь... то есть, я хочу сказать, вѣдь онъ утонулъ? Да или нѣтъ?

Флоренса устремила на него пристальный взглядъ. Ея щеки то блѣднѣли, то рдѣлись яркимъ румянцемъ, и она положила свою руку на грудь.

– Много бѣдъ и опасностей на широкомъ морѣ, моя красавица, – продолжалъ капитанъ, – и только Богу извѣстно, сколько храбрыхъ кораблей и храбрыхъ моряковъ потонуло въ глубокой безднѣ! и сгинули они со свѣту бѣлаго, и никто не слыхалъ о нихъ ни единого слова! Но бывають, моя радость, такіе случаи, что иной разъ спасается, по благодати Божіей, одинъ человѣкъ изъ двадцати – что изъ двадцати? случается, изъ цѣлой сотни, изъ тысячи одинъ только человѣкъ выплываетъ на бѣлый свѣтъ и возвращается домой къ своимъ друзьямъ, здоровъ и невредимъ, между тѣмъ, какъ всѣ считали его погибшимъ и уже молились за упокой его души. Вотъ я... я знаю одну исторію въ этомъ родѣ... то есть, мнѣ рассказывали одну такую исторію, и ужъ такъ какъ мы лавируемъ теперь около этого мѣста... притомъ вы и я сидимъ передъ каминомъ, – то, можетъ, вамъ пріятно будетъ услышать эту исторію. Рассказать?

Флоренса трепетала отъ ужаснаго волненія, котораго не въ силахъ была ни понять, ни преодолѣть, и невольно слѣдила за его глазами, которые обращались къ магазину, гдѣ горѣла лампа. Въ ту минуту, какъ она поворотила туда голову, капитанъ вскочилъ со стула и заслонилъ собою дверь.

– Тамъ ничего нѣтъ, мое сокровище, – сказалъ капитанъ. – Не смотрите туда!

– Отчего не смотрѣть? – спросила Флоренса.

Капитанъ пробормоталъ что-то насчетъ темноты, господствовавшей въ магазинѣ, и относительно того, что передъ каминомъ очень весело. Онъ притворилъ дверь, которая до той поры была отворена совсѣмъ, и занялъ свое мѣсто. Флоренса постоянно слѣдила теперь за его взоромъ и не спускала глазъ съ его лица.

– Такъ вотъ видите ли, въ чемъ исторія. Одинъ корабль отвалилъ недавно изъ лондонской гавани при попутномъ вѣтрѣ и чудесной погодѣ, – да не робѣйте, моя радость, что съ вами? – Корабль отчалилъ только за границу, и больше ничего.

Выраженіе на лицѣ Флоренсы ужасно растревожило капитана, который и безъ того былъ почти такъ же взволнованъ, какъ и она.

– Что же? Рассказывать или нѣтъ?

– Да, да, сдѣлайте милость!

Капитанъ откашлялся, вытеръ лобъ и мродолжалъ съ нервнымъ раздраженіемъ:

– И вотъ этотъ несчастный корабль былъ достигнуть черезъ нѣсколько дней такую дурною погодой, какая случается только разъ въ двадцать лѣтъ, моя радость, не болѣе. На берегу ураганы съ корнемъ вырывали лѣса, сдували цѣлые города, и были на морѣ въ тѣхъ широтахъ такіе вѣтры, что ни одинъ корабль, даже самый крѣпкій, не могъ устоять противъ нихъ. Нѣсколько сутокъ, говорили мнѣ, несчастный корабль велъ себя отлично, исполнялъ свою должность храбро, моя радость; но при одномъ ударѣ почти всѣ его болверки были сбиты, руль и мачты сорваны, лучшіе матросы выброшены черезъ бортъ, и онъ былъ оставленъ на произволь ураіана, который между тѣмъ часъ отъ часу злился все сильнѣе и сильнѣе, вздымая волны огромными горами, вертѣвшимися и разбивавшимися этотъ несчастный корабль, какъ хрупкую раковину. Каждое черное пятно въ этихъ водяныхъ горахъ было обломкомъ корабля или живого человѣка, и вотъ, моя радость, погибъ весь экипажъ, разбился вдребезги несчастный корабль, и никогда не покроются зеленой муравой могилы людей, перелетѣвшихъ черезъ бортъ въ пучины глубокаго моря.

– Они не всѣ погибли! – вскричала Флоренса, – кто-нибудь спасся? Кто же это?

– На борту этого несчастнаго корабля, – продолжалъ капитанъ, вставая со стула и дѣлая рукою энергическіе жесты, былъ одинъ юноша, прекрасный юноша, – такъ мнѣ рассказывали, – который въ своемъ дѣтствѣ любилъ читать и разговаривать о храбрыхъ подвигахъ во время кораблекрушеній – я слышалъ его, о! сколько разъ я его слышалъ! – И вотъ онъ припомнилъ эти подвиги въ свой роковой часъ, и въ ту пору, какъ самая дюжія головы, самые старые и опытные моряки оробѣли, потерявъ присутствіе духа, онъ, то есть, этотъ прекрасный юноша, пребылъ твердъ и веселъ. Не потому остался онъ веселымъ, что некого ему было жалѣть и любить на сухомъ пути, а потому, что онъ родился на свѣтъ такимъ веселымъ. Какъ сейчасъ смотрю на его лицо, когда былъ онъ только что ребенкомъ... ахъ, что это былъ за ребенокъ! Благослови его Богъ!

– И онъ спасся! – вскричала Флоренса. – Спасся ли? говорите, говорите!

– Этотъ храбрый парень... – сказалъ каписганъ – Да смотрите на меня прямѣе! Не заглядывайте туда...

Флоренса едва имѣла силу повторить – отчего же?

– Оттого, что тамъ ничего нѣтъ, моя радость, – сказалъ капитанъ. – Не робѣйте и держите голову противъ вѣтра, – все пойдетъ хорошо. Будьте тверды Вальтера ради, котораго мы всѣ такъ любимъ. – Долго этотъ парень работалъ изо всѣхъ силъ наравнѣ съ самыми лучшими мореходцами, и весь экипажъ слушался его, какъ адмирала, потому что онъ одинъ только не боялся ничего и не произносилъ никакихъ жалобъ; но, наконецъ, настало время, когда не было уже никакой работы, и вотъ они, то есть, этотъ прекрасный юноша, да помощникъ капитана, да еще одинъ матросъ – они только и оставались еще въ живыхъ изъ всего экипажа – привязали себя къ корабельному обломку и понеслись по волнамъ глубокаго моря.

– Они спаслись! – вскричала Флоренса.

– Дни и ночи носились они по этимъ безконечнымъ водамъ, пока, наконецъ... ахъ, да не смотрите же туда, изумрудъ мой драгоценный! Тамъ рѣшительно ничего нѣтъ! – пока, наконецъ, не наѣхалъ на нихъ одинъ корабль и не принялъ ихъ на бортъ: двое еще дышали, а одинъ былъ мертвый.

– Который?... – воскликнула Флоренса.

– Не тотъ прекрасный юноша, о комъ моя рѣчь.

– О, слава Богу! слава Богу!

– Аминь! – возразилъ капитанъ. – Не робѣйте, моя радость, и держитесь крѣпче! Еще съ минуту, не больше. – На этомъ кораблѣ они совершили длинное путешествіе, чуть ли не по всему протяженію карты, и во время этого путешествія матросъ умеръ, а тотъ молодой человѣкъ остался въ живыхъ и...

Не зная самъ, что дѣлаетъ, капитанъ Куттль воткнулъ на оконечность своего кржа кусокъ булки и, приставивъ его къ огню, безпрестанно началъ оглядываться на Флоренсу съ величайшимъ волненіемъ на лицѣ. Булка горѣла вмѣсто топлива.

– Остался въ живыхъ, и? ... – повторила Флоренса.

– И воротился на родину на томъ же кораблѣ и... не робѣйте, моя радость... и вышелъ на берегъ, и въ одно утро тихонько подоигель къ дверямъ своего дома, чтобы сдѣлать наблюденіе надъ своими друзьями, которые считали его потонувшимъ, какъ, вдругъ, онъ отвалилъ опять, когда неожиданно...

– Неожиданно залаяла собака? – добавила Флоренса съ живосгью.

– Да, – проревѣлъ капитанъ. – Держись крѣпче! Смѣлуй! Не оглядывайтесь покамѣстъ – смотрите вотъ сюда: на стѣну!

На стѣнѣ подлѣ нея обрисовалась тѣнь человѣка. Флоренса отскочила, оглянулась и испустила пронзительный крикъ: позади нея стоялъ Вальтеръ Гэй!

Ея братъ вышелъ изъ-за могилы! ея братъ спасся отъ кораблекрушенія и явился къ ней, своей сестрѣ! Флоренса бросилась въ объятія Вальтера Гэя. Въ немъ одномъ, казалось, сосредоточились всѣ ея надежды, и онъ былъ для нея естественнымъ покровителемъ. – "Помни Вальтера, милый папа, я любилъ Вальтера"! – Воспоминаніе о жалобномъ умоляющемъ голоскѣ, произносившемъ эти слова, отзывалось въ ея душѣ, какъ музыка среди ночной тишины. – "О, да будетъ благословенно возвращеніе твое, милый Вальтеръ, для этой пораженной груди!" – Она чувствовала эти слова, хотя не могла произнести ихъ, и держала милаго брата въ своихъ чистыхъ объятіяхъ.

Капитанъ, въ припадкѣ умственного бреда, попробоваль обтереть свой лобъ почернѣвшимъ кускомъ булки, все еще прищипленнымъ къ его крюку; но находя, что субстанція этого сорта не совсѣмъ соотвѣтствовала такой цѣли, положилъ ее въ тулью своей лощеюй шляпы, которую и надѣлъ не безъ нѣкотораго затрудненія на свою голову, чтобы тѣмъ удобнѣе пропѣть извѣстную балладу о похожденияхъ любезной Пегги; но концертъ, съ первой ноты, потянулся очень дурно, и бѣдный музыкантъ удалился въ магазинъ, откуда опять воротился черезъ нѣсколько минутъ съ испачканнымъ лицомъ и совсѣмъ измятымъ воротникомъ рубашки, какъ будто ея вовсе и не крахмалили. Затѣмъ онъ произнесъ съ нѣкоторою торжественностью слѣдующія слова:

– Любезнѣйшій Вальтеръ, здѣсь хранится собственность, которую я желалъ бы вручить вамъ обоимъ!

Капитанъ поспѣшно вынулъ свои большіе часы, чайныя ложки, сахарные щипчики, жестяную чайницу и, схвативъ Вальтерову шляпу, размѣстилъ въ ней всѣ эти статьи накопленнаго имущества; но вручая Вальтеру этотъ странный ящикъ, онъ до того переполнился сильными ощущеніями, что опрометью бросился опять въ магазинъ въ намѣреніи на этотъ разъ пробыть тамъ какъ можно долѣе.

Но Вальтеръ отыскалъ его и привелъ назадъ, и теперь вся заботливость капитана обратилась на Флоренсу, чтобы ея здоровье не потерпѣло отъ сильныхъ потрясеній. Это обстоятельство онъ до того принялъ къ сердцу, что сдѣлался совершенно благоразумнымъ и запретилъ на нѣсколько дней всякіе дальнѣйшіе намеки на приключенія Вальтера. Послѣ этого капитанъ нашель въ себѣ довольно присутствія духа, чтобы освободить свою шляпу отъ зажаренаго хлѣба и занять мѣсто за чайнымъ столикомъ; но когда Вальтеръ облокотился на его плечо съ одной стороны, между тѣмъ, какъ Флоренса со слезами нашептывала ему благодарныя при-

вѣтствія, съ другой, капитанъ вдругъ опять вышмыгнулъ изъ гостиной и пропадалъ больше десяти минутъ.

Но никогда во всю жизнь лицо капитана не сіяло такимъ лучезарнымъ блескомъ, какъ теперь, когда онъ, наконецъ, съ рѣшительнымъ видомъ усѣлся за столъ и началъ переводить свои глаза то съ Вальтера на Флоренсу, то съ Флоренсы на Вальтера. И этотъ эффектъ отнюдь не былъ произведенъ или увеличенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣдніе полчаса капитанъ съ неутомимою дѣятельностью полировалъ свои щеки и глаза рукавами своего камзола; напротивъ, это было исключительно дѣйствіемъ его внутреннихъ волненій. Слава и восторгъ распространялись по всему существу капитана, и на его лицѣ была самая торжественная иллюминація.

Гордость, съ какою капитанъ смотрѣлъ на бронзовыя щеки и мужественные глаза обрѣтеннаго юноши, съ какою видѣлъ благородный пламень его юности и всѣ блистательныя качества, засіявшія еще разъ на его свѣжемъ, здоровомъ и пылкомъ лицѣ, – эта гордость, казалось, проникала живительными лучами въ его собственный организмъ. Удивленіе и симпатія, съ какими онъ поворачивалъ свои глаза на Флоренсу, которой красота, граціозность и невинность приобрѣли въ немъ вѣрнѣйшаго и усерднѣйшаго изъ всевозможныхъ рыцарей, могли бы въ этомъ отношеніи оказать на него равносильное вліяніе; но полнота пламени, распространявшагося вокругъ него, могла только возникнуть отъ созерцанія ихъ обоихъ и отъ всѣхъ тѣхъ образовъ, которые, происходя отъ этой совокупности, создались въ его головѣ.

Когда они разговаривали о старикѣ Соломонѣ и припоминали обстоятельства, относившія къ его исчезновенію, какъ ихъ радость умѣрялась отсутствіемъ старика и несчастіями Флоренсы, какъ они освободили Діогена, котораго капитанъ незадолго передъ этимъ заманилъ наверхъ, чтобъ онъ не залаялъ, – всѣ эти и другія болѣе или менѣе важныя матеріи капитанъ понималъ въ совершенствѣ, несмотря на свою безмѣрную суетливость, заставлявшую его поминутно выскакивать въ магазинъ, но онъ не догадывался и не могъ бы догадаться въ тысячу лѣтъ, что Вальтеръ смотритъ на Флоренсу, какъ будто издалека и съ какого-то новаго мѣста, и что его глаза, постоянно обращенные на ея лицо, не смѣли, однако, встрѣтиться съ ея открытымъ взоромъ сестринской любви. Все это превышало понятія капитана Куттля. Онъ видѣлъ только, что они молоды и прекрасны, онъ зналъ исторію ихъ прежнихъ дней, и не было въ его сердцѣ ни малѣйшаго мѣста для другихъ чувствъ, кромѣ безпредѣльнаго удивленія и умиленной благодарности, что вотъ, наконецъ, Господь Богъ соединилъ опять прекрасную чету. Такъ сидѣли они вмѣстѣ до глубокой ночи. Капитанъ не отказался бы просидѣть такимъ образомъ цѣлую недѣлю. Но Вальтеръ всталъ и началъ прощаться.

– Ты идешь, Вальтеръ, – сказала Флоренса, – куда же?

– Онъ вѣшаетъ теперь свою койку у Брогли, высокорожденная барышня-дѣвица, – сказала капитанъ Куттль, – недалеко отсюда, стоитъ только свистнуть, моя радость!

– Неужели я причиной твоего ухода, милый Вальтеръ? Бездомная сестра остается на твоёмъ мѣстѣ.

– Милая миссъ Домби, – сказалъ Вальтеръ запинаясь, – если не слишкомъ дерзко называть васъ этимъ...

– Вальтеръ!! – воскликнула бна съ необыкновеннымъ изумленіемъ.

– Я видѣлъ васъ, я имѣлъ наслажденіе говорить съ вами: что теперь можетъ меня болѣе осчастливить, какъ не мысль о возможности оказать вамъ какую-нибудь услугу? О, куда я не пойду, чего я не готовъ сдѣлать ради васъ, милая миссъ Домби!

Она улыбнулась и назвала его братомъ.

– Вы такъ перемѣнились! – сказалъ Вальтеръ.

– Я перемѣнилась?

– Для меня... – сказалъ Вальтеръ тихимъ голосомъ, какъ будто размышляя съ собою вслухъ, – перемѣнились для меня. Я оставилъ васъ ребенкомъ, а теперь... о! теперь вы...

– Теперь, какъ и тогда, я твоя сестра, любезный Вальтеръ. Развѣ ты забылъ, какія обѣщанія другъ другу мы дѣлали передъ прощаньемъ?

– Забылъ?!

Больше онъ ничего не могъ проговорить.

– И если бы точно ты забылъ, милый Вальтеръ, если бы несчастья и опасности удалили ихъ изъ твоихъ мыслей, ты бы долженъ былъ вспомнить ихъ теперь, когда находишь меня бѣдною, отверженною, безпріютною, не имѣющею на свѣтѣ друзей, кромѣ тѣхъ, съ которыми говорю!

– О, я помню, Богъ видитъ, какъ я помню каждое ваше слово!

– Вальтеръ! – воскликнула Флоренса сквозь слезы и рыданія, – милый братецъ! отыщи для меня на этомъ свѣтѣ какую-нибудь тропинку, по которой я могла бы идти одна, и работать, и трудиться, и думать иногда о тебѣ, какъ о единственномъ человѣкѣ, который мнѣ покровительствуетъ и защищаетъ, какъ сестру! О, помоги мнѣ, милый Вальтеръ, мнѣ такъ нужна твоя помощь!

– Миссъ Домби! Флоренса! Я готовъ умереть, чтобы оказать вамъ всякую помощь. Но родственники ваши горды и богаты. Вашъ отецъ...

– Нѣтъ, нѣтъ, Вальтеръ! Не произноси этого слова... никогда, никогда!

И говоря это, она обхватила руками свою голову съ такимъ отчаяннымъ выраженіемъ ужаса, который оцѣпенилъ на мѣстѣ молодого человѣка. Съ этого часа онъ никогда не забывалъ голоса и взора, какими онъ былъ остановленъ при имени ея отца. Онъ почувствовалъ, что не забылъ бы этого во сто лѣтъ своей жизни.

Куда-нибудь и какъ-нибудь, только не домой! Все прошло, все кончено, все потеряно, разорвано, прекращено! Вся исторія ея страданія заключалась въ этомъ взорѣ и крикѣ, и онъ почувствовалъ, что не въ состояніи забыть ихъ иблую вѣчность!

Положивъ свое нѣжное лицо на плечо капитана, Флоренса рассказала, какъ и почему она бѣжала изъ родительскаго дома. "Если бы каждая горькая слеза, пролитая при этомъ разказѣ, падала на того, кого она не называла, это было бы лучше для него", – думалъ Вальтеръ, пораженный паническимъ страхомъ, – "нежели потеря такой сильной, могущественной любви". Капитанъ между тѣмъ, ошеломленный до послѣдней степени, выразилъ свое изумленіе тѣмъ, что разинулъ ротъ и скривилъ, безъ всякой деликатности, свою лощеную шляпу.

– Налѣво кругомъ, ребята! – сказалъ онъ, наконецъ, сдѣлавъ крюкомъ энергичный жестъ, – баста! Отваливай, Вальтеръ, въ свою каюту и оставь красавицу на мои руки!

Вальтеръ взялъ въ обѣ руки ея маленькую ручку, поднесъ къ своимъ губамъ и поцѣловалъ. Теперь онъ зналъ, что она дѣйствительно была безпріютной, скитающейся сиротой; но никакіе милліоны не сдѣлали бы ее достойнѣ въ его глазахъ. При всемъ томъ, миссъ Флоренса Домби, на высотѣ своего прежняго величія казалась ему болѣе доступною, чѣмъ теперь, въ своемъ настоящемъ положеніи.

Капитанъ, не смущаемый такими помышленіями, проводилъ Флоренсу въ ея комнату и расположился стоять за дверьми на часахъ до тѣхъ поръ, пока его радость не устроитъ приличнымъ образомъ всего необходимаго для грядущаго сна. Оставляя, наконецъ, свой сторожевой постъ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи приставить глаза къ замочной щели и проговорить: "Утонулъ онъ, не правда ли"? Затѣмъ, спускаясь съ лѣстницы, онъ попытался пропѣть куплетецъ изъ любезной Пегги, но весьма и весьма неудачно, какъ будто въ его горлѣ застряла корка поджареннаго хлѣба. Несмотря на такую неудачу, онъ благополучно добрался до маленькой гостиной и, опочивъ на своемъ ложѣ, видѣлъ во снѣ, что будто старикъ Гильсъ женился на м-съ Макъ Стингеръ, и что будто эта леди держитъ его въ секретной комнатѣ подъ замкомъ, на хлѣбѣ и водѣ.

Глава I Жалоба мистера Тутса

Была вверху у деревяннаго мичмана порожняя комната, прежняя спальня Вальтера Гэя. Вставши рано поутру, молодой человекъ предложилъ капитану, что не мѣшало бы перенести туда лучшую мебель изъ маленькой гостиной, на тотъ конецъ, чтобы Флоренса могла распорядиться этой комнатою немедленно послѣ своего пробужденія. Капитанъ, само собою разумѣется, тотчасъ же принялся за дѣло, съ ревностью и усердіемъ испытаннаго морехода, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ чердачекъ часа въ два превратился въ сухопутную каюту, украшенную превосходнѣйшими движимостями изъ гостиной со включеніемъ даже фрегата «Тартаръ», повѣшеннаго надъ каминомъ къ невыразимому наслажденію капитана, который минутъ тридцать сряду только и дѣлалъ, что оглядывался назадъ и любовался этимъ изящнѣйшимъ произведеніемъ творческой фантазіи художника мариниста.

Напрасно молодой человекъ, вооруженный всѣми запасами краснорѣчія, убѣждалъ капитана завести свои большіе часы, взять назадъ жестяную чайницу или прикоснуться къ сахарнымъ щипчикамъ и чайнымъ ложечкамъ. Единственный, неизмѣнный отвѣтъ капитана былъ такого рода:

– Нѣтъ, дружище, нѣтъ; это имущество передано вамъ обоимъ, в_к_у_п_ѣ. Баста!

Эти слова онъ повторялъ съ энергической разстановкой, очевидно полагая, что въ нихъ заключалась сила парламентскаго акта, и никакой судейскій крючекъ не отыскалъ бы ошибки въ такой юридической передачѣ, совершенной по всѣмъ формуламъ закона.

Очевидная выгода новаго распоряженія заключалась въ томъ, во-первыхъ, что Флоренса могла наслаждаться большимъ комфортомъ въ этомъ уединенномъ пріютѣ, а потомъ – и это пунктъ очень важный – мичманъ получалъ возможность занять свой обыкновенный наблюдательный постъ, и наконецъ – предстояла при этомъ настоятельная нужда отодвинуть ставни отъ дверей и отъ оконъ. Послѣдняя церемонія была далеко не такъ излишня, какъ разсуждалъ добрый капитанъ: задвинутые въ магазинъ ставни уже произвели наканунѣ этого дня значительное волненіе въ сосѣднихъ жителяхъ, и обитель инструментальнаго мастера удостоилась въ нѣкоторомъ родѣ публичной наблюдательности, представителями которой были цѣлыя толпы голодныхъ зѣвакъ, неутомимо глазѣвшихъ съ противоположной стороны отъ восхода солнечнаго до заката. Праздношатающіеся бродяги особенно интересовались судьбою самого капитана, и нѣкоторые изъ нихъ ежеминутно барахтались въ пыли подъ окнами магазина, выпяливая глаза на погребную рѣшетку и услаждая свое воображеніе фантастической перспективой увидѣть въ темномъ углу капитанскія ноги, болтающіяся на воздухѣ, между тѣмъ, какъ другая шайка этихъ рыцарей настоятельно утверждала, что капитанъ задалъ себѣ карачунъ кистенемъ по виску и лежалъ ничкомъ на лѣстничныхъ ступенькахъ. При такомъ настроеніи всѣ эти господа были очень непріятно изумлены, когда предметъ ихъ проницательныхъ догадокъ и соображеній явился на другой день у дверей магазина здоровымъ и невредимымъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Сержантъ этого участка, человекъ вообще весьма самолюбивый, уже горѣвшій усердіемъ разломать двери и донести обо всемъ подробно высшему начальству, говорилъ теперь съ важнымъ и таинственнымъ видомъ, что этой лощеной шляпѣ не усидѣть на башкѣ, что онъ знаетъ впередъ, какъ за это дѣло взяться, – но за какое дѣло, полисменъ не объяснялъ, и его тайна долженствовала до времени храниться во мракѣ неизвѣстности.

Окончивъ хлопотливую работу этого утра, капитанъ и Вальтеръ Гэй безмолвно стояли у дверей магазина. Молодой человекъ поводилъ глазами вдоль улицы на знакомые предметы, и на лицѣ его рисовалась глубокая дума.

– И во все это время, капитанъ, рѣшительно ничего о дядѣ Солѣ? – началъ Вальтеръ.

– Рѣшительно ничего, мой другъ, – отвѣчалъ капитанъ, покачавъ головой.

– Отправился искать меня, почтенный, добрый старичекъ, и какъ въ воду кануль!.. Да какъ же это? Въ пакетъ, который теперь въ моихъ рукахъ, онъ въ самомъ дѣлѣ говоритъ, что ежели вы не услышите о немъ прежде вскрытія этой бумаги, то можете считать его умершимъ.

Говоря это молодой человѣкъ энергично сжималъ пакетъ, распечатанный въ присутствіи высокоумнаго Бенсби.

– Господи помилуй! – продолжалъ онъ съ одушевленіемъ. – Да вы все равно услышали бы объ немъ, если бы даже онъ умеръ! Кто-нибудь, по его желанію, непременно бы написалъ къ вамъ, что вотъ въ такой-то день и въ такой-то часъ скончался въ моемъ домѣ, подъ моимъ надзоромъ нѣкто Соломонъ Гильсъ изъ Лондона, оставившій сіе послѣднее воспоминаніе, или сію послѣднюю просьбу, или – что-нибудь въ этомъ родѣ.

Никогда до этой минуты капитанъ не взбирался на такую высоту вѣроятныхъ расчетовъ, и теперь онъ былъ глубоко пораженъ перспективой блистательной догадки молодого друга. Онъ глубокомысленно покачалъ головой и отвѣчалъ такимъ образомъ:

– Хорошо сказано, мой другъ, очень, очень хор-рошо сказано!

– Я думалъ и передумывалъ объ этомъ во всю бессонную ночь, – продолжалъ Вальтеръ съ большимъ одушевленіемъ, – и признаюсь, теперь я почти совершенно убѣжденъ, что дядя Соль – благослови его Богъ – еще живъ и воротится домой. Сказать правду, меня отнюдь не изумляетъ его внезапный отъѣздъ, когда, съ одной стороны, принимаю въ расчетъ страсть къ чудесному, какъ основную, преобладающую черту въ его характерѣ, а съ другой – его необыкновенную привязанность ко мнѣ, передъ которой уничтожились всѣ другія отношенія его жизни – кому знать объ этомъ лучше, какъ не мнѣ, который видѣлъ въ немъ нѣжнѣйшаго изъ отцовъ!..

Здѣсь голосъ Вальтера, чистый и громкій, понизился на цѣлую октаву, и глаза его безсознательно обратились на ближайшіе предметы.

– Къ тому же, – продолжалъ Вальтеръ, – не разъ я слышалъ и читалъ, какъ нѣкоторыя особы, простившись съ родственниками или милыми сердцу, которымъ грозило вѣроятное кораблекрушеніе на морѣ, отправлялись кочевать на ту часть морского берега, гдѣ рассчитывали скорѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, получить какія-нибудь вѣсти о пропавшемъ кораблѣ, или даже рѣшались иногда плыть вслѣдъ за кораблемъ къ той гавани, гдѣ ему назначено пристать. Мнѣ кажется, я и самъ поступилъ бы точно такъ же въ подобномъ случаѣ, и, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ другой кто на моемъ мѣстѣ. Но отчего дядя Соль не писалъ къ вамъ, когда намѣренія его на этотъ счетъ были такъ ясны, или какимъ образомъ онъ умеръ въ чужихъ краяхъ, и вы объ этомъ не узнали черезъ его повѣреннаго, – вотъ этого я никакъ не возьму въ толкъ.

Капитанъ основательно замѣтилъ, что этого не взялъ бы въ толкъ и самъ всевѣдущій Бенсби.

– Если бы дядя Соль былъ легкомысленный и вѣтренный молодой человѣкъ, способный попасть на удочку веселой компаніи, которая затащила бы его куда-нибудь въ питейный домъ съ тѣмъ, чтобы ободрать, какъ липку, и бросить среди дороги; или, если бы онъ былъ безпечный матросъ, высадившійся на берегъ съ третнымъ жалованьемъ въ карманѣ, – ну, тогда другое дѣло, я понималъ бы, какъ онъ могъ исчезнуть и не оставить по себѣ никакихъ слѣдовъ. Но такъ какъ всѣ эти предположенія отнюдь не идутъ къ степенному старичку, признаюсь, у меня нѣтъ охоты вѣрить этому безслѣдному исчезновенію. Пропалъ безъ вѣсти, да и только, – легко сказать!

– Что же, любезный другъ, какъ ты объ этомъ думаешь? – спросилъ капитанъ.

– Я не знаю, что объ этомъ думать, капитанъ Куттль. Увѣрены ли вы, что Соломонъ Гильсъ дѣйствительно никогда не писалъ? Точно ли нѣтъ въ этомъ никакого сомнѣнія?

– Если бы, любезный другъ, случилось напимѣръ такъ, что Соломонъ Гильсъ написалъ, – возразилъ капитанъ тономъ судейской аргументаціи, – то гдѣ же была бы его депеша?

– Онъ могъ отдать письмо постороннему лицу, которое его забыло, спрятало, бросило или потеряло. Это предположеніе въ моихъ глазахъ вѣроятнѣе всякаго другаго. Словомъ, капитанъ Куттль, я не могу и не хочу допустить мысли, чтобы дядя Соль дѣйствительно и навсегда пропалъ безъ вѣсти.

– Это, мой другъ, видишь ли ты, называется надеждой, – сказалъ капитанъ назидательнымъ и вмѣстѣ ученымъ тономъ, – надежда, любезный, великое дѣло, и она-то одушевляетъ теперь твое сердце. Надежда, то есть, я хочу сказать, великая надежда была, есть и будетъ не что иное, какъ поплавокъ – справиться объ этомъ въ маленькомъ пѣсенникѣ, сентиментальный отдѣлъ, страница... – но ты найдешь безъ труда и положишь закладку. Только поплавокъ этотъ, любезный другъ, колышется себѣ поверхъ волны и нигдѣ не можетъ остановиться. При надеждѣ, какъ ты знаешь, всегда бываетъ якорь, но что теперь въ немъ толку, когда не сыщешь дна, куда его запустить?

Все это капитанъ говорилъ не то, чтобы отъ своего собственнаго лица, а скорѣе отъ имени гражданина и домовладѣльца, въ качествѣ котораго онъ считалъ своею обязанностью удѣлить частичку мудрости для неопытнаго юноши. Но въ самомъ дѣлѣ его лицо уже пылало благотворнымъ свѣтомъ надежды, заимствованнымъ отъ Вальтера, И онъ въ заключеніе назидательной рѣчи ударилъ своего пріятеля по спинѣ и воскликнулъ съ энтузіазмомъ.

– Ура, дружище! Я совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ!

Вальтеръ съ веселой улыбкой поспѣшилъ возвратитъ привѣтствіе и сказалъ:

– Еще одно слово объ этомъ предметѣ, капитанъ Куттль, Дядѣ Солю, я полагаю, нельзя было отослать письма обыкновеннымъ путемъ, на пакетботѣ напримѣръ, или на кораблѣ...

– Конечно, мой милый, конечно, – сказалъ капитанъ ободрительнымъ тономъ.

– И я полагаю еще, что вы какъ-нибудь проглазѣли это письмо, капитанъ Куттль.

– Господи помилуй! – воскликнулъ капитанъ, обративъ на молодого друга глаза съ выраженіемъ упрека, близкаго къ строгому выговору. – Развѣ я не ожидалъ и не искалъ извѣстій объ этомъ ученомъ мужѣ, старикѣ Соломонѣ, твоемъ дядѣ, денно и ночью съ той поры, какъ потерялъ его! Развѣ сердце мое переставало когда-нибудь биться о немъ и о тебѣ, любезный пріятель! Дома и внѣ дома, во снѣ и на яву, развѣ я не стоялъ неизмѣнно на своемъ посту съ этимъ молодымъ мичманомъ, представителемъ и хранителемъ вѣрныхъ моему надзору всѣхъ морскихъ инструментовъ! Господи Владыко!

– Успокойтесь, капитанъ Куттль, – возразилъ Вальтеръ, взявъ его руку, – я знаю, какъ много глубокой истины и чистосердечія во всемъ, что вы чувствуете и говорите. Я никогда въ васъ не сомнѣвался, точно такъ же, какъ вы теперь не сомнѣваетесь, что моя нога стоитъ у дверей моего родного пріюта, и что я имѣю счастье держать въ эту минуту вѣрнѣйшую руку въ мірѣ. Такъ ли, капитанъ Куттль?

– Такъ, мой милый, такъ, – отвѣчалъ капитанъ съ просіявшимъ лицомъ.

– Теперь конецъ моимъ догадкамъ, – сказалъ молодой человѣкъ, съ жаромъ пожимая неуклюжую руку капитана, который, въ свою очередь, дѣлалъ то же съ рукою Вальтера. – Мнѣ остается прибавить, что я ни за что въ свѣтѣ не прикоснусь къ имуществу моего дяди, капитанъ Куттль. Все, что онъ оставилъ здѣсь, останется подъ надзоромъ и подъ опекой вѣрнѣйшаго управителя и наилучшаго изъ людей; и если имя его не Куттль, то нѣтъ у него никакого имени! – Теперь, дорогой мой другъ, пару словъ насчетъ миссъ Домби.

Обращеніе молодого человѣка мгновенно измѣнилось, когда онъ дошелъ до этихъ двухъ словъ, произнесенныхъ уже далеко не съ той одушевленной искренностью, какая сопровождала его предшествовавшій разговоръ.

– Прежде чѣмъ миссъ Домби остановила меня, когда я заговорилъ вчера вечеромъ объ ей отцѣ, – вы помните, какъ она остановила?...

Капитанъ Куттль очень помнилъ.

– Такъ прежде этого я думалъ, что намъ предстояла трудная обязанность вступить въ сношенія съ ея родственниками и содѣйствовать ея благополучному возвращенію домой.

У капитана едва стало духу проговорить: "Баста!" или "Держись крѣпче", или что-то въ этомъ родѣ, приспособленное къ важности случая. Во всѣхъ чертахъ его лица отразилось самое болѣзненное отчаяніе.

– Но эта статья кончена, – продолжалъ Вальтеръ. – Я не думаю больше объ этомъ. Скорѣе соглашусь я опять носиться по бурному океану на корабельномъ обломкѣ и утонуть въ пучинѣ морской, чѣмъ позволить себѣ мысль о возвращеніи миссъ Домби къ ея родственникамъ.

– Ура, любезный другъ! – заревѣлъ капитанъ, доведенный до изступленнаго восторга. – Ур-ра! ур-ра! ур-ра!

– И неужели ей, – продолжалъ Вальтеръ, – молодой, прекрасной дѣвушкѣ, такъ нѣжно воспитанной и рожденной для такой завидной доли, суждено вступить въ мучительную борьбу съ этимъ безжалостнымъ свѣтомъ! Ужасно, ужасно! Но мы видѣли пропасть, отдѣлившую ее отъ прошедшей жизни, хотя еще и не знаемъ, какъ она глубока. Возвращеніе назадъ невозможно.

Капитанъ, не совсѣмъ понимая дѣло, одобрилъ мысль молодаго пріятеля и замѣтилъ ободрительнымъ тономъ, что вѣтеръ дуетъ попутный.

– Ей, конечно, нельзя здѣсь оставаться одной, – съ безпокойствомъ продолжалъ Вальтеръ, – какъ вы объ этомъ думаете, капитанъ Куттль?

– Я держусь того мнѣнія, – отвѣчалъ капитанъ, послѣ нѣкоторыхъ проникательныхъ соображеній, – что ей нехорошо оставаться здѣсь одной. Поэтому ужъ ты, любезный, перемѣстись сюда, чтобы вамъ обоимъ было...

– Какъ это можно, добрѣйшій капитанъ Куттль! – возразилъ Вальтеръ. – Миссъ Домби въ невинной простотѣ своего сердца считаетъ меня своимъ братомъ; но могу ли я по совѣсти позволить себѣ съ нею братскую фамильярность? Было бы низко съ моей стороны забыть настоящія отношенія между мною и миссъ Домби.

– Это что-то мудрено, мой другъ, – бормоталъ озадаченный капитанъ, – я, собственно, того мнѣнія, что не одни братья позволяютъ себѣ короткое и, такъ сказать, дружеское обращеніе съ молодыми дѣвушками.

– Ахъ! неужели вы хотите, чтобы я навсегда потерялъ уваженіе прекрасной несравненной дѣвушки, воспользовавшись ея безпріютнымъ положеніемъ для того, чтобы отважиться на дерзость сдѣлаться ея любовникомъ! Какъ? Да вы первый изъ всѣхъ людей въ мірѣ должны бы всѣми силами противиться нелѣпой, безразсудной и низкой мысли!

– Вальтеръ, – сказалъ капитанъ, очевидно, приведенный въ отчаяніе, – ты, мнѣ кажется, забываешь, любезный, книгу, которую всѣмъ благочестивымъ людямъ надлежитъ помнить отъ доски до доски. Тамъ сказано въ одномъ мѣстѣ: Буде нѣтъ причинъ или препятствій къ соединенію молодыхъ особъ въ одну душу и тѣло въ домѣ рабства...²³ – слѣдуетъ пріискать этотъ текстъ и положить закладку – то я объявляю, что и хлопотать не о чемъ. Конецъ концовъ: нельзя ли тебѣ перемѣнить титулъ братца на что-нибудь другое?

Вальтеръ съ живостью сдѣлалъ отрицательный жестъ.

– Валли, милый другъ, – бормоталъ капитанъ едва слышнымъ голосомъ, – ты запуталъ меня и забросалъ такъ, что я, право, совсѣмъ потерялъ голову. Только, что касается до высоко-рожденной барышни-дѣвицы, уваженіе къ ней и почтеніе въ моемъ артикулѣ на первомъ планѣ, и, слѣдовательно, я соглашаюсь съ тобой во всѣхъ пунктахъ, будучи увѣренъ, что ты дѣйствуешь по правиламъ. А все-таки, мой другъ, неужели нѣтъ другихъ титуловъ, кромѣ брата? –

²³ Капитанъ перевралъ немилосердно. Фраза holy bands of matrimony (священныя узы брака) превратились у него in the house of bondage, въ домъ рабства. *Прим. перев.*

заклучилъ капитанъ, задумываясь надъ развалинами своего воздушнаго замка, опрокинутаго неумолимыми предположеніями молодого человѣка.

– Теперь вотъ въ чемъ дѣло, капитанъ Куттль, – началъ Вальтеръ, стараясь настроить разговоръ на веселый ладъ, чтобы разогнать тоску своего друга, – намъ, думаю я, нужно озаботиться насчетъ пріисканія миссъ Домби приличной собесѣдницы во время пребыванія ея у насъ. О ея родственницахъ нечего и думать: дѣло ясное, миссъ Домби знаетъ, что всѣ онѣ подчинены ея отцу. Куда дѣвалась Сусаына?

– Молодая женщина, то есть? – подхватилъ капитанъ. – Полагать надо, ее выслали изъ дому противъ воли и желанія высокорожденной барышни-дѣвицы. Я уже было намекалъ насчетъ ея, но получилъ въ отвѣтъ, что молодая женщина уже давно выбыла изъ дому. Миссъ Домби о ней высокаго мнѣнія.

– Въ такомъ случаѣ, – сказала Вальтеръ, – вы спросите миссъ Домби, куда она ушла, и мы постараемся ее отыскать. Солнце уже высоко, и миссъ Домби скоро встанетъ. Вы ея лучшій другъ. Ступайте къ ней наверхъ, а я буду хлопотать здѣсь, внизу.

Ошеломленный капитанъ вздохнулъ изъ глубины души и поспѣшилъ выполнить приказаніе молодого друга. Флоренса была въ восторгѣ отъ своей новой комнаты, нетерпѣливо желала видѣть Вальтера и съ радостью представляла перспективу отыскать свою старую пріятельницу Сусанну Нипперъ. Но Флоренса знала лишь то, что она уѣхала въ Эссексъ, но куда именно, могъ сказать только одинъ м-ръ Тутсъ.

Съ этимъ извѣстіемъ задумчивый капитанъ возвратился къ Вальтеру и далъ ему уразумѣть, что м-ръ Тутсъ есть не что иное, какъ молодой джентльменъ, его искренній другъ и пріятель, притомъ очень богатый молодой джентльменъ, безнадежно обожавшій миссъ Домби. Далѣе капитанъ разсказалъ, какъ онъ сначала познакомился съ мромъ Тутсомъ, печальнымъ вѣстникомъ мнимой гибели Вальтера, и какимъ образомъ заключенъ былъ между ними торжественный договоръ, которымъ м-ръ Тутсъ обязывался никогда ни слова не говорить о предметѣ своей любви.

Спросили Флоренсу, можетъ ли она положиться на м-ра Тутса, и когда Флоренса отвѣтила съ улыбкой – о, да, отъ всего моего сердца, – пріятели стали хлопотать, какъ бы отыскать мѣсто жительства Тутса. Флоренса не знала, а капитанъ забылъ. "Впрочемъ бѣды нѣтъ, – думалъ капитанъ, – м-ръ Тутсъ скоро придетъ и безъ зову". Едва только была высказана эта догадка, какъ м-ръ Тутсъ дѣйствительно явился собственной особой.

– Капитанъ Гильсъ, – сказалъ м-ръ Тутсъ, безъ церемоніи вламываясь въ гостиную, – я пришелъ доложить, что мозгъ у меня горитъ, горитъ, горитъ и... то есть, просто я съума схожу.

Мистеръ Тутсъ выпалилъ эти слова, какъ изъ мортиры, и только тутъ замѣтилъ, что капитанъ былъ не одинъ.

– Извините меня, сэръ, – сказалъ м-ръ Тутсъ, ударяя себя по лбу, – но вы ужъ изволили слышать, что подъ черепомъ у меня пожаръ, а въ такомъ состояніи, вы понимаете, учтивость все равно, что къ стѣнѣ горохъ. Капитанъ Гильсъ, мнѣ нужно говорить съ вами наединѣ.

– Не зачѣмъ, пріятель, – возразилъ капитанъ, взявши его за руку. – Мы только что сами собирались васъ отыскивать.

– О, не шутите такъ жестоко, – возопилъ Тутсъ, – на что, скажите на милость, вамъ пригоденъ такой, съ позволенія сказать, преестественный скотъ, какъ я? Вы видите, я не брился, мое платье не вычищено, волосы всклокочены. Если бы Лапчатый Гусь задумалъ чистить мой сапоги, я бы его за ноги да объ уголь. Вотъ что!

Наружность м-ра Тутса, бурная и дикая, вполне оправдывала эти неистовыя обнаруженія взволнованной души.

– Видите ли, пріятель, – сказалъ капитанъ, – этотъ молодой человѣкъ – Вальтеръ Гей, племянникъ старика Соломона, тотъ самый, котораго мы считали погибшимъ.

– М-ръ Тутсъ отнялъ руку отъ своего лба и страшно вытаращилъ глаза.

– Боже милосердый! – воскликнул м-ръ Тутсъ, – Какое чрезвычайное столкновение напастей въ одинъ и тотъ же день! Какъ ваше здоровье, сэръ! я... я... то есть, понимаете, я боюсь, не слишкомъ ли замочились вы. Капитанъ Гильсъ, два, три и словца наединѣ.

Онъ взялъ его за руку и, выходя изъ гостиной, шепталъ:

– Неужто, капитанъ Гильсъ, молодой человекъ тотъ самый, о которомъ, помните, вы говорили, что онъ и миссъ Домби сотворены другъ для друга?

– Да, любезный, я былъ тогда такого мнѣнія, – отвѣчалъ неумолимый капитанъ.

– А теперь! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ, поднося опять руку къ своему челу. – Теперь! этого еще не доставало, ненавистный соперникъ!.. А впрочемъ, за что же мнѣ его ненавидѣть, – прибавилъ м-ръ Тутсъ послѣ минутнаго размышленія, – вѣдь если подумать хорошенько, онъ ни въ чемъ не провинился. Да, рѣшительно ни въ чемъ. Вотъ теперь-то, капитанъ Гильсъ, мнѣ слѣдуетъ доказать, что привязанность моя къ миссъ Домби была истинно безкорыстна!

Съ этими словами м-ръ Тутсъ юркнулъ въ гостиную и схватилъ Вальтера за руку.

– Какъ ваше здоровье, сэръ? Надѣюсь, вы не простудились. Мнѣ... мнѣ... да что тутъ толковать? мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Желая вамъ, какъ можно чаще возвращаться съ того свѣта. Честное и благородное слово, сэръ, я чрезвычайно радъ васъ видѣть, – заключилъ Тутсъ, пристально озирая Вальтера съ головы до ногъ.

– Благодарю васъ отъ всего сердца, – сказалъ Вальтеръ. – Я не могъ желать болѣе искренняго и радушнаго привѣтствія.

– Будто бы? вотъ какъ! – сказалъ м-ръ Тутсъ, продолжая держать его руку. – Это очень любезно съ вашей стороны. Покорно васъ благодарю. Премного вамъ обязанъ. Какъ ваше здоровье? Надѣюсь, вы разстались дружелюбно со всѣми, кто остался на... то есть, я разумью собственно то мѣсто, откуда вы воротились, вы понимаете?

Вальтеръ поблагодарилъ опять.

– Капитанъ Гильсъ, – продолжалъ м-ръ Тутсъ, – я бы желалъ не выступать изъ границъ приличія; но я надѣюсь, вы позволите мнѣ намекнуть на извѣстное обстоятельство...

– Говорите, любезнѣйшій другъ, все, что вертится у васъ на языкѣ, смѣло и свободно.

– Въ такомъ случаѣ, капитанъ Гильсъ, и вы, лейтенантъ Вальтеръ, знаете ли вы, что страшныя происшествія случились въ домѣ м-ра Домби? Миссъ Домби оставила своего отца, который, по моему мнѣнію, – самый жестокосердный человекъ. Нигдѣ не могли отыскать миссъ Домби, и никто не знаетъ, куда она ушла.

– Могу ли я спросить, какъ вы объ этомъ узнали? – сказалъ Вальтеръ.

– Лейтенантъ Вальтеръ, – сказалъ м-ръ Тутсъ, который дошелъ до этого названія по логическому процессу мысли, свойственному только одному ему. Онъ, вѣроятно, перемѣшалъ христіанское имя съ ремесломъ моряка и предположилъ родственную связь между Вальтеромъ и капитаномъ, которая, по его понятіямъ, необходимо должна была распространяться и на ихъ титулы. – Лейтенантъ Вальтеръ, я могу безъ всякихъ оговорокъ дать вамъ прямой и рѣшительный отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что, имѣя особыя причины интересоваться всѣмъ, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ судьбѣ миссъ Домби... то есть, вы не подумайте, лейтенантъ Вальтеръ, чтобы я имѣлъ въ виду какіе-нибудь своекорыстные расчеты – совсѣмъ нѣтъ! я очень хорошо знаю, что мнѣ давно бы слѣдовало сломить шею, такъ какъ видите, лейтенантъ Вальтеръ, плакать обо мнѣ никто не станетъ... Ну вотъ, говорю я, интересуясь судьбою миссъ Домби, я получилъ съ нѣкотораго времени привычку дѣлать койкакіе подарки – ничтожные разумѣется – камердинеру м-ра Домби. Таулисонъ – его имя, препочтенный молодой человекъ, который уже давно состоитъ въ услуженіи у этой семьи. Онъ вчера вечеромъ и увѣдомилъ меня, что вотъ, дескать, въ такомъ-то положеніи у насъ дѣла. Съ этого времени, капитанъ Гильсъ и лейтенантъ Вальтеръ, я, съ вашего позволенія, просто сошелъ съ ума и всю ночь пролежалъ ничкомъ на софѣ, чортъ бы васъ побралъ.

– М-рь Тутсъ, – сказала Вальтеръ, – мнѣ очень пріятно сообщить вамъ радостную вѣсть. Успокойтесь. Миссъ Домби жива и здорова.

– Сэръ! – воскликнулъ м-рь Тутсъ, вскакивая со стула и схватывая руку Вальтера, – вѣсть эта такъ необычайно такъ невыразимо пріятна, что, если бы въ эту минуту сказали мнѣ, что миссъ Домби вышла замужъ, я бы, съ вашего позволенія, сталъ улыбаться и даже хохотать, увѣрю васъ. Да, капитанъ Гильсъ, – продолжалъ Тутсъ, обращаясь къ этому собесѣднику, – я, клянусь честью, сталъ бы хохотать, хотя бы черезъ минуту бросили меня въ омутъ съ пудовымъ камнемъ на шеѣ. Покорно васъ благодарю, господа. Утѣшили, ей Богу, утѣшили!

– Такой благородной душѣ, какъ ваша, – сказалъ Вальтеръ, – я могу, конечно, доставить еще *большее* утѣшеніе, если скажу, что вы можете оказать нѣкоторыя услуги миссъ Домби. Капитанъ Куттль, будьте такъ добры, проводите м-ра Тутса иаверхъ.

Капитанъ сдѣлалъ знакъ м-ру Тутсу, и они скорыми шагами пошли наверхъ. Черезъ минуту м-рь Тутсъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій былъ введенъ въ новое убѣжище Флоренсы Домби.

Изумленіе и радость бѣднаго Тутса, при взглядѣ на владычицу его сердца, были такого рода, что обнаруженіе ихъ необходимо должно было сопровождаться нѣкоторыми экстренностями. Онъ подбѣжалъ къ ней стремглавъ, схватилъ ея руку, прижалъ къ своимъ губамъ, опустилъ внизъ, схватилъ опять, сталъ на колѣно, заплакалъ, захохоталъ и вовсе не обращалъ вииманія на опасность со стороны Діогена, который, подозрѣвая злодѣйскій умыселъ въ этихъ обнаруженіяхъ бурнаго чувства, забѣгалъ взадъ, впередъ и по бокамъ м-ра Тутса, еще какъ будто не зная навѣрняка, на какой пунктъ сдѣлать нападеніе, но твердо рѣшившись нанести отчаянное пораженіе страшному врагу своей госпожи.

– О, Діогень, неблагодарный, злой Діогень! Кѣкъ я рада васъ видѣть, добрый, любезный м-рь Тутсъ!

– Покорно благодарю, – сказалъ Тутсъ. – Я совершенно здоровъ и премного вамъ обязанъ, миссъ Домби. Надѣюсь, и ваши всѣ здоровы, то есть, я хочу сказать, вся ваша фамилія здравствуетъ.

Все это добрый Тутсъ произнесъ безъ малѣйшаго сознанія о томъ, что говоритъ. Онъ сѣлъ на стулъ и принялся смотрѣть на Флоренсу съ живѣйшимъ выраженіемъ восторга и отчаянія, которыя смѣнялись на его лицѣ съ неуловимою быстротою.

– Капитанъ Гильсъ и лейтенантъ Вальтеръ говорили мнѣ, миссъ Домби, что я могу оказать вамъ какую-то услугу. О, если бы я могъ какимъ-нибудь способомъ смыть въ душѣ вашей воспоминаніе о томъ брайтонскомъ днѣ, когда я, по злодѣйскому чувству, вель себя скорѣе, какъ отцеубійца, а не владѣлецъ независимой собственности! – Бѣдный Тутсъ, въ страшномъ порывѣ раскаянія, готовъ былъ обличить себя во всевозможныхъ душегубствахъ. – Повѣрьте, миссъ Домби, я сошелъ бы въ могилу съ неизреченною радостью!

– Сдѣлайте милость, м-рь Тутсъ, – сказала Флоренса, – не желайте, чтобы я забыла какую-нибудь подробность въ нашемъ знакомствѣ. Повѣрьте, я не хочу забывать. Вы всегда были такъ добры, такъ обязательны, любезный м-рь Тутсъ.

– Миссъ Домби, ваше снисхожденіе къ моимъ чувствамъ можетъ быть объяснено только вашимъ ангельскимъ характеромъ. Благодарю васъ тысячу разъ. Все это, повѣрьте мнѣ, триньтрава!

– Теперь позвольте изложить вамъ нашу просьбу, – сказала Флоренса. – Не знаете ли вы, гдѣ и какъ отыскать Сусанну, которую, помните, вы проводили до конторы дилижансовъ, когда видѣлись со мной послѣдній разъ.

– Навѣрное мнѣ трудно что-нибудь сказать, миссъ Домби, – отвѣчала Тутсъ послѣ нѣкотораго размышленія. – Я не помню въ точности мѣста, куда она отправилась изъ конторы, да притомъ она, кажется, говорила, что тамъ не будетъ останавливаться, а поѣдетъ куда-то дальше. Впрочемъ, миссъ Домби, если дѣло только въ томъ, чтобы отыскать ее и привести сюда, то

я и Лапчатый Гусь беремся употребить для этой цѣли всевозможныя средства, какія только будутъ внушены необыкновенной смѣтливостью съ его стороны и безконечной привязанностью съ моей. Будьте спокойны, миссъ Домби.

М-ръ Тутсъ былъ приведенъ въ такой восторгъ блистательной перспективой сдѣлаться полезнымъ для владычицы своего сердца, и безкорыстная искренность его благоговѣйной преданности была до такой степени очевидна, что было бы теперь истинною жестокостью ему противорѣчить или отказаться отъ его услугъ. Флоренса удержалась отъ всякихъ возраженій и только благодарила его отъ искренняго сердца. М-ръ Тутсъ съ гордостью принялъ порученіе и оказалъ готовность немедленно приняться за работу при могущественномъ содѣйствіи Лапчатого Гуся.

– Миссъ Домби, – сказала м-ръ Тутсъ, съ жаромъ цѣлуя поданную ему руку и, очевидно, проникнутой безнадежной страстью, которая выражалась во всѣхъ чертахъ его добраго лица, – прощайте! Позвольте мнѣ принять на себя смѣлость сказать, что ваши несчастія тяжелымъ бременемъ лежатъ на моей душѣ, и что вы вполне можете довѣряться мнѣ, какъ самому капитану Гильсу. Я очень хорошо знаю свои недостатки, миссъ Домби – они очень велики, покорно васъ благодарю, – но вы можете на меня совершенно положиться, клянусь честью, миссъ Домби.

Съ этимъ м-ръ Тутсъ вышелъ изъ комнаты опять въ сопровожденіи капитана, который во все это время стоялъ въ недалекомъ разстояніи отъ собесѣдниковъ, держа подъ мышкой лощеную шляпу и поправляя желѣзнымъ крюкомъ волосы, въ безпорядкѣ падавшіе на его глаза. Когда дверь затворилась, свѣтъ жизни м-ра Тутса снова покрывся мрачными облаками.

– Капитанъ Гильсъ, – сказалъ Тутсъ, останавливаясь на послѣдней лѣстничной ступени и оглядываясь вокругъ, – сказать вамъ правду, я въ эту минуту далеко не въ такомъ расположеніи духа, чтобы мнѣ можно было видѣть лейтенанта Вальтера съ тѣми дружелюбными чувствами, какія я желалъ бы сохранить къ нему въ своемъ сердцѣ. Мы не всегда можемъ владѣть своими чувствами, капитанъ Гильсъ, и я покорнѣйше прошу васъ объ одолженіи выпроводить меня въ боковую дверь.

– Пріятель, – возразилъ капитанъ, – вы можете всегда идти вашимъ собственнымъ путемъ; и какой путь вы ни возьмете, онъ будетъ ровень, чистъ и гладокъ, какъ у испытаннаго моряка, – въ этомъ я увѣренъ.

– Капитанъ Гильсъ, вы чрезвычайно добры. Ваше доброе мнѣніе служить для меня истиннымъ утешеніемъ. Одна просьба къ вамъ, капитанъ Гильсъ, – продолжалъ Тутсъ, останавливаясь на порогѣ подлѣ полуотворенной двери, – я надѣюсь, мы познакомимся и, быть можетъ, при вашемъ содѣйствіи, подружимся съ лейтенантомъ Вальтеромъ. Я вступилъ, какъ вамъ извѣстно, во владѣніе своимъ наслѣдствомъ и, сказать по правдѣ, не знаю, что съ нимъ дѣлать. Если бы я мотъ быть какъ-нибудь вамъ полезнымъ въ финансовомъ отношеніи, то, вы понимаете, я сошелъ бы въ могилу спокойно и даже съ нѣкоторой усладой для сердца.

Не сказавъ ничего больше, м-ръ Тутсъ юркнулъ на улицу и самъ затворилъ за собою дверь, чтобы не слышать капитанскаго отвѣта.

Долго Флоренса думала объ этомъ добромъ созданіи съ нераздѣльными чувствами удовольствія и грусти. Онъ былъ такъ честенъ и младенчески добръ, что увидѣть его опять и увѣриться въ истинности его чувствъ въ эти бѣдственные дни было для нея и отрадой, и утѣшеніемъ; но по этой же самой причинѣ, мысль, что она дѣлала его несчастнымъ и возмущала тихій потокъ его жизни, вызывала невольныя слезы изъ ея глазъ и переполняла ея сердце искреннимъ сожалѣніемъ. Капитанъ, съ своей стороны, очень много думалъ о м-рѣ Тутсѣ, также какъ и Вальтеръ. Когда наступалъ вечеръ, и они собирались въ новую комнату Флоренсы, Вальтеръ осыпалъ его похвалами и, пересказывая Флоренсѣ его послѣднія слова при выходѣ изъ ихъ дома, представлялъ его идеаломъ благороднѣйшаго юноши, достойнаго всякой симпатіи и участія.

М-ръ Тутсъ не возвращался сряду нѣсколько дней, и во все это время Флоренса, не возмущаемая новыми тревогами, жила на чердакѣ инструментальнаго мастера, спокойная, какъ птица въ клѣткѣ. Но день ото дня она чаще и чаще опускала свою голову, съ грустью размышляя о покойномъ братѣ, предсмертный видъ котораго безпрестанно носился передъ ея умственнымъ взоромъ. Одинокая подлѣ окна своей комнаты, она невольно устремляла на небо свои заплаканные глаза, какъ будто отыскивая того свѣтлаго ангела, о которомъ говорилъ онъ на своемъ болѣзненномъ ложѣ.

Флоренса была слишкомъ слаба и нѣжна въ послѣднее время, и выстраданныя ею волненія необходимо должны были произвести нѣкоторое вліяніе на ея здоровье. Но не тѣлесная боль мучила ее теперь. Она страдала душевно, и причиной этихъ страданій былъ Вальтеръ.

Искренній и радушный, какъ всегда, готовый съ гордостью посвятить къ ея услугамъ всѣ минуты своей жизни, и дѣлавшій все для нея съ энтузіазмомъ и пылкостью своего характера, онъ однако избѣгалъ ея, и Флоренса видѣла это очень хорошо. Въ продолженіе цѣлаго дня онъ рѣдко, слишкомъ рѣдко приближался къ ея комнатѣ. Если она спрашивала его, онъ прибѣгалъ, усердный и пылкій, какъ въ ту пору, когда отыскалъ ее ребенкомъ среди улицы; но вдругъ онъ становился принужденнымъ – Флоренса не могла этого не замѣтить – разсѣянвымъ, неловкимъ и скоро оставлялъ ее. Безъ зова онъ никогда не приходилъ, во весь длинный день, отъ утра до вечера. Съ наступленіемъ вечера онъ неизмѣнно являлся въ ея комнату, и это было счастливейшимъ временемъ, потому что она начинала тогда вѣрить, что старый Вальтеръ ея дѣтскихъ лѣтъ не измѣнился. Но даже въ эту пору какое-нибудь слово, взглядъ, принужденное движеніе показывали ей, что произошло между ними какое-то раздѣленіе, котораго она никакъ не могла объяснить.

И она не могла не видѣть, что эти признаки большой перемѣны обнаруживались въ молодомъ человѣкѣ, несмотря на его упорное усиліе скрыть ихъ. При безграничной внимательности къ ней, при усердномъ желаніи охранить ее отъ всякаго безпокойства и сердечной тревоги, онъ, – думала Флоренса, – обрекалъ себя на безчисленныя жертвы. И чѣмъ больше молодая дѣвушка чувствовала важность этой перемѣны, тѣмъ чаще она плакала и грустила о такомъ непостижимомъ отчужденіи ея брата.

Добрый капитанъ, ея неутомимый, нѣжный, всегда ревностный другъ видѣлъ также эту перемѣну, думала Флоренса, – и это, безъ сомнѣнія, его безпокоило столько же, какъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ теперь далеко не такъ веселъ и мечтателенъ, какъ сначала, и часто съ рѣшительнымъ отчаяніемъ бросалъ украдкой взоры на нее и на Вальтера, когда они сидѣли втроемъ наверху.

Флоренса рѣшилась, наконецъ, переговорить съ Вальтеромъ. Ей казалось, что она знала истинную причину его отчужденія, и она думала, что ея сердцу сдѣлается легче и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднѣе для него самого, если сказать, что она понимаетъ настоящее положеніе дѣлъ, подчиняется своей горькой долѣ и ни въ чемъ не упрекаетъ молодого человѣка.

Было воскресенье, и оставалось около двухъ часовъ до обѣда. Вѣрный капитанъ въ накрахмаленномъ воротникѣ, достигавшемъ до его ушей, сидѣлъ подлѣ Флоренсы въ ея комнатѣ и внимательно читалъ книгу, поправляя по временамъ огромные очки, закрывавшіе его ястребиные глаза. Длилось глубокое молчаніе, которое вдругъ Флоренса прервала такимъ образомъ:

– Не знаете ли, гдѣ Вальтеръ, любезный капитанъ Куттль?

– Онъ, я думаю, внизу, высокорожденная барышня-дѣвица.

– Мнѣ хотѣлось бы съ нимъ поговорить, – сказала Флоренса, поспѣшно вставая съ мѣста, чтобы идти въ гостиную.

– Не безпокойтесь, моя радость, я мигомъ кошндирую его къ вамъ.

Сказавъ это, капитанъ съ веселымъ видомъ взвалилъ книгу на свои плечи и удалился. Должно замѣтить, капитанъ считалъ своей обязанностью читать по воскресеньямъ не иначе

какъ большія книги, отличающіяся сановитою наружностью. Съ этой цѣлью онъ за нѣсколько лѣтъ выторговаль у букиниста огромный фоліантъ, заглавный листъ котораго всегда приводилъ его въ рѣшительное отчаяніе, такъ-какъ невозможно было понять, о чемъ въ немъ говорилось. – Скоро призванный Вальтеръ пришелъ въ комнату Флоренсы.

– Капитанъ Куттль говоритъ мнѣ, миссъ Домби, что...

Но взглянувъ на нее, пылкій юноша не могъ продолжать начатой рѣчи.

– Вы нездоровы сегодня, миссъ Домби? Взоръ вашъ грустенъ. Вы плакали?

Онъ говорилъ такъ нѣжно и такимъ дрожащимъ голосомъ, что на глазахъ ея невольно выступили слезы при звукѣ его словъ.

– Вы правы, Вальтеръ. Я не совсѣмъ здорова и плакала много. Мнѣ нужно съ вами говорить.

Онъ сѣлъ противъ молодой дѣвушки и впился глазами въ ея прекрасное и невинное лицо. Онъ былъ блѣденъ, и губы его дрожали.

– Въ тотъ вечеръ, какъ я узнала, что вы спаслись, милый Вальтеръ, вы говорили... Ахъ, что я чувствовала въ тотъ вечеръ и чего надѣялась!..

Онъ положилъ свою дрожащую руку на етоль и продолжалъ смотрѣть на ея лицо.

– Вы говорили, что я перемѣнилась. Мнѣ тогда странно было слышать это отъ васъ, но теперь я понимаю, въ чемъ моя перемѣна. Не сердитесь на меня, Вальтеръ. Я была въ ту пору слишкомъ обрадована.

Она опять казалась ребенкомъ въ его глазахъ, – простосердечнымъ, любящимъ, довѣрчивымъ ребенкомъ, котораго онъ видѣлъ и слышалъ много лѣтъ тому назадъ. Миссъ Домби въ эту минуту отнюдь не была женщиной, къ ногамъ которой онъ готовъ былъ повергнуть богатства цѣлаго міра.

– Помните ли вы, милый Вальтеръ, наше прощаніе съ вами передъ вашимъ отъѣздомъ?

Онъ положилъ свою руку на сердце и вынулъ маленькій кошелекъ.

– Я всегда носилъ его здѣсь, – сказалъ онъ, указывая на грудь. Если бы мнѣ суждено было не видѣть Божьяго свѣта, онъ пошелъ бы со мной ко дну морскому.

– И вы опять станете носить его, милый Вальтеръ, ради меня... ради прежняго нашего знакомства?

– До самой смерти!

Она подала ему свою руку съ такимъ невиннымъ простосердечіемъ, какъ будто не прошло ни одного дня съ той поры, какъ юноша получилъ отъ нея прощальный подарокъ.

– Я рада, милый Вальтеръ. Я всегда буду рада думать объ этомъ. Помните ли вы, мысль объ этой перемѣнѣ могла придти намъ въ голову въ тотъ самый вечеръ, когда мы разговаривали съ вами?

– Нѣтъ! – отвѣчалъ изумленный юноша.

– Да, Вальтеръ. Я даже въ то самое время была орудіемъ разрушенія вашихъ надеждъ и плановъ. Тогда я боялась такъ думать, но теперь я это знаю. Вы были тогда, въ своемъ великодушій, способны скрыть отъ меня то, чтосамимъ вамъ было это извѣстно, но вы не можете скрыть этого теперь, хотя и стараетесь съ такимъ же великодушіемъ, какъ прежде. Благодарю васъ за это, Вальтеръ, истинно, глубоко; но стараніе ваше на этотъ разъ останется безплоднымъ. Вы слишкомъ много терпѣли собственныхъ несчастій, чтобы не обращать вниманія на невинную причину веѣхъ этихъ золь и огорченій, вамъ нанесенныхъ. Вы не можете, конечно, забыть меня въ этомъ отношеніи, но конечно, также мы не можемъ больше быть братомъ и сестрою. Но, милый Вальтеръ, не думайте, что я сѣтую на васъ. Мнѣ слѣдовало догадаться объ этомъ въ свое время, но нечаянная радость омрачила мою память. Одного надѣюсь, Вальтеръ, думайте обо мнѣ безъ внутренней досады, когда это чувство перестало быть тайной; одного прошу отъ васъ именемъ бѣдной дѣвушки, бывшей нѣкогда вашею сестрою, не приневоливайте изъ-за

меня вашихъ чувствъ, и не мучьте себя бесплодными усиліями теперь, когда вамъ извѣстно, что я все знаю.

Въ продолженіе этой рѣчи Вальтеръ смотрѣлъ на нее съ такимъ безпредѣльнымъ изумленіемъ, которое уничтожало въ немъ возможность всякаго другого чувства, Теперь онъ протянулъ къ ней руки съ умоляющимъ видомъ и, взволнованный до глубины души едва могъ отвѣчать:

– О, миссъ Домби, возможно ли, чтобы я, страдая самъ такъ много въ борьбѣ съ глубокимъ сознаниемъ своихъ обязанностей къ вамъ, заставилъ вмѣстѣ и васъ переносить ужасную пытку, о которой вы говорите! Вы были всегда для моего воображенія ангеломъ чистоты и счастья, расцвѣтившаго мои дѣтскіе и юношескіе годы, и всѣ ваши соприкосновенія съ моею жизнью останутся для меня священными воспоминаніями, которыя не изгладятся изъ моего сердца до могилы. Опять увидѣтъ ваши взоры и опять услышать вашу рѣчь, какъ въ ту роковую ночь, когда мы съ вами разстались – о, это такое счастье, для котораго нѣтъ имени на языкѣ человѣка! Ваша сестринская любовь и довѣрчивость ко мнѣ, какъ къ брату – небесный меня даръ для, который я могу принять не иначе, какъ съ благоговѣніемъ и гордостью.

– Вальтеръ, – сказала Флоренса, пристально всматриваясь въ него и постепенно измѣняясь въ лицѣ, – что это за обязанности ко мнѣ, которыя требуютъ такихъ жертвъ съ твоей и моей стороны.

– Почтеніе къ вамъ, миссъ Домби. Уваженіе.

Краска исподволь зарумянила ея лицо, и она робко отняла у него свою руку. Ея глаза были неподвижно устремлены на него.

– Для меня не существуютъ права брата, – сказалъ Вальтеръ, – я оставилъ дѣвочку и встрѣчаю женщину.

Краска быстро распространилась по всему ея лицу. Она сдѣлала невольный жестъ, какъ будто умоляя его не говорить ничего больше. Ея лицо опустилось на ея руки.

Они оба молчали нѣкоторое время. Она плакала.

– Мой долгъ – насильственно оторвать себя отъ этого сердца, столь чистаго, невиннаго, довѣрчиваго, добраго... Какъ осмѣлюсь сказать, что это сердце моей сестры?

Она плакала.

– Если бы вы были счастливы, окружены любящими друзьями и всѣмъ, что дѣлаетъ завиднымъ положеніе, для котораго вы родились, и если бы тогда, съ любовью обращаясь къ прошедшему, вы назвали меня братомъ, я отвѣчалъ бы на это имя съ своего далекаго мѣста, не опасаясь оскорбить невинность вашего чувства. Но здѣсь... и теперь!..

– О благодарю васъ, благодарю васъ, Вальтеръ. Простите мою къ вамъ несправедливоеть. Мнѣ ие съ кѣмъ было посовѣтоваться. Я совершенно одна.

– Флоренса, я слишкомъ поторопился высказать свои мысли, но за нѣсколько минутъ ничто не могло вырвать ихъ изъ моей груди. Если бы я былъ богатъ и славень, если бы, по крайней, мѣрѣ въ рукахъ моихъ были средства возвыситься со временемъ до вашего положенія, я бы сказалъ: Флоренса, есть одно имя выше всѣхъ возможныхъ титуловъ, которыя я могу принять съ тѣмъ, чтобы охранять и защищать васъ, и я достоинъ этого имени, потому что люблю васъ безпредѣльно, и всѣ силы моей души давно принадлежать вамъ. Я бы сказалъ тогда, что съ этимъ именемъ соединено единственное право любить и покровительствовать васъ, и я считалъ бы это право драгоцѣннымъ залогомъ, передъ которымъ ничтожна цѣна моей жизни.

Ея грудь подымалась высоко, и голова опустилась. Она плакала.

– Флоренса, милая Флоренса!.. О какъ часто я называлъ васъ этимъ именемъ, прежде чѣмъ могъ размыслить, какъ это дерзко и безразсудно!.. Позвольте еще разъ, одинъ только разъ, назвать васъ этимъ драгоцѣннымъ именемъ и прикоснуться къ этой нѣжной ручкѣ въ доказательство, что вы, какъ сестра, забываете, что сказалъ бывшій вашъ братъ.

Она подняла свою голову и начала говорить съ такою торжественностью во всей своей позѣ, съ такою спокойною, кроткою, лучезарною улыбкой и съ такимъ трепетнымъ колебаніемъ своего голоса, что въ немъ невольно пришли въ движеніе самыя внутреннія струны его сердца, и взоръ его покрылся туманомъ, когда онъ ее слушалъ.

– Нѣтъ, Вальтеръ, я не могу этого забыть. Я не хочу забыть этого ни за какія сокровища міра. Вы, Вальтеръ... милый Вальтеръ, ты очень бѣденъ?

– Я не болѣе, какъ странникъ, которому предстоятъ огромныя путешествія по морямъ. Въ этомъ теперь мое призваніе.

– Скоро ты опять уѣзжаешь, Вальтеръ?

– Очень скоро.

Съ минуту она сидѣла спокойно, не говоря ни слова, потомъ съ робостью взяла его дрожащую руку.

– Если ты сдѣлаешь меня своею женою, Вальтеръ, я буду любить тебя нѣжно. Если ты возьмешь меня съ собою, Вальтеръ, я поѣду на тотъ край свѣта безъ сожалѣній и безъ страха. Мнѣ нечѣмъ для тебя жертвовать, некого покидать изъ-за тебя; но вся моя любовь и жизнь будутъ посвящены тебѣ, и съ послѣднимъ дыханіемъ я передамъ имя твое Богу, если сохранятся мои чувства, и память не оставитъ меня.

Онъ прижалъ ее къ своему сердцу, приложилъ свои уста къ ея щекѣ, и теперь, не отринутая болѣе, не отверженная, она плакала долго и плакала сладко на груди своего милаго.

О священное время любви и младенческихъ упованій! Да, смотри Вальтеръ, нѣжно и гордо смотри на сомкнутые глаза своей красавицы, потому что во всемъ мірѣ тебя только ищутъ эти очи, – тебя и никого болѣе!

* * *

Капитанъ оставался въ маленькой гостиной вплоть до самой ночи. Онъ занялъ стулъ, на которомъ до него сидѣлъ Вальтеръ, и смотрѣлъ на потолочное окно до тѣхъ поръ, пока дневной свѣтъ мало-по-малу потухъ, и звѣзды заискрились на ясномъ небѣ. Онъ зажегъ свѣчу, закурилъ трубку, выкурилъ, еще закурилъ, и дивился, что тамъ такое дѣлается наверху, и отчего такъ долго не зовутъ его къ чаю.

Когда, наконецъ, достигъ онъ послѣднихъ предѣловъ своего изумленія, подлѣ него очутилась Флоренса.

– Вы ли это, моя радость! – вскричалъ капитанъ. – Ваши переговоры съ Вальтеромъ тянулись долго, даже очень, можно сказать, долго!

Флоренса схватила своей ручкой одну изъ огромныхъ пуговицъ его камзола и, пристально смотря ему въ лицо, сказала:

– Любезный капитанъ, мнѣ нужно вамъ кое-что сказать, если вамъ угодно.

Капитанъ франтовски поднялъ голову вверхъ, собираясь выслушать высокорожденную дѣву, затѣмъ онъ ловко отодвинулъ свой стулъ и съ нимъ вмѣстѣ самого себя, чтобы этимъ способомъ яснѣе и лучше видѣть лицо Флоренсы.

– Какъ?! восторгъ моего сердца! – воскликнулъ капитанъ, проникнутый съ ногъ до головы внезапнымъ восторгомъ, – неужто?

– Да! – сказала Флоренса.

– Валли! супругъ вашъ! такъ ли? – проревѣлъ капитанъ, бросивъ свою шляпу къ потолочному окну.

– Да! – отвѣчала Флоренса улыбаясь, и вмѣстѣ заливаясь слезами.

Капитанъ немедленно обнялъ ее, облобызалъ и, нахлобучивши лощеную шляпу, взялъ ее за руку и повелъ наверхъ, гдѣ ему предстояло торжественнымъ образомъ окончить великое дѣло своей жизни. При этомъ лицо его пылало какъ раскаленная сковорода.

– Что, другъ мой Валли, что? не хотѣлось быть братцемъ, любезный? Вотъ какъ! Мы съ тобой себѣ на умѣ!

Эти и подобныя шутки весьма остроумнаго свойства повторялись за чаемъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ разъ, при чемъ капитанъ усердно полировалъ свое радужное лицо рукавами своего камзола и еще усерднѣе колотилъ въ промежуткахъ свой лобъ жгутомъ изъ носового платка. Были однако минуты серьезнаго настроенія капитанскаго духа, когда онъ, обращаясь къ собственной особѣ, витійствовалъ такимъ образомъ:

– Дурачина ты, Эдуардъ Куттль, мореходъ ты великобританскій! лучше ничего ты не могъ выдумать во всю твою жизнь, какъ передать свою собственность имъ обоимъ, – вкупѣ и влюбѣ.

Глава LI

Мистеръ Домби и свѣтскіе люди

Что же дѣлаетъ м-ръ Домби въ заколдованномъ замкѣ, между тѣмъ какъ дни проходятъ около него своей чередой? Думаетъ ли онъ когда о своей дочери и желаетъ ли узнать, куда она ушла? или, быть можетъ, онъ смекаетъ, что Флоренса воротилась домой и ведетъ свою обыкновенную жизнь? Никто не можетъ отвѣчать за м-ра Домби. Ключница боится передъ нимъ заикнуться о предметѣ, о которомъ онъ хранитъ такое упорное молчаніе. Одна только особа еще смѣетъ его спрашивать, но повелительные жесты м-ра Домби сковываютъ дерзкій языкъ.

– Милый мой Павель! – восклицаетъ м-съ Чиккъ при входѣ въ его кабинетъ послѣ бѣгства Флоренсы. – Жена-то твоя, ахъ! эта чопорная выскочка, эта горячка, ай, ай, ай! кто бы могъ подумать? Неужели это правда? Вотъ и благодарность за всѣ твои благодѣянія, за твою безпримѣрную привязанность! Бѣдный Павель! А ты, я увѣрена, жертвовалъ ея капризамъ всѣми своими родственниками! Милый братецъ, бѣдный братецъ!

И при этой рѣчи, вдохновленной живѣйшимъ воспоминаніемъ неприглашенія къ обѣду, м-съ Чиккъ подноситъ къ глазамъ свой батистовый платочекъ и бросается на шею къ своему возлюбленному братцу. Но м-ръ Домби холодно отталкиваетъ ее и усаживаетъ на стуль.

– Благодарю тебя, Луиза, за вниманіе къ моимъ дѣламъ, – говоритъ м-ръ Домби, – но желаю, чтобы разговоръ нашъ обратился на другой предметъ. Если я буду горевать о своей судьбѣ или обнаружу чѣмъ-нибудь необходимость утѣшенія, тогда ты можешь, Луиза, утѣшать сколько тебѣ угодно.

М-съ Чиккъ обходится нѣсколько разъ посредствомъ платочка, всхлипываетъ, откашливается и возводитъ свои очи къ небесамъ.

– Дорогой мой Павель, я знаю, хорошо знаю твой высокій, возвышенный духъ, и потому ни слова больше не скажу объ этомъ страшномъ предметѣ, который возмущаетъ душу, раздираетъ сердце, отъ котораго терзается вся моя внутренность... – При этомъ м-съ Чиккъ обнаружила выразительнымъ жестомъ самое жгучее негодованіе. – Но позволь спросить тебя, другъ... эта несчастная дочь, Флоренса...

– Молчать, Луиза! – воскликнулъ братъ самымъ строгимъ тономъ. – Ни слова объ этомъ предметѣ!

Опять и опять м-съ Чиккъ обходится посредствомъ карманнаго платочка и съ глубокимъ чувствомъ стонетъ объ этихъ несчастныхъ созданіяхъ, которыхъ судьба по какой-то непрости-тельной ошибкѣ возводитъ на степень Домби. Но въ какой степени Флоренса участвовала въ бѣгствѣ Эдиои, ушла ли она вмѣстѣ съ нею, или скрылась сама по себѣ, много она сдѣлала, мало, или ничего не сдѣлала, – м-съ Чиккъ не имѣетъ объ этихъ вещахъ ни малѣйшаго понятія.

М-ръ Домби неизмѣнно и неуклонно сосредоточиваетъ всѣ свои мысли и чувства въ своей собственной груди и не дѣлится ни съ кѣмъ. Онъ не дѣлаетъ никакихъ поисковъ. Быть можетъ, думаетъ онъ, Флоренса пріютилась у сестры или живетъ подъ одной съ нимъ кровлей. Быть можетъ, онъ думаетъ о ней постоянно, или, быть можетъ также, вовсе о ней не думаетъ. Никакого обнаруженія внѣшней заботы, никакихъ разспросовъ!

Но нѣтъ сомнѣнія, м-ръ Домби никакъ не думаетъ, что онъ потерялъ свою дочь. Онъ отнюдь не подозреваетъ истины. Онъ жилъ слишкомъ долго заключеннымъ въ своей богдыханской гордости, чтобы имѣть какія-нибудь опасенія на счетъ бѣдной страдальцы, которая такъ долго съ безотвѣтнымъ самоотверженіемъ шла по своей скромной тропинкѣ. Невзгода судьбы подкосила его очень замѣтно, но еще далеко не поставила въ уровень съ землею. Корень широкъ, глубокъ, и съ теченіемъ годовъ его побѣги распространились безъ всякихъ препят-

ствій, собирая пищу отъ всѣхъ окружающихъ предметовъ. Дерево подрублено, но корень еще цѣль.

Хотя онъ тщательно скрываетъ внутренній міръ своей души отъ міра внѣшняго, который, по его понятіямъ, имѣетъ въ эту пору одну цѣль своей дѣятельности, цѣль слѣдить за движеніями и поступками м-ра Домби, однако ему никакъ не удастся скрыть отъ міра этихъ буйныхъ слѣдовъ, вырывающихся наружу подъ формой впалыхъ глазъ, обрюзглыхъ щекъ, дикаго лба и пасмурнаго, задумчиваго вида. Непроницаемый, какъ всегда, онъ однако измѣнился; неприступный и гордый, какъ всегда, онъ однако значительно упалъ духомъ: иначе свѣтъ не видѣлъ бы этихъ зловѣщихъ слѣдовъ.

Свѣтъ! Что думаетъ о немъ свѣтъ, какъ на него смотреть, что видитъ въ немъ и что говорить, – вотъ окаянный демонъ его души. Онъ преслѣдуетъ его всюду, куда онъ идетъ, и, что всего хуже, преслѣдуетъ даже тамъ, гдѣ никогда его нѣтъ. Лукавый духъ колыхнется между его домашней челядью и злобнымъ шепотомъ сопровождаетъ его приходъ и выходъ; онъ толкаетъ его по улицамъ взадъ и впередъ, забирается съ нимъ въ контору, глядитъ на него на биржѣ черезъ плечи богачей, манитъ его пальцемъ черезъ презрѣнную толпу и предупреждаетъ его на всѣхъ возможныхъ пунктахъ, занимаясь вездѣ и всюду его дѣлами. Въ полночь, когда м-ръ Домби засѣдаетъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, окаянный демонъ опять подымаетъ возню въ его домѣ, стучитъ для его потѣхи по мостовой, пляшетъ по стѣнамъ, трещитъ и прыгаетъ въ каминѣ, кривляется на статуэткахъ и дѣлаетъ ему рожи изъ-подъ стола.

И это не призракъ разгоряченнаго воображенія. Сатана дѣйствительно обуялъ душою многихъ смертныхъ. Свидѣтель – кузень Фениксъ, который нарочно прискакалъ изъ Бадень-Бадена, чтобы переговорить съ м-ромъ Домби. Свидѣтель майоръ Багстокъ, который предлагаетъ дружескія услуги кузену Фениксу.

М-ръ Домби принимаетъ ихъ съ обычнымъ достоинствомъ, вытягиваясь во весь ростъ передъ каминомъ и величественно поправляя накрахмаленный воротникъ. Онъ чувствуетъ теперь, что демонъ смотритъ на него во всѣ глаза. Его харя обрисовалась на картинахъ, на поверхности бронзоваго Питта, усѣвшася на книжномъ шкафѣ, и даже на всѣхъ точкахъ и фигурахъ географической карты, повѣшенной на стѣнѣ.

– Необыкновенно холодная весна, – замѣчаетъ м-ръ Домби, чтобы отвлечь вниманіе свѣта.

– Дьяволь меня возьми, сударь мой, – отвѣчаетъ майоръ, согрѣтый пламенемъ дружескаго чувства, – вы хотите провести насъ, Домби... наше почтеніе! Джозефъ Багстокъ, скажу я вамъ, собаку съѣлъ на эти штуки! Если вамъ угодно, Домби, подцѣпить на удочку своихъ друзей, совѣтую поискать карася не такого, какъ старикашка Джой. Эхъ, Домби, Домби! развѣ ты забылъ меня, пріятель? Нѣтъ, чортъ побери, стариканища Джозъ всегда былъ и всегда будетъ продувной бестіей, которая, съ вашего позволенія, въ одно ухо влѣзетъ, а въ другое вылѣзетъ. Недаромъ его высочество, герцогъ іоркскій удостоилъ меня титуломъ... ну, заслуженно или незаслуженно, это другой вопросъ, а онъ говорилъ тысячу разъ: "Если есть на свѣтѣ человѣкъ, на котораго въ крайнемъ случаѣ можно положиться, такъ этотъ человѣкъ – старикашка Джой, то есть, майоръ Джозефъ Багстокъ".

М-ръ Домби кланяется.

– Ну, Домби, – продолжаетъ майоръ, – я человѣкъ свѣтскій, честь имѣю рекомендоваться. Пріятель нашъ Фениксъ... если смѣю назвать его...

– Сдѣлайте милость, – отвѣчаетъ Фениксъ.

– Ну, такъ видите ли, Домби, пріятель нашъ Фениксъ – тоже свѣтскій человѣкъ. О васъ, Домби, нечего и толковать: вы и подавно свѣтскій человѣкъ. Такъ исторія, собственно, вотъ какая: какъ скоро три свѣтскихъ человѣка сходятся вмѣстѣ, и какъ скоро всѣ они пріятели – вѣдь мы, разумѣется, всѣ пріятели, не правда ли? – продолжалъ майоръ, обращаясь опять къ кузену Фениксу.

– Конечно, конечно, – отвѣчалъ кузень Фениксъ.

– Нечего, стало быть, и хлопотать свѣтскимъ людямъ: рыбакъ рыбака видитъ издалика, и Джозефъ Багстокъ утверждаетъ напрямикъ, что вы оба, господа, очень хорошо знаете въ настоящемъ случаѣ мнѣніе свѣта.

– Безъ сомнѣнія, – говоритъ кузень Фениксъ, – дѣла такого рода, словомъ сказать, очевидны сами по себѣ. Мнѣ весьма прискорбно, майоръ, обнаруживать въ присутствіи друга моего Домби мое великое изумленіе и душевное сожалѣніе, что моя любезная и совершеннѣйшая родственница, владѣвшая всѣми средствами и талантами составить счастье своего мужа, забыла въ настоящемъ случаѣ до такой степени свои обязанности въ отношеніи... словомъ сказать, въ отношеніи къ свѣту... что отважилась позволить себѣ такое совершенно, можно сказать, необычайное поведеніе. Съ этого рокового происшествія я, что называется, нахожусь въ чертовски-непріятномъ состояніи духа, и не далѣе какъ вчера вечеромъ долговязому Сексби – верзила слишкомъ въ три аршина, другъ мой Домби, разумѣется, знакомъ съ нимъ – я говорилъ, что это приключеніе взволновало всю мою внутренность и сдѣлало меня, словомъ сказать, желчнымъ. Невольно, что называется, призадумался надъ подобной катастрофой и, самъ собою, придешь къ заключенію, что все на семь свѣтѣ происходитъ правильной чередой по премудро устроенному плану; ибо, еслибы, почтенная моя тетка, м-съ Скьютонъ, имѣла несчастье дожить до настоящаго времени, она, нѣтъ никакого сомнѣнія, сдѣлалась бы жертвой этого бѣдственнаго, событія и съ печали сошла бы въ могилу; а вы знаете, джентльмены, м-съ Скьютонъ была чертовски живучая и, что называется, двужильная баба.

– Ну, Домби, что ты на это скажешь? – воо клицаетъ майоръ со страстнымъ одушевленіемъ.

– Прошу извинить, – прерываетъ кузень Фениксъ. – Еще нѣсколько словъ. Другъ мой Домби, само собою разумѣется, позволить мнѣ сказать, что если какое обстоятельство увеличиваетъ, что называется, нравственную пытку, въ которой нахожусь я по настоящему поводу, то это только очень натуральное изумленіе свѣта, что моя любезная и совершеннѣйшая родственница – вы, конечно, джентльмены, еще не осудите меня, что я называю ее этимъ именемъ – отважилась на такое необычайное поведеніе съ человѣкомъ... словомъ сказать, у него бѣлые и, въ нѣкоторомъ родѣ, прекрасные зубы... съ человѣкомъ, говорю я, который по своему положенію въ свѣтѣ гораздо ниже ея супруга. При всемъ томъ, джентльмены, я долженъ въ нѣкоторомъ родѣ требовать, и довольно настоятельно, чтобы другъ мой Домби, словомъ сказать, не отваживался обвинять мою любезную и совершеннѣйшую родственницу, пока ея вина не будетъ юридически утверждена и доказана на законномъ основаніи. Наконецъ, я считаю своей обязанностью увѣрить друга моего Домби, что фамилія, которую я представляю, и которая теперь почти исчезаетъ – демонически печальная и совершенно безотрадная мысль, джентльмены – эта благородная и древнѣйшая фамилія отнюдь не станетъ противопоставлять ему препятствій и съ радостью согласится на всякую форму процесса, какую только ему будетъ угодно назначить. Надѣюсь, другъ мой Домби отдастъ справедливость намѣреніямъ, какими я одушевленъ въ этомъ горестномъ дѣлѣ и... словомъ сказать, я принужденъ, что называется, беспокоить друга моего Домби еще нѣкоторыми дальнѣйшими замѣчаніями.

М-ръ Домби кланяется не поднимая глазъ и хранить глубокое молчаніе.

– Ну, Домби, что ты на это скажешь? – возглашаетъ майоръ. – А я, съ своей стороны, признаюсь откровенно: въ жизнь не слыхалъ оратора краснорѣчивѣе друга нашего Феникса, ей, ей же не слыхалъ, клянусь вамъ... – здѣсь майоръ, посинѣвшій, какъ давленникъ, схватилъ палку и въ порывѣ одушевленія началъ махать вокругъ своей головы. – Теперь, благодаря нашему другу, вы, Домби, понимаете очень ясно, что относится собственно къ леди, а я, съ своей стороны, какъ истинный другъ, долженъ два-три слова сказать насчетъ васъ самихъ, м-ръ Домби. Свѣтъ, вы понимаете, сударь мой, – продолжалъ майоръ, отфыркиваясь, какъ надсаженная лошадь, – имѣетъ въ этихъ дѣлахъ свои мнѣнія, которыя должны быть удовлетворены.

– Знаю, – отвѣчалъ м-ръ Домби.

– Конечно, вы знаете, Домби, – продолжалъ майоръ. – Чортъ меня побери, сударь мой, если я не зналъ, что вы это знаете. Невѣроятно, чтобы человѣкъ вашего калибра не зналъ этихъ вещей.

– Надѣюсь, – говорить м-ръ Домби.

– Домби! остальное вы угадаете. Я говорю напрямки, такъ какъ порода Багстоковъ, съ вашего позволенія, всегда говорила напрямки. Мало, сударь мой, мы выигрываемъ отъ этихъ вещей, да ужъ такова наша натура: кутить такъ кутить, чтобы чертямъ сдѣлалось тошно... пуфъ, пуфъ, бацъ въ бѣлые зубы. При васъ будетъ неизмѣнный другъ вашъ, старикашка Джозъ и... благослови васъ Богъ, Домби!

– Майоръ, благодарю васъ. Я не премину положиться на васъ, когда придетъ время. Но такъ какъ время еще не пришло, я не считаю необходимымъ заранѣе васъ беспокоить.

– Никакихъ извѣстій о немъ?

– Никакихъ.

– Домби, я поздравляю васъ. Я чертовски радуюсь за тебя, другъ ты мой, Домби.

– Извините, даже вы, майоръ, извините, если я не войду въ дальнѣйшія подробности. Извѣстіе я имѣю, но весьма странное и полученное необыкновеннымъ путемъ. Можетъ, изъ него ничего не выйдетъ, а можетъ, и выйдетъ очень много. Больше ничего не могу сказать. Мое объясненіе впереди.

Сухой и довольно неопредѣленный отвѣтъ на пламенный энтузіазмъ майора; однако, майоръ принимаетъ его граціозно и съ восторгомъ представляетъ, что мнѣнія свѣта въ скоромъ времени будутъ удовлетворены блистательнѣйшимъ образомъ. Затѣмъ кузень Фениксъ получаетъ свою долю признательности отъ супруга своей любезной и совершеннѣйшей родственницы, и, наконецъ, майоръ Багстокъ и кузень Фениксъ удаляются по своимъ дѣламъ, оставляя опять м-ра Домби въ добычу этому неумолимому свѣту, который преслѣдуетъ его и терзаетъ, какъ злой демонъ, безъ милосердія и пощады.

Но кто это сидитъ и плачетъ въ комнатѣ ключницы, разговаривая вполголоса съ м-съ Пипчинъ? Это какая-то леди, грустная и томная, съ поднятыми къ небу руками. Ея лицо почти совсѣмъ закрыто черной шляпой, которая, очевидно, принадлежитъ не ей. Это миссъ Токсъ въ костюмъ своей горничной. Она тайно приходитъ такимъ образомъ съ Княгинина Луга, возобновляетъ знакомство съ м-съ Пипчинъ и спрашиваетъ о м-рѣ Домби.

– Какъ онъ, бѣдняжка, переноситъ свое горе?

– Ничего, онъ довольно спокоенъ, – отвѣчаетъ м-съ Пипчинъ брюзгливымъ тономъ.

– Снаружи, можетъ быть, а что у него внутри?

Оловянный глазъ м-съ Пипчинъ сдѣлалъ нѣсколько энергичныхъ прыжковъ, прежде чѣмъ она произнесла свой отвѣтъ:

– Внутри? Ничего. Я увѣрена. Сказать тебѣ по правдѣ, любезная Лукреція, потеря для него не слишкомъ-то велика. Худая трава изъ поля вонъ. Мнѣ и самой, признаться, надоѣли здѣсь эти мѣдные лбы.

Должно замѣтить, м-съ Пипчинъ обращалась очень фамиллярно съ миссъ Токсъ, такъ какъ ея первые педагогическіе эксперименты въ воспитательно-образовательномъ заведеніи обращены были на эту леди, когда она была еще худенькой и чахлой дѣвочкой нѣжныхъ лѣтъ.

– Конечно, у ней мѣдный лобъ; ваша правда м-съ Пипчинъ. Оставьте его, такого благороднаго мужчину!..

И миссъ Токсъ горько зарыдала.

– Благороденъ онъ или нѣтъ, я этого не знаю и знать не хочу, – возражаетъ м-съ Пипчинъ, гнѣвно потирая переносицу, – но я вотъ что знаю весьма хорошо: когда искушенія посѣщаютъ насъ въ жизни, мы должны переносить ихъ равнодушно. Прахомъ бы васъ побрало! Да я сама

натерпѣлась въ жизни побольше всякаго другого! Экія напасти, подумаешь! Ушла, такъ туда ей и дорога! никто, я думаю, не погонится вслѣдъ!

При этомъ намекѣ на перувіанскіе рудники, миссъ Токсъ встаетъ, раскланивается, и м-съ Пипчинъ звонитъ Таулисона, чтобы тотъ проводилъ ея гостью. М-ръ Таулисонъ, давненько не имѣвшій удовольствія видѣть миссъ Токсъ, ухмыляется, привѣтствуетъ и надѣется, что она совершенно здорова, при чемъ замѣчаетъ, что давеча онъ никакъ не могъ признать ее въ этомъ капорѣ.

– Благодарю васъ, Таулисонъ, – отвѣчаетъ миссъ Токсъ. – Живу, пока Богъ грѣхамъ терпитъ; а вы, почтеннѣйшій, если этакъ еще когда увидите меня здѣсь, не говорите пожалуйста никому. Я прихожу сюда только къ м-съ Пипчинъ.

– Слушаю, сударыня.

– Большія у васъ непріятности, Таулисонъ?

– Очень большія, сударыня.

– Смотрите же, Таулисонъ, я надѣюсь, мой другъ, что все это послужитъ для васъ урокомъ. – Миссъ Токсъ, занимаясь воспитаніемъ маленькихъ Тудлей, пріобрѣла привычку дѣлать назиданія, соотвѣтствующія случаю. – Прощайте, Таулисонъ.

– Прощайте, сударыня. Покорно васъ благодарю.

Казалось, м-ръ Таулисонъ погрузился въ раздумье относительно того, какой бы вывести для себя урокъ изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, какъ вдругъ м-съ Пипчинъ прервала его размышленія нетерпѣливымъ восклицаніемъ:

– Что вы тамъ дѣлаете, долговязый? Зачѣмъ не показываете дверей этой леди?

И м-ръ Таулисонъ немедленно выпроводилъ миссъ Токсъ, которая, прокрадываясь на цыпочкахъ мимо кабинета м-ра Домби, закрыла всю свою голову огромной черной шляпой. И нѣтъ еще въ цѣломъ мірѣ ни одного существа, которое бы такъ искренно горевало о судьбѣ м-ра Домби, какъ эта скромная дѣвица, закутанная шалью и бѣжавшая теперь изо всей силы въ свой уединенный пріютъ на Княгининомъ Лугу.

Но миссъ Токсъ не допускается въ общество свѣтскихъ людей м-ра Домби. Каждый вечеръ приходитъ она въ его домъ, надѣвая калоши и прикрываясь зонтикомъ въ мокрую погоду; она переноситъ шутки Таулисона и брюзгливыя вспышки м-съ Пипчинъ, все переноситъ, чтобы узнать, въ какомъ состояніи м-ръ Домби.

Писаря и чиновники конторы разсматриваютъ бѣдственное приключеніе со всевозможныхъ пунктовъ, но главнѣйшимъ образомъ ихъ занимаетъ вопросъ: кто заступитъ мѣсто м-ра Каркера. Преобладаетъ общее мнѣніе, что управительское мѣсто будетъ лишено значительныхъ привилегій, и тѣ господа, которые не имѣютъ на него никакой надежды, утверждаютъ довольно рѣшительнымъ тономъ, что имъ оно не нужно даромъ, и что они отнюдь не намѣрены завидовать смѣлому и счастливому кандидату. Такой суетливости не бывало въ конторѣ со времени кончины маленькаго Домби; но всѣ эти волненія принимаютъ особый характеръ и ведутъ къ укрѣпленію связей товарищества и дружбы. При этомъ благопріятномъ случаѣ утверждена на прочномъ основаніи мировая между первымъ признаннымъ острякомъ конторнаго заведенія и назойливымъ соперникомъ, съ которымъ онъ былъ въ смертельной враждѣ нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Это счастливое событіе рѣшили съ общаго согласія отпраздновать въ ближайшемъ трактирѣ со всею торжественностью, свойственною политическимъ лицамъ трехъ Соединенныхъ королевствъ. Острякъ назначенъ президентомъ, назойливый соперникъ – вице-президентомъ. Немедленно послѣ послѣдняго блюда, убраннаго со стола, президентъ открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

– Джентльмены, не могу скрыть, ни отъ васъ, ни отъ себя самого, что въ настоящее время между нами отнюдь не могутъ имѣть мѣста частные раздоры и личные расчеты. Недавнія событія, которыхъ мнѣ нѣтъ надобности исчислять здѣсь передъ вами, но которыя, однако, уже

были изложены со всіми подробностями и колкими замѣчаніями въ нѣкоторыхъ воскресныхъ газетахъ²⁴ и даже въ одномъ ежедневномъ листкѣ. Вы его знаете, джентльмены...

– Знаемъ, знаемъ, знаемъ! – раздалось со всѣхъ сторонъ вокругъ краснорѣчиваго витіи.

– Эти печальныя событія, – говорю я, – приводятъ меня, точно такъ-же, какъ и васъ, джентльмены, къ размышленіямъ очень неутѣшительнымъ и даже въ нѣкоторомъ родѣ безотраднымъ...

Здѣсь ораторъ остановился, вынулъ карманный платокъ, вздохнулъ, вытеръ наморщенное чело, и, окинувъ собраніе пронизательными глазами, продолжалъ такимъ образомъ:

– Понимаю, джентльмены, и глубоко чувствую, что продолжать въ настоящее время мои личныя несогласія съ Робинзономъ, значило бы однажды навсегда уничтожить или, по крайней мѣрѣ, поколебать доброе мнѣніе, какимъ всегда и во всѣхъ случаяхъ пользовались въ глазахъ свѣта всѣ безъ исключенія джентльмены, принадлежащіе къ знаменитому торговому дому, который пріобрѣлъ громкую и прочную извѣстность на всѣхъ островахъ и континентахъ Европы, Америки и Азіи. Мой искренній другъ, почтенный Робинзонъ, надѣюсь, ничего не имѣетъ сказать противъ этихъ истинъ, ясныхъ, какъ день, для всякаго разсудительнаго джентльмена, обогащеннаго удовлетворительнымъ запасомъ опытности въ дѣлахъ свѣта.

М-ръ Робинзонъ не замедлилъ отвѣчать въ такомъ же точно тонѣ и говорилъ долго, краснорѣчиво, говорилъ для удовольствія всей компаніи. Послѣ этой рѣчи президентъ и вице-президентъ подали другъ другу руки, обнялись и поцѣловались, какъ братья. Затѣмъ опять всходили на кафедру болѣе или менѣе замѣчательные ораторы, и между ними особенно отличился одинъ джентльмень, котораго собирались раза три выгнать изъ конторы за непростительныя промахи по счетной части. Но въ этотъ разъ его осѣнило внезапное вдохновеніе, и рѣчь его патетически началась словами:

– Да минуетъ на будущее время главу нашего дома сія горькая чаша, излившаяся съ такимъ бѣдственнымъ обиліемъ на его очагъ!

И такъ далѣе, все въ этомъ родѣ. Этотъ и многіе другіе періоды, начинавшіеся словами. "Да минуетъ горькая чаша" удостоились всеобщаго одобренія, и ораторъ заслужилъ громкія рукоплесканія. Словомъ, вечеръ былъ превосходный, и всѣ наслаждались вдоволь физически и нравственно. Только подъ конецъ повздорили немножко насчетъ Каркера два молодыхъ джентльмена, начавшіе бросать другъ въ друга пуншевыми стаканами; но ихъ розняли во время и благополучно вывели изъ трактира. На другой день поутру содовые порошки истреблялись дюжинами въ конторѣ Домби и сына, и многіе изъ джентльменовъ были очень недовольны, когда трактирный мальчикъ явился къ нимъ со счетомъ, который, очевидно, былъ преувеличенъ.

Перчъ, разсылный, между тѣмъ кутить въ эти дни напропалую. Онъ опять постоянно засѣдаетъ у прилавокъ въ харчевняхъ и трактирахъ, гдѣ его угощаютъ, и гдѣ онъ лжетъ безъ всякаго милосердія. Оказывается, что онъ встрѣчался со всіми особами, запутанными въ послѣднемъ дѣлѣ, и говорилъ имъ: «сэръ», или «миледи» – смотря по надобности – "отчего вы такъ блѣдны?" При этомъ особы дрожали всіми членами: "охъ, Перчъ, Перчъ!" и, махнувъ руками, отбѣгали прочь. Угрызеніе совѣсти тутъпричиной или естественная реакція послѣ употребленія крѣпкихъ напитковъ, только м-ръ Перчъ возвращается вечеромъ на Чистые Пруды въ крайне уныломъ расположеніи духа, м-съ Перчъ начинаетъ беспокоиться, что довѣріе его къ женѣ, очевидно, поколебалось, и что онъ какъ будто подозрѣваетъ, не собирается ли она убѣжать отъ него съ какимъ-нибудь лордомъ.

Въ ту же пору слуги м-ра Домби ведутъ разсѣянную жизнь и теряютъ способность ко всякимъ дѣламъ. Каждый вечеръ они угощаются горячимъ ужиномъ, бесѣдуютъ дружелюбно,

²⁴ Въ англійскихъ воскресныхъ газетахъ (Sunday Papers) всегда по большей части рѣчь идетъ о семейныхъ дѣлахъ. Политика въ сторонѣ.

курять и выпивают полные бокалы. Къ девяти часамъ м-ръ Таулисонъ всегда подъ куражомъ и часто желаетъ знать, сколько разъ онъ говорилъ, что нечего ждать добра отъ угольныхъ домовъ. Вся компанія перешептывается насчетъ миссъ Домби и недоумѣваетъ, куда бы она скрылась. Думаютъ вообще, что это извѣстно м-съ Домби, хотя м-ръ Домби едва ли знаетъ. Это обстоятельство наводитъ рѣчь на бѣжавшую леди, и кухарка того мнѣнія, что м-съ Домби величава, какъ пава, но ужъ слишкомъ горда, Богъ съ ней. Всѣ согласны, что она слишкомъ горда, и по этому поводу возлюбленная Таулисона, дѣвица добродѣтельная, покорнѣйше проситъ, чтобы не толковали передъ ней объ этихъ гордянкахъ, которыя всегда поднимаютъ голову кверху, какъ будто уже нѣтъ земли подъ ихъ ногами.

Вездѣ и всюду разсуждаютъ о дѣлахъ м-ра Домби дружелюбной массой и хоромъ. Только м-ръ Домби пребываетъ въ своемъ кабинетѣ, и не вѣдаетъ свѣтъ, что творится въ его душѣ.

Глава III Таинственная вѣсть

Бабушка Браунъ и дочь ея Алиса держали въ своей хижинѣ тайное совѣщаніе. Это происходило въ первые часы вечера и въ послѣдніе дни весны. Уже нѣсколько дней прошло съ той поры, какъ м-ръ Домби сказалъ майору Багстоку о своемъ странномъ извѣстїи, полученномъ весьма странными путями. Извѣстїе, разсуждалъ онъ, могло быть вздорное, а пожалуй, могло быть и очень невздорное.

Мать и дочь сидѣли очень долго, не говоря ни слова и почти безъ всякаго движенія. На лицѣ старухи отражалось тревожное и какое-то замысловатое ожиданіе; физиономія дочери, проникнутая также ожиданіемъ, не выражала рѣзкаго нетерпѣнія, и въ облакахъ, собиравшихся на ея лицѣ, можно было читать недовѣрчивость и опасеніе неудачи. Старуха чавкала и жевала, не спуская глазъ со своей дочери, и съ большимъ вниманіемъ прислушивалась ко всякому шороху.

Ихъ жилище, бѣдное и жалкое, не имѣло, однако, прежняго вида, когда бабушка Браунъ обитала здѣсь одна. Нѣкоторыя потуги на чистоту и опрятность обличали съ перваго разу присутствіе молодой женщины, несмотря на цыганскій и вовсе не поэтическій безпорядокъ, бросавшійся въ глаза изъ всѣхъ угловъ. Вечернія тѣни сгущались и углублялись среди молчанія двухъ женщинъ, и, наконецъ, темныя стѣны почти потонули въ преобладающемъ мракѣ.

Алиса Марвудъ прервала продолжительное молчаніе такимъ образомъ:

- Утомонись, matka; онъ не придетъ.
- Придетъ онъ, придетъ, говорю тебѣ!
- Увидимъ.
- Разумѣется, увидимъ его.
- На томъ свѣтѣ развѣ.

– Ты меня считаешь, Алиса, набитой душой, спасибо тебѣ, дочка! Вотъ и дождалась на старости лѣтъ привѣта да почета. Но я еще не совсѣмъ выжила изъ ума, дѣтище ты неблагодарное, и онъ придетъ, какъ Богъ святъ. Когда на этихъ дняхъ я поймала его на улицѣ за фалды... ухъ! онъ взглянулъ на меня, какъ на жабу, и, Господи Владыко! посмотрѣла бы ты, какъ скорчилась его рожа, когда я назвала ихъ по именамъ и сказала, что знаю, гдѣ они.

– Что? онъ осердился? – спросила дочь, заинтересованная подробностями разсказа.

– Осердился?... спроси лучше, окровенился ли онъ. Осердился, – ха-ха-ха? Нѣтъ, живчикъ ты мой, – продолжала старуха, подпрыгивая къ шкафу и зажигая сальный огарокъ, мгновенно освѣтившій нескончаемую работу ея губъ, – нѣтъ, когда ты вотъ о нихъ думаешь или говоришь, никто авось не скажетъ, что ты только осерчала.

И точно, Алиса въ эти минуты представляла истинное подобіе тигрицы, сторожившей добычу.

– Тсс! – зашипѣла старуха торжественнымъ шипомъ. – Чьи-то шаги! Такъ не ходитъ наша братія, и ужъ, конечно, это не сосѣдь. Слышишь, Алиса?

– Слышу. Ты не ошиблась, мать. Отвори дверь.

Говоря это, Алиса поспѣшно накинула шаль на свои плечи и оправила волосы; старуха между тѣмъ прихрамывая и припрыгивая, впустила м-ра Домби, который, переступивъ черезъ порогъ, остановился у дверей и съ недовѣрчивымъ видомъ озирался вокругъ.

– Что, сэръ? – сказала старуха, дѣлая книксень. – Бѣдненько здѣсь для вашей милости? Ничего, никто васъ не укуситъ.

– Это кто? – спросилъ м-ръ Домби, указывая на молодую женщину.

– Дочка моя, сэръ, смиренная дочка. Не бойтесь, она все знаетъ.

Мрачная тѣнь, пробѣжавшая по его лицу, выразительнѣ всякаго вздоха обнаруживала его мысль. "Кто же этого не знаетъ?" думалъ м-ръ Домби, впившись глазами въ молодую женщину, которая, въ свою очередь, безъ всякаго смущенія смотрѣла на него. Тѣнь на его лицѣ сдѣлалась еще мрачнѣе, когда онъ отвернулъ свой взоръ, который, впрочемъ, черезъ минуту опять устремился на нее, какъ будто прикованный къ ея смѣлымъ глазамъ, пробуждавшимъ въ его душѣ какое-то воспоминаніе.

– Женщина, – сказалъ м-ръ Домби, обращаясь къ старой вѣдьмѣ, которая между тѣмъ ухмылялась и моргала изъ-подъ его локтя и, указывая на свою дочь, самодовольно потирала руками, – женщина, я позволилъ себѣ унизиться слишкомъ много, входя въ твою берлогу, но ты знаешь, зачѣмъ я пришелъ, и помнишь, что ты мнѣ обѣщала, когда остановила меня на этихъ дняхъ среди дороги. Что имѣешь ты сказать относительно того, что мнѣ необходимо знать, и какъ случилось, что я могу найти разгадку тайны въ этомъ логовищѣ, послѣ того, какъ истощилъ всю свою власть и средства, чтобы открыть ее другими путями? – М-ръ Домби на минуту пріостановился и бросилъ вокругъ себя гнѣвный взглядъ. – Не думаю, – продолжалъ онъ, – чтобы ты осмѣлилась шутить со мною или вздумала нахально меня обмануть; но если въ этомъ твое намѣреніе, я совѣтую тебѣ остановиться и ни шагу впередъ.

– Охъ, какой вы гордый! – ухмыляясь мямила старуха, мотая головой и потирая морщинистыя руки, – нечего сказать, горячая у васъ голова; а впрочемъ, страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ; вы будете смотрѣть собственными глазами и слышать собственными ушами, а не нашими, и если попадете на ихъ слѣдъ, то сколько намѣрены вы заплатить намъ, дорогой сэръ?

– Деньги, я знаю, производятъ иной разъ невѣроятныя вещи, – возразилъ м-ръ Домби, очевидно успокоенный этимъ вопросомъ. – При деньгахъ становятся годными всякія средства. Да, за всякое полезное извѣстіе я готовъ платить; но надо, чтобы это извѣстіе дошло до моихъ ушей, иначе какъ же я стану судить о его цѣнности?

– Неужели, думаете вы, нѣтъ ничего могущественнѣе денегъ? – спросила молодая женщина, не перемѣняя своей наблюдательной позы.

– Не здѣсь, до крайней мѣрѣ, – сказалъ м-ръ Домби.

– Не здѣсь? почему же? Найдутся, я полагаю, и здѣсь вещицы посильнѣе вашихъ денегъ. Что, напримѣръ, вы думаете о гнѣвѣ женщины?

– Я думаю, что у васъ дерзкій языкъ, – сказалъ м-ръ Домби.

– Напрасно, – отвѣчала Алиса спокойнымъ тономъ, – я говорю такъ для того, чтобы вы лучше съ нами познакомились и вполне могли на насъ положиться. Гнѣвъ женщины столько же значитъ въ бѣдной хижинѣ, какъ и въ раззолоченныхъ хоромѣхъ ббгача. Я, рекомендую вамъ, очень сердита, и уже давно. Причины моего гнѣва, смѣю сказать, равносильны вашимъ, и предметъ его – одинъ и тотъ же человѣкъ.

М-ръ Домби стремительно отпрянулъ съ мѣста и посмотрѣлъ на нее съ величайшимъ изумленіемъ.

– Да, сэръ, – продолжала Алиса, – какъ ни велико между нами разстояніе, но я говорю правду. Какъ это вышло, нѣтъ надобности знать: это моя тайна, и я не навязываюсь со своими тайнами. Мнѣ хочется поставить васъ съ нимъ на одну доску, потому что я смертельно его ненавижу. Моя мать скупа, бѣдна и готова продать за деньги всякія вѣсти. Въ этомъ ея промыселъ. Можете платить ей, сколько угодно, и пожалуй, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Но я хлопочу тутъ не изъ-за денегъ, и для меня рѣшительно все равно, за что бы вы ни купили этотъ секретъ. Довольно. Мой дерзкій языкъ не скажетъ больше ничего, хотя бы вы простояли здѣсь до утра.

Во время этой рѣчи, клонившейся къ уменьшенію ожидаемыхъ барышей, старуха обнаруживала безпокойство и безпрестанно подталкивала локтемъ м-ра Домби, чтобы тотъ не обращалъ вниманія на ея дочь. Онъ попеременно смотрѣлъ на нихъ обѣихъ дикими глазами и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

– Говорите же, что вы знаете?

– О, не будьте такъ торопливы, – отвѣчала старуха, – мы поджидаемъ человѣчка, котораго нужно напередъ скрутить, пощипать, навинтить...

– Это что значить?

– Погодите немножко, – каркала вѣдьма, положивъ свою костяную лапу на его плечо, – погодите! мы знаемъ, гдѣ раки зимуютъ, и уже что я сказала, то свято. Будетъ намъ пожива. Если онъ заартачится малую толику, – продолжала м-съ Браунъ, растопыривая свои пятерни, – мы сумѣемъ развязать его язычекъ!

М-ръ Домби слѣдилъ за ней глазами, когда она подпрыгнула къ дверямъ, и потомъ его взоръ обратился на ея дочь; но Алиса хранила глубокое, безстрастное молчаніе и не обращала на него никакого вниманія.

– Какъ я долженъ понимать васъ? – сказалъ м-ръ Домби, когдя фигура м-съ Браунъ, пошатываясь и прихрамывая, отскакивала отъ дверей. – Вы, кажется, кого-то ждете?

– Да!

– Человѣка, отъ, котораго можетъ быть, вы надѣетесь вырвать ожидаемую вѣсть?

– Да.

– Я его не знаю?

– Тсс! – прошипѣла старуха съ пронзительнымъ хохотомъ. – Зачѣмъ объ этомъ спрашивать? Человѣкъ вамъ знакомый, но онъ не долженъ васъ видѣть. Парнюга слишкомъ робокъ и не сказалъ бы вамъ ни словечка. Мы запрячемъ васъ за эту дверь, и вы будете, если хотите, смотрѣть во всѣ глаза и слушать обоими ушами. Мы не требуемъ и не просимъ, чтобы вѣрили намъ на честное слово. Какъ? вы изволите сомнѣваться насчетъ этой комнаты за дверью? Загляните въ нее, если угодно.

Острый глазъ старушенки открылъ въ м-рѣ Домби невольное выраженіе подозрительности, которая на этотъ разъ была очень кстати. Она поднесла къ дверямъ сальный огарокъ, и м-ръ Домби убѣдился, что тамъ была пустая комната. Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы огонь былъ унесенъ на свое мѣсто.

– Скоро ли придетъ сюда этотъ человѣкъ?

– Скоро. Вы потрудитесь посидѣть здѣсь минутъ десятокъ.

Не давъ никакого отвѣта, м-ръ Домби началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ съ нерѣшительнымъ видомъ, недоумѣвая, остаться ему или уйти назадъ. Но скоро походка его сдѣлалась медленнѣе и тяжелѣе, и суровое лицо приняло задумчивый видъ; было ясно, въ умѣ м-ра Домби утвердилась рѣшимость дожидаться окончательныхъ результатовъ своего страннаго визита.

Между тѣмъ, какъ онъ ходилъ такимъ образомъ взадъ и впередъ, съ глазами, опущенными въ землю, м-съ Браунъ снова усѣлась на свой стулъ и принялась слушать. Однообразіе его походки или дряхлый возрастъ были причиной, только старуха на этотъ разъ до того окрѣпла на ухо, что наружные шаги давно раздавались въ ушахъ ея дочери, и она нѣсколько разъ быстрымъ взглядомъ старалась предварить свою мать о приближеніи ожидаемаго человѣка. Но, какъ скоро, наконецъ, ея вниманіе было пробуждено, она стремительно вскочила со стула, прошептала "идеть!" и, указавъ своему гостю на его наблюдательный постъ, поспѣшно поставила на столъ бутылку со стаканомъ и бросилась къ дверямъ, гдѣ уже появился Точильщикъ, котораго она встрѣтила съ распростертыми лапами, обвиваясь, какъ гіена, вокругъ его шеи.

– Вотъ и мой голубчикъ! – завопила м-съ Браунъ. – Наконецъ! ого! ого! какой ты милашка, сынокъ ты мой, Робби!

– О, миссисъ Браунъ! – отвѣчалъ озадаченный Точильщикъ. – Перестаньте пожалуйста! Развѣ нельзя любить парня, не царапая его шеи? Вотъ видите ли, въ рукахъ у меня клѣтка, съ птицей клѣтка, миссисъ Браунъ!

– Птичья клѣтка для него дороже, чѣмъ я! – вопила старуха, озираясь на потолокъ. – Изволь тутъ быть для него матерью! чего матерью? я бы должна быть для тебя милѣ всякой матери, разбойникъ ты безпардонный!

– Оно вѣдь такъ и есть, миссисъ Браунъ: я вамъ очень обязанъ, – отвѣчалъ несчастный Точильщикъ, – да вы ужь слишкомъ ревнуете бѣднаго парня. Я вотъ и самъ люблю тебя, бабушка Браунъ, право люблю, а все же не душу. Зачѣмъ же душить?

Точильщикъ говорилъ и смотрѣлъ такимъ образомъ, какъ будто противная сторона имѣла явныя подозрѣнія, что онъ радъ бы дожидаться благопріятнаго случая отправить на тотъ свѣтъ свою названную мать.

– А и что вамъ клѣтка, миссисъ Браунъ? Развѣ бѣда какая, что я заговорилъ о клѣткѣ? Глядите сюда, вѣдь эта клѣтка – знаете чья?

– Твоего хозяина, голубчикъ?

– Въ томъ-то вотъ и штука! – отвѣчалъ Точильщикъ, уставляя на столъ огромную, завернутую въ простыню клѣтку и развязывая ее руками и зубами. – Это нашъ попугай.

– Попугай м-ра Картера, касатикъ?

– Да будешь ли ты держать свой языкъ на привязи, миссисъ Браунъ? Какое тебѣ дѣло до названія? Ты, ей Богу, съ ума сведешь бѣднаго парня! – заключилъ Точильщикъ, ухватившись въ припадкѣ отчаянія обѣими руками за свои волосы.

– Что? ты вздумалъ колоть меня, неблагодарный скотъ? – завизжала старуха въ порывѣ остервенѣнія.

– Да нѣтъ-же, бабушка Браунъ, ей Богу, нѣтъ! – возразилъ Точильщикъ со слезами на глазахъ. – Ахъ, ты Господи твоя воля, что это за... Развѣ я не люблю тебя миссисъ Браунъ?

– А и вправду, Робинъ, ты меня очень любишь, цыпленочекъ ты мой!

И говоря это, м-съ Браунъ еще разъ заключила его въ свои нѣжныя объятія, изъ которыхъ онъ вырвался только послѣ продолжительной борьбы руками и ногами, при чемъ волосы его взъерошились и стали дыбомъ.

– Ну, признаться, – говорилъ Точильщикъ, задыхаясь отъ крайней усталости послѣ продолжительной возни, – отъ этой любви бѣги хоть на каторгу... какъ ваше здоровье, миссисъ Браунъ?

– И не быть у меня цѣлую недѣлю, мошенникъ ты этакій! – говорила старуха тономъ дружескаго упрека.

– Что съ тобою, бабушка Браунъ? Развѣ я не сказала, что приду къ вамъ черезъ недѣлю въ этотъ самый вечеръ. Вотъ я и пришелъ. Ну что, какъ твои дѣлишки, бабуся? Все ли этакъ-того... понимаешь? Не мѣшало бы тебѣ быть немножко поумнѣе, миссисъ Браунъ. Я, право, охрипъ, толкуя съ тобой, и мое лицо, я думаю, побагровѣло отъ твоей ласки.

Говоря это, Точильщикъ утирался рукавами, какъ будто хотѣлъ стереть съ своего лица нѣжную полировку.

– Выпей винца, Робинъ, – сказала старуха, подавая ему налитый стаканъ, – теперь тебѣ очень не мѣшаетъ.

– Да таки и правда, миссисъ, Браунъ, покорно благодарю. За твое здоровье, бабушка, многія тебѣ лѣта, и да будетъ у тебя на томъ свѣтѣ... и прочая, и прочая.

Чего желалъ Точильщикъ, судить трудно, но на его лицѣ просвѣчивались не совсѣмъ добрыя пожеланія. Затѣмъ онъ обратился къ Алисъ, которая сидѣла неподвижно и какъ будто устремила глаза на Точильщика, но на самомъ дѣлѣ смотрѣла позади его на лицо м-ра Домби, выставлявшееся изъ-за двери.

– И за ваше здоровье, сударыня! Тысячу вамъ лѣтъ съ полтысячью да съ четвертью; – аминь!

Послѣ этихъ двухъ комплиментовъ онъ опустошилъ стаканъ и поставилъ на столъ.

– Ну, такъ дѣла вотъ какія, миссисъ Браунъ, – началъ Точильщикъ. – Во-первыхъ, тебѣ прежде всего не мѣшаетъ малую толику поумнѣть, а потомъ, ты вѣдь отличный знатокъ въ птицахъ и чуть ли не говоришь по-птичьи, это я знаю на свою бѣду.

– На бѣду! – повторила м-съ Браунъ.

– На свои радости, бабуся, – возразилъ Точильщикъ; – слушай хорошенько... тебѣ бы все ловить бѣднаго парнюгу. – Что, бишь, я хотѣлъ сказать?

– Я знатокъ въ птицахъ, Робинъ, подсказала старуха.

– Ну да; такъ вотъ видишь, на моихъ рукахъ этотъ попугай... извѣстные деньги, что приходились, получены сполна, извѣстное мѣсто лопнуло, и я, что называется, теперь линияю; поэтому, бабушка, ты ужь возьми подъ свое покровительство эту птицу, недѣли такъ на полторы, и дай ей квартиру и столъ. Мнѣ вѣдь, чортъ побери, надобно же къ тебѣ слоняться, – бормоталъ Точильщикъ съ отчаяннымъ лицомъ, – ну, такъ, по крайности, было бы зачѣмъ.

– Вотъ что! такъ тебѣ не зачѣмъ бывать у меня, распрешельма ты окаянный! – завизжала старуха.

– Что ты опять взѣлась, бабушка Браунъ? Я говорю, чтобы имѣть поводъ приходить къ тебѣ чаще, когда эта птица будетъ у тебя гостить. Я всегда радъ тебя видѣть бабуся.

– Онъ не заботится обо мнѣ! ему и дѣла нѣтъ до меня! – визжала м-съ Браунъ, ломая костлявыя руки. – Какъ же ты хочешь, чтобы я заботилась о твоей птицѣ? Такъ и быть, мошенникъ ты этакій, я стану за ней ухаживать.

– Спасибо, миссисъ Браунъ. И, пожалуйста, обходишь съ ней осторожнѣй, – говорилъ Точильщикъ вкрадчивымъ тономъ. – Все будетъ узно, если этакъ даже погладишь ее не по шерсти.

– Будто онъ такъ пронизателенъ, Робинъ!

– Ужъ и не говори, бабушка, проведеть и надуеть самого чорта! Только объ этомъ не надо толковать.

Прервавъ себя такимъ образомъ, Точильщикъ бросилъ боязливый взглядъ вокругъ комнаты, налилъ стаканъ, выпилъ залпомъ, покачалъ головой и началъ разсѣянно барабанить по клѣткѣ, стараясь предать забвенію опасный предметъ, котораго такъ неосторожно коснулся.

Старуха съ лукавымъ видомъ пододвинула къ нему свой стулъ и, взглянувъ на попугая, который въ эту минуту спускался съ своего вызолоченнаго купола, сказала:

– Безъ мѣста теперь, Робинъ?

– Ничего, миссисъ Браунъ, ничего, только помалчивай!

– А что, развѣ много даль на харчи, касатикъ?

– Попинька! попка! – говорилъ Точильщикъ.

Занятый этимъ обращеніемъ къ попугаю, Робинъ, къ счастью для себя, не замѣчалъ грозныхъ жестовъ и дикаго взгляда старухи.

– Отчего это онъ не взялъ тебя съ собой, Робинъ? – сказала м-съ Браунъ вкрадчивымъ тономъ, который однако едва скрывалъ ея возрастающее негодованіе. – Хозяинъ-то твой, говорю я... почему бы ему не взять тебя съ собою?

Робинъ былъ такъ погруженъ въ разсматриваніе попугая и съ такимъ усердіемъ перебиралъ проволоки его клѣтки, что не могъ дать никакого отвѣта на этотъ повторенный вопросъ.

– Я говорю, отчего бы этакъ хозяину-то не взять тебя съ собою?

– Попинька! Попка дуракъ!

Старуха сдѣлала движеніе, чтобы впустить свои когти въ его взъерошенные волосы, однако удержалась и, подавляя негодованіе, еще разъ повторила свой вопросъ.

– Отвяжитесь, пожалуйста, бабушка Браунъ.

М-съ Браунъ мгновенно запустила когти своей правой руки въ его волосы, обхватила лѣвой лапой его горло и принялась душить своего любимца съ такимъ неистовствомъ, что лицо его почернѣло.

– Пустите, ой, пустите, Бога ради, – вопил Точильщикъ. – Чтотыдѣлаешь миссисъ Браунъ? ай! миссисъ Брау – Бра –! Помогите!

Но молодая женщина, неподвижная при этомъ обращеніи къ ней, оставалась совершенно нейтральною до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, Робинъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, не высвободился кое-какъ изъ тисковъ своей непріятельницы. Забившись въ уголь, онъ дышалъ, какъ надорванный заяцъ, отгородившись собственными локтями, между тѣмъ какъ старуха, захавшаяся не меньше его, неистово топала ногами и, по-видимому, собиралась съ новыми силами для отчаянной атаки. При этомъ кризисѣ Алиса возвысила свой голосъ, но не въ пользу Точильщика:

– Хорошо, матушка, продолжай! Въ куски его, собаку!

– Какъ? – вопилъ Точильщикъ, – неужели и вы противъ меня? Что я вамъ сдѣлалъ? За что меня въ куски, желалъ бы я знать? Зачѣмъ заманить и душисть парнюгу, который не сдѣлалъ вамъ ни малѣйшаго зла? Вотъ тебѣ и женщины! Куда дѣвалась ваша женская нѣжность? ума не приложу!

– Песь смердящій! – шипѣла м-съ Браунъ, – сорванецъ безстыдный, забіяка непотребный!

– Чѣмъ я тебя обидѣлъ, миссисъ Браунъ? Взѣлась, какъ волчица, чортъ знаетъ за что, а еще хвасталась, что любить меня, какъ сына!

– Отдѣлываться отъ меня обиняками! взбрехивать на меня нахальными словами!.. Ахъ, ты, мошенникъ этакій, да за кого ты меня принимаешь, бестія! Вздумала ощупать его малую толику на счетъ его хозяина и этой леди, а онъ и давай со мною въ жмурки да въ горѣлки! Хорошо, щенокъ, ты припомнишь это, отольются кошкѣ мышкены слезки! Проваливай теперь, ты мнѣ не нуженъ!

– Да развѣ я намекалъ, что хочу идти, миссисъ Браунъ? О, не говори этого, бабушка, пожалуйста!

– Я и вовсе не стану говорить, щенокъ ты паршивый! – сказала м-съ Браунъ, растопыривая свои ногти, отчего Точильщикъ съезжился въ углу и присѣлъ, какъ напуганный заяцъ. – Ни слова теперь не сорвется съ моихъ губъ. Надо его прогнать. Пусть его идетъ! Я напушу на него ребятъ, которые споютъ ему славную пѣсню; они пристанутъ къ нему, какъ пѣвки, и вскарабкаются ему на шею, какъ лисицы. Онъ ихъ знаетъ. Онъ знаетъ всѣ ихъ старыя забавы и залихватскія продѣлки. Если онъ забудетъ ихъ, они сумѣютъ себя напомнить скоро. Пусть его идетъ, чертъ съ нимъ! Увидимъ, какъ онъ будетъ заниматься хозяйскими дѣлами и хранить хозяйскіе секреты въ этой забубенной компаніи сорванцовъ. Не увидимъ, такъ услышимъ. Ха, ха, ха! Онъ поразгуляется съ ними не такъ, какъ съ нами, Алиса, чортъ съ нимъ! Пусть его идетъ, пусть его.

И старуха, къ невыразимому огорченію Точильщика, прыгала взадъ и впередъ, какъ вѣдьма, махая вокругъ головы сжатымъ кулакомъ, неумоимо работая губами и безпрестанно повторяя: чортъ съ нимъ, пусть его идетъ!

– Миссисъ Браунъ, – началъ умоляющимъ голосомъ Точильщикъ, выступая понемногу изъ своего угла, – зачѣмъ ты обижаешь такъ безжалостно невиннаго парнюгу? Подумай хорошенько, что я тебѣ сдѣлалъ?

– Не болтай со мной, щенокъ! – говорила м-съ Браунъ, продолжая неистово размахивать кулакомъ. – Пусть его идетъ, пусть его!

– Миссисъ Браунъ, – продолжалъ измученный Точильщикъ, – я и не думалъ... то есть, тутъ просто сломя голову идешь въ капканъ!.. это вѣдь уже мое обыкновение, миссисъ Браунъ, не заикаться о немъ лишнимъ словомъ, такъ какъ, видишь ли, ему извѣстна вся подноготная. Ну, да ужъ такъ и быть, я увѣренъ, миссисъ Браунъ, никто не вынесетъ сору изъ этой избы. Малую толику изволь, я вовсе не прочь. Да, пожалуйста, не вертись такъ, миссисъ Браунъ,

перестань, сдѣлай милость. Неужели вы не хотите замолвить словечка за бѣднаго парнюгу? – говорилъ Точильщикъ, обращаясь съ отчаяніемъ къ молодой женщинѣ.

– Перестань, матушка; слышишь, что онъ говоритъ? – сказала строгимъ голосомъ Алиса, дѣлая нетерпѣливое движеніе головой, – пощупай его еще, и если онъ не поддастся, можешь задать ему карачунъ.

Уступая этому нѣжному ходатайству, м-съ Браунъ смягчилась мало-по-малу и заключила въ свои объятія раскаявшагося Точильщика, который, въ свою очередь, принужденъ былъ обнять и ее! Затѣмъ онъ занялъ за столомъ свое прежнее мѣсто подлѣ м-съ Браунъ, которая одной рукой обвила его шею, а другой энергично начала пожимать его колѣни, давая такимъ образомъ знать, что она готова предать забвенію понесенныя обиды. Точильщикъ не жаловался, не возражалъ, не шевелился, хотя въ чертахъ его лица обрисовывалась невыносимая мука.

– Ну что же, милашка, каковъ теперь твой хозяинъ? – начала м-съ Браунъ, когда они, въ заключеніе мировой, выпили по стаканчику за здоровье другъ друга.

– Тсс! Пожалуйста, миссисъ Браунъ... ты ужъ этакъ... понимаешь?... надо говорить потише. Ничего, коли хочешь, онъ, я думаю, такъ себѣ, то есть, здоровъ, слава Богу, покорно благодарю.

– Ты безъ мѣста Робби? – спросила м-съ Браунъ вкрадчивымъ тономъ.

– Не то чтобы безъ мѣста, и не то чтобы при мѣстѣ, – лепеталъ Робъ. – Мнѣ, какъ бы это сказать да не схвастнуть, жалованье мнѣ все еще идетъ, миссисъ Браунъ.

– За что же, Робинъ?

– Да такъ. Дѣль-то особыхъ, видишь ты, нѣтъ, ну а на всякій случай велѣно держать ухо востро.

– Хозяинъ за границей, Робби?

– Ахъ, да что тебѣ! Пожалуйста, миссисъ Браунъ, давай толковать о чемъ-нибудь другомъ.

М-съ Браунъ быстро поднялась съ мѣста къ большому отчаянію Точильщика, который, удерживая ее, лепеталъ:

– Да, миссисъ Браунъ, да; мнѣ сдается, онъ точно за границей. На что это она такъ пристально смотреть? – прибавилъ Точильщикъ, указывая на дочь, глаза которой устремлены были на лицо, выглядывавшее изъ-за дверей.

– Не тронь ея, касатикъ, – сказала старуха, прижимаясь къ нему тѣснѣе, чтобы онъ не оглянулся назадъ. – Это ужъ у нея такой обычай, пусть ее. Ты говори со мной, Робинъ. Видаль ты у него эту барыню, касатикъ?

– Какую барыню, миссисъ Браунъ?

– Ну вотъ, будто и не знаешь, касатикъ?

– Право не знаю, бабушка, – вопилъ Точильщикъ, тономъ отчаянной мольбы.

– Барыню, которая къ нему ѣздила, м-съ Домби, что-ли?

– Да, помнится, я видѣлъ ее одинъ разъ.

– Когда же, касатикъ? въ тотъ вечеръ, когда она уѣхала съ нимъ? – говорила старуха, пристально всматриваясь въ измѣняющіяся черты его лица. – Ага! вижу по глазамъ, что въ тотъ вечеръ.

– Ну ужъ такъ и быть, если видишь, миссисъ Браунъ; нечего, стало быть, запускать клещи въ бѣднаго парнюгу, чтобы развязать его языкъ.

– Куда же они уѣхали той ночью, Робинъ? По прямой дорогѣ, касатикъ? Какъ они уѣхали? Гдѣ ты ее видѣлъ? Смѣялась она? плакала? Рассказывай обо всемъ, голубчикъ, – выкрикивала старуха, прижимаясь къ нему ближе и схвативъ его за обѣ руки, при чемъ глаза ея прыгали и сверкали необыкновеннымъ свѣтомъ. – Ну, раскошеливайся! Мнѣ надобно знать обо всемъ.

Впередь, голубчик! Вѣдь мы съ тобой давно мѣняемся нашими секретами, не такъ ли? Мы не выдадимъ другъ друга. Прежде всего, куда они поѣхали, Робинъ?

Злосчастный Точильщикъ вздохнулъ тяжело и остановился.

– Оглохъ, что ли, ты? – спросила старуха сердитымъ голосомъ.

– Погоди, миссисъ Браунъ, я вѣдь не такъ скоръ, какъ молнія. А желалъ бы, чортъ побери, сдѣлался на этотъ разъ громовой стрѣлой, чтобы упасть на нѣкоторыхъ людей, которые, видишь ты, слишкомъ лакомы до чужихъ дѣлъ.

– Что ты говоришь?

– Я говорю, миссисъ Браунъ, что не мѣшало бы намъ съ тобой выпить по стаканчику настойки. Сердцу, знаешь, какъ-то веселѣй. Ну, такъ куда они уѣхали, спрашиваешь ты? То есть, куда уѣхали, онъ и она, такъ что ли?

– Да, да, касатикъ.

– Сказать по правдѣ, они никуда не уѣхали, то есть, оба-то они, вмѣстѣ-то, я разумѣю, никуда не уѣхали.

Вѣдьма приготовилась, по-видимому, опять вцѣпиться въ его волосы и горло, но удержалась въ ожиданіи дальнѣйшихъ объясненій.

– Такъ-то, бабуся, – продолжалъ отчаянный Точильщикъ, – ни одинъ чортъ тебѣ не скажетъ, куда они поѣхали, потому что, видишь ты, они уѣхали различными дорогами, по одиночкѣ.

– Вотъ что! Смекаю, касатикъ: они назначили мѣсто, гдѣ должны съѣхаться? Такъ, такъ!

– То есть, если бы имъ не нужно было съѣхаться, они, я полагаю, остались бы дома, миссисъ Браунъ, не такъ ли?

– Правда, касатикъ, правда. Ну, что дальше? продолжай? – говорила старуха, ухватившись крѣпче за его руки, какъ будто опасаясь, какъ бы онъ не ускользнулъ.

– Да что же тебѣ надобно, миссисъ Браунъ? Развѣ этого мало? – возразилъ отчаянный Точильщикъ, терпѣвшій во все это время невыносимую пытку, какъ будто съ каждымъ отвѣтомъ вытягивалась изъ него новая жила. – То есть, еще смѣялась ли она въ ту ночь? Кажись, ты спрашивала, бабушка смѣялась ли она?

– Или плакала? – прибавила старуха, кивая головой.

– Не смѣялась и не плакала, – сказала Точильщикъ. – Она была такъ тверда, когда она... и я... послушай, бабушка, тебѣ, я вижу, нужна вся подноготная. Такъ и быть! Только дай напередъ торжественную клятву, что ты никому объ этомъ не заикнешься.

– Мгсъ Браунъ, іезуитка отъ природы, немедленно поклялась всемогущимъ Творцомъ, прибавивъ, что въ случаѣ нарушенія клятвы, она готова провалиться въ преисподнюю, въ тарь-тарары. При этомъ она сдѣлала исподтишка лукавый кивокъ на м-ра Домби.

– Такъ въ ту пору, говорю я, когда она и я пошли къ Саутгемптону²⁵, она была такъ тверда, какъ гранитъ, – продолжалъ Точильщикъ. – Такою же она была и поутру, миссисъ Браунъ. Когда на разсвѣтѣ она сѣла въ шлюпку и поѣхала, я, какъ ея слуга, стоялъ на берегу, чтобы видѣть, все ли благополучно, она ни въ чемъ и нисколько не измѣнилась. Теперь довольна ли ты, миссисъ Браунъ?

– Нѣтъ, голубчикъ, еще не совсѣмъ, – отвѣчала м-съ Браунъ рѣшительнымъ тономъ.

– Вотъ навязалась старуха! Ахъ, Ты Господи, Твоя воля! – визжалъ неутѣшный Точильщикъ, бесполезно горя о своей судьбѣ. – Да чего тебѣ еще надо, миссисъ Браунъ?

– Что случилось съ хозяиномъ? куда онъ дѣвался? – спрашивала старуха, прижимаясь къ нему тѣснѣе и пронизывая его своими кошачьими глазами.

²⁵ Southampton – одна изъ главныхъ частей Лондона на берегу Темзы, гдѣ есть перевозъ, называемый также Southampton.
Прим. перев.

– Ну, вот этого я, ей же ей, не знаю, мисс Браунъ, – отвѣчалъ Точильщикъ. – Лопни мои глаза, если я вѣдаю сколько-нибудь, что онъ тогда дѣлалъ, куда поѣхалъ или зачѣмъ. Помню только, и хорошо помню, онъ сказалъ мнѣ на прощаньи, чтобы я держалъ свой языкъ за зубами; не то прибавилъ онъ, я повѣшу тебя на первой осинѣ. И я скажу тебѣ, м-съ Браунъ, какъ искреннему другу, что если тебѣ вздумается проболтаться кому-нибудь ма счетъ того, о чемъ мы съ тобой толковали, то ужъ лучше ты взорви себѣ черепъ или сожги себя вмѣстѣ съ этой избушкой, не то онъ догонитъ и захватитъ тебя въ самомъ омутѣ чертей. Ты и вполонину его не знаешь такъ, какъ я, миссисъ Браунъ! Не будетъ отъ него никакого спасенья, говорю тебѣ.

– Развѣ я не поклялась тебѣ, голубчикъ? – возразила старуха тономъ упрека. – Небось, я сумѣю сдержать клятву.

– То-то же, смотри, миссисъ Браунъ, я надѣюсь, ты не захочешь погубить ни себя, ни меня.

При этомъ дружескомъ совѣтѣ онъ бросилъ на нее умильный взоръ и съ особеннымъ эффектомъ кивнулъ головою; но, не находя слишкомъ большой отрады при встрѣчѣ съ желтымъ лицомъ и хорьковыми бѣлками старой вѣдьмы, прижавшейся къ нему еще тѣснѣе, онъ неохотно опустилъ глаза въ землю и сѣлъ переминаясь на свой стулъ, рѣшившись, по-видимому, во что бы то ни стало, хранить упорное молчаніе при всѣхъ послѣдующихъ вопросахъ. Старуха между тѣмъ, пользуясь этимъ случаемъ, подняла на воздухъ указательный палецъ своей правой руки, давая знать своему тайному наблюдателю, что вотъ теперъ-то собственно онъ долженъ слушать обоими ушами.

– Робинъ? – начала м-съ Браунъ самымъ вкрадчивымъ тономъ.

– Ну, да что еще, миссисъ Браунъ?

– Робинъ! гдѣ уговорился твой хозяинъ съѣхаться съ этой барыней?

Точильщикъ повернулся два-три раза на своемъ стулѣ, взглянулъ на полъ, взглянулъ на потолокъ, закусилъ ноготь большого пальца, перебралъ всѣ пуговицы на жилетѣ и, взглянувъ искоса на свою неумолимую мучительницу, окончательно сказалъ:

– Какъ я могу это знать, миссисъ Браунъ?

Старуха опять, какъ прежде, сдѣлала сигналъ своимъ указательнымъ пальцемъ.

– Пошевеливайся, любезный, пошевеливайся! Не къ чему было доводить меня до этого мѣста и бросить ни съ чѣмъ. Я хочу знать и буду знать во что бы то ни стало.

– Да ты таки посуди сама, неразумная ты женщина, какъ могу я выговаривать французскія имена городовъ?

– Ты могъ слышать, какъ ихъ произносили при тебѣ. Пошевеливайся, Робби!

– При мнѣ ихъ вовсе не произносили, миссисъ Браунъ.

– Ну, такъ ты видѣлъ, любезный, какъ ихъ писали, и теперь ты можешь ихъ сложить, – быстро подхватила старуха, не спуская съ него глазъ.

Проникнутый невольнымъ удивленіемъ къ этой необыкновенной догадливостисвоего палача, Робинъ испустилъ не то стонъ, не то крикъ и, порывшись нѣсколько времени въ карманъ своего жилета, вынулъ оттуда кусокъ мѣлу.

– Изволь, миссисъ Браунъ, напишу. Только ужъ ты ни о чемъ больше меня не спрашивай: это было бы бесполезно. Я ничего не знаю и, слѣдовательно, ничего не могу сказать. Долго ли и зачѣмъ будутъ они ѣхать порознь, что и какъ станутъ дѣлать, когда съѣдутся, – все это мнѣ столько же извѣстно, миссисъ Браунъ, какъ и тебѣ, то есть, я рѣшительно ничего тутъ не смыслю. Ты сама повѣришь, если скажу, какъ я отыскалъ это слово. Сказать, миссисъ Браунъ?

– Скажи, лебедикъ.

– Изволь, бабушка. Когда... только чуръ уже больше не спрашивать! – говорилъ Робинъ, поворачивая къ ней свои глаза, которые были теперь безсмысленны и сонливы. – Не станешь спрашивать?

– Не стану, касатикъ.

– Ну, такъ это случилось вотъ какимъ манеромъ. Оставивъ со мной эту леди, хозяинъ положилъ ей въ руку какую-то записку, сказавъ, что это на случай, если она забудетъ. Но она не боялась забыть, потому что, лишь только онъ отвернулся, она изорвала бумагу въ клочки и выбросила за окно кареты. На бумагѣ было всего только одно слово – я это хорошо видѣлъ – и я поспѣшилъ подобрать клочекъ, на которомъ оно было написано. Это слово я, пожалуй, нарисую тебѣ, миссисъ Браунъ, да только смотри, помни свою клятву.

М-съ Браунъ, замѣтила, что очень помнитъ. Не имѣя больше никакихъ возраженій, Робинъ медленно и съ большимъ трудомъ началъ рисовать на столѣ мѣломъ:

– "Д"; старуха громко произнесла эту букву, когда Точильщикъ ее начертилъ.

– Да будешь ли ты молчать, миссисъ Браунъ? – воскликнулъ Робинъ, съ нетерпѣніемъ обращаясь къ старухѣ и закрывая ладонью написанную букву. – Складывать вовсе не слѣдуетъ, иначе я перестану писать. Пожалуйста, бабушка, не шевелись.

– Ну, такъ ставь буквы подлиннѣе, касатикъ, отвѣчала старуха, повторяя свой тайный сигналъ, – мои глаза, ты знаешь, не хорошо разбираютъ и печать.

Пробормотавъ что-то про себя, Точильщикъ съ неудовольствіемъ принялся за работу. Между тѣмъ, какъ онъ нагнулъ свою голову, господинъ, для котораго онъ такъ безсознательно трудился, выдвинулся изъ-за двери не далѣе какъ на одинъ шагъ разстоянія отъ его плеча и принялся внимательно слѣдить за медленнымъ движеніемъ его руки. Въ то же самое время Алиса, наблюдая его съ прогивоположнаго стула, шевелила губами при каждой буквѣ, не произнося ее громко. При концѣ каждого штриха, она и м-ръ Домби быстро взглядывали другъ на друга, какъ будто для подтвержденія своихъ мыслей, и такимъ образомъ они разомъ сложили: D. I. J. O. N.

– Вотъ тебѣ! – сказала Точильщикъ, поспѣшно намусливая ладонь своей руки, чтобы стереть начерченное слово. Недовольный этимъ, онъ принялся съ ожесточеніемъ тереть по столу обшлагомъ своего рукава до тѣхъ поръ, пока не исчезъ самый слѣдъ мѣла. – Ну, миссисъ Браунъ, теперь, надѣюсь, ты довольна!

Въ изъявленіе своего совершеннѣйшаго удовольствія, старуха выпустила его руку и погладила его по спинѣ. Утомленный продолжительной возней и винными парами, Точильщикъ опустил локти на столъ, положилъ на нихъ свою голову и тутъ же заснулъ глубокимъ сномъ.

Убѣдившись, что онъ спитъ крѣпко и храпитъ громко, старуха оборотилась къ дверямъ, гдѣ стоялъ въ засадѣ м-ръ Домби, и пригласила его потихоньку выбираться изъ комнаты. Даже въ эту минуту она растопырилась надъ Робинномъ, готовая ослѣпить его своими руками или притиснуть къ столу его голову, если онъ подыметъ ее прежде, чѣмъ прекратится послѣдній шумъ таинственныхъ шаговъ. Но ея взглядъ, проницательно слѣдившій за спящимъ юношей, еще проницательнѣе наблюдалъ бодрствующаго мужа, и когда м-ръ Домби, прикоснувшись къ ея ладони своей рукой, произвелъ на ней, не смотря на всю свою предосторожность, звонкій золотой звукъ, глаза старухи засверкали, какъ у ворона, и съ жадностью впились въ полученный подарокъ.

Мрачный взглядъ дочери, провожавшій его къ дверямъ, хорошо замѣтилъ, какъ онъ былъ блѣденъ, и какъ его ускоренная поступь обнаруживала, что малѣйшее замедленіе было для него невыносимымъ принужденіемъ, и какъ горѣлъ онъ жаждою дѣятельности; когда, наконецъ, дверь потихоньку затворилась, она оглянулась на свою мать. Подпрыгнувъ къ ней, старуха открыла ладонь, чтобы показать золото, и потомъ, сжавъ ее опять съ ревнивою жадностью, прошептала:

– Что онъ станетъ дѣлать, Алиса?

– Зло, – отвѣчала дочь.

– Убійство? – спросила старуха.

– Онъ бѣшенъ теперь въ своей ужаленной гордости и готовъ, пожалуй, на все.

Больше онѣ ничего не сказали и усѣлись каждая на своей сторонѣ. Мать бесѣдовала со своимъ золотомъ, дочь со своими мыслями; ихъ взоры свѣтились во мракѣ слабо освѣщенной комнаты. Робинъ спалъ и храпѣлъ. Одинъ только попугай, на котораго не обращали вниманія, былъ въ постоянной дѣятельности. Онъ рвалъ и клевалъ своимъ крючковатымъ носомъ вызолоченную клѣтку, карабкался подъ куполомъ, бѣгалъ по кровлѣ, какъ муха, вверхъ ногами, и кусалъ, и шатался, и шумѣлъ при каждомъ колебаніи проволоки, какъ будто сознавалъ опасность своего хозяина и хотѣлъ, насильственно вырвавшись изъ плѣна, предупредить его объ угрожающей бѣдѣ.

Глава LIII Еще извѣстіе

Одиноко и вдали отъ всѣхъ этихъ тревоженій жили въ своемъ углу отверженные братъ и сестра преступнаго бѣглеца, но его вина обрушилась на нихъ гораздо болѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ на человѣка, котораго онъ оскорбилъ такъ безжалостно и такъ жестоко. Неумолимый свѣтъ, при всей своей взыскательности и неотвязчивости, оказалъ м-ру Домби, по крайней мѣрѣ, ту услугу, что безпрестанно разжигалъ его господствующую страсть, кололъ и прищипывалъ его гордость, сосредоточивая всѣ его мысли и чувства на одномъ предметѣ, который сдѣлался теперь единственною цѣлью его умственнаго и нравственнаго бытія. Вся упругость и чопорность его натуры, весь ея мракъ и суровость слились теперь, подобно многимъ мелкимъ ручьямъ, въ одну обширную и быструю рѣку, которая неудержимо покатила свои бурливыя волны въ океанъ тщеславія, гордости и надутаго самолюбія, проникнутаго преувеличеннымъ сознаниемъ своей личной важности. Сказочный богатырь, доведенный до послѣдней степени геройства и свирѣпости своими мелкими врагами, былъ бы теперь кроткимъ агнцемъ въ сравненіи съ м-ромъ Домби. Лютый и взбѣшенный звѣрь, напущенный на стаю гончихъ, – ровно ничего передъ этимъ чопорнымъ джентльменомъ въ его накрахмаленномъ галстукѣ, на которомъ нѣтъ ни малѣйшей морщинки.

Но самая взбалмошность его мысли уже замѣняла отчасти исполненіе ея на дѣлѣ. Показавшись онъ не зналъ, куда укрылся его отъявленный врагъ, жажда мщенія отвлекала его умъ отъ собственнаго бѣдствія, и онъ на досугѣ потѣшался перспективой будущаго своего геройства. Но братъ и сестра его коварнаго любимца не имѣли такого утѣшенія: всѣ явленія въ ихъ исторіи, прошедшія и настоящія, придавали его преступленію значеніе самое гибельное для нихъ.

Сестра съ горестью думала иногда, что если бы она осталась при немъ вѣрной спутницей его жизни, быть можетъ, онъ избѣжалъ бы преступленія, въ которое впалъ; но думая такимъ образомъ, она отнюдь не жалѣла о томъ, что сдѣлала, и ни мало не возвышала цѣны своего самопожертвованія. Напротивъ, когда эта возможность представлялась ея заблудшему и раскаявшемуся брату, она падала на его сердце такимъ ужаснымъ бременемъ, которое онъ мотъ едва только выносить, и при этомъ ни разу не входила въ его голову мысль объ отмщеніи своему жестокому брату. Новое обвиненіе самого себя и глубокое сознаніе своего нравственнаго униженія, – вотъ единственныя размышленія, возникавшія въ его головѣ по поводу печальнаго событія.

Въ тотъ самый день, вечеръ котораго склонился на послѣдней главѣ, когда свѣтскіе люди суетливо занимались рѣшеніемъ разныхъ статей относительно похищенія м-съ Домби, окно комнаты, гдѣ братъ и сестра сидѣли за раннимъ завтракомъ, затемнилось неожиданною тѣнью человѣка, подошедшаго къ маленькой калиткѣ. Этотъ человѣкъ, съ вашего позволенія, былъ Перчь, разсыльный.

– А я къ вамъ съ Чистыхъ Прудовъ, – заголосилъ м-ръ Перчь, доврчиво заглядывая въ комнату и вытирая о половику сапоги, на которыхъ, впрочемъ, не было грязи. – Раненько, изволите видѣть, да мнѣ, м-ръ Каркеръ, приказано вручить вамъ письмецо прежде, чѣмъ вы выйдете сегодня со двора. Признаться, мнѣ слѣдовало бы придти сюда получасомъ раньше, да вотъ жена-то моя, – что станешь дѣлать? – чуть-чуть не потерялъ нынѣшнюю ночь.

– М-съ Перчь очень больна? – спросила Герриэтъ.

– Она, вотъ видите ли, миссъ, – сказалъ Перчь, оборотившись нарередъ къ двери, чтобы тщательно ее запереть, – слишкомъ принимаетъ къ сердцу всѣ эти обстоятельства, которыя повстрѣчались съ нашимъ торговымъ домомъ. Нервы у нея очень нѣжны и удивительно какъ

скоро разSTRUниваются. А и то сказать, тутъ есть отчего перевернуться и желѣзнымъ нервамъ. Вы сами, разумѣтхя, очень разстроены, миссъ.

Герриэтъ подавила вздохъ и взглянула на своего брата.

– Я и самъ развинтился въ эти дни такъ, что и вообразить не могу, – продолжалъ Перчъ, энергически тряхнувъ головой. – Все это ошеломило меня такъ, какъ будто я пьянствовалъ цѣлую недѣлю, и право, сударыня, я каждое утро чувствую, что голова моя все равно, что пустой барабанъ.

Наружность м-ра Перча дѣйствительно подтверждала несомнѣнную наличность этихъ симптомовъ. Лихорадочный видъ и очевидное расслабленіе всего его организма могли быть объяснены не иначе, какъ многочастыми и многообразными возліянiями шнапсовъ, которыми каждый день угощали его на трактирныхъ прилавкахъ, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе повѣствовать съ одушевленнымъ краснорѣчіемъ о послѣднихъ приключенiяхъ въ торговомъ домѣ.

– Стало быть, я могу судить, – сказала м-ръ Перчъ, тряхнувъ опять головою и придавая серебристый отгѣнокъ своей рѣчи, – что и какъ должны чувствовать особы, которыя сами нѣкоторымъ образомъ соприкосновенны къ этимъ печальнымъ дѣламъ.

Здѣсь м-ръ Перчъ поджидалъ обнаруженiй дружеской откровенности, но, не дождавшись откровенности, кашлянулъ изъ-подъ руки. Такъ какъ это ни къ чему не повело, то онъ поставилъ шляпу на полъ и полѣзъ въ карманъ своего жилета за письмомъ.

– Отвѣта, кажись, не вѣлѣно дожидаться, – сказалъ м-ръ Перчъ съ ласковой улыбкой, – но вы, можетъ быть, потрудитесь, сэръ, пробѣжать его при мнѣ.

Джонъ Каркеръ разломалъ печать м-ра Домби и, овладѣвъ содержаніемъ, которое было очень коротко, отвѣчалъ:

– Нѣтъ. Отвѣтъ не нуженъ.

– Въ такомъ случаѣ, сударыня, позвольте пожелать вамъ добраго утра, – сказалъ Перчъ, дѣлая шагъ къ дверямъ. – Я надѣюсь и даже увѣренъ, вы не будете слишкомъ огорчаться послѣднимъ печальнымъ обстоятельствомъ. Въ газетахъ рассказываютъ такія вещи, о какихъ вы и не думаете, – сказалъ Перчъ, дѣлая отъ дверей два шага назадъ и обращаясь съ таинственнымъ шепотомъ къ брату и сестрѣ. – Одинъ воскресный газетчикъ...

Должно замѣтить, что м-ръ Перчъ, по невѣжеству, свойственному англійскимъ лакеямъ, всѣхъ журналистовъ называлъ газетчиками, не умѣя различить писателя отъ разносчика афишъ.

– Одинъ воскресный газетчикъ, – говорилъ Перчъ, – въ синей шинели и бѣлой шляпѣ, не разъ собирался меня подкупить и задобрить разными предложенiями, да только я всегда отдѣлывалъ его, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Вчера вечеромъ онъ часа четыре шлялся около нашей конторы, и я самъ вадѣлъ, какъ онъ приставлялъ свой глазъ къ замочной щели. Другой газетчикъ каждый день вертится въ знакомомъ мнѣ трактирѣ. Разъ какъ-то на прошлой недѣлѣ сорвалось у меня съ языка два-три слова, и что же бы вы думали? Онъ на другой же день оттиснулъ ихъ въ своей газетѣ, да и какъ оттиснулъ, если бы вы знали! Уму непостижимо!

М-ръ Перчъ полѣзъ въ свой карманъ, какъ будто съ намѣреніемъ вытащить клочекъ газеты, но, не гюлучивъ никакого поощренiя, вынулъ оттуда свои бобровыя перчатки, поднялъ шляпу и простился. Часа черезъ два всѣ его прiатели въ знакомой харчевнѣ уже знали, какимъ манеромъ миссъ Каркеръ, заливаясь горячими слезами, схватила Перча за обѣ руки и сказала: "Охъ, Перчъ! милый, дорогой Перчъ, видѣть васъ моя единственная отрада" – и какимъ способомъ м-ръ Джонъ Каркеръ, взерошивая свои волосы, воскликнулъ строжайшимъ голосомъ: "Перчъ, я отказываюсь отъ него. Никогдане называй его моимъ братомъ въ моемъ присутствіи!"»

Оставшись одни, братъ и сестра сначала не говорили ни слова. Молчаніе прервала Герриэтъ.

– Что, милый Джонъ, дурныя вѣсти въ этомъ письмѣ?

– Да; но неожиданнаго нѣтъ ничего. Я вчера видѣлъ его.

– Его?

– То есть, м-ра Домби, который теперь ко мнѣ пишетъ. Онъ вчера два раза проходилъ по конторѣ, когда я тамъ былъ. Мнѣ нельзя было отъ него долѣе укрываться, и я знаю, что мое присутствіе должно казаться для него обиднымъ. Я это чувствую, какъ нельзя лучше.

– Онъ ничего. не сказалъ?

– Ничего; но я видѣлъ, что его взоръ остановился на мнѣ, и это заранѣе приготовило меня къ тому, что должно было случиться. Мнѣ отказано отъ мѣста!

Сестра старалась по возможности казаться спокойною, но полученныя новости были слишкомъ печальны по многимъ причинамъ. Джонъ Каркеръ читалъ:

"Мнѣ, конечно, нѣтъ надобности объяснять, почему ваше имя съ нѣкотораго времени звучитъ въ моихъ ушахъ неестественнымъ звукомъ и почему невыносимъ для меня одинъ взглядъ на человѣка, который носитъ вашу фамилію. Съ этого дня прекращается всякое обязательство между нами, и я требую, чтобы впредь вы ни по какому поводу не старались придти или поставить себя въ соприкосновеніе съ моей фирмой".

– Вотъ и все, милая Герриэтъ, – продолжалъ Джонъ Каркеръ. – При письмѣ вложенъ банковый билетъ, равносильный моему третьему жалованью. Право, сестрица, м-ръ Домби поступаетъ со мной еще слишкомъ милостиво, если взять въ расчетъ все, что случилось.

– Да, очей милостиво, Джонъ, если справедливо наказывать одного за проступки другого, – отвѣчала сестра.

– Мы сдѣлались для него какимъ-то зловѣщимъ отродьемъ, – говорилъ Джонъ. – Нѣтъ ничего мудренаго, если онъ дрожитъ при одномъ звукѣ нашей фамиліи, и думаетъ, что въ крови нашей заключены проклятыя сѣмена, плодовицы на несчастья всякаго рода. Я самъ не прочь отъ этихъ мыслей, если бы только не ты, Герриэтъ.

– Перестань, братъ. Если у тебя, какъ ты думаешь и часто говоришь, наперекоръ моему личному убѣжденію, есть особыя причины любить меня, пощади мой слухъ отъ этихъ дикихъ возраженій!

Онъ закрылъ лицо обѣими руками, но сестра, подойдя къ нему, нѣжно взяла его за одну руку.

– Что ни говори, братъ, а получить отставку отъ единственнаго мѣста, съ которымъ ты связанъ продолжительной привычкой, вещь очень трудная для насъ обоихъ, особенно, если взять въ расчетъ несчастный поводъ къ этой непредвидѣнной бѣдѣ. Намъ нужно позаботиться о средствахъ къ существованію... впрочемъ что же такое? Мы оба станемъ бороться съ нашей судьбой безъ смущенія и безъ страха, и я, съ своей стороны, увѣрена, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ, если только присутствіе духа тебя не оставитъ.

Ободряя такимъ образомъ брата, она цѣловала его въ щеку, и улыбка играла на ея губахъ.

– О милая сестра! Ты по своей собственной благородной волѣ соединила судьбу свою съ погибшимъ человѣкомъ, котораго имя осрамлено клеймомъ безславія! Не имѣя самъ ни одного друга, я въ то же время отнялъ и у тебя всѣхъ друзей.

– Джонъ! – Она поспѣшно положила руку на его губы. – Ради меня! Въ воспоминаніе нашей продолжительной дружбы! – Онъ молчалъ. – Теперь, мой милый, мнѣ надобно, въ свою очередь, сказать нѣсколько словъ. – Она спокойно сѣла подлѣ него. – Я, точно такъ же, какъ и ты, готовилась исподволь къ тому, что теперь случилось съ нами, и была у меня тайна, которую время, наконецъ, открытъ. Дѣло въ томъ, мой милый, что у насъ сверхъ твоего чаянія, есть одинъ общій другъ.

– Какъ его зовутъ, Герриэтъ? – спросилъ Джонъ съ грустною улыбкою.

– Право я не знаю; но однажды онъ весьма серьезно увѣрялъ меня въ своей дружбѣ и объявилъ искреннее желаніе быть намъ полезнымъ. Я ему вѣрю.

– Герриэтъ! – воскликнулъ удивляющийся братъ, – Тдѣ живетъ этотъ другъ?

– И этого я не знаю, – отвѣчала сестра, – но онъ знаетъ насъ обоихъ, и ему въ совершенствѣ извѣстна наша общая исторія. Вотъ почему, между прочимъ, по собственному его совѣту, я скрыла отъ тебя, милый Джонъ, что онъ былъ въ нашемъ домѣ; тебя огорчило бы извѣстіе о такомъ человѣкѣ.

– Неужели, Герриэтъ, онъ былъ въ нашемъ домѣ?

– Да, въ этой самой комнатѣ. Разъ только.

– Что это за человѣкъ?

– Не молодой. Его волосы сѣдѣютъ и скоро, какъ онъ говорилъ, совсѣмъ сдѣлаются сѣдыми. Но онъ великодушенъ, добръ и, я увѣрена, неспособенъ къ притворству.

– И ты видѣла его только однажды, Герриэтъ?

– Однажды въ этой комнатѣ, – отвѣчала сестра, щеки которой въ эту минуту покрылись яркимъ румянцемъ, – но, когда онъ былъ здѣсь, онъ убѣдительно просилъ, чтобы я позволила ему видѣть себя разъ въ недѣлю, когда онъ будетъ проходить мимо нашего дома. Это должно было напоминать ему, что мы покаместъ не имѣемъ нужды въ его услугахъ, потому что, когда онъ вызвался на эти услуги, я рѣшительно объявила, что мы не нуждаемся ни въ чемъ.

– И разъ въ недѣлю...

– Каждую недѣлю Съ той поры одинъ разъ, и всегда въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, онъ проходилъ пѣшкомъ мимо нашего дома, всегда по одному и тому же направленію въ Лондонъ, останавливаясь не болѣе, какъ на минуту, чтобы раскланяться со мной и дать знать движеніемъ руки, что онъ помнитъ и заботится о насъ, какъ добрый опекунъ. Онъ обѣщаль эту аккуратность въ свое единственное свиданіе со мной и выполняль обѣщаніе съ такою непримѣрною аккуратностью, что если сначала я сколько-нибудь и могла сомнѣваться въ искренности его словъ, зато впослѣдствіи ни тѣни сомнѣнія не оставалось въ моей душѣ, и я всегда съ радостной увѣренностью дожидалась урочнаго часа, въ который долженъ былъ неминуемо появиться этотъ необыкновенный человѣкъ. Но въ послѣдній понедѣльникъ, слѣдовавшій за ужаснымъ событіемъ, онъ не явился, и я начинаю подозрѣвать, не имѣетъ ли его отсутствіе какой-нибудь связи съ тѣмъ, что случилось въ нашей фирмѣ.

– Какъ же это? – спросилъ братъ.

– Я и сама не знаю; только одновременность происшествій навела меня на эту догадку, и я не старалась отдать себѣ въ ней яснаго отчета. Чувствую, впрочемъ, что онъ непременно долженъ воротиться, и если дѣйствительно воротится, позволь мнѣ, милый Джонъ, объявить ему, что я говорила, наконецъ, о немъ тебѣ, и что ты желаешь узнать его лично. Онъ, безъ сомнѣнія, откроетъ для тебя новый источникъ существованія, потому что въ ту пору онъ именно просилъ позволенія позаботиться объ улучшеніи нашей жизни, и я должна была обѣщать, что если мы будемъ имѣть нужду въ другѣ, то я вспомню о немъ. Тогда, сказалъ онъ, и его имя не будетъ для насъ тайной.

Джонъ Каркеръ слушалъ все это съ большимъ вниманіемъ, и удивленіе его, казалось, возросло съ минуты на минуту.

– Герриэтъ, опиши мнѣ этого человѣка. Я, навѣрно, долженъ знать человѣка, который такъ хорошо знаетъ меня.

Его сестра живо нарисовала всѣ черты, станъ и платье своего таинственнаго посѣтителя, но Джонъ Каркеръ, потому ли, что онъ не имѣлъ понятія объ оригиналѣ, или по какой-нибудь ошибкѣ въ ея описаніи, или просто отъ разсѣянности въ мысляхъ, не могъ угадать портрета, который она представляла передъ нимъ.

Какъ бы то ни было, вслѣдствіе обоюднаго рѣшенія, Джонъ Каркеръ долженъ былъ увидѣть оригиналъ при первомъ его появленіи. Послѣ этого уговора, сестра, успокоенная откровеннымъ объясненіемъ, принялась за свои домашнія дѣла, а сѣдой ея братъ, бывший младшимъ между писарями въ купеческой конторѣ, началъ работать въ саду въ этотъ первый день своей небывалой свободы.

Была ночь. Братъ читаль вслухъ какую-то книгу, сестра сидѣла за иголкой; внезапный стукъ въ дверь прерваль ихъ занятія. Въ атмосферѣ необыкновеннаго безпокойства и страха, парившихъ надъ ними въ связи съ ихъ братомъ-бѣглецомъ, этотъ звукъ, необыкновенный самъ по себѣ, казался для нихъ почти возмутительнымъ. Братъ подошелъ къ дверямъ; сестра осталась на своемъ мѣстѣ и съ робостью прислушивалась. Чей-то голосъ спрашиваль, и Джонъ Каркеръ, казалось, отвѣчалъ съ изумленіемъ. Обмѣнявшись нѣсколькими вопросами и отвѣтами, оба вошли въ дверь.

– Герриэтъ, – сказалъ братъ, представляя поздняго посѣтителя, – м-ръ Морфинъ, джентльмень изъ конторы Домби.

Сестра отпрянула назадъ, какъ будто ей померещился призракъ. На порогѣ стоялъ ея таинственный другъ съ просѣдью въ черныхъ волосахъ, съ румянымъ лицомъ, широкимъ и открытымъ челомъ, съ глазами, полными огня, – тотъ самый другъ, тайну котораго она хранила столь долгое время.

– Джонъ! – сказала она, едва переводя духъ, – это тотъ джентльмень, о которомъ я говорила тебѣ сегодня!

– Этотъ джентльмень, миссъ Герриэтъ, – сказалъ посѣтитель, входя въ комнату, – онъ стоялъ нѣсколько минутъ на порогѣ, – этотъ джентльмень очень радъ слышать отъ васъ эти слова; на пути къ этому дому онъ перебираль тысячи средствъ, какъ бы приличнѣе объяснить, и не остановился ни на одномъ. М-ръ Джонъ, я здѣсь не совсѣмъ чужой. Вы съ изумленіемъ встрѣтили меня на этомъ порогѣ, и я замѣчаю, что въ эту минуту вы еще болѣе изумлены. Что же такое? Это совершенно въ порядкѣ вещей. Если бы мы не были исчадіями привычки, такъ никто бы изъ насъ не имѣлъ и половины причинъ къ обнаруженіямъ своего удивленія.

Говоря это, онъ радушно и вмѣстѣ почтительно привѣтствовалъ Герриэтъ и, усѣвшись подлѣ нея, скинулъ свои перчатки и бросилъ ихъ на столъ въ свою шляпу.

– Разумѣется, м-ръ Джонъ, удивительнаго ничего нѣтъ, если во мнѣ обнаружилось желаніе видѣть вашу сестрицу, и если я по-своему выполнилъ то, чего желаль. Что же касается до аккуратности моихъ недѣльныхъ визитовъ... то есть, я думаю, она вамъ говорила о нихъ... необыкновеннаго и тутъ ничего нѣтъ. Эти похождения обратились въ привычку, а мы, дѣло извѣстное, всѣ – исчадія привычки, никакъ не болѣе!

Залрятавъ свои руки въ карманы и облокотившись на стулъ, онъ смотрѣлъ на брата и сестру, какъ будто ему особенно интересно было видѣть ихъ вмѣстѣ.

– Привычка, съ вашего позволенія, дѣлаеть все, – говорилъ м-ръ Морфинъ съ нѣкоторою раздражительностью, – одни, по милости привычки, укореняются съ каждымъ днемъ въ люциферовой гордости и чопорности, другіе дѣлають успѣхи въ низости и подлости, а большая часть изъ насъ все по той же причинѣ равнодушно глазѣть на міръ и его чудеса, то есть, другими словами, привычка, какъ искусный ваятель, вырабатываетъ изъ глины нашего организма предиковинные болванчики, способные ко всякимъ впечатлѣніямъ и убѣжденіямъ. За примѣрами ходить недалеко, и я указываю вамъ на самого себя. Цѣлые годы я обнаруживаль свое скромное участіе въ управленіи торговымъ домомъ, и я видѣлъ, м-ръ Джонъ, какъ вашъ братъ, мерзавецъ первой руки... миссъ Герриэтъ извинить меня за этотъ титуль... какъ онъ распространяль больше и больше свое вліяніе до тѣхъ поръ, пока контора и ея хозяинъ не сдѣлались игрушками въ его рукахъ; и видѣлъ я, какъ въ то же время вы каждый день работали за своей скромной конторкой; и я былъ совершенно доволенъ, что все вокругъ меня шло своимъ чередомъ, правильно и стройно, подобно огромной машинѣ, заведенной продолжительной привычкой, и былъ я очень радъ, что меня собственно никто не отвлекаль отъ моихъ занятій. Мои вечера по средамъ приходили и уходили, квартеты наши устраивались дружно, моя виолончель была въ полномъ ходу, и все въ моемъ мірѣ обстояло благополучно, такъ что, я думаю, никто бы не пожаловался на меня.

– Могу засвидѣтельствовать, – сказала Джонъ Каркеръ, – что во все это время васъ любили и уважали болѣе, чѣмъ кого-нибудь другого въ торговомъ домѣ.

– Э, полноте, любезный другъ! Мой характеръ, видите ли, довольно мягокъ, податливъ, можетъ быть, – вотъ и все тутъ; а главное, у меня была привычка для всей моей жизни. Привычка управляла главнымъ приказчикомъ, настраивала чопорное поведеніе его начальника, и она же шпиговала меня, какъ нельзя лучше. Я дѣлалъ тихо и скромно то, что доставалось на мою долю, не спотыкался передъ ними и не иадалъ, и былъ очень радъ, что занимаю теплое мѣстечко, необидное и незавидное ни для кого. Такъ бы и прошло все это своимъ чередомъ, если бы на бѣду въ моей комнатѣ не была слишкомъ тонкая стѣна. Вы можете сказать вашей сестрицѣ, что комната моя отдѣлялась отъ кабинета главнаго приказчика тонкой перегородкой.

– Это двѣ смежныя комнаты, которыя сначала, вѣроятно, составляли одну, а потомъ ихъ раздѣлили такъ, какъ говорить м-ръ Морфинъ, – сказала братъ, обращаясь къ Герриэтъ, чтобы сдѣлать ей это объясненіе.

– Я свистѣлъ, стучалъ, барабанилъ, наигрывалъ бетховенскія сонаты, давая знать м-ру Каркеру, что его могутъ слышать, но онъ не обращалъ на меня никакого вниманія. Рѣдко, правда, до моего слуха доходила какая-нибудь важная матерія, но какъ скоро доходила, я старался немедленно куда-нибудь уйти. Такъ, наприимѣръ, я вышелъ изъ своей комнаты въ ту пору, когда между двумя братьями завязался разговоръ, свидѣтелемъ котораго былъ сначала молодой Вальтеръ Гэй. Впрочемъ, въ мое ухо залетѣло слишкомъ много, прежде чѣмъ я вышелъ изъ дверей. Можетъ, вы напомниме вашей сестрицѣ, о чемъ тогда шла рѣчь?

– Мы говорили, Герриэтъ, о нашихъ родственныхъ отношеніяхъ и о нашемъ положеніи въ торговомъ домѣ.

– Матерія не новая, но она представлялась для меня въ новомъ свѣтѣ, и тутъ первый разъ повихнулась моя привычка думать, что все вокругъ меня идетъ отличнымъ манеромъ. Я живо припомнилъ исторію двухъ братьевъ и началъ понемногу вдумываться въ ихъ судьбу. Такое раздумье взяло меня едва ли не въ первый разъ въ жизни, и тутъ мнѣ, по естественному ходу вещей, пришло въ голову, что всякій предметъ, кромѣ лицевой стороны, имѣетъ еще, такъ называемую, изнанку, отъ которой вовсе не слѣдуетъ отворачивать глазъ. Послѣ этого утра мнѣ сдѣлалось неловко, и я, что называется, вывихнулся изъ своей колеи.

Съ минуту онъ барабанилъ по столу, не говоря ни слова, а потомъ началъ скороговоркой, желая, по-видимому, разомъ покончить свою трудную исповѣдь.

– Прежде, чѣмъ я сообразилъ, что мнѣ дѣлать, между двумя братьями опять завязался разговоръ, въ которомъ упоминалось имя ихъ сестры. Тутъ уже я безъ зазрѣнія совѣсти навострилъ уши и вникалъ во всѣ подробности этой матеріи, считая ее своей собственностью. Черезъ нѣсколько дней я присвоилъ себѣ право сдѣлать визитъ сестрѣ этихъ двухъ братьевъ. Первый разъ я остановился у садовой калитки подъ предлогомъ навести кое-какія справки насчетъ бѣднаго сосѣда, но скоро я своротилъ съ этой колеи, и миссъ Герриэтъ, думаю, не повѣрила мнѣ. Во второй разъ я попросилъ позволенія войти въ домъ, вошелъ и высказалъ все, что у меня было на душѣ. По причинамъ, которыхъ я не смѣлъ опровергать, ваша сестрица отказалась отъ всякой посторонней помощи, но я установилъ между нами средства сообщенія, остававшіяся ненарушимыми вплоть до послѣдняго понедѣльника, когда вдругъ на меня нахлынули важныя дѣла совсѣмъ другого сорта, – вы ихъ знаете.

– Какъ мало я подозрѣвалъ эти отношенія, – сказала Джонъ Каркеръ, – между тѣмъ я видѣлъ васъ каждый день, сэръ! Если бы Герриэтъ могла угадать вашу фамилію...

– Сказать правду, Джонъ, – перебилъ м-ръ Морфинъ, – я скрылъ свое имя по двумъ причинамъ, и прежде всего потому... вотъ видите ли, сэръ, хвастаться добрыми намѣреніями никакъ не слѣдуетъ, и я рѣшился на всякій случай не открывать себя до тѣхъ поръ, пока не буду въ состояніи оказать дѣйствительную услугу. Во-вторыхъ, я рассчитывалъ, что авось еще какъ-нибудь вашъ братъ смягчится къ вамъ обоимъ, а въ такомъ случаѣ, если бы человѣкъ съ его

подозрительнымъ характеромъ провѣдалъ о моихъ тайныхъ сношеніяхъ съ вами, это было бы поводомъ къ новому и уже роковому раздѣленію. Поэтому я рѣшился лучше навлечь на себя самого гнѣвъ – тутъ еще не было бы бѣды – и, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, оказать вамъ услугу посредствомъ самого начальника фирмы; но различныя обстоятельства – смерть, волокитство, женитьба и домашнее несчастье – надолго оставили вашего брата единственнымъ представителемъ и властителемъ конторы. Лучше было бы для всѣхъ насъ, если бы м-ръ Домби выбралъ вмѣсто себя какого-нибудь бездушнаго болвана, – заключилъ Морфинъ, понизивъ голосъ.

Послѣднія слова, казалось, сорвались съ его языка противъ воли, и ему сдѣлалось совѣстно. Протянувъ руку брату и подавая другую руку сестрѣ, онъ продолжалъ:

– Я сказалъ все и даже болѣе, чѣмъ хотѣлъ. Нѣтъ нужды высказывать дальнѣйшія мысли, которыя, впрочемъ, вы понимаете и безъ меня. Пришло время, Джонъ, неожиданное и несчастное время, когда я могу помочь вамъ, не сталкиваясь съ этимъ страшнымъ препятствіемъ, которое продолжалось многіе годы. Теперь поздно, и на этотъ разъ я не скажу ничего болѣе. Вы станете здѣсь хранить свое единственное сокровище, не совѣтуясь со мной и не думая обо мнѣ.

Съ этими словами онъ всталъ, чтобы идти. Джонъ Каркеръ казался слишкомъ растроганнымъ и хотѣлъ что-то говорить.

– Идите прежде вы, Джонъ, со свѣчею, – добродушно сказалъ м-ръ Морфинъ, – и не высказывайте покамѣстъ, что у васъ на умѣ. Мнѣ надобно два, три слова сказать вашей сестрицѣ. Намъ уже не въ первый разъ говорить въ этой комнатѣ, хотя разумѣется, при васъ это было бы естественнѣе.

Проводивъ его глазами, м-ръ Морфинъ ласково обратился къ Герриэтъ и сказалъ ей тихимъ, но вмѣстѣ серьезнымъ голосомъ.

– Вы желаете что-нибудь узнать отъ меня о человѣкѣ, который, къ несчастью, вашъ родной братъ?

– Я боюсь спрашивать, сэръ.

– Но вы смотрите съ такимъ безпокойствомъ и съ такою выразительностью, что я, кажется, угадываю вашъ вопросъ. Не взялъ ли онъ денегъ? Такъ ли?

– Да.

– Не взялъ.

– О, слава Богу, слава Богу! – воскликнула Герриэтъ, – я радуюсь за Джона.

– Вы, можетъ быть, не будете изумлены, если услышите, что онъ слишкомъ злоупотреблялъ довѣріемъ фирмы, замышляя весьма часто такія спекуляціи, которыя исключительно клонились къ его собственнымъ выгодамъ. Нерѣдко онъ заставлялъ фирму рисковать чудовищнымъ образомъ, и слѣдствіемъ такого риска были огромные убытки. Притомъ онъ всегда изо всѣхъ силъ раздувалъ и лелѣялъ глупое тщеславіе своего хозяина, между тѣмъ какъ ему было очень легко содѣйствовать ослабленію въ немъ этой несчастной страсти. Онъ вступалъ въ колоссальныя предпріятія съ единственною цѣлью увеличить до огромныхъ размѣровъ репутацію фирмы и поставить ее въ великолѣпный контрастъ съ другими торговыми домами, для которыхъ были слишкомъ очевидны гибельныя слѣдствія всѣхъ этихъ затѣй. Многочисленные переговоры и сношенія фирмы со всѣми частями свѣта сдѣлались настоящимъ лабиринтомъ, ключъ отъ котораго находился исключительно въ его рукахъ. Не представляя никогда и никому подробныхъ отчетовъ, онъ ограничивался общими смѣтами и выводами, не исчисляя частныхъ случаевъ для окончательныхъ соображеній; но въ послѣднее время... вы хорошо понимаете меня, миссъ Герриэтъ?

– О совершенно, совершенно! Продолжайте, ради Бога.

– Въ послѣднее время онъ употребилъ, по-видимому, величайшія усилія, чтобы сдѣлать эти выводы и смѣты до того чистыми и ясными, что повѣрка ихъ дѣлается легко доступною при малѣйшей справкѣ съ частными отчетами, мастерски изложенными въ конторскихъ книгахъ.

Какъ будто онъ хотѣлъ однимъ разомъ открыть глаза своему хозяину и показать ему яснѣ солнца, до чего доведенъ онъ въ торговыхъ дѣлахъ своею господствующею страстью. А между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что самъ же онъ постоянно и подлѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ къ возбужденію этой страсти. Въ этомъ и состоитъ его главнѣйшее преступленіе по отношенію къ торговому дому.

– Еще одно слово, м-ръ Морфинъ, прежде чѣмъ вы уйдете. Во всемъ этомъ нѣтъ опасности?

– Какой?

– Я разумѣю опасность въ отношеніи къ кредиту торговаго дома, – сказала Герриэтъ.

– На это я не могу дать вамъ яснаго и вполне успокоительнаго отвѣта, – сказалъ м-ръ Морфинъ послѣ нѣкотораго колебанія.

– О вы можете, право, можете!

– Пожалуй и такъ. Я полагаю... то есть, я совершенно убѣжденъ, что опасности для торговаго дома въ строгомъ смыслѣ нѣтъ никакой; но есть затрудненіе, которое можетъ увеличиться или уменьшиться, смотря по обстоятельствамъ, и только въ томъ случаѣ будетъ опасность, если представитель фирмы не рѣшится придать меньшаго объема своимъ предпріятіямъ и будетъ попрежнему думать, что Домби и Сынъ должны бросать пыль въ глаза всему торговому міру. Ну, въ такомъ случаѣ, коммерческій домъ, пожалуй, пошатнется.

– Но можно ли этого ожидать?

– Послушайте, миссъ Герриэтъ, – полукротковенности между нами не должно быть, и я считаю долгомъ выразить вамъ прямо мою мысль. М-ръ Домби недоступенъ ни для кого, и теперешнее состояніе его духа дошло до послѣдней степени раздражительности, гордости, самоуправства и безумной чопорности, при которой никакая внѣшняя сила неспособна его образумить. Но это происходитъ отъ чрезмѣрныхъ потрясеній въ послѣднее время, и можно имѣть нѣкоторую надежду, что впослѣдствіи, авось, онъ образумится самъ собою. Теперь вы знаете все, и я, безъ всякихъ обиняковъ, представилъ вамъ лучшую и худшую сторону дѣла. На первый разъ довольно. Прощайте.

Съ этимъ онъ поцѣловаль ея руку и поспѣшно пошелъ къ двери, гдѣ стоялъ ея братъ со свѣчею въ рукахъ. Онъ хотѣлъ опять начать свою рѣчь, но м-ръ Морфинъ слегка втолкнулъ его въ комнату и сказалъ, что такъ какъ они, безъ сомнѣнія, съ этой поры будутъ видѣться очень часто, то онъ можетъ, если угодно, объясниться въ другое время, а теперь уже поздно и некогда. Сказавъ это, ночной посѣтитель быстро вышелъ на улицу, куда до его ушей не могла доходить благодарность отставнаго конторщика м-ра Домби.

Братъ и сестра усѣлись подлѣ камина и проговорили почти до разсвѣта. Сонъ бѣжалъ отъ ихъ глазъ передъ этимъ мерцаніемъ новаго міра, который такъ неожиданно открылся передъ ними, и они чувствовали себя въ положеніи двухъ моряковъ, заброшенныхъ бѣдственнымъ крушеніемъ на пустынный берегъ, гдѣ они пробыли цѣлые годы и потеряли, наконецъ, всякую мысль о возможности увидѣть третье человѣческое лицо, какъ вдругъ къ ихъ жилищу приплылъ спасительный корабль, готовый снова ввести ихъ въ общество людей. Но когда такимъ образомъ они бодрствовали, ими овладѣло безпокойство другого рода. Тотъ самый мракъ, изъ-за котораго проглянулъ на нихъ отрадный лучъ, сгустился опять надъ ихъ головами, и тѣнь ихъ преступнаго брата облегла печальный домъ, гдѣ ни разу не была его нога.

И не померкла эта тѣнь передъ яркимъ лучомъ восходящаго солнца. Утромъ, въ полдень, вечеромъ, особенно вечеромъ, она сгущалась больше и больше, становилась мрачнѣе, и не было отъ нея покоя ни на минуту.

Джонъ Каркеръ вышелъ со двора по письменному вызову своего друга, назначившаго ему свиданіе, и Герриэтъ осталась одна въ печальномъ домѣ. Она пробыла одна нѣсколько часовъ. Суровый вечеръ и туманныя сумерки всего менѣе способны были облегчить тучу ея сердца. Мысль объ этомъ братѣ порхала и кружилась вокругъ нея въ страшныхъ образахъ и фигурахъ.

Онъ изнывалъ въ смертельной тоскѣ, страдалъ, жаловался, умиралъ, призывалъ ее къ себѣ, сердился, хмурился и страшно моргалъ впальными глазами. Эти картины разстроеннаго воображенія были до того выпуклы и живы, что съ наступленіемъ сумерекъ она боялась поднять голову и заглянуть въ какой-нибудь уголь, изъ опасенія потревожить чудовищнаго духа, укравшагося гдѣ-нибудь подлѣ нея.

Уже смеркалось, и миссъ Каркеръ сидѣла подлѣ окна, склонивъ голову на свою руку, какъ вдругъ, пораженная внезапнымъ распространеніемъ мрака, она подняла свои глаза и испустила пронзительный крикъ. Передъ окномъ выставилась блѣдная, истощенная фигура, сначала съ какимъ-то неопредѣленнымъ любопытствомъ, но потомъ глаза ея остановились на ней и засвѣтились яркимъ свѣтомъ.

– Впустите меня, впустите! Мнѣ надобно съ вами говорить! – восклицала фигура, и рука ея сильно барабанила по стеклу.

Герриэтъ тотчасъ же угадала женщину съ черными длинными волосами, которую въ одну ненастную ночь она отогрѣла, накормила и напоила. Естественнo испугавшись при воспоминаніи ея буйной выходки, она огступила отъ окна и остановилась въ тревожной нерѣшительности.

– Впустите меня! Позвольте мнѣ съ вами говорить! Я смирна, благодарна, спокойна, все, что вамъ угодно, только позволю мнѣ съ вами говорить!

Энергичное предложеніе просьбы, серьезное выраженіе лица, трепетаніе обѣихъ рукъ, поднятыхъ для умиловительныхъ жестовъ, испуганный и почти замирающій голосъ, выходящій изъ ея высоко поднимающейся груди, – все это слкшкомъ подѣйствовало на Герриэтъ, и она немедленно отворила дверь.

– Войти мнѣ или я должна объясниться здѣсь? – сказала женщина, схвативъ ее за руку.

– Что вамъ нужно? Что вы намѣрены сказать мнѣ?

– Очень немного, только позвольте мнѣ высказаться теперь же, или уже ничто въ свѣтѣ не вырветъ отъ меня этого объясненія. Я и безъ того порываюсь бѣжать, и какая-то адская рука отталкиваетъ меня отъ этого порога. Впустите меня, если только можете мнѣ вѣрить!

Обѣ женщины вошли въ ту самую комнату, гдѣ нѣкогда заморская скиталица отдыхала отъ труднаго пути и сушила свое платье.

– Садитесь, – сказала Алиса, становясь передъ нею на колѣни, – и взгляните на мое лицо. Помните ли вы меня?

– Да.

– Помните ли, какъ я говорила, откуда пришла въ ту пору, хромяя и въ лохмотьяхъ, при буйномъ вѣтрѣ и дождѣ, который хлесталъ въ мою шею? Вы знаете, какъ я воротилась къ вамъ въ ту же ночь, какъ я бросила въ грязь ваши деньги, какъ я прокляла васъ и все ваше племя. Смотрите же теперь: я передъ вами на колѣняхъ. Думаете ли вы, что я шучу?

– Если вы хотите, – сказала Герриэтъ ласковымъ тономъ, – просить у меня прошенья...

– О, совсѣмъ не то! – возразила женщина, бросивъ на нее гордый взглядъ, – я прошу отъ васъ вѣры въ мои слова, и ничего больше. Размыслите, прошу васъ, можно ли мнѣ вѣрить, или нѣтъ.

Продолжая стоять на колѣняхъ, она устремила глаза на каминный огонь, бросавшій яркое пламя на ея погубленную красоту и ея черные волосы, которыхъ одна прядь, переброшенная черезъ плечо, обвилась вокругъ ея руки.

– Я была молода, прелестна, и нѣжныя руки ласкали этотъ локонъ, и страстныя губы впились въ это чело, – она съ презрѣніемъ ударила себя по лбу, – родная мать не любила меня, какъ родного ребенка, но обожала меня, какъ смазливую дѣвченку, и гордилась мною. Она была скупа, бѣдна, жадна и устроила изъ меня родъ собственности. Никогда, конечно, знатная дама не распоряжалась такъ своею дочерью, никогда не поступила такъ, какъ моя мать, – такихъ примѣровъ не бывало, мы это знаемъ, – и это показываетъ, что чудовищныя матери,

замышляющія нравственную гибель своимъ дочерямъ, встрѣчаются только въ нашемъ скаредномъ быту. Нищета, порокъ, гибель – три родныя неразлучныя сестрицы.

Она задумчиво смотрѣла на огонь, теребила и обвивала вокругъ руки длинный локонъ своихъ волосъ и, забывая, по-видимому, о своей слушательницѣ, продолжала мечтательнымъ тономъ:

– Что изъ этого вышло, нѣтъ надобности говорить. Несчастныхъ супружествъ не бываетъ для нашей сестры: на нашу долю достаются только униженіе и гибель. Проклятiе и гибель пали на мою долю... на мою долю!.. Я теряю время, слишкомъ дорогое время... а и то сказать, мнѣ бы не быть здѣсь, если бы я не вдумывалась въ эти вещи. Проклятiе и гибель, говорю я, выпали на мой пай, сдѣлали изъ меня хрупкую игрушку; позабавились мной и потомъ... потомъ вышвырнули меня за окно съ большимъ равнодушіемъ, чѣмъ хрупкую игрушку. Чья рука, думаете вы, вышвырнула меня?

– Зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете? – сказала Герриэтъ.

– А зачѣмъ же вы дрожите? – отвѣчала Алиса, охватывая ее своимъ взоромъ. – И упала я глубоко въ этотъ бездонный омутъ проклятiя и гибели, и вселился въ меня демонъ нравственной порчи, и скоро сама я сдѣлалась демономъ. Меня впутали въ кражу – во всѣ ея подробности, кромѣ прибыли – отыскали меня, судили и присудили къ ссылкѣ. Не было у меня ни друга, ни копейки за душой. Я была дѣвочкой нѣжныхъ лѣтъ, но скорѣе согласилась бы отправиться на тысячу смертей, чѣмъ идти къ нему за словомъ утѣшенія, если бы даже это слово спасло мою жизнь и честь... Да, самъ дьяволъ могъ изобрѣсти для меня адскія пытки, я бы вытерпѣла ихъ, а не пошла бы къ нему. Но моя мать, жадная и скупая, какъ всегда, отправилась къ нему, будто отъ моего имени, рассказала всю исторію моего дѣла и униженно просила милостыни, пустой милостыни, какихъ-нибудь пять фунтовъ и даже менѣе. Что же, думаете вы, сдѣлалъ этотъ человѣкъ? Омъ надругался надъ моею нищетой, позорно осрамилъ свою жертву и оставилъ меня даже безъ этого бѣднаго знака своего воспоминанія. Онъ былъ очень радъ, что его жертву отсылаютъ за море и не тревожатъ больше его. Кто же, думаете вы, былъ этотъ человѣкъ?

– Зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете? – повторила Герриэтъ.

– А зачѣмъ вы дрожите? – сказала Алиса, положивъ свою руку на ея плечо и пожирая ее своими глазами. – Но я читаю отвѣтъ на вашихъ губахъ. Это былъ братъ вашъ, Джемсъ!

Герриэтъ затрепетала всѣми членами, но не отворотила своихъ глазъ отъ ея пожирающаго взора.

– Когда я узнала, что вы его сестра, вы помните, когда это было, я пришла назадъ усталая и хромая, чтобы бросить въ грязь вашъ подарокъ. Я чувствовала въ ту ночь, что у меня, усталой и хромой, достало бы силъ идти на тотъ край свѣта, чтобы пронзить его въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ. Вѣрите ли вы теперь, что я не шучу?

– О, да! Господь съ вами! Зачѣмъ вы опять пришли?

– Съ той поры, – говорила Алиса, продолжая держаться за ея плечо, – я видѣла его. Я слѣдила за нимъ своими глазами среди бѣлаго дня. Если какая-нибудь искра ненависти задремала въ моей груди, она превратилась въ яркое пламя, когда глаза мои остановились на немъ. Вы знаете, чѣмъ и какъ онъ оскорбилъ гордаго человѣка, который – теперь его смертельный врагъ. Каково покажется вамъ, если скажу, что я доставила этому человѣку подробныя свѣдѣнія о немъ?

– Свѣдѣнія? – повторила Герриэтъ.

– Что, если я отыскала человѣка, который знаетъ тайну вашего брата, знаетъ подробности его бѣгства, знаетъ, гдѣ теперь скрываются онъ и его спутница? Что, если этотъ человѣкъ, по моему принужденію, объявилъ обо всемъ передъ его смертельнымъ врагомъ, который не проронилъ ни одного слова? Что, если я, наблюдая этого врага, видѣла, какъ лицо его, при этомъ открытіи, измѣнилось до того, что въ немъ едва остались признаки человѣческаго выраженія? Что, если я видѣла, какъ онъ, взбѣшенный до послѣдней степени, опрометью бросился

впередь, чтобы, не теряя ни минуты, пуститься в погоню? Что, наконец, если я знаю, что он летит теперь во всю мочь и, быть может, через несколько часов достигнет вашего брата?

– Отодвиньте свою руку! – вскричала Герриэтъ. – Прочь с моих глаз!

– Вотъ, что я сдѣлала! – продолжала женщина, не обращая вниманія на этотъ перерывъ. –

Думаете ли вы, что я говорю правду? Вѣрите ли вы мнѣ?

– Вѣрю. Отпустите мою руку!

– Еще минуту. Вы можете судить о силѣ моей мстительности, если она продолжалась такъ долго и довела меня до этого поступка.

– Ужасно, ужасно! – сказала Герриэтъ.

– Стало быть, если я, – продолжала Алиса хриплымъ голосомъ, – стою здѣсь спокойно передъ вами на колѣняхъ, прикасаясь къ вашей рукѣ и не спуская глазъ съ вашего лица, то вы можете убѣдиться, что въ груди моей совершилась не совсѣмъ обыкновенная борьба. Я стыжусь самой себя, но принуждена сказать, что я раскаиваюсь. Презируя саму себя, я боролась съ собой весь день и всю прошлую ночь, но жалость безъ всякой причины прокралась въ мое сердце, и я хотѣла бы загладить, если можно, все, что сдѣлано мною. Я не желаю, чтобы они встрѣтились теперь, когда его врагъ ослѣпленъ и взбѣшенъ свыше человѣческой мѣры. Если бы вы сами видѣли его въ прошлую ночь, вы лучше понимали бы опасность.

– Что же мнѣ дѣлать? какъ предупредить ее? – восклицала Герриэтъ.

– Всю прошлую ночь, безконечную ночь, мерещилось мнѣ, а я не спала, что онъ умираетъ окровавленный. Цѣлый день я видѣла его подлѣ себя, и мое сердце надорвалось отъ этихъ видѣній!

– Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать? – повторяла Герриэтъ дрожащимъ голосомъ.

– Пусть напишутъ къ нему, пошлютъ или поѣдутъ, не теряя ни минуты. Онъ въ Дижонѣ. Знаете ли вы, гдѣ этотъ городъ?

– Знаю.

– Извѣстите его, что онъ вовсе не понимаетъ человѣка, котораго онъ сдѣлалъ своимъ врагомъ, если надѣется спокойно встрѣтиться съ нимъ. Скажите, что онъ въ дорогѣ – я это знаю – и спѣшить изо всѣхъ силъ. Пусть онъ убегаетъ куда-нибудь и какъ-нибудь, если еще не поздно; встрѣча грозитъ позоромъ и убійствомъ! Мѣсяць времени произведетъ огромную разницу въ чувствахъ его врага. Пусть только не встрѣчаются они теперь и чрезъ меня. Гдѣ-нибудь, только бы не тамъ! Когда-нибудь, только бы не теперь! Пусть его врагъ достигнетъ и найдетъ его самъ собою, но не черезъ меня! Довольно и безъ того позорной тяжести на моей головѣ.

Каминный огонь пересталъ отражаться въ ея черныхъ, какъ смоль, волосахъ и пламенныхъ глазахъ; ея рука спустилась съ плеча Герриэтъ, и на мѣстѣ, гдѣ она стояла, не было больше никого и ничего.

Глава LIV Бѣглецы

Время – одиннадцать часовъ ночи. Мѣсто – номеръ во французской гостиницѣ съ полдюжиною комнатъ: темный и холодный коридоръ, передняя, столовая, гостиная, спальня и еще уборная или будуаръ, миниатюрная и совершенно уединенная комнатка. Все это запирается съ главнаго подъѣзда парюю огромныхъ дверей, но каждая комната снабжена еще двумя или тремя своими особенными дверями, удобнѣйшими средствами сообщенія съ остальною частью комнатъ или съ нѣкоторыми потаенными ходами въ стѣнѣ, откуда, въ случаѣ надобности, легко и удобно можно было спускаться, куда слѣдуетъ. Таинственные ходы – вещь самая обыкновенная и необходимая во французскихъ домахъ. Весь номеръ расположенъ въ первомъ этажѣ огромнаго отеля, всѣ четыре стороны котораго, украшенныя стройными рядами токонъ, обращены на большой квадратный дворъ, испещренный множествомъ пристроекъ.

Въ комнатахъ вообще господствовало великолѣпіе, нѣсколько смягченное меланхолическимъ видомъ, но весьма достаточное, чтобы набросить на всѣ подробности яркій блескъ пышности и комфорта. Потолокъ и стѣны расписаны и раззолочены; полы выровнены, выглажены, вычищены, вылощены; малиновые занавѣсы развѣшены фестонами на окнахъ, дверяхъ, зеркалахъ; сучковатые канделябры, переплетенные на подобіе древесныхъ вѣтвей или бычачьихъ роговъ, выдавались съ удивительнымъ эффектомъ изъ стѣнныхъ панелей. Однако днемъ, когда прокрадывались сюда лучи солнца черезъ отворенныя ставни, повсюду сквозь этотъ комфортъ виднѣлись явные слѣды ветхости и пыли, копоти и дыма, обличавшіе постоянный недостатокъ жильцовъ, и всѣ эти игрушки роскошной жизни представлялись одушевленными плѣнниками, которымъ суждено исчахнуть и погибнуть въ безвыходной тюрьмѣ. Даже ночью, дюжины зажженныхъ свѣчъ не изглаживали совершенно этихъ признаковъ, хотя общій блескъ набрасывалъ на нихъ приличную тѣнь.

Яркій свѣтъ, отражавшійся въ зеркалахъ и позолотахъ, ограничивался на этотъ разъ миниатюрною комнатою, назначенною для будуара. Изъ коридора, гдѣ слабо горѣла тусклая лампада, она представлялась черезъ темную перспективу отворенныхъ дверей сіяющимъ драгоценнымъ изумрудомъ. Посреди этого сіянія сидѣла прекрасная женщина – Эдиѣ.

Она была одна. Тотъ же гордый вызовъ и та же гордая осанка во всей ея фигурѣ, хотя щеки немного впали и глаза сдѣлались немного шире. Никакого стыда и никакого поздняго раскаянія на ея угрюмомъ челѣ. Величавая и повелительная, какъ всегда, она ни на что не обращала вниманія и сидѣла спокойно, опустивъ въ землю свои черные глаза.

Она кого-то ждала. Не было въ рукахъ ея ни книги, ни женской работы, и никакія занятія не сокращали для нея скучнаго времени. Зато мыслительная сила была въ полномъ ходу, и какое-то намѣреніе, казалось, проникало весь ея мозгъ. Ея губы дрожали, ноздри раздувались, и грудь отъ внутренняго напряженія подымалась высоко.

Такъ сидѣла и ожидала кого-то во французскомъ отелѣ м-сь Эдиѣ Домби.

Ключъ въ наружной двери повернулся, и въ коридорѣ послышались шаги. Эдиѣ вскочила и вскричала.

– Кто тамъ?

Два человѣка, отвѣчавшіе по-французски, вошли въ комнату съ подносами готовить ужинъ.

– Кто приказаль?

– Monsieur, занявшій эти покои. Monsieur остановился здѣсь проѣздомъ, en route, только на одинъ часъ, и оставилъ для Madame письмо. Madame изволила получить?

– Да.

– Mille pardons, Madame, – продолжалъ лысый официантъ, съ широкой бородой, изъ сосѣдняго ресторана, – я былъ бы въ отчаяніи, если бы въ точности не исполнилъ данныхъ приказаній. Monsieur изволилъ сказать, чтобы ужинъ былъ приготовленъ къ этому часу, и я думаю, онъ предупѣдомилъ Madame о своихъ распоряженіяхъ въ этомъ письмѣ. "Золотая голова" имѣла честь получить приказаніе чтобы ужинъ былъ отличный. Monsieur изволилъ усмотрѣть, что "Золотая голова" умѣетъ высоко цѣнить лестную довѣренность почтенныхъ господъ.

Эдиѡ не сказала ничего и задумчиво смотрѣла, какъ накрывали столъ для двухъ персонъ и ставили вина. Потомъ вдругъ она встала, взяла свѣчу, прошла спальню и гостиную, гдѣ внимательно осмотрѣла всѣ двери, особенно одну, открытую на потаенный ходъ въ стѣнѣ. Она выдернула ключъ, повѣсила его съ наружной стороны и воротилась на прежнее мѣсто.

Накрывъ столъ, лакеи (другой лакей былъ желчный коренастый малый въ сизой курткѣ, гладко выбритый и выстриженный, какъ овца), почтительно остановились у стѣны и ожидали приказаній. Лысый официантъ спросилъ, скоро ли, думаетъ Madame, изволить пожаловать Monsieur?

Madame не могла сказать. Ей все равно.

– Какъ все равно? Mille pardons! ужинъ приготовленъ, и его надобно кушать сію же минуту, Monsieur (говорившій по-французски какъ Люциферъ, или какъ французъ, совершенно все равно) изволилъ съ большимъ жаромъ говорить о своей аккуратности. Ба! что за шумъ! Боже великій, Monsieur изволилъ пожаловать!

Дѣйствительно, въ эту минуту Monsieur, сопровождаемый другимъ лакеемъ, проходилъ черезъ амфиладу темныхъ комнатъ съ своими блистательными зубами. Войдя, наконецъ, въ это святилище свѣта и цвѣтовъ, Monsieur обнялъ Madame и заговорилъ съ нею по-французски, какъ съ своею очаровательною женою.

Боже мой! Madame въ обморокѣ! Ей отъ робости сдѣлалось дурно!

Воскличанія принадлежали лысому официанту съ широкой бородкой. Но Madame только вздрогнула и отпрянула назадъ. Прежде, чѣмъ были произнесены эти слова, она уже стояла во весь ростъ, облокотившись на бархатную спинку кресель. Черты ея лица были неподвижны.

– Франсуа побѣжалъ за ужиномъ въ трактиръ "Золотой Головы". Онъ летаетъ въ этихъ случаяхъ, какъ Люциферъ или какъ птица. Чемоданъ Monsieur въ комнатѣ. Все въ порядкѣ. Ужинъ явится сію минуту.

Излагая эти факты, лысый официантъ кланялся и улыбался. Ужинъ принесли.

Горячія блюда были на жаровнѣ, холодное поставили на столъ; принадлежности сервиза красовались на буфетѣ. Monsieur остался доволенъ этимъ порядкомъ. Слуги могутъ поставить жаровню на полъ и идти. Monsieur сниметъ блюда собственными руками.

– Pardon! – учтиво замѣтилъ плѣшивый официантъ. – Намъ нельзя идти!

Monsieur былъ другого мнѣнія. Онъ могъ обойтись безъ слуги въ эту ночь.

– Но Madame, – замѣтилъ официантъ.

– У Madame есть горничная, – возразилъ Monsieur. Этого довольно.

– Mille pardons, Monsieur! При Madame нѣтъ горничной.

– Я пріѣхала одна, – сказала Эдиѡ. – Такъ мнѣ было нужно. Я привыкла путешествовать одна. Не надобно прислуги. Пусть они идутъ и не присылаютъ никого.

Monsieur выпроводилъ слугъ въ коридоръ и заперъ за ними дверь. Лысый официантъ, оборачиваясь съ низкимъ поклономъ назадъ, замѣтилъ, что Madame все еще стоитъ въ прежнемъ положеніи. Черты ея лица, какъ и прежде, были неподвижны, хотя она смотрѣла во всѣ глаза.

Когда звукъ этого огромнаго ключа въ рукѣ Каркера, запиравшаго наружную дверь, раздавался въ пустыхъ комнатахъ и, умирая постепенно, достигалъ въ заглушенномъ видѣ до отдаленнаго будуара, бой соборныхъ часовъ, гудѣвшихъ полночь, смѣшался въ ушахъ Эдиѡи

съ этимъ звукомъ. Каркеръ, дѣлая паузы, вслушивался, по-видимому, такъ же какъ и она, и потомъ тяжелою стопой пошелъ назадъ, запирая двери во всѣхъ комнатахъ. Эдиѡ на минуту оставила бархатную спинку кресель, и рука ея пододвинула къ себѣ столовый ножикъ; потомъ она опять остановилась въ прежней позѣ.

– Какъ странно, мой ангель, что вы ѣхали одна! – сказалъ онъ при входѣ въ комнату.

– Что? – возразила она.

Тонъ ея голоса былъ такъ суровъ, и гордая голова съ такою живостью повернулась къ нему, сверкая своими жгучими глазами, что м-ръ Каркеръ, со свѣчею въ рукахъ, остановился неподвижно, какъ будто она приковала его къ мѣсту.

– Я говорю, – началъ онъ, наконецъ, поставивъ свѣчу на столъ и стараясь улыбнуться, – какъ это странно, что вы пріѣхали одна! Предосторожность совершенно лишняя! Вы могли нанять горничную въ Руанъ или Гаврѣ: времени было слишкомъ много, хотя вы самая капризная и упрямая изъ женщинъ, которыя всѣ затмеваются вашей красотой.

Ея глаза засверкали какимъ-то дикимъ блескомъ, но она стояла, не перемѣняя позы и не говоря ни слова.

– Никогда вы не были такъ прекрасны, какъ теперь, въ эту счастливую ночь. Даже картина, которую я всегда носилъ въ своей душѣ, любуясь на нее день и ночь въ тяжкую годину испытанія, – самая слабая копія передъ очаровательнымъ оригиналомъ.

Ни одного слова въ отвѣтъ, ни одного взгляда. Поникшія вѣки совсѣмъ закрыли ея черные глаза, но голова ея держалась гордо.

– Тяжелое было время! – продолжалъ Каркеръ, начиная улыбаться, – но вотъ оно прошло, и мы тѣмъ безопаснѣе можемъ наслаждаться настоящимъ. Сицилія будетъ мѣстомъ нашего убѣжища. Въ беззаботной и очаровательнѣйшей странѣ Европы мы станемъ, мой ангель, искать вознагражденія за продолжительное рабство.

М-ръ Каркеръ рѣшительно повеселѣлъ и уже готовился съ отверстыми объятіями приступить къ своей красавицѣ. Но Эдиѡ быстро схватила ножъ и отступила шагъ назадъ.

– Остановись, – сказала она, – или я тебя убью!

Они оба безмолвно смотрѣли другъ на друга.

Изумленіе и ярость отразились на его лицѣ, но онъ мгновенно подавилъ эти чувства и продолжалъ спокойнымъ тономъ:

– Тише, мой ангель, тише! Мы одни, и никто насъ не видитъ и не слышитъ. Неужели вы думаете запугать меня этой дѣвственной вспышкой!

– А развѣ ты надѣешься запугать меня, когда говоришь объ уединеніи этого мѣста? Думаешь ли отворотить меня отъ моихъ намѣреній, припоминая, что никто здѣсь меня не услышитъ, меня, которая нарочно пріѣхала сюда, чтобы стать съ тобой лицомъ къ лицу? Отважилась ли бы я на этотъ поступокъ, если бы въ моемъ сердцѣ существовала боязнь? Нѣтъ, робость не заставила бы меня явиться на этомъ мѣстѣ и въ этотъ часъ, чтобы высказать тебѣ все, что у меня на умѣ!

– А что такое у васъ на умѣ, прекрасная упрямецъ? Право, топ атоуг, въ этомъ положеніи вы прекраснѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Говорите: я слушаю.

– Я ничего не скажу, – возразила она, – до тѣхъ поръ, пока ты не сядешь на стуль... не то... не подходи ко мнѣ! Ни шагу больше! не то я убью тебя!

– Развѣ вы принимаете меня за своего супруга? – возразилъ м-ръ Каркеръ, стараясь, но весьма неудачно, улыбнуться.

Не удостаивая его отвѣтомъ, она протянула руку, указывая ему на стуль. Онъ закусилъ губы, нахмурился, засмѣялся и сѣлъ съ пораженнымъ, нерѣшительнымъ, нетерпѣливымъ видомъ, котораго онъ не могъ побѣдить.

Она бросила ножикъ на столъ и, приложивъ руку къ своей груди, говорила:

– Лежить здѣсь вещь, увѣряю тебя, не похожая на любовный медальонъ, и если разъ ты осмѣлишься осквернить меня своимъ прикосновеніемъ, я испробую ее на тебѣ какъ на пресмыкающейся гадинѣ, которую ничего не стоитъ раздавить. Замѣть это хорошенько!

Онъ попробовалъ улыбнуться и попросилъ ее шутливымъ тономъ скорѣй окончить эту комедію, такъ какъ ужинъ простываетъ. Но тайный взглядъ, брошенный на нее, былъ очень угрюмъ и неспокоенъ; его нога сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

– Сколько разъ, – говорила Эдиѡ, склоняя на него свой мрачный взоръ, – твое безстыдное плутовство подвергало меня оскорбленіямъ и обидамъ? сколько разъ твои обидные слова и взгляды издѣвались надо мной, какъ надъ невѣстой и несчастной женой? сколько разъ ты обнажалъ и растревлялъ рану моей любви къ этой невинной и беззащитной дѣвушкѣ? Ты съ неумолимой злостью раздувалъ пламя, которое меня пожирало, колоть и жалилъ меня со всѣхъ сторонъ и возбудилъ въ этой груди отчаянное мщенье, которое, быть можетъ, никогда бы не горѣло съ такою яростью.

– Вы вели аккуратный счетъ всѣмъ этимъ матеріямъ, надо отдать вамъ справедливость. Ну, сударыня, продолжайте. Впередъ, прекрасная Эдиѡ! Для вашего супруга это хоть куда... бѣдный Домби...

– Ты былъ его совѣтникомъ, льстецомъ и другомъ, и этого слишкомъ довольно, чтобы презирать васъ обоихъ, хотя бы всѣ другія причины роковой ненависти разлетѣлись въ дребезги! – сказала Эдиѡ съ такимъ гордымъ презрѣніемъ, отъ котораго онъ невольно затрепеталъ.

– Такъ неужели только для этого вы убѣждали со мной? – спросилъ м-ръ Каркеръ, дѣлая судорожное движеніе.

– Да, и это послѣдній разъ мы стоимъ здѣсь другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу. Злодѣй! Мы въ полночь встрѣтились и въ полночь разстанемся. Ни одной минуты не остаюсь я послѣ того, какъ выговорю свое послѣднее слово.

Онъ схватился рукою за столъ и бросилъ на нее свой безобразнѣйшій взглядъ, но не тронулся съ мѣста и не произнесъ никакой угрозы.

– Я женщина, закаленная въ униженіи и безславіи съ первыхъ лѣтъ моего несчастнаго дѣтства, – продолжала Эдиѡ, выступая впередъ съ своими сверкающими глазами. – Меня выставляли на показъ и отвергали, навязывали встрѣчнымъ покупателямъ, продавали и оцѣнивали до тѣхъ поръ, пока душа зачахла отъ стыда и заклеилась позоромъ. Не было во мнѣ природной граціи или пріобрѣтеннаго таланта, которые бы служили для меня утѣшеніемъ и отрадой: ихъ разбрасывали и вывѣшивали всюду, чтобы надбавить мнѣ цѣну, точь-въ-точь, какъ дѣлаетъ съ своимъ товаромъ какой-нибудь площадной крикунъ. Мои бѣдные, гордые пріатели любовались мною и одобряли эти сцены, и всякая связь между нами замерла въ моей груди. Нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы въ моихъ глазахъ стоилъ больше комнатной собаки. Я стояла одна во всемъ свѣтѣ и отлично понимала, какъ пусть для меня этотъ міръ, и какъ, въ свою очередь, я пуста для него. Вы это знаете, сэръ, и понимаете, что мнѣ нечего было гордиться этой славой.

– Да, я воображалъ это, – замѣтилъ м-ръ Каркеръ.

– И рассчитывали на это, – прибавила она, – и преслѣдовали меня. Хладнокровная ко всему на свѣтѣ и проникнутая совершеннымъ презрѣніемъ къ безжалостнымъ орудіямъ, истребившимъ во мнѣ человѣческія чувства, я не могла не знать, что супружеская связь, какая бы ни была, прекратить, по крайней мѣрѣ, этотъ постыдный торгъ, доступный для всякаго вѣтрогона, который нагло позволялъ себѣ браковать и безславить выставленную жертву. Вотъ почему, въ свою очередь, я сама согласилась на низкій торгъ, какъ презрѣнная женщина съ веревкою на шеѣ, которую пьяный мужъ продаетъ на какой-нибудь торговой площади среди бѣлаго дня. Вы это знаете.

– Да, – сказалъ Каркеръ, выставляя всѣ свои зубы, – я это знаю.

– И ты рассчитывал на это и преслѣдовал меня, – повторила Эдиѳъ съ большой выразительностью. – Съ первыхъ дней замужества на дорогѣ моей жизни очутился низкій извергъ, неслыханный и неожиданный, который опуталъ меня такимъ новымъ стыдомъ, что мнѣ невольно показалось, будто до той поры я еще не была знакома ни съ какимъ униженіемъ. Его преслѣдованія, прикрытыя змѣиной лестью, были до того безсовѣстны и наглы, что самыя низкія ругательства не могли болѣе унизить выбранной жертвы. Этотъ стыдъ самъ супругъ утвердилъ за мною, онъ самъ погрузилъ меня въ него собственными руками и по собственной волѣ сотню разъ повторилъ убійственныя условія моего позора. И вотъ, дикій сумасбродъ и его палачъ совмѣстными силами нарушили мой покой, затормошили меня, загнали, перебрасывая, какъ мячикъ другъ отъ друга, и, наконецъ, съ неутолимымъ варварствомъ выгнали меня изъ послѣдняго убѣжища любви и благородства, убѣжища, откуда, скрѣпивъ сердце, мнѣ слѣдовало удалиться, подъ опасеніемъ сгубить окончательно невинное созданіе, чуждое всѣхъ этихъ пронырствъ и лишенное всякой защиты и покровительства въ чудовищномъ домѣ. Мудрено ли, что я возненавидѣла обоихъ вмѣстѣ съ одинаковой силой.

Она стояла теперъ въ полномъ торжествѣ своей негодующей красоты, и м-ръ Каркеръ наблюдалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Она была рѣшительна, неукротима, и было ясно, что онъ казался въ ея глазахъ не страшнѣ червяка.

– Должна ли я говорить о супружеской чести или о сознаніи своего долга? Зачѣмъ? Это – пустой звукъ для твоихъ ушей, пустой звукъ и для меня. Но если я скажу тебѣ, что малѣйшее прикосновеніе твоей руки леденить мою кровь антипатіей, что я возненавидѣла тебя съ первыхъ минутъ нашего свиданія, и отвращеніе мое возростало съ каждымъ днемъ по мѣрѣ нашего знакомства; если скажу, наконецъ, что въ настоящую минуту ты въ моихъ глазахъ самый омерзительный предметъ, которому нѣтъ ничего подобнаго между пресмыкающимися гадами, что изъ этого выйдетъ?

Каркеръ улыбнулся кое-какъ и сквозь зубы проговорилъ.

– Ну, моя королева, что изъ этого выйдетъ?

– Что происходило въ ту ночь, когда, ободренный домашней сценой, ты осмѣлился придти въ мою комнату и говорить со мною?

Каркеръ пожалъ плечами и улыбнулся опять.

– Что тогда происходило? – повторила Эдиѳъ.

– У васъ отличная память, м-съ Домби, и, я не сомнѣваюсь, вы это помните.

– Да, очень помню. Слушай же. Предложивъ тогда это бѣгство, – то есть по твоему выходило, что это бѣгство должно было состояться, – ты сказала мнѣ, что я погибла, ни больше, ни меньше, погибла потому, что ты былъ въ моей комнатѣ въ глухую полночь, что объ этомъ – стоило тебѣ захотѣть – тотчасъ же узнаетъ весь домъ, что и прежде не разъ я оставалась съ тобой наединѣ, что я призналась тебѣ сама въ страшной ненависти къ своему супругу, что, наконецъ, однимъ словомъ, моя репутація въ твоихъ рукахъ, и ты можешь, при первомъ удобномъ случаѣ, оклеветать жертву.

– Всякія хитрости позволены въ любви, говоритъ старинная пословица, – прервалъ Каркеръ, улыбаясь.

– Съ этой роковой ночи, – продолжала Эдиѳъ, – разомъ и навсегда окончилась моя продолжительная борьба съ тѣмъ, что отнюдь не было уваженіемъ къ моему доброму имени, – я и сама не знаю, что это было, – можетъ, отдаленная надежда пріютиться опять какъ-нибудь въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ, изъ котораго меня выгнали. Съ этой поры разъ и навсегда исчезли въ душѣ всякія чувства, кромѣ гнѣва, ненависти и мщенія, и вотъ однимъ и тѣмъ же ударомъ я повергла въ прахъ твоего горделиваго владыку и привела тебя самого въ это поэтическое мѣсто, гдѣ ты смотришь на меня во всѣ глаза, понимая, наконецъ, чего я добивалась.

Онъ вскочилъ съ своего стула съ ужасными проклятіями. Она опять приставила къ груди свою руку; ея пальцы не дрожали, и ни одинъ волосъ не шевелился на ея головѣ. Онъ и она стояли неподвижно, ихъ раздѣляли столъ и одинъ стулъ.

– Если я забываю, что этотъ человекъ – да простить меня Богъ! – прикасался къ моимъ губамъ своими гадкими губами и держалъ меня въ объятіяхъ въ ту роковую ночь, – продолжала Эдию, указывая на него, – если я забываю гнусный поцѣлуй, осквернившій мою щеку, это значить, супругъ мой, что я съ тобою развелась и хочу истребить изъ своей памяти послѣдніе два года своей жизни, хочу исправить, что было сдѣлано и вывести изъ заблужденія! Забываю и свою встрѣчу съ тобою, милая Флоренса, когда ты, въ простотѣ невиннаго сердца, простирала ко мнѣ свои объятія и хотѣла приставить свое личико къ этой опозоренной щекѣ, на которой еще пылалъ адскимъ пламенемъ гнусный поцѣлуй этого изверга; забудешь ли ты, въ свою очередь, этотъ роковой позоръ, которымъ изъ-за меня покрылась твоя семья?...

Ея сверкающіе глаза, при этомъ послѣднемъ воспоминаніи, устремились кверху, но черезъ минуту опустились опять на Каркера, и ея лѣвая рука, в которой были письма, протянулась къ нему.

– Смотри сюда! – сказала она презрительнымъ тономъ. – Эти письма ты адресовалъ на мое вымышленное имя; одно получено здѣсь, другое на дорогѣ. Печати не сломаны. Можешь взять ихъ назадъ!

Она скомкала ихъ въ своей рукѣ и бросила къ его ногамъ. Теперь, когда она смотрѣла на него, на лицѣ ея была улыбка.

– Мы расстаемся сію же минуту, – сказала она. – Вы слишкомъ рано, сэръ, рассчитали на сицилійскія ночи и сладострастную нѣгу. Слѣдовало вамъ продолжить свою измѣнническую роль, поподличать, поласкаться и потомъ уже набить свой карманъ. Теперь вы слишкомъ дорого платите за свой усладительный покой!

– Эдию! – воскликнулъ Каркеръ, дѣлая угрожающій жестъ. – Садись, и ни слова объ этомъ! какой дьяволъ въ тебѣ поселился?

– Легионъ имя ему! – возразила она, выступая впередъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто хотѣла его раздавить. – Ты и безумный властелинъ твой развели всѣхъ этихъ чертей, и они васъ доканаютъ. Фальшивый къ нему и къ его невинному дитяти, фальшивый вездѣ и во всемъ, ступай теперь впередъ, хвастайся, гордись, и пусть скрежетъ зубовъ подтверждаетъ всюду, что ты безсовѣстный лжець!

Онъ стоялъ передъ нею въ угрожающей позѣ, озираясь кругомъ, какъ будто отыскивая средства для укрощенія ея; но она противопоставила ему тотъ же неукротимый духъ и ничѣмъ не измѣнила своей позы.

– Гордись, хвастайся, но будь увѣренъ, что я торжествую, и всякое проявленіе твоего безстыдства лишь увеличит это торжество. Выбираю въ тебѣ презрѣннѣйшаго изъ всѣхъ людей, какихъ только я знаю, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ поразить и унижить гордаго безумца, при которомъ ты безъ устали расточалъ лесть своимъ подлымъ языкомъ. Хвастайся теперь и отмщай мнѣ на немъ! Ты знаешь, какъ прибылъ сюда въ эту ночь, знаешь, какимъ трусомъ стоишь передо мною; ты видишь себя во всѣхъ подлѣйшихъ краскахъ, въ какихъ я видѣла тебя всегда. Хвастайся, сколько хочешь, и отмщай мнѣ на самомъ себѣ!

Его ротъ покрылся пѣной, и холодныя капли пота выступили на его челѣ. Одна секунда разсѣянности въ ней, и онъ вцѣпился бы въ нее своими когтями; но она была тверда, какъ скала, и ея сверкающіе взоры ни на мгновенье не отрывались отъ его лица.

– Мы такъ не разстанемся, – сказалъ онъ. – Я еще не оглупѣлъ и не обрюзгъ, чтобы не справиться съ бѣшеной бабой.

– Вотъ что! Такъ не думаешь ли ты задержать меня?

– Постараюсь, моя милая, – сказалъ онъ, дѣлая свирѣпый жестъ своею головою.

– Одинъ шагъ впередъ – и ты спрашиваешься съ этимъ свѣтомъ!

– А что, – сказала онъ, если съ моей стороны не будетъ никакого хвастовства и никакихъ попытокъ на ребяческое тщеславіе? Что вы скажете, если я просто вернусь въ Лондонъ и опять примусь за свои дѣла? Это очень возможно, м-съ Домби, не беспокойтесь.

И зубы Каркера еще разъ засіяли отъ торжествующей улыбки.

– Перестаньте же, гордая красавица! – продолжалъ онъ, – вамъ меня не перехитрить! Поговоримъ, потолкуемъ и условимся, не то я могу принять совсѣмъ неожиданныя мѣры. Садитесь, м-съ Домби!

– Можешь дѣлать, что тебѣ угодно, – отвѣчала Эдиоъ, сверкая своими огненными глазами, – но поздно было бы мнѣ мѣнять свои планы. Моя честь и доброе имя брошены на вѣтеръ! Я рѣшилась выносить въ своей груди позоръ, которымъ до могилы покроетъ меня мнѣніе свѣта. Пусть сумасбродный мужъ не знаетъ, наравнѣ съ тобою, и не догадывается, что бывшая его супруга не подвергалась никогда новому стыду, которымъ его низкій льстецъ рассчитывалъ запятнать непокорную супругу. Я могу умереть въ страшной пыткѣ, но ни слова не произнесу для своей защиты и не сдѣлаю ни малѣйшихъ усилій, чтобы смыть позорное пятно съ его имени. Вотъ зачѣмъ я встрѣтилась здѣсь съ тобою и выдала себя подъ вымышленнымъ именемъ за твою жену! Вотъ зачѣмъ смотрѣли здѣсь на меня люди и оставили меня здѣсь! Надѣюсь, ничто не можетъ спасти васъ, м-ръ Каркеръ.

Онъ готовъ былъ все сдѣлать, чтобы пригвоздить къ полу эту неукротимую красавицу и овладѣть ея руками; но она была страшна для него въ этой неприступной позѣ, и онъ видѣлъ въ ней олицетвореніе несокрушимой силы. Ничто въ свѣтѣ, казалось ему, не могло потушить ея адской ненависти, и она въ отчаяніи готова была на все. Ея рука, лежавшая на бѣлой груди, была, казалось, вооружена тою могучею волей, предъ которой цѣпенѣтъ всякая мысль о сопротивленіи.

Такимъ образомъ, м-ръ Каркеръ не осмѣлился подойти къ ней и въ раздумьи пошелъ назадъ, чтобы запереть дверь, которая была за нимъ.

– На прощаньи, сэръ, не угодно ли вамъ принять отъ меня совѣтъ, – сказала Эдиоъ съ презрительной улыбкой. – Будьте осторожны и держите ухо востро. Вамъ измѣнили, какъ измѣняютъ вообще всякому измѣннику. Дано знать, кому слѣдуетъ, что вы здѣсь или намѣрены быть здѣсь. Сегодня вечеромъ я видѣла на улицѣ м-ра Домби: онъ ѣхалъ въ каретѣ.

– Ты лжешь, негодница! – вскричалъ Каркеръ.

Въ эту минуту въ коридорѣ раздался пронзительный звонъ колокольчика. Каркеру показалось, что Эдиоъ была волшебницей, по мановенію которой раздаются эти звуки. Онъ поблѣднѣлъ.

– Слышишь?...

Ему показалось, что она хочетъ идти, и онъ заслонилъ собою дверь; но въ то же мгновеніе Эдиоъ по другому направленію прошла въ спальню, и двери за нею затворились.

Теперь, когда ея не было, Каркеръ почувствовалъ, что онъ могъ бы съ нею управиться. Ему казалось, что внезапный страхъ, произведенный ночью тревогой, укротилъ ея буйную волю. Немедленно онъ отворилъ дверь и пошелъ вслѣдъ за нею.

Но въ комнатѣ, холодной и темной, никто не откликнулся на его голосъ. Онъ воротился назадъ, взявъ свѣчу, вошелъ снова и осмотрѣлся во всѣ стороны, надѣясь отыскать ее въ какомъ-нибудь углу, но комната была пуста. Нерѣшительными шагами прошелъ онъ столовую, залу, гостяную, безпрестанно озираясь вокругъ, заглядывая подъ занавѣсы, подъ ишрмы. Напрасный трудъ: Эдиоъ исчезла! Не было ея въ коридорѣ, который можно было окинуть однимъ взглядомъ!

Между тѣмъ колокольчикъ продолжалъ заливаться пронзительной трелью, и снаружи начали стучаться въ дверь. М-ръ Каркеръ поставилъ свѣчу на полъ и, подкравшись къ двери, насторожилъ уши. Снаружи происходила, казалось, большая суматоха, и раздавались многіе

голоса. Изъ двухъ джентльменовъ, говорившихъ по-англійски, Каркеръ слишкомъ хорошо угадалъ одного.

Онъ опять взявъ свѣчу и быстро пошелъ назадъ по всѣмъ комнатамъ, останавливаясь тамъ и сямъ въ смутной надеждѣ отыскать Эдию, которая, думалъ онъ, не могла же провалиться сквозь землю. Въ спальнѣ онъ наткнулся на дверь, скрытую въ стѣнѣ, и которая была заперта съ другой стороны: между половинками двери торчала вуаль, которую обронила м-съ Домби.

Колокольчикъ дребезжалъ и десятки рукъ и ногъ вламывались въ дверь.

Онъ былъ не трусъ, но эти адскіе звуки въ незнакомомъ мѣстѣ и въ полночный часъ, особенно если взять въ расчетъ происходившую сцену, способны были поразить паническимъ страхомъ и не такого героя, какъ м-ръ Каркеръ, которому притомъ представлялось совсѣмъ неожиданное наслажденіе встрѣтиться лицомъ къ лицу съ обманутымъ мужемъ и начальникомъ, готовымъ бѣшеной рукой сорвать маску съ подчиненнаго бездѣльника, закаленнаго въ продолжительномъ мошенничествѣ. Если бы еще удались замышляемые планы м-ра Каркера, и страстные его желанія увѣнчались вождѣльнымъ успѣхомъ, мы не сомнѣваемся, хотя это довольно странно, – онъ былъ бы въ эту минуту смѣль и дерзокъ, не смотря на совершенное отсутствіе всякой посторонней помощи, между тѣмъ, какъ теперь, вы понимаете, нѣтъ ничего удивительнаго, что теперь м-ръ Каркеръ дрожалъ, какъ осиновый листъ. Онъ пытался отворить дверь, гдѣ торчала женская вуаль, но безъ всякаго успѣха. Онъ открылъ одно изъ оконъ и взглянулъ на широкій дворъ черезъ венеціанскій ставень; было очень высоко, а внизу торчали безпошадные камни.

Звонъ колокольчика достигъ до *crescendo furioso*, и разбойники уже расшатывали крѣпкую дверь. М-ръ Каркеръ, дрожащій, блѣдный и бѣлый, какъ голландское полотно первѣйшаго сорта, вошелъ опять въ роскошную спальню и, послѣ новыхъ нечеловѣческихъ усилій, выломалъ, наконецъ, половину потайной двери. Увидѣвъ маленькую лѣстницу и почуявъ запахъ ночного воздуха, онъ прокрался назадъ за шинелью и шляпой, приставилъ кое-какъ половину двери и осторожно спустился съ лѣстницы, которая вывела его на дворъ. Потушивъ и бросивъ за уголъ свѣчу, онъ вздохнулъ свободно и взглянулъ на сіяющія звѣзды.

Глава LV

Благотворительный точильщик потерял свое место

При желѣзныхъ воротахъ, отдѣлявшихъ гостиницу отъ улицы, дворника не было; онъ ушелъ, безъ сомнѣнія, поглазѣть на суматоху и къ счастью не заперъ маленькой калитки. Тихонько приподнявъ защолку, м-ръ Каркеръ выползъ на улицу и, осторожно заперевъ за собою ворота, поспѣшилъ впередъ.

При лихорадочной, бесполезной и безсильной злобѣ, панической страхъ овладѣлъ имъ совершенно и обуялъ его до такой степени, что онъ, въ крайнемъ случаѣ, рѣшился бы скорѣе отважиться на какой-нибудь отчаянный рискъ, нежели встрѣтиться съ человѣкомъ, о которомъ не далѣе, какъ два часа тому назадъ, онъ рѣшительно не думалъ. Его неожиданный приходъ, шумный и буйный, звукъ его голоса, ожиданіе близкой и неизбѣжной встрѣчи лицомъ къ лицу, – все это презрѣлъ бы зубастый джентльменъ послѣ перваго минутнаго потрясенія и, какъ опытный мошенникъ, смѣло и дерзко смотрѣлъ бы на свои продѣлки. Но теперь – совсѣмъ не то. Подкопъ, такъ долго и такъ тщательно устраиваемый, обрушился на собственную его голову и вырвалъ съ корнемъ изъ его груди самонадѣиность и иаглость. Такъ искусно и съ такимъ стараніемъ разставлялъ онъ шелковыя сѣти и обдѣлывалъ силки, уже совсѣмъ готовый заманить дорогую птицу, но вотъ его самого заманили въ западню и прихлопнули въ ту самую минуту, когда ничто, казалось, не могло бы вырвать захваченной добычи. Гордая женщина презрѣла его, осмѣяла, сорвала съ его лица тигровую шкуру, раздавила его, какъ ползущую гадину, – и что мудренаго, если теперь м-ръ Каркеръ унизился, смирился и бѣжалъ впередъ, какъ робкій зайчикъ?

И когда онъ бѣжалъ, такимъ образомъ, по улицамъ чужого города, страхъ совсѣмъ другого рода, независимый отъ мысли о преслѣдованіи, пронзилъ его съ быстротою электрическаго удара, страхъ непонятный, необъяснимый, произведенный, какъ будто, дрожаніемъ земли подъ его ногами или ангеломъ смерти, который летѣлъ надъ его головою въ зараженномъ воздухѣ, отравляя его дыханіе. Онъ вздрогнулъ, встрепенулся, остановился, чтобы дать дорогу фантастическому призраку; но не исчезло страшное видѣніе – его и не было – и смертный ужасъ продолжалъ сковывать его члены.

Онъ поднялъ свое грѣшное лицо, полное тревоги, къ ночному небу, гдѣ сіяли звѣзды, полныя мира, и пріостановился, чтобы подумать, наконецъ, что дѣлать. Страхъ, что его застанутъ и захватятъ на чужой и далекой сторонѣ, гдѣ законы не могутъ ему оказать никакого покровительства, ему, который стоялъ теперь одиноко въ этомъ свѣтѣ на развалинахъ своихъ плановъ; ужасная мысль, что его тамъ гдѣ-нибудь въ Италіи, въ Сициліи, застигнетъ подъ угломъ какой-нибудь подкупленный злодѣй и пырнетъ ножомъ въ беззащитное горло, – всѣ эти и другія опасенія, имѣвшія болѣе или менѣе непосредственную связь съ разрушеніемъ его надеждъ, заставили его рѣшиться на возвращеніе назадъ и ѣхать въ Англію.

– Тамъ я безопаснѣе, во всякомъ случаѣ, – думалъ онъ. – Тамъ, по всей вѣроятности, этотъ сумасбродъ не будетъ меня преслѣдовать съ такимъ бѣшенствомъ, какъ здѣсь, въ чужихъ краяхъ, и ужъ если нельзя избѣжать этой встрѣчи, я буду, по крайней мѣрѣ, не одинъ, какъ здѣсь, безъ пріятелей и безъ совѣтниковъ. Меня прикроютъ, защитятъ и не заведутъ въ ловушку на подобіе какой-нибудь крысы.

Онъ сжалъ кулакъ и пробормоталъ имя Эдиои. Пробираясь далѣе въ тѣни массивныхъ зданій, онъ выставилъ свои зубы и принялся накликалъ страшныя заклинанія на ея голову, оглядываясь въ то же время по сторонамъ, какъ будто въ намѣреніи застигнуть ее подлѣ какого-нибудь забора. Наконецъ, онъ добрался до воротъ постоялаго двора, гдѣ уже давно спали крѣпкимъ сномъ. На звонъ колокольчика скоро явился дворникъ съ заспанными глазами и съ

фонаремъ въ рукахъ. М-ръ Каркеръ отправился съ нимъ въ темный сарай, чтобы уговориться насчетъ найма лошадей.

Торгъ былъ очень короткій, и распорядились немедленно послать за лошадьми. Приказавъ коляскѣ догонять себя, гдѣ слѣдуетъ, онъ опять прокрался за ворота и скоро вышелъ за городъ мимо старыхъ валовъ на большую дорогу, которая змѣилась, какъ ручей, по темной равнинѣ.

Куда течетъ эта рѣка, и гдѣ ея конецъ? Задумавшись надъ чѣмъ-то вродѣ этого вопроса, онъ окинулъ взоромъ мрачную долину, гдѣ торчали чахлая деревья, и опять призракъ смерти пронесся надъ его головой, стремительный и бурный, опять неизъяснимый ужасъ обуялъ его душу, мрачный и неопредѣленный, какъ отдаленный край предстоявшаго пути.

Тихо и прохладно. Вѣтеръ не смѣлъ колыхать растрепанныхъ волосъ взволнованнаго пѣшехода, и никакой шумъ не возмущалъ таинственного безмолвія ночи. Городъ скрылся вдали, и никакая башня не скрывала отъ глазъ свѣтозарныхъ міровъ, несшихся стройно и плавно въ безпредѣльномъ океанѣ, но еще можно было слышать бой часового колокола, и слабое замиравшее гудѣнье дало знать одинокому страннику, что миновало два часа за полночь.

Долго шель онъ впередъ, останавливаясь и прислушиваясь, пока, наконецъ, безпокойное и жадное ухо не разслышало дребезжанья извозчичьихъ колокольчиковъ, попеременно слабо и громкаго, то пронзительнаго, то вовсе неслышнаго при переправѣ черезъ дурную почву и, наконецъ, превратившагося въ веселый звонъ, исполненный радушнаго привѣта. Дюжій ямщикъ, нахлобучившій шапку до самыхъ глазъ, сдержалъ четверку ярыхъ лошадей и поѣхалъ шагомъ.

– Кто идетъ? Monsieur?

– Да.

– Monsieur прошелся далеконько по этой темной дорогѣ. Monsieur любитъ гулять въ глухую полночь.

– Ничего. У каждого свой вкусъ. Что, любезный, другихъ лошадей никто не нанималъ въ почтовомъ домѣ?

– Тысячи чертей! Другихъ лошадей? въ этотъ часъ? Никто, сударь.

– Послушайте, любезный, я тороплюсь. Посмотримъ, какъ скоро бѣгутъ ваши кони. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ больше на водку. Ёдемъ! Пошевеливайтесь!

– Гэй! гопъ! гупъ!

Впередъ черезъ темный ландшафтъ съ быстротою вихря, разсѣкая пыль и грязь, какъ морскую пѣну, впередъ и въ галопъ!

Движенье, стукъ и тряска завторили теперь вѣрнымъ и громкимъ эхомъ безпорядочнымъ мыслямъ бѣглеца. Ничего нѣтъ яснаго снаружи и ничего нѣтъ яснаго внутри. Предметы пролетаютъ мимо, погружаются одинъ въ другой, сливаются, мелькаютъ и скользятъ отъ глазъ въ исчезающемъ пространствѣ. За перемежающимися лоскутьями изгороди у фермы, юркнувшими посреди дороги, опять и опять пустота, мрачная и дикая. За фанігастическими образами, мелькнувшими въ душѣ и вдругъ изглаженными невидимой силой, опять и опять мрачная картина ужаса и страха, намалеванная яркой краскою сознанія безсильной злобы. Вотъ пахнулъ воздухъ съ отдаленной Юры и на минуту освѣжилъ надорванную грудь; но вотъ въ то же мгновенье передъ фантазіей бѣглеца адскій звонъ и стукъ тысячи враждебныхъ рукъ, готовыхъ раскрыть его вены и выцѣдить всю его кровь.

Потухшіе фонари на извозчичьей каретѣ, пестрота лошадиныхъ головъ, энергичные жесты кучера и даже колыханье его собственной шинели, – все это породило тысячи неясныхъ и смѣшанныхъ фигуръ, соответствовавшихъ его мыслямъ. Вотъ передъ нимъ цѣлая группа знакомыхъ чучель, согнутыхъ въ три погибели въ лондонской конторѣ, а вотъ и самъ сумасбродъ, отъ котораго онъ бѣжитъ, и тутъ же подлѣ него м-съ Домби въ торжествующей позѣ; они говорятъ, смѣются, пляшутъ, прыгаютъ и вдругъ умолкаютъ всѣ и пропадаютъ отъ крутого

поворота. Время и мѣсто, лица и предметы, мысли и грезы, дѣйствительность и полусонная мечта, прошедшее, настоящее, Лондонъ и дорожный чемоданъ, Парижъ и кучерская шляпа, родина, Сицилія, тюрьмы, – все это слилось, смѣшалось, оторопѣло, омрачилось, расплзлось въ его душѣ, и все поддаетъ ему толчки для усиленнаго бѣгства. Гэй! гой! Впередъ и въ галопъ черезъ темный ландшафтъ съ быстротою вихря, разсѣвая пыль и грязь, какъ морскую пѣну! Лошади дымятся, фыркаютъ, прядаютъ, несутся, какъ будто самъ дьяволъ взгромоздился на ихъ спины и въ бѣшеномъ триумфѣ гонитъ ихъ по мрачной дорогѣ въ самый тартаръ!

"Въ тартаръ" – звучитъ дребезжащій колоколь въ его ушахъ! "Въ тартаръ", съ ревомъ повторяютъ колеса, и паническій страхъ овладѣваетъ бѣглецомъ съ новой силой! Свѣтъ и тѣнь, какъ чертенята, мѣняются и прядаютъ на головахъ вспѣнненныхъ коней, и нѣтъ имъ отдыха ни на минуту! Впередъ и впередъ по мрачной дорогѣ – въ тартаръ!

Онъ не думалъ ни о чемъ въ особенности, и его умъ неспособенъ былъ отдѣлать одинъ предметъ отъ другого. Ниспроверженный планъ наградить себя сладострастною жизнью за долговременное принужденіе, подлая измѣна человѣку, который въ отношеніи къ нему всегда былъ справедливъ и честенъ, но котораго онъ презиралъ и ненавидѣлъ всѣмъ своимъ сердцемъ, разсчитывая со временемъ отмстить ему сторицей за каждое грубое слово или гордый взглядъ, – вотъ главнѣйшія мысли, возникавшія въ его мозгу. Низкій, пресмыкающійся льстецъ, онъ вполне сознавалъ мелкую роль, которую принуждалъ себя играть столь долгое время, и тѣмъ глубже вкоренилось въ немъ желаніе поразить наповаль чопорное чучело, передъ которымъ онъ пресмыкался. Онъ думалъ о женщинѣ, которая такъ жестоко провела его и одурачила, пріискивалъ средства разстроить ея торжество и покрыть ее позоромъ; но всѣ эти думы, темныя и сбивчивыя, не достигали зрѣлости въ его мозгу и отскакивали одна отъ другой при первомъ энергическомъ толчкѣ. Была, впрочемъ, одна постоянная идея, преобладавшая въ разгоряченной головѣ, идея – отложить обдумываніе всѣхъ этихъ плановъ до другого удобнѣйшаго времени.

Проносились передъ нимъ старые дни, предшествовавшіе браку м-ра Домби. Онъ думалъ, какъ ревновалъ онъ къ молодому человѣку, какъ ревновалъ онъ къ молодой дѣвушкѣ, какъ ловко отдалялъ всѣхъ незваныхъ гостей и какъ искусно очертилъ вокругъ своего властителя завѣтный кругъ, въ который не вступалъ никто, кромѣ его самого.

– Для чего же я пускался на всѣ эти продѣлки? – спрашивалъ онъ, ударяя себя въ лобъ. – Неужели для того, чтобы бѣжать, какъ вору, отъ бѣшенаго дурака?

Онъ зарѣзалъ бы себя за собственную трусость, если бы могъ спокойно обсудить, что онъ дѣлаетъ; но его парализованная мысль отстраняла возможность яснаго сознанія, и онъ смотрѣлъ на себя черезъ густой туманъ недавняго пораженія. Проникнутый безсильною злобою къ Эдиои, ненавистью къ м-ру Домби и презрѣніемъ къ самому себѣ, онъ ѣхалъ впередъ и ничего больше не дѣлалъ.

Опять и опять онъ прислушивался къ звукамъ экипажа, который, будто, ѣхалъ позади, и опять показалось ему, что этотъ звукъ раздается громче и громче. Наконецъ, онъ рѣшительно увѣрилъ себя, что за нимъ погоня, и закричалъ: "Стой!" – Лучше, – думалъ онъ, – потерять секунду времени, чѣмъ мучиться такою неизвѣстностью.

Это слово мгновенно остановило лошадей, коляску, кучера среди дороги.

– Дьяволъ! – вскричалъ кучеръ, оглядываясь черезъ плечо. – Что тамъ такое?

– Слышите? Чу!

– Что?

– Этотъ шумъ.

– Угомонишься ли ты, проклятый разбойникъ? – Воззваніе относилось къ одному изъ коней, брэнчавшему своими колокольчиками. – Какой шумъ?

– Да позади. Развѣ за нами не скачутъ? Чу! Что тамъ такое?

– Какой чортъ тебя давить, окаянный? – Обращеніе къ другому коню, положившему морду на товарища, который расшевелилъ остальныхъ двухъ лошадей. – Ничего нѣтъ за нами.

– Ничего?

– Ничего, кромѣ развѣ зари.

– Ваша правда. Теперь ничего не слышно.

Экипажъ, полуоткрытый, въ дымящемся облакѣ отъ лошадиныхъ спиныхъ, ѣдетъ медленно въ первый разъ, потому что кучеръ, остановленный безъ нужды на всемъ ходу, брюзгливо вынимаетъ изъ кармана ножикъ и навязываетъ новую нахлестку на свой бичъ. Затѣмъ опять: гэй! гой! гупъ! и быстроногіе кони понеслись, какъ вихрь.

Но теперь звѣзды поблѣднѣли, замерещился день. М-ръ Каркеръ, ставшій на ноги среди коляски, могъ, оглядываясь назадъ, различить слѣдъ, которымъ онъ ѣхалъ, и видѣть, что вдали не было никакой погони, никакого путешественника. Скоро сдѣлалось совсѣмъ свѣтло, и солнечный лучъ заигралъ на виноградникахъ и обширныхъ нивахъ; одинокіе работники, покинувшіе свои каменные постели, выступили изъ своихъ временныхъ лачугъ и принялись за работу на большой дорогѣ, уплетая мимоходомъ корки хлѣба. Мало-по-малу закопошились крестьяне, вызванные изъ своихъ хижинъ дневными работами; по мѣстамъ стояли у воротъ ротозѣи и съ глупымъ любопытствомъ смотрѣли на проѣзжавшій экипажъ. Вотъ и почтовый дворъ, завязшій въ грязи, съ своими помойными ямами и обширными полуразрушенными сараями, вотъ и каменный замокъ, огромный, старый, лишенный тѣни и свѣта, выглядывающій, словно сторожъ, своими пирамидальными окошками и сверху украшенный теперь синимъ дымомъ, который вьется и кружится около фонарей на башняхъ.

Съежившись и скорчившись въ углу коляски, м-ръ Каркеръ постоянно имѣлъ въ виду одну мысль – ѣхать быстрѣе и быстрѣе, безъ оглядокъ, которыя однако онъ позволялъ себѣ всякій разъ, на открытомъ полѣ, гдѣ на него не глазѣли праздные зѣваки.

Раскаяніе, стыдъ и злоба терзали его грудь, и опасеніе быть настигнутымъ или встрѣченнымъ врѣзалось гвоздемъ въ его разстроенный мозгъ, онъ, безъ всякаго основанія, боялся даже путешественниковъ, которые встрѣчались съ нимъ на дорогѣ. Тотъ же несносный страхъ и ужасъ, который забрался къ нему ночью, воротился и днемъ съ неистощимымъ запасомъ свѣжихъ силъ. Однообразный гулъ колокольчиковъ и топота коней, однообразіе безсильной злобы и душевной муки представляли однообразное колесо, которое онъ, палачъ самого себя, вертѣлъ безъ усталости и безъ пощады, раздираемый страхомъ, сожалѣніемъ, страстью. День, какъ и ночь, былъ для него фантастической грезой, гдѣ только его собственная пытка была дѣйствительнымъ явленіемъ.

И вотъ мерещились ему длинныя дороги, которыя тянулись безъ конца въ безпредѣльный горизонтъ, дурно вымощенные города на холмахъ и въ долинахъ, гдѣ выставлялись у дверей и темныхъ оконъ разноцвѣтныя фигуры съ гримасами и безъ гримасъ, и гдѣ по длиннымъ, тѣснымъ улицамъ съ ревомъ, гвалтомъ и мычаньемъ гнали на продажу коровъ и быковъ, забрызганныхъ грязью, избитыхъ дубиной, исцарапанныхъ собачьими клыками. Мерещились мосты, кресты, магазины, амбары, лавки, церкви, почтовые дворы, новыя лошади, впрягаемая насильно въ дышла, и старые кони съ послѣдней станціи, взмыленные, вспѣнные, съ понурыми головами и раздутыми ноздрями, сельскіе погосты съ черными крестами, искривленными на могилахъ, обложенныхъ засохшею травою и увядшими цвѣтами; потомъ опять и опять длинныя, предлинныя дороги, выгнутыя змѣйками на долинахъ и холмахъ и протянутыя безъ конца въ безпредѣльный горизонтъ.

Грезить м-ръ Каркеръ утромъ, въ полдень, вечеромъ, ночью, при закатѣ солнца и новомъ восходѣ солнца, и мерещится ему, будто длинныя дороги тамъ и сямъ остаются назади, смѣняемая жестокой мостовой, по которой хруститъ, трещитъ, качается, ныряетъ и подпрыгиваетъ его коляска, вихремъ проносясь между пестрыми жильями, на самый конецъ къ большой церковной башнѣ; будто здѣсь онъ выскакиваетъ самъ, закусываетъ на скорую руку и

выпиваетъ залпомъ рюмку джину, утратившаго для него горячительное и ободрительное свойство; будто затѣмъ виляютъ и ф_и_н_т_я_т_ь передъ нимъ слѣпыя калѣки съ дрожащими вѣками, ведомые нищими старухами въ жалкихъ лохмотьяхъ, бессмысленными, полунагими идиотками; хромыми, изуродованными, исковерканными: будто все это прокаженное отребье нищей братаи окружаетъ его съ плачемъ, воемъ, визгомъ, протягиваетъ къ нему руки, умоляетъ, грозитъ и отскакиваетъ прочь, разсыпаясь и стрѣляя крупной дробью отборныхъ ругательствъ; будто, наконецъ, онъ опять взгромождается на свое обычное мѣсто, съезживается, скорчивается и летитъ съ быстротою вихря по той же безконечной дорогѣ, замѣчая въ полуснѣ, что луна бросаетъ слабый свѣтъ на верстовые столбы, и оглядываясь по временамъ назадъ въ смутномъ страхѣ наткнуться робкимъ глазомъ на мнимую погоню. И мерещится ему, будто не спитъ онъ никогда, и только дремлетъ съ открытыми глазами, вздрагивая и вскакивая по временамъ, чтобы прокричать громкій отвѣтъ на мнимый голосъ; будто онъ рвется, мечется, кривляется, кружится и прокликаетъ самого себя за то, что напрасно прискакалъ на измѣническое rendezvous, что выпустилъ ее изъ своихъ рукъ, за то, что бѣжить теперь сломя шею, что не посмѣлъ явиться на его глаза, чтобы сдѣлать ему безстрашный вызовъ, за то, что перессорился со всѣмъ свѣтомъ, безумно разорвавъ дружескія и родственныя связи, и за то, что нашелъ въ себѣ самомъ непримиримаго врага, пораженнаго нравственной проказой, отравляющей дыханіе всякаго близкаго человѣка.

И видитъ онъ въ лихорадочномъ бреду картины прошедшей и настоящей жизни, сбивая и перепутывая ихъ съ настоящимъ мгновениемъ бѣшенной ѣзды. Старыя сцены мелькаютъ передъ нимъ, незванныя и непрошенныя, между новыми предметами, которые насильственно лѣзутъ въ глаза. И бредитъ м-ръ Каркеръ о томъ, что миновало и покончилось давнымъ давно, не обращая, по-видимому, никакого вниманія на встрѣчаемыя лица, которыя однако отуманиваютъ его голову и вдавливаютъ свои фигуры въ его разгоряченный мозгъ.

И видитъ м-ръ Каркеръ въ лихорадочномъ бреду буйныя и странныя сцены, за которыми опять монотонный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ, лошадиныхъ копытъ и никакого покоя. Фантастическими призраками мелькаютъ передъ нимъ города и деревни, почтовые дворы, лошади, холмы и долины, свѣтъ и тьма, дороги и мостовыя, лощины и горы, ведро и ненастье, тишина и буря, и опять тотъ же монотонный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ, лошадиныхъ копытъ, и никакого покоя.

И видитъ онъ сквозь сонъ, что подъѣзжаетъ, наконецъ, шумными дорогами къ шумной столицѣ, вихремъ пробѣгая города и деревни съ ихъ рѣдкой стариною, корчась въ три погибели въ своемъ безпокойномъ углу и плотнѣе закрываясь толстою шинелью, чтобы не наткнуться робкимъ взоромъ на густыя толпы бурливаго народа.

Бредитъ м-ръ Каркеръ, и тѣмъ быстрѣе мчится впередъ, стараясь ни о чемъ не думать, и всегда колесуемый безпокойной мыслью. Мерещится ему, будто онъ не знаетъ, сколько часовъ пробылъ въ дорогѣ, и не умѣетъ сообразить точно мѣстностей на своемъ пути. Голова его кружится, въ глазахъ темнѣетъ, умъ, воображеніе и память парализованы въ своей дѣятельности, но нѣтъ ему остановки и покоя на трудномъ пути; и вотъ, наконецъ, онъ въ Парижѣ, гдѣ мутная рѣка неудержимо катитъ свои быстрыя волны среди двухъ ревущихъ потоковъ движенія и жизни.

И мерещатся ему нескончаемыя улицы, набережныя, мосты, погреба, подвалы, водопроводы, фонтаны, своды, арки, крытые пассажи, густыя толпы черни, солдаты, омнибусы, фіакры, барабаны, и опять монотонный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ и конскихъ копытъ, которые теперь теряются во всеобщей суетѣ и суматохѣ. И вотъ смолкнулъ этотъ гвалтъ, когда м-ръ Каркеръ въ другомъ экипажѣ очутился за парижской заставой; но въ его ушахъ опять однообразный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ, лошадиныхъ копытъ, и нѣтъ ему никакого покоя.

Разъ и еще разъ солнечный закатъ, длинныя дороги, ужась ночи, слабый свѣтъ фонарей, и опять однообразный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ, лошадиныхъ копытъ и никакого покоя. Разъ и еще разъ вошло жгучее солнце на высокомъ горизонтѣ, и бредить м-ръ Каркеръ, будто кони его съ большимъ трудомъ взбираются на верхъ горы, спускаются внизъ, будто вдругъ обдало его прохладной свѣжестью морского вѣтра, и онъ увидѣлъ утренній свѣтъ на краяхъ отдаленныхъ волнъ. Мерещится ему, будто при полномъ приливѣ онъ входитъ въ гавань, видитъ рыбацьи лодки на поверхности далекихъ волнъ и веселыхъ женщинъ съ ихъ дѣтьми на берегу; будто мѣстами разбросаны рыбацьи сѣти вмѣстѣ съ платьемъ рыбаковъ, будто впереди кишатъ и снуютъ толпы матросовъ на самыхъ вершинахъ корабельныхъ мачтъ, и будто вся эта картина исчезаетъ во всеобщемъ блескѣ и колыханіи воды.

Берегъ дальше и дальше отъ глазъ, и грезить м-ръ Каркеръ, будто онъ наблюдалъ съ пароходной палубы, какъ рѣдѣлъ туманъ, исчезая въ солнечныхъ лучахъ, и какъ позолотилась, наконецъ, вся поверхность тихаго моря. Берегъ потемнѣлъ и скрылся отъ глазъ, но вотъ впереди, по другую сторону, мерещатся утесы, строенія, вѣтряная мельница, церковь, и все это подходитъ ближе и ближе, становится виднѣе и виднѣе. Новая гавань, новый шумъ и новыя лица съ радостными криками на новомъ берегу. Бредить м-ръ Каркеръ, будто съ новымъ паническимъ страхомъ онъ сходитъ съ пароходной лѣстницы, и вотъ его нога опять на родной землѣ.

И задумаль онъ въ своемъ тревожномъ снѣ удалиться куда-нибудь въ знакомую деревню, успокоиться, отдохнуть, свести прошедшее съ настоящимъ и сообразить свои будущіе планы. Загроможденный беспорядочными грезами, онъ припомнилъ, наконецъ, какую-то станцію на желѣзной дорогѣ съ уединеннымъ и спокойнымъ трактиромъ и туда рѣшился направить свой дальнѣйшій путь.

Съ этой цѣлью онъ пошелъ въ контору желѣзной дороги, взялъ билетъ, сѣлъ въ карету, закутался щинелью, притворился спящимъ, и скоро паровой гигантъ съ быстротою стрѣлы умчалъ его отъ морского берега во внутренность континента. Прибывъ къ назначенному мѣсту, онъ тщательно осмотрѣлъ окрестность съ ея малѣйшими подробностями. Расчетъ его оказался вѣрнымъ: это было совершенно уединенное мѣсто, на краю небольшого лѣса. Здѣсь стоялъ всего только одинъ вновь выстроенный домикъ, окруженный красивымъ садомъ; до ближайшаго маленькаго городка было нѣсколько миль. Незамѣченный никѣмъ, м-ръ Каркеръ вошелъ въ трактиръ и нанялъ на верху двѣ уютныхъ уединенныхъ комнатки, сообщающихся одна съ другой.

Его главнѣйшимъ намѣреніемъ было успокоиться, привести въ порядокъ свои мысли и потомъ уже дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Разстройство его душевныхъ силъ, омраченныхъ злобой, достигло теперь до послѣдняго предѣла, и онъ скрежеталъ зубами, расхаживая по своей комнатѣ. Его мысли, не направленные ни на что въ особенности, блуждали наудачу и кружили его голову. Онъ бѣсновался и вмѣстѣ чувствовалъ смертельную усталость.

При всемъ томъ онъ не мотъ забыться ни на минуту. Его изнеможенный духъ утратилъ возможность терять сознаніе, и, казалось, его чело было заклеено роковымъ проклятіемъ, которому суждено навсегда лишить его покоя. Онъ не имѣлъ никакой власти надъ собственными своими чувствами, какъ будто они принадлежали другому, постороннему лицу. Какая-то невидимая сила отталкивала его вниманіе отъ настоящихъ образовъ и звуковъ и насильственно вбивала въ его голову всѣ смутныя видѣнія и призраки оконченнаго путешествія. Мстительная женщина въ своей гордой и грозной позѣ безпрестанно представлялась его умственному взору, и въ то же время онъ продолжалъ летѣть сломя голову черезъ города и деревни, по горамъ и оврагамъ, по дорогамъ и мощенымъ улицамъ, въ дождь и бурю, въ ведро и ненастье, всегда и вездѣ оглушенный однообразнымъ звономъ колоколовъ, безконечнымъ стукомъ колесъ и лошадиныхъ копытъ, всегда и вездѣ осужденный на пытку безсильной злобы и мучимый презрѣніемъ къ самому себѣ.

– Какой нынче день? – спросил онъ трактирнаго слугу, приготовлявшаго ему обѣдъ, – среда?

– Помилуйте, какая среда. Сегодня четвергъ, сэръ!

– Ну да, я забылъ. А сколько времени? Мои часы не заведены.

– Безъ четверти пять, сэръ. Можетъ быть, сэръ, вы долго изволили находиться въ путешествіи?

– Да.

– По желѣзной дорогѣ?

– Да.

– Безпокойно, сэръ!

– Много здѣсь проѣзжающихъ?

– Довольно, сэръ, нечего жаловаться. Только сегодня никого не было. Бываетъ, сэръ, дѣла идутъ не такъ, чтобы того. Плохо, сэръ.

Не отвѣчая ничего, Каркеръ сѣлъ на софу, облокотился обѣими руками на свои колѣни и уставилъ глаза на полъ. Онъ ни на минуту не могъ овладѣть своимъ вниманіемъ, и оно, противъ его воли, обращалось на тысячи отдаленныхъ и смутныхъ картинъ. Сонъ рѣшительно бѣжалъ отъ его глазъ.

Онъ выпилъ послѣ обѣда рюмку вина, другую, третью, но безъ всякаго успѣха; никакія искусственныя средства не могли сомкнуть усталыхъ очей. Его мысли, безсвязныя и смутныя, волочили его безъ пощады по пятамъ дикихъ лошадей, какъ злодѣя, осужденнаго на мучительную пытку безъ отдыха и забвенія.

Какъ долго онъ сидѣлъ, преданный, такимъ образомъ, своимъ дикимъ мечтаніямъ, никто не мотъ сказать съ большею неправильностью, чѣмъ самъ онъ. Однако ему было извѣстно, что онъ пилъ долго и пилъ много при слабомъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, какъ вдругъ онъ вскочилъ съ своего мѣста и, пораженный внезапнымъ ужасомъ, началъ вслушиваться.

Не мечта обманула его. Земля дрожала, домъ грясся, воздухъ наполнялся дымомъ и ревомъ, и когда м-ръ Каркеръ, подходя къ окну, увидѣлъ причину всѣхъ этихъ явленій, его ужасъ не утихъ, и онъ отпрянулъ отъ окна, какъ будто неуверенный въ своей безопасности.

Проклятіе раздалось въ ушахъ его и прогремѣло по окрестной долиноѣ, извергаясь въ искрахъ и клубахъ дыма. Одна минута, и смолкло все. Каркеръ почувствовалъ, что бѣшенный демонъ отведенъ въ свою обычную колею и зажалъ свою пасть; даже теперь, когда рельсы желѣзной дороги, освѣщенные луннымъ свѣтомъ, были пусты и безмолвны, какъ пустыня, онъ трепеталъ всѣмъ тѣломъ и едва переводилъ духъ.

И мерещилось ему, будто какая-то непреодолимая сила влечетъ его къ этой дорогѣ. Онъ вышелъ на свѣжій воздухъ и началъ бродить по ея краямъ, соображая недавній слѣдъ вагоновъ по искрамъ пепла, которыя еще лежали на пути. Пробродивъ минутъ тридцать въ этомъ направленіи, онъ вернулся назадъ и побрелъ мимо трактирнаго сада, все-таки придерживаясь краевъ желѣзной дороги и съ любопытствомъ разсматривая на досугъ мосты, сигналы и лампы. Ему хотѣлось видѣть, какъ промчится здѣсь другая машина, которой ждали съ минуты на минуту.

И вотъ она искрится, визжитъ, дымится и рветъ, изрыгая пламя, угли, пепель и озирая красными глазами дрожащее пространство. За ея хвостомъ причалены грузныя массы, и кажется, что онѣ готовы взлетѣть на воздухъ. М-ръ Каркеръ дрожитъ и робкимъ, невѣрнымъ шагомъ идетъ къ воротамъ.

Еще и еще машина съ новымъ грузомъ и неистовымъ свирѣпствомъ. М-ръ Каркеръ приходилъ и уходилъ, гулялъ, дожидался, наблюдалъ и глазѣлъ съ какимъ-то дикимъ любопытствомъ, переходя отъ одной къ другой и удивляясь ихъ мѣднымъ лбамъ и массивнымъ колесамъ. "Какая въ нихъ гигантская сила! – думалъ м-ръ Каркеръ, – что, если подвернется кто подъ эти чудовищныя колеса? Уфъ! разлетится вдребезги!".

Отуманенный виномъ и продолжительною безсонницею, м-ръ Каркеръ чаще и чаще возвращался къ этимъ идеямъ, и онѣ громоздились въ его мозгу наравнѣ съ другими фантастическими призраками. Было около полуночи, когда онѣ воротился въ свою комнату, но страшныя грезы отстраняли всякую возможность покоя, и онѣ сидѣлъ, и думалъ, и мечталъ, и ждалъ съ какимъ-то судорожнымъ нетерпѣніемъ приближенія къ станціи новой машины.

Онѣ легъ въ постель, почти безъ всякой надежды на сонъ, и насторожилъ свои уши. Заслышавъ черезъ нѣсколько минутъ колебаніе земли и дрожь своей спальни, онѣ вскочилъ съ быстротою кошки, подбѣжалъ къ окну и принялся наблюдать, съ напряженнымъ любопытствомъ, страшнаго гиганта съ багровыми глазами и открытой пастью, изъ которой съ шумомъ, трескомъ, грохотомъ и ревомъ извергались пылающіе угли, дымъ и пепель, разсыпаемый по ровной и гладкой стезѣ на далекое пространство. Потомъ, протирая глаза, онѣ смотрѣлъ впередъ на дорогу, по которой думалъ ѣхать на солнечномъ восходѣ, такъ какъ здѣсь уже нельзя было рассчитывать на отдыхъ; затѣмъ онѣ ложился опять, какъ будто для того, чтобы яснѣ слышать умственнымъ ухомъ однообразный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ и конскаго топота, впередъ до прибытія на мѣсто новаго гиганта, который расшевелить и растревожить его вещественное ухо. Такъ продолжалось во всю ночь. вмѣсто успокоенія и власти надъ собой, онѣ утратилъ, казалось, и послѣднюю надежду обуздать встревоженные чувства. Съ наступленіемъ разсвѣта онѣ почувствовалъ невыносимую пытку разгоряченной мысли: прошедшее, настоящее и будущее волновались передъ нимъ въ смутныхъ образахъ, лишенныхъ всякой связи, и онѣ потерялъ всякую возможность останавливать на нихъ свой взоръ.

– Въ которомъ часу приходитъ паровозъ? – спросилъ м-ръ Каркеръ слугу, который на разсвѣтѣ пришелъ въ его комнату со свѣчею въ рукахъ.

– Въ четверть пятаго, сэръ. Ровно въ четыре приходитъ, сударь, экстренная машина, но она здѣсь не останавливается никогда. Летитъ напроломъ, сэръ.

Каркеръ приставилъ руку къ своей пылающей головѣ и взглянулъ на свои часы. Было около половины четвертаго.

– Кажись, сэръ, никто съ вами не поѣдетъ, – замѣтилъ слуга. – Есть тутъ два джентльмена, но они дожидаются лондонскаго поѣзда.

– Вы, помнится, говорили, что у васъ никого не было, – сказала Каркеръ съ призракомъ своей старинной улыбки, назначавшейся для выраженія его подозрѣній.

– Это вчера, сэръ. Два джентльмена прибыли ночью съ малымъ поѣздомъ, который останавливается здѣсь. Угодно теплой воды, сэръ?

– Нѣтъ. Унесите назадъ свѣчу. Свѣтло и безъ огня.

Едва ушелъ лакей, онѣ вскочилъ съ постели и подошелъ къ окну. Холодный утренній свѣтъ заступалъ мѣсто ночи, и небо покрывалось уже багровымъ заревомъ передъ солнечнымъ восходомъ. Онѣ умылъ холодною водой свою голову и лицо, одѣлся на скорую руку, спустился внизъ, расплатился и вышелъ изъ трактира...

Утренній воздухъ повѣялъ на него прохладой, которая, какъ и вода, не имѣла для него освѣжительнаго свойства. Онѣ вздохнулъ. Бросивъ взглядъ на мѣсто, гдѣ онѣ гулялъ прошлую ночь, и на сигнальные фонари, бесполезно теперь бросавшіе слабый отблескъ, онѣ поворотилъ туда, гдѣ восходило солнце, величественное въ своей утренней славѣ.

Картина прекрасная, великолѣпная, божественно-торжественная! Когда м-ръ Каркеръ смотрѣлъ своими усталыми глазами, гдѣ и какъ въ безпредѣльномъ океанѣ всплывало спокойное свѣтило, которое отъ начала міра съ одинаковымъ привѣтомъ бросаетъ свои лучи на добродѣтель и порокъ, красоту и безобразіе, – кто скажетъ, что въ его, даже въ его грѣшной душѣ не родилась мысль о другой надзвѣздной жизни, гдѣ всемогущая рука положитъ несокрушимыя преграды распространенію зла? Если онѣ вспоминалъ когда-нибудь о сестрѣ и братѣ съ чувствомъ нѣжности или угрызенія, кто скажетъ, что это не было въ такую торжественную минуту?

Но теперь онъ не имѣлъ нужды въ братьяхъ и сестрахъ. Рука смерти висѣла надъ нимъ. Она вычеркнула его изъ списка живыхъ созданій, и онъ стоитъ на краю могилы.

Онъ заплатилъ деньги за поѣздку въ то село, о которомъ думалъ, и до пріѣзда машины гулялъ покамѣсть одинъ около рельсовъ, углубляясь по долину и переходя черезъ темный мостъ, какъ вдругъ при поворотѣ назадъ, недалеко отъ гостиницы онъ увидѣлъ того самаго человѣка, отъ котораго бѣжалъ. М-ръ Домби выходилъ изъ двери, черезъ которую только что онъ вышелъ самъ. И глаза ихъ встрѣтились.

Въ сильномъ изумленіи онъ пошатнулся и отпрянулъ на дорогу. Спутываясь больше и больше, онъ отступилъ назадъ нѣсколько шаговъ, чтобы оградить себя большимъ пространствомъ, и смотрѣлъ во всѣ глаза на своего преслѣдователя, насилию перевода ускоренное дыханіе.

Онъ услышалъ свистокъ, другой, третій, увидѣлъ, что на лицѣ его врага чувство злобной мести смѣнилось какимъ-то болѣзненнымъ страхомъ, почувствовалъ дрожь земли, узналъ, въ чемъ дѣло, испустилъ пронзительный крикъ, наткнулся на багровые глаза, потускнѣвшіе отъ солнечнаго свѣта, – и огненный гигантъ сбиль его съ ногъ, растиснулъ, засадилъ въ зазубренную мельницу, разорвалъ его члены, обдалъ кипяткомъ, исковеркалъ, измолоть и съ презрѣніемъ выбросилъ на воздухъ изуродованныя кости.

Оправившись отъ изумленія, близкаго къ обмороку, путешественникъ, узнанный такимъ образомъ, увидѣлъ, какъ четверо убирали съ дороги что-то тяжелое и мертвенное, какъ они положили на доску этотъ грузъ, и какъ другіе люди отгоняли собакъ, которыя что-то обнюхивали на дорогѣ и лизали какую-то кровь, подернутую пепломъ.

Глава LVI

Радость за радостью и досада Лапчатого Гуся

Мичманъ въ большой суетѣ. М-ръ Тутсъ и Сусанна, наконецъ, приѣхали. Сусанна безъ памяти побѣжала на верхъ; м-ръ Тутсъ и Лапчатый Гусь вошли въ гостиную.

– О, голубушка моя, миссъ Флой! – кричала Сусанна Нипперъ, вбѣгая въ комнату Флорены. – Дойти до такихъ напастей въ собственномъ домѣ и жить одной безъ всякой прислуги, горlinkа вы моя, сиротинка безпріютная! Ну теперь, миссъ Флой, не отойти мнѣ прочь ни за какія блага въ свѣтѣ: я не то чтобы какой-нибудь мокрый мохъ или мягкій воскъ, но вѣдь мое сердце и не камень, не кремень, съ вашего позволенія!

Выстрѣливъ этими словами залпомъ и безъ малѣйшихъ знаковъ препинанія, миссъ Нипперъ стояла на колѣняхъ передъ Флоренсой и теребила ее на всѣ стороны своими крѣпкими объятіями.

– Ангельчикъ мой! – кричала Сусанна. – Я знаю все, что было, и знаю все, что будетъ, и мнѣ душно, миссъ Флой!

– Сусанна! милая, добрая Сусанна!

– Благослови ее Богъ! Я была ея маленькою нянькой, когда она была ребенкомъ, и вотъ выходитъ она замужъ! Правда ли это, горlinkа вы моя, красавица моя, правда ли? – восклицала Сусанна, задыхаясь отъ усталости и восторга, отъ гордости и печали, и еще Богъ знаетъ отъ какихъ противоположныхъ чувствъ.

– Кто вамъ это сказалъ? – спросила Флоренса.

– Силы небесныя, да это невинное созданье, м-ръ Тутсъ! – отвѣчала Сусанна. – Я знаю, что онъ говоритъ сущую правду, и убѣждена въ ней, какъ нельзя больше. Это самый преданный и невинный ребенокъ, какого съ огнемъ не найти среди бѣлаго дня. И будто горlinkа моя, миссъ Флой, на самомъ дѣлѣ выходитъ замужъ? О, правда ли это, правда ли?...

Сусанна цѣловала милую дѣвушку, ласкала ее, клала свою руку на ея плечо, плакала, смѣялась, рыдала, и эти смѣшанныя чувства радости, состраданія, удовольствія, нѣжности, покровительства и сожалѣнія, съ какими она постоянно возвращалась къ своему предмету, были въ своемъ родѣ столь женственны и вмѣстѣ прекрасны, что не много подобныхъ явленій можно встрѣтить на бѣломъ свѣтѣ.

– Перестаньте, моя милая! – сказала, наконецъ, кроткимъ голосомъ Флоренса. – Вамъ надобно отдохнуть, успокоиться, Сусанна.

Миссъ Нипперъ усѣлась у ногъ Флоренсы вмѣстѣ съ Діогеномъ, который въ изъясненіе искренней дружбы уже давно вилялъ хвостомъ и лизалъ ея лицо. Поглаживая одной рукою Діогена и приставляя другую къ своимъ глазамъ, она призналась, что теперь гораздо спокойнѣе, и въ доказательство принялась рыдать и смѣяться громче прежняго.

– Я... я... право, душечка моя, миссъ Флой, я въ жизнь не видала такого созданія, какъ этотъ Тутсъ. Да и не увижу никогда, никогда.

– Онъ очень добръ, – сказала Флоренса.

– И очень смѣшенъ, – прибавила Сусанна. – Послушали бы вы, какъ онъ изъяснялся со мной въ каретѣ, между тѣмъ какъ этотъ бѣшенный Гусь сидѣлъ на козлахъ.

– Насчетъ чего, Сусанна? – робко спросила Флоренса.

– Да насчетъ лейтенанта Вальтера, капитана Гильса, насчетъ васъ, миссъ Флой, и безмолвной могилы, – сказала Сусанна.

– Безмолвной могилы? – повторила Флоренса.

– Онъ говоритъ, – продолжала Сусанна, раздражаясь бурнымъ истерическимъ смѣхомъ, – говорить, что непременно и безъ малѣйшаго замедленія сойдетъ въ могилу, благословляя вашу судьбу и желая всевозможныхъ благъ лейтенанту Вальтеру. Тутъ однако нечего тревожиться,

милая моя мисс Флой: онъ слишкомъ счастливъ чужимъ счастьемъ и будетъ жить на славу. М-ръ Тутсъ – не Соломонъ – этого о немъ нельзя сказать, онъ и не будетъ Соломономъ, но въ томъ могу поручиться, что еще никто не видалъ на свѣтѣ такого честнаго, великодушнаго, безкорыстнаго добрака.

Сдѣлавъ эту энергичную декларацію, мисс Нипперъ продолжала хохотать до упаду и едва собралась съ силами извѣстить, что м-ръ Тутсъ дожидается внизу, въ сладкой надеждѣ вознаграждать себя лицезрѣніемъ Флоренсы за усердные труды, поднятые въ послѣднюю экспедицію.

Флоренса поручила сказать, что она надѣется имѣть удовольствіе благодарить лично м-ра Тутса, и Сусанна, спустившись внизъ, немедленно привела этого молодого джентльмена, наружность котораго все еще была въ ужасномъ безпорядкѣ и обличала сильное внутреннее волненіе.

– Мисс Домби, – началъ м-ръ Тутсъ, – быть представленнымъ опять... я нахожусь... имѣя позволеніе... относительно вашего здоровья... то есть, я рѣшительно не знаю, что я говорю; но это ничего, мисс Домби, ей Богу, ничего!

Флоренса съ улыбкой подала ему обѣ руки, и на ея лицѣ заискрилась самая граціозная благодарность.

– Вы такъ много для меня сдѣлали, добрый м-ръ Тутсъ, что у меня недостаетъ словъ для выраженія вамъ своей глубокой признательности.

– Если бы вы, мисс Домби, – сказалъ м-ръ Тутсъ какимъ-то благоговѣйнымъ голосомъ, – могли какъ-нибудь, при своемъ ангельскомъ характерѣ, или, по крайней мѣрѣ, захотѣли проклясть меня, будьте увѣрены, отъ вашихъ проклятій было бы мнѣ не легче, чѣмъ отъ этихъ незаслуженныхъ выраженій благодарности и небесной доброты. Ваши слова дѣйствуютъ на меня... такъ сказать... но это собственно ничего, и не въ этомъ рѣчь.

На это, разумѣется, трудно было приискать приличнѣйшій отвѣтъ, и Флоренса ограничилась лишь тѣмъ, что поблагодарила его опять.

– Я бы желалъ, мисс Домби, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы войти въ нѣкоторыя объясненія, разумѣется, если вы позволите.

– Сдѣлайте милость.

– Мнѣ слѣдовало имѣть удовольствіе привести къ вамъ Сусанну гораздо раньше; но, во-первыхъ, мы не знали имени родственника, къ которому она уѣхала, а во-вторыхъ, оказалось, что она оставила домъ этого родственника и переселилась куда-то въ другое мѣсто. То есть, я вамъ скажу, если бы не Лапчатый Гусь, который уменъ, какъ нельзя болѣе, то я бы никакъ не добился толку относительно мѣста жительства мисс Нипперъ.

Флоренса улыбнулась.

– Но не въ этомъ сущность дѣла, – продолжалъ м-ръ Тутсъ. – Общество Сусанны, увѣряю васъ, мисс Домби, было для меня утѣшеніемъ и отрадой въ этомъ проклятомъ состояніи духа, которое легче вообразить, чѣмъ описать. Путешествіе было для меня истинной усладой и, такъ сказать, вознагражденіемъ. Но не въ этомъ сущность дѣла. Мисс Домби, я имѣлъ счастье замѣчать вамъ и прежде, что я далеко не изъ числа людей, у которыхъ, что называется, мозгъ въ здоровомъ состояніи. Мнѣ это очень хорошо извѣстно. Едва ли сыщется еще человѣкъ, который бы такъ отлично понималъ всю пустоту своей головы, какъ я, и если нѣкоторые люди называли меня безмозглымъ, то я нахожу, что они были въ этомъ отношеніи совершенно правы. Все это однако, мисс Домби, отнюдь не мѣшаетъ мнѣ представлять въ ясномъ свѣтѣ свои отношенія къ лейтенанту Вальтеру. Пусть, если можно, увеличится еще больше моя душевная пытка, я обязанъ сказать, что лейтенантъ Вальтеръ – прекрасный молодой человѣкъ и, по моему мнѣнію, достоинъ благословенія; которое нисходитъ на его... на его чело. Дай Богъ ему силу и возможность оцѣнить во всей полнотѣ неземное блаженство, котораго оказался недостойнымъ другой человѣкъ, несчастнѣйшій изъ всѣхъ животныхъ въ этомъ мірѣ! Но все-таки

не въ этомъ сущность дѣла. Миссъ Домби, капитанъ Гильсъ мой истинный другъ, и я не хочу сомнѣваться, что ему по временамъ было бы пріятно видѣть меня въ своемъ домѣ, точно такъ же, какъ я, съ своей стороны всегда съ особеннымъ удовольствіемъ сталъ бы принимать у себя капитана Куттля. Мы понимаемъ и цѣнимъ другъ друга. Но я не могу забыть, что разъ въ своей жизни я вель себя неприлично на одномъ изъ угловъ Брайтонской площади, и если въ этомъ послѣднемъ отношеніи мое присутствіе будетъ вамъ казаться неприятнымъ, то я прошу только сказать мнѣ объ этомъ теперь, и, будьте увѣрены, я пойму васъ совершенно. Я не огорчусь, не посѣтую, не приду въ отчаяніе; напротивъ, я почту себя счастливымъ и стану гордиться, что имѣлъ честь удостоиться вашего довѣрія. Вотъ въ чемъ сущность дѣла, миссъ Домби.

– М-ръ Тутсъ, – отвѣчала Флоренса, – вы мой старинный и вѣрнѣйшій другъ, какъ же пришло вамъ въ голову, что мнѣ было бы неприятно васъ видѣть въ этомъ домѣ? Встрѣча съ вами, будьте увѣрены, всегда доставитъ мнѣ большое удовольствіе, и только одно удовольствіе.

– Миссъ Домби, – сказала м-ръ Тутсъ, вынимая платокъ изъ кармана, – если теперь я пролилъ слезу, то это – слеза радости. Будьте, однако, спокойны: это ничего, и премного вамъ обязанъ. Послѣ того, что вы сейчасъ сказали, я считаю нужнымъ предувѣдомить васъ, миссъ Домби, что я. не намѣренъ впередъ negliжировать своимъ костюмомъ и не обращать никакого вниманія на свою наружность, какъ это дѣлалъ вѣ послѣднее время.

Флоренса, не безъ нѣкотораго смущенія, должна была одобрить это намѣреніе.

– Относительно этого пункта, – продолжалъ м-ръ Тутсъ, – я держусь собственно тѣхъ мыслей, что всякій порядочный человѣкъ, прежде чѣмъ опуститься въ безмолвную могилу, долженъ вести себя приличнымъ и всегда нѣсколько изящнымъ образомъ. Поэтому съ этой поры я тщательно стану наблюдать, чтобы сапоги мои были вычищены и высвѣтлены самою лучшею ваксой. Такое замѣчаніе, миссъ Домби, конечно, не имѣетъ для васъ никакой важности, но я осмѣлился его сдѣлать въ вашемъ присутствіи первый и послѣдній разъ. Благодарю васъ отъ всего моего сердца. Если вообще я не имѣю той чувствительности, какую бы хотѣли во мнѣ видѣть мои искренніе друзья, зато могу увѣрить честнымъ и благороднымъ словомъ, я чувствую всегда вовремя и кстати, что требуютъ приличія и любезность отъ всякаго порядочнаго человѣка. Если, напримѣръ, въ этомъ отношеніи мнѣ нужно выразить то, что я чувствую въ настоящую минуту, то я... я уже давно понимаю, что мнѣ пора идти.

Раскланявшись, какъ слѣдуетъ порядочному джентльмену, м-ръ Тутсъ, утѣшенный и успокоенный, сошелъ внизъ и отыскалъ въ магазинѣ капитана Куттля.

– Капитанъ Гильсъ, – началъ м-ръ Тутсъ, – настоящая наша бесѣда съ вами должна быть покрыта не иначе, какъ священною печатью довѣрія и совершеннѣйшей искренности. Это, собственно говоря, будетъ продолженіемъ того, что сейчасъ происходило наверху между мною и миссъ Домби.

– Начинай, дружище, начинай!

– Миссъ Домби, я полагаю, скоро будетъ соединена съ лейтенантомъ Вальтеромъ? Такъ ли, капитанъ Гильсъ?

– Такъ, любезный другъ. Мы всѣ товарищи по этому дѣлу и причаливаемъ въ одну сторону. Валли и общая услада нашего сердца будутъ соединены, тотчасъ же послѣ того, какъ ихъ окликнуть въ домѣ благодати, – шепталъ ему на ухо капитанъ Куттль.

– Окликнуть! – повторилъ Тутсъ.

– Да, мой другъ, въ церкви, вонъ тамъ! – сказалъ капитанъ, указывая своимъ пальцемъ черезъ плечо.

– Вотъ что! охъ!

– А потомъ, – продолжалъ капитанъ своимъ хриплымъ шепотомъ, разглаживая спину и плечи м-ра Тутса, – загѣмъ что послѣдуетъ? Наша услада, какъ залетная птичка, выпорхнетъ изъ родного гнѣздышка и отлетитъ далеко, далеко, за широкія моря! Они ѣдутъ въ Китай, пріятель!

– Великій Боже! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ.

– Да, любезный другъ. Корабль, принявшій его на свой бортъ, когда онъ носился по бурнымъ волнамъ, ведетъ торговлю съ Китаемъ, и Вальтеръ въ продолженіе своего путешествія заслужилъ себѣ всеобщую благосклонность. Его полюбили на землѣ и на морѣ, такъ какъ онъ, видишь ты, прекрасный и очень смышленный молодой человѣкъ. И вотъ, когда умеръ въ Кантонѣ суперкаргъ, т. е. главный корабельный приказчикъ, то мѣсто его досталось Вальтеру, и теперь онъ станетъ завѣдывать въ этой должности другимъ кораблемъ, который принадлежитъ тѣмъ же владѣльцамъ. По этой-то причинѣ, любезный другъ, наша общая услада и поѣдетъ вмѣстѣ съ Вальтеромъ въ Китай.

М-ръ Тутсъ и капитанъ разомъ испустили по глубокому вздоху.

– Что же дѣлать, любезный другъ? – продолжалъ капитанъ. – Она любитъ его сердечно. Онъ любитъ ее сердечно. Тотъ, кто задумалъ бы ихъ разлучить и оторвать другъ отъ друга, былъ бы лютымъ звѣремъ, а не человѣкомъ. Когда она безпріютной и бездомной сиротой пришла сюда и упала на эти доски, ея израненное сердце было разбито, сокрушено. Я это знаю; я это видѣлъ собственными глазами, я, Эдуардъ Куттль, мореходъ великобританскій. Но теперь въ ея сердцѣ истинная, вѣрная, постоянная любовь, которую не сокрушаютъ человѣческія силы. Если бы, напримѣръ, случилось такъ, что я не зналъ бы этого, и не вѣдалъ, что Вальтеръ ея истинный братъ и возлюбленный, а она его сестра и первая любовь, я скорѣе отрубилъ бы здѣсь эти руки и ноги, чѣмъ допустилъ бы ее улетѣть за широкія моря. Но я знаю дѣла такъ, какъ они есть, – и что же такое? Пусть, они ѣдутъ съ миромъ, и да будетъ воля Божія! аминь!

– Капитанъ Гильсъ, – сказалъ м-ръ Тутсъ, – позвольте мнѣ имѣть удовольствіе пожать вашу руку. Вы говорите такъ хорошо, такъ хорошо, что невольно распространяется теплота по всему тѣлу, особенно когда вы произносите: аминь. Вамъ извѣстно, капитанъ Гильсъ, что и я до безумія любилъ миссъ Домби.

– Развеселись, пріятель! – сказалъ капитанъ, положивъ свою руку на плечо м-ра Тутса. – Стой и держись крѣпче,

– Я и хочу развеселиться, – капитанъ Гильсъ и по возможности держаться крѣпче. Только когда откроетъ свою пасть передъ моими глазами широкая могила я приготовлюсь къ похоронамъ, но не прежде. Не имѣя въ настоящую минуту никакой власти надъ собою, я покорнѣйше прошу васъ быть такъ добрымъ, принять на себя трудъ передать лейтенанту Вальтеру слѣдующій пунктъ.

– Пунктъ, пріятель, – повторилъ капитанъ, – какой же?

– Миссъ Домби, въ своемъ неизреченномъ снисхожденіи, – продолжалъ м-ръ Тутсъ, вытирая глаза, – изволила сказать, что мое присутствіе можетъ ей доставить нѣкоторое удовольствіе, и я увѣренъ, что всѣ въ этомъ домѣ, со включеніемъ васъ, капитанъ Гильсъ, будутъ снисходительно смотрѣть на присутствіе безталаннаго горемыки, который, очевидно, рожденъ на свѣтъ по какой-то непростительной ошибкѣ. Поэтому, Капитанъ Гильсъ, я теперь безъ церемоніи стану заходить сюда по вечерамъ, пока всѣ мы будемъ вмѣстѣ. Но просьба моя, собственно говоря, такого рода. Если, паче чаянія, мнѣ покажется когда-нибудь, что я не могу вынести взоровъ лейтенанта Вальтера и выбѣгу изъ комнаты, я надѣюсь, вы оба, капитанъ Гильсъ, будете считать это несчастьемъ и отнюдь не преступленіемъ съ моей стороны и будете убѣждены, что я ни къ кому не питаю въ своей душѣ злобы или ненависти, и всего менѣе къ лейтенанту Вальтеру. Надѣюсь также, вы оба примете на себя трудъ дѣлать по этому поводу замѣчанія, что я вышелъ, вѣроятно, прогуливаться на свѣжемъ воздухѣ, или, всего вѣрнѣе, посмотрѣть, какъ идетъ время на часахъ королевской биржи. Если, капитанъ, вы войдете со мной въ эти планы и дадите положительный отвѣтъ за лейтенанта Вальтера, это будетъ величайшимъ облегченіемъ для моихъ чувствъ и такой отрадой, за которую я не постоялъ бы удѣлить значительную часть своей собственности.

– Любезный другъ, – отвѣчалъ капитанъ, – ни слова больше. За какую бы веревку ты ни ухватился, я и Вальтеръ Гэй будемъ тянуть ее изо всей мочи.

– Капитанъ Гильсъ, благодарю васъ, вы утѣшили горемыку и сняли грузъ съ его сердца. Я желаю сохранить доброе мнѣніе обо всемъ и обо всѣхъ, хотя рѣшительно не знаю, какъ выразить свои чувства. На душѣ такъ полно, что кажется, будто льется черезъ край, а захочешь высказаться, – языкъ ии съ мѣста, какъ будто привинтили его къ зубамъ. Это все равно, если бы, напримѣръ, Борджесъ и компанія общались своему заказчику сдѣлать какія-нибудь необычайныя панталоны и потомъ не могли бы выкроить того, что у нихъ на душѣ.

Пояснивъ такимъ образомъ свою оригинальную мысль, м-ръ Тутсъ пожелалъ капитану Куттлю всевозможныхъ благъ и отправился во свояси.

Капитанъ Куттль, окруженный въ домѣ усладой сердца и Сусанной, былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ и наслаждался неподдѣльнымъ блаженствомъ, которое съ каждымъ днемъ увеличивалось все больше и больше. Онъ почасту и подолгу производилъ глубокомысленныя совѣщанія съ миссъ Сусанной Нипперъ, необычайная мудрость и рѣшительное могущество которой служили для него предметомъ постоянного удивленія, ибо никогда не забывалъ Куттль, какъ сія дѣвица изъяснила нѣкогда желаніе ополчиться противъ самой м-съ Макъ Стингеръ, женщины экстраординарной и непобѣдимой въ своемъ родѣ. Послѣ одного изъ такихъ совѣщаній, онъ явился къ Флоренсѣ съ докладомъ, что нѣкоторыя основательныя причины и разумныя соображенія заставляютъ его желать, чтобы въ домѣ поселилась какая-нибудь женщина, всего лучше знакомая, которая бы по хозяйству имѣла верховный надзоръ надъ дочерью пожилой леди, засѣдавшей по обыкновенію подъ синимъ зонтикомъ на птичьемъ рынкѣ. Сусанна, вызванная подать свой голосъ, немедленно объявила, что, по ея мнѣнію, ничего не можетъ быть лучше м-съ Ричардсъ. Флоренса засіяла при этомъ имени, и совѣщаніе окончилось само собою. Въ тотъ же день послѣ обѣда, Сусанна отправилась къ жилищу м-ра Тудля, навела необходимыя справки, и вечеромъ съ большимъ триумфомъ воротилась домой вмѣстѣ съ розовою, вѣчно цвѣтущею Полли, которая, при видѣ Флоренсы, обнаружила почти такія же эксцентричныя чувства, какъ сама миссъ Нипперъ.

Когда, такимъ образомъ, къ общему благополучію былъ устроенъ этотъ важный хозяйственный пунктъ, Флоренса начала вдумываться, какъ бы ей приличнымъ образомъ приготовить Сусанну къ ихъ неизбѣжной и уже скорой разлукѣ. Дѣло нелегкое и чрезвычайно щекотливое, ибо миссъ Нипперъ объявила наотрѣзъ, что она ни за что и никогда не разстанется съ нею, а извѣстно, что миссъ Нипперъ не охотница отставать отъ своихъ плановъ.

– Ну, а насчетъ жалованья вы не беспокойтесь, милая моя миссъ Флой, и не хлопчите о такихъ пустякахъ: у меня есть деньженки въ сберегательной кассѣ и хватитъ надолго, а если бы не хватило, я не площадная торговка, чтобы продавать свою любовь. До денегъ ли теперь, горлица вы моя, ангельчикъ, миссъ Флой! Пусть прахъ поберетъ все, знать ничего не хочу, только бы вы были со мной! Съ той поры, какъ скончалась ваша бѣдная маменька, я неотлучно была при васъ, дѣлила съ вами радость и горе, и вы сами ко мнѣ привыкли во всѣ эти годы. Я не хвастаюсь, миссъ Флой, и не горжусь, а все-таки вы безъ меня не уѣдете, не должны уѣзжать и не можете уѣхать.

– Я ѣду далеко, милая Сусанна, очень далеко!

– Тѣмъ, стало быть, я нужнѣе для васъ, миссъ Флой. Боже ты мой, Боже, я не робкаго десятка, чтобы испугаться далекой дороги.

– Но я ѣду съ Вальтеромъ, милая Сусанна, и готова съ нимъ на всякія путешествія, на всякія опасности! Вальтеръ бѣденъ, и я очень бѣдна: мой долгъ научиться помогать ему и помогать самой себѣ.

– Развѣ вамъ учиться помогать себѣ и другимъ, милая моя миссъ Флой! – вскричала Сусанна, замотавъ головой и явно обнаруживая нѣкоторое нетерпѣніе. – Вы были благодѣтельницею для всѣхъ, кто ни окружалъ васъ, и только Богу извѣстно, сколько перенесло страданій

ваше благородное сердце. Дайте мнѣ переговорить самой съ м-ромъ Вальтеромъ Гэемъ, и я непременно устрою такъ, что вы не поѣдете одна.

– Одна, Сусанна? одна, говорите вы? Какъ одна? А развѣ Вальтеръ не беретъ меня съ собою?

Какая свѣтлая, изумленная, восхитительная улыбка озарила ее! Молодой человѣкъ дорого бы далъ, чтобы быть свидѣтелемъ этого мгновенія.

– Надѣюсь, Сусанна, вы не будете говорить съ Вальтеромъ, если я сама не попрошу васъ объ этомъ, – прибавила Флоренса кроткимъ тономъ!

– Почему же нѣтъ, миссъ Флой? – рыдала Сусанна.

– Потому что, дѣлаясь его женою, я отдаю ему все свое сердце и рѣшаюсь жить съ нимъ вмѣстѣ и умереть. Если бы вы стали говорить съ нимъ такъ же, какъ теперь со мной, онъ могъ бы подумать, что я опасаясь за свою будущность, и что вы, въ свою очередь, боитесь за меня. Что дѣлать, милая Сусанна? Я люблю его!

И прекрасное лицо молодой дѣвушки озарилось тѣмъ животворнымъ свѣтомъ, которому суждено бросить свои лучи на весеннюю жизнь чистаго и дѣвственнаго сердца! И Сусанна Нипперъ еще и еще разъ бросилась въ объятія своей милой барышни, заплакала, зарыдала и повторяла съ умиленнымъ эффектомъ, неужели ея горlinkка летитъ изъ роднаго гнѣздышка на чужую, дальнюю сторону!

Но при такой женской слабости, миссъ Нипперъ была столь же способна обуздывать свои собственныя чувства, какъ и нападать на страшную Макъ Стингеръ. Съ этой поры, не возвращаясь никогда къ этому предмету, она была весела, дѣятельна, суетлива и отважна. Впрочемъ, однажды она объявила по секрету м-ру Тутсу, что она «храбрится» только до времени, и что ей никакъ не выдержать, когда миссъ Домби будетъ уѣзжать.

– Все тогда кончено, – сказала она, – и я боюсь, что съ тоски совсѣмъ закружится моя голова.

М-ръ Тутсъ объявилъ, съ своей стороны, что онъ вовсе потеряетъ голову, и они усердно плакали вмѣстѣ, смѣшивая свои слезы; но никогда Сусанна Нипперъ не обнаруживала подобныхъ чувствъ въ присутствіи Флоренсы или въ предѣлахъ молодого мичмана.

Какъ ни былъ ограниченъ гардеробъ Флоренсы – какой контрастъ съ приготовительными церемоніями послѣдней свадьбы, въ которой она принимала участіе! – однако все-таки дѣла было довольно, и Сусанна Нипперъ, засѣдая подлѣ своего друга, работала во весь день съ озабоченнымъ усердіемъ пятидесяти швей. Удивительная дѣятельность капитана Куттля могла бы значительно подвинуть впередъ и распространить эту экипировку, если бы позволили ему съ полнымъ жаромъ предаться своей дѣятельности, и онъ уже начиналъ хлопотать насчетъ зонтиковъ, шелковыхъ чулокъ, синихъ башмаковъ и насчетъ другихъ весьма важныхъ статей, совершенно необходимыхъ для морского путешествія; но остальные члены компаніи убѣдили его, посредствомъ разныхъ хитростей, ограничить свое дѣйствіе рабочими ящичками и платяными коробками, за которыми онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ самый модный магазинъ, гдѣ и выбралъ матеріи самаго лучшаго качества. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ двѣ недѣли сряду отъ утра до обѣда то и дѣло любовался на свою покупку, выбѣгая по временамъ на улицу, чтобы промыслить какую-нибудь новую дополнительную статью. Но его главнѣйшая, мастерская штука состояла въ томъ, что въ одно прекрасное утро ящикъ и коробка украсились двумя мѣдными дощечками, на которыхъ искусная рука вырѣзала сердце, пронзенное стрѣлою, и подъ нимъ красовалась надпись: Флоренса Гэй. Этимъ утромъ онъ разомъ одну за другою выкурилъ четыре трубки и ухмылялся во весь день.

Несмотря на безчисленныя хлопоты, Вальтеръ каждое утро забѣгалъ къ Флоренсѣ и проводилъ съ нею всѣ вечера. Передъ его приходомъ Флоренса спускалась внизъ изъ своихъ верхнихъ комнатъ, ожидала его въ маленькой гостиной, или, иной разъ, украдкой выходила за дверь, чтобы встрѣтить его съ открытыми объятіями. Въ сумерки они всегда были вмѣстѣ. О,

счастливого, благословенного время! О, глубокой, неисчерпаемый источник любви, способный изливаться животворною струею на раны человеческого сердца!

Жестокое пятно еще было на ее груди. Оно лежало между нею и ее возлюбленным, когда он прижимал ее к своему сердцу. Но она забыла тот роковой удар. Когда ее сердце билось для нея, и когда ее собственное сердце билось для него, звуки разстроенной музыки были для них не слышны, и они оба теряли способность сознавать, что есть на свете люди с безчеловечными сердцами. Нежная и слабая, но сильная могуществом любви, она забывала все на свете, и ее мир, сосредоточенный в объятиях одного человека, был наполнен видениями, которые не могли больше тревожить любящей души.

Как часто старый дом и старые дни проносились перед ней в эти часы сумерек, когда она искала утешения в объятиях прекрасного юноши, гордаго ее любовью! Как часто в этом счастливом утешении проливали она слезы радости, встречаясь с этими глазами, которые наблюдали ее с таким любящим и усердным вниманием! И чем крепче прижималась она к этим объятиям, тем чаще возникал в ее душе милый образ покойного брата, и казалось ей, будто последний раз она видела его в тот полночный час, когда он, одинокий и больной, лежал в своей спальне, и она целовала его лицо.

Смерклося. Молодые люди долго стояли друг перед другом, не говоря ни слова. Флоренса прервала молчание таким образом:

– Милый Вальтер, знаешь ли, о чем я думала сегодня?

– О том, как быстро идет время, и как скоро мы понесемся по широкому морю, не так ли, мой друг?

– Нет, Вальтер, я часто об этом думаю; но теперь не то у меня в голове. Я думала, какое бремя ты нашел во мне, милый Вальтер.

– Драгоценное, священное бремя! Да, мой друг, и я много раз думаю об этом.

– Ты смеешься, Вальтер. Я знаю, что твои мысли заняты гораздо больше, чем мои; но я думаю собственно об издержках.

– Об издержках?

– О денежных издержках. Все эти приготовления, о которых хлопочем мы с Сусанной... видишь ли, мой милый, я очень немного могла купить для себя. Ты был беден и прежде, а теперь со мною будешь еще беднее, милый Вальтер!

– Богаче во сто раз, милая Флоренса!

Флоренса улыбнулась и покачала головой.

– Притом, – сказал Вальтер, – насколько лет тому назад, отправляясь на корабль, я получил в подарок маленькую кошелек, и в кошельке, моя милая, были деньги.

– Очень немного, мой друг, слишком немного! – возразила Флоренса с грустной улыбкой, – не думай однако, чтобы мысль об этом бремени тяготила меня. Я даже рада, мой милый. – Она положила руку на его плечо и с невыразимой любовью смотрела ему в глаза. – Я слишком счастлива и не хотела бы ни за какие блага в мире быть в каком-нибудь другом положении.

– Так же, как и я.

– Да. Но ты, милый Вальтер, никогда не можешь иметь моих чувств. Я так горда тобой! Станут о тебе говорить, что ты женился на бедной изгнанной девушке, которая искала здесь приюта, у которой нет другого дома, нет друзей, ничего нет, ничего! Мое сердце горит от восторга, милый Вальтер, и будь у меня миллионы, никогда бы не была я так счастлива, как теперь! Пусть за мною нет никаких сокровищ...

– А разве сама ты, милая Флоренса, не драгоценное сокровище для меня? Разве ты ничего?...

– Ничего, Вальтер, кроме лишь – я твоя жена. – Нежная рука обвилась вокруг его шеи, и мелодический голосок раздавался теперь над самым его ухом. – В одном тебе – вся

моя жизнь! Въ одномъ тебѣ – всѣ мои земныя надежды! Въ одномъ тебѣ – всѣ радости моего сердца, и сама по себѣ, безъ тебя, милый Вальтеръ, я ничто, ничто!

Бѣдный, бѣдный м-ръ Тутсъ! Хорошо бы ты сдѣлалъ въ этотъ вечеръ, если бы два, три раза выбѣжалъ на улицу, чтобы провѣрить свои часы на королевской биржѣ, или, всего лучше, поговорить съ банкиромъ, о которомъ ты вспомнилъ случайно!

Но покаместъ не отправляйся на эти экспедиціи м-ръ Тутсъ; онъ еще не пришелъ. Прежде, чѣмъ поданы были свѣчи, Вальтеръ сказалъ:

– Нагрузка нашего корабля, Флоренса, приведена почти къ концу, и, вѣроятно, онъ выйдетъ изъ Темзы въ самый день нашей свадьбы. Тѣхъ ли намъ въ то же утро и остановиться въ Кентѣ, чтобы черезъ недѣлю сѣсть на корабль, когда онъ прибудетъ въ Грѣвзэндъ?

– Какъ тебѣ угодно, мой другъ, я вездѣ буду счастлива. Но...

– Что такое?

– Ты знаешь, Вальтеръ, на нашей свадьбѣ не будетъ никакого общества, и никто по платью не отличитъ насъ отъ другихъ людей. Такъ какъ мы уѣзжаемъ въ тотъ же день, то не потрудишься ли ты, Вальтеръ, сходить со мною кое-куда рано поутру, прежде чѣмъ мы отправимся въ церковь? Не будешь ли ты такъ добръ.

Вальтеръ, казалось, очень хорошо понялъ мысль своей любезной и подтвердилъ ея волю своимъ поцѣлуемъ, другимъ, третьимъ, двадцатымъ и такъ далѣе. И счастлива была Флоренса Домби въ этотъ вечеръ, тихій, спокойный, торжественный.

Затѣмъ въ спокойную комнату миссъ Сусанна Нипперъ подала свѣчи и чай. Немного погодя явились капитанъ Куттль и м-ръ Тутсъ, который вообще проводилъ безпокойно вечера. Впрочемъ на этотъ разъ онъ велъ себя очень смирно, развлекая свою душу игрою въ пикетъ съ капитаномъ, подъ верховнымъ надзоромъ миссъ Нипперъ, которая безпрестанно помогала дѣлать ему необходимыя математическія соображенія. Это средство было нарочно придумано для успокоенія взволнованныхъ чувствъ м-ра Тутса.

Лицо капитана въ этихъ случаяхъ представляло самыя любопытныя измѣненія, достойныя основательныхъ психологическихъ изученій. Его инстинктивная деликатность и рыцарскія отношенія къ Флоренсѣ дали ему уразумѣть, что теперь не время обнаруживать бурную веселость или выражать свое удовольствіе какими-нибудь экстренными знаками. За всѣмъ тѣмъ воспоминанія о "Любезной Пегги" безпрестанно вырывались наружу изъ богатырской груди, и случалось, добрый капитанъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи непростительныя промахи. Въ другой разъ всѣ силы его души поглощались безмолвнымъ изумленіемъ къ Вальтеру и Флоренсѣ, когда эта прекрасная чета, исполненная любви и граціи, сидѣла въ отдаленіи, любуясь другъ на друга; капитанъ бросалъ карты и посматривалъ на нихъ съ сіяющей улыбкой, удаляя себя по лбу носовымъ платкомъ, и эта забывчивость продолжалась до тѣхъ поръ, пока м-ръ Тутсъ не бросалъ, въ свою очередь, картъ, чтобы выйти на евѣжій воздухъ для переговоровъ со своимъ банкиромъ. Тутъ только капитанъ приходилъ въ себя и, вновь овладѣвая своими чувствами, дѣлалъ себѣ строжайшіе выговоры за непростительную разсѣянность. Съ возвращеніемъ Тутса порядокъ восстанавливался, игра начиналась, и капитанъ, принимаясь за карты, мигалъ и кивалъ на Сусанну, дѣлая въ то же время своимъ крюкомъ энергичныя жесты, дававшіе ей уразумѣть, что впередъ онъ уже не будетъ такъ забывчивъ. Слѣдовала затѣмъ интереснѣйшая сцена: стараясь сгладить съ своего лица слѣды недавнихъ впечатлѣній, капитанъ смотрѣлъ на карты, на потолочное окно, озирался вокругъ, и его фізіономія представляла весьма замѣчательную борьбу противоположныхъ чувствъ. Борьба, само собою разумѣется, скоро оканчивалась совершеннѣйшей побѣдой впечатлѣній, вызванныхъ вновь созерцаніемъ прекрасной пары, и бѣдный м-ръ Тутсъ опять выбѣгалъ на улицу, чтобы навѣстить кое-какія справки насчетъ Борджеса и компаніи. Стыдясь за свою слабость, капитанъ, впредь до новаго возвращенія Тутса, сидѣлъ, какъ преступникъ, исполненный сильныхъ тревоженій, и за отсутствіемъ правосуднаго судьи, дѣлалъ самъ себѣ неумолимые приговоры, скрѣпляя

ихъ восклицаніями вродѣ слѣдующихъ: "Держись крѣпче, ребята! Дурачина ты, Недъ Куттль, повѣса безталанный! и прочая".

Но самое тяжелое искушеніе для м-ра Тутса было еще впереди. Приближалось воскресенье, когда въ послѣдній разъ должны были окликнуть жениха и невѣсту въ той церкви, о которой говорилъ капитанъ. Тутсъ выразилъ на этотъ счетъ свои чувства Сусаннѣ Нипперъ въ такомъ тонѣ:

– Сусанна, меня влечетъ къ этой церкви какая-то невидимая сила. Слова, которыя разъ навсегда оторвутъ меня отъ дѣвицы Домби, я, знаю, поразятъ меня, какъ бомба или погребальный звонъ; но, клянусь честью, мнѣ непременно надо ихъ выслушать. Слѣдовательно, Сусанна, вы ужъ потрудитесь завтра проводить меня въ Божій домъ.

Миссъ Нипперъ изъявила свою готовность, если это доставитъ удовольствіе м-ру Тутсу, но, во всякомъ случаѣ, совѣтовала ему оставить эту идею.

– Сусанна, – возразилъ м-ръ Тутсъ съ большою торжественностью, – прежде, чѣмъ на моихъ щекахъ появились эти бакенбарды, я обожалъ миссъ Домби. Безсмысленный труженикъ и рабъ въ заведеніи у Блимбера, я обожалъ миссъ Домби. Когда я вышелъ изъ опеки и вступилъ, на законномъ основаніи, во владѣніе своею собственностью, я продолжалъ обожать миссъ Домби и ни о чемъ больше не думалъ, какъ о ней. Слова, которыми вручится она лейтенанту Вальтеру, и которыя... – м-ръ Тутсъ пріостановился, чтобы пріискать приличную фразу... – которыя закабалятъ меня во мракѣ ада, будутъ страшны, ужасно страшны; но я чувствую, мнѣ надобно ихъ слышать. Чувствую, мнѣ непременно слѣдуетъ узнать и увидѣть, какъ земля разверзнется подъ моими ногами и поглотитъ... однимъ словомъ, истребитъ всѣ мои надежды.

Сусанна отъ души соболѣзновала м-ру Тутсу и охотно согласилась исполнить его желаніе.

Церковь, выбранная Вальтеромъ для этой цѣли, старинная и ветхая, замкнутая и сплюснутая въ лабиринтѣ тѣсныхъ переулковъ и дворовъ, окружалась небольшимъ кладбищемъ и сама была похоронена въ какомъ-то сводѣ, образовавшемся изъ сосѣднихъ домовъ. Это, собственно говоря, была какая-то странная громада изъ камней, покрытыхъ плѣсенью, гдѣ торчали высокія старинныя дубовыя скамейки и столы, за которыми по воскресеньямъ исчезало десятка два усердныхъ прихожанъ, оглашаемыхъ голосомъ пастора и звуками разстроеннаго органа, сработаннаго опытною рукою мастера лѣтъ за полтора ста назадъ. Недалеко отъ этой громады, по всѣмъ направленіямъ, еще стояли церкви въ такомъ множествѣ, что ихъ шпицы издали можно было принять за корабельныя мачты, которыхъ не пересчитаешь и въ нѣсколько часовъ. Почти въ каждомъ переулкѣ и на каждомъ дворѣ была особая церковь. Когда м-ръ Тутсъ и Сусанна, въ назначенное воскресенье, направили въ эту сторону свои шаги, смѣшанный звонъ колоколовъ услаждалъ ихъ уши мелодіей самаго гармоническаго свойства. Десятка два звонарей съ двадцати колоколенъ сзывали народъ Божій на обычное поклоненіе въ день воскресный.

Церковный сторожъ съ низкими поклонами поспѣшилъ встѣтитъ двухъ означенныхъ заблудшихъ овечекъ и отвелъ имъ удобное мѣсто, откуда онѣ, такъ какъ было еще рано, принялись на досугѣ считать другихъ, вслушиваясь въ то же время въ протяжный благовѣстъ праздничнаго колокола. М-ръ Тутсъ, съ своей стороны, пересчитавъ всѣ широкія книги на церковныхъ наляяхъ, шепнулъ Сусаннѣ, что онѣ не понимаетъ, какъ и откуда будетъ сдѣлава окличка, на что Сусанна кивнула только головою и повела нахмуренными бровями, показывая, что теперь не время для такихъ вопросовъ.

Какъ бы то ни было, м-ръ Тутсъ оказался совершенно неспособнымъ отвлечь свои мысли отъ завѣтнаго предмета, и глаза его съ безпокойствомъ бродили по всѣмъ направленіямъ мрачнаго храма. Когда, наконецъ, наступило роковое время, бѣдный молодой джентльмень затрепеталъ всѣми членами, и его волненіе отнюдь не уменьшилось отъ неожиданнаго появленія капитана Куттля въ переднемъ ряду галлерей. При появленіи дьячка, подавшаго пастору

листъ бумаги съ именами жениховъ и невѣсть, м-ръ Тутсъ, очевидно, оконтуженный, уцѣпился обѣими руками за перила, и когда пасторъ громогласно провозгласилъ; "Вальтеръ Гей и Флоренса Домби", бѣдный юноша, не владѣя болѣе собой, опрометью бросился изъ церкви, безъ шляпы и безъ палки, въ сопровожденіи старосты, сторожа и еще двухъ джентльменовъ медицинской профессіи, которые къ счастью находились случайно въ церкви. Черезъ нѣсколько минутъ воротившійся сторожъ шепнулъ на ухо миссъ Нипперъ, чтобы она не беспокоилась, такъ какъ опасности нѣтъ никакой, и джентльмень велѣлъ сказать ей, что это ничего.

Миссъ Нипперъ, чувствуя, что глаза всѣхъ почтенныхъ зрителей и зрительницъ устремились на нее, пришла въ нѣкоторое затрудненіе отъ этого обстоятельства, тѣмъ болѣе, что капитанъ Куттль изъ передняго ряда галереи безпрестанно махалъ своимъ желѣзнымъ крюкомъ и страшно моргалъ глазами, откуда и слѣдовало, что онъ имѣлъ съ этою дѣвицей нѣкоторыя таинственныя сношенія. Необычайное безпокойство и, такъ сказать, буйная взволнованность м-ра Тутса, рѣшительно компрометировали деликатное положеніе этой дѣвицы. Неспособный болѣе оставаться на кладбищѣ добычей мучительныхъ размышленій и, безъ сомнѣнія, желая засвидѣтельствовать свое уваженіе церковной службѣ, которую нѣкоторымъ образомъ онъ пріостановилъ, м-ръ Тутсъ внезапно воротился опять, но уже не на прежнее мѣсто, а на порожнее сѣдалище подлѣ самой паперти, гдѣ онъ расположился между двумя почтенными старушками, имѣвшими обыкновеніе получать отъ доброхотныхъ дателей недѣльную порцію хлѣба. Оставаясь въ этомъ обществѣ, несчастный молодой джентльмень не преминулъ обратиться на себя вниманіе всей публики, которая невольно устремляла изумленные взоры на его растрепанные волосы и энергическіе жесты. Наконецъ, онъ не выдержалъ и опять опрометью бросился изъ церкви. Не смѣя болѣе войти въ храмъ Божій и однако желая принять нѣкоторое участіе въ богослуженіи, м-ръ Тутсъ время отъ времени выставлялъ свое лицо въ какомъ-нибудь изъ окошекъ; а такъ какъ было очень много окошекъ, доступныхъ снаружи для его наблюденій, и такъ какъ, съ другой стороны, безпокойство его увеличивалось съ минуты на минуту, то слушатели, занятые теперь во время проповѣди исключительно этимъ джентльменомъ, сочли неизбѣжно необходимымъ слѣдить за всѣми окошками разомъ, ибо невозможно было опредѣлить, въ какой сторонѣ произойдетъ интересное появленіе фигуры м-ра Тутса. Его движенія на кладбищѣ были до того стремительны и эксцентричны, что онъ опрокидывалъ вообщѣ всевозможные выкладки и соображенія своихъ наблюдателей и появлялся тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидали. Эти мистическія представленія становились тѣмъ забавнѣе, что ему было довольно трудно просовывать свою голову, и между тѣмъ какъ онъ былъ занятъ этой операціей, публика уже любовалась импровизированнымъ спектаклемъ. Замѣтивъ, наконецъ, что глаза всѣхъ зрителей обращены на его фигуру, м-ръ Тутсъ оторвался отъ послѣдняго окошка, и этимъ окончилась послѣдняя сцена, которую съ такимъ искусствомъ онъ разыгралъ на потѣху всей компаніи.

Всѣ эти выходки м-ра Тутса и чрезмѣрная бурливость капитана Куттля совсѣмъ разстроили дѣвицу Нипперъ, и она была очень рада, когда дождалась окончанія обѣдни. При выходѣ изъ церкви она бросила даже суровый взглядъ на м-ра Тутса и была съ нимъ строга во всю дорогу. Къ счастью, впрочемъ, бѣдный молодой человекъ не замѣчалъ своей опалы, и во всю дорогу былъ чрезвычайно краснорѣчивъ въ разговорахъ съ капитаномъ, который услышалъ теперь въ послѣдній разъ, что м-ръ Тутсъ, оторванный однажды навсегда отъ владычицы своего сердца, не видитъ впереди ничего, кромѣ тѣсной и мрачной могилы, готовой поглотить его со всѣми блистательными надеждами и планами.

Быстро летѣли дни одинъ за другимъ, и, наконецъ, наступилъ послѣдній вечеръ передъ свадьбой. Общество собралось у деревяннаго мичмана наверху и заняло всѣ покои, такъ какъ во всемъ домѣ не было теперь другихъ жильцовъ и мичманъ былъ единственнымъ владѣльцемъ этого апартамента. Всѣ были спокойны и серьезны, представляя впереди утреннюю перспективу, и всѣ были умѣренно веселы. Флоренса сидѣла подлѣ Вальтера и доканчивала вышивать

свой прощальный подарок капитану Куттлю, м-рь Тутсъ, подь руководствомъ и верховнымъ надзоромъ дѣвицы Нипперъ, игралъ съ капитаномъ въ пикетъ. Миссъ Нипперъ, съ таинственнымъ и глубокомысленнымъ видомъ, заглядывала въ карты и дѣлала всѣ необходимыя соображенія относительно ходовъ и взятокъ. Діогенъ слушалъ очень внимательно и по временамъ разражался какимъ-то двусмысленнымъ лаемъ, котораго, казалось, стыдился и самъ, сомнѣваясь, повидимому, въ основательности повода къ своимъ подозрѣніямъ.

– Тише, любезный, тише! – говорилъ капитанъ Діогену. – Что съ тобой сдѣлалось? Ты, пріятель, кажется, сегодня не въ духѣ.

Діогенъ завилалъ хвостомъ, но тотчасъ опять насторожилъ уши и огласилъ комнату новымъ двусмысленнымъ лаемъ, въ которомъ поспѣшилъ извиниться передъ капитаномъ, положивъ свою морду на его колѣни.

– Я того мнѣнія, – сказалъ капитанъ, разглаживая своимъ крюкомъ діогенову шерсть, – что твои подозрѣнія относятся къ м-съ Ричардсъ; но если ты разсудителенъ, какимъ я всегда тебя считалъ, ты долженъ перемѣнить свои мысли, такъ какъ м-съ Ричардсъ женщина хорошая, и это ты могъ бы замѣтить по ея глазамъ. Ну, пріятель, – продолжалъ капитанъ, обращаясь къ м-ру Тутсу, – если ты готовъ, такъ отваливай.

Говоря это, капитанъ погрузился весь въ свою игру, но вдругъ карты вывалились изъ его рукъ, глаза и ротъ открылись, ноги подкосились, и онъ растянулся въ своемъ креслѣ такимъ образомъ, что во всей его позѣ обнаружилось самое экстренное изумленіе. Оглянувшись вокругъ на всю компанію и видя, что никто не замѣчаетъ причины его столбняка, капитанъ перевелъ духъ, разразился страшнымъ ударомъ по столу, проревѣлъ громовымъ голосомъ: "Соломонъ Гильсъ, эгой!" и повалился въ объятія опустошеннаго непогодами камзола, который входилъ въ комнату, сопровождаемый Полли.

Еще минута – и Вальтеръ былъ въ объятіяхъ опустошеннаго непогодами камзола. Еще минута – и Флоренса была въ его объятіяхъ. Еще и еще минута – и капитанъ Куттль принялся обнимать м-съ Ричардсъ и миссъ Нипперъ и свирѣпо пожимать руки м-ру Тутсу, восклицая: "Ура, любезный другъ, ур-р-ра!" – Ошеломленный этой непостижимой сценой, м-рь Тутсъ, не зная самъ, что дѣлаетъ, съ большою учтивостью отвѣчалъ:

– Безъ сомнѣнія, капитанъ Гильсъ, ваша правда, покорно васъ благодарю!

Опустошенный непогодами камзолъ, равно какъ шапка и дорожный шарфъ, не менѣе опустошенные бурей и дождями, отвернулись отъ капитана и Флоренсы къ Вальтеру, и вдругъ изъ подь всѣхъ этихъ статей раздались звуки на подобіе стариковскаго плача, между тѣмъ какъ косматые рукава плотно обвивались вокругъ Вальтеровой шеи. Во время этой паузы продолжалось всеобщее молчаніе, и капитанъ съ большимъ усердіемъ полировалъ свою переносицу. Когда, наконецъ, Флоренса и Вальтеръ сбросили съ плечъ пришельца гороховый камзолъ со всѣми принадлежностями, глазамъ общества представился во всей красотѣ разоблаченный инструментальный мастеръ, тощій, тонкій, изнуренный старичекъ въ своемъ прежнемъ валлійскомъ парикѣ, въ кофейномъ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами и съ неизмѣннымъ хронометромъ, который издавалъ умильные звуки въ полосатомъ жилетѣ.

– Бухта человѣческихъ познаній, палата широкаго ума! – возопилъ лучезарный капитанъ. – Соль Гильсъ, Соль Гильсъ, гдѣ ты скрывался отъ насъ въ это долгое время, старинный мой товарищъ?

– Я слѣпъ и нѣмъ, и глухъ отъ радости, любезный Недъ! – отвѣчалъ старикъ.

– Самый его голосъ теперь, какъ и всегда, настоящая труба человѣческой науки! – говорилъ капитанъ, озирая стараго друга съ неимовѣрнымъ восторгомъ. – Возсядь, Соломонъ, посреди своего винограда и смоковницъ и, какъ древній патріархъ, повѣствуй намъ, своимъ гроздіямъ, о странствованіяхъ и чудныхъ приключеніяхъ на твоёмъ пути. Голосъ твой могучъ, и рѣчь твоя сладка. О голосъ, голосъ!.. Помнишь ли, какъ пробуждалъ ты меня отъ глубокаго сна, когда я лежалъ утомленный на ложѣ праздности и нѣги! Воструби, Соломонъ, и да раз-

сбьются впрахъ всѣ враги твои. Видѣхъ очима превозносящаяся, яко кедръ ливанскій, и мимо идохъ, и се не бѣ взыскахъ кости его и обрѣтостася. Аминь. Приискать въ книгѣ Товита и положить закладки.

Капитанъ сѣлъ на мѣсто съ видомъ человѣка, которому витіеватой рѣчью посчастливилось удачно выразить общія чувства всѣхъ и каждого, но вдругъ онъ вскочилъ опять, чтобы представить м-ра Тутса, который во все это время былъ очень озадаченъ прибытіемъ человѣка, неизвѣстно почему присвоившаго себѣ фамилію Гильса.

– Хотя, сэръ, – лепеталъ м-ръ Тутсъ, – я не имѣлъ удовольствія пользоваться вашимъ знакомствомъ, прежде чѣмъ вы... прежде чѣмъ...

– Потерялись изъ виду, оставаясь любезнымъ для памяти, – тихонько подсказалъ капитанъ.

– Точно такъ. Благодарю васъ, капитанъ Гильсъ. Хотя я не имѣлъ удовольствія пользоваться вашимъ знакомствомъ, м-ръ... м-ръ... Сольсъ, – продолжалъ Тутсъ, напавшій на это имя по вдохновенію свѣтлой мысли, – прежде, чѣмъ случилось то, что должно было случиться, однако, увѣряю васъ, я имѣю величайшее удовольствіе... ну, вы плнимаете, съ вами познакомились. Надѣюсь, сэръ, – заключилъ м-ръ Тутсъ, – вы совершенно здоровы и благополучны.

Послѣ этого комплимента м-ръ Тутсъ покраснѣлъ, какъ піонъ, и подарилъ компанію самодовольной улыбкой.

Инструментальный мастеръ усѣлся въ уголку между Вальтеромъ и Флоренсой и, кивиувъ на Полли, которая въ эту минуту была олицетвореніемъ неподдѣльнаго восторга, отвѣчала капитану такимъ образомъ:

– Недъ Куттль, дружокъ мой, хотя я слышалъ кое-что о здѣшнихъ перемѣнахъ отъ прекрасной моей пріятельницы... какое у ней доброе, пріятное лицо! – сказалъ старикъ, потирая руками отъ полноты сердечной услады.

– Внимайте ему! – пробасилъ капитанъ серьезнымъ тономъ. – Женщина соблазняетъ весь человѣческій родъ. Припомни, любезный, исторію Ветхаго Завѣта, заключилъ онъ, обращаясь къ м-ру Тутсу.

– Постараюсь, капитанъ Гильсъ. Покорно васъ благодарю, – отвѣчала м-ръ Тутсъ.

– Хотя я слышалъ кое-что отъ нея о здѣшнихъ перемѣнахъ, – продолжалъ инструментальный мастеръ, вынувъ изъ кармана очки и попрежнему надѣвая ихъ на свой лобъ, – однако онѣ такъ велики и неожиданны, и я до того обрадованъ свиданіемъ съ моимъ ненагляднымъ племянникомъ и съ... – взглянувъ на Флоренсу, которая потупила глаза, онъ не рѣшился докончить фразы – ... что я... сегодня ничего не могу сказать. Но почему же ты, милый Недъ Куттль, не писалъ ко мнѣ?

Изумленіе, отразившееся въ чертахъ капитанскаго лица, положительно устало м-ра Тутса, и онъ не могъ оторвать отъ него своихъ глазъ.

– Не писалъ! – повторилъ капитанъ. – Писалъ, Соль Гильсъ!

– Ну да, – продолжалъ старикъ, – отчего бы тебѣ не написать въ Барбадось, напримѣръ, или въ Ямайку, или въ Демерару? Вѣдь я же тебя просилъ.

– Ты меня просилъ, Соль Гильсъ!

– Да, да, мой другъ! Развѣ ты не знаешь? Неужто забылъ! Я писалъ тебѣ каждый разъ.

Капитанъ снялъ лошеную шляпу, повѣсилъ ее на свой крюкъ и, разглаживая рукою затылокъ, глядѣлъ на все собраніе, представляя своей особой совершеннѣйшій идеалъ воплощеннаго удивленія.

– Ты, по-видимому, не понимаешь меня, мой другъ! – замѣтилъ старикъ.

– Соль Гильсъ, – возразилъ капитанъ послѣ продолжительнаго молчанія, – ты меня сдрейфовалъ на самый экваторъ и пробилъ напроломъ. Удѣли, почтенный другъ, пару словъ насчетъ своихъ приключеній. Неужто Эдуардъ Куттль будетъ стоять на мели? – заключилъ капитанъ, переминаясь и осматриваясь во всѣ стороны.

– По крайней мѣрѣ, ты знаешь, милый Недь, зачѣмъ я уѣхалъ отсюда. Вскрылъ ли ты мой пакетъ?

– Да, да, да, – отвѣчалъ капитанъ скороговоркой. – Разумѣется, я вскрылъ твой пакетъ.

– И прочелъ? – сказалъ старикъ.

– Какъ не прочесть? – отвѣчалъ капитанъ, изъявляя готовность отдать полный отчетъ въ содержаніи пакета. – Вотъ что писалъ ты: "Милый мой, Недь Куттль! Оставляя теперь Лондонъ для отправленія въ Вестъ-Индію, въ надеждѣ получить какія-нибудь извѣстія о милomъ племянникѣ" ... баста! вотъ твой милый племянникъ, вотъ дорогой нашъ Вальтеръ! – сказалъ капитанъ, какъ будто обрадованный тѣмъ, что могъ остановить свои мысли на такомъ явленіи, которое по своей дѣйствительности не подлежало никакому сомнѣнію.

– Ладно, любезный другъ. Теперь остановимся на минуту. Первый разъ я писалъ къ тебѣ изъ Барбадоса, и если ты хорошо помнишь, я говорилъ въ томъ письмѣ, что хотя еще далеко не прошло двѣнадцати мѣсяцевъ, я съ радостью уполномочиваю тебя вскрыть пакетъ, такъ какъ въ немъ объяснена причина моего отъѣзда. Ладно, Недь Куттль. Во второй, третій, а можетъ, и четвертый разъ я писалъ къ тебѣ изъ Ямайки, подробно объясняя, что дѣла мои не подвинулись впередъ, что о Вальтерѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, и что все-таки я не рѣшаюсь воротиться въ Лондонъ, пока не получу о немъ какихъ-нибудь извѣстій. Потомъ я, кажется, писалъ къ тебѣ изъ Демерары, не такъ ли, мой другъ?

– Онъ полагаетъ, что писалъ изъ Демерары, уфъ! – воскликнулъ капитанъ, безнадежно озираясь вокругъ.

– Я говорилъ въ томъ письмѣ, что покаместъ все еще нѣтъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій, но что я нашель въ этой части свѣта многихъ изъ своихъ старинныхъ земляковъ, которые мнѣ оказали кое-какія услуги. Они принимали большое участіе въ моихъ странствованіяхъ, и всѣ вообще жалѣли о моей судьбѣ. Въ ту пору я начиналъ думать, что мнѣ суждено до могилы скитаться по бѣлому свѣту, отыскивая слѣдовъ пропавшаго мальчика.

– Тамо сѣдохомъ и плакахомъ, на рѣкахъ вавилонскихъ. Внимайте ему! – замѣтилъ капитанъ глубокомысленнымъ тономъ.

– Воротившись опять въ Барбадосъ, я услыхалъ, наконецъ, что мой племянникъ Божіею милостью живъ и здоровъ и находится въ большомъ почетѣ на купеческомъ кораблѣ, который ведетъ чайную торговлю съ Китаемъ. Тогда и я, Недь Куттль, не теряя времени, сѣлъ на первый корабль, и вотъ, слава Богу, пріѣхалъ на родину благополучно и вижу свой счастливый домъ.

Капитанъ склонилъ голову съ великимъ благоговѣніемъ, поднялъ къ потолочному окну свой крюкъ и осмотрѣлъ одного за другимъ всѣхъ членовъ общегтва, начиная съ м-ра Тутса и оканчивая инструментальнымъ мастеромъ. Потомъ онъ сказалъ съ большою важностью:

– Соломонъ Гильсъ! замѣчаніе, которое я намѣренъ предложить, способно разорвать паруса твоего летучаго разума, переломать всѣ снасти твоихъ догадокъ и перепутать всѣ канаты твоихъ размышленій. Ни одно изъ этихъ писемъ не было передано Эдуарду Куттлю. Ни одного изъ этихъ писемъ, – повторилъ капитанъ, придавая этой деклараціи соотвѣтственную торжественность, – не получилъ Эдуардъ Куттль, мореходъ великобританскій, избравшій по доброй волѣ и благому произволу мѣстомъ своего жительства городъ Лондоиъ, столицу трехъ Соединенныхъ королевствъ!

– И писалъ-то я ихъ собственноручно! И отправлялъ-то я ихъ собственноручно! Корабельная площадь, номеръ девятый! – воскликнулъ старикъ Соломонъ!

Багровая краска выстуила на лицѣ капитана, и глаза чуть не закатились подъ лобъ.

– Соломонъ Гильсъ, любезный другъ, что ты разумѣешь подъ номеромъ девятымъ на Корабельной площади? – спросилъ капитанъ.

– Какъ что разумѣю? Твою квартиру, Недь Куттль, – квартиру у м-съ... какъ бишь ее зовутъ? Я иной разъ забываю собственное свое имя. Что дѣлать? Я давио отсталъ отъ времени, ты это знаешь. М-съ...

– Соль Гильсъ! – возгласил капитанъ, какъ будто собираясь сдѣлать самое невѣроятное предположеніе въ мірѣ, – неужто у тебя на умѣ фамилія м-съ Макъ Стингеръ?

– Ну да, мой другъ, что же тутъ удивительнаго? – возразилъ инструментальный мастеръ. – Я адресовалъ свои письма на имя м-съ Макъ Стингеръ.

Капитанъ открылъ свои глаза до послѣдней степени возможной широты, испустилъ изъ своихъ устъ длинный-предлинный и пронзительный свистъ самага меланхолическаго свойства и остановился среди комнаты, глазѣя на всѣхъ съ дикимъ и безмолвнымъ любопытствомъ.

– Поясни намъ еще разъ свою загадку, Соломонъ! – проговорилъ онъ наконецъ.

– Всѣ эти письма, – отвѣчалъ дядя Соль, барабая правой рукой по столу съ такимъ вѣрнымъ тактомъ, который могъ бы сдѣлать честь даже непреложному хронометру въ его карманѣ, – всѣ эти письма писалъ я собственноручно, отправлялъ собственноручно и адресовалъ такимъ образомъ: "Капитану Куттлю, въ домѣ м-съ Макъ Стингеръ, что на Корабельной площади, номеръ девятый",

Капитанъ сдернулъ съ крюка свою лощеную шляпу, заглянулъ въ ея тулью, надѣлъ на голову и сѣлъ на стулъ.

– Други мои! – сказали капитанъ, озирая изумленными глазами все собраніе, – я дезертировалъ и скрылся оттуда!

– И никто не зналъ, куда вы ушли? – поспѣшно вскричалъ Вальтеръ.

– Помилуй тебя Богъ, любезный другъ! – сказали капитанъ, покачивая головой. – Она бы никогда не отпустила меня въ эти предѣлы, чтобы хранить и опекать собственность дяди Соломона. Ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать и укрыться. Господи, помилуй! Ты ее видѣлъ во время затишья, а посмотрѣлъ бы ты, какъ она волнуется во время бурнаго своего гнѣва – уфъ! Замѣть это хорошенько!

– Я желала бы посмотрѣть! – тихонько замѣтила миссъ Нипперъ.

– Будто бы, моя милая, будто бы? – возразилъ капитанъ. – Это дѣлаетъ вамъ честь, но вы едва ли знаете, что нѣтъ на свѣтѣ лютаго звѣря, который бы превзошелъ ее своимъ свирѣпствомъ. Мой сундукъ вырученъ и принесенъ отъ нея такимъ человѣкомъ, который, можетъ быть, одинъ только и есть на бѣломъ свѣтѣ. Нѣтъ, не хорошо было отсылать письма на Корабельную площадь! М-съ Макъ Стингеръ, разумѣется, не приняла ни одного, и я еще не знаю, какъ раздѣлался съ иею бѣдный почтальонъ!

– Стало быть, довольно ясно, капитанъ Куттль, – сказали Вальтеръ, – что всѣ мы, и вы, и дядя Соль въ особенности должны за свое безпокойство благодарить м-съ Макъ Стингеръ.

Этотъ пунктъ относительно одолженія, оказаннаго всему обществу рѣшительною вдовою покойнаго м-ра Макъ Стингера, былъ самъ по себѣ до того очевиденъ, что капитанъ не счелъ нужнымъ дѣлать дальнѣйшихъ возраженій; но ему нѣкоторымъ образомъ было стыдно за свое положеніе, и его почтенное чело покрылось мрачными облаками, хотя никто болѣе не склонялъ бесѣды на щекотливый предметъ, и особенно Вальтеръ, помнившій свой послѣдній разговоръ насчетъ странной Соломоновой судьбы. Мало-по-малу лицо Куттля совершенно прояснилось, онъ стремительно вскочилъ съ своего мѣста и, обходя съ лучезарной улыбкой членовъ маленькаго общества, принялся съ большимъ усердіемъ каждому пожимать руки, и эта церемонія продолжалась около пяти минутъ.

Потолковавъ еще нѣсколько времени относительно опасностей и приключеній на морскомъ пути, всѣ члены общества, за исключеніемъ Вальтера, оставили комнату Флоренсы и пошли въ гостиную. Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ присоединился и Вальтеръ, который сказалъ, что Флоренса немного нездорова и легла въ постель. Хотя они никакъ не могли потревожить ее своими голосами, однако всѣ послѣ этого начали говорить шепотомъ, и каждый, по своему, распространялся въ похвалахъ прекрасной молодой невѣстѣ Вальтера Гэя. Дядя Соломонъ, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, услышалъ о ней подробнѣйшій отчетъ, а м-ръ

Тутсъ былъ просто на седьмомъ небѣ, когда Вальтеръ въ своемъ разговорѣ деликатно косулся важныхъ услугъ, сдѣлавшихъ его присутствіе необходимымъ въ этомъ домѣ.

– М-ръ Тутсъ, – сказалъ Вальтеръ, прощаясь съ этимъ джентльменомъ, – завтра поутру, надѣюсь, мы увидимся?

– Лейтенантъ Вальтеръ, – отвѣчалъ Тутсъ, съ жаромъ ухвативъ его руку, – конечно, я завтра буду, непременно буду.

– Мы встрѣтимся съ вами въ послѣдній разъ и распрощаемся надолго, надолго. Человѣкъ съ вашимъ благороднымъ сердцемъ долженъ чувствовать, какъ много ему обязаны. Я увѣренъ, вы понимаете, что я навсегда останусь вамъ благодаренъ.

– Лейтенантъ Вальтеръ, мнѣ весьма пріятно чувствовать, что вы имѣете причины говорить въ такомъ тонѣ.

– Нынѣшнимъ вечеромъ, когда вы оставили насъ однихъ, Флоренса, прощаясь съ своей дѣвической жизнью, просила меня сказать вамъ, что она чувствуетъ къ вамъ глубокое уваженіе...

М-ръ Тутсъ облокотился на косякъ и закрылъ рукой свои глаза.

– Флоренса говорила, что никогда не будетъ у нея друга благороднѣе, честнѣе, великодушнѣе васъ, и что она никогда не забудетъ вашего къ ней искренняго расположенія. Она просила сказать, что вспомнить о васъ въ своей молитвѣ въ этотъ торжественный вечеръ ея жизни, и надѣется, что вы будете по временамъ о ней думать, когда она отправится въ свою далекую дорогу. Долженъ ли я сказать ей что-нибудь отъ васъ?

– Скажите, лейтенантъ Вальтеръ, что я стану думать о ней каждый деиь, и всегда съ чувствомъ душевнаго удовольствія, что она соединилась съ человѣкомъ, котораго она любитъ и который любитъ ее самъ. Скажите, я увѣренъ, что избранный супругъ достоинъ ея – даже ея – и что я радуюсь ея счастью.

Послѣднія слова м-ръ Тутсъ произнесъ выразительно и ясно, не облачиваясь на дверь и не отирая своихъ глазъ. Потомъ онъ съ большимъ жаромъ пожалъ Вальтеру руку, пожелалъ ему спокойной ночи и скорыми шагами отправился домой.

М-ръ Тутсъ ходилъ въ сопровожденіи Лапчатата Гуся, котораго онъ въ послѣднее время бралъ съ собою каждый вечеръ и оставлялъ въ магазинѣ, изъ опасенія, какъ бы не повстрѣчались снаружи какія-нибудь непредвидѣнные обстоятельства, въ которыхъ опытность и сила этого знаменитаго героя могли очень пригодиться юному мичману. На этотъ разъ Лапчатый Гусь былъ, казалось, очень не въ духѣ, и м-ръ Тутсъ, оглядываясь черезъ плечо въ ту сторону, гдѣ жила Флоренса, замѣтилъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ, что его спутникъ бросаетъ косые взгляды, собираясь, по-видимому, раздражить и отколотить какого-нибудь пѣшехода. По прибытіи домой, профессоръ кулачнаго искусства проводилъ м-ра Тутса въ его покои, но вмѣсто того, чтобы тотчасъ же, по обыкновенію, убраться въ свою спальню, онъ остановился передъ нимъ, взвѣсивая обѣими руками свою бѣлую шляпу и дергая себя за носъ съ рѣшительнымъ видомъ неуваженія къ своему патрону.

Занятый собственными своими мыслями, м-ръ Тутсъ сначала не замѣчалъ всѣхъ этихъ движеній до тѣхъ поръ, пока. Лапчатый Гусь, выведенный изъ терпѣнія, не произвелъ нѣсколькихъ хрупкихъ звуковъ своимъ языкомъ и губами, чтобы привлечь вниманіе разсѣяннаго патрона.

– Ну, хозяинъ, – сказалъ Лапчатый Гусь угрюмымъ тономъ, уловивъ, наконецъ, взоръ м-ра Тутса, – я желаю знать, кончится ли когда-нибудь этотъ демонскій триктракъ, или вы хотите остаться въ проигрышѣ?

– Объяснитесь, я васъ не понимаю.

– Тутъ нечего толковать, хозяинъ, я не бросаю словъ наобумъ. Идти, такъ идти направо, – вотъ въ чемъ штука. Кому изъ нихъ поддать туза?

Предложивъ этотъ вопросъ, ярый боксеръ бросилъ свою шляпу, отступилъ на два шага, размахнулся и нанесъ правою рукою неистовый ударъ воображаемому непріятелю.

– Вотъ какъ, хозяинъ! – воскликнулъ Лапчатый Гусь, франтовски повертывая головой. – Ну, что же? Напроломъ или въ разсыпную? какъ?

– Гусь, выраженія ваши грубы, и я не понимаю вашей мысли, – возразилъ м-ръ Тутсъ.

– Какъ такъ? Я сказалъ, что слѣдуетъ, и сказалъ не по-тарабарски. Вотъ что! А это съ вашей стороны низко, сэръ.

– Что такое низко? – спросилъ м-ръ Тутсъ.

– А вотъ что! – сказалъ Гусь, неистово потирая свой расплющенный носъ. – Хотите вы знать? Извольте, хозяинъ. Вамъ слѣдовало задать туза этому чопорному верзилѣ и перекосить его пополамъ, – а вы что? – Подъ именемъ верзилы, очевидно, неистовый боксеръ понималъ здѣсь мистера Домби.

– Вамъ вмѣстѣ со мною можно было свернуть башку этому молокососу и раздавить всю его сволочь, а вы что сдѣлали? Что вы сдѣлали, м-ръ Тутсъ? Фуй! Это низко, гадко, – заключилъ боксеръ презрительнымъ тономъ.

– Гусь! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ, – вы настоящій коршунъ! Ваши чувства злобны и звѣрски!

– Мои чувства, хозяинъ! Вотъ мои чувства: низости я не стерплю, не снесу, не спущу, и оторву голову самому черту! Было бы вамъ это извѣстно, м-ръ Тутсъ! Меня знаютъ и въ трактирѣ "Малаго Слона". Гдѣ же знаютъ васъ, м-ръ Тутсъ? Нигдѣ. А почему? Потому, что вы низкій человѣкъ! Вотъ оно что!

– Послушайте Гусь! – сказалъ м-ръ Тутсъ, – вы гадки въ моихъ глазахъ, и я васъ презираю.

– Ладно, хозяинъ! – отвѣчалъ Гусь, надѣвая шляпу. – Вотъ мы стоимъ здѣсь съ глазу на глазъ. Что же изъ этого? Вы уже обижаете меня не первый разъ. Ну, и чертъ съ вами, пропадай мои труды и вѣрная служба: дайте мнѣ завтра банковый билетъ въ пятьдесятъ фунтовъ и разойдемся съ Богомъ! Я незлопамятенъ.

– Послѣ ненавистой злобы, которую вы высказали, мнѣ очень пріятно разстаться съ вами на этихъ условіяхъ.

– И баста! Торгъ нашъ конченъ. Съ низкими людьми нашъ братъ не любитъ распространяться. Прощайте, м-ръ Тутсъ! Благодаримъ за хлѣбъ, за соль!

Съ этими словами онъ хлопнулъ дверью и, размахивая руками, пошелъ въ свою комнату, очень довольный плутовскою сдѣлкой.

Скоро м-ръ Тутсъ заснулъ спокойнымъ сномъ, и грезилась ему всю ночь счастливая Флоренса, которая, въ свою очередь, думала о м-рѣ Тутсѣ, какъ о лучшемъ своемъ другѣ въ эту послѣднюю ночь ея дѣвичьей жизни.

Глава LVII Другая свадьба

М-рь Саундс, церковный сторож, и м-сь Мифф, смотрительница церковных лож, рано присутствуют на своих обычных постах в грандиозной церкви, где вѣнчался м-рь Домби. Желтый старый джентльмен из Индіи вступает нынче поутру в законный брак с молодой леди, и христіанскій людъ ожидаетъ у ограды шесть великолѣпныхъ каретъ, и м-сь Миффъ повѣствуетъ съ озабоченнымъ видомъ, что старый желтый джентльменъ мотъ бы, безъ малѣйшаго убытка, вымостить свою дорогу къ церкви изумрудами и яхонтами. Брачное благословеніе будетъ совершать достопочтенный, сѣдовласый пасторъ, а вручителемъ невѣсты будетъ нѣкто, нарочно прибывшій изъ конной гвардіи, чтобы сдѣлать джентльмену этотъ экстраординарный подарокъ.

М-сь Миффъ оказываетъ нынѣшнимъ утромъ большое нетерпѣніе и страшно негодуетъ на простой народъ. Ея мнѣнія на этотъ счетъ всегда проникнуты необыкновенной строгостью, и она рѣшительно объявляетъ, что бѣднякамъ никакъ не слѣдуетъ жениться; м-сь Миффъ не изучаетъ политической экономіи, и, по ея понятіямъ, всѣ эти экономисты – препустѣйшіе люди, и вдобавокъ такіе же еретики, какъ анабаптисты, квакеры и такъ далѣе.

– Ну къ чему, скажите пожалуйста, эта сволочь хлопочетъ насчетъ женитьбы, – восклицаетъ почтенная смотрительница лож, – вы извольте для нихъ суетиться, какъ обыкновенно, а они дарятъ вамъ шиллинги и пенсы на мѣсто червонцевъ, да еще ничего потомъ не хотятъ платить за свои мѣста?

М-рь Саундсъ гораздо снисходительнѣе и придерживается на этотъ счетъ филантропическихъ идей, потому, можетъ быть, что ему нѣтъ никакого дохода отъ церковныхъ лож.

– Отчего же имъ и не жениться, матушка моя? – отвѣчаетъ м-рь Саундсъ. – Люди молодые, – пусть ихъ! Къ тому же у насъ есть народныя училища, куда надобно учителей, и національное войско, для котораго нужны солдаты; а гдѣ ихъ взять, если не позволять жениться этимъ ребятамъ? Нѣтъ, матушка моя, пусть ихъ женятся.

М-рь Саундсъ засѣдалъ на ступеняхъ паперти, а м-сь Миффъ выметала пыль, когда вошла въ церковь прекрасная молодая чета въ простомъ и скромномъ костюмѣ. Сухопарая смотрительница лож сдѣлала крутой поворотъ, и въ головѣ ея сейчасъ родилась мысль, что молодые люди въ бѣгахъ отъ своихъ родныхъ и хотятъ обвѣнчаться втихомолку. Но они пришли не вѣнчаться: имъ просто нужно походить внутри церкви, и когда молодой человѣкъ звякнулъ щедрымъ комплиментомъ по морщинистой ладони м-сь Миффъ, ея кислое лицо прояснилось, и жалкая шляпка ея заколыхалась во всѣ стороны.

Продолжая мести полъ и взбивать подушки для нѣжныхъ колѣнъ желтаго джентльмена, м-сь Миффъ не спускаетъ своихъ рысѣхъ глазъ съ молодой четы, которая бродитъ по церкви.

– Ну, голубчики! – шепчетъ м-сь Миффъ, закашливаясь сухимъ кашлемъ, – если я не слишкомъ ошибаюсь, быть вамъ на этихъ дняхъ въ нашихъ рукахъ!

Они смотрятъ на мраморную доску въ стѣнѣ, воздвигнутую въ честь какого-то покойника. Они очень далеко отъ м-сь Миффъ, но ея прищуренный глазъ видитъ хорошо, какъ она оперлась на его руку, и какъ онъ склонился надъ ея головой.

– Да, да, голубчики, вижу васъ насквозь, – говоритъ м-сь Миффъ, – зрѣлая пара!

Ничего, впрочемъ, сентиментальнаго не было въ этомъ замѣчаніи смотрительницы церковныхъ лож. Она смотритъ на предметы съ коммерческой точки зрѣнія, и въ этомъ отношеніи зрѣлая пара имѣютъ для нея такой же интересъ, какъ и выкрашенные гробы. Сухопарая, тощая, рыхлая и чахлая старушенка, она давнымъ-давно подавила въ себѣ человѣческія чувства, и никто изъ живущихъ на землѣ не пробуждалъ ея симпатіи. М-рь Саундсъ, мужчина толстый и мясистый, въ сюртукѣ коричневаго цвѣта съ искрой, имѣетъ совсѣмъ противополо-

ложную натуру. Когда они оба остановились на ступенях крыльца, наблюдая молодую чету при выходѣ ея изъ церкви, м-ръ Саундсъ замѣчаетъ, что у нея хорошенькое личико, но потомъ, разсмотрѣвъ ее ближе, прибавляетъ:

– Эта дѣвушка необыкновенная красавица, не правда ли, м-съ Миффъ? Вы, я полагаю, могли бы назвать ее розовымъ бутончикомъ, не такъ ли?

М-съ Миффъ дѣлаетъ кивокъ своей жалкой шляпкой, но внутренно досадуетъ на вѣтреннаго старика и шепчетъ про себя, что хотя бы м-ръ Саундсъ предложилъ ей золотыя горы она не согласилась бы сдѣлаться его женой, будь онъ сторожемъ миллионъ разъ.

О чемъ же между тѣмъ поговариваютъ молодые люди при выходѣ изъ церковной ограды?

– Благодарю тебя, милый Вальтеръ. Теперь я спокойно могу оставить родину и вездѣ буду счастлива.

– А по возвращеніи назадъ, Флоренса, мы опять придемъ сюда и взглянемъ на его могилу.

Флоренса поднимаетъ заплаканные глазки на его доброе лицо и крѣпко пожимаетъ его руку.

– Еще рано, Вальтеръ, и улицы почти совершенно пусты. Погуляемъ.

– Но ты устанешь, мой ангель.

– О нѣтъ! Я слишкомъ устала первый разъ, когда мы гуляли съ тобою вмѣстѣ; но сегодня я не устану.

Такимъ образомъ Вальтеръ и Флоренса, раннимъ утромъ въ день своего вѣнчанья, гуляютъ рука объ руку по улицамъ пустого города.

Они теперь одни въ цѣломъ мірѣ, и даже во время ихъ первой дѣтской прогулки свѣтъ не былъ такъ удаленъ отъ нихъ, какъ въ этотъ торжественный день ихъ жизни. Но въ тѣ младенческіе годы земля подъ ихъ ногами далеко не имѣла такого очарованія, какъ теперь. Дѣтская доверчивость и любовь измѣняются, проходятъ и опять возобновляются во многихъ мѣстахъ; но женственное сердце Флоренсы, съ его нераздѣльными сокровищами, могло быть уступлено разъ, одинъ только разъ, и всякая перемѣна для него равносильна смертельному удару.

Они выбираютъ самыя тихія мѣста и уходятъ все дальше и дальше отъ той улицы, гдѣ стоитъ ея отцовскій домъ. Прекрасное лѣтнее утро! Мрачный туманъ постепенно исчезаетъ, и солнце съ высоты горизонта привѣтствуетъ юную чету своими блестящими лучами. Сокровища не скрыты въ магазинахъ: драгоценныя камни, золото и серебро блестятъ на окнахъ ювелировъ; огромные дома бросаютъ на нихъ свою тѣнь, когда они проходятъ мимо. Но черезъ тѣнь и черезъ свѣтъ они идутъ вмѣстѣ, любясь другъ на друга и не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающіе предметы. Ихъ земныя богатства заключены другъ въ другъ, и не нужно имъ роскошныхъ палатъ для помѣщенія своихъ душевныхъ сокровищъ.

Мало-по-малу они зашли въ темныя, узкія улицы, гдѣ солнце, то багровое, то желтое, виднѣется сквозь туманъ только на углахъ переулковъ и на малыхъ открытыхъ площадкахъ, гдѣ торчатъ чахлыя деревья, длинныя каланчи, ограды запустѣлыхъ садовъ, или гдѣ расположены бѣдныя кладбища съ почернѣвшими монументами и крестами. Полная любви и безпредѣльной вѣры, Флоренса идетъ впередъ черезъ узкіе дворы и тропинки по тѣнистымъ улицамъ, опершись на гордую руку прекраснаго юноши, который черезъ нѣсколько часовъ будетъ ея мужемъ.

Теперь ея сердце бьется сильнѣе, когда Вальтеръ говоритъ, что они весьма недалеко отъ своей церкви. Они проходятъ мимо большихъ амбаровъ, гдѣ стоятъ огромныя фуры и суетятся крикливые ямщики; Флоренса ихъ не видитъ и не слышитъ. Еще и еще нѣсколько шаговъ, воздухъ сдѣлался удушливъ, свѣтъ помрачился, и Флоренса дрожитъ на церковномъ порогѣ.

Ихъ встрѣчаетъ низенькій, косматый старичекъ, звонарь и могильщикъ вмѣстѣ, который бросаетъ на купель свою шляпу, какъ бы въ доказательство, что здѣсь онъ у себя дома. Онъ отводитъ юную чету въ старую, темную, пыльную, сколоченную изъ досокъ ризницу, похожую на деревянный шкафъ съ разобранными полками.

Какъ прекрасна въ этомъ старомъ пыльномъ мѣстѣ молодая невѣста, для которой въ эту минуту обожаемый супругъ представляетъ всѣхъ ея родныхъ! Присутствуетъ здѣсь старый кистеръ, который содержитъ подъ низкимъ противоположнымъ сводомъ родъ газетной лавки съ огромными кипами бумагъ. Присутствуетъ старая пыльная смотрительница ложъ, которая содержитъ только самое себя, и находить, что этого для нея слишкомъ довольно. Присутствуетъ старый пыльный сторожъ, знакомецъ м-ра Тутса, который, собственно говоря, не имѣетъ никакого дѣла и безмятежно проводитъ свою мирную жизнь въ будкѣ съ маленькимъ окномъ, куда ни разу не заглядывалъ глазъ любопытнаго смертнаго. Имѣются здѣсь пыльные деревянные планки и карнизы надъ алтаремъ, надъ ширмой, вокругъ галереи и надъ надписью, сочиненною еще зиждителемъ храма сего въ тысяча шесть сотъ девяносто четвертомъ году. Имѣются старыя пыльныя звончатыя доски надъ каедрой и наоями, снабженными потребнымъ количествомъ пыльныхъ книгъ, истертыхъ рукою времени и перстами усердныхъ чтецовъ. Словомъ, въ этомъ мѣстѣ собраны всевозможные закромы для пыли.

Пришли дядя Соль, капитанъ Куттль и м-ръ Тутсъ. Пасторъ облачается въ ризы; кистеръ хлопочетъ около наоя; женихъ и невѣста стоятъ предъ алтаремъ. Нѣтъ при невѣстѣ никакой подруги, кромѣ Сусанны Нипперъ, и отца замѣняетъ никто другой, какъ капитанъ Куттль. Какой-то человѣкъ на деревяшкѣ, съ кускомъ яблока во рту и съ синей сумкой на плечахъ, заглядываетъ въ притворъ, озираетъ собраніе, но, не находя ничего назидательнаго, ковыляетъ вонъ изъ дверей, оглашая громкимъ эхомъ окружающее пространство.

Привѣтный лучъ не падаетъ на Флоренсу, когда она стоитъ на колѣняхъ предъ алтаремъ, опустивъ свою робкую голову. Утреннее свѣтило не заглядываетъ въ эти мрачныя стѣны. Снаружи на чахлому дереву чирикаетъ неугомонный воробей, и черезъ щель на потолокъ черный дроздъ насвистываетъ свою бессмысленную пѣсню, между тѣмъ какъ человѣкъ на деревяшкѣ продолжаетъ ковылять по дорогѣ!

Обвѣнчались молодые люди, подписали свои имена въ пыльномъ реестрѣ, пасторъ разоблачился и отправился домой. Въ темномъ углу темной церкви Флоренса бросилась на шею Сусанны Нипперъ и зарыдала въ ея объятіяхъ. Глаза м-ра Тутса красны и пухлы. Капитанъ полируетъ переносицу. Дядя Соль скинулъ со лба очки и направилъ свои стопы къ дверямъ.

— Благослови тебя Богъ, Сусанна, милая Сусанна! Если тебѣ придется когда свидѣтельствовать о моей любви и ея причинахъ, сдѣлай это, ради Вальтера! Прощай! прощай!

Они рѣшились не возвращаться въ предѣлы мичмана и отправиться прямо въ дорогу. Коляска ждетъ ихъ подлѣ церковной ограды.

Миссъ Нипперъ не можетъ говорить: она задыхается, рыдаетъ и крѣпко жметъ въ объятіяхъ свою милую барышню. Подходить м-ръ Тутсъ, старается пробудить бодрость растроганной дѣвицы и овладѣваетъ ею. Флоренса подаетъ ему руку отъ полноты своего сердца, благодарить дядю Соля, капитана Куттля и повергается въ объятія молодого супруга.

Но Сусанна опомнилась. Она не можетъ перенести мысли, что ея госпожа уѣдетъ съ печальнымъ воспоминаніемъ о ней. Не такъ, совсѣмъ не такъ она думала распрощаться и осыпаетъ себя сильными упреками за свою слабость. Отваживаясь на послѣднее усиліе, чтобы выдержать свой характеръ, она вырывается отъ м-ра Тутса, летитъ впередъ, чтобы догнать коляску и вывести на свое лицо прощальную улыбку. Капитанъ, угадывая ея намѣреніе, спѣшитъ за нею самъ, считая равномѣрно своей обязанностью развеселиться, если можно. Дядя Соль и м-ръ Тутсъ остаются одни подлѣ церковной ограды и ожидаютъ возвращенія своихъ товарищей.

Коляска уѣхала; улица узка, тѣсна, загромождена, но Сусанна не теряетъ надежды. Капитанъ бѣжитъ за нею изо всѣхъ силъ, машетъ своей лощеной шляпой и дѣлаетъ самые неистовые жесты.

Сусанна обгоняетъ капитана, дѣлаетъ отчаянныя усилія и настигаетъ экипажъ. Она видитъ Вальтера, видитъ Флоренсу, кривляется, визжитъ и хлопаетъ руками.

– Миссъ Флой, голубушка! взгляните на меня! Мы всѣ теперь счастливы, всѣ, всѣ! Еще разъ прощайте, горlinkа моя, прощайте!

Сама не зная какъ, Сусанна взбирается наверхъ коляски, обнимаетъ свою барышню, цѣлуетъ и надсаживается изо всѣхъ силъ.

– Мы теперь всѣ, всѣ счастливы, такъ счастливы, милая моя миссъ Флой! – говорить Сусанна съ подозрительными перерывами въ своемъ дыханіи. – Вы... вы не сердитесь на меня теперь? не сердятесь?

– Сержусь, Сусанна?

– Да, да, да, вы не сердитесь, моя душечка, я знаю, вотъ и капитанъ Куттль, вашъ пріятель, капитанъ! И онъ еще разъ хочетъ проститься!

– Ура, восторгъ моего сердца! – баситъ взволнованный капитанъ. – Ура, Валли! Ура, дружище! Ур-р-ра!

Что прикажете дѣлать съ молодыми супругами, когда ихъ осаждаютъ съ одной стороны капитанъ Куттль, а съ другой – Сусанна Нипперъ? Volens nolens коляска подвигается впередъ, погоняемая сзади бурливымъ рокотомъ телѣгъ, кибитокъ, каретъ, между которыми вышла теперь небывалая путаница на узкой улицѣ. Но Сусанна Нипперъ храбро выдерживаетъ до конца свою трудную роль. На лицѣ ея веселая улыбка до послѣдней минуты, несмотря на досадныя слезы. Капитанъ Куттль, въ свою очередь, оглашаетъ воздухъ безконечными ура. Наконецъ, когда коляска скрылась изъ виду, онъ еще разъ прогремѣлъ – Ур-ра!

Дядя Соль и м-ръ Тутсъ терпѣливо сидятъ въ оградѣ на мшистомъ камнѣ, вплоть до возвращенія Сусанны съ капитаномъ Куттлемъ. Они не говорятъ, не дѣлаютъ разспросовъ, но совершенно довольны другъ другомъ и составляютъ превосходное общество. По прибытіи въ квартиру маленькаго мичмана, вся компанія садится за завтракъ, но никто не дотрогивается до лакомыхъ кусковъ. М-ръ Тутсъ послѣ завтрака говоритъ, что вечеркомъ зайдетъ опять и, простившись съ добрыми друзьями, слоняется по городу весь день, проникнутый неопредѣленнымъ ощущеніемъ, какъ будто онъ двѣ недѣли не ложился въ постель.

Носятся какія-то странныя чары надъ домомъ и въ той комнатѣ, гдѣ они бесѣдовали вмѣстѣ и откуда вышло такъ много. Чары увеличиваются, тяготѣютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ распространяютъ какую-то усладу на горечь роковой разлуки. Вечеромъ м-ръ Тутсъ объявляетъ Сусаннѣ, что во весь день онъ былъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но что однако онъ свыкъся съ своей грустью и не хотѣлъ бы съ ней разстаться. Оставшись съ миссъ Нипперъ, онъ вступаетъ съ нею въ самые откровенные разговоры и между прочимъ подробно излагаетъ исторію своихъ чувствъ и душевной муки послѣ того, какъ услышалъ отъ этой дѣвицы, что миссъ Домби никогда его не полюбитъ. Они бесѣдуютъ долго, плачутъ горько, и м-ръ Тутсъ предлагаетъ, наконецъ, что не мѣшало бы имъ выйти со двора, чтобы купить что-нибудь на ужинъ. По изъявленіи согласія этой дѣвицей, они накупаютъ множество маленькихъ бездѣлокъ и, при помощи м-съ Ричардсъ, изготовляютъ великолѣпный ужинъ, прежде чѣмъ капитанъ и старикъ Соломонъ воротились домой.

Капитанъ Куттль и дядя Соль ходили на корабль, чтобы помѣстить тамъ Діогена и поглазѣть на Вальтеровы вещи. Они распространяются съ большимъ восторгомъ насчетъ популярности Вальтера и насчетъ комфорта, изготовленнаго для юной супруги въ его каютѣ, которую капитанъ называетъ не иначе какъ: "Чудо-загляднѣе!" Оказывалось по всему, что молодой человѣкъ употребилъ большія старанія и облагороженный вкусъ для украшенія своего морского пріюта.

– Адмиральская каюта, – восклицаетъ капитанъ, – просто тринь-трава передъ этимъ чудо-загляднѣемъ, не правда ли?

Дядя Соль совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ.

Но главнѣйшее наслажденіе капитана состоитъ въ совершеннѣйшей увѣренности, что его драгоценныя часы, равно какъ чайныя ложечки и сахарныя щипчики находятся на корабель-

номъ борту. Онъ нѣсколько разъ возвращается къ этому предмету и съ неизъяснимымъ восторгомъ повторяетъ:

– Дурачина ты, Эдуардъ Куттль, мореходъ великобританскій! лучше ничего ты не могъ выдумать во всю твою долгую жизнь, какъ передать имъ эту собственность в_к_у_п_ѣ и в_л_ю_б_ѣ! Это дѣлаетъ тебѣ честь, мой другъ! – заключаетъ капитанъ, разглаживая свои волосы желѣзнымъ крюкомъ.

Старый инструментальный мастеръ, противъ обыкновенія, туманенъ и разсѣянъ и слишкомъ принимаетъ къ сердцу послѣднее прощанье. Однако общество его стариннаго однокашника, Неда Куттля, служить для него великимъ утѣшеніемъ, и онъ садится за ужинъ съ умиленнымъ сердцемъ и веселымъ лицомъ.

– Мальчикъ мой спасенъ и на хорошей дорогѣ! – говоритъ дядя Соль, потирая руки. – Что же мнѣ дѣлать, какъ не благодарить Всевышняго Творца и молиться о его счастіи?

Капитанъ, еще не занявшій мѣста за столомъ, обнаруживаетъ какое-то безпокойство, посматриваетъ сомнительно на м-ра Гильса и, взявшись, наконецъ, за спинку кресель, произноситъ съ нѣкоторою торжественностью:

– Соломонъ! помнишь ли, мой другъ, въ подземныхъ департаментахъ имѣется у тебя бутылка старой мадеры: желательно бы употребить ее сегодня за здоровье Вальтера и его жены. Какъ ты объ этомъ думаешь, дружище?

Инструментальный мастеръ пристально взглянулъ на капитана, засунулъ руку въ боковой карманъ своего кофейнаго камзола, вынулъ записную книгу и при ней какое-то письмо.

– М-ру Домби, отъ Вальтера, – говоритъ старикъ, разсматривая адресъ. – Переслать черезъ три недѣли. Я прочту.

– "Милостивый государь, я женился на вашей дочери. Она отправилась со мною въ дальнюю дорогу. Безграничная преданность, разумѣется, не можетъ оправдать моихъ требованій на нее или на родственную связь съ вашимъ домомъ; я и не оправдываюсь.

"Но почему, любя ее выше всѣхъ земныхъ существъ, я рѣшился однако же, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, подвергнуть ее опасностямъ и случайностямъ своей жизни, – этого я вамъ не скажу. Вы знаете почему, вы ея отецъ.

"Не упрекайте ея. Она никогда не упрекала васъ.

"Не думаю и не надѣюсь, что вы когда-нибудь простите меня. Этого я всего менѣе ожидаю. Но если придетъ часъ, когда вамъ пріятно будетъ вѣрить, что Флоренса имѣетъ подлѣ себя челоуѣка, который поставилъ задачею своей жизни стереть изъ ея воспоминаній глубокіе слѣды прошедшей грусти, я торжественно васъ увѣряю, что въ тотъ часъ вы можете утвердиться въ этой вѣрѣ".

Соломонъ бережливо кладетъ письмо въ свою записную книжку, которал отправляется опять въ боковой карманъ его кофейнаго камзола.

– Мы еще не станемъ пить послѣднюю бутылку старой мадеры, другъ мой Недъ! – говоритъ старикъ задумчивымъ тономъ. – Не время!

– Не время, – отвѣчаетъ капитанъ, – да, еще не время.

М-ръ Тутсъ и Сусанна думаютъ то же. Послѣ глубокаго молчанія они садятся за столъ и пьютъ молодое вино за счастье новобрачныхъ. Послѣдняя бутылка старой мадеры остается еще въ углу душнаго погреба подъ прикрытіемъ паутины и пыли.

* * *

Прошло нѣсколько дней. Величавый корабль распускаетъ свои бѣлыя крылья и при попутномъ вѣтрѣ несется по волнамъ глубокаго моря.

Англійскіе матросы съ наивнымъ удивленіемъ всматриваются на палубѣ въ какую-то фигуру, прекрасную и нѣжную, граціозную и слабую, которая, однако, служитъ для нихъ порукой счастливаго пути. Это – Флоренса.

Ночь. Вальтеръ и Флоренса сидятъ на палубѣ одни, наблюдая торжественную стезю свѣта, проведенную на морѣ между ними и землею.

Но вотъ на глазахъ ея слезы. Она кладетъ свою голову на его грудь и обвивается вокругъ его шеи.

– Вальтеръ, милый, Вальтеръ, я такъ счастлива!

Супругъ прижимаетъ ее къ своему сердцу, и они совершенно спокойны на широкомъ морѣ, и корабль весело несется на всѣхъ парусахъ.

– Когда я наблюдаю море и вслушиваюсь въ его волны, много минувшихъ дней проносятся передъ моею мыслью, и я думаю...

– О Павлѣ, мой ангелъ. Это – очень естественно.

О Павлѣ и Вальтерѣ! И морскія волны, своимъ безконечнымъ журчаньемъ, напѣваютъ ей пѣснь любви, не ограниченной ни временемъ, ни мѣстомъ, любви безпредѣльной и вѣчной, которая несется за моря, за облака, къ незримой обители свѣта и жизни.

Глава LVIII

Время идет сердитой стопой

Море приливало и отливало цѣлый годъ. Облака и вѣтры приходили и уходили; безконечная работа времени озарялась солнцемъ, омрачалась бурей. Цѣлый годъ приливы и отливы человѣческихъ дѣяній вращались въ своихъ опредѣленныхъ орбитахъ. Цѣлый годъ знаменитый торговый домъ подъ фирмой Домби и Сынъ сражался на жизнь и смерть противъ непредвидѣнныхъ событій, сомнительной молвы, безуспѣшныхъ расчетовъ, неурочныхъ предпріятій и всего болѣе противъ упорной слѣпоты своего представителя, который ни на шагъ не хотѣлъ отступить отъ своихъ плановъ и отнюдь не слушалъ благоразумныхъ внушеній, что корабль, имъ надорванный, уже слабъ и рыхлъ и не можетъ устоять противъ грозной бури, готовой переломать его мачты.

Прошелъ годъ, и торговый домъ пошатнулся.

Было лѣтнее утро. До году послѣ свадьбы въ извѣстной церкви оставалось нѣсколько дней. На королевской биржѣ шепотомъ толкуютъ о какомъ-то страшномъ подрывѣ великихъ затѣй. Извѣстный гордый джентльменъ не явился туда нынѣшнимъ утромъ, и никто его не представлялъ. Еще день, – и на всѣхъ рынкахъ заговорили, что Домби и Сынъ остановился на всемъ ходу. Еще и еще день, – и весь торговый людъ съ изумленіемъ увидѣлъ въ спискѣ опубликованныхъ банкротствъ имя Домби и Сына, поставленное въ первомъ ряду, на первомъ мѣстѣ.

Свѣтъ былъ теперь ошеломленъ, и вдругъ оказалось много дѣла для краснорѣчивыхъ языковъ. Это былъ до невинной пошлости легковѣрный свѣтъ, непостоянный, прихотливый, вѣтреный, непослѣдовательный. Не было въ немъ никакихъ другихъ банкротствъ, кромѣ банкротства извѣстныхъ богачей. Не было въ немъ и нѣтъ людей, которые смѣло и отважно торгуютъ на тлѣнныхъ прилавкахъ. Помилуйте – какъ это возможно! Свѣтъ дорожить лишь извѣстными билетиками, которые даютъ возможность жить для удовольствія, безъ всякихъ процентовъ, и не было въ немъ никакихъ недочетовъ и убытковъ, кромѣ недочетовъ въ звонкой монетѣ. Въ настоящую минуту свѣтъ былъ очень сердитъ, и особенно сильное негодованіе обнаруживали люди, которые въ другомъ, нѣсколько худшемъ свѣтѣ, могли бы быть давнымъ давно причислены къ несостоятельнымъ торговцамъ матеріями извѣстнаго сорта.

Кутить напропалую м-ръ Перчъ, разсылный, и приводить въ отчаяніе свою беременную супругу... Что прикажете дѣлать? Судьба, вѣроятно, опредѣлила этому джентльмену играть важнѣйшія роли на сценѣ суетнаго міра. Можно было подумать, что онъ лишь только вчера уgomонился кое-какъ отъ тревоженій послѣ удивительнаго похищенія супруги м-ра Домби, и вотъ непредвидѣнное банкротство выставило его на самое видное мѣсто и сдѣлало его просто политическимъ человѣкомъ. Онъ засѣдалъ теперь въ передней съ особенною важностью на своей красной полкѣ, наблюдая странныя лица счетчиковъ, оцѣнщиковъ и разныхъ другихъ людей, которые быстро смѣнили почти всѣхъ старыхъ писцовъ; и стоило ему только взглянуть на дворъ или, по самой дальней мѣрѣ, пройтись до буфета "Королевскихъ Гербовъ", какъ начинали сыпаться на м-ра Перча самые любопытные вопросы, и онъ могъ рассчитывать навѣрняка, что послѣднимъ вопросомъ непременно будетъ: "Чего угодно выпить м-ру Перчу"? Въ этомъ случаѣ, м-ръ Перчъ, по обыкновенію, заводилъ свою длинную пѣсню насчетъ ужасныхъ страданій, которыя онъ и м-съ Перчъ терпѣли на Чистыхъ Прудахъ съ той поры, какъ впервые начали подозрѣвать, что – "дѣла идутъ плоховато". М-ръ Перчъ пожималъ плечами и значительно понижалъ голосъ, какъ будто трупъ отжившей фирмы лежалъ еще непогребеннымъ въ смежной комнатѣ. Онъ рассказывалъ, какъ его супруга первая напала на эту мысль, подслушавъ его ночные вздохи и стenanія во снѣ, прерывавшіяся безпокойными восклицаніями: "Двѣнадцать шиллинговъ и девяносто пенсовъ на фунтъ – охъ! Двѣнадцать шиллинговъ и девяносто

пенсовъ на фунтъ – уфъ!" – Этогь сомнамбулизмъ, – говорилъ м-ръ Перчь, – обуяль его съ того времени, какъ онъ началъ подмѣчать быстрыя переменъ въ лицѣ м-ра Домби. Далѣе м-ръ Перчь повѣствовалъ, какъ однажды, улучивъ благопріятную минуту, онъ подошелъ къ м-ру Домби и сказалъ: "Смѣю ли спросить васъ, сэръ, какое горе лежитъ на вашей душѣ?" – На это м-ръ Домби отвѣчалъ: "Мой вѣрный Перчь... но нѣтъ, этого не можетъ быть!" – Затѣмъ м-ръ Домби ударилъ себя по лбу и прибавилъ взволнованнымъ тономъ: "Оставь меня, Перчь, оставь!" – говоря коротко и ясно, не было на свѣтѣ лжи, самой безсовѣстной и наглою, на которую бы, эффекта ради, не отважился м-ръ Перчь, приучившій себя даже къ слезамъ, которыя, въ случаѣ надобности, обильными потоками лились изъ его глазъ, ибо м-ръ Перчь вѣрилъ, душевно вѣрилъ, что вчерашнія его выдумки, отъ частыхъ повтореній, приобрѣли на сегодня неоспоримое право истины, не подверженной ни малѣйшему сомнѣнію.

Всѣ эти конференціи м-ръ Перчь заключалъ всегда умильнымъ и кроткимъ замѣчаніемъ такого рода:

– Ну, что будетъ, то будетъ, противъ судьбы не устоять! Мое дѣло оставаться всегда вѣрнымъ своему господину, если нужно, до послѣдней капли крови. Измѣнники найдутся, спору нѣтъ, но Перчь, разсыльный, не бывалъ и не будетъ измѣнникомъ! Вотъ что, джентльмены!

И джентльмены единодушно находили, что такія чувства дѣлають честь м-ру Перчу, который, такимъ образомъ, оставлялъ послѣ себя самыя пріятныя впечатлѣнія.

Воротившись на свое красное сѣдалище, м-ръ Перчь опять принимался наблюдать странныя лица счетчиковъ и оцѣнщиковъ, углубленныхъ въ тайны великихъ книгъ; или по временамъ подходилъ на цыпочкахъ къ порожнему кабинету м-ра Домби и раздувалъ каминный огонь; или иной разъ выходилъ за дверь, чтобы покалякать на свѣжемъ воздухѣ съ какимъ-нибудь пріятелемъ; или, всего чаще, дѣлалъ кое-какія маленькія угожденія главному счетчику, котораго считалъ нужнымъ задобрить въ свою пользу, надѣясь промыслить черезъ него теплое мѣстечко въ конторѣ страхового отъ огня общества, какъ скоро совсѣмъ и безнадежно оборвется этотъ торговый домъ.

Для майора Багстока банкротство было совершеннѣйшимъ бѣдствіемъ. Само собою разумѣется, майоръ Багстокъ не имѣлъ особенной склонности къ соболѣзнованіямъ о судьбахъ своихъ ближнихъ, – его вниманіе было исключительно сосредоточено на старикашкѣ Джозъ, – и нельзя сказать, чтобы онъ отличался особенной чувствительностью или воспріимчивыми впечатлѣніями, за исключеніемъ развѣ его безконечныхъ припадковъ астмы и другихъ энергичныхъ проявленій совершенно физическаго свойства. Но онъ всегда тщеславился въ клубѣ пріятелемъ своимъ Домби и всегда надсаживался въ увѣреніяхъ и доказательствахъ. Клубъ, въ свою очередь, не отличавшійся филантропическими видами, былъ теперь очень радъ позавидоваться надъ майоромъ, и почтенные члены спрашивали его, съ видомъ искренняго участія, могъ ли онъ ожидать этого страшнаго удара, и какъ, вообще, пріятель его Домби переноситъ свою горькую судьбину. Майоръ пыхтѣлъ, синѣлъ, краснѣлъ, багровѣлъ и на всѣ эти вопросы отвѣчалъ такимъ образомъ:

– Свѣтъ, судырь мой, лукавъ, хитеръ, пронырливъ и надуеъ, кого угодно. Старикашка Джозъ довольно на своемъ вѣку слонялся по землѣ, и въ головѣ его имѣются кое-какіе запасцы; но на этотъ разъ, судырь мой, онъ поглупѣлъ, рѣшительно и просто поглупѣлъ, какъ ребенокъ. Если бы, примѣромъ будучи, передъ тѣмъ, какъ Джой умчался съ этимъ Домби за границу, чтобы рыскать съ нимъ по всей Франціи, гоняясь за этимъ трусомъ, если бы, говорю, вы предсказали ему, что Домби на дорогѣ къ банкротству, я бы, судырь мой, вамъ не повѣрилъ. Что тутъ дѣлать? Провели старикашку Джоза, надули, судырь мой, проюртили; но зато теперь онъ опять смотритъ во всѣ глаза и держитъ ухо востро. Пусть, примѣромъ будучи, выскочитъ изъ могилы старикашкинъ батька и скажетъ: "Здравствуй, сынокъ! нѣтъ ли у тебя, любезный, пяти фунтовъ? Дай взаймы, на недѣлку, возвращу съ процентами!" – Не дастъ старикашка Джой, не дастъ, хоть тресни и разсыпъся. Нѣтъ, судырь мой, стараго воробья не обманываютъ на мякинѣ

въ другой разъ! Онъ подозрителець, истертъ, истасканъ и жестокъ, какъ кремень. Знаеть онъ виды, судырь мой! Старикашка Джой имѣлъ счастье въ старые годы пользоваться личнымъ знакомствомъ ихъ королевскихъ высочествъ, герцоговъ кентскаго и юркскаго. Если бы было сообразно съ достоинствомъ стараго майора залѣзть въ бочку и жить въ ней, я бы, сударь мой, всю жизнь катался въ бочкѣ, чтобы показать свое презрѣніе къ людямъ.

Всѣ эти и другія подобныя варіаціи иа тотъ же ладъ сопровождались сильнымъ раскачиваніемъ головы, хрустѣньемъ суставовъ и такими апоплексическими признаками, что младшіе члены клуба серьезно начали подозрѣвать, что майоръ Багстокъ плложилъ свои деньги въ контору пріятеля своего Домби и потерялъ ихъ, хотя старые и болѣе опытные мужи, знакомые съ характеромъ Джоя, не хотѣли и слышать о такой догадкѣ. Несчастный туземець, не выразившій никакихъ личныхъ мнѣній, терпѣлъ страшныя пытки не только въ своихъ нравственныхъ чувствахъ, которыя регулярно разстрѣливались майоромъ каждый день, но и въ своей чувствительности къ подзатыльникамъ, зуботычинамъ, пинкамъ и встряскамъ, приводившимъ въ сотрясеніе всѣ его фибры, вены и артеріи. Цѣлыхъ шесть недѣль послѣ банкротства на несчастнаго туземца падали проливнымъ дождемъ ботфорты, банки, щетки, чубуки и другія болѣе или менѣе могучія орудія гнѣва.

Въ головѣ м-съ Чиккъ по поводу страшной катастрофы возникло три замѣчательныхъ идеи. Во-первыхъ, она не могла этого понять. Во-вторыхъ, ея братъ не сдѣлалъ усилія. Въ третьихъ, если бы ее пригласили на обѣдъ въ день перваго семейнаго празднества, этого бы не случилось. "Впрочемъ, – прибавляла м-съ Чиккъ, – этого надобно было ожидать".

Но, само собою разумѣется, людской говоръ не останавливалъ хода событій, не улучшала ихъ и не дѣлала хуже. Было ясно для всѣхъ, что дѣла торговаго дома ревизуются коммерческимъ порядкомъ, что м-ръ Домби благородно передалъ все, что имѣлъ, и не просилъ ни отъ кого никакой пощады, никакого снисхожденія. О возобновленіи торговли нечего было и думать, такъ какъ м-ръ Домби отказался отъ всякихъ переговоровъ и услугъ, какія ему предлагали, и отнюдь не хотѣлъ разсчитывать на экстренный кредитъ, которымъ онъ могъ бы еще пользоваться, какъ человѣкъ, уважаемый въ коммерческомъ мірѣ. Одни говорили, что м-ръ Домби умираеть, другіе – что онъ сошелъ съ ума; но всѣ согласно утверждали, что м-ръ Домби пропащій человѣкъ.

Конторщики и писаря задали великолѣпный обѣдъ въ ближайшемъ трактирѣ и распрощались дружелюбно, расходясь въ разныя стороны. Одни заняли мѣста въ заграничныхъ конторахъ, другіе перешли въ англійскіе торговые дома, третьи напечатали въ газетахъ предложенія своихъ услугъ; нашлись и такіе, которые вдругъ припомнили милыхъ и достолюбезныхъ родственниковъ, готовыхъ принять ихъ съ отверстыми объятіями въ своихъ скромныхъ жилищахъ. Во всемъ заведеніи остался одинъ и только одинъ м-ръ Перчъ, продолжавшій засѣдать на своей красной полкѣ и дѣлать маленькія угожденія главному счетчику, который наконецъ-таки обѣщалъ ему мѣсто разсылнаго въ страховой конторѣ.

Опустѣли помѣщенія конторы Домби и Сына и утратили свою сановитую важность. Степенный продавецъ собачьихъ ошейниковъ и виндзорскаго мыла, присутствовавшій на углу площадки, не рѣшился бы теперь приставить указательный палець къ полямъ своей шляпы, если бы м-ръ Домби прошелъ мимо. Витѣватый разносчикъ афишь, засунувъ руки подъ свой бѣлый передникъ, по цѣлымъ часамъ премудро разглагольствовалъ насчетъ пагубныхъ слѣдствій заносчивой амбиціи, которая – говорилъ онъ – въ англійскомъ языкѣ не напрасно рифмуеть съ благозвучнымъ словомъ – пердиція (perdition – гибель).

М-ръ Морфинъ, сѣроглазый холостякъ, съ просѣдью въ волосахъ и бакенбардахъ, былъ, можетъ быть, въ атмосферѣ торговаго дома – за исключеніемъ, разумѣется, его представителя – единственнымъ человѣкомъ, который былъ сердечно и глубоко огорченъ роковымъ несчастіемъ. Онъ многіе годы оказывалъ м-ру Домби истинное уваженіе и преданность, но никогда не надѣвалъ маски на свой личный характеръ, не унижался, не подличалъ и не разду-

валь господствующей страсти своего хозяина изъ видовъ интереса. Стало быть, въ его сердцѣ не было пріюта для личной мести, не было натянутыхъ струнъ, которыя теперь слѣдовало отпустить. Съ ранняго утра до поздняго вечера онъ постоянно корпѣлъ и рылся въ конторскихъ бумагахъ, и всегда, по первому требованію, готовъ былъ объяснить все, что требовало объясненій. Онъ повозможности щадилъ м-ра Домби отъ непріятныхъ переговоровъ и, просидѣвъ въ своей комнатѣ до вечера, возвращался въ свою квартиру въ Ислингтонъ, гдѣ, передъ отправленіемъ въ постель, услаждалъ унылую душу печальными мотивами своей віолончели.

Однажды онъ прогудѣлъ такимъ образомъ цѣлый рядъ фантастическихъ сонатъ и, казалось, готовъ былъ приняться за новыя аріи меланхолическаго свойства, какъ вдругъ его хозяйка – къ счастью, глухая и совершенно равнодушная ко всякимъ музыкальнымъ тонамъ – доложила о прибытіи какой-то леди.

– Леди въ траурѣ, – добавила она.

М-ръ Морфинъ, пріостановленный на самомъ поэтическомъ мѣстѣ, съ отеческою нѣжностью положилъ свою віолончель на софу и сдѣлалъ знакъ, что поздняя гостья можетъ войти. Затѣмъ онъ вышелъ самъ и встрѣтилъ на порогѣ миссъ Гэрриетъ Каркеръ.

– Однѣ! – сказалъ онъ. – Въ такую пору! Джонъ былъ здѣсь поутру. Не случилось ли чего, моя милая? Но нѣтъ, – прибавилъ онъ, – ваша физіономія не предвѣщаетъ бѣды. Совсѣмъ напротивъ, если не ошибаюсь.

– Быть можетъ, м-ръ Морфинъ, вы читаете на моемъ лицѣ неумѣстную откровенность, эгоистическую, конечно; но такъ и быть, я все-таки пришла.

– И прекрасно, эгоизмъ къ вамъ очень бы шелъ, миссъ Каркеръ, и былъ бы интересенъ; но бѣда въ томъ, что никакой хиромантикъ не открылъ бы эгоистическихъ линій въ вашихъ чертахъ.

Говоря это, онъ подаль стулъ своей гостьѣ и самъ усѣлся насупротивъ нея. Віолончель уютно покоилась между ними на софѣ.

– Джонъ ничего вамъ не сказалъ о моемъ визитѣ, и вы, надѣюсь, не будете изумлены, что я пришла одна, когда узнаете зачѣмъ. Объяснить вамъ причину поздняго визита?

– Сдѣлайте милость.

– Вы не заняты?

Онъ указалъ на віолончель, лежавшую на софѣ, какъ будто нѣмой инструментъ могъ дать за него полный и совершеннѣйшій отчетъ.

– Я былъ занятъ весь день, миссъ Гэрриетъ. Свидѣтель – моя віолончель, которой я повѣряю всѣ свои заботы.

– Фирма разорилась въ конецъ? – спросила Гэрриетъ серьезнымъ тономъ.

– Разорилась окончательно и радикально.

– И никогда не возобновитъ торговыхъ операцій?

– Никогда.

Свѣтлое выраженіе ея лица ни мало не омрачилось этимъ словомъ. М-ръ Морфинъ, казалось, замѣтилъ это съ нѣкоторымъ изумленіемъ, и повторилъ опять:

– Никогда. Припомните, что я вамъ говорилъ. Не было во все это время никакихъ средствъ его образумить; невозможно было разсуждать съ нимъ, и даже, иной разъ, невозможно было къ нему подойти. Случилось то, что должно было случиться. Домъ обрушился, упалъ, и никакая сила его не подниметъ.

– И м-ръ Домби лично разорился?

– Разорился.

– Онъ не оставитъ для себя никакого частнаго имѣнія?

– Никакого.

Какая-то особенная живость въ ея голосѣ и выраженіе глазъ почти веселое, казалось, изумляли его больше и больше. Онъ забарабанилъ по столу правой рукой, покачалъ головой, и взглянувъ на нее внимательно, сказалъ:

– Мнѣ еще неизвѣстны въ точности всѣ источники доходовъ м-ра Домби. Они велики, спору нѣтъ, но и обязательства его огромны. М-ръ Домби благороденъ и честенъ въ самой высокой степени. Многіе, конечно, на его мѣстѣ рѣшились бы, для собственнаго спасенія, устроить нѣкоторыя сдѣлки; но въ такомъ случаѣ незамѣтно, почти нечувствительно, могли бы возрасти до огромныхъ процентовъ убытки домовъ, которые имѣли съ нимъ долговременныя торговыя связи. М-ръ Домби этого не сдѣлаетъ. Онъ рѣшился платить всѣмъ и каждому до истощенія послѣднихъ средствъ, которыя въ его рукахъ. Онъ сказалъ: пусть берутъ и очищаютъ все; домъ погибнетъ, но мои кредиторы потеряютъ не много. Гордость м-ра Домби представляется теперь въ благопріятномъ свѣтѣ.

Она слушала его спокойно и почти безъ всякой перемѣны на своемъ лицѣ. Казалось, ея вниманіе было занято отчасти собственными мыслями. Когда онъ пересталъ, она спросила его торопливымъ тономъ:

– Видали вы его въ послѣднее время?

– Онъ недоступенъ ни для кого. Когда, вслѣдствіе этого кризиса въ дѣлахъ, ему необходимо выходить изъ дому, онъ выходитъ одинъ и по возвращеніи запирается въ своемъ кабинетѣ, не допуская къ себѣ никого. Онъ написалъ мнѣ письмо, отзываясь въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о нашей прошедшей связи и прощаясь со мною. Неделikatно было съ моей стороны навязываться теперь, такъ какъ я и въ лучшія времена не имѣлъ съ нимъ частыхъ переговоровъ; однако я попробовалъ. Я писалъ, ходилъ въ его домъ, просилъ, умолялъ. Все напрасно!

Онъ продолжалъ ее наблюдать, въ надеждѣ пробудить въ ней большее участіе къ этому предмету. Онъ выражался съ одушевленіемъ и чувствомъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на свою слушательницу; но въ ея лицѣ не было ни малѣйшей перемѣны.

– Ну, миссъ Гэрриетъ, – сказалъ онъ съ огорченнымъ видомъ, – объ этомъ, кажется, я распространяюсь не кстати. Вамъ, конечно, не совсѣмъ пріятно слышать эти исторіи. Перемѣнимъ разговоръ. У васъ на душѣ какія-то веселыя мысли, начните, и я постараюсь войти въ вашу предметъ.

– Вы ошибаетесь, м-ръ Морфинъ, – возразила Гэрриетъ съ легкимъ изумленіемъ, – моя голова занята тѣмъ же, чѣмъ и ваша. Неужто вы думаете, что я и Джонъ не разсуждали въ послѣднее время обо всѣхъ этихъ перемѣнахъ? Онъ служилъ такъ долго м-ру Домби, который теперь доведенъ, по вашимъ словамъ, до ужасной крайности, между тѣмъ какъ мы разбогатѣли.

Теперь только м-ръ Морфинъ, сѣроглазый холостякъ, замѣтилъ, что лицо его собесѣдницы озарено какимъ-то лучезарнымъ восторгомъ. Сначала ему казалось, что она просто весела, въ хорошемъ расположеніи духа, и больше ничего.

– Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, – продолжала Гэрриетъ, опустивъ глаза на свое собственное платье, – отчего и какъ перемѣнились наши обстоятельства. Вы, конечно, не забыли, что братъ нашъ Джемсъ, въ тотъ страшный день не оставилъ никакого завѣщанія, и у него нѣтъ другихъ родственниковъ, кромѣ Джона и меня.

Ея лицо на минуту затуманилось грустными воспоминаніями, но скоро м-ръ Морфинъ замѣтилъ на немъ тотъ же лучезарный восторгъ.

– Вы знаете нашу исторію, – исторію двухъ братьевъ въ связи съ несчастнымъ джентльменомъ, о которомъ вы говорите съ такимъ искреннимъ, благороднымъ участіемъ... Теперь, послѣ жизни, какую мы вели въ продолженіе столькихъ лѣтъ, я и мой братъ не имѣемъ никакой нужды въ деньгахъ, между тѣмъ какъ доходы наши слишкомъ огромны. Понимаете ли, о чемъ я хочу васъ просить.

– Нѣтъ, моя милая миссъ, не совсѣмъ!

– Нечего говорить о моем покойном брате. Если бы покойник знал, что мы намечены сделать... но вы понимаете меня. О живом брате считаю нужным сказать только то, что он, по собственной воле и по глубокому сознанию своего долга, решился выполнить намеченное, которое требует вашего неизбежного содействия.

Мисс Гэрриет опять подняла глаза, и м-р Морфин сделал новое наблюдение, что она была прекрасна в своем лучезарном восторге.

– Сэр, это дело требует глубокой тайны. Ваша опытность и познания укажут на необходимые средства. Можно, например, навести м-ра Домби на догадку, что неожиданно спасены какие-нибудь непредвиденные источники его доходов, или, что ему, как честному человеку, оказывают этим невольную дань уважения торговые дома, с которыми он вель продолжительныя связи, или какой-нибудь заимодавец вздумал уплатить ему старый долг. Средств много, и я уверена, вы выберете самые лучшие. В этом-то и состоит одолжение, о котором я пришла вас просить. Вы будете так добры, что не станете говорить об этом Джону, который хочет, чтобы все эти распоряжения были сделаны тайно и без малейших одобрений, которые бы относились собственно к нему. Мы сбережем для себя весьма незначительную часть этого наследства, предоставляя его м-ру Домби, который в таком случае будет счастлив и спокоен на всю свою жизнь. Позвольте быть уверенной, что вы не станете об этом часто говорить даже со мною, и что наша общая тайна будет погребена в вашем сердце.

Слезы радости достойным образом заключили эту речь, внушенную благороднейшим сердцем, какое когда-либо существовало на земле. Ея брат смывает навсегда позорное пятно, которым заклеил свою жизнь, как же не порадоваться его сестре? Вот почему лучезарный восторг озаряет прекрасное чело девицы Каркер.

– Милая Гэрриет, – сказала Морфин послѣ продолжительнаго молчания, – я вовсе не был приготовлен к этим речам. Вы желаете, если не ошибаюсь, удѣлить и собственную часть от наследства, которое досталось на вашу долю, так ли я вас понял?

– О да, как же иначе? Мы так долго жили вмѣстѣ, раздѣляя радость и горе, труды и заботы. Наши мысли, надежды и желанія всегда были общія, и мы все дѣлили пополамъ. Какъ же мнѣ отказаться отъ удовольствія быть его соучастницей въ этомъ великодушномъ поступкѣ?

– Избави меня Богъ оспаривать ваше намѣреніе!

– Стало бытъ, мы можемъ положиться на вашу дружескую помощь? конечно, конечно, я не сомнѣвалась.

– Мисс Гэрриетъ, я былъ бы дурнымъ человекомъ... то есть, я дурной и теперь, но былъ бы еще хуже, если бы не поспѣшилъ отъ всего сердца предложить полную готовность къ вашимъ услугамъ. Да, я принимаю все ваши условія и клянусь честью, ничто въ свѣтѣ не вырветъ у меня вашей тайны. Итакъ, если м-ръ Домби дѣйствительно будетъ доведенъ до крайности, неизбежной въ его положеніи, то я съ полною охотою принимаю на себя привести въ исполненіе великодушный планъ, на который вы и братъ вашъ Джонъ рѣшились съ общаго согласія.

Она подала ему свою руку и поблагодарила.

– Мисс Гэрриетъ, – сказала онъ, удерживая ее, – говорить вамъ о достоинствѣ великой жертвы, или, правильнѣе, самоотверженности, на которую вы рѣшились, было бы дѣломъ празднымъ и большою дерзостью съ моей стороны. Совѣтовать вамъ внимательнѣе обсудить и обдумать свой планъ – было бы опять безразсудно и дерзко. Я не имѣю никакого права оставивать или ограничивать великій конецъ великой исторіи неумѣстнымъ представленіемъ своихъ собственныхъ соображеній и расчетовъ. Смирненно склоняю голову передъ вашей довѣрчивостью, счастливый и довольный сознаниемъ, что она происходитъ отъ высшаго и чистѣйшаго источника вдохновенія. Скажу только одно: я – вашъ вѣрный управитель, и если

бы мнѣ предоставили выбирать свое положеніе въ свѣтѣ, я бы хотѣлъ только остаться избран-нымъ вашимъ другомъ и ничѣмъ болѣе.

Она поблагодарила опять отъ чистаго сердца и пожелала ему покойной ночи.

– Очень вамъ благодарна, м-ръ Морфинъ. Я не прямо домой. Мнѣ надобно еще сдѣлать визитъ. Не угодно ли вамъ пожаловать завтра?

– Съ большимъ удовольствіемъ; завтра я приду. А между тѣмъ я подумаю, какъ лучше взяться за ваши дѣла. Вы, конечно, сами будете думать о нихъ, милая Гэрриетъ, и... и... могу ли надѣяться, что въ связи съ ними подумаете немножко и обо мнѣ?

Онъ проводилъ ее до кареты, стоявшей у воротъ. Не будь его хозяйка глуха, какъ тетеревъ, она бы пременно услышала бы, какъ м-ръ Морфинъ, взбираясь къ себѣ наверхъ, бормоталъ про себя, что всѣ мы исчадія привычки, и что самая скверная привычка – оставаться до старости холостякомъ.

Онъ взялъ віолончель, лежавшую на софѣ между двумя стульями, и усѣлся на свое прежнее сѣдалище, не спуская глазъ съ порожняго стула, который стоялъ передъ нимъ. Инструментъ не замедлил издать звуки нѣжные, патетическіе и сладостные до чудовищной степени совершенства; но эта музыкальная экспрессія ровно ничего не значила передъ выраженіемъ, которое м-ръ Морфинъ сообщилъ своему лицу, умиленному и разнѣженному до того, что онъ не разъ принужденъ былъ прибѣгать къ обычному врачеванію капитана Куттля и растирать свой носъ рукавомъ изношеннаго сюртука. Но мало-по-малу лицо его прояснилось, глаза осмыслились, и віолончель начала издавать гармоническіе звуки одной изъ національных пѣсенъ, гдѣ важнѣйшую роль играетъ, такъ называемый, "гармоническій кузнецъ", который нѣсколько сродни камаринскому мужику. Эта пѣсенка повторилась нѣсколько разъ сряду, и віолончель, въ связи съ порожнимъ стуломъ, оставалась до глубокой полночи единственнымъ товарищемъ стараго холостяка.

Когда Гэрриетъ оставила жилище м-ра Морфина, кучеръ ея наемной кареты принялся развѣзжать по грязнымъ переулкамъ и закоулкамъ одного изъ лондонскихъ предмѣстій, пока, наконецъ, не выѣхалъ на какую-то площадку, гдѣ торчало нѣсколько старыхъ домовъ, расположенныхъ между садами. Здѣсь онъ остановился у одной садовой калитки, и Гэрриетъ, очевидно, привыкшая къ этимъ путешествіямъ, вышла изъ кареты.

Вскорѣ на звонъ колокольчика явилась женщина пожилыхъ лѣтъ, съ унылымъ и болѣзненнымъ въ лицѣ, съ глазами, поднятыми вверхъ, и съ головою, опущенною внизъ. При видѣ Гэрриетъ, она сдѣлала болѣзненный книксенъ и черезъ садъ провела ее въ домъ.

– Здравствуйте, м-съ Виккемъ. Какъ ваша больная? – спросила Гэрриетъ.

– Плохо, матушка, плохо. Я ужасно боюсь. Она, видите ли, сударыня, съ нѣкоторыхъ поръ напоминаетъ мнѣ Бетси Джанну моего дяди, – заключила м-съ Виккемъ, испуская болѣзненный вздохъ.

– Въ какомъ отношеніи? – спросила Гэрриетъ.

– Да во всѣхъ, матушка. Разница лишь та, что Бетси Джанна умирала ребенкомъ, а эта ужъ большая.

– Но вы сказали мнѣ прошлый разъ, что ей гораздо лучше. Стало быть, еще можно надѣяться, м-съ Виккемъ.

– Не говорите, матушка. Надежда хороша для тѣхъ, кто не видалъ кручины въ своей жизни, а я на своемъ вѣку довольно натерпѣлась и наглядѣлась всякой всячины, сударыня моя. О, вы еще не знаете, что такое всякая всячина: это, съ позволенія сказать, такая подлая вещь, что Боже упаси!

– Вамъ надобно стараться быть веселѣе.

– Благодарю васъ, матушка. Если бы еще и оставалась какая веселость въ моей головѣ, – вы извините, что я откровенничаю, – такъ я потеряла бы ее въ одни сутки въ этомъ скаредномъ мѣстѣ. Скука такая, хоть бѣги изъ дому! Впрочемъ, я никогда не видала красныхъ дней. Одно

житье въ Брайтонѣ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ укоротило, я думаю, мою жизнь на цѣлый десятокъ годовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это была та самая м-съ Виккемъ, которая въ старые годы замѣнила бѣдную Полли въ званіи няньки маленькаго Павла, и которая подъ благодатной кровлей м-съ Пипчинъ дѣйствительно натерпѣлась всякой всячины. Превосходная старая система, утвержденная на древнѣйшемъ похвальномъ обычаѣ удалять отъ общества скучнѣйшихъ и бесполезныхъ членовъ, назначая имъ весьма комфортныя должности филантропическаго свойства, доставила м-съ Виккемъ возможность утвердиться и усовершенствоваться въ званіи сидѣлки и вмѣстѣ няньки, въ званіи, которое, какъ нарочно, избобрѣтено для ея особы.

Склонивъ голову на одну сторону и поднявъ свои глаза къ потолку, м-съ Виккемъ провела ночную посѣтительницу наверхъ въ чистую, опрятную комнату, смежную съ другою, гдѣ стояла постель, освѣщенная тусклою лампадой. Въ первой комнатѣ безсмысленно сидѣла грязная, безобразная старушенка, глазѣвшая на улицу черезъ открытое окно. Во второй лежала въ постели фигура, или точнѣе, тѣнь той фигуры, которая нѣкогда въ зимнюю ночь презрѣла дождь и бурю, чтобы, послѣ продолжительнаго путешествія, бѣжать въ отдаленное предмѣстье для изъясненія своего бѣшенаго негодованія. Невозможно было бы угадать въ ней ту самую женщину, если бы не черныя длинныя волосы, разбросанныя по безцвѣтнымъ и мертвеннымъ щекамъ.

– Не поздно ли я пришла, Алиса? – сказалъ кроткій голосъ посѣтительницы.

– Поздно, какъ всегда, но слишкомъ рано для меня.

Гэрриетъ сѣла подлѣ постели и взяла ея руку.

– Вамъ теперь лучше?

М-съ Виккемъ, стоявшая насупротивъ, какъ безотрадное привидѣніе, рѣшительно и самымъ отрицательнымъ способомъ покачала головой.

– Какая до этого нужда! – отвѣчала Алиса, стараясь улыбнуться. – Лучше или хуже, – все равно. Можетъ быть одинъ день разницы, не болѣе.

М-съ Виккемъ, какъ серьезный характеръ, постѣшила выразить свое полное одобреніе болѣзненнымъ стономъ. Затѣмъ, ощулавъ ноги своей пациентки, вѣроятно, въ надеждѣ найти ихъ окаменѣлыми, она поковыляла къ столу и зазвонила цѣлебными пузырьками и бутылками, какъ будто желая сказать: такъ и быть, дадимъ еще микстуры для проформы.

– Нѣтъ, – шептала Алиса своей посѣтительницѣ, – нужда, труды, порокъ, угрызения совѣсти, буря внутри и буря снаружи истощили мои силы, и желѣзное здоровье разстроилось въ конецъ. Мнѣ не долго жить. Я здѣсь лгу иной разъ, думая, что мнѣ хотѣлось бы еще немного пожить для того только, чтобы показать, какъ я умѣю быть благодарной. Это, конечно, слабость, и она скоро проходитъ. Пусть будетъ такъ, какъ есть. Лучше и для васъ, и для меня.

Это ли та женщина, которая нѣкогда въ ненастный и бурный вечеръ сидѣла подлѣ камина, вызывая на бой судьбу со всѣми ея ужасами? Злоба, мщеніе, отвага, буйство – прощайтесь съ своей жертвой: наступилъ ея конецъ!

М-съ Виккемъ, назвонившись вдоволь около медицинскаго стола, достала, наконецъ, какую-то микстуру. Затѣмъ, подавая пить, она завинтила свой ротъ, прищурила глаза и покачала головой, выражаясь, такимъ образомъ, опредѣленно и ясно, что никакія попытки не заставятъ ее проболтаться насчетъ безнадежнаго положенія пациентки.

– Сколько прошло съ той поры, – сказала Алиса, – какъ я приходила къ вамъ послѣдній разъ извѣстить о погонѣ, которую я устроила?

– Слишкомъ годъ, – отвѣчала Гэрриетъ.

– Слишкомъ годъ! – повторила Алиса задумчивымъ тономъ. – И прошли цѣлые мѣсяцы, какъ вы перенесли меня въ это мѣсто?

– Да.

– Перенесли силою своей доброты и великодушія. Перенесли меня! – говорила Алиса, закрывая рукою свое лицо. – Ваши женственныя слова и взоры, ваши ангельскіе поступки сдѣлали меня человѣкомъ!

Гэрриетъ наклонилась надъ нею и старалась ее успокоить. Немного погодя, Алиса, продолжая закрывать рукою свое лицо, изъявила желаніе, чтобы позвали къ ней ея мать.

– Мать, скажи ей, что ты знаешь.

– Сегодня, моя лебедушка?

– Да, мать, – отвѣчала Алиса слабымъ, но вмѣстѣ торжественнымъ голосомъ, – сегодня!

Старуха, взволнованная, по-видимому, угрызениемъ, безпокойствомъ или печалью, приковыляла къ постели по другую сторону отъ Гэрриетъ, стала на колѣни, чтобы привести свое чахлое лицо въ уровень съ одѣяломъ, и, протянувъ свою руку къ дочерниному плечу, начала:

– Дочка моя, красотка...

Великій Боже! Что это былъ за крикъ, вырвавшийся изъ груди старухи, когда она взглянула на развалину тѣла, лежавшаго на этомъ болѣзненномъ одрѣ!

– Перемѣнилась твоя красотка, матушка, давно перемѣнилась! – сказала Алиса, не обращая на нее своихъ глазъ. – Безполезно тужить объ этомъ теперь.

– Дочка моя, – продолжала старуха, – скоро оправится, встанетъ и пристыдитъ ихъ всѣхъ своими прекрасными глазами.

Алиса обратила грустную улыбку на Гэрриетъ, пожала ея руку, но не сказала ничего.

– Встанетъ она, говорю я, – повторяла старуха, дѣлая въ воздухъ грозный жестъ своимъ кулакомъ, – и пристыдитъ ихъ всѣхъ своими прекрасными глазами... вотъ что! Пристыдитъ, говорю я, и всѣхъ ихъ... да!.. Оттолкнули мою дочку, отринули, вышвырнули, загнали; но есть у ней родство – охъ, какое родство! – и она могла бы имъ гордиться, если бы хотѣла! Да, славное родство! Тутъ не было пастора и обручальныхъ колець, но родство заключено, и не сломать, не уничтожить его злымъ людямъ! Покажите мнѣ м-съ Домби, и я вамъ укажу первую двоюродную сестрицу моей Алисы!

Жгучіе глаза больной, обращенные на Гэрриетъ, подтвердили истину этихъ словъ.

– Какъ? – кричала старуха, страшно мотая головой, которая хотѣла, какъ будто, выскокить изъ грязнаго туловища. – Я стара теперь, безобразна, видите ли, а бывали встарину праздники и на моей улицѣ! Состарили меня не годы, а всего больше эта проклятая жизнь и привычки. Но и я была молода, хороша была, и посмотрѣли бы вы, какъ ласкали меня въ старые годы! Разъ прибыли въ нашу сторону отецъ м-съ Домби и его братъ, веселые джентльмены; оба они умерли, Господь съ ними! охъ, какъ давно умерли! Братъ, который былъ отцомъ моей Алисы, умеръ прежде. Они заѣзжали къ намъ изъ Лондона, и нечего сказать, весь народъ любовался на нихъ, а они любовались на меня... вотъ какъ бывало въ старые годы!

Она приподняла немного свою голову и обратилась къ дочерниному лицу, какъ будто воспоминанія молодыхъ лѣтъ привели ее невольно къ воспоминанію о своей дочери.

– Они оба были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, – кричала старуха, – однихъ лѣтъ, одинаковаго нрава, и разницы между ними, если не ошибаюсь, былъ только одинъ годъ. О, если бы вы видѣли, какъ моя Алиса тогда сидѣла рядкомъ съ дочерью другого джентльмена – я это видѣла и никогда не забуду! Онѣ были точъ въ точъ, какъ родныя сестры, несмотря на разницу въ своихъ платьяхъ и привычкахъ. О, неужто прошло это сходство! Неужто только одна моя дочь измѣнилась и пропала!

– Всѣ мы, матушка, измѣняемся и пропадаемъ, каждая въ свою очередь, – сказала Алиса.

– Очередь! Зачѣмъ же такъ рано пришла очередь моей дочери, а не ея! Ея мать измѣнилась, это правда, и превратилась, съ позволенія сказать, въ такую же хрычовку, какъ я, прости Господи; но и она была красавицей встарину. Что такое я сдѣлала противъ нея? Неужто она д_у_р_и_л_а меньше, чѣмъ я? Не меньше и не лучше, а вотъ только моя, одна только моя дочка захворала и зачахла.

И вдруг, испустивъ пронзительный крикъ, она бросилась въ ту комнату, откуда пришла, но немедленно воротилась опять, подковыляла къ Гэрриетъ и сказала:

– Вотъ все, о чемъ Алиса просила меня сказать вамъ. Все до тла. Я провѣдала о ней въ одно лѣтнее время, когда слонялась по Уорвикширу, гдѣ и она тогда проживала съ своей матерью, съ той хрычовкой, видите ли, которая все бѣлилась да румянилась. Все я провѣдала. Но такія родственницы, сказать по правдѣ, для меня не годились. Онѣ не дали мнѣ ни полушки. Если бы этакъ я заикнулась передъ ними на счетъ деньженокъ для моей Алисы, которая ей двоюродная сестра, онѣ, я думаю, придавили бы меня, какъ лягушку. Вотъ и дочка-то моя, сказать по правдѣ, горда, пожалуй, еще больше, чѣмъ она, – продолжала старуха, съ робостью прикасаясь къ лицу Алисы. – Теперь она присмирѣла, касатушка моя; но дайте-ка ей встать, она пристыдитъ ихъ своими прекрасными глазами и осрамитъ такъ, что имъ не собрать костей. Не правда ли, моя лебедка, ты вѣдь осрамишь ихъ?

Старуха захохотала, и этотъ хохотъ былъ гораздо отвратительнѣе, чѣмъ ея крикъ, и гораздо страшнѣе, чѣмъ взрывъ безсильнаго воя, которымъ онѣ окончился. Она встала, вышла изъ комнаты и опять усѣлась на прежнее мѣсто, чтобы глазѣть на темноту ночную черезъ открытое окно.

Глаза Алисы во все это время были устремлены на Гэрриетъ, которую она продолжала держать за руку. Теперь она сказала:

– Мнѣ казалось, я буду нѣсколько спокойнѣе, когда вы узнали эту исторію. Она, думалось мнѣ, объяснить вамъ отчасти крайности разврата, который меня стубилъ. Мнѣ слишкомъ часто толковали, что я нарушаю свои обязанности, и я, въ свою очередь, невольно утвердилась въ мысли, что другіе люди не исполнили своихъ обязанностей по отношенію ко мнѣ. Сѣмя какъ посѣяно, такъ и взшло. Дочери богатыхъ, но дурныхъ матерей могутъ, въ свою очередь, сбиваться съ прямой дороги, но путь ихъ никогда не можетъ быть такъ гадокъ, какъ мой. Теперь все прошло. Все это представляется мнѣ какимъ-то сномъ, котораго теперь я не могу ни хорошенько вспомнить, ни отчетливо понять. И этотъ сонъ видѣлся мнѣ каждый день съ того времени, какъ вы начали сидѣть здѣсь и читать для меня. Пересказываю его вамъ, сколько могу помнить. Не потрудитесь ли вы еще почитать для меня?

Гэрриетъ тихонько отстранила свою руку, чтобы открыть книгу, но Алиса удержала ее опять.

– Вы не забудете моей матери? Я простила ей все, въ чемъ, по моему, она виновата. Я знаю, что она прощаетъ меня и слишкомъ тужить обо мнѣ. Вы не забудете ея?

– Никогда, Алиса!

– Еще минуту. Положите мою голову такъ, чтобы я могла на вашемъ добромъ лицѣ видѣть слова, которыя вы станете читать.

Гэрриетъ исполнила ея желаніе и принялась читать, Она читала ей ту книгу, въ которой недужный, страждущій, удрученный человѣкъ всегда находить утѣшеніе и вѣчную отраду для изнуреннаго духа. Она читала, какъ одна женщина, слѣпая, хромя, прокаженная, оскверненная всякими недугами души и тѣла, получила прошеніе и такую награду, которой не отниметь отъ нея никакая человѣческая сила.

– Завтра поутру, Алиса, – сказала Гэрриетъ, закрывая книгу, – я приду какъ можно раньше.

Свѣтлые глаза сомкнулись на минутку, но при этихъ словахъ открылись опять. Алиса съ набожнымъ благоговѣніемъ поцѣловала руку своей благодѣтельницы.

Тѣ же свѣтлые глаза слѣдили за нею къ дверямъ. Въ ихъ блескѣ и на спокойномъ лицѣ промелькнула прощальная улыбка.

Глаза сомкнулись и уже больше не открывались никогда. Она положила свою руку на грудь, произнесла священное имя Того, житіе котораго ей читали, и жизнь сбѣжала съ ея лица, подобно исчезающему свѣту.

На мѣстѣ, гдѣ была Алиса, лежалъ бездыханный трупъ.

Глава LIX Часъ пробиль

Опять перемены въ большомъ домѣ, на длинной скучной улицѣ, гдѣ Флоренса проводила свое одинокое дѣтство. Это все тотъ же огромный домъ, надежный оплотъ противъ непогоды и вѣтровъ, безъ проломовъ на кровлѣ, безъ разбитыхъ оконъ, безъ продавленныхъ стѣнъ, но тѣмъ не менѣе онъ – развалина, и крысы бѣгутъ изъ него.

Сначала м-ръ Таулисонъ и компанія никакъ не хотятъ вѣрить злой молвѣ, которая раси-роstrаняется вокругъ нихъ. Кухарка говоритъ рѣшительно и прямо, что подорвать нашъ кре-дитъ, благодаря Бога, не такъ легко, какъ другихъ богачей, а м-ръ Таулисонъ положительно утверждаетъ, что, пожалуй, стануть послѣ этого болтать, будто подорвался англійскій банкъ или взлетѣли на воздухъ всѣ сокровища лондонской башни. Но скоро приходитъ газета, и съ нею м-ръ Перчъ, въ сопровожденіи своей почтенной супруги, которая пришла на кухню пока-лякать и провести пріятный вечеръ.

Какъ скоро темное дѣло было приведено въ извѣстность, м-ръ Таулисонъ главнѣйшимъ образомъ безпокоился насчетъ убытка и полагалъ, что онъ круглымъ числомъ простирается, по крайней мѣрѣ, до сотни тысячъ фунтовъ. М-ръ Перчъ убѣжденъ, съ своей стороны, что, пожалуй, не покрыть его и сотнею тысячъ фунтовъ. Женщины, подъ предводительствомъ м-съ Перчъ и кухарки, часто съ благоговѣйнымъ удовольствіемъ повторяютъ: "Сотня тысячъ фун-товъ!" – какъ будто передъ ихъ глазами лежали самыя деньги. Горничная, не спуская глазъ съ м-ра Таулисона, изъявляетъ желаніе имѣть хотя бы сотую часть этого капитала, чтобы награ-дить имъ любимаго человѣка. М-ръ Таулисонъ, проникнутый, какъ извѣстно, непримиримою ненавистью къ иностранцамъ, держится того мнѣнія, что достанься эти деньги какому-нибудь сухопарому французу, онъ бы не зналъ, бестія, что съ ними дѣлать, развѣ только профинтиль бы ихъ на усы и свою треклятую бороденку. При этомъ горькомъ сарказмѣ горничная хохочетъ до упаду и удаляется на свѣжій воздухъ.

Скоро, однако, она возвращается опять, ибо кухарка, издавна пользовавшаяся репута-ціею расторопной и умной дамы, говоритъ, что теперь-то собственно имъ надо держаться другъ друга, – не такъ ли, Таулисонъ? – Вѣдь еще неизвѣстно, скоро ли имъ придется разойтись на всѣ четыре стороны.

– Мы видѣли, – продолжаетъ кухарка, – въ этомъ домѣ похороны, видѣли свадьбу и при насъ же скрылись эти бѣглянки. Пусть не говорятъ о насъ добрые люди, что мы не могли ужиться въ это несчастное время. Станемъ жить по-прежнему тише воды, ниже травы, не вынося соринки изъ этого дома, не такъ ли, Таулисонъ?

М-съ Перчъ приведена въ трогательное умиленіе этой рѣчью и открыто замѣчаетъ, что кухарка – настоящій ангель. М-ръ Таулисонъ отвѣчаетъ, что онъ, съ своей стороны, всего менѣе способенъ противорѣчить такимъ благороднымъ чувствамъ, и въ доказательство... онъ беретъ горничную за руку, шепчетъ ей нѣсколько словъ и, становясь съ этой юной леди среди ком-наты, торжественно извѣщаетъ всю кухонную компанію, что онъ и она рѣшили, наконецъ, сочетаться законнымъ бракомъ и завести на Оксфордскомъ рынкѣ, въ травяномъ ряду, свою собственную лавку, куда въ свое время будутъ имѣть честь покорнѣйше просить всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Это объявленіе принято съ превеликимъ восторгомъ, и м-съ Перчъ, про-зирая душою въ будущее, торжественно шепчетъ на ухо кухаркѣ: "Разведуть дѣвченочъ!"

Фамильное несчастіе, само собою разумѣется, въ этихъ нижнихъ слояхъ безъ пиршества обойтись не можетъ. На этомъ основаніи кухарка изготовляетъ для ужина два горячихъ блюда, а м-ръ Таулисонъ, для той же гостепріимной цѣли, сочиняетъ раковый салатъ на огромномъ блюдѣ. Даже м-съ Пипчинъ, взволнованная этой рѣдкой оказіей, звонитъ отчаянной рукой съ высоты своего покоя и посылаетъ сказать, чтобы ей подогрѣли къ ужину сладенькій пирожокъ

и прислали на подносѣ стаканъ крѣпкаго глинтвейну съ хересомъ пополамъ, такъ какъ она чувствуетъ себя нѣсколько нездоровой.

Поговариваютъ насчетъ м-ра Домби, но весьма немного. Главный предметъ разсужденія состоитъ собственно въ томъ, смекаль ли этотъ джентльмень, какъ идутъ дѣла, и давно ли началъ подозревать, что ему не миновать банкротства. Кухарка выражаетъ свое мнѣніе такимъ образомъ:

– Я готова присягнуть, что онъ готовился къ этому цѣлые годы; и если сказать всю правду, его приказчикъ бѣжалъ именно тогда, когда ужъ ничего нельзя было поправить.

Обратились къ м-ру Перчу, и вышло, что м-ръ Перчъ такихъ же мыслей. Затѣмъ предстоялъ другой, не менѣе важный вопросъ: что станетъ дѣлать м-ръ Домби и выпутается ли кое-какъ изъ своей бѣды? Таулисонъ полагаетъ, что не выпутается, и основательно заключаетъ, что м-ръ Домби удалится въ какую-нибудь богадѣльню, устроенную для джентльменовъ.

– Вотъ что! – восклицаетъ кухарка жалобнымъ тономъ. – Тамъ, вѣроятно, у него будетъ маленькій садикъ, и онъ станетъ разводить весною сахарный горохъ!

– Именно такъ, – подтверждаетъ Таулисонъ, – притомъ, думать надо, его причислятъ къ разряду какихъ-нибудь братій.

– Всѣ мы – братія, – говоритъ м-ръ Перчъ, выпивая свою рюмку.

– Только ужъ никакъ не с_е_с_т_р_і_я, – остроумно замѣчаетъ м-съ Перчъ, поглядывая съ лукавымъ видомъ на всю веселую компанію.

– Вотъ какъ падаютъ сильные міра сего! – воскликнула кухарка съ трепетнымъ благоговѣніемъ.

– Гордецы падали всегда и будутъ падать: туда имъ и дорога! – съ негодованіемъ говоритъ горничная, невѣста м-ра Таулисона.

Нельзя было достойнымъ образомъ надивиться дружелюбію всей этой компаніи и тому твердому единодушію, съ какимъ она переносила ужасный ударъ судьбы. Но вдругъ неожиданно маленькая дѣвочка, ремесломъ судомойка, разразилась слѣдующими словами:

– А что, если намъ не заплатятъ жалованья?

При этой выходкѣ всѣ почтенные члены остались безъ языка, какъ будто невидимая сила поразила ихъ нѣмотою. Кухарка оправилась первая.

– Какъ тебѣ не стыдно, – сказала она, – г обижать благородную фамилію, которая тебя кормитъ и поитъ, такими безчестными подозрѣніями? Неужто, думаешь ты, найдутся на свѣтѣ окаянные люди, которые захотятъ отнять послѣдній кусокъ хлѣба у бѣдной прислуги? Стыдись, прощальга ты этакая! Съ такими чувствами, я не знаю, право, гдѣ ты отыщешь себѣ другое мѣсто.

М-ръ Таулисонъ тоже не зналъ, и никто не зналъ. Бѣдная дѣвочка, въ свою очередь, не смыслила ничего и принуждена была забиться въ темный уголокъ, осыпанная градомъ безпощадныхъ упрековъ.

Черезъ нѣсколько дней какіе-то странные люди начинаютъ заходить въ этотъ домъ и назначаютъ одинъ другому свиданія въ большой столовой, какъ будто они здѣсь и жили. Между ними особенно бросается въ глаза джентльмень іудейской породы, толстый и курчавый, съ массивными часами въ карманѣ. Онъ похаживаетъ и посвистываетъ въ ожиданіи другого джентльмена, у котораго за пазухой всегда перья и чернила, а между тѣмъ, для препровожденія времени, обращается къ м-ру Таулисону съ какимъ-нибудь вопросомъ, напримѣръ:

– Не знаете ли вы, какой видъ имѣли первоначально эти малиновыя занавѣси, когда ихъ только что купили? Вы вѣдь здѣсь – старый пѣтухъ.

И названіе стараго пѣтуха, неизвѣстно ради какой причины, навсегда утвердилось за камердинеромъ м-ра Домби.

Эти визиты и свиданія въ большой столовой день-ото-дня становятся все чаще и чаще, и каждый джентльмень имѣетъ, по-видимому, въ своемъ карманѣ перья и чернила. Наконецъ,

разносится слухъ, что дѣло идетъ о продажѣ съ аукціона, и тогда вламывается въ домъ цѣлая группа серьезныхъ джентльменовъ, сопущуемая отрядомъ странныхъ людей въ странныхъ шапкахъ, которые начинаютъ стаскивать ковры, стучать мебелью и дѣлать своими туфлями тысячи разнородныхъ оттисковъ на лѣстницахъ и въ коридорѣ.

Между тѣмъ кухонный комитетъ постоянно засѣдаетъ въ своемъ нижнемъ департаментѣ и отъ нечего дѣлать кушаетъ и пьетъ отъ ранняго утра до поздняго вечера. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, м-съ Пипчинъ потребовала къ себѣ всѣхъ членовъ и адресовалась къ нимъ такимъ образомъ:

– Вашъ хозяйнъ находится въ затруднительномъ положеніи. Это, конечно, вы знаете?

М-ръ Таулисонъ, какъ председатель комитета, даетъ за всѣхъ утвердительный отвѣтъ.

– Всѣмъ вамъ, каждому и каждой, не мѣшаетъ позаботиться о себѣ, – продолжаетъ перувіанская вдовица, окидывая собраніе своимъ сѣрымъ глазомъ и качая головой.

– Такъ же, какъ и вамъ, м-съ Пипчинъ! – восклицаетъ пронзительный голосъ изъ арріер-гарда.

– Это вы такъ думаете, безстыдница, вы? – кричитъ раздражительная Пипчинъ, приподнимаясь во весь ростъ, чтобы яснѣе разглядѣть дерзкую грубіянку.

– Я, м-съ Пипчинъ, я, съ вашего позволенія! – храбро отвѣчаетъ кухарка, выступая впередъ.

– Ну, такъ вы можете убираться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Надѣюсь, я не увижу больше вашей гадкой фигуры.

Съ этими словами храбрая вдовица вынимаетъ изъ сундука полотняный мѣшокъ, отсчитываетъ деньги и говоритъ, что она можетъ получить свое жалованье вплоть до этого дня и еще впередъ за цѣлый даровой мѣсяць. Кухарка расписывается въ домовой книгѣ, и съ послѣднимъ почеркомъ пера ключница бросаетъ ей деньги. Эту хозяйственную формальность м-съ Пипчинъ повторяетъ со всѣми членами кухонной компаніи до тѣхъ поръ, пока всѣ и каждый сполна получили свое жалованье, съ прибавкой даровой мѣсячной награды.

– Можете теперь идти на всѣ четыре стороны, – говоритъ м-съ Пипчинъ, – а у кого нѣтъ мѣста, тотъ можетъ прожить здѣсь еще недѣлю, больше или меньше. А вы, негодница, сейчасъ же долой со двора, – заключаетъ раздражительная Пипчинъ, обращаясь къ кухаркѣ.

– Иду, матушка Пипчинъ, можете быть спокойны, – отвѣчаетъ кухарка. – Счастливо оставаться и кушать на сонъ грядущій сладкіе пирожки съ горячимъ глинтвейномъ.

– Пошла вонъ! – кричитъ м-съ Пипчинъ, топая ногой.

Кухарка удаляется съ видомъ высокаго достоинства, который приводитъ въ отчаяніе старуху Пипчинъ, и черезъ минуту присоединяется въ нижнемъ департаментѣ къ остальнымъ членамъ комитета.

Тогда м-ръ Таулисонъ говоритъ, что теперь, прежде всего, не мѣшаетъ что-нибудь перекусить и пропустить за галстукъ, а потомъ онъ будетъ имѣть удовольствіе предложить нѣкоторые совѣты, необходимые, по его мнѣнію, для всѣхъ сочленовъ благородной компаніи. Выпили, перекусили, еще выпили и еще закусили, и когда, наконецъ, эта предварительная статья была приведена къ желанному концу, м-ръ Таулисонъ излагаетъ свои мнѣнія такимъ образомъ:

– Служба наша оканчивается съ этимъ днемъ. Всѣ мы, каждый и каждая, можемъ отъ чистаго сердца говорить, что во все время своего нахождения въ этомъ домѣ мы служили вѣрой и правдой, несмотря на безтолковыя и бессмысленныя распоряженія взбалмошной бабы, какова м-съ Пипчинъ...

Общее негодованіе. Нѣкоторые изъ почтенныхъ сочленовъ перемигиваются и смѣются. Горничная аплодируетъ.

– Много лѣтъ мы жили дружелюбно и единомысленно, не выставляясь впередъ и не высказывая другъ передъ другомъ, и если бы хозяйнъ этого несчастнаго дома соблаговолилъ когда-нибудь удостоить своимъ вниманіемъ наше общее согласіе, нѣтъ никакого сомнѣнія, каждый

и каждая изъ насъ удостоились бы не такой награды, какую, словно голоднымъ псамъ, бросила жадная старуха Пипчинъ.

Общіе вздохи. Судомойка обнаруживаетъ безмысленное удивленіе. Горничная всхлипываетъ.

Кухарка приходитъ въ сильнѣйшее волненіе и, озирая быстрымъ взоромъ почтенное собраніе, неоднократно повторяетъ: "Слушайте! слушайте!" м-съ Перчъ, упоенная и упитанная по горло, проливаетъ горькія слезы. – Таулисонъ продолжаетъ:

– Итакъ, мое мнѣніе и мой душевный, искренній совѣтъ состоятъ собственно въ томъ, что, вслѣдствіе обиды, нанесенной всѣмъ намъ въ лицѣ почтенной изготовительницы хозяйскихъ блюдъ, мы всѣ, безъ малѣйшаго изъятія, должны удалиться изъ этого неблагодарнаго дома сейчасъ же и куда бы то ни было. Идемъ, бѣжимъ отсюда безъ оглядки, отряхивая прахъ отъ ногъ нашихъ, и пусть узнаетъ свѣтъ, что бѣдные слуги, тамъ, гдѣ нужно, не менѣе господь умѣютъ поддерживать свое достоинство, если требуютъ этого честь и совѣсть!

– Вотъ что значитъ быть благороднымъ человѣкомъ! – восклицаетъ горничная, отирая слезы. – О Таулисонъ, милашка Таулисонъ, какъ я люблю тебя, мой розанъ!

– Я, съ своей стороны, особенно должна благодарить васъ, м-ръ Таулисонъ, – говоритъ кухарка съ видомъ высокаго достоинства, – Надѣюсь, впрочемъ, кромѣ комплиментовъ мнѣ, у васъ были и другія побужденія говорить съ такимъ благороднымъ одушевленіемъ.

– Само собою разумѣется, – отвѣчаетъ Таулисонъ, – были и другія. Признаться, если сказать всю правду, такъ по моему, не совсѣмъ-то благородное дѣло оставаться въ такомъ домѣ, гдѣ идетъ продажа съ публичнаго торгу.

– Именно такъ, душечка Таулисонъ, – подхватываетъ горничная. – По моему, жить среди этой суматохи, значить, рѣшительно не имѣть никакой амбиціи. Мало ли какого народу тутъ насмотришься? И все такіе грубіяны, такіе нахалы! Не далѣе какъ сегодня поутру одинъ сорванецъ вздумалъ было меня поцѣловать!

– Какъ?! – заревѣлъ во все горло м-ръ Таулисонъ. – Гдѣ этотъ нахаль, гдѣ онъ? Да я расшибу его въ дребезги, да я...

И, не докончивъ фразы, м-ръ Таулисонъ стремительно вскочилъ съ своего мѣста и бросился вонъ съ очевиднымъ намѣреніемъ казнить обидчика, но дамы, къ счастью, во время ухватили его за фалды, успокоили, уговорили, заключая весьма основательно, что гораздо приличнѣе совсѣмъ убраться изъ этого скандальнаго дома, чѣмъ заводить въ немъ непріятныя сцены. М-съ Перчъ, представляя это обстоятельство въ новомъ свѣтѣ, осторожно намекаетъ, что даже, въ нѣкоторомъ родѣ, деликатность къ самому м-ру Домби, постоянно запертому въ своемъ кабинетѣ, требуетъ, чтобы они немедленно удалились.

– Ну, скажите, на что это будетъ похоже, говоритъ м-съ Перчъ, – если онъ какъ-нибудь провѣдаетъ, что и бѣдные слуги перестали его уважать?

Всѣ согласились, что это точно будетъ ни на что не похоже, и кухарка была такъ растрогана этой сентенціей, что въ порывѣ душевнаго умиленія нѣсколько разъ обняла и поцѣловала дорогую м-съ Перчъ. Итакъ рѣшено – единодушно и единогласно – выбираться сейчасъ же, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Чемоданы увязаны, сундуки уложены, телѣги наняты, навьючены, и къ вечеру этого достопамятнаго дня въ знаменитой кухнѣ не остался ни одинъ изъ членовъ дружелюбнаго сейма.

Огромный домъ м-ра Домби, крѣпокъ и надеженъ, но тѣмъ не менѣе онъ – развалина, и крысы бѣгутъ изъ него.

Странные люди въ странныхъ шапкахъ гремятъ и шумятъ по всѣмъ комнатамъ, перебирая и опрокидывая мебель; джентльмены съ перьями и чернилами важно бесѣдуютъ другъ съ другомъ и дѣлаютъ подробную опись. Они распоряжаются всѣмъ и хозяйничаютъ такъ, какъ никогда бы не хозяйничали у себя дома. Они сидятъ на такихъ мѣстахъ, которыя никѣмъ и никогда не предназначались для сидѣнья; пьютъ и ѣдятъ трактирныя порціи на такихъ пред-

метахъ мебели, которые никогда не предназначались для обѣденныхъ столовъ, и это присвоение страннаго употребленія дорогихъ вещей, по-видимому, доставляетъ имъ душевное наслаждение. Изъ перестановокъ мебели сооружаются самыя хаотическія комбинаціи. Наконецъ, въ довершеніе эффекта, вывѣшено съ балкона огромное печатное объявленіе, и такими же добавочными прелестями украшены всѣ половинки наружныхъ дверей.

Потомъ, во весь день, стоятъ передъ домомъ длинныя ряды каретъ, шарабановъ, колясокъ, кабриолетовъ, и цѣлыя стада жадныхъ вампировъ снуютъ и бѣгаютъ по всѣмъ комнатамъ, стучать по зеркаламъ щиколками своихъ пальцевъ, выбиваютъ нестройныя октавы на фортепьяно, вырисовываютъ мокрыми пальцами на картинахъ, дышатъ на черенки лучшихъ столовыхъ ножей, взбиваютъ грязными кулаками бархатныя подушки на креслахъ и диванахъ, тормозятъ пуховыя постели, отпираютъ и запираютъ шкафы и комоды, взвѣшиваютъ серебряныя ножи и вилки, вглядываются въ самыя нити драпри и полотень, – и все бракуютъ, все отбрасываютъ прочь. Нѣтъ въ цѣломъ домѣ ни одного неприкосновеннаго и неприступнаго мѣста. Слюнявые незнакомцы, пропитанные табакомъ и пылью, заглядываютъ подъ кухонныя рѣшетки съ такимъ же любопытствомъ, какъ и подъ атласныя одѣяла. Дюжіе джентльмены въ истертыхъ шляпахъ самодовольно выглядываютъ изъ оконъ спаленъ и перебрасываются прескучными шуточками съ своими пріятелями на улицѣ. Спокойныя, расчетливыя головы, съ каталогами въ рукахъ, удаляются въ уборныя комнаты, чтобы дѣлать на стѣнахъ математическія замѣтки кончиками своихъ карандашей. Два оцѣнщика пробираются даже черезъ трубу на самую кровлю дома и любуются окрестными видами. Возня и стукотня, сумятица и гвалтъ продолжаются нѣсколько дней сряду. "Превосходная, новѣйшая хозяйственная мебель" – и прочее подвергается осмотру.

Затѣмъ учреждается въ парадной гостиной родъ палисадника изъ столовъ и кушетокъ, и на испанскихъ обѣденныхъ столахъ изъ краснаго дерева, перевернутыхъ вверхъ ногами, воздвигается кафедра аукціонера. Его обступаютъ толпища жадныхъ вампировъ, слюнявые незнакомцы, пропитанные табакомъ и пылью, дюжіе джентльмены въ истертыхъ шляпахъ и широкихъ шароварахъ. Все это садится гдѣ ни попало, – на косякахъ, тюфякахъ, комодахъ, письменныхъ столахъ и даже на каминныхъ полкахъ. Начинается торгъ. Комнаты душны, шумны, пыльны весь день, к при этой духотѣ, тѣснотѣ, быстротѣ говора и движеній, весь день неутомимо работаютъ голова и плечи, голосъ и молотокъ аукціонера. Странные люди въ странныхъ шапкахъ, подъ хмѣлькомъ и съ красными носами, бросаютъ жребій, кричатъ, толкаютъ одинъ другого и опять бросаютъ по мановенію неутомоннаго молотка. Иногда по всей комнатѣ раздается смѣшанный гвалтъ и хохотъ. Такъ продолжается во весь день и въ слѣдующіе три дня. Превосходная, новѣйшая, хозяйственная мебель и прочее – продается съ аукціона.

Затѣмъ появляются опять шарабаны, коляски, кабриолеты и за ними длинный рядъ фуръ и телѣгъ съ цѣлымъ полчищемъ носильщиковъ, навьюченныхъ узлами. Весь день странные люди въ странныхъ шапкахъ развязываютъ и привязываютъ, винтятъ и развинчиваютъ, отдыхаютъ цѣлыми дюжинами на ступеняхъ лѣстницы, согбенные подъ тяжелымъ грузомъ, или сваливаютъ съ своихъ плечъ на фуры и телѣги цѣлыя громады изъ краснаго и чернаго дерева всякаго рода и вида. Здѣсь цѣлый рынокъ всевозможныхъ ломовыхъ колесницъ отъ огромныхъ фуръ до мелкихъ двухколесныхъ таратаекъ и тачекъ. Постельку маленькаго Павла увезли на ослѣ, впряженномъ въ одноколку. Около недѣли, превосходная, новѣйшая, хозяйственная мебель и прочее – развозится по мѣстамъ.

Наконецъ, все разѣхалось, и все увезено. Остались около дома разорванныя бумаги каталоговъ и счетовъ, грязныя клочки сѣна и соломы и цѣлая батарея оловянныхъ кружекъ на дворѣ и въ коридорахъ. Нашествіе окончилось, и огромный домъ м-ра Домби превратился въ развалину, и крысы бѣгутъ изъ него.

Апартаменты м-съ Пипчинъ, вмѣстѣ съ запертными комнатами въ нижнемъ этажѣ, гдѣ всегда опущены сторы, пощажены отъ общаго опустошенія. Въ продолженіе этой суматохи м-

съ Пипчинъ пребывала въ своей комнатѣ, спокойная и важная, или по временамъ заходила на аукціонъ посмотрѣть распродажу и похлопотать для себя насчетъ какого-нибудь спокойнаго креслица. М-съ Пипчинъ – большая охотница до спокойныхъ кресель, и теперь, когда къ ней приходитъ м-съ Чиккъ, она засѣдаетъ на своей собственности.

– Каковъ мой братъ, м-съ Пипчинъ?

– А я-то почему знаю? Онъ никогда не изволитъ разговаривать со мной. Ему приносятъ ѣсть и пить въ ту комнату, что подлѣ кабинета, и онъ кушаетъ, когда тамъ никого нѣтъ. Иной разъ онъ и выходитъ, да никому не говорить. Нечего меня объ этомъ спрашивать. Я знаю о немъ не больше того южнаго чучела, которое ожгло свой ротъ холоднымъ габеръ-супомъ съ изюмомъ и коринкой.

Такъ отвѣтствовала язвительная м-съ Пипчинъ, проникнутая, очевидно, сильнѣйшимъ негодованіемъ противъ домовладыки.

– Да что же это такое? – говоритъ м-съ Чиккъ. – До которыхъ поръ это продолжится, желала бы я знать? Если братъ не сдѣлаетъ усилія, что изъ него выйдетъ? Ну, какъ вы думаете, м-съ Пипчинъ, что-таки изъ него выйдетъ?

– Что выйдетъ, то и выйдетъ; намъ какое дѣло?

– И добро бы еще онъ не видѣлъ примѣровъ на своемъ вѣку, – продолжаетъ м-съ Чиккъ, припрыгивая на своемъ стулѣ. – А то, вѣдь, если сказать правду, почти всѣ бѣды въ его семействѣ произошли именно оттого, что не умѣли въ свое время дѣлать усилій. Пора бы образумиться. Бѣда, право, совсѣмъ бѣда!

– Ахти вы, Господь съ вами, м-съ Чиккъ! – восклицаетъ м-съ Пипчинъ, дергая себя за носъ. – На всякое чиханье не наздравствуешься, говоритъ пословица, и вотъ ужъ тутъ-то, по моему, бѣды нѣтъ никакой. Потерялъ свою мебель: – экая важность! Бывали добрые люди и до него, которые разставались съ своимъ имѣніемъ, да не тужили, не запирались въ свою берлогу.

– Мой братъ, скажу, я вамъ, престранный человѣкъ! – продолжаетъ м-съ Чиккъ съ глубокимъ вздохомъ, – то есть, онъ такой въ своемъ родѣ оригиналь, какіе едва ли еще найдутся на бѣломъ свѣтѣ. Вообразите, м-съ Пипчинъ, кто бы могъ повѣрить!.. да это, право, такая исторія, что даже страшно и рассказывать.

– Ну, и не рассказывайте, если страшно.

– Да нѣтъ, мнѣ все-таки хочется съ вами подѣлиться. Вотъ видите ли, когда онъ получилъ извѣстіе о замужествѣ и бѣгствѣ этой своей чудовищной дочери... ну, еще, слава Богу, я могу утѣшать себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что никогда не ошибалась въ этой дѣвченкѣ. Не выйдетъ изъ нея пути, говорила я, не выйдетъ и не выйдетъ. Что дѣлать? не хотѣли меня слушать... Такъ вотъ, говорю я, кто бы могъ повѣрить, что мой-то любезнѣйшій братецъ вздумалъ послѣ этой штуки отнестись ко мнѣ, да еще съ угрозами! Я, говоритъ, думалъ, что она живетъ въ твоёмъ домѣ, что ты, говоритъ, за нею смотришь, что это, говоритъ, было твое дѣло! Каково? Признаться, я вся задрожала и едва собралась съ духомъ. "Павель, говорю я, любезный братецъ, или я просто съ ума сошла, или я вовсе не понимаю, какимъ это способомъ дѣла твои пришли въ такое состояніе". Вотъ только я и сказала. А онъ-то? Кто бы могъ повѣрить, что онъ подскочилъ ко мнѣ, какъ сумасшедшій, и сказалъ напрямикъ, чтобы я не смѣла показывать ему глазъ, покамѣстъ онъ самъ не позоветъ! Каково?

– Жаль, – возражаетъ м-съ Пипчинъ, – что ему не привелось имѣть дѣла съ перувіанскими рудниками, они бы повытрясли эту спесь изъ его головы!

– Вотъ такъ-то! – продолжаетъ м-съ Чиккъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на замѣчанія м-съ Пипчинъ. – Чѣмъ же все это кончится, желаю я знать? Что станетъ дѣлать мой братъ? Разумѣется, онъ долженъ же что-нибудь дѣлать. Нѣтъ никакой надобности запираеться въ своихъ комнатахъ и жить медвѣдемъ. Дѣла не придутъ къ нему сами. Никакъ нѣтъ. Ну, такъ онъ самъ долженъ къ нимъ идти. Хорошо. Такъ зачѣмъ онъ не идетъ? Онъ знаетъ куда идти,

я полагаю, такъ какъ онъ всю жизнь былъ дѣловымъ человѣкомъ. Очень хорошо. Такъ почему же онъ не идетъ? Вотъ что я желаю знать.

Молчаніе. М-съ Чиккъ, очевидно, удивляется этой могучей цѣпи умозаключеній, которую она съ такимъ искусствомъ выковала.

– И притомъ, слыханое ли дѣло – оставаться у себя взаперти во время всѣхъ этихъ страшныхъ непріятностей? Упрямство непостижимое! Какъ будто ужъ ему некуда было головы преклонить! Ахъ ты, Боже ты мой, Боже, да онъ могъ идти прямо въ нашъ домъ! Онъ знаетъ, я полагаю, что онъ у насъ, какъ у себя. М-ръ Чиккъ, признаться, даже надоѣлъ мнѣ, да и сама я говорила собственными устами: "Павель, любезный братецъ, ты не думай, что мы ужъ какіе-нибудь этакъ... вотъ ты теперь въ крайности, ну, и приходи къ намъ, такъ-таки и приходи. Развѣ ты полагаешь, что мы такъ себѣ, какъ и всѣ люди? Никакъ нѣтъ. Мы всегда твои родственники, и домъ нашъ къ твоимъ услугамъ!" – Такъ нѣтъ, прости Господи, сидитъ себѣ, какъ байбакъ, и хоть бы словечкомъ заикнулся! Ну, а если предположить, что домъ вздумаютъ отдать внаймы, тогда что?... Что тогда, м-съ Пипчинъ? Вѣдь ему нельзя будетъ здѣсь оставаться. Никакъ нѣтъ. Иначе его поневолѣ выживутъ, заставятъ уйти, и онъ долженъ будетъ уйти. Такъ зачѣмъ ужъ лучше онъ не идетъ теперь, чѣмъ тогда? Не придумаю, право не придумаю. Какъ же вы думаете, м-съ Пипчинъ, чѣмъ все это кончится?

– Я знаю только то, – возражаетъ м-съ Пипчинъ, – чѣмъ все это кончится для меня. Этого и довольно. Я убираюсь отсюда на кондицію.

– И прекрасно, м-съ Пипчинъ, ей Богу! Лучше вы ничего не могли выдумать. Я нисколько не осуждаю васъ за это. Никакъ нѣтъ.

– Еще бы! – отвѣчаетъ сардоническая Пипчинъ. – Мнѣ, впрочемъ, все равно, если бы вы и осуждали. Во всякомъ случаѣ, я ухожу. Остаться мнѣ нельзя. Умрешь со скуки въ одну недѣлю. Вчерашній день я принуждена была сама жарить свои котлеты, а къ этому, съ вашего позволенія, я не привыкла, не такъ воспитана, да и здоровье-то мое не на ту стать. Притомъ въ Брайтонѣ у меня отличное заведеніе. Одни маленькіе Панки доставляли мнѣ каждый годъ около восьмидесяти фунтовъ чистаго барыша. Нельзя же мнѣ все это оставить. Я писала къ своей племянницѣ, и она ждетъ меня съ часу на часъ.

– Говорили вы объ этомъ моему брату?

– Да, это очень легкое дѣло говорить съ вашимъ братцемъ, – возражаетъ м-съ Пипчинъ. – Доберешься до него, держи карманъ! Вчера, правда, я заходила къ нему и сказала, что не мѣшало бы послать за м-съ Ричардсъ, такъ какъ мнѣ нечего здѣсь дѣлать. Онъ прохрюкалъ что-то себѣ подъ носъ и былъ таковъ. Я распорядилась и безъ него. Прохрюкалъ; а какъ смѣеть хрюкать, желала бы я знать? Онъ не м-ръ Пипчинъ, я надѣюсь. Нѣтъ ужъ, съ вашего позволенія, тутъ лопнетъ и дьявольское терпѣнье!

Съ этими словами, неустрашимая дама встаетъ съ своей мягкой собственности, чтобы проводить м-съ Чиккъ къ дверямъ. М-съ Чиккъ удаляется безъ всякаго шума.

Вечеромъ того же дня м-ръ Тудль, по окончаніи своихъ занятій, привозитъ сюда Полли и сундукъ, оставляетъ ее, даетъ ей звонкій поцѣлуй въ коридорѣ пустого дома и наполняется назидательными чувствами при взглядѣ на окружающій мракъ и пустоту.

– Вотъ что, Полли, душа моя, – говоритъ м-ръ Тудль, – такъ какъ я попалъ теперь въ машинисты и зажилъ хорошо на свѣтѣ, то, пожалуй, мнѣ бы и не слѣдовало пускать тебя на такую скуку, если бы не прошлая хлѣбъ-соль. Прошедшихъ благодѣяній, мой другъ, забывать не должно. Притомъ, у тебя такое радушное лицо, и авось ты развеселишь немного добрыхъ людей. Поцѣлуй меня еще разокъ, душа ты моя; вотъ такъ! Ты сдѣлаешь доброе дѣло, я знаю, а ужъ я какъ-нибудь промаячу безъ тебя. Прощай, Полли!

Между тѣмъ м-съ Пипчинъ увеличиваетъ вечерній мракъ своимъ бомбазиновымъ чернымъ капотомъ, черной шляпой и шалью. Ея личная собственность упакована, и спокойныя креслица – послѣднія любимыя кресла м-ра Домби, проданныя съ аукціона – стоятъ подлѣ

уличной двери. М-сь Пипчинъ ждетъ съ минуты на минуту покойнаго экипажа, который нанять довести до Брайтона ея особу вмѣстѣ со всею собственностью.

Приѣзжаетъ покойный экипажъ. Гардеробъ м-сь Пипчинъ отправляется первый и занимаетъ теплое мѣстечко; затѣмъ шествуютъ спокойныя кресла и располагаются въ спокойномъ углу между охапками сѣна; любезная дама имѣетъ намѣреніе сидѣть на креслахъ въ продолженіе своего путешествія. Затѣмъ шествуетъ сама м-сь Пипчинъ и угрюмо занимаетъ свое сѣдалищѣ. Змѣиный блескъ въ ея одинокомъ сѣромъ окнѣ и крокодлова улыбка на устахъ, – содержательница воспитательно-учебно-образовательнаго заведенія, очевидно, мечтаетъ о поджаренныхъ хлѣбцахъ съ масломъ и сметаной, о горячихъ котлетахъ въ связи съ молодыми ребятами, которымъ она будетъ задавать горячія бани, о бѣдной миссъ Беринтіи, хранительницѣ вѣчнаго дѣвства, которую она будетъ тузить отъ ранняго утра до поздняго вечера, и о другихъ не менѣе вождельныхъ утѣхахъ своей одинокой и безпомощной старости. Обложенная подушками на своемъ спокойномъ креслѣ и закрытая чернымъ бомбазиномъ, м-сь Пипчинъ чуть не хохочетъ отъ полноты душевнаго восторга, когда ретивые кони двинулись съ мѣста.

И домъ м-ра Домби превратился въ такую развалину, что всѣ крысы изъ него разбѣжались и теперь не осталось ни одной.

Одинока и печальна м-сь Ричардсъ въ опустѣломъ домѣ, и не съ кѣмъ отвести ей душу, такъ какъ м-ръ Домби не говоритъ ни съ кѣмъ и вѣчно сидитъ съ поникшей головой въ своихъ запертыхъ покояхъ. Не долго однако она остается одна.

Ночь. М-сь Ричардсъ сидитъ за работой въ комнатѣ ключницы, стараясь забыть унылую пустоту и печальную исторію огромнаго дома. Вдругъ раздается громкій звонъ по всему пространству пустого коридора. Полли отворяетъ дверь, и черезъ минуту возвращается съ какой-то женской фигурой въ черной шляпкѣ. Это – вы угадали, миссъ Токсъ, и глаза у миссъ Токсъ красны и пухлы.

– Сію минуту, Полли, – говоритъ миссъ Токсъ, – я покончила уроки съ дѣтьми и привела въ порядокъ хозяйство, которое вы оставили на мои руки. Теперь я свободна и пришла васъ навѣстить. Ну, что, здѣсь никого нѣтъ кромѣ васъ?

– Ни души!

– Вы видѣли его?

– Благослови васъ Богъ, – отвѣчаетъ Полли, – какъ это можно? Его не видалъ никто уже нѣсколько дней. Мнѣ сказали, что онъ никогда не оставляетъ своей комнаты.

– Развѣ онъ боленъ?

– Нѣтъ. Боленъ развѣ душевно. Бѣдный джентльменъ, должно быть, онъ очень печаленъ!

Миссъ Токсъ соболѣзнуетъ до того, что не можетъ говорить. Годы и безбрачная жизнь не очерствили ея и не ослабили ея силъ. Ея сердце очень иѣжно, состраданіе очень наивно, уваженіе истинно и глубоко. Несмотря на свой медальончикъ съ рыбьимъ глазомъ, который всегда у нея на груди, миссъ Токсъ очень достойная дѣвушка, и ея мягкая душа одарена такими качествами, которыя способны устоять противъ всякихъ тревоженій міра сего.

Долго сидятъ миссъ Токсъ и м-сь Ричардсъ, разговаривая о разныхъ разностяхъ, касающихся человѣческой суеты. Наконецъ, Полли беретъ свѣчу, озаряетъ темныя лѣстницы, спускается внизъ, провожаетъ свою гостью, запираетъ дверь тяжелымъ засовомъ, возвращается въ свою комнату и ложится спать. На другой день послѣ полудня она идетъ робкимъ шагомъ въ завѣшанныя комнаты, разставляетъ на столѣ припасы собственнаго издѣлія, приготовленные по совѣту извѣстной особы, удаляется опять въ свое мѣсто и сидитъ, и работаетъ, и не смѣетъ вплоть до завтрашняго утра вступить въ предѣлы завѣшанныхъ комнатъ. А тамъ есть и колокольчики, и сонетки, но никто не звонитъ въ нихъ, и только изрѣдка слышна тяжелая поступь страннаго затворника, отчужденнаго отъ свѣта.

Миссъ Токсъ регулярно приходитъ каждый день. Съ этой поры главныя занятія миссъ Токсъ на Княгининомъ лугу состоятъ почти исключительно въ приготовленіи кое-какихъ

лакомствъ для перенесенія ихъ въ извѣстныя комнаты. Къ этимъ занятіямъ она возвраща-ется каждое утро и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Къ полудню ея корзинка наполняется вафлями, бисквитами, сухарями и пирожками самаго утонченнаго свойства; сверхъ того, въ особомъ узелкѣ, на оберточной бумагѣ, бережно и симметрически укладываются: жареная курица, бычачій языкъ, порція холоднаго поросенка, порція телятины и такъ далѣе. И все это миссъ Токсъ, нахлобучивъ черную шляпу, своевременно относитъ въ тотъ развалившійся домъ, откуда разбѣжались крысы. Здѣсь она сидитъ до поздняго вечера и бесѣдуетъ съ розо-цвѣтною Полли, раздѣляя съ нею всѣ свои блага. Она вздрагиваетъ при каждомъ звукѣ и пря-чется въ темный уголь, какъ уличенная преступница. Ея единственное желаніе – сохранить до гроба вѣрность падшему предмету своего удивленія. И не знаетъ этого м-ръ Домби, никто не знаетъ, кромѣ одной бѣдной и простой женщины.

Майоръ, однако, знаетъ, но отъ этого не легче никому, хотя ему, собственно, гораздо веселѣе. Майоръ, въ припадкѣ любопытства, поручилъ туземцу заглядывать въ опустѣлый домъ и провѣдывать, что станется съ этимъ Домби. Когда туземецъ представилъ донесеніе насчетъ вѣрности миссъ Токсъ, старичина Джой чуть не задохся отъ пронзительнаго хохота. Съ этого часа онъ синѣетъ больше и больше, вытаращиваетъ свои раковые глаза все шире и шире и постоянно свищетъ самому себѣ:

– Сударь мой, да эта женщина просто идиотка отъ природы!

Что же дѣлаетъ самъ разоренный капиталистъ? Какъ проводитъ онъ свои одинокіе часы?

"Да припомнить это м-ръ Домби въ грядущіе годы!" Онъ припомнилъ, и тяжело отъ этого стало на его душѣ, гораздо тяжелѣе, чѣмъ отъ всѣхъ другихъ ударовъ рока.

"Да припомнить это м-ръ Домби въ грядущіе годы!" Проливной дождь крупными кап-лями падаль на кровлю, вѣтеръ дико завываль вокругъ пустыннаго дома, – дурные признаки!
"Да припомнить это м-ръ Домби въ грядущіе годы!"

Онъ припомнилъ это. Одинокій въ своей комнатѣ, добыча страшныхъ призраковъ раз-строенаго воображенія, на разсвѣтѣ тревожнаго утра, въ бѣдственный полдень, въ тем-ный вечеръ, въ тоскливыя сумерки и въ проклятую глухую полиочь, чреватую думами ада, видѣніями тартара, онъ думаль объ этомъ всегда и вездѣ; онъ припомнилъ это съ угрызеніемъ, печалью, отчаяніемъ, съ томительнымъ страданіемъ гордаго ума, изнуреннаго всѣми ужасами предсмертной пытки!

"Папа! папа! поговори со мною, милый папа!" Онъ опять услышалъ эти слова и опять увидѣлъ это страдальческое лицо. Вотъ, вотъ она, эта отверженная дочь, на колѣняхъ передъ нимъ, съ растрепанными волосами, съ трепещущими руками, съ замирающимъ сердцемъ; онъ видитъ ее и ясно слышитъ, какъ вырывается изъ ея груди болѣзненный, протяжный, посте-пенно замирающій крикъ страшнаго отчаянія!

Онъ палъ, разъ навсегда, и никакая сила не поставитъ его на ноги. Для бурной ночи его роковаго паденія въ мірѣ не было и не могло быть отраднаго солнечнаго утра; для позорнаго пятна его семейнаго стыда не было впереди никакого очищенія, и ничто, благодаренію неба, не вызоветъ къ жизни его умершаго сына. Отчаяніе впереди и на пройденныхъ слѣдахъ про-шедшей жизни! А между тѣмъ въ свое время такъ легко было измѣнить это прошедшее, такъ легко и отрадно было водворить благословеніе въ себѣ и вокругъ себя, и не было бы теперь этой горькой отравы, можетъ быть, послѣднихъ часовъ злоупотребленной... да, слишкомъ зло-употребленной жизни! Вотъ о чемъ думаетъ м-ръ Домби! Вотъ что теперь и грызетъ, и рветъ, и терзаетъ его сердце!

О да, о да! Онъ припомнилъ это! Часъ пробиль, и знаетъ м-ръ Домби, что онъ самъ накликалъ его на свою голову. Часъ пробиль, и знаетъ онъ, что значитъ быть покинутымъ и отверженнымъ. Было время, онъ самъ, по собственной злой волѣ, изсушилъ одинъ за другимъ всѣ любящіе цвѣты въ невинномъ сердцѣ отринутаго дѣтища, и вотъ они падаютъ теперь горя-

чимъ пепломъ на его голову, поникшую и опущенную, голову, притиснутую къ самой землѣ не столько роковымъ ударомъ судьбы, сколько собственнымъ сумасбродствомъ.

Онъ думалъ о ней, какую она была въ тотъ вечеръ, когда онъ и его новобрачная воротились домой. Онъ думалъ о ней, какую она была при всѣхъ событіяхъ и перемѣнахъ въ покинутомъ домѣ. И онъ видѣлъ – теперь только видѣлъ – что изъ всѣхъ окружающихъ лицъ только она одна не измѣнялась. Его сынъ исчахъ и сталъ прахомъ, его гордая жена погрязла въ безстыдствѣ, его льстецъ и другъ превратился въ пресмыкающагося червя, какимъ, впрочемъ, онъ былъ всегда; его богатство взлетѣло на воздухъ, самыя стѣны, которыя еще даютъ ему пріютъ, приняли новыя и странныя формы: она одна, теперь какъ и всегда, обращала на него свой кроткій и нѣжный взоръ. Да, одна она до послѣдней минуты, и послѣдняя изъ всѣхъ. Она никогда не перемѣнялась къ нему, точно такъ же какъ и онъ – увы! – никогда не перемѣнялся къ ней. И нѣтъ ея теперь!

И когда всѣ эти образы прошедшей жизни – умершій младенецъ, погибшая жена, подлый другъ, исчезнувшее богатство – постепенно одинъ за другимъ проносились передъ его напряженнымъ воображеніемъ, какъ яснѣлъ и постепенно прочищался густой слой тумана, тяготѣвшаго надъ его душою! Въ какомъ чистомъ и яркомъ свѣтѣ видѣлъ онъ теперь это невинное созданье, полное безпредѣльной любви и готовое ради него на всякія жертвы! О, почему бы ему не любить ее такъ, какъ онъ любилъ своего сына! И почему бы – о Боже мой! – почему бы ему не потерять ихъ сразу и не положить вмѣстѣ въ одной и той же ранней могилѣ!

Свѣтъ бѣжалъ отъ него, и гордый старикъ – онъ все еще былъ гордъ – махнулъ на него рукой безъ ненависти и презрѣнія! Онъ не имѣлъ нужды ни въ сожалѣніяхъ людей, ни, тѣмъ болѣе, въ равнодушіи ихъ; въ томъ и другомъ случаѣ онъ самъ бѣжалъ отъ свѣта, гдѣ не было приличной для него роли. Никто бы не могъ сочувствовать ему или быть товарищемъ его несчастья, никто, кромѣ единственной особы, которую онъ самъ же удалил отъ себя. Какъ и о чемъ бы онъ сталъ съ нею разсуждать въ эту тяжкую минуту нищеты, или какъ бы она стала его утѣшать, онъ не зналъ, онъ не старался знать; но онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что ея вѣрность и любовь не могли утратить живительной силы. М-ръ Домби, былъ убѣжденъ, что теперь-то именно, больше чѣмъ когда либо, она любила бы его всѣми силами своей души, это было въ ея натурѣ, и видѣлъ м-ръ Домби натуру своей дочери такъ же ясно, какъ видѣлъ небо надъ своей головой.

Этотъ переворотъ, сначала тихій, медленный и едва замѣтный, началъ возникать въ немъ еще съ той поры, какъ онъ получилъ письмо отъ ея молодого супруга, и увѣрился, что ея нѣтъ больше въ доступныхъ для него предѣлахъ. И между тѣмъ онъ былъ еще такъ гордъ на развалинахъ своей финансовой славы, что, если бы онъ слышалъ ея голосъ въ смежной комнатѣ, онъ не вышелъ бы къ ней на встрѣчу. Если бы онъ увидѣлъ ее на улицѣ и подмѣтилъ ея взоръ, только одинъ взоръ, исполненный однако безпредѣльной любви, онъ прошелъ бы мимо нея съ своимъ холоднымъ, неприступнымъ лицомъ, и ни за что, по крайней мѣрѣ, первый не рѣшился бы заговорить, хотя бы послѣ его сердце надорвалось отъ печали. Но какъ ни были сначала бурны его мысли, какъ ни страшенъ былъ его гнѣвъ по поводу ея замужества, – теперь все кончилось, все прошло, и онъ даже пересталъ негодовать на ея супруга.

И онъ чувствовалъ теперь, что въ этомъ домѣ родились два его младенца, и что между нимъ и этими голыми стѣнами была связь, печальная, но слишкомъ трудная для разрыва, такъ какъ она скрѣплялась двойнымъ дѣтствомъ и двойною потерей. Онъ зналъ, что ему нужно отсюда уйти, хотя и неизвѣстно куда. Онъ думалъ оставить этотъ домъ съ того дня, когда это чувство впервые протѣснилось въ его грудь, но онъ рѣшился еще провести здѣсь ночь, и въ послѣдній разъ, во мракѣ глухой полночи, обойти всѣ эти опустѣлые покои.

Ударилъ часъ полночный, и м-ръ Домби, со свѣчою въ рукахъ, выступаетъ изъ своей кельи. Лѣстницы затоптаны, грязны, и милліоны человѣческихъ слѣдовъ переплетаются одинъ съ другимъ, какъ на обыкновенной улицѣ. Пусто и тихо. Нѣтъ въ разоренномъ домѣ этихъ

рыночныхъ гостей, этихъ опустошителей чужихъ сокровищъ, но м-ръ Домби еще видитъ ихъ и слышитъ чуткимъ ухомъ, какъ они толкуются, жмутся, кричатъ и давятъ одинъ другого, словно на грязномъ толкучемъ рынкѣ, доступномъ для жадной и голодной черни, – слышитъ все это м-ръ Домби и не можетъ понять, какъ онъ перенесъ эту злую насмѣшку судьбы, онъ, который еще такъ недавно былъ недоступенъ ни для кого въ своемъ раззолоченномъ чертогѣ! Удивительно, непостижимо! А гдѣ же, въ какомъ углу міра, носится теперь легкая поступь невиннаго созданія, которое тоже въ былое время ходило взадъ и впередъ по парадной лѣстницѣ? – М-ръ Домби идетъ впередъ, идетъ и плачетъ.

Но вотъ онъ почти видитъ эту легкую поступь дѣтской ноги. Онъ останавливается, обращаетъ взоръ на потолочное окно, – и вотъ она, вотъ эта дѣтская фигура съ его младенцемъ на рукахъ, котораго она несетъ наверхъ, услаждая свой и его путь колыбельною пѣснью. Еще мгновенье, – и опять та же фигура, но уже одна, съ болѣзненнымъ лицомъ, съ растрепанными волосами, съ отчаяніемъ въ заплаканныхъ глазахъ; тихо и нерѣшительно взбирается она на крутую лѣстницу, оглядываясь назадъ въ тщетной надеждѣ уловить сострадательный взоръ отца! Впередъ, м-ръ Домби!

И долго блуждалъ онъ по этимъ комнатамъ, которыя еще недавно были такъ роскошны, а теперь и наги, и печальны, и пусты. Все перемѣнилось, думаетъ онъ, даже объемъ и фигура его чертога. Здѣсь, какъ и тамъ, вездѣ и вездѣ, слѣды человѣческихъ ногъ, вездѣ и вездѣ сумятица и давка, которую еще слишкомъ ясно слышитъ м-ръ Домби своимъ чуткимъ ухомъ. Впередъ, м-ръ Домби!

Но теперь онъ началъ серьезно бояться за свой мозгъ, и кажется ему, что между его мыслями потеряна всякая связь, какъ и между этими безчисленными слѣдами, что онъ путается больше и больше въ лабиринтъ фантастическихъ видѣній, что онъ, однимъ словомъ, сходитъ съ ума. Ничего, м-ръ Домби, впередъ и впередъ!

Онъ не зналъ – даже этого не зналъ – въ какихъ комнатахъ она жила, когда проводила здѣсь свое одинокое дѣтство. Онъ поднялся выше однимъ этажомъ. Въ одно мгновенье тысячи разнородныхъ воспоминаній зароились въ его отуманенной головѣ, но онъ оторвалъ свой умственный взоръ и отъ измѣнницы-жены, и отъ фальшивыхъ друзей, – отъ всего оторвалъ, чтобы видѣть и слышать только своихъ двухъ дѣтей. Впередъ, м-ръ Домби!

Онъ поднялся на верхній этажъ. Здѣсь, какъ и тамъ, вездѣ и вездѣ безчисленные слѣды человѣческихъ ногъ. Варвары не пощадили даже старой комнаты, гдѣ стояла маленькая постель, и онъ едва отыскалъ чистое мѣсто, чтобы броситься на полъ подлѣ стѣны. И онъ бросился, бѣдный, несчастный м-ръ Домби, и слезы рѣкою полились изъ его глазъ. Немудрено. Бывало и прежде время, когда онъ, пожимая плечами и склонивъ на грудь опущенный подбородокъ, приходилъ въ эту же комнатку въ глухой полночный часъ и проливалъ горькія слезы. Тогда, какъ и теперь, онъ бросался на голыя доски, удрученный лютою тоскою. Тогда гордый человѣкъ стыдился за свою слабость, и, помилуй Богъ, если бы кто-либо изъ смертныхъ провѣдалъ, что ему доступны человѣческія чувства! А теперь? Плачь теперь, гордый человѣкъ, вдоволь плачь, ибо никто не видитъ и не слышитъ твоихъ рыданій! И онъ плакалъ, и стоналъ, и ужасы были эти слезы и стenanія гордаго человѣка, злоупотребившаго своею жизнью! Назадъ, м-ръ Домби!

Съ наступленіемъ дня онъ удалился на свою половину. Онъ думалъ сегодня оставить этотъ домъ, но, разъ забравшись въ свои комнаты, не имѣлъ силъ оторваться отъ могучей цѣпи, которою былъ прикованъ къ этимъ стѣнамъ. Онъ откладывалъ намѣреніе до завтра. Наступало завтра, и онъ опять откладывалъ свое намѣреніе до другого дня. Каждую ночь, невѣдомо ни для одной человѣческой души, онъ выбирался изъ своей засады и блуждалъ, какъ привидѣніе, по опустѣлому дому. На разсвѣтъ каждаго дня онъ останавливался съ своимъ блѣднымъ лицомъ подлѣ завѣшаннаго окошка и думалъ о своихъ дѣтяхъ. Уже теперь не одно только дитя зани-

мало его. Онъ соединялъ ихъ въ своихъ мысляхъ, и они никогда не являлись порознь передъ его умственнымъ взоромъ.

Сильное умственное раздраженіе было для него не новостью даже передъ этими послѣдними страданіями. Крѣпкія упрямья натуры могутъ слишкомъ долго бороться противъ всякихъ искушеній; но какъ скоро подорванъ фундаментъ, зданіе можетъ рухнуть въ одну минуту. Организмъ м-ра Домби былъ такой же развалиной, какъ и его домъ.

Наконецъ, онъ началъ думать, что ему нѣтъ никакой надобности идти. Онъ можетъ оставить за собой, что пощажено его кредиторами, – они пощадили бы больше, если бы онъ самъ этого хотѣлъ. Нѣтъ, разорвать связь между нимъ и этимъ опустошеннымъ домомъ – то же, что разорвать и другое послѣднее звено...

Онъ принимался ходить взадъ и впередъ, и тяжелая походка слишкомъ ясно была слышна въ послѣдней комнатѣ ключницы, но слышна, какъ страшная поступь выходца съ того свѣта. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось м-съ Ричардсъ.

Свѣтъ былъ очень занятъ и слишкомъ безпокоился о немъ. На биржѣ перешептываются, смѣются, клеветуютъ, сплетничаютъ. Всѣ и каждый болтаютъ о немъ всевозможныя небылицы. Все это приходитъ въ голову м-ра Домби, и онъ измученъ до крайности. Предметы начинаютъ темнѣть въ его глазахъ. Все тускло и сѣро. Нѣтъ болѣе Домби и Сына, нѣтъ дѣтей. Объ этомъ должно подумать хорошенько завтра.

И онъ думалъ объ этомъ завтра. Неподвижный въ своемъ креслѣ, онъ, время отъ времени, заглядывалъ въ зеркало, и страшная картина высывалась на него изъ этого стекла.

Это была фигура блѣдная, изнеможенная, страшное подобіе его самого, фигура дикая, съ полуюсною мечтою, съ полусоннымъ бредомъ. То поднимаетъ она свою голову, разсматривая линіи и впадины на своемъ лицѣ, то опускаетъ ее опять и снова бредитъ. Фигура поднимается, встаетъ, шагаетъ, проходитъ и возвращается опять, положивъ на грудь какую-то вещь съ уборнаго стола. Теперь она угрюмо смотритъ на полъ по направленію къ дверямъ и думаетъ.

– Что, если?... Уфъ!

Если бы, думаетъ она, потекла по этой дорогѣ кровь, дальше и дальше, здѣсь и въ коридорѣ, – уфъ! – какъ долго она бы текла! Вотъ тутъ была бы лужа, тамъ струя, а тамъ опять маленькая лужа, и блѣдный раненый человекъ умиралъ или былъ бы трупомъ, если бы отыскали его по этому слѣду. Долго объ этомъ думала она и, вдругъ, поднявшись съ своего мѣста, начала шагать взадъ и впередъ, не отнимая отъ груди своей руки. М-ръ Домби взглянулъ на нее еще разъ и подмѣтилъ, что рука ея тряслась.

Теперь она думала опять! О чемъ она думала?

Вотъ она опять усѣлась на прежнее мѣсто и потонула въ бездонномъ омутѣ тусклой мысли. Въ комнатѣ сверкнулъ лучъ, солнечный лучъ. Фигура не замѣтила его. Вдругъ она вскочила опять съ ужаснымъ лицомъ. Въ это мгновенье раздался крикъ – дикій, громкій, пронзительный, любящій, восторженный крикъ – рука остановилась, и мистеръ Домби увидѣлъ у своихъ колѣнъ собственную дочь!

Да это не призракъ, не мечта, не видѣніе, – это собственная дочь м-ра Домби, на колѣняхъ передъ нимъ, съ умоляющимъ взоромъ! Она зоветъ его, липнетъ къ его рукамъ, колѣнямъ, рыдаетъ, плачетъ!

– Папа! милый папа! прости меня, пощади, помилуй меня! Я пришла просить на колѣняхъ твоего прощенья! Я никогда не могу быть счастливой безъ него!

Ни въ чемъ не измѣнилась. Одна она въ цѣломъ свѣтѣ не измѣнилась. То же лицо, тотъ же умоляющій взоръ, какъ въ давно минувшую, бѣдственную ночь. И еще на колѣняхъ передъ нимъ! и еще вымаливаетъ его прощеніе!

– Папа, о милый папа! не смотри на меня такъ странно! Я никогда не хотѣла тебя оставить и не думала объ этомъ, ни прежде, ни послѣ! Я слишкомъ была напугана тогда, и сама не знала, что дѣлаю. Папенька, я теперь совсѣмъ перемѣнилась. Взгляни на меня, видишь, я

раскаиваюсь! Я знаю свою вину! Я теперь лучше понимаю свои обязанности! О папенька, не отринь меня или я умру у твоих ног!

Онъ задрожалъ и зашатался въ своемъ креслѣ. Онъ чувствовалъ, какъ ея руки обвились вокругъ его шеи, какъ ея лицо прильнуло къ его лицу, какъ ея мокрая щека прижималась къ его впалой щекѣ; онъ чувствовалъ, о, какъ глубоко онъ почувствовалъ...

И на сердцѣ, едва не сокрушенномъ, лежало теперь дикое лицо м-ра Домби. Флоренса рыдала.

– Папенька, милый папенька, я уже мать. Мой ребенокъ скоро будетъ звать Вальтера именемъ, которымъ я тебя зову. Когда онъ родился, когда въ моей груди забилося материнское чувство, я поняла, милый папа, что я сдѣлала, оставляя тебя. О, прости меня ради всего, что есть святого на землѣ! Скажи, милый папа, что ты благословляешь меня и моего младенца!

И онъ сказалъ бы это, если бы могъ; но уста его онѣмѣли, языкъ не шевелился. Онъ самъ поднималъ руки съ умоляющимъ видомъ, и крупныя слезы на его глазахъ яснѣе солнца говорили, чего хочетъ старый отецъ-сирота!

– Мой ребенокъ родился на морѣ, папа. Я и Вальтеръ молились Богу, чтобы онъ пощадилъ насъ, и чтобы я могла воротиться домой. Лишь только мы вышли на берегъ, я бросилась къ тебѣ. Теперь мы больше не разстанемся, милый папа, никогда не разстанемся, никогда!

Его голова, теперь сѣдая, опиралась на ея руку.

– Ты пойдешь къ намъ, милый папа, и взглянешь на моего ребенка. Мальчикъ, папа. Зовутъ Павломъ. Я думаю... я надѣюсь... онъ похожъ...

Рыданія заглушили ея голосъ.

– Милый папа, ради моего младенца, ради имени, которое мы ему дали, ради меня самой, прости Вальтера! Онъ такъ добръ, такъ нѣженъ ко мнѣ. Я такъ счастлива съ нимъ. Это не онъ, а я виновата, что мы обвѣнчались. Я такъ любила его!

Она прижалась къ нему плотнѣе, и ея голосъ былъ теперь проникнуть торжественною важностью.

– Онъ – возлюбленный моего сердца, милый папа. Я готова умереть за него. Онъ будетъ любить и почитать тебя такъ же, какъ и я. Мы оба станемъ учить нашего малютку любить и уважать тебя, и какъ скоро онъ будетъ понимать, мы скажемъ ему, что у тебя былъ сынъ, котораго также звали Павломъ, что онъ умеръ, и ты слишкомъ горевалъ о его смерти. Мы объяснимъ, что онъ теперь на небѣ, гдѣ всѣ мы надѣемся его увидѣть, когда наступитъ нашъ общій чередъ. Поцѣлуй, меня, папенька, въ доказательство, что ты помиришься съ Вальтеромъ, съ моимъ обожаемымъ супругомъ, съ отцомъ моего малютки. Вѣдь это онъ присовѣтовалъ мнѣ воротиться къ тебѣ, онъ, милый папа!

И когда она еще плотнѣе прижалась къ отцу, онъ поцѣловалъ ее въ губы и, поднявъ свои глаза, сказалъ:

– Прости меня, великій Боже! О, я слишкомъ, слишкомъ нуждаюсь въ твоей благодати!

Съ этими словами онъ опять опустилъ свою голову и рыдалъ, и стоналъ, и ласкалъ свою обрѣтенную дочь, и не слышно было во всемъ домѣ ни малѣйшаго звука долгое, долгое время. Они были заключены въ объятіяхъ другъ друга, и солнечный лучъ озарялъ ихъ своимъ благодатнымъ свѣтомъ.

Онъ одѣлся на скорую руку и машинально поплелся впередъ за своею путеводительницею, оглядываясь съ невольнымъ трепетомъ на комнату, въ которой онъ такъ долго былъ запертъ, и гдѣ въ послѣднее время онъ наблюдалъ въ зеркальномъ стеклѣ страшную фигуру. Они вышли въ коридоръ. Не останавливаясь и не оглядываясь, изъ опасенія пробудить неприятныя воспоминанія, Флоренса прильнула къ своему отцу, впиалась глазами въ его лицо, обхватила рукою его шею и поспѣшно вышла съ нимъ на улицу, гдѣ у подъѣзда ихъ дожидалась наемная карета.

Тогда миссъ Токсъ и Полли вышли из своей засады и предались необузданному восторгу. Затѣмъ онѣ принялись съ большимъ стараніемъ укладывать его книги, платья, бумаги и такъ далѣе, и все это въ тотъ же вечеръ по принадлежности отправили къ Флоренсѣ, которая прислала нарочнаго за вещами своего отца. Затѣмъ обѣ дамы въ послѣдній разъ усѣлись за чайный столъ въ опустѣвшемъ домѣ.

– Вотъ оно и вышло по моему. Неисповѣдимы судьбы твои, Господи! – воскликнула миссъ Токсъ, – кто бы могъ подумать, что отъ Домби и Сына останется только дочь!

– И прекрасная дочь! – воскликнула Полли.

– Справедливо, совершенно справедливо. Вы подружились съ ней еще тогда, какъ она была ребенкомъ, и это дѣлаетъ вамъ честь, любезная Полли. Иначе, впрочемъ, и не могло быть, потому что вы предобрѣйшая женщина. Робинъ!

Воззваніе относилось къ огромноголовому молодому человѣку, который сидѣлъ, забывшись въ отдаленный уголъ, принимая, по-видимому, довольно серьезное участіе въ судьбахъ дѣйствующихъ лицъ. Было ясно, что онъ не въ духъ и о чемъ-то горевалъ. Когда онъ выступилъ впередъ, передъ дамами во всей красотѣ явился благотворительный Точильщикъ.

– Робинъ, – сказала миссъ Токсъ, – я вотъ говорю, что мать-то твоя предобрѣйшая женщина. Слышалъ ты это?

– Слышалъ, сударыня, покорно васъ благодарю. Вы говорите истинную правду.

– Очень хорошо, Робинъ, – продолжала миссъ Токсъ, – я рада отъ тебя слышать эти вещи. Вотъ ты теперь, мой милый, будешь въ моемъ домѣ, и я съ охотой принимаю твои услуги для того единственно, чтобы пріучить тебя къ почтительности и разсудительности. Надѣюсь, Робинъ, ты будешь помнить, что у тебя есть и была всегда предобрѣйшая мать, и поэтому ты станешь вести себя такъ, чтобы служить утѣшеніемъ и отрадой, такъ ли?

– Такъ, сударыня, ей Богу, вы угадали мои собственныя мысли. Я, что называется, прошель сквозь огонь и воду, и если какой-нибудь парнюга...

– Стой, Робинъ! Никогда не произноси этого слова, замѣни его чѣмъ-нибудь другимъ.

– Покорно благодарю, сударыня. Я говорю, если какой-нибудь мальчуганъ...

– погоди, Робинъ, и это нехорошо. Говори: индивидуумъ.

– Индивидууй, сударыня?

– Ну да, это гораздо лучше. Читаешь ты книги, Робинъ?

– Никакъ нѣтъ, сударыня.

– Напрасно, мой другъ. Тебѣ надо пріучаться къ хорошему и благородному разговору, такъ какъ ты, я вижу, малый смышленный; а въ благородныхъ книгахъ, при порядочномъ разговорѣ, всегда употребляется слово: индивидуумъ. Замѣть это хорошенько.

– Слушаю, сударыня. Такъ я говорю: если какой инди...

– ... видуумъ, – подсказала миссъ Токсъ.

– ... видуй натерпѣлся разныхъ непріятностей и бѣдъ, такъ ужъ это конечно я, Робинъ Тудль. Я состоялъ въ услуженіи у человѣка, который употреблялъ меня для всякой всячины, и теперь я вижу, что эта всякая всячина основывалась на самомъ низкомъ прониырствѣ. Притомъ меня и прежде еще испортили разные индивидуи, съ которыми я гонялъ голубей. Однимъ словомъ, сударыня, общество у меня всегда было дурное.

– Тѣмъ больѣе ты долженъ благодарить Бога, что теперь попадешь въ хорошее общество, – замѣтила миссъ Токсъ.

– Я и благодарю, сударыня. Исправиться никогда не поздно, и я, съ своей стороны, употреблю всѣ силы, чтобы, при вашемъ содѣйствіи, сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Надѣюсь, въ скоромъ времени, и матушка, и батюшка, и братцы, и сестрицы увидятъ, какъ я ихъ люблю и душевно почитаю.

– Хорошо, мой другъ, хорошо. Очень рада отъ тебя слышать это. Теперь покушай немного хлѣбца съ масломъ и выпей съ нами чашечку чайку.

– Покорно благодарю, сударыня, – отвѣчалъ Точильщикъ, – и тотчасъ же принялся убирать съѣстные и питейные припасы съ завиднымъ аппетитомъ индивидуума, который нѣсколько дней состоялъ на самой строгой діетѣ.

Когда миссъ Токсъ нахлобучила черную шляпку и окуталась шалью, Робинъ обнялъ свою добрѣйшую мать и отправился за своей новой госпожей, къ неизъяснимому удовольствію Полли, у которой въ эту минуту завертѣлось и запрыгало въ глазахъ вдругъ нѣсколько индивидуевъ, представлявшихъ ея заблудшаго и обрѣтеннаго сына. Затѣмъ Полли загасила свѣчу, заперла наружную дверь, передала дворнику ключъ и скорыми шагами отправилась домой, восхищаясь заранѣе при мысли, какой чудный эффектъ произведетъ ея неожиданный приходъ въ обители желѣзнодорожнаго машиниста.

И опустѣлый чертогъ м-ра Домби, нѣмой и глухой ко всѣмъ страданіямъ и перемѣнамъ, которыя въ немъ происходили, стоялъ теперь на скучной улицѣ, подобно нахмуренному гиганту, и на челѣ его выставлялась грозная надпись: "Сей домъ продается и отдается внаймы".

Глава LX

Судьба – веревка

Около этого времени, благополучно и по все́мъ классическимъ формамъ, совершилось великое полугодичное торжество, которое по обычной синтетической методѣ устроили въ своемъ заведеніи д-ръ Блимберъ и м-съ Блимберъ. Молодые люди, имѣвшіе счастье получать образованіе подъ ихъ просвѣщеннымъ руководствомъ, благовременно, какъ и слѣдуетъ, получили литографированные билетки съ покорнѣйшей просьбой пожаловать въ такой-то день на вечерній балъ, который, по обыкновенію, откроется кадрилию въ половинѣ восьмого по полудни. Затѣмъ всѣ джентльмены, переполненные схоластическою мудростью, должны были развѣзжаться по домамъ, чинно и важно, не обнаруживая никакихъ слѣдовъ буйнаго веселья, свойственнаго невоспитанной черни. М-ръ Скеттльзъ регулярно каждый годъ отправлялся на каникулы за границу, чтобы придавать новую красу имени своего достопочтеннаго родителя сэра Барнета Скеттльза, который этимъ временемъ получилъ дипломатическое назначеніе при одномъ изъ иностранныхъ дворовъ, къ великому наслажденію своихъ степенныхъ земляковъ и даже землячекъ, бывшихъ въ необыкновенномъ восторгѣ отъ популярности сэра Барнета и супруги его, леди Скеттльзъ. М-ръ Тозеръ, молодой джентльменъ, статный и дородный, былъ теперь до того переполненъ классическою мудростью, что могъ, при случаѣ, не заикаясь пересчитать всѣ древнѣйшія, среднія и новѣйшія изданія Цицерона и Сенеки съ вариантами и аппендиксами и, ужъ само собою разумѣется, имѣлъ о современной Европѣ вообще и объ Англіи въ особенности такія же познанія, какъ природный римлянинъ времянь Траяна и Веспасіана. М-ръ Тозеръ имѣлъ похвальное обыкновеніе каждую фразу скрѣплять классической цитатой изъ любимаго писателя, и трудно было бы передать наивный восторгъ его сердобольныхъ родителей, не слышавшихъ подъ собою земли, когда ученый юноша лелѣялъ ихъ уши полнофсными гекзаметрами и ямбическими виршами самой звучной и темной натуры. Точно также нельзя изобразить тлѣннымъ перомъ тоскливой грусти батюшки и матушки бѣднаго м-ра Бриггса, познанія котораго походили на дорожный багажъ, уложенный такую неискусною рукою, что при случаѣ въ немъ нельзя было доискаться самой необходимой вещи. Вообще этотъ джентльменъ немного полакомился древодомъ классическаго знанія, и плоды, имъ собранные, были горьки и кислы. М-ръ Байтерстонъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ очень счастливъ, и, если сказать правду, едва ли не счастливѣе самого м-ра Бриггса: положенный подъ прессъ классическаго станка, онъ, съ необыкновенной быстротою, выдавливалъ изъ своего мозга самыя благовонныя испаренія, которыя однако съ такою же быстротою исчезали невозвратно, какъ скоро переставалъ на него дѣйствовать форсированный аппаратъ. Теперь м-ръ Байтерстонъ ѣхалъ въ Бенгалію, и можно было держать какое угодно пари, что морской воздухъ совершенно освѣжитъ его голову, и онъ, еще не доѣзжая до мѣста, рѣшительно забудетъ, что есть на свѣтѣ вещь, которую зовутъ латинской грамматикой.

– Милостивые государи! Наши лекціи имѣютъ теперь начаться въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, двадцать пятаго числа.

Эти слова д-ръ Блимберъ провозгласилъ утромъ того счастливаго дня, который долженъ былъ окончиться классическимъ баломъ. На этомъ, однако, сверхъ всякаго чаянія, д-ръ Блимберъ не остановился. Бросивъ на собраніе самодовольный классическій взоръ, онъ продолжалъ такимъ образомъ:

– Милостивые государи! Почтенный другъ нашъ Цинцинать, по достославномъ окончаніи военныхъ и гражданскихъ подвиговъ на службѣ отечеству, удалился изъ сената на свою скромную мызу съ тѣмъ, чтобы въ спокойствіи и мирѣ наслаждаться сельскими занятіями. Это вы знаете, милостивые государи! Равномѣрно вамъ небезызвѣстно, что Цинцинать, изъ среды гражданъ, не представилъ сенату ни одного римлянина, котораго онъ счелъ бы нужнымъ удо-

стоит титуломъ своего преемника. Но вотъ, милостивые государи, вотъ благородный римлянинъ, – говорилъ д-ръ Блимберъ, возложивъ руку на плечо Фидера, магистра всѣхъ искусствъ, – *adoles cens imprimis gravis et doctus*, мужъ, нарочито важный и ученый. Милостивые государи, будущія ваши занятія, какъ я сказалъ, начнутся въ слѣдующемъ мѣсяцѣ двадцать пятого числа, подъ наблюдениемъ м-ра Фидера, магистра всѣхъ искусствъ.

Эта рѣчь вообще принята была съ глубоко обдуманномъ классическомъ восторгомъ, и д-ръ Блимберъ, объяснившій напередъ свои распоряженія родителямъ благородныхъ питомцевъ, наслаждался эстетически и рационалистически въ эту счастливую минуту своей жизни. М-ръ Тозеръ преподнесъ доктору отъ лица всѣхъ массивную серебряную чернильницу, и это преподношеніе м-ръ Тозеръ сопровождалъ удивительно витіевою рѣчью, въ которой находилось пятнадцать цитатъ латинскихъ и семь греческихъ, съ весьма незначительною порціею англійскаго текста. Такая необычайная ученость президента возбудила во всѣхъ другихъ джентльменахъ очень непріятное чувство зависти и досады, и они основательно дѣлали по этому поводу замѣчанія вродѣ слѣдующихъ: – "О! а! видишь, какой выскочка этотъ старый Тозеръ! Изволилъ отличать на наши денежки! Развѣ мы для него собирали подписку-то? Кто его просилъ сочинять эту рѣчь? Такъ нѣтъ, пойду, дескать, на отличку. Какъ будто чернильница-то его! Покупай, пожалуй, на свои деньги, и говори хоть двадцать рѣчей!" – Множество и другихъ подобныхъ упрековъ сыпалось на краснорѣчиваго витію, и должно согласиться, на сколько всѣ эти упреки были справедливы, на столько же и остроумны.

Ни словами, ни намеками молодые джентльмены не были извѣщены о чемъ-нибудь вродѣ того, что въ скоромъ времени имѣеть совершиться бракосочетаніе Фидера, магистра всѣхъ искусствъ, съ прекрасною Корнеліею Блимберъ, единственною дочерію доктора всѣхъ наукъ. Д-ръ Блимберъ не преминулъ бы придти въ необычайное изумленіе, еслибы какой-нибудь дерзновенный заикнулся передъ нимъ объ этой матеріи. За всѣмъ тѣмъ молодые джентльмены постигали въ совершенствѣ настоящую субстанцію этого вульгарно-хозяйственнаго пункта, и потому, передъ отъѣздомъ къ своимъ роднымъ, они свидѣтельствовали м-ру Фидеру глубочайшее почтеніе и преданность.

Итакъ, романтическія грезы м-ра Фидера, во славу Юпитера и Аполлона, готовы были осуществиться на самомъ дѣлѣ. Достопочтенный содержатель классическаго заведенія рѣшилъ сдать свои дѣла и вмѣстѣ съ дѣлами прекрасную миссъ Корнелію Блимберъ, перестроивъ заново домъ и выкрасивъ его новой классической краской. Перестройка началась въ самый день отъѣзда молодыхъ джентльменовъ, а вотъ наступило, наконецъ, вѣнчальное утро, – и се лѣпообразная Корнелія, въ новыхъ синихъ очкахъ, готовится идти, яко горлица изъ отчаго дома, и шествовать съ подобающимъ триумфомъ къ алтарю гименея.

Д-ръ Блимберъ съ своими учеными ногами, и м-съ Блимберъ въ сиреновой шляпкѣ, и м-ръ Фидеръ, магистръ искусствъ, съ своими длинными щиколками и щетинистыми волосами, и братъ м-ра Фидера, Альфредъ Фидеръ, бакалавръ теологіи и философіи, готовившійся совершить бракосочетаніе, собрались въ гостиную и пребывали въ благоговѣйномъ самосозерцаніи. Черезъ нѣсколько минутъ величественно вошли Корнелія, очаровательная, какъ всегда, увѣнчанная померанцовыми цвѣтами и окруженная своими подругами. Торжественная тишина и классическое спокойствіе. Но вдругъ дверь отворилась, и подслѣповатый малый громкимъ глазомъ возопилъ:

– М-ръ и м-съ Тутсъ!

Немедленно за этой прокламаціей вошелъ м-ръ Тутсъ, значительно пополнѣвшій и потолстѣвшій, и подъ руку съ нимъ черноокая леди, очень недурная и весьма прилично одѣтая.

– М-съ Блимберъ, – сказалъ м-ръ Тутсъ, – позвольте вамъ представить мою жену.

М-съ Блимберъ была очень рада принять супругу м-ра Тутса. М-съ Блимберъ не отличалась большою снисходительностью, но была очень добра.

– И, так как вы меня знаете издавна, – говорил м-ръ Тутсъ, – то ужь заодно, позвольте васъ увѣрить, что моя супруга презамѣчательнѣйшая изъ всѣхъ возможныхъ жеищинъ.

– Милый! – возразила м-съ Тутсъ.

– То есть, я вамъ скажу, что именно такъ, – продолжалъ м-ръ Тутсъ, – увѣряю васъ, м-съ Блимберъ, она, что называется, самая экстраординарная женщина.

М-съ Тутсъ засмѣялась отъ полноты души, и м-съ Блимберъ подвела ее къ Корнеліи, которая въ эту же минуту не замедлила получить достодолжные комплименты отъ м-ра Тутса. Между тѣмъ д-ръ Блимберъ повторялъ:

– Bravo, Тутсъ, bravo! Вотъ и вы поклонникъ гименя и достойный гражданинъ. Bravo!

Раскланявшись такимъ образомъ съ незабвеннымъ начальникомъ, м-ръ Тутсъ поспѣшилъ къ м-ру Фидеру, стоявшему въ углубленіи окна. М-ръ Фидеръ, парившій отъ восторга на седьмомъ небѣ, залился громкимъ смѣхомъ.

– Вотъ оно какъ, старый буршъ! – говорилъ м-ръ Фидеръ, – вотъ какъ! Всѣ мы забрались на эмпирии вмѣсто Олимпа, не такъ ли?

– Фидеръ, – возразилъ Тутсъ, – поздравляю тебя! Если ты также блаженъ и счастливъ на порогѣ супружеской жизни, какъ я, то тебѣ нечего больше желать.

– Я, вотъ видишь, не забываю с_в_о_и_х_ь старыхъ друзей, – сказалъ м-ръ Фидеръ. – Я ихъ приглашаю на с_в_о_ю свадьбу. Вотъ что, любезный Тутсъ!

– Фидеръ, любезный другъ, – сказалъ Тутсъ, – было много обстоятельствъ, которыя мѣшали мнѣ вступить съ тобою въ сношенія до окончанія моей свадьбы. Наша свадьба происходила почти втихомолку, не было никого, кромѣ общаго нашего друга, который служить капитаномъ въ пол... право не знаю, въ какомъ полку, да это, разумѣется, все равно. Послѣ свадьбы я и м-съ Тутсъ, какъ водится, ѣздили за границу, и передъ этой поѣздкой я писалъ къ тебѣ обо всемъ, что случилось. Этого, говорю тебѣ, довольно для моихъ пріятелей, и добрый Фидеръ не обидится.

– Любезный Тутсъ, другъ ты мой сердечный, я вѣдь только пошутилъ, – сказалъ м-ръ Фидеръ, пожимая его руки.

– Фидеръ, я желалъ бы знать, что ты думаешь насчетъ моей женитьбы.

– Исполать тебѣ, Тутсъ! подцѣпилъ на славу!

– Спасибо, Фидеръ, да еще вотъ какая исторія: тебѣ никогда не узнать, что это за экстраординарная дама.

М-ръ Фидеръ изъявилъ желаніе освѣдомиться подробнѣе, но м-ръ Тутсъ отрицательно покачалъ головой.

– Короче, мой другъ, – сказалъ м-ръ Тутсъ, – какъ ты полагаешь, что мнѣ особенно было нужно въ моей женѣ?

М-ръ Фидеръ недоумѣвалъ.

– Деньги у меня есть, – продолжалъ Тутсъ, – не такъ ли?

– Денегъ у тебя куры не клюютъ, – пояснилъ м-ръ Фидеръ.

– Ладно, пріятель, ладно. Ну а насчетъ мозгу-то какія у тебя понятія? То есть, я хочу знать, есть ли у меня мозгъ?

– Вдоволь и мозгу, – отвѣчалъ м-ръ Фидеръ.

– Ну, оно можетъ и вдоволь, да только проку-то въ немъ нѣтъ. Ума-то, видишь ты, не хватаетъ въ немъ малую толику. Короче сказать, подъ этимъ черепомъ слишкомъ мало здраваго смысла, любезный другъ, – заключилъ м-ръ Тутсъ, ударивъ себя по лбу.

– Вотъ и неправда, пріятель. Ты всегда отличался здравымъ смысломъ, въ этомъ я готовъ увѣрять всѣхъ.

– Полно, Фидеръ, ни слова больше. Я себя отлично понимаю и всегда готовъ признаться, что голова моя довольно таки пуста. Ну, а зато моя жена... то есть, я тебѣ скажу, преобширнѣйшая палата ума и здраваго смысла. Родственниковъ у меня, ты знаешь, нѣтъ никакихъ, и, стало

быть, ни съ чьей стороны я не встрѣтилъ препятствій. Совѣтоваться ни съ кѣмъ я не хотѣлъ. Можно было, пожалуй, поговорить объ этомъ съ моимъ старымъ опекуномъ, но ты знаешь, Фидеръ, вѣдь опекунъ-то этотъ хуже корсара, стало быть, нечего было и спрашивать его.

– Конечно, конечно, – подтвердилъ м-ръ Фидеръ.

– И выходитъ, любезный, что я дѣйствовалъ по собственной своей волѣ. То есть, я тебѣ скажу, я не могу нарадоваться, что никто въ ту пору не перекошилъ моей дороги. Послушай, Фидеръ, только я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ могу судить о необыкновенныхъ способностяхъ своей жены. Если когда-нибудь англійскія женщины вздумаютъ вступить за свои права, то ужъ наше почтеніе, безъ моей жены имъ ничего не сдѣлать, тогда какъ съ ея могучимъ и крѣпкимъ умомъ онѣ сломятъ хоть кого. Сусанна, не надсажайся, моя милая! – круто заключилъ м-ръ Тутсъ, выставляясь изъ-за гардинъ.

– Ничего, мой другъ, я только разговариваю, – отвѣчала м-съ Тутсъ.

– Но тебѣ надобно остерегаться, мой ангель, – сказала м-ръ Тутсъ. – Къ чему ты такъ надсажаешься? Она, видите ли, ужасно горяча, – говорилъ Тутсъ, обращаясь къ м-съ Блимберъ, – и какъ скоро одушевится, медицинскіе совѣты ей ни по чемъ.

М-съ Блимберъ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, распространилась насчетъ необходимости буквально выполнять предписанія врачей, но въ эту минуту м-ръ Фидеръ подаль ей руку и привелъ къ длинному ряду каретъ, готовыхъ ѣхать къ церкви. Д-ръ Блимберъ провожалъ м-съ Тутсъ. М-ръ Тутсъ провожалъ прекрасную невѣсту, вокругъ которой порхали, какъ мотыльки, двѣ газовыя дѣвушки, ея вѣнчальныя подруги. Братъ м-ра Фидера, бакалавръ теологии и философіи, отправился немного раньше, чтобы приготовиться заранѣе къ совершенію священнослуженія.

Все окончилось благополучно, и торжество сопровождалось отмѣннымъ великолѣпіемъ. Корнелія, въ своихъ синихъ очкахъ и маленькихъ кудряхъ, выступила чинно и важно, какъ юная пава, и д-ръ Блимберъ вручилъ ее, какъ человѣкъ, заранѣе совершенно обдумавшій всѣ стороны великаго дѣла. Газовыя дѣвушки волновались, по-видимому, больше всѣхъ. М-съ Блимберъ тоже была растрогана, но весьма немного. При выходѣ изъ церкви, м-съ Блимберъ замѣтила Альфреду Фидеру, что теперь ей остается только познакомиться и поговорить съ Маркомъ Туллиемъ Цицерономъ въ его прелестномъ тускуланумѣ, и она спокойно закроетъ глаза, ибо тогда свершатся всѣ желанія ея счастливой жизни.

Затѣмъ для немногихъ гостей былъ сервированъ завтракъ, великолѣпный, классическій завтракъ. М-ръ Фидеръ былъ чрезвычайно изворотливъ и веселъ, и его остроуміе до такой степени подѣйствовало на впечатлительную душу м-съ Тутсъ, что почтенный ея супругъ не разъ принужденъ былъ дѣлать черезъ столъ энергичныя замѣчанія: "Сусанна, дружокъ мой, не надсажайся, сдѣлай милость!" При окончаніи завтрака, м-ръ Тутсъ, несмотря на телеграфическіе сигналы своей супруги, счелъ съ своей стороны иеизбѣжно необходимымъ произнести приличную рѣчь, которая могла бы достойнымъ образомъ завершить великолѣпное торжество. Для этой цѣли м-ръ Тутсъ поднялся на ноги и началъ такъ:

"Прошло много лѣтъ, какъ въ этомъ домѣ удручались... ничего, собственно говоря... я хотѣлъ кое-что замѣтить насчетъ умственной пытки, или, такъ сказать, ломанья головы; но это – вздоръ, тринь-трава... я никого не обвиняю. Я былъ почти свой у Блимбера въ семействѣ и даже цѣлый годъ имѣлъ въ учебной комнатѣ свою собственную конторку, за которой упражнялся... но это не идетъ къ настоящему дѣлу. Въ настоящій торжественный день другъ мой Фидеръ... Фидеръ...

– Сочетался бракомъ, – подсказала м-съ Тутсъ.

"При этомъ, леди и джентльмены, не лишнимъ считаю замѣтить, что моя жена – самая экстраординарная изъ всѣхъ возможныхъ женщинъ, и если бы теперь на моемъ мѣстѣ говорила она, нѣтъ сомнѣнія, ея рѣчь, что называется... ну, разумѣется, вы понимаете, что она, точно

такъ же, какъ и я, или, такъ сказать, я вмѣстѣ съ нею не могу допустить, чтобы другъ мой Фидеръ, сочетавшійся бракомъ... бракомъ...

– Съ миссъ Блимберъ, – подсказала м-съ Тутсъ.

– Нѣтъ, мой ангель, съ м-съ Фидеръ, – возразилъ м-ръ Тутсъ, дѣлая коротенькое отступление въ пользу своей супруги. – Итакъ, леди и джентльмены, моя мысль, собственно, та, что: "Ихъ же соедини..."

– Богъ соединилъ, – поправила Сусанна.

– Вотъ это такъ, душенька, совершенно такъ. – "Ихъ же Богъ соединилъ, человекъ да не разлучаетъ". Слѣдовательно, въ настоящую минуту, я никакъ не могу допустить, чтобы другъ мой Фидеръ, сочетавшійся законнымъ бракомъ съ м-съ Фидеръ, не позволилъ мнѣ... что называется... предложить тосты за ихъ здоровье. Итакъ, да горитъ факель гименея, подобно радостному маяку, и да будутъ цвѣты, разсыпанные нами сегодня на ихъ торжественной стезѣ, да будутъ, говорю, сии цвѣты разрушителями и... и... и, что называется, сокрушителями мрака!

Дръ Блимберъ, отличный знатокъ метафоръ и фигуръ, удостоилъ милостивымъ одобрениемъ витиеватую рѣчь своего бывшего питомца и, потирая руки, сказалъ:

– Очень хорошо, Тутсъ! Право, Тутсъ, очень хорошо!

Затѣмъ м-ръ Фидеръ произнесъ въ отвѣтъ комическую рѣчь, проникнутую весьма замѣчательнымъ юморомъ. Альфредъ Фидеръ, бакалавръ теологіи и философіи, благоволилъ изъяснить въ приличномъ тонѣ душевный восторгъ по поводу вождельннаго родства съ почтенной фамиліей Блимберъ. Затѣмъ д-ръ Блимберъ звучнымъ голосомъ изложилъ нѣсколько афоризмовъ и сентенцій въ легкомъ пастушескомъ стилѣ, относительно камышей, цвѣтовъ и пчелъ, которыми отнынѣ онъ и его супруга будутъ окружены въ своей сельской, пастушеской хижинѣ. Вскорѣ послѣ того глаза у д-ра Блимбера запрыгали весьма оригинальнымъ образомъ. Скромная м-съ Блимберъ поспѣшила распустить собраніе и немедленно, куда слѣдуетъ, отправила въ каретѣ свою дочку съ другомъ ея сердца.

М-ръ и м-съ Тутсъ удалились въ Бедфордъ, гдѣ м-съ Тутсъ проживала въ бывалое время подъ своимъ старымъ дѣвичьимъ именемъ Сусанны Нипперъ Выжиги. Здѣсь имъ подали письмо, которое м-ръ Тутсъ читалъ, вертѣлъ, перечитывалъ и перевертывалъ до того, что его супруга рѣшительно испугалась.

– Сусанна, дружокъ мой, – сказалъ м-ръ Тутсъ, – испугъ еще гораздо хуже надсады. Успокойся, сдѣлай милость.

– Отъ кого письмо? – спросила м-съ Тутсъ.

– Отъ капитана Куттля, мой ангель. Пожалуйста, не горячись. Лейтенанта Вальтера и миссъ Домби ожидаютъ съ часу на часъ.

– О нѣтъ, мой милый, не старайся меня обмануть, – съ живостью возразила м-съ Тутсъ, быстро вскочивъ съ своего мѣста. – Вижу по твоимъ глазамъ, что они уже пріѣхали, не такъ ли?

– Поди вотъ и проводи ее! – воскликнулъ м-ръ Тутсъ въ порывѣ глубочайшаго изумленія. – Ты угадала, мой ангель, они уже въ Лондонѣ. Миссъ Домби видѣлась съ отцомъ, и они помирились.

– Помирились! – вскричала Сусанна, хлопая руками.

– Сусанна, другъ ты мой милый, сдѣлай милость, не надсажайся. Развѣ забыла, что говорилъ докторъ? Капитанъ Гильсъ пишетъ... то есть, онъ этого прямо не говоритъ, но я догадываюсь... что миссъ Домби перевезла своего отца изъ стараго дома на квартиру, гдѣ они живутъ съ лейтенантомъ Вальтеромъ. М-ръ Домби ужасно боленъ, чуть ли не при смерти, и миссъ Домби не отходитъ отъ его постели.

М-съ Тутсъ заплакала навзрыдь.

– Сусанна, радость моя, припомни, сдѣлай милость, что говорилъ докторъ. Ну, если не можешь припомнить, такъ и быть, это ничего, да все-таки плакать-то не нужно.

М-сь Тутсъ оправилась быстро и еще быстрее подскочила къ своему супругу, заклиная его всѣмъ святымъ отправить ее немедленно къ ея безцѣнной горлинкѣ, къ ея сизой голубушкѣ, и м-ръ Тутсъ былъ далеко не такой человекъ, чтобы оставаться хладнокровнымъ къ этимъ энергичнымъ проявленіямъ женственного сердца. Немедленно они согласились ѣхать вмѣстѣ и представить собственныя особы въ отвѣтъ на капитанское письмо.

Теперь, по неисповѣдимымъ судьбамъ всеильнаго рока, оказалось такъ, что въ этотъ чреватый событіями день самъ капитанъ Куттль принималъ весьма дѣятельное участіе въ одномъ свадебномъ поѣздѣ, гдѣ онъ былъ дополнительнымъ, впрочемъ, довольно важнымъ, дѣйствующимъ лицомъ. Это произошло совершенно случайнымъ образомъ, вотъ какъ:

Повидавшись съ Флоренсой и взглянувъ съ невыразимымъ наслажденіемъ на ея ребенка, капитанъ, послѣ продолжительныхъ разговоровъ и совѣщаній съ Вальтеромъ Гэемъ, вышелъ погулять. Капитанъ шагаль медленно, съ разстановкой и понутивъ лощеную шляпу, но какъ только передъ умственнымъ его взоромъ являлся младенецъ Флоренсы, въ одно мгновеніе онъ весь съ головы до ногъ проникался самымъ эксцентричнымъ восторгомъ, смѣялся на всю улицу и высоко бросаль надъ головой свою лощеную шляпу, къ назиданію любопытныхъ пѣшеходовъ, которые останавливались невольно, чтобы полюбоваться, съ какою ловкостью помѣшанный чудакъ ловить на воздухѣ свой головной уборъ. Быстрыя перемѣны свѣта и тѣни, которымъ подвергали капитана эти два противорѣчащихъ предмета глубокой думы, чрезвычайно расшевелили его жизненную дѣятельность, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже выступаль самымъ скорымъ шагомъ, увѣренный, что вотъ теперь-то именно ему надобно погулять да погулять. Увлекаемый всеильнымъ вліяніемъ рока, капитанъ, самъ не зная какъ, выбраль мѣстомъ для этой прогулки свой старый кварталъ, куда, внизъ по теченію Темзы, и направились его шаги мимо корабельныхъ мачтъ, весель, блоковъ, смоляныхъ бочекъ, доковъ, каналовъ, всякихъ мостовъ и такъ далѣе, все по направленію къ Корабельной площади.

Всѣ эти любопытные предметы, со включеніемъ каланчей и пожарныхъ трубъ, имѣли на капитана такое успокоительное дѣйствіе, что онъ мало-по-малу пришелъ совершенно въ нормальное состояніе и уже затянулъ, для препровожденія времени, отрывокъ изъ баллады "О любовныхъ похожденияхъ Пегги", какъ вдругъ, при поворотѣ за уголъ, онъ, совершенно неожиданно, наткнулся на триумфальную процессію, которая шла прямо на него. Капитанъ обомлѣлъ.

Во главѣ процессіи... да, да, капитанъ не ошибался... была безпardonная м-сь Макъ Стингеръ, и на челѣ м-сь Макъ Стингеръ явственными знаками была вычеканена самая неумолимая рѣшимость. На ея лонѣ возлежали массивные серебряные часы, принадлежащія – можете вообразить! – командиру Бенсби, ея шея была украшена длинною-предлинною бронзовою цѣпью. Эту даму вель подъ руку не кто другой, какъ самъ Бенсби, командиръ "Осторожной Клары", и лицо этого мудреца – можете представить! – было проникнуто совершеннымъ отчаяніемъ, какъ будто онъ попался къ дикимъ на неизвѣстный островъ, и его того и гляди изжарять на мелкомъ огнѣ. За ними веселымъ хоромъ выступали маленькіе Макъ Стингеры, прискакивая и припрыгивая отъ полноты душевнаго восторга. За ними двѣ старыя леди, угрюмыя и черствыя, вели подъ руку коротенькаго джентльмена въ высокой шляпѣ. Процессію заключаль вертлявый юнга съ корабля Бенсби съ двумя огромными зонтиками подъ мышкой. Все, казалось, было устроено по обдуманному плану, и одинъ взглядъ на расфранченную компанію, независимо отъ безпardonной неустрашимости дамъ, достаточно убѣдилъ капитана Куттля, что это была процессія роковая, убійственная, и что обреченной жертвой былъ не кто иной, какъ самъ командиръ "Осторожной Клары".

Первымъ побужденіемъ капитана было – бѣжать со всѣхъ ногъ и безъ оглядки. Это же, казалось, было первымъ побужденіемъ и Бенсби; но вдругъ компанія огласила радостнымъ крикомъ нечаяннаго свиданія, и Александръ Макъ Стингеръ подбѣжалъ къ капитану съ раскрытыми объятіями. Куттль приросъ къ землѣ.

– Вѣдь вотъ, подумаешь, человѣкъ съ человѣкомъ не то, что гора съ горой, всегда какъ-нибудь да столкнутся, – начала м-съ Макъ Стингеръ. – Здравствуйте, капитанъ! Какъ вы живете-можете? Я уже на васъ давно не сержусь, к_е_п_т_е_н_ь Куттель, и, право, нечего вамъ меня робѣть. Я иду къ Божьему алтарю, и надѣюсь, вы поймете, въ эту минуту я простила всѣмъ своимъ лиходѣямъ. – Мой с_у_п_р_у_г_ь, к_е_п_т_е_н_ь Куттель! – заключила м-съ Макъ Стингеръ, указывая на обреченную жертву.

Безталанный Бенсби не смотрѣлъ ни на невѣсту, ни на друга, но его отчаянное око устремлено было въ безпредѣльный горизонтъ и не останавливалось ни на какомъ предметѣ въ особенности. Когда капитанъ протянулъ руку, Бенсби машинально протянулъ и свою, но ни слова не сказалъ въ отвѣтъ на дружеское привѣтствіе Куттля.

– Если вы, такъ же какъ и я, отложили вашу закоснѣлую вражду, – сказала м-съ Макъ Стингеръ, – и хотите при такомъ торжественномъ случаѣ быть полезнымъ вашему единственному другу, то мы, к_е_п_т_е_н_ь Куттль, готовы съ удовольствіемъ причислить васъ къ нашему обществу. Идите съ нами въ часовню. Вотъ эта леди, рекомендую, моя свадебная подруга и она съ удовольствіемъ принимаетъ покровительство капитана Куттля, – заключила м-съ Макъ Стингеръ, указывая на одну изъ храбрыхъ дамъ.

Капитанъ повиновался. Онъ сначала струсиль собственно за свою неприкосновенную личность, подозрѣвая злой умыселъ женить его самого на м-съ Макъ Стингеръ; но, какъ разсудительный человѣкъ, онъ своевременно припомнилъ, что въ этихъ случаяхъ рѣшается судьба человѣка утвердительно въ отвѣтъ на вопросъ пастора: – "Согласенъ ли" и потому въ критическихъ обстоятельствахъ онъ заранѣе рѣшился отвѣчать безъ околичностей: "Не хочу". Мало-по-малу это подозрѣніе, какъ ни на чемъ не основанное, совершенно исчезло, и добрый капитанъ уже исключительно боялся за командира "Осторожной Клары", до того боялся, что холодный потъ началъ пробиваться крупными каплями съ его чела, и онъ нѣкоторое время былъ рѣшительно неспособенъ внимать бойкимъ рѣчамъ своей прекрасной дамы. Успокоившись нѣсколько отъ душевной тревоги, капитанъ узналъ, что его леди – вдова нѣкоего м-ра Бокума, служившаго при таможенѣ, что она, м-съ Бокумъ – закадычная пріятельница м-съ Макъ Стинеръ, которую любить и уважаетъ, какъ совершеннѣйшую представительницу прекраснаго пола, далѣе, что она частенько слыхала о капитанѣ Куттлѣ и надѣется, что теперь почтенный капитанъ, безъ сомнѣнія, оставилъ свою прежнюю одинокую жизнь; далѣе, что м-ръ Бенсби удостоивается теперь небеснаго благословенія, которое, впрочемъ, онъ едва ли оцѣнитъ надлежащимъ манеромъ, такъ какъ мужчины вообще народъ вѣтрениый, и прочее, и прочее.

Капитанъ Куттль очень явственно замѣтилъ, что м-съ Бокумъ во все это время не спускала глазъ съ жениха, и всякій разъ, какъ свадебное общество проходило черезъ какой-нибудь сквозной дворъ или узкій переулокъ, представлявшій благопріятные случаи къ побѣгу, она вытягивалась во весь ростъ и ускоряла шаги, изъясняя очевидную готовность въ случаѣ надобности задержать дезертира на первыхъ порахъ. Другая леди, такъ же какъ и ея супругъ, коротенькій джентльменъ въ высокой шляпѣ, держали, съ своей стороны, ухо остро и слѣдовали по пятамъ обреченной жертвы; притомъ, сама м-съ Макъ Стингеръ до того завладѣла командиромъ "Осторожной Клары", что всякая мысль о спасеніи посредствомъ бѣгства становилась рѣшительно невозможною. Всѣ эти штуки были очевидны даже для праздношатающихся уличныхъ зѣвакъ, и они очень весело подтрунивали надъ храброй невѣстой, сопровождая весь коротежъ крикомъ и гвалтомъ. М-съ Макъ Стингеръ была убійственно равнодушна ко всему, а женихъ ея утратилъ, по-видимому, всякое сознание.

Капитанъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ передать философу свои мысли односложными звуками и сигналами, но безъ всякаго успѣха, такъ какъ подвижная гвардія слѣдила за каждымъ движеніемъ. Да и трудно было въ какое бы то ни было время пробудить вниманіе командира "Осторожной Клары", ибо онъ не имѣлъ привычки всматриваться въ ближайшіе предметы. Такимъ образомъ, они благополучно прибыли въ часовню, помѣщавшуюся въ довольно опрят-

номъ зданіи, которое недавно нанялъ достопочтенный Мельхиседекъ Гоулеръ, ярый представитель секты рентеровъ.

Между тѣмъ какъ достопочтенный Мельхиседекъ, ломаясь и кривляясь на каедрѣ, импровизировалъ ученое слово, соотвѣтствующее важности случая, капитанъ воспользовался удобнымъ случаемъ присосѣдиться къ самому уху командира "Осторожной Клары".

– Дружище, – сказалъ онъ, – какъ идутъ дѣла?

– Прескверно! – отвѣчалъ м-ръ Бенсби, совершенно забывъ о присутствіи достопочтеннаго Мельхиседека, что, натурально, могло быть извинено только отчаяннымъ положеніемъ, въ какомъ онъ находился.

– Бенсби, – шепталъ капитанъ, – по своей ли ты волѣ на этомъ мѣстѣ?

М-ръ Бенсби отвѣчалъ: "Нѣтъ!"

– Такъ зачѣмъ же ты причалилъ сюда, другъ ты мой, Бенсби? – спросилъ капитанъ неестественнымъ голосомъ.

Бенсби, теперь, какъ и всегда, смотрѣвшій съ неподвижнымъ лицомъ на противоположный конецъ міра, не далъ никакого отвѣта.

– Отчалимъ, любезный! – сказалъ капитанъ.

– Что толку? – возразилъ удрученный мудрецъ. – Она меня настигнетъ у самыхъ полюсовъ.

– Ну да попытайся, любезный. Ободришь, и маршь налѣво кругомъ. Еще есть время. Ну же, ну! Отчаливай Бенсби!

Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться благимъ совѣтомъ, Бенсби пробормоталъ болѣзненнымъ шепотомъ:

– Все это началось съ твоего проклятаго сундука.

– Эхъ, окаянная баба! Подцѣпитъ челоуѣка съ твоими убѣжденіями!

М-ръ Бенсби испустилъ подавленный вздохъ.

– Ну же, любезный! – говорилъ капитанъ, толкая его локтемъ. – Пора! отчаливай живѣи, а я прикрою тебя сзади. Время летитъ. Бенсби, утекай! Вѣдь дѣло объ избавленіи, другъ ты мой милый! Ну, хочешь – разъ!

Бенсби оставался неподвиженъ.

– Да, слушай же команды, Бенсби! два!

Бенсби не шевелился.

– Объ избавленіи идетъ дѣло! Слушай, вотъ тебѣ, три! Ну, ну, утекай! Теперь или никогда!

Однимъ изъ самыхъ страшныхъ обстоятельствъ этой церемоніи для капитана Куттля было необыкновенное участіе, которое принимала въ ней миссъ Юліана Макъ Стингеръ, вылитый портретикъ своей матушки. Она, по-видимому, сосредоточила всѣ свои способности на томъ, что совершалось передъ ея глазами, и капитанъ, съ замираніемъ сердца, видѣлъ въ ней плодovitый зародышъ безконечныхъ западней и ловушекъ, которыя, иостоянно, въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній, на Корабельной площади разставлены для честныхъ моряковъ, лишенныхъ всякой способности защищать свою личность противъ сухопутнаго коварства. Зрѣлище поразительное и даже экстраординарное въ своемъ родѣ, ибо миссъ Юліана Макъ Стингеръ затмевала собой и м-съ Бокумъ съ ея желѣзной волей, и коротенькаго джентльмена съ его высокой шляпой, и даже самое Макъ Стингеръ съ ея отчаянной и свирѣпой непреклонностью. Маленькіе Макъ Стингеры весьма не много смыслили въ этихъ дѣлахъ, и главнѣйшимъ ихъ увеселеніемъ, въ продолженіе церемоніи, было – путешествовать по ногамъ джентльменовъ; но зато тѣмъ поразительнѣе выставлялся контрастъ этихъ невинныхъ малютокъ съ миссъ Юліаной, воплощавшей въ себѣ будущую безпardonную даму со всѣми ея принадлежностями. "Какихъ-нибудь два, три года, – думалъ капитанъ, – и горе несчастному, который вздумаетъ пріютиться подъ одною кровлею съ этой дѣвицей".

Церемонія закончилась шумнымъ ликованіемъ юныхъ птенцовъ благопріобрѣтенной семьи м-ра Бенсби, которые всѣ бросились на шею къ милому папашѣ и просили у него деньженокъ на бонбошки. Когда кончились эти изліянія нѣжнѣйшихъ, трогательныхъ чувствъ, процессія готова была выступить изъ церкви, но, вдругъ, на нѣкоторое время, ее пріостановилъ неожиданный вопль со стороны Александра Макъ Стингера. Этотъ милый птенецъ, взглянувъ на могильные памятники подлѣ часовни, ни съ того ни съ сего забралъ себѣ въ голову, что его маменьку хотятъ зарыть въ свѣжей могилѣ, и она съ нимъ распрощается навсегда. На этомъ законномъ основаніи онъ завизжалъ съ изумительной силой, и его младенческое личико даже почернѣло отъ надрыва. Но какъ ни были трогательны эти умиленные знаки сыновней любви, маменька его была отнюдь не такая дама, чтобы позволить въ своемъ присутствіи выказывать подобную слабость. Послѣ бесполезныхъ попытокъ образумить малютку подзатыльниками и щелчками, она выволокла его на свѣжій воздухъ, поставила на мостовую, и вскорѣ свадебная компанія имѣла удовольствіе слышать громкіе аплодисменты, которые раздавались по спинѣ и плечамъ юнаго Александра.

Когда все пришло въ стройный порядокъ, процессія, съ приличнымъ торжествомъ, двинулась опять на Корабельную площадь, при громкихъ свисткахъ и рукоплесканіяхъ празднующихся зѣвакъ, которые, скидывая шляпы, униженно кланялись м-ру Бенсби и поздравляли его съ благополучнымъ пріобрѣтеніемъ красавицы. Капитанъ проводилъ компанію до дверей девятаго номера, но дальше идти не хотѣлъ, несмотря на великолѣпный пиръ, который былъ приготовленъ для счастливыхъ гостей. Во-первыхъ, м-съ Бокумъ, свободная теперь отъ исполненія своей трудной обязанности – плѣнникъ натурально вырваться бы не могъ – обратила все свое вниманіе на капитана и засыпала его отчаянными любезностями, а, во-вторыхъ, честный капитанъ слишкомъ мучился угрызеніями совѣсти при мысли, что онъ самъ нѣкоторымъ образомъ завелъ своего пріятели въ эту западню, хотя, конечно, ему никакъ не могло придти въ голову, чтобы мудрый Бенсби, совершеннѣйшій знатокъ человѣческой природы, допустилъ такимъ образомъ опутать себя. Поэтому капитанъ, не входя въ брачный домъ, учтиво раскланялся съ своей дамой и отправился назадъ, обѣщая, впрочемъ, воротиться опять не позже, какъ часа черезъ два.

Капитанъ усталъ, растерялся, былъ взволнованъ, но ему, однако, ничего не стоило въ этотъ же день завернуть на часокъ къ м-ру Домби, хотя квартира этого джентльмена была теперь за городомъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ лондонскихъ предмѣстій. Туда онъ и направилъ свои шаги, не заходя даже къ старику Соломону въ предѣлы деревяннаго мичмана.

Сторы были опущены, и въ домѣ была такая тишина, что капитанъ сначала не рѣшался постучаться въ дверь; но скоро, почти надъ самымъ ухомъ, раздались голоса, и когда онъ постучался, м-ръ Тутсъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Въ самомъ дѣлѣ, м-ръ Тутсъ и его супруга были уже здѣсь.

Тотчасъ же по прибытіи въ этотъ домъ, миссъ Тутсъ схватила на руки чьего-то ребенка, усѣлась съ нимъ на ступени лѣстницы и принялась его лелѣять, цѣловать, миловать и нянчить съ необыкновеннымъ, истинно-материнскимъ восторгомъ. Флоренса была тутъ же съ потупленною головою, и трудно было сказать, кто былъ милѣе для м-съ Тутсъ, мать или ребенокъ, или кто изъ нихъ былъ нѣжнѣе, Флоренса къ м-съ Тутсъ или м-съ Тутсъ къ Флоренсѣ, или обѣ онѣ къ невинному младенцу.

– Папенька вашъ очень боленъ, душечка миссъ Флой? – спросила Сусанна.

– Очень, очень боленъ, – сказала Флоренса. – Сусанна, другъ мой, пожалуйста, не называйте меня моимъ старымъ именемъ. А это что? – воскликнула Флоренса, бросивъ изумленный взглядъ на ея костюмъ. – Старое платье, моя милая? старая шляпка, букли, все старое?

Сусанна залилась слезами и покрыла поцѣлуями маленькую ручку своей безцѣнной, несравненной горлинки, миссъ Флой.

– Позвольте вамъ объяснить, въ чемъ дѣло, милая миссъ Домби, – сказала м-ръ Тутсъ, выступая впередъ. – Моя жена, что называется, самая экстраординарная дама, и ужъ я право не знаю, кто можетъ сравниться съ ней въ этомъ отношеніи. Еще прежде, чѣмъ вы обвѣнчались, да и послѣ, она говорила тысячу разъ, что, когда бы вы ни воротились домой, она будетъ приходить къ вамъ не иначе, какъ въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ вы привыкли ее видѣть. Она, видите ли, боится, какъ бы вы не стали меньше ее любить, если она перемѣнитъ свой костюмъ. Да и то сказать, это платье къ ней отлично идетъ, и я ее обожаю въ немъ. Милая миссъ Домби, пусть она будетъ опять вашей горничной, нянькой, всѣмъ, чѣмъ была прежде, какъ будто въ ея жизни не случилось никакихъ перемѣнъ. Да только вотъ что, Сусанна, – заключилъ м-ръ Тутсъ, говорившій съ большимъ одушевленіемъ и чувствомъ, – объ одномъ прошу тебя, мой ангелъ, помни, сдѣлай милость, докторскій совѣтъ, и не надсажайся слишкомъ много!

Глава LXI Кузень Фениксъ

Слишкомъ нуждалась въ посторонней помощи Флоренса Гэй, и присутствіе въ ея домѣ старой подруги было для нея безцѣнной отрадой. Ея отецъ былъ боленъ. Смерть стояла у его изголовья. Потрясенный страшными воспоминаніями прошедшей жизни, старикъ не выдержалъ разнородныхъ ощущеній и въ самый день пріѣзда въ домъ своей дочери слегъ въ постель. Съ этой поры м-ръ Домби не поднималъ головы, и съ этой же поры руки Флоренсы были постоянно къ его услугамъ.

Она всегда была съ нимъ, и онъ всегда ее узнавалъ, хотя нерѣдко, томимый бредомъ, путалъ обстоятельства, при которыхъ съ нею говорилъ. Такъ иной разъ ему казалось, будто его сынъ только что умеръ, и онъ говорилъ, будто видѣлъ, какъ его маленькая дочь, не смыкая глазокъ, день и ночь покоила и лелѣяла умирающаго ребенка. Видѣлъ это м-ръ Домби и стоналъ, и плакалъ навзрыдь, и прижималъ къ подушкѣ свою несчастную голову. Иногда онъ къ ней самой обращался съ вопросомъ:

– Гдѣ Флоренса?

– Я здѣсь, папенька, здѣсь я.

– Я не знаю ея, – вопилъ измученный старикъ. – Мы такъ давно разстались, что я не узнаю моего собственнаго дѣтища!

И Флоренсѣ стоило большихъ трудовъ успокаивать взволнованнаго старика и осушать его слезы. Случалось, м-ръ Домби цѣлые часы бредилъ своими старыми торговыми предпріятіями, и Флоренса въ такихъ случаяхъ обыкновенно теряла изъ виду нить его размышленій. Онъ повторялъ наивный вопросъ своего сына младенца: "Что такое деньги?" и размышлялъ, и обдумывалъ, и рассуждалъ съ самимъ собою болѣе или менѣе связно, пріискивая основательный отвѣтъ, какъ будто до той минуты никогда никто не спрашивалъ его объ этой важной статьѣ. Затѣмъ, продолжая вдумываться, онъ двадцать тысячъ разъ повторялъ титуль своей старинной фирмы и при каждомъ разѣ повертывалъ на подушкѣ свою усталую голову. Случалось также, онъ считалъ своихъ дѣтей – разъ – два – стой; разъ – два – стой, и повторялъ эту прогрессию до безконечности.

Но все это происходило при особенно угнетенномъ состояніи его духа. Во всѣхъ другихъ фазахъ своей болѣзни онъ постоянно обращался къ Флоренсѣ; онъ припоминалъ ту ночь, когда Флоренса приходила въ его кабинетъ, воображалъ, что его сердце сокрушилось отъ тоски, что онъ пошелъ за нею слѣдомъ и бесполезно отыскиваетъ ее въ пустыхъ и разоренныхъ комнатахъ огромнаго дома. Смѣшивая это время съ послѣдними днями своей дикой и отчужденной жизни, онъ дивился безчисленнымъ слѣдамъ человѣческихъ ногъ и старался между ними разглядѣть поступь своей дочери. Вдругъ, мерещились ему въ зеркалахъ какія-то страшныя картины дикихъ людей съ орудіями смерти на груди. Затѣмъ виднѣлся слѣдъ Флоренсы. Вотъ она подходитъ ближе и ближе, и м-ръ Домби снова начинаетъ считать слѣды, взбираясь на верхушку какойто огромной башни съ безчисленными билліонами ступеней.

Однажды м-ръ Домби спросилъ, не слышалъ ли онъ на этихъ дняхъ голоса Сусанны.

– Да, папенька, Сусанна здѣсь. Угодно вамъ ее видѣть?

М-ръ Домби отвѣчалъ, что очень угодно, и Сусанна, не безъ нѣкотораго страха, явилась у его постели.

Взглядъ на эту особу, казалось, доставилъ ему большое удовольствіе, и онъ просилъ ее не уходить.

– Прощаю васъ, мой другъ, за все и во всемя, – говорилъ м-ръ Домби, очевидно, еще не знавшій блистательной переменъ въ судьбѣ этой дѣвицы. – Оставайтесь съ нами. Флоренса и я совсѣмъ переменились, и мы очень счастливы.

И говоря это, м-ръ Домби цѣловаль маленькую головку, лежавшую на подушкѣ подлѣ него.

Такъ продолжалось нѣсколько недѣль. М-ръ Домби представляль на своей постели слабое подобіе челювѣка, говорившаго такимъ тихимъ голосомъ, что его можно было слышать не иначе, какъ прислонившись ухомъ къ его губамъ. Мало-по-малу онъ успокоился. Его, очевидно, начинало забавлять, что онъ лежитъ здѣсь подлѣ открытаго окна, смотритъ поутру на лѣтнее небо и деревья, любитъ вечеромъ закатомъ солнца и наблюдаетъ съ какой-то симпатіей тѣни облаковъ и листьевъ. Это въ самомъ дѣлѣ забавно: свѣтъ и жизнь никогда ему не представлялись съ этой точки зрѣнія, и было ясно, что м-ръ Домби возрождается къ новому бытію.

Онъ началъ теперъ обнаруживать, что усталость Флоренсы его беспокоить, и часто, подзавъ ее къ себѣ, говорилъ:

– Ступай, моя милая, отдохни, погуляй. Свѣжій воздухъ для тебя необходимъ. Ступай къ своему добромъ мужу!

Однажды, когда Вальтеръ былъ въ его комнатѣ, онъ подзвалъ его къ себѣ и, крѣпко пожимая его руку, увѣряль, что можетъ умереть спокойно, такъ какъ ему извѣстно, что Флоренса съ нимъ всегда будетъ счастлива.

Разъ вечеромъ, на закатѣ солнца, Флоренса и Вальтеръ сидѣли въ его комнатѣ, такъ какъ онъ иривыкъ ихъ видѣтъ вмѣстѣ. Флоренса нянчила своего ребенка и, убаюкивая его, запѣла ту самую пѣсню, которую такъ часто слышаль отъ нея умершій братъ. М-ръ Домби не выдержаль, онъ протянулъ къ дочери трепещущую руку и просиль перестать; но на другой и въ слѣдующіе дни онъ самъ просиль ее повторять какъ можно чаще этотъ романсъ, и онъ вслушивался въ голосъ дочери, отвернувъ отъ нея свое лицо.

Флоренса сидѣла у окна съ своей рабочей корзинкой, между тѣмъ какъ Сусанна, ея неразлучная спутница, расположилась противъ нея со своимъ шитьемъ. М-ръ Домби заснулъ. Быль прекрасный лѣтній вечеръ, и еще два часа оставалось до сумерекъ. Флоренса задумалась. Ей пришли въ голову тѣ минуты, когда отецъ первый разъ представиль ее своей прекрасной невѣстѣ. Въ комнату вошелъ Вальтеръ.

– Послушай, душенька, – сказалъ онъ, слегка дотрагиваясь до ея плеча, – съ тобой хотять поговорить.

– Не случилось ли чего, мой другъ? – спросила Флоренса, испуганная, какъ ей показалось, встревоженнымъ видомъ своего мужа.

– Нѣтъ, мой ангелъ, ничего! Пришелъ одинъ джентльменъ, и я говориль съ нимъ. Ничего не случилось. Хочешъ къ нему выйти?

Флоренса встала и поспѣшила сойти внизъ за своимъ мужемъ, оставивъ отца на попеченіе черноокой м-съ Тутсъ, обратившей въ эту минуту всѣ свои способности на иголку и наперстокъ. Въ гостиной нижняго этажа, обращенной окнами въ садъ, сидѣль какой-то джентльменъ, который при входѣ Флорены хотѣль пойти къ ней на встрѣчу, но, задержанный нѣкоторыми принадлежностями своихъ ногъ, остановился подлѣ стола.

Флоренса припомнила кузена Феникса, котораго съ перваго раза не угадала въ тѣни листьевъ. Кузень Фениксъ взяль ея руку и поздравиль съ благополучнымъ бракомъ.

– Я очень жалѣю, – говориль кузень Фениксъ, усаживаясь на стуль, между тѣмъ, какъ Флоренса заняла свое мѣсто, – очень жалѣю, что мнѣ не удалось раньше явиться къ вамъ съ моими искренними поздравленіями; но въ нашей фамиліи, словомъ сказать, произошли такія непріятныя случайности, или, въ нѣкоторомъ родѣ, многочисленныя столкновенія, что я, какъ говорится, находился въ чертовскомъ состояніи духа и потеряль всякую способность посѣщать общество. Единственнымъ обществомъ во все это время была, такъ сказать, моя собственная личность, и вы понимаете, какъ должно быть огорчительно, въ нѣкоторомъ родѣ, замуровать

себя въ опредѣленныхъ границахъ, тогда какъ въ душѣ чувствуешь этакую... понимаете?... ну, словомъ сказать, безпредѣльность.

Флоренса понимала только то, что кузень Фениксъ имѣлъ очевидное намѣреніе сдѣлать ей болѣе важныя открытія, но какія именно, это скрывалось въ мракѣ неизвѣстности. Безпокойный взглядъ Вальтера подтверждалъ ея догадку.

– Я имѣлъ честь упоминать другу моему м-ру Гэю, если только могу называть его этимъ именемъ, – продолжалъ кузень Фениксъ, – что мнѣ, такъ сказать, неслыханно пріятно получить вѣсть насчетъ теперешнихъ обстоятельствъ друга моего Домби, который, вы понимаете, на дорогѣ къ выздоровленію. Я никакъ не думаю, чтобы другъ мой Домби опустилъ, въ нѣкоторомъ родѣ, крылья, по поводу этакой какой-нибудь, словомъ сказать, потери всего имѣнья. Самъ я не пробовалъ, или, правильнѣе не испыталъ чего-нибудь въ родѣ такого радикальнаго разоренія, такъ какъ мое имѣніе никогда не простиралось до такихъ колоссальныхъ размѣровъ; но все же и я въ своей жизни потерялъ все, что могъ потерять, и при всемъ томъ, понимаете, никогда, по крайней мѣрѣ, слишкомъ, не жаловался этакъ на какую-нибудь несправедливость судьбы, или, правильнѣе, слѣпого рока. Я знаю, другъ мой Домби почтенный джентльменъ, и, конечно, ему отрадно думать, что это, такъ сказать, всеобщее чувство. Даже Томми Скрыюзерь, – мужчина удивительно желчный, пріятель мой Гей, вѣроятно, знакомъ съ нимъ, – ничего не можетъ сказать въ опроверженіе этого факта.

Флоренса чувствовала, больше, чѣмъ когда-либо, что за этимъ длиннымъ вступленіемъ должно послѣдовать какое-нибудь важное открытіе. Ея взоры, лучше всякаго отвѣта, выразили живѣйшее нетерпѣніе. Кузень Фениксъ продолжалъ:

– Дѣло въ томъ, что другъ мой Гэй, точно такъ же, какъ и я, разсуждали сейчасъ относительно исходатайствованія милости, которая, собственно, и даже исключительно, находится въ вашихъ рукахъ, и я, что называется, радъ, что другъ мой Гэй согласился хлопотать за меня, при чемъ мнѣ пріятно засвидѣтельствовать, что онъ удостоилъ меня совершеннѣйшей откровенности, за что я ему обязанъ. Не могу нарадоваться, что любезнѣйшая и совершеннѣйшая дочь пріятели моего Домби имѣетъ чувствительную натуру, и, конечно, не потребуетъ съ моей стороны слишкомъ обширныхъ и подробныхъ разсужденій; но все-таки я очень счастливъ, что мое ходатайство будетъ опираться на вліяніи и одобреніи друга моего, м-ра Гэя. Эго отчасти напоминаетъ мнѣ мое старое парламентское время, шумное время, когда этакъ, знаете, не прошло ни одного засѣданія, которое бы не имѣло чисто политическаго характера. Разсуждали въ ту пору, понимаете, о торговлѣ неграми, о Наполеонѣ и французахъ, – шумное время! – и я, что называется, принадлежалъ къ партіи самыхъ бойкихъ застрѣльщиковъ. Если, бывало, скажетъ кто, что его имѣніе, какъ онъ надѣется, найдетъ ртголосокъ въ душѣ Питта, мы, что называется, просто выходимъ изъ себя, и во всей залѣ, понимаете, буря рукоплесканій. Если сказать прямо, Питтъ былъ великій политикъ и ораторъ, очертившій вокругъ себя магическій кругъ, изъ котораго, понимаете, никто не вырывался. Случалось, и очень часто, вовсе, бывало, не понимаешь и не догадываешься, о чемъ рѣчь, но какъ скоро впутано сюда имя Питта, матерія, знаете, принимаетъ такой видъ, что поневолѣ соглашаешься и аплодируешь. Это, знаете, подало даже поводъ къ забавнымъ шуткамъ, и м-ръ Браунъ – четырехъ-бутылочный верзила съ шишкой на носу, отецъ моего друга Гэя, вѣроятно, былъ знакомъ съ нимъ – обыкновенно говаривалъ, что, если бы этакъ вздумалъ кто сказать, что онъ съ крайнимъ сожалѣніемъ извѣщаетъ парламентъ, что одинъ изъ почтенныхъ членовъ томится въ ближайшей комнатѣ въ страшныхъ судорогахъ, и что имя почтеннаго члена есть Вильямъ Питтъ, рукоплесканіе, понимаете, было бы общее, и всѣ, такъ сказать, на удачу, не преминули бы одобрить это мнѣніе Вильяма Питта.

Это загадочное отступленіе больше и больше безпокоило Флоренсу, и она съ возрастающимъ волненіемъ смотрѣла то на Вальтера, то на кузена Феникса.

– Ничего, мой другъ, будь спокойна, – сказалъ Вальтеръ.

– Ничего, м-сь Гэй, будьте спокойны, – повторил кузень Феникс, – я, право, чрезвычайно огорченъ, что сдѣлался, въ нѣкоторомъ родѣ, причиной вашего безпокойства. Позвольте васъ увѣрить, что, дѣйствительно, ничего, то есть, словомъ сказать, ничего неприятнаго быть не можетъ. Единственная милость, о которой я осмѣливаюсь просить... но это, видите ли, должно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, казаться удивительно страннымъ, и я былъ бы чрезвычайно обязанъ другу своему Гэю, если бы онъ самъ принялъ на себя трудъ изложить сущность дѣла, – заключилъ кузень Фениксъ.

Флоренса, съ своей стороны, доведенная до послѣдней степени безпокойства, также обратилась къ своему мужу. Вальтеръ сказалъ:

– Дѣло вотъ въ чемъ, моя милая. Тебѣ надобно ни больше, ни меньше, какъ ѣхать въ Лондонъ съ этимъ джентльменомъ, котораго ты очень хорошо знаешь.

– А другъ мой Гэй – прошу извинить – развѣ не поѣдетъ? – прервалъ кузень Фениксъ.

– Поѣду и я. Въ Лондонѣ ты должна сдѣлать визитъ...

– Кому? – спросила Флоренса, окидывая взоромъ обоихъ собесѣдниковъ.

– Если вы будете такъ добры, м-сь Гэй, что согласитесь до времени не получать отвѣта на этотъ вопросъ, то я осмѣливаюсь покорнѣйше васъ просить объ этомъ.

– Ты знаешь, Вальтеръ? – сказала Флоренса.

– Да.

– И по твоему, я могу ѣхать?

– Да. Я совершенно убѣжденъ, что ты не будешь раскаиваться. Но то правда, что до времени тебѣ лучше не разспрашивать о подробностяхъ этого визита. Увидишь сама.

– Если папенька все еще спитъ или, проснувшись, можетъ обойтись безъ моихъ услугъ, я сейчасъ ворочусь.

И съ этими словами Флоренса поспѣшно вышла изъ комнаты, бросивъ совершенно спокойный и довѣрчивый взглядъ на своего супруга. Когда она воротилась, уже совсѣмъ готовая отправиться въ путь, Вальтеръ и кузень Фениксъ вели серьезный разговоръ у окна, и Флоренса не могла надивиться тому, что они такъ хорошо сошлись другъ съ другомъ въ такое короткое время.

– Я оставлю карточку для друга моего Домби, – сказалъ кузень Фениксъ, – и буду искренно увѣренъ, что онъ съ каждымъ часомъ станетъ укрѣпляться въ силѣ и здоровьи. Другъ мой Домби, я надѣюсь, благоволитъ считать меня такимъ человѣкомъ, который проникнуть удивленіемъ къ его возвышенному характеру относительно... словомъ сказать, къ благородной роли британскаго негодяя и, просто, честнаго джентльмена. Моя усадьба и деревенскій домъ пришли, что называется, въ плачевное состояніе разрушенія и ветхости; но, если другу моему Домби потребуется перемѣнить воздухъ и поселиться въ тѣхъ мѣстахъ, могу увѣрить, что во всей Англіи нѣтъ болѣе тихаго, свѣтлаго и совершенно здороваго воздуха, хотя, нужно сказать, нигдѣ еще не найти такой скуки. Если другъ мой Домби страдаетъ тѣлесными недугами, я бы желалъ порекомендовать ему рецептъ, который былъ для меня чрезвычайно полезенъ во многихъ обстоятельствахъ моей жизни, а должно замѣтить, жилъ я очень свободно и даже, такъ сказать, нараспашку. Этотъ рецептъ, собственно говоря, состоитъ въ яичномъ желткѣ, который надобно взболтать въ стаканѣ хересу съ мушкатнымъ орѣхомъ и сахаромъ и принимать каждое утро съ кускомъ сухой поджаренной булки. Джексонъ, содержавшій въ Бондъ-Стритѣ номера для боксеровъ, – человѣкъ отмѣнныхъ талантовъ, и другъ мой Гэй, разумѣется, знакомъ съ нимъ, – Джексонъ совѣтуетъ вообще въ экстренныхъ случаяхъ замѣнять хересь ромомъ; но я лучше другу моему Домби рекомендую хересь, такъ какъ, при его состояніи, ромъ могъ бы броситься въ голову и произвести, словомъ сказать, воспаленіе.

Отъ всего этого кузень Фениксъ разгружался съ весьма значительными затрудненіями, и фізіономія его обнаруживала очевидное разстройство. Когда онъ всталъ съ мѣста, чтобы идти къ дверямъ, его ноги изъявили рѣшительное желаніе двигаться къ саду, и владѣлецъ ихъ едва

побѣдиль такое заносчивое упрямство. Наконецъ, кузень Фениксъ подалъ руку Флоренсѣ и вышелъ съ нею къ подъѣзду, гдѣ стояла карета, въ которую, вмѣстѣ съ ними, сѣлъ и Вальтеръ.

Они ѣхали семь или восемь миль, и были уже сумерки, когда экипажъ катился по скучнымъ и церемоннымъ улицамъ западной части Лондона. Флоренса этимъ временемъ крѣпко держала Вальтерову руку, и безпокойство ея, по-видимому, увеличивалось всякій разъ, какъ они въѣзжали въ новую улицу. Наконецъ, карета остановилась въ Брукъ-Стритъ, передъ тѣмъ самымъ домомъ, гдѣ ея отецъ пировалъ свою несчастную свадьбу.

– Что это значитъ? – спросила Флоренса. – Кто здѣсь живетъ?

Вальтеръ не отвѣчалъ ничего и только пожалъ ея руки.

Обводя взоромъ фасадъ, Флоренса увидѣла, что окна во всѣхъ этажахъ закрыты наглухо, какъ будто домъ былъ необитаемъ. Между тѣмъ, кузень Фениксъ вышелъ изъ кареты и предложилъ ей руку.

– Ты не выйдешь, Вальтеръ?

– Нѣтъ, я останусь здѣсь. Не бойся, мой другъ, сейчасъ ты увидишь, что страхъ твой напрасень.

– Знаю, Вальтеръ, бояться мнѣ нечего, когда ты такъ близко, но...

Дверь тихонько отворилась, безъ стуку и безъ звонка, и кузень Фениксъ вошелъ съ своей спутницей въ душный и скучный домъ. Казалось, онъ ни разу не отворялся со времени несчастной свадьбы и служилъ съ того времени постояннымъ пріютомъ для мрака затхлои атмосферы.

Флоренса не безъ страха вошла наверхъ по темной лѣстницѣ и остановилась подлѣ гостиной. Кузень Фениксъ отворилъ дверь и, не говоря ни слова, сдѣлалъ знакъ, чтобы она вошла и попросилъ ее идти впередъ, между тѣмъ какъ онъ останется за дверью. Флоренса повиновалась.

Въ углубленіи комнаты, за столомъ, при тускломъ свѣтѣ лампы, сидѣла какая-то леди, вся въ черномъ, съ перомъ или карандашомъ въ рукѣ. Флоренса нерѣшительными шагами подвигалась впередъ и вдругъ остановилась, какъ будто прикованная къ мѣсту. Леди поворотила свою голову.

– Великій Боже! – сказала она. – Что это значитъ!

– Нѣтъ, нѣтъ! Не подходите!.. – вскричала Флоренса, отскакивая назадъ, когда леди встала съ своего мѣста. – Маменька!

Онѣ обѣ были неподвижны, съ глазами, устремленными другъ на друга. Гнѣвъ и гордость избородили лицо этой особы; но все же она – Эдию, прекрасная и величественная теперь, какъ и всегда. Лицо Флоренсы, изумленное и робкое, выражало сожалѣніе, грусть, благодарную нѣжную память. На томъ и другомъ лицѣ въ живѣйшихъ краскахъ изображались удивленіе и страхъ. Обѣ женщины, неподвижныя и безмолвныя, смотрѣли одна на другую черезъ мрачную пропасть непреложныхъ событій пройденной жизни.

Флоренса измѣнилась первая. Слезы градомъ полились изъ ея глазъ, и она сказала отъ полноты сердца:

– О, мама, милая мама! зачѣмъ мы встрѣчаемся такъ? зачѣмъ вы были всегда такъ добры ко мнѣ, когда еще ничѣмъ не подготовлялась эта встрѣча!

Эдию стояла передъ ней безъ движенія и безъ словъ. Ея глаза были устремлены на ея лицо.

– Я не смѣю объ этомъ думать, – говорила Флоренса, – я только что оставила болѣзненный одръ своего отца. Мы теперь неразлучны и впередъ не разлучимся никогда. Если вы хотите, милая мама, чтобы я просила за васъ прощеніе, – я буду просить и почти увѣрена, что онъ не откажетъ въ просьбѣ своей дочери. Богъ пошлетъ утѣшеніе вашей страждущей душѣ!

Эдию не отвѣчала.

– Вальтеръ... я замужемъ, и у насъ есть ребенокъ, – сказала Флоренса робкимъ голосомъ, – Вальтеръ у воротъ, и я пріѣхала съ нимъ. Я скажу своему мужу, что вы перемѣнились, –

продолжала Флоренса, бросивъ на нее грустный взоръ, – и Вальтеръ, я увѣрена, будетъ говорить вмѣстѣ со мною нашему отцу. Хотите, чтобы я это сдѣлала?

Эдиоъ, неподвижно, какъ статуя, прервала молчаніе глухимъ, тихимъ, но выразительнымъ голосомъ:

– Пятно на вашемъ имени, пятно на имени вашего мужа, вашего ребенка! Развѣ это прощаютъ, Флоренса?

– Вѣрите намъ, милая мама, что мы все забыли, останемся неразлучными съ вами, и это для всѣхъ насъ будетъ утѣшеніемъ. Но вы ничего... ничего не говорите о моемъ отцѣ, – лепетала Флоренса, – значить ли это, вы хотите, чтобы я просила за васъ? Ну да, конечно, конечно!

Эдиоъ не отвѣчала.

– И я буду просить усердно, чтобы онъ простилъ мою милую маму, и добрый отецъ мой не откажетъ въ просьбѣ своей дочери, и я принесу вамъ слово примиренія, и тогда, можетъ быть, мы разстанемся совсѣмъ не такъ, какъ встрѣтились теперь... О! уполномочьте, ради Бога, уполномочьте меня на это ходатайство! Я отступила отъ васъ, милая мама, совсѣмъ не потому, что боюсь васъ, и совсѣмъ не потому, что не надѣюсь на вашу благосклонность: нѣтъ! я желаю только выполнить свою обязанность по отношенію къ моему отцу. Онъ меня любитъ, и я его люблю отъ всего моего сердца. Но я никогда не могу забыть, что вы были такъ добры ко мнѣ. О, молитесь Богу, – воскликнула Флоренса, падая на ея грудь, – молитесь Богу, чтобы онъ простилъ вамъ весь этотъ грѣхъ, и простилъ бы мнѣ, если я не могу забыть...

Рыданія заглушили ея слова. Эдиоъ, какъ будто подавленная тяжестью ея прикосновенія, упала на колѣни и обвилась руками вокругъ ея шеи.

– Флоренса, ангель благодатный! Прежде чѣмъ я опять сойду съ ума, прежде, чѣмъ гордость и упрямство опять поразятъ нѣмотой мой языкъ, вѣрь мнѣ, Флоренса, я невинна, клянусь тебѣ въ этомъ моею душою!

– Маменька!

– Преступна во многомъ – такъ! и вѣчная преграда будетъ раздѣлять меня отъ всего, что есть чистаго и невиннаго въ жизни, раздѣлять отъ васъ, отъ всей земли...

На колѣняхъ передъ ней, она подняла свои обѣ руки и клялась.

– Флоренса, вѣрь мнѣ, я невинна! вѣрь въ этомъ женщинѣ, которая видитъ въ тебѣ чистѣйшее и благороднѣйшее изъ земныхъ созданий и которая никогда бы не упала въ эту бездну, если бы твое присутствіе охраняло цвѣтушіе годы ея жизни! Позволь мнѣ еще разъ, послѣдній разъ, прижать твою милую голову къ этому истерзанному и сокрушенному сердцу!

Она плакала, и ея грудь сильно волновалась. Какъ была бы она счастлива теперь, если бы такія сцены чаще повторялись въ ея старые дни!

– Ничто въ свѣтѣ не могло бы вырвать отъ меня этого признанія и этой клятвы, – ни любовь, ни ненависть, никакія надежды, никакія угрозы. Я сказала: умру въ пыткѣ и не произнесу ни одного слова, не сдѣлаю никакого знака, и это было бы такъ, а не иначе, если бы мы не встрѣтились съ тобою, Флоренса.

– Надѣюсь, – сказала кузень Фениксъ, дѣлая въ дверяхъ довольно неправильные зигзаги, такъ какъ его своевольныя ноги обнаруживали очевидное намѣреніе оставаться за порогомъ, – надѣюсь, моя любезнѣйшая и совершеннѣйшая родственница извинитъ маленькую стратагему, которою я воспользовался, чтобы устроить эту встрѣчу. Не могу сказать, что до сихъ поръ я отвергалъ рѣшительнымъ и настоящимъ образомъ возможность несчастнаго соединенія моей любезнѣйшей и совершеннѣйшей родственницы съ этимъ бѣлозубымъ покойникомъ, ибо замѣчено издавна, что случаются въ этомъ мірѣ весьма странныя и непостижимыя сочетанія этого сорта, превышающія, такъ сказать, всякія соображенія и расчеты въ экономическомъ смыслѣ. При всемъ томъ, я имѣлъ честь напоминать другу моему Домби, чтобы онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, не отваживался обвинять мою любезнѣйшую и совершеннѣйшую родственницу

до тѣхъ поръ, пока криминальность ея поступковъ не будетъ утверждена на юридическомъ основаніи. Моя тетка была живучая женщина, это извѣстно всѣмъ, но, можетъ быть, не всякій знаетъ, что она не совсѣмъ хорошо выполняла свои обязанности, раздѣляя, вѣроятно, въ этомъ отношеніи общую участь всей нашей фамиліи, которая, словомъ сказать, не отличалась яснымъ сознаниемъ своего долга. Поэтому было бы, въ нѣкоторомъ родѣ, безразсудно и даже, такъ сказать, безсовѣстно, если бы, въ настоящемъ случаѣ, мы не обратили своей посильной заботливости на нашу любезнѣйшую и совершеннѣйшую родственницу, которая, думаль я, должна быть поставлена въ непріятное положеніе послѣ того, какъ этотъ зубастый джентльменъ былъ, такъ сказать, растиснутъ ужаснымъ манеромъ. Вотъ почему я счелъ своей обязанностью отыскать во Франціи свою любезнѣйшую и совершеннѣйшую родственницу и предложить ей свое слишкомъ, такъ сказать, скромное и незавидное покровительство. Тѣмъ больше мнѣ пріятно было услышать отъ моей любезнѣйшей и совершеннѣйшей родственницы, что она считаетъ меня, въ своемъ родѣ, добрымъ малымъ и потому безусловно поручаетъ себя моему покровительству. Я всегда обязанъ вспоминать не иначе, какъ съ удовольствіемъ, о ея усердной заботливости обо мнѣ въ тѣ минуты, когда сотрясеніе всѣхъ моихъ членовъ доходило, словомъ сказать, до безпримѣрнаго градаціона.

Эдиоъ, сидѣвшая съ Флоренсой на софѣ, сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

– Моя любезная и совершеннѣйшая родственница, – продолжалъ кузень Фениксъ, выдѣлывая въ дверяхъ свои обычные зигзаги, – надѣюсь, извинить меня, если я, для моего и ея удовольствія, равно какъ для удовольствія м-ра Домби и его любезнѣйшей и совершеннѣйшей дочери, которой несравненнымъ талантамъ мы всегда удивлялись и... словомъ сказать, я полагаю, что я могу, для общаго нашего удовольствія, дополнить окончательно эту длинную нить моихъ наблюденій. Прошу обратить вниманіе на то, что ни она, ни я, со времени нашего свиданія, никогда не заикались о предметѣ ея страннаго и загадочнаго похищенія. Я всегда держался мысли, что была, вѣроятно, въ этомъ дѣлѣ такая тайна, которую объяснить она сама, если захочетъ. Но моя любезнѣйшая и совершеннѣйшая родственница имѣетъ, въ нѣкоторой пропорціи, непонятно-упрямый и рѣшительный характеръ, и потому, съ теченіемъ времени, я основательно убѣдился, что отъ нея, такъ сказать, никакое краснорѣчіе не вырветъ ни одного слова. Впослѣдствіи однако я усмотрѣлъ, что она весьма охотно распространялась на счетъ своей необыкновенной нѣжности къ совершеннѣйшей дочери друга моего Домби, и потому, по естественному совокупленію идей, пришло мнѣ въ голову, что если бы этакъ, словомъ сказать, устроить свиданіе, неожиданное съ обѣихъ сторонъ, дѣло могло бы повести къ весьма счастливымъ результатамъ. Проживая теперь въ Лондонѣ, совершенно, такъ сказать на приватной ногѣ, я рѣшился открыть мѣстопробываніе друга моего Гэя – прекрасный молодой человекъ, откровенный и внушающій уваженіе: моя любезнѣйшая и совершеннѣйшая родственница, вѣроятно, съ нимъ знакома – и мнѣ удалось имѣть счастье привезти сюда его милую и любезную супругу. Скоро мы отправляемся въ южную Италію, чтобы поселиться тамъ на вѣчныя времена, или, правильнѣе, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ роковой часъ удалиться въ тѣ вѣчныя жилища, которыя... словомъ сказать, это пробуждаетъ весьма непріятныя мысли въ людяхъ съ разумной и чувствительной душой. Стало быть, – заключилъ кузень Фениксъ съ истиннымъ одушевленіемъ, – теперь-то, или никогда, я долженъ умолять свою любезнѣйшую и совершеннѣйшую родственницу не останавливаться на половинѣ дороги, а исправить, по возможности, все то, что ею испорчено, – не потому, что этого требуетъ ея фамилія, ея собственная репутація, или какія-нибудь изъ тѣхъ свѣтскихъ отношеній, которыя уже болѣе, такъ сказать, не существуютъ, – очаровательная мысль для человѣка съ чувствомъ! – но потому, что благородный человекъ всегда обязанъ уничтожать зло.

Съ этими словами кузень Фениксъ сдѣлалъ джентльменскій поклонъ и вышелъ изъ дверей, побѣдивъ не безъ труда упрямство своихъ ногъ.

Нѣсколько минутъ обѣ дамы сидѣли безмолвно, одна подлѣ другой. Наконецъ, Эдиоъ, снимая съ груди запечатанный пакетъ, прервала молчаніе, тихимъ, но трогательнымъ голосомъ:

– Я могла умереть скоропостижно или вслѣдствіе какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ; тайна въ такомъ случаѣ была бы унесена въ могилу, и никто бы ея не открылъ изъ живущихъ на землѣ. Этого я не хотѣла, милая Флоренса, не хотѣла для васъ. Возьмите этотъ пакетъ: для васъ онъ написанъ и для васъ изложены въ немъ всѣ подробности моей тайны.

– Могу показать его папенькѣ?

– Можете кому угодно; онъ ваша неотъемлемая собственность. Но пусть м-ръ Домби знаетъ, что другими путями онъ не получилъ бы отъ меня никогда ничего.

Продолжительное молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Эдиоъ сидѣла съ глазами, опущеннымъ въ землю.

– Маменька, онъ потерялъ все свое имѣніе. Онъ былъ на краю могилы. Онъ страдаетъ и жестоко страдаетъ, даже теперь. Неужели ничего больше, ни одного слова, я не должна ему сказать отъ вашего имени?

– Правда ли, Флоренса, что онъ очень тебя любитъ?

– Правда, милая мама, правда!

– Скажи ему, я очень жалѣю, что судьба свела насъ въ этомъ мірѣ.

– И – ничего больше?

– Скажи ему, если спросить, если онъ точно измѣнился...

Она остановилась. Было что-то въ безмолвномъ прикосновеніи руки Флоренсы, что ее остановило.

– ... но такъ какъ онъ сдѣлался теперь другимъ человѣкомъ, скажи ему, Флоренса, что этого не было бы никогда, и я жалѣю, что это было.

– Могу ли я сказать, что его несчастья васъ огорчаютъ?

– Нѣтъ. Со временемъ онъ самъ, Флоренса, будетъ благодарить судьбу за этотъ урокъ.

– Вы желаете ему добра, вы хотите, чтобы онъ былъ счастливъ! О, позвольте мнѣ чаще и чаще повторять передъ нимъ желанія моей милой мамы!

Черные глаза Эдиои, исполненные тоскливой мысли, были, казалось, обращены на окружающій мракъ. Она не отвѣчала ничего до тѣхъ поръ, пока Флоренса не повторила вопроса.

– Если теперь, при своей измѣненной жизни, онъ найдетъ поводъ жалѣть о прошедшемъ, скажи ему, Флоренса, я просила его объ этомъ. Если теперь, при своей измѣненной жизни, онъ найдетъ поводъ думать обо мнѣ безъ горечи и безъ желчи, скажи, я просила его объ этомъ. Мы умерли одинъ для другого и никогда уже не встрѣтимся по эту сторону гроба; но скажи ему, онъ знаетъ, есть одно общее чувство между нами, которое соединяетъ насъ на землѣ.

Ея суровость уступила мѣсто трогательному умиленію, и слеза сверкнула въ ея черныхъ глазахъ.

– Впрочемъ, я почти надѣюсь, что онъ будетъ вспоминать обо мнѣ. Чѣмъ больше полюбить онъ Флоренсу, тѣмъ меньше будетъ ненавидѣть меня. Въ то время буду раскаиваться и я – пусть онъ это знаетъ – и, соображая обстоятельства своей жизни съ тѣми причинами, которыя довели его самого до того, чѣмъ онъ былъ, я попытаюсь простить ему его долю въ моемъ позорѣ. Пусть тогда попытается и онъ простить свою несчастную супругу!

– О мама, милая мама! Какъ отрадно для моего сердца слышать эти слова даже при этой печальной встрѣчѣ!

– Странныя слова для моихъ собственныхъ ушей, – сказала Эдиоъ, – странныя слова для звуковъ моего собственнаго голоса! Но если бы даже я была тѣмъ несчастнымъ созданіемъ, какимъ онъ имѣетъ право меня считать, я, въ свою очередь, имѣла бы право разъ навсегда высказать эти мысли, какъ скоро дошло до моего слуха, что вы дороги и милы другъ другу. Пусть онъ знаетъ, что подъ условіемъ его отеческой любви я готова думать о немъ снисходи-

тельно, безъ всякой затаенной злобы въ моемъ сердцѣ. Вотъ это послѣднія слова, которыя я ему посылаю! Теперь, прощай, моя жизнь!

Она крѣпко сжала ее въ своихъ объятіяхъ и, казалось, разомъ вылила изъ своей души всѣ сосредоточенныя чувства нѣжности и любви.

– Этотъ поцѣлуй для вашего младенца! Эти поцѣлуи вмѣсто благословеній на голову моей Флоренсы! Прощай, мой другъ! прощай, мой ангелъ благодатный!

– До свиданія, – воскликнула Флоренса.

– Никогда! никогда! Какъ скоро ты переступишь за порогъ этой мрачной комнаты, думай, что ты оставила меня въ могилѣ. Но я любила тебя, мой ангелъ небесный, и тебя только одну во всю мою жизнь, помни это!

И Флоренса оставила ее, сопровождаемая до послѣдней минуты ея объятіями и поцѣлуями.

Въ столовой, куда проводилъ ее кузень Фениксъ, Флоренса упала на плечо своего супруга и плакала долго, горько плакала!

– Я очень огорченъ, – сказала кузень Фениксъ, поднимая наиневиннѣйшимъ образомъ и безъ малѣйшей утайки рубашечные рукавчики къ своимъ глазамъ, – я очень огорченъ, что любезнѣйшая дочь друга моего Домби и прекрасная супруга друга моего Гэя имѣетъ слишкомъ чувствительную натуру, и что настоящее свиданіе, въ нѣкоторомъ смыслѣ, взволновало всѣ силы ея нѣжной души. Я надѣюсь, однако, и увѣренъ, мои стратегическія распоряженія привели всѣхъ насъ къ самымъ удовлетворительнымъ результатамъ, и почтенный другъ мой Домби, чрезъ соединеніе съ нашей фамиліей, попалъ, словомъ сказать, въ омутъ запутанныхъ случайностей и недоразумѣній; но я твердо держусь того мнѣнія, что дѣла могли бы имѣть совсѣмъ другой, то есть, довольно сносный оборотъ, если бы не этотъ мерзавецъ съ бѣлыми зубами. Что касается до моей родственницы, получившей обо мнѣ необыкновенно доброе мнѣніе, я могу увѣрить прекрасную супругу друга моего Гэя, что она можетъ на меня вполне положиться какъ... словомъ сказать, какъ на своего отца. А что касается до общихъ перемѣнъ и случайностей человѣческой жизни, въ которой иной разъ всѣ мы ведемъ себя самымъ экстраординарнымъ манеромъ, то я могу повторить только то, что уже давно сказалъ другъ мой Шекспиръ – человѣкъ, созданный для всѣхъ временъ и вѣковъ; другъ мой Гэй, разумѣется, знакомъ съ нимъ: "Тѣнь и сонъ – вотъ наши дѣла!"

Глава LXII Заключение

Узрѣла, наконецъ, дневной свѣтъ знаменитая бутылка, скрывавшаяся такъ долго въ душномъ погребѣ подъ защитой паутины, пыли и песку. Золотое вино игриво струится въ огромныхъ бокалахъ на кругломъ столѣ.

Это послѣдняя бутылка старой мадеры.

– Вы совершенно правы, м-ръ Гильсъ, – говоритъ м-ръ Домби, – это очень рѣдкое и отличное вино.

Капитанъ Куттль, непремѣнный членъ круглаго стола, сіяетъ радостью и восторгомъ. Лучи животворнаго свѣта падаютъ съ его чела на далекія пространства.

– Мы дали обѣщаніе другъ другу, то есть Эдуардъ и я... – замѣчаетъ Соломонъ Гильсъ.

М-ръ Домби киваетъ на капитана, лицо котораго еще болѣе озаряется неизреченнымъ наслажденіемъ.

– ... обѣщаніе пить это вино, рано или поздно, за благополучное возвращеніе Вальтера домой, хотя никто изъ насъ не мотъ вообразить такого дома. Если вы, сэръ, не имѣете ничего сказать противъ этой нашей фантазіи, то – первый бокалъ за здоровье Вальтера и его жены!

– За здоровье Вальтера и его жены! – говоритъ м-ръ Домби и цѣлуетъ Флоренсу, которая подлѣ него.

– За Вальтера и его жену! – восклицаетъ м-ръ Тутсъ.

– За Вальтера и его жену! – баситъ Куттль. – Ура!

И когда при этомъ капитанъ изъявляетъ желаніе чокнуться своимъ бокаломъ, м-ръ Домби предупредительно протягиваетъ свою руку. Другіе немедленно слѣдуютъ благому при- мѣру, и въ комнатѣ раздается веселый звонъ, какъ будто отъ свадебныхъ колоколовъ.

* * *

Другое вино старѣетъ въ душномъ погребѣ, подобно знаменитой мадерѣ, достославно окончившей свой вѣкъ, и густая паутина съ пылью и пескомъ караулитъ новыя бутылки.

М-ръ Домби посѣдѣлъ какъ лунь, и на его лицѣ – тяжелые отпечатки страданій и заботъ; но это слѣды грозной бури, которая уже окончилась разъ навсегда, оставивъ за собою спокойный и ясный вечеръ.

Честолюбивые планы не волнуютъ м-ра Домби. Его гордость исключительно обращена на дочь и ея супруга. Онъ спокоенъ, молчаливъ, нерѣдко задумчивъ, и Флоренса подлѣ него. Миссъ Токсъ частенько навѣщаетъ счастливую семью и радушно предлагаетъ ей свои услуги. Ея удивленіе къ своему патрону, еще недавно такъ величественному на поприщѣ финансовой славы, получило платоническій характеръ со времени рокового утра на Княгининомъ лугу, когда извѣстная особа поразила ее неожиданнымъ ударомъ. Миссъ Токсъ не измѣнилась.

Ничего не уцѣлѣло отъ обломковъ колоссальнаго богатства, кромѣ ежегодной пожизненной суммы, которая приходитъ неизвѣстно какъ и неизвѣстно откуда. М-ра Домби убѣдительно просили не дѣлать никакихъ розысковъ и увѣрили, что это какой-то старый долгъ. Онъ совѣтовался по этому поводу со своимъ старымъ конторщикомъ, и тотъ положительно убѣжденъ, что сумма высылается какимъ-нибудь торговымъ домомъ, съ которыми м-ръ Домби имѣлъ въ старину коммерческія связи.

М-ръ Морфинъ окончательно убѣдился, что изъ всѣхъ прнвычекъ самая скверная – оставаться до старости холостякомъ, и на этомъ основаніи вступилъ въ законный бракъ съ сестрою Джона Каркера. Онъ посѣщаетъ иногда своего стараго начальника, но рѣдко и неохотно. Есть

въ исторіи Джона и еще болѣе въ его фамиліи, такія обстоятельства, при которыхъ подобные визиты неумѣстны, потому особенно, что Джонъ и м-ръ Морфинъ, какъ близкіе родственники и друзья, живутъ теперь въ одномъ домѣ. Вальтеръ навѣщаетъ ихъ по временамъ, Флоренса тоже, и въ этихъ случаяхъ скромный домикъ оглашается дуэтомъ изъ фортепіано и віолончели.

Но какъ поживаетъ деревянный мичманъ въ эти измѣнившіеся дни? Ничего, собственно говоря; онъ все тотъ же храбрый юноша-морякъ съ правою ногою впередъ и съ оптическимъ инструментомъ передъ правымъ глазомъ. Онъ даже повеселѣлъ и вновь помолодѣлъ, такъ какъ его недавно покрасили яркой краской, отъ трехугольной шляпы до самыхъ башмаковъ со щегольскими пряжками, и надъ его головой блистаетъ золотая надпись: "Г_и_л_ь_с_ь_и_К_у_т_т_л_ь".

Не измѣнилъ юный мичманъ и характера своихъ коммерческихъ занятій; но поговариваютъ на Птичьемъ Рынкѣ, тамъ, гдѣ засѣдаетъ извѣстная леди подъ синимъ зонтикомъ, что м-ръ Гильсъ разбогатѣлъ, значительно разбогатѣлъ, и не только на этотъ счетъ не отсталъ отъ времени, но даже опередилъ его, несмотря на валлійскій парикъ, смѣнившій его сѣдые волосы. Дѣло въ томъ, видите ли, м-ръ Гильсъ положилъ когда-то свои деньги въ какой-то торговый домъ, и теперь только оказалось, что капиталъ его быстро пошелъ въ ходъ и быстро возрастаетъ до огромной суммы. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ леди подъ синимъ зонтикомъ. Достоверно то, что м-ръ Гильсъ не думаетъ больше объ отсутствіи покупателей съ кручиной и тоской. Веселый и довольный, съ очками на лбу и съ хронометромъ въ карманѣ, онъ бодро стоитъ у дверей магазина въ своемъ кофейномъ камзолѣ, и рѣдко туманная мысль набѣгаетъ на его чело.

Его другъ и товарищъ по торговлѣ, капитанъ Куттль, живетъ и цвѣтетъ такой коммерческой фантазійей, которая во сто кратъ лучше всякой дѣйствительности. Капитанъ, несомнѣнно, убѣжденъ, что юный мичманъ имѣетъ обширнѣйшее вліяніе на торговлю и мореходство всей Великобританіи, и ни одинъ корабль не можетъ оставить лондонскую гавань безъ его могучаго содѣйствія. Его наслажденіе при взглядѣ на свое собственное имя, которое красуется надъ дверьми магазина, доходитъ до высочайшей степени поэтического восторга. На день двадцать разъ перебѣгаетъ онъ широкую улицу, чтобы полюбоваться на золотыя буквы съ противоположной стороны, и при каждомъ изъ этихъ случаевъ неизмѣнно повторяетъ:

– Эдуардъ Куттль, другъ ты мой сердечный, если бы матушка твоя вѣдала да знала, что изъ тебя выйдетъ такой ученый человѣкъ, быть бы ей отъ радости на седьмомъ небѣ, право!

Но вотъ м-ръ Тутсъ съ буйной быстротой забирается въ предѣлы юнаго мичмана, и лицо м-ра Тутса рдѣетъ и пылаетъ, когда онъ вламывается въ маленькую гостиную.

– Капитанъ Гильсъ и м-ръ Сольсъ!.. охъ, какъ я счастливъ, господа! М-съ Тутсъ сдѣлала приращеніе къ нашей семьѣ... охъ!

– Это дѣлаетъ ей честь! – восклицаетъ капитанъ.

– Поздравляю васъ, м-ръ Тутсъ! – говоритъ Соль.

– Покорно благодарю, – отвѣчаетъ м-ръ Тутсъ, – премного вамъ обязанъ. Я зналъ, что вы обрадуетесь донельзя, и прибѣжалъ къ вамъ самъ. Мы успѣваемъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ. Флоренса, Сусанна и еще маленькій человѣкъ, гость этакій, вы знаете...

– Человѣкъ женскаго рода? – спрашиваетъ капитанъ.

– Ну да, капитанъ Гильсъ, и я ужасно радъ. Нѣтъ въ мірѣ женщины, которая была бы такъ экстраординарна, какъ моя жена. Это я имѣлъ честь повторять вамъ тысячу разъ. Кто другой, а Сусанна не ударитъ въ грязь лицомъ.

Обращаясь къ м-ру Тутсу, капитанъ восклицаетъ: "Во здравіе, спасеніе, долгоденствіе и благоплодородіе м-съ Тутсъ".

– Очень вамъ благодаренъ, капитанъ Гильсъ, – говоритъ восторженный м-ръ Тутсъ, – моя обязанность вторить благимъ чувствамъ. Если, господа, при настоящихъ обстоятельствахъ, я никого не беспокою, то мнѣ хотѣлось бы, знаете, закурить трубку.

И краснорѣчіе полилось потокомъ изъ откровеннаго сердца, когда трубка прикоснулась къ устамъ м-ра Тутса.

– Вотъ что, господа: мнѣ бы не пересчитать безчисленныхъ случаевъ, при которыхъ обнаружился необыкновенный умъ моей жены; но всего удивительнѣе въ ней совершенство, съ какимъ она поняла привязанность къ миссъ Домби. Вы, разумѣется, знаете, что мои чувства въ отношеніи миссъ Домби никогда не измѣнялись. Я на этотъ счетъ теперь такой же, какъ и прежде, и всегда. Миссъ Домби, въ моихъ глазахъ, такое же яркое видѣніе, радужный призракъ, точь-въ-точь какъ еще до знакомства съ лейтенантомъ Вальтеромъ. Когда я и м-съ Тутсъ начали разсуждать объ этой... ну, вы знаете, объ этой нѣжной страсти... Такъ вотъ, говорю я, когда мы первый разъ распространились объ этихъ предметахъ, я объяснилъ, что меня въ ту пору можно было назвать... ну, вы понимаете, увядшимъ цвѣткомъ.

Фигуральный оборотъ очень нравится капитану Куттлю, и онъ держится тѣхъ мыслей, что никакой цвѣтокъ не увядаетъ такъ скоро, какъ роза. Очень хорошо.

– Но вообразите мое изумленіе, – продолжалъ м-ръ Тутсъ, – она уже совершенно постигла мои чувства, лучше даже, чѣмъ я самъ! И оказалось, что мнѣ нечего было ей разсказывать. Она одна въ ту пору была единственнымъ въ мірѣ существомъ, которое стояло между мной и безмолвной могилой, и мнѣ никогда не забыть, съ какимъ чуднымъ искусствомъ она удержала меня надъ самой бездной. Она знаетъ, что изъ всѣхъ созданий въ мірѣ я ставлю выше всего миссъ Домби, знаетъ, что нѣтъ на землѣ такой вещи, на которую я бы не отважился ради миссъ Домби. Она знаетъ, что я считаю миссъ Домби прекраснѣйшимъ, очаровательнѣйшимъ ангеломъ изъ всѣхъ созданий ея пола. И какъ бы вы думали, что она замѣтила насчетъ всѣхъ этихъ вещей? Да вотъ что: "Вы правы, мой милый: я сама такъ думаю!"

– И я такъ думаю! – говоритъ капитанъ.

– И я! – вторитъ Соломонъ.

М-ръ Тутсъ снова набиваетъ трубку, и лицо его сіяетъ самодовольнымъ восторгомъ.

– И выходитъ, стало быть, что нѣтъ на свѣтѣ женщины наблюдательнѣе моей жены. Какой умъ! какая пронизательность! какія – Господи твоя воля! – какія соображенія! Не далѣе какъ вчера вечеромъ, когда мы сидѣли вмѣстѣ, наслаждаясь супружескимъ блаженствомъ... Клянись честию, это слово еще слишкомъ слабо выражаетъ мои чувства... не далѣе, говорю, какъ вчера вечеромъ, она сказала: "Какъ замѣчательно теперь настоящее положеніе друга нашего Вальтера! Вотъ онъ послѣ перваго продолжительнаго путешествія" – это все говоритъ моя жена – "совсѣмъ расквитался съ опасностями мореплаванія" – вѣдь это справедливо, м-ръ Сольсъ?

– Совершенно справедливо! – отвѣчаетъ старый инструментальный мастеръ, потирая руками.

– "И вотъ, лишь только онъ расквитался съ этими морскими опасностями", – это все, знаете, говоритъ моя жена, – "тотъ же торговый домъ удостоилъ его величайшаго довѣрія, назначивъ его на самый высокій постъ въ своей главной лондонской конторѣ. Всѣ и каждый видятъ въ немъ достойнаго молодого человѣка, и онъ быстро пойдетъ впередъ по коммерческой дорогѣ. Его любятъ, уважаютъ, и дядя слишкомъ кстати подоспѣетъ къ нему на помощь съ своимъ непредвидѣннымъ богатствомъ" – вѣдь это такъ, м-ръ Сольсъ? Вы разбогатѣли! Моя жена не ошибается никогда.

– Точно такъ, любезный другъ. Мои потерянные корабли, нагруженные золотомъ, благополучно прибыли домой, – отвѣчаетъ Соломонъ, улыбаясь и подмигивая капитану. – Ничтожная помощь, м-ръ Тутсъ, но все же она кстати для молодого человѣка.

– Именно такъ, – говоритъ м-ръ Тутсъ. – Вы видите, моя жена не ошибается никогда. Такъ вотъ въ такое-то замѣчательное положеніе поставленъ теперь счастливый другъ нашъ, лейтенантъ Вальтеръ. Что же отсюда слѣдуетъ? Ну, что слѣдуетъ? Вотъ теперь-то, господа, я покорнѣйше прошу васъ обоихъ обратить все свое вниманіе на неизмѣримуую пронизательность моей

жены. Вот что говорить м-сь Тутсъ: "На самых глазах м-ра Домби, подь его наблюдением и совѣтами основывается новое... новое... новое зданіе" – именно такъ она выразилась – "зданіе, которое, возвышаясь постепенно, со временемъ, быть можетъ, даже превзойдетъ знаменитый торговый домъ, представителемъ котораго онъ былъ такъ долго. Такимъ образомъ – это все говоритъ моя жена – изъ нѣдръ его дочери съ триумфомъ явится... Нѣтъ, она сказала, кажется – возникнетъ, – такъ точно – съ триумфомъ возникнетъ на свѣтъ новый "Домби и Сынъ", который будетъ процвѣтать цѣлыя сотни лѣтъ и доживетъ до самаго отдаленнаго потомства".

И м-ръ Тутсъ съ помощью своей трубки, чуднымъ образомъ приспособленной къ ораторскимъ эффектамъ, придаетъ такую торжественность сентенціи своей жены, что капитанъ, въ чаду изступленнаго восторга, бросаетъ на воздухъ свою лощеную шляпу и провозглашаетъ густымъ басомъ:

– Соломонъ Гильсъ, мужъ совѣта и разума, старый мой товарищъ! помнишь ты исторію Виттингтона, великаго лордъ-мера въ городъ Лондонъ?

– Помню, другъ мой, очень помню, – отвѣчаетъ старый инструментальный мастеръ.

– Такъ вотъ что я намѣренъ сказать, старый мой товарищъ, – говоритъ капитанъ, облокачиваясь на стулъ и настраивая горло къ гармоническимъ аккордамъ, – я пропою теперь отъ начала до конца балладу "О похожденияхъ любезной Пегги", а вы оба, други мои, держитесь крѣпче и подтягивайте хоромъ!

* * *

Другое вино старѣетъ въ душномъ погребѣ подобно знаменитой мадерѣ, дослославно окончившей свой вѣкъ, густая паутина съ пылью и пескомъ караулитъ новыя бутылки.

Прекрасные осенніе дни. На морскомъ берегу часто гуляютъ сѣдой джентльменъ и молодая леди. Съ ними, или подлѣ нихъ, двое дѣтей: мальчикъ и дѣвочка. Старая собака – неразлучный ихъ спутникъ.

Сѣдой джентльменъ гуляетъ съ мальчикомъ, разговариваетъ съ нимъ, помогаетъ ему играть, ухаживаетъ за нимъ, караулитъ его, какъ если бы въ немъ заключалась главная цѣль его жизни. Если мальчикъ задумчивъ, старикъ тоже. Иногда ребенокъ сидитъ подлѣ него, смотритъ ему въ глаза и спрашиваетъ; сѣдой джентльменъ беретъ маленькую ручку, любитъ и забываетъ отвѣчать. Тогда мальчикъ говоритъ:

– Что, дѣдушка? неужели я такъ похожъ на моего бѣднаго маленькаго дядю?

– Да, Павелъ. Но твой дядюшка былъ слабъ, а ты очень силенъ.

– О, да, я очень силенъ.

– И онъ лежалъ въ маленькой постели на этомъ берегу, а ты умѣешь бѣгать.

И въ доказательство своего умѣнья, мальчикъ прыгаетъ, рѣзвится, бѣгаетъ и ускользаетъ отъ объятій старика, который его догоняетъ.

Но никто, кромѣ Флоренсы, не знаетъ, до какой степени простирается привязанность старика къ ея дѣвочкѣ. Есть между ними какая-то таинственная связь, которую чувствуетъ даже само дитя. Онъ лелѣетъ ее на своей груди, прижимаетъ къ сердцу, не можетъ равнодушно видѣть ни малѣйшаго облачка на ея лицѣ, не можетъ вынести ея отсутствія ни на одну минуту. Случается, онъ встаетъ иной разъ въ глухую полночь и на цыпочкахъ подкрадывается къ ея постели, чтобы посмотреть, спокойно ли дитя. Ему нравится, когда она сама поутру вбѣгаетъ въ его спальню и будитъ его своей маленькой ручкой. Его безпрестанно тревожитъ мысль, – ошибочная мысль, что за этимъ ребенкомъ ухаживаютъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Однимъ словомъ, сѣдой джентльменъ влюбленъ въ нее всѣми силами, всѣми способностями своей души. Часто они играютъ и бесѣдуютъ одни, и ребенокъ спрашиваетъ по временамъ:

– Милый дѣдушка, отчего ты плачешь, когда цѣлуешь меня?

– Маленькая Флоренса! маленькая Флоренса!

Вотъ все, что отвѣчаетъ сѣдой джентльмень, разглаживая локоны на лицѣ обожаемой малютки.

Конецъ.

Год: 1848